ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

СЕРИЯ

ПОСВЯЩАЕТСЯ СТУДЕНТАМ,
КОТОРЫЕ СТРЕМЯТСЯ ЗНАТЬ!

Я хотел бы указать на ориентир для студентов, которым предстоит изучать современные психологические системы по учебнику Смита. Этот ориентир – *интеграция систем*.

Однако для плодотворной интеграции необходимо хорошо знать интегрируемые элементы. И в этом отношении учебник Ноэля Смита дает полную и объективную информацию всем желающим познакомится с важнейшими из *современных* психологических систем.

А. А. Алексеев,
профессор кафедры психологии развития
и образования РГПУ им. А. И. Герцена

Noel W. Smith

State University of New York at Plattsburg

CURRENT SYSTEMS IN PSYCHOLOGY

History, Theory, Research, and Applications

Wadsworth
Thomson Learning™

Australia • Canada • Mexico • Singapore • Spain
United Kingdom • United States

Ноэль СМИТ

СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

История, постулаты, практика

Санкт-Петербург
«ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК»
«Издательский дом Нева»
Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2003

ББК 88
УДК 159.9.019
С50

Права на перевод получены издательством «ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК» соглашением с Thomson Learning of Berkshire House.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Смит Н.

С50 Современные системы психологии./Пер. с англ. под общ. ред. А. А. Алексеева — СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. — 384 с. (Серия «Психологическая энциклопедия»)

ISBN 5-93878-082-9

В своем новаторском пособии Н. Смит сводит воедино все разнообразие теоретического научного наследия психологии XX–XXI веков, предоставляя тем самым ресурсы для сравнения силы и слабости, достоинств и недостатков всех современных систем психологии. Каждая новая глава книги посвящена одному из десяти самых влиятельных современных направлений: когнитивному, гуманистическому, психоаналитическому, бихевиоральному, экологическому, феноменологическому, постмодернистскому, диалектическому, интербихевиоральному и субъективистскому. Методологически четкий контур подачи материала — от исторического очерка к основным проблемам и далее от сравнительного анализа к оценочному комментарию и вкладу системы в общую психологическую копилку знаний — позволяет легко сравнить системы, определить свое собственное «место» в научном пространстве психологии и наметить направления практического применения полученных знаний.

Книга Н. Смита рекомендована слушателям и преподавателям факультетов психологии и философии вузов по курсам общей психологии и истории психологии, системных методов исследования и преподавания психологии.

НОЭЛЬ СМИТ

СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Научный редактор *А. Алексеев*
Художественный редактор *В. Шимкевич*
Компьютерная верстка *Ю. Нагаева*

ЛП № 000370 от 30.12.99.

Подписано в печать 13.09.2002. Формат 84 × 108 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. . Тираж экз. Заказ

«ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК». 195009, Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 41, офис 419, 421

Заказ на печать размещен через издательство «ОЛМА-ПРЕСС Инвест».
129075, Москва, Звездный бульвар, д. 23а, строение 10.
ИД № 05761 от 04.09.01

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме «Красный пролетарий».
103473, Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16.

© Wadsworth, a division of Thomson Learning. Thomson Learning is a trademark used herein under license. All rights reserved. 2001
© Перевод на русский язык: Миронов Н., Рысев С., 2002
© Серия, оформление. ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003
© ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003

ISBN 5-93878-082-9
ISBN 0-8304-1484-8 (англ.)

Содержание

Предисловие 15
Предисловие научного редактора 16
Предисловие 18
ЧАСТЬ 1. ВВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИИ 20
Глава 1. Введение 21
Что такое система? 22
Десять и еще шесть систем 22
Организация книги 23
Главы 1 и 2: Начало 23
Главы с 3 по 13: Четыре категории систем 23
Глава 14: Ретроспектива 23
Организация глав 23
Системы постулатов 24
Глава 2. Исторические основания и логика науки 26
Исторические основания 27
От охотников-собирателей к классической Греции и натурфилософии 27
Психология классической Греции: натурализм без анимизма 30
Эллинистическая Греция и психофизический дуализм 34
Параллели с Индией 40
Упадок Римской империи и возрождение науки 42
Экспериментальная психология и классические школы: борьба с дуализмом 55
Резюме и выводы 61
Логика науки 63
Конструкты против событий 63
Дуализм «душа—тело» 70
Редукционизм 74
Личная сфера и субъективность 78
Познаваемость 78
Аналогии 80
ЧАСТЬ 2. ОРГАНОЦЕНТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ 82
Глава 3. Когнитивная психология: Ментализм, компьютерные аналогии и удвоение мира 83
Введение 84
Раннее развитие и некоторые рассматриваемые вопросы 85

Бихевиоризм и когнитивизм ... 85
Некоторые ранние достижения когнитивной психологии ... 86
Концепции, проблемы и исследования ... 87
Три теоретических подхода к репрезентациям ... 88
Память ... 92
Семантические сети ... 96
Продукционные системы ... 97
Психолингвистика ... 97
Искусственный интеллект ... 98
Когнитивная нейронаука ... 99
Новые тенденции ... 101
Имплицитные постулаты ... 102
Психотерапия ... 103
Сопоставление с другими подходами ... 105
Анализ поведения ... 105
Гуманистическая психология ... 105
Интербихевиоральная психология ... 105
Оперантный субъективизм ... 106
Феноменологическая и экзистенциальная психология ... 106
Психоанализ ... 107
Критика ... 107
Контекст против неестественных экспериментальных заданий ... 107
Факторы развития и социальные факторы ... 107
Компьютерный мозг ... 108
Когниция как управляющий фактор ... 109
Эвристики ... 109
Репрезентационизм ... 110
Разум или поведение ... 110
Отсутствие единства ... 111
Операциональные определения и гипотетико-дедуктивный метод ... 111
Процедуры логического вывода в науке ... 112
Теория и методология ... 112
Критика и контркритика ... 113
Выводы ... 113
Глава 4. Гуманистическая психология: смысл, внутренняя реальность и самокаузальность ... 115
Введение ... 116
Развитие и некоторые вопросы ... 116
Начальный этап и основные принципы ... 116
Трансперсональная психология, контркультура и «Нью Эйдж» ... 120
Будущее гуманистической психологии ... 121

Полуэксплицитные постулаты ... 122
Исследования ... 122
Контролируемые исследования ... 123
Качественные исследования ... 124
Неопубликованные диссертации ... 126
Области практического применения ... 126
Образование ... 126
Промышленность и организации ... 128
Психотерапия ... 128
Терапия актуализирующегося потенциала ... 128
Терапия становления ... 130
Законны ли притязания гуманистической психологии на спорные психотерапевтические территории? ... 131
Сопоставление с другими подходами ... 132
Анализ поведения ... 132
Когнитивная психология ... 133
Феноменологическая и экзистенциальная психология ... 133
Оперантный субъективизм и Q-методология ... 134
Психоанализ ... 134
Критика ... 134
Социальные и средовые условия ... 134
Передача личного опыта ... 135
Сфера образования ... 135
Теория самоактуализации ... 136
Дуализм «душа—тело» ... 138
Вопрос о локусе причинности ... 139
Безусловное подкрепление в противовес условному ... 139
Негативные формы поведения и другие критические замечания ... 139
Сильные стороны гуманистической психологии ... 139
Выводы ... 140
Глава 5. Психоанализ: кардинальный отход от Фрейда ... 142
Введение ... 143
Теоретическое развитие ... 143
Начальная ортодоксия и отступления от нее первого поколения аналитиков ... 143
Отступления от ортодоксии второго поколения аналитиков ... 145
Другие отступления: теория объектных отношений ... 147
Кризис теории? ... 155
Полуэксплицитные постулаты ... 156
Исследования ... 157
Изучение случаев ... 157

Q-метод ... 158
Эксперименты ... 158
Приложения ... 160
Психотерапия ... 160
Сопоставление с другими подходами ... 161
Анализ поведения ... 161
Диалектическая психология ... 161
Гуманистическая психология ... 161
Интербихевиоральная психология ... 161
Оперантный субъективизм ... 162
Социальный конструкционизм ... 162
Критика ... 162
Внешняя критика в сравнении с внутренней ... 162
Внешняя критика Фрейда ... 162
Психоанализ действий Шефера ... 164
Выводы ... 164
ЧАСТЬ 3. ЭНВАЙРОЦЕНТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ... 166
Глава 6. Анализ поведения: от оперантного обусловливания к поведенческой терапии и поведению, определяемому правилами ... 167
Введение ... 168
Основные положения ... 168
Раннее развитие и некоторые вопросы ... 170
Вербальное поведение ... 172
Концептуальные вопросы ... 174
Вопрос контроля ... 174
Разум и мозг ... 175
Теория и метатеория ... 176
Гипотетическая дедукция в противовес эмпирической индукции ... 177
Механицизм в противовес контекстуализму ... 177
Имплицитные постулаты ... 177
Сферы практического применения ... 178
Поведенческая терапия ... 181
Сопоставление с другими подходами ... 183
Когнитивная психология ... 183
Эко-бихевиоральная психология ... 184

Интербихевиоральная психология ... 185
Феноменологическая психология ... 186
Критика ... 187
Области практического применения ... 187
Выступление Кантора перед специалистами по анализу поведения ... 187
Сборник критических статей ... 187
Эффекты подкрепления ... 189
Ошибочные представления об анализе поведения ... 189
Критика основного направления психологии со стороны анализа поведения ... 189
Выводы ... 190
Глава 7. Эко-бихевиоральная наука /экологическая психология: прогнозируемые паттерны во взаимодействии между людьми и физическим окружением ... 191
Введение ... 192
Основные положения о поведенческих сеттингах ... 192
Устойчивые паттерны поведения ... 192
Синоморфы ... 192
Окружающая среда ... 193
Определение поведенческого сеттинга ... 193
Схемы или механизмы управления ... 193
Раннее развитие ... 195
Начало ... 195
Поток индивидуального поведения ... 195
Поведенческие эпизоды и содержание поведения ... 195
Последствия ... 196
Некоторые вопросы ... 196
Мир хаоса против регулярности ... 196
Несоизмеримость блоков ... 197
Трансдьюсеры и операторы ... 198
Распределение и таксономии поведения ... 198
Проблемы и теории в противовес событиям и отказу от теории ... 199
Тематика эко-бихевиоральной науки ... 199
Полуэксплицитные постулаты ... 199
Исследования ... 200
Теория «комплектации»: переукомплектованность и недоукомплектованность ... 200
Поведенческий сеттинг ... 203
Оптимизация исследований и самоотчеты ... 206
Вмешательство ... 206
Области практического применения ... 206
Сопоставление с некоторыми другими подходами ... 206

Анализ поведения ... 206
Интербихевиоральная психология ... 207
Оперантный субъективизм ... 207
Критика ... 207
Выводы ... 208
ЧАСТЬ 4. СОЦИОЦЕНТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ... 209
Глава 8. Постмодернизм и социальный конструкционизм: равноценность науки и мифологии; полная относительность истины ... 210
Введение ... 211
Развитие и некоторые вопросы ... 211
Постмодернизм ... 211
Социальный конструкционизм ... 214
Полуэксплицитные постулаты социального конструкционизма ... 220
Исследования ... 221
Психотерапия ... 222
Принципы ... 222
Кто руководит процессом? ... 223
Кто обладает знанием? ... 223
Некоторые процедуры ... 224
Семейная терапия ... 224
Постмодернистская терапия и академическая психология ... 226
Области практического применения ... 226
Соспоставление с другими подходами ... 226
Когнитивная психология ... 226
Интербихевиоральная психология ... 227
Оперантный субъективизм ... 227
Феноменологическая психология ... 227
Психоанализ ... 228
Критика ... 228
Использование логики с целью дискредитации логики ... 228
Использование эмпиризма с целью дискредитации эмпиризма ... 229
Какие события принимаются во внимание? ... 229
Точка опоры ... 229
Вопрос релятивизма ... 229
Редукционизм и удвоенный мир ... 231
Постмодернизм против физических и биологических наук ... 232
Влияние на систему образования ... 234
Модификации конструкционизма ... 235
Выводы ... 236

ЧАСТЬ 5. ДЕЦЕНТРИЧЕСКИЕ ИЛИ ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНО-КОНТЕКСТНЫЕ СИСТЕМЫ 238

Глава 9. Диалектическая психология: Конфликт и противоречие как основополагающий принцип изменения 239

Введение 240

Раннее развитие и некоторые проблемы 241
- Китайские диалектики 241
- Диалектический идеализм 242
- Диалектический материализм 242
- Российская антидиалектика 242

Диалектическая психология в Китае 243

Диалектическая психология в США 244

Полуэксплицитные постулаты 246

Исследования 247

Психотерапия 248
- Принципы 248
- Процедуры Линехана 248
- Процедуры Омера 249

Отношение диалектики к другим системам 250
- Анализ поведения 250
- Когнитивная психология 250
- Гуманистическая психология 251
- Интербихевиоральная психология 251
- Оперантный субъективизм 251
- Феноменологическая и экзистенциальная психология 251
- Психоанализ 251

Критика 252

Выводы 253

Глава 10. Интербихевиоральная психология: событийное поле наблюдаемых взаимодействий вместо допущений о душе и мозге 254

Введение 255

Основные положения и вопросы 255
- Интербихевиоральное поле 255
- Некоторые импликации данной системы 262

Система эксплицитных постулатов 266

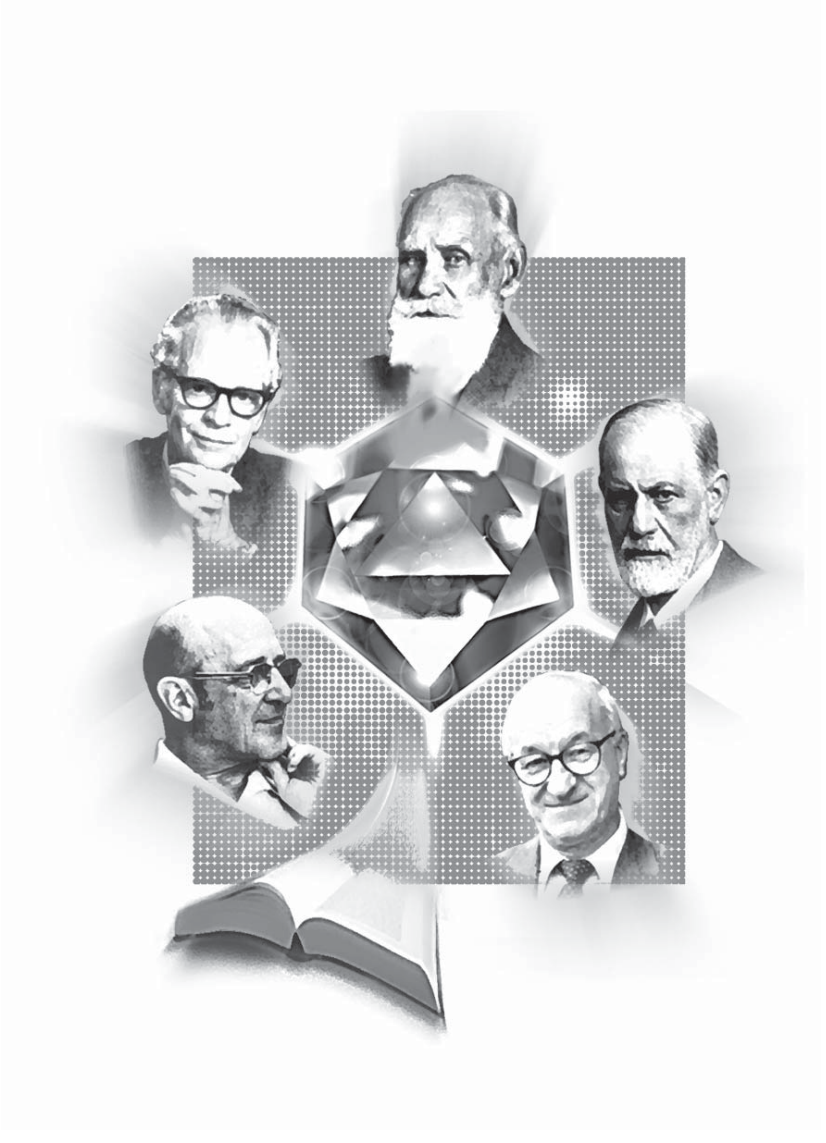
Исследования 267

Множественные меры взаимозависимости ... 268
Факторы сеттинга ... 268
Интеракциональная история ... 269
Явные и скрытые интеракции ... 269
Функции стимула в решении задач ... 269
Лингвистические интеракции ... 270
Приложения ... 271
Управление бизнесом и космическая программа ... 271
Образование ... 271
Психотерапевтические приложения ... 273
Клиническая психология ... 274
Требования к клинической психологии ... 274
Система психопатологии Кантора ... 276
Интербихевиоральное описание клинических случаев ... 276
Сопоставление с другими подходами ... 277
Анализ поведения ... 277
Когнитивная психология ... 277
Диалектическая психология ... 278
Оперантный субъективизм ... 278
Феноменологическая психология ... 278
Социальный конструкционизм ... 278
Критика ... 279
Выводы ... 280
Глава 11. Оперантный субъективизм: объективность субъективности ... 281
Введение ... 282
Основные положения и вопросы ... 283
История развития системы ... 283
Научная ориентация ... 284
Q-метод ... 286
Сравнение вопросников и оценочных шкал с Q-методологией ... 287
R против Q ... 289
Коммуникабельность ... 292
Рассмотрение единичных случаев и проблема обобщения ... 293
Имплицитные постулаты ... 296
Исследования ... 297
Сферы практического применения ... 298
Клиническая психология ... 298
Сопоставление с другими подходами ... 300

Когнитивная психология ... 300
Гуманистическая психология ... 301
Интербихевиоральная психология ... 301
Феноменологическая психология ... 302
Постмодернизм и социальный конструкционизм ... 302
Критика ... 302
Выводы ... 302
Глава 12. Феноменологическая психология: смысл, сознание и связь с миром ... 304
Введение ... 305
Становление и некоторые вопросы ... 305
Французская ветвь ... 308
Мерло-Понти ... 308
Сартр ... 311
Феноменологическая психология в США ... 312
Имплицитные постулаты ... 313
Исследования ... 313
Психотерапия ... 315
Сопоставление с другими подходами ... 318
Анализ поведения ... 318
Когнитивная психология ... 318
Диалектическая психология ... 318
Гуманистическая психология ... 318
Интербихевиоральная психология ... 319
Оперантный субъективизм ... 320
Постмодернизм и социальный конструкционизм ... 320
Критика ... 320
Выводы ... 322
ЧАСТЬ 6. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДРУГИХ СИСТЕМ ... 323
Глава 13. От общества к вероятностям: шесть систем ... 324
Общественная психология ... 325
Прямой реализм ... 326
Экологическое восприятие/Экологический реализм/ Экологическая психология ... 328
Энвайронментальная психология ... 330
Эволюционная психология ... 332

Вероятностно-эпигенетическая психология ... 333
ЧАСТЬ 7. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОБЗОР ... 338
Глава 14. Оглядываясь назад и подводя итоги ... 339
Причинность и системы психологии ... 340
Характеристики каждой категории причинности ... 341
Органоцентризм ... 341
Энвайроцентризм ... 342
Социоцентризм ... 343
Нонцентризм ... 344
Краткая сводка ... 345
Критерии научных конструктов ... 346
Методология ... 346
Выводы ... 347
ЧАСТЬ 8. ПРИЛОЖЕНИЕ ... 349
Постулаты рассматриваемых в книге психологических систем ... 349
Органоцентрические системы ... 350
Имплицитные постулаты когнитивной психологии (Г. Саймон: глава 3) ... 350
Полуэксплицитные постулаты гуманистической психологии (А. Маслоу: глава 4) ... 350
Полуэксплицитные постулаты психоанализа (Р. Шефер: глава 5) ... 351
Энвайроцентрические системы ... 351
Имплицитные постулаты анализа поведения (Б. Ф. Скиннер, глава 6) ... 351
Полуэксплицитные постулаты эко-бихевиоральной науки (Р. Баркер: глава 7) ... 352
Социоцентрические системы ... 352
Полуэксплицитные постулаты социального конструкционизма (К. Герген: глава 8) ... 352
Нецентрические системы ... 353
Полуэксплицитные постулаты диалектической психологии (К. Ригель: глава 9) ... 353
Эксплицитные постулаты интербихевиоральной психологии (Дж. Р. Кантор: глава 10) ... 353
Имплицитные постулаты оперантного субъективизма (У. Стефенсон: глава 11) ... 354
Имплицитные постулаты феноменологической психологии (М. Мерло-Понти: глава 12) ... 355
Предметный указатель ... 356
Русские переводы литературных источников ... 367
Литература ... 368

ПРЕДИСЛОВИЕ



ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

В предисловии к этой уникальной, в определенном смысле, книге я не буду пытаться кратко пересказывать или анализировать ее основное содержание, как это обычно принято, тем более что сам автор, Ноэль Уилсон Смит, сжато и точно изложил цели, задачи, основные идеи и структуру написанного им капитального труда в собственном предисловии. Мне же хочется поделиться впечатлением от знакомства с этой книгой и теми чувствами, надо сказать, противоречивыми, которые возникали у меня в процессе ее чтения.

Книга посвящена сравнительно-аналитическому описанию *современных* систем психологии или, говоря иначе, положению дел в теории психологии на сегодняшний день. Профессиональным психологам хорошо известно, что количество статей и монографий, посвященных этой обширной теме, таково, что даже для беглого знакомства с ними не хватит человеческой жизни. Студенты же вообще оказываются в безвыходном положении. Пуститься в плавание по этому безбрежному морю литературы без специальной подготовки — значит потерпеть крушение уже у самого берега, навсегда потеряв интерес и желание разбираться в головоломных построениях теоретиков от психологии. Именно в этом кроется одна из причин тяги молодежи к психологической практике и пренебрежения к теории. Исправить это положение крайне трудно.

Ноэль Смит поставил себе задачу облегчить студентам знакомство с развитием теоретической психологической мысли в период после 1950-х годов – и с этой целью написал учебник! Честно говоря, мне трудно было представить себе, что вообще можно написать учебник (или хотя бы учебное пособие) по такому предмету, как современные системы психологии. И когда мне в руки попала книга Смита, я еще не верил, что она посвящена действительно современным системам, полагая, что придется опять читать про Фрейда, Уотсона, Павлова и т. д. Однако, начав читать, я уже не мог отложить эту книгу в сторону, пока не дочитал до конца. Разумеется, мною двигал профессиональный интерес человека, занимающегося преподаванием психологии уже почти 30 лет, и именно с этих позиций я пытался оценить работу Смита. Искренняя радость от того, что такая книга наконец появилась, и белая зависть (вместе с сожалением, что она появилась, увы, за океаном, а не в России) — именно эти чувства возникли у меня первыми, вероятно, повлияв на мое решение рекомендовать издательству "прайм-ЕВРОЗНАК" подготовить перевод книги Смита и издать ее для российских студентов-психологов.

Смит выбрал для своего учебника 16 современных психологических *систем*, понимая под психологической системой логическую конструкцию, построенную на основе эксплицитных или имплицитных постулатов и служащую для целостного и согласованного рассмотрения данных и теорий, касающихся предмета изучения. Помимо таких относительно известных у нас систем, как психоанализ, когнитивная психология и гуманистическая психология, Смит подробно рассматривает менее знакомый российским читателям анализ поведения Б. Ф. Скиннера и, что крайне важно, почти совершенно неосвещенные в нашей литературе системы: эко-бихевиоральную науку Р. Баркера, интербихевиоральную психологию Дж. Р. Кантора, оперантный субъективизм (Q-методологию) У. Стефенсона, социальный конструкционизм К. Гергена, феноменологическую психологию Мерло-Понти и целый ряд других подходов. Смит сетует, что в американских университетах студенты не получают достаточной информации об этих современных системах, и потому лишены возможности сделать информированный выбор (понятие, которому Смит придает особое значение в подготовке специалиста-психолога). Вряд ли нужны комментарии по поводу информированности наших студентов о перечисленных здесь системах психологии. Поэтому издание учебника Смита в русском переводе представляется мне весьма своевременным и полезным делом.

Еще одной привлекательной особенностью книги Смита, написанной для студентов и, как мне кажется, с любовью к ним, служит ее занимательность. Казалось бы, что может быть занимательного в «сухой теории»? Действительно, зрелому профессионалу, экономящему время, не нужна «лирика», ему достаточно строгого логического анализа теоретических положений той или иной системы. Другое дело студенты, которых недостаточно информировать, а нужно еще и увлечь, чтобы сообщаемая информация не ушла как вода в песок. Смит нашел очень удачный метод изложения, увязывая теоретические вопросы с историческим контекстом, персоналиями и, главное, с *практическими приложениями* каждой теоретической системы, в частности, в образовании и психотерапии. Кроме того, обсуждаются научные исследования, выполненные в рамках рассматриваемых систем. Весь этот тщательно подобранный конкретный материал (занимающий изрядный объем книги) делает изложение живым, ярким и понятным. Редко кому удается написать большую книгу ровно. Смиту это почти удалось, но все же приходится употребить это «почти» в связи с самой короткой и, на мой взгляд, наименее удачной главой, посвященной диалектической психологии. Как известно, американская почва неблагоприятна для диалектики, и американские психологи не жалуют диалектический метод (Клаус Ригель, немец по происхождению, был в США единственным исключением, можно даже сильнее сказать – «белой вороной»). Видимо, этим отчасти объясняется недостаточно глубокое (по сравнению с рассмотрением других систем) изложение состояния диалектической психологии, развивающейся главным образом за пределами Соединенных Штатов. Смиту неизвестны российские диалектики, кроме одного — В. И. Ленина

(вот они, стереотипы, в действии!), да и в Китае его внимание привлек не кто иной, как Мао Цзе Дун (хотя китайским психологам все же больше повезло, чем российским, ибо их хотя бы упоминают). Жаль, конечно, что система С. Л. Рубинштейна не попала в поле зрения Смита, но, в отличие от американцев, нам исправить это намного легче. Поэтому отмеченный мной единственный недостаток не портит общего — крайне благоприятного — впечатления от книги Смита, содержащей полное и объективное изложение как раз тех теоретических систем, сведения о которых в нашей литературе отсутствуют.

Если же говорить о *психологических* системах уже не в плане дидактики, а с точки зрения интересов самой психологии как науки, книга Смита свидетельствует о том, что психология вошла в XXI век в состоянии теоретического кризиса. Смит насчитал 16 современных систем, хотя не все, вероятно, согласятся с этим и захотят, к сожалению, добавить к ним еще какое-то число. К сожалению потому, что чем строже и точнее наука, тем меньше в ней систем. Как известно, в психологии все вращается вокруг одной оси — психофизической (и психофизиологической) проблемы. Все это многообразие систем порождено попытками разрешить (или обойти) эту проблему. Отсюда два полюса притяжения — душа (психика, разум и т. д.) и поведение (нервная деятельность, нейронная активность и т. д.), — к которым устремлены большинство внятно сформулированных систем. Ноэль Смит, как мне показалось, отдает предпочтение полюсу поведения (точнее, интерповедения или взаимодействия), делая свой информированный выбор. Опять же мне показалось, возможно, в силу того, что мой информированный выбор в большей степени связан с другим полюсом, будто критика в адрес систем, тяготеющих к конструкту «разума» («ментальных репрезентаций», «Я» и т. д.), звучит более остро и язвительно, чем в отношении поведенческих систем, которым Смит (неявно) симпатизирует и с которыми связывает будущее психологии. Чтобы скорректировать этот акцент, необходимо сказать несколько слов в защиту так называемого «ментализма».

Вообще говоря, нет особых оснований считать бихевиоризм (в любой его форме) путем выхода психологии из теоретического кризиса, ибо поведение биологических организмов изучает биология, а поведение социальных организмов — социология, и вряд ли эти две дисциплины отдадут свои владения какой-то психологии. Психика (как бы ее не называли) остается предметом психологии, иначе нужно менять название, как это честно сделал Роджер Баркер, назвав свою систему эко-бихевиоральной наукой. Используемая в англоязычной, особенно в американской психологии уловка, состоящая в том, чтобы называть поведение или развитие психологическим, а не психическим (смысл — поведение или развитие, изучаемое психологией), ничего не меняет. Аналогией может служить определение интеллекта: интеллект — это то, что измеряют тесты интеллекта. «Каким образом материя мозга производит субъективные явления?» – вопрос Ивана Петровича Павлова, весьма авторитетного среди бихевиористов ученого, остается без ответа. На мой взгляд, время построения «чистопородных» психологических систем прошло. Если бы кто-то попытался, например, объединить предложенное интербихевиористом Дж. Р. Кантором понятие сеттинга с понятием динамического стереотипа, сформулированным Павловым, — т. е. экологию с нейродинамикой, возможно наука о поведении сделала бы еще один шаг по пути к объективной науке о субъективности.

С другой стороны, когнитивную психологию, которая ближе других направлений к строгому (экспериментальному) изучению психики, стало модно обвинять в том, что она оперирует такими фикциями, как «умственные репрезентации», «обработка информации», «нервные сети» и т. д. Однако, согласно развитой Файхингером философии «как если бы», фикции могут играть крайне важную роль на определенных этапах познания, и с этим трудно не согласиться, вспомнив хотя бы о Зигмунде Фрейде. В данном случае фикции когнитивистов играют роль связующих звеньев между описательной, феноменологической психологией и строгими науками (включая математику). Психика — свойство материи, причем высокоорганизованной материи, и ее объективное изучение требует применения объективных научных методов, используемых для изучения свойств материи. В самой психологии таких методов практически нет, и потому союз с естественными и техническими науками для нее крайне важен на данном этапе развития. Возражения против применения в психологии методов точных наук обычно раздаются со стороны психологов, не имеющих достаточной физико-математической подготовки, чтобы адекватно судить о плюсах и минусах этих методов.

Затронув эти два вопроса, я хотел лишь указать (большее в рамках предисловия невозможно) на несколько иной ориентир для студентов, которым предстоит изучать современные психологические системы по учебнику Смита. И этот ориентир — *интеграция систем*, а не простой, хотя бы и информированный, *выбор* из рассматриваемых альтернатив. XXI век, скорее всего, будет эпохой прогресса комплексных дисциплин, таких как, например, активно развиваемая в США психонейроэндокриноиммунология (psychoneuroendocrinoimmunology) — самое длинное слово в английском языке на данный момент и яркий пример интегративных тенденций, захватывающих психологию. Однако для плодотворной интеграции необходимо хорошо знать интегрируемые элементы, и в этом отношении учебник Ноэля Смита дает полную и объективную информацию всем желающим познакомиться с важнейшими из современных психологических систем.

Профессор кафедры психологии развития
и образования РГПУ им. А. И. Герцена
А. А. Алексеев
08. 08. 2002 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читая на протяжении нескольких лет студентам старших курсов лекции по такому предмету, как «история и современные системы психологии», я постоянно пытался найти учебник, отражающий современное состояние психологической мысли. Однако в тех многочисленных изданиях, заглавия которых практически совпадали с названием преподаваемого мною курса, период развития психологии после 1950-го года освещался крайне скудно. Основное внимание в такого рода изданиях уделяется системам психологии, которые я называю классическими и в число которых входит структурализм Титченера, Чикагская школа функционализма, гештальт-психология, ассоцианизм, а также бихевиоризм от Уотсона до Халла. Хотя в этих книгах обсуждаются классические фигуры психоанализа, в них ничего не говорится о современных представителях этого направления. Таким образом, основное изложение охватывает период, заканчивающийся приблизительно серединой XX столетия. Описание более позднего периода развития психологии, как правило, ограничивается отдельными частями глав, посвященных скиннеровскому анализу поведения, развитию некоторых идей когнитивной психологии, а также несколькими параграфами, посвященными таким представителям гуманистической психологии, как Маслоу или Роджерс; иногда в них можно встретить упоминания еще одного-двух направлений. При этом мне нигде не удалось найти развернутого описания многочисленных систем, появлением которых характеризуется современный этап развития психологии.

Основная проблема автора, пытающегося осветить все многообразие современных психологических систем, состоит в том, что нет такого человека, который являлся бы экспертом в каждой из них. Большинство ученых посвящают свою научную карьеру какой-либо одной системе, а нередко лишь тому или иному разделу отдельно взятой системы. Это означает, что попытка написать подобный труд, предпринятая профессионалом, неизбежно влечет за собой погрешности, выражающиеся как в недостатке, так и в избытке внимания, уделяемого тем или иным системам. Во многих случаях я мог найти первоисточники только благодаря ссылкам, содержащимся во вторичных источниках, которые практически никогда не содержат ссылок на последние работы, появившиеся в рамках соответствующего направления. Пытаясь хотя бы отчасти устранить эту проблему, я также пользовался постоянно обновляемыми базами данных, однако они, как правило, не отличаются полнотой, а мою практику поиска с помощью таких информационных средств, по-видимому, нельзя назвать ни особенно эффективной, ни особенно успешной. В результате я, несомненно, упустил из виду ряд важных источников, не говоря уже о том, что мне не удалось вполне адекватно осветить и систематизировать всю собранную мной информацию. Нередко проблема заключалась не в недостатке информации, а в ее избытке: некоторые системы с информационной точки зрения практически необъятны, так что, пожалуй, даже специалист не может претендовать на исчерпывающее знакомство с ними. В таких случаях мне приходилось самому решать, какие источники могут представлять наибольший интерес, а подобный выбор никогда не может быть безупречным; даже малоизвестные работы могут содержать ценную информацию, а ведь их легче всего упустить из виду или не придать им должного значения.

Если проблема, состоящая в том, чтобы объять необъятную по количеству литературу, является достаточно распространенной, то проблема, связанная с невозможностью уйти от субъективности и личных предпочтений, является просто неизбежной. Данная проблема находит свое выражение в вопросе выбора — что исключить, а что — оставить; в расположении материала; в объеме, который отводится каждой из тем, а также в том, что называют «ориентационной необъективностью» (связанной с тем, каким образом автор разграничивает между собой теоретические конструкции и наблюдаемые факты, — см. дальше). Авторы редко предупреждают читателя о несовершенствах написанных ими работ. Так, современные учебники по психологии изобилуют ссылками на «обработку информации», однако авторы, как правило, не указывают на то, что процесс, обозначаемый данным термином, представляет собой теоретическую конструкцию, а не наблюдаемый феномен. Разумеется, авторы не предлагают никаких альтернатив описываемым ими теоретическим конструкциям. Аналогичным образом в психологической литературе встречаются ссылки на «данные органов чувств», «биологическую основу поведения», «церебральные механизмы хранения информации», «центры порождения речи», «нейронные сообщения и нейронные сигналы», «ключевые признаки», «психические процессы» и множество других теоретических конструктов, которые описываются так, как будто они являются частью наблюдаемого физического мира. (На с. 63–64 второй главы я уделяю специальное внимание проблеме разграничений между теоретическими конструктами и событиями.) Вполне возможно, что по количеству завуалированных источников необъективности психология занимает в ряду научных дисциплин первое место.

После такого признания я обязан поставить читателя в известность относительно своих собственных пристрастий. Их суть сводится к тому, что я обозначаю достаточно широким термином «контекстуальный интеракционизм» (Smith, 1973). Иными словами, то, что я называю психологическим событием, я рассматриваю как взаимодействие между организмом (субъектом) и объектом, имеющее место в специфическом контексте. К такого рода взаимодействиям относятся, в частности, восприятие, мышле-

ние, воображение, научение и приобретение знания. Благодаря наличию контекста, психологическое событие не может быть сведено к биологическим, химическим или физическим процессам, хотя все они также в полной мере участвуют в таком событии. Различные компоненты, участвующие в психологическом событии, содержат в себе потенциал, или реализационные факторы, обеспечивающие переход на более высокий уровень организации обстоятельств, из которых складывается психологическое событие. Любое изменение, вторгающееся в цепь таких сопутствующих событий — перелом ноги, повреждение мозга, непредвиденная ситуация, — способно полностью изменить характер психологического события. При таком взгляде противопоставления: «душа—тело», «мозг—поведение», или «поведенческий—когнитивный» перестают быть актуальными, как если бы мы допустили, что имеем дело с «пустым» организмом (считая, что биологических факторов не существует). Ни внутренние факторы (мозг, разум, познавательная деятельность), ни внешние (окружающая среда) не рассматриваются при этом как причинные.

Причинность не находится *снаружи* либо *внутри*, но *охватывает взаимодействие в целом, включая контекст*. Данный подход в той или иной степени присущ системам, рассматриваемым в разделе V (главы 9–12). Помимо контекстуального интеракционизма мне в высшей степени импонирует также ряд отдельных положений других систем, хотя некоторые их отличительные особенности я не нахожу столь же привлекательными.

Пытаясь держать свои личные предпочтения под контролем, я, тем не менее, без колебаний приводил точки зрения контекстуально-интеракционного подхода в качестве альтернативы традиционным психологическим взглядам; это прежде всего касается второй части второй главы. При этом следует заметить, что сами сторонники традиционных взглядов на психологию крайне редко приводят точку зрения данного подхода на рассматриваемые ими проблемы, тем самым лишая читателя возможности информированного выбора [термин включен в указатель].

Я уделял внимание каждой из рассматриваемых мною систем в соответствии со своим уровнем ее понимания и пытался представить каждую из них преимущественно с точки зрения сторонников соответствующей системы. В тех частях глав, которые посвящены критике, я обычно предоставлял слово другим, хотя иногда и добавлял собственные оценки. Заключительная часть каждой главы отражает в основном мою собственную точку зрения относительно достижений либо возможных перспектив развития соответствующей системы.

Я благодарен тем своим коллегам и студентам, которые прочли фрагменты рукописи настоящей работы и внесли предложения по ее улучшению. Мне приятно назвать такие имена, как Чарльз Бэкстер, Стэфен Браун, Деннис Делпрато, Кэти Данхэм, Джеймс Хэррик, Паркер Лихтенштейн, Пол Маунтджоу, Гретхен Сэндо, Мэрлин Смит и Уильям Туки.

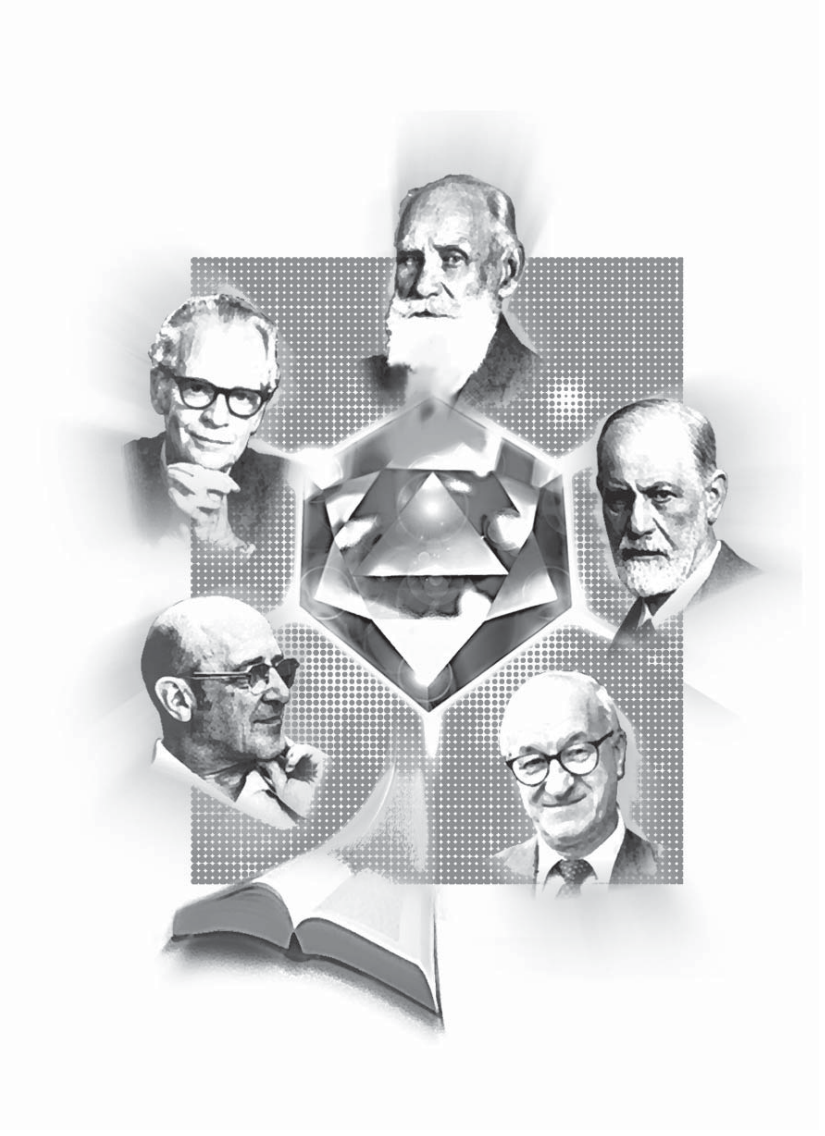
Я буду рад услышать конкретные предложения, касающиеся дальнейших улучшений этой книги, от студентов, преподавателей и всех читателей, надеясь на то, что данная работа, возможно, выйдет во втором издании.

Н. У. Смит
Факультет психологии
Университета штата Нью-Йорк,
Платтсбург

N. W. Smith
Department of Psychology
State University of New York
Plattsburgh, NY 12901
e-mail: nwsmith@plattsburgh.edu

ЧАСТЬ 1

ВВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИИ



ГЛАВА 1

ВВЕДЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ СИСТЕМА?

Эта книга посвящена системам психологии. Но что представляет собой система?

Почти сорок лет назад Мелвин Маркс (Melvin Marx, 1963) предложил два определения, которые не утратили своего значения до сих пор: система «в общих чертах указывает в рамках психологии кластер теоретических положений и методологических уклонов (biases) (например, бихевиоризм, психоанализ)» (p. 9) или состоит в «организации и интерпретации данных и теорий о предмете изучения с акцентом на частной методологии (метатеория) и рабочих предположениях (постулаты)» (p. 43). Оба определения указывают на центральную роль теории и методологии. К этому я бы добавил, вслед за более ранним автором (McGoech, 1933), что системы должны отличаться согласованностью и единством. Все системы, включенные в эту книгу, имеют теоретическую ориентацию, а большинство из них обладают согласованностью и единством. Наиболее ярким исключением является когнитивная психология, которая, тем не менее, также содержит ряд общих тем. Что касается методологии, некоторые системы, такие как диалектическая и интербихевиоральная психология, являются эклектичными; однако большинство использует одну или ограниченную группу методологий (см. главу 14).

Указание Маркса на постулаты во втором определении также имеет большое значение и будет рассмотрено далее в данной главе. Лихтенштейн (Lichtenstein, 1967), определяя научную систему как «каркас или леса, позволяющие ученому организовать свои данные упорядоченным и осмысленным образом» (p. 233), вслед за Марксом и Мак-Гоком (McGoech) подчеркивает роль организации — однако он указывает прежде всего на то внимание, которое система уделяет организации наблюдений.

В данной книге под психологической системой понимается упорядоченная и логическая конструкция, служащая для целостного и согласованного рассмотрения данных и теорий, касающихся предмета изучения; она использует набор постулатов (даже если они являются имплицитными) и, как правило, единственную методологию.

ДЕСЯТЬ И ЕЩЕ ШЕСТЬ СИСТЕМ

Я выбрал десять современных систем, которым посвящаю по целой главе, и еще шесть, которые рассматриваю более кратко в главе 13. Психоанализ и вслед за ним интербихевиоральная психология являются наиболее ранними, а социальный конструкционизм — наиболее поздней из десяти систем. Диалектическая психология, в составе философии, имеет наиболее древние корни и восходит к эпохе династии Чжоу (Chou), правившей в Китае 3000 лет назад, а также к классическому периоду или Золотому веку античной Греции в Европе. Из шестнадцати систем наиболее поздним является, вероятно, прямой реализм, пришедший к нам из Австралии, хотя эволюционная психология также является достаточно молодой системой. Когнитивная психология с очевидностью является господствующей системой в современной психологии. Наибольшей согласованностью и подлинной систематичностью отличается интербихевиоральная психология; в наименьшей степени эти качества присущи гуманистической психологии и еще более разнородной когнитивной психологии — хотя отдельные ветви последней иногда оказываются более систематичными, чем система в целом.

Когнитивной психологии посвящена самая длинная глава, а диалектической — самая короткая. Если представители диалектической психологии почувствуют себя обделенными, надеюсь, они сообщат мне, какая важная информация об их системе должна быть также включена в книгу. Аналогично, если когнитивистам покажется, что посвященная их системе глава является слишком длинной и тяжеловесной, я готов услышать мнения о том, что следовало бы исключить.

Описания избранных мною систем сведены в одной книге, чтобы студенту легче было охватить разнообразие теоретических концепций, характерное для современной психологии. Невозможно сделать информированный выбор, не имея представления о существующих альтернативах. На младших курсах студенты, вероятно, имели возможность подробно ознакомиться с когнитивной психологией и анализом поведения, а также получить некоторое представление о психоаналитической и гуманистической психологии. Их редко знакомят с феноменологической психологией, оперантным субъективизмом, интербихевиоральной психологией или эко-бихевиоральной наукой. Данный труд преследует цель предоставить им информацию и тем самым дополнительные возможности для сравнения сильных и слабых сторон каждой из систем и составления информированного суждения о каждой из них. Только благодаря детальному знакомству с системами студент может быть адекватно информирован.

Последствия недостатка такой информации легко можно видеть на примере психолога, утверждающего, что мир, который мы видим вокруг нас, является обманом. Он полагает, что информация, поступающая через наши органы чувств, преобразуется, превращаясь в иллюзию внешнего мира, и только. Далее он заявляет, что нет никакой возможности узнать, что эта интерпретация видимого мира может быть ошибочной (Attneave, 1974). К сожалению, он не был достаточно осведомлен о возможных альтернативах, чтобы сделать информированный выбор, и мог лишь повторять догматические заявления о том, что никакой иной возможности не существует. Другим примером может послужить представитель социального конст-

руктивизма (гл. 8), который пишет: «Неверно полагать, что конструктивисты отрицают факт существования внешней реальности, просто у нас нет никаких способов узнать о том, является ли наше восприятие и понимание точным отражением этой реальности» (Marshall, 1996, p. 30). Аналогично Стам (Stam, 1990) утверждает, что мы не можем обойти психическое. Независимо от того, соответствуют действительности или нет подобные утверждения, я надеюсь, что эта книга поможет студентам расширить свои горизонты и признать возможность альтернатив.

ОРГАНИЗАЦИЯ КНИГИ

Главы 1 и 2: Начало

Следующая за этой вступительной главой глава 2 содержит краткую характеристику основных психологических концепций, начиная от представлений охотников-собирателей до современной эпохи, служащих историческими основаниями современных систем. В ней прослеживается эволюция концепций, под влиянием которых сформировались современные психологические системы. (Более подробно эти вопросы рассматриваются в работах Hergenhahn [1997], Kantor [1963, 1969], а также Leahy [1997].) В главе 2 также рассматриваются вопросы логики науки, касающиеся психологических систем.

Главы с 3 по 13: Четыре категории систем

Взглянув в оглавление, можно увидеть, что эти главы сгруппированы в четыре раздела, в соответствии с тем, рассматривают ли они в качестве локуса причинности (а) организм (органоцентрические), (б) окружающую среду (энвайроцентрические), (в) социальную группу (социоцентрические) или же утверждают, что (г) единственный источник причинности отсутствует (нецентрические: контекстуально-интеракциональные). В каждом из разделов системы расположены в алфавитном порядке*, как и шесть систем, рассматриваемых в главе 13.

Никакая классификация не является совершенной, и могут быть выдвинуты аргументы в пользу другой группировки систем. Постмодернизм и социальный конструкционизм (гл. 8) фактически представляют собой форму энвайроцентризма — социальная группа является единственным признаваемым ими компонентом окружающей среды. Однако поскольку этот единственный компонент рассматривается как исключительный фактор, определяющий наши знания о чем-либо, отнесение их к категории социоцентрических представляется правомерным. Диалектическую психологию (гл. 9), помещенную в категорию нецентрических систем, можно классифицировать и как органоцентрическую, особенно в версии, представленной китайскими и российскими психологами-диалектиками. Они нередко рассматривают мозг как основной причинный фактор, определяющий поведение. Феноменологическая психология (гл. 12), также отнесенная к категории нецентрических систем, незаметно смещается в направлении органоцентризма. Представители систем, предлагающие собственные вариации или комбинирующие между собой части различных систем, могут в значительной степени изменить общую картину. В частности, некоторые когнитивисты выступают за переориентацию системы, которая заметно смещает курс когнитивной психологии в направлении энвайроцентризма или нецентризма. Шефер (Schafer) заметно сместил в направлении нецентризма психоанализ, однако большинство других концепций в этой системе остаются в рамках органоцентризма.

Глава 14: Ретроспектива

В завершающей главе, посвященной общему обзору рассмотренных систем, сводятся вместе основные положения систем, касающиеся причинности, анализируются проводимые на их основе исследования и области их практического применения и повторно рассматриваются принципы логики науки (разговор о которых был начат в главе 2) как критерии использования конструктов. В ней также представлен краткий обзор методологических проблем.

ОРГАНИЗАЦИЯ ГЛАВ

Главы с 3 по 12 содержат от девяти до двенадцати разделов. Все главы начинаются с содержания главы и введения, за которыми следуют один или два раздела, посвященные истории развития и некоторым основным вопросам, рассматриваемым соответствующей системой. Основополагающие принципы систем могут быть сформулированы в историческом разделе или выделены в отдельный раздел. Затем предлагается система постулатов (см. ниже), за которыми следуют разделы, посвященные исследованиям, областям практического применения, а также психотерапии или клинической психологии в указанном здесь порядке. Естественно, не все главы включают все три данные подтемы. В частности, вследствие своего значения психотерапия, как правило, рассматривается отдельно от других сфер применения. Что касается исследований, в случае когнитивной психологии и анализа поведения эта тема настолько тесно связана с теорией, что не имеет

* В соответствии с английским алфавитом. — *Прим. науч. ред.*

смысла рассматривать ее изолированно в специальном разделе.

Последние четыре раздела во всех главах совпадают: *первый* из них — «Сопоставление с другими системами»; *второй* — критика, включающая комментарии, касающиеся оценки системы; *третий* раздел рассматривает вклад системы в психологию и / или возможные перспективы развития системы; и *четвертый* — ссылки.

Системы постулатов

Каждая глава содержит раздел, в котором представлена система постулатов. Постулаты представляют собой исходные предпосылки или предположения, которые служат в качестве основополагающих принципов для дальнейшего анализа и часто формулируются письменно как набор взаимосвязанных утверждений. Для понимания фундаментальных исходных положений теоретических систем наличие зафиксированной письменно системы постулатов имеет крайне важное значение. В большинстве случаев представители психологических систем не заявляют достаточно эксплицитно своих постулатов. Пытаясь заполнить этот пробел, я привожу системы постулатов основных представителей каждой из десяти систем, которым отведена отдельная глава. Эти системы постулатов в ряде случаев пришлось выводить логически, а потому они могут быть не приняты приверженцами соответствующих психологических систем.

Однако можно сказать, что представителям этих систем следовало бы быть более открытыми в отношении постулатов своих систем — открытыми на всех уровнях общности. Пронко (Pronko, 1988) указывает на то, что все ученые исходят из определенных постулатов, хотя бы даже невольно, и что именно эти «негласные предположения ошибочно принимаются за твердо установленные факты» (p. 155). Для того чтобы читатель мог оценить, могут ли сторонники той или иной системы сказать нечто достойное внимания, они должны точно указать для читателя, каковы постулаты их системы, или, по крайней мере, дать ссылку на источник, в котором читатель может их найти.

Некоторые представители отдельных систем осознают важность прояснения своих исходных положений. Приведем один из примеров:

«Эксплицитное изложение наших философских предпосылок облегчит понимание многогранных явлений, рассматриваемых общественной психологией. Не приведя таких эксплицитных предпосылок, исследователи рискуют неявно подтвердить те предпосылки, которые они сами могут не считать правомерными, аутентичными, уместными или надежными для проведения исследований в области общественной психологии» (Kingry-Westergarard & Kelly, 1990, p. 23). Цитируемые авторы выдвигаю десять «теоретических положений», составляющих ограниченную систему постулатов. Из пяти критериев систематической психологии, сформулированных Мак-Гоком (McGeoch, 1933), один указывает на необходимость представления эксплицитных постулатов.

> «Тот факт, что любая область знания основана на аксиоматических операциях, является почти банальным, однако то, что факт использования этих операций необходимо признать и сделать эксплицитным, является менее часто соблюдаемым принципом. Такое эксплицитное признание не только делает явными исходные предположения, что необходимо, если на них будет возведена согласованная структура, но и расчищает почву для понимания и корректной критики. В полемике между различными системами можно обнаружить такие споры, которые просто не могли бы иметь места, если бы научные «школы» с самого начала открыто заявляли свои постулаты» (p. 6).

Герген (Gergen, 1994), представитель социального конструкционизма (гл. 8), выдвигает набор предположений; то же самое делает Маслоу в гуманистической психологии (гл. 4), а некоторые авторы предлагают полуэксплицитные постулаты своих систем. Наиболее последовательным является изложение постулатов, сформулированных Кантором (Kantor, 1959) для интербихевиоральной психологии. Он посвятил целую книгу этим постулатам и тому, в каком отношении к ним находится интербихевиоральная система.

Я использовал предложенную им иерархическую модель системы постулатов для организации постулатов каждой из психологических систем. В основании иерархии лежат *протопостулаты*, предположения науки, направляющие и контролирующие ход исследований и воздействие поведения научных работников. Например, имеет ли наука дело только с событиями, которые могут быть наблюдаемы или непосредственно выведены из наблюдений? Или же она также включает предположения относительно событий, трансцендентных по отношению к природе? Содержит ли она предположения о существовании предельных обобщений (ultimates) или окончательных истин или же она всегда предполагает возможность дальнейшей эволюции и корректировки?

Далее следуют *метапостулаты*, представляющие собой поддерживающие предположения для конкретной науки. В биологии такие предположения включали бы принцип эволюции, в противовес представлению о жестко фиксированных биологических видах; в геологии — такие процессы, как постепенный тектонический подъем, эрозия, отложения и т. д., происходящие в течение миллиардов лет, в противовес библейскому всемирному потопу; в физике — включение релятивистских принципов, в противовес исключительно абсолютным событиям;

в психологии — вопрос о том, центрированы ли психологические события в организме, окружающей среде, социальной группе или же они вовсе не являются центрированными. (Организация глав, посвященных десяти рассматриваемым в данной книге системам, основана на четырех каузальных предположениях, сформулированных на уровне метапостулатов.) Наверху иерархии находится *система постулатов,* которая задает структуру предмета изучения для данной системы и ее правил оперирования. Следующие альтернативные постулаты, например, непосредственно вытекают из метапостулата о центрировании или причинности: активность организмов является (а) исключительно биологической; (б) биологической плюс психической; (в) определяется средой, (г) той или иной комбинацией (а), (б) и (в) или (д) взаимодействием организмов и объектов как части поля или контекста. На практике вопрос о том, на каком уровне должен находиться определенный постулат, часто остается неопределенным; тем не менее иерархия представляет собой отправную точку, полезную при исследовании исходных предположений. Для того чтобы облегчить студенту задачу по сравнению этих предположений, десять систем постулатов сведены вместе в приложении.

ГЛАВА 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЛОГИКА НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Наблюдающий за развитием вещей от их начала рассматривает их с наиболее выгодной позиции.

Аристотель. «Политика»

Тем, кто не способен помнить прошлое, суждено повторить его.

Джордж Сантаяна. «Жизнь Разума» (Life of Reason I)

От охотников-собирателей к классической Греции и натурфилософии

Когда и где берет начало дуализм «душа—тело»? Всегда ли люди верили в раздельное существование души и тела? Достался ли нам этот дуализм в наследство от греческих досократиков? Являлся ли дуализм изначально частью психологии? Тщательное изучение исторических документов свидетельствует о том, что на все эти вопросы мы должны ответить отрицательно. И все же в психологии всеобщее распространение получило мнение о том, что вера в сверхъестественную душу является наследием наших доисторических предков (см., в частности: Denmark, 1980; Skinner, 1963; Wile, 1977). Тем не менее наиболее ранние письменные источники, в которых мы обнаруживаем следы психологических представлений, оставленные охотниками-собирателями, индоевропейцами, а также мыслителями Древнего Египта, Месопотамии, Иудеи и Китая, с очевидностью свидетельствуют о том, что идея дуализма души и тела не является для человечества естественной данностью.

Но что это для нас меняет? Если бы данный вопрос представлял лишь исторический интерес, попытки ответа на него не выходили бы за рамки узкого круга историков. Однако вопрос о том, возможна ли наука о душе и является ли психология такой наукой, представляет собой центральный вопрос, вокруг которого развивается вся современная психология. Этот вопрос в той или иной форме продолжает оставаться центральным для целого ряда современных психологических систем. Психология развивается циклически; сначала она объявила себя наукой о душе, затем — наукой о поведении; и вот теперь некоторые системы психологии вновь склоняются в пользу души. История не может дать нам прямого ответа на вопрос, является ли предметом психологии душа, поведение или то и другое вместе, однако она может служить нам средством анализа. Если история сможет указать, где и когда возник психофизический дуализм[1], это будет доказательством того, что такой дуализм существовал не всегда и что он не является единственно возможной формой мышления. История также предложит нам альтернативный взгляд, существовавший до возникновения психофизического дуализма. И наконец, история может определить условия и источники возникновения дуализма души и тела, и это знание позволит нам судить о том, насколько совместим характер этих источников со статусом психологии как науки.

Охотники-собиратели и пастухи. Среди племен, живущих охотой и собирательством, а также скотоводством, получило распространение представление о жизненной силе, которая может принимать форму дыхания, дыма, облака, тени, образа или видения и т. д. (Smith, 1985). Одним из наиболее распространенных ее форм было дыхание, и изображения линий, идущих от носа и рта (людей и животных), в наскальной живописи Франции и Испании (Smith, 1992) дают основания полагать, что это представление восходит к ледниковому периоду, то есть существовало 15 или даже 30 тысяч лет назад (Clottes, 1996). Последний вздох павшего воина описывается в «Илиаде» как *псюхе*[2] — слово, ставшее корнем слова «психология» (Smith, 1989). Выражение «испустить дух» означало не только выдохнуть, но и умереть, то есть утратить свою жизненную силу. Аналогичным образом само слово «дух» происходит от слова «дышать».

Представление охотников-собирателей, а также ранних земледельцев и скотоводов о жизненной силе существовало в двух вариантах (Hultkrantz, 1953; Bremmer, 1983). Один вид жизненной силы, практически существующий независимо от тела, овладевал человеком в состоянии сна, обморока и экстаза. Его можно назвать «свободной силой» («free power») — бессмертной и после смерти тела способной принимать иные формы, в частности формы животных.

[1] Существует бесконечное разнообразие форм дуализма, и конфликт, порождаемый дуальными оппозициями, становится центральным предметом диалектики (см. главу 9). Дуализм *«душа—тело»* представляет собой специфическую форму *психофизического* дуализма, где корень «психо-» означает нечто, находящееся вне пространства и времени, лишенное физических качеств и трансцендентное по отношению к физическому. В свою очередь *«физический»* относится к тому, что существует исключительно в пространстве и времени. Такие термины, как «нефизическое», «бестелесное», «трансцендентное», «внепространственное», «транснатуральное», «сверхъестественное» и «непротяженное», относятся к тому, что лежит за пределами физической реальности. «Непротяженное» (unextended) означает «не имеющее пространственной протяженности» или «не имеющее размерности». К этому перечню можно также добавить «метафизическое». Хотя Аристотель вкладывал в данный термин значение «после физики», позже он приобрел значение «вне физики» — нечто, не соотносимое с физической реальностью.

[2] Греческое слово ψυχη звучит приблизительно как «псюхе».

Другой вид жизненной силы был активным в то время, когда человек находился в бодрствующем состоянии, и часто отождествлялся с дыханием. Мы можем назвать его «телесной силой» («body power»), ответственной за такие психологические функции, как мышление, чувства и восприятие. Однако конкретные характеристики обоих видов жизненной силы у разных племен были различными. Обычно и свободная, и телесная силы обозначаются словом «душа» («soul»), однако в настоящее время это слово пропитано христианскими сверхнатуралистическими мотивами, которые были чужды нашим далеким предкам.

Древние охотники-собиратели, как правило, приписывали этим видам жизненной силы способность воздействовать на природные явления — болезнь, удачу, обилие пищи, погодные условия, смену времен года, участь врага, формирование местных природных условий, наличие источников воды и т. д. Эти анимистические силы превосходили силы человека, и потому воспринимались как *сверхчеловеческие*. Однако они были слабее природных сил, а потому не считались *сверхъестественными*, то есть выходящими за пределы пространственно-временных измерений природного мира (Saliba, 1976; Spiro, 1966). За неимением более подходящего термина назовем этот образ мышления «натуралистическим анимизмом». Слова, обозначающие дух или душу, в этом случае обычно связаны с дыханием, кровью или с самой жизнью (Smith, 1985, 1989). Коренным американцам оказалось нелегко примирить христианское понятие нефизической души со своей собственной системой верований (Hultkrantz), поскольку христианский раскол между душой и природой противоречил их собственной укорененности в природном мире. В полном соответствии с натуралистическими представлениями индейцев о жизненной силе находится тот факт, что этнографы не обнаружили среди их племен никаких следов понятия души, различения внутреннего и внешнего или каких-либо иных форм психофизического дуализма (Fortes, 1949, 1965; Lienhardt, 1961).

Ранние и незападные цивилизации. В наиболее ранних центрах цивилизации, о которых нам известно благодаря расшифрованным письменным свидетельствам, мы обнаруживаем отношение к миру и к человеку, сходное с отношением охотников-собирателей. В древнейшем государстве Месопотамии, Шумере, верховные божества были олицетворением природных сил (Smith, 1993b). Высшими божествами являлись бог неба Эн (Ан [An]), богиня земли Ки (Ki), и вселенский дух *эн-ки* (*ан-ки*, «небо-земля»). «Владыкой ветра» был Энлиль (Enlil), где *эн* означает «владыка», а *лиль* — «ветер». Соответственно, это божество являлось также воплощением жизненного дыхания и одушевленной материи. В этих представлениях отсутствует дуализм души и тела или физического и нефизического, как и в четырех модусах бытия жителей Месопотамии: удаче, судьбе, витальности и индивидуальной телесности (Oppenheim, 1964; Smith, 1974, 1993b).

Сердце считалось средоточием большинства психологических явлений для народов Месопотамии, Древнего Египта, Древнего Китая, Древней Греции, майя и других. (Изменение сердечного ритма в аффективных ситуациях и его связь с изменением дыхания легко прослеживается.) В Древнем Египте в период Нового Царства (2000–1780 гг. до н. э.)[3] божество чувств и тактильных ощущений, Сиа (Sia), помещается в сердце.

В папирусах встречается изображение сердца на одной чаше весов и пера на другой, что символизирует суд справедливости, ожидающий человека после смерти и определяющий его судьбу в потустороннем мире. Одним из модусов бытия у древних египтян был *ба (ba)*, тесно связываемый с дыханием и являвшийся носителем жизненной энергии в загробной жизни (Smith, 1990b). В период Нового Царства он изображался в виде птицы с человеческой головой, иногда — вдыхающей в ноздри мумии. Забкар (Zabkar, 1968) отмечает, что поскольку в древнеегипетской культуре не существовало дуализма, *ба* не рассматривался ни как внешняя, ни как внутренняя сущность, не являлся он и духовной силой, противопоставляемой материальным силам. «Дуалистический взгляд на человека как состоящего из двух совершенно различных элементов... был чужд древним египтянам» (p. 113), и далее: «Идея о нематериальности или духовности являлась настолько несовместимой с представлениями о *ба*, что христианизированные египтяне находили слово *ба* неприемлемым для выражения христианского понятия души...» (p. 56). Для древних египтян мир животных, людей и богов представлял собой единую неразрывную целостность.

В Древнем Китае представление о богах было также вполне материалистическим. Они уподоблялись человеческим существам, хотя и наделялись значительно большим могуществом, что в корне расходится с западными представлениями о сверхъестественном боге (Kuo & Lam, 1968; Maspero, 1978; Granet; 1975, 1922). Многие образованные китайцы, в особенности последователи конфуцианского учения, были атеистами. Традиционная китайская система верований была очень конкретна по своей природе. Мистический элемент в ней отсутствовал, а абстракциям не придавалось большого значения. Ритуалы совершались главным образом потому, что считались

[3] Сокращение до н. э., означающее «до нашей эры» (англ. BCE, Before Common Era), используется взамен сокращения до Р. Х., означающего «до Рождества Христова» (англ. BC — Before Christ); соответственно, сокращение н. э., означающее «нашей эры», заменяет собой выражение «от Рождества Христова» (лат. и англ. A. D., Anno Domini). Историки все чаще употребляют нейтральные обозначения вместо христианоцентричных.

практически эффективными. В древнекитайской мысли признавались два типа жизненной силы, *инь* — пассивное начало, связываемое прежде всего с телом, а в особенности — с кровью, и *ян* — активное начало, основу которого составляет дыхание. В даосизме *«чи»* (= энергия) рассматривается как дыхание или жизненная сила *Дао*. Вместилищем многих психологических функций считалось сердце, а психология носила название *ксин-ли-ксю (xinli xue)* — «учение о правилах сердца» (Petzold, 1987). Хотя в традиционной китайской системе верований дуализм отсутствовал, он был привнесен в нее извне. Многие китайцы, обучавшиеся на Западе, перенесли понятие дуализма и на китайскую психологию (Yue, 1994; Petzold, 1994). Буддизм, пришедший в Китай из Индии, также привнес в китайскую мысль представления о дуализме души и тела (Kuo, 1976).

Традиционные взгляды японцев основаны на взаимосвязи всего во вселенной, а потому дуализм души и тела в них отсутствует. Человек есть лишь звено непрерывной цепи различных форм природы (Maruyama, 1974; Watanabe, 1974), как и цепи природных божеств традиционной японской религии, синтоизма. Японцы не отделяют свое «я» от внешней среды, ибо ни первое, ни второе не могут быть определены независимо от друг от друга (Kojima, 1984).

Индоевропейцы. Единая языковая семья, вероятно, зародившаяся в районе Черного моря около шести тысяч лет назад, распространилась на огромных пространствах от Индии до Европы, включая Исландию (а позднее и значительно дальше, вместе с европейской колонизацией). Индоевропейская языковая семья включает такие восточные языки, как бенгали, урду, фарси, хинди, и такие западные языки, как русский, албанский, греческий, французский, исландский, кельтский и английский. В языках, принадлежащих этой семье, запечатлены свидетельства ранних психологических представлений индоевропейцев (Smith, 1989).

Древнейшим индоевропейским письменным памятником считается «Ригведа». Хотя дата создания этого текста неизвестна, археологические находки, связываемые учеными с его авторами, относятся к историческому периоду около 5700 лет назад. «Ригведа» представляет собой преимущественно собрание ритуальных гимнов, воспевающих красоту и характер природы. Боги «Ригведы» — это божества природных стихий, причем некоторые из них, как и в культуре Месопотамии, носят имена, соответствующие тем или иным природным явлениям.

Упоминаемые в «Ригведе» термины, относящиеся к нашей теме, хотя и немногочисленные, проливают свет на поставленные нами вопросы. *Манас* — слово, которое обычно переводится как «душа» или «дух», помещаемый авторами «Ригведы» в сердце, рассматривается ими, однако, как функция всего тела и означает лишь «мышление» или «мысль», но не разумную душу, *противопоставляемую* телу (Bhawe, 1960). (Ведущий индийский психологический журнал носит название «Манас».) Поведение ставится в связь с дыханием и другими органическими процессами и рассматривается как жизненная функция. *Атман* означает дыхание или ветер. Таким образом, мы не находим в «Ригведе» следов психофизического дуализма.

Доклассическая Греция оставила нам великие эпические поэмы Гомера: «Илиаду» и «Одиссею». В этих памятниках мы снова находим богов, носящих те же имена, что и природные стихии, над которыми они господствуют (среди них Гея — Земля и Эрос — Любовь), что указывает на неразрывную связь самой природы и жизненных сил, рассматривающихся как ее причинные элементы. Эти жизненные силы представляют собой звено единой цепи, объединяющей их с людьми и с другими аспектами природы, где первые также выступают в качестве причин.

В своем президентском обращении к Американской психологической ассоциации Флоренс Денмарк (Florens Denmark, 1980) заявила, что первоначальными значениями слова *психе (psyche)* являлись «душа» («soul») и «дух» («spirit») и что современная психология способна объединить неосязаемое с физическим. Однако, как мы уже отмечали, у Гомера слово *«псюхе»/«psuche »* (или *«психе»/«psyche»*) вовсе не означало нечто неосязаемое или нефизическое. Это слово означало последний вздох, свободную силу, продолжавшую существование в потустороннем мире в форме тени, лишенной телесных ощущений. Утрата псюхе означала прекращение земной жизни. В эпоху Гомера этот термин не имел четко выраженного психологического значения.

Используемые Гомером термины, которые действительно имели психологические значение, служат для обозначения телесных функций. Пять из них заслуживают упоминания в связи с нашей темой (Smith, 1989):

• *Кардия (Kardia)*, функция сердца, чувство.

• *Менос (Menos)*, связываемый с импульсивными действиями и яростью, помещался в грудной клетке. Слово «менос» имеет тот же протоиндоевропейский корень, что и английское слово «mind» (душа, разум) и ведический «манас».

• *Френии (Frenes)*, помещаемые в грудной клетке, в районе диафрагмы или в легких вблизи бьющегося сердца, обладают двумя различными характеристиками. Первая — созерцательная или интеллектуальная функция аффективного типа, включающая такие эмоции, как благоговение (awe), презрение, радость и чувство прекрасного. Вторая характеристика также является аффективной и дает начало таким английским словам, как «frenetic» (исступленный, фанатичный), «frantic» (неистовый, яростный), «frenzy» (безумие, бешенство) и «schizophrenia» (шизофрения)*. Интеллектуальный характер *френий* на-

* Все эти слова содержат семантическую составляющую, означающую агрессивную, необузданную и неконтролируемую психическую энергию. — *Примеч. пер.*

шел отражение в появившемся спустя многие века термине «френология» — название псевдонауки, основанной на представлении о том, что очертания черепа отражают индивидуальные психологические особенности человека. Слова *френ (fren)* и *френии* встречаются в поэмах Гомера 350 раз, означая, преимущественно, психологические события.

• *Ноос (позднее — нус) (nóos, nous)* также расположен в грудной клетке и воплощает рациональную функцию жизненной энергии. *Ноос* выражает осознавание (appreciation) или мгновенное понимание чего-либо, как, например, нахождение способа разрешения проблемы. Спустя века Аристотель превратит *нус* в высшую функцию психе, которая, в свою очередь, является первичной жизненной функцией всего организма — «первой стадией актуальности естественного тела» («the first grade of actuality of a natural body» (Aristotle, De Anima, 412a, 30))[4]*.

• *Фумос (Thumos)* связан с импульсивными и иррациональными аффективными функциями, такими как радость, гнев, страх, печаль и жажда мести. В отличие от свободной силы *психе, фумос* активен, когда человек бодрствует. *Фумос*, этимологически связанный со словами «дышать» и «пар», обитает в грудной клетке или во *френиях*.

Поскольку *кардия, менос, френии, ноос* и *фумос* обитают в грудной клетке, сердце и легких и связаны с дыханием, мы можем предположить, что греки гомеровской эпохи считали телесные органы и функции организма источниками аффективного и интеллектуального поведения.

Древнеанглийский эпос «Беовульф», записанный около VIII в. н. э., объединяет с другими индоевропейскими эпическими поэмами («Илиадой» и «Одиссеей», кельтской «Тэйн Бо Куанж» (Tain Bo Cuange), поэтической и прозаической норвежскими Эддами**, исландскими сагами, а также псевдоповествовательными мотивами «Ригведы») то, что психологические акты, как правило, связываются в нем с различными органами и частями тела. Слово *«Савол» («Sawol»)*, позднее превратившееся в английское слово *«soul»* (душа), имеет несколько значений, и все они тесно связаны с жизненными функциями (Smith, 1989). Во-первых, оно обозначает мысли, исходящие из груди человека (строка 2818) и покидающие его в момент смерти. Оно также относится к загробной жизни (строки 184, 2422, 2820) и к разуму или интеллекту (строка 1742). Если душа оказывается пронзенной в бою (строка 801), жизнь обрывается, ибо человек, лишенный души, мертв (строки 1406, 3303). Когда дракон кусает Беовульфа, тот истекает кровью жизни (life's gore, *sawuldriore*, строка 2693). Способы употребления этого слова указывают на такие его значения, как (а) сама жизнь, прекращение жизни и загробная жизнь; (б) кровь как жизнь и (в) жизненные функции мышления и рассуждения. Однако они явно не указывают на какую-либо нефизическую или духовную сущность, обозначаемую словом «душа» в наши дни. Аналогично древнееврейское слово *«нефеш» («nefesh»)* (заметьте, что речь идет об иврите — семитском, а не индоевропейском языке), переводимое нами как «душа», означало «жизнебытие» («living being») или «активное бытие» («acting being») конкретного человека (Murtonen, 1958).

Психология классической Греции: натурализм без анимизма

Досократики. Греки обычно именовали себя эллинами, хотя Аристотель, а позднее римляне называли их «грайкой» («graikoi»), откуда и происходит слово «греки». Классический период истории античной Греции — эпоха интеллектуального и культурного расцвета, начавшаяся около 600 г. до н. э. и закончившаяся смертью Александра (Македонского) в 323 г. до н. э. Народы классической Эллады были первыми известными нам народами, отказавшимися от анимистических и мифологических объяснений природы и попытавшимися понять законы, лежащие внутри нее самой. Так, они пытались объяснить поведение материи взаимодействием основных природных стихий, к которым относили землю, воздух, огонь и воду. Хотя такое представление может показаться грубым, в принципе оно ничем не отличается от господствующей в современной науке теории о 96-ти (без учета дополнительных) химических элементах, составляющих материю. Древние греки задавались вопросом, почему солнце движется по небу, и пришли к мнению, что оно само является источником своего движения, тем самым отвергнув миф об Аполлоне, провозящем его по небу на своей колеснице. В V–IV вв. до н. э. Левкипп (Leucippos, fl. 440) и Демокрит (460–370 гг. до н. э.) выдвинули гипотезу, согласно которой поведение материи объясняется характером невидимых частиц, названных ими «атомами». Таким образом, эти философы поставили на место анимистического натурализма философский натурализм, который явился предшественником научного натурализма.

Сократ (469–399 гг. до н. э.). В V в. до н. э. Сократ использовал натурфилософию для объяснения того, почему невозможно понять человеческое поведение, рассматривая отдельные части тела. Сцена, в которой дается такое объяснение, описана в диалоге Платона

[4] История развития термина психе от непсихологического упоминания его у Гомера до его научно-психологического использования Аристотелем рассмотрена в работе Smith (1974).

* В распространенном русском переводе Аристотеля этот фрагмент выглядит следующим образом: «...душа есть первая энтелехия естественного тела...» (*Аристотель.* Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Под ред. В. Ф. Асмус. М., Мысль, 1976. с. 395.) — *Примеч. научн. ред.*

** В отечественной традиции приняты термины Старшая и Младшая Эдды. — *Примеч. пер.*

«Федон», когда Сократ ожидает своей казни после вынесения ему судом Афин смертного приговора. Сократ предпочел смертную казнь ссылке («Критон»), а когда друзья захотели вызволить его из тюрьмы и переправить в другой город, он отказался. Он ответил, что невозможно его костями, жилами и другими частями тела объяснить его решение остаться в Афинах и принять казнь, как нельзя объяснить смысл его речей, обращенных к друзьям, рассматривая свойства звука, воздуха и слуха. Если бы право решать дано было частям его тела, они вскочили бы с места и бросились бежать в другой город, спасаясь от смерти. Они поступили бы так, «увлеченные ложным мнением о лучшем» («Федон», 99а, перевод С. П. Маркиша)[5]. Действия же самого Сократа можно объяснить, лишь учитывая тот факт, что, будучи сам гражданином Афин, он считал «справедливым и достойным» (в русском переводе «справедливым и прекрасным», 99а) подчиниться воле своего народа и понести определенное им наказание. Но приписывать свои действия частям собственного тела, настаивал Сократ, означало бы «смешивать причины с условиями». Иными словами, лишенный частей своего тела, он не смог бы осуществить своих намерений, но утверждать, что части тела являются *причиной* его поступков, было бы ошибкой. Тот же, кто в мыслях своих не погружается глубже материи, «не может отличить причину от условий, без которых причина не была бы причиной» (в русском переводе: «...не различать между истинной причиной и тем, без чего причина не могла бы быть причиною», 99б).

Итак, уже в IV в. до н. э. встречается строгая формулировка, предостерегающая от смешения причин с условиями. Пользуясь современным языком, мы не должны смешивать *необходимые* условия с *достаточными*. Иными словами, наличие частей тела необходимо для того, чтобы Сократ мог осуществлять те или иные действия, но сами по себе они не достаточны для действия. Принятое им решение требует не только необходимых биологических условий, но определяется историей жизни Сократа как гражданина Афин и понятиями о справедливости и достоинстве, сформированными им в течение жизни. Если бы Сократ оказался в XXI в. и услышал, что его поведение определяется его мозгом, он счел бы такую точку зрения в равной степени неприемлемой, настаивая на том, что наличие мозга, вероятно, необходимо для принятия решения, но не достаточно, чтобы объяснить его. Если бы право решать было предоставлено его мозгу, он тоже приказал бы своему телу бежать и спасать себя.

Платон (427–347 гг. до н. э.). Интерес Платона к психологическим явлениям считается второстепенным по отношению к другим интересовавшим его темам, поэтому психологические замечания разбросаны по разным работам. Замечания Платона о процессе размышления связаны с темой математического анализа, а мысли о формировании идей и воображении — с созданием произведений искусства. Воспоминание Платон считает реакцией на нечто, замещающее предмет, который в данный момент отсутствует. Восприятие цвета является совместным результатом работы глаза и соответствующего движения объекта. Аффекты также связаны с движением и определяются состоянием здоровья, лишением или восстановлением, и интеллектуальными достижениями[6]. В отличие от представлений своих предков гомеровской эпохи, он не помещает аффекты либо иные психологические явления ни в сердце, ни в какую-либо другую часть тела.

Поскольку мы знаем Платона лишь как мыслителя, но не как экспериментатора (doer), мы не предполагаем, что он мог демонстрировать истинность своих утверждений опытным путем. Однако именно об этом свидетельствуют его сочинения: «Положите правую руку в сосуд с холодной водой, а левую — в сосуд с горячей. Затем положите обе руки в сосуд с водой средней температуры. Правая рука почувствует тепло, а левая — холод». Платон использовал эту демонстрацию, чтобы показать относительность наших ощущений. Эта относительность, рассуждал он, заставляет нас выйти за границы ненадежных ощущений и обратиться к идее истинной температуры, которая является реальной и постоянной и не зависит от температуры, ощущаемой нашими органами чувств. Платон рассматривал наши недостоверные ощущения лишь как указание на более совершенные и идеальные формы вещей.

Некоторые авторы приписывают Платону психофизический дуализм и мистицизм (в частности, Leahey, 1987). Платон действительно наделял Идеи качеством реальности и рассматривал их как высшую форму вещей — их вечный архетип, обладающий идеальным существованием и более реальный, чем ощущаемые нами объекты. На склонность Платона рассматривать абстракции как реальные явления значительное влияние оказал его глубокий интерес к геометрии, ибо он рассматривал геометрические фигуры как единственные репрезентации реальности. Платон искал конечную суть явлений окружающего мира, лежащую за пределами досягаемости органов чувств. Ощущения могут подводить нас, но разум (букв.: рациональность) способен проникать сквозь поверхностные оболочки вещей к предельной реальности, к их наиболее совершенному образцу, Идеалу, принадлежащему высшему миру.

---

[5] Цифры и буквы в диалогах Платона проставлены в соответствии с Парижским изданием Анри Эстьенна (Henri Estienne), вышедшим в 1578 г., и основанном на греческом тексте, в котором цифры обозначают номера страниц, а буквы — номера разделов. Эти обозначения на сегодняшний день являются общепринятыми и используются во всех изданиях.

[6] Что касается подробного обзора и анализа психологических концепций Платона, см. Kantor (1963); краткий анализ можно найти в Smith (1993b).

С целью более наглядной передачи своих идей Платон использовал мифы, аллегории и притчи, обращаясь к человеческому воображению, но предупреждал людей, что «не стоит слишком настаивать на том, что данное мною описание души и ее обиталищ есть непреложная истина» (в русском переводе: «Правда, человеку здравомыслящему не годится утверждать с упорством, будто все обстоит именно так, как я рассказал», «Федон», 114). Понимать сказанное Платоном буквально значило бы упустить основной смысл его речей. Его «фантастические легенды о бессмертии, сохранении индивидуальности и переселении душ (immortality, persistence and transmigration) являются лишь типичным для Платона способом использования мифологии с целью усиления эффекта своих моральных наставлений» (Kantor, 1963) и основаны на мифах орфического культа (Green, 1990). Так, с помощью историй о переселении душ он пытался объяснить феномен реминисценции, которую он считал проявлением работы памяти (recollection). Платон не делает допущений о существовании чего-либо вне времени и пространства физического мира — допущений, свойственных психофизическому дуализму. «Платона принято считать классическим дуалистом, однако фактически его дуализм не является столь изобличаемым ныне дуализмом духа и материи. Различение, проводимое Платоном, есть скорее отделение того, что существует в форме, подобной математическим уравнениям, от объектов, которые можно описывать и обсуждать» (Kantor, 1981a).

Что же касается налета мистицизма, верного спутника дуализма, этот вопрос рассматривает издатель переводов Платона (Cairns, 1961). Он приходит к выводу, что Платон стремится к достижению ясности своих идей, и использует с этой целью логику и рациональность, а не веру, апеллирующую к интуиции и чувствам, излюбленным объектам спекуляций мистиков.

Аристотель (384–322 гг. до н. э.). Первое систематическое психологическое учение Запада возникло из биологических исследований Аристотеля. Учитывая этот факт, можно было бы предположить, что его психологическая система должна являться органоцентрической, однако она обнаруживает родство со взглядами Сократа и Платона, рассматривающих психологические явления как нечто большее, чем просто функции отдельных частей тела. Тем не менее Аристотель все же признавал участие в психологических явлениях биологических структур и функций и отводил сердцу и связанным с ним кровеносным сосудам регулирующую роль (Everson, 1997). Благодаря своим биологическим исследованиям он пришел к пониманию того, что многие проявления активности живых организмов представляют собой не просто функции биологических органов и тканей, но также неразрывно связаны с объектами, с которыми эти организмы вступают во взаимодействие. Таким образом, психологические явления представляют собой результат совместного действия объекта и организма (Kantor, 1963; Randall, 1960; Shute, 1944; Smith, 1971, 1974, 1977, 1993b; Tolman, 1994)[7].

Его понятие *псюхе*[8], или души, как актуализации потенциала тела (De Anima, 412a, 28–29)[9] до некоторой степени органоцентрично, однако он описывает актуальную активность как взаимодействие или

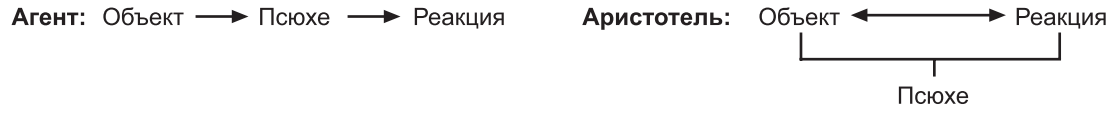


Рис. 2.1. *Различие между псюхе как агентом или вещью и псюхе как отношением*

[7] Переводам трудов Аристотеля были даны латинские названия. Основная часть его психологического учения содержится в трактате «О душе» («De Anima»), однако важные мысли можно встретить и в его небольших работах. Трактат «Об ощущениях» («De Sensu») и другие сочинения собраны в книге под названием «Parva Naturalia», а также в книгах VIII и IX («Historia Animalium»). Система нумерации в его книгах основана на пятитомном издании Беккера (Bekker) на греческом языке, опубликованном в Берлине в 1831–1870 гг. Обозначения типа: (О душе, 412б, 31) означают: страница 412, колонка б, строка 31 по изданию Беккера. Данная система не соответствует разбивке на страницы, печати в одну колонку и количеству строк в странице, используемых в других изданиях. Тем не менее, поскольку нумерация по Беккеру является последовательной, нахождение нужного фрагмента текста не представляется сложным.

Тем, кто хотел бы подробнее ознакомиться с источниками, в которых рассматривается психологическое учение Аристотеля, помимо переводов его собственных сочинений, а также тем, для кого понимание написанных сложным языком трудов Аристотеля представляет трудности, мы рекомендуем три работы, которые могут послужить наилучшим введением к изучению его философии: небольшую книгу Шют (Shute, 1944), главу 5 книги Рэндалла (Randall, 1960) и главу 9 книги Кантора (Kantor, 1963).

[8] В большинстве переводов слово «psuché» переводится как «душа» («soul»), — перевод вполне приемлемый, если вкладывать в это слово тот первоначальный смысл, который заложен в нем в «Беовульфе», однако способный ввести в заблуждение тех, кто будет склонен придавать ему современное религиозное значение.

[9] «*Псюхе* есть форма живого тела. Придать телу форму — значит определить, какого рода вещью является данное тело. Быть живым телом — значит обладать способностью к активности; таким образом, *псюхе* является той способностью к активности, обладание которой определяет род рассматриваемого тела» (Everson, 1997).

совместное действие организма и объекта. На рис. 2.1 схематически представлено различие между более поздним пониманием *псюхе* как причинного агента (как правило, сверхъестественного) и значением этого слова в понимании Аристотеля.

В первом случае объект является причиной, побуждающей *псюхе* производить ощущение, мотив, или ментальный акт, вызывающий, в свою очередь, реакцию организма. Аристотель же рассматривает псюхе как взаимодействие, что отражено двойной стрелкой. Это не вещь и не агент; *псюхе* не обладает самостоятельным существованием, а потому не может являться причиной чего-либо. Душа в понимании Аристотеля существует лишь как отношение. Действие же разворачивается исключительно между реагирующим организмом и объектом.

Например, процесс ощущения требует, с одной стороны, наличия у организма способности к ощущению, с другой — объекта, который может стать предметом ощущения, ощущаемым объектом (De Anima, 418–25; De Sensu, 436–40). Орган чувств должен изменяться таким образом, чтобы приспособиться к форме ощущаемого объекта (Everson, 1997). Ощущение также требует наличия контактной среды, каковой является свет или звук. Что касается зрительного ощущения, то лишь в том случае, когда (а) свет обеспечил прозрачность среды — воздуха или воды, когда (б) присутствует потенциально ощутимый объект и когда (в) присутствует организм, обладающий способностью ощущать данный объект, совместное действие ощутимого объекта и ощущающего организма составляет акт ощущения (Smith, 1971, 1983). Объект и организм хоть и взаимозависимы, но не сливаются друг с другом, обладая самостоятельным существованием. «Действие воспринимаемого чувством объекта и действие воспринимающего [этот объект] чувства тождественны, но различие между их бытием сохраняется» (De Anima, 425b, 26–27), так же как звук издает и ударяемое, и ударяющее, но различным образом (De Anima, 420a, 19–20). Таким образом, ощущение представляет собой совместную актуализацию двух потенциалов и локализовано не в органе и не в объекте, но в их отношении. Оно также не является превращением света в репрезентацию объекта, как полагает ряд ведущих современных ученых, занимающихся теорией восприятия. Аристотель считает лучи света одним из необходимых условий зрения, однако мы не видим сами световые лучи. Зрение же представляет собой взаимодействие способного видеть организма и доступного восприятию объекта, находящегося в воздушной среде и достаточно освещенного. Когда Аристотель переходит от анализа сенсорных качеств к рассмотрению более сложных актов распознавания и обозначения объектов, как в высказывании «это сын Диара» (De Anima, 418a, 20–24), он признает, что этот акт требует участия уже не отдельного органа чувств, а всего организма.

В акте воображения (De Anima, 428–434) организм реагирует на отсутствующий объект благодаря наличию другого объекта. Даже такие существа, как муравьи, пчелы и личинки, наделены ощущением. Однако Аристотель утверждает, что они не способны к воображению. Кроме того, он считает, что ощущения, как правило, достоверны (в отличие от Платона), тогда как воображение в основном обманчиво. Тем не менее функции воображения тесно связаны с ощущениями и реализуются в тех же органах, когда ранее ощущаемый объект уже не доступен для организма. Совместное действие воображения и ощущения позволяет нам определять такие характеристики вещей, как единство, движение или покой, величина, пространственная форма (figure), количество и другие, не ощущаемые непосредственно (indirect) качества вещей, как это происходит, когда мы, скажем, опознаем в белом объекте «сына Диара». Образ является репрезентацией отсутствующего объекта как остаточного движения. Мышление, рассуждение и счет возможны благодаря отвлечению detachment) от исходного объекта (Kantor, 1963; Randall, 1960).

Как и ощущение, мышление не локализовано в организме. Оно требует предшествующего ощущения, но затем становится независимым от него, и это относительное отвлечение от объекта позволяет осуществлять сложный акт мышления. Как суждение, так и воображение принимают участие в мышлении и являются потенциальными источниками ошибок, тогда как ощущения, поскольку они предполагают контакт с объектом, за редким исключением достоверны. Мышление предполагает сравнение и умозаключение, что позволяет нам постигать универсалии, то есть не отдельные вещи, а общности (generalities), как, скажем, прямота или единство. Со стороны объекта те «вещи», о которых размышляют, обладают лишь формой, но не материей; а значит, то, о чем размышляют, и сама мысль — тождественны. Средоточием мыслей является *нус*, высшая функция *псюхе*[10], однако сам *нус* не имеет локализации. Он обладает существованием лишь как мыслительный акт сам по себе, являющийся совместным продуктом формы вещи, о которой размышляют, и мыслящего организма (De Anima, 429b, 33) «В любом случае активно мыслящий *нус* есть то, что́ он мыслит» (De Anima, 431b, ff.) В частности, силлогизм или математическая формула существуют лишь как акт *«нусирования»* (*nous*ing).

Аристотель также рассматривает запоминание и вспоминание (remembering and recollecting), рассуждение, аппетит или мотивацию, грезы и сновидения (dreaming), знание, аффекты, интеллектуальную дея-

[10] *Нус* обычно переводят как «ум» («mind»), хотя такой перевод определенно вводит в заблуждение. Правильнее оставить этот термин без перевода и следить за тем, как его использует Аристотель. См. также его использование Гомером ранее в данной главе.

тельность и, кроме того, ряд тем, которые мы скорее отнесли бы к биологии (физиологии), а не к психологии, такие как сон и бодрствование, молодость и старость, жизнь и смерть, дыхание (respiraton), краткость или продолжительность жизни, питание и перемещение в пространстве (locomotion), — как относящиеся к сфере действия *псюхе*. Все эти темы объединяет его биопсихологическая ориентация. Результатом этой ориентации явился и вывод Аристотеля о том, что не все виды активности могут быть поняты как функции биологических структур, но предполагают другой уровень организации, включающий отношения организма и объекта. Таким образом, уже в IV в. до н. э. Аристотель приходит к точке зрения, альтернативной сведению психологических явлений к таким биологическим структурам, как органы чувств или мозг. Несмотря на свой биопсихологический подход, он явился первым мыслителем, разработавшим систематическое психологическое учение, которое не являлось органоцентрическим и не содержало психофизического дуализма в любой из его форм.

Переводчик и комментатор Аристотеля Ричард Сорабьи (Sorabji) придерживается несколько менталистской интерпретации учения Аристотеля о памяти, сближая его с представителями английского эмпиризма, хотя и признает, что «у Аристотеля не было слова или какого-либо понятия, соответствующего нашему пониманию *"ментального"* (Sorabji, 1972). Дебора Модрак (Modrak, 1987) сначала приписывает Аристотелю дуалистические взгляды на душу и тело, а затем пытается продемонстрировать, как мастерски он обращается с теми понятиями, которые она сама же ему приписывает. Для Аристотеля психологическое событие не локализовано в *душе* или каком-либо другом органе, но находится на ином уровне организации, чем уровень функционирования отдельных органов, — на уровне взаимодействия организма и объекта. Взгляды, предполагающие взаимозависимость организма и объекта, не только не содержат сведения психологических событий к биологии, но и избавляют психологию от дуализма внешнего и внутреннего, свойственного ментализму. Психология Аристотеля «знаменует собой более глубокое понимание, требующееся от позднейших представителей этой науки, чем свойственное многим из современных психологов» (Everson, 1997).

Выводы. Проведенный нами краткий обзор пока что не выявил никаких свидетельств существования психофизического дуализма у охотников-собирателей и индоевропейцев, а также у мыслителей классической Греции, Японии и Китая. Вместо этого он показал, что органоцентрический взгляд на психологию являлся преобладающим лишь до тех пор, пока его не отверг Сократ, и что этого взгляда уже не придерживается Платон, а Аристотель, разработав первую натуралистическую и систематическую психологию, предложил ему конкретную альтернативу. Эта историческая тенденция свидетельствует о том, что психофизический дуализм, вопреки мнению ряда современных психологов (см. с. 27), является отнюдь не вечным и не единственно возможным способом психологического мышления. Альтернатива как органоцентрической, так и дуалистической психологии была предложена уже в IV в. до н. э. В следующем разделе мы познакомимся с историческими учениями, которые проливают свет на другие вопросы, а именно где, когда и при каких исторических условиях возникает психофизический дуализм.

Эллинистическая Греция и психофизический дуализм

Философия совладания. Эллинистический период греческой истории сменяет классический период, начавшийся в 323 г. до н. э. и продолжавшийся до эпохи Римского господства, наступившей в 30 г. до н. э. Первые полтора столетия этой эпохи (323–146) были отмечены властью диктаторов, образованием воинственных империй, научными и техническими достижениями и развитием философских направлений, не столько ориентированных на познание мира (как это имело место в школах Платона и Аристотеля), сколько стремившихся справиться с растущим чувством непрочности существования.

Окончательная победа Спарты над Афинами в 404 г. до н. э. и последовавшее за ней столетие вражды облегчили завоевание Греции Филиппом и его сыном Александром (356–323 гг. до н. э.). Именно в этот период военных действий совершается казнь Сократа (399 г. до н. э.). Вслед за завоеванием Александром Греции, а также огромных территорий, простирающихся на юг (Египет) и на восток (Индия), наступает короткий период мира. Затем смерть Александра и распад образованной им империи приводят к новой вспышке взаимной вражды, и Аристотель вынужден покинуть Афины, чтобы избежать участи Сократа. С упадком и полным распадом политической организации и государственных институтов, являвшихся для граждан Афин предметом гордости и основой стабильности и достижений их города-государства, уверенность греков в себе сильно пошатнулась. Система полисов, или греческих городов-государств, начинает распадаться, и на смену ей приходит авторитарный режим. Утрата столь высоко чтимого полиса и личной идентификации с ним лишила греков «твердой почвы и смысла существования, что явилось одной из наиболее характерных черт, присущих Греции на протяжении всего эллинистического периода» (Green, 1990). Видный историк, изучавший эллинистическую Грецию, так описывает это смутное время:

> «Одна война следовала за другой — войны между могущественными монархиями, региональные войны, местные (domestic) войны внутри монархий и городов-государств, восстания коренного населения против греков. Эти войны становились все более и более разрушительными, жестокими и де-

> морализующими. Не удовлетворенные разрушением только что созданного своими же собственными руками, правители Греции вовлекают нового участника в свою разрушительную игру. Тень Рима появляется на западном горизонте, и вскоре Рим начинает принимать активное участие в политической жизни эллинистического мира, сначала как защитник свобод греков от монархий, затем как благосклонный советник по внутренним делам эллинистических государств, и, наконец, как требовательный и безжалостный господин и греческих городов, и эллинистических монархий» (Rostovtsev, 1938–1939, p. 16).

Интерес к природному миру, включая психологические события, способствовал решению социальных проблем и философским течениям, пытающимся совладать с растущей нестабильностью жизни. Поначалу эти философские течения были натуралистическими, унаследовав обращенность классической Греции к внешнему миру, но затем интерес греков к природе начинает угасать. Наиболее известны пять таких философских направлений, а названия четырех из них стали терминами, которыми мы пользуемся и сегодня: скептики, циники (киники), стоики и эпикурейцы. Хотя эти течения мысли не рассматривают непосредственно психологическую проблематику, они сами по себе являются психологическими продуктами социальных условий.

Скептики подвергли сомнению способность людей познать истину. Человеку следует воздерживаться от суждений, отказаться от привязанностей, и тогда он сможет обрести покой в этом опасном мире. Взгляды скептиков способствовали как развитию негативного (пессимистического) отношения к жизни, так и выработке здорового подозрения к голословным утверждениям.

Наиболее негативистскими являлись взгляды *циников* (или *киников / cynics*[11], буквально: «собакоподобных»), которые пожелали жить, подобно собакам, отрицая все человеческие нормы и ценности. Циники считали, что единственным благом является добродетель. Она одна может привести человека к счастью, и ее следует достигать путем ограничения всех желаний и свобод. (Отметьте параллели с буддизмом, который также сформировался в условиях нестабильности и согласно учению которого не имеющий желаний не будет подвержен страданию, что бы ни случилось.) Богатство, честь, свобода, здоровье, даже сама жизнь были не только безразличны циникам, но фактически ими презираемы. Человек не должен уважать цивилизацию, ее законы и моральные принципы. Он должен отрицать верность всему, включая семью, друзей и государство. Циники выставляли напоказ свою бедность, презрение к удовольствиям и безразличие к другим людям как высшие проявления своей добродетели. Их отвержение мира и безразличие к нему делало их неподверженными страданиям; им нечего было терять.

Стоики (stoics), чье название происходит от слова *stoa* (стоа) — крытая колоннада или porch (портик) — крытая галерея, где они излагали свое учение, также пытались учить людей добродетели или искусству правильно жить. Для ее достижения человек должен знать логику и физику, чтобы понять вселенную. В соответствии с физическими взглядами стоиков, *теос* (божество), *псюхе*, вещество, сила, отношения, порок и добродетель — все это является материальным. По своим физическим качествам люди отличаются от всей остальной части вселенной только наличием разума (reason), посредством которого они могут управлять своими действиями. Благодаря разуму люди знают, что добродетель есть пребывание в гармонии со своей истинной человеческой сущностью. Разум говорит нам, что власть, слава, богатство, здоровье и даже сама жизнь не является добродетелью, равно как и желание, боль, бедность, нищета и смерть не есть зло. Поэтому стоики равнодушны ко всему этому. Благодаря разуму люди могут стать свободными от желаний и научиться управлять собой. Мудрый приемлет все, что выпадает на его долю. Он может приспособиться к тяжелым обстоятельствам (именно это мы понимаем под стоическим характером), поскольку его сила кроется в рациональном постижении жизни. Когда жизнь становится невыносимой, стоик может победить ее, покончив с собой. Стоики отказываются от жизни так же, как они отказываются от желаний, что является для них средством сохранить свою независимость. Другой аспект стоической философии заключается в том, что разумная жизнь невозможна без социальных обязанностей, справедливости, милосердия и дружбы. Разум является основой общества и объединяет людей. Гражданство человека не имеет особого значения, но социальная общность всех рациональных человеческих существ, принадлежащих ко всем обществам, имеет огромную ценность. Эти взгляды подготовили почву и для универсального христианского братства людей. Стоицизм принимает более мистические формы в Римской империи, еще более способствуя распространению в ней христианского учения.

Греческий город Кирены, расположенный к югу от Афин на побережье, был богатым и процветающим. Первоначально *киренаики* искали непосредственно-

[11] Слово «циники» *(cynics)* произносилось также как «куники» (латинское *kunikos* от греческого *kuvikos*), что делает эти слова совершенно непохожими друг на друга, поскольку, во-первых, звук «к» фонетически переходит в «ц» (аналогично, в латыни передача звука «k» с помощью буквы «с» приводит к тому, что во французском языке этот звук превращается в «s», а вместе с завоеванием Англии норманнами такое произношение распространяется и на территории Великобритании) и, во-вторых, звук «у» в европейских языках в ряде случаев фонетически переходит в «и» (это связано с тем, что в греческом языке заглавная буква «ипсилон» писалась как «Y»).

го получения наслаждения как высшего блага, однако разным людям доставляют наибольшее наслаждение различные вещи. В то же время Эгезий (Hegesias), известный под именем Искатель смерти, утверждал, что счастье — не более чем иллюзия и единственной вещью, достойной стремления к ней, является смерть и избавление от страданий. Таким образом, данное направление представляет собой не что иное, как бегство от действительности.

Учение *эпикурейцев* (названное именем своего основателя Эпикура, 340–270 гг. до н. э.) гласит, что главная цель человеческой жизни — наслаждение, а высшим наслаждением является безмятежность и покой. Как путь потворства своим желаниям, так и путь отрешения или самоограничения не может быть правильным. Человек должен стремиться получить максимум удовольствий, испытывая минимум печалей. Добродетель является не конечной целью, но средством достижения счастья, и следовать ей следует лишь в той степени, в которой она приводит человека к счастью. Эпикурейцы считали, что все вещи и события во вселенной состоят из атомов. При таком взгляде не оставалось места вере в паранормальное или сверхъестественное, распространению которой способствовали смутные времена IV–III вв. до н. э. Даже смерть, писал Эпикур, «для нас ничто, поскольку пока мы есть — нет смерти, а когда приходит смерть — нет нас». Эпикурейцы рассматривали атомы и пустоту как целостность бытия, ища в них источник определенности, спокойствия и уверенности, столь необходимых для того, чтобы совладать с окружающими их политическими и социальными условиями. Ученый и мудрый свободен от страха.

Эллинистическая наука. В эллинистический период греческой истории основной интеллектуальный центр перемещается из Афин в Александрию — город, основанный Александром в дельте Нила после захвата Египта. Этот город лежал на пересечении торговых путей и привлекал к себе людей с различными интеллектуальными традициями, от мистических учений Востока до объективного натурализма греков. Великая Александрийская библиотека и музей выполняли функции современных университетов, предоставляя ищущим знаний даже пропитание и жилье. Библиотека хранила множество рукописей классического периода, большинство из которых до нас не дошло. Такая среда способствовала процветанию таких наук, как астрономия, физика и, отчасти, биология. Психологии, однако, после Аристотеля уделялось лишь весьма ограниченное внимание. Преобладание чисто словесных интеллектуальных практик (использование аллегорий, загадок, компиляций и формальных построений) явилось одной из основных причин возникновения психофизического дуализма, сменившего натуралистическую философию. Определенный парадокс заключается в том, что психология как научная дисциплина не участвовала в общем процветании наук, хотя сама по себе *смена научной ориентации, заключающаяся в утрате интереса к природному миру и обращении к трансприродной или нефизической реальности, явилась психологической реакцией на социальные условия.*

Аристарх Самосский (310–230 гг. до н. э.), чьим учителем был слушатель основанного Аристотелем Лицея, официально придерживался мнения, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, а результатом вращения Земли вокруг своей оси является смена дня и ночи. Из отсутствия эффектов параллакса (звезды не смещаются друг относительно друга при взгляде с различных точек земной поверхности) он сделал правильный вывод, что звезды удалены от нас на огромные расстояния. Точка в центре земной орбиты относится к ее величине так же, как сама эта орбита относится к расстоянию до звезд (Sarton, 1959). Чтобы определить расстояние от Земли до Луны и Солнца, Аристарх использовал метод триангуляции (Singer, 1959). Хотя полученные им данные были неточны, сам метод измерения был правильным. Эратосфен Киренский (275–195 гг. до н. э.) был сведущ во многих дисциплинах и служил главным александрийским библиотекарем. Измерив угол падения тени в день летнего солнцестояния в двух городах, находящихся на различных широтах, расстояние между которыми было известно, он смог вычислить размеры Земли с погрешностью менее одного процента. К числу великих мыслителей этой эпохи принадлежали также Евклид (ок. 300 г. до н. э.), создатель системы геометрии, носящей его имя; Архимед (287–212 гг. до н. э.), известный своими физическими открытиями и техническими изобретениями, Диофант (III в. до н. э.), способствовавший значительному развитию математики; и Гиппарх, составивший точную карту звездного неба с координатами звезд. Однако работы психологического характера по большей части служили развитию философии приспособления к суровым условиям окружающей действительности, а не преследовали цели понимания таких психологических явлений, как восприятие, мышление или воображение.

Смутные времена Греко-римской империи. Несмотря на достижения александрийской науки, мрачные тучи уже нависли над горизонтом. Непосильное бремя налогов, установленных правителями бывшей империи Александра, такими как Птолемеи в Египте и Селевкиды в Сирии, и конфискация имущества за долги поставили земледельцев на колени. Населяющие сельскую местность земледельцы эксплуатировались торговцами, живущими в городах, а также самим правительством. Для ремесленников и строителей тоже наступили тяжелые времена. Все богатство оказалось в руках кучки правителей и их свиты, высших чиновников, купцов и ростовщиков. Большинство же населения находилось на грани голодной смерти, и общий уровень жизни резко упал. Состоятельные граждане Афин и Коринфа, а также прибрежных городов на территории современной Турции, таких как Эфес и Милет, помогали голодающим продуктами. На их деньги строились общественные сооружения — храмы и гимназии, чтобы

предотвратить беспорядки и выступления против элиты (Green, 1990). Нескончаемые войны подрывали экономику Греции и наводнили ее большим количеством рабов. «Рост цен, низкие доходы и конкуренция со стороны рабского труда являлись постоянным источником угрозы для низко- и среднеквалифицированных свободных работников» (Green, 1990). Рабство препятствовало перераспределению богатств путем оплаты труда и распространению новых рынков товаров и услуг. Однако накопленное богатство было огромным. «Деньги можно было брать голыми руками, и военачальники, начиная от Суллы и заканчивая Антонием, не замедлили воспользоваться шансом сорвать куш. То, что оставалось после них, прибирали к рукам сборщики налогов (publicani) и местные правители» (Green 1990). Участь простого люда, жившего в ту эпоху, описана так:

> «Их жизнь была тяжелой и мрачной и становилась все безотраднее; они погрязали в нужде, доходы все падали, а тревога за завтрашний день все возрастала. Так, каждый в любую минуту мог оказаться захваченным в плен или похищенным пиратами и оставаться рабом до конца своих дней. Их родной город, любимый полис, уже не мог обеспечить им защиту. Даже в наиболее процветающих городах, Афинах и Родосе, господствовал дух глубокой униженности и разложения. Гордые цари также уже не могли эффективно управлять; в сущности, они были сломлены. Неудивительно, что в такой атмосфере родился презираемый образ «грека» (Graeculus), описанный римскими писателями: деморализованный и бесчестный, профессиональный лжец и льстец, эгоистичный спекулянт и эксплуататор; каждый думал лишь о том, как обеспечить хотя бы минимальный уровень благополучия себе и своим детям…» (Rostovtsev, 1938–39, p. 18–19).

В Италии ситуация была не лучше. Порабощение Римом других народов особенно усилилось после 223 г. до н. э., когда римские войска разрушили Мантинею, город Аркадии. Между 200 и 150 гг. римляне захватили *по меньшей мере четверть миллионов рабов* (для сравнения: население Афин составляло 100 000 человек), однако практика порабощения народов началась еще в 296 г. (Green, 1990). Многие рабы отправлялись на пшеничные поля и скотоводческие фермы Сицилии и южной Италии, где они работали группами, скованными общей цепью. В самом Риме был период, когда рабы составляли 75% населения. На Сицилии происходили восстания рабов в 136–131 гг. и в 104–101 гг. до н. э. Все восставшие были подвергнуты ужасным наказаниям и казнены. Обеспокоенный тем, что горстка богачей почти полностью искоренила среднее сословие и крестьян, сосредоточив в своих руках все земли и богатство, Тиберий, один из двух братьев Гракхов, принимая выборный сан трибуна в 133 г., поклялся помочь лишившимся своих владений. Но после того как он провел (в сенате) закон о перераспределении общественных земель, его убили. Его брат Гай был избран в сенат в 121 г. и осуществил ряд реформ, направленных на помощь бедным. Однако он также был убит, его реформы отменены, а социальные и политические войны вспыхнули снова. «Два столетия, предшествовавшие наступлению христианской эры, были периодом непрекращающихся бедствий. На какое-то время Рим прекратил военные действия и дал миру спокойно вздохнуть, но после правления Антонина счастье покинуло античный мир» (Angus, 1975).

Эллинистическая одержимость словом и истоки психофизического дуализма. Учитывая сложившуюся ситуацию, становится понятным, что даже привилегированные интеллектуалы стали отворачиваться от этого презренного мира и искать удовлетворения в личных занятиях. Пересечение греческих и восточных течений мысли еще более способствовало развитию такой ориентации. Греческая объективность и интерес к природе встретились с индийским стремлением к невыразимому и иллюзорному, к *нирване*. Монотеистические взгляды были заимствованы из зороастрийской религии персов и иудейских текстов из Палестины. Как и сами народы, пришедшие из Месопотамии, Карфагена и Китая, смешивались их взгляды и верования. Анализ текстов и их словесные интерпретации подменили собой наблюдение и выяснение истины в процессе открытого диалога. Схоласты* принижали значение греческой науки и превозносили *слово* как способное проявить скрытую (underlying) реальность. Греческий интерес к риторике и искусству ведения спора и убеждения был превращен в текстуальный анализ. Александрийские мыслители принялись за исследование грамматики, объективное занятие, придававшее все большую силу словам и ослаблявшее внимание к тому, что они обозначают.

Во II в. до н. э. Дионисий (Фракийский, Thrax) усовершенствовал *аллегорический метод* обнаружения скрытых значений, содержащихся в грамматических структурах. Этот метод позволял схоластам вычитывать из текстов смыслы, отличные от лежащих на поверхности, то есть не буквальные, а аллегорические смыслы. Иудейский мыслитель Филон Александрийский достиг наибольшей известности в использовании этого метода. Он попытался продемонстрировать, что такие греческие авторы, как Платон и Аристотель, черпали вдохновение в древнееврейских писаниях. Тем самым он соединил иудейскую религию и греческую науку. Основываясь на более ранних примерах, таких как Посейдон у сто-

* scholars — в дальнейшем это слово также употребляется в более широком значении — «ученые», «мыслители». — *Примеч. пер.*

иков, он трансформировал иудейского бога из гневного, завистливого, мстительного и тщеславного (требующего поклонения и жертв), а также наделенного другими чисто человеческими характеристиками, в индивидуальное воплощение совершенного творца. Бог, созданный Филоном, был вознесен над физическим миром: непознаваемый, вечный и неизменный — Единый. Мы можем говорить не о том, что он представляет собой, а лишь о том, чем он не является, и все же он наполняет наши сердца восторгом и пророчествами (Randall, 1970a). Филон выходит за границы сверхчеловеческого и с помощью слов создает образ сверхъестественного. Эта трансформация подготовила почву для возникновения нефизической и спиритуалистической психологии, умещавшейся рядом с физическим телом, или, другими словами, создала условия для выхода на сцену психофизического дуализма (Kantor, 1963).

Греко-римские секты. Период с 146 до 30 г. ознаменовался дальнейшим упадком. Он начался с окончательного завоевания Римом Востока и закончился битвой при Акциуме (Actium), установившей господство Рима над Египтом времен Птолемея. Это был период классовых конфликтов, гражданских войн и экономического империализма. Процветало пиратство, правящие классы были развращены завоеванными богатствами, а трудовой народ впал в рабскую зависимость. В стране бушевали гражданские и межнациональные войны и классовые конфликты; над людьми нависла угроза порабощения и смерти. В такой обстановке возрастали отчаяние, пессимизм и аскетизм народа (Murray, 1955; Rostovtsev (ff), 1957). Возвратившиеся из походов римские солдаты и моряки распространили в Вечном Городе восточные культы, обещающие блаженную загробную жизнь. Эти культы постепенно прижились на римской земле и начали вытеснять традиционные римские верования, не слишком много обещающие людям при попадании на тот свет. В ответ на это в интеллектуальных кругах было разработано учение о сверхъестественном, как области, над которой не властны законы этого презренного мира.

Вдобавок к одержимости интеллектуалов игрой словами проявилась также реакция на социальные условия со стороны широкой публики (к которой присоединились, однако, и многие интеллектуалы) — интерес к культам или сектам, магии и предсказанию будущего. Эта тенденция стала набирать силу уже в V в. и продолжала развиваться в течение всего периода Римской империи. В эпоху неопределенности и страха эти учения предлагали человеку нечто конкретное — они наделяли своих последователей способностью контролировать судьбу. Хотя поклонение древним олимпийским богам продолжалось, оно было скорее данью традиции, чем осмысленной верой. Тем временем все более распространялось увлечение предсказывать и изменять Судьбу («Tyche»), под которой обычно понималась неминуемая смерть. Если судьба является предопределенной, она может быть предсказана, а значит, человек способен с помощью определенных практик узнать свое будущее. Получило распространение множество способов предсказания: по клубам дыма, полету птиц или содержанию сновидений, однако астрология, берущая начало в Вавилоне и перешедшая оттуда в Египет, а затем в Грецию и Рим, постепенно заняла господствующее положение. По иронии судьбы величайшие достижения математики и астрономии соседствовали с повсеместным увлечением астрологией.

Корни многих сект восходят к сезонным праздникам, утверждающим и прославляющим возрождение природы в смене времен года. Позднее это представление было распространено сектантами также и на личное возрождение в лучшем мире, свободном от земных горестей. Наибольшей известности достигли секты, поклоняющиеся египетским богам Исиде и Осирису; фригийскому Аттису или Великой матери богов Кибеле (Фригия была расположена на территории современной центральной Турции); персидскому Митре (современный Иран) и Иисусу Христу из Палестины. Среди других божеств можно назвать сирийского Баала, иудейского бога Яхве из Палестины (невыразимое JHWH, означающее «быть» или «дышать» и произносимое как Яхве или Иегова), Диониса и Орфея из Фракии, расположенной в северной Греции (а также на территории современной северной Болгарии и северо-западной Турции), греческого Геракла (римского Геркулеса) и Адониса из Месопотамии. Обо всех богах, кроме Баала, Яхве и Кибелы, говорилось, что они умерли и воскресли, однако даже эти три божества были связаны с идеей воскрешения посредством их связи с другими богами (Баал и Кибела — с Аттисом, а Яхве — с Христом). Геракл, Орфей и Иисус были рождены в человеческом облике, умерли мучительной смертью и были вознесены на небеса своими божественными отцами, откуда ниспосылали блага на своих почитателей. Этим богам был присвоен титул «Господь». Верующие пытались вести праведную жизнь, поклоняться совершенному богу и культивировать в себе братские чувства по отношению к другим (Brandon. 1963, 1969; Eliade, 1954, Haydon, 1967; James, 1960, 1961, Turcan, 1996).

Некоторые из этих верований и ритуалов, наряду со многими другими, проникли также в христианство, и христианские теологи (в частности, Ориген) были возмущены сходством «языческих» сект с их собственным вероучением, не понимая того, что именно последнее заимствовало у первых, а не наоборот. Все эти секты, включая христианство, выполняли сходные психологические функции — вселяли надежду на лучшую жизнь после смерти и чувство уверенности и покоя в земном существовании. За четыре столетия поиски истины уступили место поискам спасения, изучение природных явлений — словесным построениям, а наслаждение радостями жизни — подготовке к смерти.

Греко-римский спиритуализм: сверхъестественная душа. Римляне принесли мир (Pax Romana) управляемым ими народам, но их правление было жестоким и притесняющим. Налоги римских властей оказались не менее разорительны, чем налоги эллинистических диктаторов, и в конце концов уничтожили средний класс, тогда как сосредоточившие в своих руках все богатства землевладельцы отказывались их платить. К тому же римлянам потребовалось четыре столетия, чтобы научиться управлять завоеванными ими огромными территориями, населенными совершенно различными народами. К тому времени как они овладели этим искусством в период правления Диоклетиана (284–305), империя уже находилась на стадии распада (Barnes, 1965). Но несмотря на это римский воинствующий мир нес с собой торговлю, которой занимались в основном греки, сирийцы и иудеи, а также распространил по миру культуру Среднего Востока и Греции, которая в конечном счете возобладала над римской и дошла до наших дней.

Если скептики, киники, стоики, киренаики и эпикурейцы «искали спасения в этом мире, то по мере того как жажда избавления от страданий росла, люди стали искать спасения от этого мира» (Randall, 1970a). В эллинистическую эпоху получает распространение *персонализм*, отношение к жизни, ставящее собственные интересы выше гражданских обязанностей (Kantor, 1963). Утверждение достоинства индивидуума и равенства всех людей — взгляд, особенно ярко проявившийся в результате соединения учения стоиков с иудаистско-христианской доктриной, — явилось тем вкладом, который в наши дни считается наиболее ценным из наследия того периода (Randall, 1970a). Шло время, менялись исторические условия, и персонализм уступил место *спиритуализму*, учению о том, что человек отличается от животных наличием у него сверхъестественной *псюхе*, которую мы теперь называем психикой (psyche), или душой.

Источники представлений о душе как сверхъестественном агенте не так хорошо известны нам, как источники представлений о сверхъестественных божествах, но мы знаем, что в I в. до н. э. римский поэт Гораций (65–8 гг. до н. э.), последователь эпикурейской традиции, отрицал существование богов и загробной жизни. Лукреций (95–55 гг. до н. э.), бывший также римским последователем Эпикура, в своем сочинении «О природе вещей» выступает против суеверий своего времени, к которым он относит веру как в сверхъестественное, так и в сверхчеловеческое. Будучи верен философским принципам своей школы, он развивает психологическое учение, основанное на гипотезе о существовании атомов, предложенной Демокритом. Это учение явилось последним выражением натуралистической психологии на протяжении многих столетий. Лукреций доказывает материальность души (mind):

> «Пусть хоть не на́смерть сразит нас копье, с ужасающей силой
>
> Жилы и кости пронзив и внутрь глубоко проникнув,
>
> Все же мы замертво тут опускаемся наземь в томленьи
>
> Сладком, но вдруг на земле возбуждается ум, и порою
>
> На ноги смутное в нас возникает желанье подняться.
>
> Значит, нам должно признать, что духа природа телесна,
>
> Раз от оружья она и ударов телесных страдает».
>
> (Lucretius, 1951, III, 178-80 / Лукреций, 1958, III, 170–176, пер. Ф. А. Петровского)

Сам факт, что Лукрецию приходится доказывать свою точку зрения, говорит о том, что были и те, кто возражал против нее. В другом месте своего сочинения он утверждает, что только два рода вещей составляют все существующее: тела и пространство. Тот факт, что все люди ощущают вещи, свидетельствует о существовании тел, и пока мы не примем этот факт, мы не сможем прийти к каким-либо рациональным выводам. Далее, утверждает он, пространство должно существовать для того, чтобы в нем могли располагаться и перемещаться тела. Нет ничего третьего, что не было бы телами или пространством. Очевидно, что отрицание Лукрецием «третьего» относится к утверждению о существовании сверхъестественного агента, который не занимает пространства. Лукреций также выдвинул замечательную теорию эволюции путем естественного отбора, близкую к нашему современному пониманию.

Продолжение эллинистического спиритуализма в христианстве. Когда Отцы Церкви — деятели христианской церкви II–VIII вв. начали разрабатывать христианскую теологию, они заимствовали у схоластов эпохи эллинизма практику создания аллегорических толкований, примером использования которых является новозаветная книга «Откровение». Они также пытались, ссылаясь на аллегоричность текста, объяснить тот факт, что предсказанное в этой книге второе пришествие не наступило. Что касается психологии, они продолжили эллинистическую традицию сверхнатурализма, еще далее развив учение о душе как сверхъестественном элементе человеческой природы, подобном или существующем параллельно сверхъестественному характеру Бога и наделенном общей с Ним духовной природой. В соответствии со взглядами Отцов Церкви, душа является неделимым и бестелесным источником мышления и (свободного) выбора и связана с Богом и бессмертием. Поскольку восприятие включает работу телесных органов чувств, Отцы Церкви оставили его в ведении тела. Тем не менее споры о природе

души сопровождались многовековыми попытками теологического формулирования ее сущности (Kantor, 1963). В начале III столетия Ипполит, один из Отцов Церкви греческого происхождения, подверг суровой критике сочинения известных греческих и римских авторов. Он заявил, что трактат Аристотеля «О душе» лишен, с его точки зрения, всякого смысла. Пропасть, которая пролегла между взглядами грека Аристотеля и грека Ипполита, не могла быть продемонстрирована более наглядно. Ипполит отверг все нехристианские естественнонаучные и этические сочинения, чтобы поставить на их место христианскую теологию.

Приверженность греческой рациональности и попытки построения христианской теологии неизбежно должны были привести к противоречиям. В IV в. Григорий Нисский (умер в 394 г.) признал непостижимость союза души и тела. Душа не может находиться внутри тела, потому что это означало бы, что она находится в физическом пространстве; по тем же причинам ее нельзя считать и находящейся вне тела. Каким образом первая сообщается со вторым, является необъяснимым и непостижимым для человека. Мы не можем ни помыслить, ни выразить словами эту связь, но лишь признать тот факт, что действия одной соответствуют действиям другого. Тринадцать веков спустя немецкий философ Готфрид Лейбниц использовал ту же идею соответствия, добавив к ней аналогию с часами (см. с. 51), пытаясь объяснить механизм психофизического дуализма.

> «Весь свод христианских доктрин и догматов, рассматривающих проблемы отношения человека к Богу и триединого Бога к человеку, сформировал основу представлений о двойственности человеческой природы: с одной стороны, человек является природным существом, биологическим организмом, с другой — творящей душой, психической субстанцией, набором ментальных функций» (Kantor, 1963 p. 236).

Теологическая трактовка психологических событий до сих пор оказывает влияние на психологию. Вопросы, касающиеся взаимоотношений души и тела, сознания, эго, «я», психических или ментальных процессов, порождаемых мозгом умственных способностей, ощущений, психических болезней и многих других абстрактных психологических понятий, восходят к христианской теологии. Даже сам вопрос о предмете психологической науки остается спорным благодаря этому влиянию. Является ли психология наукой о душе? поведении? душе и поведении? опыте? познании и поведении? или, быть может, о социальных конструкциях?

Выводы. Теперь мы можем более подробно ответить на вопрос, поставленный в начале данной главы. Проведенный нами обзор исторических свидетельств показывает, что дуализм души и тела существовал не всегда, как не всегда являлся он и частью систематической психологии, поскольку мы не находим его у Аристотеля. Итак, психофизический дуализм не является единственно возможным способом мышления. В западном мире мы впервые обнаруживаем его во II–I вв. до н. э. среди александрийских интеллектуалов, которые начали утрачивать интерес к изучению природы и увлеклись игрой словами. Это произошло в тяжелое время бесконечных войн и испытаний, когда создание милостивого бога, вознесенного над физическим миром и способного внять нуждам людей, оказалось более насущной потребностью, чем изучение мира, от которого исходила угроза. Заимствование мистических учений Востока, несомненно, способствовало этому процессу. Широкая публика искала утешения в сектах, проповедующих спасение, одна из которых — христианство — соединила веру в спасение с интеллектуальной традицией александрийских схоластов и создала учение о сверхъестественной душе как индивидуальном агенте, связанном со сверхъестественным богом, сконструированным Филоном и эллинистическими мыслителями. Христианская теология поделила психологические явления между душой и телом. Наследие этой традиции дошло до наших дней и существует в современной психологии в форме дуализма «душа—тело». Так, по мнению некоторых психологов, органы чувств получают внешние стимулы, а психика или разум воспринимает и перерабатывает их; соответственно, когда психика подвергается хроническому стрессу, в теле происходят физические нарушения.

Знание о том, при каких условиях возник и получил распространение психофизический дуализм, позволяет нам, рассмотрев любую конкретную систему ценностей или направление мысли, решить, имеет ли для нас смысл класть этот источник в основание психологической системы или мы предпочтем ему альтернативу, как это впервые сделал Аристотель. Современные системы психологии предлагают нам различные способы решения данного вопроса: одни из них обнаруживают сходство с учением Аристотеля, другие — дуалистичны, а третьи — механистичны.

Параллели с Индией

Аналогичный ход событий еще раньше имел место в Индии. В ее истории тоже были периоды нестабильности и суровых испытаний, а также находились мыслители, предлагавшие людям абстрактные учения (Smith, 1990a). Свидетельства тому мы находим уже в «Ригведе», повествующей о почитании природы и поклонении природным богам у индоевропейского племени ариев (или арийцев). Этот народ обосновался на ограниченном пространстве на севере центральной Индии, где расположен современный Дели, и, вероятно, заселил все пригодные для жизни земли; однако его численность продолжала расти. Это породило голод, лишения и межплеменную

вражду (Ригведа, 10.33.2–3). В этом месте повествование приобретает все более мистический оттенок; более заметной становится тяга к абстракциям и аллегорическим объяснениям существующего (10.129.4). С ростом населения, при отсутствии плодородных земель, на которых оно могло бы поселиться, все более ожесточается борьба между ариями; жертвоприношения становятся частыми и обильными, получают широкое распространение ритуалы и формируется иерархия жрецов, занимающихся отправлением развившихся культов. В более поздней «Яджурведе» тема жертвоприношений становится доминирующей и появляются первые упоминания о человеческих жертвах. Природные боги отходят на второй план, а высшую власть получает абстрактный бог Праджапати. «Яджурведа» повествует о поисках иного мира (non-world), неподвластного земным страданиям, в котором можно управлять окружающей средой с помощью правильно принесенных жертвоприношений. А тем временем на земле господствуют войны и голод. В еще более поздних текстах, «Брахманах», высшей силой по-прежнему остается Праджапати, *Кто? (Who?)* — неопределимое. Все большее значение приобретает тема аскетизма и искупления грехов. Неопределимое и невыразимое занимает основное место в текстах «Брахман», наряду с мрачным пессимистическим ожиданием смерти и повторного рождения. В этих текстах фигурирует также «безграничный» разум, который отождествляется с Конечным (the Ultimate). Реальное становится невидимым, непостижимым, невообразимым и невыразимым — целостностью бытия и небытия, а мир горестей и страданий превращается в иллюзию.

В ранних фрагментах «Ригведы» дыхание *(атман)* представляет собой жизненную функцию, утрата которой означает прекращение жизни; в поздних же фрагментах *атман* становится абстрактной творческой силой. В следующем за ним тексте «Атхарваведы» *атман* воссоединяется с телом в загробной жизни и начинает отождествляться с Праджапати, или Всем (the All). К периоду написания «Брахман» *атман* превращается в «я» со спиритуалистическим оттенком, охватывая всю совокупность индивидуальных сил. Начинаются поиски недоступной наблюдению «сущности» вещей. Сущность есть реальность. Сущность есть *атман*. Объясняя ученику, что есть сущность вещей, учитель просит его разрезать фиговый плод. Ученик разрезает и видит мельчайшие семена. Тогда учитель просит его разрезать семя. Ученик выполняет просьбу и ничего не видит. Это, говорит учитель, и есть сущность. Сущность «ничего» и есть реальность. Это *атман*, и «ты есть это» (то есть одновременно и *атман*, и пустота, и сущность (Chhandogya Up. 6.8.6, 6.9.4, 6.10.13, и далее)). *Атман* и универсальный дух, *Брахман*, в своей сущности есть одно и то же. Они бестелесны, находятся вне пространства и недоступны для восприятия (undemonstrable). Здесь мы впервые встречаем полностью развитый сверхнатурализм — учение о сущности, находящейся вне времени и пространства, вне природы и бесконечно выше нее. Но когда вершина достигнута, это не приносит удовлетворения. Отсюда некуда больше идти; с ней ничего нельзя сделать. А потому чисто физические акты, будь то медитация или молитва, не могут оказать на нее никакого влияния, как и она не способна повлиять на них, ибо они являются лишь действиями физического тела, связанными с пространством, движением и материей. *Брахман* же не связан никакими физическими ограничениями и бесконечен. Трансцендентное не принадлежит пространству и времени, в которых совершаются физические акты. Соответственно, в некоторых фрагментах текста говорится о том, что *Брахман* непознаваем ни ощущениями, ни разумом. В других текстах говорится, что он находится за пределами понимания (Mundaki Up., 2.2.1) или даже «выше незнаемого» (Kena Up., 3) и абсолютно непостижим (Kena Up., 11).

В некоторых текстах «Упанишад» *атман* описывается преимущественно в психологических терминах. Посредством него становятся возможны зрение, слух, обоняние, речь, память, желание и воля. *Атман* также является Праджапати и *Брахманом*, как и земля, ветер, пространство, вода, свет и множество других вещей. Хотя *манас* (слово, имеющее тот же индоевропейский корень, что и «разум» (mind)) иногда приравнивается к атману, за *манасом* обычно сохраняются физические характеристики тела, тогда как *атман* представляет собой трансцендентальный элемент дуализма «душа—тело».

Вслед за «Упанишадами» появляются «Сутры», написанные между 600 и 200 гг. до н. э. В позднейших из них даже материальные физические качества окружающего мира, доступные органам чувств, объявляются иллюзией. Все, кроме *Брахмана*, является внутренним и умозрительным (mental). Таким образом, физический мир *манаса* с его мыслями, чувствами и восприятием есть лишь иллюзия, и человек способен познать свое истинное «я» только через *атман*, чистый дух. Один *Брахман* является внешним и реальным и порождает мир видимостей в последовательности эманаций. Следующий шаг в развитии этого направления мысли был сделан в философии *Веданты*, включившей в сферу сверхнатурализма все, не оставив ничего на долю физического мира. Поскольку философия *Веданты* признает лишь нефизическое, нередко полагают, что эти взгляды не содержат психофизического дуализма. Однако *Веданта* продолжает сохранять дуализм в неявной форме, противопоставляя сверхнатурализм иллюзорному физическому миру. Философия *Веданты* знаменует собой конечную точку развития от натурализма к сверхнатурализму.

Когда индийские ученые начали разрабатывать систематическую психологию, они положили в ее основу свои культурные традиции. В результате

появилась органоцентрическая психология, в которой присутствовал психофизический дуализм. В частности, когда они попытались объяснить процесс ощущения, они вынуждены были признать, что глаз не может видеть результат своего собственного видения. Следовательно, предположили они, *манас* должен наблюдать за тем, что видит глаз. Однако они также вынуждены были признать, что и *манас* не может видеть результатов своего видения. Значит *буддхи* (интеллект) видит то, что видит *манас*. Но что наблюдает за тем, что видит *буддхи*? Должно быть, это сверхъестественный индивидуальный дух, *атман*. Один из текстов на этом заканчивается, но в другом говорится, что *Брахман* наблюдает за тем, что видит *атман*. Этот бесконечный порочный круг явился следствием дуализма физического — нефизического и внутреннего — внешнего, сформировавшегося в течение многих веков и органически вошедшего в раннюю систематическую индийскую психологию. Аристотель, придерживавшийся недуалистических и нецентрических взглядов, не сталкивался с такими проблемами. Для него ощущение было актом взаимодействия объекта и организма.

Таким образом, оказавшись вынужденной долгое время жить в тяжелых социальных условиях, образованная часть общества, состоящая из жрецов брахманизма, сконструировала сверхъестественную психофизическую реальность, эволюция которой прослеживается начиная с поздних текстов «Ригведы» и достигает своего полного развития в «Упанишадах». Аскетизм и медитация, в сочетании со сверхнатурализмом и практиками, направленными на избавление от желаний и формирование отношения к миру как к иллюзии, служили способом бегства от ужасных социальных условий. Развившиеся позднее системы философии рассматривают ряд четко разграниченных между собой психологических событий (явлений). Их трактовка постепенно приобретает все более внутренний, а нередко и мистический характер, в соответствии с эволюцией взглядов — от погруженности в природу в «Ригведе» к трансцендентальным концептуализациям. Одним из проявлений этой тенденции служит эволюция *атмана* от дыхания и ветра до нефизической стороны дуализма «душа—тело». На рис. 2.2 графически представлена эволюция взглядов от анимистического натурализма до сверхнатурализма и дуализма «душа—тело» в индийской и европейской культуре.

Упадок Римской империи и возрождение науки

Римская наука, техника и энциклопедизм. В эпоху римского господства греческие ремесленники, астрономы, ростовщики, музыканты, кораблестроители, а также квалифицированные рабочие других специальностей доставлялись в Рим. Римляне не стали развивать дальше греческую науку, а использовали знания и практические достижения греков для строительства дорог и акведуков, распространения медицины и гигиены, усовершенствования географических карт и постройки архитектурных сооружений. Образованная часть римского населения приняла точку зрения Эратосфена на сферичность Земли, а некоторые — и гелиоцентрический принцип Аристарха. Большинство научных сочинений римлян представляли собой компиляции из более ранних источников, однако Витрувий (31 до н. э. — 14 н. э.) написал десять книг об архитектуре, которые содержали относительно новый материал, включая анализ акустики. Повторное открытие его работ в средние века привели к возрождению романского стиля в архитектуре. Оригинальными были также сочинения Марка Агриппы (63–12) по инженерии, географии и картографии. К числу римских энциклопедистов принадлежал Авл Цельс (примерно начало I в. н. э.), автор многочисленных сочинений на различные темы, из которых сохранились только его медицинские трактаты, содержащие свод знаний по александрийской медицине. Гален (131–200), врач греческого происхождения, живший в Риме, соединил собственные медицинские открытия и различные традиции медицины и подчеркивал, что устройство человеческого тела служит определенным целям. Поскольку идея о предназначении человека устраивала христианских теологов, в средние века его взгляды были превращены в догму и оказались препятствием на пути дальнейших исследований. Автором наиболее известной энциклопедии — «Естественной истории», насчитывающей 37 томов, в которых факты переплетаются с мифами, был Плиний старший (23–79). Варрон (116–27 гг. до н. э.) также составил ряд энциклопедий на различные темы, в которых собственным наблюдениям автора отводится лишь незначительное место. Его лучшее сочинение посвящено сельскому хозяйству. Непререкаемая вера Варрона в письменные свидетельства, которые он предпочитал наблюдениям, поддерживала линию схоластов позднего эллинизма, продолжавшую доминировать на протяжении средних веков. Римляне достигли значительных успехов в строительстве и инженерном деле, но «сделали очень мало, или практически ничего, для развития естественных наук. Напротив, они в значительной степени способствовали упадку науки и сдерживанию истинно научных интересов, распространив множество псевдонаучных сочинений, подобных «Естественной истории» Плиния» (Barnes, 1965). Риторика, изобилующая театральными эффектами и цветистыми выражениями, превратившимися в самоцель и весьма далекими от реальности, становится основой образования в Римской империи.

Плотин. Несмотря на технические достижения римлян и распространение энциклопедического знания, вся психология после Лукреция является мис-

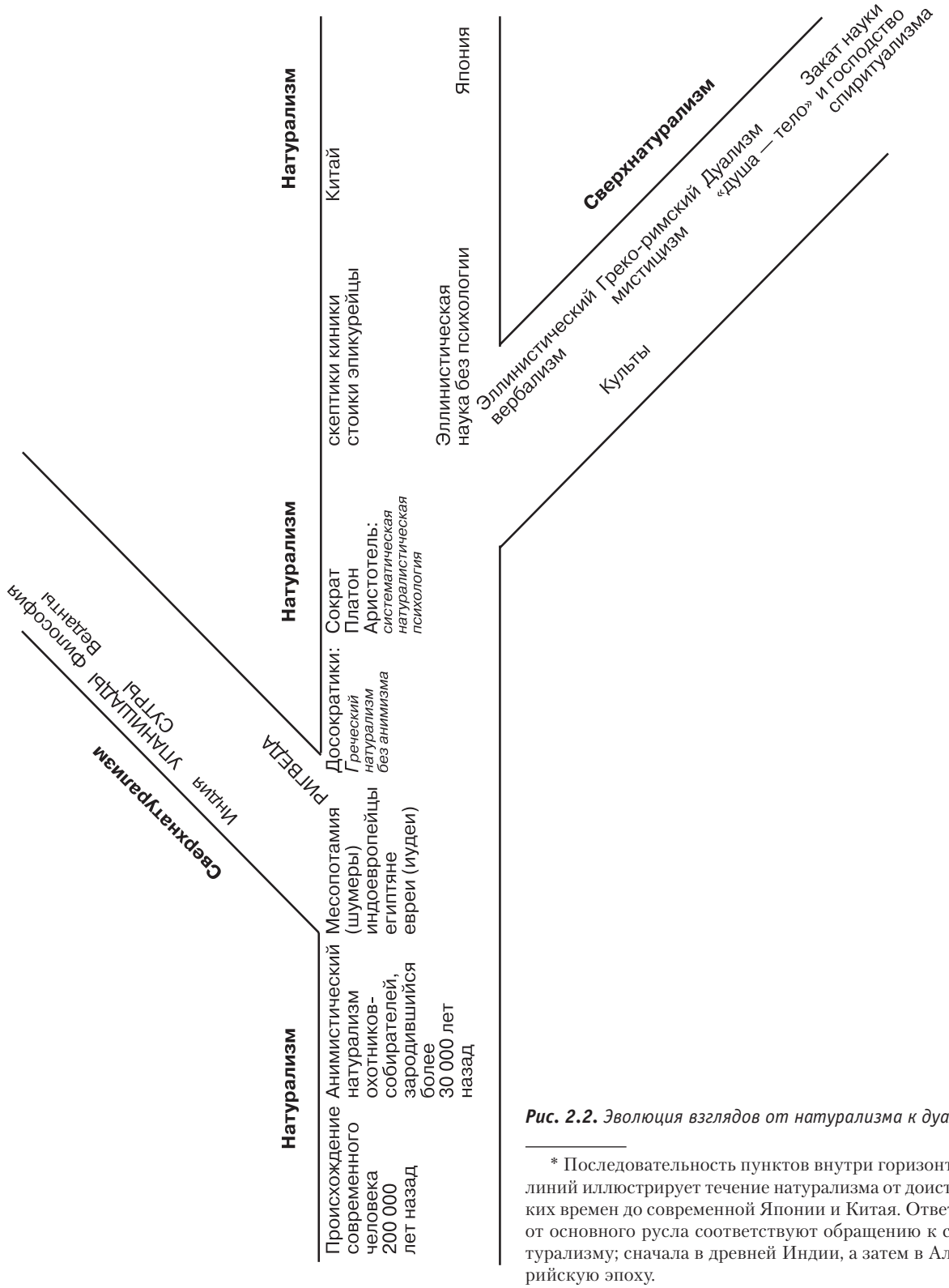


Рис. 2.2. *Эволюция взглядов от натурализма к дуализму* *

* Последовательность пунктов внутри горизонтальных линий иллюстрирует течение натурализма от доисторических времен до современной Японии и Китая. Ответвления от основного русла соответствуют обращению к сверхнатурализму; сначала в древней Индии, а затем в Александрийскую эпоху.

тической. Это относится как к патристике, так и к языческой психологии. Однако обе они сами по себе явились психологической реакцией на враждебные социальные условия и попыткой бегства от невзгод своего времени. И язычники, и христиане искали утешения в возвышенных абстракциях мистического Единого (One), бесконечно далекого от суровых условий жизни в Римской империи. Среди языческих философов наибольшей известности достиг Плотин (204–270), оказавший влияние на многих христианских авторов, включая Августина, а также на исламскую мысль и современную психологию. Как и большинство ученых эллинистического периода — языческих и христианских, — он обучался в Александрии. Плотин попадает туда в 243 г. во время путешествия на Восток, но бежит в Рим после убийства императора Гордиана (Gordian). По словам его ученика Порфирия (233–304), в Риме он «усердно трудится, чтобы освободиться и подняться над горькими волнами этой иссушающей кровь жизни» (Porphyry, 1934, par. 23). Поскольку факт рождения имеет столь очевидную физическую природу, Плотин избегал упоминания о своих родителях и даже стыдился обладания физическим телом.

Плотин многое заимствовал у Платона, но значительно переработал его учение, превратив в то, что он назвал неоплатонизмом. Платон начинал свои научные поиски с изучения сенсорных событий (sensory events), хотя и считал ощущения недостоверными и стремился обнаружить за тем, что доступно ощущению, более совершенные формы. Он называл высшую форму совершенства Идеей или Единым. Так, например, человек не в состоянии начертить совершенную окружность на восковой табличке, но может иметь *идею* совершенной окружности. Трансформация его философии Плотином началась не с конкретных событий, а с мистического Единого, или Тотальности (Целостности) Бытия и Небытия, из которой эманируют другие абстракции или конструкции, подобно каплям, падающим с крана, и все более удаляющимся от первоначального источника (см. рис. 2.3). Эти эманации и составляют реальность. Плотин указывает три эксплицитных уровня этих эманаций. Первый уровень представляет собой Единое, эманацией которого является *Нус*, или Мировая Душа (*псюхе*), из которой, в свою очередь, эманирует Разумная Душа (Mind). В качестве следующей, четвертой, эманации неявно предполагается индивидуальная душа, а на еще более внешних (или глубоких) уровнях — материя, включающая физическое тело. Человеческий дух, или Разумная Душа, может быть обращен вверх — к чистой Мировой Душе, либо вниз — к грешной материи. Разумная Душа отвечает за познание, а высшей формой познания является мистический союз с Единым. К этой традиции восходит слияние познающего и познаваемого в современном социальном конструкционизме (см. главу 8). Плотин призывал отвернуться от низменных объектов ощущений и обратиться к собственной Разумной Душе — частице Единого. Бессмертия не существует, а потому человек должен соединить свою индивидуальную душу с Мировой Душой, утратив тем самым собственную индивидуальность. Умирая, Плотин сказал, что он пытается возвратить Божественное в себе к Божественному Абсолюту (Porphyry, par. 2).

Подход Плотина к процессу восприятия был унаследован большинством систем современной психологии, которые основаны на тех же исходных предпосылках. Объект воздействует на органы чувств, а органы воздействуют на Разумную Душу, которая (вос)создает качества объекта — его текстуру, цвет, плотность, запах, вкус и т. д. При этом нами воспринимается не объект, а его психическая репрезентация. Такой точки зрения придерживаются органоцентрические системы, в особенности ортодоксальная (классическая) когнитивная психология (см. главу 3), однако ее отрицают энвайроцентрические и нецентрические системы. Акцент Плотина на внутренних агентах или процессах также характерен для органоцентрических систем. Память, считал Плотин, не имеет отношения к физическому телу, но всецело принадлежит Разумной Душе, где записываются прошлые события. Душа и тело не могут воздействовать друг на друга. Мышление и рассуждение, как и память, находятся за пределами физического, хотя и вызывают такие чувства, как гнев. Полное разграничение души и тела с неизбежностью привело Плотина к противоречиям, однако именно он представил мистический подход в наиболее очищенной и совершенной форме, который в сочетании с греческим рационализмом явился той платформой, на которой базировалось интеллектуальное развитие последующих столетий. Наиболее привлекательным элементом философии Плотина была программа избавления от волнений римского мира. Труды Плотина проложили путь для развития христианской теологии. Они «оказывали прямое влияние на христианскую мысль в течение целого тысячелетия.., включая наиболее влиятельного из отцов церкви, Августина» (Barnes, 1965). В свою очередь, и сам Августин (см. далее) также оказал значительное влияние на психологию.

Приблизительно после 235 г. римские войска берут на себя большую часть функций правительства, чтобы противостоять социальному и политическому разложению империи. Армия возводила на трон императоров, которые служили ей марионетками, пока она не решала казнить их. Императоры были не способны эффективно управлять отдаленными провинциями или сдерживать коррупцию, пустившую корни в правительстве. Нестабильность и бедность росли, а интерес к общественной жизни падал.

Пытаясь поддержать свою власть с помощью единой религии, в 313 г. император Константин объявил христианство официальной религией Рима. При Феодосии (Theodosius), императоре Восточной (375–395) и Западной (392–395) Римской империи, все прочие религии были объявлены вне закона, а некогда преследуемые христиане сами превратились в преследователей. Растущая власть христианства со-

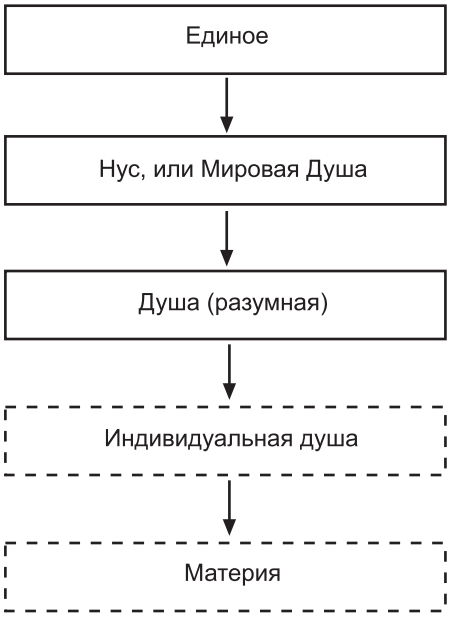


Рис. 2.3. *Эманации Плотина. В этой инверсии и спиритуализации Платона три верхние эманации являются эксплицитными, а две оставшиеся — имплицитными*

провождалась отрицанием всего языческого, включая древнегреческую науку.

Августин (354–430). Если во времена Плотина греки пользовались известностью как самая ученая нация, то в V столетии их умы занимают лишь вопросы духа. IV–V в. стали эпохой другой выдающейся интеллектуальной фигуры — Августина. У Плотина дух является высшей инстанцией по отношению к природе; у Августина природа трансформируется в дух. У Плотина Абсолют бесконечно далек; у Августина Абсолют приближается к человеку и наделяется индивидуальной реальностью. Это было время, когда свирепствовали коррупция и пренебрежение к закону, время распада общественных учреждений, запустения защитных рубежей, массового дезертирства, разбоя обедневших слоев населения и продажи детей в рабство. В конце концов сам Рим, не способный защитить своих граждан от набегов готов с севера, пал в 476 г. Терпимому отношению к греческой науке был положен конец в 529 г., когда император Юстиниан закрыл Платоновскую академию, Аристотелевский Лицей и другие школы греческой мысли, тем самым прервав традицию, непрерывно развивавшуюся на протяжении девяти веков.

Августин призывал людей презреть бренный мир и обратиться исключительно к духовной жизни. Он отверг всю науку, а также религиозные верования языческого происхождения. Лишь внутренняя истина достоверна. В сочинении «О граде Божием» он утверждает, что падение Рима произошло вследствие его погруженности в мирское, ибо никакое государство не может продержаться долго, если оно базируется на человеческих ценностях и человеческих отношениях, а не на духовных. В своей «Исповеди» он интериоризирует доктрины Плотина. Человеческая душа (mind) может вместить целый мир и образ Божий (см. рис. 2.4). Душа и память столь обширны, что человеку достаточно изучать лишь самого себя и отказаться от изучения мира. Этот взгляд послужил базисом интроспективного направления в психологии. Он также явился базисом широко распространенной точки зрения в современной психологии — представления, которому ортодоксальная когнитивная психология придает основополагающий статус и согласно которому мир репрезентируется внутренне. То, что Барнс (Barnes, 1965) называет «личными сексуальными неврозами» Августина, передалось и современному обществу. В качестве реакции против своего легкомысленного поведения в молодости Августин источником всех человеческих несчастий объявил первородный плотский грех Адама и Евы, в котором была повинна Ева. Его обличение женщин и презрение к половым отношениям пропагандировались на Западе вплоть до нашего времени.

В эпоху Августина всякая последовательная научная мысль исчезает из европейской культуры, и эта утрата ознаменовала наступление Средневековья («темных веков»). Однако Восточная Римская империя, Византия, сохранила языческую греческую науку, а также способствовала распространению арабских знаний в Европе XIII столетия.

Средние века и возвращение стабильности. На протяжении Средневековья существовало лишь несколько мест, где в разной степени продолжала развиваться наука, — преимущественно в монастырях. Немногие, кроме монахов, умели читать и писать. Боэций (480–524), человек, достигший большой учености, предпринял попытку перевести на латынь сочинения Платона и Аристотеля. Он успел перевести лишь часть аристотелевой «Логики», прежде чем Теодорик (Theodoric), готский император, казнил его. Если бы Боэций осуществил свои планы, интеллектуальная история Европы могла стать совершенно иной. В средние века был известен платоновский «Тимей», а также немногие другие сохранившиеся фрагменты древнегреческого знания. Около 430 г. Капелла (Capella) в аллегорической форме описывает семь свободных искусств как служанок невесты. Их имена: грамматика, риторика, логика, геометрия, арифметика, астрономия и музыка. Хотя эти дисциплины являлись наследием языческой Греции и Рима (тексты по геометрии, арифметике и музыке были собраны и переведены Боэцием), они легли в основу средневекового образования, впоследствии войдя в число обязательных предметов для получения степени магистра искусств (Master of Arts) во всех европейских странах. В школах читалась грамматика Присциана (VI в.), а также история Оросия (V), од-

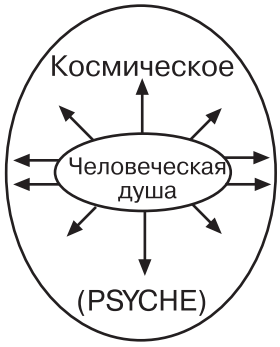


Рис. 2.4. *Интериоризация Космоса Августином (на основе интериоризации Плотина)*

ного из последователей Августина, призванная изображать страшные условия жизни в языческом мире. Кассиодор (490–580) побуждал монахов изучать лекарственные растения для использования в монастырских госпиталях. Англосаксонский монах Беда Достопочтенный (673–735) изучал системы отсчета времени и пропагандировал систему летоисчисления (годы до Р. Х. — от Р. Х.), разработанную Дионисием Эксигием (Dionysius Exiguus, ум. ок. 545 г.). Исидор Севильский (560–636) свел воедино знания, известные из языческой и христианской литературы, однако к VIII–IX в. сохранились лишь немногие фрагменты научных трудов древних греков и римлян, существенно искаженные христианскими теологами. Даже грамматики Присциана и раннего Доната (Donatus, IV в.) были утрачены. Одним из наиболее известных средневековых авторов, знавших греческий язык, был Иоанн Скотт Эриугена (810–880), чьи сочинения являют собой преимущественно мистическую теологию, испытавшую сильное воздействие Плотина. Его теории ангелов оказали значительное влияние на средневековое искусство.

Средние века отмечены не только утратой классической научной мысли, но и заменой логики верой, обращением к авторитету Отцов Церкви, неоплатоническому мистицизму и мифологии. В IX в. Эриугена возрождает интерес к логике, но только в XII в., с появлением в Европе полного собрания логических текстов Аристотеля, ученые вновь начинают использовать строгие логические процедуры. Однако это привело их к крайности, связанной с попыткой обнаружить окончательную истину исключительно в логических построениях, не уделяя внимания изучению природы.

Начальный период средних веков был омрачен набегами и разорением Европы готами, викингами, вандалами, данами, англами, саксами и другими племенами. Огромные пространства обезлюдели, так как местное население бежало от захватчиков. В IX и X вв. нашествия викингов, сарацинов (мусульман) и венгров опустошили Европу (Bautier, 1971). Политическая ситуация была немногим лучше, феодальная система принесла с собой крайнее обнищание крестьян.

«Темные века», охватывающие период приблизительно между 500 и 1000 гг., были тяжелыми только для Запада. Для византийского и мусульманского мира это было время экономического прогресса и расцвета торговли и промышленности. Что касается интеллектуальной сферы, византийские ученые постигали и комментировали греческие тексты, распространяя античное знание на окружающих территориях, включая мусульманский мир, где ученые различных национальностей и направлений мысли переводили, изучали, а в ряде случаев и развивали его.

Относительная стабильность вновь настала в Европе только к IX в., однако порядок установился лишь в XII в. (Barnes, 1965). В VIII и IX вв. начинается культурное возрождение, а в XI в. вновь пробуждается наука. Крестовые походы приносят в Европу весть о том, что мир знания, развитой техники, процветающей торговли, роскоши и изобилия существует в Византии и мусульманском мире. Тем временем европейское общество становится все более секуляризованным, быстро растут города и развивается торговля. *Повторное обретение стабильности и безопасности явилось, вероятно, одним из наиболее важных, если не решающим фактором, благодаря которому общество становится более восприимчивым к таким светским завоеваниям, как возвращение в Европу науки и технологии*. Нетрудно заметить, что процветание, комфорт и благополучие сопровождаются утратой интереса к войнам и ослаблением религиозного фанатизма, тогда как бедность и нестабильность способствуют обратному. Как правило, именно неимущие поддерживают революции и военные вторжения и придерживаются крайних религиозных взглядов, в то время как обеспеченные думают о мире и развитии торговли. (Безусловно, эта корреляция не является строгой закономерностью, поскольку в сложной ситуации возможно всякое.)

Строительство замков и соборов стимулировало совершенствование архитектурного мастерства и технических изобретений. Впрочем, и войны способствовали развитию технологии и проявлению интереса к фундаментальным научным принципам. Уже в начале IX в. в Италии был открыт Университет Салерно для изучения медицины, а в 1088 г. — университет Болонья для изучения права. Парижский университет открывается около 1200 г.; Оксфорд и Кембридж в Великобритании имеют столь же давнюю историю. За ними появились новые университеты в Италии, Германии, Шотландии, Португалии, Чехословакии и Польше. Хотя в этих университетах господствовало догматическое, а не свободное мышление, более сектантское, чем светское, их развитие способствовало систематизации знаний и стимулировало дальнейшие исследования.

Трансформация значений слов разум (mind) и душа (soul). В начале и середине средних веков тер-

мины, используемые в наше время для обозначения психофизического дуализма, изменили свое значение с первоначального — натуралистического — на дуалистическое. Эта трансформация значений слов psuché/psyche отражена на рис. 2.5. В наиболее ранних письменных источниках все три термина (псюхе, разум, душа) встречаются в своем натуралистическом значении. Нематериальное или нефизическое значение слова «psyche», появившееся приблизительно во II в. до н. э., дало толчок к появлению аналогичного значения у слова «душа» (soul) в IX в. н. э., а также у слова «разум» (mind) в XII в. (благодаря христианским влияниям эти слова заменили собою слово «psyche»).

Слово «разум» первоначально имело натуралистическое значение намерения, как в фразе «У меня есть мысль прогуляться» («I have a mind to take a walk»), или памяти, как в фразе «держать в уме» («keep in mind») — эти значения сохранились до настоящего времени. Это слово также относилось к мышлению (и пониманию): «разуметь» («have a mind of»), хотя это значение почти вышло из употребления. Все эти выражения не претерпели существенных изменений за шесть тысяч лет, прошедших со времен протоиндоевропейской цивилизации, в языке которой присутствовал корень *men-*, также относящийся к мышлению и памяти. К этому протоиндоевропейскому корню восходят также латинское слово *«mens»* и санскритское *«манас»*, встречающееся в Ведах. В XII в. слово «разум» под влиянием христианства начинает означать нефизический коррелят тела. За словами «душа» и в особенности — «разум» в западной культуре закрепляется значение, указывающее на агент, определяющий действия индивидуума. Разговорное употребление этих слов, созвучное верованиям христианских теологов, предполагает, что природа разделила человека на две части, одна из которых — разум, а позднее — *мозг* — служит в качестве агента, направляющего и контролирующего наше тело. Слова «разум» и «душа» взаимозаменяе-

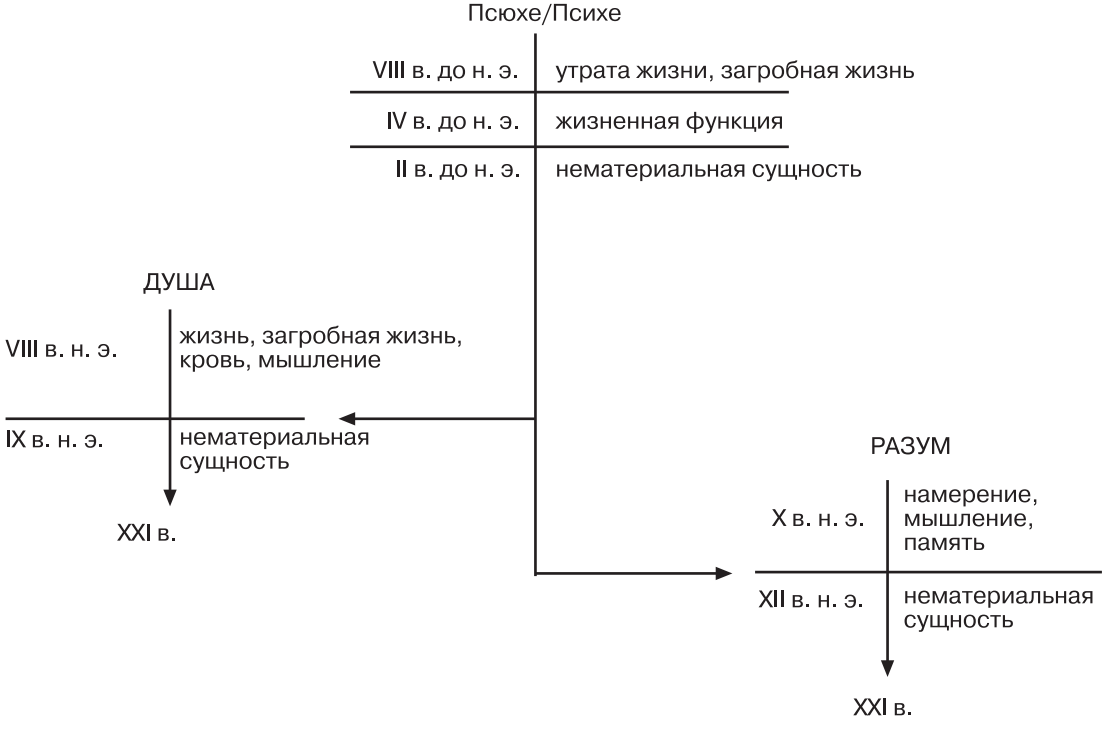


Рис. 2.5. *Эволюция греческого слова psuché/psyche и его влияние на значение английских слов «soul» («душа») и «mind» («разум»)*

* Свидетельством существования аналогичных значений и их трансформации в русском языке является тот факт, что сама буква «м» в кириллице называется «мыслете», то есть фактически является корнем слов, обозначающих разум и мысль. В древнеславянской азбуке использовалась также греческая буква «пси» — в церковных изданиях «Псалтырь» (духовные стихи) до сих пор пишется через эту букву. Особенности этимологии и употребления таких слов, как ум, разум, мысль, дух, душа, психика и т. д., аналогичны приводимым в оригинале для латинского и английского языка. — *Примеч. пер.*

мы, когда речь идет о некой нематериальной сущности*.

Арабская передача. Возможно, наиболее важным шагом на пути возвращения науки в Европу явился курьезный исторический факт, заключающийся в том, что арабы передали назад европейцам их же собственное научное наследие, созданное в Древней Греции и Риме, о существовании которого Европа, однако, практически ничего не знала. Новая арабская религия, ислам, хотя и насаждалась огнем и мечом, была вынуждена проявлять терпимость к культурному разнообразию завоеванных ею народов[12]. Она стремительно распространялась на Запад, дойдя через Северную Африку до Испании, а также продвигалась на Восток — в Индию и на территории, занимаемые ныне Пакистаном, достигнув своего апогея к 750 г.

В отличие от Европы, арабский мир никогда не испытывал длительных периодов нестабильности и обнищания. Вероятно, по этой причине арабы никогда не пытались бежать от физического мира, но, напротив, активно развивали торговлю и проявляли значительный интерес к науке и технике. Народы, принадлежавшие арабскому миру, открыли университеты в Багдаде, Бухаре, Каире, Кордове, Дамаске и Севилье. Как и римляне, они занимались преимущественно компиляциями и комментированием более ранних работ — как правило, в спиритуалистическом и неоплатоническом духе, хотя им принадлежит и ряд собственных достижений. Наиболее крупные из них были сделаны в области математики (Аль-Хорезми, ум. ок. 850; Абул-Вафа (Abu-l-wafa) ум. 998; Ибн Джуну (Ibn Yunus), ум. 1009; Омар Хайям (Omar Khayyam), ум. 1124; Назир Аль-Дин (Nazir al-Din), ум. 1274); астрономии (Аль-Баттани (al-Battani)), хотя более была распространена астрология; химии (Разес (Rhazes), ум. 924), механики (Омар Хайям), оптики (Альгазен (al-Hazen), 965–1039; Камаль ад-Дин (Kamal ad-DIn), ум. 1320); географии (Аль-Хорезми; Аль-Балхи (al-Balkhi), ум. 934; Аль-Мусуди, ум. 957; Аль-Макдиси (al-Maqdisi), X в.), медицине (Разес; Али ибн Аббас, ум. 994; Ибн Сина/Авиценна, 980–1037; Ибн Зухр/Авензоар (Ibn-Zuhr/Avenzoar), 1113–1162; Ибн Хатима, ум. 1369; Масавайх Аль-Мардини (Masawaih al-Mardini), ум. 1015 и хирургии (Абул-Касым/Абулказис (Abu-l-Qasim/Abulcsis), ум. 1013). Арабы переняли у индусов систему счисления, которой мы пользуемся до сих пор; а введение нуля, столь важное для развития математики, возможно, принадлежит Аль-Хорезми. Из Китая или Египта ими была заимствована алхимия, явившаяся предшественницей химии.

Наиболее активно передача арабских знаний осуществлялась через Испанию. Испанские мавры (Moorish Spain) мирно уживались и плодотворно сотрудничали с представителями испанской, мавританской и еврейской культур. Здесь был достигнут высокий уровень ремесленного мастерства и процветала промышленность. Мавры разработали крупные ирригационные системы, что позволило достичь доселе небывалой продуктивности сельского хозяйства. Однако достигнув материального благополучия, мавры утратили свой религиозный пыл и воинственность и не могли более противостоять агрессии европейцев, не желающих терпеть мусульман на своей земле. Завоевав Испанию, европейцы открыли для себя огромное количество античных языческих текстов, переведенных на арабский язык, и немедленно начали переводить их на латынь. Большая часть этой работы была проделана иудейским (еврейским) населением Толедо после захвата этого города в 1085 г., поскольку иудеи владели необходимыми для перевода языками. В 1492 г. католики изгнали иудеев, которые расселились на Запад — в Нидерланды и вдоль восточного Средиземноморья, где они использовали свои ремесленные навыки, торговые связи и материальные богатства для развития заселенных ими территорий. В определенной степени возрождению классического античного наследия также способствовали монастыри Англии и Ирландии, где сохранялся живой греческий язык, а также южной Италии, где говорящее на греческом население продолжало поддерживать контакты с византийской Грецией.

Среди переведенных текстов были труды Аристотеля, включая сочинения по биологии и психологии. Альберт Великий (1193 или 1206–1280) ознакомил Европу с учением Аристотеля, введя изучение его работ в Парижском университете, и предпринял попытку примирить это учение с христианской верой. Однако арабский комментатор Аверроэс (арабское имя Ибн-Рушд, 1126–1198) изложил взгляды Аристотеля в неоплатонической интерпретации, построенной на отрицании бессмертия души. В 1209 г. Совет Парижа (Council of Paris) объявил трактат Аристотеля «О душе» запрещенным, а в 1212 г. запретил также его «Метафизику» и «Физику», наряду с арабскими комментариями к этим работам. Фома Аквинский (1225–1274), ученик Альберта, пытался защитить Аристотеля от августинианцев и последователей Аверроэса, дав его работам христианскую

[12] Фактически лишь небольшую часть населения, которое мы называем здесь «арабами», действительно составляли этнические арабы. Развитию торговли, коммерции, промышленного производства, архитектуры и науки способствовали многие народы, объединенные мусульманской религией и использовавшие в качестве общего языка арабский, подобно тому как латынь использовалась в Европе. К этим народам принадлежали сирийцы, индусы, персы, египтяне, палестинцы, испанцы и т. д. Ни один из этих народов не был полностью мусульманским, хотя они и жили под мусульманским владычеством. В частности, среди ученых, внесших наибольший вклад в развитие «арабской» философии, науки, математики и технологии, было немало иудеев и индусов. Поскольку единственным объединяющим их фактором был арабский язык, мы условно называем их «арабами», признавая, однако, их этническое разнообразие.

интерпретацию и отведя разуму (reason) равное место с верой. Именно в этой искаженной интерпретации психология Аристотеля и другие его работы влились в русло классической европейской мысли.

Восстановление статуса науки. Со времен Отцов Церкви психология превратилась в служанку теологии. Она была фактически узаконена в этой роли в средние века, в основном благодаря работам Фомы Аквинского. Таким образом, психология стала рассматриваться не как область научного исследования, а как арена метафизических спекуляций, касающихся свойств души. Даже физика, медицина и астрономия оказались привязанными к именам Аристотеля, Галена и Птолемея соответственно, как к неоспоримым источникам истины. Рекомендации по использованию научного подхода, основанного на методах индукции и эксперимента, в отличие от исключительно дедуктивного метода рассуждений, изложенного Аристотелем (который считал также правомерными и индуктивные процедуры), начинают появляться в сочинениях Альберта Великого, а также в его наблюдениях и экспериментах, связанных с биологией Аристотеля; в оптических экспериментах Роджера Бэкона (1214–1294); а также в работах Уителo/Вителo (Witelo/Vittelo, ок. 1270), которому принадлежат значительные достижения в оптике. Большинство этих работ были направлены на укрепление теологии. Эти зачатки науки нельзя назвать абсолютно новыми достижениями: основания для них были заложены уже греками и развившими их идеи арабами. Постепенный прогресс науки продолжался; его знаменательной вехой явился опубликованный в XVI столетии трактат Коперника (1473–1543), где излагалась гелиоцентрическая теория, упразднявшая геоцентризм Птолемея. Идеи этой работы перекликаются с появившейся семнадцатью веками ранее теорией Аристарха и с сочинениями поздних средневековых авторов, также выдвигавших гелиоцентрическую концепцию. Около 1600 г. Галилей (1564–1642) начинает проводить систематические физические эксперименты, приведшие к отрицанию аристотелевой физики, что было очень важным достижением, поскольку догматическое отношение к позднейшим интерпретациям Аристотеля (non-Hellenic Aristotle) должно было отойти в прошлое, чтобы уступить место свободному развитию науки. Галилею принадлежат также первые наблюдения Луны, планет, звезд и Солнца с помощью телескопа; их результаты убедили его в истинности теории Коперника, в защиту которой он выступил. В 1616 г. церковь вынудила его под угрозой пыток отречься от утверждения, что Земля вращается вокруг Солнца. Хотя принуждение Галилея к отказу от своих убеждений может показаться мракобесием, оно было пустяком по сравнению с казнью Джордано Бруно, приговоренного церковью в 1601 г. к сожжению живьем на костре за его еретические теологические и научные работы.

Несмотря на революционные открытия, совершенные Галилеем в физике, в психологии он продолжал придерживаться традиционных представлений; ощущаемые качества, к которым относятся вкус, запах, звуки, тепло, щекотка и цвета, принадлежат индивиду и лишены реальности, какой обладают форма, количество, размеры и движение (Il Saggiatore, 1624). Такая точка зрения в корне отличалась от аристотелевой, согласно которой качества ощущений являются совместным продуктом ощущаемого объекта и органа чувств. Различие, обнаруженное Галилеем между качествами, по его мнению, являющимися лишь продуктами нашего разума и лишенными физического существования, названными им *вторичными качествами*, и физическими качествами формы, количества, размера и движения, названными им *первичными качествами*, где первые занимают нефизическое, а вторые — физическое пространство, соответствовало по духу теологической точке зрения, разделявшей психофизический дуализм. Позднее дуализм первичных и вторичных качеств становится важной составляющей таких философских направлений, как позитивизм и английский эмпиризм (см. далее), и в конце концов — органоцентрических психологических систем, включая когнитивную психологию (см. главу 3). Нецентрические системы психологии, в особенности феноменологическая психология (см. главу 12), интербихевиоральная психология (см. главу 10), экологический реализм (см. главу 13) и вероятностно-эпигенетическая психология (см. также главу 13), отвергли психофизический дуализм, приблизившись тем самым к точке зрения Аристотеля.

В XVI в. Везалий (1514–1564) внес существенный вклад в анатомию, а Уильям Гильберт (1540–1603) открыл магнитные поля, в том числе магнитное поле Земли. Книга Хуана Луиса Вивеса (1494–1549) «О душе и жизни» объединяла концепции сверхнатурализма с физиологией — сочетание, присутствующее в той или иной форме, начиная с времен Отцов Церкви до сегодняшнего дня. Такие представления характеризуются, во-первых, обращением к спиритуалистической психологии и, во-вторых, сведением психологии к биологии *.

В XVII столетии научный прогресс начинает набирать силу, целиком базируясь на достижениях прошлых времен. Иоганн Кеплер (1571–1630) вычисляет орбиты планет; Уильяму Гарвею (1578–1657) уда-

* Такая оценка основного психологического труда Вивеса — De Anima et Vita — представляется несколько тенденциозной. В этой книге Вивес призывал исследовать не то, что есть душа, а ее свойства и принцип действия, в связи с чем его считают «отцом новой эмпирической психологии». В своих философских убеждениях Вивес был противником схоластики и сторонником эмпиризма, требующего в своих выводах опираться на результаты непосредственного наблюдения и эксперимента. — *Примеч. научн. ред.*

ется продемонстрировать, что вопреки точке зрения Галена, кровь циркулирует в теле; а Роберт Бойль (1627–1695) становится основоположником научной химии. Христиан Гюйгенс (1629–1691) внес значительный вклад в различные области науки, включая создание волновой теории света. В работах Исаака Ньютона (1642–1727) по физике различные измерения были сведены в единые законы гравитации и движения, управляющие орбитальным движением планет и движением предметов на поверхности Земли. Его работы по оптике оказали влияние и на психологию. Ньютон придерживался точки зрения, близкой к взглядам Галилея на цвет как несуществующий физически, но конструируемый человеческим мозгом. Согласно этой теории, мы смотрим на бесцветный мир, и благодаря некоему пока необъяснимому процессу производим цвета в клетках нашего мозга, а затем проецируем их на объекты. Желтый или оранжевый цвет тюльпана принадлежит не тюльпану, а наблюдателю. Как правило, в книгах по психологии это преподносится как факт, однако интербихевиоральная психология (см. главу 10), а также теория экологического восприятия (глава 13) оспаривают данную точку зрения.

В XVIII в. Бенджамин Франклин (1706–1790) научно обосновал понятие электричества. Он изобрел громоотвод, с появлением которого пропала необходимость предупреждать население о приближении грозы колокольным звоном (при этом значительно снизился уровень смертности среди звонарей, так как шпили колоколен часто служили мишенью для молний). Антуан Лавуазье (1743–1794) значительно продвинул вперед химию, прежде чем был отправлен на гильотину во время Французской революции. В психологии Антон Месмер (1734–1815) продемонстрировал, что с помощью воображения и процесса внушения он может достичь тех же результатов, что и религиозные проповедники, изгоняющие бесов, хотя ошибочно полагал, что этот эффект обязан «животному магнетизму», по аналогии с магнетизмом, воздействующим на железо. Известный специалист по истории и социальным наукам Барнс (Barnes, 1965) считает эту эпоху одним из самых ярких периодов интеллектуальных достижений западной цивилизации со времен классической Греции:

> «Мыслители Эллады привнесли в мир свободный дух вопрошания, подвергнув критическому анализу сверхнатурализм Древнего Востока и возведя разум в ранг высшей инстанции; они направили философскую мысль на решение человеческих проблем и сформировали научный склад мышления. Ученые, философы и критически настроенные мыслители 1600–1800 гг., продолжая традиции прогрессивных средневековых ученых, сыграли аналогичную роль в освобождении Западной Европы, сбросив защитные покровы ортодоксального Средневековья. Они также подвергли сомнению сверхнатурализм предшествующей эпохи; возвеличивая разум и отстаивая свободное мышление, они подарили миру важные научные открытия».

Большинство этих научных открытий рождалось за пределами университетских стен, так как университеты все еще находились под контролем церкви, а церковь не была готова терпимо отнестись к исследованиям, которые могли поколебать ее доктрины. Большинство исследований организовывалось научными академиями, такими как Английское Королевское Общество и Французская Академия наук. Проекты реализовывались частично за счет коммерческой торговли, благодаря которой появилось сословие состоятельных лиц, располагавших свободным временем и средствами, чтобы проводить научные исследования, — «светских ученых» («gentlemen scholars»). Научные исследования также соответствовали интересам широких слоев среднего класса, более озабоченных улучшением условий жизни на этом свете, чем подготовкой к уходу в мир иной. Философия начинает выходить за рамки теологии, перемещая акцент с веры на рациональность и со спасения на понимание окружающего мира. Важнейшим фактором, благодаря которому стал возможен расцвет философии и науки, явилась политическая и экономическая стабильность.

XVIII в. нередко называют Эпохой Просвещения. Власть знати и духовенства ослабла, а положение крестьян улучшилось. Французская и Американская революции способствовали признанию человеческих прав и выдвижению требований политического равноправия людей. Эти революции также продемонстрировали роль социальных факторов в психологических событиях и важность изучения человеческой деятельности как имеющей самостоятельную ценность, подорвав авторитет теологии. Если ранее предметом изучения являлись лишь когнитивные акты, такие как мышление, ощущение и воображение, то теперь должное внимание начинает уделяться и эмоциям, что требует наблюдений за поведением в разных условиях. Эта тенденция вызывает необходимость появления науки психологии, основанной на наблюдениях (Kantor, 1969). К страдающим психическими заболеваниями начинают относиться как к полноправным человеческим существам, а не как к одержимым демонами. Во Франции Филипп Пинель (1745–1826) снимает цепи с психически больных и делает первые шаги в развитии современной психиатрии.

В XIX в. Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907) в России и Юлиус Мейер (Julius Meyer, 1830–1895) в Германии, основываясь на более ранних исследованиях, разработали периодическую таблицу химических элементов. Тем самым был систематизирован характер отношений между элементами, распространяющийся на всю материю, — закон, ставший фундаментальным как для химии, так и для физики.

Другим принципиальным научным достижением явилась теория биологической эволюции Чарльза Дарвина (1809–1892), подкрепленная огромным фактическим материалом и опровергающая теологическую доктрину творения различных видов живых существ. Другим важным аргументом против теологии стал синтез органического вещества — мочевины — из неорганического — цианата аммония, осуществленный Фридрихом Вёлером (1800–1882). Таким образом, был продемонстрирован тот факт, что не только живые органические формы представляют собой непрерывную эволюционную цепь, но что органическое и неорганическое вещества также едины по своей природе, а значит, вера в божественную силу («витализм») , присутствующую в органической материи и якобы отличающую ее от неорганической, оказывается лишенной основания. Периодическая система элементов явилась свидетельством того, что даже неорганические элементы связаны между собой непрерывным характером отношений.

Однако несмотря на революционные достижения физических и биологических наук, психология не участвовала в этом процессе превращения в систематическую науку. Собственно говоря, не существовало даже четко очерченной дисциплины, носившей название «психология»; ее место занимало лишь предположение, развившееся из теологии и подхваченное философией XVII столетия, о том, что душа или разум являются источником таких видов человеческой активности, как мышление и воля. Вопрос о том, как нефизический агент может воздействовать на физическое тело, стал предметом острых философских дебатов. Лишь к концу XIX в. психология начинает оформляться как самостоятельная дисциплина, хотя и все еще несущая на себе балласт прошлого.

Попытки примирить душу/разум с природой. Представление о душе, находящейся вне границ природного мира, оказалось для философии XVII и последующих веков не меньшим камнем преткновения, чем для Григория Нисского в IV в. (см. с. 40) Никто не осмеливался впрямую оспаривать его правомерность, как это сделал Лукреций в I в. Более того, отец современной философии Рене Декарт (1596–1650) просто допускал возможность взаимодействия души и тела без всякого логического анализа такой возможности. Он полагал, что душа (ум) является *непротяженной (unextended)* (не имеет физических измерений), и располагается в шишковидной железе головного мозга (эпифизе). Из этого центрального пункта она регулирует духи (spirits), расположенные в полостях мозга, и направляет их по нервам, заставляя мышцы сокращаться. Душа способна действовать независимо от тела, порождая чистое мышление, тогда как мозг может порождать лишь воображение и восприятие. Когда душа и тело действуют совместно в процессе ощущения и воображения, их взаимодействие осуществляется в шишковидной железе. Картезианская теория интеракционизма подверглась яростным нападкам со стороны его современников. Как, спрашивали они, душа, лишенная физических качеств, может взаимодействовать с чем-либо физическим? Для того чтобы воздействовать на что-либо физическое, она сама должна стать физической. И как душа может располагаться в шишковидной железе или вообще где-либо в физическом пространстве, если она не обладает физическими измерениями, то есть не имеет *протяженности* в пространстве? Этот вопрос, который до сих пор сводит на нет все усилия связать между собой душу (разум) и тело, получил название «картезианского дуализма». В дальнейшем мы рассмотрим еще ряд попыток разрешить эту дилемму, практически безуспешных и в большинстве случаев основанных на аналогии. (Декарт также прибегал к аналогиям с механическими и гидравлическими функциями тела, не применяя их, однако, к дуализму «душа—тело».) Порочным был сам отправной пункт этих аналогий, сверхнатуральный конструкт, унаследованный от эпохи двухтысячелетней давности, а не основанный на реальных феноменах.

Барух Спиноза (христианское имя — Бенедикт, 1623–1677), один из критиков Декарта, попытался разрешить картезианский дуализм, предположив, что и душа, и тело являются атрибутами единого абсолютного Бога, воздействующего на оба компонента, вместо предположения о душе, воздействующей на тело, или наоборот. Он позаимствовал из сферы своей профессиональной деятельности — шлифовки оптических линз — аналогию с выпукло-вогнутой линзой. Если смотреть на нее с одной стороны — линза кажется выпуклой, а с другой — вогнутой, однако это одна и та же линза. Аналогично, глядя изнутри, мы находим непротяженный атрибут мысли, а глядя снаружи — протяженный атрибут тела и движения. Оба они соответствуют друг другу, ибо являются атрибутами или аспектами единого Бога. Эта теория *двух аспектов*, все еще предполагающая две различные сущности, рассматривалась, однако, многими мыслителями как гипотетическое разрешение дуализма души и тела.

Пытаясь обойти вопрос о том, как могут взаимодействовать душа и тело, Готфрид Лейбниц (1646–1716) предложил удачно согласующуюся со взглядами Григория Нисского аналогию с часами. Бог создал душу и тело в совершенной гармонии, каждую — следующую своим, не зависимым от другой законам, подобно часовщику, создающему два часовых механизма, ход которых всегда согласуется, хотя они и не воздействуют друг с другом. Это означает, что когда душа решает покинуть классную комнату, тело встает и уходит из класса не потому, что разум воздействует на тело, а потому что они полностью синхронизированы божественным актом творца. Эта доктрина получила название теории «предустановленной гармонии». Она является развитием гипотезы Лейбница о том, что Бог создал неразложимые (и не сводимые ни к чему), лишенные протяженности духов-

ные силы, названные «монадами». Эти монады, которые не имеют никакого влияния друг на друга, существуют согласно закону иерархии, основанному на эманациях Плотина, где Бог является верховной монадой. Единый (объединенный) разум, как монада, отражает различные степени ясности; самыми туманными являются ощущения, восприятие соответствует промежуточному уровню, а апперцепция обладает совершенной ясностью. Идеи, к которым относятся, в частности, математические истины, являются врожденными и содержатся в едином разуме.

Джон Локк (1623–1704), заинтересованный не столько в разрешении проблемы дуализма «душа—тело» или в разработке характеристик теологического понятия души, сколько в определении роли разума в человеческом познании, отверг взгляды Декарта и Лейбница о врожденных идеях и выдвинул гипотезу, согласно которой единственным источником знания является опыт; эта точка зрения получила название «эмпиризма» (или английского эмпиризма, поскольку ряд британских авторов придерживался сходных точек зрения). Он предложил ставшую знаменитой аналогию детского разума с чистым листом, на котором записывается (индивидуальный) опыт. Мы приобретаем знания благодаря ощущениям внешнего мира и рефлексии (reflection) внутреннего. Локк принимает модель двух миров Плотина—Галилея—Ньютона и утверждает, что «вторичные качества», такие как запах, вкус и прикосновение, звук и цвет, удовольствие и боль, производятся организмом и являются непротяженными, в отличие от «первичных качеств»: формы, плотности, количества и движения, существующих независимо от разума и имеющих протяженность.

Развивая мысль Локка, Джордж Беркли (1685–1753) рассуждает о том, что если вторичные качества находятся в разуме, то нет причин полагать, что первичные качества не могут находиться там же. А если так, то все находится в разуме. И поскольку ощущения существуют в человеческом разуме, объекты представляют собой не что иное, как совокупности (packages) ощущений. Таким образом, физический мир не обладает независимым существованием от разума людей. Однако, несмотря на такую точку зрения, Беркли подчеркивает важность опыта в установлении ассоциаций между различными ощущениями. Настаивая на том, что имеющая протяженность материя не может воздействовать на лишенный протяженности опыт, Беркли полностью устраняет одну сторону дуализма «душа—тело» и утверждает *монизм*, в соответствии с которым все сущее есть дух. Эта точка зрения во многом близка к индийской философии *Веданты* (см. с. 41) и крайнему логицизму Августина. Анонимный шутник иронизирует над позицией Беркли в следующем сатирическом стихотворении:

Жил на свете целитель верой;
Он сказал: «Хотя боль нереальна,
Если сяду я на булавку,
Что пронзит мою нежную кожу,
Испытаю иллюзию боли».

Шотландский мыслитель Дэвид Юм (1711–1776) делает вслед за Беркли следующий шаг и отрицает как разум, так и дух, поскольку мы не можем убедиться в их существовании. Наш опыт, утверждает он, представляет собой коллекцию ощущений или «впечатлений», которые благодаря привычным ассоциациям (опыту совместного восприятия различных вещей) заставляют нас приписывать этим впечатлениям качество причинности. Впечатление причинности и другие ассоциации представляют собой ментальную гравитацию (mental gravity), притягивающую друг к другу ментальные частицы. Вслед за Локком и Беркли Юм сводит качества мира (реальности) к ментальным ощущениям (mental sensations). Несмотря на свое отрицание разума, Юм отводит разуму место своего рода театра, на сцене которого последовательные ощущения появляются и смешиваются друг с другом и с различными ситуациями, ассоциируясь по закону психической гравитации. Таким образом, разум — это всего лишь коллекция ощущений. Эта позиция, базирующаяся на взглядах других представителей английского эмпиризма, является кульминацией атомистической теории разума, противоположной точке зрения о едином разуме, разделяемой мыслителями континентальной Европы (континентальной философией). Атомы разума возникают из мира, тогда как согласно представлениям континентальной философии единство разума предполагает наличие врожденных идей или врожденной организации наших ощущений окружающего мира. Идея атомистического разума, проповедуемая Юмом, ознаменовала радикальный отход от представлений о единой душе/разуме, разделяемых Отцами Церкви, Августином, Плотином, Фомой Аквинским, Декартом, Лейбницем и другими мыслителями.

Следуя традиции Лейбница, немецкий автор, Христиан Вольф (1679–1754), разделял теорию единого разума. Разум, утверждал он, не ассоциирует ментальные атомы, но является апперцептивным единством, наделенным многочисленными врожденными качествами и способностями. Вольф был первым автором, употребившим термин «психология» в заглавии книги. В своих двух книгах он дает последовательную, хотя и спиритуалистическую, трактовку этого понятия, замещающего такие термины, как «психософия» и «пневматология», и придает психологии статус дисциплины, отличной от философии. Хотя Вольф рекомендует включить психологию в число других наук, он настаивает на том, что она является натуральной теологией, рассматривающей натурального (природного) Бога, а не наукой наблюдений и вычислений. И хотя Вольф пытался отстаивать параллелизм души—тела, присущий взглядам Лейбница, в то же время отрицая идею предустанов-

ленной гармонии, он допускал, что органы чувств могут воздействовать на разум.

До сих пор нам удалось обнаружить две основные теории познания («эпистемологии»), и ни одна из них не признает необходимости наблюдений за фактическим поведением конкретных людей. Первой из них является философия *рационализма*, идущая из континентальной Европы. Толчок к ее развитию был дан Декартом и Спинозой, а наиболее полное выражение она получает у Лейбница и Вольфа. Само слово «рационализм» говорит о том, что эта философия основана на убеждении, что всякая истина может быть постигнута человеческим разумом. С некоторыми вариациями в изложении различных авторов эта теория предполагает: (а) что существуют внутренний и внешний мир (психофизический дуализм); (б) что человек обладает врожденной внутренней системой, организующей информацию со стороны внешнего мира, и/или что знание само по себе является врожденным или инстинктивным и (в) что разум представляет собой единое целое. Ареной рационализма в наши дни являются органоцентрические системы психологии, в той или иной степени разделяющие эти положения. Они также находят свое выражение в феноменологии Гуссерля и экзистенциализме Сартра (см. главу 12). Второй теорией является английский *эмпиризм* Локка и Беркли, и в особенности Юма, утверждающих, что источником знания является опыт — как внутренний, так и опыт наших ощущений. Эта теория гласит, также с некоторыми вариациями у различных авторов, (а) что существуют внутренний и внешний мир (как и в рационализме); (б) что знание вытекает из опыта; и (в) что разум атомистичен — он состоит из ментальных атомов, идей или неких частиц определенного рода. Отдельные положения этой теории также появляются в ряде современных психологических систем, в особенности испытывающих те или иные энвайроцентрические влияния.

Помимо рационализма и эмпиризма существует третья теория познания, которая в наше время привлекает внимание ученых, преимущественно критическое, — *позитивизм*. Родоначальником этой теории был Огюст Конт (1798–1857), который призывал (а) отказаться от устаревших и незрелых способов размышления, ищущих причинность и объяснения; (б) перейти к более высокому уровню позитивизма (позитивного мышления), отрицающего религию и сверхнатурализм, и заменить их наукой. Все, что не базируется на наблюдении, с точки зрения Конта, должно быть отброшено. Мы не можем, утверждает Конт, объективно изучать разум, но мы можем объективно изучать поведение как продукт разума. Разновидность позитивизма, предложенную физиком Эрнстом Махом (1838–1916), объединяла с английским эмпиризмом точка зрения, согласно которой все, что мы можем знать с достоверностью, ограничивается сферой наших ощущений, а следовательно, наука зависит от данных наших ощущений и их корреляций (характера взаимосвязей ощущений между собой). Фактически, утверждает Мах, внешний мир науки сконструирован по типу организации, присущей нашим внутренним ощущениям.

И рационализм, и эмпиризм, и позитивизм рассматривают ощущения как двери, ведущие к разуму, а потому придают их изучению центральное значение. Как Конт, так и Мах были эмпириками в том смысле, что считали источником знания опыт, под которым понимали психические ощущения. Заметим, что все три теории познания признают ощущения познающего субъекта, но подвергают сомнению познаваемость ощущаемых объектов, что является прямым наследием средневековой теологии, в которой высшей инстанцией считается душа, а презренное тело и бренный мир есть лишь неизбежное зло, придатки к бессмертной душе. Эти односторонние теории познания проникли и в ряд современных систем психологии, в особенности — органоцентрических, к которым относится когнитивная психология (см. главу 3) и гуманистическая психология (см. главу 4). В одной из современных систем познаваемое поглощается (ассимилируется) познающим, что отчасти напоминает теорию Беркли.

Позднейшая версия позитивизма, названная «логическим позитивизмом», также настаивает на том, что достоверное знание зависит от сенсорного опыта. В соответствии с этой теорией сфера использования психологических терминов должна быть ограничена операциями, позволяющими определить характер вещи или события, а гипотезы должны логически выводиться (отсюда название логический позитивизм) из теории, а затем подвергаться эмпирической[13] проверке. В адрес логического позитивизма было выдвинуто множество критических замечаний.

Материализм, появившийся в XVIII столетии, явился не столько прямой альтернативой дуализму «душа—тело», сколько его разновидностью: разум зависим от материи. Эта разновидность, однако, отражала представление о том, что разум требует наличия физических качеств, — точка зрения, развитая французскими материалистами. Жульен Ламетри (1709–1751) заявлял, что человек есть «сложный пружинный механизм» («an assemlage of springs») и что «душа есть не что иное, как принцип движения, или ощущаемая материальная часть мозга... основная пружина всего механизма... так что все остальные есть лишь эманации из нее» (La Mettrie, 1912/1748). Подобно тому как в монадах Лейбница мы узнаем эманации Плотина, здесь мы также обнаруживаем влияние его эманаций, интерпретированных на сей раз как пружины. Влияние великого мистика все еще

[13] Здесь слово «эмпирический» (empirical) относится к наблюдениям или фактическим свидетельствам, то есть используется в значении, связанном со значением слова «опытный» (experiential), относящимся к сфере «ментального».

продолжает ограничивать психологию спиритуалистическими представлениями. Для Ламетри мозг, являясь основной пружиной, производит разум или душу. Разум является *эпифеноменом*, видимостью, сопровождающей материю, ее побочным продуктом. Другую аналогию, созвучную эпифеноменализму, использовал физик Пьер Кабанис (1757–1805), утверждавший, что подобно желудку, перевариваю-щему пищу, разум переваривает впечатления и секретирует (выделяет, подобно железам) мысль. Эта гипотеза явилась попыткой превратить психологию в биологию, тем самым вырвав ее из плена теологии. Гипотеза о разуме как о продукте мозга представляла собой радикальный отход от представлений о разуме как о духе, хотя дух продолжал играть в ней определенную роль. Эпифеноменализм и сегодня находит своих последователей, который они называют также «эмерджентизмом» («emergentism»), поскольку считают, что разум «возникает» (англ. emerges) из мозга.

Позаимствовав многое у Локка и объединив представление английских эмпириков об атомистическом разуме с господствовавшей в континентальной философии идеей единого (цельного) разума, один из наиболее влиятельных мыслителей всех времен, Иммануил Кант (1742–1804), выдвинул гипотезу о том, что физический мир дает начало нефизическим ощущениям. Вслед за Декартом Кант поднимает вопрос о том, каким может быть механизм такой связи. Разум управляет атомистическими частицами посредством врожденных категорий и синтезирует их в явление внешнего мира («феноменальную вещь»). Это явление и есть все, что мы можем знать о мире, утверждает Кант, хотя, в отличие от Беркли, он считает, что мир все же существует как физическая «вещь в себе». Разум он называет «трансцендентальным единством апперцепции». Иными словами, разум един и трансцендентен по отношению к физическому миру. Апперцепция обеспечивает объединение (данных) ощущений в смыслы («единство апперцепции», согласно Лейбницу). То, что наш опыт представляет как объекты, есть лишь фантомы, которые мы сами порождаем. Феноменальные вещи, представляющиеся нам миром, каким мы его знаем, есть не что иное, как внутренние репрезентации. Следовательно, мы живем в удвоенном мире — реальном физическом мире, недоступном нашему познанию, и психически сконструированном мире, который и есть то, что мы знаем. Кант следовал традиции александрийских и других мыслителей древности, дошедшей до нас из глубины веков, отведя в своей философии основное место вербализациям, не соотносящимся с наблюдениями, и тем самым преградив путь к подлинным наблюдениям человеческих действий и обстоятельств, в которых совершаются эти действия. Фактически Кант отвергал метод наблюдения. Он утверждал, что поскольку психологические события трансцендентны, они не могут стать предметом экспериментирования или количественной оценки. Если считать, что они действительно трансцендентны, то Кант был абсолютно прав. Человек не может проводить количественные вычисления или экспериментировать с духом, как не может совместить представления о трансцендентальном разуме и о физическом теле. Оглядываясь назад, мы можем видеть, что кантовская теория внутреннего мира систематизирует взгляды Августина, а тезис Канта о том, что ощущаемые качества порождаются организмом, формирует теорию восприятия, соответствующую преемственности взглядов: Плотин—Галилей— Ньютон—Локк—Беркли—Юм—Кант. Удвоенный мир Канта представляет собой наиболее строгую формулировку односторонней теории познания, которая является центральной для когнитивной психологии (см. главу 3), хотя данная система, в соответствии со взглядами Кабаниса, нередко предполагает, что мозг порождает репрезентации.

В табл. 2.1 представлены семь точек зрения на характер взаимосвязи физического тела и нефизической души. Декарт не пытался разрешить данную дилемму, и мы не можем с уверенностью сказать, пытался ли Юм предложить ее разрешение. Другие пять

Таблица 2.1

Попытки совместить душу с телом

Мыслитель	**Предложенное решение**	**Аналогия**	**Символически представленное «решение»**
Декарт	Взаимодействие		М↔В
Спиноза	Двойной аспект	С линзами	(М)[В]
Лейбниц	Предустановленная гармония: параллелизм	С часами	М | | В
Беркли	Нет ни тела, ни мира: все есть дух		(М) [⊠]
Юм	Нет ни тела, ни мира,только впечатления	С гравитацией	(⊗) [⊠]
Ламетри	Эпифеноменализм	С пружинами	(М)
Кабанис		С пищеварением	| [В]

В четвертой колонке буква М (mind) обозначает душу/разум, а буква В (body) – тело. — *Примеч. пер.*

точек зрения, с очевидностью, содержат попытки разрешить этот вопрос.

Несмотря на попытки разрешить данную дилемму с помощью аналогий — довольно слабого метода аргументации, — мы вынуждены признать, что физическое и нефизическое или протяженное и непротяженное свести вместе не легче, чем разрешить проблему квадратуры круга. Они несовместимы по определению. Можно лишь *рассуждать* об их взаимоотношениях, чем на протяжении двух тысячелетий занимались теологи, точно так же как можно *рассуждать* о квадратуре круга, ни разу не сославшись на наблюдаемые явления. Поскольку наука основывается на наблюдениях, психофизический дуализм не может стать частью науки, даже если он будет оставаться частью теологии и тех направлений философии, которые игнорируют данное противоречие. Ни один из семи перечисленных в таблице авторов, как и ни один другой мыслитель той же эпохи, не ставит вопроса о том, насколько вообще необходимо прибегать к гипотезе психофизического дуализма и можно ли выдвинуть альтернативу этой гипотезе. В те времена такой вопрос просто не мог возникнуть. Следующим шагом стала попытка сведения разума к биологии (= живой материи) как к локусу (местонахождению) разума — шагом, который уже предпринимали Вивес и Ньютон и который сделали вслед за ними Кабанис и ряд других мыслителей. Такие попытки предпринимаются и в современной психологии, несмотря на то, что они порождают не меньше мистики, чем сам дуализм души и тела. Альтернатива как дуализму, так и биологизации была предложена еще Аристотелем, однако она не была воспринята по той причине, что ей была придана средневековая трактовка. Эта альтернатива возрождается, однако, в XX столетии и присутствует в ряде современных психологических систем. Осознание наличия такой альтернативы является важнейшим условием осуществления информированного выбора.

Биологизация разума. Благодаря достигнутому в XIX столетии прогрессу в области физиологии была сформирована биологическая модель, позволявшая отделить психологию от менталистской философии и придать ей статус естественной науки. Чарльз Белл (1774–1842) в Великобритании и Франсуа Мажанди (1783–1855) во Франции независимо друг от друга обнаруживают различие между сенсорными и моторными нервами. Белл предположил, что каждый сенсорный нерв (нервное волокно) может передавать только один род ощущений. Зрительные нервы передают только зрительные ощущения (буквально: опыты, experiences), а слуховые нервы — только слуховые. Выдающийся пионер в области физиологии, Иоганнес Мюллер (1801–1858), развивает дальше эту гипотезу, предположив, что определенные качества ощущений передаются посредством определенного рода энергии по специфическим нервам. Эта точка зрения получила название гипотезы «специфических нервных энергий». Каждый отдельный нерв соответствует специфическому роду энергии, и обеспечивает специфические ощущения независимо от типа (внешних) стимулов. Таким образом, Кант в одночасье оказался примирен с биологией. В сущности, точка зрения Мюллера означала, что мы реагируем не на реальный мир, а лишь на собственные нервные окончания, подобно тому как Кант заявлял, что мы реагируем лишь на апперцептивные феномены. Мюллер очень конкретно указывает на то, что именно нервы и мозг, а не внешний мир, поддерживают существование души и наполняют ее содержанием. Так, удвоенный мир Канта обретает биологический компонент.

Еще более выдающийся физиолог, Герман фон Гельмгольц (1821–1894), также принимает модель Канта и развивает далее теорию Мюллера: сенсорные органы представляют собой анализаторы; и тем, какого рода импульсы они передают, определяется природа испытываемых нами ощущений. После него оставалось сделать лишь один небольшой шаг, чтобы переместить анализаторы в мозг, тем самым натурализируя душу, биологизировав ее. Так, совершенно материальная нервная система становится носителем эфемерной души. Учитывая преемственность взглядов Гельмгольца от Канта и Мюллера, мы получаем модель восприятия, основанную на предпосылке удвоенного мира и соответствующую традиции: Плотин—Галилей—Ньютон—Локк—Беркли—Юм—Кант—Мюллер—Гельмгольц.

Экспериментальная психология и классические школы: борьба с дуализмом

Психофизика. Экспериментальная психология не имела единственной начальной точки развития, однако к ее зарождению непосредственно относятся работы Эрнста Вебера (1795–1878). Физиолог и анатом, помогавший также своему брату-физику в его исследованиях электричества, он измерял величину раздражения с целью определить минимальный порог различения между стимулами. Вебер обнаружил, что на различение стимулов влияют не абсолютные величины раздражителей, а их отношения. В частности, если исходный вес предложенного груза 40 унций, испытуемые начинают ощущать различия при весе 39 унций, а если исходный вес 20 унций — при весе 19,5 унции. Следовательно, для веса отношение раздражителей составляет приблизительно 1/40. Для света же оно приблизительно равно 1/300. Увеличение вашего роста на два сантиметра едва ли будет заметным, но увеличение размеров вашего носа на два сантиметра сразу бросится в глаза, поскольку в этом случае мы имеем другое соотношение размеров. Данный закон был назван законом Вебера. Это оказалось замечательным достижением для дисциплины, все еще не имевшей статуса самостоятельной науки и являвшейся частью философии, дисципли-

ны, по поводу которой Кант утверждал, что к ней неприменимы количественные и экспериментальные методы. Это достижение стало возможным благодаря тому, что Вебер, по крайней мере в практической части своей научной деятельности, игнорировал высокочтимые абстракции теологии и философии и делал именно то, что делали ученые, представляющие другие научные дисциплины, а именно проводил систематические наблюдения, в данном случае — человеческих реакций. Несомненно, на его подход оказали влияние занятия физикой, а также его профессиональная подготовка как физиолога.

Последователем Вебера стал Густав Фехнер (1801–1887), религиозный мистик, получивший медицинское образование и имеющий определенную подготовку в физике. Фехнер назвал свои исследования «психофизикой», понимая под этим связь психе с физическим. Он открыто представлял психофизику как форму дуализма «душа—тело». Путем математических преобразований он выводит более точную версию закона Вебера, где реакция, которой он дает менталистское обозначение «ощущение» (sensation), изменяется линейно, в то время как сила раздражителя изменяется логарифмически. Выведенная им формула получила название «закон Фехнера». Фехнер стремился установить строгое научное соотношение между духом и материей, душой и телом. Фактически же его формула описывала отношение между величиной или чувствительностью реакции и величиной стимула. Говоря об «ощущении», он смешивал измерение конкретных реакций с традиционными представлениями о душе и теле. Хотя фактически Фехнер измерял реакции, он полагал, что измеряет психические единицы (mental unit). То, что он делал на самом деле, не имело ничего общего с тем, что он делал с его собственной точки зрения. Впрочем, такое положение вещей вообще было характерным для раннего этапа развития психологии и, как считают некоторые авторы, имеет место даже в ряде современных психологических систем.

Волюнтаризм: первая классическая система. Центральной фигурой в формировании экспериментальной психологии стал Вильгельм Вундт (1832–1920). Хотя его основным родом занятий была философия, которую он преподавал в Лейпцигском университете, Вундт получил также медицинское и физиологическое образование. Таким образом, наряду с Вебером и Фехнером, он принадлежал тому направлению физиологии, которому удалось отделить психологию от философии и включить ее в сферу экспериментальных исследований. Источником вдохновения для него послужили работы Вебера, Фехнера, а также голландского физиолога Дондерса (1818–1889), который вычитал системы простых реакций из систем сложных реакций, чтобы получить скорость разума («ментальная хронометрия»), и других экспериментаторов. Совместная работа с Мюллером и опыт исследований в физиологической лаборатории Гельмгольца оказали влияние на его стремление использовать методы физиологии для исследования разума; он обозначил область своей деятельности как «физиологическую психологию». Это обозначение касалось только используемых им методов и не предполагало, что психология может быть сведена к физиологии. Фактически Вундт отрицал возможность такого сведения, поскольку считал, что изучает нередуцируемое «сознание» — термин, начавший вытеснять термины «разум» и «душа»[14]. Но поскольку психические феномены не были напрямую доступны физическим экспериментальным методам, Вундт настаивал на том, что он изучает лишь внешние проявления, «первую линию укреплений» (outworks) разума или сознания. Таким образом, он явился продолжателем традиции дуализма «душа—тело» и до некоторой степени — положения Канта, что психические феномены не могут стать объектом экспериментирования. Как психическое, так и физическое, утверждал Вундт, подчиняется законам причинности, при этом законы разума являются психическими, а не физическими. Экспериментальные процедуры должны раскрыть эти психические принципы.

В одном из своих экспериментов Вундт обнаружил, что при предъявлении испытуемым на короткое время либо бессмысленных сочетаний букв, либо слов испытуемые воспроизводят по памяти больший объем предъявленного материала в тех случаях, когда они видели слова, а не случайную последовательность букв. На основании этого он заключил, что сознание может вместить больше упорядоченных элементов, чем разрозненных. Оно состоит из области элементов или идей, некоторые из них являются центральными и легко воспринимаются. Другие, такие как предъявляемые в эксперименте буквы, которые не опознаются индивидуумом, занимают более периферийное положение; они не оказываются в центре внимания и не захватываются им. Основываясь на взглядах Лейбница и Канта, Вундт предположил, что идеи-элементы, оказывающиеся в центре сознания, синтезируются в целостности посредством механизма апперцепции. Апперцепция также обеспечивает возможность мышления и речи. Система Вундта получила название «волюнтаризм» благодаря его убеждению в том, что воля спонтанно апперципирует (apperceives) и синтезиру-

[14] Английское слово «consciousness» («сознание») происходит от латинского *cum/com-* — «с/со», и *-scio* — «знаю». «Conscio» означает «совместное знание» (со-знание), буквально: «Я разделяю это знание с другим...». Таким образом, *conscienta* означает «разделять знание с самим собой», отсюда «conscience» («совесть»). Иными словами, сознание — это разделение знания с другими, а совесть – знание, разделяемое с самим собой. «Сознание» приобретает также и значение «совести», внутреннего процесса или сущности. Эти слова вошли в состав английского языка в XVII столетии, и приблизительно в течение последующих ста лет их первоначальные натуралистические значения уступили место трансцендентальным (см.: Lewis, 1960; Oxford Universal Dictionary on Historical Principles, 1955).

ет психические элементы. Хотя экспериментальные исследования Вундта были посвящены преимущественно процессам восприятия, внимания и определению времени реакции, он написал также десятитомную работу «Volkerpsychologie» («Психология народов»), в которой рассматриваются мифология, язык, искусство и религия. Эти предметы, утверждает он, находятся за рамками экспериментального метода. Лишь история может выявить эволюцию разума на различных стадиях развития культуры и высших психических процессов.

Студенты со всей Европы и из Северной Америки приезжали учиться у Вундта, чтобы затем, возвратившись на родину, основать психологические лаборатории, а некоторые — продолжить работу в других областях психологии. Стремление Вундта создать самостоятельную и экспериментальную психологию нашло отклик у многих ученых, однако его система так и не обрела преданных последователей.

Исследования запоминания. На занятия экспериментальной психологией Германа Эббингауза (1850–1909) вдохновили идеи Фехнера, однако он не был знаком с положением Вундта о том, что невозможно экспериментировать с «высшими психическими процессами». Эббингауз избрал в качестве предмета своих исследований запоминание, ввел предъявление бессмысленных слогов, чтобы минимизировать влияние предшествующего знания (хотя он применял также слова), и использовал самого себя в качестве испытуемого. Одним из наиболее важных результатов его исследований был обнаруженный им факт, что забывание быстро происходит на начальном этапе, а затем этот процесс замедляется, и что повторное заучивание требует меньше повторений, чем первоначальное. К признанным заслугам Эббингауза относятся (а) введение психологии в круг экспериментальных наук, изучающих «высшие психические процессы»; (б) (математическая) точность его исследований и (в) внедрение методов статистического анализа в психологию. В то же время он подвергся критике за использование бессмысленного стимульного материала, а также за то, что способствовал использованию в психологии механистической методологии, заимствованной из физических наук и неадекватной для психологических исследований. Работы Эббингауза, посвященные процессу запоминания, предвосхитили интерес к этой области психологии со стороны функционалистов, бихевиористов и когнитивистов.

Вюрцбургская школа. Один из наиболее близких учеников Вундта, Освальд Кюльпе (1862–1915), основал экспериментальную лабораторию в университете Вюрцбурга, где планировал проводить эксперименты, связанные с мышлением, — областью, которую Вундт объявил недоступной экспериментальному методу и поддающейся лишь историческому анализу. Несмотря на острую полемику, разгоревшуюся вокруг данного вопроса и результатов некоторых посвященных ему исследований, Вюрцбургской школе удалось расширить предмет экспериментальной психологии за рамки различения стимулов («ощущений») и времени реакции. В частности, Бюлер (1879–1964) объявил, что ему удалось обнаружить элемент мысли, соответствующий элементу ощущения, а Ах (1871–1964) идентифицировал бессознательный акт, названный им «детерминирующей тенденцией».

Структурализм. Другой ученик Вундта, Эдвард Титченер (1867–1927), обучался в Оксфорде и находился под сильным влиянием английского эмпиризма, в особенности взглядов шотландского священника Джеймса Милля (1773–1836). Милль полагал, что разум состоит из сложных идей, представляющих собой совокупности простых идей и ощущений, сцепляемых друг с другом силами, родственными гравитационному притяжению. Идеи кирпичей и цемента объединяются в более сложную идею стены и, совместно с другими иерархиями идей, производят еще более сложную идею дома. (Его сын, Джон Стюарт Милль (1806–1873), развил идеи своего отца, использовав другую аналогию, и предположил, что некоторые идеи образуют подобие составных химических веществ, становясь совершенно отличными от своих составляющих.) Титченер принял точку зрения английского эмпиризма, согласно которой законами разума являются законы ассоциации ощущений. В его программу входило использование экспериментальных процедур с целью обнаружения элементарных ощущений (elementary sensations), составляющих разум (в соответствии со взглядами Милля). Поскольку Титченер пытался выявить структуру разума, он назвал свою систему «структурализмом». Он отверг предложенный Вундтом механизм апперцепции, который считал мистическим, и заменил его эмпиристскими ассоциациями по смежности (contiguity). Он использовал метод, в котором обучал своих испытуемых интроспекции собственного разума и наблюдению «сырых» ощущений, не обремененных смыслами. Первоначально он считал сознание эпифеноменом мозга, но в конце концов склонился к позитивистскому подходу чистого описания.

Функционализм и бихевиоризм предприняли яростные атаки на исходные положения структурализма. Поскольку структуралисты не смогли предъявить своим оппонентам однозначных результатов своих экспериментов, это привело к полной дискредитации структурализма. Кантор (1969, p. 301) ставит риторический вопрос: «Являлись ли предметом экспериментирования ученых этого периода трансцендентальные ощущения или же они изучали реакции конкретных субъектов, названных испытуемыми, на конкретные объекты, названные стимульными объектами (stimulus objects)?»

Психологи, испытавшие влияние представлений об атомистическом разуме, такие как Титченер, по большей части пытались редуцировать психологию к ощущениям, а также к физиологии нервной системы и мозга, которые, как они полагали, являлись источником ощущений. Те же, кто придерживался

представлений о целостном разуме, изучали мышление, волевые процессы, запоминание, забывание и другие характеризующиеся значительным разнообразием формы поведения, будучи не склонны сводить их к функциям мозга.

Функционализм. Данная школа американской психологии находилась под влиянием идей Уильяма Джеймса (1842—1910), который, в свою очередь, испытал влияние Дарвина. Джеймс подчеркивал, что психология должна заниматься функцией сознания, а не его структурой или содержанием. Функция сознания заключается в том, чтобы обеспечить адаптацию индивидуума к среде. Сознание существует не в виде отдельных элементов, а представляет собой поток и активно формирует свое окружение. Эта точка зрения мало чем напоминала «психические атомы» английских эмпириков, однако Джеймс продолжал придерживаться представления об идеях в сознании как о базисе воли и причине поведения. Поддерживаемая им теория инстинктов была более созвучна теории врожденных способностей, предложенной шотландской философией и такими континентальными рационалистами, как Лейбниц и Вольф, чем взглядам английских эмпириков. Однако Джеймс допускал, что инстинкты могут изменяться под влиянием индивидуального опыта и что повторение поведения порождает привычки, формируя фиксированные каналы в мозге, по которым энергия течет более свободно. (Теория инстинктов Джеймса явилась источником вдохновения для эволюционной психологии, рассматриваемой в главе 13.) Поскольку привычки повышают точность и эффективность наших действий, они функциональны, собственно, они выполняют роль огромных маховиков (fly-wheels), благодаря которым общество движется в своем русле. Привычки почти не оставляют человеку возможностей для изменения после тридцатилетнего возраста, а потому к их формированию нужно относиться очень осторожно. Психология Джеймса рассматривает эмоции, привычки, когниции (cognitions), волю и религиозный опыт.

Джон Дьюи (1859–1952) добавил к потоку сознания поток поведения, тем самым еще более укрепив позиции дуализма «душа—тело». Он также настаивал на том, что стимулы и реакции функционально связаны друг с другом и не являются отдельными сущностями: у ребенка, который обжегся пламенем свечи, развивается новая функциональная реакция на пламя, а ее значение изменяет функцию стимула с привлекающей на болевую. Реакция и значение стимула взаимозависимы. Поведение — это адаптивный акт, и его стимульно-реактивные компоненты формируют взаимозависимую последовательность: «видение-света-означающего-боль-при-контакте-сним» (Dewey, 1896).

Развитие функционализма связано в первую очередь с Чикагским университетом (University of Chicago): сначала с Джоном Дьюи, а затем с Джеймсом Энджеллом (1869–1949), являвшимся учеником Джеймса и Дьюи. Энджелл сформулировал три принципа функциональной психологии: (а) психический поток является частью более широкого биологического потока и служит связующим звеном (или посредником) между организмом и средой; (б) сознание позволяет организму выжить, опосредуя его взаимодействие со средой, и перенимает бразды правления у привычек, когда необходимо приспособление к новым условиям, и (в) разум и тело действуют как единое целое, обеспечивая выживание организма. Короче говоря, разум является функцией организма, служащей для обеспечения адаптации к окружающей среде.

Гарви Карр (1873–1954), также работавший в Чикаго, подчеркивал, что формы поведения, обеспечивающие выживание в одной ситуации, скорее всего, будут воспроизводиться и в сходных ситуациях. Он назвал это «адаптивным актом», тем самым перенеся основной акцент на научение, оказавшееся в фокусе внимания функционализма, что способствовало его позднейшей ассимиляции бихевиоризмом. Карр утверждал, что психическая активность представляет собой опыт (experiences) *и* одновременно реакцию биологических органов. Если бы он сделал следующий шаг и сказал, что формы психической активности суть реакции органов, он занял бы бихевиористскую позицию.

Сотрудник Колумбийского университета Роберт Вудвортс (1869–1962) разработал «динамическую психологию», иногда рассматриваемую как разновидность функционализма. Его имя наиболее известно благодаря введенной им формуле: S-O-R (Стимул-Организм-Реакция), где ему принадлежит включение элемента «О» — «организм», функции которого сходны с адаптивным актом Карра. Механизм «О» является опосредующим между средой (стимулом «S») и реакцией («R»). Это потребность, или драйв (drive), порождающий различные формы поведения в одной и той же среде в зависимости от наличного в данный момент внутреннего побуждения. Элемент «О», который есть не что иное, как очередная репрезентация разума, психе, сознания, ощущения, идей, и т. д., становится центральным для *методологического бихевиоризма*, в котором он выступает под именами «внутреннего побуждения» («драйва») или «когнитивной карты» (см. ниже).

Американец Эдвард Торндайк (1874–1949), проводивший исследования по научению животных, пришел к заключению, что разуму животных не свойственны рассуждения (reason), как и установление связей между вещами. Они научаются путем проб и ошибок, когда последствиями их действий являются вознаграждения или наказания. Его законы эффекта, включающие вознаграждение и наказание, предвосхитили принципы подкрепления Скиннера. Его закон упражнения гласит, что реакции усиливаются прямо пропорционально числу проб, в которых имела место связь стимула с реакцией, а

также продолжительности и силе (vigor) этой связи. При их неиспользовании S—R связи ослабевают. Он назвал свою психологию «коннекционизмом» (от англ. connection — «связь»). Это был протобихевиоризм.

Бихевиоризм. Корни этой школы восходят к работам многих предшественников. Позитивизм и эмпиризм являются источником представления, что все знание базируется на «данных органов чувств», однако позитивизм связывает с бихевиоризмом не столько доверие данным органов чувств, сколько его отношение к наблюдениям. Подчеркивание эмпиризмом роли опыта послужило основой интереса бихевиористов к процессу научения. Русский ученый Иван Михайлович Сеченов (1829–1905) проводил эксперименты на животных и пришел к выводу, что мысль не служит причиной действия. Вместо этого внешние стимулы производят *как* внутреннюю мысль, *так и* внешнее действие, оба из которых зависят от рефлексов мозга. Владимир Михайлович Бехтерев (1887–1927) занимался исследованиями обусловливания у человека, используя электрическое раздражение пальца испытуемого, предваряемое звуком. Он продолжал придерживаться физиологических объяснений, но отстаивал точку зрения, что психология должна изучать только поведение. Приблизительно в тот же период Иван Петрович Павлов (1857–1927) проводил на собаках свои эксперименты по обусловливанию, которые привлекли внимание Джона Уотсона (1878–1958). Уотсон проявлял особый интерес к поведению животных и был знаком с исследованиями других работавших в этой области ученых, которые также повлияли на его взгляды. Поскольку использование интроспективного метода при работе с животными невозможно, акцент неизбежно перемещается на поведение. Преподавание и работа над докторской диссертацией в Чикагском университете позволили Уотсону ознакомиться с работами функционалистов, которые все дальше уходили от интроспективного метода, приближаясь к исследованию научения. Благодаря переходу в Университет Джона Хопкинса Уотсон знакомится с людьми, чьи взгляды еще более способствовали укреплению его бихевиористской ориентации.

В своей первой декларации бихевиоризма Уотсон (Watson, 1913) утверждал лишь, что нет никакой необходимости делать «сознание специальным объектом наблюдения» (p. 174). Это был «методологический бихевиоризм», в котором сознание не отрицается, но обходится методологически. Шесть лет спустя Уотсон объявил, что он не смог обнаружить никаких свидетельств существования описанного Джеймсом потока сознания, но что ему, однако, удалось обнаружить свидетельства существования потока поведения (Watson, 1919). Тем самым был провозглашен «строгий», или «радикальный бихевиоризм», полностью порывавший с дуализмом впервые за две тысячи лет.

Уотсон считал, что человеческие существа поддаются изменению в неограниченных пределах благодаря научению. В качестве базиса процесса научения он принял обусловливание по Павлову и таким образом полностью отбросил одну сторону дуализма «душа — тело», превратив тело в обучающуюся машину. Мозг не является вместилищем души и даже вместилищем поведения. Это лишь передаточный орган между стимулом и реакцией. Уотсон включил в поведение мышление и речь, рассматривая их как тонкие, едва различимые телесные действия. Уотсон вел наступление на существовавшую в то время психологию по четырем главным направлениям, добиваясь: (а) замены интроспекции объективными методами исследования; (б) замещения содержания психики (ощущений, идей, апперцепции) поведением; (в) смещения акцента с объяснения на предсказание и контроль поведения и (г) признания точки зрения, что между животными и человеком не существует качественного различия и что те же обсервационные методы могут использоваться при исследовании как животных, так и человека. Уотсон позаимствовал термины «стимул» и «реакция» из биологии и превратил бихевиоризм в S—R-психологию. Мир стимулов — это предварительное условие, или вход (input), а реакция — его следствие, или выход (output). Такая модель основана на аналогии с биофизикой, в которой непосредственная стимуляция препарированной мышцы приводит к ее рефлекторному сокращению. Согласно Наталицио (Natalicio), более совершенная версия бихевиоризма была предложена Смитом и Газри (Smith and Guthrie, 1921), которые «ввели в психологию акцент на объяснение обыденного опыта, осуществляемое на языке поведения, — что сделало бихевиоризм значительно более последовательным и утонченным, чем ранние спекуляции Уотсона» (p. 3).

Бихевиоризм раскололся на два лагеря: методологических и радикальных бихевиористов, при этом и те и другие проводили исследования по научению на крысах. Первые имели большее влияние, чем вторые. Особенной известности среди методологических бихевиористов достиг сотрудник Йельского университета Кларк Халл (1884–1952). Следуя логическим позитивистам, он дал операциональное определение ненаблюдаемого состояния внутреннего побуждения (drive state) и сформулировал теорию научения, базирующуюся на этом понятии, а затем вывел из нее гипотезы и подверг их экспериментальной проверке на крысах. Сотрудник Калифорнийского университета (Беркли) Эдвард Толмен (1886–1959) попытался объяснить поведение, связанное с научением у крыс, тем, что у них формируется «когнитивная карта» лабиринта. Роль внутренних побуждений и когнитивных карт в значительной степени соответствует роли «О» у Вудвортса, и поскольку они занимают промежуточное положение между стимулом и реакцией, то получили название «промежуточных переменных». Критики упрекали Толмена в том, что эти

переменные явились возвращением к старому разуму/ощущениям/апперцепции/сознанию, скрывающимися под новым наукообразным облачением. Газри (1886–1959) разработал теорию научения строго в терминах «стимул—реакция», избежав всякого сходства с ментализмом, включая промежуточные переменные. Радикальный бихевиоризм существует и сегодня в форме разработанного Б. Ф. Скиннером (1904–1990) анализа поведения (см. главу 6).

Хотя бихевиоризм доминировал в американской психологии 1930-х — 1950-х гг., как строгий, так и методологический бихевиоризм в конце концов утратили своих последователей. Бихевиористы обещали начать с объяснения простых форм научения у животных. Когда эти принципы научения удалось ясно сформулировать благодаря экспериментированию, они постепенно и последовательно перешли к изучению сложных форм человеческого поведения. К сожалению, обнаруженные ими механизмы научения у животных оказались (а) слишком сложными; (б) вероятно, не соответствующими реальным механизмам научения не только по отношению к человеку, но и самим животным, вследствие искусственности лабораторных условий; (в) не обязательно применимыми к человеку. Интерес бихевиористов к научению у животных базировался на (а) теории биологической эволюции, указывающей на непрерывный характер развития биологических видов, и на (б) подчеркивании английским эмпиризмом роли опыта, вдохновившего авторов «Декларации независимости» на формулировку положения «Все люди созданы равными». Эта формулировка представляла собой типично американское кредо, под которым бихевиоризм неявно подписывался и подтверждение которого он намеревался продемонстрировать. Основной недостаток бихевиоризма, возможно, состоял в том, что он «сделал психологию отрекающейся дисциплиной, окончательно отступившей перед лицом таких сложных типов поведения, как воображение, восприятие, внимание, чувства и другие основные формы человеческой активности» (Kantor, 1969). Кроме того, ментализм, давно и прочно пустивший свои корни в культуре, находился лишь под ее поверхностным слоем и не мог постоянно оставаться подавляемым.

Неспособность бихевиоризма выполнить свои обещания, наряду с неявным положительным отношением к ментализму, явились наиболее важными факторами, приведшими к замене его, за исключением анализа поведения, когнитивной психологией (см. главу 3), продолжившей развивать методологию бихевиоризма и сохранившей акцент на процессе научения. Когнитивизм рассматривает память, восприятие и другие когниции не как поведение, а как психические процессы, родственные компьютерным программам. Он рассматривает эти процессы как внутренние репрезентации внешнего мира (в некоторых версиях репрезентации рассматриваются не столько как изображения (pictures), сколько как гипотетические структуры, являющиеся кодами воспоминаний, восприятий и т. д.). Таким образом, замещение бихевиоризма когнитивизмом привело к возвращению (а) дуализма «душа—тело», (б) двойного мира Канта и его врожденных категорий (determiners) разума и (в) модели восприятия, отражающей линию Плотин—Галилей—Ньютон—Локк—Беркли—Юм—Кант—Мюллер—Гельмгольц.

Фактически дуализм «душа—тело» никогда не исчезал из психологии. Хотя в 1930-х — 1950-х гг. он находился в относительно подавляемом состоянии, тем не менее он продолжал присутствовать все это время в методологическом бихевиоризме и, наконец, вновь громогласно заявил о себе практически во всех областях психологии. Стимульно-реактивная модель научения являлась настолько механистичной и ограниченной, что исследователи сочли ее неудовлетворительной. Однако, в поисках альтернативы, они находили только ментализм. Восхищение компьютерами породило новую соблазнительную аналогию разума, и пресловутый маятник качнулся в сторону ментализма. Менталистские конструкции свободно используются в современной психологии, почти не получая критической оценки (Jenkins, 1993).

Выход за пределы бихевиоризма. Одним из первых, кто определил психологическое событие не просто как поведение организма или ментальный процесс, но как взаимодействие между объектом и организмом, был Фредерик Вудбридж (1867–1940), член факультета естественной философии Колумбийского университета. В частности, он отстаивал позицию (близкую к позиции Аристотеля), согласно которой зрение не относится исключительно к организму, но представляет собой «взаимодействие или отношение между организмом и его окружением, осуществляемое посредством глаза» (Woodbridge, 1909, p. 368). Нервная система не способна видеть или слышать, отмечал Вудбридж, но она обеспечивает единство (unity) посредством координирования различений органами чувств, и это единство и есть сознание.

Другим ученым, подчеркивавшим роль взаимодействия «организм—среда» (а не взаимодействия «душа—тело»), вместо представлений о механических входных и выходных сигналах, был китайский исследователь поведения животных Цин-Ян Куо (Zing-Yang Kuo, 1898–1940). Он был учеником Толмена, хотя испытал весьма значительное влияние Уотсона, несмотря на свое критическое отношение к его работам. Он придавал большое значение биологии, но лишь как реализационному или ограничивающему, но не определяющему условию поведения животных. Разработанная им система психологии в настоящее время носит название «вероятностно-эпигенетической психологии» (см. главу 13). Несколько ранее Дж. Р. Кантор (1888–1984) принял во внимание контекст («поле») независимых взаимодействий, положив это понятие в основу детально разработанной им системы психологии (см. главу 10), получившей свое полное выражение в виде фор-

мальных постулатов и распространенной им на такие виды «интерповедения» («interbehaviors»), как познание, ориентировочное поведение, выбор, мышление и т. д. Поскольку его система рассматривает психологическое явление как комплекс отношений между конкретными событиями, она не нуждается в менталистских конструкциях или редукции психологии к активности мозга. Тем не менее мозг, как и другие компоненты биологии организма, получают в ней полное признание в качестве участвующих условий (participating conditions), относящихся к полю, как это имело место в системе Куо.

Система экологического восприятия Джеймса Гибсона (1904–1979), позднее развившаяся в экологический реализм, приобрела в целом сходные (с интербихевиоризмом) характеристики после того, как были отброшены более традиционные конструкции этой системы (см. главу 13, § 3).

Оперантный субъективизм Уильяма Стефенсона (см. главу 11) принял интербихевиоризм в качестве своей теоретической базы и обеспечил строгую методологию объективного изучения субъективности, т. е. точек зрения субъекта. Эта методология открывает путь систематическому исследованию так называемых психических (mental) или когнитивных событий, которые так и не смог адекватно объяснить бихевиоризм. Таким образом, была предложена альтернатива механистическим компьютерным конструктам когнитивизма и статистическим процедурам, сводящим на нет уникальность отдельного индивидуума. Общественная психология (см. главу 13) тоже приняла тезис о взаимодействии индивидуума и окружения и приобрела прикладную ориентацию. Диалектическая психология (см. главу 9) также носит интеракционный или биполярный характер и принимает во внимание историю развития и контекст взаимодействий. Русские и китайские диалектики отличались более редукционистскими взглядами, сводя психологию к биологии, что было в меньшей степени свойственно другим представителям диалектики.

Эти нецентрические подходы вышли за пределы давней традиции, прослеживаемой еще со времен эллинистической Греции[15], хотя, как и всегда, у этих современных подходов были свои предшественники. Несмотря на то, что им удалось предложить альтернативу как ментализму, так и механицизму, их работы не получили должного внимания в силу авторитета традиции — пользуясь метафорой Уильяма Джеймса, великого маховика привычки, — продолжающей взывать к могущественному духу «разума» и его инкарнации в виде мозга.

Гештальт-психология. Рационализм и эмпиризм столкнулись, когда на сцене появилась гештальт-психология (не путать с гештальт-терапией Фрица Перлса, рассматриваемой в главе 4). Гештальт-психологи утверждали, что разум не делится на элементы, даже на такие, которые могут соединяться, подобно химическим элементам, в сложные вещества (как полагал Дж. С. Милль) или объединяться посредством апперцепции (как считали Лейбниц и Вундт). Гештальтисты настаивали на том, что разум наделен врожденными способностями, придающими вещам гештальт — целое или паттерн, — что присуще как восприятию, так и мышлению. Например, когда мы смотрим на вещи, мы не видим отдельные пятна, которые должны быть скомбинированы в объект, скажем, дерево. Вместо этого наши врожденные механизмы соотносят различные компоненты по принципам пространственной близости, сходства и установки (того, что мы ожидаем увидеть) в единицу «дерево». Научение и решение проблем состоит не в пробах и ошибках, как полагал Торндайк, но в обнаружении критического компонента решения, который способствует образованию целого. Научение — это достижение инсайта. Вольфганг Келер (1887–1967) попытался подвести под гештальт-организацию физиологическую базу на основе аналогии с электрическими полями. Он высказал предположение, что сенсорная стимуляция попадает в зону действия электрохимических полей мозга и реструктурируется в целостности. Далее, конфигурация силовых полей мозга и конфигурация объекта, принадлежащего миру, соответствуют друг другу во всех своих точках: они «изоморфны» друг другу. В процессе восприятия индивид воспринимает эти конфигурации в своем мозге. Здесь, как и в случае Мюллера и Гельмгольца, перед нами пример биологизации кантовского единства апперцепции. Его удвоенный мир предстает в виде изоморфизма, а врожденная категоризация — в виде гештальт-организации.

Социальный психолог Курт Левин (1890–1947) применил гештальт-психологию к группам. В его «групповой динамике» поведение каждого индивидуума определяется паттерном энергии всей группы, подобно тому как мозг в гештальт-теории определяет сенсорные элементы. Данная теория оказала влияние на гуманистическую психологию (см. главу 4) и такие ее формы участия в Движении за человеческий потенциал, как Т-группы и группы встреч. Левин также оказал влияние на экологическую психологию (см. главу 7), общественную психологию (см. главу 13) и энвайронментальную психологию (там же) благодаря его вниманию к поведению как функции среды.

Резюме и выводы

Психологические представления первобытных людей наделяли все вещи жизненной силой. Жиз-

[15] Возможно, именно благодаря своему китайскому происхождению и связи с китайской культурой Куо с самого начала избежал влияния западной традиции, что позволило ему сформулировать подход, альтернативный западному механицизму и ментализму.

ненные силы человека, определяющие его поведение, нередко отождествлялись с биологическими органами, в особенности с сердцем. Аристотель поставил психологию на последовательно натуралистический путь, описав взаимодействие организма и среды, вместо того чтобы помещать определяющие поведение силы в организм человека. В последующие века тяжелые социальные условия заставили интеллектуалов обратиться внутрь себя и отвернуться от внешнего мира, превратив *псюхе* из жизненной функции в сверхъестественный внутренний определяющий фактор. Аналогичная трансформация при сходных обстоятельствах произошла ранее в Индии. Христианские теологи развили учение о *псюхе (душе)*, превратив его в психологию внутренней жизни; этот подход доминировал в мышлении людей на протяжении всего Средневековья и даже в более поздние исторические периоды. В то время как другие науки освобождались от теологии, психология оставалась в ее власти, однако она привлекла внимание философии — дисциплины, начавшей отходить от теологического мышления. Такие направления философии, как рационализм, эмпиризм и позитивизм, придали психологии больший вес, но сохранили психологический дуализм и, кроме того, привнесли в психологию принципиальное расхождение по вопросу о том, является ли душа целостной или атомистической. Вместо того чтобы обратиться к наблюдению природы, философы пытались натурализовать душу, прибегая к аналогиям и биологизации. Даже после появления экспериментальной психологии исследователи продолжали полагать, что они изучают нечто неосязаемое (эфемерное), что может быть исследовано лишь косвенными методами.

Классические системы психологии, появившиеся в конце XIX и развивавшиеся до 50-х — 60-х гг. XX века, как правило, представляли собой реакцию на эти многовековые проблемы и продолжали интерпретировать свои наблюдения преимущественно в терминах ощущений/разума/сознания/промежуточных переменных, несмотря на значительный прогресс самих методов наблюдения по мере принятия ими методологии лабораторных исследований. Лишь постепенно, да и то в ограниченных пределах, эти психологические системы начали обращаться к описательному методу обработки получаемых ими данных, принятому другими науками. Только радикальный бихевиоризм отбросил менталистские конструкты, впав при этом, однако, в другую крайность — механицизм. Некоторым нецентрическим системам удалось избежать как дуализма «душа—тело», так и механицизма и биологического редукционизма, придав основное значение взаимозависимости объекта и организма, взаимодействующих в контексте. Другие современные системы остаются близки традиции, восходящей к Отцам Церкви, либо переносят основной акцент преимущественно на среду (в частности, эко-бихевиоральная наука). Теория психоанализа (см. главу 5), представленного как классическими, так и современными системами, изначально построена на внутренних ментальных структурах рационалистов и энергиях или силах физиков, и потому психоанализ не способен покончить с теологическим дуализмом «душа—тело», хотя и пытается придать себе статус систематической науки. Гуманистическая психология (см. главу 4) замещает душу понятием «я» (self). Постмодернизм и социальный конструкционизм (см. главу 8) отрицают достоверность рационального и научного познания, обращаясь, однако, к логике и кросс-культурным научным исследованиям для оправдания своей позиции. В некоторых версиях этих систем познающий сливается с познаваемым, как у Плотина, тогда как в других вариациях он охватывает непознаваемый мир Канта.

История показывает, что в первую очередь именно дуализм «душа—тело» и различные реакции на него породили среди психологов столь глубокие разногласия по поводу того, что составляет предмет психологической науки. Эти разногласия начинают возникать после окончания эпохи Средневековья, когда душа становится все более запутанной темой и с логической, и с эмпирической точки зрения (т. е. с точки зрения наблюдений). В то же время история показывает нам, что дуализм «душа—тело» — это порождение лишь двух последних тысячелетий истории. Альтернативы ему, как и биологическому редукционизму, были известны еще в IV в. до н. э., но остались незамеченными мыслителями последующих эпох. Они известны и сегодня, но также не получают должного внимания. Насколько обоснованы такие альтернативы, это отдельный вопрос, однако пока мы не признаем факт их существования и не начнем анализировать их, мы не сможем обеспечить себе базу для информированного выбора. В целом традиционная психология до сих пор не рассматривает эти альтернативы и позволяет лишь допущениям, идущим из культуры прошлых исторических эпох, определять характер различных современных психологических систем.

Современная психология характеризуется не только наличием разногласий по поводу своего предмета, но и крайней раздробленностью в своих теоретических и методологических подходах. Отчасти это обусловлено все возрастающей специализацией наук, но наряду с этим — и многовековыми разногласиями по поводу конструкта души. В этой ситуации снова оказывается вполне уместным задать те вопросы, которые были поставлены нами в начале данной главы. Является ли психология наукой, занимающейся изучением души и ее репрезентаций существующего независимо от нее реального мира? Изучает ли она формы поведения, испытывающие влияния разумной души (или познающего разума)? Или,

может быть, просто формы поведения? Или воздействие окружающей среды на организм? А может быть, мозга? Или же взаимоотношения организма и среды в контексте?

ЛОГИКА НАУКИ

Под заголовком «логика науки» (называемой также «философией науки») может скрываться множество тем. Здесь мы рассмотрим вопросы, которые являются центральными для 16 психологических систем, описанных в данной книге. Во многих случаях эти темы являются не взаимоисключающими, а перекрывающими в той или иной степени друг друга. Фактически, с некоторых точек зрения все они представляют собой подразделы вопроса о различении между конструктами и событиями (явлениями), а также способами использования обоих этих понятий.

Конструкты против событий

Различение конструктов и событий. Конструкция или «конструкт», как указывает само название, представляет собой нечто конструируемое, а не наблюдаемое. Конструкт является продуктом теоретизирования, абстракцией, измышлением. Собственно говоря, все, что не является исходным (original) событием, является конструктом: теории, гипотезы, принципы, математические формулы, диаграммы, измерения... Даже описание можно считать конструктом, поскольку оно не является той вещью, которую описывает. К примеру, декартова «душа», «монады» Лейбница, «впечатления» Юма, «идеи и ощущения» Локка, «пружины» Ламетри, «трансцендентальное единство апперцепции» Канта, «специфические нервные энергии» Мюллера, «психическая химия» Дж. С. Милля, «О» Вудвортса и «изоморфизм» Келера — все они представляют собой конструкты. Наиболее значимый вопрос касается, однако, того, выводятся ли эти конструкты из наблюдаемых событий или навязываются им (Ebel, 1974; Kantor, 1957, 1962; Lichtenstein, 1984; Observer, 1983). Во всех перечисленных выше случаях конструкт заимствовался из сложившейся культурной традиции и навязывался событиям. Событиями являются ви́дение, представление (believing), запоминание, мышление, воображение и другие конкретные, осуществляемые человеком акты, а не нервные энергии, ощущения и тому подобное. Событие — это то, что происходит; безразлично, знаем мы об этом или нет.

Авторы недавно вышедшей книги, посвященной теоретическим вопросам психологии, характеризующие данное издание как «исчерпывающее руководство» (Bem & Looren de Jong, 1997), даже не упоминают о принципиальном вопросе конструктов. В многовековых дебатах о природе души вопрос о природе конструктов и их смешении с событиями также не рассматривался. В этом отношении все (спорящие друг с другом) авторы пребывают в священном согласии.

Тем не менее вопрос о различении конструктов и событий имеет принципиальное значение. Его решение определяет теорию, методику исследований, их практическое применение и даже решение вопроса о познаваемости. Вундт утверждал, что мы не может познавать сознание, но лишь эффекты (следствия) его деятельности. И в том, что мы не можем познавать эфемерные конструкты, он был прав. Но было ли вообще для него необходимым обращаться к этому конструкту или ему было достаточно просто ссылаться на реакции, которые он фактически измерял? Сообщали ли испытуемые в экспериментах Титченера об обнаруженных ими путем интроспекции элементарных ощущениях или о различаемых ими с помощью органов чувств объектах и событиях? Красноречивой иллюстрацией смешения конструктов и событий может послужить исследование Познера и Рэйчела (Posner & Rachel, 1994, p. 24). Авторы представили диаграмму, в которой по горизонтальной оси предполагалось откладывать результаты изучения мозга, а по вертикальной — разума. И они действительно наносят на диаграмму результаты изучения мозга методами визуализации на разных уровнях детализации, при этом «разум» оборачивается временем.

Другой пример смешения конструктов и событий мы находим в работе Борнштейна (Bornstein, 1988), пытающегося оправдать ненаблюдаемые переменные (unobservables) в психологии. Он утверждает, что «психологи исследуют чувства, мотивации и другие внутренние процессы». При этом и события, и конструкты оказываются у него включенными в состав очередного конструкта — внутренних процессов. Давайте детально рассмотрим то и другое понятие, чтобы выяснить, каковы возможные альтернативы их смешению.

• Вы, вероятно, согласитесь, что если вы получили пятерку на письменном экзамене, ваша радость является реальным событием. Следовательно, чувство — это событие, включающее индивидуума и его взаимодействие с тем, по поводу чего он испытывает данное чувство, в частности, радость при виде пятерки на своей экзаменационной работе.

• Почему вы так старались, чтобы получить пять? Должно быть, вы были мотивированы. Но что такое мотив? Это не нечто, существующее само по себе; мотив должен иметь конкретный референт, относящийся к разряду идентифицируемых событий. Возможно, вы заключили со своим другом пари на бублик, что вам удастся получить пятерку. Мотивация — это конструкт причинности (construct of causality), а не событие, однако он может быть удобен как обобщающий термин, если имеет идентифицируемый ре-

ферент. Однако, в отличие от Борнштейна, мы не исследуем мотив как таковой, поскольку он не более чем абстракция, конструкт. Предметом нашего исследования являются конкретные условия, вызывающие специфические формы поведения.

• Последний пример из работы Борнштейна, внутренние процессы (которые он полагает как всеобъемлющую категорию), также являются конструктом, а не событием. Этот пример основан на допущении, что природа разделила нас на две части. Если мы сможем указать конкретные референты внутренних процессов, различение на «внутреннее—внешнее» оказывается лишенным оснований. Идентифицируемые природные (естественные) события — радость при виде пятерки, пари, послужившее одной из причин ваших стараний заработать пятерку, — становятся фокусом исследования, а не конструируемая дуальность. Однако конструкт внутренних процессов, как правило, относится к дуализму «душа—тело» и не имеет наблюдаемых референтов.

Борнштейн продолжает оправдывать ненаблюдаемость в психологии, утверждая, что гравитация также ненаблюдаема и что физики также используют косвенные методы исследований. Напротив, гравитация не является ненаблюдаемой. Это событие, включающее отношения тел в пространстве, и эти отношения поддаются наблюдению, измерению и математическому описанию. Аналогичным образом мы можем наблюдать взаимоотношения людей и их окружения и описывать эти отношения, а не основываться на культурных конструктах, навязывая их исследованиям. Мы располагаем альтернативами для выбора.

Возможная причина признания ненаблюдаемости, полагает Кантор (Kantor, 1979), заключается в том, что мы взаимодействуем с нашим окружением двумя различными способами. Первый связан с наблюдением и манипулированием, тогда как второй является более тонким и включает предчувствия, предположения и знание. Поскольку второй тип реакций более отдален от исходных событий, ученые могут полагать, что они имеют дело с одними вещами, тогда как фактически они имеют дело с другими (см. также вопрос об аналогиях на с. 80). Культурные традиции, вероятно, имеют еще большее влияние, но мы не связаны культурой; мы сами изменяем ее собственными действиями, а следовательно, изменение нашего отношения к культурным конструктам не является чем-то невозможным (Kantor, 1938, 1973).

Несмотря на заявления о том, что «теоретические термины» (конструкты) и обсервационные термины в равной степени производны (inferential) и ненадежны, ряд эмпирических исследований этих терминов свидетельствует о более высокой надежности и валидности последних и о четкой различимости двух видов терминов (Clark & Paivio, 1989). Исследователи обнаружили, что «обсервационные термины более прямым образом, чем теоретические, соотносятся с наблюдаемыми феноменами, а также более устойчивы и определенны в своих значениях» (p. 510). И далее, «полученные данные говорят о том, что ученые по-разному относятся к обсервационным и теоретическим терминам при формулировании или сообщении научных идей и должны сохранять такое различие. Обсервационные термины имеют более стабильные и универсальные значения и содержатся в утверждениях, которые могут быть подвергнуты эмпирической проверке путем обращения к их конкретным референтам» (p. 510)[16].

Должна ли психологическая система базироваться на конструктах или на событиях? Иными словами, должны ли ее сторонники начинать с конструктов, с помощью которых они будут интерпретировать события, или они должны начинать с событий и развивать свои конструкты на основе этих событий? Кантор (Kantor 1981b) утверждает, что «в целом, отвечающая критериям валидности логика науки должна быть основана на полном признании связей между событиями и конструктами» (p. 6), включая четкое разграничение между ними. Ему созвучно мнение Лихтенштейна (Lichtenstein, 1984):

> «Если мы будем строго следовать тому, что определяется в научной работе, мы будем иметь базис для различения между данными, процедурами исследования и конструкциями. Конструкционная фаза исследовательской работы приобретает для нас особо важное значение, когда мы осознаем, что именно на этой стадии возникает основная часть научных разногласий. Конструкты с наибольшей вероятностью будут обоснованными в том случае, когда они выводятся в результате непосредственного контакта с событиями, независимо от того, используются при этом (экспериментальные) манипуляции и измерения или нет. К сожалению, ученые, находящиеся во власти традиции, как правило, не осознают этот факт. В результате астрономы обнаруживали орбиты планет, имеющие форму окружности, а биологи подробно описывали гомункулусов [крохотных человечков], содержащихся в сперматозоидах» (p. 471).

Конструкты с пространственно-временными координатами. Конструкты необходимы в науке, и если они правильно используются, они всегда имеют конкретные референты: их референтами являются вещи или события. Логические выводы — это конструкты,

[16] Любопытно отметить, что авторы прибегли в своей работе к конструктам, референтная база которых была подвергнута сомнению другими исследователями (см. главу 3).

играющие важную роль в науке. В V–IV вв. до н. э. Демокрит, наблюдая за поведением материи, пришел к выводу, что она состоит из мельчайших частиц, которые он назвал «атомами». Хотя он не мог удостовериться в существовании атомов, наличие у них пространственно-временных координат давало людям возможность когда-нибудь наблюдать их в случае их существования. В XX столетии развитие технологической базы сделало возможной экспериментальное доказательство существования этих частиц, которое было выведено логическим путем. И напротив, исторические (historical) конструкты, навязываемые человеческим действиям, не имеют пространственно-временных координат, являясь трансцендентными по отношению к пространству и времени. По этой причине были изобретены аналогии — конструкты по поводу конструктов, — и мозг, как материальный орган, стал выполнять замещающую роль по отношению к этим нематериальным агентам. Однако как психологический орган, мозг также является конструктом (см. с. 73–77).

Эстес (Estes, 1989) одобрительно ссылается на Бора, Эйнштейна и Халла, как использующих абстрактные, логически выведенные «репрезентации» (конструкты). Бор предположил, что атомы содержат электроны, вращающиеся вокруг ядра. Такая модель обладала пространственно-временными координатами, допускающими ее потенциальную проверку. Данный конструкт оказался чрезвычайно плодотворным для физики и химии и продолжает быть полезным несмотря на то, что его валидность в настоящее время подвергается сомнению. Эйнштейн предположил, что гравитацию образует пространство, искривленное массой находящихся в нем тел; данный конструкт позволил точно предсказать путь света, излучаемого звездами и проходящего вблизи Солнца. В противовес этим научным конструктам «внутренние побуждения» Халла не имели пространственно-временных координат, несмотря на его усилия придерживаться точки зрения логических позитивистов и определять их через операции. Основанная Халлом на понятии внутренних побуждений теория научения, оказавшая значительное влияние на других ученых, а также его предсказания поведения, выводимые им из своей теории, не выдерживают критики ни по теоретическим, ни по эмпирическим (использующим наблюдения) основаниям.

Типы конструктов. Иногда смешение конструктов и событий является следствием использования термина «переменная» как по отношению к вещам и событиям, так и по отношению к конструктам. В тех случаях, когда это слово относится к стимульным условиям (stimulus condition), реакциям, контексту, состоянию организма (body condition) либо другим конкретным вещам, переменная является вещью или событием. Когда же под переменными понимаются «промежуточные переменные», такие как «О» Вудвортса, «внутренние побуждения» Халла или «когнитивные карты» Толмена, они являются конструктами. Сознание, когниции, опыт и разум также используются как промежуточные переменные[17]. Как указывает Кантор (Kantor, 1957), промежуточные переменные были введены Толменом (Tolman, 1936) с явной целью отвести место ментальным процессам в его теоретической модели, а Толмен позаимствовал это понятие у Джеймса, который описывал психическую жизнь как промежуточную между воздействиями (impressions) на тело и реакциями тела на внешний мир. Промежуточные конструкты были превращены в ненаблюдаемые события и наделены причинными качествами: внутренние побуждения, инстинкты или разум стали рассматриваться как причинные факторы по отношению к поведению.

> «Любой не находящийся под влиянием традиционных философских представлений легко может видеть: то, что принято называть промежуточными (intervening) переменными, на самом деле можно назвать последующими (supervening) «переменными». Когда промежуточные переменные отождествляются с такими факторами, как усталость, предшествующий опыт или нарушения в организме, они оказываются задаваемыми извне (extravening) или сеттинговыми факторами (setting factors) [контекстом]. Если твердо придерживаться событий, с которыми мы фактически работаем, мы сможем избежать смешения аутентичных гипотез, а именно конструктов, регулируемых и контролируемых событиями, которые составляют предмет исследований, с вольными плодами аутичного воображения» (Kantor, 1957, p. 59).

Марр (Marr, 1983) указывает на то, что:

> «Ньютон предположил возможность того... что распространяющийся повсюду «эфир» служит средой для таких явлений, как свет или гравитация. В психологии всегда было предостаточно психических эфиров, выполняющих функции посредника между стимулами и реакциями. Действительно, наблюдаются параллели между когнитивной психологией и классической физикой в ее стремлении к пониманию структуры и механизмов функционирования ментального эфира... Такие модели всегда можно развить или адаптировать таким образом, чтобы они согласовывались с любыми получаемыми данными...» (p. 13).

[17] Иногда различают промежуточную переменную и гипотетический конструкт. Последний определяется как нечто, существующее гипотетически, недоступное для наблюдения, как, например, атомы Демокрита, и позволяющее потому считаться всего лишь мнением.

И они действительно согласуются, поскольку базируются не более чем на словесных конструкциях. В пользу промежуточных переменных приводится, однако, тот аргумент, что они объединяют несколько различных факторов в едином термине, благодаря чему облегчается работа с ними (Wasserman, 1983, p. 8). Критики могли бы заметить, что такое объединение столь же легко приводит к неразличению многочисленных взаимодействий между различными факторами и замене этих событий гипотетической причинной сущностью. Тем не менее объединение ряда взаимосвязанных форм поведения путем обобщенного описания в такие конструкты, как мотивация или личность, является общепринятой практикой, но в этом случае мотивация или личность не относятся к промежуточным переменным. В качестве описаний такие конструкты не являются причиной поведения, которое они описывают.

Левин (Lewin, 1951) оказал влияние на эко-бихевиоральную науку (см. главу 7), энвайронментальную психологию (см. главу 13) и общественную психологию (там же), предложив конструкт: B = f(P, E), где B = поведение, P = индивидуум, а E = окружающая среда (или ситуация). P — это душа (mind) индивидуума, или то, что Левин называл жизненным пространством, и в его формуле поведение (B) выступает как отделенное от индивида (P), который взаимодействует с жизненным пространством в процессе поведения (B). Таким образом, поведение оказывается функцией конструкта (P) и в то же время — обстоятельства или события среды (E). При этом Левин не объясняет, как такое возможно. Аналогично Махони (Mahoney, 1977) высказывает мнение, что и познавательная способность (читай: разум), и среда, и поведение оказывают влияние друг на друга. Следовательно, у него два события взаимодействуют с конструктом. Близкой к нему является и позиция Бандуры (Bandura, 1989) предложившего модель «триадной реципрокной каузации» («triadic reciprocal causation»), в которой среда, поведение и индивидуум (читай: разум) взаимодействуют между собой. Здесь снова два события взаимодействуют с конструктом по не вполне понятным логическим основаниям. Насколько нам известно, взаимодействовать друг с другом могут только вещи и события, но не вещи и конструкты. Триады Махони и Бандуры отличаются от формулы Вудвортса «S-O-R» только тем, что их компоненты находятся в реципрокных, а не в линейных (действующих только в одном направлении) причинно-следственных отношениях. Ясное указание того, что представляют собой события, в противовес навязываемым конструктам (таким как душа или разум человека), привело бы к более правильной идентификации всех релевантных событий и к более точному научному пониманию, на основании которого могут строиться практические приложения. Левин также способствовал развитию когнитивизма, предположив, что «человеческие действия в высшей степени зависят от когнитивной обработки информации — то есть от мира, каким он мыслится (cognized), а не от мира, какой он есть» (Gergen, 1985, p. 269). Такая точка зрения со всей очевидностью представляет собой версию удвоенного мира Канта.

Данные точки зрения демонстрируют нам, что любые промежуточные переменные, будь то триадные или линейные, предполагают наличие причинной связи между конструктами и событиями, иными словами, допускают существование причинных отношений между душой и телом. Поскольку конструкт является не вещью, а абстракцией, а потому ни при каких условиях не может быть наблюдаем (хотя его референт, если таковой имеется, может быть наблюдаем), вся модель в этом случае навсегда оказывается не подлежащей ни наблюдению, ни верификации. (Наблюдение здесь понимается в широком смысле и может включать традиционные лабораторные исследования, интервью, метод Q-сортировки, изучение конкретных случаев и биографий, полевые исследования и т. д.) Однако на практике происходит так, что исследователь наблюдает события, но излагает их в форме оперирования конструктами, такими как разум или обработка информации, и навязывает их наблюдаемым событиям. Смешение конструктов и событий восходит еще к схоластам эллинистической Греции, увлекшимся вербализациями. Однако вещи и события — это единственное, что кто-либо когда-либо наблюдал или может наблюдать.

Хотя научная деятельность в значительной степени состоит в теоретическом конструировании, из этого не следует, как отмечает Кантор (Kantor, 1957), «что гипотетические сущности могут создаваться произвольным образом» (p. 59). *Описательные (дескриптивные) конструкты*, утверждает он, наиболее валидны и полезны тогда, когда они непосредственно выводятся из контакта с событиями. Степень их валидности и полезности снижается, когда они (а) представляют собой аналогии, (б) заимствуются из других наук (в частности, биологии) и (в) являются полностью искусственными, как промежуточные переменные. *Объяснительные конструкты* (причинность) могут связывать психологию с биологией, химией и социальными событиями, но не могут сводить ее к ним. Они являются в большей степени аналитическими, чем описательными, соотнося вещи и события (Kantor, 1983), однако они все же могут рассматриваться как формы описания. Объяснение расширяет свод знаний, когда одно функциональное описание интегрируется со вторым, которое уже функционально соотнесено с другими описаниями. Валидность манипулятивных конструктов, используемых при формулировке научных проблем, теорий и гипотез, может быть подтверждена лишь в тех случаях, когда они «тесно связаны с событиями» (1957, p. 59).

Критерии конструктов. Существуют ли эксплицитные стандарты, регулирующие использование

научных конструктов? Приводимый ниже список, составленный по работам Кантора (Kantor, 1957, 1978, 1981b), включает стандарты, согласующиеся с линией развития науки. К ним могут быть добавлены и другие. Сторонники социального конструкционизма (см. главу 8) отвергли бы большинство из этих критериев, утверждая, что все претензии на знание или истину являются лишенными основания конструктами — кроме как в рамках тех социальных групп, которые их конструируют, — и не имеют силы при использовании их вне этих групп. Такой социальной группой являются также ученые и исследователи, которые, с точки зрения представителей социального конструкционизма, имеют не больше оснований для претензий на истину, чем создатели мифов.

• Проводите четкое различие между конструктами всех типов и исходными событиями.

• Избегайте любых конструктов, берущих свое начало в традиционных культурных и философских источниках.

• Не располагая достаточными средствами для получения критически важной информации, используйте конструкты в высшей степени осторожно и никогда не основывайте их на том, что не поддается наблюдению.

• Учитывайте тот факт, что только конструкты, непосредственно выводимые из наблюдаемых событий, имеют потенциал быть валидными.

• Выбирайте адекватные примеры событий, в которых могут наблюдаться взаимоотношения между событиями.

• Начинайте любые исследования с наблюдений, на основании которых могут выводиться конструкты; избегайте начинать исследования с конструктов и интерпретировать полученные результаты в терминах этих конструктов.

• Следите за тем, чтобы интерпретативные (interpretive) конструкты соотносились с наблюдаемыми событиями; не основывайте их на других конструктах.

• Привязывайте все конструкты — такие как интеллект (intelligence), мотивация и аттитюды — к наблюдаемым референтам и избегайте приписывания им независимого существования в качестве вещей или причин.

• Используйте только поддающиеся корректировке (corrigible) конструкты.

• Избегайте превращения участвующих условий либо условий, необходимых для совершения события, в определяющие условия (см. с. 75–77).

• Идентифицируйте различные уровни организации вещей и событий и используйте объяснительные конструкты, отражающие эти различия.

• Проводите различия между познающим и познаваемой вещью и не допускайте слияния первого со вторым (см. с. 80).

• Выводите постулаты из наблюдений.

• Избегайте принятия ненаблюдаемых конструктов и аналогий за неизвестное и рассматривайте допущение возможности своего незнания как положительное качество ученого (см. с. 80).

• Используйте только те конструкты, которые могут быть наблюдаемы, по крайней мере в принципе, поскольку наука возможна лишь благодаря наблюдениям.

Исключает ли критерий наблюдаемости возможность «личных» или «субъективных» событий? По мнению некоторых ученых, выдвигающих данный критерий, нет.

Зачастую конструкты приобретают круговой характер (вариант порочного круга). Барбер (Barber, 1981), внесший значительный вклад в исследования гипноза, указывает на то, что гипноз, как правило, определяли через трансовые состояния: мы знаем, что некто загипнотизирован, поскольку он находится в трансе. Затем мы начинаем объяснять поведение загипнотизированного субъекта трансом. Иными словами, определение гипноза как транса не является независимым от того, что понятие транса призвано объяснять. Барбер полностью отвергает конструкт транса и описывает гипноз как направленное воображение, находящееся в непрерывной связи с другими известными нам формами поведения. Понимание феномена гипноза, утверждает он, не нуждается в гипотетическом конструкте транса. Разграничив конструкт и событие, Барбер смог выработать совершенно новое понимание гипноза. Круговой характер отношений присутствует и в основополагающем конструкте психоанализа: Фрейд первоначально определил либидо как сексуальные потребности, а затем начал использовать это понятие для объяснения сексуального поведения (MacCorquodale & Meehl, 1951). Другие примеры круговых отношений мы находим в психометрии, когда создается шкала для измерения определенного конструкта, такого как отчужденность или интеллект, а затем конструкт определяется с помощью шкалы.

В качестве других примеров круговых конструктов Эбел (Ebel, 1974) указывает интеллект, мотивацию и креативность. Мы слышим о том, что человек упорно трудится, потому что он мотивирован, и судим о том, что он мотивирован, потому что он упорно трудится. Эбел сравнивает такие объяснительные конструкты с тремя нимфами («дриадами») и другими анимистическими силами охотников-собирателей. Само заглавие его работы: «Дриады все еще живы» («And Still the Dryads Linger») подчеркивает его тезис о том, что мы до сих пор не очистили психологию от анимистических объяснений. Они продолжают свое существование под видом интеллекта, черт личности, либидо и т. д. Более того, мы говорим о большем или меньшем количестве интеллекта, мотивации и креативности, как будто они являются *вещами,* характеризующимися количественными показателями. Такие конструкты, как интеллект, играют важную роль, однако, утверждает Эбел, их использование должно ограничивать-

ся указанием на функциональные отношения, поскольку объяснение само по себе исчерпывается указанием на функциональные отношения.

> «Мы не должны допускать того, что сложность предмета нашей науки начнет препятствовать нашему признанию дриад тем, чем они являются — частичными описаниями, маскирующимися под видом причинных объяснений. Эта сложность не должна препятствовать пониманию нами того, насколько бесполезны они для наших поисков понимания поведенческих феноменов. Давайте будем бдительно относиться к их обманчивым обещаниям. Давайте не будем гостеприимно распахивать перед ними двери нашей науки, какой бы ограниченной и несовершенной она ни была. Они могут лишь ослабить ее» (p. 491).

Обобщая позицию Барбера и Эбела, можно сказать, что мы должны остерегаться использования круговых конструктов и следить за независимостью даваемых нами определений и объяснений друг от друга. В частности, если мы определяем мотивацию как упорную работу, то должны искать возможные объяснения того, *почему* люди упорно работают, где-то в другом месте (вне мотивации). Такие объяснения, согласно Эбелу, будут ограничены описанием функциональных отношений между переменными, а не вымышленными дриадами. Такие конструкты, как интеллект, мотив или личность, удобны как способ описания специфических форм поведения, но не являются причиной тех форм поведения, которые они описывают. Кларенс получил высокую оценку по интеллектуальному тесту *не потому*, что у него высокий интеллект. Его высокая оценка — это измерение или описание его интеллектуального поведения. Человек ведет себя определенным образом не вследствие особенностей своей личности. Определенный тип поведения и есть личность. «Личность» — не более чем стенографическое обозначение тех или иных форм поведения. Ребенок постоянно отвлекается *не потому*, что у него синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). Этот термин лишь *обозначает (refers)* отвлекаемость и другие особенности поведения, иногда сопровождающие ее.

Если мы считаем, что причинность — это то же самое, что и объяснение, то поиск объяснения становится поиском функциональных отношений. Аналогичным образом британский философ Бертран Рассел пытается избавиться от дриад в физике. Он указывает на то, что «электричество — это не вещь, подобно собору Святого Петра, это способ поведения вещей. Если мы сказали, как вещи ведут себя, когда они наэлектризованы, и при каких условиях они оказываются наэлектризованными, мы сказали все, что можно сказать» (цит. по Cole, 1983). Судить о том, присутствуют ли дриады в тех или иных системах, которые рассматриваются в этой книге, мы предоставляем самим читателям.

Существует, однако, и другая точка зрения, связанная в той или иной степени с социальным конструкционизмом (см. главу 8), сторонники которой называют себя «реалистами» и утверждают, что мы должны искать причинные механизмы, а не функциональные отношения (Manicus & Secord, 1983). Согласно данной точке зрения, причинный механизм — это не события, а многослойные действия людей (multilayered acts of people), охватывающие такие дисциплины, как биология, физика и социология, и включающие биографические данные, контекст, мотивы, интересы и цели. Эти механизмы входят в жизнь по мере ее проживания — точка зрения, имеющая много общего со взглядами гуманистической (см. главу 4) и феноменологической психологии (см. главу 12). Некоторые представители социального конструкционизма (см. главу 8) и гуманистической психологии полностью отрицают то, что наблюдения могут быть объективными или что они играют какую-либо полезную роль в психологии.

Конструкт разума. Разум в различных своих воплощениях является фундаментальным психологическим конструктом. Мы уже говорили о том, что первоначально этот термин относился к конкретным событиям и до сих пор сохраняет некоторые из этих значений, но под влиянием теологии он также приобрел нефизические значения. Если мы используем термин разум для непосредственного обозначения таких событий, как акты мышления, познания, различения и воображения — как стенографическое обобщение этих конкретных событий, — он служит для нас полезным конструктом до тех пор, пока мы признаем, что он *не тождествен* этими событиями, как *не является* и их причиной. Если же разум рассматривается как самостоятельная и ненаблюдаемая причинная сила, промежуточная между миром и телом, он не отвечает критериям научного конструкта, в частности, сформулированным Кантором. Вместо этого он становится лишь иным обозначением психе или души — вещи, процесса, агента или силы. Это есть *материализация (reification)*, акт приписывания реального существования абстракции, как это, скажем, имеет место в утверждениях «феномены сознания реальны» (Marcus & Secord, 1983, p. 406) или «психические процессы существуют» (Kukla, 1989, p. 793). Следующее высказывание также является примером материализации: «Человеческий разум — это адаптивная система. Он выбирает способы поведения в свете его целей и в соответствии с конкретным контекстом, в котором он функционирует» (Simon, 1992, p. 156). Автор превращает конструкт в вещь и наделяет ее способностями к самодействию и саморегулированию. Однако Дженкинс (Jenkins, 1993) занимает по отношению к материализации крайне некритическую позицию. В его ранних работах была продемонстрирована взаимозависимость восстановления в памяти (вспоминания) и контекста, что подтверждает точку зрения контекстуализма, в противовес ассоциативистской позиции, основанной на взглядах английского эмпиризма (Jenkins, 1974). Тем не менее он считает «делом вку-

са», решаем ли мы использовать «производные конструкты менталистского сорта» (Jenkins, 1992, p. 360).

Разум является культурным, а не научным конструктом. Он основан не на наблюдениях, а на культурной традиции, о чем свидетельствует проведенный нами исторический экскурс. Мы можем решить использовать данный конструкт, но при этом должны ясно осознавать его происхождение и характер. То, что мы наблюдаем — прямо или косвенно, — это такие события, как восприятие, научение, говорение или представление (believing). Если мы используем разум как обобщающий термин для одного или нескольких из этих событий, мы должны следить за тем, чтобы не впасть в круговую аргументацию, приписывая ему способность быть причиной данных событий; как и не должны терять из виду тот факт, что такие события являются референтами и что разум не существует независимо от них.

Все, что сказано здесь о конструкте разума, в равной степени относится и к конструкту сознания, за исключением того, что сознание является недавним изобретением и его использование еще более туманно. «...стало модным соглашаться с тем, что совокупность [необходимых и достаточных условий сознания] определить невозможно; расходиться по вопросу о том, в чем состоит эта совокупность; говорить о сознании как о способности, возникающей из мозга... и рассуждать о мозге так, будто он контролирует тело, а не контролируется им» (Shapiro, 1997, p. 840). В одних случаях сознание используется, очевидно, как синоним разума, а в других авторы используют этот термин в несколько иных значениях. Можно обнаружить списки различных значений, в равной степени относящихся и к разуму, но в этих списках не указывается на различие между этими двумя понятиями (English & English, 1958). Сёрль (Searle, 1998) сообщает нам, что «сущность психического — это состояния сознания» (p. 39). Учитывая, что и «сущность», и «психическое», и «состояния сознания» являются конструктами, мы оказываемся в еще более густом тумане.

Термин сознание нередко используется, когда говорится о внимании к объекту или о его восприятии. Но что в этом случае представляет собой сознание помимо цвета, запаха, формы, функции, смысла и т. д.? Что еще является его референтом? В последнее время данное понятие стало предметом целой серии научных конференций и огромного количества книг (Shapiro, 1997). Однако лишь немногие из них признавали в сознании конструкт (Smith, 1997). Вместо этого мозг обрел «вселившийся в него дух, названый сознанием» (Grossberg, 1972, p. 249).

В определенных контекстах «я» (self) становится синонимом «разума», точно так же как «разум» замещает понятие «души». Понятие «я» приобрело особую роль в гуманистической психологии (см. главу 4). В этом контексте «я» выступает как причинный агент, наделенный силой воли и направляющий тело. Фраза «Его ‘я’ как алкоголика не позволяет ему бросить пить» является примером такого высказывания. Однако когда «я» используется как термин, обозначающий паттерны поведения — «я алкоголика», «я балагура», «я славного парня», «мстительное я», — это не более чем описательные конструкты, использование которых вряд ли может являться источником проблем до тех пор, пока их референты не вызывают сомнения.

Модусы выражения. Некоторые теоретики рекомендуют всегда использовать для обозначения психологических событий причастия или глагольные формы, а не существительные: ощущающий, а не ощущение; познающий, а не познание, мыслить, а не мышление (мысль), воображать, а не воображение. Эта рекомендация преследует цель сделать нас более восприимчивыми к тому факту, что мы имеем дело с человеческими событиями, а не с вещами. Она является полезной, но не так легко применима к таким словам, как интеллект или личность, несмотря на то, что они также относятся к определенным паттернам действий, по отношению к которым данные ярлыки являются просто удобной формой обозначения. Контекстуальные интеракционисты, такие как представители общественной психологии (см. главу 13), интербихевиоризма (см. главу 10) и феноменологической психологии (см. главу 12), указывают на то, что даже причастные/глагольные формы не отражают тот факт, что *действие* фактически является *взаимодействием;* иными словами, когда мы думаем, мы думаем *о чем-то;* когда мы ощущаем, мы ощущаем *что-то*. Тем не менее использование причастий/глаголов там, где это возможно, помогает избежать овеществления.

Рассмотрим с этой же точки зрения следующий пример. Что имеет место в действительности: «люди испытывают зрительные умственные образы» (Kosslyn, 1995, p. 6) или люди воображают? Первое утверждение относится к конструктам, а второе к событиям. Предположения, которые содержатся в этих двух высказываниях, совершенно различны. Другие модусы выражения могут либо содержать дуализм «душа — тело», либо относиться к человеку или его поведению как к целому. Например: для решения сложных проблем требуется тонкий ум / смышленый человек; источником проблем является личность Тома / Том ведет себя неадекватно; Энн использует свое воображение / Энн воображает (ведет себя воображаемо). Короче говоря, признаем ли мы за индивидуумом способность к действию или мы приписываем эту способность безличному конструкту? Обратите внимание на безличный и автономный характер разума в высказывании: «Он [разум] выбирает способы поведения в свете его целей и в соответствии с конкретным контекстом, в котором он функционирует... Он способен к обучению» (Simon, 1992, p. 156).

Стоящие и не стоящие на менталистских позициях ученые исходят из совершенно различных систем

постулатов. Именно поэтому, как указывалось в главе 1, так важно, чтобы сторонники каждой из психологических систем формулировали постулаты этих систем, причем на всех уровнях общности*, чтобы предельно ясно обозначить свои позиции. Десять систем постулатов, в некоторых случаях не формулируемых самими представителями этих систем, а потому логически выведенных автором, представлены в Приложении для прямого сравнения между собой.

Дуализм «душа—тело»

По словам одного автора: «Научная проблема отношений между (разумной) душой и телом связана с отношением между двумя группами теорий» (Mandler, 1985, p. 29). Можно, однако, напротив, утверждать, что вопрос об отношении души и тела является не научной проблемой, а культурно-обусловленной, и касается не двух групп теорий, а единственного допущения, связывающего тем или иным образом конструкт (душу) и вещь (тело). Далее мы проведем краткий обзор основных точек зрения на вопрос об отношении души и тела.

Эпифеноменализм. К числу классических подходов к вопросу об отношении души и тела относится позиция, названная картезианским дуализмом, по имени философа Рене Декарта. Эта позиция, предполагающая прямое взаимодействие нефизической души и физического тела, до сих пор имеет своих сторонников (Eccles & Robinson, 1984; Popper & Eccles, 1977; Vendler, 1984). Однако значительно более распространенным в наши дни является *эпифеноменализм*, представление о том, что тело производит дух (mind), подобно тому как паровая машина производит свист, или что «разум развивается из других телесных функций» (Tolman, 1987, p. 221). Это представление известно также под названием эмерджентизма: разум возникает из мозга. Примером может послужить такое высказывание: «Самосознающий разум наилучшим образом может быть понят как эмерджентное свойство поддающейся точному описанию организации мозга» (Pribram, 1986, p. 514). Философ Джон Сёрль (Searle, 1992) также соглашается с данной точкой зрения и с аналогией Кабаниса, сравнивающего мозг с пищеварительным аппаратом. Основоположник исследований расщепленного мозга Роджер Сперри (Sperry, 1988, 1993) также соглашается с ней, в то же время допуская картезианское взаимодействие разума (души) и тела. Наиболее распространена в наши дни форма этого подхода, согласно которой мозг производит обработку информации. *Теория тождества*, напротив, гласит, что разумная душа не возникает как призрачное явление, лишенное субстанции (substance), но что она тоже субстанция в форме клеток мозга, и ничего больше. Одна из разновидностей этого подхода получила название «элиминативизм» (от англ. eliminate — устранять), предполагающая, что любое описание человеческих действий, не устраняющее все, кроме нейронной активности, в качестве объяснительного конструкта для данных действий, является ненаучным и дуалистическим (например: Mahner & Bunge, 1998). Некоторые ее версии полностью отказываются от обращения к конструкту разума. Однако проблема таких конструктов, как тождество или элиминативизм, в том, что до сих пор никто еще не обнаруживал мысль, восприятие или эмоцию в нейронах. То, каким образом электрохимический нейронный импульс может восприниматься как зеленый цвет, любовь или воспоминание о посещении бабушки, остается неясным. Эпифеноменализм, теория тождества и элиминативизм сталкиваются с вопросом о том, что́ наблюдает эпифеномен или электрохимический импульс. Что видит зеленый цвет, выделяемый нейроном, или чувствует его любовную страсть? Или что видят или чувствуют его побочные продукты? Может ли нейрон видеть или чувствовать сам себя?

Перед нами та же проблема, с которой столкнулись ранние индийские мыслители, когда они поместили зрение в глаз, а затем признали, что глаз не может видеть собственное ви́дение, и вынуждены были ввести серию предшествующих ему ви́дений. Поскольку поиск начальной точки может продолжаться до бесконечности, этот процесс был назван «регрессом к бесконечности» (или «дурной бесконечностью»). Одной из попыток избежать обращения к крохотным человечкам (гомункулусам), один из которых сидит в голове и интерпретирует все, что приходит извне, а второй интерпретирует первого и т. д., до бесконечности, состоит в том, чтобы трактовать образы как компьютерные имитации (computer simulations) (Kosslyn, 1983). Это еще один пример использования аналогий в попытке разрешить проблему конструкта разума.

Хотя элиминативисты утверждают, что только редукция психологии к неврологии позволяет устранить дуализм, один аналитик, напротив, считает, что приписывание причинности нейронам («материальным событиям») само по себе представляет дуалистическую позицию.

> «*Дуализм* не требует отсутствия мозга! Более того, дуализм даже не требует того, чтобы психические события не были бы следствиями нейронных причин. Умеренный (modest) дуализм лишь утверждает, что *существуют* психические события. А следовательно, демонстрация того, что такие события тем или иным образом вызываются материальными событиями, не только не подтверждает валидность монистической позиции, но практически гарантирует валидность дуалистической позиции» (Robinson, 1986, pp. 435–436).

---

* По-видимому, речь идет о протопостулатах, метапостулатах и постулатах. — *Примеч. пер.*

Другой автор заходит значительно дальше:

> «Вероятно, наиболее запутывающей и бесполезной попыткой исправить недостатки ментализтской традиции представляется утверждение, что мозг служит вместилищем сознания или разума. Одной из многочисленных попыток рационализировать веру в существование души или разума является попытка представить сознание в качестве эпифеномена, витающего вокруг мозга. Она ясно указывает на веру в духов и не разрешает проблему «душа — тело» ни в какой ее форме. Соответственно, следующее предложение состоит в том, чтобы полностью заменить разум мозгом. Таким образом, качества души превращаются в центры головного мозга. Когнитивисты полагают, что психология может стать научной, если приравняет чистые фантазмы души к функциям материального органа. Разумеется, вся процедура отождествления происходит исключительно на вербальном уровне и включает надуманные интерпретации, касающиеся важного органа, функции которого кардинально отличаются от тех, которые пытается разглядеть в нем теория тождества» (Kantor, 1978, p. 336).

Далее следуют другие примеры эпифеноменализма, как правило, связанные с когнитивной психологией. (Подробнее по первым трем пунктам см. главу 3.)

• *Вычисления и умственные репрезентации.* Когниции оперируют репрезентациями (cognitions operate on representations), т. е. символически представленным внутренним миром. Эта классическая точка зрения восходит к Канту. Мир, каким мы его непосредственно переживаем (experience), есть лишь иллюзорная репрезентация реального мира, подчиняющаяся правилам вычислений, т. е. манипулирования (оперирования) символами.

• *Коннекционистские сети* (connectionist networks). Согласно одной версии, входным сигналам из внешнего мира приписываются веса, чтобы их можно было категоризировать, а реакции на эти взвешенные категории и есть репрезентации. Согласно другой версии, репрезентации это образы (images), возникающие в результате распространяющегося нервного возбуждения, передающего значащую информацию из центральной сети периферийным структурам.

• *Динамические репрезентации.* Ментальные состояния, такие как образы памяти и восприятия, это смыслы, возникающие из взаимоотношений мозг — среда благодаря координации динамических изменений во времени. Мозг разрешает (permits), но не создает или, если хотите, не отображает эти взаимоотношения. Ментальные состояния — это «динамические репрезентации», специфичные для конкретного события в окружающей среде.

· *Функционализм.* Психические процессы — это реальные события, обладающие причинной силой, которые выполняют функции адаптации индивидуума к среде и интерпретации мира. Функционализм делает акцент на ментальных действиях, а не на ментальных вещах (мыслях, идеях, представлениях и т. д.). Среди вариантов отступления от классического функционализма наиболее существенный утверждает, что биология организма способствует реализации действий, а не содержит их. В этом отношении данный вариант близок к постулированию динамических репрезентаций. Некоторые функционалисты используют аналогию, в соответствии с которой функция относится к телу так же, как компьютерная программа относится к компьютеру. Подобно тому как одна и та же программа может работать на различных компьютерах, один и тот же ментальный процесс может осуществляться у различных индивидов и даже у различных биологических видов.

• *Голографическая репрезентация.* Прибрам (Pribram, 1986) для разрешения проблемы отношения души и тела обращается к мозгу и аналогическому анализу: «Входной сигнал, идущий либо от органов чувств, либо из центральных источников... активизирует спектрально закодированные следы памяти (spectrally encoded memory trace), производя образ» (p. 514). Хотя Прибрам не говорит, что́ видит этот образ, он полагает, что мозг — это «спектральный анализатор», который функционирует аналогично голограмме, подобной монадам Лейбница в том отношении, что каждый бит информации распределен в ней таким образом, что репрезентирует целое. Таким образом, эманации Плотина (рис. 2.3) доходят до нас — через Лейбница и Прибрама — в виде гипотетических нейронных голограмм. Дуализм разрешается, утверждает Прибрам, благодаря предположению, что «образ (и объект) и голографическая запись являются трансформами (transforms) друг друга, причем их трансформации высокообратимы» (p. 517). Скиннер (см. главу 6), Кантор (см. главу 10), а также Сартр и Мерло-Понти (см. главу 11) возразили бы, что воображение — это форма действия, а не форма воспроизведения, как предполагает конструкт репрезентации; и следовательно, нам не требуется обращаться к аналогиям с компьютерами или голограммами, как и к бесконечной цепочке интерпретаторов.

Механическая аналогия: регулятор оборотов парового двигателя Уатта. Данная аналогия основана на изобретенном Уаттом механизме, регулирующем скорость парового двигателя (в настоящее время применяется и в других типах двигателей). Когда скорость двигателя возрастает, расположенные на валу грузики начинают вращаться быстрее и под действием центробежной силы перемещаются дальше от центра, приводя в действие механизм, регулирующий скорость двигателя. Математически эта модель может быть описана как динамическая система (Van Gelder, 1995). В этом она расходится с вычислительно-репрезентационной системой, которая вычисляла бы положение грузов с помощью процедур, использующих

символические репрезентации, такие как числа, и требовала бы присутствия самопричиняющих (self-causing) гипотетических агентов (гомункулусов), чтобы было чему (кому?) воздействовать на эти грузы. Аналогия с регулятором избавляет нас от необходимости прибегать к символам в голове, которые призваны репрезентировать мир, и к процедурам оперирования с этими символами. Данный подход обращается к оперированию пространственными состояниями, подобно грузам на валу, регулирующим скорость двигателя, когда они изменяют свое положение в пространстве. Согласно данному сценарию, когниция является реакцией на среду с участием сервомеханизма. Перемещение индивидуума в пространстве — вследствие реагирования на притяжение и отталкивание, на приближение и удаление регулятора — напоминает о валентностях в жизненном пространстве, введенных Левином, — своего рода системе сил или напряжений (tension-system), отталкивающих или притягивающих объекты друг к другу. Обе аналогии позаимствовали из физики представление о силах, воздействующих на индивидуума. Данный подход, даже если он и устраняет дуализм «разум — тело», то лишь благодаря тому, что принимает еще более механистическую систему, чем S—R Уотсона.

Аналогия с вибрациями: деревянная дверь. Данная аналогия связана с попытками оспорить теории мозга, предполагающие дуализм, эпифеноменализм или тождество, посредством утверждения, что мозг является субстратом, неотделимым от сознания, подобно деревянной двери, вибрирующей в ответ на звуковую волну (Ellis, 1995).

Интенциональность. Данный конструкт получил наибольшую известность в трактовке Гуссерля (см. главу 12), согласно которой разум соотносится с чем-то находящимся вне его. В соответствии со своим латинским значением слово «интенциональность» (intentionality) указывает на нечто, *направленное на* объект и достигающее его. Иными словами, разум (или часто используемый термин «сознание») всегда направлен *на что-то* внешнее по отношению к себе. Согласно Мерло-Понти и Сартру (см. главу 12), это означает, что в самом сознании ничего не содержится, поскольку сознание всегда представляет собой отношение между индивидом и объектом. Если мы говорим, что вы замечаете (сознаете) часы, когда урок близится к концу, мы имеем в виду, что между вами и часами существует определенное отношение, и это отношение является смысловым отношением. Часы не находятся в вашем сознании, они висят на стене. Они также не являются репрезентацией в ваших нейронах, как не являются они и чисто физическим устройством, на которое вы реагируете механически. Это нечто, означающее окончание урока, и данное значение оказывается включенным в интенциональное отношение. Значение несводимо к каким-либо его компонентам. Физические объекты не могут реагировать интенционально, а потому психология не может адекватно изучаться механистически как физическая наука, равно как и методология, заимствованная из физических наук, неприменима к психологии. Данная версия интенциональности отходит еще дальше от традиционных представлений «душа—тело», чем все остальные подходы, рассмотренные до сих пор, в особенности благодаря своей двунаправленной диалектике отношений взаимообмена между индивидуумом и объектом (хотя некоторая однонаправленность сохраняется и в этом случае). Однако другие версии, в особенности испытавшие значительное влияние Гуссерля, однонаправлены и органоцентричны: сознание исходит от индивидуума к объекту. За исключением близких последователей Мерло-Понти, интенциональность обычно используют как одну из форм дуализма «разум — тело».

Во всех подходах к вопросу об отношении души и тела, исключая лишь интенциональность, отсутствует признание того, что разум является конструктом, а не реально существующей вещью. Представители этих подходов навязывают данный конструкт наблюдаемым ими событиям. Беря за исходную точку культурный конструкт, а не природные события, наблюдатели вынуждены прибегать к редукционизму, аналогиям, репрезентациям и другим лингвистическим ухищрениям, чтобы справиться с возникающими противоречиями. В качестве примера приведем высказывание: «Любые действия и мысли требуют некой лежащей в их основе репрезентации, некой теоретической структуры, конструирующей и продуцирующей наблюдаемые аспекты человеческой мысли и действия» (Mandler, 1985, p. 31). В следующем разделе мы опишем подход, берущий за исходную точку не конструкты, а наблюдаемые события.

Конструкт разума, замещаемый событиями: контекстуальный интеракционизм. Психология, основанная на модели S—R, была первой, полностью избавившейся от конструкта разума. Мы приведем два возражения, указывающие на ее наиболее заметные недостатки и объясняющие, почему она перестает выступать в качестве подхода, претендующего на разрешение проблемы дуализма «разум—тело». Во-первых, если мы в качестве стимула дали человеку задание и должны ждать, когда он его решит, то мы, вероятно, возразим на это: «Но ведь совершенно очевидно, что в данном случае сосредоточение исключительно на наблюдаемых стимулах и реакциях является наименее информативным подходом по отношению к самому интересному — ходу мысли человека и стратегиям, применяемым им для решения задачи» (Eysenck & Keane, 1990, p. 3) Во-вторых, цитируя Уотсона, говорящего о предсказании реакции на основе стимула или идентификации стимула на основании типа реакции, Дженкинс (Jenkins, 1993) замечает: «Трудно переоценить жесткость ограничений, накладываемых таким подходом! Он требует, чтобы стимулы и реакции носили характер однозначного соответствия; он не допускает возможности того, что различные наборы стимулов могут вызывать одну и ту же реакцию или что различные реакции могут вызываться одними и теми же стимулами

в зависимости от состояния или предрасположенности организма» (p. 356).

Несмотря на то, что некоторые недостатки S—R-психологии были отмечены психологами, они, как правило, не замечали возможных альтернатив данному подходу, о чем свидетельствует следующее высказывание: «По-видимому, еще не все психологи знают о том, что любые внешне проявляемые формы поведения зависят от скрытых за ними психологических механизмов – средств обработки информации, правил принятия решений и т. д. — в сочетании с контекстуальным входным сигналом для таких механизмов. Никакие формы поведения невозможны без их участия» (Buss, 1995, p. 1). Автор рассматривает поведение только как оболочку или «внешние проявления» событий, за которыми лежит нечто невидимое или «скрывающееся» (вспомните «первую линию укреплений» Вундта, противопоставляемую внутренним феноменам), отвечающее за это поведение. Независимо от того, прав автор или нет, его высказывание предполагает, что альтернатив его точке зрения не существует. Он продолжает: «Все психологические теории — будь то когнитивные, социальные, онтогенетические или клинические — предполагают существование внутренних психологических механизмов... Очевидно, что никакие формы поведения не могут производиться в отсутствие психологических механизмов» (p. 2). На самом же деле очевидно то, что автор не осуществляет информированного выбора. Он не знает о том, каковы возможные альтернативы, и занимает единственную позицию, которая ему известна, — ортодоксальное полагание дуализма «душа — тело». Аналогично ему и заявление Сёрля (Searle, 1998): «Если мы и знаем что-либо о том, как функционирует мир, так это то, что мозг производит сознание» (p. 39). Поскольку мы уделим значительное внимание представителям контекстуального интеракционизма в последующих главах, здесь мы ограничимся лишь кратким обзором, так же как сделали это выше по отношению к интенциональности. Как феноменологическая психология Мерло-Понти (см. главу 11), так и интербихевиоральная психология Дж. Р. Кантора (см. главу 10) рассматривают возражения Дженкинса на предположение бихевиоризма о взаимнооднозначном соответствии между стимулом и реакцией, указывая на то, что стимульные объекты обладают функциональными значениями, отличающимися от физических характеристик объекта, а реакции выполняют определенные функции, отличающиеся от простого конфигурирования (компоновки) конкретной реакции. Эти функциональные отношения заключают в себе значения (смыслы). Оба подхода также подчеркивают, что сеттинг (setting) и реакция взаимозависимы, и таким образом, взаимодействие в контексте является неотъемлемой частью целостного (total) события; они также отмечают важную роль контактной среды, такой как свет и звук. Следовательно, им удается избежать «исключительного сосредоточения на наблюдаемых стимулах и реакциях», против которого возражают Айзенк и Кин (Eysenck & Keane, см. выше), придерживаясь реальных событий, а не конструктов. Они также отвергают линейный характер причинности входных и выходных сигналов (или входных сигналов, метальной обработки информации и выходных сигналов) и заменяют линейность комплексом взаимозависимых событий.

Кантор относит стимульный объект и его стимульную функцию, а также реакцию и ее функцию наряду с сеттинговыми факторами, контактной средой и историей предыдущих взаимодействий к совокупности (set) отношений в системе, которую он называет «интербихевиоральным полем». Полное поле охватывает психологическое событие. Поле представляет собой конструкт, который выводится из наблюдаемых событий-компонентов. В качестве части этого сложного поля взаимодействий Кантор исследует «мыслительные процессы и стратегии, участвующие в решении задач», т. е. именно то, что призывали изучать Айзенк и Кин. При этом такие конструкты, как разум, внутренние побуждения, мотивы, воля, обработка информации и другие определяющие факторы, оказываются вовсе не нужны. Введение подобных гипотетических конструктов, помещаемых между индивидуумом и миром, было бы излишним. Поле взаимодействий само по себе охватывает события, начиная от наиболее неуловимых и скрытых, таких как воображение, и заканчивая наиболее легко наблюдаемыми, такими как речевое общение. Таким образом, воображение не является чисто психическим, в противовес телесному, как не являются таковыми когниции и другие формы поведения. Все они — формы интерповедения (interbehaviors), которые можно наблюдать тем или иным способом. Согласно Кантору, психологическое событие включает (а) индивидуума (б) с его личной историей, (в) воображающего или воспринимающего нечто (г) в определенном сеттинге. Такой подход радикально отличается от предположения о гипотетическом агенте, вызывающем поведение, или о том, что природа разделила нас на внутреннее и внешнее. В словосочетании «психологическое событие» акцент делается на слове «событие», а «психо-» приближается в большей степени к аристотелевой *псюхе*, чем к большинству значений слова психе (психика). В следующем разделе мы увидим, как контекстуальный интеракционизм рассматривает вопрос о биологии.

Китайский исследователь Ц.-Й. Куо (Z.-Y. Kuo, см. главу 13) разработал достаточно близкую систему, ограничивающуюся рассмотрением животных. Возможно, благодаря своей культурной принадлежности, несмотря на то, что он обучался в США, Куо менее склонен, чем ученые западного происхождения, обращаться к сформировавшимся в западной культуре конструктам. Он подчеркивает взаимозависимый характер стимульных объектов, целостность средового контекста, статус анатомических структур и их функ-

циональные возможности, роль физиологического состояния организма и историю его развития — все эти события, являясь взаимосвязанными и взаимодействующими, составляют поведение животного. Куо не вводит в своей системе никаких гипотетических сил.

Сторонники контекстуального интеракционизма делают предметом своего исследования индивидуума в контексте, воспринимающего, решающего, рассуждающего, общающегося и обучающегося, а не как безличный разум (или нейронные сети, когнитивные способности, «я», промежуточные переменные и т. д.), воздействующий на тело, в котором он заключен. Именно конкретный человек со своей личной историей значений, образованных взаимодействиями с вещами, составляет психологическое событие. Более того, взаимодействие субъекта и объекта является сердцем события. Эд (в сочетании с тем, что подлежит изучению), а не разум Эда изучает психологию развития. Роберта (в сочетании с тем, о чем она думает), а не нейронные сети Роберты, разрабатывает схему исследования. Сократ (вместе с соответствующими объектами и событиями), не кости и жилы Сократа, решают принять смертный приговор. Когда Джон изучает сравнительную психологию, это не его разум обрабатывает информацию; вместо этого Джон как целостный индивидуум (совместно с изучаемым предметом) изучает поведение животных. Пэт, а не ее мозг (совместно с замещающими объектами и событиями), тоскует по своим родителям. Основная роль принадлежит событиям как отношениям, взаимодействиям, взаимозависимостям. В данном подходе конструкты выступают как функциональные описания, а не как причины этих событий.

Редукционизм

Профессор психологии описывает, как вдумчивая студентка указала ему на несогласованность его собственных представлений о том, что некоторые психические расстройства имеют психогенную природу (их причиной является душа), а другие — соматогенную (их причиной является тело), отводя и тем и другим роль следствий функций мозга:

> «Однажды студентка спросила меня: «Я не понимаю. Вы только что сказали, что существует разница между психогенными и соматогенными расстройствами, однако до этого вы говорили, что все в конечном итоге зависит от мозга. Но если так, то почему существует различие?» Затем она просто посмотрела на меня. После минутного замешательства наступил момент, когда я оказался вынужденным задуматься над тем, а в чем, собственно, заключается суть редукционизма» (Gleitman, 1984, p. 426).

Мы видели, что некоторые попытки разрешить проблему дуализма «душа—тело» включают превращение души в мозг. В результате этот орган рассматривается как играющий и биологическую, и психологическую роль. Сторонники рассмотрения разума как мозга (теория тождества) либо, напротив, мозга как производящего разум (эпифеноменализм) или как объяснительного конструкта, который должен устранить все остальные исходя из требований научности, ссылаются на обширную литературу, посвященную исследованиям мозга методами визуализации, исследованиям локальных поражений мозга и последствий удаления его определенных участков, а также другим исследованиям, в которых изучается активность тех или иных участков мозга в процессе самых разнообразных действий. Результаты этих исследований, утверждают они, служат доказательством мозговой локализации и продуцирования мозгом поведения (или «психических процессов»). Вот пример такой точки зрения: «Выводы, полученные на основании анализа данных времени реакции, записей вызванных потенциалов мозга и других экспериментальных результатов, позволяют нам принять идею о том, что когнитивные операции совершаются в мозге ощущающих и демонстрирующих различные формы поведения организмов» (Pribram, 1986, p. 507). Другие авторы занимают скептическую позицию и отмечают, что большинство утверждений, касающихся мозга, в особенности формулируемых когнитивной психологией, носят еще более косвенный характер, чем выводы из исследований, использующих методы визуализации и экстирпации. «Психологи проводят постоянные наблюдения за людьми, ведущими себя структурированным (patterned) образом, только для того, чтобы представить свои наблюдения в терминах теорий, постулирующих различного рода ненаблюдаемые электрические цепи и контуры (circuitry)» (Rychlak, 1993, p. 933).

Кендлер (Kendler, 1988) считает, что психология, если она хочет стать естественной наукой на равных правах с «точными науками» («hard sciences»), должна рассматриваться как биологическая наука. Представление о том, что мозг производит психологические явления, настолько свойственно (endemic) психологии, что вряд ли нуждается в иллюстрациях. Это представление основано на органоцентрическом допущении, согласно которому действия организма, в сущности, заключают причину в самих себе (такие действия называют также «саморегулирующимися» («self-acting»)). Оставшаяся часть данного раздела будет посвящена альтернативным точкам зрения на роль биологических факторов в психологии. (См. главу 3, рассматривающую различные точки зрения на роль мозга в познавательной деятельности и содержащую обсуждение когнитивной нейронауки.) Альтернативные подходы являются наиболее характерными для нецентрических и энвайроцентрических систем, однако им было уделено наибольшее внимание со стороны скиннеровского анализа поведения (см. главу 6) и двух представителей контекстуального интеракционизма: Куо (вероятностно-эпиге-

нетическая психология; см. главу 13) и Кантора (интербихевиоральная психология; см. главу 10). Основные аргументы против доктрины разума как мозга связаны с такими ее особенностями, как (а) допущение самокаузальности и (б) неспособность к различению между мозгом как *необходимым* условием для психологического действия и как *достаточным* условием для такого действия.

• *Самокаузальность*. Если мозг является причиной человеческих действий, что является причиной действий мозга? Является ли мозг «патриархом», не подчиняющимся никаким причинам и только отдающим приказы? Мы либо должны предположить, что мозг является причиной самого себя, а у нас нет никаких свидетельств в пользу того, что нечто является причиной самого себя, — или допустить регрессию к бесконечности, не имеющую отправной точки и, следовательно, бездейственную. Предпринимались различные попытки обойти эту проблему с использованием цепей обратной связи и других ухищрений, однако в конечном счете они оказались не более удовлетворительными. Следующий отрывок из Дьюи и Бентли (Dewey & Bentley, 1949) показывает, в чем они видят недостатки как навязываемых конструктов, так и самокаузальности.

> «Разум» («mind») как «деятель» («actor»), все еще используемый различными направлениями современной психологии и социологии, это все та же самодействующая «душа» («soul»), лишенная бессмертия, состарившаяся, высохшая и брюзгливая. Употребление слова «разум» («психическое») в процессе подготовительной работы является уместным для указания области или, по крайней мере, приблизительного очерчивания зоны, подлежащей исследованию; в этом качестве он не вызывает возражений. Признание «разума», «способностей», «IQ» или еще чего-нибудь в этом роде в качестве деятеля, ответственного за поведение, является шарлатанством, а рассмотрение «мозга» как замещающего «разум» в этом качестве — и того хуже. Такие слова на место проблемы подставляют термин, а дальше все идет своим чередом, и только иногда, чтобы о нем не забыли, этот термин напоминает ученому миру: «Смотрите, какой я важный!». Старая «бессмертная душа» в свое время и в соответствующем культурном контексте вызвала споры по поводу ее «бессмертия», но не по поводу ее статуса «души». Ее современный потомок, «разум» — оказался полностью не у дел. Теперь существует живущий, действующий и познающий организм. Добавлять к нему «разум» значит пытаться удвоить его. Это лишь двойное описание (double-talk) а двойное описание не удваивает фактов» (p. 131–132).

• *Мозг как необходимое, но не достаточное условие*. Атрибуция поведения мозгу по большей части обусловлена неразличением необходимых и достаточных условий. А именно мозг *необходим* для любых событий, в которых участвует организм, но он не выполняет всех действий организма самостоятельно. Он не является *достаточной* причиной. Иными словами, он участвует во всех действиях, но не *определяет* их. Мозг является лишь частью комплекса событий, вместе составляющих причинность. Рассмотрим следующие иллюстрации роли химии и биологии в психологии. Болезнь, известная как фенилкетонурия (ФКУ), является расстройством обмена веществ (конкретно, нарушением переработки фенилаланина), и если ее не лечить, приводит к умственной отсталости. Хотя правильный метаболизм фенилаланина необходим для нормального интеллектуального развития, мы не можем заключить на основании этого, что интеллектуальное развитие производится данным типом метаболизма или что интеллект локализован в таком метаболизме.

Аналогично мы не можем заключить, что возникновение нарушений речи вследствие повреждения мозга означает, что данный участок мозга производит речь или даже что речь локализована в этом участке. Факт нарушения свидетельствует лишь о том, что получивший повреждение участок мозга необходим для нормальной речи. Для речи необходимы и многие другие факторы: наличие речевых органов, (личная) история, включающая обучение языку, и окружающая обстановка, в которой использование речи является адекватным. Интеллектуальное развитие и любые другие психологические события требуют полного комплекса событий и несводимы к какому-либо из них. При ФКУ важно изучить метаболизм. Точно так же важно изучить роль колбочек в восприятии цвета для понимания феномена цветовой слепоты, поскольку без необходимой материальной основы восприятие цвета оказывается нарушенным. Однако, как заметил еще Сократ, эти участвующие или реализационные условия не должны отрываться от их биологических взаимосвязей и наделяться автономной властью. Превратить нейроны в достаточное условие для целого комплекса взаимодействующих событий значит бросить вызов наблюдениям. Нейроны не содержат и не производят событий. Психологическое действие является результатом целого комплекса составляющих его элементов: биологии организма, объекта реагирования и связанных с ним значений, контекста, а также личной истории индивидуума. В совокупности эти элементы являются достаточными. Неправомерно приписывать мозгу, являющемуся необходимым условием, роль, выполняемую этим комплексом в целом.

Мозг может быть более адекватно понят не как действующий автономно и по собственной воле Хозяин (Boss), а как сложный координирующий орган, одно из условий, способствующих наступлению и принимающих участие в таких психологических со-

бытиях, как внимание, восприятие, обобщение и т. д. Мозг как Хозяин — это лишь очередная форма психофизического дуализма, так как он используется для объяснения наблюдаемого (например, речевого поведения как физического события) через ненаблюдаемое (разум, душу или фиктивную неврологию как психическое событие). Но как быть с сотнями проведенных экспериментов, свидетельствующих о нейронной активности в процессе решения задач, воспоминаний и во время других событий? Разве они не демонстрируют нам, что данные события локализованы в нейронах? Пытаясь ответить на эти вопросы, важно напомнить о том, что никому еще не доводилось наблюдать цвет, лицо, воспоминание, эмоцию, образ или символ в нейронах. Как никому не доводилось наблюдать нейрон, передающий *сообщение* или даже *сигнал*; сообщения и сигналы требуют наличия составителей и интерпретаторов (formulators and interpreters). В действительности же исследователи наблюдают электрохимические *импульсы* или, в случае использования методов визуализации, динамическую картину кровотока. Физиологические события химической и/или электрической природы и клеточные взаимодействия относятся к активности мозга и требуют самостоятельного изучения.

> «Морфологическое и физиологическое развитие ЦНС (центральной нервной системы) сложным образом связано с онтогенезом других органов или частей тела, а также с внешней стимуляцией и другими стимулирующими факторами средового контекста на протяжении всей истории развития индивидуума. Тем не менее специалист по эпигенезу поведения (behavioral epigeneticist) не будет участвовать в традиционном теоретизировании (conventional conceptualization), объявляющем мозг вместилищем разума, интеллекта, врожденных форм поведения, памяти, научения, мотивации, эмоций и т. д.... И в отличие от представителя оперантного бихевиоризма, считающего, что активность ЦНС не имеет отношения к его поведенческим исследованиям, эпигенетик полагает, что лабораторное изучение каждого отдела нервной системы составляет основную часть его научных обязанностей. Мозг не должен представлять для нас никаких тайн; единственной тайной является тайна традиции западного мышления, которая со времен древних греков создала настоящий миф о мозге. Для китайцев, на чьем мышлении еще не лежит отпечаток западной культуры, человеческая душа помещается в сердце. Вероятно, ни те, ни другие не правы... ЦНС функционирует лишь в качестве центра возбуждения, торможения и координации активности других частей тела в целостной градиентной системе (gradient system) поведения» (Kuo, 1967, p. 194–195).

Даже если мы допустим, что в мозге содержатся кодированные сигналы, а не образ или эмоция, мы должны будем допустить и существование декодеров, не важно, назовем мы их петлями обратной связи либо гомункулусами. И если декодированный образ, скажем, лица находится в нашем мозге, а не является частью человека, на которого мы смотрим или которого представляем, мы должны задать вопрос: а что смотрит на декодированный образ? Эксперименты с использованием методов визуализации свидетельствуют о повышенной активности кровотока в определенных участках мозга в процессе восприятия или представления лица. Отсюда мы можем сделать обоснованный вывод (отвечающий критериям научных конструктов), что нейроны на данном участке посылают большее количество импульсов. Однако вывод о том, что сами нейроны воспринимают или вспоминают при этом нечто, не будет обоснованным. Нейроны не являются антропоморфными существами. Фактически исследователи с помощью различных современных научных методов наблюдают лишь то, что *индивидуум* воспринимает нечто (или вспоминает, решает и т. д.). Обоснованным будет вывод, что нейроны *участвуют* в этих событиях, при которых увеличивается кровоток, и что они, возможно, *необходимы* для акта восприятия / воспоминания, однако эксперименты не демонстрируют нам *достаточности* нейронов, как не демонстрируют они образов, репрезентаций или кодирования.

Сторонники контекстуального интеракционизма, рассматривая вопрос о мозге, полностью признают участие биологии в психологических событиях, как признают они участие личной истории, социальных влияний, ситуации и других участвующих факторов, однако они не приписывают причину психологических событий какому-либо одному их этих факторов. Согласно такой точке зрения, психологическое событие находится не в голове, разуме, нейронах, гормонах или молекулах ДНК, а охватываются полным интеракциональным комплексом. Лишь такой комплекс в целом представляет собой причинность = достаточные условия = психологическое событие. Но разве не являются психосоматические расстройства и (эффекты) плацебо ясным свидетельством действия мозга на тело или проявления связи между душой и телом? Согласно точке зрения контекстуального интеракционизма, биологические компоненты являются частью целостного интеракционального паттерна независимо от того, приводят ли они к нарушениям в организме, как в случае так называемых психосоматических расстройств, или имеют целебный эффект, как это часто бывает при использовании плацебо — точно так же, как и социальные факторы могут оказывать вредное или целебное воздействие.

Короче говоря, данная альтернатива ортодоксальным представлениям утверждает, что дуализм «душа—тело» не имеет никакого отношения к психологии, ни в качестве некого мистического агента или причины,

ни в качестве воплощения души / разума в мозге. Душа, находящаяся в теле, либо тело без души, не являются наблюдаемыми событиями. Мы можем считать фактом лишь то, что индивидуум взаимодействует с окружающими его вещами и событиями в контексте и накапливает историю таких взаимодействий, которая оказывает влияние на каждое новое взаимодействие.

Сходную точку зрения мы обнаруживаем у эндокринолога, описывающего роль тестостерона в агрессивном поведении (Sapolsky, 1997). Этот мужской половой гормон обвинялся в агрессивности мужчин, однако многочисленные исследования показали, что повышенный уровень тестостерона является *следствием* агрессивного поведения, а не его причиной, хотя он может способствовать повышению уровня агрессии, когда агрессия уже началась. Гены влияют на регуляцию тестостерона, однако гены функционируют совместно с другими условиями. Даже если нам удастся идентифицировать полный геном человека, это не объяснит нам, почему конкретный человек ведет себя так, как он ведет, поскольку среда и социальный контекст взаимосвязаны с биологией. Ояма (Oyama, 1985), специалист по психологии развития, также отвергает «генно-средовой дуализм», предполагающий, что гены воздействуют на организм, но являются причиной самих себя. Гены — лишь один из многих взаимодействующих факторов, утверждает Ояма. Келлер (Keller, 1983, 1995) и Спэниер (Spanier, 1995) также обнаруживают эффекты взаимодействия, отметим, однако, что в литературе этот факт не находит отражения, и авторы продолжают описывать линейные причинно-следственные связи (см. главу 8). Один специалист в области теоретической биологии указывает на то, что гены производят протеины, но этим их функции практически и ограничиваются. То, какое влияние оказывают протеины, в свою очередь зависит от многих других взаимосвязанных условий (Goodwin, 1995).

Однако гены могут сделать невозможным нормальное развитие, если в них существуют нарушения, как в случае ФКУ, или могут вызывать дисфункции нейронной системы, приводящие к поведенческим расстройствам, как в случае СДВГ (Barkley, 1998); но даже в этих случаях взаимодействие с другими условиями биологии и среды играют не менее важную роль. Взаимодействия могут включать гены, клетки, организм, контекст и культуру (Gottlieb, 1997). Следующий отрывок из вступительной статьи к одному из выпусков научного журнала Discover также отражает данную точку зрения. «Мы — нечто большее, чем наши гены. Мы — наши гены в определенном месте и времени, целостные человеческие существа, взаимодействующие с другими в бесконечно разнообразном мире. Только благодаря этому опыту мы становимся тем, что мы есть» (Zabludoff, 1998, p. 6).

Социальный и энвайронментальный редукционизм. Хотя большинство редукционистских попыток в психологии носят биологический характер, в последние годы социальный конструкционизм (глава 8) привел к появлению движения, сводящего психологию к социальным процессам. В частности, Стам (Stam, 1990) полагает, что единственной альтернативой ментализму или биологическому редукционизму является социальный конструкционизм, утверждающий, что истина или реальность не существует вне рамок того, во что верит (что конструирует) конкретная социальная группа. «С самого начала психология заявила себя как наука о психическом» (p. 240); «и в наше время не существует легких путей, обходящих проблемы психического, и в этом отношении психология остается верной своему интеллектуальному наследию» (p. 241). Как и Борнштейн, Стам смешивает конструкты и события. Сознание, восприятие и внимание, говорит он, были подвергнуты «систематическому и строгому теоретическому и эмпирическому анализу» (p. 240). Он считает, что бихевиоризм Уотсона, Халла и Скиннера «во всех своих формах оказался неспособным удовлетворять критериям науки, относящейся к психическим событиям серьезно» (p. 241). Контраргумент состоит в том, что бихевиоризм не смог соответствовать этим критериям отчасти вследствие характера культуры, верящей в психические события и желающей восстановить их статус, и отчасти вследствие механистического подхода Уотсона (и до некоторой степени Халла, который рассматривал психический конструкт в качестве промежуточной переменной, которую он назвал «внутренними побуждениями»), не принимавшего в расчет сложных форм человеческой деятельности, которые культура считает психической. Стам полагает, что психология должна рассматривать психическое в терминах интенциональности: «Психические феномены интенционально включают объект в самих себя», и это является «исключительным свойством психических феноменов» (p. 240). Что касается эко-бихевиоральной науки (глава 7), то в ней редукция производится к поведенческому сеттингу — аэровокзалу, партии в шахматы, рабочему месту, учебному классу и т. д., — в котором мы следуем предсказуемым паттернам поведения.

Выводы. Представители контекстуального интеракционизма указывают на то, что все редукционистские попытки предполагают, что внешне проявляемое, фактическое поведение — это лишь поверхность, под которой лежит нечто фундаментальное, являющееся его причиной, — будь то когнитивные механизмы, нейронные сети, бессознательные стремления (urges), мотивы, инстинкты, либидо, эго, ид (оно), внутренние побуждения (драйвы), опыт, «я» или социальные процессы. Далее, они отмечают, что редукционизм так же, как правило, предполагает наличие единственной причины, такой как мозг или поведенческий сеттинг, т. е. линейные причинно-следственные отношения, игнорируя взаимозависимые действия. Они заключают, что биологический редукционизм всегда менталистичен, хотя его сторонники претендуют на то, что им

удается избежать ментализма. Редукционизм менталистичен постольку, поскольку предполагает, что причиной поведения является гипотетическая сила; при этом не имеет особого значения, называют они ее разумом, мозгом или как-либо иначе. Эта сила остается объяснительным конструктом, не *выведенным* из наблюдений, а *навязываемым* им.

Если мы решим следовать критериям, перечисленным на с. 66–67 и рассмотрим в качестве примера адекватную совокупность (sample) событий, утверждают представители контекстуального интеракционизма, мы вряд ли будем склонны сводить множественные события, связанные с функционированием человеческого организма в окружающей среде, к единственной причине, независимо от того, относится ли эта предполагаемая причина к *вещам* и *событиям*, таким как классическое обусловливание, подкрепление, гены, тестостерон и социальные процессы, или к *конструктам*, таким как разум, способности мозга (brain powers), обработка информации и эдипов комплекс. Если же мы предпочтем следовать традиционным имплицитным критериям, основывая свои исследования на традиционных конструктах, мы получим лишь продолжение традиционной психологии ментализма и редукционизма. Таким образом, у нас есть возможность сделать информированный выбор, основывая его на наших знаниях о доступных нам альтернативах и последствиях выбора того или иного варианта.

Личная сфера и субъективность

Имплицитным, а в ряде случаев и эксплицитным исходным положением когнитивизма является предположение о том, что когниции — это личные события, о которых мы можем судить лишь на основании логических выводов. Никто не может читать чужие мысли, опыт является личным и субъективным, а люди редко раскрывают свои истинные чувства. Данная точка зрения возникла в XVII столетии, благодаря трактовке Декартом нефизического разума как внутреннего личного мира. Она подверглась критике со стороны ряда психологов. Кантор (Kantor, 1922, 1982) утверждает, что такие события, как мышление, представление и чувство, столь же объективны, как и события в области химии или геологии. Каждое событие во вселенной уникально, будь то падающий лист или мысль, и каждое в равной степени объективно. Наблюдение любых событий предполагает определенную позицию наблюдателя. Я занимаю позицию, позволяющую мне наблюдать падающий лист, а вы — нет. Моя позиция позволяет мне наблюдать собственную зубную боль, а вы ее наблюдать не можете. Ваша позиция такова, что вы видите циферблат часов и знаете, сколько времени, а я не вижу. Рэтлифф (Ratliff, 1962) отмечает, что собственная зубная боль является для него не более личной, чем свет, который он включает, а Цюрифф (Zuriff, 1972) утверждает, что громкость звука является личной в той же степени, что и икота. Мы не приписываем качество личного формациям магмы в толще Земли или пищеварению, и у нас не больше оснований делать это по отношению к психологическим событиям, поскольку они столь же конкретны: «Весь личный характер «моей зубной боли» заключается лишь в том, что данное событие ограничено рамками условий, при которых в данном месте и времени именно данный конкретный организм оказывается фактором ситуации» (Observer, 1973, p. 564). «Все события являются публичными (public) в том смысле, что прямо или косвенно доступны наблюдению» (Observer, 1981, p. 104). Иными словами, тот или иной компонент взаимодействия практически всегда доступен наблюдению (Smith, 1993a). Кантор (Kantor, 1982) отстаивает объективность субъективности; такова же позиция Стефенсона, разработавшего Q-методологию (см. главу 11), позволяющую обеспечить объективное количественное измерение субъективности. В системе Стефенсона единственное различие между объективностью и субъективностью состоит в том, что из моего положения моя реакция субъективна, а из вашего — та же самая реакция объективна.

Следуя этой аргументации, мы можем заключить, что точка зрения, согласно которой все научные конструкты должны быть наблюдаемы, не исключает — по крайней мере, в принципе — субъективные события, приписываемые разуму. Так называемая личная сфера накладывает на психологию не больше ограничений, чем на любую другую науку, поскольку не содержит иных конкретных значений, кроме указания на тот факт, что все события в природе в различной степени доступны наблюдению, и каждое из них может быть наблюдаемо лишь с определенной точки зрения и с помощью определенных методов. Отложения магмы под поверхностью Земли, трубчатые черви на дне океана, взрывы звезд, репликация ДНК и человеческое воображение — все это относится к природным событиям. Изучение каждого из них требует специальной технологии и методологии. Разделение их на личные и безличные не приносит для науки никакой пользы, а лишь вносит путаницу. Собственно говоря, психология, возможно, находится даже в лучшем положении, чем такие науки, как физика, геология, археология или астрономия, которые не могут получить словесный отчет от объектов своих исследований. Вместо того чтобы считать проблему личной сферы присущей одной лишь психологии, мы можем рассматривать как преимущество психологии тот факт, что в ней отсутствует данное ограничение.

Познаваемость

Психология не представляла бы для нас особого интереса, если бы она не пыталась достичь знания. Традиция эмпиризма, рассматриваемая в своем общем значении, распространяющемся на все науки, гласит, что систематическое наблюдение и анализ

природных событий позволяют нам открывать принципы природы, ряд из которых имеет универсальный характер (например, гравитация), тогда как другие относятся лишь к определенным ситуациям (например, рассматриваем мы огонь как источник тепла или разрушения). Эта фундаментальная исходная предпосылка лежит в основе научных и философских исследований уже на протяжении нескольких столетий развития западной культуры. Английский эмпиризм, рассматриваемый в своем частном значении как утверждающий, что все знание выводится из опыта, оказал влияние на ряд энвайроцентрических систем психологии — таких как бихевиоризм, — хотя бихевиористы, как правило, не заявляли открыто о своей приверженности положению, что опыт состоит из данных ощущений. Любопытно, что это положение открыто признавали многие представители органоцентризма, в частности, когнитивисты.

Другую точку зрения представляет рационализм континентальной Европы. Органоцентрический подход, подчеркивающий наличие врожденных организующих (по)знание способностей, оказал значительное влияние на когнитивную психологию. В духе традиции, идущей от Канта, этот подход утверждает, что «не существует внешней нейтральной точки зрения, дающей возможность проанализировать индивидуальное знание независимо от предъявления этого знания индивидуумом... знание, сознание и другие аспекты человеческого опыта видимы только с точки зрения переживающего этот опыт субъекта... и мы можем воспринимать реальность, в которой мы живем, только в соответствии с организацией нашего восприятия (Guidano, 1995, p. 94). Герген (Gergen, 1994b) подверг критике данную позицию, поскольку если мы предполагаем, что реагируем на собственное восприятие мира, а не на сам мир, мы не можем осуществлять проверку гипотез, а также использовать другие научные методы. По аналогичным причинам проблематично и «когнитивное картирование» или определение умственных эталонов (mental templates) мира, предлагаемое когнитивистами. В конце концов, если познание мира невозможно, то наука и знание просто не могут существовать. Герген также подверг критике традицию эмпиризма, подчеркивая следующее: то, что мы считаем эмпирическими данными, не является абсолютным, а подвержено интерпретациям конкретных социальных групп, получающих эти данные.

Подход самого Гергена (Gergen, 1994a) к познанию является социоцентрическим и гласит, что знание целиком и полностью связано (totally relative) с социальным дискурсом. Знание — это то, что считает истинным определенная социальная группа в конкретный момент времени, и «социально конструируемое» знание не может претендовать на истинность за пределами данной группы. С этой точки зрения закон всемирного тяготения не является универсальным. Это лишь закон, который признала группа ученых, придав ему математическую форму; этим ограничивается его истинность. Даже утверждение, согласно которому контекст играет важную роль в определении того, несет огонь тепло или разрушение, не содержит никакой истины за пределами группы, объявившей это утверждение истинным. Эта социоцентрическая психологическая система получила название социального конструкционизма. Она испытала влияние постмодернизма (см. главу 8), и ее сторонники заявляют, что наша реальность порождается биологической организацией, языковыми конвенциями и культурными процессами.

Среди этих взглядов встречается один, пытающийся избежать определяющего влияния традиции эмпиризма, избавиться от непознаваемого мира рационалистов и тотального релятивизма социального конструкционизма. Он предполагает, что эмпирические исследования преподносят нам лишь ограниченные свидетельства возможных причинных и функциональных отношений, а вовсе не их неопровержимые доказательства. Психологическое исследование рассматривается скорее как подтверждение теории, а не ее верификация (Martin & Thompson, 1997). Аналогичным образом, подход, называемый «неореализмом», признает социальные, исторические и лингвистические конвенции, оказывающие влияние на наши решения, интерпретации, методологии, теории, ценности и другие конструкции, используемые в психологи. Он также утверждает, что культурный релятивизм может быть до некоторой степени преодолен, о чем свидетельствует тот факт, что люди овладевают процессом межкультурного общения, при этом, поскольку большинство психологических вопросов касается внутрикультурной, а не кросс-культурной сферы, проблемы межкультурных отношений, как правило, не возникает (Martin & Thompson, 1997).

Бóльшая часть разногласий по поводу познаваемости является следствием традиционного философского разделения познающего и познаваемого на «эпистемологию» и «онтологию», а также следствием возникновения эмпиризма, рационализма и позитивизма, а в недавнем прошлом — и постмодернизма (см. главу 8) с его психологическим ответвлением — социальным конструкционизмом. Начиная с Александрийской эпохи мыслители отгораживались от своего окружения и в конце концов обозначили знания, касающееся самих себя, как «эпистемологию», а свои предположения относительно отделенной от себя реальности как «онтологию» (Kantor, 1981a). Эти два основных направления современной философии являются не чем иным, как очередной формой дуализма «душа — тело». Эпистемология пытается ответить на следующие вопросы: существует ли разум других людей, помимо собственного, и возможно ли познание чего-либо, кроме своего собственного разума (солипсизм). Она нередко признает, что ощущения являются источником знания, но упускает из виду факт взаимодействия организма со своим окружением (Kantor, 1981a). Онтология спрашивает, существует ли внешний мир, и если да, то

каким образом мы можем узнать, что он собой представляет, и не являются ли научные свидетельства о закономерностях и законах природы выдумками людей, а не отражением природы. Эти вопросы обращены к культурным конструктам, а не к наблюдаемым событиям. Кантор (Kantor, 1962) занимает деловую позицию в отношении этих вопросов:

> «Такие проблемы, однако, никогда не могут возникнуть из анализа научного исследования, прямо утверждающего, что знание зависит от вещей, а не вещи от знания. Чтобы достичь знания и получить точные описания и объяснения, мы должны укрепить нашу связь с событиями... Надуманные проблемы «реальности» и существования внешнего мира происходят из простого смешения событий и реакций на них. В тех случаях, когда наблюдение затруднено, когда у наблюдателя несовершенное зрение (цветовая слепота) или когда отношения между наблюдателем и наблюдаемыми вещами изменчивы, те, над кем довлеет философская традиция, приходят к заключению, что наблюдения влияют на существование наблюдаемых вещей» (p. 17–18).

Вольперт (Wolpert, 1993) отмечает, что философские допущения о непознаваемости в науке должны также распространяться и на обыденное знание о том, например, что солнце всходит на востоке. Он предостерегает нас от «смешения философских проблем истины, рациональности и реальности с успехом или неуспехом науки» (p. 106).

Большинство философов ищут базис познания в таких философских теориях, как эмпиризм, рационализм, позитивизм и прагматизм, однако немецкий философ Мартин Хайдеггер (Martin Heidegger, 1962) утверждает, что познание начинается не в философии, а в социальном сообществе и повседневной практике. Философия происходит от обыденного знания, а не наоборот, считает он; философия сама по себе не является отправной точкой познания. Подобно ему, американский педагог, психолог и философ Джон Дьюи (Dewey & Bentley, 1949) утверждал, что знание не имеет теоретического базиса, но полностью заключено в людях, взаимодействующих со своим окружением, взаимоотношениях воздействующего и того, на что воздействуют. Философ науки и психолог Дж. Р. Кантор (J. R. Kantor, 1962, 1981a) также помещает знание в сферу взаимоотношений людей с их миром и отвергает такие конструкты, как врожденные определяющие факторы, сенсорные данные, а также такие абсолюты, как тотальная относительность (total relativity).

Но что же тогда есть знание? То, что происходит из философских теорий? Врожденно структурированные внутренние репрезентации внешнего мира? Ощущения, идущие из окружающей среды? Порождение разума? Конвенции социальной группы? Или продукт взаимодействий людей с их окружением? Вероятно, единственный подход, на основе которого наука может реально функционировать, состоит в том, чтобы взять за отправную точку познания то знание, которое возникает из повседневного контакта между людьми и вещами, и рассматривать научное познание лишь как более разработанный и систематизированный контакт с вещами.

Аналогии

Поскольку психология на протяжении долгого времени смешивала конструкты с событиями и начинала свои исследования с таких заимствованных из культурной традиции конструктов, как внутреннее и внешнее, или душа и тело, она пыталась разрешить возникающие противоречия не за счет обращения к самим событиям, а за счет обращения к другим конструктам в форме аналогий. Такие аналогии включали идущие синхронно часы (Лейбниц), оптику (Спиноза), гравитацию (Дж. Милль), химию (Дж. С. Милль), чистый лист (Локк), вибрации (Хартли), пищеварение (Кабанис), хронометры (Дондерс), эволюцию (Джеймс), электрические поля (Келер), биомеханику (Уотсон) и векторы (Левин). Затем появляются аналогии с телефонными коммутаторами, компьютерами, голографией (Прибрам) и даже с регуляторами оборотов двигателя (Ван Гелдер) и вибрирующими дверями (Эллис). Среди всех аналогий особую популярность заслужили аналогии с компьютерами.

Аналогии полезны при прояснении какого-либо вопроса либо для придания образности или драматизма отчету о событиях, однако они являются слабыми аргументами. Если мы рассматриваем людей *как если бы* они были компьютерами или компьютерными программами, мы рассматриваем их как то, чем они не являются (Blewitt, 1983). «Выводы по аналогии могут быть обоснованными только тогда, когда мы имеем достаточное количество значимых проявлений сходства и не имеем значимых проявлений различия между случаями, в одном из которых, как нам известно, интересующее нас свойство присутствует, а в другом наличие данного свойства выводится» (Stemmer, 1987). Лишь в редких случаях ученые, использующие аналогии, применяют столь строгие критерии по отношению к психологическим событиям. Другой автор отмечает, что несмотря на пользу метафор, они в конечном итоге перестают работать, если мы начинаем проводить слишком прямые параллели между вещами, которые сопоставляются между собой (Barton, 1994). Почему мы все же встаем на скользкий путь использования столь ненадежных метафор и аналогий?

> «Когда мы говорим или пишем об идеях, которые не могут быть доказаны с помощью логических рассуждений или физических экспериментов, мы неизбежно обращаемся к аналогиям и метафорам; и вступая в любые дискуссии

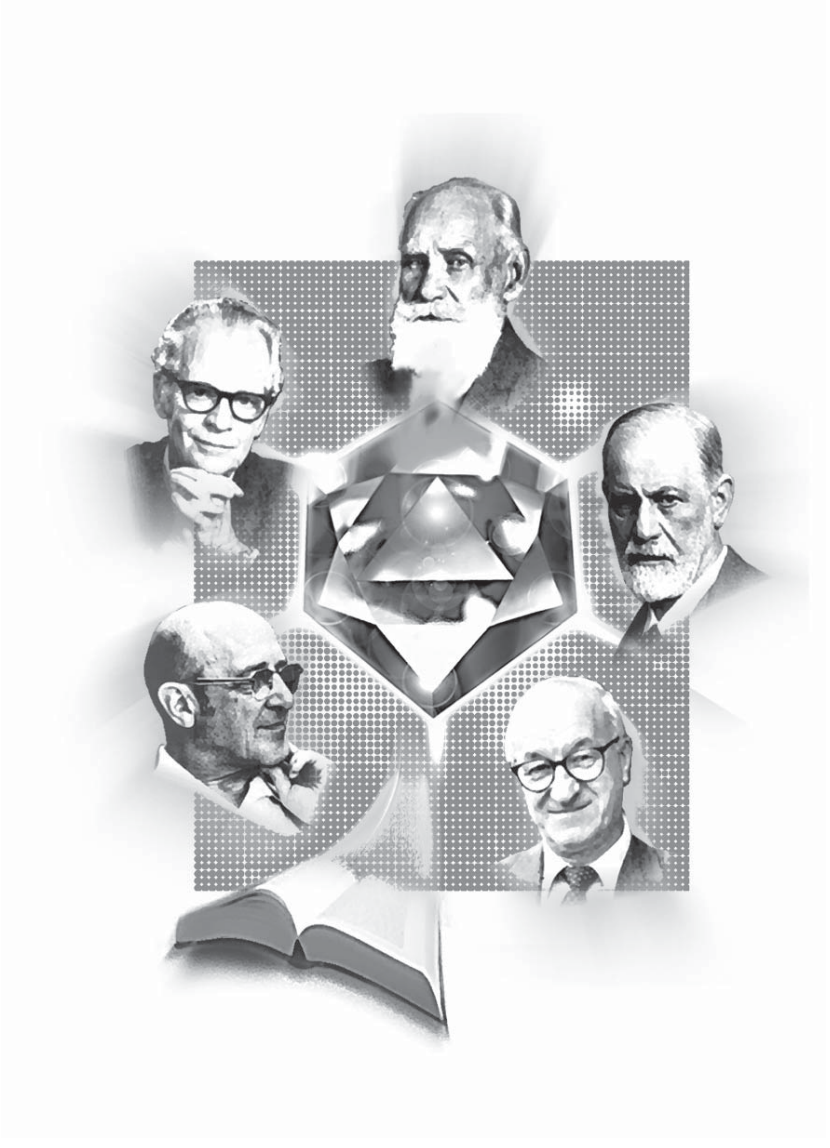
философского, метафизического или религиозного свойства, мы должны помнить о роли языка в формировании концепций и убеждений» (O'Grady, 1989, p. 146).

Относится ли данное высказывание к конструктам «душа—тело» или способностям мозга? Вполне могло бы относиться, но на самом деле автор говорит о вере в дьявола. Однако принципы остаются те же: речь идет о сформированном в культуре веровании, которое имеет конкретный референт, наполняющийся содержанием с помощью таких лингвистических средств, как аналогии и метафоры. Автор продолжает описывать, как люди, реагируя на сконструированного ими самими дьявола, еще более укрепляют веру в его существование. Автор мог бы с тем же правом говорить о психологических дриадах.

Что может послужить альтернативой психологии, основанной на аналогиях? Если мы просто будем основывать наши исследования на конкретных событиях, а не на конструктах, мы сможем избежать обращения к аналогиям. Кроме того, такая процедура будет представлять собой альтернативу конструкту «душа—тело», а также биологическому и социальному редукционизму. Данный рецепт требует, однако, чтобы мы научились различать конструкты и события. Тогда мы сможем использовать описания (лингвистические, математические, схематические и т. д.) наблюдаемых функциональных отношений как научные конструкты, которые можно подкреплять, отвергать или модифицировать с помощью дальнейших наблюдений. Или же мы можем продолжать использовать аналогии, редукционизм, навязываемые конструкты и дилеммы, доставшиеся нам от прошлого. По крайней мере знание о возможных альтернативах позволяет нам выбирать.

ЧАСТЬ 2

ОРГАНОЦЕНТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ



ГЛАВА 3

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ:

ментализм, компьютерные аналогии и удвоение мира

ВВЕДЕНИЕ

Студент, начавший изучать психологию, вскоре встретится в учебниках с темой обработки информации человеком. В этих текстах обычно говорится о том, что информация поступает из окружающего мира в человеческий организм через органы чувств и обрабатывается нервной или когнитивной системой. Если учебники целиком написаны с позиций когнитивного подхода, в них будет говориться о внутренних кодирующих и декодирующих устройствах (кодерах и декодерах), механизмах поиска и извлечения информации из памяти, согласующих (усиливающих и ослабляющих сигнал) устройствах, контурах обратной связи, системах хранения информации и других устройствах, являющихся, по мнению авторов, механизмами нервной системы. Фактически, с точки зрения данного подхода, человеческий организм, в особенности его нервная система, является подобием компьютерных программ. В этом случае студент встретится в книге с многими терминами, позаимствованными из области теории вычислительных машин. Помимо чисто терминологического сходства авторы данных учебников будут утверждать, что описанные ими компьютероподобные нейронные механизмы обеспечивают репрезентацию окружающего мира.

Данный подход возвращает психологию к ее более раннему этапу, когда центральными для этой науки являлись такие конструкты (см. главу 2), как «разум» (mind) и «высшие психические процессы» («higher mental processes»); именно эти конструкты и понимаются под термином «познавательная (когнитивная) способность», или «когниция» cognition). В рамках данного подхода разум, как правило, с помощью тех или иных теоретических построений связывается с функционированием мозга, и предпринимаются попытки обнаружить структуры разума, которые могут быть представлены в виде компьютероподобных схем последовательности операций, хотя в последнее время появился ряд теорий, которые отошли от подобных аналогий и обратились к коннекционистским сетям (см. с. 91) и другим конструктам. Когнитивисты предпочитают иметь дело с восприятием, научением, памятью, речью, мышлением и воображением, уделяя меньшее внимание вопросам эмоций, анормальности, личности и индивидуальных различий. Центральное место в экспериментальных и теоретических исследованиях когнитивной психологии всегда занимали проблемы научения и памяти, хотя восприятие, внимание, решение задач, мышление и воображение также рассматриваются данной психологической системой. Иногда выделяют две формы когнитивизма: в первом случае утверждается, что *все* психологические события содержат когнитивный компонент, тогда как другая форма ограничивает его областью символического мышления, тем самым исключая из сферы рассмотрения другие виды мышления, восприятие, память и т. д. Обе формы когнитивизма исходят из предположения, что наше восприятие мира является функцией не только внешних стимулов, но и ментальных структур, которые определяют характер человеческого восприятия и придают ему наблюдаемые особенности.

Ряд других направлений психологии, включая оперантный субъективизм (см. главу 11), интербихевиоризм (см. главу 10) и экологическое восприятие (см. главу 13), также уделяют внимание когнитивным формам поведения, однако не используют таких конструктов, как обработка информации, разум, сознание, мозговая каузация (brain causation) и внутренняя репрезентация. Использование этих конструктов является характерной особенностью когнитивной психологии и отличает ее от других подходов к изучению познавательной способности.

Во второй половине XX в. когнитивная система приобрела доминирующее положение в психологии. Когнитивистским образом мысли (который скорее представляет собой совокупность различных точек зрения) пропитаны страницы большинства профессиональных журналов и научных трудов как экспериментального, так и теоретического характера, а также многих учебников. Когнитивная психология способствовала распространению в американской психологии конструкта обработки информации организмом по аналогии с компьютерной обработкой информации в таких масштабах, что, вполне вероятно, в недалеком будущем само слово «психология» начнет ассоциироваться в обществе с изучением людей как особого вида компьютеров. Хотя на сегодняшний день в массовом сознании психология, судя по всему, продолжает ассоциироваться с именем Фрейда и психоанализом.

Масштабы, которые приобрела когнитивная психология, неизбежно порождают разногласия и критику, возникающие как в рамках данного подхода, так и за его пределами. Фактически данный подход представляет собой не единую систему психологии, а целый ряд в различной степени согласующихся между собой концепций. Кроме того, на сцену вышла *когнитивная наука (cognitive science)* с характерным для нее междисциплинарным подходом, по отношению к которому когнитивная психология является всего лишь одним из компонентов, хотя граница между этими двумя системами строго не определена. В качестве составных частей когнитивной науки выступают такие дисциплины, как психолингвистика, философия, антропология, нейропсихология и теория вычислительных систем (Hunt, 1989), которым в той или иной степени уделяет внимание и когнитивная психология. Однако когнитивная наука гораздо больше нацелена на поиск характеристик, сближающих компьютеры с человеком (искусственный интеллект, ИИ) и человека с компьютерами. Гарфилд (Garfield, 1990b) считает, что наличие разногласий по фундаментальным вопросам является характер-

ной чертой когнитивной науки. Однако он также отмечает свойственное данному подходу методологическое единство, проявляющееся в (1) интересе к раскрытию характеристик разумного (intelligent) поведения; (2) «представлении» о том, что оперирование символическими репрезентациями делает разумное поведение возможным; (3) описании таких операций как вычислений (computations) и (4) стремлении обнаружить реализацию этих процессов структурами головного мозга. В дальнейшем мы не будем проводить различий между когнитивной психологией и когнитивной наукой, используя по отношению к ним общий термин «когнитивизм». Уоллес (Wallace, 1996) находит между ними две действительно общие черты, заключающиеся в предположении о том, что (1) умственные (внутренние) репрезентации участвуют в актах познания и (2) аналогия с компьютерами является наилучшим подходом к пониманию этих репрезентаций.

РАННЕЕ РАЗВИТИЕ И НЕКОТОРЫЕ РАССМАТРИВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ

Бихевиоризм и когнитивизм

Концепция бихевиоризма, выдвинутая Джоном Уотсоном в 1913 г., представляла собой «методологический бихевиоризм». Уотсон не отрицал наличие разума (mind); он лишь заявил, что психология может благополучно обойтись без обращения к этому понятию. Иными словами, разум не был включен в *методологию* бихевиоризма. Однако уже в 1919 г. он выступил с отрицанием разума как научного понятия, провозгласив тем самым «радикальный бихевиоризм». (Скиннер придал этому термину несколько иное значение; см. главу 6.) В методологическом бихевиоризме понятие разума сохранилось в виде ряда замещающих понятий, таких как внутренние побуждения (драйвы) у Халла или когнитивные карты у Толмена, а также под видом других «промежуточных переменных» — не поддающихся наблюдению причинных агентов, вмешивающихся в причинно-следственные отношения между стимулом и реакцией. Однако как методологический, так и радикальный бихевиоризм занимались преимущественно процессами научения, уделяя мало внимания мышлению, воображению и другим формам когнитивного поведения. А исследование научения было преимущественно механистическим, основанным на таких конструктах, как обусловливание и подкрепление. По прошествии десятилетий страницы психологических журналов наводнили отчеты о проведенных бихевиористами исследованиях, однако надежды на то, что бихевиоризму, начавшему свой путь с простейших опытов над животными, удастся объяснить сложнейшие формы человеческого поведения, оказались погребенными в стартовой камере лабиринта для животных. (Бихевиоризм Скиннера, получивший название анализа поведения, достиг значительно больших результатов, чем методологический бихевиоризм.)

Хотя ни одной из форм бихевиоризма не удалось достичь намеченных целей, в ходе проведенных в рамках данного подхода и ставших классическими исследований была накоплена значительная масса данных о процессе научения, часть из которых до сих пор фигурирует во вводных курсах психологии в составе основного корпуса знаний, полученных этой наукой. Бихевиористам принадлежит также внедрение в психологию тщательно разработанного методологического аппарата и использования статистических приложений. Появившаяся на научном горизонте когнитивная психология заявила как о сохранении преемственности, так и о принципиальных расхождениях с бихевиоризмом.

Сохранение преемственности

Когнитивная психология:

• Приняла статистический и методологический аппарат, разработанный в рамках бихевиоризма, отвергнув механистическую концепцию классического обусловливания и поставив на ее место аналогию с более технологичным механизмом — компьютером.

• Сохранила представления о механизмах стимулов и реакций в форме механизмов входных и выходных сигналов.

• Предложила концепцию обработки информации мозгом, подчеркивающую, вслед за бихевиоризмом, особую роль таких переменных, как внутренние побуждения, ментальные карты, мозговые команды, которые вводятся между стимулом и реакцией, или так называемого S—O—R-конструкта.

• Сохранила характерные для бихевиоризма процедуры выведения гипотез из теории (гипотетико-дедуктивный метод), а также интерес к исследованию научения и памяти.

• Сохранила принятую методологическим бихевиоризмом практику использования операциональных определений для своих конструктов, т. е. реакция (операция) определяет ментальный конструкт.

• Сохранила свойственное бихевиоризму представление об иерархиях, заменив, однако, иерархии простых условных рефлексов, из которых производятся сложные формы поведения, иерархиями, в которых сложные психические процессы «составляются из более элементарных процессов» (Simon & Newell, 1964, p. 290). Лихи (Leahy, 1992) не видит существенных различий между методологическим бихевиоризмом и когнитивной психологией.

Нарушение преемственности

• Когнитивная психология отказалась от практики экспериментирования с животными[1] и сделала связь мозг—разум центральным звеном *программ* обработки информации. Отведя ключевую роль мозгу как психологическому органу и игнорируя роль внешних стимулов (за исключением входных сигналов) и реакций (за исключением выходных сигналов), когнитивная психология перенесла акцент на *внутреннюю причинность*, в противовес *внешней причинности*, акцентируемой S—R-бихевиоризмом. Этот важный аспект нарушения преемственности обязан тому факту, что когнитивизм и бихевиоризм исходят из различных философских традиций. Когнитивизм основан на философии немецкого рационализма, согласно которой врожденные способности к организации определяют психические события, а также на дуализме «разум—тело» в понимании французского философа XVII в. Рене Декарта (Wallace, 1996). Бихевиоризм же берет свое начало в английском эмпиризме, согласно которому поведение определяет окружающая среда. Однако заимствовав исходные методологические предпосылки бихевиоризма, когнитивизм также отчасти был принят эмпириками.

Интерес к когнитивным событиям не нов для психологии. Мейеринг (Meyering, 1989) приписывает Гельмгольцу, немецкому физиологу XIX в. и одному из основоположников этой науки, предположение о том, что разум придает упорядоченность сенсорному материалу. В качестве культурного концепта представление об упорядочивающем разуме или душе восходит еще к теологии эллинистической или римской эпохи и, таким образом, имеет весьма далекие от научных истоки (Kantor, 1963). Помимо Гельмгольца другие ученые XIX в. также пытались связать познавательную способность (cognition) с ментализмом: к таким попыткам относится психофизика Фехнера (душа и физические стимулы), интерес Вундта к психической причинности, ментальная хронометрия Дондерса и т. д. В конце XIX — начале XX в. возникают структурализм, функционализм, гештальт-психология, ассоцианизм, гуманистическая психология (см. главу 4) и толменовский вариант методологического бихевиоризма (теория, согласно которой крысы используют гипотетические ментальные карты для нахождения пути в лабиринте), причем все эти школы придают особое значение менталистскому когнитивизму. Наряду с предложенными Толменом когнитивными картами, другими представителями методологического бихевиоризма вводятся собственные промежуточные переменные, такие как внутренние побуждения (драйвы) и мозговые команды. В XX в. появляются также нементалистские подходы к когнитивным событиям, упомянутые выше.

Многие когнитивисты продолжили бихевиористскую традицию проведения исследований в лабораториях, экспериментируя с группами испытуемых и используя статистический анализ групповых средних (R-методология; см. главу 11), в то время как другие переоборудовали свои психологические лаборатории для проведения физиологических исследований, связанных с «психическими процессами». Третьи обратились в поисках развития теории к компьютерному моделированию и математике, а еще немногие попытались сочетать два или более из этих методов. Когнитивисты также приняли некоторые из ранних допущений интроспекционистов, не пытаясь, однако, подвергать разум интроспекции (Neisser, 1976). Иными словами, они сосредоточились преимущественно на внутренних механизмах, как правило, игнорируя взаимодействия организма с окружающим миром.

Некоторые ранние достижения когнитивной психологии

Когнитивная психология берет начало из нескольких источников. Одним из них является техника связи, теория которой изложена в работе Шеннона (Shannon, 1948). Он трактует информацию как изменения электрических сигналов при передаче по телефонной линии и описывает эти изменения математически. Если система находится в одном из двух возможных состояний и одно состояние зависит от другого, наблюдатель может узнать нечто о не предъявленном состоянии на основе предъявленного. Иными словами, «информация» означает структурную характеристику сообщения. Хотя работы Шеннона сыграли важную роль в разработке систем связи и вычислительных машин, они оказались практически бесполезными для понимания человеческого (по)знания. Уивер (Weaver, 1949) недвусмысленно указывает на то, что «информация» в том смысле, какой вкладывают в это слово инженеры, не имеет ничего общего с человеческим познанием. Даже если и так, успехи теории информации в инженерном деле укрепили интерес к конструкту информации как к фундаментальному процессу, свойственному лишь человеку, и к структурам, способным осуществлять обработку информации. В этом отношении психология всего лишь следовала давней традиции, идущей от ее предшественников в философии, пытавшихся осмыслить предмет своей науки при помощи аналогий (см. главу 2, с. 80).

Идея о том, что человеческое познание можно моделировать на вычислительных машинах, принадлежит Герберту Саймону. Его подготовка в области общественно-политических наук способствовала развитию у него интереса к механизмам принятия решений в организациях, которые он впоследствии применил по отношению к людям. Совместно со своими коллегами он разработал компьютерные модели решения задач (Newell, Shaw & Simon, 1958; Newell & Simon, 1961), распространив их позднее на

[1] В последнее время исследования животных начинают привлекать внимание сторонников когнитивизма (см., например: Roitblat & Meyer, 1995).

восприятие, вербальное научение и формирование понятий и детально развив аналогию между человеком и компьютером (Simon & Newell, 1964). Другой важнейшей вехой в развитии этой аналогии явился критический анализ книги Скиннера «Вербальное поведение» («Verbal Behavior») Хомским (Chomsky, 1959), показавшим, что язык — это не только продукт научения, он еще требует наличия у человека внутренних конструктов.

Пиаже (Furth, 1981) также внес свой вклад в поиск ментальных структур. Основываясь на своих познаниях в области биологии, он предложил аналогию, согласно которой разум проходит в своем развитии несколько качественно различных стадий, напоминающих стадии качественных изменений структур эмбриона. Другой крупной фигурой был Ульрих Найссер (Neisser, 1967), который способствовал популяризации конструкта обработки информации и утверждению когнитивной психологии в роли доминирующей системы. Он утверждал, что субъективный опыт (experience) создается самим человеком. Страница печатного текста — это удаленный стимул, тогда как поток световых лучей, попадающих на сетчатку, составляет более непосредственный («проксимальный») стимул. Но даже эти более непосредственные стимулы не похожи на являющиеся их источником реальные объекты, как и на конструируемый опыт, который есть не что иное, как информация, обработанная мозгом. Иными словами, мы не взаимодействуем со страницей печатного текста. Вместо этого наш мозг реконструирует страницу в виде входных сигналов, передает их от одной системы обработки к другой, и таким образом мы получаем репрезентацию страницы в виде своего рода внутреннего образа, который только *кажется* нам страницей текста, находящейся где-то «вне нас». Книга Найссера представляла собой первое общее изложение когнитивной психологии. Позднее он несколько изменил свою позицию, придав бóльшую роль окружающей среде, под влиянием экологического подхода Гибсона (Neisser, 1976; см. главу 13, с. 328).

КОНЦЕПЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

«Когниция» относится к знанию, и усилия когнитивной психологии направлены на понимание механизмов, участвующих в человеческом познании. В целом эта система выдвигает следующие положения:

(а) Среда достигает организма в виде энергий, выполняющих роль сигналов, распознаваемых органами чувств. Это является началом знания.

(б) Научение также является способом приобретения знаний и в то же время процессом кодирования.

(в) Закодированное знание хранится в схемах (circuitry) мозга.

(г) Когда знание извлекается из хранилища, оно декодируется. Это знание, согласно одной из влиятельных теорий когнитивизма, является *внутренней репрезентацией* внешнего мира и появляется в двух формах:

(1) форме, основанной на восприятии и состоящей из репрезентаций или образов зрительных, слуховых, обонятельных, вкусовых или тактильных качеств;

(2) памяти эпизодов, представляющей собой абстрактные репрезентации принципов или значений вещей, такие как научные понятия или грамматические правила языка.

(д) Знание может быть подвергнуто дальнейшей обработке посредством перевода в языковую форму в соответствии с грамматическими правилами.

На основании этих положений мы можем выделить четыре главных конструкта репрезентационального когнитивизма:

(а) Человеческий организм является информационным процессором, преобразующим внешний мир в символы.

(б) Эти символы — после дальнейшей обработки — составляют репрезентации внешнего мира.

(в) Эта обработка информации и результирующие репрезентации осуществляются клетками головного мозга — нейронами.

(г) Локус когниции находится в системах внутренних состояний или в механизмах обработки информации, тогда как ее связи с внешней средой ограничиваются подлежащими обработке входными сигналами.

Хотя не все когнитивисты полностью примут перечисленные выше гипотетические конструкты, а некоторые могут даже отвергнуть один или несколько из них, в целом данные конструкты отражают общую направленность когнитивной психологии.

В противоположность Скиннеру (который полагал, что принципом подкрепления и его частными случаями можно объяснить большую часть психологической динамики) или Халлу (полагавшему, что процесс научения может быть понят исключительно в терминах редукции внутренних побуждений), когнитивисты допускают включение в психологическую теорию большого числа принципов из совершенно различных областей исследования. Являясь частью наследия бихевиоризма, когнитивистская теория часто подвергается эмпирической проверке. По этой причине в данной главе описания исследований не вынесены в отдельный раздел, а приводятся по ходу рассмотрения теории.

Три теоретических подхода к репрезентациям

Вычисления и ментальные репрезентации. Когнитивисты часто используют такие термины, как обработка информации, ментальные вычисления, манипулирование символами и следование правилам (rule-following), как взаимозаменяемые. Обычно говорится, что эти процессы производят ментальные (внутренние) репрезентации или приводят к ним. Принятие решений, вспоминание, мышление и другие когниции — это процессы, оперирующие репрезентациями. Мир репрезентируется внутренне в символической форме. Этот конструкт репрезентации может носить бескомпромиссный характер и не допускать никаких исключений:

> «Мир недоступен нам прямо или *непосредственно*, как и какие-либо его свойства... Все, что нам известно о реальности, *опосредуется*, причем не только органами чувств, но и сложными системами, интерпретирующими и реинтерпретирующими сенсорную информацию» (Neisser, 1967, p. 3).
>
> «Мы наивно полагаем, что окружающий нас внешний мир нам дан; он просто существует... Нам всем кажется, что мы воспринимаем (experience) окружающий мир совершенно прямым образом. Однако кажущаяся непосредственность этого опыта *должна быть* более или менее иллюзорной, поскольку мы знаем, что каждый бит получаемой нами информации о явлениях внешнего мира проходит через наши органы чувств либо прошел через них в прошлом. Вся эта информация, насколько нам известно, опосредуется рецепторной активностью и передается в мозг в форме кодов, подобных сигналам азбуки Морзе, так что то, что мы переживаем как «реальный мир», находящийся вне нас самих, не может быть не чем иным, как *репрезентацией* внешнего мира». (Attneave, 1974, p. 493).

Другими словами, когнитивисты, разделяющие данную точку зрения, утверждают, что все, кажущееся нам реальным, это не более чем иллюзия. Мы живем в удвоенном мире, внутреннем иллюзорном мире, который мы знаем, и внешнем реальном мире, который мы не знаем. Вслед за приведенной цитатой Эттнив (Attneave) утверждает, что данная точка зрения в принципе не может быть неверной. Позднее Басс (Buss, 1995) заявил, что большинство психологов, как правило, не имеют представления о том, что поведение — это всего лишь внешнее проявление, поверхностное событие, требующее для своего осуществления многообразных когнитивных механизмов, без которых оно невозможно.

Символические репрезентации мира — это ментальные события, имеющие место между двумя физическими событиями: «регистрацией энергии органами чувств и использованием нервных импульсов для высвобождения энергии, приводящей к мышечному сокращению» (Johnson-Laird, 1993, p. xiii). Было предложено два (с некоторыми вариациями) механизма, посредством которых мир внутренне репрезентируется нашим компьютерным мозгом. Один из них включает образы конкретной сенсорной модальности. Их львиная доля приходится на зрение, однако сторонники данной точки зрения утверждают, что репрезентация может осуществляться в любой модальности, например, в виде запаха (цветущая сирень) или звука («Звездное знамя»*) Эти образы являются аналогами реального объекта или события и носят название «аналоговых репрезентаций» («analogical representations»). Второй тип репрезентации называется «пропозициональной репрезентацией» («propositional representation»). Репрезентации данного типа не ограничены той или иной сенсорной модальностью, но подобны языковым. Они состоят из идей и подчиняются комбинаторным правилам. Следует отметить, что те когнитивисты, которые относят себя к «элиминативистам» (от англ. eliminate — устранять), настаивают на том, что репрезентаций не существует; существуют лишь функции мозга. Они *устраняют* репрезентации. Одна из разновидностей данного подхода называется теорией «тождества» («identity» theory), ибо, согласно данной точке зрения, функционирование мозга и разум тождественны. «Неэлиминативисты» («non-eliminativists») же настаивают на реальности репрезентаций, которые вырабатываются благодаря деятельности мозга. Данная точка зрения известна также под названием «эпифеноменализма» или «эмерджентизма»: репрезентации появляются или возникают в результате биологических операций, осуществляемых мозгом, и не тождественны самим этим операциям. Эта точка зрения существует в различных вариациях. Гарфилд (Garfield, 1990a, 1990b), будучи «натуралистом», утверждает, что репрезентации являются не внутренними состояниями организма (или компьютера), а отношениями организма (или компьютера) и окружающей среды, точно так же как быть родителем — это не внутреннее состояние, а наличие определенных отношений со своим потомством. Роль биологии, согласно данной точке зрения, состоит в том, чтобы обеспечить возможности — либо на основе вычислений, либо на основе какого-то иного механизма, присущего данному организму, — «вступать в определенные типы отношений с окружающей средой» (1990b, p. xxiv).

Описания исследований, включающих воображаемые манипуляции различными объектами, в настоящее время составляют значительную часть литературы по когнитивной психологии и включаются в большинство учебников по данной дисциплине. Чтобы определить, соответствуют ли представляемые объекты объектам реального мира, исследователи

*The Star-Spangled Banner («Звездное знамя») — гимн США с 1931 г. — *Примеч. научн. ред.*

(Cooper & Shepard, 1984; Shepard, 1971; Shepard & Cooper, 1982) предъявляли испытуемым пары изображений трехмерных фигур, составленных из кубиков. Испытуемые видели каждый из членов пары в различном ракурсе, т. е. повернутым в пространстве относительно другого члена пары на некоторый угол. Затем их просили определить, видели они один и тот же объект или два разных объекта. Время, необходимое для ответа на этот вопрос, оказалось пропорциональным угловому смещению (величине угла поворота одного объекта относительно другого). Аналогичные результаты были получены для изображений двумерных фигур, поворачиваемых на плоскости, подобно стрелкам часов. На основании этого исследования его авторы высказали предположение, что (а) испытуемые в своем воображении поворачивали один объект, пока он не оказывался в том же положении, что и другой, и (б) представляемые в уме картины соответствовали реальным трехмерным объектам, воспринимаемым в перспективе, а не двумерным изображениям трехмерных объектов, которые им фактически предъявлялись. В дальнейших экспериментах испытуемые должны были представить вращающуюся форму (shape). В тех случаях, когда тестовая форма (либо соответствующая воображаемой форме, либо ее зеркальному отображению) предъявлялась в любой точке вращения, которая соответствовала виду воображаемой формы в той же самой точке вращения (разной для каждого испытуемого), время реакции, требующееся для того, чтобы определить, видит испытуемый одну и ту же форму или разные, было практически одинаковым и составляло приблизительно полсекунды.

Это означает, что испытуемые совершали в своем воображении полный поворот объекта, включая промежуточные положения. На основании результатов этих двух экспериментов, подтвержденных многими другими экспериментами, исследователи пришли к заключению, что испытуемые поворачивали в своем воображении объекты в полном соответствии с реальными объектами. Они предположили, что пространственное представление человека претерпело эволюционное развитие, с тем чтобы соответствовать структурам физического мира, и стало частью врожденных процессов, вероятно, сходных с врожденными универсальными (uniform) грамматическими структурами, которыми обладают, по мнению Хомского, все индивидуумы до того, как эти структуры трансформируются в язык того или иного сообщества.

В том же ключе была проведена другая серия экспериментов на воображение (Kosslyn, Ball, & Reiser, 1978), в которых испытуемым предъявлялись карты вымышленных участков местности с важными объектами, помеченными буквой «X». Испытуемых просили запомнить карты и нарисовать их по памяти. После выполнения этого задания их просили представить в воображении карту и сосредоточиться на одном из объектов, помеченных «X». Затем их просили мысленно просмотреть карту и найти второй объект. Время, которое требовалось испытуемым для просмотра карты до обнаружения искомого объекта, было прямо пропорционально фактическому расстоянию между объектами; для обнаружения менее удаленных от исходной точки объектов требовалось меньше времени, чем для обнаружения более удаленных.

Пэйвио (Paivio, 1971, 1986) предположил, что для репрезентации образов и вербальных символов используются различные кодирующие системы. Каждая из систем имеет подраздел, отправляющий сигналы соотнесения (references) другой системе, — подобные тем, которые связывают объект с обозначающим его словом. В одном из экспериментов, проведенных с целью проверки данной гипотезы, Пэйвио (Paivio & Csapo, 1973) предъявлял испытуемым слова, относящиеся к определенным объектам, и просил их либо представлять соответствующие объекты, либо произносить слова. Впоследствии испытуемых просили вспомнить их. Испытуемым в два раза чаще удавалось вспомнить воображаемые объекты, к которым относились слова, чем вспомнить произносимые слова, — тем самым было получено свидетельство превосходства невербального кодирования над вербальным и вероятного существования двойной системы кодирования. Вспоминание воображаемых объектов было столь же успешным, как и вспоминание реально показанных изображений. Пэйвио интерпретировал результаты данного эксперимента как подтверждающие его теорию.

С критикой некоторых базисных предположений о ментальных репрезентациях выступил Пилишин (Pylyshyn, 1973). Он отметил, что если образы подобны картинам, требуется один наблюдатель (seer) для восприятия картины, другой — для наблюдения за тем, что видит первый, и т. д. до бесконечности. Скиннер (Skinner, 1963) указал ранее на ту же проблему: представление о внутреннем мире, являющемся копией внешнего, приводит к вопросу о том, кто/что видит изображение в голове. Кроме того, Пилишин утверждает, что если обработка данных имеет как вербальный, так и невербальный базис, результаты кодирования этими двумя системами должны каким-то образом соотноситься между собой, а это требует третьей системы кодирования, промежуточной между ними либо направляющей их. Косслин (Kosslyn, 1980, 1981, 1983) возражает, указывая на то, что предлагаемый Пилишиным третий промежуточный обрабатывающий агент требует очередной кодирующей системы, чтобы направлять его, и т. д. до бесконечности, и потому это предположение аналогично утверждению самого Пилишина о необходимости наблюдателя или гомункулуса. Косслин (Kosslyn, 1983, 1994; Kosslyn & Koenig, 1992) привлекает внимание к попытке обойти логическое требование гомункулуса. Частично основываясь на исследованиях с использованием позитронной эмиссионной томографии, Косслин (Kosslyn, 1994) утверждает, что при воображении и восприятии используются одни и те же механизмы головного моз-

га, и поэтому нет необходимости в привлечении гипотетического наблюдателя.

Косслин предлагает теорию, которую он считает более адекватной, чем теория Пилишина. Он утверждает, что образы — это не картины, а процессы, в которых пространственные отношения компонентов поддерживаются в особой пространственной среде (a special medium of space). Данная теория предполагает существование (а) двух типов файлов для хранения информации и (б) *пространственной среды (spatial medium)*. В файлах первого типа— *пропозициональных файлах (propositional files)* хранится информация о частях объектов и отношениях этих частей между собой. В файлах второго типа — *файлах образов (image files)* содержится информация об образах и о том, как они репрезентируются пространственной средой. Пространственная среда — это место возникновения образов. Среда обладает наибольшей разрешающей способностью (или четкостью изображения) в центре и наименьшей на периферии. Среда имеет зернистость, и размер зерна ограничивает возможность видеть детали, а также имеет ограниченные размеры. Как только репрезентация начинает угасать, она формируется в среде. Файлы образов содержат координаты точек репрезентируемого объекта, тогда как пропозициональные файлы содержат информацию о свойствах объекта и их отношениях.

Так, например, в файле образов будут содержаться координаты точек обобщенного человеческого лица (basic face) или черт лица друга. А пропозициональные файлы будут содержать список характеристик — носа, глаз, рта — и отношений этих компонентов к обобщенному образу лица: рот внизу — по центру лица, выше него — нос — в самом центре лица, по бокам от него — два глаза. Когда человек представляет себе лицо, информация из файлов образов и пропозициональных файлов поступает в пространственную среду. Однако формирование образов предполагает также участие других процессов. В процессе формирования образа (image process) осуществляется поиск обобщенного образа лица в пропозициональном файле, и по нахождении его *процесс построения изображения (picture process)* считывает координаты и формы обобщенного образа в область пространственной среды, обладающую наиболее высоким разрешением, и заполняет эту область. Затем вступает в силу *процесс нахождения (find process)* частей лица, а *процесс размещения (put process)* располагает части лица в соответствующих точках целостного образа. Таким образом, согласно теории Косслина, в процессе обработки образа части добавляются к базовой структуре.

Косслин (Kosslyn, 1978) пытался проверить ограниченность размеров пространственной среды, предполагаемую его теорией. Он просил испытуемых представить себе животное, находящееся на расстоянии, а затем приближать образ до тех пор, пока он не заполнит все воображаемое зрительное пространство. Оценки испытуемыми минимального расстояния до животного были прямо пропорциональны относительным размерам животного. Кролика можно было представить находящимся очень близко, так чтобы он заполнял все пространство, собаку — на некотором отдалении, а лошадь — еще дальше. Результаты данного эксперимента подтвердили один из компонентов теории Косслина, как это произошло и с тестом на зернистость пространственной среды. В данном эксперименте испытуемым было дано задание представить себе часы. Время, требующееся для реакции, было пропорциональным воображаемому расстоянию до часов и увеличивалось с увеличением расстояния, в соответствии с гипотезой Косслина (Amorim & Stucchi, 1997).

Пилишин (Pylyshyn, 1981, 1984) выступил с критикой данной теории умственных образов, развивая ранее высказанные им критические замечания. Он утверждал, что образы, функционирующие в особой среде, должны являться частью структуры организма, и следовательно, не могут изменяться в зависимости от таких пропозициональных условий, как *представления и цели*. Если же образы изменяются, они также должны быть пропозициональными. Пилишин (Pylyshyn, 1984) подтвердил результаты исследований Косслина, Болла и Рейсера (Kosslyn, Ball and Reiser, 1978), согласно которым в процессе просматривания испытуемыми воображаемых ими карт время, требующееся для перемещения в воображении из одного пункта в другой, прямо пропорционально расстоянию между ними. Однако если испытуемым предложить быстро переключить внимание с одного пункта на другой, зависимость не сохраняется. Если их попросить в своем воображении пробежать из одного пункта в другой, они пересекают расстояние между ними быстрее, чем в случае воображаемой ходьбы. Поскольку характер воображения меняется в зависимости от инструкций, умственные образы не могут являться частью структуры организма. Они должны носить пропозициональный характер, а не являться независимой сущностью или процессом. Пилишин приходит к заключению, что умственные образы являются репрезентациями, отражающими реальность, однако без посредства специальных репрезентационных систем. Используя данные, полученные в ходе исследований мозга методами позитронной эмиссионной томографии, Косслин (Kosslyn, 1994) утверждает, что (а) механизмы распознавания объектов в значительной степени составляют механизм формирования умственных образов, а эти образы помогают распознавать объекты, и что (б) умственные образы являются изобразительными (картинными) и в то же время пропозициональными.

Гарфилд (Garfield, 1988) утверждает, что представления и цели, о которых говорит Пилишин, действительно имеют большое значение, однако они, как и другие аттитюды, не являются локализованными в голове сущностями, которые должны порождать теории когнитивных событий. Скорее, такие когни-

тивные теории должны объяснять, каким образом в процессе взаимодействия человека со средой формируются представления и желания. Также подвергая сомнению вычислительные и/или репрезентациональные теории (computational/representational theories), Патнэм (Putnam, 1975, 1988) продемонстрировал, что значения представляют собой не плоды воображения (mental creations) в голове индивида, а отчасти являются продуктом физического и культурного окружения. Поскольку вычислительные теории предполагают наличие последовательностей символов в разуме индивидуума, они должны объяснить, как эти символы связаны с миром; однако им это не удается, считает Лоорен де Йонг (Looren de Jong, 1995). «Компьютер не имеет доступа к вещам реального мира, обозначаемым посредством компьютерных репрезентаций» (p. 240). Основываясь на работах Патнэма и перенося анализ в область сравнения вычислительных и коннекционистских теорий (см. далее), Лоорен де Йонг встает на сторону коннекционистов. Он также приводит аргументы в пользу реляционного концепта разума (relational concept of mind), аналогичного предлагаемому экологической психологией Гибсона (Gibson, глава 13, p. 374) и призванного заменить собой как внутреннюю, так и внешнюю причинность (Looren de Jong, 1997).

Коннекционистские сети. Коннекционизм отходит от основанной на правилах вычислительной системы, в которой внутренне репрезентируемый мир не имеет прочной связи с реальным миром. Коннекционизм остается верным понятию репрезентаций, но предполагает, что эти репрезентации являются реакциями на входные сигналы из реального мира, взвешиваемые с целью их категоризации (Bechtel, 1990), или что они представляют собой образы, возникающие в результате нейронной активации, распространяющейся из центральной сети смысловых структур (meaning structures) к периферийным структурам (Lundh, 1995).

Сторонники данной конструкции придают особую важность паттернам активации в сетях, аналогичных нейронным сетям, а не встроенным символам или правилам. Их теория предполагает, что комплексы узлов оказывают возбуждающее или тормозящее действие друг на друга и в результате их взаимосвязи образуют блок (unit). Узлы обладают иерархической структурой входов и выходов; одни из них принимают внешние входные сигналы, другие выполняют промежуточные (вспомогательные) функции, а третьи — посылают выходные сигналы другим узлам. Такие паттерны активации или сигналов, посылаемых одними узлами другим, подчиняются набору правил (алгоритмов, как в компьютерном программировании), определяющих мощность входных и выходных сигналов, передаваемых между узлами. В сетях хранятся репрезентации, такие как вид дерева или запах выпекаемого хлеба, в виде распределения активированных узлов. Поскольку количество возможных паттернов огромно, запах и вид дерева или даже два различных запаха не вступают в противоречие друг с другом, за исключением случаев практически полного сходства.

Оказывать возбуждающее или тормозящее влияние друг на друга могут не только отдельные узлы, но и *блоки (units)* — группы узлов, каждая из которых производит собственный общий выходной сигнал, соответствующий результирующему весу всех входных сигналов, полученных от других узлов. Блоки организованы иерархическим образом, аналогичным иерархии узлов. Блоки обучаются алгоритму генерации выходного паттерна сигналов в ответ на входной паттерн сигналов из внешнего мира без необходимости следовать каким-либо встроенным правилам. Согласно данной теории, поскольку огромное количество узлов функционирует одновременно и на различных уровнях организации, обработка носит параллельный, а не последовательный характер, в противоположность большинству поточных схем обработки информации (Balard, 1986; Hinton & Anderson, 1981; Holyoak & Thagard, 1990; McClelland et al., 1986; Rumelhart & McClelland, 1986; Smolensky, 1988). Смоленский (Smolensky, 1995) полагает, что ментальные репрезентации представляют собой векторы, возникающие не в пределах узла, а в виде паттерна активности, чьи свойства объясняют состав репрезентации без необходимости прибегать к причинно-следственным отношениям. Фодор (Fodor, 1997) считает, что в теории Смоленского неявно используется структура «классической теории ментальных репрезентаций» без признания этого факта, а затем утверждается эффективность теории без классической структуры.

Одно возможное объяснение механизма обучения сетей предполагает, что когда первоначальный выходной паттерн ошибочен, происходит его сравнение с правильной реакцией. Благодаря цепи обратной связи узлы корректируются таким образом, чтобы в следующий раз паттерн сигналов был правильным. Например, если вы пытаетесь выучить немецкое слово *Naturwissenschaft* (естествознание), но при этом у вас в голове всплывает *Naturwunderkeit*, или вам вообще не удается удержать в голове эту форму, вы должны проверить ее написание по словарю. Тогда в сети будет запущен процесс корректировки. После серии попыток и исправлений в сети будут сформированы все необходимые правильные алгоритмы. Следовательно, в сети, которая не была запрограммирована в соответствии с правилами немецкого словообразования, будет выработана собственная программа, содержащаяся в узлах и блоках узлов. Тиенсон (Tienson, 1990) отмечает, что нечто в процессе обратной связи должно изменять веса на адекватные, однако авторы данной гипотезы не предлагают описания такого механизма, и остается неясным, каким образом он может функционировать.

Другой подход к коннекционистским сетям представляет собой форму «конструктивизма». Он гласит,

что нейронные структуры, на основе которых функционируют когниции, не являются врожденными, а формируются в результате взаимодействия с окружающей средой (Quartz, 1993). Заучивание алгоритмов, помимо модификации весов входных сигналов, включает также добавление новых структур. Эта конструктивистская теория «допускает, что среда, окружающая обучающиеся системы, играет центральную роль в конструировании репрезентаций, лежащих в основе способности этих систем к обучению в данном окружении» (p. 239)[2]. Автор утверждает, что такой конструктивистский подход, допускающий добавление новых связей и структур в процессе обучения, имеет важные преимущества перед теорией врожденных и жестко фиксированных структур PDP (распределенной параллельной обработки). По мере усложнения нейронной структуры в процессе обучения репрезентирующая способность сети возрастает, и могут возникать новые репрезентации. В подтверждение своей точки зрения автор ссылается на тридцатилетний опыт нейробиологических исследований, свидетельствующий о возрастании сложности нейронной организации в ходе постнатального развития и адаптивности этого процесса, оказывающей прямое влияние на структуру головного мозга.

Поскольку остается неясным, как мозг может репрезентировать и обрабатывать символы, была предпринята попытка представить на основе данной теории модель, в соответствии с которой могут возникать репрезентации. Так, согласно этой модели, репрезентация слова *Naturwissenschaft* распределяется в виде паттерна в пределах одного блока или между блоками, и его сохранение обусловлено силой взаимосвязей. Этот паттерн взаимосвязей позволяет нам воспроизводить слово *Naturwissenschaft*. Проводя эксперименты, в которых форма предъявляемых слов оказывала влияние на опознание сходных форм слов («морфологическая преднастройка»), исследователи сообщают, что результаты подтверждают коннекционистскую точку зрения, согласно которой данный эффект объясняется характеристиками активизации коннекционистской сети, несмотря на отсутствие эксплицитной репрезентации словесных форм в данной сети (Rueckl et al.,1997).

Следует отметить, что коннекционистская теория расходится по данному вопросу с когнитивной нейропсихологией, настаивающей на том, что функции мозга должны быть локализованы, а коннекционизм практически не дает биологического объяснения когниций (Kosslyn & Koenig, 1992). Коннекционистская теория также расходится с точкой зрения на когниции как основанные на правилах или символические репрезентации. Оппоненты коннекционизма утверждают, что его позиция является возвратом к ассоцианизму в компьютерообразном облачении (Pinker & Mehler, 1988).

Динамические репрезентации. Данный подход (Port & van Gelder, 1995) разделяет представления о ментальных (внутренних) состояниях, но отвергает концепции манипулирования символами и коннекционистской обработки. Он гласит, что ментальные состояния представляют собой взаимоотношения мозг — среда, а также функции мозга. Сторонники данного подхода считают, что для того чтобы репрезентационные свойства биологического поведения обрели стабильность, требуется время, и следовательно, время является неотъемлемым свойством такого поведения. Как символические, так и коннекционистские репрезентации рассматриваются как статичные дискретные вещи, что несовместимо с непрерывным временны́м характером биологических событий. Именно динамические временны́е изменения координируют тело и среду, благодаря чему образуются значения, а значения определяют ментальные состояния. Такие ментальные состояния, как, например, память или восприятие, не предполагают наличия внутреннего набора символов для внешнего объекта, а являются «динамической репрезентацией», специфической для события окружающего мира. Нервная система поддерживает отношения организм-среда, однако она не порождает и не репрезентирует их. Это подтверждается тем фактом, доказывают сторонники данного подхода, что у биологических видов, обладающих совершенно различными нейронными структурами, наблюдаются функционально эквивалентные формы поведения. Источником вдохновения для данного подхода явились работы Гибсона (глава 13, с. 328) по экологическому восприятию, свидетельствующие о том, что среда обеспечивает информацию о значащих событиях, когда такие события происходят во взаимодействии организма и среды.

Память

Память как хранилище и как обработка данных. Один из важнейших экспериментов не только для понимания феномена памяти, но и для когнитивной психологии в целом был проведен Стернбергом (Sternberg, 1966, 1969), изучавшим мысленное сканирование (mental scanning) объектов в памяти. Он просил испытуемых запомнить список слогов или цифр, а затем предъявлял им еще один слог или цифру. Их задачей было как можно скорее определить, относится ли данный слог или цифра к заученному ими списку, и соответственно ответить «да» или «нет». Стернберг обнаружил, что чем длиннее был список, тем большим было время реакции испытуемых, независимо от того, содержался ли контрольный слог в списке или нет. Он пришел к заключению, что поиск в памяти предполагает серию последовательных сравнений нового элемента с

[2] Заметьте, что автор делает акцент на окружении нервной системы (nervous system) и обучаемости нервной системы, а не индивидуума.

каждым из содержащихся в памяти и продолжается до конца списка даже в том случае, если соответствие найдено. Но зачем продолжать сканирование после того, как соответствие обнаружено? Возможный ответ содержался в более детальных данных его экспериментов: добавление каждого нового пункта к списку увеличивало время реакции на 38 миллисекунд, что дает скорость сканирования от 25 до 30 пунктов в секунду. Благодаря такой большой скорости сканирования, вероятно, является более эффективным пройти по всему списку, прежде чем решить «да» или «нет», чем делать это после каждого сравнения. Данный результат противоречил ожиданиям и не мог быть получен каким-либо иным способом, кроме эксперимента. Стернберг составил схему, отображающую поток информации между запоминаемым списком и тестовым пунктом, и согласовал ее с линейным уравнением, описывающим эти соотношения. Предложенная им теория оказала значительное влияние на когнитивную психологию и положила начало многочисленным экспериментам, преследующим цель проверки данной теории.

Многие когнитивисты рассматривают память как состоящую из двух типов хранилищ. В одном из них хранятся данные кратковременной, а в другом — долговременной памяти. Когда мы слышим имя человека, с которым только что познакомились, имя попадает в сенсорное хранилище, а оттуда перемещается в краткосрочное хранилище, когда мы внутренне повторяем его, чтобы использовать снова. Если мы не осуществляем этого внутреннего повторения и не используем имя, информация о нем быстро затухает или замещается новой информацией в кратковременном хранилище. Если мы связываем новое имя с кем-то или чем-то нам уже известным, оно может переместиться в долговременное хранилище. Продолжение внутреннего повторения или использования имени также может привести к такому перемещению. Содержимое кратковременного хранилища кодируется в звуках, а долговременного — в значениях. Извлечение информации из долговременного хранилища часто бывает более замедленным вследствие огромного количества содержащейся в нем информации, среди которой необходимо осуществить поиск. Кроме того, часто предполагается, что дополнительное кратковременное хранилище содержит сенсорную информацию.

Классический эксперимент, призванный продемонстрировать постоянное и неизменное сохранение данных опыта в памяти, был проведен Пенфилдом (Penfild, 1958a, 1958b), нейрохирургом Монреальского неврологического института. Он проводил электрическую стимуляцию различных участков поверхности коры головного мозга у больных эпилепсией со вскрытой для операций черепной коробкой. Пенфилд использовал только местный наркоз черепа, так что скальп, череп и мозг были нечувствительны к прикосновению и даже хирургическому вмешательству, однако пациенты находились в бодрствующем состоянии и могли сообщать о своих ощущениях при электрической стимуляции. Некоторые замечания пациентов описывали чисто биологические ощущения, такие как покалывание или онемение в тех или иных частях тела. Другие носили психологический характер, как, например, зрительные сцены или воспоминания о прошлых событиях. Третьи ограничивались звуковыми, цветовыми и тактильными ощущениями. Скиннер (Skinner, 1963) считает, что

> «...легче предположить, что при этом вызывается само поведение видения, слышания и т. д., чем то, что активизируется некая копия предшествующих средовых событий, которую испытуемый в этот момент видит или слышит. В обоих случаях следует предположить, что при этом имеет место поведение, аналогичное реакции на исходные события, — испытуемый видит или слышит, — однако предположение о воспроизведении событий, воспринимаемых зрением или слухом, является излишним усложнением» (p. 955).

Всего реагировало на экспериментальное воздействие менее 8% пациентов, причем часть из них, вероятно, сообщали о реконструируемых событиях, а не о воспоминаниях. Большинство отчетов были туманными. Серьезным недостатком процедуры являлось отсутствие независимых наблюдателей, которые могли бы проверить точность наблюдений и описаний Пенфилда. Валенстайн (Valenstein, 1973) отмечает: «Создается впечатление, что помещение электродов на специфические участки мозга с неизбежностью вызывает те или иные формы поведения. Однако те, кто участвовал в данных исследованиях, определенно могут сказать, что это не так» (p. 87).

Была предложена альтернатива двухуровневой (или трехуровневой, если включать сенсорное хранилище) теории памяти, утверждающая, что память функционирует в соответствии с последовательностью стадий обработки информации (Craik & Lockhart, 1972). На первой стадии такая информация, как имя, которое мы слышим при встрече с человеком, обрабатывается в соответствии с воспринимаемыми акустическими (звуковыми) характеристиками. На следующей стадии происходит обработка семантической составляющей в соответствии с тем значением, которое мы придаем полученной информации. При переходе на более глубокие уровни обработки информация приводится в соответствие с организованным комплексом знания. Например, имя нового знакомого начинает означать члена команды по боулингу, чье высокое мастерство становится важным для успеха всей команды. Если двухуровневая теория гласит, что информация переходит из кратковременной в долговременную память благодаря заучиванию наизусть, то теория стадий обработки утверждает, что для сохранения в памяти существенным оказывается осмысленное и организованное внутреннее повторение новой информации в процессе ее обработки.

Согласно другой теории памяти, память состоит из (а) процедурной памяти, обеспечивающей связь между стимулами и реакциями, включая взаимосвязи комплексных стимулов; (б) семантической памяти, позволяющей иметь внутренние репрезентации и обработанные конструкции (manipulative constructions) мира и (в) эпизодической памяти, позволяющей индивидууму сохранять воспоминания о личном опыте и возвращаться в памяти назад для просмотра воспоминаний. Далее эта теория предполагает три рода отношений: (а) процедурная память независима от остальных двух, тогда как семантическая память до некоторой степени привязана к процедурной памяти, а эпизодическая — и к той и к другой; (б) каждый тип памяти связан с определенной формой осознавания — процедурная с неосознаванием (non-awareness), семантическая — с осознаванием и эпизодическая — самоосознаванием; и (в) каждая из систем памяти является частью отдельной нейронной системы, имеющей свою собственную эволюцию (Tulving, 1985)[3]. Поскольку позитронная эмиссионная томограмма показала, что более интенсивный кровоток в правой части расширенной лимбической системы мозга связан с новой, в противовес знакомой информации, а также в определенных участках мозга — со сложными изображениями, Тулвинг и его коллеги (Tulving et al.,1994) пришли к выводу, что в соответствующих участках мозга расположены сети, кодирующие визуальные / пространственные новые стимулы. Проведя обзор литературы, описывающей, каким образом четыре системы памяти справляются с четырьмя типами диссоциации, Тулвинг (Tulving, 1996) находит свидетельства в пользу существования множественных систем долговременной памяти и их нейронной основы.

Конструкт разума часто рассматривается как пространственный; при этом различные элементы памяти располагаются в отдельных точках этого пространства. Поскольку воспоминания, предположительно, хранящиеся в долговременной памяти, отличаются значительным разнообразием — навыки катания на роликовых коньках, названия улиц родного города, рецепты приготовления печенья, команды компьютерных программ, речевые навыки и т. д. — маловероятно, что все они сохраняются в одной и той же форме. А предположение о том, что информация попадает в долговременную память благодаря внутреннему повторению, игнорирует тот факт, что и без такого повторения человек в течение длительного времени способен помнить подробности собственной свадьбы или основную сюжетную линию художественного фильма.

Пытаясь разрешить ряд возникающих проблем, некоторые исследователи памяти обратились к теориям PDP (распределенной параллельной обработки). Хотя данная модель также предполагает наличие пространственных характеристик памяти, согласно ей различные компоненты памяти имеют различную пространственную локализацию. Теория PDP предполагает, что у человека обработка информации, как правило, осуществляется параллельно, а не в соответствии с линейной или последовательной сменой стадий. Согласно предложенной Мак-Клелландом (McClelland, 1981, 1986) теории PDP, научение — это процесс укрепления связей между сохраняемыми в памяти блоками, в совокупности составляющими репрезентацию целостного события. В процессе вспоминания осуществляется доступ к одному или нескольким блокам, каждый из которых содержит репрезентацию связанных между собою вещей, которые, в свою очередь, активизируют другие блоки, участвующие в процессе целостного извлечения из памяти. Такой тип памяти и характер извлечения требует наличия единственного ключевого признака (cue) либо нескольких частичных или даже ошибочных признаков для активизации памяти. При последовательном характере обработки единственный неверный признак делал бы извлечение невозможным. Параллельная обработка, согласно данной теории, также позволяет восполнять недостающую информацию — не благодаря знанию о данной конкретной вещи, а благодаря сохраняемой в памяти информации аналогичного типа о других вещах. Данный тип памяти также обладает достаточной гибкостью, позволяющей каждому человеку хранить и извлекать самую разнообразную, уникальную для него информацию, а кроме того, такая модель объясняет факт хранения информации в долговременной памяти без повторения. Поскольку адаптивные сети свободны от традиционных медиаторов и репрезентаций, они просто адаптируются в соответствии с историческими условиями отбора.

Эстес (Estes, 1980) провел обзор исследований, авторы которых выступают в пользу аналогии между компьютерной и кратковременной человеческой памятью. Он рассматривает шесть пунктов, по которым компьютерная память сопоставляется с человеческой, и находит существенные различия по всем пунктам. В целом, разница состоит в том, что компьютеры отличает высокая скорость доступа и точность воспроизведения, тогда как для человеческой памяти характерны «робастность» («robust») и универсальность. У людей не возникает необходимости в такой быстроте и точности, какой достигают компьютеры, однако со-

[3] Некоторые представители когнитивизма выделяют весьма внушительное количество типов памяти. Так, Нейворт (Neiworth, 1995) перечисляет долговременную, кратковременную, рабочую (оперативную), справочную, процедурную, декларативную, эпизодическую, семантическую, имплицитную и эксплицитную память. Это напоминает способ, каким Кларк Халл продолжал умножать количество гипотетических внутренних побуждений, так чтобы они соответствовали разнообразию получаемых им экспериментальных данных, а предшествующее ему поколение психологов множило число инстинктов.

храняемая ими информация обеспечивает быструю адаптацию к условиям окружающей среды. Далее,

> «...чем больше мы узнаем о человеческой памяти, тем меньше наши знания о ней вписываются в стереотипное представление о простом хранилище. Вероятно, наша память мало чем напоминает склад, библиотеку или запоминающее устройство на магнитных сердечниках (core memory) — место, куда информация помещается и где она хранится до тех пор, пока не окажется востребованной; человеческая память скорее представляет собой сложную динамическую систему, которая может в любой момент времени предоставлять нам информацию об отдельных событиях или объектах, связанных с нашим предшествующим опытом. Фактически мы вообще не может говорить о том, что человеческая память в буквальном смысле хранит что-либо; она просто изменяется, являясь функцией опыта. Аналогия с хранилищем... может оказаться даже вредной при определении целей, на которых должны быть сконцентрированы усилия исследователей, или при размышлении о том, каким образом человеческая интеллектуальная функция в целом может быть усовершенствована» (p. 68).

Альтернативные направления. Согласно мнению Дженкинса (Jenkins, 1981), для того чтобы предсказать поведение субъекта, необходимо знать его цели, характер задачи и окружающей его обстановки и, что наиболее важно, операциональные или личностные характеристики («управляющие структуры»). Однако теоретики когнитивизма обычно используют схемы последовательности операций вместо того, чтобы пытаться определить операциональные характеристики субъекта, которые практически никогда ими не моделируются. Без учета этих операциональных характеристик, утверждает Дженкинс, число альтернативных возможностей выполнения конкретной задачи становится почти бесконечным, так что теоретические вопросы остаются без ответа. Когнитивные теории разума практически представляют собой модели конкретных способов выполнения субъектом тех или иных задач. При появлении новых данных или новых задач ментальную модель оказывается необходимым укомплектовывать «новыми воспоминаниями, новыми функциями и т. д., пока она не становится столь громоздкой, что от нее в конце концов приходится отказаться» (p. 216–217), и так продолжается бесконечно. «Мы попусту тратим время, пытаясь получить общую модель путем создания многочисленных мелкомасштабных моделей выполнения частных (и произвольно выбранных) лабораторных заданий» (p. 217).

Дженкинс приводит примеры экспериментов, пытаясь доказать, что предлагая испытуемым глупые или бессмысленные задачи, мы вынуждаем их вести себя соответственно. «...Если мы проводим глупые эксперименты, мы приходим к глупым теориям. Эти глупые теории кажутся нам верными, поскольку испытуемые могут вести себя настолько глупо, насколько мы того от них требуем» (p. 219). Он отмечает, что даже некоторые классические эксперименты являются иллюстрацией данного принципа. В исследованиях Торндайка кошки, помещенные в «проблемный ящик», действуют исключительно путем проб и ошибок, поскольку это единственная возможность, которую оставляют им условия эксперимента. В экспериментах Келера обезьяны решают проблемы «посредством инсайта», поскольку никакой другой возможности экспериментальная ситуация им не предоставляет. Аналогичным образом у Халла крысы усваивают подкрепляемые реакции, приводящие к ослаблению внутренних побуждений, а у Толмена они научаются посредством когнитивных карт, в силу ограничений, накладываемых в каждом случае на условия эксперимента. В подтверждение своей точки зрения Дженкинс ссылается на исследования, свидетельствующие о том, в сколь ограниченных пределах мы можем распространять результаты, полученные в ходе одного эксперимента, на другой. В лучшем случае мы можем делать обобщения, распространяемые лишь на незначительно отличающиеся от исходных классы событий.

Небольшой экскурс в историю указывает нам и на другие проблемы. Пытаясь прийти к пониманию основных принципов, лежащих в основе обучения и памяти, Эббингауз ввел метод заучивания бессмысленных слогов как наиболее элементарных единиц информации, которые он только мог представить. Эти бессмысленные слоги явились воплощением представлений английских эмпириков-ассоцианистов об атомах разума. Слоги устраняли контекст, а также операциональные характеристики и влияние предыдущего опыта, полученного в экспериментальной ситуации. Аналогично последователи Уотсона и методологического бихевиоризма полагали, что если им удастся досконально изучить условные реакции, они в конце концов смогут перейти к изучению наиболее сложных форм человеческого поведения. Однако психологи-системщики и инженерные психологи продемонстрировали, что для того чтобы достичь успеха в усовершенствовании сложных систем, необходимо сначала научиться управлять условием, ограничивающим наибольшую вариацию. Влияние на второстепенные источники не может дать эффекта, пока нам не удастся контролировать основные. Тем не менее господствующим операциональным принципом в психологии стала противоположная, идущая от английского эмпиризма к бихевиоризму и когнитивизму точка зрения, согласно которой мы должны сначала изучить простейшие, поддающиеся анализу элементы и постепенно переходить к более сложным формам поведения. В силу этого обстоятельства прогресс психологии оказался весьма скромным. Дженкинс настаивает на том, что мы должны отказаться от данного подхода, поскольку «для того чтобы изу-

чать сложные формы отношений, необходимо рассматривать такое количество элементов, которое достаточно для формирования данных типов отношений» (Jenkins, 1981, p. 225).

Осуществив широкомасштабную программу исследований, Дженкинс (Jenkins, 1974, 1981; Jenkins, Wald & Pittenger, 1978; Pittenger & Jenkins, 1979) продемонстрировал, что запоминание находится во взаимозависимости с контекстом, включающим ситуацию, в которой происходит запоминание, задачу, стоящую перед запоминающим лицом, его знания и навыки, а также его представления и убеждения. Источники представлений и убеждений индивидуума, как и свойственные ему способы структурирования опыта, также имеют большое значение. Кроме того, «мы не можем рассматривать память, не рассматривая инструкции экспериментатора, восприятие, понимание, операции логического вывода и решения задач, а также все другие процессы, участвующие в конструировании событий» (Jenkins, 1974, p. 794). *«Память — это не прямоугольник в блок-схеме последовательности операций»* (p. 794, курсив автора). Чтобы ответить на вопросы, касающиеся памяти, мы должны определить, какие виды ее анализа будут наиболее адекватными для конкретной цели исследования или способа понимания происходящего, а также какого рода события представляют для нас интерес.

Уоткинс (Watkins, 1990) утверждает, что поиск гипотетических медиаторов памяти непродуктивен. Под медиаторами понимаются либо хранилища, либо следы, оставляемые в мозге исходными событиями. Медиационизм (mediationism) порождает множество теорий, представляющих интерес почти исключительно для тех, кто их выдвигает, и редко отбрасываемых до тех пор, пока их авторы не сходят со сцены. Эти теории, считает Уоткинс, претендуют на уровень сложности, которым не могут адекватно оперировать экспериментальные методики исследований. Он рекомендует процедуру, использованную им в собственных исследованиях памяти, в соответствии с которой память рассматривается как функция (а) среды и «состояния души» («state of mind») запоминающего лица и (б) его личной истории. Данный подход, утверждает Уоткинс, ведет к постановке «прямых» («straightforward») исследовательских вопросов и получению результатов, обладающих свойством кумулятивности (accumulative). Такой подход будет принципиально отличаться от существующего положения дел, при котором существует множество теорий, в то время как результаты исследований никак не соотносятся между собой. Следуя предложенным Уоткинсом рекомендациям, некоторые исследователи памяти обратились к изучению естественных условий, в которых функционирует память (см. работу Найссера: Neisser, 1982, содержащую обзор этих исследований).

Семантические сети

Данная модель (Anderson, 1983; Collins & Loftus, 1975; Meyer & Schvaneveldt, 1971) основана на предположении, согласно которому знание состоит из ассоциаций. Эти ассоциации помещаются в узлах, связанных между собой с различной степенью силы. Слово «подушка» имеет более сильную связь со словом «кровать», чем со словом «дверь», тогда как слова «голова» и «простыня» имеют с первым связи средней силы. «Кровать», «подушка» и «простыня» могут являться частью сети взаимосвязей, в которой «подушка» занимает центральное положение, и в различной степени обладать активизирующей силой. Другим примером семантических ассоциаций могут служить «где здесь» (хороший ресторан) и «пляжное солнце»*. Информация о сходстве может усилить имеющуюся ассоциацию или способствовать возникновению новой. Так, если ребенок узнает, как звук «в» произносится в словах «здравый», «здорово», «поздравить» и что все они связаны со словом «здоровье», ему, возможно, будет легче образовать и новую связь: например, что слово «здравствуйте» пишется с «в» после «а», хотя эта буква и не читается.

Лицам с болезнью Альцгеймера, участвовавшим в Балтиморском лонгитюдном исследовании старения (Baltimore Longitudinal Study of Aging), было дано задание назвать как можно больше слов за 60 секунд — либо названий фруктов и овощей (закрытые категории), либо слов, начинающихся с букв Ф, А, или С (открытые категории). За $2^1/_2$ года до предположительного времени наступления болезни им удалось придумать меньше слов, относящихся к закрытым категориям (в особенности названий малоизвестных фруктов и овощей), чем здоровым испытуемым, однако по количеству слов, относящихся к открытым категориям, они не уступали здоровым. Мы можем предположить, что способность к формированию малораспространенных ассоциаций в семантических сетях подвержена изменению на ранних стадиях болезни, и данный показатель может быть использован с целью ранней диагностики заболевания (Weingartner et al., 1993). Шварц и его коллеги (Schwartz et al., 1996) предъявляли страдающим болезнью Альцгеймера (с деменцией в легкой и умеренной форме) последовательности отдельных слов на экране компьютера. Слова относились к объектам, которые испытуемые могли себе представить (а не к абстрактным категориям). В качестве контрольной группы выступали здоровые лица пожилого возраста и учащиеся колледжа. Перед появлением слов на экране экспериментатор устно называл категорию. Задачей испытуемых было определить, относится ли слово к данной категории или нет, и указать ответ нажатием правой или левой кнопки. Измерения времени реакции и электрической активности мозга (вызванных потенциалов) показали, что между результа-

* «where is» (a good restaurant) и «sand-beach-sun»; поскольку на английском языке оба элемента рифмуются, возможно, они являются строками из известного стихотворения или песни. — *Примеч. пер.*

тами испытуемых, страдающих болезнью Альцгеймера, по крайней мере, при легкой форме слабоумия, и здоровыми испытуемыми не наблюдалось существенных различий, и, следовательно, свидетельствовали об отсутствии явных нарушений в семантических сетях больных, обычно предполагавшихся ранее.

Продукционные системы

Данные системы основаны на правилах импликации («если — то»), как, например: «если плату за обучение опять поднимут, (то) я, наверное, не смогу записаться на следующий семестр...». Этот тип правил уже давно используется в логических системах и стал предметом интереса когнитивной психологии вследствие предположения, что долговременное хранилище памяти содержит большое количество правил «если — то», тогда как хранилище оперативной памяти содержит информацию, которая обрабатывается в настоящий момент. Оперативная память (а) получает информацию о том, что плата за обучение может быть повышена, (б) производит в долговременной памяти поиск соответствующего правила «если» и (с) формирует соответствующее заключение — «то», что записаться на данный курс, вероятно, окажется невозможным. В случаях, когда возможен более чем один вариант, оперативная память отбирает наилучший. Продукционные системы эффективны при анализе таких видов деятельности, как игры, — шахматы, любимый пример когнитивистов, — а также поиск неисправностей в механическом и электронном оборудовании. Данная модель применялась также при решении задач (Newell & Simon, 1972), а кроме того и по отношению к другим — как когнитивным, так и некогнитивным формам поведения; примером первого является научение, а второго — оперантное обусловливание у животных (Holland et al., 1986). Томпсон и Манн (Thompson & Mann, 1995) показали, что воспринимаемая испытуемыми степень необходимости условия зависит от того, представлено ли им высказывание в форме «А только тогда, если Б» или «если А, то Б». Восприятие формы высказывания, а не только логическое отношение, также является важной переменной. Авторы приходят к заключению, что представляется маловероятным, чтобы различные задачи на логические рассуждения опосредовались одним и тем же механизмом.

Психолингвистика

Важной вехой на пути развития данной области явились работы Хомского (Chomsky, 1957, 1965), лингвиста из Массачусетского Технологического Института (MIT). Хомский утверждал, что в каждом человеке генетически заложена универсальная форма грамматики. По мере взросления ребенка грамматическая форма разворачивается и модифицируется языковым сообществом, к которому он принадлежит. Этим объясняется определенное структурное сходство всех языков. Работы Хомского стимулировали многочисленные исследования в области языкового развития. Эти исследования показали, что конструкт врожденно порождаемой грамматики (innately generated grammar) не соответствует моделям речевой деятельности (performance models) (Smith, 1982); они также не выявили четкой последовательности в овладении грамматикой, как и каких-либо универсальных принципов иного рода (Schlesinger, 1984, цит. по Eysenck & Keane, 1990). В то же время они показали, что процесс языкового развития более сложнен, чем полагал Хомский, и в высшей степени индивидуализирован. Темпы развития и последовательность овладения грамматическими структурами варьируются от ребенка к ребенку. Развитие синтаксиса находится во взаимозависимости с контекстом, памятью и другими факторами (Lachman, Lachman & Butterfield, 1979). Полученные результаты согласуются с концепцией психолингвистики, предложенной Кантором (Kantor, 1928, 1977), утверждавшим, что живой язык не является набором статических структур, таких как слова или фонемы, которые конструирует лингвист, как не является он и передачей символов от одного разума другому. Язык — это интерактивный процесс, разворачивающийся между говорящим и слушающим, и включающий референты (вещи, обозначаемые словами), жесты, интонации, контекст, предыдущие высказывания и знание говорящего об уровне понимания слушающего. Все эти факторы непрерывно изменяются по мере того, как развивается дискурс, а говорящий и слушающий меняются ролями. Аналогичной точки зрения придерживается Гарфилд (Garfield, 1990a), считающий, что язык состоит не только из информации, содержащейся в высказываниях, но также и из того,

> «...что предполагается социальным контекстом и соответствующими конвенциями, определяющими рамки, в которых осуществляется дискурс и которые способствуют передаче информации и восприятию ее реципиентами... Он включает учитывание импликативной формы, предположительных мотивов, стереотипных интеракций, этикета и бесконечной паутины подобных внелингвистических обстоятельств, которые, тем не менее, определяют значимость лингвистических событий, подлежащих пониманию участниками дискурса» (p. 13).

Хотя в настоящее время теория Хомского не имеет большого веса в психологии, она послужила стимулом для широкомасштабных психолингвистических исследований.

Зейденберг (Seidenberg, 1997) полагает, что врожденные способности к овладению языком могут проявляться в форме «предпочтений или восприимчивости по отношению к определенного типа информации, содержащейся в средовых событиях, таких как речь (language)» (p. 1603), а не в изначально заложенном грамматическом знании. Как он считает, раз-

нообразные источники указывают на то, что организация мозга может ограничивать способы, посредством которых мы изучаем язык, но не определяет принципов овладения языком и его использования.

Искусственный интеллект

Корни данного подхода отчасти восходят к работам Тьюринга (Turing, 1950), английского математика, предложившего тест для определения того, обладает ли компьютер человеческим интеллектом. Интервьюер с заранее заготовленным списком вопросов предлагает их компьютеру и человеку, которых он не видит. Человек, как и компьютер, выводит свои ответы на экран и старается отвечать добросовестно, пытаясь убедить интервьюера, что он является человеческим существом. Компьютер отвечает на основе программы, спроектированной так, чтобы ответы по своей форме напоминали ответы, типичные для людей. Если интервьюер не сможет регулярно и правильно отличать ответы человека от компьютера в серии тестов, это означает, что компьютер прошел «тест Тьюринга» и считается обладающим человеческим интеллектом. Критики могут возразить на это, что успешное прохождение теста будет свидетельствовать лишь о возможности имитации машиной человеческого интеллекта, но не о тождественности с ним. Сторонники же искусственного интеллекта утверждают, что оба в этом случае фактически идентичны: машинный интеллект (по своему характеру) является человеческим интеллектом, а человеческий — машинным. Философ Сёрль (Searle, 1990, 1992) утверждает, что как люди, так и машины манипулируют символами, но что лишь люди придают символам значения. Он полагает, что биологический мозг производит психологические события и использует ряд аналогий для демонстрации того, что события мозга отличаются от компьютерных событий. Например, «вы не можете завести машину с помощью компьютерной имитации процесса окисления бензина... Представляется очевидным, что аналогичным образом имитация когнитивной способности (cognition) не сможет произвести те же эффекты, что и нейробиологический субстрат когнитивной способности» (1990, p. 29).

В наиболее ранних эмпирических исследованиях, посвященных данному вопросу, проведенных Ньюэллом и Саймоном (Newell & Simon, 1961), испытуемых просили думать вслух, решая задачи по символической логике. На основании этих исследований авторы разработали машинные программы, повторяющие аналогичные процедуры. Поскольку один объект сравнения мог имитировать деятельность другого, они пришли к заключению, что деятельностью как компьютеров, так и людей управляют одни и те же принципы. Вслед за этим удалось смоделировать выполнение других интеллектуальных задач, таких как формирование понятий (Gregg & Simon, 1967) и вербальное научение (Feigenbaum, 1970). Машинные программы требовали, однако, специального программирования для каждой отдельной задачи и не могли использовать единые базовые принципы для решения разнообразных задач, как это свойственно людям. Чтобы устранить этот недостаток, Саймон и Ньюэлл (Simon & Newell, 1964, 1971) разработали программу Общего Решателя Задач (ОРЗ), позволяющего выводить логические доказательства, решать криптографические задачи и играть в шахматы. По аналогии с особенностями человеческой интеллектуальной деятельности данная программа не была ориентирована на решение специфического рода задач, а могла использоваться для решения самых разнообразных задач. При игре в шахматы программа работала на основе дерева решений, в котором оценивались альтернативные варианты ходов и последствия каждого из них. Каждое решение или подцель вели к новому процессу решения.

Саймон и Ньюэлл, в отличие от ряда других сторонников теории искусственного интеллекта (ИИ), не считают, что люди подобны компьютерам, а скорее, что компьютеры могут быть запрограммированы таким образом, чтобы функционировать подобно людям. Они используют блок-схемы последовательности операций для графического представления гипотетических психических структур. Степень соответствия между функционированием машинной программы и человека показывает, в какой степени реализован искусственный интеллект. Согласно точке зрения Вейценбаума (Weizenbaum, 1976), специалиста по компьютерам из Массачусетского Технологического Института (MIT), Общий Решатель Задач — это язык программирования, который может быть использован для написания программ, направленных на выполнение специфических задач, а не общая теория. Если его и можно назвать интеллектом, то этот интеллект совершенно отличен от человеческого, принимающего во внимание контекст. Другой специалист по компьютерам, Курцвайл (Kurzweil, 1985), отрицает, что искусственный интеллект, созданный Саймоном и Ньюэллом, моделирует человеческий интеллект. То, что машинные программы действуют на основе алгоритма, еще не означает, что тот же самый алгоритм используется мозгом, а только то, что он *может* быть тем же самым. Мы должны, считает он, продолжать развивать машинный интеллект для отведенных ему собственных задач. Когда компьютеры смогут обрабатывать информацию параллельно, а не последовательно, это достижение приблизит нас к сложным системам, подобным функциям мозга.

Кэмпбелл (Campbell, 1989), автор научно-популярных книг, замечает, что системам ИИ (искусственного интеллекта) для эффективной работы недостаточно опоры на одни только продукционные правила, особенно при распознавании образов. Очевидно, пишет он, что люди не действуют на основе правил, как это делают компьютеры, даже в тех случаях, когда они пытаются использовать логические рассуждения. Вместо этого они, по-видимому, используют накопленные ими знания и опыт для на-

хождения удовлетворяющего их решения. Он считает коннекционизм более эффективным подходом, чем искусственный интеллект.

Проведя обзор литературы по ИИ, Дрейфус и Дрейфус (Dreyfus & Dreyfus, 1986) приходят к заключению, что ИИ не оправдал возложенных на него ожиданий, и нет никаких свидетельств в пользу того, что это когда-либо может произойти. Сегодня лишь немногие сторонники теории ИИ утверждают, что машинные программы моделируют человеческое мышление. Они просто пытаются писать программы, способные выполнять интеллектуальные задачи, стоящие перед людьми, такие как перевод с одного языка на другой или игра в шахматы. Однако даже такие машинные программы перевода текстов, как «Systran», используемый Европейской комиссией, могут предложить лишь приблизительный вариант перевода, так что заинтересованной стороне предоставляется право решать, не попробовать ли добиться более точного результата, прибегнув к помощи специалистов (Browning, 1996).

Когнитивная нейронаука

Одним из первых технических методов, используемых для изучения тончайших биологических компонентов психологических реакций, была электромиография (ЭМГ). Данный метод позволяет измерять электрический потенциал, генерируемый в мышцах, — показатель, используемый для определения уровня активации мышцы или мышечной группы, когда испытуемый представляет себе виды деятельности, в которых задействуются данные мышцы. Так, например, электрический потенциал генерировался мышцами руки, когда человек представлял себе поднятие веса, мышцами языка — при внутренней речи, глазными мышцами — при зрительном представлении и мышцами предплечий — при представлениях у глухонемых (Jacobson, 1932; Max, 1937). Когда испытуемые находились в состоянии полной релаксации и электрические потенциалы в мышцах не генерировались, испытуемым было трудно представить себе что-либо (Jacobson, 1930, 1932). Шоу (Shaw, 1938) не смог получить данные о локализации этих потенциалов, однако он сообщает об повышенных потенциалах действия во всех мышечных группах в процессе воображения. Некоторые исследователи на основе данных результатов предположили, что такие слабо проявляющиеся на внешнем уровне действия, как воображение, также представляют собой *поведение* в форме едва различимых мышечных движений, а не нечто, считающееся чисто психическим. Данную точку зрения отражает, например, высказывание: «Поскольку мышцы рук являются центральными для механизма речи у глухих, полученные нами результаты подтверждают бихевиористскую формулировку моторной теории сознания» (Max, p. 337). Шоу (Shaw, 1938) считает мышечные движения в процессе воображения остаточными следами исходной реакции: «Во время оживления остаточной реакции мы можем ожидать проявления любого рода мышечной активности, сопровождающей исходную реакцию» (p. 215). Когнитивисты же, напротив, считают, что эксперименты с использованием ЭМГ свидетельствуют о функционировании разума. Касиоппо и Петти (Cacioppo & Petty, 1981) с помощью ЭМГ пытались показать, как мышечные движения сопровождают умственную обработку информации и дополняют вербальные и другие поведенческие измерения разума. Вдобавок к допущению дуализма «разум—тело» или «мозг—тело» они рассматривают скелетно-мышечные реакции «как вход в нервно-мышечные пути, связывающий мозг с внешним окружением» (p. 454).

Касиоппо и Петти (Cacioppo & Petty, 1981) провели серию экспериментов с целью продемонстрировать данный характер отношений. В одном из них задачей испытуемых было определить, напечатано ли слово только заглавными буквами или описывает ли прилагательное их самих (self-descriptive). Для выполнения второй задачи испытуемые должны были сравнить значение слова с образом себя, тогда как для выполнения первой им нужно было только обратить внимание на внешний вид букв. После исчезновения стимулов они должны были нажать кнопку, соответствующую ответу «да» или «нет». Ожидалось, что задача на самоописание потребует большего количества внутренних речевых ассоциаций, чем задача на распознавание, что должно выражаться в большей ЭМГ-активности мышц, используемых при обработке речевых сигналов. Аналогичным образом суждение о несоответствии между прилагательным и образом себя должно также вызывать большую скрытую лингвистическую активность, чем суждение о соответствии. Электроды помещались около губ — над мышцами, использующимися при формировании губных звуков, и на не ведущей (nonpreferred) руке. Результаты подтвердили ожидания: речевые мышцы показывали большую ЭМГ-активность, чем мышцы руки. Во втором эксперименте испытуемые должны были обращать внимание на те или иные характеристики речевых стимулов, как, например, рифмуется ли последующее слово с предыдущим или является близким с ним по значению. Характер мышечных реакций соответствовал полученному в первом эксперименте. В случаях, когда имела место внутренняя обработка речевых сигналов, активизировались только мышцы губ, но не мышцы руки. Дополнительные эксперименты также показали, что речевые мышцы губ, подбородка и гортани участвовали в «активной обработке», а не бездействовали в тех случаях, когда испытуемые слышали рассуждения, с которыми они могли либо соглашаться, либо не соглашаться.

Результаты этих экспериментов, конечно, не позволяют различить бихевиористскую и когнитивистскую трактовку данных ЭМГ. Бихевиорист мог бы точно так же заменить бихевиористскую терминологию компьютерной, как когнитивисты заменили поведенческие термины терминами, взятыми из области компьютерной обработки информации.

Цель когнитивной науки — установить, каким образом нейрофизиологические механизмы производят когнитивные события или каким образом психологическое событие выступает в качестве функции нейрофизиологических механизмов, то есть установить их взаимно однозначное соответствие (Sarter, Berntson & Cacioppo, 1996). Устройства для визуального исследования мозга значительно облегчили изучение связи функций мозга с такими формами поведения, как мышление или воображение. Эти методы включают магнитно-резонансную томографию, позитронную эмиссионную томографию, компьютерную томографию и магнитоэнцефалографию (Beardsley, 1997; Posner & Raichle, 1994; Raichle, 1994). Наиболее совершенным методом является позитронная эмиссионная томография. Позитронная эмиссионная и магнитно-резонансная томография измеряют не нейронную активность, а кровоток. Электроэнцефалография (ЭЭГ) также продолжает оставаться ценным методом исследования, в особенности для записи потенциалов с поверхности мозга. В качестве дополнительных мер используются показатели кровотока и кровенаполнения, обмена веществ, баланса кислот и оснований, химических реагентов рецепторов и медиаторного обмена (transmitter metabolism). Исследования, включающие удаление участков мозга у животных и наблюдения за людьми с повреждениями мозга, также оказываются полезными, как и эксперименты по стимуляции мозговых клеток. Эти методы часто используются в сочетании с методами визуализации (Gabrieli, 1998).

Методы когнитивной нейронауки предполагают манипулирование когнитивными событиями и изучение соответствующих нейронных событий (neural events) либо манипулирование нейронными событиями и изучение их влияния на когнитивные события. Методики позитронной эмиссионной и магнитно-резонансной томографии показывают функциональную анатомию, а записи электрической активности регистрируют последовательность нейронных событий. Используя сочетание этих методов, можно получить информацию (а) об активности различных областей мозга и последовательности их активизации в процессе речи, решения задач, воображения и т. д. или (б) о характеристиках активности мозга при поведенческих отклонениях (Andreasen, 1997). Вот пример результатов, иллюстрирующих последний вариант: исследования с помощью позитронной эмиссионной и магнитно-резонансной томографии свидетельствуют о снижении активности подколенной области префронтальной коры (subgenual prefrontal cortex) у некоторых лиц, страдающих биполярными расстройствами; последствия такого снижения пока неизвестны (Drevits et al., 1997).

Если с помощью методов визуализации регистрируется активность в определенной зоне, скажем, когда человек радуется, это еще не является свидетельством того, что чувство радости локализовано в данной зоне, поскольку при этом могут также быть задействованы другие «уровни анализа», как отмечают Сартер, Бернтсон и Купер (Sarter, Berntson & Cooper, 1996). (Под «уровнями анализа» авторы, очевидно, понимают различные уровни неврологической организации, а не организованный характер отношений между организмом и условиями среды, вместе с индивидуальной историей таких отношений, как это свойственно некоторым другим психологическим системам, например, диалектической, интербихевиоральной и феноменологической.) Авторы отмечают, что на основании исследований мозга методами визуализации мы можем говорить лишь о том, что активность данной зоны является *необходимым* условием. Она была бы *достаточным* условием, если бы электрическая или химическая стимуляция производила когнитивное событие. Иными словами, если бы стимуляция участка головного мозга вызывала речь или решение задачи, можно было бы заключить, что речь или решение задач локализовано в данном участке, и взаимно однозначное соответствие было бы установлено. Авторы полагают, что мы уже близки к получению таких данных в отношении мозговой активности при слежении за стимулами.

В серии экспериментов, в которых исследователи предъявляли испытуемым слова различными способами или испытуемые сами образовывали слова по заданной схеме, полученные томограммы мозга показали, что употребление глаголов связано с двумя нейронными путями: один из них образован областями, называемыми передним пояском (anterior cingulate) левой лобной и левой височной коры, вместе с левой половиной мозжечка, а другой — билатеральной корой островка (bilateral Sylvan-insular cortex) и медиальной экстрастриарной корой левого полушария (the left medial extrastriate cortex). В дальнейших исследованиях была выявлена роль дорсальной области задней коры левого полушария при восприятии слов на слух и ее более вентральной области — при зрительном восприятии слов. Рейчл (Raichle, 1994) в своем обзоре этих исследований говорит об «обработке» слов данными участками мозга, однако обработка — это, безусловно, конструкт. Наблюдаемое же событие состоит в повышенном кровотоке как одном из биологических компонентов реакции на слова, воспринимаемые как стимулы. Сама по себе динамика кровотока не доказывает, что данные области мозга хранят, продуцируют или вспоминают слова, а только свидетельствует о том, что они участвуют в этих процессах — как необходимые, но, вероятно, недостаточные условия.

В экспериментах, посвященных изучению памяти, исследования префронтальной коры методом магнитно-резонансной томографии показали, что когда испытуемые запоминают лицо, наиболее активен средний отдел (middle section) (Courtney et al., 1997). Когда испытуемые пытаются запомнить последовательность букв, активная зона частично перекрывает область, обнаруженную Кортни и его коллегами

(Cohen et al., 1997). Авторы полагают, что обнаружили области, соответствующие хранилищам оперативной памяти, и обсуждают разнообразные вопросы, например, позволяют ли полученные ими результаты говорить об исполнительной функции. Обзор исследований памяти с применением методов визуализации показывает, что знания любого типа требуют участия нескольких долей головного мозга (Gabrieli, 1998).

В исследованиях «слепого зрения» и аналогичных им (Milner, 1971; Weiskrantz et al., 1974; Weiskrantz, 1986) даже при разрушении затылочной коры исследуемые лица правильно указывали на предметы, но сообщали, что не могут видеть их. Аналогично при перерезании мозолистого тела такие пациенты могли правильно подбирать в пару предметы, расположенные на «слепой» стороне, или указывать на них, но сообщали, что они не видят эти предметы. (Однако данный эффект проявлялся очень слабо, и некоторые реакции испытуемых указывают на то, что им почти удавалось распознать нечто в «слепой» зоне.) Слепое зрение получило название «расщепленного сознания» («divided consciousness») и иногда описывалось как перцептивная обработка без осознавания. Аналогичной является ситуация со слепым пятном, присутствующим у всех людей. Данная область сетчатки занята оптическим нервом, а потому фоторецепторы в ней отсутствуют. Принято говорить, что мозг «заполняет» тот участок нашего поля зрения, на который приходится слепое пятно, так что мы никогда не замечаем его присутствия. Деннетт (Dennett, 1991) утверждает, что мозг скорее игнорирует наличие пробела, чем заполняет его. Он также полагает, что мозг пренебрегает скачкообразными движениями наших глаз, называемыми «саккадами». Однако если предположить, что мозг скорее накладывает ограничения или обеспечивает возможности, а не выступает в качестве причинного агента, мы можем прийти к совершенно другим выводам. Мы можем заключить, что мы не видим пустого участка в поле зрения или скачкообразного образа мира, соответствующего движению глаз, только потому, что не располагаем для этого соответствующим биологическим оснащением (Smith, 1997).

Когнитивной нейронауке приходится иметь дело с физическими дефектами мозга, в некоторых случаях — в тяжелой форме, которые не приводят, однако, к когнитивной дефицитарности. Английский невролог Джон Лорбер (Berker et al., 1992; Lewin, 1980; Priestly & Lorber, 1981) сообщает, что сканирование мозга пациентов, страдающих гидроцефалией, свидетельствует о том, что в половине даже крайне тяжелых случаев, когда 95% черепа заполнено спинномозговой жидкостью, у больных не было обнаружено нарушений интеллектуальной деятельности. Известен случай, когда студент, у которого практически не было мозга, имел IQ = 126, сдавал экзамены по математике на «пять с плюсом» и не проявлял никаких социальных отклонений. Томпсон (Thompson, 1959) обнаружил, что даже после удаления 99% коры головного мозга у крыс они сохраняли в памяти заученные ими в ходе предыдущих экспериментов реакции на расположение пищи в Т-образном лабиринте — даже при использовании отсроченного подкрепления. Более того, они могли запомнить новые положения пищи столь же успешно, как и контрольная группа животных, не имеющих кортикальных повреждений. Как можно объяснить данные случаи с точки зрения таких конструктов, как обрабатывающий информацию мозг или локализация функций? Приведенные примеры подрывают фундаментальные основы когнитивной нейронауки: поскольку данная система полагает, что мозг содержит и продуцирует психологические события, ее достоверность может быть поставлена под угрозу, если она будет игнорировать подобные факты.

Новые тенденции

Некоторые направления развития теории памяти и исследования в этой области уже были рассмотрены нами выше в разделе «Исследования памяти». Здесь мы рассмотрим ряд других направлений.

Найссер (Neisser, 1967) был не только одним из основателей систематической когнитивной психологии, он также являлся одним из первых представителей этой системы, сменивших, по крайней мере отчасти, свою научную ориентацию (1976). Его работы предвосхитили ряд более поздних тенденций. Отказавшись от представления о том, что «познающий субъект представляет собой закрытую систему, а не часть мира» (Bem & Keijer, 1996, p. 465), Найссер (1976, 1982, 1985) придает равное значение (а) информации, которую предоставляет мир (вслед за Гибсоном, глава 13, с. 328), и (б) «схемам» («schema») или «схематическим конструкциям» («schemata») организма, получающим информацию. Схемы (schema) представляют собой организации предыдущих реакций способами, позволяющими адекватно реагировать на новые ситуации (Bartlett, 1932). Схемы оказывают влияние на каждую такую ситуацию, а также испытывают влияние с их стороны. Найссер полагает, что схемы являются частью нервной системы, включая рецепторы, афферентные и эфферентные волокна, а также, вероятно, многие другие структуры и процессы, служащие для отбора строго определенных порций информации. Направляя свое основное внимание на процесс восприятия, он спрашивает: «Каким образом, если организмы конструируют восприятие мира, их восприятия оказываются столь точными?» А если информация из внешнего мира просто «улавливается» (picked up) ими, почему восприятия оказываются ошибочными? Найссер настаивает на том, что мы видим объекты, а не их репрезентации: в наших головах нет никаких существ, наблюдающих картины, образующиеся в мозге. В то же время мир предоставляет нам информацию, которую мы используем.

«Конструируя антиципирующие схемы (anticipatory schema), воспринимающий осуществляет акт, включающий информацию из внешней среды, а также свои собственные когнитивные механизмы. Он изменяется под влиянием информации, которую он улавливает». Это изменяет «перцептивные схемы таким образом, что следующий акт носит уже другой характер» (1976, p. 57).

Заимствуя некоторые положения экологической психологии и других энвайронментально ориентированных направлений, ряд представителей когнитивизма используют этот более широкий подход в таких областях, как старение и познание, психобиология, социальное познание, личность, половые различия в овладении различными когнитивными навыками, и в других областях (Schlechter & Toglia, 1985).

Бем и Кейзер (Bem & Keijer, 1996) считают, что когнитивизм изменяет свою концепцию разума с «бестелесной рациональной сущности, погруженной в свои собственные мысли» (p. 450), на адаптированную к окружающей среде. Разум — не агент, являющийся причиной самого себя, «а способ конструирования значений в мире» (p. 450). Бем и Кейзер видят в телеологических или функциональных конструктах новое направление. Функция, утверждают они, это нечто большее, чем внутренняя структура или мозговая структура. Это адаптивность организма к своему окружению. Согласно данному сценарию, разум становится группой функций, связанных с целями индивида, использующего эти функции. Формы деятельности, которые когнитивизм до сих пор игнорировал, а не сущности, начинают играть центральную роль. Иными словами, представления, желания и воспоминания уступают место деятельности представляющего, желающего или вспоминающего субъекта. Далее эти функции реализуются не в отдельных частях тела, но части тела лишь обеспечивают условия, позволяющие выполнять данные функции. Разум также обеспечивает интерпретации объектов, наделяя их значениями. Бем и Кейзер цитируют специальный выпуск журнала «Когнитивная наука» (Cognitive Science, 1993), озаглавленный «Ситуационное действие» («Situated Action»), рассматривая его как важное свидетельство смены направления когнитивизма. Они отмечают, что данная тенденция исходит преимущественно не от традиционного когнитивизма, а от «социально и культурно ориентированных психологов» (p. 464), а также от социального конструкционизма, робототехники и нейроэтологии. Мы можем указать на то, что данные тенденции находят свои параллели в диалектической психологии (см. главу 9), интербихевиоральной психологии (см. главу 10), феноменологической психологии (см. главу 12), а также ряде других психологических систем (см. главу 13).

Говоря о взятой из реальной жизни задаче, когда учителя разрабатывают методику преподавания алгебры, исследователь (Hall, 1996) относит данную задачу к «ситуационной когнитивной деятельности» («situated cognition»). Он утверждает, что в таких реалистических ситуациях репрезентации представляют собой совместно осуществляемую деятельность (shared activities), а не ментальные структуры. Это скорее общий процесс, в котором активно занят ряд людей, чем нечто, принадлежащее этим людям самим по себе. Такие процессы ситуационного взаимодействия не становятся предметом когнитивных исследований, однако, утверждает автор, они играют принципиальную роль в эффективном обучении.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

Ни один когнитивный психолог не дает эксплицитных точных указаний на то, какая система исходных положений (система постулатов) им используется. Те указания, которыми авторы работ по когнитивной психологии снабжают своих читателей, представляют собой лишь общие тезисы, касающиеся обработки информации, ментальных (внутренних) структур и других конструктов, а также положения, касающиеся роли биологии. Таким образом, мы можем вывести исходные постулаты когнитивизма лишь на основании этих тезисов. Поскольку невозможно выделить единственного лидера или идеолога данной системы, целый ряд персоналий может быть выбран в качестве ее характерных представителей. Нами были выбраны формулировки Герберта Саймона в силу той основополагающей роли, которую они сыграли для развития когнитивизма в психологии:

• *Протопостулаты* (общие руководящие допущения, касающиеся науки в целом)

1. Наука включает в себя как наблюдение событий, так и использование культурных конструктов, таких как душа (mind) и тело.

2. Знание есть результат интерпретации наблюдаемых событий в терминах данных конструктов.

• *Метапостулаты* (поддерживающие допущения для конкретной науки)

1. Психология базируется на биологии.

• *Следствие:* Психология не является самостоятельной наукой, а зависит от биологии.

2. Биология предполагает дуалистическую роль биологических функций и психологических функций.

3. Психологические события обусловлены функционированием отдельных биологических тканей и не требуют участия всего организма.

• *Постулаты* (допущения, относящиеся к предмету изучения)

1. Человек представляет собой отчасти — тело и отчасти — душу (mind); при этом душа (mind) отлична от поведения.

2. Конструкт экзистенциональной души охватывает мнемические (storage) и трансформационные свойства.

3. Опыт есть результат деятельности души (mind) конкретного человека.

• *Следствие:* Душа (mind) есть причина самой себя (self-causative).

4. Душа (mind) устроена таким образом, чтобы преобразовывать информацию.

• *Следствие:* Люди живут в дуальном мире — внешнем, физическом мире, и внутреннем мире, отражающем внешний мир в том виде, как он трансформируется и воссоздается душой (mind).

5. Причинность линейна: входные сигналы обрабатываются в последовательности операций кодирования, сохранения и реконструкции.

6. Когнитивная (познавательная) деятельность человека в достаточной степени аналогична компьютерной обработке информации, чтобы ее можно было эффективно изучать, пользуясь компьютерными аналогиями.

7. Роль среды в процессе познавательной деятельности сводится к обеспечению сенсорных входных сигналов, на основе которых мозг создает свой собственный мир.

8. Психология придает первостепенное значение конструктам; события (факты) рассматриваются лишь в качестве индикаторов соответствующих конструктов.

ПСИХОТЕРАПИЯ

Когнитивная терапия пытается работать с теми способами, посредством которых люди структурируют свои жизненные ситуации и пытаются справляться со своим восприятием этих ситуаций. Ее основное внимание обращено к тому, как люди могут улучшить свое восприятие, и совладание путем выполнения различных когнитивных упражнений. Наибольшие споры вызывает положение когнитивной терапии, что в любых формах психопатологии присутствуют когнитивные искажения, хотя конкретный характер этих искажений различается от случая к случаю (Haaga & Davidson, 1991).

Одним из пионеров когнитивной терапии был Бек (Beck, 1963, 1964, 1967), который наблюдал у депрессивных клиентов не отражение в их сновидениях гнева, обращенного внутрь, как это должно было бы иметь место согласно теории психоанализа, а сновидения, в которых больные выступали в качестве жертв. Он предложил теорию депрессии, базирующуюся на негативных мыслительных процессах, и разработал метод терапии, позволявший клиентам работать со своим негативизмом на когнитивном уровне. Бек дает своим клиентам упражнения, помогающие им идентифицировать и заместить ощущение ничтожности, уныния, непосильного бремени, безнадежности и другие отрицательные переживания. Клиентам предлагается отслеживать и записывать свои автоматические негативные мысли, устанавливать взаимосвязи между мыслями и чувствами и замещать негативные мысли более объективными и позитивными.

При тяжелой форме депрессии отправной точкой работы может стать составление расписания, включающее простые повседневные виды активности, выполнение которых легко отслеживается, такие как, например, утренний подъем или чистка зубов. Постепенно к этому списку добавляются простые, но конкретно сформулированные задания, с которыми соглашается клиент. Они могут касаться и образа мышления. По мере увеличения количества видов активности вводятся все новые когнитивные процедуры, такие как запись негативных мыслей и чувств и нахождение им альтернатив. На дальнейшей стадии лечения клиента могут попросить проанализировать представления, лежащие в основе его негативизма, и сравнить их с фактическим положением вещей или рациональными рассуждениями.

Аналогичные процедуры Бек (Beck, 1989) использовал и в супружеском консультировании. Он перечисляет девять стадий процесса консультирования; некоторые из них перекрываются (могут проходить параллельно).

(1) Идентифицировать негативные эмоциональные реакции, определить ситуации, вызывающие их, и подойти к признанию того, что автоматические мысли связывают эмоции с ситуациями.

(2) Представить себе сцену, в которой данные реакции имеют место, идентифицировать автоматические мысли и записать их.

(3) Практиковать идентификацию автоматических мыслей, например, таких, как: «Ему на меня наплевать», «Я ничего не могу сделать по-человечески» или «Она постоянно предъявляет ко мне претензии».

(4) Воскресить в своем воображении неприятное событие и идентифицировать свою автоматическую мысль.

(5) Спросить себя, насколько оправданной является данная мысль, есть ли подтверждающие ее фактические свидетельства, существуют ли факты, свидетельствующие об обратном, и возможны ли альтернативные объяснения произошедшего.

(6) Поискать рациональное объяснение имевшего место поведения, которым можно заменить автоматическое объяснение. Так, например, «Ему на меня наплевать» может превратиться в «Он не обращает на меня особого внимания, когда ему нужно расслабиться, но в другое время он проявляет обо мне заботу».

(7) Проверить данное объяснение. Например, муж считает, что жена к нему безразлична, потому что она его больше не любит. На рациональном уровне он может спросить себя (стадия 6), а не вызвана ли ее реакция тем, что я недостаточно внимателен к ней; возможно, она не видит проявления достаточного интереса к ней с моей стороны. Он может проверить это предположение, поинтересовавшись у жены, что ее волнует, и предложив ей свое участие.

(8) Реструктурировать ситуацию (reframe): реинтерпретировать как положительную характеристику то, что воспринималось в негативном свете. Например, то, что жена воспринимала как критику со стороны мужа, может быть реинтерпретировано как конструктивные предложения.

(9) Пытаться классифицировать (label) свои искажения на поляризацию (все или ничего), неоправданные обобщения (выводы на основании лишь отдельных наблюдений), туннельное видение (выхватывание отдельных деталей из многопланового события), персонализацию (тенденция считать себя причиной негативного поведения, в то время как за него ответственны другие факторы), навешивание негативных ярлыков (приписывание негативных характеристик *человеку*, а не совершенному им *действию*). Такая классификация помогает человеку опознать свои неверные интерпретации и преувеличения, касающиеся поведения супруга.

Само собой разумеется, что для достижения положительного эффекта прохождение всех этих стадий требует выполнения тщательно разработанных упражнений и многодневной практики.

Акцент на межличностном процессе развития терапевта и клиента относится к числу многих адаптаций и вариаций, которые были разработаны в рамках когнитивной терапии (Safran & Segal, 1990). Суть данной терапии заключается не в интерпретациях — авторы отвергают интерпретации, — а в модификации когнитивных схем, тесно связанных с эмоциями. Терапевт использует собственные чувства в процессе исследования гипотез относительно паттернов межличностного общения клиента. Клиенту предлагается выступить в качестве активного партнера терапевта в исследовании мыслей и чувств, чтобы отбросить те из них, которые не имеют под собой основания.

Практики когнитивной терапии распространили ее на широкий спектр проблем, лишь небольшая часть которых, взятая из составленного Даттилио и Фрименом (Dattilio & Freeman, 1992a) компендиума, приводится ниже в целях иллюстрации: генерализованная тревога, тревога деятельности (performance anxiety), социофобия, посттравматическое стрессовое расстройство, острое тревожное состояние, стресс, дистимия (психическая депрессия), суицидальные тенденции, сексуальное насилие над детьми, булимия, ожирение, кокаиновая аддикция, шизофрения, пограничная личность, гомосексуализм, постинсультная депрессия, множественная личность и хронические боли.

Даттилио и Фримен (Dattilio & Freeman, 1992b) перечисляют также (а) двенадцать стратегий когнитивной терапии, (б) семь поведенческих техник и (с) домашние задания, используемые в когнитивной терапии. Некоторые из этих когнитивных методик кратко описаны ниже:

• *Нисходящий путь* (Downward arrow). Терапевт отвечает на заявления клиента вопросом: «Если так, то что это означает?» для того, чтобы стимулировать мысли и систему представлений/убеждений клиента, что способствует выявлению допущений, лежащих в основе его реакций. Это помогает клиенту осознать, каким образом одни мысли вызывают другие и какая логика (либо отсутствие таковой) их связывает.

• *Маркирование искажений* (Labeling of distortions). Данный прием помогает клиенту идентифицировать свои мысли и увидеть общие паттерны этих мыслей.

• *Запрос доказательств* (Questioning the evidence). Эта методика помогает клиенту научиться определять обоснованность своих представлений/убеждений, так что в конце концов такая проверка становится для него автоматической процедурой.

• *Изучение вариантов и альтернатив* (Examining options and alternatives). Клиент рассматривает все возможные варианты и альтернативы; это помогает ему убедиться в том, что он не находится в безвыходном положении и у него есть возможности действовать, а также генерировать новые варианты.

• *Реатрибуция* (Reattribution). Клиент осознает, что не должен винить самого себя во всех своих проблемах, ведь причиной могут быть другие люди и обстоятельства.

• *Когнитивная репетиция* (Cognitive rehearsal). В своем воображении клиент демонстрирует уверенное поведение, знакомится с людьми и т. д.

Другие методики включают: идиосинкразическое значение (idiosyncratic meaning), декатастрофизацию (decatastrofizing), анализ положительных и отрицательных сторон, парадокс или преувеличение, обращение недостатков в достоинства и замещение образов.

Поведенческие методики отличаются от когнитивных тем, что они имеют дело с явными, а не со скрытыми реакциями, и включают тренинг ассертивности, поведенческую репетицию (фактическую отработку поведения, а не представление его в воображении, как при когнитивном репетировании), градуированные задания, библиотерапию (чтение как поддерживающую меру), релаксацию и медитацию, тренинг социальных навыков, упражнения на подавление чувства стыда (shame-attacking exercises). Домашние задания обеспечивают возможность дополнительной практики, выходящей за рамки того, что происходит на терапевтических сеансах, и предполагают сотрудничество клиента с терапевтом.

Домашние задания могут отличаться значительным разнообразием (и использоваться также в других видах терапии). Иногда при практике когнитивного реструктурирования используются письменные формы. В одном из примеров такой формы (Sank & Shaffer, 1984) в верхней ее части, озаглавленной «Домашнее задание по когнитивному реструктурированию», значится рубрика «Активизирующее событие», под которой находится пустая строка. Под ней располагаются строки с рубриками «Иррациональные представления» (автоматические мысли), «Обсуждение» (возражения) и «Рациональные представления» (ответы). Далее помещены рубрики «Последствия» (эмоциональный, физический дискомфорт) и «Эффекты/Результаты» (аффективные, поведенческие, когнитивные). Существует также «Расширенный лист к домашнему заданию по когнитивному реструктурированию», в котором к указанным выше пунктам добавляются рубрики «Последствия иррациональных представлений» и «Эффекты рациональных представлений».

Известный автору психиатр использует для работы с клиентами, склонными водить машину в нетрезвом состоянии, задание, обязывающее их ежедневно отыскивать в газетах сообщения о задержании употребляющих алкоголь водителей и дорожно-транспортных происшествиях, вызванных употреблением алкоголя. Клиенты должны приносить вырезки на сеансы терапии и обсуждать их содержание. Это задание помогает помнить о проблеме «алкоголь и вождение» в промежутках между сеансами, что удерживает их от вождения автомобиля в нетрезвом виде.

В когнитивной терапии, в отличие от классического когнитивизма, учитываются ситуационные факторы. Фактически в большинстве разновидностей когнитивной терапии ее специфические процедуры сочетаются с поведенческой терапией. Начало этому объединению было положено уже в пионерских работах Бека, и в настоящий момент существует обширная литература по когнитивно-поведенческой терапии. Авторы текстов сборника, изданного под редакцией Драйдена и Голдена (Dryden & Golden, 1987), описывают различные разновидности данного гибрида, включая рационально-эмотивную терапию (см. главу 4), рациональную поведенческую терапию, когнитивно-поведенческую гипнотерапию, мультимодальную терапию и когнитивную модификацию поведения. Некоторые из этих комплексных форм возникли по инициативе не когнитивной терапии, а других направлений, так как представители поведенческой терапии начали включать в свою практику когнитивные методы. Также развивается сотрудничество между когнитивным бихевиоризмом и общественной психологией (см. главу 13, с. 325) (Kirchenbaum & Ordman, 1984); в большинстве случаев это сотрудничество направлено на психотерапевтическое вмешательство.

СОПОСТАВЛЕНИЕ С ДРУГИМИ ПОДХОДАМИ

Анализ поведения

Когнитивизм предполагает наличие гипотетических внутренних сил, выступающих в качестве причин поведения. Анализ поведения обращается в поисках причинных факторов к наблюдаемым условиям среды. Когнитивизм конструирует теории, из которых он выводит гипотезы, осуществляет их экспериментальную проверку с использованием групповых методов и применяет статистический анализ для сравнений групповых различий. В противоположность ему анализ поведения не использует теорий, дедуктивных выводов или групповых сравнений, а на примере отдельных субъектов исследует функциональные отношения между поведением и средой. Данная система является эмпирической и индуктивной, тогда как когнитивная психология является гипотетической и дедуктивной.

Гуманистическая психология

Представители гуманистической и когнитивной психологии сходятся лишь в том, что придают разуму центральное значение и считают его внутренним и преимущественно автономным или самопричинным фактором. Разум в версии гуманистической психологии представляет собой «я» и наделен потенциалом для самореализации, тогда как когнитивизм рассматривает его как обрабатывающий информацию мозг. Гуманистический конструкт разума с его актуализующими тенденциями и самореализацией основан на биологической аналогии, предложенной Куртом Гольдштейном (Kurt Goldstein), согласно которой организмы реорганизуют и реактуализируют себя. Разум у когнитивистов основан на аналогии с машинными программами. В обеих системах основным предметом изучения является человек, тогда как животным не уделяется особого внимания.

Гуманистическая психология рассматривает когнитивизм лишь как бихевиоризм в новом обличье. С ее точки зрения, он сохранил искусственность лабораторных экспериментов и лишь заменил механизмы обусловливания компьютерными механизмами. Гуманистические психологи отмечают, что когнитивизм игнорирует значимые, по их мнению, факторы: целенаправленность человеческих поступков, целостность индивида, самоактуализацию, радостные стороны жизни, в отличие от пессимистических и негативных, рассмотрение человека с точки зрения всей его жизни и свободу выбора в противовес детерминизму.

Интербихевиоральная психология

Когнитивисты и интербихевиористы придерживаются почти противоположных мнений. Когнитивисты

исходят из конструктов, касающихся внутренних механизмов обработки информации, ментальных репрезентаций, кодирования, и соответствующим образом интерпретируют получаемые ими данные. Иными словами, конструкты предшествуют наблюдениям вместо того, чтобы выводиться из них. Интербихевиористы начинают с наблюдаемых событий взаимодействия организмов со своим окружением и отмечают изменения, происходящие по мере накопления истории таких взаимодействий. В позднейших версиях когнитивизма, рассматривающих разум как активность в окружающей среде (Bem & Keijer, 1996), обе взаимодействующие стороны сближаются, однако данные версии продолжают трактовать разум как самостоятельный агент, наделяющий значениями объекты, составляющие дуализм «разум-тело», который отвергается интербихевиоризмом. Для интербихевиоризма взаимодействие *и есть* значение; значение не приписывается объекту неким гипотетическим самостоятельным агентом. Например, распознавание образов состоит не в том, что мы сначала видим лицо, а затем обрабатываем информацию о нем или получаем психический продукт, так что лицо начинает означать Алису Коллинз. Вместо этого видеть лицо *это и есть* воспринимать Алису Коллинз. Когнитивизм редуцирует психологические события к биологии — активности мозга. Интербихевиоризм рассматривает мозг лишь как один из многих факторов, — таких как другие биологические функции, особенности сеттинга и история взаимодействий, — составляющих психологическое действие.

Оперантный субъективизм

Данная система ориентирована на объективные измерения субъективных реакций. Следовательно, по идее она должна была бы представлять интерес для когнитивистов, однако они игнорируют ее. Когнитивная психология использует R-методологию (см. главу 11), которая рассматривает среднегрупповые значения и отбрасывает индивидуальные характеристики как «вектор ошибок» («error term»). Оперантный субъективизм, известный также как Q-методология, сосредоточен на уникальном: переменными являются индивиды, а не тестовые задания, и именно люди разбиваются на статистически независимые факторы (или группы). R-измерения проводятся с точки зрения исследователя, а Q-измерения — с точки зрения участника происходящего.

Q-методология отвергает гипотетико-дедуктивные модели (выводящие гипотезы из теорий, в противовес эмпирико-индуктивному процессу вывода гипотез из наблюдаемых событий), редукцию разума к мозгу, линейную причинность моделей машинной обработки информации, а также дуализм «разум—тело». Если когнитивизм предполагает, что поведение представляет собой лишь поверхностные проявления скрытых процессов, Q-методология рассматривает поведение как основополагающий элемент. Таким образом, когнитивизм начинает с конструктов скрытых операций, осуществляемых в мозге, тогда как Q-методология начинает с наблюдаемых событий — выполнения людьми стоящих перед ними задач, и благодаря Q-сортировке определяет разделяемые людьми (в процессе реализации этих задач) значения. Несмотря на эти различия, строгие измерения субъективности, обеспечиваемые Q-методологией, могли бы оказаться полезными когнитивизму и когнитивной терапии, но только при условии, что эти измерения не будут переводиться в R-форму, в результате чего субъективные значения оказываются завуалированными.

Феноменологическая и экзистенциальная психология

Предпосылка когнитивизма, согласно которой память, восприятие и другие психологические события производятся внутренними гипотетическими структурами, в корне отличается от акцента феноменологической психологии на значениях и их зависимости от отношений человека с миром. Для когнитивиста стул — это входной сенсорный стимульный сигнал, который должен быть превращен в репрезентацию объекта, производящую впечатление, что объект находится в комнате, а не в голове. Для феноменолога стул находится не в сознании, а в мире, и его значение как стула принадлежит системе отношений «человек—мир», охватывающей сознание, поскольку сознание — это направленность на объект. Мир это не то, что мы думаем, а то, что мы проживаем.

> «Для теоретика когнитивизма эта направленность является односторонней, обращенной на объект, который в данном случае не может стать ничем иным, как абстракцией: он порождается моими психическими актами, и условием его возникновения является разрыв связи между этими актами и объектом; познание — это отстранение от чего-то, освобождение его от субъективных характеристик собственного «я». Познаваемое одновременно и создается нами, и отделяется от нас. Если мы примем (феноменологическую) точку зрения, что объект является основанием наших актов, а не их продуктом, мы должны будем признать, что познающий формируется актом познания точно так же, как познаваемый объект. Говорить о мире как о сконструированном является столь же истинным (или ложным), как и говорить о том, что индивид конструируется миром, поскольку «я» и мир совместно раскрывают себя друг другу. Я определяюсь миром в той же степени, как и сам определяю мир» (Bolton, 1987, p. 239).

Для феноменолога роль испытуемого как субъекта в эксперименте действительно субъективна. Для когнитивиста испытуемый субъект является объектом, чьи реакции измеряются объективно в крайне условных, как сказал бы феноменолог — искусственных — ситуациях.

Психоанализ

Предпосылка классического психоанализа, согласно которой причинами поведения являются такие внутренние силы, как Оно, Я и Сверх-Я, находит свои параллели в когнитивистской предпосылке о том, что внутренние психические структуры производят когниции. Некоторые когнитивисты даже разрабатывают теории и методы исследования бессознательных сил, получивших также отражение в психоанализе. Но если фрейдовский психоанализ рассматривает в качестве фундаментального источника психической энергии силу либидо (удовольствие/секс), когнитивизм не проявляет никакого интереса к сексу. Наиболее близкой параллелью всепроникающему либидо может служить разве что когнитивистский конструкт обработки информации. Поскольку некоторые современные разновидности психоанализа отвергли фундаментальные конструкты сексуальных и агрессивных сил, в этом случае даже такие аналогии оказываются неуместными.

Психоаналитическая теория подчеркивает роль личной истории, формирующей Оно и Я и создающей Сверх-Я или, как в некоторых новейших версиях, историю взаимоотношений с воспитывающими лицами, формирующими индивидуальное «я». С целью объяснения таких наблюдаемых форм поведения, как обучение или воображение, когнитивизм выдвигает отдельные теории, касающиеся каждой гипотетической структуры, однако не уделяет особого внимания истории реакций индивида или каким-либо условиям окружающей среды.

КРИТИКА

Несмотря на тот факт, что когнитивизм доминирует в современной психологии, у него, по-видимому, не меньше оппонентов, чем приверженцев. Далее мы рассмотрим различные критические замечания в его адрес. Поскольку большинство из них не имеют непосредственной связи друг с другом, мы не будем придерживаться какой-либо последовательности в их рассмотрении. Последний подраздел будет посвящен контркритике.

Контекст против неестественных экспериментальных заданий

Найссер (Neisser, 1976), отошедший от своих ранних когнитивистских представлений, относит к когнитивизму многие из тех критических положений, которые когда-то были обращены в адрес бихевиористов: «Удовлетворительная теория человеческой познавательной способности (cognition) вряд ли может возникнуть на основе экспериментов, предоставляющих не имеющим соответствующей практики испытуемым лишь кратковременную возможность попытаться выполнить новые и бессмысленные для них задания» (p. 8). Психология, считает он, не должна исходить из предположений о существовании фиксированных механизмов выполнения задач по обработке информации, но должна «принять во внимание (высокую степень) совершенства и сложности когнитивных навыков, которыми люди в действительности в состоянии овладеть, а также тот факт, что эти навыки поддаются систематическому развитию» (p. 8). Хотя он находит, что когнитивная психология претендует на такие достижения, как обнаружение нескольких типов памяти и описание стратегий, используемых при решении задач, он считает, что она не отдает должного человеческой природе. Она оперирует вне контекста, использует схемы экспериментов, игнорирующие окружающую среду, и тестирует способности испытуемых на выполнение неестественных заданий (Neisser, 1985). Дженкинс (Jenkins, 1981) выдвигает сходные аргументы. Рид (Reed, 1987), как и Найссер, черпая вдохновение у Гибсона, отвергает и когнитивистскую внутреннюю причинность, рассматривающую в качестве источника когниции, и бихевиористскую внешнюю причинность, рассматривающую в качестве источника стимулы. Он обращается к тому, что считает «корректным вопросом», а именно «как люди приходят к познанию своего значимого окружения» (p. 166).

Факторы развития и социальные факторы

Обращая внимание на растущий интерес психологов к детскому познанию, Вальзинер (Valsiner, 1991) упрекает когнитивизм в том, что ему присуща «систематическая недооценка аффекта, контекста, культуры и истории (организма)» (p. 483). Когнитивизм обращается к ментальным репрезентациям, в которых процессы развития находят лишь ограниченное место. Репрезентации — это статические концепты, не имеющие отношения к развитию. Хотя исследования показывают, что модели вычислительных процессов не способны адекватно отражать получаемые учеными данные, восхищение технологическими достижениями не дает им отказаться от машинных аналогий. Предпосылки когнитивизма уводят исследователей от изучения процессов развития и сосредоточивают их внимание на том, что уже сформировано. Когнитивная психология развития интересуется тем, какие специфические когнитивные функции детей могут быть активизированы в определенном возрасте и в различных ситуациях, а не тем, какие события позволяют ребенку достичь соответствующего уровня функционирования. Обзор публикаций по когнитивной психологии развития свидетельствует о том, что авторы этих работ редко задаются вопросом, что именно развивается и каким образом. Их исследования, как правило, ограничиваются констатацией при-

сутствия или отсутствия тех или иных функций в определенном возрастном периоде. Вальзинер утверждает, что развитие — это социальный процесс, находящийся в отношении взаимозависимости с совершенствованием когнитивных навыков. Когнитивная психология не сделала теоретического прогресса «в своем предположении о стабильности самих объяснительных механизмов» и фактически является «не “революцией”, а не более чем реставрацией менталистской аргументации 1890-х гг., подновленной компьютерными моделями» (p. 490).

В Китае также предъявлялись претензии к когнитивной психологии, вызванные ее неспособностью признать роль социальных влияний. Жу (Zhu, 1985, цит. по: Yue, 1994) утверждает, что когнитивисты не рассматривают психологическую активность как социальную практику и как тип объектно-субъектных взаимодействий, а также игнорируют механизмы объединения когниций и эмоций в процессе взаимодействия и взаимообмена. В результате они не в состоянии обнаружить креативность, инициативу и социальность. Герген (Gergen, 1994) также обвиняет когнитивизм в том, что тот не придает значения проблемам реального мира, в котором функционируют люди. Почему когнитивисты не обращаются к изучению таких проблем, как конфликт, агрессия, сотрудничество, отчуждение, власть, эксплуатация или политические и религиозные убеждения? Сарбин и Китсьюз (Sarbin & Kitsuse, 1994) согласны с когнитивистами в том, что человек обрабатывает информацию, однако они настаивают, что эта обработка заключается в социальной практике.

Компьютерный мозг

С критической оценкой аналогии «компьютерного мозга» выступил Кантор (Kantor, 1978), который пришел к выводу, что оперирование такими аналогиями есть не что иное, как процесс «измышления или переноса терминов без анализа соответствующих объектов и событий» (p. 581). Кантор утверждает, что работа мозга — это одна из взаимодействующих между собой *биологических* функций организма, и превращение его в *психологический* орган, способный к мышлению и восприятию, «вырывает важнейший орган из соответствующего ему места в биологической системе». Он находит, что «в научной психологии нет места какимлибо воображаемым операциям мозга или вымышленным психическим процессам» (Kantor, 1979, p. 19). Скиннер (Skinner, 1989) обнаружил пробел в нашем знании о том, что происходит между стимулом и реакцией организма, а также между последствиями (его реакций) и изменениями в поведении, являющимися результатами этих последствий. Он считает, что только наука о мозге может заполнить этот пробел, однако рассматривает этот процесс лишь как заполнение информационного пробела, а не как нахождение иного объяснения для тех же феноменов. Мозг не может объяснить поведение, поскольку он сам составляет часть того, что подлежит объяснению (Skinner, 1990). Один из ранних критиков когнитивизма, Зварц (Swartz, 1958), не ограничивается критикой аналогий между компьютерами и мозгом и задает вопрос, почему психология с такой легкостью отказывается от своих законных владений и уступает принадлежащие ей по праву области событий, приписывая их биологии, химии или физике. Почему она сама не распространяет сферу своих научных познаний на изучение взаимодействий между организмами и объектами, вместо того чтобы передавать их в ведение другой науки? Аналогично Марр (Marr, 1988) спрашивает, почему необходимо обращаться к компьютеру для объяснения поведения организма, который его спроектировал, построил и запрограммировал?

Согласно Обсерверу (Observer, 1978), психологи «бросили взгляд в далекое прошлое психологии и вытащили на свет теорию познания из двухчастного (bipartite) деления души, разума или сознания» (p. 158). В отличие от вторичной переработки промышленных отходов, которые можно использовать для изготовления новых ценных продуктов, вторичная переработка спиритуалистских конструктов является препятствием для научного прогресса. Однако, утверждает Обсервер, *сконструированные* психические структуры и функции когнитивизма следует отличать от *наблюдаемых* когнитивных событий, таких как вспоминание и мышление.

Аналогичным образом Блюитт (Blewitt, 1983) подвергает сомнению уместность заимствования аналогий из области непсихологических событий, таких как вычислительные машины, и настаивает на том, что любые психологические описания должны основываться на фактических событиях, включающих психологические факторы. Он отмечает, что когда компьютеры трактуются так, «как будто» они функционируют как люди (см., в частности: Simon, 1990), в результате мы рассматриваем психологические события как то, чем они не являются. Когда мы начинаем рассматривать компьютеры так же, как и людей (см., в частности: Jonhson-Laird, 1993), мы упускаем из виду очень важные различия. Когнитивные события, утверждает он, появляются как отношения между индивидом и познаваемой вещью, а не возникают в существующем автономно, самоуправляемом компьютерном мозге. Окружающая среда вовсе не оказывается внутри организма для того, чтобы он обрабатывал ее; она остается на своем месте. То, что происходит в самом организме, это физиологические процессы, включающие химические, электрические и физические, а не психологические события. Психологические события — это взаимодействия организма и среды.

> «Организм не поглощает среду, чтобы обработать ее, а затем извергнуть в виде реакции; фактически не происходит никакого «входа» или «выхода» («input» or «output»). Организм и среда вступают в контакт друг с другом, и именно различные

формы этого контакта и составляют предмет психологических событий. В терминах психологических событий ничего не происходит между «входом» и «выходом», потому что ничего не входит и не выходит. Предметом психологии является вовсе не «набивка» («stuffing»), заполняющая пространство между стимулом и реакцией. Скорее, взаимодействие между стимулом и реакцией составляет психологическое событие» (Blewitt, 1983, p. 397).

В приведенном ниже отрывке из книги, посвященной мышлению, авторы — представители когнитивной психологии — утверждают, что гипотетические механизмы мозга на самом деле представляют собой формы поведения:

«Хотя не подлежит сомнению, что индивиды накапливают и хранят воспоминания о своем поведении и в норме ведут себя в соответствии с актуальными на данный момент обстоятельствами, мы не располагаем явными свидетельствами — ни логическими, ни эмпирическими — того, что эти формы поведения действительно представляют собой внутренние психические единицы, которые сохраняются, обрабатываются, отыскиваются, отбираются и извлекаются с помощью некоего набора внутренних устройств хранения и обработки. Такая точка зрения приводит нас только к регрессивным (бесконечным) вопросам о механизмах, лежащих в основе механизмов. Не случайно, что описание символических процессов (функций якобы существующего символического устройства) дается в поведенческих терминах, таких как хранение, сортировка и отбор. Сам по себе этот факт подводит нас к мысли о том, что данные процессы являются функцией не какого-либо устройства, а человека, являясь неотъемлемой частью или, точнее, характеристиками его поведения» (Bourne, Eckstrand & Dominowski, 1971, p. 13).

Марр (Marr, 1983) также замечает, что физиологические объяснения основываются скорее на поведении, чем на физиологии, и предлагаются обычно психологами, а не физиологами. Он утверждает, что если мы хотим понять работу мозга, мы должны изучать сам мозг. Исследования паттернов реакций мозга при зрительном восприятии показывают нам сложные физиологические процессы, но они не говорят нам о том, как мы видим человеческое лицо. Предположения о гипотетическом извлечении кажутся ему (в высшей степени) «странными»:

«Механизмы, предлагаемые в качестве объяснения этого якобы имеющего место процесса, представляются настолько странными, что даже трудно понять, как можно воспринимать их всерьез. Давайте еще раз рассмотрим процесс узнавания. В одном случае мне говорят, что я узнаю ваше лицо, сопоставляя его с репрезентацией, хранимой в моей памяти. Но откуда я знаю, какую репрезентацию я должен извлечь, чтобы сравнить ее с вашим лицом? Сам по себе процесс ее выбора уже должен представлять собой форму узнавания — таким образом, такое объяснение не решает проблему, а просто откладывает ее решение. Мы вынуждены распространить это рассуждение на узнавание *образа* вашего лица. Предполагается, что я должен иметь в своем распоряжении репрезентацию образа вашего лица, которую я должен сопоставить с самим образом, и т. д., и т. п.» (p. 18).

Пронко (Pronko, 1988) отмечает, что у нас отсутствуют какие-либо свидетельства того, что мозг обрабатывает, контролирует, хранит, помнит или выполняет функции. Даже если мы предположим, что он действительно делает все это, мы должны объяснить, каким образом это возможно, прежде чем сможем применить данное объяснение к человеческой деятельности. Он заключает, что все эти компьютерные атрибуты мозга — не более чем чистая мифология: что нам фактически известно — так это то, что мозг участвует в таких событиях, как мышление и вспоминание, но в них также участвует и множество других условий, как биологических, так и небиологических, и именно их совместное действие охватывает когнитивные и другие виды взаимодействий.

Когниция как управляющий фактор

Согласно точке зрения Миксона (Mixon, 1987), представление когнитивной психологии о том, что человек является иерархически организованным существом — не более чем иллюзия. Не существует никакой пирамиды, на вершине которой находится мозг или когнитивный процессор, спускающий команды вниз по инстанциям. Вместо этого в работу вступает сложная система отношений — способов мышления, движения, чувствования и речи, а также условий внешней среды. «Люди просто не являются (даже по аналогии) машинами, невосприимчивыми к окружающей среде и контролируемыми когнитивными процессами» (p. 40). Мы делаем то, что мы делаем, не благодаря когнитивному указанию, а благодаря овладеваемым со временем и практикой навыкам. Например, мы не можем просто решить думать так, как мастер дзен. Мы должны пройти соответствующую практику, чтобы овладеть этим искусством. Флора и Кестнер (Flora & Kestner, 1995) также утверждают, что когниции не являются причинами, инициирующими поведение.

Эвристики

Широко известна претензия когнитивистов, в особенности Саймона (Newell & Simon, 1972; Simon,

1990), на то, что модель обработки информации обеспечивает эффективное средство поиска научных принципов, лежащих в основе познавательной деятельности. С другой стороны, по мнению Морриса, Хиггинса и Бикела (Morris, Higgins & Bickel, 1982), у нас нет никаких гарантий, что вопросы, на которые выводят нас эвристики, могут принести результат или даже являться научными по своей природе; более того, формулирование вопросов определенного типа может явиться препятствием для постановки других вопросов, не менее, а возможно, и более важных. Кроме того, вопросы и ответы, исходящие от когнитивизма, до сих пор были настолько далеки от реальных событий, связанных с людьми и их окружением, что трудно интегрировать их с чем-либо конкретным.

Репрезентационизм

Скиннер (Skinner, 1977) подвергает сомнению логику, лежащую в основе предположения, что мы реагируем на репрезентации мира, а не на сам мир. «Если познание заключается в конструировании психических (ментальных) копий реальных вещей, как мы познаем копии?» — спрашивает он. Быть может, мы создаем копии копий, копии копий копий и т. д.? Когда мы передвигаемся по определенной местности, конструируем ли мы карты, по которым ориентируемся, или мы ориентируемся на самой местности? А если у нас есть карта, создаем ли мы карту карты? Напротив, считает он, «тело реагирует на мир в точке контакта; создание копий было бы пустой тратой времени» (p. 6). Аналогичным образом он подвергает сомнению «теорию копий», рассматривая память (Skinner, 1989). Мы можем создать копии вещей, которые мы видим, но как мы можем создать копии того, что мы делаем? Даже если мы моделируем поведение, мы не можем сохранить его. Когда мы вспоминаем, как нечто выглядит, мы делаем то же, что делали тогда, когда впервые увидели это. В тот момент ви́дение не требовало копий, как не требует их в настоящий момент вспоминание. Узнавание, это у-знавание (повторное познание, recognizing), повторение той реакции, которая возникла у нас впервые. Запоминание — это действие, направленное на то, чтобы в будущем отреагировать таким же образом, каким мы реагируем в настоящем.

Теория прямого реализма (см. главу 13, с. 326) также подхватывает аргументацию, критикующую репрезентационизм. Герген (Gergen, 1994) также считает, что конструкт ментальных репрезентаций должен предполагать, что и ученые имеют дело только с собственными репрезентациями, а не с реальным миром; и в конечном итоге научная психология становится просто невозможной, а мир оказывается лишенным познаваемой реальности. В таком случае мы может знать мир только в том виде, как он репрезентируется. Однако когнитивисты, стремящиеся к объективному знанию о таких конструктах, как схемы и ментальные узлы, своими рассуждениями подрывают значимость тех самых конструктов, которые они пытаются понять (Gergen, 1985). Далее Герген (Gergen, 1994) утверждает, что если когнитивные схемы — это средства, используемые нами для познания мира, и если они являются врожденными, нам требуется практически бесконечное количество таких схем. А поскольку многие из них с очевидностью должны брать начало во внешней среде, как, например, огромное количество новых слов, которые мы узнаем на протяжении жизни, остается неясным, каким образом ребенок, который еще не имеет этих схем, может понимать своих родителей, чтобы усвоить от них эти схемы. Он также указывает на неразрешимые вопросы и противоречия, связанные с когнитивными картами и когнитивным порождением внешнего (overt) поведения, и приходит к заключению, что источником всех этих проблем является разделяемое когнитивизмом представление о дуализме «душа — тело».

Рассматривая аргументы в защиту теорий репрезентации, важно отметить, что ряд представителей когнитивизма в значительной степени отошел от теории копий, которую критиковал Скиннер. Ряд представителей этой системы отбросил представления о медиаторах, а некоторые начали рассматривать мозг как участвующий в психологических событиях, а не определяющий их фактор.

Разум или поведение

Скиннер (Skinner, 1989) находит, что из спектра традиционных значений слова «разум» (mind) когнитивизм принял то, под которым разум понимается как деятель или исполнитель. Он становится автономным агентом, берущим управление на себя. Это разум — не человек, а двойник человека — организует то, что приходит к нам через органы чувств, и воспринимает мир. Однако если в данной формулировке «индивидуум» заменяется на «разум», ее смысл нисколько не изменяется: «скорость, с которой разум производит вычисления, ограничена» вместо «скорость, с которой индивидуум производит вычисления, ограничена». Скиннер приходит к заключению, что «когнитивные процессы — это поведенческие процессы; это то, что люди делают» (p. 17). Даже попытка описывать разум как то, что делает мозг, становится конструктом, вводящим в заблуждение, замечает он (Skinner, 1987). Поскольку мозг — это тело, следовательно, разум — это то, что тело делает, что *индивидуум* делает. Это поведение.

Яремко (Jaremko, 1979) находит два недостатка менталистских объяснений. Во-первых, использование внутренних событий в качестве объяснения заставляет прибегать к представлению о каком-то другом поведении для того, чтобы объяснить наблюдаемое. Предположение, что поведение вызывается внутренними событиями, уводит от анализа сложных событий, которые мы можем наблюдать. Причи-

ны поведения лежат в истории отношений с окружающей средой, а менталистские объяснения игнорируют этот факт. Когниции также представляют собой формы поведения и являются причинами не в большей степени, чем любые другие. Во-вторых, ментальные события, как гипотетические конструкты, предлагаются для объяснения того, что происходит между входным сигналом стимула и выходным сигналом реакции. Таким промежуточным событием может быть объявлено предвосхищение (anticipation). Мы испытываем воздействие стимула, затем предвосхищаем нечто и после этого реагируем. Но что такое предвосхищение? Оно не может быть причиной, а лишь компонентом в цепи событий, охватываемых взаимодействиями со средой. Наступит момент, когда мы вынуждены будем прервать рассуждения о том, что промежуточные конструкты являются причиной друг друга, и вновь обратиться к наблюдаемым событиям. Если предвосхищение является подлинным событием, то оно является поведением и может быть описано как поведение. «Когниции никто никогда не наблюдал, но когнитивное поведение всегда поддается наблюдению, по крайней мере, одним лицом» (p. 551).

Лихтенштейн (Lichtenstein, 1995) замечает, что формы поведения представляют собой фундаментальные исходные данные, используемые для проверки менталистских теорий, а Дженкинс (Jenkins, 1981) в том же ключе утверждает, что когнитивисты принимают в качестве моделей разума модели способов, посредством которых испытуемые выполняют определенные задачи. С появлением новых моделей приходится добавлять все новые, не связанные между собой фрагменты воспоминаний, стадий и функций, от которых в конце концов приходится отказаться, когда картина становится слишком запутанной, отмечает он. Найссер (Neisser, 1976) полагает, что абстракции и предположения должны уступить место акценту на том, «что фактически происходит» (p. xi).

Ричлак (Rychlak, 1995) критикует когнитивистов за то, что те полагают существование независимого процесса, который думает за человека, вместо того чтобы признать роль человека, который осуществляет акт мышления. Высказывая точку зрения, аналогичную замечанию Дженкинса о том, что когнитивисты игнорируют *поведение*, он отмечает, что для когнитивиста *индивидуум* — это всего лишь совокупность механизмов, испытывающих влияние каких-то внешних источников по отношению к самому индивидууму. Он утверждает, что рассматривать людей как вычислительные машины непродуктивно, поскольку компьютеры не могут производить значения и цели, которые играют в жизни человека центральную роль. Он ссылается на первоначальное использование слова «информация» в инженерной сфере, чтобы показать, что это понятие никак не было связано с какими-либо значениями, содержащимися в передаваемых сообщениях.

Отсутствие единства

Холли и Стэк (Holley & Stack, 1992) указывают на отсутствие согласованности между различными темами. Предполагая наличие многочисленных оторванных друг от друга сфер функционирования когниций, когнитивисты, в результате, практически не выработали теории, связывающей их с другими областями исследований, отмечают они. Аналогичное обвинение выдвигают Флора и Кестнер (Flora & Kestner, 1995): когнитивизм не обладает единством, которое сводило бы вместе различные исследования или даже рассматриваемые им темы и источники. Они утверждают, что когнитивизм нисколько не продвинул нас вперед в понимании человеческой деятельности, несмотря на то, что за последние тридцать лет он произвел на свет огромное количество материалов, посвященных обработке информации. По их мнению, когнитивизм не только ошибочен, но и «препятствует научному прогрессу» (p. 587).

Операциональные определения и гипотетико-дедуктивный метод

Согласно точке зрения Кантора (Kantor, 1938), Лихи (Leahey, 1980) и Верпланка (Verplanck, 1996), заявлять, что экспериментальные процедуры или методы наблюдений определяют ненаблюдаемые гипотетические сущности и силы, значит искажать понятие операционных определений (предложенных в физике). Данная процедура была взята на вооружение методологическими бихевиористами с целью определения таких конструктов, как внутренние побуждения (драйвы). Например, Халл определял состояние внутреннего побуждения количеством часов, в течение которых организм был лишен пищи или воды. Эта процедура подверглась суровой критике еще в 30-е гг. и до сих пор вызывает те же возражения, когда когнитивисты используют ее для введения показателей, описывающих такие ненаблюдаемые силы, как разум, обработка информации, репрезентации, коннекционистские сети и другие конструкты. Если определить, скажем, кратковременную и долговременную память на основе экспериментальных процедур, а затем использовать реакции, полученные в экспериментах, как свидетельство соответствующих видов памяти, создается впечатление реальности данных конструктов, но такая процедура является искусственной, утверждают критики.

Гипотетико-дедуктивный метод предполагает, что теоретики используют модели или теории для вывода гипотез, чтобы затем проверить, насколько согласуются эмпирические данные с этими гипотезами. Они исходят из предположения, что если совпадение является значительным, то действитель-

но имеют место функциональные отношения, описанные теорией. Верпланк (Verplanck, 1996) описывает данную процедуру как приводящую к появлению

> «…постулированных (предполагаемых, вымышленных) теоретических сущностей, которым приписываются некоторые свойства и которые вместо того, чтобы порождаться данными, порождают хитроумные эксперименты, порождающие те самые данные, на основе которых постулируются эти сущности. Эти «самозагружаемые» («bootstraped») данные составляют основание для утверждений, преследующих цель объяснить или описать поведение в терминах агентов и процессов, относящихся к разуму или мозгу (либо отдельным их частям), которыми определяются действия испытуемого. Объекты и события, относящиеся к среде, становятся «информацией», которую «мозг», «разум» или «сознание» затем «обрабатывает», тем самым «вызывая» измеряемое поведение, которое (надо же!) в действительности определялось инструментарием исследователя и инструкциями, выдаваемыми испытуемому.
>
> Экспериментальные результаты (и обобщения), полученные таким образом, затем оцениваются согласно критериям, устанавливаемым модным на данный момент методологическим течением, на «истинность измерения» («truth-evaluation») … [Такая процедура] основывается на прикладных аспектах дедуктивной, а не индуктивной логики. Она игнорирует возможность использования по отношению к поведению иных категорий, чем навязываемых терминологией, от которой [когнитивисты] отталкиваются».

Процедуры логического вывода в науке

Саймон (Simon, 1990) утверждает, что как люди, так и компьютеры используют символы для разумного (intelligent) поведения, и этот факт был доказан программированием компьютеров на исполнение задач, выполняемых людьми, и представлением свидетельств того, что люди используют те же самые процессы. «Гипотеза физической символической системы подверглась за последние 30 лет настолько тщательной проверке, что ее можно считать окончательно установленной» (p. 3). Слабое место в такого рода аргументации, на которое указывают цитированные нами выше Блюитт и Пронко, заключается в том, что данная аргументация не позволяет считать установленным, что наблюдаемые события можно объяснить *исключительно* символическим поведением или компьютерной обработкой информации. Это замечание более подробно рассматривается Моррисом, Хиггинсом и Бикелом (Morris, Higgins & Bickel, 1982), которые отмечают, что подобные заявления нарушают закон эквифинальности. Это означает, что любое число различных условий может произвести один и тот же результат. В логике нарушение этого закона известно как ошибка «утверждения консеквента» («affirming the consequent»). Иными словами, в индуктивной логике (в отличие от дедуктивной логики, присутствующей в силлогизмах и математике) мы никогда не можем утверждать с абсолютной уверенностью, то что только А является причиной Б, но лишь то, что такая вероятность увеличивается по мере того, как отпадают другие условия и возможности. Мы можем описывать изменения в поведении человека и заключить, что человек обладает способностью изменять свое поведение, не нарушая закона эквифинальности, но такое утверждение не является объяснением или указанием на причинность. Как только мы заключаем, что когнитивное событие А должно производить наблюдение Б, мы отступаем от закона эквифинальности и делаем неоправданные выводы. Это является нарушением логики, поскольку не существует свидетельств того, что А *должно* производить Б. Наблюдая поведение индивида и делая вывод о наличии у него способности к данному типу поведения, мы не можем, однако, сделать вывод о наличии когнитивной обработки, психических сил или другой контролирующей силы. Все ученые используют объективные выводы (умозаключения), но они ограничиваются

> «…функциональными отношениями между поведением и средой, тогда как объективные выводы когнитивной науки касаются процессов, предположительно происходящих на другом уровне анализа… В рамках правильно организованной [науки] неправомерные выводы легко обнаруживаются и отбрасываются, так как они касаются отношений поведение—среда, поддающихся объективному анализу. Ошибки в выводах, касающихся теоретических когнитивных процессов, однако, практически невозможно обнаружить вследствие эфемерного и ненаблюдаемого характера этих процессов…» (Morris, Higgins & Bickel, p. 114–115).

Теория и методология

По мнению Гергена (Gergen, 1994), тот факт, что когнитивная психология основывается на философии немецкого рационализма (врожденные психические структуры организуют внешние сигналы, исходящие от мира), требует наличия лежащей в ее основе рационалистической теории, однако она вовсе не имеет метатеории (теории теории). Рационалистическая теория могла бы охарактеризовать людей как осуществляющих «поиск информации и формирование понятий» (p. 26), тогда как когнитивизм

предлагает лишь компьютерные аналогии. Далее, замечает Герген, когнитивизм должен иметь рационалистическую методологию, но не имеет ее. Поэтому он заимствует методологию бихевиоризма (эксперименты на испытуемых, контрольные группы, зависимые и независимые переменные, проверка гипотез, квантификация), которая основана на философии английского эмпиризма. Этот факт неизбежно приводит когнитивизм к противоречиям. Представление о том, что индивид использует врожденные когнитивные механизмы для структурирования информации, исходящей от мира, означает, что он не может претендовать на точное знание о внешнем мире, поскольку его репрезентации определяются характером когнитивной системы. Следовательно, ученый не может считаться носителем знания о какой-либо части мира, включая когнитивную систему. Далее, любые попытки устранить когнитивное смещение будут сведены на нет в силу тенденциозности когнитивных схем, требующихся для обработки информации. Испытуемые, участвующие в экспериментах, также являются заложниками своих ментальных схем, что делает их неспособными удовлетворять критериям рациональной методологии. Короче говоря, Герген утверждает, что когнитивная психология не основана на философии науки, оправдывающей когнитивную метатеорию; а поскольку методология эмпиризма, которую она использует, не согласуется с ее теоретическими притязаниями, данная методология не может использоваться как подтверждающая их[4].

Критика и контркритика

Вера и Саймон (Vera & Simon, 1993) утверждают, что обращение к средовому контексту (в особенности, как он трактуется в работах Гибсона) не является необходимым, поскольку среда и функциональные значения объектов репрезентируются в голове. Уэллс (Wells, 1996) возражает, указывая на то, что собственное признание когнитивистами того, что «внешние реальные жизненные ситуации слишком сложны и многоплановы, чтобы быть полно и точно отраженными машинными внутренними моделями этих ситуаций» (Vera & Simon, 1993, p. 46), противоречит отстаиваемым ими же претензиям, согласно которым символические репрезентационные системы универсальны и способны репрезентировать любую ситуацию во внешнем мире. Уэллс утверждает, что вопреки заявлениям Веры и Саймона, «теория ситуативности» («situativity theory») не может рассматриваться как входящая в состав когнитивизма; они представляют собой конкурирующие подходы. Находятся критики критиков когнитивизма (Baars & McGovern, 1994), упрекающие последних в том, что они не приводят (в книге, которую анализируют авторы) свидетельств, альтернативных когнитивизму. Однако Марр (Marr, 1988) утверждает, что исследования не могут установить истинность одной либо другой системы: она может быть установлена только в результате логического анализа рассматриваемых вопросов.

В работе Кранца (Krantz, 1969), посвященной изучению более ранних психологических систем, также затрагивается вопрос о теоретических основаниях научных разногласий. Автор находит, что сравнение экспериментальных результатов, полученных структуралистами (Титченер) и функционалистами (Болдуин) в конце XIX в., неправомерно в силу совершенно различного контекста, в котором формулировались утверждения спорящих сторон. Возможно, формулировка постулатов, на которых основываются различные психологические системы, сделает причину их разногласий более ясной.

ВЫВОДЫ

Когнитивизм однозначно возвратил когнитивное поведение в ведение психологии после того, как эта разновидность поведения была проигнорирована рядом школ бихевиоризма (хотя и рассматривалась некоторыми другими, менее известными системами). Вследствие этого факта когнитивное поведение практически наверняка останется важной частью психологии. Когнитивизм также способствовал тому, что конструкты компьютерной обработки информации и ментальных репрезентаций прочно утвердились в психологии и других науках. Возможно, что в будущем, в значительной степени вследствие этой институциализации, данный подход сохранит господствующее положение в психологии, оставляя лишь ограниченное место другим подходам, как это происходит сейчас. Если учесть, что студенты психологических факультетов, прошедшие подготовку в духе когнитивизма, продолжают работать в этом направлении, что как специализированные, так и общенаучные журналы поддерживают когнитивную «парадигму» (пользуясь термином Куна [Kuhn, 1970]), что члены комиссий, рассматривающих вопросы о предоставлении грантов, и комитетов, решающих вопросы о присуждении ученых степеней, в большинстве случаев придерживаются когнитивистской ориентации и что карьера большинства крупных ученых связана с этой системой, мы не можем ожидать, что перемены могут произойти легко, так как другим психологическим системам трудно конкурировать с когнитивизмом. Мы также не можем сказать, что когнитивизм представляет собой кумулятивную систему знаний, развитие которой в конечном итоге приведет к сме-

[4] Хотя Герген в равной степени критикует и бихевиоризм, он находит, что последний характеризуется наличием связной метатеории и последовательной методологии, основанных на эмпиризме.

не парадигмы, как, согласно точке зрения Куна, это происходит в физике.

И все же несмотря на то, что некоторое время назад в американской психологии доминировал методологический бихевиоризм, он был оттеснен или ассимилирован когнитивизмом, перенявшим многие его отличительные особенности (хотя анализ поведения занимает те же позиции, что и несколько десятилетий назад). Существует также другая возможность того, что многочисленные критики, не разделяющие данный подход, и немногочисленные критики, выступающие от имени самого когнитивизма, смогут сформировать серьезную конкурирующую с ним контрсилу, подчеркивающую, что когниции представляют собой события, заключающиеся во взаимодействии взаимозависимых организма и среды, что большое значение имеет история организма и что индивидуум является адаптирующимся организмом, а не компьютерным мозгом. В рамках такого подхода может быть предпринята попытка организации исследований, в которых будут приниматься во внимание сложные взаимозависимости, а не только экспериментальная проверка простейших элементов. Вероятно, на первый план при этом выйдут системы, тем или иным образом сочетающие ориентацию на сложные взаимозависимости и сохранение конструктов мозга как информационного процессора, например, коннекционистская система.

На сегодняшний день, однако, когнитивизм и его многочисленные разновидности прочно укоренились в официальной научной традиции, которая укрепляет и подпитывает его. Голоса критиков имеют лишь незначительный резонанс. Было бы интересно стать свидетелем поединка между Голиафом и многими маленькими Давидами, который ждет нас в будущем. Однако следует отметить, что Голиаф представляет собой скорее множественную личность, чем единое существо. Его составляют весьма многочисленные и разнообразные компоненты и полемизирующие точки зрения. Основное сражение, возможно, развернется как раз между этими конкурирующими друг с другом личностями, часть из которых полностью остается во власти ортодоксальных компьютерных аналогий, тогда как другие в процессе своего развития отходят от традиционных конструктов и приближаются к рассмотрению взаимодействия организма и среды. Возможно, последние являются лишь отклонением от основного русла, и традиционалисты одержат верх. Хочется надеяться, что это сражение будет объединяющим.

ГЛАВА 4

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ:

смысл, внутренняя реальность и самокаузальность

ВВЕДЕНИЕ

Услышав о том, что психология посвящена вопросам самоактуализации, креативности, любви, автономии, «Я»-существования, радости и печали, смысла, удовлетворения потребностей, предназначения и выбора, мы, возможно, не до конца будем уверены в том, что означают некоторые из этих терминов. Однако мы, вероятно, решим, что за каждым из них стоят важные актуальные темы, которые нам следовало бы понять глубже. К тому же эти темы звучат более приближенно к реальной жизни, чем те, что предлагает психология, которую интересуют вопросы выработки условных реакций у крыс или голубей, и более интригующе, чем такие темы, как научение, восприятие, мотивация, «нейронные основы» поведения, «психические» измерения, методология исследований или «обработка информации», которым обычно посвящены обзорные курсы психологии. Более того, возможно, они звучат именно так, как, по предположению человека, собирающегося заняться изучением психологии, и должны звучать темы, которые рассматривает эта наука. Эти темы входят в число центральных для гуманистической психологии.

РАЗВИТИЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

Начальный этап и основные принципы

Гуманистическое мышление возникло в эпоху европейского ренессанса, в XIV столетии. Оно утверждало, что законы, искусство, правительства и даже традиции должны измеряться тем влиянием, которое они оказывают на людей, а не масштабами их вклада в достижение будущего небесного рая. Люди должны быть свободны, чтобы они сами могли определять собственную жизнь, и эту сферу не может контролировать ни церковь, ни государство.

Позднее в Соединенных Штатах из литературного течения XIX века, представленного Ральфом Уолдо Эмерсоном и Генри Дэвидом Торо, развилось гуманистическое направление, получившее название *трансцендентального гуманизма*. Его представители считали, что источником наиболее глубоких истин служит интуиция, а не объективные свидетельства. Трансценденталисты выступали против рабства и любых форм догматизма. Как противостояние трансценденталистов устоявшейся теологической доктрине, так и их социальный протест были связаны с образованием унитарной (а позднее унитарно-универсалистской) церкви, не выдвигавшей собственного вероучения[1], но призывавшей людей самих выбирать, во что верить. Отдельные филиалы этой организации позднее спонсировали группы «человеческого потенциала», связанные с гуманистической психологией (Back, 1973).

Гуманистическая психология, берущая свое начало в 1950-х годах, официально заявила о себе в 1960-х, выступив одновременно против (а) бихевиористской предпосылки, согласно которой человеческое поведение определяется внешними силами, и (б) психоаналитической предпосылки, согласно которой человеческое поведение определяется силами бессознательного. Соответственно, данное направление назвало себя «Третьей силой». Его сторонники хотели уйти как от механистического обусловливания бихевиоризма (в котором, по их мнению, человек предстает в качестве пассивного автомата, находящегося во власти внешних сил), так и от детерминистских инстинктов психоанализа (в котором темные силы Оно, связанные с убийством, инцестом и разрушением, вступают в схватку с Сверх-Я). Они также хотели отойти от методологии исследований и статистических процедур, которые психология заимствовала у физических наук, считая, что при строгом контроле условий экспериментов и представлении их результатов в числовой форме упускается из вида наиболее важное из того, что касается человеческой деятельности.

Согласно утверждениям гуманистических психологов, опыт и смысл, а не поведение должны считаться первичными данными психологии. Внешнее наблюдение, при котором игнорируются мышление и чувства, является неадекватным методом познания. Источниками данных о внутреннем мире могут послужить произведения искусства, литературное творчество, биографии и интервью. Каждый человек уникален. Изучение крыс, голубей и других «низших» животных не может привести к пониманию людей, как не может сделать этого и изучение условных реакций (рефлексов), статистических данных или личностных черт. Люди, утверждают они, совершают акты свободного выбора, а не направляются подкреплениями и бессознательными силами. Каждый совершающий выбор индивидуум наделен ответственностью за развитие системы ценностей, которая будет служить для него направляющей силой в достижении осмысленной и полноценной жизни. Это достижение они назвали самореализацией или самоактуализацией. Если традиционная психология озабочена методической строгостью планирования экспериментов, а не проблемами, стоящими перед людьми, то гуманистическая психология является

[1] Первоначально термин «унитарный» относился к вере в единого бога, а не в троицу тринитаризма. Это получившее незначительное распространение вероисповедание часто можно обнаружить в общинах колледжей, где оно распространено среди студентов и преподавательского состава.

проблемно-центрированной. Она упрекает традиционную психологию в том, что та теряет конкретного человека в массе статистических данных. Основной акцент должен быть перенесен на уникальность индивидуума, обладающего потенциалом познания самого себя и тем самым — познания других. Благодаря искусству и гуманитарным наукам (humanities) мы можем расширить эту сферу знания и разделить его с другими на благо взаимного самоосуществления.

Основным выразителем этого протеста явился Абрахам Маслоу. Неудовлетворенность традиционной психологией, а также нежелание журналов, отражающих официальное психологическое направление, печатать его статьи, привели Маслоу к попыткам инициировать новое движение в психологии. К нему присоединился психотерапевт из Калифорнии Энтони Сьютич (Anthony Sutich). Им удалось привлечь к движению и других разочаровавшихся в традиционной психологии и совместными усилиями организовать Американскую Ассоциацию Гуманистической Психологии (впоследствии отбросившую обозначение «Американская»), которая в конце концов превратилась в «Сейбрукский институт» (Saybrook Institute), названный так в честь места первой их встречи в 1964 году. Их первый информационный бюллетень призывал присоединиться к движению всех тех, кто не согласен (а) со взглядом на человека как на «совокупность отдельных функций», (б) с заимствованием психологией методов физики и (в) с развитием клинической практики по образцу медицинской. Со временем из этого информационного бюллетеня вырос «Журнал гуманистической психологии» (Journal of Humanistic Psychology).

Взгляды некоторых из основателей этой организации заслуживают нашего внимания. Гордон Олпорт (Gordon Allport, 1960, 1961), занимавшийся психологией личности, начал сомневаться в приемлемости использования методов естественных наук в психологии, несмотря на то, что он сформулировал концепцию черт личности и разработал тесты для их объективного измерения. В середине 1940-х годов его деятельность привела к отделению представителей клинической и социальной психологии, культурной антропологии и социологии, работающих в Гарвардском университете, и образованию нового факультета социальных отношений. Олпорт подчеркивал значение роста или *становления (becoming)* как направленного на достижение целей — такой предмет, как цели, в значительной степени игнорировался традиционной психологией. Олпорт утверждал, что психология придает основное значение групповым нормам и другим статистическим показателям («номотетическому») и в значительной степени упускает из вида индивидуальный опыт («идиографическое»).

Недирективная, или клиент-центрированная, терапия, разработанная Карлом Роджерсом (Carl Rogers, 1942, 1951, 1961) оказала значительное влияние на психотерапию благодаря тому, что представляла собой радикальный отход от теории и практики психоанализа, позволяя индивидууму самому определять путь к своему выздоровлению и наиболее полному выражению себя. При таком подходе психотерапевт принимает роль консультанта, а не руководящей инстанции, и предлагает клиенту свое принятие (его как личности), честность (открытость) и понимание, что позволяет последнему устранить социальные преграды на пути собственного роста. Именно клиент, а не терапевт наделен интуицией, касающейся его собственного роста. Теория личности Роджерса предполагает наличие «феноменального поля», составляющего опыт всей жизни индивида. Одной из областей этого поля является «я», включающее отношение к себе и другим людям и сформированные на основе этого отношения ценности. «Я» постоянно оценивает различные области феноменального поля и является наиболее здоровым тогда, когда находится в соответствии с «идеальным я», то есть когда «я», каким оно хотело бы быть, максимально совпадает с тем, каково оно есть.

Теории личности Генри Мюррея, Гарднера Мёрфи, Джорджа Келли и Абрахама Маслоу также оказали важное влияние на развитие гуманистической психологии (Smith, 1990)[2]. Маслоу (Maslow, 1954) не выступал против психоаналитической теории личности столь же резко, как Роджерс, однако он хотел добавить к ней более светлую и здоровую сторону. Он предложил теорию мотивации, получившую всеобщую известность и излагаемую во всех вводных курсах психологии, а также в литературе, посвященной темам мотивации и личности. В ней предлагалась иерархия врожденных человеческих потребностей: физиологические потребности, такие как голод, жажда и секс, нуждаются в удовлетворении в первую очередь. Затем следуют потребности в безопасности и защищенности; вслед за ними потребность в любви и чувстве принадлежности; и наконец, самоуважение — принятие и уважение своего «я». Лишь после того как эти «потребности в восполнении дефицита» («deficiency needs») удовлетворены, высший потенциал человека может быть реализован. Это и есть самоактуализация. Для одного индивидуума она может выражаться в области искусства, для другого в науке, а для третьего — в покорении горных вершин. Маслоу считал, что самоактуализированные люди являются наиболее здоровыми и что изучение ценностей этих людей может привести к формированию научно обоснованной универсальной этической системы. Она включала бы такие ценности, как истина, добро, красота, веселье, справедливость и радость. Те, кого можно назвать самоактуализированными, достигают «вершинных», или «пиковых», переживаний

[2] Тэйлор (Taylor, 1995) показал, что теория личности сыграла решающую роль в становлении гуманистической психологии.

(«peak experiences»), в которых они поднимаются над своим обычным уровнем бытия, обретают свои высшие способности и становятся едиными с космосом, живя полноценной жизнью здесь и сейчас и переживая эйфорическое блаженство (euphoric high). Те, кому не удается достичь самоактуализации, становятся невротичными, больными и лишенными аутентичности (nonauthentic) (Maslow, 1961).

Согласно Роджерсу (Rogers, 1961), достижение аутентичности должно являться целью каждого индивидуума, что означает следовать своему собственному пути, а не чужим указаниям. У каждого человека есть свое «истинное я» или его «внутренняя сущность» — это и есть аутентичность; она является уже полностью развитой и доступной ему. Потребность в саморазвитии при этом отпадает. Чтобы достичь аутентичности или самоактуализации, человек должен актуализировать свою личность, живя в согласии со своей внутренней сущностью. Это скорее вопрос раскрытия своего истинного "я", чем его создания. Нехер (Neher, 1992) указывает на то, что «если бихевиористы традиционно заявляли, что "вы можете стать кем захотите, и мы покажем вам, как это сделать", то Маслоу и другие теоретики-нативисты утверждают: "вы можете стать лишь тем, чем ваш природный потенциал позволяет вам стать, и ничем иным"» (p. 96).

Роджерс (Rogers, 1985) считал, что гуманистическая психология оказала значительное влияние на американскую культуру, но лишь незначительное влияние на научную психологию. Он обнаружил, что во всей Америке нет ни одной докторской программы или интернатуры по данному направлению, одобренной Американской психологической ассоциацией. Методы исследования гуманистической психологии также оказали незначительное влияние, поскольку психологи, прошедшие подготовку в области гуманистической психологии, как правило, становятся практикующими психологами, а не выбирают академическую карьеру в крупнейших университетах.

Актуализирующая тенденция, самоактуализация и тенденция роста представляют собой биологические аналогии, базирующиеся на аргументации Курта Гольдштейна, указывающего на то, что организм реорганизуется и самоактуализируется после повреждения (DeCarvalho, 1990b; 1991). Гештальт-психологи снабдили нас концепцией целостности индивидуального опыта и его роли в определении поведения. (Гештальт-психологию не следует путать с *гештальт-терапией*, которая не имеет к ней никакого отношения; впоследствии гештальт-терапия внесла вклад в развитие приемов и методик, используемых в группах встреч). Экзистенциальная психология (см. главу 12) также оказала значительное влияние на гуманистическую психологию, в особенности на Маслоу и Ролло Мэя (Rollo May, 1961, 1967, 1983). Оба они подчеркивали центральную роль непосредственного опыта в понимании того, что значит быть человеком, как это делают сторонники экзистенциализма. Однако они не разделяли свойственного экзистенциалистам пессимизма — положения о том, что страх сопровождает осознание своей свободы брать ответственность за себя во вселенной — вселенной, лишенной смысла. Они также критиковали утверждение Сартра (Sartre, 1943/1957) о том, что люди и их свобода — это «ничтожность бытия» («nothingness of being») (p. 441). С точки зрения Мэя, мы поддались материализму и отказали гуманитарным наукам (humanities) в значимости. В значительной степени, утверждает он, это вызвано тем, что наши университеты вытеснили большую часть гуманитарных наук и искусств безличными науками и технологией (в частности, бухгалтерским делом, вычислительными машинами и физическими науками). Последние ориентируют нас на пассивное существование, лишенное смысла. Только когда мы осознаем, до какой степени лишили себя смысла, и испытаем всю глубину отчаяния, сопровождающего это осознание, мы обретем возможность подлинного выбора и самореализации, считает Мэй.

Хотя представители гуманистической психологии достаточно конкретно указывали на то, против чего они выступали, они были значительно менее конкретны в отношении провозглашаемых ими взглядов. Ниже перечислены некоторые из таких положений, сформулированных Генри Мюрреем в его основном докладе на конференции в Сэйбруке в 1964 году[3]. Предметом изучения должны стать: (а) люди, а не животные; (б) весь человек, рассматриваемый во всех его аспектах и как целостность; (в) человек в контексте всей его жизни; (г) внутренний, сокровенный человек (internal person) как дополняющий внешнего человека до целостности; (д) человек в естественном окружении, а не в лабораторных условиях; (е) положительные характеристики, составляющие для человека счастье и радость жизни; (ж) волевая активность; (з) философия жизни, включая систему ценностей, рассматриваемую во времени. Данное перечисление не отличается четкой последовательностью и не содержит общей структуры. Список, приводимый Симпсоном (Simpson, 1977), включает «использование энергетических потоков и естественную способность организма поддерживать собственное равновесие», а также заимствованное у трансперсонализма (см. с. 120) «духовное измерение» (p. 76). Шарлотта Бюлер (Charlotte Buhler, 1971), психиатр и бывший президент Ассоциации гуманистической психологии, заявляет в качестве принципиальных интересов данной системы (а) конкретного человека во всей его полноте; (б) стержень (the core) всей его жизни (возможно, неосознаваемый, но, как правило, «прослеживаемый»); (в) интенциональность (осознанную и неосознанную «ориентацию

[3] Хотя этот доклад не был опубликован, Тэйлор (Taylor, 1995) ссылается на его архивную рукопись.

по отношению к миру») и (г) мотивацию и целеполагание (goal setting). Как пишет Бюлер: «Общий знаменатель этих концепций состоит в том, что все гуманистические психологи видят цель жизни в использовании собственной жизни для совершения того, во что человек верит, будь то саморазвитие или другие ценности. Исходя из этого они ожидают реализации каждым человеком заложенного в нем потенциала, на которую внутренне нацелены (determine themselves) все люди» (p. 381). В последнее время Де Карвало (De Carvalho, 1990b) опубликовал следующий список: (а) каждый человек — это единое целое (holistic unit): он отбирает и организует стимулы и не реагирует на стимулы напрямую, самостоятельно решая, как и когда на них отвечать; (б) люди действуют, сообразуясь с собственной целью и мотивацией; (в) люди обладают способностью направлять свое существование. Маслоу называл последний пункт «самоактуализацией»; Гордон Олпорт называл это «функциональной автономией»; а Ролло Мэй и Карл Роджерс, заимствуя термин экзистенциалистов, — «аутентичностью».

Сэсс (Sass, 1989) считает, что в этом разнообразии формулируемых принципов гуманистической психологии можно выделить четыре концепта, охватывающие ее «центральное ядро»: (а) свобода выбора, противопоставляемая детерминизму причинно-следственных связей; (б) уникальность каждого отдельного человека; (с) личная сфера, субъективность, или внутренняя реальность, и (г) самопрозрачность (self-transparency), «глубинный источник свободы и локус уникальности и интимности», а также «источник уверенности и ясности в отношении человеческого существования» (p. 442).

Подвергая принципиальной критике традиционную психологию, Ричлак (Rychlak, 1976, 1988) утверждает, что психология пошла по пути физических наук и изгнала из своей сферы как диалектическое мышление, имеющее дело с оппозициями и биполярными отношениями (заменив их однополярными или линейными причинно-следственными отношениями), так и телеологию (конечную причину или конечную цель), объясняющую направление движения вещей. Он упрекает психологов в том, что они формулируют свои теории (человеческой) природы таким образом, чтобы те соответствовали методам исследования, и что это смешение теории и методов привело к механистическому взгляду на человека, превратив его в механизм обработки информации и кибернетическую модель. В отличие от них, гуманистическая психология обратилась к интроспективным отчетам и базирующимся на их основе телеологическим объяснениям: люди не только реагируют на стимулы, но и направляют себя по отношению к целям и альтернативным целям, которые они концептуализируют. Именно ориентируясь на эти цели (телеологические реакции), они действуют логически. Телеология — это «связь, объединяющая всех гуманистов» (p. 217). Именно благодаря тому, что мы осознаем альтернативы, наше поведение оказывается биполярным или диалектическим, утверждает он. Ричлак, в отличие от ряда других представителей гуманистической психологии, настаивает на том, что она не может полагаться на философию и гуманитарное знание для своего обоснования, но должна проводить строго научные исследования для подтверждения своих теорий.

Ричлак допускает наличие в теле разумной души — диалектически мыслящего разума. Воздействие стимулов побуждает разум к размышлению о том, что стоит, например, завести коккер-спаниэля, но в то же время и о противоположном — что *не* стоит заводить коккер-спаниэля. Разум имеет возможность свободно выбирать, действовать или не действовать в соответствии с его собственными мыслями. Мышление и другие когнитивные события не ограничены стимулом: разум вносит активный вклад в содержание (мышления), выходящее за пределы того, что предоставляет стимул; он структурирует мир и придает ему смысл. Ричлак выдвигает «теорию логического научения» («logical learning theory»), предполагающего направление целью («телереакцию» [«telosponse»]). Поведение, говорит он, не сводится к S—R связям, оно направлено на осуществление целей, которые имеют смысл. Люди учатся для того, чтобы совершенствовать свое целесообразное понимание опыта. Обучение — это двухступенчатый процесс, включающий биполярность наблюдаемой вещи и ее референта. Такой механизм делает возможным телеологическое рассуждение, при котором один из полюсов указывает на другой, тем самым устраняя ограниченность понимания, обусловленную контактом только с одним полюсом. Благодаря этому становится возможным произвольный выбор. Только таким путем можно прийти к целесообразному пониманию, имеющему смысл для конкретного человека.

В соответствии с представлениями гуманистической психологии, все люди находятся в процессе непрерывного становления, реализуя в той или иной степени возможность стать такими, какими им позволяют стать их способности (capacities). Они избирают свой жизненный путь и принимают на себя ответственность за свою самость (selfhood) и свои достижения в жизни. Для того чтобы достичь всего, на что они способны, люди должны быть функционально автономными (по Олпорту) или самоосознающими (self-aware) и центрированными (centered) (по Мэю). Согласно Маслоу, «я» должно достичь спонтанной интеграции и затем заняться актуализированием собственного потенциала через посредство своего «инстинктоида» («instinctoid»), подталкивающего его вперед. Инстинктоид — это биологический потенциал, который индивид открывает в себе и доводит до актуализации посредством творческого процесса (Maslow, 1968). В отличие от такой биологической характеристики актуализации, Мэй утверждает, что процесс становления осуществляется не через

биологические механизмы, а через противостояние тревогам (anxieties), возникающим в условиях нашего существования, и самоосознавание (self-awareness), вызываемое этим процессом. Роджерс полагал, что в основе человеческой природы лежит добро и при наличии соответствующих возможностей эта природа способна реализовать свой внутренний потенциал роста. Маслоу также верил в доброкачественность человеческой природы и в то, что при благоприятных обстоятельствах самоактуализация должна произойти. В отличие от них, Мэй, чьи взгляды уходят своими корнями в экзистенциализм, считал зло и тревогу наряду с добром определяющими факторами бытия, аутентичности, выбора и смысла.

Дэвидсон (Davidson, 1992) отмечает наличие двух подходов к тому, как данная система выделяет человека из ряда других существ. Один из них берет свое начало в светском гуманизме, который использует идею эволюционного развития, чтобы возвести человека на ступень, качественно отличную от положения других животных. Светский гуманизм тесно связан с философией науки и другими нерелигиозными источниками. Согласно этому подходу, люди создают Бога по своему образу и подобию, а не наоборот, и любые улучшения положения людей могут являться лишь результатом человеческих усилий, а не исходить от Бога или богов. Люди наделены способностью создавать собственную этику, ценности и философию жизни и будут делать это, если не встретят на своем пути препятствий со стороны догматизма и авторитетов. Второй подход, трансперсональная психология, находит отличие человека в духовности: «человеческие существа являют собой воплощение Божественного, созданы по образу и подобию Творца, а потому стоят особняком по отношению ко всем остальным тварным существам благодаря своему потенциалу к просветлению» (p. 146). Данный подход берет свое начало в мистицизме, неоплатонизме и восточных религиях. Маслоу (Maslow, 1968) предрекал появление «трансперсональной, трансчеловеческой» психологии, сосредоточенной на «космосе, а не на человеческих потребностях и интересах» (p. iv), как «Четвертой психологии», которая явилась бы более высокой ступенью по сравнению с Третьей силой гуманистической психологии.

Трансперсональная психология, контркультура и «Нью Эйдж»

Трансперсональная психология находилась в тесной связи с гуманистической психологией, будучи объединена с нею рядом общих основателей и издателей журналов. По мере формирования гуманистической психологии и сосредоточения ее на вопросах саморазвития, группах встреч и психотерапии в целях индивидуального роста, Маслоу и его близкий коллега Энтони Сьютич отошли от нее, чтобы иметь возможность заниматься вопросами духовности, измененных состояний сознания и стимулирования (nurturing) внутреннего опыта. Они основали трансперсональную психологию и стали издавать «Журнал трансперсональной психологии» (Journal of Transpersonal Psychology), повторяя путь, который они прошли при основании гуманистической психологии. Трансперсональная психология «посвящена изучению предельных человеческих возможностей (capacities), объединяющего (unitive) сознания, пикового опыта, экстатических состояний, мистического опыта и самотрансценденции» (Taylor, 1992, p. 289–290). Для нее характерна связь с индуизмом, иудаизмом, христианством, суфизмом (персо-иранской исламской сектой), шаманскими путешествиями сознания (vision quests), трансцендентализмом Эмерсона, неоплатонизмом, парапсихологией, исламом, буддизмом и другими источниками мистицизма; кроме того, она использует различные техники медитации как средства контролирования «состояний сознания». Тарт (Tart, 1975) больше других способствовал установлению ее связи с суфизмом и другими формами мистицизма и продолжал развивать оккультный элемент в гуманистической психологии (Tart, 1992)[4]. Экономическую базу трансперсональной психологии обеспечивают ее контакты с движением «Нью Эйдж», последователи которого покупают книги по трансперсональной психологии и обеспечивают ей каналы коммуникации благодаря публичным лекциям, конференциям, альтернативной медицине, практикуемой в сети оздоровительных клиник, рекламе в альтернативных изданиях и массовой реализации литературы (Taylor, 1992). В последнее время она также использует Интернет.

Согласно мнению Вица и Модести (Vitz & Modesti, 1993), сторонники движения «Нью Эйдж» считают, что традиционная религия и философия, как и наука, не только не оправдали возлагаемых на них ожиданий, но являются одним из источников проблем. Эти люди стремятся революционизировать общество с помощью мистицизма или спиритуализма, основывая сеть своих организаций по всему миру с целью установления нового мирового сообщества. Им в какой-то степени удалось достичь успеха в распространении альтернативной или холистической медицины и взять в свои руки ведущую роль в движении за человеческий потенциал, «в котором раскрытие своего внутреннего потенциала является источником позитивной личностной трансформации» (p. 47). Границы движения продолжают смещаться, по мере того как развиваются новые верования и ритуалы; однако можно идентифицировать некоторые общие положения, такие как: (а) все существующее едино, будь то бог, человек или неодушевленный предмет; (б) все существующее есть бог; (в) люди — это бог; (г) человек может осознать эти истины путем внутренней трансформации, ведущей к косми-

[4] См. работу Рэнди (Randi, 1982), в которой описываются парапсихологические опыты Тарта.

ческому сознанию, самореализации, просветлению и т. д., посредством техник, которым могут обучить последователи «Нью Эйдж»; (г) космическое единство — основополагающий принцип всех религий и (д) сознание всего этого принесет людям мир и блаженство. Зажиточные американцы, влившиеся в движение из распавшихся традиционных протестантских общин, или бывшие католики составляют большинство последователей «Нью Эйдж». Они часто связаны с психоделической культурой и сопутствующими религиозными практиками, к которым относится, в частности, шаманизм. Развитию движения способствует также и ряд социальных факторов, к которым относятся (а) утрата корней и распад традиционных культур Америки; (б) укрепление движения за человеческий потенциал в Калифорнии, где находится Эсаленский институт (Esalen Institute), а также разнообразных оккультных практик, в особенности — в южной части штата, где образовалась смесь из различных религий; (в) гуманистическая психология Маслоу с его концепцией «пикового опыта», а также поддержкой, оказываемой им Эсаленскому институту и трансперсональной психологии; (г) вклад Карла Роджерса и его концепции центрированной на субъекте терапии в гуманистическую психологию; (д) появление *«Журнала трансперсональной психологии»*, в котором ученые и другие интеллектуалы узаконили концепцию трансцендентных или духовных экстатических состояний, посредством которых, как утверждают некоторые, человек может найти внутреннее божественное «я» и объединить его с космической божественностью, и (е) подчеркивание Карлом Юнгом роли религии и мифологии как части бессознательного.

Трансперсональная психология явилась составной частью контркультуры, возникшей в связи с распространением психоделиков и протестами против вьетнамской войны. Те, кто использовал наркотики как религиозную святыню, получили прозвище «хиппи». На протяжении непродолжительного периода времени, кода они выступали против войны, призывали к любви и миру, отворачивались от традиционного общества и проповедовали жизнь согласно простым принципам, их называли «дети цветов». Гуманистическая психология и контркультура родились приблизительно в одно и то же время — в 60-х годах. К 1969 году контркультура начала преобладать над гуманистической психологией (Taylor, 1995); чему способствовал ряд точек «резонанса» (Smith, 1990):

- Самореализация индивидуума в отрыве от заботы о других людях.
- Вера в способность к совершенствованию людей при игнорировании социально-политических условий.
- Акцент на самораскрытии или «полном отпускании тормозов» («letting it all hang out») в сочетании с поощрением кратковременных интимных связей и пренебрежением длительными отношениями.
- Потакание себе в настоящем при игнорировании будущего и долгосрочных целей.
- Стремление к получению немедленного удовлетворения, включая наркотики и секс.
- Принижение роли науки и рациональности и увлечение оккультным.

Широкое распространение получил «тренинг сензитивности» и «личностного роста» — иногда включающий такие методики, как групповая терапия обнаженных, физические ограничения во время «стимуляции» (техника, известная под такими различными названиями, как Z-процесс, терапия привязанности и редукция гнева), а также различные «чувственно-сенсорные» («touchy-feely») процедуры. На конференциях подчеркивание ведущими представителями гуманистической психологии трансперсонального элемента ощущалось настолько сильно, что Смит (Smith, 1982) посетовал на то, что «движение гуманистической психологии стало отдаляться от человеческого, обратившись к поискам сверхъестественного и божественного» (p. 4).

Когда контркультура пропитала собой гуманистическую психологию и взяла над ней верх, многие из ее ранних приверженцев стали отпадать от нее. Движение групп встреч, в особенности представленное Эсаленским институтом в Калифорнии, стало особенно влиятельной составляющей контркультуры. Группы встреч проходили в интенсивном тренинговом режиме, часто с проведением марафонских сеансов, преследующих цель получения холистического эмоционального опыта здесь-и-сейчас через спонтанные групповые взаимодействия, оказывающие сильное давление на отдельных участников для достижения полного самораскрытия и переживания интенсивных чувств. В Эсалене возникли трения между теоретиками и практиками движения; и когда Маслоу стал настаивать на поддержании рациональной ответственности, Фриц Перлс назвал его «подслащенным фашистом» (Russell, 1992). В Эсалене процветали йога, медитация и массаж. По оценкам Смита (Smith, 1990), эти группы «казалось, пытались компенсировать порожденное обществом отсутствие смысла (веры), надежды и общности» (p. 13), однако, как он отмечает, эти попытки были несерьезными и поверхностными. Он указывает на то (Smith, 1978), что под влиянием трансперсонализма гуманистическое направление «упустило из вида конечную человечность повседневной жизни в погоне за невыразимой бесконечностью» (p. 29). Некоторые критики окрестили гуманистическую психологию «гуманно-мистической психологией» («human-mystic psychology»).

Будущее гуманистической психологии

Смит (Smith, 1990) склонен видеть близкий конец гуманистической психологии как научной дисциплины, однако полагает, что существуют два современ-

ных течения, которые, возможно, подхватят ее принципы: (а) возрождающиеся холистические подходы к личности, которые могут занять место ситуационных подходов (situationism), и (б) подходы к индивидуальному развитию в перспективе времени жизни (life-span human development), учитывающие диалектические отношения между людьми и меняющимися в ходе истории социальными условиями их жизни. Анализируя критику психологии, исходящую из различных источников, и предсказания ее распада на ряд отдельных дисциплин, Смит (Smith, 1994) полагает, что психология может пойти своим собственным путем, выбрав в качестве предмета изучения «человеческую рефлексивность», но что психология развития, психология личности и социальная психология останутся центральными областями «наук о человеке» («human science»), занимаясь развитием сообществ, индивидуальным развитием, психотерапией и образованием. Исследования и теория будут продолжать развиваться в соответствии с «традиционной концепцией науки, имеющей целью последовательное приближение к истине в том, что касается причинного анализа условий и следствий, однако с обязательным обращением к человеческим смыслам и ценностям» (p. 114). Таким образом, Смит видит будущую роль гуманистической психологии не в проведении радикальных реформ, а в добавлении нового измерения, которое данное направление считает ключевым.

Джорджи (Goirgi, 1992b) утверждает, что поскольку смысл того, что значит быть человеком, является центральным для данного подхода, он должен сосредоточить свои усилия на строгом научном анализе этих смыслов. Сэсс (Sass, 1989) полагает, что данная система может постепенно отойти от гуманистических понятий и вобрать в себя более широкое содержание трансперсональной психологии.

Теория хаоса подвергает сомнению взгляд на универсальный характер линейных и предсказуемых событий, а с другой стороны, показывает, что сложные и, казалось бы, случайные события содержат в себе внутренний порядок. Исходя из этого, Криппнер (Krippner, 1994) считает, что она может явиться базисом для психологии, подчеркивающей роль креативности и здоровья и использующей качественные методы исследования, которые были бы совместимы с гуманистической психологией.

ПОЛУЭКСПЛИЦИТНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

Основатель гуманистической психологии Абрахам Маслоу, по-видимому, является наиболее подходящей фигурой для выделения в его работах системы постулатов данной психологической системы. Он выдвинул ряд «предпосылок» («assumptions»), а также ряд «предположений» («propositions»), из которых может быть достаточно прямым образом выведен ряд постулатов (Maslow, 1968); другие же фрагменты его работ могут послужить источником дополнительной информации для выведения постулатов.

• Метапостулаты *(поддерживающие допущения для конкретной науки)*.

1. Психологические события «биологически обусловлены».

Следствие 1: Психология зависит от биологии.

Следствие 2: Психологические события имеют причину в биологии индивида или в активности души (mind) биологического организма.

2. Психологические события являются отчасти единичными и отчасти всеобщими — их универсальный компонент представляет собой биологические влияния.

3. Психологические события — это не механизмы (mechanisms), а смыслы (meanings).

4. Психологические события относятся одновременно и к области естественного, и к области мистического.

• Постулаты *(допущения, относящиеся к предмету изучения)*.

1. Человек представляет собой отчасти — тело, и отчасти — душу (mind), или «я» (self); при этом «я» отлично как от поведения, так и от тела.

Следствие: Психология придает первостепенное значение конструктам.

2. «Я» обладает биологически детерминированными ценностями, которые следует рассматривать скорее как социально нейтральные или позитивные, чем как деструктивные и негативные.

3. Биологические детерминанты являются слабыми и легко изменяются под воздействием окружающей среды.

4. Биология наделяет человека иерархией потребностей: от потребностей отдельных тканей (органических потребностей) до социальных и личных потребностей.

5. Человек есть причина самого себя (self-causative).

ИССЛЕДОВАНИЯ

Невозможно четко разграничить, что входит в сферу гуманистических исследований, а что не входит в нее. Используемым здесь критерием является точка зрения самих исследователей, определяющих свои исследования как гуманистические, а также других представителей гуманистической психологии, относящих данные исследования к своему направлению. Некоторые из рассматриваемых нами исследований также причисляются к экзистенциальной или феноменологической системам.

Поскольку гуманистическая психология считает, что контролируемые лабораторные исследования или

квантификация (количественные измерения) полностью упускают из вида то, что является исключительно человеческим в человеческих существах, они, как правило, выступают против подобных методов исследования. Те, кто все же прибегает к количественным методам, в большинстве случаев используют оценочные шкалы (Ebersole & Quiring, 1991; Prasinos & Tittler, 1984); однако эти инструменты также предполагают механистический и технологический подход, а потому, по мнению Джорджи (Giorgi, 1992b), неприемлемы. Экзистенциально-феноменологический подход, который предпочитает Джорджи, предлагает игнорировать вопросы надежности и валидности, а также количественные показатели, и начинать с предмета изучения, адаптируя к нему методологию исследований. Считая, что смысл раскрывает себя в языке, Ризон и Рауэн (Reason & Rowan, 1981) рекомендуют использовать лингвистические методы. Аанстуз (Aanstoos, 1987, цит. по: Polkinghorne, 1992) находит, что в настоящее время используется пять основных качественных методов и двенадцать или более дополнительных методов. Есть также и те, кто принимает любую методологию (в частности, Lindauer, 1974; Rychlak, 1988; Tageson, 1982), которая была бы сбалансированной и сосредоточенной на вопросах, центральных для гуманистической психологии. В отличие от других Ричлак (Rychlak, 1988) утверждает, что поскольку количественные методы, характерные для поведенческих наук, не зависят от теории, они также приемлемы, и использует их в собственных исследованиях.

По мнению Дэвидсона (Davidson, 1992), «самая слабая сторона [гуманистической психологии] состоит в том, что она рассматривается как дисциплина, которой еще только предстоит оказать долгосрочное влияние» (p. 148). Она не может полагаться лишь на философские утверждения и должна преодолеть свое сопротивление систематическим исследованиям и выступить с эмпирическими исследованиями, имеющими дело с жизнями конкретных людей, используя методы, характерные для феноменологии, этнологии и текстологических (narrative) исследований.

Контролируемые исследования

С целью проверки своей «теории логического научения» Ричлак (Rychlak, 1976, 1988) осуществил широкомасштабную программу исследований, посвященных аффективному реагированию или подкрепляющей *ценности* (reinforcement *value*), то есть концептуальной ценности в отличие от подкрепления паттерна поведения. Концептуальные ценности, которые мы чему-то придаем, делают возможным выбор образа действия для получения определенного результата (выигрыша, вознаграждения) или его альтернативы (заводить коккер-спаниеля или не заводить), обеспечивая, таким образом, диалектический процесс. Он провел серию экспериментов с использованием бессмысленных слогов, оцениваемых по их подкрепляющей ценности как приятных или неприятных, а затем дополнил их экспериментами на узнавание слов, лиц и изображений. Полученные результаты подтвердили его теорию. Например, оппозициональность в научении (диалектическое реагирование) подтверждается тем фактом, что люди заучивают оппозиционные (противоположные) значения неприятных им слов лучше, чем противоположные значения приятных слов. Учащиеся достигают более высоких результатов при выполнении приятных для них, в отличие от неприятных, задач и запоминают приятные лица лучше, чем неприятные. Ричлак распространил свои исследования на личностные характеристики и обнаружил, что они коррелируют со степенью, в которой задача является приятной для индивида. Иными словами, Ричлак пытался продемонстрировать, что научение — это не механическое связывание стимула и реакции, как следовало бы из теорий классического и оперантного обусловливания; скорее, утверждает он, люди научаются лучше всего, когда они могут направить свой выбор на то, что они ценят.

Празинос и Титтлер (Prasinos & Tittler, 1984) вычисляли корреляции между показателями студентов колледжа, отвечавших на опросник типов любви (questionnaire on lovestyles), и их показателями по пяти другим шкалам. Поскольку «агапический»* («agapic») тип любви (бескорыстная, нежная и заботливая любовь) показал значительную корреляцию с (а) отношением к жизни (life regard) (постановка целей и стремление к их достижению), (б) духовностью, (в) самоуважением (self-esteem), (г) силой эго (перевод намерений в действия и поддержание контроля за напряжением) и (д) любвеобильностью (lovingness), он оказался самым «успешным». Высокая самооценка и самоуважение говорили о следующем: чтобы любить других, сначала необходимо научиться любить себя. За «агапическим» типом любви в нисходящем порядке следовали «людический» («ludic»)**, «эротический»*** (ищущий идеальный тип тела), «сторгический» («storgic»)**** (с посте-

---

* Агапэ (Agape) — в Древней Греции жертвенная, бескорыстная, всепрощающая и заботливая любовь. — *Примеч. науч. ред.*

** Людис (Ludis) — в Древней Греции сосредоточенная на себе, гедонистическая любовь-игра, любовь-состязание. — *Примеч. науч. ред.*

*** Эрос (Eros) — в Древней Греции стихийная, страстная любовь, требующая телесного, физического слияния и обладания. — *Примеч. науч. ред.*

**** Сторгэ (Storge) — в Древней Греции дружеская, прочная, безмятежная любовь между двумя близкими людьми (например, друзьями). *Примеч. науч. ред.*

пенным развитием привязанности и предвкушением длительных отношений), «прагматический»* (с соответствием друг другу по возрасту, уровню образования и другим демографическим показателям) и «маниакальный»**. Маниакальный тип любви коррелировал со страхом смерти и имел минимальные — и даже отрицательные — связи с самооценкой. Была обнаружена некоторая корреляция всех типов любви со шкалой маниакальности (manic scale). Каждый из типов любви, по мнению исследователей, обладает особой «психологической структурой». Он представляет собой «один из важнейших компонентов «я» и указывает на «более глобальную экзистенциальную матрицу индивида»: «То, как человек любит, является частью картины, показывающей, как он относится к жизни и факту собственного существования» (p. 108).

Эберсоул и Квайринг (Ebersole & Quiring, 1991) разработали шкалу Смысла полноты жизни (Meaning of Life Depth, MILD) в дополнение к другой шкале, называемой тестом «Цель жизни» (Purpose in Life Test, PIL). PIL измеряет силу смыслов (strength of meanings) в том виде, как она проявляется в чувствах и энтузиазме. MILD — в большей степени интеллектуальная, чем аффективная шкала, измеряющая компоненты смыслов. Оцениваемое лицо пишет маленькие заметки (paragraphs), которые оцениваются по уровню смысла (degree of meaning) в соответствии с пятью критериями. Было установлено, что лица с высокими показателями смысла — это «как правило, работящие, успешные, зрелые, социально адаптированные, придерживающиеся относительно традиционных взглядов люди старшего поколения» (p. 122).

Пытаясь определить, в какой степени волевое поведение является самодетерминированным (self-determined), Ховард (Howard, 1992) просил испытуемых чередовать периоды, когда они должны заниматься какой-либо деятельностью и воздерживаться от нее (поочередно есть и не есть вкусную, но имеющую низкую питательную ценность пищу, откладывать дела на потом и избегать этого, регулярно делать зарядку и не делать ее и т. д.). Поскольку испытуемые соглашались выполнять инструкции, когда задания были этически нейтральными (никому не причиняли вреда), но их выполнение вызывало все большие трудности по мере того, как этические последствия заданий становились все более ощутимыми, Ховард интерпретировал результаты как свидетельство самопричиняющей силы воли (self-causing will power).

Джерард (Jourard, 1978) использовал опросник самораскрытия (сорок вопросов, касающихся информации личного характера) с целью определить, связаны ли астрологические типы (знаки) студентов колледжа с присущими им паттернами самораскрытия. Он не обнаружил статистически значимых связей.

Большинство гуманистических психотерапевтов сопротивлялось любым попыткам оценить их работу. Они считали, что субъективные свидетельства — это все, что необходимо, и все, что уместно в данном случае. Тем не менее Роджерс (Rogers & Diamond, 1954) чувствовал необходимость получения такой оценки и провел первое контролируемое исследование психотерапии. Для сравнения терапевтической группы с контрольными группами использовались Q-сортировка, TAT (Тематический апперцептивный тест, разработанный Мюрреем, основным докладчиком на конференции в Сейбруке), оценочные шкалы, а также записи интервью. Результаты, полученные с помощью разных методик, были неоднозначными, однако, как показала Q-сортировка, в которой «я» сравнивалось с «идеальным я», психотерапевтическая группа значимо отличалась от контрольных групп, показывая последовательное приближение «я» участников к их «идеальному я». По мнению авторов, это также указывало на рост самоуважения и более совершенное приспособление. В целом результаты показали, что клиент-центрированная терапия обеспечивала заметное улучшение приспособления клиентов к социальной жизни. Несмотря на то, что Роджерс признал необходимость в оценке психотерапии и провел такую оценку на примере собственной работы, позднее он ввел практику групп встреч без какого-либо объективного подтверждения их положительного эффекта.

В другом исследовании использовались TAT, чернильные пятна Роршаха, а также Q-сортировка утверждений, касающихся своего «я» и идеального «я», выбранных для детального анализа конкретного человека, который характеризовался как в высшей степени счастливый (Ricks & Wessman, 1966). Авторы отмечают, что психология не проявляет особого интереса к такой характеристике, как счастье. В разделе *«Журнала гуманистической психологии»*, посвященном постоянным авторам (contributors), его редакторы выразили сомнение в совместимости гуманистической психологии с Q-методологией факторного анализа.

Качественные исследования

Используя опросы, «активные интервью» и методы наблюдения за участниками исследований, Белла и его коллеги (Bellah et al., 1985) в течение пятилетнего периода изучали личности более двухсот белых американцев, представителей среднего класса. Они пытались выяснить, «какими ресурсами располагают американцы, чтобы придать смысл своей жиз-

*Прагма (Pragma) — в Древней Греции практичная, рассудочная любовь. — *Примеч. науч. ред.*

** Мания (Mania) — в Древней Греции навязчивая, всепоглощающая и требующая постоянного подтверждения любовь, часто сопровождаемая ревностью, тревогой и страданиями. — *Примеч. науч. ред.*

ни, что они думают о себе и обществе, в котором живут, и как их мнения соотносятся с их действиями» (p. x). Они включили в исследование вопросы, касающиеся (а) любви и брака и их роли в формировании жизни людей; (б) понимания себя терапевтами и клиентами и их взглядов на взаимоотношения и взаимные обязательства; (в) мнений членов добровольных организаций о причинах своего участия в их деятельности и о том, в какой степени это участие придает смысл их жизни; (г) мнений членов политических организаций о перспективах развития общества в целом и о том, как политика соотносится с их личной жизнью. Они выяснили, что многие люди преследовали цели самосовершенствования, занимаясь особыми практиками или участвуя в тренингах, в ходе которых они нередко обнаруживали «нечто выходящее за пределы их собственного "я"» (p. 290). По мере того как традиционный уклад, придающий смысл человеческой жизни, начал утрачивать свою роль, его место стали занимать новые инициативы, касающиеся образа жизни и связанные с занятиями спортом, искусством и поддержанием физической формы. Некоторые разрывались между требующей постоянного соперничества общественной жизнью и личными попытками сделать такую жизнь терпимой. Некоторые пытались совместить и то и другое. Все эти люди стремились адаптировать традиции к складывающимся ситуациям. Хотя неудовлетворенность людей социальными условиями современной жизни велика, большинство из них не стремится к серьезным переменам в жизни страны и продолжает надеяться на возможность достижения хорошей жизни. Многие находят для себя временное утешение в попытках разрешения проблем «нашей нарушенной социальной экологии» (p. 294), хотя отдельные люди чувствуют, что мы впадем в деспотизм, если не реформируем общество.

Используя широкую выборку, Фишир и Верц (Fishir & Wertz, 1979) записали и перевели в тексты пятьдесят интервью с жертвами преступлений. Они пытались выяснить, каково чувствовать себя жертвой преступления, — информация, которую не может сообщить статистика. Процедура заключалась в предварительном составлении краткого описания каждого случая, с акцентом на переживаниях каждого индивида, с передачей близко к тексту их собственных слов. Затем выяснялись последствия произошедших событий и соответствующие личностные смыслы на всей совокупности изучаемых случаев, и результаты представлялись в описательной форме. Затем эти описания сжимались в экзистенциальные смыслы виктимизации, то есть в личностные смыслы, которые помогали людям воспринимать как осмысленный этот страшный жизненный опыт. Далее исследователи возвращались к краткому описанию отдельных случаев в поисках фрагментов опыта, характерных для любых жертв преступления и для существенных составляющих психологической организации такого опыта. Этот завершающий этап давал развернутое описание изучаемого предмета.

Другое исследование, в котором участвовали женщины, также включало запись и перевод в текст интервью (Belenky et al., 1986). Авторы описывают свое исследование как изучающее «пять различных перспектив, в которых женщины рассматривают реальность и формируют свое понимание истины, знания и авторитетов (власти)» (p. 3), а также без ясно прослеживаемой связи с первой целью говорят о своем намерении «проанализировать вместе с женщинами их опыт и проблемы с их точки зрения как учащихся (learners) и знатоков (knowers), а также рассмотреть истории их прошлого с целью изменения их представлений о себе и отношений с другими» (p. 11). Респонденты представляли собой широкую выборку, включающую 135 женщин, 90 из которых были отобраны из образовательных учреждений различного типа и 45 — из агентств по оказанию консультативной помощи в вопросах ухода за ребенком. В интервью продолжительностью от двух до пяти часов женщин просили рассказать о жизни *«со своей точки зрения»* [выделено авторами] (p. 11). Авторы предусмотрели в интервью ряд разделов для получения конкретных оценок, которые выставлялись независимыми экспертами, не разговаривавшими с самими женщинами. Они сгруппировали взгляды респондентов на знание в пять категорий и разработали дополнительные категории кодирования для опыта, связанного со своим личностным развитием и средой обучения. На основании полученных данных авторы пришли к выводу, что образование могло бы больше помочь женщинам, если бы «в нем было больше того, что связывает, а не разделяет», больше одобрения, чем оценки, сотрудничества, чем полемики, больше уважения к личному опыту и поощрения обучающихся искать свои собственные подходы к работе.

С целью выявления «личных конструктов», индивидуальных перспектив или способов «конструирования» (истолкования) опыта Боттерилл (Botterill, 1989) использовал пять бесед с одним и тем же лицом, проведенных до и после его поездки в Японию. Используя компьютерный анализ репертуарной решетки, он извлекал личные конструкты по мере их изменения в различные моменты времени. Результаты предыдущих бесед использовались в последующих беседах. Также применялись фотографии, которые респондент сделал в Японии. В последней беседе «Сэм был поражен тем, насколько изменилось его мышление за период проведения исследования» (p. 291).

Весьма необычные тема и методология были использованы в исследовании Рида, посвященного инкубации сновидений (Reed, 1976)[5]. Участники проходили специальные подготовительные процедуры,

[5] Рид оставил должность профессора в Принстонском университете, чтобы заниматься экспериментальными исследованиями сновидений. Публикация статьи с описываемым здесь исследованием совпадает с моментом его ухода.

включающие формирование целей сновидения, выбор персональных символов и сакрального авторитета (бенефактора) (revered benefactor), а также проведение в течение суток символического очищения. Затем следовала церемония инкубации, дискуссия и разыгрывание роли, после чего участники отправлялись спать в сакральное место. Рид отмечает, что сновидцы сообщали о «трудно уловимых, но определенно позитивных изменениях в отношении к своим сновидениям» (p. 66). Намерение исследователей состояло в том, чтобы «помочь прошедшим процедуру инкубации стать более самодостаточными в своем росте» (p. 67).

Неопубликованные диссертации

Роджерс (Rogers, 1985) проводит обзор ряда неопубликованных диссертаций, которые, по его мнению, заслуживают публикации в той или иной форме, как благодаря своему качеству, так и представленному в них спектру методов и тем исследований. Ниже следует резюме составленного им обзора: Коллин МакНэлли (Colleen McNally) изучала свой опыт «ощущения себя по-настоящему сенситивной» и обнаружила, что этот опыт включает ощущение себя (а) открытой и (б) затронутой (touched). Марцин Джонсон (Marcine Johnson) провела Q-сортировку с тридцатью женщинами, проходившими психотерапию. Как и ожидалось, результаты показали наличие большего недовольства после сокращенной терапии, которая считалась эффективной в самом начале терапии. Используя письменные описания, Дебора Бринк (Debora Brink) выявила как сходства, так и статистические различия между выпускниками физических и психологических факультетов с точки зрения интеллектуально значимых переживаний (intellectually meaningful experiences). Студенты физических факультетов обнаруживали значимые переживания в завязывании знакомств и эстетических качествах, тогда как студенты психологических факультетов не упоминали о них. Исследование Сары Валински (Sara Walinsky) основано на тщательном наблюдении одного случая — четырнадцатилетнего мальчика, имеющего проблемы с обучаемостью. Она обнаружила совершенно различные характеристики в различных ситуациях, начиная от проявлений нормального или интеллектуально опережающего развития до аффективного расстройства. Кэтлин Лисовски (Kathleen Lisowsky) использовала знаковый язык для интервьюирования глухих людей старшего возраста с целью выяснить, какие механизмы они используют для борьбы с проблемой, а также особенности их личности. Используя наблюдение в естественных условиях, Салли Вуд (Sally Wood) изучала одну пару в течение месяца, предшествующего рождению их первого ребенка, и двух месяцев спустя после рождения. Она обнаружила, что период разъединения (disruption), вызванный рождением ребенка, был особенно важен для превращения пары в семью. Сьюзен Шоу (Susanne Shaw) провела интервью со студентами медицинской школы, часть из которых двумя годами ранее в течение недели участвовала в группе встреч. Среди опрошенных участников группы встреч 60% отметили положительные изменения, касающиеся межличностных отношений, тогда как среди остальных — только 20%. Роджерс перечисляет также имена других авторов и названия их работ, посвященных таким темам, как опыт употребления героина, смысл болезни, отношения детей и взрослых, характер тайны, опыт затворничества, а также опыт братьев и сестер тех, кто страдает шизофренией.

ОБЛАСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Помимо психотерапии и группового опыта двумя основными областями, в которые гуманистическая психология внесла свой вклад, являются промышленная / организационная психология и педагогическая психология. Однако, как признают представители гуманистической психологии, некоторые из ее концепций и практик были впервые применены еще до ее официального рождения (Massarik, 1992; Richards & Combs, 1992).

Образование

В области образования система гуманистической психологии придерживается взглядов, согласно которым педагогический процесс должен учитывать прежде всего интересы, желания и цели учащихся, а не преподавателей. Обучение должно помогать ученикам прояснить для себя такие ценности, как красота, справедливость, свобода, истина и ответственность, и должно способствовать развитию я-концепции и росту самоактуализации, так чтобы ребенок мог достичь реализации своего потенциала. Оно должно (а) поощрять ребенка к творчеству, (б) способствовать его эмоциональному благополучию и (в) побуждать быть человеком (being a person) (Buhler, 1971). Учитель должен использовать мир своего опыта, чтобы проникнуть в мир ребенка. Учебные программы обязаны включать не только передачу фактических знаний и навыков, но и субъективного опыта; а изложение материала учителем и его заучивание учениками должно уступить место опыту сотрудничества, диалога и группового обсуждения. В учебном пособии для студентов, проходящих педагогическую подготовку, говорится, что «то, как учащиеся чувствуют себя в школе, важнее, чем все остальное» (Bassett, 1978, p. ix) и что научение — это «скорее побочный продукт процесса выбора, чем... результат наставлений учителя» (p. 253). Пособие призывают помочь учащимся достичь самоактуализации посредством предоставления им самостоятель-

ного выбора своих занятий и регулирования степени своего участия.

Подход к образованию, который обычно называют гуманистическим или прогрессивным, появился еще до возникновения гуманистической психологии и был впервые использован в начальных школах в 1930-х годах по инициативе Педагогического колледжа Колумбийского университета (Butts, 1955). Данный подход подчеркивал роль (а) *опыта (experiences)* ученика, в противовес роли учебного предмета; (б) *целостности* ученика, требующей различных форм целенаправленной деятельности, представляющих для него интерес, и (в) *креативности* ученика, предполагающей его участие в разработке, планировании, проведении и оценке собственных занятий. Учитель превратился из источника знаний в посредника, облегчающего процесс учения, или фасилитатора. Ибо усваиваться должны в первую очередь не факты, знание которых необходимо для сдачи экзаменов, а смыслы, которые учение (learning) имеет для каждого ученика с точки зрения дальнейшего приобретения им опыта. Кроме того, данный подход придавал дополнительную социальную значимость учению в жизни каждого ребенка и, следовательно, учитывал их эмоциональные потребности. Педагоги распространили данную философию образования и на среднюю школу, в программу которой вошли курсы в области социальной жизни (courses in social living), а в ряде случаев — и «курс расширения жизненного опыта» («experience curriculum»), введенный ранее в начальной школе. Появившаяся позднее гуманистическая психология оказалась полностью совместимой с данной ориентацией и внесла свой вклад в ее развитие.

С целью дальнейшего развития данного подхода Ричардс и Комбс (Richards & Combs, 1992) считают необходимым: (а) распространение школьного консультирования; (б) поощрение развития благоприятных я-концепций; (с) подготовка учителей (в том числе практическая) с бóльшим акцентом на функциях фасилитатора, чем руководителя; (г) вовлечение учащихся во все процессы принятия решений; (д) установление более глубоких, личных отношений между учителями и учениками; (е) более индивидуализированное обучение и мультикультурное воспитание. «В целом, современная школа является продуктом объективно-бихевиористского мышления, переставшего отвечать запросам современных учащихся, а также насущным потребностям общества» (p. 383).

Недирективная или побуждающая к самоактуализации концепция образования, соответствующая взглядам Маслоу и Роджерса, а также Уильяма Калсена (William Coulsen), была опробована в школах Калифорнии. Ван Каам (Van Kaam, 1993), способствовавший формированию экзистенциально-феноменологической психологии в Университете Дакесне (Duquesne University) и выступивший против предлагаемого для данного университета учебного плана, описывает результаты апробации:

> «Неблагоприятные последствия, жалобы родителей и детей, а также невысокая научная оценка экспертами результатов данного эксперимента — все это нельзя было назвать обнадеживающим. К ужасу Маслоу и Калсена, другие школы, образовательные учреждения и программы начали слепо копировать модель полностью недирективного процесса обучения. Они не приняли во внимание результатов научной экспертизы. Калсен и Маслоу предприняли многочисленные поездки с целью предупредить педагогов и родителей, что он сам, Маслоу и Роджерс оказались излишне оптимистичны в своих ожиданиях относительно полностью недирективного образования детей» (p. 265).

Эксперимент ясно продемонстрировал, что «принятие решений, выходящих за рамки собственных знаний, сферы компетенции и жизненного опыта, приносит отрицательный результат» (van Kaam, 1993, p. 265). Однако важно осознавать, что требование Ричардса и Комбса привлекать учеников к участию в принятии решений — это не то же самое, что недирективное обучение и воспитание. В результате проведенного на обширном материале исследования Эспи и Робак (Aspy & Roebuck, 1988) обнаружили, что в тех случаях, когда учителя заявляют о своей приверженности провозглашаемым Роджерсом «эмпатии, конгруэнтности и безусловному позитивному отношению», успеваемость учащихся выше, чем при отсутствии данных условий. Они отмечают, что уважительное обращение с учащимися не препятствует содержательной стороне обучения и что «крайне важно быть гуманным и вежливым *для того, чтобы* обучить учащихся чему-либо» (p. 17). Гамачек (Hamachek, 1987), отстаивая позиции гуманистической педагогической психологии, выражает сходные взгляды, но приходит к заключению, что «гуманистические принципы, переведенные на уровень методики классной работы, иногда предлагают слишком мало относительно структуры и организации обучения, а иногда еще и не предполагают ожидания сколько-нибудь существенных результатов и достижений со стороны учащихся» (p. 179).

Вариант гуманистического обучения и воспитания, называемый «критическим гуманизмом», начинается с «индивидуальных чувств, приводимых в соприкосновение с внешними силами, которые, в свою очередь, оказывают влияние на форму, которую принимают эти чувства» (Nemiroff, 1992, p. 89). Учитель использует диалектический анализ отдельных учеников и групп для достижения «локуса аутентичного дискурса» (p. 89), с тем чтобы участники группы могли найти в себе внутренние ресурсы для понимания себя и группы. Это, как утверждает автор, придает участникам силы, позволяющие им обсуждать значимые вопросы, связанные с тем, каким образом социальные институты играют опосредующую и контролирующую роль в жизни людей. «Когда эти объяс-

нения связываются с личным опытом и чувствами, приходящее в результате понимание становится катализатором для изменений аттитюдов людей, их самооценки и придает им решимости участвовать в начинаниях, направленных на изменение (себя и общества)» (p. 90).

Промышленность и организации

Согласно Массарику (Massarik, 1992), предложенная Маслоу теория иерархической мотивации нашла применение в производственной и организационной сферах при управлении сотрудниками на разных уровнях должностной иерархии, а также при оказании им помощи в достижении самоактуализации в профессиональной деятельности. Клиент-центрированный подход Роджерса также оказал влияние на развитие методик интервьюирования, консультирования сотрудников и аттестационных процедур. Его подход, предполагающий раскрытие потенциала, ведущего к росту, оказал влияние на формирование кадровой политики в организациях, тренинг персонала и организационное развитие. Маслоу и Роджерс также проводили тренинги гуманистической ориентации в малых группах. Как отмечает Массарик, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (UCLA) уже более сорока лет предлагает такой тренинг для менеджеров.

ПСИХОТЕРАПИЯ

Разработано множество форм гуманистической психотерапии, которые объединяет стремление проводить терапевтическую работу с учетом точки зрения клиента и занимать принимающую и безоценочную позицию, а также положение о том, что источник терапевтического изменения следует искать в самом клиенте.

Богарт и Толлман (Bohart & Tallman, 1996) провели обзор работ, посвященных вопросу эффективности различных форм психотерапии, и пришли к выводу, что самопомощь (self-help) практически не уступает по своей эффективности профессиональной терапии любого направления. Гуманистическая психотерапия в первую очередь поощряет именно самопомощь. Авторы заключают, что любая терапия работает главным образом благодаря активности клиента и что любые процедуры или методики должны быть направлены на то, чтобы помочь клиенту взять на себя ответственность за свою жизнь. «То, что может предложить клиенту терапевт, это прежде всего безопасное пространство для работы, в котором клиент может вести диалог и творчески мыслить, экспериментировать и получать опыт. Во-вторых, терапевты предлагают процедуры, которые клиенты могут использовать для создания нового личного опыта и в процессе этого создания выработать новые перспективы и новые решения. В-третьих, терапевты передают клиентам собственный интерактивный опыт и обеспечивают обратную связь» (p. 26).

Терапия актуализирующегося потенциала

Данные формы терапии испытали значительное влияние Маслоу и Роджерса. Они предполагают наличие в человеке биологического потенциала, который нуждается лишь в поддержке и обеспечении возможностей для раскрытия и роста. Данный подход оптимистичен, ибо рассматривает людей как носителей позитивного радостного начала с преобладанием тенденции к добру. Терапия может принимать различные формы и продолжает развиваться по мере того, как ее основатели совершенствуют методы своей работы, а новые представители этого подхода подхватывают и реализуют их идеи. Свидетельство тому — приведенный ниже пример.

Клиент-центрированная терапия. Предложенная Роджерсом недирективная, или клиент-центрированная, терапия явилась наиболее ранней формой терапии данного направления, и хотя в классической форме в настоящее время ее никто не практикует, она продолжает служить источником вдохновения благодаря заложенной в ней философии. Разработка ее Роджерсом привела к радикальному изменению психотерапии. Он использует слово «клиент» вместо пассивного термина «пациент». Клиента не лечат от болезни, а дают ему возможность использовать собственные ценности и жизненную ориентацию для реализации своего потенциала — нет истории болезни, нет диагноза, нет журнала проведенных процедур, нет кушетки, нет интерпретаций, нет никаких рекомендаций или предписаний. Нет даже просьб и вопросов типа: «Расскажите, пожалуйста, подробнее о...». В качестве средства, позволяющего клиенту развить собственное понимание себя и активизировать процесс роста, терапевт лишь перефразирует и возвращает клиенту его собственные утверждения, часто в форме чувств. Например:

Клиент: Мой отец выходит из себя каждый раз, когда я хочу что-нибудь сделать по-своему.

Терапевт: Ты чувствуешь, что твой отец часто сердится на тебя.

Клиент: Не очень часто, но всегда, когда я хочу быть самим собой.

Терапевт: Ты хотел бы делать то, что приносит тебе удовлетворение, не вызывая гнева своего отца.

Клиент: Да, именно этого я хочу.

Терапевт: М-гм.

Когда клиенту нечего больше сказать, терапевт продолжает молчать до тех пор, пока клиент не начинает говорить снова, делая следующий шаг в своем самораскрытии. Молчаливые паузы составляют часть терапевтического процесса.

Эвристическая терапия. Мустакас (Moustakas, 1990) разработал метод эвристического (ориентированного на открытие) исследования, а также приложение его к психотерапии: на стадии *первоначального вовлечения (initial engagement)* терапевт создает атмосферу открытости, доверия и своего рода взаимной привязанности (mutual bonding). На этой стадии также выявляется центральная тема или проблема, с которой предстоит работать. На стадии *погружения (immersion)* терапевт проникает во внутренний мир клиента, ценя его как личность и общаясь с ним без предрассудков, пытаясь понять его в целом и в каждом отдельном аспекте. Во время *инкубации (incubation)* приходят моменты понимания, при этом не прилагается усилий по их разработке. На этапе *вживания (indwelling)* терапевт «легко проникает» в наиболее значимые компоненты, «пребывая в них» с целью осознания центральных тем, так чтобы способствовать развитию более глубокого понимания. Затем наступает *озарение (illuminatuion)*. Терапевт обнаруживает основные структуры и темы и неотрывно занимается каждой из них, чтобы понять более глубокие смыслы. Во время взаимодействий с клиентом терапевт предлагает ему видение ситуации в своей перспективе («внутреннюю систему координат»), чтобы клиент мог увидеть, как она соотносится с его собственным видением.

> «Процесс приближения к знанию через использование внутренней системы координат и через диалог между терапевтом и лицом, проходящим терапию, способствует достижению прорыва в терапевтических отношениях. Этот момент часто оказывается первым в жизни человека, когда его полностью понимают, и это понимание совпадает с его собственным... В качестве терапевта я вербализую знание, которое я получил благодаря погружению и вживанию, а проходящий терапию человек подвергает это знание проверке, развивает и корректирует его. При этом системы координат лица, проходящего терапию, и терапевта приходят в соответствие» (p. 111).

Терапевт использует также свою *интуицию*, основанную на предыдущем опыте. Если она неверна, она может быть откорректирована, а когда она становится правильной, это делает возможным движение вперед, к более богатым смыслам. По мнению Мустакаса, эвристическая психотерапия «приводит человека в соприкосновение с творческими ресурсами, позволяет ему сформировать новый взгляд на себя и на жизнь и делает возможным движение в направлении аутентичности, самоэффективности и здоровья» (p. 124).

Большинство форм гуманистической терапии — это эвристические подходы в том смысле, что клиентам помогают раскрыть свой собственный потенциал и самостоятельно актуализировать его. Центр гуманистической психологии в Детройте (штат Мичиган) является независимой профессиональной школой, предлагающей подготовку (с присуждением ученой степени) в области гуманистической клинической и педагогической психологии с акцентом на эвристическом подходе (Kostere, 1987).

Стратегическая терапия. Описывая стратегическую гуманистическую терапию, Маданес (Madanes, 1993) настаивает на том, что жизнь людей не предопределена Творцом, генами, социальным контекстом, обращением родителей, лишениями, инстинктами или химическими изменениями в организме. Богатые люди просто имеют больше возможностей выбора, чем бедные. Автор признает, что изменение социального контекста является наиболее быстрым путем изменения людей в процессе терапии, однако подчеркивает, что каждый человек способен изменить себя сам.

Цель стратегической терапии — увеличить возможности выбора. Маданес приводит пример процедуры из семейной терапии. Жена возмущена тем, что муж постоянно игнорирует ее и все внимание уделяет своей матери. Он сказал своей матери, что они вынуждены были пожениться, потому что его подруга забеременела, хотя на самом деле и беременность, и брак были запланированными. Стратегический терапевт, не пытаясь объяснить данный случай эдиповым комплексом и не испытывая необходимости работать с ним, не прописывая никаких медикаментов, вызывающих химические изменения, и не стремясь обнаружить предполагаемые детские травматические ситуации, выяснил, что муж никогда не сообщал всем заинтересованным сторонам о том, что в качестве человека, занимающего наиболее важное место в его жизни, он выбрал свою жену. Терапевт просит мужа позвонить матери во время сеанса терапии и поставить ее в известность относительно своих приоритетов. Потребовалось несколько звонков, прежде чем жена была удовлетворена и у них появилась возможность начать новую страницу в своей жизни. «Это терапия действия, где каждый человек берет на себя ответственность за собственную жизнь, а терапевт принимает ответственность за эффективность терапии» (p. 75).

Эмпирическая терапия. В ходе данной процедуры терапевт переживает (experiences) все, что переживает клиент. Марер (Mahrer, 1993) описывает четыре стадии этого процесса:

1. Первой целью является сильное полное чувство, которое активизирует «некоторое внутреннее переживание». Гендлин (Gendlin, 1977) описывает попытку достичь переживания «ощущаемого смысла» («felt sense») или «ощущаемой грани» («felt edge») проблемы. Это нечто, воспринимаемое лишь чувством, но еще не осмысленное. Терапевт тормозит клиента, чтобы тот дольше задержался на этой стадии чувствования. Любое чувство, которое приходит, должно быть принято, и оно должно быть прочувствовано как правильное и принести облегчение.

2. Клиент и терапевт принимают и испытывают все оттенки внутреннего опыта и своей связанности друг с другом.

3. Клиент обращается к внутреннему опыту и отсоединяется (uncouples) от своей прошлой личности. Клиент и терапевт находят эпизод из жизни клиента и вместе проживают эту сцену с радостью.

4. Клиент проживает в качестве этой новой личности сцены своего будущего.

Марер (Mahrer, 1993) сделал следующий шаг в развитии эмпирической терапии к тому, что он назвал *трансформационной терапией*. Терапевт не останавливается на переживании чувств клиента, но трансформируется в «реально и полноценно живущего и существующего в этих непосредственных, ярких, живых, реальных сценах и ситуациях... Вместо эмпатии к клиенту вы полностью становитесь этим человеком. Вместо узнавания мира клиента вы живете в нем» (p. 34). Он считает трансформационную терапию более действенной по сравнению с эмпирической.

Внутренняя сила. В модели терапии, получившей название «Внутренняя сила», используется двенадцать шагов (Chapin, 1989):

(1) Объявить клиенту, что целью данной методики является «создание субъективной реальности, которая может оказать на клиента психотерапевтическое благотворное воздействие» (p. 449).

(2) Ознакомить клиента с литературой, посвященной данной процедуре.

(3) Указать, какие шаги процедуры могут оказать помощь клиенту.

(4) Обсудить с клиентом, что он может ожидать.

(5) Вызвать у клиента направленное воображение.

(6) С помощью воображения помочь клиенту обнаружить свою «Внутреннюю силу».

(7) Помочь клиенту обратиться со своей проблемой к «Силе».

(8) Способствовать установлению диалога между клиентом и «Силой».

(9) Обозначить темы диалога или попросить «Силу» сделать это и поблагодарить ее за ее наставничество.

(10) Завершить процесс воображения, предложив клиенту запомнить или забыть все, что он пожелает.

(11) Исследовать вместе с клиентом возможности использования полученного опыта.

(12) Интегрировать возникшие темы в процедуру терапии.

Пример. Двадцатилетняя студентка колледжа, страдающая нервной анорексией, имела серьезный конфликт со своей матерью, из которого она не могла выйти. «Внутренняя сила», которую она вызвала в своем воображении, «предположила, что она чувствовала себя виноватой и потому заслуживающей дурного обращения. Истина же, сказала Сила, в том, что клиентка была ребенком и делала то, что свойственно делать всем детям, а мать действовала иррационально и жестоко. Совет, данный клиентке, состоял в том, чтобы заботиться о себе, постоять за себя и понять, что она может уйти от иррациональных притязаний матери» (p. 453).

Терапия становления

Экзистенциально-гуманистическая терапия обладают рядом отличительных характеристик. Она больше связана с нерациональным поведением и принимает более пессимистический взгляд на человека, чем терапия, допускающая процесс актуализации биологического потенциала. Она исходит из посылки, что общество дегуманизирует людей посредством своих форм управления и иерархических бюрократических структур, тем самым препятствуя самоактуализации. Отчуждение и опустошенность, утверждают представители этого направления терапии, оказываются широко распространенными в нашей культуре, когда мы утрачиваем чувство общности и традиции и пытаемся компенсировать их «едой, наркотическими экспериментами, престижными предметами потребления, сексуальным экспериментированием или поп-спиритуализмом» (Bugental & Bracke, 1992, p. 29). Их подход состоит в том, чтобы дать клиенту ощутить, что он способен понять эти проблемы и разрешить их. Данный метод лучше всего работает с интеллигентными и хорошо владеющими речью клиентами, которые готовы обсуждать болезненные вопросы и пытаться справиться с ними, и, естественно, хуже — с теми, кто не обладает этими характеристиками (Lowenstein, 1993). Это долгосрочная процедура.

Де Карвало (De Carvalho, 1990a) так описывает данный подход: «Обычное осознавание (awareness) вещей и есть процесс становления. Однако осознавание себя (self-awareness) — это становление, которое приводит к самоактуализации и аутентичности. Становление не является результатом актуализации биологической сущности в духе Маслоу или Роджерса, а продуктом интенциональности «я» — его соотнесенности с вещами. Процесс осознавания себя может происходить либо на индивидуальном, либо на культурном уровне. *Индивидуальный уровень (personal level)* включает рефлексию процесса становления, при которой сам процесс рефлексии изменяет этот процесс становления, и это продолжается в виде бесконечного цикла изменения и становления. В случае развития тревоги

> «человек тревожен, когда он не в состоянии больше анализировать (reflect) собственное состояние тревоги. В этом случае он оказывается полностью погруженным в процесс становления тревожным (becoming anxious). Другими словами, он полностью тревожен. Саморефлексия или анализ собственной тревожности, однако, изме-

няет это состояние тревоги. Самоактуализация возможна только во втором случае» (p. 255).

Любое осознавание становления изменяет статический процесс становления на динамический процесс самоактуализации. *Культурный уровень* самоактуализации включает рефлексию собственным «я» характеристик культуры и выбор среди тех возможностей, которые предоставляет культура. Это можно сравнить с не-рефлексией и не-актуализацией, когда «я» просто становится компонентом культуры или идентифицируется, отождествляется с ней без исследования и осознавания выбора, предоставленного индивидууму. Простое становление в том виде, как оно представлено в концепции Роджерса—Маслоу, это статический процесс становления, но саморефлексия — это динамический процесс, ведущий к самоактуализации, или аутентичному становлению.

Психотерапия направлена на становление клиента самоосознающим, в результате чего он мог бы найти свое направление и избавиться от чувства безнадежности жизни. «Пациенты должны понять, что их жизнь — это процесс становления, что они обречены на то, чтобы стать кем-то, и если они не выберут (или выберут отказ от выбора), то либо культура, либо субкультура, к которой они принадлежат, либо кто-то в их жизни будет делать выбор за них» (p. 256–257). Часто кризис «пробуждает пациента по отношению к неизбежной, и подчас страшной необходимости стать аутентичным индивидуумом» (p. 257), поскольку болезненный опыт приводит индивидуума в состояние конфронтации со своим неаутентичным «я» — столкновение, которого в противном случае не произошло бы. Наиболее эффективным кризисом является тревога по поводу смерти, признание неминуемого собственного исчезновения, поскольку это делает жизнь личной и осмысленной. Экзистенциально-гуманистическая терапия учит человека переводить себя из случайного, бессознательного становления в аутентичное, осознанное становление, в котором перед человеком ясно предстают его индивидуальные выборы. Самоактуализация происходит постольку, поскольку «“я” является продуктом своей собственной интенциональности» (p. 257).

Говоря об эмпирических исследованиях Роджерса, посвященных его клиенто-центрированной терапии, Северин (Severin, 1973) настойчиво утверждает, что Роджерс «пускается в абстракции, которые находятся в явном противоречии с экзистенциальной философией» (p. 297). Очевидно, представители экзистенциально-гуманистического направления считают неприемлемыми любые попытки оценить эффективность психотерапии.

Законны ли притязания гуманистической психологии на спорные психотерапевтические территории?

Две наиболее влиятельные формы психотерапии, гештальт-терапия и рационально-эмотивная терапия (РЭТ), принимаются или частично принимаются представителями гуманистической психологии, однако их отнесение к владениям гуманистической психологии отвергаются представителями других направлений. РЭТ также часто считается когнитивной или когнитивно-поведенческой терапией.

Рационально-эмотивная терапия (РЭТ). РЭТ пытается напрямую работать с неумением или неспособностью приспосабливаться к окружению. Согласно ее положениям, люди вводят сами себя в состояние невротического конфликта, неосознанно предаваясь иррациональным мыслям, однако они могут обратить вспять этот процесс, замещая иррациональные мысли рациональными. Роль терапевта состоит в том, чтобы занять авторитарную позицию эксперта, поставить клиента перед лицом его иррациональных мыслей, сделать эти мысли явными и заставить его их отбросить. Поскольку паттерны мышления устойчивы, терапевт в одиночку не в состоянии вызвать необратимое изменение. Клиент сам должен активно противостоять иррациональным мыслям на протяжении всей своей жизни. Терапия также состоит в помощи людям найти или создать новые смыслы. РЭТ настаивает на том, что люди могут наилучшим образом самореализоваться и достичь самоактуализации после того, как они преодолеют барьеры собственных дисфункций, и что понимание базовых воззрений, лежащих в основе дисфункций, и борьба с ними приводит человека к более рациональным паттернам мышления.

Поскольку многие иррациональные убеждения крайне устойчивы, РЭТ также работает с эмоциями (отсюда название «рационально-эмотивная»), используя разнообразные приемы обусловливания и когнитивные методики[6]. РЭТ предполагает, что убеждение в том, что человек что-то *должен* или, наоборот, *не должен*, ведет к эмоциональному расстройству. «Я *должен* сделать это как полагается». «Я *должен* быть нормальным». «Я *обязан* постараться сделать все, на что я способен». «Я *не должен* выглядеть глупо». В РЭТ всем этим «должен» и «не должен» *должна* быть противопоставлена рациональность.

Терапевт без всяких условий принимает своих клиентов и учит их таким же образом принимать самих себя. Сторонники РЭТ утверждают, что большинство других форм терапии способствуют форми-

[6] Данное положение очень близко к позиции Куинна (Quinn, 1993). Вследствие «феномена упорного цепляния за дисфункциональные паттерны поведения» (p. 14), он находит необходимым добавить к эмпатии и безусловному принятию, проповедуемым Роджерсом, еще и вмешательство.

рованию у клиента все большей зависимости от одобрения терапевта, тогда как РЭТ удается избежать этого, поскольку она помогает клиентам принять себя совершенно независимо от того, что думает о них терапевт. Помимо поддерживающей и инструктирующей, данная форма терапии является активно-директивной (в противовес недирективной); более того, она фактически может быть весьма агрессивной, подвергая атаке иррациональные убеждения. РЭТ преследует цель обеспечить клиентам возможность заместить иррациональное мышление рациональным и реалистическим пониманием своих собственных качеств и способностей (capabilities), с помощью которых они и только они сами могут решить свои проблемы. Поскольку некоторые исходные положения и процедуры РЭТ совпадают с подходом гуманистической психологии, а некоторые — нет, основатель РЭТ Альберт Эллис считает ее «развившейся на почве взглядов секулярного гуманизма» (Ellis, 1992, p. 357). Как указывает Эллис, акцент на *секулярном* гуманизме как философии отграничивает РЭТ от мистицизма, религии или спиритуализма, которыми пронизана гуманистическая психология. Он видит наиболее широкие перспективы использования РЭТ в сфере образования (Ellis, 1993).

Гештальт-терапия. Данное направление терапии, разработанное Перлсом (Perls, 1969), пытается выявить основную я-концепцию, которая является самопринижающей (self-denigrating) — продукт прошлой боли и защит от этой боли (Korb, Gorrell, and Van de Riet, 1989). В гештальт-терапии от клиента не требуется рассказывать о своей проблеме, как и о связанной с ней личной истории. Скорее, она обращается к жизни как она есть, чем к тому, какой она была или должна быть. Терапевт пытается усилить ощущения клиента, которые тот в данный момент испытывает: если он напряжен, терапевт драматизирует это напряжение; если он тревожен — усиливает его тревогу. Терапевт может попросить клиента в своем воображении усадить свою тревогу на пустой стул и поговорить с ней. Затем клиент занимает место тревоги и отвечает от ее имени. Если жена недовольна тем, как муж обращается с ней, но избегает прямой конфронтации, ей предложат провести с ним воображаемый диалог. Задача состоит в том, чтобы перейти от разговоров о проблемах жизни к непосредственному проживанию этой жизни. Если клиент пытается сдерживать плач, терапевт предлагает ему намеренно заплакать; если клиент нервозно потирает одну руку о другую, он просит его сделать эту реакцию намеренной и преувеличенной. К другим средствам, которые используются в гештальт-терапии, там, где это уместно, относятся искусство, язык тела, сновидения, преувеличение речевых или двигательных реакций, обращение высказываний (reversal of a statement), вербальное выражение (rehearsing) страхов и ожиданий. Терапевт может предложить клиенту встать и накричать на самого себя, придумать новые паттерны (реагирования), направить свое воображение в новое русло, намеренно воспроизводить симптом или практиковать осознание, опробовать сколько угодно новых паттернов поведения. Терапевт может выступать и как участник, и как наблюдатель. В режиме наблюдения терапевт оставляет в стороне свой собственный прошлый опыт и вступает в прямой контакт с клиентом, подвергая сомнению или отражая его утверждения и чувства. В режиме участия терапевт делится с клиентом своими точками зрения, чувствами и переживаниями.

Перлс пытался направить внимание на телесные ощущения и различные формы осознавания. Эти ощущения и осознавания конкретизируются здесь-и-сейчас. Клиент может разыграть две противостоящие характеристики своей личности: свое «я» и любое из разнообразных «не-я», происхождение части которых, как утверждал Перлс, связано с другими людьми, ставшими неотделимыми от данного индивидуума. Диалог может иметь место между критикующей и критикуемой частью личности, каждая из которых произносит свои реплики с пустого стула. И клиент, и терапевт являются активными партнерами в терапевтическом процессе.

Перлс настаивал на том, что никакое «я» не является подлинным «я»: у нас много «я», которые меняются по мере того, как меняется жизнь. Мы то, чем мы являемся здесь-и-сейчас, а не нечто статическое. Многие «я» или многие люди, которыми мы являемся, могут быть интегрированы и приняты нами, не важно — нравятся они нам или нет.

По мере выявления своей основной я-концепции клиент начинает принимать решения и достигать более наполненной жизни. При этом, возможно, потребуется рассмотреть вопросы семьи, школы, профессиональной деятельности, однако в центре внимания остается собственная жизнеспособность (vitality) клиента и процесс его жизни. Клиент должен принять решение изменить пораженческие аспекты я-концепции и стать независимым, способным самостоятельно позаботиться о себе. Старые болезненные и препятствующие развитию защиты и представления о себе должны уступить место истинному потенциалу для самореализации. Со временем клиент начинает доверять этим новым, вселяющим в него веру в собственные силы убеждениям.

СОПОСТАВЛЕНИЕ С ДРУГИМИ ПОДХОДАМИ

Анализ поведения

Два данных подхода неоднократно становились предметом сравнения и полемики (в частности, Matson, 1973; Rogers & Skinner, 1956; Wandersman,

1976; Wann [неправильно называемая гуманистической феноменология], 1964). С точки зрения представителей гуманистической психологии, основное различие состоит в том, что анализ поведения пытается осуществлять внешний контроль и отказывает индивиду в свободной воле, в то время как гуманистическая психология пытается работать изнутри, позволяя «я» делать свободный выбор, ведущий к личному осуществлению намеченного. Представители анализа поведения видят эту ситуацию, естественно, иначе.

Смит (Smith, 1978) высказывает пожелание использовать как «внешнее» бихевиористское понимание, так и «внутреннее» гуманистическое. Геллер (E. Geller, 1995) анализирует возможности сочетания обеих систем с целью выработки более эффективного подхода к «активной заботе об окружающей среде», чем каждая из них может обеспечить по отдельности. Ньюман (Newman, 1992) проводит такой анализ в отношении психотерапии, образования и государственной политики, тщательно корректируя неверные интерпретации сторонников анализа поведения и представляя взгляды основных представителей гуманистической психологии. Он показывает, что корни обоих подходов восходят к более обобщенной философии натуралистического гуманизма и дополняют друг друга: гуманизм предлагает цель человеческой реализации, но не метод ее достижения, тогда как анализ поведения предлагает метод без направляющей философии. Он отмечает, что, согласно точке зрения обоих подходов, «каждый человек должен рассматриваться как конечная цель для самого себя» (p. 69), с учетом «максимальной выгоды» для каждого, и приходит к заключению, что наука и разум (reason) должны использоваться для того, чтобы «достичь цели наиболее полного выражения себя людьми в этом мире» (p. 117).

Разработанная в рамках анализа поведения концепция самоуправления (self-management), вероятно, имеет много общего с гуманистической концепцией самоконтроля, в противовес внешнему контролю, несмотря на то, что, согласно точке зрения анализа поведения, «локус контроля находится не внутри индивидуума, но скорее в пределах окружения, создаваемого индивидуумом» (Newman, 1992, p. 83). Метод самоуправления может быть использован для того, чтобы поддерживать физическую форму, бросить курить, контролировать свой вес, а также осуществлять другие долгосрочные программы. Оба подхода могут различаться на уровне концептуализаций динамики, хотя, вероятно, сходятся в отправных ценностях.

Вероятно, меньшая степень согласия между обеими системами наблюдается в философии образования. Стали бы авторы работ по гуманистической психологии (Richards & Combs, 1992), утверждающие, что мышление в объективных поведенческих категориях не в состоянии удовлетворить запросы общества, отвергать использование одобрения, подбадривания, поощрения и принятия факторов подкрепления, которые анализ поведения считает необходимыми? Вероятным ответом будет «да», если подкрепляющие факторы не являются безусловными, применяемыми к ученикам независимо от их действий.

Когнитивная психология

Представители гуманистической психологии приветствуют тот факт, что когнитивисты вернули разумную душу (mind) в психологию. То, что обе системы разделяют дуалистические (люди обладают душой и телом) и органоцентрические (организм является причиной собственных действий) взгляды и не придают значения исследованиям, проводимым на животных, возможно, является единственной общей точкой для этих двух систем. Для когнитивистов разумная душа превратилась в обработку информации, когницию, и ментальную (или мозговую) репрезентацию. Для гуманистического психолога разумная душа — это «я» и понятия, связанные с «я».

Гуманистические психологи отмечают, что когнитивизм позаимствовал у бихевиоризма ориентацию на механистическую теорию и методологию лабораторных исследований. Они видят в когнитивизме всего лишь переодетый бихевиоризм. Подход когнитивистов к разуму как к пассивному информационному процессору, не вносящему никакого дополнительного — к поступающим из среды входным сигналам — вклада в познавательное отношение, предается гуманистическими психологами анафеме в силу его нетелеологического характера.

Феноменологическая и экзистенциальная психология

Представителей как феноменологической, так и гуманистической психологии объединяет придание первостепенной роли тому, что является значимым для людей, в противовес отношению к миру как состоящему из безличных и физикалистских объектов, на которые люди реагируют посредством механизмов оперантного или классического обусловливания. Однако различие обоих подходов состоит в том, что такие представители феноменологической психологии, как Сартр или Мерло-Понти, ищут смыслы скорее в отношениях между людьми и значимым для них миром. Смысл — это всегда человек-в-мире или человек-в-контексте, хотя Баклу (Bucklew, 1955) и Ратнер (Ratner, 1971) упрекают феноменологическую психологию в том, что она фактически не придает должного значения роли мира в отношениях человек—мир. Фридман (Friedman, 1976) близок к точке зрения феноменологической психологии, когда он говорит: «Я полагаю, что слово “я” лишено значения вне рассмотрения того, каким образом мы реагируем на жизненные ситуации... Только когда я забываю о себе и отвечаю всем своим “я” на нечто, мной

не являющееся, только тогда я и обладаю “я”; ибо только тогда возникает моя истинная уникальность» (p. 12). Однако большинство гуманистических психологов, напротив, ищут смыслы в самом индивидууме — в «отношениях персоны индивидуума со своим внутренним, аутентичным “я”» (Orlov, 1992, p. 41). Эту внутреннюю сущность они называют «я», «эго», «сознание», «разум» или «опыт». Даже слово «субъект» («person») они часто используют для обозначения некого внутреннего агента, как, например, в формуле «Стимул—*Субъект*—Реакция» (Hamachek, 1987, p. 166). По существу, они поддерживают дуализм как в скрытой, так и в явной форме, тогда как феноменологические психологи в известной степени замещают такой дуализм отношениями человек—мир.

Американская гуманистическая психология отчасти приняла европейский экзистенциализм, в результате чего, как отмечает Ялом (Yalom, 1980), первая оказалось более оптимистичной, чем последний, вероятно, вследствие того, что жизненный опыт в западном полушарии отличается от такового в европейских условиях. Это различие проявляется в том, что гуманистическая психология делает акцент на развитии потенциала, а не на признании ограничений; на пиковых переживаниях, а не на переживании тревоги; на взаимоотношениях людей, а не на изоляции; на осознавании, а не на принятии.

Оперантный субъективизм и Q-методология

Критике традиционной экспериментальной психологии и ее методологии до некоторой степени созвучны возражения Q-методологии против «R»-методологии, игнорирующей точку зрения испытуемого (см. главу 11). Роджерс использовал Q-сортировку для оценки эффективности клиент-центрированной терапии, однако он применял и R-методы, преобразующие субъективность в заданную объективность, в результате чего скрывается та самая субъективность, на поиски которой нацелена гуманистическая психология. В своем первоначальном виде, как она была разработана Стефенсоном, Q-методология могла бы быть неоценимым методом изучения основной темы гуманистической психологии — понимания и развития человеческой субъективности. И действительно, Роджерс (Rogers, 1985) призывал к более широкому использованию Q-методологии. Тем не менее существует принципиальное различие между использованием термина «я» гуманистической психологией и Стефенсоном. Для Стефенсона «я» — это передаваемая (communicable) субъективность индивидуума, а не самостоятельный агент или разум, каким «я» предстает в гуманистической психологии. Аналогичные различия существуют в употреблении терминов «субъективный» и «объективный». Для Стефенсона субъективность — это самосоотнесение (self-reference), а объективность — это соотнесение с точки зрения другого лица. Один человек может выполнить Q-сортировку, отражающую его собственную субъективность, тогда как другой может произвести объективную Q-сортировку для первого. Здесь нет внутреннего и внешнего, нет различения между разумом и телом, нет дихотомии субъективного и объективного, как это имеет место в гуманистической психологии.

Психоанализ

Хотя гуманистическая психология первоначально была настроена против предпосылок биологического детерминизма, выдвигаемых психоанализом, и его представления о человеке как носителе зла (sinister), в позднейших версиях психоанализа, например у Кохута (Kohut, см. главу 5), стала подчеркиваться роль «я», а Гилл (Gill) привнес в него понятия сознательной цели (purpose) и смысла. Любопытно, что гуманистическая психология, которая первоначально рассматривала себя в качестве реакции против бихевиоризма и психоанализа — как «третью силу», — в настоящее время разделяет ряд общих положений с современными школами психоанализа. Сравнивая взгляды Кохута и Карла Роджерса и анализируя их сходство и различия, Кан (Kahn, 1985) приходит к заключению, что Кохут интегрировал многие понятия Роджерса в психоанализ, тем самым сократив разрыв между психоанализом и гуманистической психологией.

КРИТИКА

Критика системы гуманистической психологии является достаточно разнообразной. Приводимые ниже разделы имеют лишь отдельные точки соприкосновения и перечисляются без определенного порядка; в последнем разделе предпринята попытка суммировать положительные черты данной системы.

Социальные и средовые условия

Китайские критики утверждают, что понятие внутреннего потенциала, который с точки зрения гуманистической психологии определяет человеческую природу, близко к понятию инстинкта. Эта концепция уделяет преувеличенное внимание внутренним факторам и упускает из вида социально-историческое развитие, а также ограничивает предмет своего интереса рассмотрением индивидуума и окружающей его среды (Lin, 1985, цит. по: Yue, 1994). Пэн (Pan, 1988, цит. по: Yue, 1994) утверждает, что личная актуализация должна заместить самоактуализацию по Маслоу, поскольку концепция самоактуализации придает неоправданно большое значение личным усилиям и недооценивает роль социальных влияний. Мао Цзе Дун согласился бы со взглядами гуманистической психо-

логии на важность принятия людьми активной роли в определении собственного будущего, однако индивидуум находится в диалектических, а не автономных отношениях с группой. И поскольку пределы человеческих возможностей (или потенциала) изменяются по мере того, как изменяется группа, самоактуализация в сколько-нибудь значительных пределах невозможна (Но, 1988). Самоактуализация должна стать частью групповых изменений.

Прилетенски (Prilletensky, 1992) рассматривает различные критические замечания в адрес гуманистической психологии, касающиеся вопроса центрирования на «я» (self-centering) в противовес социальному контексту, и находит значительное согласие с точкой зрения Лин (Lin) и Юэ (Yue). Он отмечает, что исходное предположение гуманистической психологии состоит в том, что если каждый человек достигнет самоактуализации, то социальные реформы произойдут автоматически и мир станет счастливым местом для всех. Расизм, бездомность, преступность, бедность и несправедливость исчезнут. С реалистической точки зрения, полагает Прилетенски, попытка возложить всю ответственность на индивидуума означает, что социальные условия, нуждающиеся в улучшении, остаются без внимания.

> «Для того чтобы помочь людям жить в материально неудовлетворительной и эмоционально неблагоприятной окружающей среде, требуется нечто значительно большее, чем просто психологическая помощь... Улучшение социальных условий не может явиться ни результатом ухода от действительности, ни волшебного распространения эффектов самоактуализации на некоторое число облагодетельствованных индивидуумов. Улучшение социальных условий скорее может произойти в результате социальной деятельности» (p. 322).

В той степени, в которой сторонникам гуманистической психологии удалось заместить социальную деятельность самодеятельностью (self-action), они действительно сумели сохранить статус-кво. На рабочих местах они ввели Т-группы и предприняли другие меры, ведущие, по их мнению, к гуманизации профессиональной сферы, однако, как отмечает Прилетенски (Prilletensky), ряд исследований (результаты которых они игнорируют) показывает, что участие работников в управлении производством и контроль над администрацией являются иллюзией. Рядовые сотрудники лишь обсуждают дела, но фактически не участвуют в выработке окончательных управленческих решений и никак не влияют на их принятие. Изменилась лишь форма, утверждает он, но не структура.

Следует отметить, что гуманистические психологи отрицают тот факт, что они исключают из рассмотрения социальные факторы и другие средовые условия; однако даже если они действительно учитывают их, этот факт почти не находит отражения в гуманистической литературе, а также не отражен в заявляемых ими положениях и принципах. Даже групповые формы работы направлены на актуализацию отдельных лиц. Принятие этой индивидуалистической (self-serving) ориентации вызвало поток критики в адрес гуманистической психологии. Тем не менее некоторые ее представители обращают внимание и на условия окружающей среды. В частности, Нэвилл (Nevill, 1977) указывает на необходимость усилий на всех фронтах по устранению социальных барьеров, препятствующих женщинам жить полноценной жизнью, и призывает отказаться от половых стереотипов на благо всех членов общества. Другие призывают к действиям, направленным на сохранение биоэкосистемы как существенного комплекса средовых условий, необходимых для достижения полноценной жизни. Полкинхорн (Polkinghorne, 1983) и Ричлак (Rychlak, 1984) также отводят в своих взглядах место рассмотрению индивидуума в контексте (contextualized individual).

Передача личного опыта

Сэсс (Sass, 1989) сравнивает гуманистическую психологию с герменевтикой (интерпретациями), родственной концепцией, на которую гуманистическая психология иногда ссылается, и приходит к выводу, что первая придерживается значительно более крайних взглядов на «внутренний» опыт, чем последняя. Он находит не вполне понятным, каким образом возможны какие-либо формы сообщения о «внутреннем», при том глубоко личном и уникальном характере, который придают ему гуманистические психологи. Тем не менее они придают эмпатическому (по-)знанию и пониманию крайне важное значение.

Сфера образования

Энгельманн и Карнайн (Engelmann & Carnine, 1982) упрекают гуманистическую психологию в том, что в сфере образования «возможно, наибольшая помеха разумному обучению (intelligent instruction) исходит от исследователей, которые относят себя к гуманистическим» (p. 376). Энгельманн и Карнайн считают такой гуманизм «рецептом гарантированной катастрофы». Чувства эмпатии и понимание культуры ребенка, утверждают они, не могут заменить собой потребность в методиках обучения и учебных программах, облегчающих учение и научение. Учение должно подкрепляться и быть если не веселым, то по крайней мере «развивающим и интересным». Если учителю не удается достичь этого, «дети будут иметь серьезные проблемы в своей жизни, такие как существенное ограничение возможностей выбора профессии и невозможность достижения некоторых значимых в социальной жизни ценностей... Мы знаем, что интеллектуально искалеченные дети — в подавляющем большинстве случаев — результат негодного преподавания, а не негодных детей» (p. 376). Данное мнение подтверждается следующими аргументами.

Был реализован широкомасштабный исследовательский проект под названием «Project Follow-Through» (Stebbins et al, 1977; Watkins, 1988), который охватывал 51 школьный округ с экспериментальными группами, получившими названия «Базовые навыки», «Когнитивно-концептуальная» и «Аффективно-когнитивная». Ученики показали прирост знаний и умений только в группе «Базовые навыки», преподавание в которой строилось по принципам «прямого обучения» («direct instruction») и «анализа поведения», имеющим много общего. При этом использовались тщательно разработанные и проверенные учебные материалы, организованные в последовательность шагов, непосредственная обратная связь на действия учеников, повторение пройденного материала и практические задания на отработку навыков. В других группах успеваемость относительно контроля не повысилась (отметки оказались даже ниже, чем можно было бы ожидать в случае неприменения экспериментальных процедур). Благодаря своим достижениям, группа «Базовые навыки» отличалась также самыми высокими показателями самооценки. При отсутствии ощущения учащимися устойчивых учебных достижений попытки культивирования у них положительных представлений о себе оказались безуспешными. Данные, остающиеся по большей части без внимания (Carnine, 1984; Morell, 1998), свидетельствуют о том, что «я-концепция [является] следствием приобретения базовых навыков», а не «необходимым предварительным условием обучения» (Watkins, 1988, p. 9). Метаанализ тридцати семи дополнительных исследований полностью подтвердил предварительные выводы о превосходстве метода прямого обучения (Adams & Engelmann, 1996). Дальнейшие исследования, посвященные самооценке, показывают, что она не оказывает влияния ни на личные цели, ни на уровень выполнения (Bandura, 1997). Обзор исследований, посвященных гуманистическому обучению, не выявил каких-либо преимуществ использования данного подхода, однако были обнаружены и положительные эффекты, обусловленные ясностью изложения материала учителем, энтузиазмом, практическими и ориентированными на задачу методиками, умением ставить вопросы и т. д. (Selakovich, 1984).

В книге под названием *«Отупение наших детей: почему американские дети довольны собой, но не умеют читать, писать и считать» («Dumbing down our kids: Why America's Children Feel Good about Themselves, But Can't Read, Write, or Add»)* приводится масса данных, свидетельствующих о низком уровне успеваемости учащихся начальных и средних американских школ по сравнению с учащимися из других стран (Sykes, 1995). В частности, ученики старших классов американских школ затрачивают на изучение истории, естественных наук и математики 1460 учебных часов, в Японии — 3170 часов, во Франции — 3280 часов, а в Германии 3528 часов. По мнению Сайкса (Sykes), педагоги полностью отказываются рассматривать возможные альтернативы современной политике образования, и на конференции, посвященной положению в американской системе образования, «было заявлено с беспечной самоуверенностью», что задача школы — «обучать здоровому образу жизни и поддержанию физической формы, умению организовывать досуг, воспитывать социальную и гражданскую ответственность, креативность, гуманность и положительную я-концепцию» (p. 238). Один отец по этому поводу заметил, что раньше родители водили детей в цирк, а в школе их учили читать, а теперь в школе их ведут в цирк, а родители учат их читать (Clifford, 1975). Можно привести множество аргументов в пользу обязательного введения национальной системы оценки, в соответствии с которой могла бы оцениваться эффективность всех школ, и установления стандартов, на которые они могли бы ориентироваться в своей работе (Cromer, 1997; Ravitch, 1995). На эту критику последовали ответные возражения, в которых приводилась контрстатистика и утверждения, что родители хотят, чтобы их дети занимались спортом, смотрели телевизор, имели собственные автомобили и т. д. Авторы указывают на то, что родители «*не* одобряют систему преподавания, при которой задается большое количество домашних заданий или которая побуждает учащихся становиться корпящими над уроками всезнайками» (Berliner & Biddle, 195, p. 52).

В табл. 4.1 приводится краткая характеристика образовательной политики США, а также последствия ее применения с точки зрения критиков. Хотя «курс расширения жизненного опыта» («experience curriculum») не был разработан в рамках гуманистической психологии, данная система, совместно с постмодернизмом и социальным конструкционизмом (см. главу 8, с. 214), способствовала принятию и распространению этой политики. Кроме того, благодаря своему влиянию на обучение в педагогических колледжах, эти два направления психологии и философии непосредственно изменили политику некоторых систем обучения в соответствии с собственными взглядами. Влияние социального конструктивизма (см. главу 8) на настоящий момент имеет, по-видимому, большие масштабы, чем влияние гуманистической психологии.

Теория самоактуализации

Л. Геллер (L. Geller, 1982) критикует теорию самоактуализации за то, что поскольку эта теория переносит всю ответственность за формирование ценностей и установок на индивидуума и не оставляет места условиям окружающей среды, зло также оказывается исходящим от индивидуума. Однако если данная теория утверждает, что способность к самоактуализации является биологической, то что определяет, в каком направлении эта способность будет развиваться, если не внешние условия? Коль скоро предопределенная человеческая природа находится в гармонии с собой, Маслоу оказывается не в состоянии объяснить, отку-

Таблица 4.1

Политика образования и ее последствия с точки зрения критиков

Политика (Policies)	**Последствия**
Предполагает, что: (а) любое осмысленное (на)учение должно идти изнутри; (б) никто не может никого ничему научить, но лишь способствовать научению (выступать в роли фасилитатора); (в) фасилитатор может лишь обеспечить ученику возможность взять на себя ответственность за свое собственное учение; (г) ни один подход к обучению не является более эффективным, чем другие; (д) любые стили (на)учения индивидуальны и ни один из них не превосходит по эффективности другие; (е) трудности в (на)учении обусловлены индивидуальными слабыми местами	Инфляция отметок, низкие образовательные стандарты, эрозия стандартов в таких экзаменационных методиках, как New York State Regents examination, низкие показатели тестов достижений по математике, физике и географии по сравнению с результатами учащихся из других стран, а также низкий общий уровень успеваемости, вследствие чего многие учащиеся вынуждены записываться на корректив ные курсы во время обучения в колледже
Предполагает, что цели и мотивация должны иметь внутреннее происхождение и что мотивация должна изначально присутствовать для того, чтобы обучение могло быть эффективным.	Система образования обвиняет родителей и учащихся в том, что им не удается сформировать внутреннюю мотивацию, а потому не удается достичь высоких результатов в обучении.
Избегать всего, что может создать трудности на пути ученика	Низкие стандарты, отсутствие трудных и развивающих заданий
Предоставлять свободу выбора образцов (на)учения	Акцент на демонстрации того, сколькими различными способами может быть решена задача, а не на выборе наиболее эффективного способа ее решения. Акцент на дивергентном, а не конвергентном решении задач
Обеспечивать получение опыта полного удовлетворения достигнутым (в пределах своих возможностей) посредством «значимых» переживаний и погружения	Поверхностное научение. Ориентация учащихся на внешние (по отношению к обучению) холистические понятия, с главным акцентом на любви к учебе и формировании самоуважения
Предполагает, что количественные исследования упускают из виду то, что является неповторимо человеческим, и что только индивидуальный опыт имеет ценность	Опора на эпизодические сведения, а не на систематические сравнения

да в мире появляются зло и патология. Если же она не находится в гармонии, его теория также рушится, поскольку не существует механизма, определяющего здоровое или нездоровое направление развития. Чтобы разрешить эту дилемму, отмечает Л. Геллер (L. Geller), Маслоу пришлось бы допустить наличие внешних влияний; но это «подорвало бы всеобщий характер данной теории и ограничило сферу ее применения, сделав человеческие потребности и "я" социальными», и тогда иерархия потребностей «не смогла бы больше служить основанием универсальной теории самоактуализации» (p. 66). По теории, окружающая среда играет определенную роль в обеспечении или предотвращении удовлетворения потребностей низшего уровня, но ничего общего не имеет с тем, как разворачивается предопределенная человеческая природа. Л. Геллер (L. Geller) также подвергает критике употребление Маслоу термина «потребности». Они не являются, настаивает он, слепыми импульсами, а находятся в конкретном отношении к чему-либо. Они оказываются «зависящими от чего-то непостигаемого, оторванного от социально-исторического контекста» (p. 68). Он называет теорию Маслоу «генетическим редукционизмом», а потому не считает ее психологической. Данная теория, утверждает он, «не в состоянии ухватить то, что является характерным и истинно уникальным в человеческих потребностях и самости (selfhood)» (p. 67).

Нехер (Neher, 1991) также отмечает ряд проблем и противоречий в теории Маслоу:

(а) Маслоу выражал озабоченность по поводу того, что культура подрывает человеческий потенциал; однако, согласно его теории, это невозможно.

(б) Не ясен биологический процесс естественного отбора, посредством которого потребности могли стать автономными.

(в) Из требования первоначального удовлетворения потребностей низшего уровня для достижения самоактуализации и избежания всего, что может препятствовать такому удовлетворению, следует, что детям нужно во всем угождать и ни в чем не отказывать. Однако целый ряд исследований свидетельствует о негативном влиянии потакания детям и даже о необходимости частичного неудовлетворения потребностей во избежание скуки.

(г) Если потребности низшего уровня все же не удовлетворяются, теория не говорит ничего о том, как индивидуум может продвигаться вверх по иерархии потребностей, хотя самоактуализация может иметь место только при полном отсутствии депривации.

(е) Можно привести множество примеров поведения, противоречащих данной теории. Например, Абрахам Линкольн и Элеонора Рузвельт, которых Маслоу считает самоактуализовавшимися, испытывали в жизни суровые лишения и, по теории, не должны были бы достичь вершины пирамиды потребностей. Другие же, как замечает сам Маслоу, достигли полного удовлетворения потребностей, но стали невротиками или не сумели найти смысла жизни.

Басс (Buss, 1976) находит еще одно противоречие в теории Маслоу. Те, кто вынужден бороться за удовлетворение потребностей низшего уровня, в особенности представители бедных слоев населения, не могут перейти на более высокий уровень, поскольку социальные изменения, в которых они нуждаются, не являются частью данной теории. Теория требует, чтобы любые изменения исходили от индивидуума. Басс считает данную теорию классовой психологией, ориентированной на привилегированные слои общества и не распространяющейся на необеспеченные слои.

Виц и Модести (Vitz & Modesti, 1993) утверждают, что акцент на «самопоклонении» и самоактуализации часто ведет к разводам и другим формам разрыва межличностных отношений и к постепенному осознанию многими людьми того факта, что они никогда не смогут обеспечить себе условия, необходимые для самореализации. Результатом этого, указывают они, становится несостоявшаяся карьера, проблемы со здоровьем и другие негативные последствия. Ричардс и Комбс (Richards & Combs, 1992) утверждают, что «такие утверждения фокусируются лишь на отдельных аспектах работ гуманистических психологов, исключая из рассмотрения другие, а потому оказываются не в состоянии оценить значение качественных человеческих взаимоотношений» (p. 381). Возможно, это действительно так, в особенности по отношению к сфере образования, о которой говорят авторы; однако тема «я» пронизывает всю гуманистическую литературу, в то время как теме «взаимоотношений» в ней уделяется весьма ограниченное внимание. Бюлер (Buhler, 1971) говорит, что гуманистическая психология хотела бы реформировать сферу образования и психотерапию, поставив во главу угла вопросы взаимоотношений, а не методики. Психотерапия должна заменить перенос диалогом терапевта и клиента и сделать основной целью удовлетворение ценностей клиента. Образование должно сделать акцент на креативности, ощущении себя личностью и эмоциональном здоровье. Хотя достижение этих целей до некоторой степени предполагает развитие взаимоотношений, данные цели остаются связанными прежде всего с индивидуальным «я».

Дуализм «душа—тело»

Сторонники гуманистической психологии отстаивают холизм как основной принцип, однако, затрачивая огромные усилия, создают образ человека из таких конструктов, как разум, тело, сознание, дух, «я», и аналогичных им. В этих предпосылках они нисколько не отошли от психоанализа или сохранившей преемственность методологическому бихевиоризму когнитивной психологии, несмотря на отвержение ими этих психологических систем. Они не только разделяют целостного человека, но и отделяют его от мира, частью которого он является. Игнорируя более широкий контекст, они рассматривают конкретного человека как причину всего происходящего с ним, и многие гуманистические психологи открыто придерживаются данного представления.

Предположение о том, что опыт определяет поведение, в отличие от взгляда, согласно которому опыт и есть поведение, является формой дуализма «душа — тело»: такая точка зрения предполагает, что переживания, чувства, мысли и т. д. представляют собой нечто отличное от поведения. Приведем четыре примера. На этот вид дуализма указывает заявление Лэндсмена (Landsman, 1977), настаивающего на существовании «поведения *и* опыта»; Росини (Rosini, 1977) заявляет, что «поведение является функцией опыта» (p. 162); Гамачек (Hamachek, 1987) утверждает, что «и внутренний индивидуум, и внешний мир» оказывают влияние на поведение *и* чувства (p. 169); и наконец, Криппнер (Krippner, 1994) предлагает триаду: «поведение, опыт и интенциональность» (p. 53). Аналогично акцент на «я» как причине поведения делает его заместителем слова «разум» и выполняющим ту же роль. Несмотря на подчеркивание роли человека или индивидуума, у некоторых представителей гуманистической психологии (в частности, у Ричлака) мыслящим оказывается независимо существующий разум, а не индивидуум. В центр внимания помещается безличный гипотетический конструкт, а не человеческое существо — или человеческое существо плюс нечто, мыслящее о взаимоотношениях. Принятие конструкта внутреннего разума, «я», сознания или духа чревато проблемами, преследующими философию и психологию на протяжении веков, однако гуманисти-

ческая психология признает его правомерность и игнорирует возникающие проблемы.

Вопрос о локусе причинности

Данный подход предполагает самокаузацию, утверждая, что организмы отбирают стимулы и являются самомотивированными (self-motivated). Эта предпосылка также находит свое проявление в концепции самоактуализации. Предположения о том, что причины действий организма находятся в окружающей среде или что организм заключает причину в самом себе, не являются единственно возможными вариантами локуса причинности, несмотря на признание гуманистическими психологами только этих двух возможностей. Одна из альтернатив состоит в том, что причинность отчасти лежит в отношениях между индивидуумом и вещью, на которую он реагирует. Джорджи (Giorgi, 1992a) указывает на потребность в «субъективной науке» («human science»), рассматривающей взаимоотношения между индивидуумом и объектом:

> «Так, когда человек мечтает, границы мечты могут простираться до небес; при воспоминании границами может быть начало XX века; при возникновении предчувствия человек может ощущать тревогу кожей всего тела, а забота может локализоваться в страдающем существе и т. д. Философы уже высказывали эту мысль: человек становится воплощенным «я» в мире других людей. Человек — это всегда осмысленное бытие в ситуации» (p. 216).

Помимо индивидуума и вещи, на которую он реагирует, причинность включает также контекст, в котором индивидуум вступает во взаимоотношения с объектом, а также личную историю его жизни, которую он привносит в эти взаимоотношения. Причинность как комплекс взаимосвязанных событий является важной альтернативой предпосылке о единичном источнике причинности, будь то окружение или «я».

Безусловное подкрепление в противовес условному

Вера Роджерса в эффективность безусловного поощрения как способствующего личному росту противоречит фактическим свидетельствам (Newman, 1992). В частности, если подкрепление дается независимо от поведенческих проявлений сотрудничества, кооперативные формы поведения не развиваются (Hart, et al., 1968). Специалистами по анализу поведения накоплено множество данных, свидетельствующих о том, что отбор форм поведения производится по их последствиям, а не по факторам, не связанным с последствиями. Однако клиент-центрированную терапию Роджерса нельзя считать абсолютно безусловной. В эксперименте, в ходе которого испытуемых просили придумать как можно больше слов в течение ограниченного периода времени, в тех случаях когда экспериментатор (Greenspoon, 1995) произносил «м-гм» в ответ на каждое предлагаемое испытуемым слово во множественном числе, количество таких слов было значительно большим, чем в контрольной группе. Аналогичным образом количество слов во множественном числе падало до уровня контрольной группы, когда экспериментатор прекращал произносить «м-гм». Данные результаты позволяют предположить, что в клиентоцентрированной терапии терапевт незаметно и неосознанно формирует реакции клиента, несмотря на свое стремление избегать этого. Тем не менее данная форма терапии практически является настолько близкой к недирективной, насколько это вообще возможно. Также необходимо различать между безусловным принятием самого *индивидуума* и безусловным принятием конкретных *действий* данного индивидуума. Родители могут любить своего ребенка, но при этом одобрять или не одобрять совершаемые им конкретные действия. Вероятно, Роджерс являлся сторонником первого.

Негативные формы поведения и другие критические замечания

Ричлак (Rychlak, 1979) утверждает, что придавая основное значение человеческой свободе, гуманистические психологи должны относить к ней и такие негативные проявления, как эгоизм, манипулятивность и мизантропию. Положительные проявления, такие как радость, любовь и аутентичность, это лишь одна сторона человеческого бытия. Однако те, кто склонен принимать негативные формы поведения как подлинное выражение человеческой природы, отвергаются представителями данной психологической системы, замечает он.

Кэмпбелл (Campbell, 1984) бывший исполнительный директор (executive officer) Ассоциации гуманистической психологии, приводит список критических замечаний в адрес гуманистической психологии, которые она считает необходимым рассмотреть. Те из них, которые не рассматривались выше, включают: (а) интерес к экзотическим (bizarre) формам терапии и неэффективность гуманистической терапии; (б) догматические установки, согласно которым достаточно одних переживаний, в противовес необходимости объяснений; (в) ориентация на элиту — белых представителей среднего класса; (г) отсутствие четко сформулированных основных положений, подкрепленных достаточным количеством исследований.

Сильные стороны гуманистической психологии

Гуманистическая психология породила большое количество интересных журналов, в которых публикуются теоретические статьи, обзоры, методики, дискуссии, биографии, исторические экскурсы, исследования, а

часто и критика, нередко исходящая от самих сторонников данного подхода. Это свидетельствует о здоровом желании рассматривать существующие проблемы и пытаться их разрешать. Постоянный поток новых статей для этих журналов говорит о неспадающем интересе и поддержке гуманистической психологии и о стремлении к ее дальнейшему развитию. Тот факт, что данная система описывается во всех учебниках по истории психологии (Wertz, 1992), позволяет говорить о признании ее роли представителями других систем. Не вызывает сомнений, что гуманистические психологи занимают видное место в числе тех, кто осознал необходимость придать должное значение человеческой субъективности и смыслу и убедил многих других сделать то же самое — даже тех из них, кто придерживался в своих взглядах иных подходов. Благодаря им психология стала уделять внимание таким темам, как радость, игра, умирание и смерть, любовь, одиночество и творчество (хотя гуманистические психологи не были единственными, кто этому способствовал). Несмотря на тот урон, который нанесла данному подходу контркультура, его голос продолжает уверенно звучать со страниц журналов, и его вклад в сферы практического приложения психологии остается существенным. Данный подход явился одним из первых, предложивших альтернативу психоанализу в области психотерапии, и продолжает указывать на проблемы, возникающие вследствие использования механистических концепций в современной психологии.

ВЫВОДЫ

Хотя критические замечания в адрес гуманистической психологии многочисленны и разнообразны, большинство из них вращается вокруг того, что критики рассматривают как крайнюю позицию во взглядах на автономию «я». Согласно данной критике, вера в то, что индивидуум является причиной собственных действий, не учитывает множественности условий, составляющих причинность, включая средовые и социальные, многие из которых в не меньшей, а возможно, и в большей степени нуждаются в коррекции, в тех случаях когда она необходима, чем причины, связанные с самим индивидуумом. Попытка обеспечить индивидууму возможность достичь реализации, игнорируя при этом неблагоприятные окружающие условия, поражает многих своей иррациональностью. (Большинство форм терапии направлены на изменение только индивидуума, а потому заслуживают аналогичной критики.)

В гуманистической литературе нередко поднимается вопрос о том, почему данный подход претерпел столь ограниченную эволюцию и оказал столь ограниченное влияние. Безусловно, принятие им контркультуры является одной из общепризнанных причин. Другой же, вполне вероятно, является его центрированность на автономном «я». Хотя гуманистическая психология и привлекла внимание к проблемам механистического подхода, присущего как бихевиоризму, так и когнитивизму, в качестве альтернативы она рассматривает самокаузальные силы организма. Таким образом, она породила другую крайность — там, где бихевиоризм и когнитивизм игнорируют смыслы и индивида, гуманистическая психология игнорирует окружающую среду.

Если бы гуманистическая психология пожелала включить рассмотрение окружающей среды, она могла бы принять одну из двух форм. Одной из них было бы сохранение психофизического дуализма и обращение к причинам, находящимся в окружающей среде и в «я», как к различным источникам. Например, Смит (Smith, 1978) рекомендует для адекватного объяснения самости использовать «внешнее» понимание бихевиоризма в сочетании с «внутренним» гуманистическим пониманием. Однако он «находится в полной растерянности относительно того, как соединить оба подхода вместе» (p. 33). Внутренние «интерпретации» и внешние «причины» взаимодополняют друг друга, хотя и «таинственным» для него образом.

Другой возможностью было бы использование модели феноменологической психологии Мерло-Понти или экзистенциальной психологии Сартра (источники, из которых гуманистическая психология отчасти черпала свое вдохновение), для которых смысл складывается из отношений человек—мир (интенциональности[7]).

Конструкты «внутреннего» и «внешнего» при таком понимании теряют свой смысл, а следовательно, лишенным смысла оказывается и представление о локусе причинности или содержания. Любые действия осуществляются как взаимоотношение, и это и есть локус смысла. (Q-методология [см. главу 8], интербихевиоральная психология [см. главу 10], а также некоторые формы диалектической психологии [см. главу 9] и феноменологической психологии [см. главу 12] разделяют данную позицию.) Это разрешило бы вопрос, на который не мог найти ответа Смит, хотя экзистенциально-феноменологическая психология рассматривает несколько иные формы деятельности (в особенности представители феноменологической психологии, которых восприятие интересует в большей степени, чем экзистенциалистов) и использует другую методологию (не включающую интервью, опросники и статистический анализ) и в этом отношении никогда не смогла бы быть полностью объединенной с гуманистической психологией — хотя и могла бы стать комплементарной по отношению к ней.

Любая из двух форм — как рассматривающая отдельные источники причинности, связанные с «я» и с окружением, так и понимающая причинность как кон-

[7] Употребление слова «интенциональность» у Гуссерля имеет более менталистский характер. Интенция исходит из организма и устанавливает связь с объектом («умышляет» («intends») его).

текстуализированные субъектно-средовые взаимодействия, — могла бы привлечь многих новых последователей, и можно предположить, что прикладные программы, предлагаемые гуманистической психологией, также стали бы более эффективными. Что касается первого направления, Тайлер (Tyler, 1992) описывает экосистему для педагогической гуманистической психологии, состоящую из программ систем (взаимодействий компонентов), взятых из области технологии, феноменологии и экологической психологии.

Те представители гуманистической психологии, которые считают приемлемыми не только качественные, но и количественные исследования, находятся в согласии со сторонниками других подходов, утверждающих, что ни одна форма исследований не в состоянии ответить на все вопросы и что каждая методология становится источником полезной информации, которую не могут обеспечить другие методы, — и потому все они нужны исследователям. Психологи, придерживающиеся таких взглядов, до некоторой степени сходятся в признании Q-методологии, которая хотя и является чисто количественной, обеспечивает получение информации исключительно с точки зрения конкретного испытуемого. Возможно, дальнейшие усилия гуманистической психологии, направленные на обеспечение баланса методологий, способствовали бы как прогрессу ее прикладных программ, так и более широкому принятию ее другими психологическими системами.

Как отмечает целый ряд авторов, наиболее значительное влияние гуманистическая психология оказала на психотерапию, и карьера большинства изучающих данную систему психологии связана с психотерапией или другими сферами социальной помощи. Вероятно, немногие, если вообще кто-либо, проводит психотерапию строго в соответствии с принципами недирективной терапии, предложенной Роджерсом; тем не менее его положение об активной роли клиента оказало значительное влияние на все формы психотерапии и консультирования. Гуманистическая психотерапия смогла даже найти точки соприкосновения с поведенческой и когнитивной терапией, и в ряде случаев этот союз предполагает признание как сильных, так и слабых сторон каждого из этих направлений, а также нахождение способа, посредством которого они могли бы стать взаимодополняющими в этих случаях.

Гуманистическая психология не является совокупностью взаимосвязанных концепций, представляющих собой систему. Она не характеризуется наличием согласованного содержания или общепринятой методологии. Это скорее ориентация (Shaffer, 1978), включающая ряд более или менее общепризнанных принципов. Некоторые из них сформулированы достаточно туманно и весьма условно связаны между собой; однако это не представляется особым недостатком. То, что действительно воспринимается как недостатки, включает: (а) непоследовательность, состоящую в заявлении о ценности целостного человека, хотя при этом он, однако, рассматривается фрагментарно; (б) вырывание человека из индивидуального контекста; (в) как следствие (б), приписывание самокаузации индивидууму при игнорировании условий окружающей среды, включая социальные. Все эти недостатки проистекают из явного или неявного принятия психофизического дуализма. С практической точки зрения, связь данного направления с областью оккультного, по большей части также обусловленная принятием психофизического дуализма, тоже привела к негативным результатам. Однако гуманистические психологи игнорируют вопросы дуализма. Представители французской экзистенциально-феноменологической психологии, Мерло-Понти и Сартр, хотя и сами придерживаются не вполне четкой позиции по данному вопросу, могли бы послужить полезным образцом в этом отношении, как и в вопросе о возвращении индивидуума в контекст, особенно учитывая то обстоятельство, что представители гуманистической психологии часто относятся к данным системам как к источнику вдохновения или как к части своего научного наследия.

Коснемся также тех двух «сил», против которых выступила гуманистическая психология в 60-х годах: бихевиоризма и психоанализа. Бихевиоризм существует сегодня преимущественно в форме анализа поведения; кроме того, границы данной системы существенно расширились и продолжают расширяться по отношению к своему первоначальному варианту, ограничивавшемуся формированием условных реакций у животных. Когнитивная психология позаимствовала у методологического бихевиоризма его процедуры и некоторые из его положений, превратившись в наши дни в доминирующую, хотя и не монолитную «силу». Это направление психологии, с ее многочисленными разновидностями, а также анализ поведения представляют собой две основные «силы» в современной психологии. Вызывает сомнения, что третье место, даже со значительным отрывом, занимает психоанализ. Как теория, психоанализ никогда не занимал ведущего положения в академических кругах, а сегодня и в области клинической психологии он представляет собой не более чем одну из множества форм психотерапии. Помимо анализа поведения, когнитивизма и гуманистической психологии, на современной психологической сцене присутствуют и другие системы, в числе которых и рассмотренные в данной книге. Поэтому термин «третья сила» в настоящее время является анахронизмом.

Наконец, сам термин «гуманистическая психология» до некоторой степени вводит в заблуждение. Он является полностью совместимым лишь с немногими, если вообще с какими-либо направлениями гуманистической философии, несмотря на то, что является частью общего с ними наследия. Возможно, термин «психология “я”» («self psychology») был бы и более точным, и более уместным.

ГЛАВА 5

ПСИХОАНАЛИЗ:

кардинальный отход от Фрейда

ВВЕДЕНИЕ

Вероятно, большинству студентов-психологов задавали вопрос, могут ли они подвергнуть людей психоанализу. Это ошибочное отождествление психологии с психоанализом со стороны тех, кто не изучал психологию, показывает, в какой степени знакомство, по крайней мере, со стереотипами психоанализа пропитало нашу культуру. Однако психоанализ оказал лишь минимальное влияние на академическую психологию и не более чем умеренное — на клиническую. Несмотря на это его краткую характеристику включают во все учебники по вводному курсу психологии и по психологии личности. В США психоанализ пользовался наибольшим влиянием в сфере медицины, в частности в психиатрии, занимая господствующее положение в Американской психиатрической ассоциации до 1980-х годов. Начиная с этого времени лекарства, которые могут быстро устранять симптомы дезадаптации, начали вытеснять медленный и спорный процесс психоаналитической терапии.

Такие термины, как «либидо» применительно к сексуальным реакциям и «психоанализ» применительно к психодиагностике, вошли в повседневную речь, а прозаики и драматурги сделали психоанализу хорошую рекламу, используя его идеи. Фактически именно писатели прославили психоанализ и способствовали его влиянию в начале XX века.

Хотя в нашем сознании психоанализ ассоциируется с Фрейдом, он распался на множество разновидностей, причем некоторые из них ушли очень далеко от системы Фрейда. В этой главе мы лишь коротко рассмотрим оригинальную систему Фрейда, а затем также коротко коснемся некоторых из известных личностей, которых он вдохновил. Больше внимания будет уделено современным течениям, таким как подход Роя Шефера и теория объектных отношений, получившая наиболее полное выражение у Хайнца Кохута и ряда других авторов.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Начальная ортодоксия и отступления от нее первого поколения аналитиков

Зигмунд Фрейд. Как хорошо известно, Фрейд (Freud, 1935, 1938, 1969) был основоположником системы, являющейся одновременно и теорией личности, и методом психотерапии. Фрейд постулировал особую форму энергии в организме, названную им «либидо», своего рода сексуальное напряжение. Эта энергия проявляет себя преимущественно в «Оно», управляющем значительной частью энергии либидо. «Оно» следует исключительно принципу удовольствия, стремясь к разрядке сексуального напряжения. Второй компонент психической структуры носит название «Я». «Я» берет начало в «Оно» и стремится уменьшить боль и увеличить удовольствие посредством реалистичного отбора моделей поведения, однако «Я» все еще управляется принципом удовольствия. Третий компонент психической структуры, «Сверх-Я», происходит из «Я». «Сверх-Я» опирается на моральные ценности родителей и подавляет тенденции поиска удовольствия, присущие «Оно». Эти три психические силы находятся в состоянии конфликта, причем «Я» выполняет роль посредника между стремящимся к удовольствию «Оно» и подавляющим удовольствие «Сверх-Я». В раннем детстве верховодит «Оно», но по мере созревания ребенка «Я» приобретает все большую власть. «Я» подавляет неприемлемые импульсы «Оно», как этого требует «Сверх-Я». Энергия либидо не только питает этот психический конфликт, но также дает начало инстинкту смерти и противоположному инстинкту жизни. Одна из целей психоаналитической терапии — привести все эти силы в состояние гармонии посредством своего рода диалектического процесса. Но многие последователи Фрейда не приемлют конструкт инстинкта смерти и, соответственно, не используют его.

Энергия либидо также направляется к эрогенным зонам организма, давая начало психосексуальным стадиям, которые обнаруживают себя в первые пять лет жизни. Они сменяют друг друга в следующей последовательности: оральная, анальная и генитальная стадии. Развитие может фиксироваться на любой из этих стадий, вызывая невротические симптомы, характеризующие данную стадию. Переедание, курение, пьянство или болтливость проистекают из фиксации («катексиса») на оральной стадии. Компульсивный человек фиксирован на анальной стадии. Подростковая озабоченность сексом — это фиксация на генитальной стадии. Контроль над либидозной энергией постепенно переходит от «Оно» к «Я», которое связывает эту энергию с объектами. На самой ранней стадии развития младенец привязан к собственному телу, что ведет к «нарциссизму», или самовлюбленности. Позже, когда привязанность переносится на родителя противоположного пола, возникает «эдипов» конфликт (иногда называемый у девочек конфликтом Электры, но обычно термин «эдипов» относят к обоим полам). Он имеет место на генитальной стадии. Все эти процессы развития, за небольшим исключением, носят бессознательный характер. Предсознание, занимающее промежуточное положение между бессознательным и сознанием, также содержит определенные воспоминания, к которым «Я» получить доступ легче, чем к воспоминаниям, хранящимся в бессознательном.

Вследствие своей либидозной энергии люди имеют базисные сексуальные и агрессивные потребнос-

ти, которые функционируют независимо от их окружения — если окружение их блокирует, возникают невротические симптомы. Все без исключения действия людей нацелены на разрядку сексуальной и агрессивной энергии. Если разрядка блокируется чувством вины «Сверх-Я», конфликт между потребностью в разрядке и вытеснением травмирующих желаний или воспоминаний, осуществляемым «Сверх-Я», вызывает такие невротические симптомы, как депрессия, фобии, тревога и сексуальные дисфункции. Поскольку тревога, которая дает начало этим симптомам, не осознается, она не реагирует на голос рассудка и не поддается анализу. Усилия, направленные на ее обнаружение, встречают сопротивление. Это сопротивление принимает форму защитных механизмов, таких как проекция (приписывание кому-то собственных недостатков), реактивное образование (утверждения, противоречащие подлинным желаниям человека), интроекция (включение в «Я» или «Сверх-Я» какого-то объекта, например родителя) и вытеснение (изгнание неприемлемых мыслей в бессознательное). Эти травмирующие воспоминания можно выявить и исследовать с помощью метода свободных ассоциаций. Когда воспоминания полностью поняты — и *только* когда они поняты, — невротические симптомы исчезают.

Фрейд проводил грань между тем, что он называл «неврозом переноса» и «нарциссическим неврозом». Невроз переноса включает в себя такие расстройства, как навязчивости и истерия. Фрейд утверждал, что они обнаруживают себя в замаскированной форме в процессах переноса — когда пациент переносит чувства к родителям на психоаналитика. Нарциссический невроз включает такие расстройства, как параноя, депрессия и шизофрения, не обнаруживает себя как перенос и поэтому не поддается осознанию. В прошлом психоаналитики обычно не пытались лечить нарциссические расстройства, но работа Кохута в недавнем прошлом была сосредоточена именно на них (см. с. 148).

Альфред Адлер. Среди первых последователей Фрейда наиболее видное место занимали Адлер и Юнг; оба порвали с Фрейдом и создали новые школы психоанализа. Адлер (Adler, 1917, 1927a, 1927b, 1939) видел в младенце не сексуальное создание, а беспомощное существо, нуждающееся во всесторонней заботе со стороны более могущественных взрослых. Эта зависимость от взрослых вызывает чувство неполноценности и порождает стремление к обретению власти и независимости. Воля к власти является для Адлера движущей силой (хотя, предполагал он, человек может также совершать бегство в болезнь), а мужская сексуальность — это симптом стремления преодолеть женское доминирование. С другой стороны, женщины испытывают чувство неполноценности из-за своего приниженного положения в обществе. Адлер также утверждал, что сексуальные проблемы являются не причинами невротического поведения, а формами проявления невроза.

Адлер отвергал биологические инстинкты Фрейда, заменяя их социальными отношениями внутри семьи, прежде всего положением ребенка среди сиблингов, обусловленного порядком их рождения. Конфликт возникает между индивидуумом и социальной средой, а не между инстинктивными силами внутри индивидуума. Адлер также уделял заметно меньше внимания бессознательному, делая упор на веру в будущие возможности, часто нереалистичные, к которым люди стремятся. Тем самым он акцентировал внимание на будущем, в отличие от акцента Фрейда на прошлом. Адлер назвал свой подход *индивидуальной психологией*. Как метод терапии, он представлял собой разновидность переобучения. Терапевт брался за устранение явных проблем, делал это в агрессивной манере и за короткий период времени, в отличие от многолетней психоаналитической терапии Фрейда. Термины Адлера «комплекс неполноценности» и «соперничество сиблингов» получили широкое распространение.

Адлер был предшественником более социально ориентированных психоаналитиков. Его неприятие инстинктов и умаление роли бессознательного также нашли отражение в современных течениях. Его упор на будущее и переобучение предвосхитили некоторые характеристики многих современных методов психотерапии, а его признание культурного неравенства женщин и последующих проблем адаптации являются основной темой ряда движений наших дней.

Карл Юнг. В отличие от Фрейда, Юнг (Jung, 1926, 1927, 1928, 1933, 1963) утверждал, что за невротические состояния несет ответственность не только прошлое, но и настоящее, а также цели и намерения человека, направленные в будущее. По Юнгу, «Я» полностью сознательно и вытесняет воспоминания в личное бессознательное. На более глубоком уровне находится коллективное бессознательное, которое содержит «архетипы». Это инстинкты, наследуемые всеми представителями нашего вида или расы. Они проистекают из опыта наших предков и побуждают нас воспринимать мир и мыслить определенным образом. Эти архетипы также содержат символы, и Юнг утверждал, что он обнаружил архетипы, изучая символы искусства и мифы различных культур и периодов истории. Архетипы включают в себя: (а) «персону», маску, которую мы демонстрируем другим людям и которая бывает мужской у мужчин и женской у женщин; (б) «аниму», женскую сторону мужчин, и «анимус», мужскую сторону женщин; (в) «тень», животный инстинкт, который берет начало из нашей дочеловеческой формы и связан с аморальными импульсами; он может проникать из тени в бессознательное и даже в личное сознание; (г) «самость» (self), которая объединяет все остальные части в единое существо. Самость проявляется только в зрелом возрасте и часто использует для своей объединяющей цели религию или мистический опыт.

Юнг делил людей на «интровертов» и «экстравертов», и эти термины стали использоваться столь же широко, как «комплекс неполноценности» и «соперничество сиблингов» Адлера. Интроверсия и экстраверсия могут сочетаться в любых комбинациях с четырьмя — и только четырьмя — функциями: интуицией, ощущением, чувством и мышлением. Любые две функции могут доминировать, подавляя две другие, и соотноситься с интроверсией или экстраверсией. Это ведет к выделению типов личности, таких как интровертивный мыслитель-интуитивист, возможно, творчески одаренный ученый, который любит работать в одиночестве. Юнг полагал, что эти первобытные побуждения могут быть направлены на божественное или на самоактуализацию, но если «Я» не регулирует их адекватным образом, они могут вызвать невроз или даже психоз. Он в целом отвергал научные доказательства и искал вдохновение в мифологии и искусстве. Невроз — это страдание души, которая не находит заключенный в ней смысл. Он побуждал своих пациентов использовать их силу воли и стремиться к божественному. Неудивительно, что он сильно повлиял на участников движения «Нью Эйдж» и других искателей мистического.

Отступления от ортодоксии второго поколения аналитиков

Карен Хорни. Хорни (Horney, 1937, 1939, 1945, 1950) преподавала в Берлинском психоаналитическом институте. Проработав в Институте несколько лет, она эмигрировала в Соединенные Штаты, где жила в период экономической депрессии 1929–1942 годов. Она обнаружила, что в США основным источником невротического поведения обычно бывают деньги, а не секс. Она заключила, что движущей силой невроза является «базисная тревога», проистекающая из детского чувства изолированности и беспомощности во враждебном мире. Проблема начиналась с невротических родителей, чья неспособность обеспечить ребенку безопасность и одарить его любовью вела к тревоге и отклоняющемуся поведению. Хорни полагала, что в этом условии коренится *любое* отклонение от нормы, а не только патологические состояния. Ребенок пытается справиться с тревогой, формируя невротический симптом, который не позволяет тревоге проявиться, но сам симптом причиняет вред.

В отличие от Фрейда, она считала, что сексуальные проблемы — это один из *видов* невротического симптома, а не *причина* невроза. Ребенок интернализует ожидания и цели других людей и у него складывается идеализированное представление о себе, которое часто бывает нереалистичным с точки зрения как личных, так и культурных ограничений. Неспособность достичь своих идеалов вызывает конфликты и тревогу. Стремление к безопасности формирует уступчивых индивидуумов, которых отличает любовь и общительность; людей, полагающихся на себя и добивающихся совершенства, которые плохо контактируют с окружающими, и властных личностей, которые циничны и эксплуатируют других. Большинство людей могут соответствовать одному из этих описаний, в зависимости от ситуации. Там, где Фрейд видел людей как биологических существ, которых трудно изменить, Хорни видела прекрасную возможность устранения невроза путем улучшения общества и семейной жизни. Она направляла свою психотерапию на то, чтобы помочь людям разрешить конфликты, позволяя реальному «я» взять верх над идеальным «я» и преодолеть ненависть к себе. Люди формируют подобную ненависть вместе со стремлением к совершенству в силу нереалистичных представлений о том, чего они должны добиться. Путем «самореализации» они могут достичь гармонии с окружающими и уменьшить конфликт и тревогу.

Хорни написала ряд работ, критикующих фрейдовскую теорию сексуального развития женщин, и отстаивала роль культуры — в противоположность роли мужской или женской анатомии — в формировании различий в психологии мужчин и женщин. Она находила психоанализ Фрейда центрированным на мужчинах, недооценивающим женщин и основанным на стереотипах. Она обрисовала историю и культуру патриархальной дискриминации женщин и призывала к более просвещенному пониманию (Horney, 1967). Ее работа оказала важное влияние на изучение женщин.

Эрих Фромм. Фромм (Fromm, 1941, 1947, 1955) преподавал в Берлинском психоаналитическом институте и, подобно Хорни, переехал в Соединенные Штаты. Как и Хорни, он также акцентировал внимание на социальных условиях, но, в отличие от нее, сосредоточился прежде всего на исторических и политических условиях. Большое влияние на него оказал Карл Маркс. Фромм утверждал, что проблемы начинаются с зависимости младенцев от родителей и с отсутствия у младенцев животных инстинктов, помогающих приспособиться к окружающему миру. Когда младенцев отнимают от груди и начинается их взросление, они не обладают достаточной способностью приспособиться к своему окружению. Это происходит потому, что (а) способность человека рассуждать заменила инстинктивную способность животного приспосабливаться; (б) люди более не объединены с другими людьми так, как они были объединены когда-то благодаря мифам и религии. Там, где раньше род давал отдельным людям чувство безопасности и помогал им противостоять миру, они теперь оказались одни.

Это отчуждение усилилось в конце средних веков, говорит Фромм, когда торговцы создали капиталистическую систему, которая требует индивидуальной инициативы и опоры на собственные силы. В период Реформации начало терять силу даже единение человеческого существа с Богом. Ему на смену пришли свобода и независимость, но ценою утраты безопасности. В индустриальном капиталистическом мире отсутствует социальная общность. Фромм был

сторонником гуманистического социализма, при котором люди вновь обретают безопасность, устанавливая братство любви с другими людьми, основанное на сотрудничестве и взаимной поддержке. Неудовлетворительной альтернативой гуманистическому социализму является авторитарная система, будь то политическая или религиозная, которая способствует фрустрации и вражде.

Гарри С. Салливан. Американский психиатр Салливан (Sullivan, 1947, 1953) полагал, что система Фрейда является, в сущности, обоснованной, но что она должна учитывать культурные факторы. Он представлял себе личность как подверженную психическому напряжению или «динамизму», который в чем-то напоминает либидо Фрейда. Этот явный или скрытый перенос энергии затрагивает ту или иную часть организма. Одним из источников этого напряжения являются биологические потребности, такие как голод, жажда и секс. Снятие этих напряжений приносит чувство удовлетворения, а полная их реализация вызывает состояние экзальтации. Это напоминает принцип удовольствия Фрейда. Второй источник напряжения — угрозы, либо реальные, либо воображаемые, которые порождают тревогу или, в крайних случаях, чувство ужаса. Тревога мешает межличностным отношениям, вносит путаницу в мышление и нарушает последовательность удовлетворения потребностей. Снятие тревоги приводит к чувству безопасности. Тревогу обычно вызывает неуверенность, возникающая, когда ребенок находится в грудном возрасте.

Салливан превратил фрейдовские психосексуальные стадии развития в семь социальных стадий, но более всего он известен за свой подход к шизофрении. Он настаивал, что психиатрия должна заниматься «расстроенной жизнью... а не невозможным изучением *индивидуума*, страдающего психическим расстройством» (Sullivan, 1962, p. 258), ибо личная индивидуальность — это только иллюзия. Мы живем не сами по себе, автономно и индивидуально; мы неотделимы от наших межличностных ситуаций. Следовательно, в фокусе исследования и терапии шизофрении должны быть *ситуации*, а не больные *индивидуумы*. Как следствие этого убеждения, Салливан центрировал свое лечение на всей семье. Эти взгляды близки подходу социальных конструкционистов (см. главу 8) и, в своей клинической фазе, семейной терапии.

Эрик Эриксон. Из рассматриваемых здесь теоретиков Эриксон (Erikson, 1963, 1968) оставался наиболее близким оригинальной системе Фрейда. Несмотря на это, он придавал намного большее значение социальным факторам. Он считал, что эго человека и его «я» (self), или чувство идентичности, развиваются на протяжении всей жизни и что опыт взрослых может помочь исцелить раны детства. К психосексуальным стадиям Фрейда он добавил несколько новых и модифицировал остальные, идентифицировав всего восемь стадий, составляющих жизненный цикл. Каждая включает конфликт или кризис, психологическую борьбу, которая является составной частью развития личности. Диалектический исход (см. главу 9, посвященную диалектике) может быть либо отрицательным, либо положительным, но человек должен разрешить кризис, с тем чтобы оставаться здоровым и избежать невротических симптомов. Например, если на первой, или «орально-сенсорной», стадии процедура кормления удовлетворительна, младенец отвечает доверием; и первая социальная ситуация закладывает хорошее начало. Если мать часто игнорирует чувство голода младенца, ребенок испытывает чувство угрозы и отвечает недоверием.

Особенно начиная с подросткового возраста становятся важными внешние экономические, политические и социальные условия, формирующие внутреннее эмоциональное развитие и тем самым влияющие на изменения в эго-трансформации. Эриксон хорошо известен за свою формулировку подросткового «кризиса идентичности». В ходе этого кризиса индивидуум испытывает чувство растерянности, прогуливает или бросает школу и обращается к наркотикам, алкоголю, уклоняется от выполнения своих обязанностей, совершает акты вандализма, а иногда и преступления. Эриксон рассматривает этот кризис идентичности как наиболее важный кризис в жизни человека. Его удовлетворительное разрешение требует поддержки со стороны родителей и других людей и крайне важно для успешных супружеских и сексуальных отношений. В молодости конфликт принимает форму «близость против изоляции», а в зрелости — «отчаяние против целостности». Эриксон сохранил многие из основных определений фрейдовских стадий психосексуального развития, но придал им более социальную направленность.

Хайнц Гартманн. Отталкиваясь от точки зрения биологической адаптации, Гартманн (Hartmann, 1939, 1960, 1964) переформулировал значительную часть традиционного психоанализа. Он устранил многие несообразности и сделал его более системным и целостным. Кроме того, он удалил такие диалектические полярности, как требования «Оно» (или ид) против механизмов защиты «Я» (или эго), фиксация против антификсации, инстинкт жизни против инстинкта смерти, принцип удовольствия против принципа реальности, и другие. Возможно, его наиболее известным достижением было наделение «Я» большей автономией и более сложными функциями, чем оно имело в концептуальной системе Фрейда (в которой оно представляло собой продукт «Оно»). Тем самым объект психоанализа (пациент) мог использовать функции своего автономного «Я» (эго), играя более активную роль в оценке и интерпретации мыслей, воспоминаний, сновидений и переноса. До работы Гартманна аналитики предполагали, что любое несогласие с интерпретацией аналитика обусловлено сопротивлением и негативным переносом.

Гартманн также приписал «Я» (эго) агрессивную роль, столь же важную, как и роль либидо, и лишил

его инстинкта самосохранения. Работа Гартманна привела к появлению течения внутри психоанализа, которое наделяло эго большими возможностями, чем ортодоксальная теория. Это направление иногда называют «эго-психологией».

В его новых формулировках «Сверх-Я» (или суперэго) также обретало независимость; ид, эго и суперэго стали играть одинаково важные роли в заново определенной трехчастной психической структуре. Согласно Шеферу (Shafer, 1970), «Гартманн был направляющим гением современной фрейдистской теории» (p. 445). Гартманн указал альтернативные подходы к психоанализу, не требуя отказа от клинических догадок Фрейда и его методов. Эта модификация была важным шагом в эволюции психоаналитической теории, наряду с социальным и культурным акцентом, который обеспечили теоретики от Адлера до Салливана.

Другие отступления: теория объектных отношений

В теории объектных отношений люди обычно являются объектами — особенно родители или другие заботящиеся лица и терапевт. Теория говорит, что объектные отношения пациента с терапевтом — это важный фактор терапевтического изменения. Она утверждает, что привязанность людей к объектам обусловлена не либидозными функциями, а имеет собственную врожденную основу. В объектных отношениях инстинктивное влечение уступает место «реальной родственной связи между “я” и его объектами» (Liff, 1992, p. 578). Объектные отношения представляют собой более радикальный разрыв с ортодоксией, чем эго-психология Гартманна (Eagle & Wolitzky, 1992), и фактически меняют эго на «я» (self). «Я» кажется «более близким реальному опыту», чем эго; эго является «отвлеченным конструктом» (Liff, p. 579), плохо помогавшим при более тяжелых состояниях, которыми занимался психоанализ.

Мелани Клейн. Теория Клейн (Klein, 1935, 1964) касается как инстинктов, так и объектных отношений. Инстинкты жизни и смерти питают психическую активность ребенка, но эти инстинкты привязаны к объектам — обычно к родителям. Младенец способен непосредственно соотноситься и с внешними объектами, и с объектами внутренней фантазии, благодаря наличию при рождении примитивного эго.

Согласно Клейн, к 6–12 месяцам мир ребенка наполнен напряженным конфликтом, в котором его врожденная агрессивность, ненависть, зависть, желание смерти и вожделения соперничают с его любовью к матери. У младенца формируется «шизоидное состояние»; он воспринимает грудь как хорошую и плохую — хорошую потому, что она дает пищу и утешение, а плохую потому, что она не всегда доступна. Материнское тело — это источник глубочайшей любви, удовлетворения и сексуального наслаждения, однако оно может пробуждать зависть и отчаяние, с которыми беспомощному младенцу приходится только мириться. Соответственно, младенец испытывает чувство враждебности и желание причинить матери боль или осквернить ее, кусая, царапая или опорожняясь на нее, но при этом он испытывает сильное чувство вины за свои дурные мысли. Эго расщепляется на хорошую и плохую части и несет в себе инстинкт смерти, который присутствовал при рождении. Оно проецирует его на грудь, которая угрожает младенцу и вызывает у него чувство преследования. Другая часть эго превращает грудь в идеальный объект, объект жизни. Тем самым стремление насладиться грудью ведет к преследованию и угрозе уничтожения, с одной стороны, и утешению, любви и пище, с другой. Страх перед тем, что инстинкт смерти возьмет верх над идеальным объектом, порождает «параноидно-шизоидное состояние». Расщепление эго носит шизоидный характер, а тревога — параноидный. Термин «состояние» указывает на то, что этот феномен представляет собой не временную стадию развития, а продолжается всю жизнь (Segal, 1988). Расщепление и объекта, и эго на хорошую и плохую части позволяет младенцу проецировать деструктивные импульсы вовне на плохие объекты.

Когда младенец начинает различать людей как целое, он осознает связь между отцом и матерью, и эта связь порождает эдипов комплекс. Он мысленно представляет половой акт между родителями, хочет сам получить аналогичное наслаждение и испытывает чувство лишения. В своих фантазиях младенец нападает на родителей и инкорпорирует их как часть своего внутреннего мира. Инкорпорируя грудь как частичный объект и людей — как целостные объекты, младенец проецирует свои деструктивные импульсы, а затем сталкивается как с угрозой внутренней вины, так и с угрозой проецируемого внешнего лишения того, что он разрушил. Младенец испытывает отчаяние из-за утраты хорошего объекта, который он разрушил, и это дает начало «депрессивному состоянию».

Полемика между Мелани Клейн и Анной Фрейд. Клейн была основоположницей детского психоанализа, работая с детьми, наименьший возраст которых составлял два с половиной года. Она вовлекала детей в психоаналитические сеансы, в которых игра помогала преодолеть ограниченный язык ребенка и становилась эквивалентом свободных ассоциаций взрослого. Клейн интерпретировала то, что она наблюдала в игре, как бессознательное проявление врожденных конфликтов и использовала этот материал для построения своей теории. Для нее любая игра свидетельствовала о переносе (Donaldson, 1996); и, как и в случае взрослых, она указывала, что между аналитиком и ребенком возникает невроз переноса. Процедуры анализа взрослых были приложимы к ребенку, включая интерпретацию сексуального смысла игры, эдиповых конфликтов, желания убить родителей и других положений теории.

Спасаясь от преследований нацистов, Анна Фрейд, дочь Зигмунда Фрейда, поселилась в Лондоне и, подобно Клейн, стала членом Британского психоаналитического общества. Она разрабатывала собственную процедуру анализа детей и относилась критически к методам Клейн. Она настаивала, что «Сверх-Я» (суперэго) ребенка слабо и что зависимость ребенка от родителей препятствует взрослому типу анализа и переноса. Для нее целью анализа было укрепить «Я» (эго) в его противостоянии импульсам «Оно» (ид) посредством образования. Приходя к пониманию причин своего поведения и его последствий, ребенок научается воздерживаться от плохих поступков. Он достигает этого с помощью анализа сновидений, который включает бессознательное в сознание. В отличие от Клейн, Анна Фрейд отвергала любую сексуальную интерпретацию игры и привлекала родителей, с тем чтобы они оказали ребенку поддержку и научились гармонизировать свои отношения с ним. Клейн не предусматривала никакой роли для родителей и стремилась снять тревогу, вызванную могущественным «Сверх-Я» (суперэго), которое вызывало у ребенка чувство вины за его враждебные фантазии в отношении родителей (Donaldson, 1996).

Клейн утверждала, что ее позиция является непосредственным аналогом взрослой процедуры Зигмунда Фрейда, тогда как позиция Анны Фрейд представляла собой пересмотр этой процедуры. Анна защищала свой подход как необходимую адаптацию к уникальной природе детей и заявляла, что процедура Клейн неприемлема для детей. Хотя Британское психоаналитическое общество сплотилось вокруг Клейн, психоаналитики в континентальной Европе — особенно в Вене — и в США отдавали предпочтение Анне Фрейд (Viner, 1996). Возможно, на эти различные национальные реакции повлияли британский упор на наследственное развитие и европейский акцент на влияния социума и среды и на образовательные программы (Donaldson, 1996). Теория Клейн продолжает пользоваться большим влиянием в британских психоаналитических кругах. Некоторые из последователей Клейн отказались от понятия инстинктов, обратили свое внимание на среду и придали дальнейшее развитие теории объектных отношений, которая стала занимать центральное место в британском психоанализе (Donaldson, 1996; Kavaler-Adler, 1933). Среди представителей этого направления особенно важны две фигуры.

Вилфред Бион. Бион считал, что добавив к эдипову комплексу Фрейда параноидно-шизоидное и депрессивное состояния, Клейн усовершенствовала и расширила психоанализ; но он определял шизоидно-параноидное состояние как чувства дезинтеграции и бессмысленности. Он выдвинул концепцию, согласно которой научение или познание (knowing) истины (названное им К) и уклонение от познания (названное им минус К) (Spillius, 1994) являются инструментами этой интеграции или дезинтеграции. Он наделил мать умением узнавать эмоции своего ребенка, благодаря чему она вносит вклад в его мысли о собственных эмоциях и способна мириться с этими мыслями.

Вклад Биона в психоаналитическую теорию носит пятеричный характер: признание (а) роли матери в развитии личности; (б) среды и связи внутренних и внешних факторов; (в) потребности «я» в эмпатии с самим собой и с объектом, который эмпатически содержит «я» (Grotstein, 1981); (г) функции содержания, а также истолковательной функции аналитика для облегчения анализа; (д) когнитивного элемента в эмоциональном развитии.

Дональд Винникотт. Винникотт начал свою карьеру в качестве педиатра, но стал интересоваться психологическими реакциями своих пациентов и их матерей. Он прошел 10-летнюю аналитическую подготовку, стал сторонником Клейн и подверг анализу ее 22-летнего сына (Padel, 1991).

Опираясь на идеи Клейн и собственную работу с детьми, Винникотт начал формулировать свой вариант теории объектных отношений. Он предположил, что защита младенца матерью позволяет младенцу консолидировать понятие «мать» и чувствовать себя личностью благодаря заботе матери о его теле. Объектные отношения начинаются с получения материнской груди в тот самый момент, когда младенец ее желает, еще не успев просигнализировать о своем желании, в результате чего у младенца возникает иллюзия, что он создал грудь. Согласно Винникотту, большинство матерей знают не только о потребностях младенца, до того как он подаст сигнал, но также о том, когда он может подождать и что он подаст сигнал о своих потребностях, когда они появятся. Таким образом, младенец узнает, что он не является единым целым с матерью, а отделен от нее (Winnicott, 1951; Phillips, 1988).

Когда развивающийся ребенок испытывает чувство угрозы, происходит его расщепление на истинное «я», которое прячется, чтобы избежать своей гибели, и ложное «я», которое уступает требованиям родителей, чтобы отвлечь внимание от истинного «я» и тем самым защитить его. Винникотт полагал, что индивид может снова пережить эти события своего младенчества и с помощью аналитика может исправить ошибки отношений с матерью, особенно переходного периода, в который он обнаружил свою обособленность от матери. Аналитик может лучше всего провести лечение, компенсируя недостатки родительского обращения. При лечении формируется новая «поддерживающая среда», в которой клиент может почувствовать себя в безопасности во время повторного переживания конфликтов объектных отношений, в которых важную роль играет перенос на аналитика.

Хайнц Кохут: теория «я». *Я и я-объект.* Кохут (Kohut, 1971, 1977) сформулировал свои принципы, касающиеся теории и практики, на основании собственного опыта общения с людьми с тяжелыми расстройствами личности, которые состоят из тесно свя-

занных комплексов, называемых «пограничными состояниями» и «нарциссизмом», и своей неспособности успешно их лечить, используя традиционный психоанализ. Нарциссические индивидуумы демонстрируют очень нестабильную самооценку и очень чувствительны к разочарованиям и неудачам, на которые они реагируют интенсивным чувством стыда, гневом и депрессией (Mann, 1996). Люди с пограничными состояниями — это неудачники, которые имеют нестабильные отношения (хотя при этом не терпят одиночества), имеют низкую самооценку, а также могут употреблять наркотики или алкоголь и вести беспорядочную половую жизнь. Когда Кохут пытался прислушаться к их точке зрения, он пришел к выводу, что они не предаются сексуальным или агрессивным фантазиям или борьбе с желаниями и влечениями, а просто стремятся улучшить чувство «я».

Среди традиционных психоаналитиков было широко распространено мнение, что нарциссические расстройства (а) развиваются из интрапсихического конфликта между неодолимыми влечениями и механизмами, защищающими от них, и (б) не поддаются лечению психоанализом. Кохут, напротив, считал, что проблемы (а) проистекают из неудовлетворительных отношений с заботящимся, обычно с матерью, которые вызвали дефицит чувства «я», и (б) их следует лечить как расстройства «я».

Предложенный Кохутом конструкт «я» (self) тесно связан с тем, что он назвал «я-объектом», под которым понимается заботящийся, обычно мать. Я-объект является объектом, поскольку в случае человека он действительно обособлен от индивидуума; но, с субъективной точки зрения, я-объект — это часть функционирования «я» индивидуума. Я-объекты возникают в трех типах отношений как результат попытки человека удовлетворить нарциссические потребности. Они появляются, когда ребенок (а) идеализирует достоинства и ценности родителей; (б) добивается самоуважения посредством признания, одобрения и восхищения со стороны родителей; (в) формирует чувство общности с окружающими с помощью сверстников. Все это является примерами переноса я-объекта, когда индивидуум стремится утолить свои потребности. Когда терапевт удовлетворяет потребности «я», он становится я-объектом. Я-объект Кохута заменил инстинктивные влечения Фрейда.

Сначала ребенок воспринимает заботящегося о нем взрослого как продолжение собственной системы «я», когда заботящийся взаимодействует с ребенком посредством визуального контакта, вокализации и телесных движений. В первые два месяца жизни заботящийся становится частью «я» ребенка. Символическая игра, которая имеет место в возрасте от полутора до четырех лет, возвещает о новой стадии развития я-объекта. Ребенок рассматривает я-объект как часть игры, даже если я-объекта в данный момент нет рядом. Когда ребенок ведет разговор с самим собой (внутренний диалог), я-объект становится реципиентом, пусть даже им, по-видимому, является сам ребенок. Игра образует стержневое «я» вокруг рассказов и других видов притворства, которые помогают его формировать. Если родитель реагирует на действия ребенка благожелательно, родитель и другие люди становятся частью единой системы «я» ребенка.

Когда реакция родителя на ребенка несовместима с опытом последнего, родитель становится обособленной сущностью (entity) во внешнем мире, а не частью «я» и внутреннего мира ребенка. Для этого внешнего мира создается другой паттерн, включающий языковые формы и четко обозначенные цели. Взаимодействуя с внешним миром, ребенок сохраняет мир «я» обособленным и отдаленным.

«Я» — это собственный внутренний опыт человека. Посредством него индивидуумы постоянно структурируют свои чувства, представления, воспоминания и т. д. как ощущение «себя». Рождающееся «я» обеспечивает указания в отношении целей, которых люди стремятся достичь в своей жизни. Психологически здоровый человек старается следовать курсу этой программы. На протяжении всей жизни «я» требует я-объектов, но они являются скорее функциями, чем людьми. Подобные функции могут быть социальными, межличностными и религиозными, реализуемые супругом, работодателем, наставником и / или терапевтом. Но я-объект — это всегда внутренний процесс, а не просто межличностные отношения.

Лечение нарциссизма. Кохут и Вольф (Kohut & Wolf, 1978) говорят нам, что неудовлетворенные нарциссические потребности детства требуют насыщения, давно откладываемого удовлетворения. Но потребности скрыты за «крикливой уверенностью» и «стеной стыда и ранимости» (p. 423). Аналитик должен показать пациентам, что они постоянно ищут похвалы из-за нереализованных потребностей своего детства и что их гнев проистекает из чувств безнадежности и беспомощности, а также из их неспособности настоять на удовлетворении своих потребностей. По мере того как пациент постепенно осознает и признает эти состояния, он начинает изучать потребности, открыто и с пониманием себя. И когда вытеснение нарциссических потребностей детства прекращается, он может снова их вытеснить, ощущая при этом минимальное сопротивление. Если аналитик может добиться открытого признания этих потребностей, они постепенно превратятся из жажды власти в нормальную уверенность в себе и из претенциозности — в нормальные идеалы.

Кохут (Kohut, 1979) приводит случай с «мистером Z», в котором он применял ортодоксальный анализ пять раз в неделю в течение четырех лет, а затем, через пять с половиной лет, применил свою процедуру анализа «я», которую он разработал за это время. Анализ «я», как и ортодоксальный анализ, происходил пять раз в неделю в течение четырех лет. При итоговом сравнении двух серий сеансов бросаются в глаза различия. В ортодоксальном анализе «мистера Z» Кохут описывает симптомы как свиде-

тельствующие о «явной претенциозности и высокомерии, которые были обусловлены воображаемой эдиповой победой», хотя ниже «барьера вытеснения» была «тревога кастрации и депрессия, вызванные фактическим эдиповым поражением». Ортодоксальное лечение привело к поверхностному успеху, но пациент вернулся из-за продолжающихся проблем.

Вторая серия сеансов выявила более сложную ситуацию. Пациент демонстрировал «явное высокомерие, изоляцию "старшего"», обусловленные продолжающимися попытками объединиться с идеализированной матерью. Пока пациент оставался в подчинении у матери, она стремилась удостоверить его превосходство над отцом. На сознательном уровне пациента характеризовали «низкая самооценка, депрессия, мазохизм, (оборонительная) идеализация матери», а ниже барьера вытеснения — «(необоронительная) идеализация отца, гнев против матери, самоуверенная мужская сексуальность и эксгибиционизм». Терапия проходила в виде двух стадий. На первой «мистер Z» увидел свой страх разъединения с матерью и, следовательно, потери того «я», которое было ему известно. Вторая стадия довела до сознания «гнев, уверенность, сексуальность и эксгибиционизм независимого «я»», которые были вытеснены. Все это поставило его лицом к лицу с «травматической сверхстимуляцией и страхом дезинтеграции». Кохут сообщает об успешном завершении анализа «я» «мистера Z».

Сравнение Кохута с Фрейдом. Сравнивая Фрейда и Кохута, Орнштейн (Ornstein, 1996) находит, что Фрейд рассматривал младенца как участника непрерывного конфликта с миром, тогда как Кохут полагал, что младенец уже приспособлен к жизни в гармонии с миром. Расстройства «я» Кохут считал скорее недостатками развития, чем фрейдовскими конфликтами.

Хотя Кохут заменил психосексуальное развитие Фрейда развитием «я», он не отрицал конструкт эдипова конфликта. Он считал, что ребенок вступает в эдипову фазу развития с чувством вины и тревогой. Слабое и фрагментированное «я» не может успешно разрешить конфликт. Напротив, ребенок со здоровым, сцементированным «я» — и со здоровыми я-объектами, которые принимают его эдиповы желания с эмпатическим пониманием и признанием, — успешно справится с трудностями. Фактически, опыт вызывает еще большую консолидацию «я». В целом, если я-объекты подкрепляют врожденный потенциал ребенка, а не навязывают собственные ожидания, они будут способствовать расцвету талантов ребенка. Когда у «я» нет возможности развить свой потенциал, роль аналитика состоит в том, чтобы понять опыт пациента и дать интерпретации, которые «запустят рабочий процесс, воссоздающий в анализе ситуацию, которая обеспечивает растянутое во времени воздействие на пациента оптимальных фрустраций, улучшающее развитие. Именно эта возможность, редко предоставлявшаяся пациенту в детстве, предлагается еще раз при анализе» (Kohut, 1984, p. 210). Опираясь на теоретические формулировки Кохута и его успех в лечении, его последователи создали Международный совет по психологии Я (International Council for Self Psychology).

Приложение к студентам. Теория Кохута была перенесена на отношения студентов с их наставниками (Mehlman & Glickauf-Hughes, 1994). Наставник (mentor) студентов становится я-объектом. В здоровых отношениях перенос я-объекта носит временный характер, когда студент интернализует функции наставника как идеализированную фигуру и источник самооценки. В менее здоровых отношениях преподаватель (professor) удовлетворяет не все потребности студента, и тот испытывает чувство неудовлетворенности. Когда студент страдает избыточным нарциссизмом, его потребность в одобрении не может быть реализована, поэтому он испытывает сильное разочарование, понижает самооценку и даже впадает в депрессию. Авторы считают, что терапевты, работающие со студентами колледжей, должны признать элементарные потребности, связанные с переносами я-объекта, с тем чтобы помочь разрешить проблемы с наставниками и повысить самооценку студентов.

Пересмотр. Среди новых направлений можно отметить растущее признание того, что я-объект — это не объект и не «я», а субъективность отношений (Bacal, 1995). Понятие интерсубъективности (intersubjectivity) облегчает продвижение психологии Я к более полной реляционной системе (Stolorow, 1995). С этой точки зрения, вместо того чтобы изучать я-переживания, терапевты все больше изучают отношения я-объекта с аналитиком как средство обеспечения развития и совершенствования «я». В то же время понятие переноса я-объекта избавляет аналитика от теории инстинкта и препятствий, которые она создает на пути лечения (Basch, 1995). Психоанализ становится эмпатико-интроспективным подходом, включающим интерсубъективность. Кернберг (Kernberg, 1992) придает огромное значение чувствам. Он полагает, что они являются строительными кирпичиками влечений. Чувство сексуального возбуждения дает начало влечению либидо, а гнев — агрессивному импульсу. Объектные отношения, питаемые чувствами, также способствуют влечениям, тем самым расширяя фокус и перенося его с телесных функций на социальные.

Радикальный пересмотр: замена психодинамики и метапсихологии Фрейда. Термин «динамика» пришел из Греции через физику и относится к «энергии» или «силе». Слово «психе» в эллинистической Греции относилось к «разуму» или «душе»[1]. Следова-

[1] В период греческой истории, предшествовавший эллинизму, — который историки называют классическим периодом, — Аристотель трактовал *психе* как жизненную функцию. Хотя традиционно переводимая как «душа», психе не имела отношения к противопоставлению «внутреннее—внешнее» и не носила трансцендентального характера. Подобные значения появились в эллинистический период. См. главу 2.

тельно, «психодинамика» — это «ментальные силы». «Психодинамика» относится в частности к психологии, основанной на принципах физики, в которой силы, энергии и сущности проявляются как причины или как результирующие состояния. Исходя из подобной механистической физики, а также из механистической биологии инстинктов и влечений, Фрейд описал внутренние силы, делая упор на человека, вместо рассмотрения таких альтернатив, как (а) действия среды на человека или (б) взаимодействия человека и среды. Система, порождаемая психодинамикой, — это «метапсихология», которая, согласно Гиллу (Gill, 1983), просто означает психоаналитическую теорию, противополагаемую ее клиническим процедурам. Среди тех, кто призывает к полному отказу от метапсихологии, — Гилл (1973, 1976), Холт (Holt, 1974, 1989), Дж. Клейн (G. Klein, 1973) и Шефер (Shafer, 1976). Мейснер (Meissner, 1979) указывает, что эта группа ученых получила подготовку в области психологии, что облегчает их отход от биологического мышления тех, кто обучался исключительно медицине. Ниже приводится критика Шефера в отношении метапсихологии и предлагаемая им замена последней.

Рой Шефер: язык действий. *Антропоморфизм через физику и биологию.* Психоанализ, утверждает Шефер (1976), использовал язык естественных наук (например, термины «структура», «разрядка», «энергия» и «сила»), отказавшись при этом от категорий причин, выбора и намерений — которые в действительности имеют принципиальное значение для психоанализа. Деятельность стала функцией («Оно» или «Я»), рассуждение — силой, мышление — репрезентациями, чувство — разрядкой, а борьба с намерениями и чувствами — структурами и адаптациями. Кроме того, психоанализ занял детерминистскую позицию и, как следствие, не уделял никакого внимания выбору. Этот язык, заимствованный из физики и эволюционной биологии (функции, структуры и т. д.), препятствует акценту на субъективность, который должен быть центральным. Из-за этого языка Фрейду пришлось антропоморфизировать (очеловечить) свои конструкты, чтобы превратить физические механизмы и структуры в смысловые категории. Например, он говорил о «Я» как о независимой сущности, которая делает выбор и придает чему-то смысл. Это был своего рода ум внутри ума.

Шефер находит те же недостатки в теории Кохута: «я» — это независимая сущность, которая выдвигает требования, эго-сущность. (Он также считает, что «я» используется в столь многих значениях, что ничего не проясняет.) «Я» неофрейдистов также имеет аналогичный овеществленный статус и антропоморфную функцию, когда его относят к актам опыта. «Более того, в некоторых из своих значений, таких как “самоактуализация”, “я” выступает не только как экзистенциальный референт поведения, но и как двигатель, топливо, привод и конечный пункт пути существования одновременно. Забавно, но «Я» в данном случае превратилось в “Оно”» (Schafer, 1976, p. 117). Этот антропоморфизм, считает Шефер, имеет серьезный недостаток, состоящий в лишении человеческих действий осмысленности и ответственности. Психоанализ должен удалить психодинамику из своей теории и вернуть действие людям, настаивает он.

Язык действий. Поскольку такие фрейдистские термины, как «Оно», энергия, фиксация, сублимация и бессознательное, являются механистическими и антропоморфными, Шефер полагает необходимым ввести для психоанализа новую языковую систему, которая говорит всегда о конкретных *действиях* индивидуума. В процессе этого он стремится сохранить то, что он считает важными догадками Фрейда, в то же время переориентируя систему таким образом, чтобы она лучше соотносилась с современным пониманием роли развития и культуры и удовлетворяла требованиям адекватной философии науки. Он приближается к этой цели, описывая все события с помощью глаголов или наречий и избегая существительных и определений. Соответственно, он отказывается не только от таких существительных, как эго и либидо, но и от таких определений-модификаторов, как «жесткая защита» и «сильная эмоция». Он не станет говорить об «интернализации» иначе как о воображаемом акте, ибо у слова «внутри» нет других значений. Он избегает употребления глагола «имеет» («has») применительно к обладанию, например, в выражениях «*имеет* импульс» или «*имеет* привычку». Скорее, человек *действует (acts)* импульсивно или *действует (acts)* по привычке. В соответствии с этими правилами, он заменяет страдательный залог действительным. К примеру, более непосредственно и информативно использовать действительный залог и сказать: «Пациентка постепенно поняла, почему она оказывает сопротивление», чем употребить страдательный залог и сказать: «Постепенно было достигнуто понимание сопротивления».

Такие термины, как «психодинамика» — наряду с силами, импульсами, влечениями, психической энергией, равнодействующей и другими физическими терминами, с которыми она связана, — следует отвергнуть, настаивает Шефер. Но он хочет сохранить их как «образ эротических или агрессивных действий, который более или менее инфантилен в своей иррациональности, неумеренности, несдержанности, игнорировании последствий и противоречий, крайнем эгоцентризме и скорее всего связан с теми интенсивными и распространяющимися [и преимущественно бессознательными] физиологическими процессами, которые подпадают под общее определение волнения или возбуждения» (p. 195–196). Модифицируя Фрейда с помощью языка действий, Шефер пытается сохранить такие «фундаментальные открытия» Фрейда, как инфантильный и бессознательный модусы действия, роль желаний и история реагирования на телесные стимулы. «Мотив» — еще один психодинамический термин. Он относится к данности, которая обеспечивает движущую силу, — как, например, электричество

или пар являются движущими силами для моторов и двигателей. «Мотив», «скрытый мотив», «наличие мотива» и «слабые» или «сильные мотивы» подразумевают силу, которая производит конечный продукт, качественно отличный от самой силы. Это употребление маскирует осмысленные действия, основания, в силу которых человек участвует в определенном действии. В варианте психоанализа, предложенном Шефером, важно то, как основания для действий предстают перед индивидуумом: сознательно, бессознательно или предсознательно. Чтобы найти причины, стоящие за подобными основаниями, требуется поиск причины причины и т. д., до бесконечности («бесконечная регрессия»).

Шефер подчеркивает, что действие само является предметом психоанализа, а не чем-то дополнительным, что заставляет действие совершаться. И именно *люди* являются участниками этих действий. Шефер избегает спекуляций и теоретизирования о недоказуемых допущениях, касающихся раннего детства, включая такие гипотетические силы, как инстинктивное влечение, которое вызывает действие. Цель данного подхода, хотя Шефер открыто и не говорит об этом, — изменить атрибуцию причинности, перенеся ее с предполагаемых сущностей на действия людей. Описания действий становятся описаниями причинности, которые заменяют очеловеченные силы физики и биологии в качестве причинности. Это действие необязательно должно быть видимым. Мышление, припоминание, надежды, фантазирование и даже подавление желаний или сохранение молчания — все это действия. Деятельность человека наполнена смыслом и характеризуется намерением или целью. «Нет ничего, с чем может иметь дело психоаналитическая интерпретация, что не являлось бы действием, как оно здесь определено» (p. 139). Только неврологические и другие биологические процессы не являются действиями в понимании Шефера. Он отличает действия от поведения, поскольку действия относятся к точке зрения индивидуума, тогда как поведение — это то, «о чем говорит независимый наблюдатель или экспериментатор» (p. 370).

Акцент на действия предлагает «анализанду» (объекту психоанализа) намного более широкий набор значений, взаимоотношений, решений и последствий действий, чем психодинамика, утверждает Шефер. В терапевтическом процессе аналитик и анализанд работают вместе, чтобы изучить влияния прошлого на настоящее, особенно влияния, идущие из младенчества, всегда с той точки зрения, что влияния — это действия. Аналитик и анализанд рассматривают влияния как продукт и человека, и обстоятельств. Анализанд, как всегда, участвовал в придании чему-то смысла, фантазировании и несении ответственности. Теории младенческой сексуальности иллюстрируют эти взаимоотношения человека и ситуации. Аналитик раз за разом употребляет слова-действия, и анализанд все больше принимает жизнь как действие и все реже говорит о деперсонализированных действиях — «меня охватил импульс», «мой ум переполняют сомнения», «будущее не сулит мне ничего хорошего». «Я буду» и «я не буду» заменяют «я должен» и «я не могу». «Я выбираю», «я знаю» и «я предпочитаю» звучат все чаще по мере углубления инсайта. Сам инсайт — это то, что анализанд *делает*, а не то, чем он *обладает*. Это — растущее субъективное действие, а не усиление или уменьшение контроля эго над ид и суперэго. «Человек — это его собственный импульс, механизм защиты, инсайты и так далее, ибо все это — его собственные действия» (p. 147).

Нижеследующий отрывок иллюстрирует, как Шефер заменяет метапсихологию языком действий, сохраняя при этом некоторые традиционные фрейдистские конструкты:

> «При разрешении эдипова комплекса должно быть отвергнуто инцестуальное желание ребенка. Во-первых, мы должны перестать изолировать идею эдипова комплекса или идею желаний инцеста от идеи действий ребенка. Кроме того, мы должны изменить страдательный залог на действительный, с тем чтобы не лишать определенности агента отказа; ибо только используя действительный залог, мы, безусловно, требуем наличия конкретного автора рассматриваемого действия. Это превращение можно затем сформулировать так: "Прекращая вести себя в эдиповой манере, ребенок больше не рассматривает своего родителя с преувеличенно сексуальной и конкурентной точки зрения". Затем мы можем перейти к детализации того, как ребенок совершает этот знаменательный поступок, например, путем вытеснения, идентификации, обращения или замещения и путем систематического осуждения любого явного или привычного акта, посредством которого он может видеть родителей в этом теперь пугающем и нежелательном свете» (p. 208).

В целом причины действий человека заменяют объяснение посредством метапсихологии и мотивов, и это делает действия более понятными. Когда язык заменяет психический детерминизм и физическое объяснение, обычная грань между объяснением и описанием перестает существовать; ибо в системе Шефера описание посредством слов-действий и есть объяснение. Как выразился по этому поводу один психоаналитик, «ограничивая психологическое отнесение самими действиями, новый язык дает объяснение только в терминах смысла или “причин” (“reasons”), в соответствии с которыми характеризуются действия» (Fourcher, 1977, p. 137).

Желания и оговорки. Эти слова являются дополнительными примерами модификаций Шефером психоаналитической терминологии и средством, с помощью которого слова могут дать атрибуцию причинности. Желания не блокируются (не фрустрируются) и не

инициируют действие, настаивает Шефер. Люди совершают действия, чтобы заблокировать собственные желания. Люди инициируют действие. Аналогичным образом не существует речевых оговорок, и слова не слетают с языка. Ни языкам, ни словам не присуще какое-либо независимое действие. Скорее это примеры, в которых анализанд участвует в двух действиях одновременно, одном намеренном и другом ненамеренном.

Конфликт. Как правило, аналитики трактуют конфликт на языке физики или биологии как результирующую сил или противоположных импульсов. Затем происходит интрапсихическая борьба между этими силами или импульсами. Но в реальности, согласно Шеферу, указание на конфликт основано на одновременном участии анализанда в двух противоположных действиях, таких как неповиновение и подчинение или нападение и защита. Симптомы порождаются людьми, а не психическими энергиями.

Разум? Предположительно существующий «ум» или «разум» (mind), согласно Шеферу, трактуется по-разному: как (а) место («у меня в уме засела мысль»), (б) автономный агент («мой разум говорит мне») и (в) сущность, независимая от «меня» («мой ум блуждал»). Поскольку определения разума позволяют нам наблюдать или комментировать его как нечто обособленное, человек может отрицать свою ответственность за действие. Однако разум — это не обладание и не причинная сила. Это то, что мы делаем. Советы «говорить все, что приходит вам на ум» или «вам в голову» приводят к обратным результатам, ибо они позволяют анализанду отречься от ответственности: за все отвечает разум. Но разум — это не место, куда проникают идеи или где какой-то агент действует независимо от человека. Только человек, действуя — думая, желая, чувствуя и т. д., — может и должен принять ответственность за собственные действия. И поэтому формулировки должны быть следующего порядка: «О чем это заставляет вас подумать?» или «С чем вы соотносите эту ситуацию?».

Опыт. Опыт — это не что-то, находящееся в уме или сознании и доступное интроспекции. Это придание смысла данностям, «конструирование личных или субъективных ситуаций» (p. 368). Следовательно, это тоже действие.

Интернализация. Мы часто говорим, что кто-то интернализовал некоторые ценности или запреты либо другие атрибуты или процессы. Но «внутрь чего?», — спрашивает Шефер. Мы не имеем в виду, что внутрь головного мозга или внутрь тела, хотя биологические структуры необходимы для «ментальных процессов». Возможно, мы имеем в виду, что человек интернализует что-то внутрь своего ума или внутрь эго. Однако мы не определяем ум или эго таким образом, чтобы указать их местонахождение и тем самым их внутреннюю часть. Внутрь «Я» равным образом неудовлетворительно, ибо в теории Фрейда «Я» носит только описательный характер и не имеет структуры или функции, которые могли бы обеспечить какую-то внутреннюю часть. Как правило, «Я» указывает на человека, как делают это местоимения «я» или «мне»; это средство отображения индивидуума. Шефер доказывает, что подростки в своей борьбе за независимость от родителей мыслят «Я» и идентичность инфантильным и конкретным образом, а психоанализ включил «эти архаичные эмпирические сообщения» (p. 193) в свою теоретическую базу. «Интрапсихический», «внутренний мир» и «интроекция» — это все варианты «интернализации», которые обладают теми же недостатками.

Если мы спрашиваем, где пребывают мысль или мечта, то должны заключить, что это не может происходить в уме, ибо сам ум лишен местопребывания. Также и человек не сохраняет внутри себя идеи или чувства. Более правильно сказать, что человек думает, мечтает, вынашивает идеи и чувствует. В терминах действий «интроекция», традиционно рассматриваемая как инкорпорированный объект, означает нечто созданное фантазией, что сохраняется с некоторой характерной формой действия. Однако Шефер соглашается, что «личное» — термин, оправданный по отношению к тому, «что не передается при коммуникации». Таким образом, термин «интрапсихический» относится к «личному и в значительной мере бессознательному припоминанию, воображению, планированию и другим действиям, которые человек совершает более или менее эмоционально» (p. 160). Вот один из примеров преобразования Шефером термина «внутренний»: «Ваше хроническое глубокое чувство несостоятельности продиктовано осуждающим внутренним голосом вашей матери» становится «Вы регулярно воображаете голос своей матери, осуждающий вас, и, в соответствии с этим, смотрите на себя как на несостоятельную личность». Он заключает, что интернализация относится скорее к акту фантазии, чем к какому-то процессу.

Может ли человек затаить внутри гнев? Может ли он выплеснуть его? Психоаналитики говорят о гневе как о замещающем, разряжающемся и обращенном на себя. Эти отнесения предполагают, что гневу присущи субстанция, количество, протяженность и местопребывание. Но если он разряжается или проявляет себя, куда он уходит, спрашивает Шефер. И остается ли пустым пространство, которое он прежде занимал, или оно чем-то заполняется? Если сказать вместо этого, что человек гневается, это позволит направить внимание на то, что человек фактически делает, и устранит несоответствие между наблюдением и теорией. Вот другое словесное преобразование Шефера: «Это был затаенный гнев, который вы наконец выпустили» становится «Наконец-то вы разгневались» (p. 174).

Экстернализация. Шефер находит «экстернализацию» такой же неудовлетворительной, как «интернализацию», ибо она подразумевает два места пребывания, внутреннее и внешнее. Отсылка к «внешней

реальности» или «внешнему миру» может означать только субъективное действие. «Проекция» традиционно используется для того, чтобы обозначить исторжение чего-то изнутри наружу, например желания, которое человек приписывает другому человеку, а не себе. Но на языке действий оно превращается в воображаемое перемещение желания.

Последствия исключительного использования языка действий. Фурше (Fourcher, 1977) находит в языке действий Шефера как важные достоинства — включая демистификацию значительной части психоанализа, — так и серьезный недостаток, когда он используется исключительно. Он не позволяет понять, *почему* один класс действий отличается от другого, а только описывает то, *чем* отличаются действия. Если, к примеру, «бессознательное» — это только модус действия и нет возможности определить, почему имеет место один модус действия, а не другой, например, бессознательный, а не сознательный, тогда отсутствует базис смысла и понимания.

Описательный подход. Позже Шефер (Schafer, 1983, 1985) начал рассматривать психоанализ как занимающийся меньше прошлым и больше — настоящим. Он становится описательной (narrative) процедурой, которая заменяет традиционную интерпретацию скрытых мотивов. Когда объект анализа рассказывает и пересказывает истории, вращающиеся вокруг таких психоаналитических тем, как эрогенные зоны тела (с относящимся к ним глотанием, сохранением, исторжением и т. д.) и концептуализация чувств и идей (таких как пища, моча, дети и т. д.), невротические характеристики трансформируются в переработанные описания («повествования»). Эти переработки (revisions) более адаптивны и связны, что, как утверждает Шефер, дает терапевтический эффект.

Шефер рассматривает язык как средство конструирования событий, и это конструирование является тем, что аналитик должен понять. Язык как повествование формирует опыт. Реальность существует в рассказе. Лири (Leary, 1989) указывает, что все это предполагает, что опыт, такой как эдипово влечение, не может существовать в отрыве от акта рассказа, происходящего в настоящем времени. Поскольку для Шефера даже «факты» предстают перед нами лишь такими, какими конструирует их теория аналитика, психоанализу приходится заниматься *конструированием настоящего* вместо *реконструкции прошлого*. Тем не менее прошлое остается важным для прояснения текущего повествования.

Дональд Спенс. Спенс (Spence, 1982) занимает позицию, схожую с подходом Шефера. Согласно ему, все повествования — это истории о прошлом, в которых факт и фантазия настолько переплетены, что невозможно отделить одно от другого. Воспоминания об инцесте в детстве могут быть не более чем недоступными для проверки рассказами. Он называет их «повествовательной истиной», отличающейся от «исторической истины». Поскольку не существует какой-то познаваемой истины, единственными руководящими указаниями являются принципы эстетики и прагматики. Важно то, чтобы клиницист сделал историю искусственно согласованной — такой, из которой клиент может извлечь пользу. Улучшение состояния клиента происходит, когда ему помогают найти новые истины, вместо того чтобы заниматься историческими фактами. Уоллес (Wallace, 1988) критически описывает этот взгляд как тот, в котором «никто не может призвать нас к ответу, что мы верим в то, чего желаем, пока это приятно и помогает кому-то», и как тот, который «удобен для знахарей, астрологов, хиропрактиков и политиков» (p. 142).

Спенс (1994) утверждает, что почти вся психоаналитическая теория держится на риторической аргументации, а не на многочисленных наблюдениях и индуктивных обобщениях. Название его книги достаточно точно подытоживает его позицию: Rhetorical Voice of Psychoanalysis: Displacement of Evidence by Theory («Риторический голос психоанализа: замещение доказательств теорией»). Он рассматривает такие недостатки, как (а) избирательные сообщения об отдельных случаях, с тем чтобы проиллюстрировать какое-то утверждение; (б) преклонение перед авторитетами вместо использования независимых объективных доказательств; (в) опора на воспоминания аналитика о том, что говорилось, вместо использования стенограмм или записей; (г) безусловное приятие того, что автор утверждает о событиях, и его интерпретации их. Спенс не оспаривает клинические материалы как данные, возражая лишь против их бессистемного и тенденциозного использования. Пропуск детали, указывает он, является главным источником некритического приятия заключения. В качестве выхода он советует вести дословные записи завершенной серии сеансов и использовать компьютеры для их анализа. Это даст возможность находить связи и причинные отношения, которые аналитик просмотрел, проверить гипотезы, избежать тенденциозности и создать базу данных, открытую для общественного изучения.

Мертон Гилл. Гилл (Gill, 1983, 1992) отбрасывает метапсихологию Фрейда, заменяя ее герменевтической (истолковательной) наукой и социальным конструкционизмом, наукой о смысле человеческих поступков, конструируемом участниками. Это — обращение к интерпретациям, в котором нет какой-то одной интерпретации, являющейся единственно корректной или истинной; лучшая из них та, которая является наиболее связной на данное время. Гилл трактует перенос и контрперенос как конструируемые совместно аналитиком и анализандом. И аналитик, и пациент привносят в терапевтическую процедуру собственный социально-исторический и сознательный, а также бессознательный опыт, которые взаимодействуют уникальным образом в случае каждой диады (аналитик—анализанд). Каждый влияет

на другого и испытывает влияние с его стороны. Коммуникативный процесс между ними создает межсубъектное поле. Это — двухсубъектная психология (межличностная регрессия и перенос), дополняемая односубъектной психологией (интрапсихической), состоящей из личного опыта каждого индивидуума, включающего интернализацию внешних условий, которые индивидуум привносит в межсубъектное поле. Аналитик должен не определять, что искажено или символично, а попытаться понять, как точка зрения пациента становится обоснованной реакцией на поведение аналитика.

Гилл полагает, что врожденные влечения начинают функционировать у младенца раньше, чем социальные взаимодействия; но они так же, как часть односубъектной психологии, взаимодействуют со средой (Silverman, 1996). Сексуальные и агрессивные мотивы, так же как «Я» и отношения, являются телесными герменевтически, а не механистически, как предполагал Фрейд. Аналитик должен включить в свой анализ телесные чувства тревоги кастрации, бисексуальности и т. д. как часть процесса, в котором аналитик и анализанд конструируют психическую реальность друг друга.

Гилл отвергает психологию Я Кохута и использование в ней эмпатии, поскольку она предполагает какое-то абсолютное знание о пациенте, на которого направляется эмпатия. Гилл считает основным недостатком Салливана (p. 149) то, что он пренебрегал внутренними объектными отношениями, при этом завуалированно выделяя личность как «*непрерывные* социальные отношения» (p. 539). Другим недостатком, утверждает он, было умаление Салливаном роли тела. Салливан отвергал биофизические объяснения и заменил их субъективным опытом, превратив психиатрию в изучение межличностных отношений.

Джозеф Вайс и Гарольд Сэмпсон: бессознательный план. Когда общественность стала терять интерес к психоанализу, это направление начало постепенно замыкаться в себе, «обращаясь все больше и больше к специалистам в области психического здоровья и снедаемое внутренним соперничеством и борьбой группировок» (Rosbrow, 1993, p. 530). Поскольку появилось большое количество движений самопомощи, заполнивших огромную пустоту, Росброу предлагает, чтобы разнообразные методы психоанализа, осваиваемые Психотерапевтической исследовательской группой в Сан-Франциско, стали мостом, переброшенным к этим движениям. Этот подход, разработанный, главным образом, Вайсом (Weiss, 1986, 1990) и Сэмпсоном (Sampson, 1992a, 1992b), отбрасывает либидо как определяющую силу и признает, что способности пациентов являются агентами в их собственных терапевтических процессах. Процедура состоит из четырех компонентов: (а) бессознательных целей пациента, (б) «патогенных представлений», которые мешают достижению этих целей, (в) проверок, которые пациент использует для того, чтобы принять или отвергнуть представления вместе с аналитиком, (г) инсайтов, доступных пациенту для того, чтобы отвергнуть эти представления. Пациент, но не аналитик, всегда рассматривается как агент, вызывающий изменение. Задача аналитика — помочь пациенту отбросить болезненные представления и почувствовать себя в безопасности.

Этот подход придает особое значение исследованию причин «патогенных представлений» пациента и выведению на их основании истории жизни, с тем чтобы пациент мог понять прошлое и то, как он его интерпретировал. Утверждается, что бессознательные стыд, вина и страх проистекают из реального опыта, а не из биологических влечений и либидозных энергий. Хотя современный психоанализ в значительной мере сосредоточен на настоящем и на межличностных отношениях, этот подход снова делает упор на вспоминание. Невроз обусловлен не столько неудовлетворенными желаниями, сколько бессознательными представлениями и воспоминаниями. Пациент проверяет аналитика, рассказывая ему о каких-то своих травматических отношениях, и надеется на благоприятную интерпретацию. При «проверке переноса» аналитик играет роль родителя, а пациент — роль ребенка. Приятие аналитиком детского поведения помогает пациенту отказаться от патогенных представлений. Можно также поменяться ролями, что приносит аналогичную пользу. Когда аналитик выдерживает проверки пациента, у последнего появляется ощущение безопасности, и он может перестать вытеснять воспоминания, объединяя прошлое с настоящим. Этот подход примечателен тем, что он отбрасывает почти всю фрейдистскую метапсихологию, сохраняя только вытеснение травмы детства. Он также характеризуется попыткой эмпирически проверить свои теории с помощью тщательно контролируемых исследований, в которых используются оценивающие эксперты (например, Norville, Sampson & Weiss, 1996; Silberschatz, Sampson & Weiss, 1986).

КРИЗИС ТЕОРИИ?

Серьезные корректировки системы Фрейда начались с работы его первых последователей и продолжаются по сей день. Корректировки Гартманна в 1960-х годах были единственной попыткой переработать всю систему, чтобы придать ей порядок и согласованность, сохраняя при этом ее фундаментальную метапсихологию. С тех пор разнообразие точек зрения стало еще большим, причем современные тенденции направлены на (а) диалог и (б) интерсубъективность (Schafer, 1995). «Диалог» относится к подходу, в котором вербальный и невербальный взаимообмен между аналитиком и анализандом приводит к новому пониманию

и изменениям. «Интерсубъективность» относится к отношениям с другими людьми, реальными или воображаемыми, которые образуют контекст мышления и чувств каждого индивида. Сандлер (Sandler, 1996) видит несоответствие между тем, на что аналитики указывают публично, и тем, что они делают конфиденциально. В публичных выступлениях они часто ортодоксальны в своей теории, но в частной практике зачастую отходят от доктрины, чтобы провести эффективную терапию. Миерс (Meares, 1996) утверждает, что подобная двойная игра мешает разработке более адекватной теории.

Эделсон (Edelson, 1988, 1989) опасается, что система являет собой «теорию, переживающую кризис». Он указывает на (а) серьезный вызов со стороны Грюнбаума (Grunbaum, 1984) (см. с. 163) ее эмпирическому базису и немногочисленные убедительные возражения; (б) неразборчивое включение в данную систему психологии развития, когнитивной психологии и других подходов; (в) неспособность разработать адекватную исследовательскую программу. Он замечает, что теории множатся, но немногие предлагают доказательства, которые подкрепляли бы то, что, на его взгляд, является прочным фундаментом, заложенным Фрейдом, особенно в том, что касается бессознательного и сексуальности. Кроме того, многие методы психотерапии соперничают друг с другом, причем в отношении каждого утверждается, что он более эффективен, рационален и универсален, чем психоаналитическая терапия. Эделсон полагает, что помимо разработки исследовательских программ психоанализ должен прояснить свою «стержневую теорию», и сам пытается это сделать.

То, что он видит в качестве стержня, основано на явном дуализме «душа—тело». Вот некоторые из его принципов:

• Психоанализ — это теория души (the mind), а не межличностных отношений.

• Ментальные состояния — это данности, которые отображают объекты или события в мире.

• Эти отображения (репрезентации) символичны, и посредством сновидений и механизмов защиты душа работает с ними, вызывая иное ментальное состояние.

• Благодаря воображению, сексуальные желания играют важнейшую роль в конструировании бессознательных фантазий, касающихся внутренних и внешних объектов, причем внутренние локализованы внутри души.

Эта теория задает вопрос о содержании ментальных событий и пытается объяснить, почему люди припоминают, представляют и видят во сне то-то и то-то. Психоанализ считает, что душа не просто коррелирует с этими эффектами, но активно вызывает их. Бессознательные сексуальные фантазии вызывают посредством причинных механизмов события, которые можно наблюдать, — то, что припоминается или видится во сне.

Сегодня распространен, в отличие от выверенного и системного взгляда Эделсона, эклектизм, в котором аналитик выбирает элементы теории и практики из различных источников, часто на время, не имея связного общего взгляда на психоанализ. Однако даже эклектики и большинство ревизионистов продолжают допускать сексуальность младенца и конфликты, которые сексуальность вызывает. Устранение этого допущения сексуальности как одной из основных опор психоаналитической теории подвергло бы всю теорию опасности, возможно, обрушило бы ее. Некоторые ревизионисты приблизились к этой точке и подвергаются критике со стороны тех, кто беспокоится о судьбе системы (например: Barratt, 1978; Ellman & Moskowitz, 1980; Leary, 1989; Meisnner, 1979). «Бессознательный план» Вайса и Сэмпсона оставляет от фрейдизма немногое, за исключением вытеснения. Может ли эта единственная опора удержать всю конструкцию? Должна ли она зависеть от того, сколько аналитиков подпишутся под ней или под схожим взглядом? В любом случае тенденция среди ряда аналитиков, заключающаяся в отходе от метапсихологии, очевидна. По-видимому, количество опор все-таки уменьшается.

ПОЛУЭКСПЛИЦИТНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

Возможно, среди идей ведущих современных психоаналитиков постулаты Шефера наиболее важны для понимания. Они далеки от классического психоанализа и, вероятно, далеки от эпицентра сегодняшнего психологического мышления. Тем не менее они способствовали тому, что ряд психоаналитиков критически пересмотрел некоторые допущения системы. В работах Шефера выдвигаются следующие постулаты:

• *Протопостулаты* (общие руководящие допущения, касающиеся науки в целом):

1. Реальность образуют не только физические, химические и биологические события, но и смыслы вещей (the meanings of things) для людей («психическая реальность»).

2. Лишь благодаря использованию лингвистических правил мы можем прийти к систематическому пониманию чего-либо. Соблюдение данных правил обеспечивает взаимосвязь рассматриваемых явлений, позволяет устанавливать факты и определяет критерии логически последовательного рассуждения.

• *Метапостулаты* (поддерживающие допущения для конкретной науки):

1. Психологические события обладают смыслами и потому не могут быть адекватно описаны в терминах физики или биологии. Эти смыслы принадлежат человеку, чьи действия и составляют их, и с этой точки зрения являются субъективными.

2. Люди сознательно реализуют право выбора и тем самым определяют собственную судьбу.

3. Описание и есть объяснение. Описание мотивов как действий (reasons as actions) замещает собой физикалистские («динамические») конструкты.

4. Главное значение имеют действия людей, поэтому мы должны отказаться от объяснений посредством сущностей [как того, что «существует объективно», независимо от людей], наряду с отказом от разделения на внутреннее и внешнее (или на душу (mind) и тело).

• *Постулаты* (допущения, относящиеся к предмету изучения):

1. Психологические события состоят из действий и должны описываться на языке действий.

2. Действия людей включают в себя акт выбора, постановку целей, достижение целей и отыскание смыслов.

3. Действия не обязательно являются наблюдаемыми. Мышление, узнавание, чувствование, переживание страха, идеация и фантазирование являются активными событиями — действиями, не в меньшей степени, чем слышимые вербализации.

4. Эротические и агрессивные действия и конфликты свойственны исключительно детству и влияют на последующее поведение.

5. Человеческие действия могут быть бессознательными, предсознательными и / или сознательными.

6. Действия являются совокупными продуктами усилий людей и влияния обстоятельств.

7. Речь как повествование (narration) заключает в себе опыт индивидуума, а наличная реальность конструируется из таких описаний. Ни одно из описаний нельзя рассматривать как более истинное, чем другие, но каждое из них является одним из возможных способов изображения реальности.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Как правило, психоанализ не связан с традицией и опытом университетских исследований. Психоаналитическая подготовка осуществляется главным образом в частных институтах, причем обычно в качестве обучающихся выступают врачи. Большинство практикующих врачей имеют недостаточную подготовку в проведении исследований. Тем не менее психоаналитики все больше призывают к исследованиям, частично для того, чтобы подкрепить утверждения, которые подвергаются сильной критике из-за отсутствия эмпирического обоснования.

В ходе самого первого анализа экспериментов и наблюдений, призванных проверить психоаналитические принципы, были изучены 166 подобных исследований, и не было обнаружено доказательств в пользу утверждений, которые делает система (Sears, 1943). Айзенк и Уилсон (Eysenck & Wilson, 1973) провели обзор исследований паттернов приучения к опрятности и отнятия от груди, которые, как выяснилось, не соответствуют невротическим проявлениям, постулируемым теорией Фрейда.

Изучение случаев

Качественное. Открытия посредством клинических наблюдений всегда были основной методологией психоанализа. Кохут (Kohut, 1995) доказывает, что психоаналитическая теория исходит из внутреннего опыта, наблюдаемого посредством интроспекции и эмпатии, а это предполагает необходимость изучения случаев. Эделсон (Edelson, 1984, 1988, 1989) рекомендует, чтобы методология изучения случаев, как одиночных, так и серийных, стала основным исследовательским подходом. Случаи должны помочь установить, что ненаблюдаемые данности, такие как бессознательные фантазии, существуют и что они являются причинными силами по отношению к поведению, которое они вызывают. Например, теория получает подтверждение, показывая, как каждый элемент в латентном содержании находится в соответствии с каждым элементом в проявленном содержании или как теоретическая данность, такая как бессознательная фантазия и ее содержание, дает лучшее объяснение, чем какая-либо конкурирующая теория, или как бессознательная фантазия обычно ведет к невротическому симптому. Изучение случаев, полагает он, обладает малой прогностической возможностью, но должно объяснить то, что уже произошло. Оно может быть использовано для проверки догадок и обеспечить доказательства надежности причинных выводов и объяснений, а также может позволить провести обобщения со случаями — и между случаями, — касающимися конструкта «разума» (mind).

В одном из примеров исследования, использующего изучение случаев, Глаймор (Glymour, 1974, 1980) применяет стратегию «шнуровки» (бутстрапа) к пациенту, названному Человеком-крысой, о котором сообщал Фрейд. При «шнуровке» по меньшей мере один факт и одна гипотеза образуют связь по меньшей мере с одним дополнительным фактом и с той же или иной гипотезой. Чтобы подкрепить связь гипотез и теории, которая дает начало гипотезам, гипотезы должны удовлетворять определенным критериям. В случае Человека-крысы пациент испытывал чувство вины по поводу смерти своего отца. Возможны две психоаналитические гипотезы: (а) он испытывал чувство вины как бессознательно, так и сознательно; (б) он бессознательно желал смерти отца. Согласно психоаналитической теории, эти две гипотезы влекут за собой друг друга и еще одну гипотезу — что до 6-летнего возраста отец наказывал его за мастурбацию. Это последнее предсказание было опровергнуто, и Фрейд пересмотрел набор гипотез. Все

это показало, что метод случая можно использовать как для опровержения, так и для подтверждения гипотез — важнейшее требование к любому научному методу и теории, которую он проверяет. Эделсон и Глаймор доказывают валидность этого приема, тогда как Грюнбаум (Grunbaum, 1980) ее отрицает.

Количественное. Изучение случая, послужившее иллюстрацией строгого исследования (Luborsky & Mintz, 1974), касалось моментального забывания, которое рассматривают как невротический симптом, обусловленный эмоциональным вовлечением пациента в перенос на аналитика. Моментальное забывание, таким образом, должно встречаться чаще всего в контексте сильнейшей эмоциональной связи. В случае 31-летней женщины, чьим симптомом были «трудности с мужчинами», она выбирала себе более молодых мужчин, с которыми завязывала отношения, чувствовала, что они обращаются с ней несправедливо, и отвергала их. Во время анализа она довольно часто моментально забывала, что собиралась сказать. Из магнитофонной записи сеанса исследователи выбрали сегменты, непосредственно предшествовавшие подобному забыванию и следовавшие за ним, выбрали соответствующие сегменты из речи контрольного испытуемого, который *не* забывал моментально, и попросили экспертов оценить замечания с помощью пятибалльной шкалы по 13 категориям. Категория «Сильная связанность с аналитиком» достигала пика непосредственно перед эпизодом забывания, тогда как «Стыд» возрастал сразу же после забывания. По этим и другим параметрам ее оценки заметно отличались от оценок контрольного испытуемого. Ее дисфункция обычно проявлялась после чувств отверженности, беспомощности и сильной связанности с терапевтом. В процессе лечения ожидание быть отвергнутой являлось наиболее серьезной из нескольких проблем. Аналитические сеансы не избавили ее от этого страха.

Обзор трех поколений попыток оценить результаты психоаналитической терапии показывает серьезные методологические недостатки, которые обычно делают заключения неопределенными, но постепенное совершенствование методологии вносит некоторую ясность (Wallerstein, 1996). Непрерывные улучшения, полагает Уоллерстейн, могут обеспечить «по-настоящему стремительные прорывы» (p. 570).

Q-метод

Эделсон также допускает, что психоаналитическая методология может использовать другие методы. Ему кажется, что неудовлетворительны такие количественные методы, как соотнесение человека со шкалой для определения степени того, что эта шкала должна измерять. Однако он полагает, что количественный метод, который позволяет человеку оценить себя относительно других людей, полезен, и методом, который это делает, является Q-методология (см. главу 11), которая, как он считает, позволяет изучить «ментальные репрезентации» (mental representations)[2].

Эделсон (Edelson, 1989) описывает исследование с использование Q-сортировки, в котором он принимал участие. Участники производили сортировку 60 объектов, по отношению к которым они испытывали и чувство собственника — например, моя мать, мое тело, мое «я», — и аффективные состояния, такие как боль и утрата. Результаты показали, что для одного человека один фактор (кластер корреляций) центрировался на матери и «я», другой — на отце, «я» и теле, а третий — на боли и утрате. Это позволило аналитикам выявить точку зрения («репрезентацию») двойной идентификации с обоими родителями и характеристики каждой идентификации. У второго участника проявились только два фактора (две «репрезентации»), один, показывающий связь между болью и утратой, и другой, относящийся к «я», отцу, матери и телу.

Применяя Q-метод к аналитику и клиенту — с целью дать надежную оценку подлинным чувствам клиента, а не интерпретациям их аналитиком, — Стефенсон (Stephenson, 1985) обнаружил факторы, подтверждающие, что перенос был реальным. Перенос с клиента на аналитика был вполне заметным и, возможно, также происходил с аналитика на клиента. Другое Q-исследование изучало теорию нарциссизма, которая утверждает, что средства массовой информации играют центральную роль в социальном развитии нашей нарциссической личности (Goldman, 1991). Единственный испытуемый в исследовании производил сортировку 60 фотографий из информационных журналов восемь раз, в соответствии с различными условиями инструктажа. Выявились три фактора, которые, согласно описанию исследователя, демонстрировали определенные нарциссические характеристики, но не такие, которые согласовывались бы с теорией. Это, предполагает исследователь, обусловлено скорее всего тем, что теория описывает поколение, жившее после Второй мировой войны, тогда как испытуемый был представителем другого поколения.

Эксперименты

Оговорки, согласно Фрейду, несут в себе скрытый смысл и отражают вытесненные желания, которые конфликтуют с сознательными намерениями. Один специалист в области коммуникации (Motley, 1985) произвел обзор ранее полученных данных, касающихся оговорок, и сообщил, что когда человек пута-

[2] Стефенсон полагает, что Q-сортировки передают самоотнесение. Они субъективны в том, что отражают точку зрения участника, а не экспериментатора, но они являются субъективным *поведением*, а не «ментальными репрезентациями».

ет слова, эти слова обычно относятся к одной и той же грамматической категории: существительные заменяют существительные («go get some bucket in the water» — «иди возьми немного ведра из воды»), а глаголы заменяют глаголы («he arrives either by driving a bicycle or riding a car» — «он прибудет или управляя велосипедом, или верхом на машине»). Даже когда человек путает существительное с глаголом («the stop bucks here» вместо «the buck stops here»), предложение остается грамматически правильным. Иногда меняются местами одиночные звуки (фонемы), например, когда «fresh fish» («свежая рыба») становится «fesh frish». Такие перестановки называют «перевертышами» (spoonerisms).

В целях дальнейшего изучения вопроса исследователь воспользовался потенциальными перевертышами при анализе фрейдовских оговорок. Юношей, студентов колледжа, просили прочитать пары слов, появлявшиеся на короткое время на экране. На некоторых испытуемых были закреплены электроды, и они ожидали, что получат удар током, хотя и не получали его. Они часто делали такие ошибки, как «damn shock» («проклятый удар) вместо «sham dock» («бутафорская пристань»). Соблазнительно одетая привлекательная молодая женщина предлагала пары слов другой группе мужчин. Испытуемые иногда произносили такие перевертыши, как «fast passion» («поспешная страсть») вместо «past fashion» («прошедшая мода») и «bare shoulders» («оголенные плечи») вместо «share boulders» («делить булыжники»). Результаты этого и родственного эксперимента подтверждают утверждения Фрейда, что из-за тревоги у человека могут вырываться слова, которые лучше держать при себе.

Экспериментатор показал, что к перестановкам слов и звуков может приводить, кроме тревоги, и ряд других конфликтов. Он обнаружил конфликты (а) между намеренным произнесением и какой-то другой мыслью; (б) с родственной мыслью, которую человек не намеревался произносить; (в) между двумя различными словами, одно из которых человек должен выбрать (chilly либо frigid становится «frilly»); (г) как колебание в отношении того, использовать ли перед существительным определение («moon rock» становится «noon mock»); (д) конфликт между двумя возможными последовательностями для парных слов («said and done» становится «done and said») и другие.

По-видимому, хотя тревога и может вызывать оговорки, как утверждал Фрейд, чаще превалируют другие причины; к ним относятся когнитивные колебания, которыми можно манипулировать в эксперименте.

Исследователь-психоаналитик называет четыре допущения, являющихся базовыми для «психоаналитического метода», которые требуют подтверждающих доказательств: (а) бессознательное вызывает психологические события; (б) свободная ассоциация может выявить бессознательные причины; (в) процедуры психоаналитика дают толчок процессу свободных ассоциаций, способствующему выявлению бессознательных причин; (г) бессознательные причины берут начало в прошлом индивидуума (Shevrin, 1996).

В двух экспериментах, нацеленных на первое допущение, исследователь обнаружил, что подпороговые стимулы, предъявлявшиеся в течение короткого времени, обнаруживали себя в сновидениях и что эффекты зависели от того, находится ли испытуемый в фазе сна со сновидениями или без сновидений. В третьем эксперименте четыре психоаналитика изучали материалы случаев, связанных с фобическим поведением и патологическим гореванием, и формулировали бессознательные причины. Они выбирали для каждого пациента слова, одни из которых относились к бессознательному конфликту, а другие были нейтральными. Когда слова предъявлялись на подпороговом и надпороговом уровнях, мозговые потенциалы показывали, что пациенты правильно классифицировали слова, касавшиеся бессознательного конфликта, только в том случае, когда они были подпороговыми; они правильно классифицировали сознательные слова, только когда те были надпороговыми. Согласно интерпретации исследователя, эти результаты показывают, что бессознательный конфликт не зависит от психоаналитических интерпретаций, но непосредственно не подтверждают первое допущение.

Относительно второго допущения он привел эксперимент, в котором утверждение экспериментатора о причинах вызывало больше свободных ассоциаций, чем задание вопроса о причинах (Colby, 1961). Однако неопределенность в отношении знания истинной причинности делает результаты проблематичными, замечает он.

Что касается третьего допущения, он ссылается на эксперимент, в котором испытуемые мужчины демонстрировали больше свободных ассоциаций, касавшихся людей, — намного больше, когда экспериментатор сидел за кушеткой, чем когда он отсутствовал, — что указывает на важность присутствия аналитика для активации паттернов объектных отношений у представителей того же пола, что и аналитик (Colby, 1960). Второй эксперимент показал, что чем свободнее испытуемый ассоциирует, тем вероятнее, что он или она обнаружат бессознательное содержание (Bordin, 1966).

Что касается последнего допущения, то, согласно его наблюдениям, исследования связи индивидуальной истории с причинностью не дают очевидных интерпретаций, главным образом потому, что эти исследования не обращаются к необходимым и достаточным условиям.

Какие же заключения мы можем сделать на основании изучения этих четырех допущений? По-видимому, исследователь (а) добился определенного прогресса в выявлении экспериментальных процедур,

которые релевантны данным вопросам, и (б) обнаружил некоторые доказательства, которые наводят на размышления, но не могут быть непосредственно использованы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Кроме психотерапии теорию психоанализа прилагают к таким предметам, как искусство, символика, сновидения, история, биография, мифология, литература и кино. Например, Габбард (Gabbard, 1997) утверждает, что когда люди смотрят кинофильмы, они испытывают сильную бессознательную тревогу, которая проистекает из универсального опыта человеческого развития. Поскольку они наблюдают вызывающие тревогу ситуации издалека в темном зале, то могут косвенным образом преодолевать тревогу и покидать кинотеатр с чувством облегчения и благополучия.

Вышеупомянутые темы представляют собой исключительно теоретические, а не утилитарные области приложения, но нижеследующее приложение носит утилитарный характер и поэтому крайне важно. Оно использует описание действий Шефера, указывая, каким образом психиатрия может приводить более адекватные экспертные доказательства в случаях умопомешательства, рассматриваемых в судах (Miller, 1979).

В Соединенных Штатах интерпретации уголовной ответственности отталкиваются от судебного прецедента 1954 г., известного как дело *Дэрема* (Durham). В соответствии с ним обвиняемый не несет ответственности за уголовное деяние, если это деяние было вызвано «психической болезнью или дефектом». Этот закон предполагает, что «психическая болезнь» — это обстоятельство (thing), которое вызывает определенное поведение. Как таковое оно подпадает под ту же критику, которой Шефер подвергал ид, мотив и другие психоаналитические конструкты: причиной уголовного деяния была психическая болезнь, а не человек. В подходе же Шефера болезнью *являются* действия человека. Кроме того, вопрос «свобода воли или детерминизм» — это иллюзорное разграничение. Не существует самостоятельных сущностей или сил, вызывающих уголовное деяние — ни непреодолимых импульсов, ни недостатка воли, ни предопределяющих побуждений. Равным образом, не существует сущности или силы, называемой волей, которая автоматически делает выбор в пользу совершения уголовного деяния. Вместо этого на языке действий «...эксперт оценивает, каким образом обвиняемый сделал то-то и то-то в момент совершения преступления, изучает его объяснения и его обоснования этого деяния и анализирует их в свете его предшествующей жизни. Эксперт-психиатр не определяет, что именно “заставило” обвиняемого совершить преступное деяние» (Miller, 1979, p. 128).

Если имел место бред, обвиняемый совершил деяние в бредовом состоянии, а не *из-за* бреда. Когда эксперт говорит, что обвиняемый действовал в бредовом состоянии, он только описывает то, каким образом человек совершил преступление. Вопрос уголовной ответственности остается за судом. Миллер находит этот подход сравнимым с правилом Дэрема в том, что он не конкретизирует какой-то симптом, который указывает на уголовную ответственность, и обладает при этом дополнительным преимуществом, показывая:

> «…что уголовная ответственность являет собой юридический вердикт, а не черту характера — разграничение, часто упускаемое в зале суда. Только закон определяет, какие психологические процессы извинительны, а какие нет. В подходе, ориентированном на действия, уголовная ответственность понимается в терминах того, как было совершено деяние применительно к определенным требованиям закона… Задача эксперта — описать психологические процессы обвиняемого, которые релевантны тому, что закон учитывает при определении уголовной ответственности. Задача судьи или присяжных — решить, удовлетворяют ли действия подсудимого юридическим критериям умопомешательства» (Miller, 1979, p. 128).

ПСИХОТЕРАПИЯ

Психоаналитическая терапия идет рука об руку с психоаналитической теорией. Терапия, как она была разработана Фрейдом, является в значительной мере процессом превращения бессознательного в сознательное путем обучения пациента (анализанда) «свободным ассоциациям» — способности говорить все, что приходит ему на ум, без самоцензуры, — которые аналитик затем интерпретирует пациенту в терминах теории. Но попытки свободной ассоциации встречают «сопротивление» из-за вытесненных или опасных мыслей, утверждает теория. Сопротивление свободной ассоциации ослабевает со временем, по мере того как анализанд проникается доверием к аналитику. «Я» (эго) начинает обретать рациональный контроль над импульсами, а либидо переносит значительную часть своей энергии на аналитика, которую аналитик использует в качестве силы, противодействующей сопротивлению. Должен анализироваться сам перенос, пока не произойдет контрперенос, в момент которого анализанд становится независимым, что способствует завершению терапевтического процесса. Фрейд также широко использовал анализ сновидений как способ проникновения в бессознательное, ибо сны, заявлял он, отражают вытесненные инфантильные желания. Соответственно, свободные ассоциации на их содержание могут быть ценнейшим средством вы-

явления вытесненных воспоминаний. Считается, что излечение наступает тогда, когда бессознательное становится сознательным.

Как указывалось в предыдущих разделах, некоторые новые психоаналитические процедуры могут заметно отклоняться от ортодоксального метода. Одним из таких примеров является попытка Спенса помочь клиентам составить связную историю, превращающуюся в основную цель терапии.

СОПОСТАВЛЕНИЕ С ДРУГИМИ ПОДХОДАМИ

Анализ поведения

Система Фрейда была предельно менталистской и находилась на полюсе, противоположном анализу поведения, само название которого подчеркивает значимость анализа *поведения*, а не *психики*. Поведенческому аналитику фрейдовское население организма множеством сущностей (entities), которые обладают причинными силами, обнаруживаемыми только путем символьной интерпретации в историях случаев, напоминает скорее мистицизм, чем науку. Акцент Кохута на «я» не стал заметным шагом в сторону анализа поведения, но язык действий Шефера порою приближается к радикальному бихевиоризму, хотя он по-прежнему сохраняет элементы ментализма и, следовательно, по-видимому, ближе к методологическому бихевиоризму (см. главу 6).

Диалектическая психология

Психоанализ как система, которая постулирует конфликты в качестве основы своей деятельности, сформулировал ряд полярных противоположностей (также называемых «дуализмом», «бинарностью» и «двухфакторными конфликтами»). Примеры их включают в себя инстинкт жизни и инстинкт смерти, требования «Оно» и механизмы защиты «Я», принцип удовольствия и принцип реальности, перенос и контрперенос, а также фиксацию («катексис») и антификсацию. Эриксон описал диалектический кризис на каждой из психосексуальных стадий, тогда как Гартманн отказался от значительной части диалектического мышления Фрейда. Другие психологи произвели дальнейшую модификацию, и Шефер буквально аннулировал все психоаналитические формы «дуализма», хотя и оставил за конфликтом центральное место в психоанализе. Он рассматривает подобные полярности как тривиальные и механистические, пренебрегающие гетерогенностью и многонаправленностью и служащие сохранению таких фрейдовских структур, как «Оно» и «Я». Кохут, со своей стороны, говорит о двух я-объектах, которые являются полярными противоположностями, один стремится к власти, а другой идеализирует цели. «Дуга напряжения» (Kohut & Wolf, 1978, p. 414) между этими амбициями и идеалами активизирует промежуточную область талантов и навыков — диалектический конфликт тезиса и антитезиса, который приводит к синтезу (см. главу 9).

Гуманистическая психология

Довольно забавно, что гуманистическая психология, которая возникла в качестве «третьей силы», направленной против бихевиоризма и психоанализа, теперь находит общую основу с идеями некоторых современных теоретиков психоанализа. Дженкинс (Jenkins, 1992) пытается показать, как теория логического научения Ричлака (см. главу 4), которая предусматривает анализ альтернатив и выбор целей (телеологию), согласуется с подходом Шефера, делающего упор на смысл и поиск цели. И это несмотря на то, что отрицание Шефером «я» как антропоморфизированной данности является анафемой для этой системы. Теория Кохута, отводящая центральное место «я», нашла бы с ней больше общего. Сэсс (Sass, 1989) описывает ряд психоаналитиков, делающих шаги в сторону гуманистической психологии, в частности Кохута; а Кан (Kahn, 1985) рассматривает связь между Кохутом и Карлом Роджерсом как наведение моста между двумя системами. Тот факт, что обе системы являются органоцентрическими, облегчает этот процесс.

Интербихевиоральная психология

Поскольку интербихевиоризм начинается с изучения событий, а не конструктов, и, следовательно, не предполагает какого-либо дуализма «душа — тело», психических энергий и т. д., он имеет мало общего с ортодоксальным психоанализом. Подход Шефера, или язык действий, обеспечивает более тесную связь между обоими, но интербихевиоризм идет на шаг дальше, чем Шефер, и видит источником действия не просто человека, а отношения человека и среды. Центрирование действия на человеке, как это делает Шефер, утверждают интербихевиористы, ограничивает количество и тип переменных, которые могут быть учтены. Распространение действия на среду добавляет (а) функциональные характеристики к взаимодействию человека и объекта, (б) определяющие факторы, (в) средства контакта (media of contact) и (г) историю индивидуума как непрерывное интерактивное развитие (вместо непреложных эндемических характеристик младенца, таких как сексуальность и агрессия). Интербихевиоральный подход также обеспечивает средство описания так называемого бессознательного как фаз взаимодействия. Нет сомнений, что психоаналитики ставят более узкий подход органоцентризма выше, чем контекстуальный интеракционизм (нецентризм).

Оперантный субъективизм

Психоанализ поощряет субъективность и все чаще изыскивает методы исследования, согласующиеся с субъективным характером своей теории. Все это определяет его интересы в прямом соответствии с методологией оперантного субъективизма, методом Q-сортировки. Два исследования, о которых сообщается здесь, успешно использовали Q-методологию, несмотря на то, что одно из них сформулировало изыскание в терминах, не согласующихся с научной философией оперантного субъективизма. Настойчивое утверждение Шефера, что поведение — это то, что наблюдают сторонние наблюдатели, тогда как действие — то, что люди замечают за собой, созвучно оперантному субъективизму (см. главу 11).

В противовес менталистской интерпретации Q-метода Эделсоном Голдман (Goldman, 1993), который использует и психоанализ, и оперантный субъективизм, выступает против сохранения дуализма «душа—тело» и за движение в сторону научного субъективизма. Он отмечает, что другие поддерживали движение в этом направлении, но утверждает, что они не выработали надежную методологию или надежную теорию. Согласно ему, то, что называют сознанием или бессознательным, можно трактовать как оперантную субъективность.

Хотя ожидается, что ассоциации в конечном счете приведут к вытесненному бессознательному материалу, эти повествования являются в своей основе поведением, возникшим ассоциативно из другого поведения, которое может быть или не быть объектом психоаналитического рассмотрения... Тем самым бессознательное — это не что иное, как конструкт, форма жизни, и поведение, которое классифицируется как таковое. Его материальность можно проверить и изобразить символически посредством надежных субъективных научных операций. Следовательно, благодаря Q-методологии и теориям «я» и субъективности, опирающимся на полученные в ее рамках факторно-аналитические решения, мы можем теперь отбросить картезианский дуализм и ментализм и тем самым включить психоанализ в более современное научное повествование.

Голдман (1997) также замечает, что Q-методология обращается к коммуникативному поведению через Q-сортировку, которая контрастирует с такими психоаналитическими субъективными конструктами, как интрапсихический конфликт, «Я», сознание, бессознательное, механизмы защиты и т. д. Новые точки зрения — например, Спенса, Шефера и Кохута, — говорит он, делают акцент на субъективности и эмпатическом знании, но эти подходы грешат искажением толкования свободных ассоциаций, тогда как Q-методология дает их строгую трактовку. Он цитирует несколько случаев недопонимания между клиентом и аналитиком, которые иллюстрируют необходимость лучшей оценки, и описывает Q-исследование Стефенсона, заменившее подобные искажения более точным взглядом, который можно использовать при планировании лечения.

Социальный конструкционизм

Ряд теорий и практик психоанализа демонстрируют, в той или иной степени, социальный конструкционизм. В системе Кохута пациент выносит окончательный вердикт в отношении того, что является для него верным, а Шефер, Гилл и Спенс настаивают, что не существует какой-то единственной истинной сюжетной линии в повествовании пациента. Аналогичным образом социальный конструкционизм утверждает, что у каждой социальной группы своя истина, которая выражена в социальных повествованиях группы. Жак Лакан (Lacan), французский психоаналитик, внес вклад в повествовательное течение, введя в психоанализ лингвистику и реинтерпретировав Фрейда в терминах структурной лингвистики. Идеи Салливана о семейной терапии схожи с использованием этой терапии социальным конструкционизмом. Тем не менее большинство психоаналитиков ориентированы на организм и его предполагаемые врожденные характеристики (т. е. органоцентричны), тогда как конструкционисты ориентированы на социальные процессы (т. е. социоцентричны).

КРИТИКА

Внешняя критика в сравнении с внутренней

Несмотря на недостатки и ограничения формулировок Фрейда, которые признают сами психоаналитики, и различные корректировки или дополнения его теории, которые они предложили, немногие из этих реформаторов полностью отвергают его работу. Круз (Crews, 1996) утверждает, что критика этих сторонников теории «редко отличается строгостью или радикализмом», и несмотря на признание ими недостатков, критики не могут прийти к согласию в отношении того, как разрешить проблемы. Тем не менее психоанализ постоянно развивался, начиная со времени формулировок Фрейда, и сейчас существует в формах, как показывают предыдущие разделы, которые имеют лишь отдаленное сходство с оригинальными положениями Фрейда. Как и в случае всех новых течений в психоанализе, фрейдовская теория инстинктов потребовала серьезных изменений или полного отбрасывания (Eagle & Wolitzky, 1992), что привело к замене формулировок, которые еще больше отклонились от ортодоксии.

Внешняя критика Фрейда

Теория. По большей части внешние критики (не психоаналитики) отказываются признать те огромные изменения, которые имели место, и радикальный

пересмотр со стороны таких ревизионистов, как Шефер и Спенс. Если бы им уделялось больше внимания, перед читателями предстала бы совершенно иная картина. Внешние критики направляют большую часть своей критики на оригинальные формулировки Фрейда и время от времени на Юнга и немногих других «классических» психоаналитиков. Ниже приводятся характерные примеры внешнего анализа трудов Фрейда.

Солтер (Salter, 1952/1964) пошел в решительное наступление одним из самых первых. В своей острой критике он показал несоответствия и алогичность теории и преувеличенность утверждений, касающихся эффективности терапии. Он привел множество цитат из Фрейда, чтобы проиллюстрировать и документально обосновать свою критику. Среди его замечаний — взгляд на теоретические процедуры Фрейда как на «локализацию его гротескных объектов в неясном месте, называемом “бессознательным”. В конце концов, поскольку никто не может знать (без помощи аналитика), что происходит в бессознательном, кто способен отрицать существования там самых невероятных шабашей ведьм?» (p. 24–25). Другой критик обратил внимание на плагиат Фрейда и его произвольный отбор историй болезни, с тем чтобы подкрепить свои теории (Sulloway, 1991, 1992). Еще один указал, что вся теория Фрейда опирается всего лишь на шесть опубликованных историй болезни. Субъект одной из них — пациент, известный как Человек-волк, — опроверг утверждение Фрейда, объяснив, что поскольку он спал в спальне своей няни, а не своих родителей, то не мог мешать родителям заниматься любовью (Dewdey, 1997).

Наибольшее признание среди критиков Фрейда получил Грюнбаум (Grünbaum, 1984). Как это ни удивительно, его книга удостоилась внимания со стороны самих психоаналитиков, которые либо раскритиковали ее, либо постарались ответить на некоторые из критических замечаний Грюнбаума (например: Edelson, 1988). Журнал Behavioral and Brain Sciences поместил 40 рецензий специалистов на книгу в своем выпуске за январь 1985 г. Грюнбаум указывает, что поскольку теория делает утверждения о причинах невроза, она может получить подтверждение только путем сравнения групп, не страдающих неврозом, с невротическими группами. Другими словами, ей необходимо использовать контрольные группы, чего она никогда не делала. Вместо этого она полагается на случаи излечения неврозов, которые «совпадают» с утверждениями теории о причине и следствии. Однако восстановленные «воспоминания», которые согласуются с теорией, полностью искажены внушением и ожиданием. Пациент узнает, что аналитик хочет услышать, и отвечает соответствующим образом. Грюнбаум ссылается на исследования, которые показывают, что невротические симптомы исчезают спонтанно столь же часто, как и после психоаналитической терапии. То есть психоанализ как терапия не имеет преимущества перед отсутствием лечения. Разбирая книгу Грюнбаума, Саллоуэй (Sulloway, 1985) указывает, что столетние исследования в психологии продемонстрировали, что человеческое развитие не является сугубо сексуальным и что оно достаточно податливо и мультидетерминировано. Несмотря на свою разгромную критику, Грюнбаум странным образом оставляет возможность итоговой демонстрации того, что теория Фрейда содержит некоторые элементы истины.

Еще одним серьезным, но малоизвестным критиком является Макмиллан (Macmillan, 1991). Он описывает историческую эволюцию теории Фрейда и фундаментальные ошибки наблюдения и логики, которые тот допустил. Сегодня психоаналитические теоретики продолжают следовать Фрейду, совершая те же ошибки. Например, даже самые крайние ревизионисты признают вытеснение, однако вытеснение не находит подтверждения в независимой реальности. Это всего лишь наименование предполагаемых следов тягостных воспоминаний; тем самым оно не способно что-либо объяснить. В конце своего обзора книги Макмиллана Круз (Crews, 1996) заключает: «Исчерпывающая эпистемологическая критика, основанная на общепризнанных стандартах доказательств и логики, опровергает все откровенно психоаналитические утверждения» (p. 67). Он также замечает, что тенденция в сторону «восстановленных воспоминаний» (часто у тех, кто, по их утверждениям, подвергался сексуальному насилию), основанная на теории Фрейда, никогда бы не имела места, если бы предшествующая критика со стороны Макмиллана (1977) удостоилась внимания.

В заключение можно отметить, что утверждение Фрейда о том, будто его теорию доказывают его терапевтические успехи, не учитывает тот факт, что (а) отсутствует какое-либо независимое подтверждение успехов, о которых он заявлял; (б) многие люди с невротическими симптомами выздоравливают со временем без помощи какой бы то ни было терапии; (в) улучшение состояния после терапии свидетельствует не о правильности теории, а только о том, что принесло пользу нечто в отношениях пациента и терапевта или в их беседах; (г) если выздоровление зависит от применения обоснованной теории (предполагается, что другие виды терапии необоснованны, а значит неэффективны), при анализе процент успеха должен быть выше, чем при других видах терапии, но это не так; (д) психоанализ не всегда излечивает невроз (как признавал сам Фрейд), а те неврозы, которые он якобы излечивает, иногда появляются снова — едва ли убедительное подтверждение теории и ее предполагаемых доказательств на практике.

Терапия. Психоаналитики часто сообщают об успехе их курсов терапии. Однако Вольпе (Wolpe, 1981), один из основоположников поведенческой терапии, цитирует «видного психоаналитика» (Schmideberg, 1970), который сообщает о ряде явных неудач. Шмидеберг упрекает коллег в том, что они заставляют пациента чувствовать, будто неудачу по-

терпел он, а не система. В одном случае мужчина с тревогой и комплексами (inhibitions), обусловленными исключительно его неопытностью и происхождением из бедной семьи, подвергался анализу в течение 30 лет. Его состояние нисколько не улучшилось, и при этом он лишился средств, оплачивая свое 30-летнее лечение, прежде чем прийти к Шмидебергу. В другом случае у женщины, у которой не было симптомов, но которая хотела жить более насыщенной жизнью, возникла фобия, и ее состояние ухудшалось в течение 12 лет при двух аналитиках. Вольпе замечает, что он видел множество подобных случаев и считает, что аналитики говорят пациентам, что отсутствие у них улучшения или ухудшение их состояния вызвано сопротивлением, вместо того чтобы признать, что лечение могло оказаться неадекватным. Вольпе интересуется, почему терапевт, специализация которого устранять сопротивление, но который за пять или десять лет не может добиться успеха, рекомендует тот же метод лечения. Неудачи бывают во всех видах психотерапии, но постоянные неудачи в течение нескончаемых лет, по-видимому, присущи только психоанализу.

Психоанализ действий Шефера

Шефер следует фрейдовскому акценту на младенческую сексуальность и бессознательные влияния, несмотря на проблемы, с которыми сталкиваются эти конструкты. Другая критика включает замечание Лири (Leary, 1989), согласно которой ничто в формулировках Шефера не показывает, почему беседы вокруг психоаналитических понятий должны вызвать больший терапевтический эффект, чем вокруг диалектических или поведенческих понятий. Психоанализ может быть подтвержден, доказывает она, только если изложенная история относится к чему-то, выходящему за рамки того, что относится к компетенции психоанализа. Кроме того, настаивает она, основой психоанализа является вытесненное прошлое, и заменить его конструкцией настоящего — значит мало что оставить от психоаналитики. Однако Берман (Berman, 1985) считает, что подход Шефера (а) позволяет аналитикам быть более гибкими, поскольку им более не нужно выискивать «подлинные» истории, и (б) вызывает изменения личности у объектов анализа, когда они отбрасывают свои отрицания и механизмы защиты, тем самым обнаруживая более содержательные стороны своей жизни.

Баррот (Barratt, 1978) заявляет, что язык действий Шефера не способен дать объяснение важнейшему психоаналитическому понятию отчуждения, которое имеет место, когда «Я» отщепляется от «Оно» и вытеснений «Оно», тем самым аннулируя различие между сознательным и бессознательным, которому верен Шефер. Возражая Барроту, Фурше (Fourcher, 1978) защищает Шефера, приветствуя его переход от биологических метафор и физических механизмов к смыслу и межсубъектным отношениям. Другие (Ellman & Moskowitz, 1980) считают ошибочным использование им исключительно того, что наблюдается в психоаналитической ситуации, поскольку это ограничение мешает использованию ценных онтогенетических данных. Эллман и Московиц также недовольны тем, что его «строго реалистичная позиция» игнорирует многое из того, что является ценным в психоанализе.

ВЫВОДЫ

Академическая психология в целом считает психоаналитическую теорию ненаучной и уделяет ей мало внимания, за исключением обязательного упоминания в учебниках. Критики в психологии, философии и других областях убедительно доказывают, что она может предложить очень немногое. Фактически они утверждают, что это не теория, которая пока еще не получила эмпирической поддержки, а в сущности псевдонаука. Учитывая ее многочисленные недостатки, некоторые критики (Ruse, 1985; Crews, 1996) говорят, что едва ли стоит тратить усилия на проверку тех немногих утверждений, некоторую валидность которых можно продемонстрировать с помощью тщательных и строгих исследований. Сам психоанализ не имеет организационной структуры, чтобы участвовать в программах исследования, и не имеет университетских связей для достижения этой цели. Кроме того, те, кто занимается в университетах психологическими и психиатрическими исследованиями, обычно проявляют незначительный интерес к психоанализу. Тем не менее его сторонники выказывают все больший интерес к систематическим исследованиям, отходя от существовавшей долгое время точки зрения, что процедура психоанализа сама по себе является исследованием и что только это исследование значимо. Стоит заметить, что растущий интерес к исследованиям, по-видимому, сопровождается все большим отходом от ортодоксии.

Психоанализ как форма психотерапии изобилует проблемами. Это медленная, нудная и дорогостоящая процедура. Другие виды психотерапии можно применять с равной или большей эффективностью в течение намного более коротких периодов времени. Сегодня цель большинства видов психотерапии — не борьба с гипотетическими темными инстинктами индивидуального прошлого, а выработка новых моделей поведения, которые позволяют индивиду функционировать в его среде. Тем не менее система имеет массу приверженцев среди специалистов, работающих с людьми, включая социальных работников и арт-терапевтов.

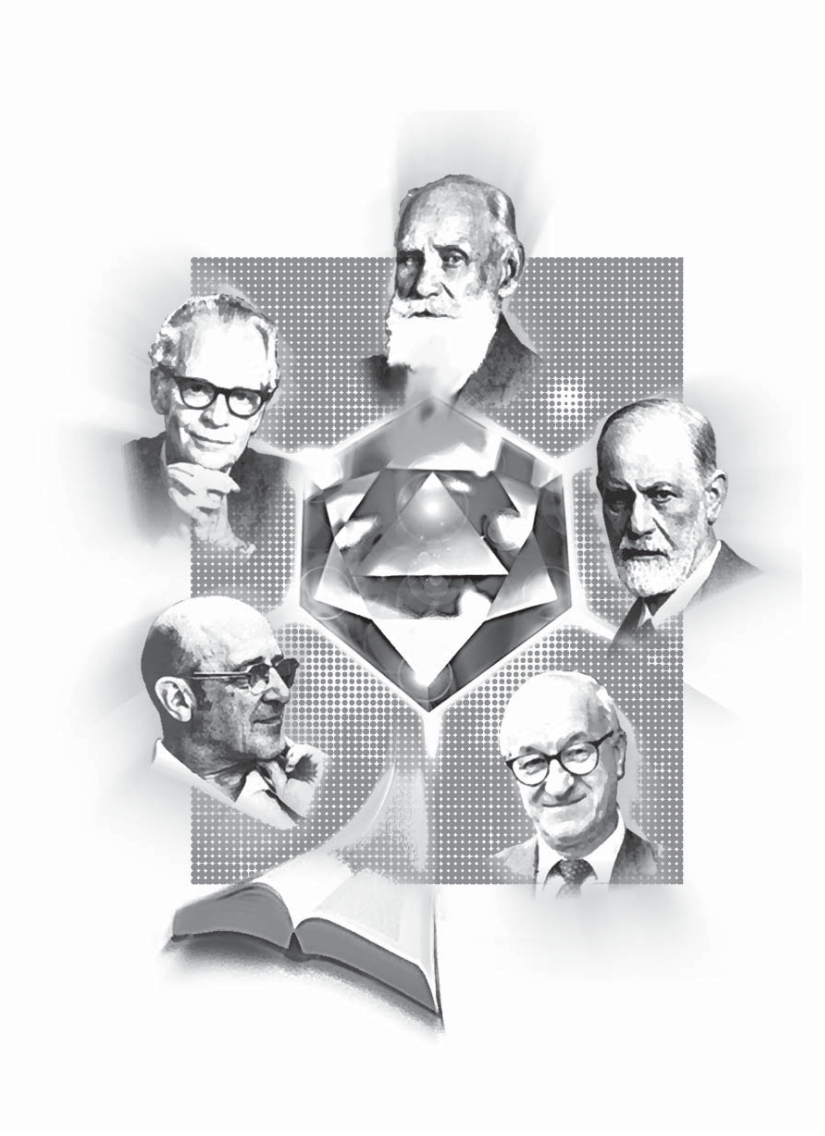
Несмотря на это, психоанализ как теория (или множество теорий) и как терапия отличается боль-

шой замкнутостью. И многие неаналитики, на которых он оказывает влияние, не читают эмпирические и логические труды, указывающие на его серьезные недостатки, как и не оценивают они теоретические и прикладные альтернативы ему. Кажется вероятным, что за людьми, принадлежащими системе, такими как Шефер, Гилл, Спенс и другие, которые заметно отклонили теорию от ее физических и биологических допущений, последует новое поколение, которое еще больше модифицирует ее, так что у нее останется мало общего с Фрейдом. В то же время другие постараются сохранить связи с традицией, тем самым обеспечив ее продолжение. Такие новации, как психология Я, оживили некоторые ветви системы, и они, вероятно, продолжат развиваться, но при этом уведут и теорию, и практику еще дальше от ортодоксии.

Поскольку тех многочисленных медикаментозных средств, которые теперь применяются при неадекватном поведении, обычно бывает недостаточно для устранения проблем и поскольку лекарства совершенно непригодны во многих случаях, связанных с плохой адаптацией, психотерапия продолжает играть здесь важнейшую роль. Вероятно, различные варианты психоанализа продолжат удовлетворять эту потребность, наряду с десятками других форм психотерапии.

ЧАСТЬ 3

ЭНВАЙРОЦЕНТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ



ГЛАВА 6

АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ:
от оперантного обусловливания к поведенческой терапии и поведению, определяемому правилами

ВВЕДЕНИЕ

Если вы выбираете ключ и он открывает замок, вы, вероятно, и в дальнейшем будете выбирать этот ключ для того же замка. Если кто-то говорит вам, как хорошо вы выглядите в вашем новом свитере, вы, вероятно, чаще будете надевать этот свитер в будущем. Это примеры принципа подкрепления, играющего фундаментальную роль в анализе поведения. Термин «подкрепление» означает нечто, усиливающее поведение или способствующее более вероятному его повторению. Термин «анализ поведения» противостоит термину «психоанализ». Согласно точке зрения сторонников данного подхода, анализу подвергается не психика (psyche), а поведение, да и сам анализ базируется на экспериментальном методе, а не на изучении истории пациентов. Поэтому иногда используется термин «экспериментальный анализ поведения».

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Большинство студентов, изучающих психологию, знакомятся с четырьмя основными режимами подкрепления, обычно на примере крыс, нажимающих на рычаг, или голубей, клюющих диск. Эти «операции» («operations»), которые выполняют животные, послужили основанием для названия «оперантное обусловливание» («operant conditioning»). Оперантное обусловливание отличается от классического (респондентного) обусловливания тем, что животное должно выполнить определенное действие (операцию), чтобы получить подкрепление, причем это действие *предшествует* подкреплению. При классическом обусловливании, как в случае с собаками Павлова, у которых выделяется слюна в ответ на звук колокольчика, так как они ожидают, что за этим последует кормление, животные остаются пассивными. Они не делают ничего для того, чтобы «заработать» подкрепление в виде мяса, и выделение слюны наступает *после* звонка колокольчика. (Различие между оперантным и классическим обусловливанием иногда не является очевидным [Moore, 1973; Rachlin, 1991a], и ряд последних исследований в области анализа поведения посвящен выяснению взаимосвязей между обоими видами обусловливания.)

Каждый из четырех режимов подкрепления вызывает определенные, соответствующие ему паттерны поведения (Ferster & Skinner, 1957). Эти четыре режима носят названия: (а) режим с фиксированной пропорцией, (б) режим с фиксированным интервалом, (в) режим с изменяющейся пропорцией и (г) режим с изменяющимся интервалом.

При режиме подкрепления с *фиксированной пропорцией* животное получает порцию пищи после каждого фиксированного количества реакций. Если оно получает пищу после каждой реакции, данная разновидность этого режима называется «постоянным подкреплением». Если постоянное подкрепление прекращается, животное скоро перестает реагировать — происходит угашение реакции. Если пропорция отличается от значения, равного один к одному, и составляет, например, один к двадцати, темп реагирования между подкреплениями очень велик и затухание после прекращения подкрепления наступает значительно медленнее. Таким образом, при сильном подкреплении реакции угашаются быстрее, чем при слабом подкреплении. Данный феномен получил название парадокса Хамфри в честь Ллойда Дж. Хамфри (Lloyd G. Humphrey), впервые экспериментально продемонстрировавшего его (Rachlin, 1991a).

При режиме подкрепления с *фиксированным интервалом* животное получает подкрепление сразу после первой реакции, а затем через определенные периоды времени. Например, если интервал составляет две минуты, голубь получает пищу через две минуты после того, как в первый раз клюнет диск. После того как голубь научится приблизительно определять временной интервал, он начинает клевать медленно почти до момента следующего подкрепления, а затем начинает клевать очень быстро. Аналогично многие студенты уделяют мало времени учебе почти до самого наступления экзаменов. Затем — за день или два, а то и в последнюю ночь перед экзаменом они начинают усиленно заниматься, заканчивая готовиться к экзамену глубоко за полночь. После сдачи экзамена они снова возвращаются к паттерну обучения кое-как до следующего экзамена. В этом отношении студенты, пожалуй, мало чем отличаются от голубей. Но как мы оценим поведение тех, чей график занятий отличается большей равномерностью и регулярностью? С точки зрения специалиста по анализу поведения, это означает, что такой режим работы также должен иметь подкрепление — возможно, в виде похвалы со стороны родителей; или же он подкрепляется успехами в учебе, являющимися следствием более рационального и эффективного метода обучения. Следовательно, эти студенты реагируют не только на фиксированный интервал.

Если подкрепление соответствует режиму с *изменяющейся пропорцией* или с *изменяющимся интервалом*, оно называется нерегулярным или «прерывистым» («intermittent») подкреплением. При таком режиме животное сохраняет относительно равномерный темп реагирования, а угашение реакции после прекращения подкрепления происходит наиболее медленно по сравнению с остальными режимами. Голубь, например, может продолжать клевать в течение часа или более после последнего подкрепления, и даже в этом случае — если на следующий день он окажется в той же ситуации — он снова начнет клевать с большой частотой. Вследствие нерегулярного характера подкрепления животному трудно определить, что подкрепление было прекра-

щено, поэтому реакция угашается медленно. Другими словами, сам по себе режим подкрепления в значительной степени напоминает условия угашения реакции, поэтому животному трудно определить различие между условиями угашения и условиями подкрепления.

Классическим примером режима подкрепления с изменяющейся пропорцией являются азартные игры. Игрок никогда не знает, сколько раз он должен бросить кости или нажать на рычаг игрального автомата, чтобы выиграть, и этот случайный выигрыш, как правило, меньший по размерам, чем сумма, затрачиваемая на игру, стимулирует продолжение игры. Множество форм человеческой деятельности выполняется под влиянием прерывистого подкрепления. Возможно, писателю удается найти издателя лишь для незначительной части своих произведений, однако он продолжает работать, благодаря пусть и нерегулярному заработку. Нумизмат перебирает тысячи монет и продолжает свои поиски, получая редкие подкрепления в тех случаях, когда ему удается найти монету, подходящую для его коллекции. Спортсмен продолжает тренироваться благодаря наблюдению признаков своего прогресса и периодическим победам на соревнованиях. Истерики ребенка подкрепляются, когда родители уступают, а переменная частота подкреплений препятствует затуханию истерических реакций. Аналогично собака, выпрашивающая пищу с обеденного стола и в конце концов получающая кусок, начинает просить подачку при любой возможности.

В течение многих лет специалисты по анализу поведения исследовали различные режимы подкрепления. Ни один из паттернов реакций, описанных ниже, не может быть вызван посредством применения наказаний. Только благодаря положительному подкреплению удается сформировать устойчивые паттерны реакций. Несмотря на это, большинство попыток использования обществом правовых систем в целях социального регулирования основаны на использовании наказаний, таких как штрафы и тюремное заключение. Последствия применения наказаний весьма неоднозначны, однако в целом они отличаются значительно меньшей стабильностью в подавлении тех поведенческих реакций, формированию которых способствуют положительные формы подкрепления. Например, уровень рецидивизма среди заключенных свидетельствует о том, что тюремное заключение малоэффективно с точки зрения искоренения преступности. Применение наказаний имеет и нежелательные последствия: наказания являются формой агрессии, которая вызывает ответную агрессию; они порождают страх и отвращение к видам деятельности, связанным с наказаниями; при этом людям не предлагается никаких конструктивных альтернатив, показывающих, как им следует поступать.

Большинство профессиональных психологических организаций, таких как Американская психологическая ассоциация, требуют от своих членов ежемесячной уплаты взносов до определенного числа с целью избежать задержек платежей. Иными словами, эти организации подчеркивают потенциальное наказание, ожидающее членов, не уплативших взносы вовремя. Однако в Ассоциации анализа поведения (Association of Behavior Analysis) заведен другой порядок: если член платит ранее определенного срока, размеры платы снижаются. Как кто-то саркастически заметил, анализ поведения сам по себе представляет пример положительного подкрепления.

Результаты исследований, проводимых на животных, показывают, что простая $S \rightarrow R$-модель классического бихевиоризма не объясняет феномена оперантного обусловливания, поскольку последствия экспериментальных действий являются частью самого поведения, и потому должны быть включены в модель. Решение этой проблемы символически изображается в виде трехчленной ассоциации (three-term contingency):

$$S^{Distrim} \text{ —— } R_{Oper} \text{ —— } S^{Reinf}$$

или в более стандартной форме,

$$S^{D} \text{ —— } R_{O} \text{ —— } S^{R}$$

где $S^{Distrim}$ — сигнальный (дифференцировочный) стимул; R_{Oper} — оперантная реакция; S^{Reinf} — подкрепляющий стимул.

(Эта структурная модель также известна в более общей форме как предшествующий стимул, поведение и последствия.) Голубь различает звук колокольчика ($S^{Distrim}$), клюет диск и получает подкрепление в виде пищи (S^{Reinf}). Все, что символизирует положительную связь между подкреплением и реакцией, является сигнальным (дифференцировочным) стимулом. Например, каждая кнопка с цифрой в автоматическом лифте является сигнальным стимулом для соответствующего этажа (S^{Reinf}). Если мы нажимаем на кнопку с цифрой 4 (R_{Oper}), лифт доставит нас на четвертый этаж и мы получаем подкрепление, заставляющее нас нажимать на кнопку с цифрой 4 в следующий раз (если нам нужен тот же этаж). Однако если нам нужно попасть на первый этаж и мы нажимаем на кнопку с цифрой 1, а лифт доставляет нас в подвал, в следующий раз мы, вероятно, не будем повторять ту же реакцию, а вместо этого попробуем нажать на кнопку с цифрой 2. Если цифра 2 обеспечит нам подкрепление, мы, вероятно, повторим эту реакцию в будущем. Мы постоянно сталкиваемся с сигнальными (дифференцировочными) стимулами, связанными с подкреплениями: заглавие книги на полке, указывающее на то, что это та самая книга, которую мы ищем, сигналы светофора, конт-

ролирующее наше поведение на перекрестке, стрелки часов, напоминающие нам, что пора отправляться на встречу, пятно на костюме, говорящее нам, что костюм пора отдать в чистку, и тысячи других проявлений, многие из которых, как отметил Скиннер (Skinner, 1953, p. 75), не всегда ясно осознаются нами.

Лишь немногие виды человеческой деятельности поддерживаются благодаря таким первичным подкрепителям (primary reinforcers), как пища, однако вторичные подкрепители (secondary reinforcers) играют важную роль в нашей жизни. Вторичный подкрепитель — это стимул, появляющийся до первичного подкрепителя и первоначально не имеющий подкрепляющей силы, однако приобретающий ее после достаточного количества сочетаний с первичным подкрепителем. Мощным вторичным подкрепителем в нашей культуре являются деньги (фактически они являются «всеобщим вторичным подкрепителем», поскольку служат для подкрепления множества форм поведения). Монеты и банкноты сами по себе практически бесполезны, однако их можно обменять на пищу, жилье и все, что представляет для человека ценность. Соответственно, люди работают, пускаются в махинации, воруют, занимаются предпринимательством, играют в азартные игры, — и все ради этого вторичного подкрепителя. Иногда формируются целые цепочки вторичных подкрепителей. Человек может выполнять какую-либо работу за (а) обещание получить (б) чек, который можно обменять на (с) деньги, на которые можно купить продукт, который, в свою очередь, можно будет продать и получить прибыль в форме (г) другого чека, который можно обменять на (д) деньги, на которые можно купить продукт потребления или услугу.

Анализ поведения более тесно связан со своей методологией, чем любая другая система, за исключением эко-бихевиоральной науки (см. главу 7) и оперантного субъективизма (см. главу 11). Вместо использования дискретных попыток или интервалов между попытками, как это имеет место в большинстве экспериментальных подходов, анализ поведения обеспечивает возможность свободного реагирования в любое время. Голубь может клевать диск в любой момент. Последовательная регистрация (cumulative record) позволяет увидеть реакции в непрерывной временной шкале и их связь с подкреплениями. Данная методология настолько чувствительна к показателю частоты реакций, что даже отдельный испытуемый может стать источником полезных и осмысленных данных, явиться примером, выявляющим или подтверждающим тот или иной поведенческий принцип. При этом отпадает необходимость в использовании статистического вывода или выборочных статистик, как и в участии многих испытуемых. Вариабельность (поведенческих реакций) не нивелируется в результате графического представления результатов и не исключается вследствие статистической обработки данных; не привлекается для ее объяснения и теория, постулирующая гипотетические промежуточные переменные, наподобие драйва или обработки информации, которые должны поглотить изменчивость. Напротив, вариабельность непосредственно контролируется экспериментальной процедурой и описывается посредством этой процедуры.

РАННЕЕ РАЗВИТИЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

Анализ поведения был разработан человеком, чье имя в области психологии наиболее известно, — Б. Ф. Скиннером (B. F. Skinner, 1904–1990). В опросе, проведенном среди историков психологии и профессоров кафедр психологии (Korn, Davis & Davis, 1991), он был поставлен на первое место как наиболее влиятельный современный психолог. Хотя Фрейд более известен среди широких слоев населения и ему уделяется больше внимания в вводных курсах психологии (Perlman, 1991), система Фрейда является теорией личности и программой лечения, последователи которой связаны в большей степени с медициной (Фрейд был врачом), чем с психологией. Система Скиннера, напротив, была ориентирована на экспериментальные исследования оперантного поведения и получила наибольшую поддержку со стороны академической психологии, а также таких областей практического использования психологических знаний, как обучение лиц с задержкой психического развития, программированное обучение и поведенческая терапия. Практически на каждом отделении психологии при любом университете США студентам предлагается либо практическое ознакомление с оперантным обучением на животных, либо его демонстрация. А любой учебник по вводному курсу психологии содержит раздел, посвященный оперантному обусловливанию. Таким образом, анализ поведения завоевал прочные позиции в американской психологии.

Принцип подкрепления получает свою более раннюю и элементарную формулировку в законе эффекта, предложенном Эдвардом Торндайком (Edward Thorndyke, 1874–1949). Данный закон гласил, что реакция «запечатлевается» («stamped in»), когда за ней следует «удовлетворительное положение вещей» («satisfying state of affairs»). В отличие от него Скиннер не постулирует никаких положений и никакого «удовлетворения», а пытается опереться на описание отношений: «Если за оперантным поведением следует предъявление подкрепляющего стимула, сила (поведенческой реакции) возрастает» (Skinner, 1938, p. 21).

Закон эффекта Торндайка также гласит, что «неприятное положение вещей» («an annoying state of affairs») будет «угашать» («stamp out») реакцию.

В первоначальной формулировке Торндайк утверждал, что «удовлетворительное» и «неприятное» условия являются эквивалентными (по эффективности) и противоположными (по эффекту): «удовлетворительные» условия закрепляют реакции в той же степени, в которой «неприятные» гасят их. После проведения дальнейших экспериментальных исследований он признал, что они не являются эквивалентными и противоположными, т. е., что «неприятные» условия не всегда «угашают» реакции. Хотя наказание обычно используется с целью уменьшения вероятности определенной реакции, работы Скиннера и многих других исследователей подтверждают результаты, обнаруженные Торндайком: наказание не является высокоэффективным средством контролирования реакций. Оно временно подавляет реакцию, но, как правило, не устраняет ее полностью; когда угроза наказания ослабевает, реакция возобновляется в полном объеме (хотя *крайне* болезненные стимулы, по-видимому, окончательно подавляют реакции у животных).

Помимо наказаний Скиннер также признает отрицательное подкрепление. Оно состоит в удалении стимула, повышающем вероятность повторения реакции. Таким образом, как отрицательное, так и положительное подкрепление способствуют усилению реакций. Например, ученик может прилежно учиться, чтобы получать хорошие отметки (положительное подкрепление) или чтобы избежать плохих (отрицательное подкрепление). Условием, ведущим к *ослаблению (decrease)* реагирования («угашению» по Торндайку), является наказание. Во всех случаях, согласно данной системе, *отбор форм поведения производится по их последствиям*.

Бихевиоризм Джона Уотсона (John Watson, 1878-1958) также явился важным предшественником скиннеровской разновидности бихевиоризма. Именно благодаря влиянию Уотсона психология (а) отошла от изучения содержаний сознания (mental contents) и перешла к изучению поведения, (б) заменила метод интроспекции объективными методами и (в) поставила своей целью предсказание и контроль поведения. Скиннер стал преемником всех этих нововведений.

Одна разновидность бихевиоризма обыкновенно предполагала, что психических событий не существует и что формы поведения, называемые личными (недоступными стороннему наблюдателю) или ментальными (например, мышление), поддаются изучению при наличии соответствующей технологии. Другая его разновидность, называемая «методологическим бихевиоризмом», утверждала, что недоступные стороннему наблюдателю ментальные события существуют, однако их можно игнорировать или обойти методологически. Скиннер отошел от обоих этих подходов. Он настаивал на том, что личные события и ментальные (психические) события — это не одно и то же. Ментальные события — это не что иное, как искусственные измышления или конструкты, тогда как личные события имеют физический статус. Их можно относить к формам поведения с такой же уверенностью, с какой можно рассматривать как поведение потребление пива или разговор с приятелем. Скиннер назвал данный подход «радикальным бихевиоризмом», чтобы отличить его от методологического бихевиоризма. (Первоначально термин «радикальный бихевиоризм» относился к непринятию Уотсоном ментализма.) Таким образом, Скиннер признал личные события в качестве поведения, однако отверг ментализм как своего рода гипотетическую особую силу, содержащуюся в организме. К сожалению, термин «радикальный» часто понимается в значении «экстремальный», однако Скиннер использовал его для обозначения более широкого, хотя и нементалистского подхода. Возможно, иногда используемые по отношению к нему термины «полный (comprehensive) бихевиоризм» или «натуралистический бихевиоризм» порождали ли бы меньше проблем.

Скиннер также радикально отошел от большинства используемых в экспериментальной психологии статистических процедур и групповых сравнений. Традиционно предполагалось, что организм будет проявлять изменчивость реакций и что эту изменчивость (или вариабельность) необходимо контролировать путем использования больших групп, в которых индивидуальные вариации будут взаимно нейтрализовывать друг друга, а одна экспериментальная группа в целом будет сравнима с другой экспериментальной группой. Такие сравнения групп предполагают использование межгруппового плана эксперимента (between-group design) со статистическим контролем. В противовес данной методологии, Скиннер использовал внутригрупповой план эксперимента (within-treatment group design), часто реализуемый в виде исследования единичного организма. Он предположил, что вариабельность вносит экспериментатор, и выдвинул требование не статистического, а экспериментального контроля (например, условий подкрепления). Благодаря использованию единичного организма, контролируемого экспериментальными процедурами, а также непринятию Скиннером статистики — включая средние по группе, дисперсии и т. п., — его подход оказался имеющим мало общего с подходами большинства других психологов. Скиннера интересовало только раскрытие принципов, которые позволили бы с высокой точностью предсказывать поведение отдельного организма. Выявление тонких различий между средними больших групп не представляло для него интереса.

Скиннер опубликовал результаты своих ранних исследований в форме книги; однако когда его ученики пытались опубликовать свои работы в академических журналах, их исследования, как правило, не принимались: издатели были не знакомы с данным подходом и не были готовы принять то, что они не

понимали. Кумулятивные графики были для них также непривычными[1]. В результате последователям анализа поведения пришлось основывать собственные журналы.

Вводя свои революционные процедуры, Скиннер, вероятно, испытал более непосредственное влияние со стороны Т. Уильяма Крозьера (T. William Crozier, 1892-1953), физиолога из Гарвардского университета, чем со стороны Торндайка или Уотсона. Крозьер выступал за (а) изучение отдельного организма с целью определения изменчивости индивидуального поведения (отношений стимула и реакции как общей причины или описания поведения), в отличие от изучения экспериментальных воздействий при различных условиях и с соответствующим статистическим контролем; (б) изучение самого поведения, а не нервной системы; (в) изучение вариативности поведения организмов как функции изменений в окружающей среде и в организме; (г) установление эмпирических связей и отношений, в отличие от развития теории. Скиннер принял все четыре этих положения, но пошел дальше принципов, отстаиваемых Крозьером, который ограничивал их применение областью тропизмов примитивных организмов, таких как морские животные.

Работы Скиннера перекликаются с работами Дарвина, хотя последний, вероятно, послужил для него лишь косвенным источником влияния. Оба ученых подчеркивали роль отбора. Для Дарвина предметом отбора являлись биологические виды («условия выживания»); для Скиннера — реакции («условия подкрепления»). По мере того как организмы реализуют те или иные формы поведения, окружающая среда отбирает некоторые из них по их последствиям; иными словами, подкрепляемые формы поведения отбираются с повышением вероятности их повторения. Таким образом, как Дарвин, так и Скиннер рассматривали сложность как функцию естественных условий отбора. Скиннер (Skinner, 1989) утверждал, что естественным отбором можно объяснить лишь незначительную часть форм человеческого поведения и значительную часть поведения животных, однако формы человеческого поведения по большей части отбираются в результате подкрепления, в особенности со стороны культуры.

Скиннер отвергал любые ненаблюдаемые факторы, определяющие поведение, такие как внутренние побуждения, разум или компьютерный мозг. Как только функциональная зависимость в трехчленной ассоциации описана, контроль достигнут и анализ поведения можно считать завершенным. Стимул не вызывает и не запускает оперантную реакцию. Скорее, реакция «эмитируется» (is «emitted») в ответ на стимул (по мнению Скиннера, это при респондентном, или павловском, обусловливании стимул вызывает реакцию, и эта поведенческая реакция является эмоциональной). Это означает, что оперантная реакция просто появляется в координации со стимулом. Стимул не является причиной реакции; даже подкрепление не является причиной реакции. Скорее, подкрепление производит поведение, а научение состоит в заучивании последствий этого поведения. Именно на уровне последствий подкрепления достигается контроль, утверждал Скиннер, а не на уровне вызывающего реакцию стимула или внутреннего психического агента. Упорядоченность или закономерность поведения, учил он, может быть установлена путем тщательного анализа функциональных зависимостей. И не нужно никакой теории для порождения подлежащих проверке гипотез; ибо поведение само по себе будет служить ориентиром исследования.

ВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Скиннер считал свои работы в области вербального поведения наиболее важным из своих достижений. Вербальное поведение, утверждал он, осуществляется в соответствии с условиями подкрепления, как и другие формы поведения. Источником подкрепления является вербальное сообщество, к которому принадлежит говорящий. Речь не является продуктом внутреннего психического агента или компьютерного мозга, а слова не являются символами. Вербальное поведение отбирается и подкрепляется вербальным сообществом (Skinner, 1957).

Скиннер идентифицирует две основные функции речи. Когда некто говорит: «Подайте мне отвертку», его фраза получит подкрепление, если говорящему передадут требуемый инструмент. Эта форма речи появляется в самом раннем возрасте, когда ребенок просит, скажем, «куклу» и получает ее. Она получила название «треб» («mand») (от англ. *demand*, *требование*). Более распространенная форма имеет место, когда говорящий производит сигнальный (дифференцировочный) стимул, получающий подкрепление. Например, если некто говорит, что руководство пользователя компьютера написано запутанным языком, слушатель может дать подкрепление его фразе, говоря: «Да, мне знакома эта проблема. Большинство компьютерных руководств не проверяется на их понимание людьми, в результате они оказываются написанными запутанно». Сделанный человеку комплимент, замечание о погоде, вопрос о здоровье детей, философское утверждение или логический аргумент — все эти формы речи побуждают человека вступать в *контакт* с чем-то в его окружении, и по этой причи-

[1] Линия графика идет вверх при приросте реакций, как и в других типах графиков, однако в отличие от большинства других, она остается на том же уровне при нулевой реакции и снова поднимается вверх от этого уровня с каждой дополнительной реакцией.

не они получили название «такты» («tacts») (от англ. *contacts*, *контакты*). Ребенок показывает на лошадь и говорит «собака» («гав»), на что мать (или отец) отвечает: «Нет, это лошадь»; когда ребенок затем повторяет «лошадь» и слышит от родителя: «Да, правильно, это лошадь», родитель подкрепил реакцию ребенка соответствующим «тактом». Самоописание также включает такты, как в случае азартного игрока, жалующегося на свое невезение, или человека, восклицающего: «Надо же, как здорово я выгляжу в этом новом костюме».

Верплэнк (Verplanck, 1992) распространил понятие такта на вербализации, которые мы произносим вслух для себя, когда замечаем или наблюдаем что-либо. Такая вербализация есть *нотат (notate)* — мы делаем вербальное замечание (note). Два или более нотата могут составить новую единицу (unit), называемую *нотантом (notant)*. Нотант указывает на характер отношений между нотатами. Например, я говорю себе: «Мусорная корзина переполнена», где «мусорная корзина» и «переполнена» являются нотатами, которые указывают на отношения друг к другу. Ряд экспериментов показал важность нотантов в том, что касается замещения научения через инсайт («insight» learning). В этих экспериментах была также продемонстрирована роль нотантов в научении без «осознавания» («awareness»), а также их ключевая роль в других ситуациях.

В диалогах вступают в действие «интравербы» («intraverbals»). Последующая за исходным высказыванием собеседника А вербальная реакция собеседника Б является интравербом и подкрепляет исходное высказывание А; она также является сигнальным (дифференцировочным) стимулом (S^D) для последующего интравербального высказывания А, подкрепляющего предыдущее интравербальное высказывание Б. Это взаимное подкрепление продолжается на протяжении всего диалога и может прерваться с появлением какого-либо другого типа сигнального (дифференцировочного) стимула, например, вступления в диалог нового лица, боя часов, указывающего на то, что время истекло, и т. д. Объекты являются стимулами для тактов, а слова являются стимулами для других слов, выступающих в качестве интравербов.

Скиннер описывает ряд других типов вербального поведения, однако в данном разделе достаточно будет кратко рассмотреть процесс угашения вербальных реакций. Согласно результатам исследований, посвященных процессам подкрепления и угашения, если некто желает вызвать угашение раздражающего его вербального поведения другого лица, он просто отказывает ему в подкреплении (например, прекращая кивать или поддакивать в ответ) до тех пор, пока разговор не обрывается. Скиннер признает, что иногда эта процедура не приводит к желаемому результату, поскольку для человека является подкреплением и собственная речь. Для публикации работ, посвященных вербальному поведению, в 1985 году был основан журнал «Анализ вербального поведения» (Analysis of Verbal Behavior).

В вербальном поведении инструкции говорящего стимулируют поведение слушателя, которое слушатель ранее никогда не демонстрировал и которое поэтому не могло получать подкрепления. Аналогично информационные высказывания (informational sentences) выступают для слушателя в качестве условий подкрепления (contingencies), с которыми он никогда ранее не сталкивался. Изучению этих вопросов посвящены исследования «поведения, определяемого правилами» («rule-governed» behavior), — области, ставшей одной из наиболее важных областей исследования в анализе поведения. Правила — это такие вербальные стимулы, как советы, приказы, законы или инструкции (Skinner, 1969). Правила могут быть самоинициированными, как это, например, имеет место в случаях, когда человек думает о том, как сделать нечто определенным образом, и его мысли служат в качестве правил, инициирующих и направляющих его поведение. Правила исходят от самого человека или от вербального социального сообщества и управляют его поведением, указывая, какие формы поведения ведут к получению подкрепления. Например, человек может сказать себе: «При измерении размеров этой доски я должен учесть допуск на толщину пропила, так чтобы окончательный размер доски был достаточно большим». Это правило определяет, каким должно быть поведение, когда будет производиться замер доски, а также последствия данного поведения. В тех случаях, когда инструкции исходят от другого лица, принцип остается тем же. Поскольку люди формулируют собственные правила и следуют им, определяемое правилами поведение включает и мышление, что распространяет анализ поведения на область более сложных поведенческих событий (Zettle, 1990).

Поведение, определяемое правилами, не требует условий подкрепления (contingencies) и может быть противопоставлено поведению, определяемому условиями подкрепления, (contingency-governed behavior), с его четко обозначенными подкреплениями, которых оно *обязательно* требует. Поведение, определяемое правилами, формируется вербальными описаниями условий подкрепления, а не реальными условиями. Скиннер полагал, что определяемое правилами поведение играет в жизни людей более важную роль, чем поведение, определяемое условиями подкрепления. Эта точка зрения нашла подтверждение в исследовании (Lowe & Horne, 1985), в ходе которого люди формулировали правила для подкрепления, используя которые они могли получать подкрепления, избегая программируемых условий; они также были способны передавать содержание правил другим. Хотя определяемому правилами поведению ранее не придавалось особого значения, в настоящее время ему уделяется все большее внимание.

Андресен (Andresen, 1992) утверждает, что система Скиннера обеспечивает базис для анализа речи (language) с учетом контекста высказываний, в отличие от распространенных в настоящее время лингвистических теорий, анализирующих речь как языковые структуры, независимые от контекста, в котором фактически осуществляется речевое поведение. Для большинства лингвистов речь (language) — это код коммуникации, в ходе которой говорящий кодирует сообщение, а слушатель декодирует его. Андресен указывает на то, что анализ дискурса (discourse analysis), напротив, трактует речь (language) как социальную интеракцию и включает понятия, совместимые с понятиями анализа поведения. По ее мнению, специалисты по анализу дискурса и овладению родным языком, наряду со специалистами по анализу поведения, «удачно позиционированы» и «имеют все необходимое для того, чтобы способствовать формированию тем, обещающих стать предметом наиболее интересных научных дискуссий в 90-х годах» (p. 15). И те и другие рассматривают речь (language) как живой акт, осуществляемый в социальном контексте, а не как статическую структуру.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Вопрос контроля

В своем романе *«Уолден два» (Walden Two)* Скиннер приводит иллюстрацию того, что он понимает под контролем. Слово «контроль» для некоторых людей звучит как авторитарное условие. Скиннер отмечает, что контроль осуществлялся всегда, по большей части посредством страха перед наказаниями. В романе Скиннера люди контролируются посредством их окружения, которое они сами формируют. Именно такую форму контроля Скиннер считает характерной для любых ситуаций. Он также признает, что контроль имеет двусторонний характер. Даже при оперантном обусловливании у животных реакции животного контролируют действия экспериментатора. Такая точка зрения нашла отражение в комиксе, в котором две крысы, помещенные в экспериментальный ящик, разговаривают между собой. Одна говорит другой: «Мне точно удалось установить контроль над этим парнем. Каждый раз, когда я нажимаю на рычаг, он дает мне порцию пищи».

Скиннер говорит, что развитие им анализа поведения явилось результатом воздействия условий внешней среды, отбиравших и подкреплявших различные формы его деятельности, которые, в свою очередь, охватывали его теоретическую работу, исследования, литературное творчество и устное изложение его системы. В этой длинной последовательности поведенческих событий все новые успехи в анализе поведения животных являлись подкрепляющими стимулами, которые постепенно формировали его собственное поведение в процессе подкрепления и формирования поведения исследуемых им животных.

Человек может также контролировать самого себя. Художник, который обнаруживает, что ему тяжело работать по утрам, переходит на режим работы в более поздние часы, что оказывается для него результативнее. В более сложном случае человек, который хочет бросить курить, стремится избежать воздействия как можно большего количества влияющих на него сигнальных стимулов (S^D), например, избегая общества других курильщиков, не держа сигареты под рукой, не засиживаясь за столом после еды, а также вводя для себя такие новые подкрепляющие факторы, как поощрение окружающих, откладывание «сигаретных» денег в стеклянную банку, чтобы видеть, как растет сумма, предназначенная для долгожданной покупки, а также обеспечивая себе регулярные самоподкрепления за отказ от курения (позволяя себе смотреть телевизор, делая себе подарки и т. д.). Иными словами, мы можем контролировать себя путем отбора сигнальных (дифференцировочных) стимулов и подкрепляющих факторов.

Некоторые, возможно, считают контроль проявлением тирании и хотели бы вовсе отказаться от него. Тем не менее дети должны находиться под контролем своих родителей, школьники — учителей, а взрослые граждане — правовой системы. Наши действия контролируются погодными условиями и нашей культурой. Основной вопрос, с точки зрения Скиннера, состоит не в том, следует ли нам пытаться устранять контролирующие нас условия, а в том, как мы можем изменять эти условия с пользой для себя. Нам необходимо изменять не отдельных людей, а мир, который является источником контроля. «Человеческое поведение контролируется не путем физических манипуляций, а посредством изменения условий среды, функцией которых оно является. Контроль носит вероятностный характер. Организм не принуждается действовать определенным образом; он просто ставится в условия, повышающие вероятность желательных действий» (Skinner, 1973, p. 259).

Но кто будет осуществлять изменения в мире? Кто будет контролировать? Кто будет ставить цели? Скиннер полагает, что в демократическом обществе такие решения будут направлены на благо людей: контроль будет достаточно взаимным, чтобы его результатом стало гуманное, а не тоталитарное общество. Квэйл (Kvale, n. d.) отмечает, что «анализируя двусторонний характер контроля, Скиннер упускает из виду асимметрию, наличием которой характеризуются отношения контроля. Хотя рабовладелец и раб взаимно контролируют друг друга, это не означает, что они обладают равными возможностями для контроля» (p. 11).

Даже положительное подкрепление может включать лишение того, что должно предоставляться вза-

мен контролирующим лицом. С целью избежать таких лишений, осуществляемых в принудительной форме, можно настаивать на том, чтобы подкрепляющие факторы ограничивались теми из них, которые носят естественный характер, а не являются навязанными (Sidman, 1989). Мы не должны лишать ребенка игрушки, давая ему ее лишь за то, что он ведет себя должным образом. Мы должны подкреплять лишь желательные формы поведения, но подкрепление должно быть по большей части социальным, каковым является одобрение социально желательных форм поведения. Другие подкрепляющие факторы могут носить специфический характер и предназначаться для специфических форм поведения: мы можем сводить ребенка в кино за то, что он убрал листья в саду. В этом нет искусственного лишения, а принуждение сведено к минимуму. Если обе стороны взаимно согласны на такие условия, это является формой поведенческих контрактных отношений.

Скиннер утверждает, что если мы будем управлять поведением согласно научным принципам анализа поведения, мы сможем остановить загрязнение окружающей среды, снизить уровень перенаселения, улучшить условия жизни, укрепить здоровье лиц всех возрастных групп, прекратить войны, культивировать красоту и развитие искусств, создать благоприятные и эффективные условия работы для всех и привести человечество к счастью и процветанию. Использование управления поведением (behavior management) избавит нас от механической жизни (automatons) и внешнего диктата и позволит нам создать «мир, в котором люди будут чувствовать себя более свободными, чем когда-либо, потому что они не будут находиться под аверсивным контролем» (Skinner, 1975, p. 47). Неэффективные способы положительного подкрепления также должны будут уступить место высокоэффективным способам для развития здорового общества.

В конце жизни Скиннер опубликовал книгу «Самоуправление интеллектуальной сферой в пожилом возрасте» («Intellectual Self-Management in Old Age», 1983), в которой он наметил несколько путей укрепления ослабевающих интеллектуальных способностей, в особенности вербальной памяти (verbal recall). Одним из таких средств является условие просто держать под рукой записную книжку, чтобы записывать все, что может оказаться забытым. Он также полагает, что режим подкрепления с «растянутой изменяющейся пропорцией» («stretched variable ratio») также полезен для некоторых видов деятельности: в пожилом возрасте подкрепление может быть более редким, поскольку у человека, скажем, меньше друзей и коллег, с которыми ему интересно разговаривать; однако он все равно может продолжать наслаждаться интеллектуальным общением и другими аналогичными видами деятельности, если адаптирует себя к пониженной частоте подкреплений в таких ситуациях.

Разум и мозг

В целом Скиннер отвергает любые формы различения внутреннего — внешнего, хотя он иногда проявляет непоследовательность, говоря о внутренних событиях как лишенных систематического подкрепления, которое получают внешние события (1963). Если мы будем рассматривать поведение как функцию разума, сознания либо другого психического агента или силы, мы должны будем объяснить природу этой силы. «Ставящий нас в тупик вопрос о том, как физическое событие может являться причиной психического события, которое, в свою очередь, вызывает физическое событие, продолжает нуждаться в ответе либо в признании невозможности ответа на него» (Skinner, 1974a, p. 211). Если мы перейдем к непосредственному рассмотрению поведения и контролирующих его условий, утверждает он, мы не будем нуждаться в дальнейших объяснениях. Там, где анализ поведения рассматривает влияние наказаний на поведение, менталистская психология, в противоположность ему, прибегает к постулированию тревоги: наказания порождают тревогу, которая порождает поведение. Но в этом случае сама тревога требует объяснения, а менталистская психология такого объяснения не дает.

Скиннер (Skinner, 1989) находит, что термин «разум» имеет три значения: место, где происходят события; орган, решающий проблемы и реализующий внешние формы поведения; и исполнитель деятельности. Именно последнюю функцию деятеля, «реализатора когнитивной обработки», подчеркивает когнитивизм. «Разум воспринимает мир, организует данные органов чувств в значимые целостности и обрабатывает информацию. Он является удвоением индивида...» (p. 17), поскольку его разум, а не сам индивид, выполняет все эти действия. И все же, отмечает Скиннер, мы можем говорить только о том, что *индивидуум* думает, понимает, принимает на веру и т. д., вместо того чтобы приписывать эти формы поведения самостоятельно существующему разуму, являющемуся удвоением индивидуума. В действительности, настаивает Скиннер, «когнитивные процессы — это поведенческие процессы; это то, что люди делают» (p. 17). Люди, а не их разум, являются деятелями. Прослеживая эволюцию менталистских терминов, он обнаруживает, что они первоначально относились к поведению или к ситуациям, в которых осуществляется поведение.

Разум часто замещается мозгом или центральной нервной системой (ЦНС) либо рассматривается как их продукт. Скиннер называет это понятие ЦНС (CNS, central nervous system) «концептуальной нервной системой» (CNS, «conceptual nervous system»), поскольку она не имеет базиса в наблюдении. То, что мы наблюдаем в нервной системе, это электрохимические импульсы, гормональная и метаболическая активность и другие биологические события. Мы не можем наблюдать обработку информации, мышление, воспоминания, сновидения, цвета или репрезентации

мира. Какой бы степени полноты ни достигла наука о мозге, она никогда не сможет объяснить, как возникает и изменяется человеческое поведение. Однако только наука о мозге, считает Скиннер, сможет объяснить, что происходит между стимуляцией и реакцией, а также между последствиями поведения и его изменением. Полный отчет об этих событиях могут дать нам «совместные усилия этологии, науки о мозге (brain science) и анализа поведения» (Skinner, 1989, p. 18).

Скиннер называет представление о том, что мир репрезентируется внутренне, «теорией копирования» («copy theory»). Иными словами, согласно этой теории, существует внешний мир, являющийся копией внутреннего мира. И все же, отмечает он, если нам удастся каким-то образом поместить клетки мозга в проявитель и получить образ, подобный фотографии, проблема станет еще более неразрешимой:

> «...поскольку нам придется снова вернуться в начальную точку и спросить себя, каким образом организм видит изображение в затылочной коре... Признание наличия следа стимула в телесном субстрате нисколько не приблизит нас к объяснению того, каким образом организм реагирует на стимул. Наиболее удобным — и для организма, и для психофизиолога — будет вариант, при котором внешний мир вообще не копируется — если считать, что мир, который мы знаем, это просто мир вокруг нас» (1963, p. 954).

И далее:

> «В какой-то момент организм должен будет сделать нечто еще, кроме создания копий. Он должен будет видеть, слышать, ощущать запах и т. д.; при этом зрение, слух и обоняние должны быть формами действия, а не репродуцирования» (p. 954).

Скиннер отмечает, что представители менталистской психологии обычно предполагают репрезентацию в концептуальной нервной системе прежде всего зрительных событий. Они значительно реже высказывают предположение о том, что звуки симфонического оркестра, которые мы слышим, исходят от внутренних репрезентаций оркестра, а не от самого оркестра, и еще реже, что внутренне копируются тактильные ощущения.

Поскольку представители когнитивной психологии полагают, что разум является тем, что мозг *делает*, они пытаются обнаружить репрезентации, хранилища памяти, чувства, рассуждения и т. д. в данном органе. До сих пор им не удалось обнаружить эти события «ни интроспективно, ни с помощью инструментов и методов физиологии» (Skinner, 1990, p. 1206), и вряд ли удастся это сделать, поскольку, как отмечает он, нервная система не может являться причиной самой себя.

Теория копирования распространяется также на память. За этим стоит предположение, что копии событий, с которыми мы сталкиваемся или которые мы заучиваем, записываются в хранилище психической памяти (mental memory store), а затем извлекаются оттуда. Скиннер считает, что эта точка зрения основана на неудачной аналогии с ящиками, библиотеками, складами и т. п. Анализ поведения не содержит никаких предположений о том, что нечто хранится в организме или пропадает в нем. Условия подкрепления просто изменяют организм.

> «Стимулы, которые встретятся в будущем, произведут эффект, если они будут напоминать стимулы, являющиеся частью ранее встречавшихся условий: случайный стимул может «напомнить» индивидууму о месте или событии, если для него этот стимул имеет некоторое сходство с данным местом или событием. Получить напоминание означает быть побужденным с большой вероятностью отреагировать, возможно, перцептивно» (Skinner, 1974a).

Вспоминая нечто, мы не извлекаем воспоминания из места хранения, а располагаем некоторой вероятностью произвести соответствующую реакцию.

Для когнитивиста, утверждает Скиннер, мышление есть продукт не поддающегося объяснению разума. Но для него самого мышление — это поведение. По словам Рэклина (Rachlin, 1991b), «то, что мы думаем и чувствуем, это не причины действий индивидуума, но сами по себе паттерны действий» (p. 455). Именно они, с точки зрения специалиста по анализу поведения (например, Homme, 1965), поддаются контролю посредством условий подкрепления, как и любые другие формы поведения.

Теория и метатеория

Непринятие Скиннером теории было направлено прежде всего против всеобъемлющих теорий научения 1940-х и 1950-х годов, особенно когда их сторонники выводили *дедуктивные заключения* (deductions) из своих теорий и пытались подвергнуть их проверке. Он считал, что такие теории и их экспериментальная проверка могут только завуалировать истинные контролирующие условия, которые могут быть выявлены лишь в результате экспериментальных исследований индуктивного типа, подобных тем, что привели его самого к обнаружению принципов оперантного обусловливания. Мы можем сказать, что тем самым Скиннер выдвигает метатеорию, теорию теории, а не теорию актуального поведения. Различное поведение лишь описывается и систематизируется в виде обобщений или принципов.

Гипотетическая дедукция в противовес эмпирической индукции

Эмпирический и *индуктивный* подход противопоставляется *гипотетическим* и *дедуктивным* подходам, характерным для таких систем, как когнитивная психология и методологический бихевиоризм (см. с.171) 1940-х и 1950-х годов. Последние обычно начинают с теории, а затем выводят гипотетическое структурное условие, которое объясняет поведение: внутреннее побуждение (drive), компьютерный мозг, инстинкт, разум. Такие структуры представляют собой промежуточные переменные, которым отводится положение между окружающей средой и поведением с целью объяснения этого поведения. Однако для специалиста по анализу поведения эти структуры или промежуточные переменные, в свою очередь, также нуждаются в объяснении. Вместо того чтобы вводить подобные абстракции, он находит более последовательным и эффективным обращение непосредственно к поведению и его функциональным связям с окружающей средой. В анализе поведения используются эмпирические (экспериментальные) методы для идентификации и описания таких функциональных связей. Процедуры вывода гипотетических структур он отвергает как ненаучные, как отвергает по большей части и формальное теоретизирование — теория и гипотетические структуры, с его точки зрения, часто действуют заодно, препятствуя развитию психологии как науки.

Механицизм в противовес контекстуализму

Специалисты по анализу поведения расходятся между собой по многим вопросам. Один из них — роль условий сеттинга, или контекста (Kantor, 1970). В президентском обращении к Ассоциации анализа поведения Моррис (Morris, 1992) попытался обосновать необходимость добавления контекста к трехчленной ассоциации. Контекст обеспечивает специфицирующие факторы (specifying factors), которые оказывают влияние на поведение в тех случаях, когда сама по себе трехчленная ассоциация не может оказать такого влияния; тем самым устраняется необходимость в привлечении менталистских конструктов, «как-то репрезентации, хранилища и опосредование, вводимых с целью объяснения вариабельности стимульного контроля» (p. 18). Марр (Marr, 1993) однако, отвечая Моррису, указывает на то, что анализ поведения всегда был контекстуальным (contextualistic), как, впрочем, и механистическим, и ему нет никакой необходимости отказываться от механицизма. Шалл и Лоуренс (Shull & Lawrence, 1993) соглашаются с Марром и находят, что механистический подход, свойственный анализу поведения, как раз и является тем самым средством определения контекстуальных стимулов, ни один из которых не был обнаружен во всех прочих контекстуальных программах.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

Как и большинство основателей или лидеров других систем, Скиннер никогда не приводил списка своих исходных предположений, однако Делпрато и Миджлей (Delprato & Midgley, 1992) изучили его работы и составили такой список. Приводимый ниже перечень частично основан на данной работе. Обратите внимание, что постулат 7 кажется противоречащим недуалистической позиции метапостулата 3 (метапостулаты являются допущениями, носящими более общий характер, чем постулаты). Скиннер также возражает против различения внутреннего и внешнего, утверждая, что кожа — это не граница, хотя в других местах он специально подчеркивал необходимость такого различения. Постулаты 4 и 5 в равной мере противоречивы.

• *Метапостулаты* (поддерживающие допущения для конкретной науки):

1. Основная цель психологической науки заключается в предсказании и управлении (контроле).

2. Предметом психологической науки является исключительно поведение.

3. Психофизический дуализм не имеет под собой основания, поскольку существует лишь физический мир.

4. Окружающая среда есть единственная причина всякого поведения.

• *Постулаты* (допущения, относящиеся к предмету изучения):

1. Среда определяет поведение через отбор по последствиям.

2. Поведение детерминированно и закономерно.

3. Поведение потенциально сводимо к биологии и, в конечном счете, к химии и физике.

4. Поведение нельзя сводить к биологии.

5. Личные (скрытые) и публичные (открытые) события обладают однородными физическими измерениями.

6. Внешние (публичные) события, в отличие от внутренних (личных) событий, последовательно (непротиворечиво) подкрепляются.

7. Поведенческие изменения, вызываемые условиями подкрепления, имеют биологическую природу.

8. Методология функционального анализа соотносит средовые независимые переменные с поведенческими зависимыми переменными.

9. Поведение можно разделить на два основных функциональных класса: респондентное и оперантное.

10. Оперантное поведение может контролироваться предшествующими стимулами.

11. Оперантное поведение может быть наиболее адекватно описано с помощью следующих трех терминов: сигнальный или дифференцировочный сти-

мул, оперантная реакция, подкрепляющий стимул; и наиболее адекватно понято как функциональные отношения между ними.

Большинство данных положений с очевидностью вытекает из предшествующего изложения, однако нуждается в эксплицитной формулировке. Наличие постулатов, с очевидностью не согласующихся между собой, делает такую экспликацию особо важной. Эксплицитное изложение постулатов также важно при сравнении фундаментальных проявлений сходства и различий между любыми двумя системами, поскольку разногласия между ними часто касаются вопросов, не затрагивающих фундаментальные предпосылки, лежащие в основе обеих различающихся позиций.

Метапостулат 1, вероятно, является утверждением, под которым подпишутся лишь немногие представители других систем. Многих психологов интересуют не предсказание и контроль, а такие разнообразные цели, как количественное, словесное или схематическое описание событий; подтверждение или опровержение гипотез; индивидуальные или субъективные смыслы событий и / или статистические сравнения, подобные проводимым в опросных исследованиях. Тем не менее предсказание и контроль остаются полноправными, пусть и не единственными, целями психологии.

СФЕРЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Принципы. Прикладной анализ поведения сталкивается с бóльшим количеством проблем, чем экспериментальный анализ поведения. Специалист по анализу поведения может выбрать реакцию, которую удобно регистрировать и анализировать, такую как клевание диска или нажатие на рычаг, однако условия, определяющие поведение в прикладных сферах, часто являются социальными по своей природе и с трудом поддаются контролю, а реакции оказывается труднее измерить (Krapfl, 1977).

Несмотря на эти и другие проблемы, прикладной анализ поведения явился наиболее эффективным средством контроля поведения, предложенным психологией; при этом его эффективность также поддается надежной количественной оценке, на что могут претендовать лишь немногие другие подходы. Для обеспечения измерения эффективности нужно только измерить фоновый уровень реагирования до введения оперантных процедур, чтобы его можно было сравнить с уровнем реагировании при подкреплении. Прикладные методы анализа поведения являются одновременно методами исследования, а методы исследования (управление условиями или подкреплением) — методами решения прикладных задач (Willems, 1977). «Тесная координация между моделью воздействия (treatment model) и исследовательским процессом придает анализу поведения завидную долю эксплицитности, строгости и точности» (Willems, p. 9).

Принципиальным достижением оперантного научения является возможность разбить деятельность на такие мелкие элементы, которые поддаются наблюдению, регистрации и контролю. Если мы хотим помочь человеку с тяжелой формой умственной отсталости научиться самостоятельно принимать пищу, мы можем выделить необходимые для этого сигнальные (дифференцировочные) стимулы, серию подлежащих отбору реакций, а также набор подкреплений и начать процесс. В результате серии последовательных приближений принятие пищи этим человеком приблизится к нормальному самостоятельному питанию. Прикладному анализу поведения удалось достичь успеха в тех областях, где любые другие подходы оказываются бессильными. Его практическое внедрение требует наличия подготовленного наблюдателя, который бы регистрировал адекватные реакции, и опытного помощника, обеспечивающего условия подкрепления.

Ракеты, управляемые голубями. Один из наиболее впечатляющих примеров оперантного обусловливания может послужить яркой иллюстрацией к характеристике, данной Виллемсом (Willems). Он связан с военным проектом, в рамках которого голубей обучали клевать на экране изображение цели, в то время как ракета, в которой находился голубь, приближалась к данной цели (Skinner, 1960). К клюву птицы прикреплялся металлический наконечник, который при клевании замыкал электрические контакты, тем самым направляя ракету к цели. Голуби должны были клевать постоянно (consistently) и в достаточно высоком темпе, так чтобы ракета поддерживала заданный курс, а также должны были отличать цель от изображений других объектов. Голубей удавалось обучить делать это с высокой степенью надежности. Однако на практике голубей так никогда и не использовали для направления полета ракет; были разработаны электронные системы наведения, так что технология с использованием голубей была списана как устаревшая. Для них это было только к лучшему, поскольку обратного маршрута их путешествие не предполагало.

Психоанализ. Многие люди, представляющие различные профессиональные области, которые никогда не приняли бы точку зрения, что анализ поведения охватывает всю сферу психологии, тем не менее способствовали успешному применению его методов на практике. Можно привести пример, когда автор присутствовал на собрании, на котором члены коллегии — преимущественно философы — дали резко негативную оценку бихевиоризма. Представитель аудитории, назвавший себя психоаналитиком, выступил в защиту анализа поведения. На первый взгляд должно казаться весьма маловероятным, что психо-

анализ может выступить в качестве союзника бихевиоризма, однако в действительности современный психоанализ все более активно использует техники модификации поведения в сочетании с собственными психотерапевтическими процедурами. Этот человек заявил, что в его практике были случаи, когда он не мог контролировать или изменить определенные формы поведения с помощью традиционных психоаналитических приемов. Он нашел целесообразным использование оперантного обусловливания в дополнение к психоанализу с целью обеспечить более эффективную терапию для своих пациентов.

Обучающие машины. Инновации — еще один важный пример использования анализа поведения для решения реальных жизненных задач. В 1920-х годах Сидни Пресси (Sidney Pressey) разработал первую настоящую обучающую машину, которая, однако, не предлагала обучающемуся новой информации. Вместо этого ученик должен был выучить материал, прежде чем использовать машину (Ludy, 1988). Это была скорее *тестирующая*, чем *обучающая* машина. Скиннер ввел в ее функционирование предъявление новой информации в форме предложений, требующих завершения. Информация подавалась такими мелкими порциями, что реакции на нее почти всегда были правильными, а правильные ответы служили подкреплением для обучающегося. Подкрепление следовало немедленно вслед за реакцией. Скиннер предпочел данную систему использованной Пресси схеме множественных выборов (multiple choices), содержащей ряд вводящих в заблуждение неверных вариантов ответов и один правильный ответ. Скиннер назвал свою систему «программированным обучением». При такой системе каждый ученик может работать в собственном темпе и не подвергается риску ошибиться или предстать в неприглядном свете. Педагог обеспечивает ученику регулярную обратную связь и может вносить изменения в процесс. Данный метод оказался наиболее эффективным для простых учебных задач. Другие исследователи разработали программы, включающие *разветвления (branching)*, когда ученик может выбрать любое направление развития изучаемой темы, какое захочет. В этом случае используется несколько иная форма подкрепления.

Метод программированного обучения встретил значительное сопротивление; при этом его критика была в основном неоправданной или основывалась на непроверенных обвинениях, касающихся его отрицательных характеристик. Метод начал выходить из употребления после 1962 года (Ludy, 1988). Рэй (Ray, 1995) разработал компьютеризированную программу обучения оперантному обусловливанию, в которой темп обучения и уровень развития навыков может быть адаптирован к каждому конкретному студенту. Ему удалось преодолеть некоторые или даже большинство недостатков, служивших объектом критики предыдущих программ.

Обусловливание в сообществах. Одной из наиболее известных книг Скиннера является его роман «Уолден два» (Skinner, 1948), название которого перекликается с «Уолденом» Генри Дэвида Торо и его жизненным экспериментом. В этой книге Скиннер рисует утопическое общество, построенное на принципах положительного подкрепления и полностью отказавшееся от наказаний, в котором для всех членов созданы благоприятные условия жизни. Было предпринято несколько попыток формирования сообществ, основанных на предписаниях Скиннера, однако наиболее близкой к описанным в его романе принципам являлась община, основанная в Лос-Горконес на севере Мексики. Члены этой общины попытались создать общество, построенное на принципах сотрудничества, равенства и обобществления собственности, и сформировать правительство, принимающее решения на основе консенсуса, в достижении которого участвовало практически все взрослое население (Los Horcones, 1989). Они считали себя исследователями в области поведенческих наук, что проявлялось в том, что они регулярно собирали и публиковали материалы о собственном поведении и обзоры поведенческих принципов. Согласно сообщению в газетной статье (Rother, 1989), Скиннер был весьма доволен результатами, особенно приятное впечатление произвел на него общительный и доброжелательный характер детей, а также научный характер начинания.

Соседские дети. На неформальном уровне неподготовленные люди, понимающие, что положительное отношение к окружающим лучше отрицательного, успешно используют оперантное обусловливание. В пригороде Лос-Анджелеса, Уоттсе (Watts), многие жители которого живут на пособие, Стэн Майлс (Stan Myles) основал в 1965 году местный клуб хороших парней (Neighborhood Good Guys Club). Вместо того чтобы отчитывать соседских детей за то, что они бьют бутылки на заднем дворе его автомобильной мастерской, он начал угощать их кока-колой и обещал, что каждый из них может заработать десять центов, если уберет битые бутылки. Он начал раздавать мелочь и подарки детям за опрятный внешний вид, хорошие отметки, послушание матерям, отказ от участия в драках и другие формы социально желательного поведения. Помимо того, что его новации способствовали улучшению поведения детей, его мастерская перестала подвергаться актам вандализма, а также резко сократилось число краж из его склада.

Время, проводимое у телевизора, и снижение веса. Рэклин (Rachlin, 1980) приводит пошаговые рекомендации, благодаря которым ему удалось помочь одному человеку как сократить время, проводимое у телевизора, так и снизить свой вес. В обоих случаях использовались следующие одиннадцать шагов:

(1) определить исходный уровень и обратную связь;

(2) разорвать порочный круг (изменить ряд действий, обеспечивающих подкрепление нежелатель-

ных тенденций, в данном случае — сидения у телевизора и переедания);

(3) обеспечить контроль стимулов;

(4) увеличить альтернативные вознаграждения;

(5) поставить цели;

(6) отобрать сигналы (ввести сигналы, обозначающие подкрепление, получение которого в противном случае не было бы очевидным; например, фиксировать снижение потребляемых калорий, даже если снижение веса не последует немедленно);

(7) снизить уровень обратной связи (начать опираться на вновь сформированные привычки, а не на искусственную ситуацию);

(8) встретить рецидив (подготовить к практически неминуемому регрессу);

(9) возобновить обратную связь (помочь в преодолении рецидива);

(10) разработать окончательный вариант режима;

(11) заручиться согласием (часто в неявной форме) индивида придерживаться взятых на себя обязательств.

Применение этой процедуры привело к снижению времени просмотра телевизора до приемлемого и значительному прогрессу в контроле веса.

Обучение чтению, письму и счету. При Академии Монингсайд (Morningside Academy) в Сиэтле, штат Вашингтон, действует программа анализа поведения по обучению детей и взрослых навыкам чтения, письма и счета. Темпы развития детей таковы, что они проходят двухгодичную программу обучения за год, а взрослые — за месяц. Программа предусматривает дополнительную форму подкрепления, позволяющую участникам фиксировать в графической форме характер своих реакций и отслеживать свой прогресс. На основе данной программы разрабатываются методы обучения таким важным навыкам, как решение задач, аналитическое и креативное мышление (Johnson & Layng, 1992).

Заключение поведенческих контрактов. Анализ поведения позволяет клиентам самим выбирать средства для изменения своего окружения и контролировать свою жизнь, освобождая их от аверсивного контроля, путем установления «поведенческих контрактных отношений» (Homme & Csany, 1967; Kirschenbaum & Flanery, 1983). При этом вместо навязывания терапевтом клиенту условий подкрепления, часто даже не ставя в известность об этом самого клиента, практикующий данную систему терапевт и клиент в процессе обсуждения достигают согласия в отношении того, к каким последствиям будут приводить те или иные формы поведения. Например, родитель и ребенок могут заключить соглашение (контракт), что если каждый день ребенок будет убирать постель и содержать в порядке свою одежду, ему будет разрешено делать нечто из того, что он хочет. Поскольку контракт — это вербальное соглашение, включающее правила, определяющие, к каким последствиям ведут определенные формы поведения, он является «определяющим правила» («rule-governing»). Такой открытый и договорной подход к определению условий подкрепления является более этичным, чем негласное их изменение; он может положить начало направлению, ориентированному в большей степени на определяемые правилами и в меньшей степени на формируемые условиями подкрепления (contingency-shaped) формы поведения в терапии (Blackman, 1985).

Оценка профессиональной деятельности. В сфере бизнеса использование анализа поведения при оценке профессиональной деятельности позволило превратить эту процедуру из вызывающего страх события в конструктивное и психологически комфортное (Leduc, 1981). Благодаря обучению супервизоров быть конкретными с сотрудниками в отношении того, какие формы поведения от них ожидаются (избегая таких изысков, как «серьезное отношение» и «положительный настрой»), проведению оценки на непрерывной основе (а не раз в месяц или в квартал) и применению разнообразных форм поощрения соответствующего требованиям поведения, и сотрудники и супервизоры приходят к взаимному пониманию и поддержке, стремясь достичь и превзойти те цели, которые они совместно поставили. Заочные курсы для надзирателей исправительных учреждений (correctional supervisors) также используют эти принципы (Leduc, 1991).

Дрессировка животных. В рамках анализа поведения были разработаны эффективные методики дрессировки животных. С помощью приемов, получивших названия «формирование» («shaping») и «последовательное приближение» («successive approximation»), животных удается в короткие сроки обучить выполнению сложных действий. Формирование состоит в обеспечении подкреплений в тех случаях, когда поведение животного хотя бы отчасти лежит в направлении или совпадает по своей природе с желательными (целевыми) формами поведения. Выдача следующего подкрепления требует уже большего приближения к цели, и т. д. Например, если мы хотим, чтобы голубь летал по кругу, подкрепление дается в тех случаях, когда он делает плавные повороты. Следующее подкрепление дается, если угол поворота несколько увеличивается, а затем — еще более увеличивается. Опытный дрессировщик может добиться того, чтобы голубь сделал полный круг, лишь с помощью нескольких подкреплений. Одним из наиболее впечатляющих достижений Скиннера было обучение голубей играть в пинг-понг на специально спроектированном столе. Оперантная дрессировка животных использовалась в цирковом искусстве, в рекламе, при обучении обезьян помогать паралитикам, обучении голубей управлять ракетами (см. с. 178), обучении собак обнаруживать взрывчатые вещества и обучении морских животных спасать тонущих купальщиков и участвовать в представлениях.

Работа с животными также позволила обнаружить, что подкрепляемые реакции могут препятствовать оперантному обучению в тех случаях, когда они не совпадают с естественными способами, с помощью которых соответствующие виды животных добывают пищу. Например, при обучении поросят выполнять сложные задания, если оказывать на них слишком большое давление, они снова начинают пытаться получить пищу путем выкапывания, а еноты в аналогичной ситуации пытаются тереть или «мыть» жетоны, вместо того чтобы класть их в контейнер, что приводит к получению ими пищи (Breland & Breland, 1961).

Другие области применения. Другие области применения включают психотерапию (см. далее), обучение лиц с задержками психического развития, программы армейской подготовки, в которых положительное подкрепление заместило общераспространенное жестокое обращение в военных лагерях, разработку программ для трудных подростков, применение управления поведением в школе или на рабочих местах, изучение поведенческих последствий приема лекарств (психофармакология), лечение от заикания и тика, повышение посещаемости в школе, обучение страдающих шизофренией навыкам самообслуживания, введения «жетонной экономики» в тюрьмах и приютах для несовершеннолетних (систем, предполагающих зарабатывание жетонов или очков за желательные формы поведения), обучение страдающих от наркотической зависимости контролю за употреблением алкоголя и наркотиков и бесчисленное множество других. Публикацию прикладных методик осуществлял «Журнал анализа поведения» (Journal of Behavior Analysis) до 1968 года, когда специально для этих целей был основан «Журнал прикладного анализа поведения» (Journal of Applied Behavior Analysis). С тех пор появились и другие, еще более специализированные журналы, посвященные прикладным вопросам (такие, как «Журнал управления организационным поведением», Journal of Organizational Behavior Management, рассматривающий применение анализа поведения в коммерческих, промышленных и других организациях). Тридцатый выпуск издания, озаглавленный «Достижения модификации поведения», вышел в 1996 году (Progress in Behavior Modification) (Hersen, Eisler, & Miller, 1996).

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ТЕРАПИЯ

«Оставьте розги, используйте модификацию поведения» («Spare the rod, use behavior mod») — гласит лозунг, вынесенный в заглавие одного из выпусков журнала «Психология сегодня» (Psychology today). Этот лозунг точно отражает особенности, изначально заложенные в методе модификации поведения, — избежание наказаний и использование положительных подкреплений. К сожалению, впоследствии этот термин начал использоваться другими авторами по отношению к таким методам воздействия, как электрошок, психохирургия, одиночное заключение, применение медицинских препаратов для аверсивного обусловливания и прочие, основанные на принуждении и наказании методы контроля, против которых активно выступал Скиннер (Skinner, 1974b). Тем не менее Скиннер предпочел не отказываться от этого термина, используя его по-своему, хотя другие представители анализа поведения перестали употреблять его. Следует отметить, что Скиннер не был однозначно против аверсивной стимуляции. Он признает, что она может быть необходимой, например, в форме лекарств или ограничений для детей, страдающих аутизмом, которые в противном случае могли бы нанести себе увечья, а также в медицине и стоматологии, где улучшение здоровья достигается с помощью болезненных методов лечения (Griffin et al. / Skinner, 1988).

Подобно тому как многие специалисты по анализу поведения отвергают термин «модификация поведения», близкие последователи Скиннера обычно отвергают термины «психотерапия» и «поведенческая терапия». «Психотерапия» означает с их точки зрения терапию психе, что делает данный метод для них неприемлемым. Термин «поведенческая терапия» впервые был использован теми психологами, которые выводили свои бихевиористские концепции из методологического бихевиоризма, со свойственным ему теоретико-дедуктивным подходом, предполагающим промежуточные («когнитивные») переменные для объяснения поведения (см. с. 177); более того, специалисты по поведенческой терапии перенесли основной акцент своих теорий на промежуточные переменные. Это привело к тому, что многие представители анализа поведения стали отказываться и от данного термина, несмотря на то, что Скиннер продолжал использовать его. По-видимому, не существует общепринятого термина для обозначения типа терапии, предлагаемой прикладным анализом поведения. Поскольку термин «поведенческая терапия» широко употребляется и достаточно точно характеризует процедуры анализа поведения, он используется и в данной книге.

На ранних этапах развития поведенческой терапии критики этого метода, в особенности представители психоанализа, упрекали его в том, что он борется лишь с симптомами, а не с глубинными причинами. Далее, они утверждали, что в этом случае симптомы будут вновь проявляться в других формах. Впоследствии удалось показать, что оба этих критических замечания не имеют под собой реальных оснований, и сегодня процедуры подкрепления часто направлены непосредственно на устранение симптомов, иногда — в сочетании с другими процедурами, а иногда полностью самостоятельно. «Огромный вклад поведенческой терапии был изначально связан не только с совершенствованием клинической прак-

тики... но, в еще большей степени, с подчеркиванием роли строгой теории, экспериментального доказательства и клинической проверки» (Eysenck, 1970, p. 14). В ряде случаев «методы лечения были настолько детально разработанными, строго описанными и стандартизированными и были настолько приспособлены к использованию наиболее легкодоступных индивидуальных и средовых переменных, что даже неподготовленные люди могли легко использовать их без необходимости в профессиональной помощи» (Arzin, 1979, p. 7). Данное утверждение, однако, нуждается в оговорках. Использование методик поведенческой терапии неподготовленным персоналом в действительности может нанести вред. Например, при внезапном прекращении подкрепления с целью угашения самотравмирующих форм поведения пациентов может иметь место «прорыв угашения» («extintion burst»). Неосведомленный о такой возможности сотрудник увидев, что произошла внезапная активизация самотравмирующего поведения, иногда — в измененной форме, откажется от прекращения подкреплений, тем самым способствуя подкреплению самотравмирующего поведения в еще более тяжелой форме.

В Международном Руководстве по модификации поведения и поведенческой терапии (International Handbook of Behavior Modification and Therapy, Bellack, Hersen & Kazdin, 1992) содержатся главы, посвященные лечению тревоги, страхов, депрессии, шизофрении, нарушений здоровья у взрослых, злоупотребления алкоголем и наркотиками, тучности, курения, преступности и отклоняющегося поведения, сексуальных отклонений, межличностных дисфункций, обсессивно-компульсивных расстройств, семейных проблем, вредных привычек, задержек, аутизма, проблем поведения детей в семье, анализу поведения в школьном преподавании, лечению астматических проявлений, конвульсивных расстройств и ожирения у детей. В других книгах и специализированных журналах можно найти процедуры, направленные на лечение практически любых поведенческих проблем. Большинство из них требуют тщательной адаптации к конкретным лицам и ситуациям и строгого мониторинга. В ряду многих поведенческих проблем, высокая эффективность лечения которых методами поведенческой терапии подтверждается объективными данными, можно назвать депрессию (McLean & Hakstian, 1979), обсессивное и компульсивное поведение (Rachman & Hodgson, 1980).

Прикладные поведенческие методики включают такие различные процедуры, как фладинг, контробусловливание, формирование поведения (shaping) систематическая десенсибилизация, моделирование, и другие. (Далеко не все специалисты по анализу поведения используют полный набор перечисленных здесь методик и даже могут быть не согласны с тем, что они имеют отношение к анализу поведения.) *Фладинг* (методика наводнения) буквально затопляет (floods) клиента его тревогами до тех пор, пока через несколько сеансов они не угаснут. *Контробусловливание* предполагает подкрепление поведения, несовместимого с нежелательным поведением. *Десенсибилизация* часто сочетается с глубокой релаксацией. В случае фобии клиент и терапевт конструируют иерархию: от того, что вызывает наибольший страх, до того, что вызывает наименьший. Во время релаксации клиент представляет себе то, что вызывает наименьший страх, и если он ощущает тревогу, снова расслабляется. Постепенно двигаясь в своем воображении вверх по иерархии, используя процедуру релаксации, клиент в конце концов может без ощущения страха представить себе то, что вызывало наибольший страх в прошлом. Эта новая реакция легко распространяется на реальный вызывающий страх объект или ситуацию и используется также в реальной обстановке, а не только в воображении клиента. *Моделирование* часто используется при работе с детьми. Терапевт выступает в качестве ролевой модели, своего рода сигнального (дифференцировочного) стимула. Действия или слова терапевта служат для демонстрации ребенку того, что его собственное поведение, аналогичное поведению терапевта, будет иметь специфические последствия, а поведение, отличающееся от поведения терапевта, приведет к иным последствиям. Когда ребенок перенимает поведение терапевта, он получает подкрепление, приближаясь к цели терапии.

Несмотря на сопротивление использованию термина «модификация поведения» в отрицательном смысле, был разработан ряд методов терапии отвращением (не все специалисты по поведенческой терапии находят их приемлемыми), имевших значительный успех, иногда используемых в сочетании с другими процедурами. Проблемы, для работы с которыми применяются эти методы, включают самостоятельно вызываемую рвоту (self-induced vomiting), припадки (seizures), энурез, приступы чихания, функциональный или «истерический» паралич, писчий спазм, заикание и самотравмирующее поведение, при котором пациент может биться головой о различные предметы или кусать себя (Sandler & Steele, 1991). Удары электрического тока являются наиболее распространенным аверсивным стимулом; другие включают лимонный сок, аммиак, холодную воду, а в случае энуреза применяется формирование условного рефлекса на звук колокольчика по Павлову.

Оперантные процедуры, ранее использовавшиеся по отношению к отдельным людям, были распространены на сообщества людей и ситуации, включающие естественное окружение. Интерес к поведенческой терапии и прикладному анализу поведения растет во всем мире. На международных конференциях, проводящихся в различных странах, обсуждаются методики работы с разнообразными поведенческими проблемами, а также трудности, связанные с практическим применением и оценкой этих методик. Хотя по объе-

му публикаций среди всех форм психотерапии на первом месте долгое время находился психоанализ, в последние годы прикладной анализ поведения догоняет или даже превосходит психоанализ по количеству печатных материалов. Все прочие формы психотерапии имеют приблизительно равный уровень эффективности, за исключением поведенческой терапии, которая превосходит их по проценту успешных случаев лечения и предлагает более строгую и объективную оценку успешности своей работы.

СОПОСТАВЛЕНИЕ С ДРУГИМИ ПОДХОДАМИ

Когнитивная психология

Этой системе Скиннер (Skinner, 1990) посвятил наиболее острую критику. В своем последнем обращении, сделанном за несколько дней до смерти, он сравнил когнитивизм с теорией творения (creation science), религиозным верованием и активным общественным движением, стремящимся заместить эволюционное учение библейской версией божественного творения. Сравнение заключалось в том, что когнитивисты обращаются к «Я» (Self) в попытках объяснить поведение, так же как креационисты обращаются к Богу, пытаясь объяснить существование жизни и живых организмов. В одной из более ранних работ он утверждал, что «независимо от того, насколько ущербными являются бихевиористские объяснения, мы должны помнить, что менталистские объяснения не объясняют вообще ничего» (1974, p. 224).

Когнитивисты утверждают, что представители анализа поведения занимают излишне механистическую позицию, ограничивая область своих исследований поиском средовых контролирующих факторов, однако специалисты по анализу поведения возражают на это, что как раз не анализ поведения, а когнитивизм механистичен, поскольку первый рассматривает сферу взаимодействий, тогда как последний превращает организм в гипотетическую вычислительную машину. Моррис (Morris, 1992, 1993) предъявляет аргументы, свидетельствующие о неправомерности обвинения анализа поведения в механицизме, однако Делпрато (Delprato, 1993) утверждает, что эта система все же остается механистичной, а Марр (Marr, 1993) считает, что анализ поведения является механистичным и должен оставаться таковым.

Анализ поведения стремится идентифицировать средовые условия, и прежде всего подкрепители, контролирующие такое поведение, как мышление, воображение, верование (believing) и другие «личные» («private») формы поведения. Когнитивизм полагает, что «ментальные (психические) процессы» не являются формами поведения, но что они часто контролируют поведение; когнитивисты пытаются обнаружить такие «ментальные процессы» с помощью косвенных методов, таких как эксперименты, и вывести их логически, опираясь на аналогии с компьютерами, голограммами и другими техническими устройствами. Анализ поведения полагает, что «личные» формы поведения основаны на подкреплении, как и любые другие. Хотя мышление, которое само является одной из таких форм поведения, может оказывать влияние на другие формы поведения и являться частью причинно-следственных отношений, оно не инициирует поведения (Zettle, 1990). Если бы оно инициировало поведение, оно должно было бы инициировать и собственное функционирование, не испытывая влияний средовых факторов, утверждает специалист по анализу поведения; строго научный анализ должен быть направлен на выявление контролирующих стимулов, ответом на которые становится мышление, в свою очередь оказывающее влияние на другие формы поведения. Когнитивизм же, напротив, объясняет мышление, приписывая воздействующую силу гипотетическим структурам, имеющим либо биологическую, либо нефизическую, психическую природу.

Когнитивизм полагает, что окружающая среда состоит из информации, которую организм преобразует, интерпретирует, очищает, фильтрует, сжимает, хранит, извлекает и обрабатывает. Эти гипотетические события не являются формами поведения; предполагается, что они существуют на каком-то другом уровне и с их помощью можно объяснить наблюдаемое поведение. Когнитивисты обращаются к нервной системе, однако они не выводят свои конструкты из особенностей нервной системы или данных нейрофизиологии. Эти конструкты были сформулированы не физиологами, а психологами, и они основаны не на физиологии, а на поведении (Marr, 1984a). Другими словами, с точки зрения специалиста по анализу поведения, когнитивисты изобретают фиктивные конструкты на основе событий, относящихся к поведению, и полагают, что эти конструкты обладают своего рода реальностью, объясняющей поведение, из которого они выведены. Представитель анализа поведения, как и когнитивизма, признает такие события, как мышление, чувствование и воображение, однако рассматривает эти события как формы поведения, и утверждает, что они имеют место в сцеплении с окружающей средой. При этом отпадает необходимость в компьютероподобной нервной системе.

Когнитивизм использует методологию, заимствованную у методологического бихевиоризма: (а) межгрупповой (between-group) экспериментальный план с контрольными группами и (б) статистический контроль вариативности в отношении большого числа испытуемых. Анализ поведения, напротив, использует единичные организмы и не использует конт-

рольных групп. Контроль осуществляется исключительно посредством экспериментального метода. Первоначально единственной используемой в анализе поведения формой статистики был простой подсчет количества реакций и сравнение его с исходным (фоновым) уровнем, однако в настоящее время квантификация стала более сложной. Характер обращения с исследуемым организмом или испытуемым таков, что оставляет за ним свободу реагировать в любое время, тогда как в когнитивных исследованиях свобода испытуемых ограничена возможностью реагирования в определенные периоды времени и при определенных условиях. Когнитивизм развился на базе методологического бихевиоризма, предполагающего наличие посредника (мозга, инстинктов, компьютера, интерпретатора, разума) между S и R. Анализ поведения отвергает как методологический бихевиоризм, так и когнитивизм.

Когнитивная психология обращается к некоторым областям, которые не получили достаточного объяснения с помощью принципа подкрепления. Представители анализа поведения также отдают себе отчет в существовании таких пробелов и пытаются их заполнить. Некоторые психологи предприняли попытки соединить анализ поведения или его практические приложения с когнитивизмом. Когнитивно-поведенческая терапия является одним из примеров таких гибридных форм. Большинство представителей анализа поведения, однако, находят менталистские концепции когнитивизма ненаучными (в частности, Morris, Higgins & Bickel, 1982), тогда как другие полагают, что некоторые работы когнитивистов могли бы быть переосмыслены как поведенческие и найти практическое применение. Некоторые другие психологи пытаются создать гибридные формы (в частности, Bandura, 1989). Те психологи, которые пытаются сочетать когнитивизм — органоцентрическую систему — с анализом поведения — энвайроцентрической системой, — должны будут признать фундаментальные расхождения между этими подходами, касающиеся допущений о причинности, а также изучить постулаты обеих систем с целью определения тех из них, которые нуждаются в изменении.

Эко-бихевиоральная психология

Перспектива включения элементов эко-бихевиоральной психологии (или экологической психологии) в анализ поведения, в особенности — в прикладной анализ поведения, привлекла значительное внимание психологов (Rogers-Warren & Warren, 1977; Schroeder, 1990) и получила название «эко-бихевиорального анализа» («ecobehavior analysis»). Три важные проблемы способствовали возникновению этого интереса. Одна из них состоит в том, что использование модификации поведения часто вызывает неожиданные побочные эффекты, иногда приводящие не к улучшению, а к ухудшению ситуации.

Приведем несколько примеров (Balsam & Bondy, 1983): использование модификации поведения может привести к появлению *реакций, несовместимых с целевым поведением*. Ребенок, которому дается вознаграждение за то, что ему удалось вздремнуть, может оказаться слишком возбужденным ожиданием вознаграждения, чтобы заснуть. Подкрепление может побуждать пациента цепляться, заключать в свои объятия или держаться (в прямом и переносном смысле) за терапевта, учителя или родителя, обеспечивающего ему подкрепление, что препятствует реализации целевого поведения. Подкрепляющий характер терапии может быть настолько сильным, что клиент впадает в зависимость от него, тогда как отсутствие подкрепления в других ситуациях может привести к отказу от желательного поведения. В ситуации, когда индивидуум, находящийся на стадии выздоровления, покидает условия, в которых происходило лечение, и лишается подкрепления в виде специального рекреационного оборудования или вербальной поддержки, может легко наступить рецидив. Лица, содержащиеся в условиях, в которых практикуется «жетонная экономика», также часто возвращаются к прежним формам поведения после окончания программы. Вероятно, наиболее неожиданным побочным эффектом является поведение ребенка, в отношении которого условное подкрепление было направлено на то, чтобы он уделял больше внимания желательным вещам и меньше — нежелательным, и который начинает проявлять агрессивные и самотравмирующие формы поведения (Herbert et al., 1973).

Вторая проблема заключается в том, что игнорирование н*еобъяснимых сопутствующих эффектов* вызывает желание предложить для них менталистское объяснение. Обращаясь к формам анализа поведения, которые рассматривают сеттинговые события и делают это на научной основе, анализ поведения смог бы более эффективно объяснить эти сопутствующие эффекты, тем самым предотвращая менталистские попытки заполнить образовавшиеся лакуны (Morris and Midgley, 1990).

Третьей проблемой является *генерализация*. Успехи, достигнутые с помощью подкрепления в тренинговой ситуации, часто не удается сохранить в обычной ситуации или поддерживать в течение длительного периода времени (хотя был выявлен ряд приемов, способствующих генерализации) [Stokes & Baer, 1977]. Эко-бихевиоральная психология, изучающая механизмы влияния окружающей среды и поведенческого сеттинга на поведение, может помочь в разрешении данной проблемы. Один из способов изучения влияния средовых переменных предлагает Группа жилой среды (Living Environment Group), исследовательская команда из Канзасского университета (Risley, 1977), реализующая программы помощи по уходу за младенцами и маленькими детьми в течение рабочего дня, а также занимающаяся поисками благоприятных условий проживания для детей с задержкой развития и детей, живущих в детских интернатах (nursing home).

«Каждый из этих проектов включает проектирование условий проживания, отбор оборудования и материалов, составление должностных инструкций, подготовку и супервизирование привлекаемых к работе парапрофессионалов, проведение общей оценки участия местного населения и эффективности работы персонала, экспериментальные демонстрации, а также методическое обеспечение и деятельность по дальнейшему распространению программ. Мы обнаружили, что использование технических разработок, реализованных в одном сеттинге, как правило, может быть непосредственно перенесено и на другие» (Risley, 1977, p. 151).

В Канзас-Сити (штат Канзас) уже в течение почти тридцати лет функционирует Детский проект «Можжевеловый парк» (Juniper Gardens Children Project) по помощи детям, живущим в бедности (Greenwood et al., 1992). Первоначальная стратегия состояла в направлении основных усилий на развитие речевых, социальных и учебных навыков. Например, для второклассников была введена система, при которой за желательное поведение они набирали очки, на которые могли получить вознаграждение в виде конфет или различных безделушек. «Это привело к резкому снижению уровня поведения, мешающего проведению занятий, по сравнению с результатами традиционных мер, используемых учителями с целью поддержания дисциплины» (p. 1466). Другие методы работы включают внимание к детям и похвалу как формы подкрепления, а также поощрение индивидуальных и групповых достижений. Уровень внимания, направленного на выполнение и завершение заданий, дисциплины, навыков чтения, счета и владения речью, значительно повысился по сравнению с начальным уровнем, в то время как уровень мешающего проведению занятий и агрессивного поведения, посторонних разговоров, а также вставания со своего места во время занятий значительно снизился. Родители также были привлечены к участию в программе и обучены использовать вознаграждения за желательное поведение вместо наказаний за нежелательное. В результате повысился уровень завершения и аккуратности выполнения домашних заданий, при этом дети стали меньше жаловаться, ныть, плакать и бездельничать. В дальнейшем программа была распространена и на более широкий спектр средовых условий, в результате чего было обнаружено, что улучшение условий жизни приводит к улучшению поведения и за пределами непосредственной ситуации (в которой дается подкрепление). На ранних стадиях работа была направлена на изменение условий среды, вызывающих поведенческие изменения в течение года или менее. На более поздних стадиях изучался также кумулятивный эффект участия в программе в течение нескольких лет и ее влияние на последующую жизнь детей. В ходе реализации проекта была продемонстрирована важность раннего вмешательства, необходимость в систематическом улучшении условий жизни в течение длительного времени, а также других факторов.

«Работа, ведущаяся в настоящее время по таким направлениям, как оценка последствий и исходных условий, изучение функциональных ситуационных факторов и развития поведения, является иллюстрацией тенденции анализа поведения к большей усложненности, проявляющейся как в использовании более сложных методов изучения интерактивных и развивающихся систем, так и в переносе внимания на вопросы, имеющие более широкий интерес для психологии…» (Grinwood et al., 1992, p. 1472).

Среди других многочисленных областей применения эко-бихевиорального анализа можно назвать языковой тренинг для детей, находящихся на доречевой стадии, изучение сеттингов жилищных условий детей с задержкой развития, дневные программы помощи детям, страдающим нарушениями развития, методику классного преподавания, а также улучшение социальных и коммуникативных отношений между взрослыми и детьми (Schroeder, 1990).

Значительный прогресс эко-бихевиорального анализа был достигнут после 1974 года, когда один из представителей эко-бихевиоральной психологии указал на необходимость для анализа поведения включить в число изучаемых им областей экологию (Williams, 1974). Реакцией специалистов по анализу поведения явилось проявление серьезного внимания к вопросам экологии. Тот факт, что обе системы являются энвайроцентрическими, облегчает их взаимодействие.

Интербихевиоральная психология

Обе системы в значительной степени разделяют одни и те же положения философии науки. Наиболее фундаментальной общей чертой у них является то, что обе они отвергают дуализм «душа — тело» во всех своих многообразных формах и настаивают на том, что психология должна уделять основное внимание конкретным событиям, а не гипотетическим причинным силам. Скиннер (Skinner, 1987) утверждал, что если термин «разум» и соотносится с чем-либо реальным, так это то, «что *индивидуум* делает» (p. 784). Кантор (Kantor, 1984) — основатель интербихевиоральной психологии, высказывает точку зрения, что «научная психология охватывает все формы деятельности и качества по традиции ошибочно называемые менталистскими» (p. 168), но в действительности представляющие собой конкретные события. Отчасти вследствие непринятия ими дуализма обе системы также отвергают промежуточные переменные, помещаемые между стимулом и реакцией,

физиологический редукционизм, включая объяснения поведения как функции мозга (хотя Скиннер не до конца последователен в данном вопросе), а также любые формы отхода от рассмотрения конкретных событий. Представители анализа поведения, вероятно, возражали бы против ряда формальных постулатов интербихевиоральной психологии (см. главу 10) и пожелали бы добавить собственные; в свою очередь интербихевиористы, вероятно, нашли бы ряд имплицитных постулатов анализа поведения слишком ограничивающими, а постулаты 1 и 6 — лишенными смысла или вводящими в заблуждение.

Интербихевиоризм более последователен в своих взглядах на роль взаимодействий организм—среда, а также на комплексный полевой характер психологических событий, тогда как анализ поведения продолжает подчеркивать причинную роль среды. В прошлом анализ поведения почти не уделял внимания сеттинговым факторам как части интербихевиорального поля, однако в настоящее время он все в большей степени сосредоточивает на них свое внимание, называя их «сеттинговыми событиями». Анализ поведения имеет глубокие методологические корни и детально разработанную базу эмпирических исследований, тогда как интербихевиоризм лишь недавно приступил к разработке собственных методологий и расширению сферы эмпирических исследований. По сравнению с начальным этапом своего развития, относящимся к 1920-м годам, он уделяет значительное внимание логическим и концептуальным вопросам, обеспечивающим базу для взаимодействия с анализом поведения.

Моррис (Morris, 1982) попытался более конкретно показать, как могут сочетаться друг с другом оба подхода, однако никакого соглашения о таком сотрудничестве между двумя системами не существует. Поскольку одна из них является энвайроцентрической, а другая — нецентрической, сколько-нибудь значительное сближение является маловероятным. Скиннер и Кантор являлись коллегами в Университете Индианы, и многие студенты, обучавшиеся у них обоих, используют в своей работе концепции обеих систем (см.: Fuller, 1973; Lichtenstein, 1973; Morris, 1982). Некоторые интербихевиористы являются членами организаций, созданных представителями анализа поведения, а специалисты по анализу поведения проявляют интерес к общей философии науки, развиваемой интербихевиоризмом и способной обеспечить анализу поведения более широкую научную базу. Некоторые исследователи сочетают также концепцию сеттинговых событий с методологией анализа поведения (см. главу 10).

Вместе с тем такое взаимодействие порождает и трения. Поскольку Скиннеру казалось, что интербихевиористы слишком критичны, он возражал против проникновения интербихевиористов в ряды представителей анализа поведения. Делпрато (Delprato, 1990) в ответ на эти возражения указывал, что критика со стороны интербихевиоризма способствовала движению анализа поведения в направлении натурализма, тогда как критика, исходящая от других систем, «основывалась на предпосылках, подобных дуализму, которые связаны с трансцендентальной культурной традицией» (p. 13). В частности, представления Скиннера о личной сфере не являются в полной мере натуралистическими, утверждают интербихевиористы, и могли бы стать более натуралистическими, если бы он принял позицию, не предполагающую различий между публичными и личными событиями: и те и другие представляют собой формы человеческой деятельности, между которыми невозможно провести осмысленной четкой грани. Аналогично, Скиннер мог бы признать, как это делают интербихевиористы, роль биологии в психологических событиях как необходимого, но не достаточного условия, и тем самым избежать непоследовательности, проявляющейся в том, что он одновременно придерживается и редукционистской и нередукционистской точки зрения. Моррис (Morris, 1993–94) отвечает на возражения Скиннера, указывая на то, что обе группы «выступают за естественную науку о поведении» и что участие интербихевиористов в деятельности организаций, представляющих анализ поведения, должно рассматриваться «как комплимент, а не как повод для недовольства» (p. 5).

Феноменологическая психология

На первый взгляд феноменология с ее акцентом на смыслах или на жизни как она проживается («бытие в мире») может показаться ориентацией, наиболее далекой от анализа поведения с его измерениями частоты реакций. Подтверждая факт различия между этими системами, Джорджи (Giorgi, 1975) указывает на то, что анализ поведения придерживается физикалистской ориентации: он заимствует у физических наук стремление к полному устранению контекста и смыслов при рассмотрении поведения, пытаясь выделить его безличную, поддающуюся количественному представлению сущность. Далее Джорджи пишет: «Насколько мне удалось понять, для радикального бихевиоризма поведение — это любое поддающееся измерению движение тела. Для феноменолога, однако, вследствие интенциональности [индивидуально-объектных отношений], поведение просто не может быть адекватно описано без указания на то, как ситуация воспринимается с точки зрения субъекта поведения» (p. 209). Квэйл и Гриннесс (Kvale & Grenness, 1967) указывают на то, что физикализм Скиннера не вполне последователен: он ссылается на различные возможные способы восприятия одного и того же объекта, но затем настаивает на том, что мы функционируем в физическом мире; аналогичным образом он описывает осмысленное поведение, но затем снова возвращается к рассмотрению поведения как бессмысленного, когда он отделяет субъекта от объекта, утверждая, что ви́дение — это просто поведенческий акт ви́дения, поскольку «ви́дение не требует присутствия видимой вещи» (Skinner,

1963, p. 954). В противовес такой точке зрения, феноменология утверждает, что ви́дение — это ви́дение чего-то, мышление — это мышление о чем-то, и т. д.

Кроме указания на это принципиальное различие, Джорджи находит ряд важных проявлений сходства: обе системы выступают против (а) дуализма, (б) гипотетико-дедуктивного метода, (в) редукции психологии к биологии и (г) интроспекции разума. Обе признают правомерность исследования единичных объектов, использования описаний поведения и сведения к минимуму роли теории. Квэйл и Гриннесс отмечают, что обе системы отвергают представление о том, что мы живем в удвоенном мире: одном — физическом и внешнем, и другом — мире нефизических внутренних репрезентаций внешнего физического мира. (Скиннер называл это представление «теорией копирования».) Обе системы сходятся в том, что знание или понимание есть действие. Источником знания является воздействие на мир, поведение, направленное на него: «Человек создает и создается, — согласно терминологии Скиннера, — контролирует и контролируется. Мир не дан и не создан, он есть отношение» (p. 140). Квэйл и Гриннесс утверждают, что взгляды Скиннера имеют много общего с феноменологией, но считают, что ему недостает признания концепции интенциональности (субъектно-объектной взаимозависимости), приняв которую он смог бы избежать непоследовательности и логических противоречий.

КРИТИКА

Анализ поведения явился громоотводом, притягивающим яростные нападки, исходящие от различных источников, однако благодаря своим достижениям он снискал и одобрение, даже со стороны наиболее непримиримых своих противников. Ниже мы приведем ряд критических замечаний, а также хвалебных отзывов, не придерживаясь определенной последовательности.

Области практического применения

Что касается прикладной сферы, критики обратили внимание на то, что анализ поведения был успешно использован в цирковой дрессировке животных, а также в избавлении от фобий и компульсивно-обсессивных привычек у людей; тем не менее они упрекают его в том, что он не достиг успеха в модификации шизофрении и маниакально-депрессивного психоза, хотя лечение этих расстройств антипсихотическими препаратами оказалось весьма эффективным. Критики также утверждают, что программированное обучение оказалось эффективным только при выполнении простых заданий. Специалисты по анализу поведения отвечают на это, что технология их работы продолжает совершенствоваться по мере развития исследований и что их попытки были более успешными, чем усилия представителей большинства других психологических систем.

Выступление Кантора перед специалистами по анализу поведения

Получив приглашение выступить перед специалистами по анализу поведения, Кантор (Kantor, 1974) в своей речи положительно отозвался о данной системе, отметив признание ею психологических событий как исключительно поведенческих понятий: в трактовке анализа поведения поведенческие операции очищены от менталистских постулатов, что отличает его от многих других систем. Однако Кантор считал, что односторонняя ориентация, направленная преимущественно на научение у животных, способствовала выработке упрощенного взгляда на поведение в целом и тенденции уделять столь повышенное внимание условиям подкрепления, что на все другие формы поведения уже не оставалось сил и времени. В ответ на это представители анализа поведения замечают, что критика Кантора была отчасти обоснованной в 1974-м году, когда он выступал перед их аудиторией, однако с тех пор было проведено значительное количество исследований, посвященных изучению человеческого поведения, а анализ поведения был распространен на такие его формы, как восприятие, мышление и запоминание. Тем не менее Марр (Marr, 1984b) находит критику Кантора справедливой, поскольку анализу поведения не удалось адекватно адаптировать свою методологию к рассмотрению сложных форм поведения, хотя, по его мнению, он должен сделать это, а не оставлять данную область в ведении когнитивистов. В то же время Марр не считает правомерными упреки Кантора в использовании анализом поведения механистического понимания причинно-следственных отношений, ибо такой механицизм является, с точки зрения Марра, необходимой частью важной и активно развиваемой количественной модели начальных условий и условий подкрепления. Марр соглашается с Кантором, что анализ поведения не придает должного значения сеттинговым факторам или контексту, роль которого «в анализе вербального поведения и запоминания, без сомнения, фундаментальна» (p. 194); аналогичным образом, он с сожалением отмечает, что анализ поведения игнорирует функциональное значение стимула, в противовес рассмотрению стимула как объекта (см. главу 10).

Сборник критических статей

Книга Скиннера «За пределами свободы и достоинства» («Beyond Freedom and Dignity») вызвала поток критики, включая отдельную книгу, посвященную этой критике (Wheeler, 1973). В нее вошли восемнадцать критических статей, а также ответы

Скиннера на эти работы. В 1988 году вновь образованный британский *«Ежеквартальный журнал психологического консультирования» (Counseling Psychology Quarterly)* выпустил специальное издание, содержащее статьи, явившиеся ответом на работу Скиннера (Skinner 1988b), которую журнал попросил его написать для данного издания. Ришелл (Richelle, 1988) утверждает, что позиции Скиннера и представителей анализа поведения в целом были бы значительно более прочными, если бы они не изолировали себя и не проявляли безразличия к другим тенденциям в психологии, которые могли бы оказаться в той или иной степени совместимыми с их собственной позицией. В качестве примера Ришелл указывает на этологию, которая имеет уже длительную историю развития, однако анализ поведения лишь в последнее время обратил на нее внимание и начал использовать ее разработки. Анализ поведения продолжал игнорировать и другие исследования по психологии развития, несмотря на их важность. Фосс (Foss, 1988) перечисляет то, что он рассматривает как недостатки анализа поведения. Один из них заключается в том, что сложные навыки часто имеют иерархическую организацию, которую невозможно путем анализа разложить на подкрепляемые реакции. К ним относятся социальные и эмоциональные привычки, а также моторные навыки. Айзенк (Eysenck, 1988) находит недостаток анализа поведения в том, что в нем фактически не находится места личности, генетическим факторам и индивидуальным различиям — несмотря на заверения специалистов по анализу поведения, что эти факторы играют важную роль, — а также в отрицании роли биологии. В противовес ему Кункель (Kunkel, 1996) утверждает, что анализ поведения оказал значительное влияние на ряд разделов психологии, в которых его заслуги не получили должного признания. Он находит, что оперантные принципы активно используются в социальной психологии, хотя этот факт остается завуалированным благодаря использованию традиционной терминологии.

Как отмечает Плейс (Place, 1988b), Скиннер утверждал, что единственным способом модификации морального поведения является использование подкреплений, и для многих людей это явилось оскорблением в силу глубоко укоренившегося в культуре представления о том, что мы должны совершенствовать свою мораль лишь воздействуя на людей путем рациональных убеждений. А подчеркивание Скиннером необходимости отказаться от апелляции к любым менталистским представлениям, ставшим неотъемлемой частью обыденного дискурса, осложняет коммуникацию терапевтов с клиентами; это создает барьеры во взаимопонимании. Плейс утверждает, что «если бы Скиннер был хотя бы немного менее непреклонен и хотя бы немного более восприимчив к причинам, вызывающим сопротивление предлагаемым им концепциям, анализ поведения мог бы сохранить престиж и влияние, которыми он пользовался до когнитивной революции» (p. 309). Он считает, что консенсус с другими системами особенно способствовал бы принятию концепции *определяемого правилами поведения*, поскольку представители других систем согласились бы с тем, что «значительная часть форм человеческого поведения контролируется убеждениями субъекта поведения, касающимися ситуации, с которой он сталкивается» (p. 309), и что эти убеждения предполагают наличие правил. Основные разногласия связаны с другой формой поведения — *поведением, формируемым условиями или подкреплением (contigency- or reinforcement-shaped behavior)*: хотя установлено, что поведение животных и детей, находящихся на доречевой стадии развития, может контролироваться путем подкрепления, принятие принципа, согласно которому аналогичному контролю поддаются также моторные и речевые навыки детей более старшего возраста и взрослых, встречает сопротивление. Однако сторонники анализа поведения указывают на то, что лишь данная система в состоянии объяснить эти формы поведения.

Хейз и Хейз (Hayes & Hayes, 1988) утверждают, что серьезным недостатком анализа поведения является трактовка вербального поведения, несмотря на значительные усилия и достигнутый им вклад в развитие этой области. В частности, анализ поведения предпочитает не рассматривать патологию взрослых, связанную с высшими уровнями вербализации. Другое проявление этой проблемы связано с тем, что основная психотерапевтическая работа в рамках анализа поведения проводится с детьми и взрослыми, помещаемыми в лечебные учреждения, в которых вербальное поведение может быть сведено к минимуму. Хотя использование когнитивной психологии для данных ситуаций не является более теоретически адекватным, когнитивизм перевел вербальное поведение в область психических процессов и сумел привести свидетельства, подтверждающие введенные им конструкты, очевидно, благодаря используемой им терминологии, согласующейся с обыденной речью (Place, 1988b). Хейз и Хейз также указывают на ряд характеристик речи, часть которых была обнаружена самими представителями анализа поведения, однако эти характеристики не охватываются скиннеровской трактовкой речи.

Большинство авторов критических статей, собранных в «Ежеквартальном журнале психологического консультирования», указывают при этом на важные достижения системы Скиннера. В частности, в работе Майлза (Miles, 1988), хотя носящей отчасти и критический характер, перечисляется десять положительных характеристик анализа поведения, после чего автор приходит к заключению, что «для каждой из них может быть приведено философское обоснование, а в совокупности они могут рассматриваться как совершенно новый и альтернативный “взгляд на мир”» (p. 303). Каллен (Cullen, 1988) безоговорочно поддерживает семь перечисляемых им принципов

анализа поведения, применимых в консультировании. Например, вместо поисков глубинных причин консультанты должны обращать внимание на то, что люди *делают*, на соотношение их действий с окружающей средой, а также на то, каким образом это *делание* как отношение поддается положительным изменениям. В качестве другого примера он указывает на то, что важно искать методы, предоставляющие клиентам средства изменения своего окружения, так чтобы они почувствовали себя в состоянии контролировать собственную жизнь и освободиться от аверсивного контроля. В ряду авторов критических статей резко выделяется Пауэр (Power, 1988), занимающий исключительно критическую позицию. Он утверждает, что анализ поведения совершил «семь смертных грехов» и что единственным его спасением является когнитивизм. На это представители анализа поведения могли бы возразить, что путь к спасению в форме самоконтроля и свободы от аверсивного контроля проходит через поведенческие контрактные отношения, а не через когнитивизм.

Эффекты подкрепления

Ряд наиболее серьезных проблемных вопросов связан с неоднозначными эффектами самого подкрепления. Если для контроля поведения крыс или голубей подкрепление должно следовать в течение нескольких секунд после реакции, то в случае людей действие подкрепляющего фактора может быть отложено на месяцы, а то и годы. Хотя это имеет свои преимущества, условия жизни людей иные, и это различие должно быть признано. Фэган (Fagan, 1993) провел обзор исследований, показывающих, что хотя принцип подкрепления может быть мощным фактором воздействия на некоторые формы поведения младенцев, с его помощью невозможно объяснить *все* формы поведения или начальное овладение некоторыми формами поведения. Он приводит доводы в пользу ожидания как важнейшего условия (condition). На это специалист по анализу поведения может заметить, что если рассматривать ожидания как условие, то мы должны объяснить механизм формирования самих ожиданий.

В проведенном Мак-Кичи (McKeachie, 1976) обзоре законов научения, применяемых к ученикам в классе, автор отмечает многие проблемы, связанные с использованием принципа подкрепления, а также тот факт, что данный принцип далеко не всегда срабатывает автоматически. На эффективность подкрепления оказывают влияние такие факторы, как уровень возбуждения (arousal), соотношение внутренних и внешних вознаграждений, обратная связь (знание результатов) и мотивация, каждый из которых связан с собственными проблемами. Например, для детей, характеризующихся высоким уровнем достижений, подкреплением являются сами достижения, однако для детей с низким уровнем достижений подкрепляющим фактором в большей степени служит похвала. Даже *смысл (meaning)* подкрепления имеет важное значение. Если вознаграждение интерпретируется как результат продолжения скучного задания, оно не будет столь эффективным, как если оно интерпретируется как результат достижения ощутимого прогресса. Мак-Кичи полагает, что анализ поведения «особенно эффективен в ситуациях, имеющих очевидный результат и характеризующихся незначительным числом альтернативных способов достижения цели» (p. 830). Пфаус и его коллеги (Pfaus et al., 1988) утверждают, что специалисты по анализу поведения ограничили область своей деятельности оперантными формами поведения — манипулированием условиями среды, — однако они исключили из сферы своего внимания те формы поведения, которые не подпадают под определение оперантного. Вследствие игнорирования таких форм поведения они так и не смогли сформулировать универсальные законы поведения, ограничившись по существу только «законами работы». Аналогичное замечание делает Гуттман (Guttman, 1977): «Анализ поведения, разработанный Скиннером, представляет собой специальный, а не общий анализ; он фокусируется на определенных типах отношений между действиями и средой, которые не получили должного внимания в более ранних исследованиях» (p. 238).

Ошибочные представления об анализе поведения

Различные авторы неоднократно указывали на многочисленные заблуждения относительно позиции Скиннера. Тодд и Моррис (Todd & Morris, 1983) перечисляют ошибочные представления, повторяющиеся в бесчисленных учебниках по психологии. Эти ошибочные представления передаются студентам, а те впоследствии передают их своим студентам. Тодд и Моррис указывают на социально-политические последствия таких заблуждений.

Критика основного направления психологии со стороны анализа поведения

Анализ поведения направляет в адрес традиционной психологии большое количество критических замечаний и в том числе, что (а) она занимается накоплением больших объемов данных, не заботясь об их согласованности между собой; (б) порождает теории, почти не находящие практического применения; (в) руководствуясь неправильными предпосылками, копирует физику; (г) редуцирует психологию к биологии мозга; (д) неправомерно использует аналогии (в частности, с компьютерами); (е) вносит дуализм в предмет психологии, рассматривая разум (когниции, «я», сознание и т. д.) и тело. Некоторые специалисты по анализу поведения рассматривают свою дисциплину как отдельную науку бихевиорологию (behaviorology), а не как часть психологии.

ВЫВОДЫ

Катанья (Catania, 1984) отметил, что

> «...Из всех современных психологов на долю Б. Ф. Скиннера выпало больше всего похвал и больше всего упреков; он является самым признанным и самым превратно понимаемым из психологов. Некоторые до сих пор считают, что его психология это психология стимул—реакция (а она не является таковой); некоторые утверждают, что цепочки стимулов и реакций играют центральную роль в его психотерапии вербального поведения (а это неверно); другие же полагают, что он отрицает эволюционные детерминанты поведения (что не соответствует действительности)» (p. 473).

За более чем шестидесятилетний период своего существования система Скиннера продемонстрировала возможности, с которыми, вероятно, ни одна другая система не может сравниться. Сам факт, что она привлекла к себе столь активное внимание и вызвала столь бурную критику, является свидетельством ее значения и ее влияния. Данная система представляет собой философию науки, а также детально разработанную методологию. Как система контроля поведения, она не имеет себе равных. Использование поведения, определяемого правилами (через речь), в отличие от поведения, формируемого условиями подкрепления, придало анализу поведения дополнительную гибкость и возможности, которым еще предстоит получить адекватную оценку. Для Скиннера «контроль, осуществляемый посредством инструкций, рекомендаций, правил и законов, имеет более заметный эффект, чем осуществляемый посредством манипулирования [средовыми] условиями подкрепления» (1974a, p. 126). Определяемое правилами поведение и его роль в поведенческих контрактных отношениях особенно важны для прикладного анализа поведения.

Анализ поведения — это не просто технология. Это фундаментальная наука, поскольку анализ поведения основывается на фундаментальных исследованиях и выводит свою технологию из этих исследований. Его результаты находят свое применение в психофармакологии, психотерапии, управлении поведением, образовании и других областях. Говоря об исследованиях, проводимых в рамках анализа поведения, следует также отметить, что в отличие от большинства других психологических систем его принципы выводятся из исследований, а не навязываются им, и что эти исследования продолжают охватывать все новые темы и вопросы. По мере развития исследований проблемы, связанные с различными формами поведения, становятся все более очевидными, что заставляет сторонников данной системы подвергать проверке свои концепции и пытаться модифицировать или совершенствовать их, чтобы разрешать вновь возникающие проблемы, включая критику, исходящую от своих оппонентов. Усложнение анализа поведения может повысить его соответствие сложности нашего мира. Использование этологии, квантификации, определяемого правилами поведения, и сеттинговых событий — все это примеры новых направлений его развития. В дополнение к этим концепциям Моррис (Morris, 1982) перечисляет предметы, к рассмотрению которых анализ поведения обращается в последнее время, — формирование понятий, самоконтроль, эмоции, социальные взаимодействия, поведенческая медицина, общественная психология, социальная ратификация (social validation) и другие. По мере распространения анализа поведения на эти области и развития новых концепций для работы с ними данная система может все более и более отдаляться от своей первоначальной формы. Этот факт можно рассматривать как уступку, необходимую для обеспечения возможности дальнейшего расширения и повышения собственной эффективности.

ГЛАВА 7

ЭКО-БИХЕВИОРАЛЬНАЯ НАУКА / ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ:

прогнозируемые паттерны во взаимодействии между людьми и физическим окружением

ВВЕДЕНИЕ

Когда мы входим в магазин, мы включаемся в определенные структуры поведения как в отношении продающихся там товаров, так и в отношении обслуживающего персонала. Мы идем в продуктовый магазин в те часы, когда он открыт, берем тележку для покупок, движемся по проходам вдоль стеллажей, выбирая продукты и кладя их в тележку, пытаясь избежать столкновения с другими тележками, встаем в очередь, ждем, пока кассир сосчитает стоимость наших покупок, расплачиваемся и уносим или вывозим на тележке приобретенные продукты. Данный паттерн поведения предсказуем. Описание нашего поведения на почте, на теннисном корте, на баскетбольном матче или на рабочем месте будет столь же предсказуем. Все это «поведенческие сеттинги» («behavior settings»). Мы следуем ожидаемым паттернам конкретного сеттинга, и наша индивидуальность (personalities) не оказывает при этом практически никакого влияния. Люди с совершенно различными личностными характеристиками тем не менее следуют сходным паттернам, оказавшись в том или ином сеттинге. Мы даже предпринимаем специальные действия, направленные на то, чтобы данные паттерны не нарушались. Например, если мы проводим совещание, на котором хотим использовать слайдовый проектор, но для него не установлен стол, мы отправимся на поиски стола и принесем его в зал. Тем самым мы восполним недостающие *физические компоненты*, отсутствие которых препятствует реализации или не обеспечивает поддержания этих паттернов. Аналогичным образом мы пытаемся модифицировать не вписывающиеся в паттерн *поведенческие компоненты*, объясняя новому посетителю в кафе, что он должен подойти к прилавку и сделать заказ. Такие естественные сеттинги, с их упорядоченным и саморегулирующим характером, являются предметом *экологической психологии* — в последнее время часто называемой *эко-бихевиоральной наукой* или *наукой о поведенческих сеттингах*, в том виде, как она представлена в работах Роджера Баркера (Roger Barker) и его коллег.[1]

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СЕТТИНГАХ

Устойчивые паттерны поведения

Поведенческие сеттинги, такие как продуктовые магазины, это зоны, в которых происходит взаимодействие между человеческой деятельностью и физическими условиями. К другим примерам относятся учебные классы, заводские упаковочные цеха, залы пиццерий, спортивные сооружения, стоматологические клиники, игральные салоны, судебные палаты и авторемонтные мастерские. Поведенческий сеттинг обладает рядом легко распознаваемых и упорядоченных характеристик. Во-первых, он характеризуется наличием *устойчивых паттернов поведения*, форм поведения, повторяющихся каждый раз в процессе функционирования поведенческого сеттинга. В школьном классе устойчивые паттерны включают учеников, сидящих за партами лицом к доске, учителя, обращенного лицом к ученикам, которому принадлежит ведущая роль в дискуссии или изложении материала, а также поднимание рук учениками с целью привлечь внимание учителя, чтобы он предоставил им слово.

Синоморфы

Устойчивые паттерны поведения тесно связаны с окружением, которое по большей части является неодушевленным. В примере со школьным классом оно включает доску, мел, парты для учеников, стол или кафедру для учителя, осветительные и отопительные приборы и стены, ограждающие класс от отвлекающих факторов. Эти неодушевленные компоненты являются неотъемлемой частью поведенческих паттернов; более того, поведенческие паттерны с трудом реализуются в их отсутствие.

Баркер использовал для обозначения взаимных отношений (co-relationship) между формами поведения и физическими объектами термин *синоморфы (synomorphs)* — «тождественные структуры». Набор синоморфов составляет структуру поведенческого сеттинга. Поведенческий сеттинг школьного класса является примером, иллюстрирующим тот факт, что эти структуры состоят из паттернов поведения во взаимосвязи с объектами: ученики сидят за партами и пишут ручками в тетрадях, лежащих на слегка наклоненной в их сторону поверхности парт; учитель излагает материал, пользуясь своими записями, лежащими на кафедре, и пишет мелом на доске; все это происходит в помещении, стены которого ограничивают пространство и ограждают его от посторонних сцен и звуков.

На сталелитейном заводе доменная печь и зоны литья являются различными синоморфами, находящимися в пределах одного завода, но функционально взаимозависимыми и охватывающими единый поведенческий сеттинг. Однако упаковочный цех, в котором отлитые стальные формы готовят к отправке, функционирует независимо, пока в нем имеется запас отлитых форм. То, что происходит в литейном цехе, оказывает лишь незначительное влияние на

[1] Термин *экологическая психология*, который можно встретить в более ранней литературе, все еще используется некоторыми авторами.

работы, ведущиеся в упаковочном цехе, и наоборот. Это различные поведенческие сеттинги.

Синоморфы характеризуются степенью взаимной зависимости друг от друга. В учреждении мероприятия пытаются планировать таким образом, чтобы между ними не происходило пересечений во времени. Например, на университетском факультете учебные занятия не будут планироваться на период общих собраний; на литейном заводе ремонтные и служебные работы не будут проводиться в часы выпуска продукции. Любые синоморфы, сходные по структуре, но функционирующие независимо друг от друга, должны являться частями различных поведенческих сеттингов. Поскольку сталелитейный завод содержит функционально независимые синоморфы, завод в целом не является поведенческим сеттингом, как не является им университет или даже отдельный факультет университета. Обычно не представляет трудности определить, является ситуация поведенческим сеттингом или нет; тем не менее Баркер и его коллеги разработали оценочные шкалы для компонентов ситуации, чтобы обеспечить количественные средства оценки в сомнительных случаях.

Поскольку физические науки избегают изучения событий, включающих поведение, а поведенческие науки избегают изучения событий, включающих неодушевленные объекты, область взаимодействия между ними игнорируется как первыми, так и вторыми. Эта область отношений, которая оказывается неохваченной, тем не менее включает значительную часть человеческой деятельности. Предложенная Баркером эко-бихевиоральная наука претендует на роль новой науки, рассматривающей некоторые формы этой деятельности.

Окружающая среда

Поведенческий сеттинг включает среду, окружающую поведение и ограничивающую зону его действия. Для школьного класса это его стены. Для завода это рабочая зона. Для игры в теннис это линии, ограничивающие корт. Для лыжного спуска это отмеченная флажками трасса, совместно с зоной отдыха и подъемниками, однако он может включать и немаркированные участки для более смелых лыжников.

Окружающая среда — это хорошо организованная иерархия «вложенных конструкций» («nested assemblies»), наподобие слоев луковицы. Эти слои прилегают один к другому. Каждая конструкция или блок (unit) содержит некоторые компоненты смежных с ней конструкций (или блоков), так что между ними имеет место некоторая взаимозависимость. Индивид является одной из таких конструкций. Каждый из его биологических органов является компонентом тела индивида и, в свою очередь, представляет собой другую конструкцию. Например, сердце — это компонент окружающего его организма, а клетка — компонент окружающего его сердца. Двигаясь от отдельного индивида в противоположном направлении — к более крупным блокам, мы обнаруживаем, что поведенческий сеттинг — это конструкция, компонентом которой является индивид, а сам поведенческий сеттинг может являться компонентом, входящим в учреждение, подобное заводу или университету, содержащему также другие поведенческие сеттинги. Таким образом, то, что является компонентом в одной конструкции, может быть окружающей средой в прилегающей конструкции. Следовательно, блок может быть одновременно внешним смежным и внутренним смежным.

> «Направленные в обе стороны причинные связи образуют вложенные ряды, в которые включаются различные элементы (или составные объекты) среды; предперцептуальная (preperceptual) среда складывается из систем внутри систем. Элемент (или составной объект) в таких рядах ограничивает другие элементы (составные объекты) и сам ограничен, с одной стороны, внешним, окружающим его блоком, а с другой — внутренним блоком, который он окружает. Это означает, что элементы (составные объекты) во вложенных структурах являются частью своего собственного контекста; они оказывают влияние на самих себя посредством окружающих их элементов (составных объектов), которые они, отчасти, составляют» (Barker, 1963b, p. 23).

Определение поведенческого сеттинга

Поведенческий сеттинг включает пять характеристик. Он должен: (а) содержать устойчивые паттерны поведения; (б) быть заданным в определенном средовом контексте; (в) иметь место в специфической зоне; (г) состоять из поведения и среды, находящихся в синоморфных отношениях; (д) включать среду, окружающую поведение (Schoggen, 1989, p. 52). Уикер и Кирмейер (Wicker & Kirmeyer, 1976) перечисляют еще три характеристики: (е) иерархия позиций или ролей в рамках поведенческого сеттинга, причем одни из них являются более жизненно важными, чем другие (как, например, стоматолог по отношению к секретарше в его приемной); (ж) взаимозаменяемость одного участника другим (замена одного стоматолога другим или одной секретарши другой позволит поведенческому сеттингу продолжать функционировать без особых изменений); (з) схемы (цепи) управления, описанные в следующем разделе.

Схемы или механизмы управления

Поведенческий сеттинг содержит человеческие компоненты, неодушевленные компоненты (nonhuman), и «схемы управления», или «управляющие механизмы». Термин «схема» («circuit») относится к контурам (или петлям) взаимообмена или обратной

связи между компонентами (в противоположность линейной причинно-следственной цепи). Стабильность сеттингов с их отношениями поведение—среда требует функционирования четырех типов схем: целевых, программных, противодействующих отклонениям и запрещающих.

Целевые схемы. Каждый поведенческий сеттинг существует ради какой-либо цели: отдыха, производства продукции, продажи товаров, приобретения знаний и т. д. Такая цель или назначение сеттинга и есть то, что называют *целевой схемой (goal circuit)* поведенческого сеттинга. Целевые схемы — это процедуры для достижения целей, удовлетворяющие участников («обитателей», как их называл Баркер) сеттинга. Участники должны осознавать (perceive) цели сеттинга и ведущие к ним пути. Если некоторые участники покидают сеттинг, другие занимают их место и получают инструкции, необходимые для выполнения соответствующей роли. Участники активно пытаются поддерживать функционирование сеттинга, поскольку его назначение (или цель) в том, чтобы удовлетворять их. Если сеттинг их не удовлетворяет, они не будут стремиться поддерживать его, и он прекратит свое существование. Люди связаны со своими сеттингами через посредство стремления к достижению целей и удовлетворения, которое оно (достижение) приносит.

Программные схемы. Люди также связаны со своими сеттингами через посредство *программных схем (program circuit)*. Программы — это спецификации форм поведения, которые реализуют участники сеттинга, такие как правила игры, способы производства на заводе и процедуры проведения совещания. Один или более участников должны быть знакомы с программой и контролировать последовательность событий в сеттинге.

Противодействующие отклонениям схемы. Такие схемы появляются, когда участники осознают, что некое лицо или условие препятствует реализации программы сеттинга и предпринимают действия по исправлению ситуации. Эти действия могут включать убеждение того или иного лица вести себя иначе или более эффективно («Если ты не поторопишься, мы не успеем выполнить работу в срок»). В приведенном ранее примере объяснение посетителю кафе, что заказ нужно сделать у прилавка, также является противодействием отклонению (deviation countering). Исправление каких-либо нарушений в физическом окружении также относится к данной категории управляющих схем. Докладчику с тихим голосом может потребоваться микрофон; в учебном классе могут потребоваться дополнительные стулья; двигатель, приводящий в движение важное оборудование в заводском цехе, нуждается в замене; на производстве требуется заменить сотрудника, не вышедшего на работу вследствие болезни.

Запрещающие схемы. В тех случаях, когда противодействующих отклонению схем оказывается недостаточно для того, чтобы привести поведение в соответствие с потребностями сеттинга и его целями, вступают в силу *запрещающие схемы (vetoing circuits)*. Руководитель увольняет сотрудника, который работает недостаточно активно или профессионально; лидер ансамбля просит уйти музыканта, который злоупотребляет наркотиками; преподаватель выставляет шумного и мешающего занятиям ученика из класса. Неодушевленные компоненты сеттинга также подлежат воздействию управляющего механизма наложения вето (запрета): новое осветительное оборудование для театральной постановки производит нежелательный эффект; громкая музыка во время собрания мешает общению; машина для выдачи книг из библиотеки оказывается еще более неудобной в работе, чем традиционный метод.

Взаимодействие управляющих схем в процессе достижения целей. Управляющие схемы изменяют компоненты сеттинга в соответствии с ожиданиями, что позволяет соблюдать выполнение программы или плана. Если одна схема управления не в состоянии побудить участника или другой компонент должным образом способствовать достижению цели поведенческого сеттинга, участники активизируют другую схему. Компоненты и схемы действуют по принципу гомеостатического механизма, чтобы поддерживать функционирование всего сеттинга предписанным и предсказуемым образом. Рабочий на литейном заводе, который слишком медленно разливает расплавленную сталь в формы, будет вынужден работать быстрее благодаря другому рабочему, который приближается к нему с огромным ведром, чтобы вновь наполнить черпаки для заполнения форм. Того, кто работает слишком быстро, будет удерживать в нужном темпе скорость, с которой ему подаются формы, движущиеся по конвейерной ленте. От неправильно заполненных форм подается обратная связь литейщикам, что приводит к коррекции (противодействующие отклонению схемы). Действия рабочих, физическое окружение и регулирующие схемы функционируют совместно, порождая предсказуемую программу, которая отвечает цели.

Саморегулирование. Баркер (Barker, 1963b) утверждает, что поведенческий сеттинг существует не в поведении или в физическом окружении, а в «схематике (circuitry), связывающей поведенческие сеттинги, их обитателей и другие компоненты поведенческого сеттинга» (p. 171). Эта схематика обеспечивает саморегулирование сеттинга.

> *«Поведенческие сеттинги представляют собой саморегулирующиеся активные системы.* Они навязывают свою программу действий находящимся в них лицам и объектам. Необходимые для функционирования лица и материалы вовлекаются в сеттинг, а мешающие компоненты модифицируются или удаляются из него. Поведенческие сеттинги можно рассматривать как живые системы, стремящиеся оставаться живыми и здоровыми, даже ценой своих отдельных компонентов» (Wicker, 1979b, p. 12).

Дополнительные факторы. Можно идентифицировать и другие механизмы или схемы (Stokols & Shumaker, 1981). Для того чтобы принимать новых людей вместо наложения вето на их вступление, переукомплектованные людьми сеттинги расширяются. Они также могут ограничить приток новых людей, вместо того чтобы принимать людей, которых им придется исключать. Сеттинги различаются по тому, как часто они воспроизводятся, а также по своей продолжительности. Учебные занятия и рабочие смены на заводе имеют строго определенную продолжительность. И те и другие существуют в установленное время и регулярно возобновляют свою работу в соответствии с графиком, однако учебные занятия заканчиваются в конце семестра, тогда как работа на заводе продолжается в течение неограниченного периода времени. Вечеринка по случаю дня рождения может иметь конкретно обозначенное начало, весьма размытое окончание и не иметь вероятного продолжения. Некоторые сеттинги остаются жизнеспособными лишь до тех пор, пока определенные люди, такие как сильные лидеры или исполнители, продолжают быть активными. Другие в достаточной степени независимы от каких-либо типов индивидуумов, а многие, вероятно, представляют собой нечто среднее. Стабильности сеттинга может угрожать давление со стороны окружающих условий (конкурирующие сеттинги, сокращение финансирования, передача другим служебных помещений, враждебность противников). Неожиданное прекращение сеттинга может наступить в результате пожара, урагана или смерти ключевой фигуры, например, владельца магазина. Сеттинги различаются по тому, насколько хорошо им удается предвидеть и подготовиться к изменениям и кризисам в окружающей среде, а также по тому, выживают они, гибнут или несут потери, если такие события случаются. Иногда участники изменяют паттерны сеттинга, чтобы подготовиться к таким событиям; а иногда они изменяют их просто для разнообразия, с целью повышения эффективности, обновления сеттинга, а также по множеству других причин.

РАННЕЕ РАЗВИТИЕ

Начало

В период обучения в Педагогическом колледже Университета штата Иллинойс Баркер (Barker, 1979) посещал занятия практикующих учителей и пришел к выводу, что он «знает о типичных формах поведения и условиях жизни городских детей не больше, чем непрофессионалы» (p. 2150), да и другие детские психологи также знают об этом не больше. Не существовало также методов, позволяющих «определить степень и обстоятельства фрустрации, радости, гнева, успеха, конфликта, разрешения проблем, страха и т. д. среди городских детей» (p. 2150). Позднее, в Университете штата Канзас, он обнаружил расположенный неподалеку городок, в котором мог опробовать свои новаторские методы изучения этих форм поведения в естественных условиях. Источником влияний, которые привели его к использованию естественной обстановки, сбору данных, не руководствуясь какой-либо теорией, а также составлению архива данных, послужила его работа в лаборатории по изучению животных, а также в лаборатории при детских яслях. Полевые исследования культурных антропологов также повлияли на выбор им данного направления, а некоторые первоначальные концепции он позаимствовал у социального психолога Курта Левина (Kurt Lewin, 1951), утверждавшего, что поскольку различные науки несоизмеримы (измерения, используемые одной наукой, не используются в другой, см. с. 198), психологические науки не могут включать какие-либо другие науки. Концепция Левина, согласно которой $B = f(P, E)$ (см. с. 66), также оказала на него влияние. Баркер начинал свою работу исходя из предположения, что в фокусе этой работы будет находиться индивидуальное поведение в естественно складывающейся обстановке, однако наблюдаемые события показали ему, что поведение определяется преимущественно окружающей обстановкой, а не индивидуумом. Его формула выглядела как $B = f(E)$.

Поток индивидуального поведения

Баркер и его коллеги начали свои исследования с изучения повседневной жизни отдельных детей. Когда они попытались регистрировать формы поведения детей и окружающие их условия, они «обнаружили, что поведение и окружающая среда неизбежно оказываются непрерывными во времени, они неумолимо преследуют нас от рассвета до заката без всякого перерыва» (Barker, 1978, p. 3). Хотя это наблюдение и не было откровением, оно определило проблемы, для разрешения которых психологическая лаборатория — с ее дискретными единицами измерения, такими как временные интервалы, пробы, тесты и задачи, — не располагала соответствующими возможностями. Как мы можем идентифицировать части потока, регистрировать или анализировать его? Все элементы методики такой работы Баркеру и его коллегам пришлось постепенно разрабатывать. Они разбили поток поведения на две общие категории; поведенческие эпизоды и содержание поведения.

Поведенческие эпизоды и содержание поведения

Наблюдение и регистрация потоков поведения в естественном сеттинге привели к открытию «поведенческих эпизодов» («behavior episodes»). Например, профессор подходит к кафедре, достает свои за-

писи, поворачивается к лотку с мелом, берет кусок мела, смотрит в записи, оборачивается к студентам и ждет, пока наступит тишина. Эпизоды (а) имеют постоянное направление; (б) вписываются в обычные события, происходящие в более крупном блоке поведения; (в) обладают равным потенциалом во всех своих частях; (г) ограничены по своим размерам и диапазону. Эти четыре характеристики можно проиллюстрировать на примере с профессором: (а) направление эпизода ориентировано на цель подготовки к началу занятия; (б) эпизод соответствует требованиям, которые должны быть удовлетворены, чтобы занятие могло начаться и пройти успешно; (в) ни один из компонентов не превосходит потенциала целого; (г) размеры и диапазон события четко ограничены временем начала занятия. Поведенческие эпизоды могут протекать по одному или же несколько эпизодов могут иметь место одновременно в рамках любого поведенческого сеттинга. Они представляют собой молярные единицы потока поведения. Другая категория потока поведения, «содержание поведения» («behavior content»), отличается почти бесконечным разнообразием и охватывает все, что индивидуум делает.

Число поведенческих эпизодов даже при небольшом числе субъектов может быть поразительно большим. Баркер и его коллеги обнаружили, что 119 детей, за которыми они наблюдали в маленьком городке, участвовали в 100 000 эпизодов ежедневно, или в 36 000 000 эпизодов в течение года — и даже в большем количестве, в тех случаях, когда наблюдатели расширяли зону, находясь в которой они наблюдали происходящее. Следовательно, для проведения исследований нужно было использовать выборочный метод. Исследователи вывели три важных заключения из своих наблюдений: (а) эпизоды в значительной степени изменяются от одной ситуации к другой: от игровой площадки — к игре в бейсбол — к душевой комнате; (б) ребенок в каждой конкретной ситуации склонен демонстрировать поведенческие эпизоды, более сходные с поведенческими эпизодами других детей в той же ситуации, чем с собственным поведением в других ситуациях; (в) характер поведения в целом более тесно связан с ситуацией, чем с отдельными составляющими поведения (равный потенциал). Наблюдения за тем, каким образом поведенческие эпизоды связаны с окружающей средой, явились базисом для обнаружения поведенческих сеттингов.

Последствия

Исходя из предположения, что важные принципы поведения можно было выявить, изучая именно обычных людей (в частности, детей) в обычных ситуациях, в 1947 году Роджер Баркер и Герберт Вригт основали полевую исследовательскую станцию в Оскалуза (Oskaloosa), штат Канзас[2]. Виллемс (Willems, 1990) отмечает, что

> «...[они] заняли эту одинокую позицию в период, когда в традиционной психологии господствовало представление о том, что человеческое поведение поддается объективному и научному изучению, только если оно жестко задано условиями проведения эксперимента, пунктами опросников или сценариями интервью. Я не могу представить, каким образом для такого количества психологов могла явиться источником уверенности, вдохновения и поддержки вера Баркера, и тем не менее сегодня, спустя приблизительно двадцать лет, мы являемся свидетелями взрыва исследовательской активности, посвященной непосредственному изучению повседневного поведения, причем, в отличие от 1950-х и 60-х годов, исследователям не приходится оправдываться за свои действия» (p. 473).

Фокс (Fox, 1989) утверждает, что работа Баркера имела жизненно важные последствия для развития социальных наук. «...Концепция поведенческого сеттинга, возможно, будет играть столь же важную роль в социальных науках, какова роль клеточной теории в биологии» (p. 300). Он рассматривает далеко идущие экономические последствия: экономическая деятельность организаций, потребление и обновление неодушевленных объектов, инвестиции в товары длительного пользования, возмещение расходов на здравоохранение работников, связанных с их участием в функционировании схем управления, и др.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

Мир хаоса против регулярности

Господствующим в психологии являлось представление о том, что мир хаотичен или обладает регулярностью лишь на статистическом уровне и что индивидууму надлежит внести в него большую или меньшую согласованность. Это представление восходит, по меньшей мере, к Уильяму Джеймсу (William James, 1890), часто цитируемая фраза которого гласит, что «дитя, осаждаемое глазами, ушами, носом, кожей и внутренностями одновременно, ощущает все это как одно огромное цветение[3], жужжание, смяте-

[2] Станция находилось на верхнем этаже старого банковского здания. Для ознакомления с отчетом о деятельности станции и взаимодействии с жизнью местного населения см.: Barker, 1990; Wicker 1990; а также Willems, 1990.

[3] Слово «цветение» (blooming), возможно является типографской опечаткой слова «гудение» (booming).

ние...», которые ребенок должен в конце концов научиться *«соединять в единый неделимый объект»* (p. 48, выделено курсивом в оригинале). Иными словами, индивидуум должен упорядочить весь окружающий его мир.

Баркер отмечает, что на самом деле в мире присутствует большое количество организованных компонентов. Атомы организованы в молекулы, а те, в свою очередь, в кристаллы или в такие сложные соединения, как ДНК или РНК, из которых формируются сложные организмы. Мы не нуждаемся в том, чтобы приводить природу в порядок. Она уже сформирована в «ограниченные и внутренне структурированные блоки (units), часто организованные в строго упорядоченные ряды и последовательности» (Barker, 1963b, p. 22). Поскольку психологи, как правило, полагают, что окружающая среда представляет собой хаос и что индивидуум должен упорядочить ее, они экспериментально манипулируют ею и навязывают ей свой порядок вместо того, чтобы наблюдать порядок, присутствующий в естественной ситуации.

Учитывая тот факт, что каждый из нескольких индивидуумов может описывать ситуацию по-разному — будь то читальный зал, судебное заседание или баскетбольный матч, — не является ли это свидетельством отсутствия в ней регулярности, доказательством того, что она не поддается научному анализу? Баркер настаивал бы на том, что *в действительности* эти события упорядочены и даже предсказуемы в той степени, в которой участники предвидят наступление многих событий и ведут себя в соответствии со своими ожиданиями. Вопреки точке зрения, что предсказание возможно лишь благодаря тому, что индивиды делают обобщения и оценивают вероятности событий на основе своего предыдущего опыта или представления о том, что регулярность возникает из восприятий индивидов, Баркер утверждает, что регулярность и предсказуемость внутренне присущи ситуации. Она «предперцептуальна» — существует априорно по отношению к чьему-либо ее восприятию. Однако вследствие того, что методы исследования традиционной психологии нарушают нормальные паттерны поведения, психологам приходится прибегать к предположению о внутреннем программировании, а в некоторых случаях такие концептуализации превращаются в представления о компьютерном мозге. Согласно данной точке зрения, программа является основным детерминантом поведения, а окружающая среда преимущественно неструктурирована и пассивна. Сторонники такого взгляда предлагают концепции пресловутого «черного ящика» или компьютерного мозга и утверждают, что он упорядочивает входные сигналы; «возникает впечатление, что он создает порядок из хаоса» (Barker, 1969, p. 32).

Однако для Баркера окружающая среда не пассивна; она является активной частью блока, частью которого является также и индивид. Хотя Баркер начинал свои исследования, основываясь на субъектоцентрических (органоцентрических) предпосылках, он был вынужден отказаться от них, когда обнаружил, что в пределах одного поведенческого сеттинга дети различаются между собой в меньшей степени, чем при сравнении различных сеттингов. Они очень похожи друг на друга на уроке арифметики, а также во время игры с мячом, однако поведение одного и того же ребенка на уроке и во время игры совершенно различно. Данное наблюдение трудно объяснить исходя из предположения о «внутреннем программировании, которое дети переносят с собой из одного сеттинга в другой» (1969, p. 34). Признавая, что индивидуальные различия существуют, Баркер подчеркивает, что паттерны поведения, соответствующие сеттингу, имеют место несмотря на эти различия. Окружающие условия действуют как гомеостатические системы, имеющие схемы управления (целевые, программные, противодействующие отклонению и запрещающие), которые поддерживают паттерны, характерные для сеттинга: школьного класса, игры в мяч, рабочего места и т. д. Больничные пациенты также демонстрируют более сходные формы поведения в пределах одного сеттинга, чем между различными сеттингами: вариативность их поведения в большей степени объясняется сеттингами, чем индивидуальными различиями (Willems, 1972). Баркер настаивает, что индивидуум является частью предустановленного (pre-existing) порядка, даже если он не всегда воспринимает его как таковой. Мы можем наблюдать этот порядок, если оставим естественные условия нетронутыми. В результате этого таинственный черный ящик, к которому апеллируют психологи, окажется совершенно излишним.

В психологии является общепринятым представление о том, что окружающая среда не имеет четких границ. Например, рабочий на сталелитейном заводе может находиться в окружении ковшей с расплавленной сталью, песчаных форм, движущихся по конвейерным лентам, других рабочих, снующих вокруг и выполняющих свои обязанности, клубов пара, поднимающихся над заполняемыми формами, лязгом и грохотом работающих механизмов. Далее, рабочий, вместе с заводом, находится в окружении домов работников завода, в городе, стоящем на реке, с видимыми вдалеке горами и т. д. При таком взгляде границы того, что является окружением, достаточно размыты, и любое их очерчивание весьма произвольно. Однако для эко-бихевиоральной науки окружающая среда высокоструктурирована и поддается четкому определению. Регулярность и предсказуемость сегментов поведения частично обязана регулярности окружающей среды, относящейся к смежным с ними слоям.

Несоизмеримость блоков

Эко-бихевиоральная наука является не субъектноцентрированной, а блочно-центрированной. Хотя окружающие друг друга конструкции воздействуют одна на другую, они не определяют паттерны или функциональные характеристики смежных областей.

Каждая должна изучаться на своем собственном уровне. Каждая из них *несоизмерима* (не поддается одним и тем же измерениям) с другими. Иными словами, измерение, пригодное для одной из них, не обеспечивает измерения другой: поведенческий сеттинг имеет свои собственные принципы, несводимые к составляющим его индивидуумам или более широким слоям общества, или к общей физической среде, в которую он встроен. Данная позиция является модификацией концепции прецепта (precept) Курта Левина, который утверждал, что поскольку науки несоизмеримы друг с другом, психологические науки (субъективные науки, согласно Левину) не могут включать каких-либо событий, относящихся к каким-либо другим областям (знания). Баркер модифицировал этот взгляд: это блок — в данном случае поведенческий сеттинг, а не наука в целом, — является несводимым или несоизмеримым.

Эко-бихевиоральная наука, как отмечалось выше, не отрицает важности индивидуальных характеристик, и даже не отрицает того, что они могут окрашивать конкретный поведенческий сеттинг. Однако, переходя от субъектно-центрированного подхода к блочно-центрированному, она переносит внимание на роль регулярности и организации в виде паттернов значительной части человеческой деятельности, в которой большинство событий объясняются особенностями поведенческого сеттинга, а не индивидуума. Сеттингом может объясняться даже значительная часть индивидуального поведения.

Трансдьюсеры и операторы

Эко-бихевиоральная наука видит свою роль в качестве «трансдьюсера» («transducer», от лат. *trans* — «через» и *ducere* — «вести»), а не в качестве «оператора». Будучи трансдьюсером, она регистрирует события, которые наблюдает в естественном окружении, и систематизирует результаты наблюдения по категориям для хранения и анализа. Происходящие в данный момент психологические события сами являются операторами, а психолог — «послушным получателем, кодировщиком и передатчиком информации» (Schoggen, p. 150). В противоположность данному подходу, в подавляющем большинстве огромного количества исследований интеллекта психолог выступает как оператор, поскольку в данных исследованиях активность испытуемых ограничивается ответами на стандартные тестовые вопросы, и в них редко собираются данные, касающиеся интеллектуальных требований, предъявляемых реальной жизнью, и реакций на эти требования. Психологи знают об интеллекте в виде реакций на тестовые вопросы и о корреляции этих реакций с оценками учителей и результатами профессиональной аттестации, однако они почти ничего не знают об интеллекте охотников-собирателей, членов аграрных сообществ или городских преступных группировок.

Аналогичным образом они знают, как ведут себя крысы, помещенные рядом друг с другом в большом количестве в условиях лабораторного эксперимента, однако они мало знают о поведении людей, живущих бок о бок в перенаселенных городских квартирах или переполненных тюрьмах. Кроме того, результаты экспериментов, посвященных изучению фрустрации у детей (Barker, Dembo & Lewin, 1941), имеют мало общего с результатами исследований, проводимых в реальных ситуациях (Fawl, 1978). Психологический оператор получает данные, отличные от тех, которые получает трансдьюсер. Психологи сумели выяснить многое о том, как люди ведут себя в экспериментальных условиях, но мало знают о том, как они ведут себя в естественных условиях. Ни одна лаборатория не сможет обеспечить данных, поставляемых трансдьюсером, утверждают эко-бихевиоральные психологи. Такие данные могут быть получены только при изучении реальной жизни. «Психология была так озабочена отбором, навязыванием и реструктурированием поведения своих испытуемых, что до самого последнего времени не удосуживалась обращать внимание на четко различимые структуры поведения, если они не были обременены тестами, экспериментами, опросниками и интервью» (Barker, 1963b, p. 24).

> «Психология, как правило, предпочитает изучать элементы окружающей среды в контролируемых лабораторных условиях, изолированно от превратностей жизненных ситуаций, в которых они встречаются, — вдали от спортивных игр, научных конференций, автомобильных магистралей и музыкальных классов». (Schoggen, 1989, p. 4).

Поскольку психологи обычно полагают, что окружающая среда хаотична и организм должен упорядочивать ее, они манипулируют ею экспериментально — навязывают свой порядок, вместо того чтобы наблюдать взаимоотношения организм—среда. Они занимают позицию операторов, а не трансдьюсеров.

Распределение и таксономии поведения

Физическими и психологическими науками накоплено огромное количество данных о составляющих земной поверхности (и даже Луны), о газах и других элементах состава звезд, о числе видов муравьев, живущих в тропических лесах, о дальности перелетов мигрирующих птиц и т. д. Но что они знают «об игре, о смехе, о беседе, об ощущении того, что тебя ценят или игнорируют, о конфликте и о поражении»? (Barker, 1963a, p. 145). Что могут они сказать о том, как часто дети принимают участие в общественной жизни различных сообществ, или о том, в каких видах внешкольной деятельности они участвуют, учась в школах с различным количеством учеников, и какое влияние это оказывает на резуль-

таты их обучения (на с. 201–203 даются ответы на некоторые из этих вопросов)? Поскольку они мало что знают о распределении поведения, они также мало что знают о таксономии поведения, включая знание о том, какие существуют блоки поведения и окружающей среды и как они между собой соотносятся. Однако эко-бихевиоральной науке удалось сделать ряд шагов в этом направлении.

Бехтель (Bechtel, 1981) изучал сообщество на Аляске с целью определить типы присутствующих в нем поведенческих сеттингов. В отличие от Баркера и Вригта (Barker & Wright, 1955), предлагающих достаточно произвольное деление на правительственные, образовательные, коммерческие, церковные и добровольные организации, Бехтель выделяет работу (производственную деятельность), социальную жизнедеятельность, группы меньшинств и детей. Однако в аналогичном исследовании, проводимом в шести городах штата Канзас, были выделены такие сеттинги, как возраст, количество участников и продолжительность (функционирования) сеттинга, — это позволяет предположить, что определяющими факторами являются переменные местного характера, а не переменные, общие для различных местностей (Bechtel, 1982a).

Проблемы и теории в противовес событиям и отказу от теории

Согласно точке зрения Баркера (Barker, 1969), нарушая нормальные паттерны поведения за счет экспериментов, опросников и интервью, психология пыталась выявить норму статистически, а также путем введения «в еще большей степени определяемых теорией и в меньшей степени определяемых сеттингом переменных» (p. 32). Крайне важно, считает Баркер, собирать данные в условиях полевого сеттинга, не руководствуясь какой-либо теорией и не ориентируясь на какую-либо проблему, подлежащую разрешению, а также никоим образом не вмешиваясь в естественно происходящие события. Психолог, проводящий полевое исследование, должен оказывать минимальное влияние на ситуацию, обеспечивать по возможности максимально полное описание всего происходящего и заносить все данные в архив. Если же он вступает в ситуацию, имея в виду определенную теорию или проблему, он будет собирать только те данные, которые имеют отношение к данной теории или проблеме. Однако собранные им нейтральные заархивированные данные будут доступны каждому, кто захочет использовать любую часть этих данных по любому назначению. Баркер приводит ряд примеров такого использования собранных им самим полевых данных. «Этот опыт научил нас, что данные, которые для одного исследователя являются пустой породой, для другого оказываются золотом» (Barker, 1969, p. 39).

Анализ полевых данных требует использования методик, соответствующих природе этих данных. Данные не должны подгоняться под нормальное распределение и другие способы организации данных, принятые для проверки гипотез, точно так же как испытуемые не должны специально распределяться по уравновешенным группам или по экспериментальным и контрольным группам. Сами события, а не штампы, выработанные экспериментальной психологией, должны определять метод анализа, настаивает Баркер.

Тематика эко-бихевиоральной науки

Виллемс (Willems, 1972) указывает на различия между эко-бихевиоральной наукой и более традиционными подходами:

> «Эколог рассматривает мир как характеризующийся в большей степени сложностью, чем простотой, как мир, подчиняющийся законам равновесия, реципрокности и взаимозависимости, а не как мир, в котором независимые друг от друга события происходят изолированно. Таким образом, с неизбежностью формируется обладающая ярко выраженной множественностью тематическая структура или основной акцент работы экологического психолога... Составляющими этого тематического акцента являются: (а) регистрация распределения феноменов в природе; (б) таксономическое исследование; (в) поиск базовых процессов и принципов; (г) проверка частных гипотез; (д) формулирование принципов организации и взаимозависимости в рамках систем; (е) предсказание эффектов, наступающих в рамках систем со временем, (ж) оценка предсказанных эффектов... В сфере наук о поведении ощущается острая нехватка специалистов по темам (а) и (б), а также имеет место недооценка их роли. Вместо этого специалисты в области наук о поведении набрасываются на темы (в) и (г), используя в различных сочетаниях лабораторные и полевые исследования. В результате поведенческие науки оказываются практически не в состоянии разрабатывать темы (д), (е) и (ж), которые зависят от остальных четырех».

ПОЛУЭКСПЛИЦИТНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

Баркер не приводит в четко сформулированном виде постулаты, которыми он руководствуется, однако он более или менее прямо указывает на ряд из них в различных публикациях. Поэтому их можно рассматривать как полуэксплицитные.

• *Метапостулаты* (поддерживающие допущения для конкретной науки):

1. Многие естественные события, относящиеся как к физической окружающей среде, так и к поведению,

являются упорядоченными и структурированными (patterned).

2. Многие естественные события, включая события с участием людей, происходят в организованных смежных целостностях или блоках (units), несоизмеримых между собой.

3. Окружающая среда является не пассивной, а активной.

4. Естественно происходящие события, включающие человеческую деятельность, могут быть поняты, только когда эти события наблюдаются в естественной последовательности, не прерываются и не дробятся на дискретные элементы (units).

5. Поведение является функцией окружающей среды.

• *Постулаты* (допущения, относящиеся к предмету изучения):

1. Именно поведение, а не гипотетическая душа (mind) или какой-то иной конструкт, поставляет нам данные, и именно к поведению следует обращаться в любом описании или анализе.

2. Формы поведения, в совокупности с неодушевленными предметами и внешними условиями, образуют организованные и самоподдерживающиеся паттерны, которые служат правомерной областью исследования.

3. Причины поведения лежат преимущественно в его «сеттинге» (единстве установочных параметров и внешних условий), а не в индивидуальных чертах.

4. Поведение и «сеттинг» взаимозависимы.

5. «Сеттинги» поведения не сводимы ни к какому другому уровню события.

• Операционные принципы:

1. Выбор тем исследований определяется требующими изучения областями жизни и деятельности, а не положениями той или иной теории.

2. Сбор данных производится с атеоретической позиции, хотя их последующий анализ может проводиться на основе теории.

3. Наблюдение должно относиться к естественно происходящим событиям и, по возможности, не оказывать влияния на наблюдаемые явления.

4. Достоверное наблюдение требует размещения исследовательской базы в непосредственной близости от изучаемых «сеттингов»; она должна быть неотъемлемой частью существования интересующего исследователей сообщества (community).

5. Часто целесообразно продвигаться от «от сложного к простому». «Сложное» может представлять собой некую организацию, которая не могла бы быть выявлена при изучении отдельных частей или при попытке понять целое по его частям.

6. Для адекватного понимания взаимозависимостей и кумулятивных эффектов могут потребоваться длительные периоды наблюдения.

7. Результаты измерений, даже если они производились в минимальных масштабах и не обнаружили ярких эффектов, следует собирать и накапливать как индикаторы экологических отношений.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Теория «комплектации»: переукомплектованность и недоукомплектованность

Баркер изучал поведенческие сеттинги в маленьком городке штата Канзас, который он назвал Мидвест (Midwest, Barker & Wright, 1955), а также в городке графства Йоркшир (Англия), который он назвал Йордэйл (Yoredale, Yorkshire, England, Barker & Schoggen, 1973). Жители Мидвеста участвовали в большем количестве сеттингов на человека, чем жители Йордэйла, и делали это чаще. Этот факт привел Баркера к ряду гипотез, связанных с последствиями переукомплектованности (overstaffing) и недоукомплектованности (understaffing) людьми (в более ранней терминологии — overmanning, undermanning) в поведенческих сеттингах. В случае недоукомплектованности, в отличие от переукомплектованности или оптимальной укомплектованности, теория предполагает следующее (в уточненной формулировке Баркера и Шоггена, Barker & Schoggen, 1973):

Различия, связанные с задачей:

• более напряженные усилия или большее количество часов, затрачиваемое на поддержание функционирования поведенческого сеттинга;

• более частые и более интенсивные попытки противостоять факторам, угрожающим сеттингу;

• более частые и более разнообразные попытки привести отклоняющееся поведение в соответствие с потребностями сеттинга;

• большее количество обращений за помощью при выполнении задач, характерных для сеттинга;

• каждый участник чаще занимает ответственные позиции;

• каждый участник занят в выполнении более сложных, разнообразных и насущных задач.

Психологические различия:

• каждый участник ощущает большую ответственность и воспринимает свою работу как крайне важную;

• каждый участник воспринимает как себя, так и других с точки зрения выполняемой работы, а не с точки зрения личностных характеристик;

• бóльшая обеспокоенность жизнеспособностью сеттинга;

• более сильное ощущение разносторонности;

• менее критичное отношение к качеству работы других.

К другим последствиям недоукомплектованности относятся более низкие требования к приему в сеттинг, участие большинства индивидов в выполнении более сложных задач, большая частота как успехов, так и поражений, и большая субъективная ценность каждого участника в восприятии других участников сеттинга (Wicker & Kirmeyer, 1976). Изучение поведенческих сеттингов в школах и церквях подтвердило эти теоретические предположения. Они также относятся и к рабочим местам: в небольших рабочих коллективах работники больше взаимодействуют друг с другом, сильнее ощущают свои обязательства по отношению к другим работникам и участвуют в выполнении более трудоемких задач, чем работающие в составе больших коллективов (O'Donnell, 1980). Переукомплектованные сеттинги, напротив, характеризуются меньшим количеством вопросов, задаваемых новичками, вероятно, вследствие большего смущения тем, что они не владеют нужной информацией, а также тем, что они кажутся чужими в коллективе (Fuhrer, 1987, 1988).

В своем исследовании в рамках проекта *«Большая школа, маленькая школа» (Big School, Small School)* Баркер и Гамп (Barker & Gump, 1964) изучали добровольные поведенческие сеттинги, такие как спортивные команды, отряды болельщиков, музыкальные коллективы и языковые клубы, и обнаружили, что такие поведенческие сеттинги не увеличиваются пропорционально росту размеров школы — фактически количество учащихся школы возрастает в восемь раз быстрее, чем происходит рост внеклассных коллективов. Существуют также характерные для каждого сеттинга пределы числа участников, которое он может принять. В работе школьной газеты или в классной игре может участвовать лишь определенное количество школьников. Сеттинг крупной школы включает в среднем в три раза больше участников, чем сеттинги маленьких школ. В отличие от переукомплектованности учащимися в крупных школах, каждый из сеттингов маленькой школы не только был недоукомплектован, но недостаточное количество учащихся по отношению к количеству сеттингов приводило к тому, что на одного учащегося приходилось в среднем по 3,7 поведенческих сеттинга. Те, кто учился в крупных школах, участвовали только в 0,6 сеттинга. В крупных переукомплектованных школах вето подвергались 29% участников, тогда как в маленьких школах эта цифра составляла лишь 2%; в последних чаще использовались схемы противодействия отклонениям, чем запрещающие схемы. Когда в сеттинге ощущается недостаток людей, для него важно сохранять как можно большее число участников и пытаться добиться от отклоняющихся индивидов в достаточной степени конформного поведения, чтобы они могли содействовать достижению целей сеттинга.

Учащиеся маленьких школ отмечали удовлетворение (а) своими достижениями и уровнем совершенствования своей подготовки; (б) тесным сотрудничеством с другими учащимися; (в) тем, что они отвечают предъявляемым к ним требованиям, и (г) ощущением того, что их ценят. Учащиеся крупных школ указывали, в основном, на косвенные источники удовлетворения — чувство принадлежности к крупной школе или к школе, которая завоевывает медали и побеждает на чемпионатах. Кроме того, крупные школы характеризуются более высоким процентом учащихся, бросивших школу (Schoggen & Schoggen, 1988). Учащиеся маленьких школ занимали больше ответственных позиций, а также проявляли более активное участие в общественной жизни (Barker & Gump, 1964). Вследствие того, что учащиеся маленьких школ имели больше возможностей для участия в добровольных поведенческих сеттингах, положительный психологический эффект, вызываемый ощущением своей принадлежности и собственных достижений, вероятно, оказывал определенное влияние на то, что маргинальные учащиеся оставались в школе. Некоторые исследования (Wicker, 1979a) подтверждают, что индивидуумы в недоукомплектованных ситуациях чувствуют большую вовлеченность в их деятельность, чем в переукомплектованных.

> «Усиливающаяся тенденция людей уходить или пропускать мероприятия по мере роста общественных учреждений, по-видимому, присутствует не только в учебных заведениях. Она характерна также и для «Ротари-клубов», для коллективов шахтеров, рабочих текстильных фабрик, служащих аэрофлота и т. д. Таким образом, истинность старой поговорки «Чем больше, тем лучше» сомнительна» (Gump, 1978, p. 255).

В маленьких школах маргинальные учащиеся — дети, чьи родители не закончили средней школы и чьи оценки по интеллектуальным тестам оказываются ниже среднего уровня (и потому это наиболее вероятные кандидаты на уход из школы), ощущают большее социальное давление, побуждающее их к участию в жизни школы, чем немаргинальные учащиеся. В крупных школах они чувствовали себя аутсайдерами, но в маленьких школах их ценят и помогают им включиться в школьную деятельность (Willems, 1967); для них обучение в маленькой школе имеет больше преимуществ, чем для других. Учащиеся старших классов маленьких школ штата Нью-Йорк (Schoggen & Schoggen, 1988), а также маленьких школ, расположенных во всех регионах страны (Baird, 1969), участвовали в большем количестве различных поведенческих сеттингов, несмотря на то, что эти школы не могли предоставить своим учащимся столь же разнообразных возможностей, как крупные школы. Те учащиеся, которые активно участвовали

в других мероприятиях, кроме спортивных, имели более высокий уровень успеваемости в колледже, чем те, кто не проявлял активного участия, независимо от социально-экономического статуса и уровня академической успеваемости (Hanks & Eckland, 1976; Otto, 1975; Spady, 1970). Учащиеся маленьких школ превосходили учащихся крупных школ по четырем из шести разделов учебной программы (Baird, 1969). При сравнении крупных и маленьких церквей было обнаружено, что, как и маленькие средние школы, маленькие церкви отличались меньшим количеством участников на каждый поведенческий сеттинг, чем крупные церкви; их члены ощущали большее социальное давление, побуждающее их к участию, занимали больше ответственных позиций, а также участвовали в более разнообразных видах деятельности в рамках поведенческих сеттингов (Wicker, 1969).

Дальнейшее совершенствование концепции укомплектованности предполагает рассмотрение таких показателей, как минимальное число лиц, требующееся для продвижения сеттинга к его цели (*минимум поддержания, maintenance minimum)*, максимальное число лиц, которое сеттинг может принять (*вместимость, capacity)*, а также общее число тех, кто хотел бы участвовать в сеттинге *(кандидаты, applicants)* (Wicker, McGrath & Armstrong, 1972). Показатель вместимости может включать размеры физической площади, количество единиц имеющегося оборудования и т. д., а также число возможных поведенческих ролей. Поведенческие роли включают «исполнителей» и «неисполнителей» («nonperformers»). «Неисполнители» являются потребителями, подобно зрителям в театре или на спортивных состязаниях. Проведенный Уикером анализ этих компонентов показал, что недо-, пере- или адекватная укомплектованность зависит от отношения числа кандидатов, желающих стать исполнителями или неисполнителями, к минимуму поддержания, а также от того, в какой степени ограничения вместимости позволяют принять исполнителей и неисполнителей. Недоукомплектованность имеет место, когда число кандидатов меньше требуемого минимумом поддержания, а переукомплектованность — когда число кандидатов превышает вместимость сеттинга. В более точной формуле принимаются во внимание не только физические условия, но также число исполнителей и неисполнителей.

В исследованиях такого явления, как теснота (crowding), этот показатель обычно рассматривался как функция количества человек на метр квадратный. В измененной Уикером формулировке укомплектованности подчеркивается роль поведения как ключевого условия, влияющего на эффекты, вызываемые этим показателем, и обеспечивающего возможность более совершенного его определения. Предложенная им формула показывает, что любое решение данной проблемы должно предполагать нечто большее, чем простое сведение его к увеличению пространства или сокращению числа людей.

Поведенческие сеттинги и эффекты уровня укомплектованности могут быть распространены и на животных в отношении тех аспектов, которые связаны с их выживанием и размножением (Schneider, 1990). У столь различных видов животных, как кроты, осы, шимпанзе и волки, формируются устойчивые паттерны поведения во взаимодействии с неодушевленным окружением. Если мать маленьких волчат умирает, другая волчица может начать кормить их молоком и заботиться о сиротах, поддерживая сложившиеся паттерны поведения. У животных также сказываются определенные эффекты уровня укомплектованности. Когда колония пчел становится переукомплектованной, их матка изгоняется — на нее налагается вето — наряду с рабочими пчелами. Когда стаи волков становятся переукомплектованными по отношению к возможностям обеспечения пищей, они вторгаются на территории друг друга и вступают в схватки; особи с низким статусом должны умереть голодной смертью или покинуть стаю. Небольшие группы хищников иногда присоединяются к другим, чтобы сформировать группу, имеющую более оптимально укомплектованный количественный состав по отношению к возможностям обеспечения добычей. Автор отмечает, что данные проявления сходства с людьми представляют собой лишь грубые параллели и что существуют также значимые различия.

Изучая три типа организаций, Индик (Indik, 1965) обнаружил, что участие в деятельности группы приводит к повышению уровня общительности и дружелюбия между участниками, и это в большей степени проявляется в малых группах, чем в больших. Уикер (Wicker, 1976) отмечает, что практически невозможно уменьшить размеры школ или фабрик до такой степени, чтобы они стали обладать преимуществами малых групп, однако возможно определить, какие факторы маленького сеттинга могут быть перенесены на большой. Если холодные безличные отношения на крупной фабрике приводят к прогулам, можно способствовать установлению более дружеских отношений и атмосферы взаимного внимания, чтобы количество прогулов снизилось. Однако для каждой отдельной организации или поведенческого сеттинга должны быть определены присущие только ему специфические факторы. Обзор исследований по данной теме, проведенный Уикером, свидетельствует о том, что данная область характеризуется высокой степенью сложности и малым количеством универсальных факторов.

Уикер (Wicker, 1979a) изучал спонтанную адаптацию, имеющую место в сеттингах, в которых появляется большее число клиентов, чем сеттинг может обслужить. В Национальном Парке Йосемити (Yosemite National Park) лесничие используют большее количество стратегий, позволяющих справиться с ситуацией, при увеличении рабочей нагрузки (количества посетителей парка); при этом усиливается ощущение ими своей ответственности и необходимо-

сти. Однако с продолжением летнего сезона это ощущение уступает место чувству напряжения и усталости. Уикер (Wicker, 1979a) составил резюме результатов других исследований по данной теме, а также список вопросов, нуждающихся в изучении. На их основании можно сделать вывод, что на эффекты уровня укомплектованности оказывает влияние множество факторов, включая индивидуальные характеристики участников — условие, которому Баркер не придавал существенного значения.

В условиях, еще более удаленных от натуралистического наблюдения, Уикер и его коллеги (Wicker, 1976) провели экспериментальное исследование по проверке эффектов уровней укомплектованности. Юноши — студенты колледжа участвовали в игровом аттракционе, имитирующем автогонки, при различных уровнях требований к количеству участников. Как и ожидалось, ситуация переукомплектованности приводила к снижению ощущения своего участия, по сравнению с ситуацией недоукомплектованности. Ряд других предсказаний на основании теории укомплектованности при этом подтвердился, а ряд других — нет. В эксперименте, участники которого выполняли задание по сооружению книжных полок из кирпичей и досок, было обнаружено влияние индивидуальных характеристик, а также особенностей сеттинга (Perkins, 1982). Результаты подобных экспериментов заставляют поставить вопрос о том, распространяются ли их результаты на реальные жизненные ситуации.

В качестве альтернативы постановке искусственных экспериментов Виллемс (Willems, 1972a) предлагает собирать данные естественных экспериментов — таких как рост населения, изменения социальных программ, изменения в организациях, а также изменения транспортных систем или маршрутов, реконструкция зданий и бесчисленное множество других.

Поведенческий сеттинг

Генотипные сеттинги в школах. Если лидеры одного поведенческого сеттинга или относящиеся к нему неодушевленные объекты могут быть помещены в другой поведенческий сеттинг и он продолжает функционировать как и раньше, то оба сеттинга имеют одинаковый *генотип (genotype)*. Например, игроки в большинстве игр или спортивных мероприятий могут быть заменены другими без каких-либо значительных изменений паттернов. Аналогичная ситуация имеет место с физическими объектами, если заменить стулья и стол в приемной стоматологической клиники на другие в равной степени пригодные предметы мебели, сеттинг будет продолжаться без изменений. Он также продолжит свою работу в прежнем режиме, если одного стоматолога заменить другим. Следовательно, это генотипные поведенческие сеттинги. Баркер обнаружил 198 генотипов в маленьком городке, названном им Мидвестом, и 30 в средней школе. В книге «Большая школа, маленькая школа» («Big School, Small School») Гамп (Gump, 1978) сообщает, что учебные классы в двух самых маленьких средних школах — по 40 учащихся в каждой — содержали по 12,5 генотипов каждая, тогда как самая крупная — 2105 учащихся — включала 28,5 генотипов обучения. Средние размеры школы составляли 339 учащихся и 21,5 генотипа. Количество учащихся в самой крупной школе превышало их количество в самой маленькой более чем в 52 раза, однако количество генотипов было большим всего приблизительно в 2 раза. Количество учащихся в самой крупной школе по сравнению со средней было большим в 6 раз, однако количество генотипов было большим лишь на одну треть. Гамп замечает: «Требуется внушительное увеличение размеров для минимального увеличения разнообразия» (p. 246).

Исследование взаимосвязи между количеством учебных курсов, предлагаемых средними школами штата Нью-Йорк, и размерами этих школ показало, что количество курсов возрастает вместе с ростом числа учащихся до тех пор, пока последнее не достигает четырехсот, после чего почти не увеличивается. Кроме того, даже при увеличении числа предлагаемых курсов в основном это дополнительные вводные курсы, а не курсы, построенные по принципу последовательного повышения уровня подготовки (Monk, 1987), хотя в некоторых школах удается преодолеть эффекты размера (Monk, 1990). Курсы продвинутого уровня, которые предлагают крупные школы, посещаются относительно небольшим числом учащихся (Haller et al., 1990), кроме того, это, как правило, математические и естественнонаучные курсы, а не языковые или посвященные социальным наукам (Monk & Haller, 1993). Хотя была рекомендована программа слияния школ по всей стране, как обеспечивающая экономию средств и более насыщенный учебный план, свидетельства таких преимуществ отсутствуют. Данные свидетельствуют о минимальном выигрыше и больших потерях, связанных с крупными школами; и даже о том, что «крупные, сложные в управлении и бюрократизированные школы препятствуют достижению социальных и нравственных целей, к которому стремятся сторонники реформ» (Haller & Monk, 1988). Халлер (Haller, 1992) обнаружил, что в крупных школах меньше порядка и больше нарушений дисциплины, чем в маленьких школах. Монк и Халлер (Monk & Haller, 1986) продемонстрировали, что учащиеся маленьких школ показывают на экзаменах результаты, не уступающие учащимся крупных школ; а также, в подтверждение выводов Баркера и Гампа, что их уровень участия во внеклассной активности и уровень социального развития даже выше.

Фенотипные сеттинги. Фактически наблюдаемые формы поведения — это *фенотипы (phenotypes)*, поведенческие эпизоды, регулярно встречающиеся в различных сеттингах. Они не зависят от индивидуумов и представляют функцию, тогда как генотипы представляют структуру. Их можно обнаружить в таких социальных системах, как группы взаимопомо-

щи или сеансы психотерапии. В исследовании групп взаимопомощи (так называемых GROW), помогающих людям справляться с жизненными проблемами, «понимая и принимая» («caring and sharing»), тринадцать групп, участвовавшие в 510 встречах, относились к одному генотипу, но различались по четырем фенотипам: для одних были характерны более личные, а для других — более безличные отношения; в одних общение носило более рекомендательный характер, а других приближалось к обычной беседе. Одна группа отличалась слабым руководством; встречи проходили хаотично, постоянно отклоняясь от цели, участники не раскрывались друг перед другом, а больше занимались пустыми разговорами. В другой группе руководство было сильным и было постоянно ориентировано на цель; члены группы работали друг с другом как за пределами встреч, так и на встречах (делились советами). Эти фенотипические паттерны оставались устойчивыми, несмотря на активную смену состава групп. Эти вариации в пределах одного генотипа, вариации по функции, а не структуре, были упущены из вида в первоначальной формулировке поведенческих сеттингов (Luke, Rappaport & Seidman, 1991).

> «Категория генотипа может быть использована для рассмотрения вопросов, связанных со сравнениями между многими различными типами сеттингов. Однако если нас интересует более тщательный анализ поведенческого функционирования в пределах небольшого набора более сходных сеттингов, наиболее полезной оказывается категория фенотипа» (p. 165).

Авторы полагают, что фенотипные формы поведения в поведенческих сеттингах имеют преимущества для эко-бихевиоральной науки в том, что они (а) подчеркивают вариативность поведения между сеттингами и (б) обеспечивают практическое приложение теории поведенческих сеттингов к малым гомогенным группам. Они считают, что такие формы поведения также могут представлять интерес для широкого спектра социальных наук и для более субъективных методологий.

Поведенческие эпизоды. Баркер и Вригт (Barker & Wright, 1955) обнаружили, что максимальное число эпизодов, в которых заняты дети в любой момент времени, равно четырем, и что дети редко участвуют более чем в трех эпизодах одновременно. Данное наблюдение, по-видимому, также распространяется и на учителей (Scott, 1977). В поведенческом сеттинге, названном Активность Большой Группы (Large Group Activity), эффективные эпизоды поведения учителей в большей степени включали группу как целое, в то время как менее эффективные эпизоды поведения учителей были в большей степени направлены на отдельных индивидуумов или на малые группы. Если Баркер и Вригт обнаружили, что дети ведут себя более похожим на других детей образом в пределах одного сеттинга, чем на самих себя в других сеттингах, то Скотт обнаружил, что данное наблюдение в равной степени верно и для учителей. Различия между эффективными и неэффективными учителями были минимальны в сеттингах, в которых поведение носило предписанный характер, и становились максимальными в сеттингах, где допускалась значительная индивидуальная свобода.

Картирование поведения. Картирование поведения было объединено с эко-бихевиоральной наукой с целью обеспечения высокоэффективной методологии. Карта поведения аналогична архитектурному плану этажа. На схеме, изображающей пространство места действия, отмечается точка, указывающая, что здесь имело место поведение, соответствующее заранее определенной поведенческой категории. В таблице, строки которой представляют пространственную локализацию, а столбцы — предварительно разбитые на категории формы поведения, конкретное поведение будет представлено пересечением строк и столбцов. В одном примере картирования поведения аутичных детей в классе сеттинги состояли из работы с учителями, свободной игры, перерыва и групповой работы. Формами поведения были неуместная эхолалия (out-of-seat echolalia), самостимуляция, вспышки раздражения, адекватное поведение, работа, игра и социальное поведение. Составление карты показало, что в одних сеттингах имеет место большее количество форм поведения, а в других — меньшее. Как и в случае нормальных детей, поведение аутичных детей, по-видимому, определяется сеттингом (Charlop, 1983).

Шкалирование. Поведенческие сеттинги могут измеряться с помощью различных шкал. *Шкала автономии (autonomy scale)* показывает, где принимаются решения, касающиеся того, кто может участвовать в сеттинге. Высшая оценка в девять баллов ставится в том случае, если решение принимается локально, а низшая — в один балл, — если решение принимается федеральным правительством. Бехтель (Bechtel, 1982b) увеличил шкалу до двенадцати баллов, чтобы включить решения, принимаемые внутри сеттинга. *Шкала проникновения (penetration scale)* предполагает высшую оценку в шесть баллов для индивидов, чья роль в сеттинге настолько необходима, что данное лицо оказывается незаменимым: например, лицо, разработавшее совершенно новую медицинскую процедуру; магазин или фирма, которой руководит один человек; профессор, читающий уникальный университетский курс. Если замена возможна, ставится оценка в пять баллов. Оценка в четыре балла ставится тем, чья роль необходима, но не относится к уровню высшего руководства. Баркер показал, что определенные группы, такие как женщины и дети, часто допускались только к данному уровню и исключались из высших. Уровень один состоит из наблюдателей, не вносящих никакого вклада, кроме своего присутствия. Показатель уровня проник-

новения может быть использован для измерения числа возможных руководящих позиций по отношению к размерам популяции, иными словами, там, где стремящиеся занять такие позиции лица должны искать наиболее благоприятные возможности. *Оценки благоприятствования (welfare ratings)* измеряют степень, в которой поведенческий сеттинг обеспечивает льготы таким группам, как меньшинства, тогда как *оценки давления (pressure ratings)* указывают на способ, посредством которого правила сеттинга исключают таких индивидуумов. На основе сочетания этих и других оценок может быть выведен общий индекс изобилия (general richness index). Чем выше этот показатель, тем больше типов поведения и руководства доступны в данном сеттинге. Сбор такой информации представляет собой «обследование поведенческого сеттинга» («behavior setting survey»). Иногда оно дополняется опросниками для определения установок, ценностей и других субъективных форм поведения.

Фокальная точка поведения. Бехтель (Bechtel, 1982b) провел анализ семи обследований поведенческих сеттингов и тех из полученных данных, которые позволили добиться улучшения условий жизни в этих сеттингах. В результате выявилась «фокальная точка поведения» («behavior focal point»), представляющая собой поведенческий сеттинг, наиболее доступный на протяжении максимально продолжительного времени для наибольшего числа элементов популяции: «Это место, где наибольшее число жителей может встречаться лицом к лицу» (p. 159–160). Используя данные этих исследований, удалось усовершенствовать проектирование организационной структуры и жилищных условий общины (community). Данная методология является более комплексной, чем методология исследований, основанных на отдельных гипотезах, что характерно для большинства психологических и социологических исследований.

Дальнейшие исследования и приложения. Изучая пансионат для женщин с хроническими поведенческими патологиями, Перкинс и Перри (Perkins & Perry, 1985) идентифицировали 93 поведенческих сеттинга, включая как организованные для обитателей пансионата персоналом, так и те, которые имели место без планирования со стороны персонала, например, прием пищи или просмотр телевизионных программ. Авторы проанализировали 55 из них, чтобы определить, какие требования сеттинги предъявляют к женщинам. Сеттинги, включающие экскурсии за пределы пансионата, как правило, предполагали более высокий уровень требований, чем происходящие в пределах резиденции. Четкая формулировка таких требований может привести, по мнению авторов, к более оптимальному структурированию как по отношению к повышенным, так и к пониженным требованиям. Авторы также предположили, что изучение мер поощрения и принуждения, практикуемых в сеттингах, также будет полезным.

Несмотря на доступность школьных классов для проведения научных наблюдений, лишь немногие исследователи занялись изучением естественно происходящих классных сеттингов. В своих исследованиях, вызванных работами Баркера и других психологов, Джоунз (Jones, 1981) обнаружил существенные характеристики таких условий, как размеры класса, классная структура (метод изложения материала) и пространственная организация (расположение сидячих мест). В частности, в классах, насчитывающих менее 15 учащихся, более 70% из них активно участвовали в занятиях независимо от классной структуры, однако эта цифра падала до 10% в больших лекционных классах. Количество учеников, превышающее пятнадцать или двадцать, не являлось эффективным для групповой дискуссии. Аналогично расположение сидячих мест по кругу вызывало неудобства и было неэффективным при количестве учеников более двадцати.

Используя методы Баркера и Вригта, Скотт (Scott, 1977) обнаружил, что эффективные учителя, ведущие программы подготовки к школе (preschool programs) детей из неблагополучных семей, использовали меньшее количество более длительных поведенческих эпизодов, чем менее эффективные учителя. Их активность была более направленной и холистической и была постоянно ориентирована на цель. Они чаще достигали целей занятия. Аффективное поведение этих учителей также обладало рядом отличий: они выражали больше положительных и меньше отрицательных чувств, чем менее эффективные учителя, и проявляли тепло, принятие, поддержку и одобрение, в противовес гневу, нетерпению и отвержению.

Маловероятно, что кто-либо еще когда-нибудь предпримет исследование всех общественных поведенческих сеттингов целого сообщества, как это сделали Баркер и его коллеги в городках Мидвест и Йордэйл. Такие исследования требуют долговременного финансирования, которое в наши дни сложно получить, а спонсорские организации предпочитают финансировать сбор информации о городских и пригородных районах, где живет большинство населения, а не исследования маленьких городов. В результате в настоящее время исследования посвящены более специализированной и узкой тематике.

В исследовании, возможно ставшем последним широкомасштабным проектом такого рода, теория поведенческого сеттинга была использована для сравнения сеттингов в шести городах до и после введения в эксплуатацию крупной дамбы, затопившей значительную территорию (Harloff, Gump & Campbell, 1981). Наибольшие изменения произошли в правительственных сеттингах, особенно в главном городе округа. Часы функционирования правительственных поведенческих сеттингов увеличились на 44%, тогда как часы работы частных предпринимательских сеттингов увеличились лишь на 4%. В некоторых городах произошли ощутимые изменения за

период проведения исследования, однако в большинстве случаев лишь немногие из них были связаны с дамбой.

Оптимизация исследований и самоотчеты

В ходе исследования Мидвеста было собрано по 230 информационных элементов (data entries) для каждого из более чем 800 сеттингов. Общее число информационных элементов составило 184 000 для маленького города. Факторный анализ этих данных показал, что 43 дескриптора можно свести к 9 и, тем не менее, объяснить 62% дисперсии (Price & Blashfield, 1975). Другие исследователи сокращали период сбора данных и вводили другие упрощения. Такие сокращенные методы сбора данных должны ускорить проведение исследований поведенческих сеттингов.

Было проведено исследование, в ходе которого подготовленные наблюдатели регистрировали поведение людей в следующих трех ситуациях: (а) в палате, (б) в общественной зоне больницы и (в) при прохождении физиотерапии для лиц с повреждениями спинного мозга. Наблюдаемые лица также предоставили самоотчеты о своем поведении (Norris-Baker, Stephens and Willems, 1982). Формы поведения варьировались от ситуации к ситуации, однако самоотчеты хорошо согласовывались с данными, полученными от независимых наблюдателей. Точность самоотчетов навела авторов на предположение, что данный метод может являться высокоэкономичным средством получения больших объемов качественных данных «о паттернах повседневного поведения людей в различных окружающих условиях, даже в тех случаях, когда пользователи мобильны» (p. 440).

Вмешательство

Одна из основных предпосылок, которыми руководствовался Баркер, гласила, что исследователь не должен каким-либо образом вмешиваться в сеттинг. Исследователь должен являться трансдьюсером, а не оператором. Уикер (Wicker, 1979a) утверждает, однако, что вмешательство — это процедура, позволяющая узнать, каким образом определенные изменения могут способствовать улучшению положения участников, и это невозможно выяснить каким-либо другим способом. Он обнаружил, что установка цепных ограждений облегчает посадку в автобус в местах, где скапливается большое количество людей, и что размещение информационных указателей и показ немых фильмов уменьшает субъективное время ожидания в больницах для оказания неотложной помощи. Однако вследствие постоянно происходящих в любой ситуации изменений, что вносит неоднозначность в экспериментальные результаты, Уикер призывает быть осторожными в использовании экспериментального вмешательства. Исследователь должен проанализировать огромное количество факторов, прежде чем приступить к эксперименту. И даже в этом случае только те изменения, которые носят относительно устойчивый характер, при условии что они позитивны, подлежат исследованию, предостерегает он.

ОБЛАСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Большинство новаторских исследований эко-бихевиоральной науки относилось к сфере *фундаментальной*, а не *прикладной* науки. Но несмотря на это, большая их часть обладает высокой степенью практической применимости — в частности, это полученное исследователями знание о преимуществах маленьких школ, и тот потенциал, которым оно обладает с точки зрения формирования политики слияния школ. Понимание механизма воздействия управляющих схем и других факторов поведенческих сеттингов может быть использовано для реструктурирования сеттингов больниц и других учреждений с целью улучшения условий лиц, работающих и находящихся в этих сеттингах. Ряд условий, обеспечивающих преимущества малых сеттингов, может быть опробован и в крупных сеттингах. Исследователи, использующие данный подход, все чаще применяют его при проведении прикладных исследований, иногда используя вмешательство с целью определить, какие условия способствуют более удобному и эффективному функционированию автобусных остановок, приемные покоев в больницах и других сеттингов; а также при проведении обследований поведенческих сеттингов с целью улучшения жилищных условий. Эко-бихевиоральная наука помогла вымостить путь для таких дисциплин, как энвайронментальная (см. главу 13, с. 330) и общественная психология (см. главу 13, с. 325), и внесла вклад в их развитие.

СОПОСТАВЛЕНИЕ С НЕКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ПОДХОДАМИ

Анализ поведения

Проведя обзор литературы, посвященной влиянию поведенческих сеттингов, Виллемс (Willems, 1973a, 1973b) приходит к выводу о согласии с представителями анализа поведения в том, что окружающая среда обеспечивает отбор форм поведения. С точкой зрения анализа поведения согласуются обнаруженные им данные, что средовые поведенческие

сеттинги в значительной степени контролируют поведение, имеющее место в этих сеттингах, и что изменения в окружающей среде вызывают изменения в поведении. Уинетт (Winett, 1987) отмечает, что он расходится с представителями анализа поведения в том, что они в основном имеют дело с дискретным поведением индивидуумов и занимаются экспериментальными исследованиями, тогда как эко-бихевиоральная наука подчеркивает уровень сеттинга и использует описательные исследования. Он полагает, что обе системы могут плодотворно сотрудничать.

Интербихевиоральная психология

Включение неодушевленных объектов в состав поведенческого сеттинга согласуется с точкой зрения интербихевиоральной психологии, которая не проводит различий между этими объектами как объектами и объектами как смыслами (meanings), которые они обозначают, соответственно, как стимульные объекты и стимульные функции (см. далее критику Фюрера, Fuhrer). Эти и другие компоненты интербихевиорального поля могут дополнить эко-бихевиоральный подход полезными измерениями. Формула Баркера B = f(E) в значительной степени механистична, однако некоторые его последователи включили в рассмотрение взаимозависимость переменных, тем самым способствуя развитию системы в направлении интербихевиорального подхода, делающего акцент на отношениях, а также ее отходу от рассмотрения линейных причинно-следственных связей.

Оперантный субъективизм

Тот факт, что самоотчет обеспечивает точное описание поведения в различных средовых условиях (Norris-Baker, Stephens, Willems, 1982), предполагает, что исследователь может также использовать испытуемых для получения более субъективной информации, которая является равно объективной. Выполнение Q-сортировки участниками различных поведенческих сеттингов может способствовать переходу на совершенно новый уровень понимания этих сеттингов. Как философия, так и методология Q-сортировки представляются полностью совместимой с эко-бихевиоральной наукой, хотя определение субъективных факторов добавляет к последней измерение, которое Баркер, очевидно, предпочитал минимизировать или вовсе исключить из своих исследований.

КРИТИКА

Фюрер (Fuhrer, 1990) утверждает, что существует «разрыв» между объективными событиями поведенческого сеттинга и «субъективной репрезентацией индивидами себя, своего окружения и своего поведения» (p. 250). Он рассматривает психологию «жизненного пространства» Левина (Lewin, 1951) как предлагающую менталистский взгляд, избегающий «пустого организма». Фюрер выступает за психофизический дуализм, предполагающий разум или «субъективные репрезентации», с одной стороны, и «формы поведения» с другой, — представление, несовместимое с позицией эко-бихевиоральной науки (см. постулаты выше). Однако взгляды, которые Фюрер преподносит дуалистически, могут быть выражены и без обращения к такому представлению: субъективные факторы — или объективная точка зрения участника, а не наблюдателя — не были приняты во внимание. Игнорирование субъективности характерно для большинства областей психологии. Как уже указывалось выше, Q-методология, обеспечивающая объективные измерения субъективности и не основывающаяся на дуализме «разум—тело», могла бы послужить для преодоления этого разрыва.

Фюрер подчеркивает различия между физическими свойствами объекта и его функциональными свойствами, ставя в заслугу Бошу (Boesch, 1980) то, что он явился первым автором, указавшим на данное различие (при этом Фюрер упускает из виду работы Дьюи (Dewey, 1896), также отмечавшего это различие [см. главу 2], Кантора, который последовательно провел данное различение в 1920-х годах [см. главу 10], а также Мерло-Понти, независимо пришедшего к признанию этого различия в 1960-х годах [см. главу 12]). В частности, функциональное значение ресторана как поведенческого сеттинга может быть различным в зависимости от того, находится в нем человек со своим коллегой по работе или с членом семьи. Физически ресторан остается одним и тем же, но его функциональные характеристики или его смысловое значение изменяются. Эти вариации, утверждает Фюрер, показывают, что «поведенческие сеттинги как *культурные сеттинги* не просто делают людей похожими друг на друга, а их сообщества однородными по составу; скорее, они задают общие тенденции, отклонения от которых они в ряде случаев допускают, а в отдельных случаях даже поощряют» (p. 533). Хотя анализ, проделанный Фюрером, представляет ценность, данные отклонения, по-видимому, имеют место главным образом в пределах одних и тех же наблюдаемых явных (overt) поведенческих паттернов сеттинга — как, например, ресторана с его физическими свойствами, — на которые указывает Баркер. Однако различные смысловые значения ресторана охватывают также *неявные (covert)* и индивидуальные формы поведения, которые важно учитывать и пытаться их понять, возможно, с помощью методологии Q-сортировки.

Перкинс (Perkins, 1988) утверждает, что как стабильные, так и нестабильные элементы поведенческого сеттинга играют важную роль — как, например, изменения, которые люди вносят в поведенческий

сеттинг с целью адаптации к новым обстоятельствам: зона размещения определенного товара в магазине может быть расширена или сокращена в зависимости от изменения спроса. При таком взгляде сеттинги — это инструменты, которыми индивидуумы манипулируют с целью удовлетворения своих потребностей. Они учатся использовать противодействие отклонениям, наложение вето и установление строгих границ, чтобы достичь этих целей.

Одно из критических замечаний в адрес эко-бихевиоральной науки состоит в том, что она игнорирует индивидуальные различия, концентрируясь на сеттинге и рассматривая индивидуальные характеристики просто как части этого сеттинга. Она также игнорирует субъективные формы поведения. Бехтель (Bechtel, 1982b) отвечает на эту критику, указывая, что индивидуумов можно изучать путем обследования типов поведенческих сеттингов, в которые ребенок или пожилой человек вступает в течение года, тем самым многое узнавая также о стилях жизни индивидуумов. Другие процедуры, такие как самоотчеты и Q-сортировка, обладают значительным потенциалом с точки зрения обеспечения информации о субъективном поведении индивида и его роли в функционировании сеттинга, однако эти методы пока еще мало используются. Какие аттитюдные или перцептивные формы поведения заставляют индивидуума участвовать в поведенческих сеттингах, покидать или изменять их? Какую роль играют межличностные чувства и как личные конфликты разрешаются либо оказывают деструктивное влияние на сеттинг? Какие смыслы имеет сеттинг для участников и какие группировки этих смыслов, а также привлекательные и непривлекательные особенности сеттинга присутствуют в нем с точки зрения участников (вопрос, для ответа на который специально разработан метод Q-сортировки).

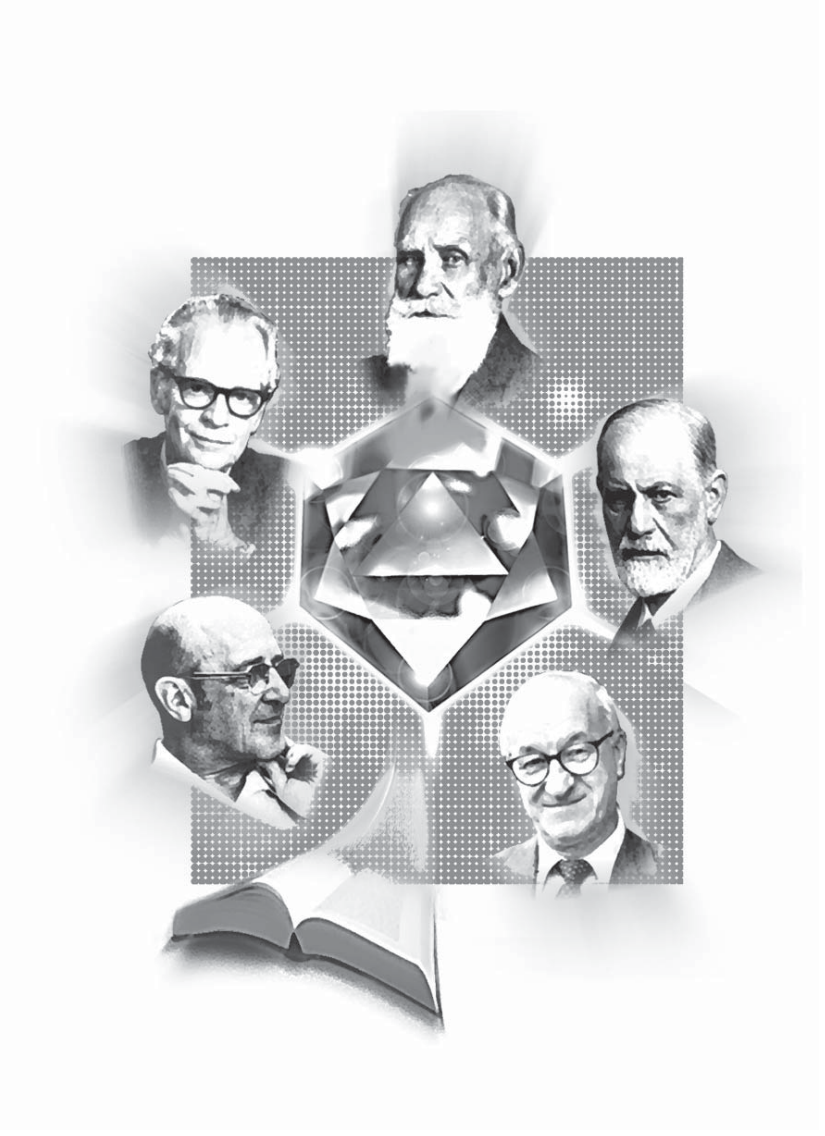
Хотя эко-бихевиоральную науку упрекают в крайнем детерминизме, поведенческий сеттинг может оказывать влияние на поведение людей только до тех пор, пока он продолжает удовлетворять их. Они будут участвовать в паттернах сеттинга, тем самым способствуя достижению его целей, только в том случае, если эти цели согласуются с их собственными интересами. Люди будут покидать сеттинг, когда он перестанет их удовлетворять, и он прекратит свое существование (Wicker, 1979b). Такой подход предполагает взаимный характер отношений, а не односторонний детерминизм. Тем не менее энвайроцентрический элемент продолжает играть в системе ощутимую роль.

ВЫВОДЫ

Эко-бихевиоральная наука порвала с традиционной методологией психологических исследований и, возможно, по этой причине привлекла к себе лишь поверхностное внимание. Ей удалось выявить важные факторы, касающиеся поведения, которые более не могли быть идентифицированы с помощью традиционных методов, причем ей удалось сделать это в естественных ситуациях, в которых не является актуальным вопрос, неизбежно возникающий при проведении лабораторных исследований, — распространяются ли полученные в лаборатории результаты на природный мир. Вместо того чтобы использовать в качестве испытуемых психиатрических пациентов или столь удобных для использования в этом качестве студентов колледжей, она обратилась к изучению реального мира типичных человеческих сообществ с их повседневными занятиями и делами, идущим естественным образом, со всей присущей им сложностью и многообразием. Как это происходит в любом серьезном научном предприятии, концепции и методы эко-бихевиоральной науки нуждаются в постоянном совершенствовании и расширении; однако на настоящий момент она уже стала одной из наиболее плодотворных психологических систем, обеспечив надежное понимание некоторых важных аспектов психологического поведения. Она также явилась источником вдохновения для развития общественной и энвайронментальной психологии (см. главу 13).

ЧАСТЬ 4

СОЦИОЦЕНТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ



ГЛАВА 8

ПОСТМОДЕРНИЗМ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ:

равноценность науки и мифологии; полная и относительная истины

ВВЕДЕНИЕ

Термин «постмодернизм» может показаться нам странным, когда мы впервые слышим его. Действительно, разве мы живем не в современную эпоху? Разве может какой-либо предшествующий период по отношению к настоящему моменту быть более современным? Как можем мы говорить о периоде после современности, если современность — это то, что происходит сейчас? И все же был изобретен такой термин, как «постмодернизм», для обозначения тотальной революции в мышлении о литературе, философии и науке. Постмодернизм отвергает наследие «модернистского» («современного») мышления, начало которого он относит к эпохе Просвещения XVIII столетия. Он предрекает, что современный период истории подходит к концу и мы вступаем в постсовременную эпоху. Модернизм поставил человека в центр Вселенной и провозгласил его рациональным существом, которое может использовать свои рациональные способности для приобретения нового знания и обеспечения прогресса человечества. Однако постмодернизм ставит под сомнение притязания модернизма. По отношению к сфере психологии используется также термин «социальный конструкционизм», обозначающий знание, сконструированное конкретной социальной группой и не имеющее силы за пределами этой группы. Некоторые авторы используют термин «постмодернизм» и по отношению к психологии либо употребляют его наряду с термином «социальный конструкционизм».

Говоря кратко, постмодернизм и социальный конструкционизм утверждают, что невозможно прийти к объективному пониманию мира, поскольку все знание социально сконструировано из слов, которые обретают свои значения благодаря социальным процессам, и эти значения изменяются от группы к группе и от одного периода времени к другому. Знание представляет собой не более чем совокупность социальных конвенций, выраженных в языковой форме. Наша реальность состоит из слов, с помощью которых мы описываем эту реальность. Мы неразрывно вплетены в ткань культурных значений, и эти культурные, или «локальные», значения представляют собой все, что мы когда-либо способны знать. Истина — не что иное, как согласованность взглядов, а ошибка — просто расхождение во мнениях, ибо каждый прав со своей точки зрения. Согласно Квэйлу (Kvale, 1990), постмодернизм представляет собой не столько систематизированную теорию, сколько интерпретацию существующей культуры.

РАЗВИТИЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

Постмодернизм

Термин «постмодернизм» (известный также как «по-мо» [po-mo] или «помо» [pomo]) впервые был употреблен в 60-х годах по отношению к литературной критике и затем распространился на архитектуру, танец, театр, живопись, киноискусство, музыку и, наконец, на более широкий культурный контекст (R. Brown, 1994). Одними из первых провозвестников этой системы явились такие французские философы, как Жак Деррида и Мишель Фуко. Деррида (Derrida, 1992, 1997) утверждал, что язык не может обеспечить истинного выражения чего-либо, включая мир. Реальность содержится только в текстах (языке), а тексты лишены стабильности и противоречат сами себе. Философия также состоит только из письменных источников, которые не соотносятся ни с психическими репрезентациями, ни с логикой, а лишь с другими письменными источниками. Философские поиски референтов или якорей (точек привязки) в мире остаются тщетными, настаивает Деррида, — ибо единственная реальность фиктивна (вымышленна, в смысле литературна [fictional]). Реальность есть лишь то, что содержится в определенных паттернах слов; а поскольку они изменяются для каждого читателя, меняется и сама реальность. В результате интерпретаций, предлагаемых несколькими различными читателями, появляется повествование, которое является продуктом этих интерпретаторов, а вовсе не авторских значений (смыслов). Смысл возникает из развития непрерывно меняющегося настоящего и его контекста. Поскольку окончательный смысл отсутствует, единственным показателем реальности становится правдоподобность повествования или интерес, который оно представляет для определенной культуры в определенный исторический период. Однако, противореча самому себе, Деррида утверждал, что в его собственных текстах четко определены те значения, которые ему удалось понять.

Деррида также развил теорию, которую он назвал «деконструкционизмом». Данный термин образован сочетанием слов *конструкция (созидание, construction)* и *деструкция (разрушение, destruction)* и означает, что устаревшее разрушается и замещается новым. Это процесс развенчания (undermining) текста с целью демонстрации того, что согласованность — это результат определенных способов использования языка и культурных паттернов, в частности, тех, которые служат принижению роли женщин и небелых людей по отношению к привилегированному положению белых мужчин. Таким образом, деконструкция — это привлечение внимания к тому, что было опущено и сделано незаметным. Данный процесс приводит к уничтожению (undoing) или разрушению (collaps) текста. Применение деконструкции к научным письменным источникам может выявить исторические и социальные влияния, лежащие в основе социальной конструкции, и продемонстрировать тот факт, что объективности не существует. Основной акцент данной процедуры, согласно Рихтеру (Richter, 1992), переносится на разрушение, а не на созидание.

Фуко (Foucault, 1980) также подвергал сомнению представление о том, что язык является носителем

какой-либо истины. Он утверждал, что язык определяет наше мышление, а следовательно, мысли не могут отражать мир. Язык обретает свою форму под воздействием коренящихся в нашей культуре силовых источников, благодаря которой он структурирует нашу жизнь. Третий французский философ Жан-Франсуа Лиотар (Jean-Francois Lyotard) распространил взгляды данной системы на физические науки, утверждая, что научный язык — это игра, в которой самый богатый игрок имеет наибольшие шансы считаться правым. Иными словами, наука становится средством установления господства (власти) через свои притязания. Как и Лиотар, Фуко указывает на такие силовые источники влияния, в особенности — на политику и бюрократию. Эти источники оказывают влияние на научные решения и интерпретации, тем самым лишая науку ее нейтральности. Обретают силу закона те научные притязания, которые исходят от обладающих властью и которые служат их личным и социальным интересам, поскольку наука является продуктом силовых источников, питающих ее. Будучи последовательным в своих взглядах на науку как представляющую собой лишь инструмент власти и не имеющую законных прав притязать на истину, постмодернизм признает, что он также не может претендовать на законность своих оснований и является лишь прагматическим подходом.

Появившаяся в последнее время литературная теория (Eagleton, 1983; Fish, 1980) также оказала влияние на развитие постмодернизма и социального конструкционизма. В противоположность давней традиции, согласно которой письменные источники содержат информацию или являются выражением взглядов автора, «новая критика» («new criticism») утверждает, что автор не имеет власти над тем, что он намеревается сообщить. Вместо этого центральным является значение (смысл) для читателя, и сам читатель создает то, что означает текст. Каждый читатель реконструирует текст при каждом прочтении. Следовательно, текст не имеет единственного значения, как не имеет он и устойчивого значения.

Если деконструкционизм и литературная теория имеют дело преимущественно с литературными текстами, то постмодернизм, как это имеет место в случае Дерриды и Фуко, оспаривает философские и научные претензии на объективное знание. Данную линию размышления подхватывает Рорти (Rorty, 1979). Он также относится к числу философов, отмечающих, что философия (а также, можем мы добавить, и большая часть психологии) предполагает, что психические репрезентации мира или психические процессы делают знание возможным. Он называет эту точку зрения «разум как зеркало» — разум, отражающий внешний мир. Вся совокупность допущений западной философии и науки о знании покоится на данной метафоре, считает он. Вопреки этой традиции Рорти утверждает, что мы можем оправдать (justify) (по)знание только как социальный процесс с использованием языка, а не как отношение между познающим субъектом и реальностью. «Мы принимаем (understand) знание, когда принимаем (understand) социальное оправдание (обоснование) доверия к нему, и таким образом, для нас отпадает необходимость рассматривать его как точность репрезентации» (p. 170). Попытки философии продемонстрировать объективность и рациональность как точные репрезентации мира, утверждает он, являются упражнениями в самообмане; ибо предполагаемая объективность и рациональность состоит не более чем из поддерживаемых в настоящий момент дискурсов и диалогов. А эти дискурсы обладают значениями только в рамках социального контекста. Идея разума как зеркала также позволяет провести границу между философским изучением психических событий как источника знания и научным изучением физических событий как источника знания. Философия претендует на изучение репрезентаций, а наука — на изучение репрезентируемых объектов. Постмодернизм отказывается от традиционных поисков объективности или реальности, находящейся вне лингвистической системы, и обращается к исследованию социального дискурса, языковой системы, в рамках которой мы достигаем локального соглашения о том, что представляет собой мир.

Поскольку логика и фактические свидетельства больше не являются основанием знания, место, ранее занимаемое этими столпами западной культуры, позволено занять коммуникации. Коммуникация демократична, ибо каждый волен сообщать другим о своих мнениях и убеждениях и быть в курсе того, что сообщают другие. Знание больше не является прерогативой элиты, использующей логические аргументы и фактические свидетельства. Постмодернисты отказываются от элитной экспертизы знания и научных авторитетов и становятся собственными экспертами и авторитетами. Так как знание не является принадлежностью какой-либо особой группы или личности, каждый может объявить себя преподавателем любого предмета и преподавать его остальным. Никто не может являться учителем универсального знания или истины, поскольку таковых не существует. А раз не существует окончательных истин, разногласия также становятся невозможными: каждый индивид обладает своей собственной истиной в рамках определенного социального контекста или «дискурсивного сообщества» («discourse community»). Постмодернисты, однако, практикуют «игру веры» («believing game»), и предполагают искренность говорящего, прежде чем решить, что из декларируемого им они готовы принять.

Постмодернизм подвергает сомнению не только предпосылку, что реальность может быть познана независимо от ее вербальных описаний, но также и предпосылку о существовании индивидуального познающего или «субъективного я» независимо от дискурсивного сообщества. Познающий сливается с познаваемым. Наши «я», утверждают постмодернисты, это социальные конструкции, чей опыт неотделим от

социальных взаимодействий. Фактически люди обладают множеством «я», каждое из которых функционирует особым, присущим только ему образом, с тем чтобы отвечать конкретным социальным условиям. Поскольку мир и наши «я» представляют собой социальные конструкции, человеческая жизнь состоит из игры. Игра замещает собой представление о познаваемом реальном мире. Человек может играть с чувством собственного «я». Постмодернистский образ жизни принимает — и даже с восторгом — то, какими вещи представляются в окружающем социальном контексте, осознавая, что это то, чем они не являются. Некоторые сторонники данной системы даже полагают, что постмодернизм может предложить решение проблем нашего общества. Однако вопреки такому представлению, постмодернизм отвергает идею человеческого прогресса. Разрешение данного противоречия могло бы состоять из конкретного набора слов (pattern of words), которые обретают смысл только будучи частью локальных социальных взаимодействий.

Наука, с точки зрения постмодернизма, это набор сложных культурных конвенций, которые сформировались в западной культуре на протяжении определенного исторического периода. А потому наука не является, как мы обычно полагаем, совокупностью знаний или методологий по проверке предположений и теорий о природе, а лишь дискурсом или дискуссией, создаваемой нашим интерпретирующим сообществом как часть комплекса политики, экономики и социального контекста. Как и в отношении любой социальной группы, поскольку знание коренится в нормах данного сообщества, оно не имеет силы за пределами этой группы. Следовательно, притязания науки на познание мира являются лишь вопросом социальных конвенций; ее претензии на истину имеют не больше оснований, чем заверения предсказателей. Как средство, разработанное для отыскания предполагаемой истины, научная методология имеет смысл только в рамках конвенций социального научного сообщества, которое и наделяет эту методологию смыслом.

С точки зрения постмодернизма, ученые являются причиной многих болезней общества, а образование — их служанкой. Образование в современном виде, от начальной школы до университета, сформировалось еще в эпоху Просвещения и нуждается в замене. В авангарде постмодернистской культуры, выступающей против всех зол науки и образования, стоят литература, псевдонаука и антинаука, с литературой во главе.

Постмодернизм подчеркивает роль взаимодействий в локализованных контекстах. Он рассматривает субъективного индивидуума и объективные универсальные законы как абстракции укорененности человека в мире. Что имеет смысл и что является истинным — вопрос тех решений и последствий этих решений, на которых сходятся люди. Постмодернизм замещает универсальные системы знания локальным знанием, а универсальные смыслы знания — локальными смыслами. Такие полярные оппозиции, как универсальное/индивидуальное или объективное/субъективное, уступают место локальному контексту (Kvale, 1990).

Развивая идеи Дерриды, Фуко и Рорти, постмодернизм придает важное значение языку. Язык не отражает реальность; вместо этого каждый отдельный язык в каждой локальной ситуации создает свою собственную реальность. Индивидуальное «я», как говорящий, уступает место говорящему как посреднику (medium). Культура выражает себя через говорящего, функционирующего в качестве посредника (Kvale, 1990). Таким образом, язык децентрализует человека (лишает его центрального места во вселенной). Речь (language) — это не передача информации, а повествование о культуре, история, в которой рассказчик и слушатель взаимно определяют свое место в социальном порядке. Функция повествования — поддерживать ценности и социальный порядок в сообществе, члены которого, участвующие в использовании языка, являются частью данного сообщества. Отказавшись от поисков универсальной истины или смысла и перенеся акцент на коммуникацию, культура находит новую роль для повествователя. Повествователь не просто передает информацию слушателю, оба они (в процесс коммуникации) переопределяют свое положение в социальном порядке.

Большинство психологических систем пыталось обнаружить универсальные законы, но одна система, гуманистическая психология (см. главу 4) исповедует то, что Квэйл (Kvale, 1990) назвал «культом индивидуальности», придавая основное значение человеческой «самости» (self): самоопределению, самоактуализации и т. д. Как гуманистическая, так и бихевиористская психология отрывают человека от его контекста, утверждает Квэйл, и этой деконтекстуализации подвергаются как испытуемые при проведении экспериментов, так и пациенты при прохождении психотерапии. Квэйл находит, что для современной психологии характерна двойная абстракция, при которой деконтекстуализуется как индивидуум, так и его поведение. Он отмечает, что попытка квантифицировать (количественно измерить) психологические события, а также предпосылка об уникальности индивидуума сменяются в постмодернизме изгнанием индивидуума или «я» с того центрального места, которое он занимал в бихевиористской, гуманистической и когнитивной версиях модернизма, и отведением ему роли стороны языковых и контекстуальных отношений.

Квэйл считает, что современная психология движется в неверном направлении и «оторвана от социальной реальности постмодернистской эпохи» (p. 50). Как наука, она пребывает в состоянии «интеллектуальной стагнации» и ведет паразитическое существование, цепляясь за неврологию, вычислительную технику (computer science), генетику, лингвистику и т. п. Далее он утверждает: «Если психологическая установка, постулирующая замкнутое

индивидуальное “я” с его психическим аппаратом, а также двойная абстракция, отрывающая человеческую деятельность как от своего контекста, так и от своего содержания, являются интеллектуальными тупиками, то психология как наука о человеческой деятельности, возможно, уже не поддается реабилитации» (p. 50). Однако постмодернизм уже вторгся в ряд областей психологии. Он указывает на феноменологию (см. главу 12), экологию (см. главу 7) и ролевую психологию как на родственные постмодернизму направления, а также отмечает ряд других направлений психологии, развивающихся в сторону постмодернизма. Так, социальная психология занялась изучением вопроса власти, поскольку власть предполагает социальные значения; вопроса личной идентичности как социальной конструкции; а также вопроса использования повествований в социальных науках, где повествование принимается или отвергается в зависимости от его последовательности — от того, насколько осмысленна рассказываемая история. В прикладной сфере семейная терапия определяет социальную единицу — семью — как языковую систему, в которой терапевт выступает в качестве инициатора диалога. Патология рассматривается теперь как коренящаяся скорее в структуре языка, чем в сознательной или бессознательной части разума.

Квэйл утверждает, что исследования с использованием качественного анализа могут стать центральным методом в психологии, позволяющим погрузиться в мир интерсубъективных значений. Такие качественные исследования представляют собой лингвистический поворот в философии науки. Общение между двумя индивидами замещает собой модернистскую конфронтацию психолога с природой. А конвенциональные значения замещают собой поиск объективной реальности.

Социальный конструкционизм

Общие положения. Хотя мы можем обнаружить большое разнообразие типов социального конструкционизма, за исключением специально оговоренных случаев, мы будем иметь в виду *строгий*, или *радикальный*, конструкционизм, представленный работами Кеннета Гергена (Kenneth Gergen). Далее следует ряд основных исходных положений, выдвинутых Гергеном (Gergen, 1994b), главным архитектором социального конструкционизма.

• Существующее, чем бы оно ни было, не имеет требований к тому, как оно выражено.

• Отношения между людьми, которые культурно и исторически обусловлены, определяют формы выражения, посредством которых люди познают мир. Ни мир, ни генетические детерминанты, присущие индивидуумам, не порождают описаний или конструкций мира. Такие конструкции являются результатом социальных взаимодействий. Знание является не достоянием индивида, а побочным продуктом отношений между членами сообщества.

• То, в какой степени любое конкретное описание мира остается актуальным с течением времени, зависит от социальных процессов, а не является вопросом объективной истинности (validity). Описание может оставаться тем же, в то время как мир меняется, либо описание может меняться, в то время как мир остается тем же. Хотя научные методологии были основаны на представлениях, которые впоследствии изменились, эти методологии до сих пор используются для научных описаний. В рамках научных сообществ эмпирические методы связаны с претензиями на истину. Эти сообщества подвергают проверке теории и принимают выводы, основывающиеся на использовании инструментов, статистики и других техник, принятых сообществом. Их «ритуалы» позволяют им делать предсказания. Однако научный метод не обладает «гарантией контекстной независимости», позволяющей ему претендовать на истину в большей степени, чем могут претендовать на нее другие методы описания.

• Значение (importance) языка вытекает из той роли, которую он играет в структурах отношений. Язык не является ни зеркалом или картой мира, ни референтным событием или внутренним процессом, а представляет собой социальный взаимообмен. Язык — это не идеи в головах людей, а бесконечные ряды означающих (signifiers), которые не обладают единственным значением (meaning) или означаемым (signification). Интеллигибельность возникает как результат повторяющихся паттернов слов, а слова обретают свои значения из контекстов отношений.

• Социальное сообщество может оценивать, подтверждать (validate) или не подтверждать утверждения, порождаемые в рамках данного сообщества, но не может делать этого по отношению к другому сообществу. Ученые могут оценивать работу ученых, но не служителей культа (cultists), и наоборот. Любая оценка — это оценка культурой того, что составляет ее часть и имеет для нее определенную ценность. Если оценка, произведенная посторонней группой, может быть сообщена оцениваемой группе и будет иметь в ней смысл, то «реляционные границы смягчаются» (p. 54).

Претензии на истину. Конструкционисты (в частности, Gergen, 1985, 1994b) настаивают, что претензии на истину на самом деле являются претензиями на то, что данное заключение обоснованно (warranted) или оправданно в том смысле, что другие принимают ту же группу слов, посвященную данному вопросу. (Конструкционисты избегают таких слов, как удостовериться, продемонстрировать, показать, доказать, подтвердить, подкрепить (фактами), определить.) Они утверждают, что никакая теория или знание не может обосновать свою истинность ни с помощью фактических свидетельств, ни с помощью логики, поскольку такое обоснование предполагает круговую аргументацию: А обосновывает Б, а Б обосновывает А. Или если Б используется для обоснования А, нам необходимо некое В, которое обосновы-

вало бы Б, но в этом случае требуется Г для обоснования В, и так до бесконечности. С другой стороны, если эмпирический подход использует логику или логический подход использует эмпирические данные для подтверждения своих претензий, тем самым он подрывает собственные позиции. Мы можем апеллировать только к «групповым конвенциям», настаивают конструкционисты. Они также отмечают, что любые интерпретации наблюдений и эмпирических данных варьируются от одной социальной группы к другой и от одной культуры к другой, и даже утверждения о существовании врожденного (inherent) когнитивного знания зависят от эмпирических методов. Следовательно, у нас нет никаких средств заложить какое-либо *основание*. Все интерпретации и все логические аргументы зависят от конкретной социальной группы, в которой формируются данные интерпретации, и лишены согласованности или интеллигибельности за ее пределами. Поскольку мы социально конструируем вещи, само наблюдение неотделимо от этих конструкций. Никакое научное основание или знание невозможно.

Конструкционизм ничего не отрицает и не утверждает относительно мира или того, что находится за (его) пределами либо в (его) пределах. Социальный конструкционизм сам является социально сконструированным и предлагает свою позицию как форму интеллигибельности. Конструкционизм не может провозгласить себя системой, имеющей какое-либо превосходство над другими видами знания, как и не пытается заместить собой эти конкурирующие виды знания. Его интересует лишь то, какими преимуществами и недостатками обладает каждый из них. Он не спрашивает другие подходы об их заключениях относительно истинности и ошибочности, а предлагает им «играть с возможностями и практиками, согласующимися с интеллигибельностью, и оценивать их по сравнению с другими альтернативами» (Gergen, 1994b, p. 79). Аналогичным образом он не предлагает собственной позиции по вопросу моральных ценностей, но открыт для исследования в научной и других областях. Хотя он подходит к вопросам морали и этики как к относительным и полностью определяемым социальным контекстом, он не предлагает платформы, с которой можно было рассматривать другие позиции; поскольку все они являются взаимозависимыми с культурой и историей и с позиций одного невозможно оценивать другой. Мораль обретает свое значение исходя из «культурной интеллигибельности». Она является «формой коммунальной партиципации» (p. 103) в конкретном сообществе.

Поскольку все факты, вся информация, все процедуры, вся интеллигибельность — социальны, теорию невозможно подтвердить или опровергнуть, сопоставляя ее с реальным миром. Тем не менее Герген (Gergen 1994b) придерживается точки зрения, что при условии достижения соглашения в обозначениях и согласовании паттернов поведения науки могут предоставить полезные процедуры, информацию и программы культуре, для которой наиболее важным фактором является «теоретическая интеллигибельность».

Язык. Конструкционисты утверждают, что любые притязания на истину имеют в своей основе социальные конвенции языка. Поскольку эти конвенции меняются от группы к группе, а язык никогда не является однозначным и всегда содержит разные значения для различных групп и исторических периодов, он не может использоваться в качестве носителя истин о мире. Следовательно, невозможно подвергать проверке гипотезы, невозможно установить какие-либо фундаментальные истины о мире, так как они тоже структурируются языком. Помимо того что существуют барьеры между различающимися между собой групповыми значениями, исследователь всегда может привлечь более общие (широкие) предположения относительно контекста своих гипотез, так что та или иная их формулировка никогда не сможет быть окончательно подтверждена как истинная или опровергнута как ложная (Stam, 1990).

Хотя язык и не является носителем истины или рационального мышления, он все же обеспечивает средства для взаимопонимания; и эти акты взаимопонимания зависят от способа социального использования языка. Из повествовательных текстов члены сообщества конструируют свои версии реальности. Научные письменные источники представляют лишь одну из версий реальности, которая имеет не больше прав претендовать на истину, чем литература. То, что мы называет знанием, это не более чем нечто, по поводу чего мы пришли к социальному соглашению, представленному в языке. Наше знание, наши реальности состоят из слов, которые мы упорядочиваем с целью описания этих реальностей. Мифология, фольклор, наука и оккультизм представляют собой социальные конвенции, имеющие свое основание в исторических и культурных языковых конвенциях. Язык, а не индивидуальные разумы или когниции, обеспечивают для нас возможность структурировать мир в соответствии с особенностями использования языка конкретной социальной группой и особенностями ее контекста (Gergen, 1994b).

Конструкты традиционной психологии. Герген (Gergen ,1994b) отмечает, что трудно найти референты таких конструктов, как личный опыт, осознавание (awareness) и сознание (consciousness); однако спрашивая, как используются данные слова, чему посвящены те типы дискуссий, в которых они фигурируют, и какого рода социальные дискурсы их содержат, мы можем деобъективизировать эти конструкты и поставить вопрос о том, представляют ли они какую-либо реальность. При этом мы будем использовать психологические дискурсы как средство участия в определенных социальных отношениях, а не как попытки отражения какой-либо реальности. Харре (Harre, 1986a) утверждает, что эмоции не существуют в том смысле, в котором существуют вещи или присущие людям психологические черты, а были со-

циально сконструированы в субстанциальной форме лишь относительно недавно. А согласно Хейли (Haley, 1963), такие понятия, как вхождение в контакт со своими чувствами, проработка определенных эмоций, избавление от них и приобретение свободы в выражении чувств, относятся к области народной психологии (folklore psychology).

Большинство конструкционистов критически настроены по отношению к конструкту «разума» и к конструкту мозга как его заместителя. По мнению Коултера (Coulter, 1989) разум, или субъективность, есть взаимодействие. Такие его атрибуты, как характер или опыт, являются производными культуры. Он находит, что антропоморфные характеристики, которыми наделяется мозг, практически лишены смысла, как и утверждение, что мой мозг, а не я сам, испытывает жажду. «Предположение о том, что это мой мозг нуждается в стакане воды, чтобы утолить жажду, является в лучшем случае неудачной шуткой» (p. 123). Зрительные впечатления, утверждает он, не находятся в мозге или где-либо в другом месте, хотя мозг может участвовать в их появлении. Утверждение о том, что мы *имеем (получаем)* впечатления, не обязательно предполагает, что мы ими обладаем, и следовательно, что они где-то локализованы. «Иметь деньги» — предполагает их конкретное местонахождение, но «иметь возражение» — нет. Аналогичным образом иметь зрительное впечатление не предполагает его местонахождения. То, что предполагается в качестве продукта, находящегося внутри нас, разума или мозга, на самом деле возникает в ходе наших повседневных интеракций.

Герген (Gergen, 1994b) указывает на то, что менталистский снова возвратился в психологию в форме когнитивизма, и демонстрирует противоречия, возникающие при использовании таких конструктов, как репрезентации, ментальные карты и т. д. Он также указывает на то, что менталистские термины используются для определения других менталистских терминов. Герген призывает вытащить разум из головы и поместить его в сферу социального дискурса. Скарр (Scarr, 1985), напротив, предлагает конструкционистскую позицию, которая является в значительной степени менталистской/когнитивистской: знание — это конструкция человеческого разума. Сенсорные данные фильтруются через познавательный аппарат наших органов чувств и превращаются в восприятия и когниции. Человеческий разум также конструируется в социальном контексте (p. 499).

Это последнее утверждение возвращает разум в сферу социальных конструкций, однако автор отдает предпочтение менталистским конструкциям. Харре (Harre, 1987) превращает разум в диалоги (conversations), организованные вокруг таких тем, как обязанности, ожидания и этические отношения. Иными словами, наш разум конструируется в диалогах, а потому не обладает независимым существованием.

Обвинения в адрес традиционной психологии. Герген (Gergen, 1997) перечисляет ряд обвинений, с которыми социальный конструкционизм выступает в адрес психологии. К ним относятся подрыв демократии и роли сообщества, поддержка идеологии индивидуализма, выступления в пользу патриархальной системы, проповедь нарциссизма и пособничество западному колониализму. Поскольку психология стремится к объективности, утверждает Герген, она подавляет альтернативные точки зрения, тем самым солидаризируясь с тоталитаризмом. Ее вера в истинность своих методов препятствует установлению диалога с альтернативными подходами. Герген не имеет возражений против общепринятых психологических методов исследований, но лишь поскольку те не претендуют на истинность, распространяющуюся за пределы языка сообщества исследователей. Векслер (Wexler, 1987) обвиняет психологию в поддержке корпоративного либерального капитализма, в котором менеджеры и работники сотрудничают друг с другом, полагая, однако, что социальный дискурс может помочь нам понять, каким образом история формирует как культуру, так и личностные характеристики. Сходную точку зрения высказывает Герген (Gergen, 1997), считающий, что конструкционист может значительно расширить возможности психологического исследования.

Обращаясь к примерам, демонстрирующим недостатки деконтекстуализированной психологии, можно указать на работу Кашмена (Cushman, 1991), критикующего с позиций конструкционизма книгу Дэниэла Стерна (Daniel Stern, 1985), посвященную развитию в младенческом возрасте. Кашмен приводит следующий ряд критических замечаний: положение Стерна о том, что младенцы начинают отличать себя от других объектов и людей — что у них формируется чувство собственного Я, — не является универсальным, как утверждает автор, а представляет собой интерпретацию с точки зрения белых представителей среднего класса, живущих в условиях западной культуры конца XX века. Стерн помещает *Я* внутрь организма, где оно выступает в качестве господина, направляющего наше поведение; он наделяет Я и другими чертами, которые рассматривает как универсальные. Однако жители племени Чевонг (Chewong) из Малайзии помещают Я в печени, а древние египтяне помещали его в сердце. Жители западно-африканского племени талленси (tallensi) верят, что Я относится к прошлому и контролируется *внешней* силой. Индусы также верили в то, что Я относится к прошлому, но считали, что оно контролируется *внутренней* силой. Стерн игнорирует эти культурные различия, свидетельствующие о том, что предлагаемая им модель характерна лишь для небольшой части мира, хотя автор полагает, что она имеет врожденный и универсальный характер. Если Я действительно является врожденным, странно, почему лишь столь небольшая часть земного шара разделяет данное представление. Приводимые Стерном данные скоре всего достоверны и надежны, однако

его интерпретация этих данных является культуроспецифичной, как и его интерпретация бессознательного, утверждает Кашмен:

> «Заявляя, что он обнаружил научные доказательства того, что человеческий младенец автоматически формируется как западный младенец, Стерн делает крайне политическое заявление. Он неявно предполагает, что пустой, нецелостный, нарциссический, дезориентированный и изолированный современный западный индивидуум, для которого поддержание глубоких личных отношений и сотрудничество в общественных начинаниях составляют почти непреодолимые трудности, представляет собой естественную и единственно возможную форму человеческого бытия» (Cushman, 1991, p. 217).

Обращаясь к традиционной психологии, Кашмен утверждает, что поскольку человеческие существа конструируются локальными группами, а психология это игнорирует, «психологическая программа невыполнима» (p. 206). И поскольку претензии психологов на истину базируются на лабораторных экспериментах, «привилегированном источнике», который они рассматривают как изолированный от истории и политики, «деконтекстуализированная психология», являющаяся результатом таких исследований, «политически опасна». Иллюстрацией этого факта, указывает Кашмен, является попытка Стерна вменить в вину гипотетическому Я изоляцию и отчуждение, оставляя вне поля зрения социальные и политические структуры, вероятно, фактически ответственные за такое положение вещей.

Приводимый ниже отрывок представляет собой свидетельство того, что сторонники конструкционизма предрекают грядущий конец объективизма с его поддержкой сил социального зла:

> «Практически невозможно найти такую гипотезу, эмпирическое свидетельство, идеологическую установку, литературный канон, ценностное убеждение или логическое построение, которое нельзя было бы развенчать, опровергнуть или дискредитировать с помощью тех или иных имеющихся в нашем распоряжении средств. Только крайняя предвзятость, сила привычки или болезненная месть униженного эгоизма способны оказать достаточно мощное сопротивление тем интеллектуальным разрушительным средствам, которыми мы располагаем. В наши дни в научном мире всем заправляют капиталистические эксплуататоры, проповедники мужского шовинизма, культурные империалисты, поджигатели войны, фанатики WASP*, бесхребетные либералы и догматики от науки. Однако силы уничтожения и обезглавливания не ограничиваются научным истэблишментом. Постэмпирики находят обилие объектов для своей критики во всех слоях общества. Оплот эмпиризма может быть обнаружен во всех сферах, где принимаются решения на высшем уровне — в правительстве, бизнесе, армии и т. д. ...Революция в разгаре, повсюду летят головы, и нет пределов потенциальным разрушениям» (Gergen, 1994b, p. 59–60).

Другие версии конструкционизма. В качестве альтернативы *строгому* конструкционизму некоторые авторы утверждают, что мы должны рассматривать конструкционистский мир как имеющий некий объективный базис, чтобы избежать *солипсизма*, представления о том, что не существует ничего, кроме собственного Я. В противном случае исследованию может подвергаться лишь социальный базис социальных конструкций.

Разновидность, получившая название контекстуального конструкционизма, отвергает солипсизм и оставляет место основаниям (знания), принадлежащим миру природы и выходящим за пределы конструкций социального сообщества. Этот подход призывает обратиться к здравому смыслу, предполагающему, что знание возникает при контакте с реальным миром, включающим многие контекстуальные условия, оказывающие влияние на конструкционистские исследования. «Сам факт получения информации от информантов оказывает влияние на форму и содержание реакций. Исследователи и аналитики, как бы они не старались, не могут не привносить собственные интересы, если не свои профессиональные программы (agendas), в свое взаимодействие с информантами» (Sarbin & Kitsuse, p. 14).

Один из аргументов, развиваемых в данном направлении, гласит, что для того чтобы более полно понять конструкции обычного человека с улицы, конструкционист должен обращаться к чему-либо поддающемуся объективной проверке (Best, 1993). Конструкционистская программа социального действия, включающая такие проекты, как улучшение положения нуждающихся, престарелых, женщин и социальных меньшинств и сохранение естественных мировых ресурсов, также требует изменить свой подход в соответствии с условиями повседневной жизни в мире. Это изменение точки зрения могло последовать в направлении, указанном философом и психологом Джоном Дьюи, утверждающим, что знание состоит во взаимодействиях между людьми и их

*WASP — сокр. от White Anglo-Saxon Protestant («белая кость», «истинные американцы», т. е. американцы англосаксонского происхождения и протестантского вероисповедания, которые в период образования США считали себя и считались другими элитой общества). — *Примеч. науч. ред.*

миром; началом знания не является та или иная теоретическая система. Очень близких позиций придерживается интербихевиоральная психология Кантора (см. главу 10).

Примером контекстуального интеракционизма является критика Андерсеном (Andersen, 1994) IQ как меры интеллекта. Он полагает, что существуют две «метафоры» интеллекта. Согласно одной из них, интеллект — это решение задач в уме, а согласно другой, контекстуальной, интеллект — это «оцениваемое качество взаимодействий и взаимоотношений человека со своим окружением» (p. 126). Он находит, что IQ часто используется вместо более точного термина «показатель IQ-теста» («IQ test score»), что приводит к овеществлению данного конструкта. Кроме того, когда конкретные ответы тестируемых на вопросы теста преобразуются в числовые абстракции тестовых показателей IQ, эти показатели являются порождением разума (creations), а не исходными данными. Многие авторы теорий интеллекта не принимают во внимание тот факт, что интеллект является конструкцией, а не природным (естественным) явлением. «Реальным существованием обладают показатели тестов интеллекта (IQ), но не сам интеллект (IQ); IQ принадлежит царству хоббитов, единорогов, крошечных фей и других мифических созданий» (p. 132). Последствия этого неразличения проявляются и в утверждении о том, что IQ является нормально распределенной переменной; при этом упускается из виду тот факт, что исследователи разработали тест таким образом, чтобы его результаты соответствовали колоколообразной кривой распределения, которая вовсе не присуща природным явлениям.

Субъективность, утверждает Андерсен, появляется с появлением индивида, однако социальный процесс придает ей публичную объективность. Он уподобляет данный подход к объективности системе пожарной сигнализации, в которой отдельные датчики, расположенные в различных местах, каждый в своем субъективном ракурсе, в совокупности определяют объективное местонахождение очага пожара. Используя аналогичное сравнение, он отмечает, что психометрический подход к измерению интеллекта, с его игнорированием того обстоятельства, что интеллект является конструкцией, встречает возражения со стороны различных дисциплин — с присущих каждой из них точек зрения, — а это может привести к более объективному пониманию интеллекта. Психометрическому подходу, как механистическому взгляду на объективность, он противопоставляет объективность контекстуального интеракционизма, согласно которому интеллект понимается как взаимодействие между тестирующим и тестируемым, контекстом тестовой ситуации и мыслительными процессами тестируемого.

Такой видный пионер конструкционизма, как Ром Харре (Harre, 1986b), вероятно, также может быть отнесен к лагерю контекстуального конструкционизма. Мы познаем внеличностный (non-personal) мир вокруг нас, полагает он, проводя исследование с помощью диалогов, аналогично тому, как физики исследуют мир с помощью теорий. Естественно, утверждает Харре, наша собственная социальная система накладывает ограничения на наши познавательные возможности, однако использование диалогов представляет собой практический подход. Один из социально-психологических подходов, называемый «реализмом», или «трансцендентальным реализмом», также, вероятно, является родственным контекстуальному конструкционизму (Manicus & Secord, 1983). Он пытается положить конец общепринятой в социальной психологии практике использования оторванных от реальности экспериментов, включая такие задачи, как дилеммы торга и заключенного, и заместить их повествованиями в духе исторического исследования, которые схватывали бы значения вещей для людей в обыденной жизни. Сторонники данного подхода не отвергают объективности («обоснованной доказуемости» («warranetd assertibility»)) и не настаивают на тотальной относительности.

Данцигер (Danziger, 1997) проводит различие между «мягкой», или «светлой», версией конструкционизма и его «мрачной» версией. Светлый конструкционизм не только не претендует на то, что он является путем к истине, но и проповедует терпимость к любым путям, пока идущие по ним не пытаются указывать, в каком направлении идти другим. Смысл непрерывно конструируется языковыми сообществами. Темный конструкционизм подчеркивает роль отношений власти и тот факт, что они реализуются в социальных структурах и в человеческом теле, в частности, в биологии пола (biology of gender). Власть устанавливается и поддерживается благодаря конвенциям, закрепляемым письменными документами и институционализированными социальными практиками. Таким образом, маловероятно, что локальные социальные процессы могут явиться источником социальных реформ, указывает Данцигер; а следовательно, множественность точек зрения, за которую выступает постмодернизм, может не достичь своей цели.

Райсс (Reiss, 1993) выступает в пользу скорее «постпозитивистской», чем постмодернистской позиции. Он солидарен с постмодернистами в их отрицании окончательных истин и автономных фактов, однако он также отвергает постмодернистский тотальный релятивизм. «Релятивизм неприемлем для постпозитивистов, поскольку он отвергает возможность накопления доброкачественных (fair) научных данных, соответствующих научным стандартам. Далее, если все точки зрения относительны, то у нас нет способов обосновать более высокую эффективность одних форм социального и личного изменения по сравнению с другими» (p. 6). Он отмечает, что взгляды, претендующие на статус знания, публикуются и обсуждаются с целью прийти к более глубокому по-

ниманию тех или иных событий в мире, хотя при этом признается, что данное понимание может измениться с появлением новых взглядов. Он подчеркивает, что исследователь должен изложить свои исходные предпосылки (систему постулатов), так чтобы другие могли оценить их обоснованность, равно как и результаты основанных на них исследований, ибо факты являются таковыми только в рамках контекста, заданного исходными предположениями.

Конструкционизм и конструктивизм. Герген (Gergen, 1994b) различает, с одной стороны, конструктивизм в том виде, в каком он фигурирует в работах Жана Пиаже и Джорджа Келли, и с другой стороны — социальный конструкционизм, который он сам проповедует. Согласно Пиаже, ребенок *ассимилирует* реальность, но в то же время, благодаря когнитивной системе, *аккомодируется* (приспосабливается) к миру. Следовательно, индивидуум, а не социальная группа, конструирует реальность. Согласно Келли, индивидуум конструирует (construes) или интерпретирует мир на личном уровне, однако, несмотря на это, объективный мир существует. Таким образом, и Пиаже, и Келли верят в реальность, существующую независимо от социальных процессов. Гриер (Greer, 1997) проводит аналогичное различение, указывая на то, что конструктивисты придерживаются более традиционной точки зрения, чем конструкционисты — точки зрения, полагающей реальность, стоящую за социальными конструкциями знания. Конструкционизм отвергает как «разум», так и «мир», как обладающие реальностью вне дискурсивного сообщества, тогда как конструктивисты предполагают реальность этих сущностей.

Как конструктивисты, так и конструкционисты высказывают сомнения в том, что существует какая-то «фундаментальная» (базирующееся на установленных истинах) эмпирическая наука, являющаяся универсальной; к тому же и те и другие подвергают сомнению конструирование знания в уме на основе наблюдений. Каждый из подходов утверждает, что сама методология науки формирует (определяет) знание, а не добывает (открывает) его. Конструкционисты утверждают, что и научные методологии, и полученные на их основе результаты являются продуктами доказательств и умозаключений, представленных в языке, а потому социально «оговоренных» («negotiated»). Конструктивисты придерживаются точки зрения западного индивидуализма с его представлением о (по)знании как о врожденном индивидуальном процессе. Для конструкциониста индивидуальность — это функция социальных отношений, как и личность, мотивы, эмоции, память и мышление, которые также являются таковыми функциями, а не компонентами разума или Я. «Индивидуумы — это сконструированные сущности; они являются теоретическими конструкциями, социальными по происхождению» (Stam, 1990, p. 246). Конструкционисты полагают социальную причинность, тогда как некоторые конструктивисты оставляют место для причинности, базирующейся на свободной воле. *Конструктивисты* идут еще дальше, чем *конструкционисты*, и полагают, что язык формирует (constitutes) социальную реальность, а не только функционирует в качестве носителя социальных соглашений (Niemeyer, 1995). Конструктивизм придает большее значение биологической причинности поведения, тогда как конструкционизм приписывает причинность исключительно социальным процессам (Hardy, 1993)[1].

Предложенная Келли (Kelly, 1955/1991) «психология личных конструктов» вдохновила других авторов на попытки развить его теорию, объединив ее с социальным конструкционизмом (Mancuso, 1996). Келли утверждает, что мы интерпретируем мир в терминах наших индивидуальных когнитивных конструктов, опосредующих для нас мир. Именно эти опосредованные интерпретации придают миру смысл. Согласно версии теории Келли, развитой Мэнкьюзо (Mancuso), посредниками являются личные смыслы (private meanings). Личные конструкты принимают входные сигналы, исходящие от мира, и организуют их в смысловые значения вещей. Каждый индивидуум обладает иерархической системой таких конструктов и использует различные конструкты с различными входными сигналами, помогающие ему понимать мир. Это делает интерпретации конкретного человека — а не интерпретации социальной группы — центральными в системе Мэнкьюзо. Данная теория ближе к идеям когнитивной обработки информации, чем к социальному конструкционизму (Wortham, 1996); последний полагает, что индивидуальные интерпретаторы являются частью более широкого дискурсивного сообщества и «заперты» внутри интерпретативных процессов этого сообщества (Burkitt, 1996). Уортхем (Wortham) оспаривает менталистские утверждения Мэнкьюзо о личной сфере / внутреннем мире: «Предположение о том, что нам необходимо допустить существование внутреннего мира, чтобы объяснить осмысленный опыт, приводит нас к неразрешимому вопросу о достоверности внутренних интерпретаций, о свободной воле и детерминизме и т. д... Конструкты, придающие смысл нам и нашему опыту, настолько тесно переплетены с родственным контекстом (relational context), что этот факт заставляет нас предполагать, будто они интернализованы в индивидуальном разуме» (p. 81–82).

Феминизм и конструкционизм. В союзе с постмодернизмом конструкционизм выступает с феминист-

[1] Лиддон (Lyddon, 1995) дает краткую характеристику многочисленных версий конструктивизма и классифицирует их в соответствии с четырьмя родами причин по Аристотелю: формальной, материальной, действующей и финальной. Прават (Prawat, 1996) описывает шесть типов, в ряду которых социальный конструкционизм Гергена и тесно связанный с ним постмодернизм Рорти составляют единый стиль.

ской оценкой науки, в которой наблюдается значительное преобладание мужских представлений в области методологии и интерпретации. Эвелин Келлер (Evelyn Keller, 1983), получившая подготовку в области теоретической физики, указывает на то, что женский подход к научным проблемам привносит в науку ценный взгляд, который может оказаться весьма плодотворным, примером чему является разработанная Барбарой МакКлинток (Barbara McKlintock) процедура изучения генетики семян (corn genetics), предполагающая поиск организации и функции, а не рассматривающая ген как командный центр, обладающий абсолютной властью. Это позволило получить результаты, за которые МакКлинток была удостоена Нобелевской премии по медицине в 1983 году, но при этом ей пришлось бороться с мужским негативизмом в отношении некоторых ее концепций и финансирования ее исследований. Келлер утверждает, что женщинам свойственно заниматься поисками более сложных взаимодействий, тогда как мужчины часто пытаются обнаружить лишь линейные причинно-следственные связи. Это привело мужчин к переоценке контролирующей роли ДНК, не принимая при этом во внимание ее взаимодействия с другими молекулами. Аналогичное замечание делает Бонни Спэниер (Bonnie Spanier, 1995), микробиолог и специалист по женским исследованиям (women's studies). Несмотря на наличие фактов, свидетельствующих об интеракционной роли самых различных сложных молекул, проведенный ею обзор учебников и журнальных статей показал, что для них типичен один и тот же шаблон приписывания гену контролирующих функций и помещения его на вершине иерархии молекул в клетке.

Большинство ученых-феминисток хотели бы привлечь больше женщин в сферу науки и придать ей качественное измерение, сохраняя количественное (Nemecek, 1997). Вдобавок они хотели бы, чтобы наука уделяла внимание социальным ценностям и гендерным предрассудкам, под влиянием которых находятся ученые. В этой связи стоит напомнить, что признание факта влияния на эксперименты необъективности как самих исследователей, так и испытуемых, привело к внедрению в научную практику двойного слепого эксперимента. Результаты многих более ранних исследований могут быть поставлены под сомнение, поскольку в течение многих лет такие средства контроля отсутствовали. Однако многие феминистки пытаются выйти за рамки вопросов методологического контроля. Они призывают перейти от взгляда на науку как мужскую прерогативу к рассмотрению ее как общечеловеческой сферы деятельности, которая рассматривает и развивает различные точки зрения и отказывается от представлений о мужском интеллектуальном превосходстве — превосходстве, основанном на политической власти, а не на критериях науки, даже если оно является непреднамеренным и неучтенным. Более широкий подход, утверждают они, будет способствовать только развитию, а не деградации науки. «Сама природа является нашим союзником, полагаясь на которого мы можем создать импульс к действительным изменениям: ответы со стороны природы каждый раз заставляют нас пересматривать термины, в которых конструируется наше понимание науки» (Keller, 1995, pp. 175–76).

Критические замечания, аналогичные сделанным в отношении генетики, могут быть направлены и в адрес господствующих тенденций в психологии: использования количественных методов в ущерб качественным и предположения линейной причинно-следственной зависимости в допущении об управляемом мозгом организме или вызываемых средой реакциях.

Вторжения в другие области. За последние двадцать лет конструкционизм приобрел господствующее влияние в области женских исследований и в социологии, в особенности в исследованиях социальных проблем, а также в некоторых разделах антропологии. Меньшего успеха он добился в психологии (Sarbin & Kitsuse, 1994), за исключением социальной и педагогической психологии, в которых ему удалось занять достойное место. (Когнитивизм также приобрел значительное влияние в социальной психологии, тогда как наиболее традиционное направление в социальной психологии переместилось в школы бизнеса.) Герген (Gergen, 1985) хотел бы ввести конструкционизм во все разделы психологии, поскольку он считает психологию — как и другие науки — «формой социального процесса» (p. 266).

ПОЛУЭКСПЛИЦИТНЫЕ ПОСТУЛАТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА

Ниже следуют постулаты, которыми, по-видимому, руководствуется Герген. Большинство из них в значительной степени эксплицитны, однако некоторые были выведены нами логическим путем.

• *Протопостулаты (общие руководящие допущения, касающиеся науки в целом или, в данном случае, общей методологии исследования):*

1. Мы не можем установить никаких универсальных истин в отношении мира.

2. Единственным типом событий в природе, в существовании которых мы можем быть уверены, являются социальные события.

3. Каждый человек в отдельности не обладает знанием, [поскольку] знание представляет собой не что иное, как тип отношений, существующих в человеческой общности (community).

4. Ни разумная душа (mind), в которой мир отображается и генетически организуется, ни наблюдения за миром вокруг нас не являются источником знания.

5. Отношения между людьми, сведенными вместе историей и объединенными культурой, определяют формы выражения, посредством которых мы понимаем мир.

6. Наука, логика, мифология, религия, мистицизм, общественное мнение и литература имеют равные основания претендовать на истину в качестве социальных традиций (social conventions).

7. Социальный конструкционизм имеет не больше прав претендовать на истину, чем любой другой подход. Сущность данного подхода, как и остальных, состоит в попытке осмыслить повторяющиеся паттерны.

8. Социальное сообщество (social community) может оценивать или обосновывать достоверность своих утверждений только внутри самого себя, однако, в силу культурных различий, оно не может делать этого в отношении утверждений другого сообщества.

9. Наиболее существенным вкладом науки в культуру, частью которой она является, служит обеспечиваемая ею «теоретическая интеллигибельность».

10. Апелляция к логике, а также к фактическим свидетельствам не имеет силы за пределами социальных групп, в рамках которых данные формы [доказательства и демонстрации истинности] культурно и исторически сложились, хотя процедуры логического вывода могут использоваться при формулировании положений социального конструкционизма, а также в ходе критического анализа формулировок других подходов; при этом обращение к фактическим свидетельствам может использоваться наряду со средствами логики.

• *Метапостулаты (поддерживающие допущения для конкретной науки):*

1. Отказавшись от претензий на истину, социальный конструкционизм призывает других исследовать возможные варианты, которые придавали бы реальности осмысленность, а также рассматривать альтернативные способы объяснения [наблюдаемых ими событий].

2. Придерживаясь тотального релятивизма, социальный конструкционизм воздерживается от собственной позиции по каким-либо вопросам научного, морального, политического или иного характера. Данные вопросы могут рассматриваться только в контексте конкретной культуры.

3. Индивидуальные характеристики могут быть сведены к дискурсу социальной группы.

4. Мы структурируем мир лингвистически, а не когнитивно. Требование истинности заключается в сочетаемости слов, содержащих в себе логическое утверждение [пропозицию].

5. Социальный дискурс — единственная форма знания, и это знание не выходит за рамки той социальной группы, для которой характерен данный [тип] дискурса.

• *Постулаты (допущения, относящиеся к предмету изучения):*

1. Психология изучает социальный дискурс как единственный базис знания.

2. Социальный дискурс содержит истину или знание только на локальном уровне, на котором порождается данный тип дискурса.[2]

3. Каузальность возникает не под действием внутренних факторов (души (mind), мозга, воли или других индивидуальных конструктов), ее источник находится в социальном сообществе.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Конструкционистское исследование использует любые процедуры, обеспечивающие интеллигибельность в пределах отдельного социального сообщества. Широкое распространение получило интервьюирование и составление повествовательных текстов (narrative-writing). Более изощренные процедуры, используемые в ряде конструкций, включают Q-методологию (см. главу 11), представляющую собой строгий и мощный количественный метод обнаружения различных комбинаций субъективности, по которым люди могут быть объединены как разделяющие одни и те же социальные конструкции. Темы исследований включают лесбиянство и феминизм (Kitzinger, 1986, 1987; Kitzinger & Stainton Rogers, 1985), феминизм и порнографию (Gallivan, 1994), жестокое обращение с детьми (Staintion Rogers & Staintion Rogers, 1989), социальные и бихевиоральные тексты (Curt, 1994; McKeown, 1990), и психопатологию (Stowell-Smith, 1997). Некоторые конструктивисты считают повествование наиболее эффективным средством описания конструкционистских исследований и концепций (Sarbin & Kitsuse, 1994). Используя еще одну процедуру, пять исследователей описали свои воспоминания и размышления об эмоциональных событиях, затем совместно обсудили их, обращая внимание на общие паттерны воспоминаний и анализируя, какими способами конструировались значения

[2] Герген (1985) утверждает, что поскольку (а) конструкционизм следует нормативным правилам сообщества, (б) правила могут быть подвергнуты критике по историческим и культурным основаниям, и (в) конструкционизм оценивает этичность научной деятельности с точки зрения всего общества, данный подход не является полностью релятивистским.

в их социальном контексте (Kippax et al., 1988; Crawford et al., 1990).

Герген (Gergen, 1994b, 1997) перечисляет такие темы, как враждебность, познание (cognition), аттитюды, структура личности, эмоции, развитие ребенка и физическая боль, а также тревога, шизофрения, депрессия, анорексия и булимия, множественная личность и другие психиатрические диагнозы, ставшие объектом исследования в качестве социальных конструкций. Иными словами, они являются конструкциями, сформированными в сообществе, и не подлежат более широкому распространению. Конструкционисты также интересуются точками зрения других с целью предложить альтернативы конвенциональным взглядам и линиям поведения (policies), таким как, например, эмоциональное поведение, которое является культуроспецифичным. Конструкционистов интересуют изменения исторических представлений о детях, кросс-культурные сравнения детей и культурно-исторические вариации материнской любви. Они изучали страсть, ревность, обонятельные и вкусовые ощущения как социальные процессы. Они также изучали изменяющиеся представления о психологии человека, участниках исследований и сущности экспериментальной психологии. Они представили описания сконструированной сущности (nature) человеческого тела, половых различий, медицинских заболеваний, беременности, детства, интеллекта, жестокого обращения с женами и периода жизни (life course). Им удалось описать гендерные роли, уголовные преступления и агрессию как результат взаимодействий, а не внутренних импульсов, а также осветить такие темы, как гендерные предрассудки, бедственное положение меньшинств, расизм и другие социальные проблемы.

Большинство этих исследований носят эмпирический характер; однако, согласно представителям конструкционизма, они не претендуют на истинность и не гарантируют истинности предлагаемых ими выводов. Они только предлагают конструкцию социальной жизни, представляющую ее в новом свете, и драматизируют описание реальности, рассматривая ее в новой перспективе и представляя альтернативные подходы к действию. «Каждая из форм теоретической интеллигибельности (или, на обыденном языке, удобопонятности) — когнитивная, бихевиористская, феноменологическая, психоаналитическая и другие — предоставляет в распоряжение культуры дискурсивные средства организации социальной жизни» (Gergen, 1994b, p. 142). Конструкционисты признают, что все эти формы выполняют определенную роль и могут рассматриваться как часть конструкционистского социального ландшафта, однако ни одна из них не должна занимать господствующее положение. Мы не найдем в конструкционистских исследованиях традиционных тенденций психологического исследования, направленных на поиск общих ответов (generalities) на такие вопросы, как, например, является ли более эффективным концентрированное или распределенное упражнение, какие паттерны реакций вызывает тот или иной режим подкрепления или какие условия способствуют поддержанию или изменению перцептивных константностей (хотя конструкционистов могут интересовать культурные различия данных форм поведения). Мы не обнаружим даже в социальной психологии, основном прибежище конструкционизма, ничего, напоминающего классические демонстрации Шерифа (Sherif), проведенные в естественной обстановке подросткового лагеря и показывающие, каким образом можно спровоцировать враждебные столкновения между группами и что эти враждующие группировки могут объединиться против общей угрозы и даже превратиться в союзников и друзей.

Анализируя постмодернистские исследования в области образования, Констас (Constas, 1998) утверждает, что его повествовательная методология не должна становиться единственным средством исследования, вытесняя систематические исследования, а должна занять свое место в ряду многих других методологий. Констас отрицает, что «упорядоченное мышление и рациональный анализ подавляют человеческий дух и попирают политические права людей, которых мы изучаем» (p. 28). Он находит, что большинство постмодернистских исследований воздерживается от выводов и рекомендаций; они являются настолько неопределенными, что могут оказать мало пользы педагогам. Кроме того, научные отчеты постмодернизма, в значительной степени отягощенные грузом научной литературной традиции, как это имеет место в большинстве постмодернистских исследований, могут способствовать только увеличению разрыва между педагогами-практиками и исследователями. Однако если они будут изложены в формах, используемых в художественной и критической литературе, они могут оказать значительную помощь в установлении коммуникации между ними. Важная роль, которую могут сыграть повествовательные исследования, полагает Констас, состоит в изложении результатов исследований в повествовательной форме, так чтобы исследователь мог доступно изложить свои результаты для учителей, администрации учебных заведений и широкой публики.

ПСИХОТЕРАПИЯ

Принципы

Традиционная психотерапия сосредоточена преимущественно на индивидуальных восприятиях и понимании. Конструкционистская терапия переносит акцент с интереса к индивиду на социальный языковой процесс. Она задается вопросом, может ли конкретное самоописание быть представлено в новой

форме и могут ли альтернативные описания также хорошо соотноситься с фактами (Gergen, 1994b). В ходе терапии разрабатывается новый набор конструкций, представляющих собой альтернативы старым (Fruggeri, 1992). Болезни и проблемы становятся культурными конструкциями, а не самостоятельной реальностью. Дисфункциональные семьи, тревога, депрессия и страдание воспринимаются как таковые лишь в определенной социальной перспективе. Диагностика становится излишней, а лечение превращается в перестраивание (reconstrual) социальных перспектив. Представление о том, что человеку необходимо измениться и что это изменение может вызвать терапевт, должно быть оставлено. Вместо этого терапевта следует рассматривать как участника-наблюдателя, сотрудничающего с клиентом в создании контекста, в котором могут развиться новые и приносящие большее удовлетворение реалии (Hardy, 1993). Терапия — это процесс формирования значений, присущих определенным типам отношений между терапевтом и клиентом, в ходе которого терапевт и клиент со-развивают (co-evolve) значения посредством диалога.

Эфран и Кларфилд (Efran & Clarfield, 1992) рассматривают терапию как процесс, носящий образовательный характер, в ходе которого учитель и ученик в результате переговоров приходят к соглашению, которое будет иметь силу в рамках сообщества и которое предписывает определенные цели и процедуры. Терапевт и клиент — это не субъект и объект, а участники одного процесса; а мышление, чувства и воображение являются не внутренними событиями, а создаются совместным участием. Посредником в этом участии служит язык. Терапевт, утверждают они, должен принять на себя ответственность за последствия своих собственных мнений и ценностей и должен побуждать клиента сделать то же самое. Согласно данному сценарию, терапевт помогает клиенту рассматривать симптомы и проблемы как часть социальных паттернов жизни, а не как внутренние силы или болезнь. «Война жизни» идет не только между мыслями и чувствами, но и между конфликтующими друг с другом требованиями различных социальных контекстов (Efran & Fauber, 1995).

Кто руководит процессом?

В конструкционистской терапии терапевт утрачивает свою позицию знающего и руководящего лица и использует различные способы взаимодействия и описания, способствующие выработке альтернативных конструкций, тогда как клиент рассматривает варианты выбора и их последствия и те различные возможности, которые обеспечивают эти варианты для формирования новых значений. Терапевт принимает роль «художника общения — архитектора диалогического процесса» в качестве «участника-наблюдателя и участника-фасилитатора» (Anderson & Goolishian, 1992). Отказываясь от взгляда на терапевта как агента изменения, конструкционизм также отказывается от доктрины, согласно которой клиент должен сопротивляться изменению (Fruggeri, 1992). Некоторые представители конструкционистской терапии, по мнению Эфрана и Кларфилда, стали практиковать настолько же недирективную терапию, как и роджерианцы (см. главу 4), что является совершенно излишней крайностью.

Кто обладает знанием?

Клиентов поощряют исследовать различные повествования, но не принимать ни одно из них в качестве истины. Повествования — это средства формирования значений, а также помощи клиенту и терапевту понять эти значения как части контекста, не являющиеся ни окончательными, ни истинными. Через опыт повествования они приходят к признанию того, что одно повествование не лучше и не важнее, чем другое (Gergen, 1994b). По мнению Андерсона и Гулишиана (Anderson & Goolishian, 1992), процесс повествования обретает свою трансформационную силу за счет того, что он выражает жизненные смыслы в новом контексте. Терапевт указывает клиенту на то, что не имеет никаких изначальных предположений, ответов или ожиданий — он *не знает* (does *not-know*) — но проявляет огромное любопытство и хочет услышать больше. Терапевты не могут уклониться от действий, помогающих клиенту, который просит от них изменения, преодолеть свои проблемы, но они могут изменить социальные ожидания относительно терапевта как эксперта (Fruggeri, 1992). Терапевт не может лишиться ни своих знаний, ни своих предвзятостей, ни игнорировать информацию о клиенте, которую он получает от лиц, направивших его к нему. Однако он может не закрываться от новых значений, занимая позицию не-знающего. Согласно описанию терапии Андерсоном и Гулишианом (Anderson & Goolishian, 1992), практикуя не-знание, терапевт избегает наводящих вопросов или дознания и старается поощрять клиента подвести терапевта к новым пониманиям. Вопросы, задаваемые с позиции не-знания, ведут к конструированию локального лексикона и установлению понимания между обеими сторонами, в процессе которого история постоянно переизлагается и развивается. Это обеспечивает согласованный взгляд на чувства, (личную) историю и восприятия. Такой подход, утверждают Андерсон и Гулишиан, поощряет чувство освобождения в терапии, считающейся успешной.

Примером такой терапии является случай, когда 41-летний мужчина был убежден, что он болен заразной болезнью и представляет опасность для других людей. После того как он продолжал считать себя больным, хотя анализы показали, что возможность заболевания полностью исключена, он был направлен в психиатрическую службу, но это не дало никакого эффекта. Психиатр в конце концов направил его к Гулишиану, который не стал оспаривать историю,

рассказанную клиентом, но проявил к ней интерес. Ему показалось, что клиент почувствовал при этом облегчение. Задавая вопросы типа «Как долго Вы *больны* этой болезнью?», терапевт побудил клиента переизложить свою историю таким образом, чтобы в ней раскрылись новые значения. Позиция не-знания, вероятно, оказала благотворное воздействие. Когда мужчина вернулся к лечащему его психиатру, врач сообщил, что его жизнь улучшилась и сейчас его скорее волнуют профессиональные проблемы и проблема брака, чем тема инфекционной болезни. Практика не-знания способствовала переходу терапии на новый этап.

Некоторые процедуры

Терапевтические процедуры, которые использует конструкционизм, включают: обсуждение решений вместо проблем (de Shazer, 1993); помощь клиентам в написании писем и других текстов, в которых они реконструируют свою жизнь (White & Epstein, 1990); переговоры между терапевтом и клиентом с помощью различных техник ведения беседы (O'Hanlon & Wilk, 1987); фокусирование на позитивных высказываниях клиентов о самих себе (Friedman & Fanger, 1991; Durrant & Kowalski, 1993), а также работа с подростками-инвалидами на основе повествований об их состоянии с использованием кукол (Coelho de Amorim & Cavalcante, 1992).

Семейная терапия

Данный вид терапии, в котором существует множество разновидностей, занял ведущее место в конструкционистской клинической практике. Он рассматривает поведение как часть семейной системы, включающей циклическую причинность, которой связаны члены семьи, а не линейную причинность влияния прошлых событий на индивида. Важную роль в трансформации семейной терапии сыграли феминистское движение, социальный конструкционизм и культурный релятивизм (Hardy, 1993). Феминизм привлек внимание к тому факту, что мы живем в патриархальном обществе, в котором мужчины дают указания, а женщины следуют им; культурный релятивизм способствовал принятию точки зрения, что на все аспекты жизни оказывает влияние культура и что терапия не может игнорировать культуру. То, что мы рассматриваем как функциональное или дисфункциональное, варьируется от культуры к культуре; так, афро-американские традиции, уходящие корнями в африканскую культуру, придают большую ценность группе, чем правам отдельных индивидов.

Сама по себе семья является единицей, к членам которой относятся как клиент, так и терапевт. Поскольку терапевта объединяет с клиентом совместный опыт, он участвует в конструировании индивидуальных проблем семьи, с которыми, возможно, сталкивается клиент. Как и в случае индивидуальной конструкционистской терапии, терапевт больше не является руководящей стороной или экспертом, а становится со-интерпретатором.

Собер и его коллеги (Sauber et al., 1993) предлагают следующие операциональные характеристики семейной терапии:

- Вся семья является единым целым, и любое число членов семьи может участвовать в терапии в любой комбинации.
- Эта комбинация может меняться от раза к разу.
- Семья идентифицирует пациента, который репрезентирует проблемы во взаимоотношениях (maladjustments) всей семьи.
- Диагноз, как и цель лечения, ставится в отношении всей семьи.
- Вместо сохранения индивидуальной конфиденциальности весь материал терапии открыт для всей семьи.
- Терапевт фокусируется на взаимоотношениях и значениях, существующих в пределах семьи, и подчеркивает способы, посредством которых могут быть достигнуты здоровые взаимодействия.
- Некоторые семейные терапевты выходят за рамки семьи — на уровень общины, что переводит данный подход в область общественной психологии (см. главу 13, с. 325).

Хоффман (Hoffman, 1991) идентифицирует пять «священных коров» и одну «суперсвященную корову» традиционной психологии и указывает на последствия их существования для семейной терапии:

(а) Вера в *объективное социальное исследование* основана на мифологии; аналогично объективные диагностические процедуры, проводимые с целью определения размеров страховых выплат, для которых требуется постановка диагноза биологического заболевания (biological illness), имеют сомнительную валидность.

(б) Существование *Я* как внутренней когниции или эмоции является проблематичным. В семейной терапии индивидуум становится частью экологии (среды).

(в) *Психология развития* предполагает наличие универсальных стадий развития, наподобие предложенных Пиаже или психоанализом, однако формы развития в высшей степени разнообразны. Аналогичным образом традиционная психотерапия предполагает предопределенный характер процесса изменения, однако процесс изменения в равной степени может отличаться разнообразием.

(г) Положение о том, что *эмоции* носят универсальный характер и внутренне присущи людям, порождает веру в то, что они должны высвобождаться или выражаться или что они являются вещами, с которыми необходимо войти в контакт. Психологи и социальные работники полагают, что они должны помочь людям «проработать» («work through») свои эмоции, когда их постигает несчастье. Семейные те-

рапевты уже давно подвергают критике такие теории вытеснения.

(д) Идея *уровней*, проявлением которой служит вера в то, что симптом означает лежащее в его основании расстройство, может быть замещена рассмотрением того, что сообщается в различных контекстах.

И наконец, «суперсвященной коровой» является *колониализм*, предполагающий, что исследователь или терапевт занимает руководящую позицию, а испытуемый или клиент — подчиненную. Иными словами, терапевт становится колониальной властью над клиентом. Семейная терапия отошла от такого подхода, и в одной из ее разновидностей используется «рефлектирующая группа» («reflecting team»), обсуждающая семейные вопросы в присутствии всех членов семьи и предлагающая им высказать свои комментарии. Хоффман описывает отношения между клиентом и терапевтом как отношения партнерства. Она без колебаний предлагает клиентам свои собственные истории, наряду с теми, которые она просит рассказать их самих, и выражает свои собственные чувства, вместо того чтобы поддерживать атмосферу конфиденциальности и создавать впечатление, что она выше всего этого.

В психологии пока что собрано мало данных о том, каким образом возникают убеждения (beliefs) и как они изменяются (Fruggeri, 1992). В конструкционистской семейной терапии клиент не в большей степени определяет изменение путем отбора того, что является полезным, чем это делает терапевт. Систематический анализ сессий семейной терапии показывает, что вопросы терапевта, ставящие под сомнение согласованность убеждений, заставляют участников вырабатывать новую согласованность, и наиболее значительные изменения в повествованиях имеют место, когда терапевт соединяет многочисленные и различающиеся между собой описания. Это позволяет сделать предположение, что просто предложить различные точки зрения недостаточно; терапевт должен показать, как они сочетаются друг с другом (Fruggeri & Matteini, 1991, цит. по: Fruggeri, 1992).

Конструктивистская терапия. Нимейер (Neimeyer, 1995) описывает одну из форм конструктивистской терапии, получившую название «повествовательная реконструкция» («narrative reconstruction»). Первым шагом в ней является «экстернализация» таких проблем, как депрессия, путем представления их как внешних по отношению к индивидууму. Затем терапевт направляет клиента к развитию повествований, связанных с условиями жизни, вызвавшими появление проблемы. Когда проблема отделена от клиента, тому легче выработать альтернативную историю, что позволяет ему установить контроль над проблемой. Терапевт подтверждает валидность истории, выдавая клиенту дипломы об успешном прохождении терапии (diplomas of mastery), либо составляя письма, которые описывают успех клиента или побуждают его к дальнейшему развитию повествования. Можно рассматривать эту процедуру как использующую методики подкрепления, в соответствии с практикой анализа поведения / поведенческой терапии. Аналогичным образом при работе с «неизлечимо агрессивными» пациентами, в результате переноса акцента с того, что является ненормальным в поведении данного лица, на «структуры образцов взаимодействий между людьми, имеющими отношение к проблеме» (Caldwell, 1994), процедура становится близкой к поведенческой терапии. Социальные факторы, служащие подкреплением агрессивного поведения, устраняются, и уровень агрессивности постепенно снижается. Данные разновидности конструкционистской / конструктивистской терапии сочетаются с поведенческой терапией.

Критикуя позиции конструкционизма / конструктивизма, отрицающих познаваемую реальность, Спид (Speed, 1991) утверждает, что делая акцент на том, каким образом клиенты конструируют свои представления и убеждения, конструктивистские терапевты игнорируют то, что происходит в жизни клиента. Откуда, спрашивает он, берутся представления клиентов? Почему они конструируют именно такие, а не другие представления? Он видит ценность конструктивизма в том, что тот помогает терапевту увидеть, что их представления об истине не являются единственно возможными; однако он считает, что возражение против любой объективной истины — это крайность, которая «заводит семейных терапевтов в тупик» (p. 407). Он выступает за «со-конструктивизм» («co-constructivism»), признающий структурированную реальность, значимость различных аспектов которой зависит от индивидуальной или групповой ситуации. Терапевт, совместно с семьей, проходящей терапию, конструирует описание событий.

Некоторые представители конструктивистской терапии применяют концепции и методики когнитивной терапии, а некоторые предпочитают разновидность психологии «я» (self-psychology), которую конструкционисты и другие представители конструктивизма отвергли бы. Теория личных конструктов Келли (см. с. 219) также предполагает конструктивистский подход. «Терапевт как исследователь-консультант» (формулировка Келли) помогает клиентам формулировать их личные конструкты таким образом, чтобы они более эффективно отвечали на значимые вопросы и расширяли спектр их альтернативных взглядов на предоставляемые жизнью возможности (Efran & Fauber, 1995).

Герменевтическая терапия. Герменевтика как языковая интерпретация имеет много общего с конструкционизмом, однако сохраняет ориентацию на объективный мир. Вулфолк (Woolfolk, 1992) предпочитает ее конструкционизму и утверждает, что мы может оценивать истину, используя различные методы в различных контекстах. Только отстаивая объективную истину, мы можем защитить традиции и практики нашей культуры, считает он. Как подход к психотерапии, гер-

меневтика включает технологию, прояснение ценностей, самораскрытие и самоинтерпретацию.

Постмодернистская терапия и академическая психология

Полкингхорн (Polkinghorne, 1992) утверждает, что психотерапия, если она проводится высококвалифицированными профессионалами, является по существу постмодернистской практикой, альтернативной академической психологии. Такие системы психологии, как анализ поведения, психология «я» Роджерса и психоанализ, могут быть переинтерпретированы как метафоры для раскрытия и как когнитивные схемы, посредством которых клиенты организуют свой опыт. Терапевты, отмечает он, редко находят полезную для себя информацию в психологических исследованиях и вынуждены вырабатывать свой собственный корпус знаний. Они делают это, основываясь не на наборе предполагаемых истин, установленных академической психологией, а на наблюдениях за окружающими условиями и используя собственные схемы мышления для конструирования корпуса знаний, которые могут найти практическое применение в терапии. Лучше всего рассматривать академическую психологию, утверждает Полкингхорн, как подраздел психологии практики (psychology of practice). Поскольку постмодернизм уже занял доминирующее положение в практике, считает он, академическая психология становится в этом случае подразделом постмодернизма.

ОБЛАСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Конструктивизм (в большей степени, чем его ближайший родственник конструкционизм) направил часть своих усилий на область образования (в частности, Jones & Maloy, 1996; Marlowe & Page, 1998; Palinscar, 1998; Richardson, 1997). Он делает акцент не на знаниях, а на «овладении дискурсом, нормами и практиками, связанными с конкретными сообществами» (Palinskar, 1998, p. 365). Усилия по усовершенствованию сферы образования должны включать перенос акцента на неформальные знания, признание множественности правильных ответов на многие типы заданий и «способствование социальному конструированию некоторых типов знания» (Berlinger & Biddle, 1995, p. 327). Ниже следует перечисление мер, предлагаемых сторонниками конструктивизма:

(а) поддержание социальных конструкций значений, а не объективного знания;

(б) междисциплинарное обучение вместо обучения в рамках отдельных академических дисциплин;

(в) поощрение социальной справедливости и демократического обсуждения в противовес корпоративному доминированию демократии;

(г) понимание совместно вырабатываемых значений вместо получения знаний от взрослых;

(д) конструирование значений в процессе чтения, счета и обсуждения, в противовес получению знаний, выработанных предшествующими поколениями;

(е) обсуждение того, что является важным для будущего отдельных людей и общества в целом, в противовес заучиванию стандартного корпуса знаний, овладение которым оценивается путем тестирования (Jones & Maloy, 1996, pp. xvi, 362).

Конструктивисты пытаются в большей степени привить любовь к естественным наукам и математике, чем обеспечить овладение ими. В демократическом обществе, считают конструктивисты, нужны не столько технические или профессиональные знания, сколько здоровое взаимное уважение между полами, социальными классами и расами. Фактически, утверждают они, специалисты придают слишком большое значение эмпирическому знанию. Общество, однако, держится на здравом смысле, опыте и обоснованной оценке. Сравнение показывает, насколько близки эти принципы принципам гуманистического образования (см. главу 4, с. 126–128 и 135–136).

СОСПОСТАВЛЕНИЕ С ДРУГИМИ ПОДХОДАМИ

Когнитивная психология

Большинство конструкционистов отвергают представление о некой инстанции в голове, которая является причиной поведения, и направляют свой взгляд на социальное сообщество как источник действий и значений. Воспоминания, эмоции, представления, восприятия и т. д. следует искать в социальных структурах, а не в сконструированных репрезентациях и схемах, приписываемых мозгу или разуму. С другой стороны, когнитивисты отвергли бы конструкционистские мнения о том, что когнитивные эмпирические исследования состоят не более чем из социального дискурса и что их результаты не могут быть распространены за пределы локальных групп. Другое важное различие состоит в том, что конструкционисты отвергают «разум как зеркало» мира, тогда как большинство когнитивистов придерживаются данной точки зрения в форме определенной разновидности ментальных репрезентаций, представляющих собой либо саму нейронную активность, либо ее результат.

Постмодернистов / конструкционистов объединяет с когнитивистами представление о том, что существует барьер, стоящий между познающим и миром природы. Для некоторых конструктивистов и некоторых постмодернистов язык составляет единственную доступную реальность, и остальная часть природы непознаваема. Для конструкционистов социальные конструкции, как они отражены в языке, представляют собой все, что может быть познано. Когнитивисты заявляют, что познаваемы внутренние репрезентации мира, но не внешний реальный мир. Эти различия точно отражают расхождения между органоцентрическими и социоцентрическими постулатами соответствующих систем.

Интербихевиоральная психология

Сравнение с интербихевиоризмом является достаточно неоднозначным. Конструкционизм отрицает любые различия между субъектом и объектом, как отрицает он и представление о разуме как зеркале мира. Он признает факт социальной конструкции, в которой язык является элементом, обеспечивающим взаимопонимание. Однако он отрицает любую независимую достоверность других событий. Интербихевиоризм, напротив, не накладывает никаких ограничений на то, какие события могут являться частью природы. В то же время он соглашается с конструкционизмом, что разум и отражения являются конструктами, а не событиями, и настаивает, что они не должны смешиваться с событиями. Язык, с точки зрения интербихевиоризма, представляет собой бистимуляционные интеракции (bistimulational interactions), в ходе которых индивидуум сообщает кому-то о чем-то. В отличие от конструкционизма, интербихевиоризм не рассматривает язык как всеобъемлющую схему (grand schema), составляющую или структурирующую все знание, тем не менее соглашаясь с тем, что язык — это не средство передачи психического содержания от одного разума к другому и что он функционирует как взаимно разделяемые значения. (Интербихевиоризм утверждает, очевидно, в полном согласии с конструкционизмом, что социальная психология сама по себе представляет дисциплину, изучающую взаимно разделяемые значения [Kantor, 1929, 1982].) Когда конструкционизм заявляет, что язык — это знак или означающее (signifier), интербихевиоризм соглашается с этим — если имеется в виду письменная речь. Однако интербихевиоризм полагает, что устная речь — это конкретные бистимуляционные интеракции, а не знаки или символы. Понимания, возникающие в повседневной жизни (Semin & Gergen, 1990), представляют собой отправную точку познания для обеих систем, хотя интербихевиористы пытаются построить на этом основании научное знание, тогда как конструкционисты считают его не только начальной, но и конечной точкой познания.

Отказ конструкционизма признавать индивидуальное действие, которое не являлось бы полностью «обусловленным» («situated» in) социальным контекстом, возможно, отчасти объясняется представлением о том, что индивидуальные действия требуют введения конструкта разума или мозга как силы, вызывающей такие действия. Не обращаясь к подобным конструктам, интербихевиоризм предполагает, что индивидуальное действие может быть понято как взаимодействия между индивидуумом и объектами, осуществляющиеся в сеттинге (социальном или несоциальном), в котором заключена история прошлых взаимодействий, и все эти факторы в совокупности составляют причину действия, будь то мышление, представление, использование и совершенствование навыков, запоминание, действие по привычке, общение или формирование социальных конструкций. Разум, воля, способность мозга и другие сконструированные причинные агенты становятся излишними, если только события, а не конструкты, составляют части интеракционального поля. В противовес признанию интербихевиоризмом всех событий строгий конструкционист будет настаивать на том, что мы не можем познавать события в отрыве от социального процесса, и признает как единственное событие сам социальный процесс. Контекстуальный конструкционист (см. с. 217), с другой стороны, придерживается в большей степени нецентрической, чем социоцентрической ориентации, что сближает его с позицией сторонников интербихевиоризма.

Оперантный субъективизм

Для Стефенсона коммуникация осуществляется между индивидуумами, а не между группами, а субъективность и объективность различаются между собой лишь в зависимости от точки зрения — моя это точка зрения или ваша. Для Гергена коммуникация социальна и объективность существует только в социальном процессе. Субъективность отдает индивидуализмом, и ее количественный характер делает ее еще более подозрительной. Несмотря на это, ряд представителей социального конструкционизма находят Q-методологию Стефенсона методом, вполне удовлетворяющим их интересы, и используют ее в своих исследованиях, определяя субъективность, включенную в социальные конструкции, — то, каким образом индивидуумы разделяют либо не разделяют общие точки зрения в различных комбинациях. Повествования интересуют конструкционистов, однако человек, собирающий повествования или проводящий интервью, очень легко может начать контролировать процесс. В Q-методологии люди рассказывают свои собственные истории посредством сортировки высказываний.

Феноменологическая психология

Джорджи (Giorgi, 1992) полагает, что постмодернизм и конструкционизм подвергли проверке и под-

твердили (attested) значение субъективности, однако оставили ее такой ослабленной, что она не может оказать какого-либо влияния. Субъективность для некоторых конструкционистов связана с индивидуальностью, а индивидуальность должна рассматриваться как подраздел социальных процессов. Хотя феноменология подчеркивает роль значений для людей, эти значения, как правило, индивидуальны, а не социальны. Конструкционизм признает только социальные значения. Индивидуальных точек зрения не существует. Конструкционизм также отверг бы концепцию Гуссерля об интуитивных значениях (intuiting meanings) — подобных пониманию того, что наличие трех углов составляет существенный признак треугольника, — которые обладают большей универсальностью, выходя за границы отдельных культур, мнений, предвзятостей или теорий, и настаивал бы на том, что значения ограничены рамками «локальных» групп.

Психоанализ

Некоторые психоаналитики модифицировали свою систему, позаимствовав ряд положений социального конструкционизма. В частности, Мертон Гилл (Merton Gill) замещает биологические и физикалистские концепции Фрейда концепциями социального конструкционизма, герменевтики, интерпретациями (см. главу 5), в которых участники терапевтического процесса, аналитик и анализанд (analysand) совместно конструируют значения. Ни одна из интерпретаций не является правильной; наилучшей является та, которая на данный момент представляется более согласованной (хотя впоследствии она может измениться). Подобно ему, Рой Шефер (Roy Schafer) не ищет истинных интерпретаций, а обращается к повествованиям как к процедуре конструирования событий в настоящем, тем самым отбрасывая традиционную роль психоаналитика как конструирующего прошлое. Рассказывание историй — единственная реальность. Доналд Спенс (Donald Spence) считает аналитическую сессию рассказыванием небылиц (narrations about fables), в которых факты и фантазии, как в излагаемых воспоминаниях о детском инцесте, не могут быть оделены друг от друга. Поскольку истины мы не узнаем никогда, согласно его версии, аналитик должен конструировать истории, достаточно согласованные, чтобы пациент поверил в них и смог получить от этого пользу. Эти представители психоанализа в значительной степени отошли от традиционной органоцентрической позиции психоанализа, приблизившись к социоцентрической позиции.

КРИТИКА

Поскольку постмодернизм и социальный конструкционизм настроены настолько критично в отношении всего здания науки, включая как физические, так и социальные науки, они вызвали значительное количество ответных критических замечаний в свой адрес. Эти ответные реакции достаточно разнородны и нелегко поддаются упорядочиванию. Далее следует лишь свободная их группировка, после чего описывают отдельные попытки постмодернистов и конструкционистов модифицировать свои позиции, пытаясь учесть некоторые предъявляемые к ним претензии.

Использование логики с целью дискредитации логики

Конструкционисты и постмодернисты используют логику, критикуя другие подходы и доказывая превосходство собственной позиции как обращающейся к социальным, лингвистическим, историческим и другим факторам, стоящим над логикой и доказательствами. Тем самым они, по крайней мере строгие конструкционисты, неявно используют те самые процедуры, значение которых пытаются принизить. Они нигде не допускают иррациональности, такой как несогласованность или противоречия; более того, они критически отмечают такие противоречия в других системах. Они даже не ссылаются на «локальную» социальную группу для обоснования собственной позиции, ибо это означало бы, что постмодернистская / конструкционистская точка зрения имеет силу лишь в рамках данного социального сообщества. Хотя сторонники данного подхода отрицают, что их собственная позиция имеет какое-либо особое обоснование, они прилагают совместные усилия к тому, чтобы продемонстрировать недостатки других позиций и преимущества собственной. Несмотря на их утверждения о том, что конструкционизм является всего лишь альтернативой другим точкам зрения и не претендует на истинность, они пытаются показать, что ни одна другая система не является обоснованной.

Рассмотрим следующее высказывание: «Можно утверждать, что не существует теории познания — будь то эмпирическая, реалистическая, рационалистская, феноменологическая или любая другая теория, — которая могла бы представить согласованные доказательства собственной истинности или обоснованности» (Gergen, 1994b, p. 77). Но на каком базисе основывается истинность самого данного утверждения? Или, может быть, отрицательные утверждения подобного рода стоят особняком, и лишь положительные утверждения представляют собой социальные конструкции? К тому же, поскольку автор, по-видимому, обращается к более широкой аудитории, чем представители его собственного направления социального конструкционизма, разве его формулировка «можно утверждать» не предполагает рационального утверждения, основанного на «доказательствах собственной истинности», имеющих силу за рамками его локальной группы?

Редхед (Redhead, 1995), специалист по философии физики, недоумевает, почему конструкционисты, если они рассматривают все лишь относительно той или иной точки зрения, утруждают себя доказательствами. Ведь тогда сами их аргументы — не более чем мнения или точки зрения. И все же они неявно признают истинность релятивизма. «Релятивисты рассматривают свою позицию как верх постмодернистской интеллектуальности, однако вся их позиция угрожает падением в царство бессвязного абсурда» (p. 14).

Использование эмпиризма с целью дискредитации эмпиризма

Общие выводы конструкционизма — (а) формулировки знания всегда зависят от контекста и (б) в силу непрерывного изменения контекста объективного знания или истины не существует — являются положениями, основанными на эмпирических наблюдениях. «Таким образом, обнаруживается, что социальный конструкционизм, хотя и невольно, но прочно укоренен в эмпирической традиции» (Terwee, 1995, p. 193). И все же, хотя конструкционизм и использует данную процедуру, он отрицает любую сколько-нибудь универсальную законность эмпиризма.

Какие события принимаются во внимание?

Не смешивает ли конструкционизм, утверждая, что люди и социальные группы создают свое собственное понимание мира, социальные взаимодействия с тем, с чем осуществляются эти взаимодействия? Событие познания (knowing) — это не просто нечто, исходящее от социальной группы; оно слагается из взаимодействий с людьми и другими вещами. Если конструктивисты полагают, что люди и объекты, с которыми происходит взаимодействие, непознаваемы, не являются ли их конструкции в равной степени непознаваемыми? Кажется странным, что конструкционисты, принимая социальный процесс конструирования как познаваемое событие природы, не допускают познаваемости других событий.

Точка опоры

Масколо и Дальто (Maskolo & Dalto, 1995) считают, что для того чтобы наблюдение было интеллигибельным, оно должно иметь точку опоры в актуальном опыте. Аналогичное замечание делает Неттлер (Nettler, 1986), указывая на то, что требуется некое эмпирическое основание в качестве точки отсчета, от которой можно исходить, и что результатом отсутствия таковой будет являться «новая разновидность оккультной речи», не допускающая возражений относительно объективности того, что утверждают ее приверженцы. Она пытается доказать, что истины, которые содержит данная система, «выходят за пределы здравого смысла» («good sense») (p. 480). Герген (Gergen, 1986) отвечает на это, что его не интересует «здравый смысл», который состоит всего лишь из «социально санкционированных конвенций» (p. 481). Однако он также признает, что всякая интеллигибельность базируется на культурном фундаменте («надстройке», «forestructure») и что, поскольку он подверг деконструкции этот фундамент и превратил его в язык, ему не на чем базировать свои аргументы: если реальный мир не является адекватным базисом, то его собственные аргументы не могут основываться на реальном мире (Gergen, 1994a). С этим связано основное критическое замечание в адрес постмодернизма и строгого конструкционизма: они предлагают лишь предположения о предположениях и не могут выйти за рамки слов (Caputo, 1983, Prawat, 1996).

Вопрос релятивизма

Релятивизм в противовес социальной программе. Интерес конструкционистов к таким социальным вопросам, как преодоление расовой и гендерной дискриминации и установление атмосферы демократического диалога в науке, предполагает принятие некоторых универсальных ценностей. Данная система обращается к кросс-культурным исследованиям и истории для демонстрации своих положений, которые, хотя конструкционисты и отрицают этот факт, указывают на то, что в попытках отстоять свои позиции они отчасти принимают доказательства, выходящие за рамки локального сообщества. Кроме того, они не приводят четкой формулировки того, что является «локальным» сообществом. Является ли американская культура локальной, или термин локальный обозначает некоторый ее подраздел, как, скажем, американские психологи или когнитивные психологи? А может быть, имеется в виду еще более тонкое различение в пределах этих групп, как, например, коннекционисты в рамках когнитивизма, или еще более тонкое деление? Или, быть может, термин локальное сообщество относится к различиям между норвежцами и культурой банту? Очевидно, вся западная культура является «локальной», когда постмодернисты подвергают критике традицию эпохи Просвещения, представителей которой радикальные феминистки иногда называют «мертвыми белыми англо-европейскими мужчинами». Один из сторонников постмодернизма, Данцигер (Danziger, 1997), признает тот факт, что постмодернисты расходятся в мнениях по вопросу (а) «дискурса эмансипации» (отстаивания социальной справедливости) и (б) отношения к знанию как полностью релятивному к социальным конструкциям. Он полагает, что система может оказаться «потенциально самодеструктивной» (p. 409).

Нет никаких сомнений в том, что происходят локальные изменения от ситуации к ситуации, но какие критерии используют конструкционисты (и если они вообще используют какие-либо критерии, не содержат

ли эти критерии универсальной составляющей?) с целью определения того, насколько уместно в пределах конструкционистской системы для одной социальной группы оспаривать позиции другой? Герген (Gergen, 1994b) заявляет, что такие споры не могут иметь смысла. Тогда почему такие группы, как постмодернисты и конструкционисты, критикуют научное сообщество? Может быть, потому, что и те и другие являются частью западной культуры, если не одной и той же субкультуры? Если постмодернист может оспаривать позиции науки, почему наука не может подвергать сомнению претензии оккультизма?

Господствующие взгляды в американской культуре отрицают равные возможности женщин и меньшинств. Постмодернисты / конструкционисты выступают против этих взглядов как проявлений несправедливости. Они желали бы введения практики отказа от привилегий, практики демократического выбора, установления демократических ценностей, защиты окружающей среды и пр. Но почему они решили выбрать данные социальные цели, если цели не имеют основания за пределами социальных групп и если отношения между этими группами как раз и определяют те ценности, которые конструкционисты так хотели бы изменить? Строгий конструкционист, каковым является Герген, сказал бы, что эти цели действительно не имеют основания за пределами социальных групп ни в качестве желательных, ни в качестве нежелательных; но другие представители конструкционизма придают этим целям особый статус — как, впрочем, и сам Герген, когда он выступает за «демократизацию».

Заявление своей позиции по социальным вопросам представляет собой проблему обоюдоострого меча для постмодернистов / конструкционистов. С одной стороны, они проповедуют, что социальные конструкции, связанные с расовым и гендерным неравенством, ведут к дискриминации. С другой стороны, существует интерпретация, согласно которой сама дискриминация представляет собой социальную конструкцию, а потому не обладает объективной реальностью. Двойное лезвие режет по обеим сторонам социального вопроса одинаково хорошо.

Релятивизм в противовес представлению об общности культур. Требуя тотального релятивизма, конструкционизм отрицает основополагающий человеческий опыт и возможность коммуникации, преодолевающей культурные границы, полагают Мартин и Томпсон (Martin & Thompson, 1997). В своей крайней форме, отмечают авторы, такой релятивизм делает психологию невозможной и сводит человеческий опыт не более чем к локальным эпизодам, обладающим сиюминутным значением. Кроме того, любая такая тотально релятивистская позиция сама по себе претендует на универсальность, против которой конструкционизм считает нужным бороться.

Строгие конструкционисты обратили все знание в языковые конвенции, зависящие от культуры и истории, игнорируя тот факт, как много знаний разделяет все человечество и что для этого знания не существует никаких культурных границ. Немногие станут возражать против того, что история и культура оказывают влияние на конструирование людьми многих аспектов мира, как, например, на то, считают люди ту или иную пищу вкусной или нет, либо обладает ли с их точки зрения тот или иной объект магической силой или подчиняется законам природы. Но независимо от того, к какой культуре или субкультуре мы принадлежим, практически все признают, что прыжок с высоты приведет к быстрому падению и, возможно, к травме; что за ребенком нужно долгое время ухаживать, прежде чем он сможет хотя бы в какой-то степени самостоятельно удовлетворять свои потребности; что здоровье лучше, чем болезнь (свидетельством чему является практика целителей, от шаманов до врачей); что для поддержания жизни необходимы пища и вода и т. д. Несмотря на то, что эти вопросы рассматриваются по-разному в различных культурах, основные принципы разделяют все; эти принципы *не являются* культуроспецифичными и обеспечивают почву для всеобщего взаимопонимания.

В обзорном исследовании 220 культур Мердок (Murdock, 1945) обнаружил внушительный ряд безусловно культурных по своей природе элементов, общих для всех культур. Этот ряд (упорядоченный по английскому алфавиту) включал такие элементы, как возрастные градации (age-grading), атлетические виды спорта (athletic sports) и телесные украшения (bodily adornment) — в начале списка и обычай навещать родственников и друзей (visiting), отлучение ребенка от груди (weaning), попытки влиять на погодные условия (weather control) — в конце списка. Однако в пределах каждой из этих категорий существовали значительные различия, характерные для «поведенческих реакций индивидуумов и стимульных ситуаций, в которых вызываются эти реакции» (p. 125) Общей для них является «единообразная система классификации, а не единый фонд идентичных элементов» (p. 125). Наиболее тождественным из них является семья, ибо формы семьи в основе своей одинаковы повсюду без исключения. Обзор, проведенный Мердоком, свидетельствует о том, что проявления культурного сходства и различий связаны не с противопоставлением, скажем, норвежцев и культуры банту или ученых и неученых, а правилами, определяющими специфичность. Если мы вообще признаем эмпирические данные — а все конструкционисты проводят кросс-культурные сравнения, — эти данные свидетельствуют о том, что мы не можем рассуждать в прямолинейных терминах о том, что является локальным и что — нелокальным, но должны обозначить, какие категории являются сходными, а какие элементы в пределах этих категорий являются различными, и какие их них имеют отношение к пониманию, являющемуся общим для различных культур, а какие — к различным пониманиям. Также

заслуживает внимания вопрос о том, какие средства могут быть использованы для преодоления возникающих барьеров в тех случаях, когда коммуникация осложняется социальными различиями. Льюис Вольперт (Lewis Wolpert, 1993) разрабатывает некоторые вопросы, рассмотренные в данной главе, с целью установления коммуникации между учеными (scientists) и неучеными (nonscientists).

Вопрос о том, в какой степени сам постмодернизм может получить распространение в других культурах, остается открытым. Исследование энвайронментальных групп (environmental groups) в Индии с использованием Q-сортировки не подтверждает заявления постмодернистов о переходах (tarnsitions)[3] от модернистского к постмодернистскому обществу (Peritore, 1993). Возникающие в индийской культуре энвайронментальные группы и взаимоотношения между ними в значительной степени отличаются от западных. Весьма любопытно, что постмодернизм указывает на культурные различия как на основной аргумент против представлений об универсальности (foundationalism) и в пользу представлений о локальности (localism), и теперь обнаруживаются культурные различия, указывающие на то, что сам постмодернизм не распространяется за пределы локальной группы, в данном случае — западной культуры.

Релятивизм в противовес реализму. Философ Гринвуд (Greenwood, 1992a, 1992b) утверждает, что не выдерживают критики следующие два основных аргумента конструкционистов: (а) не существует средств, позволяющих сравнивать независимую реальность с ее описаниями, и (б) язык, в котором имеют место теоретические описания, лишен объективности. Он отмечает, что дискурс между ним самим и конструкционистами представляется объективным, и приходит к заключению, что нет никаких оснований считать, что язык научной теории менее объективен. Соглашения о значащих описаниях, утверждает он, возможны потому, что все мы подмечаем одни и те же характеристики широкого спектра явлений, которые нас окружают. Кроме того, в силу данных соглашений мы можем выработать метафору и теорию о событиях, которые не можем непосредственно воспринимать. К этим соглашениям мы должны добавить совместно разделяемые социальные конвенции. Идентичные описания, наряду с социальными конвенциями, обеспечивают возможность формулировать значащие описания, которые могут быть подвергнуты проверке. Кроумер (Cromer, 1997), физик по специальности, утверждает, что наука действительно объективна и что базисом ее объективности является повторяемость (repeatability), наряду с теоретическим знанием о том, что должно повторяться. Редхед (Redhead, 1995) занимает близкую позицию. Указывая на субатомные частицы, он отмечает, что мы никогда не сможем знать с достоверностью об их существовании, однако экспериментальные свидетельства в определенной степени служат подтверждением этого факта, а надежность сообщений о результатах экспериментов может быть оценена путем проверки и точных измерений. Редхед находит, что он вынужден «отвергнуть якобы либеральную, непредвзятую и эгалитарную, но в конечном счете — деструктивную доктрину релятивистов и социальных конструкционистов» (p. 16).

Конструкционисты, настаивает Гринвуд, не смогли представить никаких свидетельств того, что «описания *не могут* оцениваться сторонними лицами» (1992b, p. 189), и, следовательно, нет никаких оснований прибегать к альтернативам, таким как выводимые из литературной теории. Кроме того, заявление, что множественные теории (multiple theories) могут согласовываться с любыми наборами данных, а потому у нас нет средств, позволяющих исключить ложные теории, не соответствует действительности. Часто более чем одна единственная теория должна быть привлечена для объяснения наших наблюдений, отмечает Гринвуд. Возможно, удачный пример такой ситуации мы находим в космологии (науке о происхождении и эволюции вселенной), где постоянный приток новых данных в результате усовершенствования телескопов приводит к тому, что нахождение теории, согласующейся со всеми данными, представляет собой задачу, которая до сих пор остается неразрешенной. В психологии теории, предложенные для объяснения таких личностных характеристик, как либерализм и консерватизм, также остаются неудовлетворительными. Но если в психологии множественные теории и могут успешно использоваться для объяснения наблюдаемых фактов, то это, как полагает Гринвуд, происходит вследствие «искусственности многих экспериментальных и других эмпирических исследований» (1992b, p. 189). Этой проблемы можно избежать, утверждает он, выбрав реалистические координаты «социальных реляционных измерений (dimensions) *разума и действия*» (1992b, p. 189).

Большинство ученых, включая специалистов в области психологических наук, вероятно, согласились бы с Гринвудом относительно научного реализма, однако некоторые стали бы возражать против психофизического дуализма «разума и действия».

Редукционизм и удвоенный мир

С. Браун (S. Brown, 1995) отмечает, что конструкционизм проявляет свой редукционистский характер в том, что сводит индивидуальную деятельность к функционированию социальной группы — индивидуальность оказывается функцией более фундаментального образования. Этот редукционистский

[3] Такие переходы должны были бы включать новые значения информации, служебного компонента, зависящего от знания, а также изменения, предполагающие возрастание роли правительства в регулировании рыночной экономики и защите потребителей (R. Brown, 1994).

взгляд не позволяет конструкционизму объяснить феномен индивидуальной креативности и интеллектуальные идеи, которые индивидуумы формулируют прежде, чем представить их какому-либо дискурсивному сообществу и социальным конструкциям этого сообщества. Аналогичным образом Флетчер (Fletcher, 1992) замечает, что «крайний вариант» конструкционизма исходит из «сверхсоциализированной» («oversocialized») концепции человеческой деятельности, не оставляющей места индивидуальным характеристикам или креативности. Основываясь на высказываниях Гергена о письменных источниках, можно предположить, что он ответил бы на это, что все якобы индивидуалистические действия вплетены в контекст предыдущих социальных взаимодействий и неотделимы от них: «Рассмотрим возможность того, что письменные источники никогда не являются созданиями отдельных людей. Они представляют собой продукты исторических конвенций или партиципаторных систем (participatory systems), в которых индивидуумы выступают лишь в качестве проводников (выразителей) коммунальных форм» (Gergen, 1986, p. 482). И все же, пытаясь найти объяснение одной форме поведения (индивидуальной) на другом уровне (социальном), который конструкционизм считает более основополагающим, данный подход остается редукционистским. Он отрицает, что определенный уровень функционирования, в данном случае — индивидуальное поведение, обладает какой-либо независимостью или имеет собственные принципы функционирования.

Браун отмечает также, что конструкционизм не только вынужден будет принять то, что он сам является социальной конструкцией (как это делает Герген), но также должен будет признать, что в рамках данной системы даже ее объяснение социальных конструкций должно быть сведено к социальным конструкциям. Представляется, что конструкционизм оказывается вовлеченным в бесконечный регресс в поисках исходной точки, из которой развиваются конструкции.

Но, быть может, помимо редукционистских взглядов, конструкционизм содержит также представление об удвоенном мире: одном, состоящем из социальных конструкций, и другом, на котором основываются эти конструкции, причем последние фактически оказываются непознаваемыми? Если так, корни конструкционизма следует искать в учении Иммануила Канта, немецкого философа XIX века, утверждавшего, что поскольку реальный мир представляет собой лишь репрезентацию, содержащуюся в разуме, он непознаваем. Фактически Кант объявляет, что мы живем в двух мирах: реальном, остающемся для нас непознаваемым, и психическом, который мы познаем и который является репрезентацией реального мира. Эта позиция снова приводит нас к представлению о разуме как зеркале, которое Рорти и другие представители постмодернизма / конструкционизма на словах отвергают. Если же конструкционизм не признает, что конструкции основаны на фактических событиях, это означает, что он признает лишь абстракции — сами конструкции — в качестве существующих, то есть представляет собой разновидность солипсизма.

Постмодернизм против физических и биологических наук

Двое ученых, Гросс и Левитт (Gross & Levitt, 1994), представили развернутое возражение в ответ на постмодернистскую критику науки. Авторы отмечают, что, согласно точке зрения постмодернистов, западная цивилизация находится на краю гибели и не способна сотворить собственное будущее. Постмодернисты, отмечают авторы, берут на себя серьезную моральную ответственность, вынося подобный приговор, несмотря на то, что они проявили лишь поверхностное понимание науки. Сторонники постмодернизма заявляют, что наука полна предубеждений и является социальным артефактом и что лишь их собственная система предлагает новую мудрость, с позиций которой можно оценивать научные вопросы. И все же они не обладают даже необходимым уровнем специальной подготовки, чтобы выносить такие суждения, поскольку лишь немногие представители постмодернизма являются учеными и изучали науку достаточно углубленно, чтобы разбираться в тонкостях научных вопросов или легко ориентироваться в них. Гросс и Левитт видят в постмодернизме угрозу науке, ибо он подрывает способности более широких слоев общества использовать научные достижения и разумно оценивать получаемые наукой результаты.

При этом постмодернистский скептицизм в отношении науки не распространяется на оценки сторонниками этой системы достоинств самого постмодернизма. Постмодернисты «отрицают любые особые привилегии, приписываемые науке, по сравнению с интуицией или мифологией, однако оставляют такие привилегии за постмодернистским скептицизмом» (Smith, p. 393). Другое противоречие, указывают Гросс и Левитт, состоит в том, что сторонники постмодернизма атакуют как основания науки, так и выводы науки, используя те же самые процедуры логического вывода и эмпирические свидетельства, которые использует сама наука. Они апеллируют к достаточно стандартным мерам истинности, которые могут создать видимость логической связности. Кроме того, постмодернизм отказывается от любых универсальных теорий и с энтузиазмом принимает неопределяемые (indeterminate) значения, нестабильность и тотальный релятивизм, который, по мнению сторонников этой системы, избавляет нас от диктата и экологической катастрофы, которыми угрожает нам наука. Не являются ли сами такие взгляды универсальной теорией, спрашивают Гросс и Левитт?

В противовес мнению о том, что научный язык является игрой, в которой могут участвовать лишь

наделенные богатством и властью, как считает философ Лиотар, Гросс и Левитт утверждают, что научный язык открыт для всех. Каждый может участвовать в коммуникации объективно описанных знаний о мире и делиться этими знаниями. Даже самые бедные слои населения рассчитывают получить пользу от достижений науки. Отказать им в такой возможности было бы негуманным. «Грубо говоря, наука *работает*» (p. 49). Философ Пауль Курц (Paul Kurtz, 1994) высказывает аналогичную мысль: «Правомерность научного подхода к пониманию природы и человеческой жизни подтверждается его успехами» (p. 257).

Гросс и Левитт напоминают, что наследием эпохи Просвещения явилось стремление к построению единого корпуса знания о мире, которому постмодернизм считает нужным противостоять, считая поиски знания бесполезным заблуждением, ведущим даже к угнетению отдельных социальных групп. Постмодернисты настаивают, что никакое универсальное знание невозможно, ибо всякое знание определяется локальными условиями и является продуктом социального класса, формируясь под влиянием предубеждений и исторических реалий данного социального класса. Вместо знания мы располагаем лишь историями и повествованиями, которые позволяют нам придавать миру смысл; однако, как замечают Гросс и Левитт, такое постмодернистское понимание выражается в терминах предубеждений и личных интересов повествователя.

> «Презрительно отзываясь об эпохе Просвещения, постмодернисты, безусловно, обрубают собственные корни, как эмоциональные, так и интеллектуальные, которые формируют и поддерживают его наиболее сокровенные эгалитарные идеалы.... В своей наиболее разрушительной форме эта доктрина мало чем отличается от доктрины морального безразличия (moral blankness)... на которой возник фашизм в первой половине нашего столетия» (Gross & Levitt, p. 73).

Философ Энглбретсен (Englebretsen, 1995) рассматривает эффекты постмодернизма с точки зрения, близкой к научной позиции Гросса и Левитта. Он считает, что постмодернизм оказывает пагубное влияние на науку и образование. Эти области «компрометируются, искажаются, принижаются и отрицаются» (p. 53) постмодернистами, считающими их источником всех социальных зол и стремящимися заменить их локальными представлениями (beliefs) и устранить различия между учителями и учениками. Энглбертсен полагает, что хотя постмодернизм подчеркивает свою терпимость к любым идеям, рациональным или иррациональным, он проявляет нетерпимость к людям. Эта нетерпимость вытекает из взглядов постмодернизма, настаивающего на локальных истинах, разделяющих людей в соответствии с их локальной принадлежностью, которая может быть основана на расовых, возрастных, национальных или половых признаках. «Когда моя истина и твоя истина различаются в зависимости от различий, существующих между нами, эти различия становится невозможно игнорировать — они начинают играть слишком важную роль» (p. 53).

Гросс и Левитт отмечают те явления, которые они рассматривают как пагубное влияние постмодернизма на социальные науки, — то, что антропология пошла на уступки постмодернизму и отказалась от своих научных принципов в пользу антинаучного релятивизма, а отдельные разделы социологии и социальной психологии заменили строгие научные исследования рассказыванием историй.

Постмодернисты заимствуют взгляды Томаса Куна (Thomas Kuhn), изложенные в его знаменитой книге о «парадигмах» (концептуальных основаниях) в науке (Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1975), согласно которым новые парадигмы замещают старые только в тех случаях, когда приверженцы старой парадигмы уходят со сцены, а их место занимают приверженцы новой. Кун указывает на то, что парадигмы несоизмеримы друг с другом.

Постмодернисты также заимствуют утверждение Уилларда Куайна (Willard Quine) о том, что любое число научных теорий могло бы соответствовать заданному множеству данных (Кун является историком, а Куайн — философом). Эти авторы, очевидно, пытаются продемонстрировать, что в науке нет абсолютных истин и что знание обладает тотальной релятивностью по отношению к социальным и историческим условиям. Однако Кун дает искаженную картину фактического научного прогресса, избирательно используя примеры из ранних этапов развития науки, чтобы утверждать о существовании нескольких научных революций, в ходе которых прерывалась преемственность с предыдущим этапом развития науки (Cromer, 1997). Вольперт (Wolpert, 1993), биолог-исследователь, приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о том, что многие положения Куна и Куайна неверны. Кроме того, он отрицает, что наука занимается поисками абсолютной истины. Предметом научного поиска являются теории, обеспечивающие лучшее понимание наблюдаемых событий. «Хотя на первоначальном этапе принятия той или иной из конкурирующих теорий, возможно, присутствует сильный социальный аспект, включающий моду, властные группировки и т. д., основным критерием в конце концов оказывается то, насколько хорошо теория объясняет (наблюдаемые) феномены» (p. 103). За полвека до него Кантор (Kantor, 1942) выразил свое отношение по аналогичному вопросу: «Хотя конструкции отличаются от исходных данных и подвержены влиянию инструментов и гипотез исследователя, они не являются произвольными, как не являются и просто навязываемыми событиям в силу влияния традиций» (p. 177).

Вольперт отмечает, что в заявлениях релятивистов о том, что и наука и верования являются социально сконструированными и эквивалентными истине, не учитывается закрытая природа верований — практически не допускающая анализа своих положений, — тогда как научные утверждения открыты для критики и изменения. Великая сила науки как раз и заключается в том, что она обеспечивает процедуры сбора информации, проверки гипотез и выведения следствий, которые открыты для других. Как отмечалось выше, анализ ситуации в науке, проведенный женщинами, продемонстрировал необходимость реформирования науки, пронизанной гендерными предубеждениями. Андерсен (Andersen, 1994) полагает, что объективность науки — это социальный процесс, в котором большое количество людей участвует в исследовании, критике, достижении соглашения, пересмотре и подтверждении научных данных. В условиях, когда различные люди с различными точками зрения исследуют некий вопрос, касающийся природы, появляющиеся на первом этапе гипотетические результаты могут быть очень далеки от совершенства и могут нуждаться в последующем изменении или корректировке, однако они обеспечивают некоторое понимание и некоторую объективность на данный момент.

Примером тому является возникновение такого понимания в результате принятия вакцин против заболеваний, распространенных в Японии, Китае, Египте и среди африканских племен, а также в Европе и Северной Америке. Эти достижения с очевидностью выходят за рамки локальных, даже если отдельные группы отвергают их. Многие культуры и субкультуры приходят к признанию и принятию преимуществ таких научных и технологических достижений, как вакцины или телефон, — к признанию того, что, пользуясь словами Гросса и Левитта, «наука *работает*». Действительно ли постмодернисты / конструкционисты собираются настаивать на том, что увеличение продолжительности жизни во многих странах, явившееся результатом научного понимания вопросов санитарии, природы болезней и питания, является всего лишь социальной конструкцией? И если да, то чьей конструкцией?

Универсальность самой науки подтверждается растущим числом людей, участвующих в научных и технологических исследованиях, ведущихся во всем мире. Международные научные конференции и сотрудничество ученых из разных стран стали заурядным явлением. Научные книги и журналы часто содержат материалы, написанные представителями различных культур и наций, причем не только западных. Многие страны, представляющие значительное разнообразие культур, но не обладающие возможностями для обучения студентов, посылают их в другие страны, которые могут предоставить им такие возможности. Интерес к науке основывается на широком признании того факта, что наука действительно работает, и на желании воспользоваться ее достижениями. Конечно, наука и технология могут быть использованы и в целях зла или могут повлечь нежелательные результаты, но это можно сказать практически о любой другой сфере практики. Именно здесь приобретает особую важность широкая демократизация как система контроля, в сочетании с распространением научных знаний.

Приверженцы конструкционизма, Семин и Герген (Semin & Gergen, 1990), признают: «Пока что конструкционизм не может представить убедительных объяснений происхождения деструктивных практик, взаимоотношений между языком и поведением и значительных успехов естественных наук» (p. 16). Р. Браун (R. Brown, 1994) соглашается с тем, что социальные науки также вносят свой вклад в жизнь общества. Они смогли отстоять «академическую свободу, профессиональное суждение, гражданские права и объективность правосудия» и явились значимой силой в «победе цивилизованности над насилием, доводов рассудка и фактов над эмоциями и предубеждениями, четких формулировок над туманными обещаниями» (p. 26). Но несмотря на это, заключает он, «универсализм (foundationalism) проявил свою философскую несостоятельность» (p. 26).

Влияние на систему образования

Кромер (Cromer, 1997) находит, что конструктивизм глубоко проник в стандарты бесплатного государственного среднего образования. Результатом явилась форма научного образования (science education), поддерживаемая грантами Национального научного фонда (National Science Foundation) и основанная на процессе самостоятельного открытия учениками знаний, являющегося неэффективным, нередко уводящим в неверном направлении, а зачастую и просто ошибочным. Кромер предъявляет свои претензии конструктивизму:

> «В Соединенных Штатах система научного начального и среднего образования на сегодняшний день контролируется преподавателями, прошедшими профессиональную научную подготовку в педагогических учебных заведениях, печально известных уже в течение ста лет своим низким образовательным уровнем. Редко можно встретить преподавателя научных дисциплин, который знал бы свой предмет хотя бы на уровне, соответствующем требованиям, предъявляемым к восьмиклассникам. Именно эта группа с энтузиазмом встретила конструктивизм, поскольку он дает им возможность говорить только о процессе (каков бы он ни был), а не о содержании (в котором они остаются невежественными). И именно эта группа составляет программы, стандарты и учебники для начальной и средней школы».

Конструктивизм, продолжает он свое обвинение, дискредитировал объективное знание и снабдил пре-

подавателей предлогом для отказа от академической науки и насаждения невежества. Учителя (а) выступают лишь в качестве фасилитаторов и (б) в этом качестве помогают учащимся конструировать свои собственные структуры знания, замещающие универсальную структуру знания, что подрывает систему образования. Кромер рассматривает научное образование в Греции и находит, что после девяти лет обучения — без всякого акцентирования самооценки учащихся — греческие школьники демонстрируют более глубокое понимание науки, чем американские школьники после двенадцати лет обучения. Широкомасштабные исследования вопросов самооценки свидетельствуют об отсутствии связи самооценки как с уровнем подготовки, так и с личными целями (Bandura, 1997).

Кромер также ставит под сомнение заявления конструкционизма о том, что литература является главенствующей наукой. Признавая принципиально важную роль языка в образовании, он полагает, что культура все же передается преимущественно неязыковыми средствами. Практические навыки (manual skills) с трудом поддаются языковому описанию, и обучение им, в основном, происходит путем подражания, а наглядные изображения часто оказываются эффективнее любых слов. В изобразительном искусстве, музыке, спорте и ремеслах слова могут использоваться с целью поощрения или корректировки, но демонстрация чаще оказывается базовым методом обучения. Деррида, Фуко и конструкционисты выворачивают все наизнанку, утверждает он, когда пытаются доказать, что научное знание невозможно, поскольку (а) только язык служит основой для мышления, а язык не может верно отражать реальность, и (б) эмпирические подходы не могут доказать собственную обоснованность. Такая точка зрения, считает Кромер, является возвратом к средневековой трактовке Аристотеля, в которой к истине ведут логические размышления и дискуссии. Ньютон, отмечает он, продемонстрировал нам великую силу рассуждения (платоновский рационализм) в сочетании с наблюдением (аристотелевский эмпиризм). Эмпирические наблюдения и рассудок являются равноправными партнерами, открывающими весь мир для научного изучения.

Многое из того, что Кромер приписывает конструктивизму, берет начало в практике подготовки учителей в педагогических училищах в период 30-х годов, задолго до появления конструктивизма (см. главу 4, с. 126-127). Тем не менее конструктивистский подход согласуется с той образовательной политикой, на которую указывает Кромер и которая на сегодняшний день доминирует в бесплатных государственных школах США. Более того, конструктивисты внесли ряд дополнений и исправлений во взгляды, соответствующие этой политике. Например, если традиционная политика придавала второстепенное значение академической успеваемости (хотя и отрицала факт игнорирования этого аспекта образования), конструкционизм и вовсе спускает проблему оценивания знаний на тормозах и предлагает в качестве замены групповой консенсус. По крайней мере в некоторых случаях конструктивизм предлагает полностью отказаться от показателей успеваемости, чтобы не отбивать у учащихся интерес к экспериментированию (Sykes, 1995). Национальная Комиссия по достижениям в образовании (National Comission on Excellence in Education) забила тревогу, выступив с публикацией «Нация под угрозой» (A Nation at Risk, U. S. National Comission, 1983). В ней приводятся факты, свидетельствующие о низких требованиях и низком уровне подготовки в школе. С тех пор были проведены дальнейшие исследования, в ходе которых проводились сравнения американских учащихся со школьниками из других промышленно развитых стран, продемонстрировавшие крайне неудовлетворительный уровень подготовки первых. Каким бы ни был вклад конструктивизма и гуманистической психологии (см. главу 4, с. 126–128 и 135—136, особое внимание обратите на табл. 4.1) в формирование социальных конструкций и индивидуалистической ориентации (self-enhancement) соответственно, в сочетании с устоявшейся образовательной политикой, практикуемой в педагогических училищах и институтах, с которой согласуются взгляды обеих систем, они оказали в высшей степени пагубное влияние на уровень академических достижений. Можно привести огромное количество свидетельств в подтверждение того, что данные подходы никогда не смогут нейтрализовать этот эффект, и изменить его на обратный (Stebbins et al., 1977; Watkins, 1988; Adams & Englemann, 1996).

Еще один из многих негативных результатов выражается в том, что педагогам, занятым в высшем образовании, за исключением учреждений с очень высокими требованиями к приему студентов, приходится сталкиваться с огромным количеством плохо подготовленных и слабо мотивированных студентов и обеспечивать им корректирующие курсы, подтягивающие их до требуемого уровня. Это приводит к многочисленным жалобам со стороны преподавателей, работающих со студентами, а также к распространению практики завышения оценок в колледжах и университетах, под давлением, заставляющим их мириться с низкими результатами студентов.

Модификации конструкционизма

Были предприняты попытки избежать крайностей, свойственных строгому конструкционизму, в результате которых появились такие его модификации, как контекстуальный конструкционизм (см. с. 217). Этот подход представляет собой альтернативу конструкционистской позиции и предполагает, что познавательное отношение заключается во взаимодействиях в контексте познающего субъекта и познаваемого мира. На базе этого познавательного взаимодействия мы можем пытаться получать дополнительные знания о природе, включая социальные отношения и язык, чья роль так важна для конструкционистов. В реальности, как отмечают Вулгар и Полач (Woolgar & Pawluch,

1985), конструкционисты, занимающиеся исследованиями, неизбежно привносят в них интерпретативную структуру, которая имеет базис в мире здравого смысла. Это позволяет им наблюдать и анализировать социальные конструкции, которые они описывают в своих исследованиях.

Рассуждая аналогичным образом и используя исторические примеры, Фостер (Foster, 1987) показывает, что вопреки заявлениям конструкционистов научное знание *все же* аккумулируется и *может* быть объективным. Тот факт, что знание об объекте никогда не может быть полным или может быть ошибочным при первоначальном контакте, не является подтверждением абсолютной непознаваемости. При последующих контактах с объектом знание возрастает; и именно контакт с объектом, а не философская позиция, формирует наше понимание. Лишь за счет отрицания того, что мы имеем контакт с объектами, конструктивизму удается сохранить позицию релятивизма, выступающего против объективности. Релятивизм, отмечает Фостер, политически связан с анархизмом и фашизмом; он цитирует высказывание Муссолини (диктатора, руководившего Италией с 1922 по 1943 год, союзника Гитлера) о преимуществах релятивизма (см. также цитату из работы Гросса и Левитта, приведенную выше). В аналогичном заявлении Гитлер приводит практически те же самые аргументы, что и постмодернисты, касающиеся объективности, науки, истины, морали, власти и релятивизма (Rauschning, 1940). Р. Браун (R. Brown, 1994), однако, утверждает, что релятивизм вызвал к жизни меньше жестокостей, чем абсолютизм, и спрашивает, что хуже: зло, оправдываемое как культурный релятивизм, или зло, оправдываемое притязаниями на абсолютную истину? Он настаивает на том, что тирания полагается на абсолютизм, тогда как демократия полагается на релятивизм, вынося свои суждения.

Еще одна из многих предложенных модификаций признает социальные влияния, продолжая рассматривать при этом конструкт Я в качестве причинного агента (Mascolo & Dalto, 1995). Данная гипотеза привлекает вероятностный эпигенез (см. главу 13, с. 333), согласно которому организм является одним из взаимодействующих компонентов в иерархически организованной эволюционной системе взаимодействия организм—среда, и по аналогии, Я рассматривается как один из уровней данной системы. Заметим, что данная гипотеза предполагает взаимодействие конструкта (Я) с объектами или событиями (организм и среда). (См. главу 11, с. 284–285, где предлагает альтернативный, недуалистический подход к Я.)

ВЫВОДЫ

Постмодернизм базируется на теории искусства и литературной критике, однако вносит свой вклад в науку, показывая, что науке в значительной степени свойственны субъективность, приписывание объектам ценностных характеристик, а также культурные и гендерные предубеждения, что необходимо принимать во внимание. Однако вследствие своих экстремистских взглядов, а также презрения к наукам и принижения их роли постмодернизм снискал дурную славу в глазах ученых и других слоев общественности, а влияние социального конструкционизма на сферу образования, возможно, принесло больше вреда, чем пользы. Постмодернизм занял ведущие позиции в женских исследованиях, социологии социальных проблем и педагогической психологии. И все же лишь немногие представители физических и биологических наук, а также других разделов психологии согласились принять его в качестве короля наук или господствующей науки. Постмодернизм все чаще рассматривается просто как очередной стиль в искусстве, не способный сказать нечто достойное внимания о структуре знания или науке.

Данцигер (Danziger, 1997) рассматривает конструкционизм как выполняющий преимущественно критическую функцию и подвергающий сомнению исходные положения традиционной психологии. Автор надеется, что в этой роли он поможет поколебать позиции догматизма. Поскольку постмодернизм, как правило, выступает в качестве критика, своим существованием он обязан той самой системе, которую пытается изменить. А значит, его можно назвать «паразитическим» или, быть может, «симбиотическим», отмечает Данцигер. Зависимая роль постмодернизма заставляет его занимать значительно более традиционные позиции, чем можно ожидать, судя по его исходным положениям, заключает Данцигер.

Данное заключение, по-видимому, созвучно с некоторыми пунктами, изложенными выше (раздел: Критика), рассматривающими постмодернизм / конструкционизм как использующий минимум четыре принципа, которые кажутся противоречащими его программе: (а) использование рациональных доводов, выходящих за рамки локальной группы, (б) пересечение границ социальных групп в поисках сравнений, (в) использование эмпирических свидетельств, (г) ориентация на социальную реформу, что противоречит позиции релятивизма, и, вдобавок к ним, (д) неявное признание реальности (actuality) несоциальных событий.

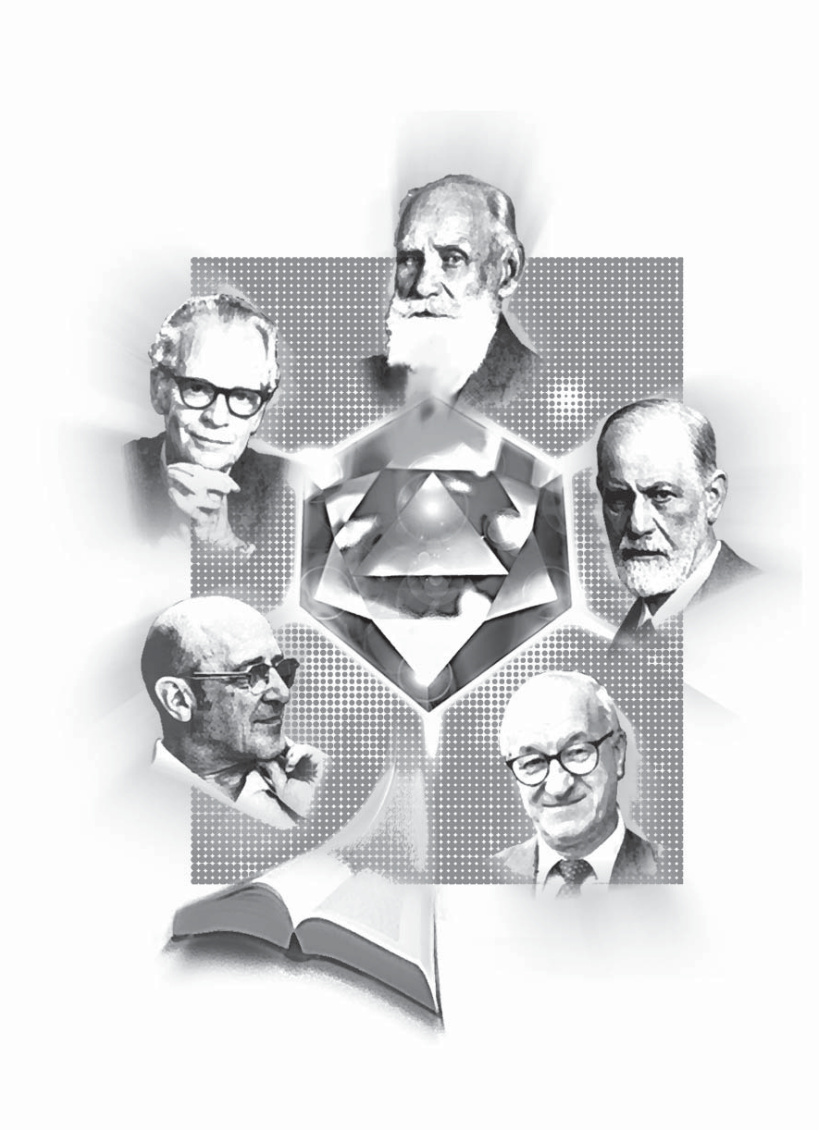
Представляется очевидным, что социальный конструкционизм играет важную роль, указывая на ряд важных проблем и недостатков психологии, среди которых можно упомянуть следующие: субъективность в планировании и интерпретации исследований; ценностные суждения, заложенные при проведении исследований; ограниченность «объективных» методологий в экспериментальной психологии; авторитарная роль терапевта, принимаемая некоторыми разновидностями психотерапии; роль истории и контекста как неотъемлемой части любого научного предприятия; социальные и исторические корни некоторых общераспространенных психологических

конструктов, таких как ментализм, репрезентационизм и биологический редукционизм.

Однако лишь немногие психологи и представители других научных дисциплин готовы отказаться от наблюдений и свести все знание и все научные процедуры к одним лишь языковым конвенциям, как того требует строгий конструкционизм. Контекстуальный конструкционизм с его подчеркиванием своей неразрывной связи с обыденным миром и контекстуальными отношениями, присущими этому миру, вероятно, может рассчитывать на более теплый прием. «Освобождение психологических теорий от жестко ограниченных (но не обязательно от всех) утверждений, основанных на наблюдении, возможно, является наиболее существенным наследием [конструкционизма]» (Stam, 1990, p. 251).

ЧАСТЬ 5

НЕЦЕНТРИЧЕСКИЕ ИЛИ ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНО-КОНТЕКСТНЫЕ СИСТЕМЫ



ГЛАВА 9

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ:

конфликт и противоречие как основополагающий принцип изменения

ВВЕДЕНИЕ

Вероятно, каждому из вас доводилось участвовать в спорах. Одна сторона заявляет свою позицию по рассматриваемому вопросу, а другая предъявляет ей свои контраргументы. Спор является формой диалектики. Даже простой обмен мнениями или информацией представляет собой диалектический процесс. Монолог, однако, не является диалектической формой; необходимо наличие диалога или взаимообмена.

Слово «диалектика» происходит от греческого *dia*, означающего «между», и *legein*, означающего «аргумент», «довод», «разговор», т. е. диалектика — это буквально разговор между двумя людьми. В более широком смысле это слово означает испытание идей логикой, нередко выражающееся в форме вопросов и ответов, с целью определения степени их достоверности. К числу наиболее известных примеров диалектики относятся диалоги Платона, в которых Сократ беседует с гражданами Афин о таких понятиях, как добродетель или благо, последовательно задавая им ряд вопросов и подвергая аналитической проверке их ответы до тех пор, пока обе стороны не достигнут более глубокого понимания.

Под диалектикой иногда имеется в виду определение понятия или принципа и проверка данного понятия (принципа) посредством демонстрации всех вытекающих из него следствий, — как отрицательных, так и положительных. Диалектика — это метод, позволяющий нащупывать новые альтернативы, находить еще не установленные смыслы (значения). Автор одного обзора в результате сопоставления различных значений понятия «диалектика» пришел к выводу, что «если вообще существует какое-либо смысловое ядро понятия “диалектика”, то им, должно быть, является идея биполярности, противоположности или противоречия. Для истинной диалектики необходимо, чтобы одна сторона биполярности прямо предполагала наличие другой» (Rychlak, 1976, p. 14). Можно выделить три основные характеристики диалектики, с которыми, вероятно, согласится большинство представителей диалектической мысли:

1. Все реально существующее есть целое с взаимосвязанными частями.

2. Реальность составляют не статичные состояния, а противодействующие силы, и в каждом случае разрешение противоречий между ними порождает новые противоположности.

3. Реальность находится в процессе непрерывного изменения (Koerner and Linehan, 1992).

Для некоторых диалектических мыслителей «противоположность» может указывать просто на небытие (non-being); если мы допускаем существование какой-либо вещи, мы автоматически признаем ее противоположность или ее отрицание, небытие (Georgoudi, 1983).

Диалектика может также означать анализ понятия или тезиса, в ходе которого раскрывается антитезис — противоположность тезису. Продолжение анализа приводит к одному или нескольким синтезам данных тезиса и антитезиса. Любое диалектическое событие в своем развитии порождает собственное отрицание — свое небытие как противоположность. Антитезис не должен возникать откуда-то еще (Buss, 1976). Многие диалектики полагают, что синтез порождает, в свою очередь, новый тезис и, соответственно, новый антитезис (см. рис. 9.1): диалектический процесс бесконечен в триаде «тезис—антитезис—синтез». Окончательное разрешение невозможно, ибо любой тезис (или син-тез[ис]) предполагает свою противоположность.

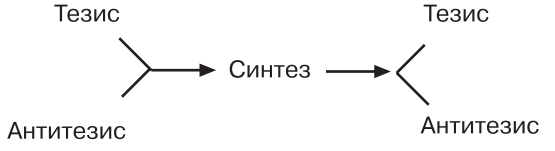


Рис. 9.1. *Одна из концепций диалектического процесса*

В области психологии диалектический процесс предполагает, что взаимодействие конкретного человека с миром — это развивающийся процесс, который никогда не заканчивается. В результате каждого диалектического обмена изменяется как данный человек, так и мир, что ведет к новым взаимообменам. Все это происходит в контексте смыслов (значений), которые составляют часть этого бесконечного диалектического процесса. Человек и мир не являются независимыми друг от друга и ни один из них не находится *в* другом. Скорее, они

> «...неразрывно переплетены в индивидуально-мировом поле (individual-world field), заключающем в себе их единство. Хотя внутри этого гештальта можно вычленить различные аспекты (например, индивидуума, мир), они всегда являются частями общего поля и относятся к нему по определению (т. е. в силу своих особенностей). Мирской контекст необходим каждому человеку как источник содержания его мыслей и действий и как спектр возможностей (мышления и действия), из которых он может выбирать. Без этой общей почвы человеческие идеи и действия были бы случайными и хаотичными, не имеющими границ и референтов» (Ratner, 1971, p. 83).

Там, где Ратнер указывает нам на человека и мир как на единое «индивидуально-мировое поле», Квэйл (Kvale, 1977) аналогично утверждает, что диалектика сосредоточена на развитии и взаимодействии, которые существуют как аспекты цель-

ности (totality)...» (p. 165–166) и «подчеркивает взаимозависимость человека и мира» (p. 166). Таким образом, диалектическая психология уделяет главное внимание значимому отношению между конкретным человеком и окружающим миром, а не какому-то одному полюсу этого диалектического единства. Иными словами, диалектика ставит во главу угла не индивида и не мир, а взаимодействие между ними — поле отношений, складывающихся между конкретным человеком и его средой. А поскольку каждый из компонентов «индивидуально-мирового поля» подвержен влиянию других компонентов и приобретает некоторые свои качества от них, это поле отношений не сводимо ни к одному из его компонентов. Например, научение, запоминание и формирование убеждений невозможно объяснить лишь исходя из особенностей функционирования человеческого мозга, культуры или условий окружающей среды, хотя каждый из этих компонентов играет свою роль в общем поле. Для тех диалектических психологов, которые разделяют эту точку зрения, каузация (причинная обусловленность) не является ни внутренней (мозг или душа), ни внешней (мир); скорее, причинность заключена в самом поле — диалектическом взаимодействии, имеющем собственную историю и происходящем в конкретных условиях. Однако среди диалектических психологов есть и такие, кто, допуская наличие внутренней причины, неявно отвергает данную позицию.

Квэйл (Kvale, 1977) открыто заявляет о том, что исключает дихотомию внутреннего / внешнего: «Диалектический подход к психологии отвергает субъектно-объектную дихотомию и дуализм внутреннего сознания и внешнего поведения...» (p. 166). И далее: «смысл (meaning) не находится внутри или снаружи, но существует в непрерывном диалоге человека с миром» (p. 172). Наконец, «поведение — это не просто индикатор внутреннего состояния; человек есть не что иное, как его поведение по отношению к миру» (Kvale & Grenness, 1967, p. 132).

Диалектика является образом мысли, которому суждено было оказать столь сильное влияние на человеческие поступки и сыграть такую роль в попытках управления людьми, которые не сравнимы ни с одной другой системой взглядов. Большевистская революция, вдохновленная идеологией, представляющей собой радикальную версию диалектики Карла Маркса, привела к образованию Советского Союза — политического государства, прямо или косвенно распоряжавшегося жизнью (и смертью) сотен миллионов людей, оказавшихся в сфере его непосредственного влияния. Диалектические взгляды Мао Цзе Дуна и провозглашенная им культурная революция предопределили судьбы более чем одной пятой части населения земного шара (Ho, 1988). Тем не менее этим психологическим концепциям не было уделено должного внимания на Западе.

РАННЕЕ РАЗВИТИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Китайские диалектики

Древнейшая известная нам форма диалектики возникла в Китае, где она получила распространение в период династии Чжоу (Chou), правившей страной около трех тысяч лет назад. В соответствии с представлениями той эпохи, вся природа пронизана действием противоположных сил. Несколько веков спустя китайцы обозначили пассивную, но творческую силу как *инь*, а активное или овладевающее (hold) начало — как *ян*. Активное начало ян оплодотворяет с помощью дождя пассивную землю — инь, способствуя росту и размножению всего живого. Таким образом, инь стало символизировать темное, отрицательное, женское начало, тогда как ян — светлое, положительное, мужское. Вместе обе силы обеспечивают равновесие в природе, связанное не столько со столкновением, наподобие борьбы противоположностей в европейской диалектике, сколько с гармонией этих начал. Сами китайцы отождествляли себя в большей степени с инь, чем с ян: их пассивный характер, как вода, подтачивающая камень, в конце концов одерживает верх над противоборствующими силами (Kuo, 1976).

Образным выражением этой системы взглядов служит китайская легенда о сосне (инь), способной выстоять в снежную бурю (ян). Буря обрушивает снежные заносы на ветви дерева, которые склоняются под их тяжестью все ниже и ниже. Наконец снежные шапки становятся такими тяжелыми, а ветви наклоняются так низко, что снег скатывается с них, и ветви возвращаются в прежнее положение. Так, пассивная сила инь побеждает активный ян (пока не начнется новая снежная буря и диалектическое взаимодействие не повторится заново).

Историческое отождествление с диалектическим процессом взаимодействия двух сил способствовало принятию китайцами, во главе с Мао Цзе Дуном, марксистской (а точнее, ленинской) диалектики, отодвинув на второй план другое древнейшее направление китайской мысли — конфуцианство, зародившееся почти две с половиной тысячи лет назад. Конфуций говорил, что люди должны почитать тех, кто стоит выше них на социальной лестнице, и с уважением относиться к тем, кто находится ниже. Благодаря добродетели и справедливости в социальных отношениях человек становится достойным своего общественного положения и может завоевать благосклонность предков; а уважение к титулам и их относительное постоянство необходимы для поддержания стабильности и благополучия общества.

Таким образом, конфуцианство, не являясь диалектической концепцией, соседствовало с диалектической мыслью с самого момента своего возникновения.

К несчастью, конфуцианская доктрина была использована в качестве предлога для укрепления власти и дальнейшего обогащения зажиточных землевладельцев, в то время как крестьяне прозябали в нищете и едва не умирали с голода. Когда марксистско-ленинская диалектика превратилась в мощную политическую силу, Мао Цзе Дун воспользовался ею, чтобы объявить поход против националистов и конфуцианцев. Однако после смерти Мао идеи Конфуция, загнанные в подполье в период чисток эпохи Великого скачка, объявленного в 1958 году, и культурной революции 1966–76 года, начали вновь завоевывать свои позиции, наряду с возрождающимся культом предков. В психологии конфуцианство послужило базой для учения о моральном совершенствовании.

Диалектический идеализм

Диалектическая мысль в Европе берет начало в Древней Греции, где она возникла приблизительно в V веке до н. э. (почти на 500 лет позже, чем в Древнем Китае). Однако истоки современной диалектики лежат в трудах великого философа Иммануила Канта (1724–1804), который трактовал ее как форму трансцендентальной (выходящей за границы материального мира) логики, в которой противоречия возникают в процессе мышления вследствие того, что умозрительное мышление не соотносится с опытом. Другой выдающийся представитель немецкой классической философии, Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) также рассматривал диалектику в качестве логического метода, однако, вопреки Канту, считал непосредственный опыт исходным пунктом логических рассуждений. Несмотря на более конкретные и естественнонаучные истоки своих философских построений, Гегель развил свое учение в духе космического мистицизма, в котором мысль тождественна существованию универсума и присутствует в каждой его точке. Такая мысль обретает свою высшую форму в рациональных существах — людях. Само существование универсума является формой рациональной мысли или духа, в котором человек, как духовная сущность, тождественен собственному мышлению. Это учение получило название «диалектического идеализма».

Диалектический материализм

Карл Маркс (1818–1883) и Фридрих Энгельс (1820–1895) превратили диалектический идеализм Гегеля в диалектический материализм; сам термин принадлежит Иосифу Дицгену (Joseph Dietzgen, 1828–1888; см.: Buick, 1975). Маркс и Энгельс утверждали, что все в мире является материальным, а не духовным по своей природе, и существует независимо от человеческого восприятия. Далее утверждалось, что все находится в состоянии конфликта, и именно этот конфликт — «борьба противоположностей» — является источником роста, изменения и развития. В человеческом обществе экономические потребности людей порождают социальные классы, которые вступают в классовую борьбу, что вызывает необходимость социальных изменений. Маркс (Marks, 1932) считал, что поскольку капиталистическое общество внутренне противоречиво, эти противоречия должны привести к пролетарской революции, направленной против эксплуатации, и к свержению капиталистического строя. Рабочие будут владеть средствами производства и распределять между собой результаты своего труда. С победой пролетариата классовая борьба завершится. Некоторые диалектики указывают на то, что такой вывод не является истинно диалектическим, поскольку диалектический процесс бесконечен: любая победа рабочего класса будет содержать в себе внутренние противоречия, вследствие которых процесс должен начаться заново.

Диалектика Ленина и Троцкого, взявших на вооружение учение Маркса для организации революции в России, сохранила старую дихотомии духа и материи. Согласно этому учению, мышление рассматривается как результат движения ментальных атомов; Дицген называл его «механическим материализмом». По Дицгену и Марксу, мир натуралистичен и диалектичен. Субъективный дух (mind) и материя — это абстракции, причем не имеющие референтов среди реальных событий, а потому один элемент не может выступать в качестве причины по отношению к другому. Они считали, что естественный, природный мир (natural world), который играет важную роль в жизни людей, является осмысленной реальностью; а смыслы (meanings) образуются не из атомов и не из механических причинно-следственных связей, а заключены в людях, домах, книгах, деревьях, одежде и социальных отношениях. Мир химических реакций и мир социальных отношений сосуществуют, но каждый существует на своем уровне организации. Таким образом, диалектика Маркса и Дицгена, в отличие от мистицизма Гегеля, имеет дело с реальными живыми людьми, стоящими на твердой осязаемой почве; диалектичность их взглядов проявляется также в том, что они подчеркивают роль биполярных отношений. Маркс и Энгельс (Marks & Engels, 1972) утверждали, что люди являются не просто продуктами воспитания и обстоятельств, но способны изменять условия собственной жизни. Иными словами, люди одновременно определяют общество и определяются им, являясь как его продуктами, так и его создателями; они находятся в диалектических отношениях с природой, а природа — это люди, общество и неодушевленный мир.

Согласно Марксу и Дицгену, все в мире взаимосвязано, и только изучение каждого явления в соответствующем контексте может привести к пониманию его сущности.

Российская антидиалектика

В отличие от Маркса и Дицгена, считавших, что сфера мысли относится к миру природных явлений, Ленин

придерживался противоположной точки зрения, и хотя его взгляды не имели ничего общего с диалектикой, продолжал использовать термин «диалектический материализм» для обоснования социальной революции. Он также изменил концепции Маркса, установив в Советском Союзе режим государственного капитализма — политическую систему, при которой государство (правительство), а не рабочий класс, владеет средствами производства. Отходом от диалектики явилось и установление тоталитарного государства, в противовес демократическому (соответствующему учению Маркса), при котором различные партии сменяют друг друга и оказывают взаимное влияние.

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В КИТАЕ

Философские взгляды Мао Цзе Дуна — в том виде, как они изложены Хо (Ho, 1988), — сводились к следующему. Он считал, что главным фактором, отличающим людей от остальной части вселенной, является человеческая способность превращать субъективное поведение во внешнее (overt) поведение, которую он обозначал термином «потенциал сознательного активиста» (voluntary activist capability). Эта способность позволяет человеку продумывать различные варианты социального развития, а затем проверять их эффективность на практике. Такие взаимопревращения внешнего и внутреннего поведения, замысла и воплощения представляют собой бесконечный диалектический процесс. Мао считал, что человеческий фактор играет более важную роль в войне, чем экономическая или военно-техническая мощь; а для того чтобы экономические реформы могли иметь успех, *люди* должны измениться. Поэтому массы необходимо идеологически воспитывать, а государственные лидеры должны апеллировать к их классовому сознанию. Наиболее сильными мотиваторами для людей, подчеркивал Мао Цзе Дун, являются идеологические факторы, а не материальные стимулы. А так как пределы человеческих возможностей зависят от группы, к которой принадлежит человек, и изменяются по мере ее изменения, человеческий потенциал в условиях группы в принципе безграничен.

Китайская психология в значительной степени ориентирована на идеи Маркса и Ленина.[1] У последнего позаимствован взгляд, согласно которому психика (psychology) есть функция мозга, а изучаемые психологией психические явления представляют собой более или менее точное отражение (approximate representations) действительности (Yue, 1994a). Некоторые психологи, однако, не рассматривают деятельность мозга как тождественную психической деятельности, хотя и продолжают отводить мозгу важную роль в детерминации психических явлений.

По-видимому, неправомерно рассматривать традиционную китайскую мысль как проникнутую дуализмом «душа — тело» (Smith, 1985, см. рис. 2.2). Как и во многих других предуалистических культурах, вместилищем некоторых или даже большинства психологических функций, т. е. «седалищем души», считалось сердце (Smith, 1985, 1990); китайское слово «ксин-ли-ксю» (xinli xue), используемое для обозначения психологии, буквально переводится как «учение о правилах сердца» (Petzold, 1987). Китайцы не проводят различия между сознательным и бессознательным и не имеют «изощренных философских и психологических систем для объяснения [витальной] “души”» (Petzold, 1987, p. 215).[2]

Однако многие китайские психологи учились на Западе, или испытали западное влияние (Yue, 1994b; Petzold, 1984); кроме того, на китайской психологии, вероятно, также сказалось влияние буддизма (Kuo, 1976). Учитывая эти обстоятельства, нет ничего удивительного в том, что мы обнаруживаем в работах китайских психологов дуализм души и тела в форме мозговых детерминант (brain determiners), характерный для западной психологии, или дуализм в еще более прямой форме противопоставления внутреннего и внешнего мира, внутренних и внешних причин, дуализм в виде концепции сознания как функции организма и дуализм тела (организма) и мозга (Gao, 1979, цит. по: Yue, 1994a; Kuo, 1971; Pan, 1987).

Например, Чу (Chu, 1962, цит. по: Kuo, 1971) утверждает, что человеческая психика (psyche) производится мозгом и отражает реальность. Следовательно, противоречия, присущие реальности, содержатся и в человеческой психике. Чу полагает, что поскольку объективная реальность находится в процессе беспрерывного изменения, она представляет собой неиссякаемый источник проблем, с которыми сталкивается и которые вынужден решать каждый человек.

Это порождает конфликт между человеком и объективным миром, в результате чего человек должен изменять мир, себя либо как мир, так и себя, чтобы достичь равновесия. Но любое равновесие является лишь временным, так как жизнь диктует новые требования и возникают новые противоречия между

[1] Однако Вонг (Wang, 1993) в своем обзоре основных направлений исследований в современной китайской психологии не упоминает о диалектике.

[2] Петцольд считает, что этот факт объясняется отсутствием в китайской мысли четкого различия между (по)знанием (knowing) и действием (acting). Он не учитывает возможность того, что в рамках недуалистической культуры знание может рассматриваться как форма действия, и что такие формы дуализма, как сознательное-бессознательное, лишены в этом контексте особого смысла. Тенденция приписывать всему человечеству собственный стиль мышления глубоко укоренилась на Западе.

объективностью и субъективностью; эти противоречия и составляют базис личности.

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В США

Диалектическая психология завоевала относительно сильные позиции в Европе, особенно в Скандинавии; наибольшим успехом она пользуется, по-видимому, в Дании (Dreier & Kvale, 1984). Она широко употреблялась в сочетании с феноменологической и экзистенциальной психологией (см. главу 12), играя отчасти вспомогательную роль. На американскую почву диалектическая психология была пересажена в значительной степени искусственно, в основном благодаря энергичным и настойчивым стараниям Клауса Ригеля (Klaus Riegel, 1925–1977). Ригель, немец по происхождению, профессор психологии Мичиганского университета, занимался психологией развития и являлся активным сторонником диалектической психологии до последнего дня своей недолгой жизни. Его труды продолжают оставаться наиболее ценным вкладом в развитие данного направления.

Ригель (Riegel, 1976, 1979) утверждал, что мы должны отбросить представления об устойчивых чертах и способностях, ибо любая стабильность является преходящей. С его точки зрения, мы также должны отказаться от таких понятий, как интеллект или потребность в достижениях, поскольку они представляют собой не более чем абстракции, при рассмотрении которых вне социо-культурного контекста создается впечатление, что они являются жестко фиксированными реалиями; материализация интеллекта, считает Ригель, препятствует пониманию людей как претерпевающих непрерывное изменение в постоянно меняющемся мире. Аналогичным образом, подчеркивая значение мира и порядка в отношениях между людьми и группами людей, мы упускаем из виду положительную роль изменений, брожения и конфликта. Вместо того чтобы думать о том, как мы можем решить проблему и найти ответ, мы должны спрашивать себя, как нам обнаружить проблему и поставить вопрос. В частности, мы не должны считать решенным вопрос о наличии стадий детского развития, описанных Пиаже; последовательность стадий ничего не говорит нам о том, как ребенок переходит от одной стадии к другой. При этом следует заметить, что придавая большое значение роли предметов в индивидуальном развитии, Пиаже практически не учитывал роли социальных взаимодействий. Петцольд (Petzold, 1987) приводит пример проведенного в Китае исследования, в котором типичные для экспериментов Пиаже условия были слегка изменены, в результате чего вместо строгой последовательности стадий была обнаружена зависимость процесса развития от характера обучения и ситуационных переменных.

С точки зрения Ригеля, традиционная психология, как правило, пыталась изучать человеческий организм в отрыве от его культурной основы, а нередко и не принимая во внимание его эволюционную природу. Ригель настаивает на том, что изменение во времени, происходящее в конкретных социально-исторических условиях, составляет сущность любых психологических явлений, и только диалектика отдает должное этому факту. Развитие, подчеркивает Ригель, являясь диалектичным по своей природе, одновременно происходит по четырем основным измерениям (dimensions): внутренне-биологическому (inner-biological), индивидуально-психологическому (individual-psychological), культурно-социологическому (cultural-sociological) и внешне-физическому (outer-physical). Этими четырьмя измерениями, очевидно, исчерпываются все возможности.

Развитие имеет место, когда в рамках одного из этих измерений или между двумя из них возникает конфликт.

• *Внутренне-биологический конфликт* может быть связан с переломом ноги или сильной простудой.

• *Индивидуально-психологический конфликт* может выражаться в ссоре между родителем и ребенком или в невозможности достичь поставленной цели.

• *Культурно-социологический конфликт* может включать игнорирование ребенка его сверстниками или невозможность дальнейшего профессионального роста для женщины в силу предвзятого отношения со стороны ее коллег-мужчин.

• *Внешне-физический конфликт* может быть вызван эрозией почвы, снижающей продуктивность фермерского хозяйства, или войной, нарушающей мирную жизнь людей.

Когда завершается очередная фаза индивидуального развития, наступает состояние стабильности, или стадия плато, однако в этот момент возникают новые вопросы или проблемы, ведущие к новым изменениям.

Ригель различает диалектику, имеющую место в долгосрочной и краткосрочной перспективе. Четыре указанных выше измерения соответствуют долгосрочной перспективе диалектики, охватывающей весь жизненный путь человека. Диалектике в краткосрочном плане соответствует уровень эпизодических социальных взаимодействий, типичным примером которых может служить диалог между двумя людьми.

Мать и ребенок вовлечены в непрерывный диалектический процесс кратковременных взаимодействий, перерастающий со временем в диалектику длительных отношений. Ригель также различал диалектику внешнего и внутреннего. Внутренняя форма диалектики включает память, мышление и воображение; внешняя форма, как правило, представляет собой тот

или иной тип социальных взаимодействий, в особенности связанных с речевым общением, хотя она может включать любого рода взаимодействия с окружающим миром.

Диалектическая психология Ригеля, прослеживающая процесс развития по четырем выделенным им измерениям, придает равное значение всем стадиям развития. В этом состоит ее отличие от психологии возрастного развития, которую интересует преимущественно развитие в детском и юношеском возрасте и которая не рассматривает период взрослости исходя из предположений, что (а) процесс развития практически завершается на более ранних этапах и что (б) взрослость является периодом достаточно устойчивого, неизменяющегося поведения. Однако, используя предложенные Ригелем четыре взаимосвязанных и взаимодействующих измерения, развитие можно рассматривать как непрерывный процесс на любом этапе жизни индивида. Брак, развод, рождение детей, начало их самостоятельной жизни, выход на пенсию, финансовые успехи и неудачи, смена рода деятельности, смерть близкого человека — все эти события составляют процесс непрерывных изменений в жизни взрослого человека, которые описываются в системе диалектических измерений.

Ригель надеется, что с помощью диалектического подхода нам удастся вывести психологию из круга тех механистических представлений, в котором она пребывала большую часть своего исторического пути, вследствие чего категория смысла оказалась исключена из рассмотрения человеческой деятельности, а самих людей классифицировали по статистическим признакам, упустив из виду человеческую индивидуальность (о попытках исправить такое положение вещей говорится в главе 11). Эта линия развития психологии началась, по мнению Ригеля, еще с экспериментов Эббингауза, который ввел запоминание бессмысленных слогов в качестве метода изучения памяти, намеренно ставя перед собой цель лишить эту функцию ее смыслового компонента и превращая тем самым запоминание в чисто механическую задачу. Квэйл (Kvale, 1975) указывает на то, что бессмысленные слоги Эббингауза послужили заменой ощущений, которые пытались обнаружить интроспекционисты, в частности Титченер. Титченер пытался обучать своих испытуемых сообщать лишь о чистых ощущениях, изолированных от любого контекста или смысловых моментов. Ассоцианисты, как отмечает Квэйл, также находили бессмысленные слоги полезными, ибо эти слоги представляли собой внешние формы внутренних ощущений или психических элементов (mental units), которые могли скрепляться посредством ассоциаций. Такие ассоциации выполняли функцию своего рода психического клея, скрепляющего содержимое памяти с реакциями. Третья группа, бихевиористы, по мнению Квэйла, преобразовали бессмысленные слоги в не менее бессмысленные стимулы и реакции — внешнюю форму изучавшегося интроспекционистами сознания (mind). Бихевиоризм и ассоцианизм представляют собой механистические системы, которые диалектика может усовершенствовать или заменить.

В своем стремлении использовать бессмысленные слоги, вращающиеся барабаны со словами для запоминания и другие технические приемы психология пыталась имитировать впечатляющие достижения физики и химии и продолжала развиваться в этом русле, вследствие чего утратила, с точки зрения Ригеля, связь с тем, что является собственно человеческим в человеческой деятельности. Наверное, он согласился бы со словами Коха (Koch, 1959), что «поставленное человеком условие, что психология должна соответствовать требованиям науки, оказалось сильнее его стремления к тому, чтобы психология соответствовала его собственной человеческой природе» (p. 783). В результате психология увлеклась поисками внешних, чисто механических причин человеческого поведения или обратилась к поиску призрачных внутренних причин, скрытых в тайниках сознания или мозга. В своем *«Манифесте диалектической психологии»* (Riegel, 1976) Ригель формулирует проблему следующим образом:

> «Призрак преследует западную психологию — призрак научной диалектики. Здание академической науки пошатнулось, и грядет время перемен. Отделив субъект от объекта, психология выродилась в абстрактный формализм; предпочтя рассматривать человека в статике и в равновесии, мы поставили на его место механистического монстра или менталистский мираж; предав забвению свое трепетное отношение к человеческой природе и человеческой культуре, мы ограничили свое сознание, вместо того чтобы расширить его; сосредоточившись на постоянстве и универсальности, мы забыли о том, что человек является изменяющимся существом в изменяющемся мире (p. 696).

Далее Ригель подводит итог сложившемуся на настоящий момент положению в психологии, состоящий из пяти пунктов, а затем бросает революционный клич: «Диалектические психологи, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме авторитета среди вульгарных механицистов и претенциозных менталистов; вы завоюете весь мир, изменяющийся мир, созданный вечно изменяющимися человеческими существами» (p. 697).

Ригель написал также учебное пособие по курсу «Введение в психологию» с интригующим названием «Психология, любовь моя: контртекст» (Psychology, Mon Amour: A Countertext, 1978).

В этой работе он попытался осветить основные проблемы психологии, которые обходят молчанием популярные учебники, написанные высокопарным слогом и рассчитанные на массового читателя. Он

попытался проанализировать те необоснованные предпосылки и сомнительные выводы, на которых основана современная психология и о которых авторы психологических трудов никогда не упоминают, а возможно, и вовсе их не осознают. Его книга также «...предлагает путь, обратный традиционному пути изучения психологии. Она является проблемно-ориентированной, а потому призывает читателя ознакомиться с теорией прежде, чем с исследованиями, думать прежде, чем читать, понять прежде, чем запомнить». Однако, настаивает Ригель, эта книга не претендует на то, чтобы заменить собой традиционные учебники, а является лишь дополнением к ним. (Общий обзор и анализ работ Ригеля дан в статье Ijzendoorn, Goossens, & Veer, 1984).

По мнению Георгоуди (Georgoudi, 1982), в области социальной психологии диалектика отвергает присущий этому разделу психологической науки взгляд на индивида как на пассивное существо, формируемое социальными условиями. Диалектика отвергает представление о том, что социальная группа является независимым образованием, реагирующим на давление со стороны ее членов, а также на требования социума. Вместо этого она предлагает рассматривать индивидуума и социальную ситуацию как взаимозависимые и испытывающие взаимные влияния сущности. Социальное событие относится не к индивидуальному или групповому уровню, а к уровню взаимоотношений индивидуума и группы. Этот процесс претерпевает непрерывные изменения во времени, а потому социальная психология исторична и эволюционна. Если трансформации происходят во времени и, следовательно, носят исторический характер, то и человеческая деятельность имеет направление, т. е. имеет цель. Креативность, целенаправленность и интенциональность образованы «совмещением отношений между различными видами человеческой деятельности» (Georgoudi, 1982, p. 87). А как быть с индивидуальностью? Откуда она появляется, и можно ли о ней вообще говорить? Индивидуальность возникает не вследствие пребывания в состоянии изоляции от социальной среды, частью которой индивид является, а из отношений, в ходе которых уникальность конкретного человека преобразует социальную группу и, в свою очередь, преобразуется под ее воздействием. Индивидуальность — это «способ рассмотрения и описания конкретных аспектов более крупной структуры», и как таковая индивидуальность «может развиваться лишь при наличии социальных отношений» (p. 85).

ПОЛУЭКСПЛИЦИТНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

Ригель не излагает в явном виде исходных положений собственной концепции, как не делает этого ни один диалектический психолог, однако написанное им позволяет с достаточной долей уверенности вывести эти допущения. Метапостулат 4 (Riegel, 1978) не согласуется с остальными постулатами его системы:

• *Метапостулаты* (руководящие допущения общенаучного характера)

1. Все существующее в этом мире находится в состоянии непрерывного и неизбежного изменения.

2. Противоречия, противоположности и конфликты пронизывают все эти изменения. Противоречия заложены во всем и являются источником изменений.

Следствие: Наука сама находится в постоянном конфликте и благодаря этому порождает бесконечно изменяющееся понимание.

3. Диалектика человека (human dialectics) не является ни организменно-, ни энвайронментально-центрированной, но подчеркивает важность интерактивных, реципрокных отношений между людьми и окружающим миром.

4. Диалектика может быть внутренней и внешней, а связующим звеном между этими двумя сферами служит психическая активность.

• *Постулаты* (допущения, относящиеся к предмету изучения)

1. Люди непрерывно воздействуют на окружающий мир и изменяют его, изменяясь, в свою очередь, под его воздействием.

2. Поведение представляет собой непрерывный процесс, а не последовательность отдельных элементов (или единиц), однако изменения могут быть связаны с диалектическими скачками.

3. Поведение имеет место в конкретной среде и развивается исторически.

4. Равновесие и стабильность представляют собой лишь временные состояния, явившиеся результатом разрешения противоречий и ведущие к новым противоречиям.

5. В силу непрерывного изменения, предположения о существовании внутренних устойчивых образований или неизменных свойств, таких как интеллект, черты [личности] или способности, лишены оснований.

Басс (Buss, 1978, 1979), как и Ригель, призывал к революции в психологии. Вместо рассмотрения воздействия объекта на субъекта или, напротив, субъекта на объект, диалектическая позиция, указывает он, требует признания реципрокных или интерактивных отношений между субъектом и объектом, «таких, что каждый из них может выступать как в качестве субъекта, так и в качестве объекта». При такой ориентации психология «может совершить революцию, чтобы покончить с революциями» (1978, p. 62).

ИССЛЕДОВАНИЯ

Диалектика не использует какую-либо специфическую методологию исследований, а может применять практически любые методики, включая экспериментирование, феноменологические методы (см. главу 12), социологические опросы, а также качественный и количественный анализ (Kvale, 1977). Однако ее отличает направленность на типичность (the commonplace) и значимость (the meaningfulness) ситуаций, которые она помещает в социальный контекст. Диалектика может изучать как кратковременные интеракции, так и длящиеся во времени события, связанные с развитием. Она не занимается поиском инвариантов (constancies) или идеальной последовательности стадий, характеризующих процессы развития. Предметом ее поисков являются непрерывно изменяющиеся характеристики естественных ситуаций. Ниже приводятся некоторые примеры диалектических исследований и их результатов.

В ходе своих исследований сохранения информации в долговременной памяти Ригель (Riegel, 1972, 1973) просил студентов колледжа записать в течение шести минут как можно больше имен людей, которых они знали в течение своей жизни. В большинстве случаев студенты указывали либо имена тех, с кем они общались в раннем возрасте (эффект первенства, primacy effect), либо тех, кого встречали недавно (эффект свежих впечатлений, recency effect). Лишь незначительное количество имен относилось к промежутку между этими двумя периодами. Юноши упоминали родителей чаще, чем девушки, и одинаково часто называли первым как отца, так и мать. Девушки всегда упоминали сначала мать. Когда Ригель провел аналогичный эксперимент с людьми среднего возраста, эффекта первенства не было обнаружено, а эффект свежих впечатлений проявлялся очень слабо. При исследовании людей пожилого возраста не наблюдалось ни того ни другого эффекта. В этих экспериментах можно проследить изменение относящихся к памяти паттернов во времени — от юношеского к пожилому возрасту. Интерпретируя полученные результаты, Ригель указал на то, что важность тех или иных периодов жизни различается для людей, относящихся к различным возрастным группам.

Квэйл (Kvale, 1974b) рассматривал память не как сохраняющийся во времени слепок определенных событий, а как нечто осмысленное, исследуя запоминание слова в предложении как временном контексте; значение слова связано с предшествующими ему словами, а также со словами, которые последуют за данным, но которые, однако, еще не произнесены. Квэйл предлагал участникам своих исследований следующие два предложения:

- «Чтобы осветить это место лучше, я принесу вам другую лампу».
- «Чтобы осветить это место лучше, я приведу вам другой пример».

Слушающий не знает, к чему относится слово «осветить» — к «лампе» или к «примеру», практически до тех пор, пока предложение не будет завершено. Таким образом, слово «осветить» приобретает конкретное значение лишь ретроспективно. Значение слова зависит от контекста, а контекст в данном случае является временны́м, зависящим от слов, которые употребляются до и после него. Квэйл (Kvale, 1974a) также предъявлял испытуемым так называемые «двусмысленные рисунки», на 2 секунды каждый, и определял их ретроактивно (т. е. после предъявления). Когда один из этих рисунков (напоминающий луковицу) определялся ретроактивно как груша, испытуемые при последующем воспроизведении по памяти рисовали грушу. Если же он определялся как бутылка, они рисовали бутылку. Квэйл пришел к заключению, что значение (meaning) всегда зависит от контекста. Таким образом, и воспоминания нельзя считать «объектами», хранящимися в жестко фиксированной форме. Факт изменения значения в зависимости от ретроактивного контекста указывает на отсутствие закрепленности (fixity) содержимого памяти и заставляет усомниться в правильности представления о памяти как хранилище: поскольку значение слова или форма предмета не были конкретно определены до того момента, когда слово или предмет перестали быть наличной реальностью, они вряд ли могут претендовать на роль помещаемых в хранилище единиц хранения, раз их появление уже относится к прошлому.

С целью изучения диалектики зрелой мысли Бэссечс (Basseches, 1980) разработал систему диалектических схем (dialectical shemata framework) из 24 стандартных ходов, используемых в процессе мышления, например: (а) движение мысли от тезиса — через антитезис — к синтезу, (б) допущение контекстуального релятивизма, (в) признание реципрокных отношений. Бэссечс записал на магнитофон 27 интервью по вопросам обучения со студентами младших и старших курсов, а также с преподавателями колледжа гуманитарных наук, а затем закодировал их содержание в соответствии с категориями своей системы и провел статистический анализ. Он обнаружил, что количество используемых схем пропорционально уровню академической подготовки; наибольшее количество схем было обнаружено в высказываниях преподавателей, меньшее — у студентов старших курсов и минимальное — у студентов младших курсов.

Диалектика предполагает, что романтические пары вовлечены в непрерывное диалектическое предприятие по сохранению отношений; пара должна постоянно приспосабливаться к возникающим противоречиям, чтобы связь не оборвалась (Montgomery, 1993). В частности, каждый из партнеров должен пожертвовать своей автономией, что вступает в противоречие с потребностью в независимости. Диалектическими являются также такие аспекты отноше-

ний, как предсказуемость—новизна и открытость—закрытость (что говорить и чего не говорить).

Анализ опроса пар, поддерживающих различные формы близких отношений, от эпизодических встреч до супружества, позволил выявить стратегии, которые используют партнеры, чтобы испытывать удовлетворенность своими отношениями. Наиболее интересными являются результаты, свидетельствующие о том, что время, проводимое вместе, используется для ограничения автономии, а предсказуемость дает большее удовлетворение, чем чрезмерная новизна. Тем не менее «избыточная автономия, предсказуемость и закрытость являются типичными диалектическими проблемами, с которыми сталкиваются партнеры» (Baxter & Simon, 1993, p. 239).

ПСИХОТЕРАПИЯ

Принципы

Диалектический подход к психотерапии в одних случаях ограничивается применением общих диалектических принципов без использования каких-либо специальных техник, а в других — включает разработку техник, являющихся специфическими для диалектического подхода. Общие принципы диалектической психотерапии таковы: изменение является не целью терапии, относящейся к будущему, а непрерывным процессом, имеющим место в настоящем и в каждый момент времени. Поскольку любые изменения рано или поздно приводят к превращению в свою противоположность, изменения являются биполярными и не всегда позитивными (Kaminstein, 1987). Цель состоит в том, чтобы любые изменения, даже нежелательные, болезненные и регрессивные, способствовали достижению человеком более высокого уровня. В диалектической психотерапии не столько выделяется проблема клиента сама по себе, сколько подчеркивается роль социального контекста, в котором она проявляется, и предпринимается попытка понять эту проблему в рамках данного контекста. Шорт и Боон (Short & Boon, 1990) рассматривают консультанта (counselor) в качестве посредника между ценностями общества и потребностями индивида, и сложный диалог, порождаемый данным противоречием, должен охватывать весь социальный контекст, в том числе и взаимодействие клиента с консультантом. В этом случае необходимо отказаться от традиционных социальных ролей консультанта и клиента, чтобы повысить открытость к изменениям обеих сторон, так как диалектический процесс не позволяет консультанту оставаться в статичном состоянии и в то же время пытаться изменить клиента; их изменение может быть только обоюдным.

Процедуры Линехана

В работе с поведенческими симптомами при пограничных расстройствах личности (гиперсенситивности к аффективным ситуациям и неспособности адекватно контролировать свои аффекты) стратегия Кернера и Линехана (Koerner & Linehan, 1992) предписывает терапевту довести до сознания клиента мысль, что истина не может быть постигнута мгновенно; она не является ни абсолютной, ни относительной и должна быть сконструирована со временем. Любая истина, к пониманию которой клиент и терапевт приходят в результате совместной работы, парадоксальным образом содержит свою противоположность; а потому они должны общими усилиями исследовать эти противоположности, пытаясь обнаружить истины, которые они могли упустить из виду. С этой точки зрения процедуры диалектической терапии отличаются от процедур когнитивной терапии тем, что вторая стремится к рациональности, тогда как первая на равных правах признает как рациональное, так и иррациональное мышление. Оба направления различаются также в том, что когнитивная терапия пытается изменить болезненный аффект, тогда как диалектическая терапия побуждает клиента научиться принимать болезненные аффективные ситуации.

Во время психотерапевтических сеансов используются следующие приемы, разработанные в рамках диалектической терапии (Linehan, 1993):

Парадокс: (а) Терапевт не оценивает клиента ни отрицательно, ни положительно, относясь к нему с пониманием, но настаивая, однако, на том, что тот должен измениться. (б) То, что клиент считает или хотел бы считать истиной, может противоречить реальному положению вещей. Например, терапевт собирается уехать на две недели в отпуск, так что клиент не сможет его видеть. Клиент хочет, чтобы терапевт отменил поездку. Терапевт признает, что для клиента было бы лучше, если бы терапевт никуда не уезжал, а продолжал работу с ним, однако он не отказывается от своих планов. (с) Терапевт оказывает помощь клиенту, но настаивает на том, что тот должен помогать себе сам.

Рассказывание историй. С целью прояснения проблемы клиента терапевт может рассказывать ему истории, содержащие конфликт между обязанностями и желаниями. Эти истории могут быть интересными, легко запоминающимися и представляют собой учебный материал, который клиент мог бы проработать самостоятельно, не чувствуя угрозы или контроля извне. Вот пример такой истории: терапевт и клиент плывут на плоту в океане; клиент испытывает боль от полученной раны, а у терапевта есть несколько обезболивающих таблеток. Должен ли терапевт сразу дать пациенту столько таблеток, сколько тому нужно, чтобы утолить боль, или ему следует распределить выдачу таблеток на длительный период времени? Быть может, клиент решит, что у тера-

певта много таблеток, но он наркоман и приберегает таблетки для себя? Часто эффективными оказываются истории, повествующие о болезненных переживаниях, которые пациент доставляет другим людям, либо описывающие поведение пациента, которое препятствует установлению положительных межличностных отношений. Истории могут быть позаимствованы из детской или художественной литературы, восточной философии, религии, биографических, фольклорных или других источников.

Роль адвоката дьявола. Терапевт выдвигает тезис, в котором та или иная точка зрения заявлена в крайней форме, а клиент оспаривает его позицию, выдвигая антитезис. В результате возникающей полемики стороны приходят к синтезу. Неуступчивая позиция терапевта вынуждает клиента применять адаптивные стратегии поведения.

Обращение недостатка в достоинство. Нередко то, что клиент рассматривает как недостаток, содержит в себе положительный элемент, который нужно только распознать, признать и развить.

Процедуры Омера

Омер (Omer, 1991) рассматривает ряд процедур, включающих техники, являющиеся достоянием исключительно диалектического подхода. Ниже приводятся примеры стратегий и типов проблем, для решения которых они могут использоваться, а также пояснения, касающиеся трех из пяти общих категорий, перечисленных Омером. Некоторые психотерапевты не классифицируют данные процедуры как диалектические, хотя они являются таковыми по своей сути.

Парная работа терапевтов. С клиентом работают два терапевта, которые воздействуют на него с двух противоположных сторон, вовлекая пациента в конфликт между тезисом и антитезисом. Данная техника позволяет мобилизовать силы пациента, направленные на изменение, и нейтрализовать его сопротивление. Один из терапевтов, играющий роль «плохого», постоянно критикует пациента и возражает ему, тогда как второй — «хороший», выражает свое понимание и поддержку и становится на защиту пациента от нападок «плохого» терапевта.

Использование этой техники можно проиллюстрировать на следующем примере: «плохой» терапевт заявляет отказывающейся говорить пятилетней девочке, что та ведет себя как младенец и не способна вести себя так, как это подобает детям ее возраста. «Хороший» терапевт возражает ему, указывая на то, что несправедливо делать такие выводы на основании только одного сеанса. «Плохой» терапевт показывает девочке коробку конфет и говорит, что если девочка за всю следующую неделю не произнесет ни единого слова в детском саду, то он даст конфету ей и ее брату (который присутствует на сеансе вместе с другими членами семьи). Если же она скажет хоть одно слово, она должна будет принести конфету терапевту. Когда девочка и ее родственники уходят, «хороший» терапевт шепчет ей, что «плохой» терапевт ошибается, считая ее упрямой и инфантильной, и еще пожалеет об этом. Этот прием оказывается эффективным, помогая девочке преодолеть приобретенную немоту, и на следующем сеансе «плохой» терапевт извиняется перед ней и уверяет ее, что он понял свою ошибку.

«Хороший» терапевт устанавливает доверительные отношения с девочкой и дает ей возможность поверить в свои силы, в то время как «плохой» терапевт вызывает у нее дух противоречия и желание продемонстрировать его неправоту, начав говорить. Двойственность ситуации создает у девочки конфликт мотивов: желания заговорить, с тем чтобы быть такой же, как другие дети, с одной стороны, и потребности оставаться немой вследствие тревоги и негативизма, с другой. Вторая сила блокировала стремление девочки заговорить, порождая состояние «напряженной скованности» (tense immobility). Диалектическая стратегия состоит в том, чтобы развести эти две силы, направляя негативные импульсы на «плохого» терапевта и связывая с «хорошим» желание заговорить. Таким образом, действия «плохого» терапевта поддерживают усилия «хорошего».

Чередование антитезисов. Противодействующие силы удается также развести между собой путем их чередования. Для примера рассмотрим семью, в которой один из родителей девочки, страдающей анорексией, является авторитарным, а другой — permissивным. Стратегия терапевта состоит в том, чтобы разделить усилия родителей, предоставив одному из них возможность воздействовать на девочку с помощью свойственных ему методов, побуждая ее принимать пищу, в то время как другой не должен вмешиваться. Затем родители меняются местами. При этом каждый из родителей, не встречая сопротивления другого, заходит в своих попытках значительно дальше, чем если бы второму было дозволено вмешиваться в процесс. Если ни тому ни другому не удается добиться результата, терапевт объявляет девочку победительницей, но называет ее жестоким тираном. Такая тактика противоположна обычной тактике родителей, которые, пытаясь воздействовать на девочку совместными усилиями, нейтрализуют друг друга, а потому имеет больше шансов на успех.

Клиента, демонстрирующего противоречивое поведение, просят разыграть по очереди роли, связанные с каждым из двух образцов такого поведения, а затем признать обе линии поведения.

Это порождает новые синтезы тезисов и антитезисов. Разнонаправленные тенденции поведения клиента при разыгрывании ролей, как и противоположные усилия авторитарного и permissивного родителей девочки, благодаря чередованию нейтрализуют друг друга, в результате чего клиент приходит к признанию права на существование каждой из сторон, что психологически подготавливает его к сотрудничеству.

Пятнадцатилетний подросток уже год не ходит в школу, проводя время за компьютерными играми. Бесконечные уговоры родителей вернуться в школу, как и семь сеансов психотерапии, не увенчались успехом. В конфликте между родителями и ребенком последний оказывается сильнее, однако родители не отстают от него, так как это означало бы их полное поражение. Диалектическая стратегия включает рекомендацию родителям поочередно использовать тактику уговоров и приказаний каждое утро в течение двух часов. После недели безуспешных попыток родители говорят, что больше не в силах продолжать. На это терапевт отвечает им, что они сделали все, что могли, и теперь они должны объявить своего сына победителем и заняться собственной жизнью — они больше не должны пытаться заставить его вернуться в школу. Родители чувствуют облегчение, избавившись от чувства вины, и через месяц подросток самостоятельно решает вернуться в школу. Через год после терапии он также продолжает учебу.

Поворот на 180 градусов. Используя эту стратегию, терапевт вызывает инфляцию дисфункционального поведения, чтобы можно было более твердо противодействовать ему впоследствии. Такая стратегия была использована по отношению к мальчику в школе-интернате, который пребывал в постоянной изоляции, считая, что взрослые враждебно настроены к нему. После специально подстроенного инцидента, рассчитанного на что, что мальчик убежит, он действительно убежал и вернулся через несколько дней грязный, голодный и измотанный. Взрослый, дежуривший в этот день, отвел его в столовую, но мальчик был слишком взволнован, чтобы есть. Тогда дежурный отвел ребенка на кухню и сказал, что он может есть все, что захочет. Затем дежурный сказал, что уже слишком поздно идти в общежитие и устроил его на ночь в холле. Перед уходом он ласково потрепал ребенка по голове и дружелюбно поговорил с ним. С этого дня отношение ребенка к школе и взрослым резко изменилось, что привело к полному устранению проблемы.

Омер (Omer, 1991) приходит к выводу, что диалектические стратегии отличаются от недиалектических тем, что последние используют единственный маневр или серию последовательных шагов, не предполагающую смены направления, тогда как первые всегда отличаются двусторонней направленностью. Кроме того, при использовании диалектических стратегий четко выявляются обе тенденции — к сопротивлению и к сотрудничеству, которые пациент благодаря этому может легко осознать. Диалектические технические приемы обладают существенным преимуществом: они могут использоваться не только в игровой терапии, которая с самого начала имеет диалектический характер, но и в недирективном консультировании для «разведения сил сопротивления и сотрудничества» (p. 570).

ОТНОШЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ К ДРУГИМ СИСТЕМАМ

Анализ поведения

Диалектика и анализ поведения сходятся в том, что считают источником проблем общества не отдельных людей, а социальную среду, в которой они живут. Диалектика стремится обрисовать эти социальные условия, нередко интерпретируя их в марксистском духе, тогда как анализ поведения практически не занимается их исследованием. Диалектика имеет дело со смыслами как частью социальных контекстов, тогда как анализ поведения рассматривает организм лишь в качестве объекта физикалистского мира. Крапфл (Krapfl, 1977) считает, что можно выделить группу диалектических психологов, которых он называет когнитивными диалектиками, стоящих на чисто менталистских позициях и в этом отношении не имеющих ничего общего со сторонниками анализа поведения. Они «слишком большое значение придают вещам и явно недостаточное — процессу» (p. 309); иными словами, они всегда ищут объяснение в тех или иных силах или вещах, а не в конкретных видах деятельности. Они допускают наличие сознания, которое отражает мир, что соответствует представлению о внутреннем мире как копии внешнего.

Ниже перечислены некоторые черты сходства между диалектической психологией и анализом поведения, отмечаемые Крапфлом (Krapfl, 1977). Работающий в рамках анализа поведения экспериментатор контролирует испытуемого и в свою очередь подвергается контролю с его стороны. Каждая из сторон оказывает влияние на то, что делает другая, при этом «невозможно определить ни где начинается, ни где заканчивается» это взаимное влияние (p. 304), — таким образом, имеет место диалектический обмен. Аналогичное взаимодействие и противоречие имеет место между поведением индивидуума и средой. Среда контролирует поведение, оказывая воздействие на него, что приводит к изменению вероятности его повторения в будущем; а поведение воздействует на среду.

Это влияние, включающее противодействие и контроль, является двусторонним и взаимным. Крапфл также находит между этими двумя направлениями сходство в том, что оба возражают против попыток свести поведение людей к физиологическим факторам, не признают статических состояний, таких как черты и пиажетианские стадии, а также отстаивают представление о взаимодействии активного организма с активной средой, при котором ни организм, ни среда не имеют полностью самостоятельного и независимого статуса.

Когнитивная психология

Диалектическая психология настаивает на необходимости изучения значимого (имеющего смысл) по-

ведения и значащей информации. Некоторые представители диалектической психологии находят, что принятая в когнитивной психологии модель обработки информации безразлична к смыслу. С технической точки зрения, согласно теории связи, информация есть не что иное, как пропускная способность канала связи. Биты информации не имеют смысла для машины, и в этом понимании не являются информацией, однако именно заимствованное из теории связи понятие информации использовалось когнитивной психологией. В действительности же когнитивное поведение — это самое смыслосодержащее из всех видов поведения. Человеческое познание, с точки зрения диалектики, может достоверно трактоваться только как диалектический процесс, а потому и изучаться должно диалектически, а не на основе машинных аналогий (Westcott, 1987). Риз (Reese, 1977), однако, считает наиболее плодотворным объединение (синтез) информационного и диалектического подхода.

Гуманистическая психология

Некоторые представители гуманистической психологии используют диалектические концепции; однако существует важное различие, заключающееся в том, что диалектическая психология рассматривает все события человеческой жизни в социальном контексте, в то время как гуманистическая психология, являясь органоцентрической системой, все свое внимание фокусирует на индивиде, подчеркивая его «самость», что отражено в таких широко используемых ею терминах, как самоактуализация и самореализация. Ее даже называли нарциссической. Отказ от использования статистических и экспериментальных данных также отличает гуманистическую психологию от диалектической. Свойственный первой дуализм «душа — тело» не согласуется с нецентрическим диалектическим подходом, хотя и приемлем для представителей органоцентрической психологии.

Интербихевиоральная психология

По мнению Хиллнера (Hillner, 1984),

> «...концептуальное соответствие между системой Кантора (Kantor) и диалектикой Ригеля (Riegel) является настолько глубоким, что первая даже включает понятие имплицитных интеракций, таких как мышление, рассуждение и воображение, которые связаны с невидимыми замещающими стимулами. Понятие имплицитных интеракций аналогично понятию внутреннего диалога» (p. 294–295).

Хотя данное утверждение не вполне соответствует действительности, обе системы все же имеют ряд важных общих моментов, на которые указывает описание Ратнером (Ratner, 1971) индивидуально-мирового поля (см. с. 240). К ним относятся: (а) двунаправленность или интерактивный характер поведения; (б) контекстуальная или полевая природа поведения; (в) общественно- и индивидуально-исторический (developmental) характер событий человеческой жизни; (г) избежание ментализма, механицизма и органоцентризма. Однако если проанализировать формулировки постулатов интербихевиоризма (см. главу 10), мы обнаружим также и некоторые важные различия. В частности, интербихевиоризм не разделяет точку зрения, что все в этом мире с неизбежностью приходит в состояние конфликта или противоречия. Он также более последовательно заменяет такие конструкты, как разум, сознание, черты и другие агенты, силы и неизменные сущности, конкретными событиями; диалектика же продолжает сохранять черты ментализма (см. постулаты Ригеля, с. 246 и «Критику», с. 252), а порой проявляет и черты физиологического редукционизма, приписывая причины индивидуального поведения физиологическим факторам.

Оперантный субъективизм

Являясь нецентрическими, системы Ригеля (Riegel) и Стефенсона (Stephenson) направлены против механицизма и ментализма, и обе подчеркивают важность смысла событий в жизни людей. Оба направления также стремятся к тому, чтобы в массе собираемых ими данных не было потеряно качество индивидуальности. Представители диалектического подхода, насколько нам известно, не используют Q-методологию, хотя многие психологи находят ее полезной для своих целей.

Феноменологическая и экзистенциальная психология

Для феноменологии, в особенности для Мерло-Понти (Merleau-Ponty), предметом изучения психологии является сознание чего-либо («интенциональность»); для экзистенциализма, прежде всего для его разновидности в формулировке Сартра, это диалектические отношения между конкретным человеком (person) и его миром (Dreier & Kvale, 1984). Для диалектики, как и для экзистенциализма, содержание психологии составляют конфликты, с которыми сталкивается каждый человек и разрешение которых ведет не только к развитию, но и к новым конфликтам. Тот факт, что некоторые версии обоих направлений являются нецентрическими, придает им еще большее сходство.

Психоанализ

Классический психоанализ помещает конфликты и их разрешение во внутренний мир индивида, в то время как в диалектической психологии Мао, напротив, внутренний конфликт рассматривается всего

лишь как отражение внешних событий и может быть разрешен путем классовой борьбы. Мао подчеркивал, что характер человека определяется ролью, которую тот играет в обществе, а его борьба связана с борьбой других людей; с другой стороны, психоанализ придает первостепенное значение внутренней борьбе личности. Для Мао борьба является полностью осознанной и не имеет ничего общего с психоаналитическим пониманием борьбы как бессознательного процесса (Ho, 1988).

Конструкты Фрейда, отражающие полярную противоположность между инстинктами жизни и смерти, требованиями «Я» и «Оно», принципом удовольствия и принципом реальности, фиксацией и антификсацией, являются, безусловно, диалектическими. Одна из целей терапии состоит в разрешении конфликта между инстинктом жизни и инстинктом смерти. Многие последователи Фрейда отвергли существование этих инстинктов, а Гартманн (Hartmann) исключил из своей полностью пересмотренной версии психоаналитической теории все диалектические конфликты. Таким образом, хотя классическая форма психоанализа имеет в значительной степени диалектический характер, некоторые из позднейших его версий отходят от диалектики.

КРИТИКА

Наблюдения подтверждают отстаиваемое диалектиками положение, что все в этом мире непрерывно претерпевает изменение. То, что такое изменение всегда связано с противоречиями, уже не вытекает из данных наблюдения с такой очевидностью; тем не менее некоторые представители диалектического направления считают конфликт причинным фактором и приписывают ему объяснительную силу. Предполагаемая вездесущность биполярности или противоречия — скорее конструкт, чем наблюдаемое явление; к тому же эта концепция сформулирована в настолько общей и неопределенной форме, что всегда существует возможность подогнать наблюдаемые факты под данную схему. Всегда можно найти способ истолковать два различных события как конфликтующие или истолковать противоположность события как его небытие. В несколько ином контексте Джонсон (Johnson, 1996) говорит о «маниакальном стремлении делить мир на дуальные противоположности: плюс и минус, вещество и антивещество, добро и зло, зиму и лето, север и юг» (p. 199). Это замечание полностью может быть отнесено к диалектикам. Можно также указать на то, что многие подобные оппозиции имеют градации: времена года, а также ночь и день постепенно переходят друг в друга. Лишь немногих людей можно назвать либо исключительно нравственными, либо абсолютно безнравственными; более того, поскольку большинство наших действий не предполагают морального выбора, человека в значительной степени можно считать внеморальным существом. С другой стороны, такие физические явления, как положительный / отрицательный электрический заряд, вещество / антивещество или частица / волна, по-видимому, не встречаются в форме противоположностей; то же самое относится и к большинству событий, относящихся к человеку.

Нетрудно заметить, что представители китайской диалектической мысли, а также ученые, склоняющиеся к позициям марксизма, нередко пытаются связать психологические феномены с социальной классовой борьбой или, по крайней мере, с социальными факторами. В отдельных случаях такие параллели оправданны, однако нередко подобные построения представляются весьма надуманными. Хотя Георгоуди (Georgoudi, 1983) утверждает, что индивидуальность является неотъемлемой частью социального процесса, следует отметить, что в странах, где марксистский или маоистский режим становился господствующим, диалектическая психология уделяла индивидуальности не слишком много внимания.

Некоторые сторонники диалектического подхода пытаются открыто отмежеваться от ментализма, продолжая, однако, неявно следовать ему. Черты ментализма прослеживаются и в работах Ригеля (Riegel), хотя он мало говорит о нем; у других же авторов эти черты еще более заметны. Так, например, Каминштейн (Kaminstein 1987) пишет: «...то, что происходит в умах людей, оказывает влияние на их повседневную жизнь, а события внешнего мира оказывают влияние на их эмоциональную жизнь. Эти отношения в полном смысле интерактивны. Говоря диалектическим языком, внутреннее и внешнее неразделимы и представляют собой континуум» (p. 97).

С одной стороны, Каминштейн (Kaminstein) полностью становится на точку зрения ментализма, а с другой — отрицает его. Представления о «континууме» вносят еще большую путаницу в его взгляды. Аналогично, Георгоуди (Georgoudi, 1983) утверждает, что ни один вид человеческой деятельности, включая когнитивную, не является независимым от внешнего окружения, и допустить ее независимое существование означает «принять традиционную форму дуализма, которую диалектическая ориентация ставит под сомнение» (p. 83). Тем не менее теоретическим базисом для подобного утверждения ему служит тот же самый дуализм: «Диалектика не может быть помещена ни исключительно в сферу идей (разум), ни в сферу материального... но только в сферу человеческого действия. Эта сфера не относится ни к ментальным, ни к ситуационным феноменам» (p. 82). Для Шеймса (Shames, 1984) «диалектическая концепция социальной организации психологической индивидуальности требует ясной формулировки отношения психики (psyche) к физическому телу» (p. 61). С другой стороны, Квэйл (Kvale, 1977) последовательно избегает ментализма.

ВЫВОДЫ

Сильная сторона диалектики заключается в ее акценте на двунаправленности, и не столько на биполярном конфликте, сколько на взаимодействии или взаимной зависимости. Именно этот взгляд, подчеркивающий двунаправленный характер отношений, был принят также феноменологией и экзистенциализмом и является отличительной особенностью нецентрических систем. Такой акцент означает признание того, что взаимодействие организма и среды имеет характер «индивидуально-мирового поля», оба компонента которого взаимно изменяют друг друга, а также признание необходимости рассматривать их взаимодействие, а не пытаться ограничивать область причин лишь одним из них — организмом, хотя некоторые представители диалектики, в особенности китайской, считают источником всех психологических феноменов человеческий мозг. Диалектика акцентирует наше внимание на (а) непрерывно происходящем изменении, (б) социально-исторических условиях такого изменения и (в) на изменении человека на протяжении всей жизни. Именно диалектика дала другим психологическим школам эти ценные перспективы. Диалектика ставит под сомнение ряд положений, принятых другими системами психологии, отрицая понятия устойчивых черт, IQ, стадий развития, не объясняющих, как происходит переход от одной стадии к другой, и сохраняемой в памяти информации, а также подвергает критике исследования, проводимые с использованием бессмысленных и оторванных от контекста задач. Такая критика может побудить представителей других направлений психологии пересмотреть свои унаследованные от прошлого позиции или, во всяком случае, осознать те исходные положения, на которых они строят свои концепции.

Хотя двунаправленный характер диалектической психологии оказался полезным для ряда других направлений, лишь немногие системы проявили заметный интерес к биполярности. Более того, некоторые психоаналитики исключили подобные дихотомии из собственной теории и заменили их представлениями о континуальном характере рассматриваемых ими явлений. Вероятно, двунаправленность вызывает больший интерес других психологических систем, чем биполярность; однако последняя является настолько важным элементом диалектической психологии, что в рамках этого направления ей, вероятно, всегда будет уделяться первостепенное значение.

ГЛАВА 10

ИНТЕРБИХЕВИОРАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ:

событийное поле наблюдаемых взаимодействий вместо допущений о душе и мозге

ВВЕДЕНИЕ

Нетрудно прийти к согласию в отношении того, что люди и животные реагируют на объекты и события вокруг них. Мы можем также согласиться со следующим утверждением: чтобы прореагировать на объекты зрительно, нам необходим свет, а чтобы прореагировать на них посредством органов слуха, нам нужен звук. Возможно, большинство людей не будут возражать и против того, что наша реакция на какое-то событие зависит от ситуации, в которой оно имеет место. Например, улыбка в радостных обстоятельствах будет воспринята как выражение счастья, но та же улыбка в трагической обстановке покажется злобной или саркастической. Возможно, это менее очевидно, но, вероятно, не будет возражений против того, что мы реагируем на объекты не столько на основании их физики или химии, сколько на основании того, что они для нас значат. Книга — это не просто бумага и типографская краска, а нечто существующее для того, чтобы обеспечить нас материалом для чтения. Она может также выполнять функцию пресс-папье, ступеньки крыльца или материала для разжигания костра. Подобно тому как любой данный объект может иметь более одной функции, точно так же больше одной функции может иметь любая реакция на него. Мы можем читать книгу, чтобы получить информацию или ради развлечения, но это одна и та же реакция — чтение. Наконец, все мы сознаем факт нашего исторического развития: когда мы встречаемся с новыми явлениями и ситуациями, эти встречи влияют на наши последующие действия.

Для интербихевиоральной психологии все это — компоненты психологического поведения или *интербихевиоральные действия (interbehaviors)*. Они образуют *интербихевиоральное поле*. Заметьте, что все они наблюдаемы и могут быть идентифицированы любым человеком. Интербихевиоральная психология утверждает, что мы должны начинать любое исследование с того, что можно наблюдать, — в отличие от систем психологии, которые начинают с таких конструктов, как способности мозга, обработка информации, хранилище памяти, внутренние побуждения (драйвы), разум, и с других ненаблюдаемых факторов. Кроме того, мы должны интерпретировать результаты наших исследований в терминах тех же самых наблюдаемых событий.

Основы интербихевиоризма были заложены в 1920-х годах Дж. Р. Кантором (J. R. Kantor), который работал главным образом в одиночку, но изложил свою систему обучавшимся у него студентам и аспирантам, продолжая писать до своей смерти (он умер в 1984 г. в возрасте 95 лет). Его система не получала широкого признания до последних десятилетий XX в., когда начала привлекать к себе все большее внимание (Morris & Midgley, 2000).[1]

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВОПРОСЫ

Интербихевиоральное поле

Функции стимула. Если несколько развить обрисованные выше компоненты психологического события, они дадут нам основополагающую программу интербихевиоральной психологии. Интербихевиоризм называет объект, на который мы реагируем, «стимульным объектом» («stimulus object»), а смысл или функцию, которые ему присущи в любой заданной ситуации, — «функцией стимула» или «стимульной функцией» («stimulus function»). Одной из иллюстраций являются функциональные характеристики книги, описанные выше. Наши собственные паттерны поведения также могут быть функциями стимула. Мы считаем себя удачливыми, несчастными, независимыми, заслуживающими презрения и т. д., однако мы представляем собой единый организм, подобно тому как различные функции книги относятся к какой-то одной книге. (Заметьте, насколько это описание отличается от ссылок на несчастное Я (an unhappy self), склонное к алкоголизму Я (an alcoholic self) и т. д. и от трактовки всех этих Я как сущностей или причинных агентов, т. е. как *души* или *разума*.) Интербихевиоральное утверждение, что наши интеракции с объектами являются в действительности стимульными функциями этих объектов, устраняет необходимость постулировать какой-то неизвестный ментальный процесс, который интерпретирует физический стимул и наделяет его смыслом.

Система выделяет несколько типов стимульных функций, но «особенно важна замещающая функция стимула». Если вы посмотрите на свои часы и решите, что вам пора идти в свою учебную аудиторию, вас стимулирует не аудитория, а часы, которые ее заменяют. Любые «памятки» — это заменители стимулов. Мышеловка, которая срабатывает, но не захватывает мышь, становится замещающим стимулом для изобретения более совершенной ловушки, то есть это стимульный объект для разработки лучшего устройства — устройства, которого еще не существует.

Интербихевиоризм говорит, что изобретения, формулы, метафоры, поэзия, художественная и документальная литература, воспоминания, выводы, финансовые сделки, мифы, религия, теории и научный прогресс — все это состоит, главным образом, из замещающих, а не прямых функций стимула. При разговоре также используется замещающая стимуляция, поскольку объект или ситуация, на которые ссылается говорящий (и о которых слышит слушатель), часто отсутствуют.

[1] Для серверной подписки на рекламные объявления и обсуждение системы нужно послать на listproc@list.emich.edu следующее сообщение: subscribe IB-L <ваше имя>. Вот один из интербихевиоральных web-адресов: http://web.utk.edu/~wverplan/kantor/kantor.html.

Функции реакции. «Реакция» на стимул состоит из телесных действий, но функциональный характер этой реакции называют функцией реакции (response function). Мы можем добраться из пункта А в В пешком или на велосипеде. Это различные реакции, но у них одна и та же функция — доставить нас из А в В. Кроме того, мы можем идти из А в В, чтобы добраться из одного пункта в другой, или же мы можем идти из А в В, чтобы просто прогуляться. В этом случае реакция одна и та же, но функция различается. В качестве другого примера рассмотрим следующий диалог:

— У тебя осталось хоть немного воздушной кукурузы?

— Да.

— Ты съел всю воздушную кукурузу?

— Да.

Реакция (ответ) одна и тот же — «да», но в двух примерах она выполняет различные функции.

Реакция и ее функция являются ответом на что-то — на стимульный объект и его стимульную функцию. Когда нас стимулирует какой-то объект, мы реагируем. Ни то ни другое не происходит независимо. Следовательно, они взаимозависимы. Этот вывод незамедлительно делает ненужным понятие зависимых / независимых переменных, а именно допущение о том, что реакция *зависима* от стимула, а стимул остается *независимым* от организма.[2] Чтобы показать эту *интеракцию* или взаимную связь между стимулом и реакцией, интербихевиоризм использует двуглавую стрелку (рис. 10.1). В силу этой взаимозависимости, говорим ли мы, что книга стимулирует нас прочитать ее или что мы реагируем на нее как на нечто, заслуживающее прочтения, зависит целиком от того, на какой стороне интеракции мы хотим сделать акцент.

Факторы сеттинга. Улыбка, которая имеет различный смысл в различных сеттингах, иллюстрирует *фактор сеттинга*. Другой пример — растение, которое радует нас, когда растет возле ручья, но раздражает нас в нашем саду. Факторы сеттинга могут быть частью организма или внешними по отношению к нему.

(a) Примеры факторов сеттинга, относящихся к организму: Когда мы простужены, то реагируем на мир иначе, чем когда мы здоровы. Если мы идем в продуктовый магазин до еды, то делаем больше покупок, чем тогда, когда идем туда после еды. Человек, манеры которого обычно отличаются мягкостью, может быть драчливым, когда он пьян.

(b) Примеры факторов сеттинга, внешних по отношению к организму: Обычно в учебной аудитории мы вступаем в интеракции с преподавателями иначе, нежели когда мы общаемся с ними в их кабинете или в баре. Собака, которая лает на людей с хозяйского участка, со своей территории, обычно не делает этого, когда бежит по улице, не являющейся ее территорией. Разнообразие сеттингов, не относящихся к организму, практически бесконечно.

Контактная среда. Согласно интербихевиористу, каждый объект, который мы видим, слышим, обоняем, ощущаем на вкус и т. д., проявляет себя благодаря среде. Для того чтобы слышать, необходимы звуковые волны, а для того чтобы видеть — свет.[3] Интербихевиоральная психология предупреждает, чтобы мы не путали среду с функциями стимула. Если мы все-таки их путаем, то можем прийти к выводу, что видим только световые волны, а не цветок, слышим только звуковые волны, а не сирену.[4] Тем школам психологии, которые считают, что среда тождественна стимулу, приходится изобретать какой-то механизм, чтобы снова преобразовать колебания во внешний вид объекта. Этим механизмом является гипотетический мозг или способность разума, производящие затем внешний вид объекта «вне нас». Интербихевиорист утверждает, что мы не видим и не слышим волны, чтобы затем «мысленно» интерпретировать их. Скорее, мы видим и слышим объекты — не волны энергии, — которые обретают смысл в соответствии с нашей прошлой историей и текущими сеттингами. «Потеря из виду истинного различия между средой и стимулами сулит беду всей психологической системе» (Kantor, 1924, p. 55).

Интеракциональная история и личность. Наконец, настаивает интербихевиорист, крайне важна история наших интеракций. С момента рождения до смерти продолжается развитие нашей *интеракциональной истории (interactional history)*, которая влияет на все, что мы делаем. Разумеется, она взаимосвязана с функциями стимула и реакции: мы формируем эти функции исходя из истории наших отношений с объектами и условиями, причем история этих отношений влияет даже на эффект сеттингов. Функциональность в психологии еще важнее, чем в биологии, ибо «организмы реагируют на объекты не просто на основе их физико-химических свойств, но также на основе их функций, сформировавшихся в предшествующих интербихевиоральных действиях» (Kantor, 1978/1984, p. 145).

До этого момента мы говорили о том, что система идентифицирует в качестве составных частей (собы-

---

[2] На самом деле «зависимая» переменная является неконтролируемой переменной, а «независимая» — контролируемой. Интербихевиорист рассматривает эту неадекватную терминологию как признак неправильного понимания психологических событий.

[3] Некоторые среды образуются давлением, а вкус требует химического агента с растворимостью в слюне. Боль требует наличия агента, повреждающего ткань.

[4] Среда, стимульный объект и функция стимула могут совпадать, если, например, мы прислушиваемся к звуку определенной высоты или замечаем цветовой оттенок источника света.

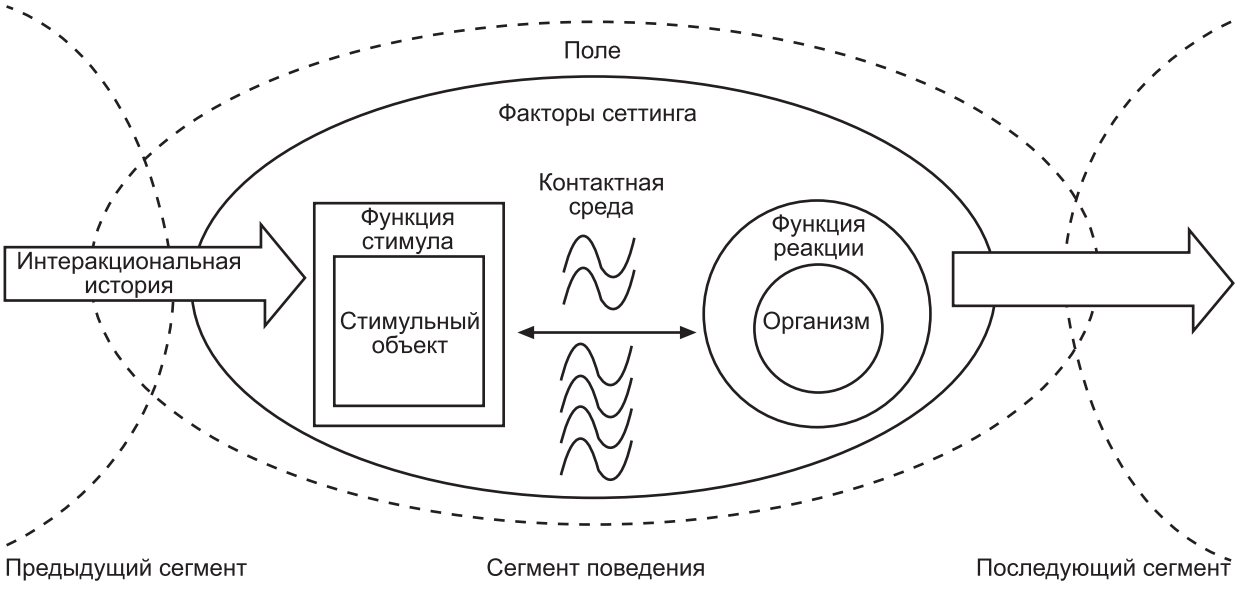


Рис. 10.1. *Поле взаимодействующих событий, образующих психологическое поле. Каждый стимульный объект может иметь любое множество функций стимула, а каждая реакция — любое множество функций реакции. Временной срез непрерывных интеракций — это сегмент поведения. Перекрывающиеся сегменты показывают связность (continuity) событий и интеракциональную историю. Опубликовано с разрешения Psychological Record*

тий) поля. Но наши реакции, утверждает система, не являются изолированными. Каждое действие влияет на каждое другое действие, и эти последовательности взаимных влияний развиваются в организованные способы исполнения (ways of performing), которые образуют единство (unity). Это единство и есть *личность (personality)*, устойчивая и длительная организация реакций каждого индивидуума.

Поле или сегмент поведения. Взаимосвязанные компоненты, которые составляют интербихевиоральное поле, показаны на рис. 10.1 в виде сегмента поведения. Каждый подобный сегмент поведения специфичен и уникален. Интербихевиористы называют это принципом специфичности. Пронко (Pronco, 1988) замечает в отношении специфичности: «Если вы хотите получить подробные сведения о планетах Солнечной системы, вам придется сосредоточиться на каждой из них, ибо каждая уникальна» (p. 208). Нельзя дать какое-то одно объяснение того, почему некоторые студенты проводят время в барах, вместо того чтобы максимально использовать свои академические возможности, или почему некоторые дети, испытавшие на себе жестокое обращение, став взрослыми, начинают плохо обращаться с собственными детьми, тогда как другие становятся хорошими родителями. Каждый случай, настаивает интербихевиорист, предполагает уникальный комплекс факторов поля, хотя сходства могут способствовать группированию и обобщению. Обобщения делаются на основании описаний и интерпретаций, которые также «рождаются из специфичности» (Kantor, 1978/1984, p. 153). Следствия специфичности включают в себя (а) ориентирование нас на наблюдаемые события поля, (б) замену фантазий и абстракций конкретными событиями и (в) направление нашего внимания на взаимозависимые отношения (Pronko, 1988). Стефенсон (Stephenson, 1953) замечает, что специфичность — это «принцип, благодаря которому ученый твердо стоит на почве реальности. Без него он погружается с головой в научную игру по правилам» (p. 341), а не по результатам наблюдения.

На первый взгляд, сложная взаимозависимость факторов поля кажется слишком многообразной, чтобы ее охватить; но, утверждают интербихевиористы, взаимозависимость более реальна, чем простая причинность, обусловленная отдельными событиями, и мы вполне можем преуспеть в реалистичной трактовке этой сложности. Кроме того, можно изучить некоторые компоненты в относительной изоляции, но их всегда необходимо помещать обратно в поле, в условия отмеченной взаимозависимости: «С любым фактором, выделенным ради исследовательских целей, следует обращаться, непосредственно соотнося его со всем целым, из которого он был извлечен» (Kantor, 1959, p. 19). Это очень похоже на метод биолога. Биолог может извлечь компонент организма — структурный или функциональный — с целью изучения, но затем он должен изучить его во взаимосвязи с другими компонентами. Как показывает нижеприведенный (с. 267) обзор исследований,

некоторые ученые успешно изучают действующие одновременно и совместно множественные факторы.

Неспособность учесть различные факторы поля ведет к изобретению ненаучных конструктов, доказывают интербихевиористы. Например, Гевирц (Gewirtz, 1967) гипостазировал некое влечение, чтобы объяснить свои экспериментальные результаты с детьми, но изучив факторы сеттинга, сумел перейти от невидимых влечений к наблюдаемым событиям сеттинга. Аналогичным образом, замечает интербихевиорист, мозговые процессы, разум, сознание и другие гипотетические силы обусловлены культурой или аналогиями с другими науками (например, обработка информации), тогда как конкретными особенностями поля пренебрегают.

В целях иллюстрации рассмотрим специфический сегмент поведения в жизни гипотетического индивида. Профессор Окостенелова, специалист по культуре нижнего палеолита (древний каменный век), находит в земле объект и аккуратно обтирает его мягкой кисточкой. Она обнаружила важный фрагмент черепа древнего человекоподобного существа, возможно *Australopithecus afarensis*. Если рассматривать этот предмет в качестве стимульного объекта, то он состоит из выветрившейся и минерализованной кости. Но для нее он обладает стимульной функцией компонента черепа древнего гоминида, который некогда ходил по земле. Ее реакция — воспользоваться кистью, чтобы удалить грязь; эта реакция содержит функцию, позволяющую ей лучше изучить объект. Альтернативными реакциями могут быть обтирание его тряпкой или обдувание; они содержат ту же самую функцию реакции, позволяющую произвести более тщательный осмотр. Сеттинг состоит из исследовательского поиска подобных ископаемых остатков в восточно-африканском пустынном ландшафте, в котором преобладают небольшие скалы и бесплодная почва. Этот сеттинг имеет место в среде с освещением, достаточным для визуальной интеракции и идентификации. Интерактивная история профессора состоит из длительного обучения работе с такими материалами и, тем самым, из способности распознавать ископаемые остатки среди находящихся на земле камней или других костных фрагментов, которые выглядят похоже. Этот сегмент поведения специфичен для данного индивида в данной ситуации. Ранее ни один сегмент поведения не был в точности похож на этот, и он никогда не повторится вновь — подобная специфичность и уникальность верна для всех событий, происходящих в природе.

Заметьте, что интербихевиористы конкретизируют функциональные детали действия, а не прибегают к общему, абстрактному объяснению. Тогда как большинство школ психологии полагают, что мышление, принятие решений и эмоции являются внутренними событиями, интербихевиористский подход делает это допущение бессмысленным. В этом случае и во всех остальных интербихевиористы не постулируют какие-то внутренние причины, такие как разум, информационный процессор или влечения. Как и не постулируют они какую-то внешнюю причину условий среды, ибо не допускают какой бы то ни было дихотомии внутреннего и внешнего. Нет и какого-то локального места в интегрированном поле, которому соответствуют подобные абстракции (рассмотрите в этом свете рис. 10.1), ни одна из которых в этой системе не является необходимой или хотя бы полезной. Интербихевиористы утверждают, что когда описаны специфические функциональные отношения факторов поля, научный отчет можно считать завершенным — подобно тому как это происходит с любым другим событием в природе. Такое описание компонентов природного события в строго эмпирических терминах и тесно связанный с ним вывод, всегда соотносимый с событиями, — это метод, каким научная психология должна продвигаться дальше, настаивают приверженцы системы.

Кантор (Kantor, 1959) резюмировал концепцию интербихевиорального поля в следующей описательной формуле:

$$PE = C\ (k, sf, r, rf, hi, st, md),$$

где PE — это психологическое событие (psychological event); C — все поле; k — специфическое событие; sf — функция стимула; r — реакция; rf — функция реакции; hi — история интеракций; st — сеттинг; md — контактная среда. Отметьте, что в формулу не включены какие-либо гипотетические конструкты; фактически для этой системы они оказались бы лишними.

Итак, излагая эту систему в ее простейшей форме, можно сказать, что она начинается с биологического организма и мира. Их интеракции составляют психологические события. История этих интеракций вносит коррективы в дальнейшие интеракции.

Фазы интеракции. Интеракция стимула и реакции очень сложна, но можно вычленить из нее основополагающие компоненты действия, которые составляют интеракцию. Кантор называет их *системами реакции (reaction systems)*. Они являются *фазами интеракции (phases of interaction)*, *фазами действия (action phases)*, или *паттернами действия (action patterns)* (два последних термина используются в этой главе). Простейшей реакцией является рефлекторное действие, например, отдергивание руки от горячего объекта. У объекта только одна-единственная функция стимула (собственное свойство объекта — быть горячим), а реакция на него состоит только из одной фазы действия. Точно так же реакция испуга на резкий гудок состоит из одной фазы действия. Фазы действия нумизмата, перебирающего груду монет, совершенно иные (рис. 10.2). Он обращает внимание на каждую монету, воспринимает ее идентичность, решает, нужна ли она ему для коллекции, откладывает ее в сторону и повторяет весь про-

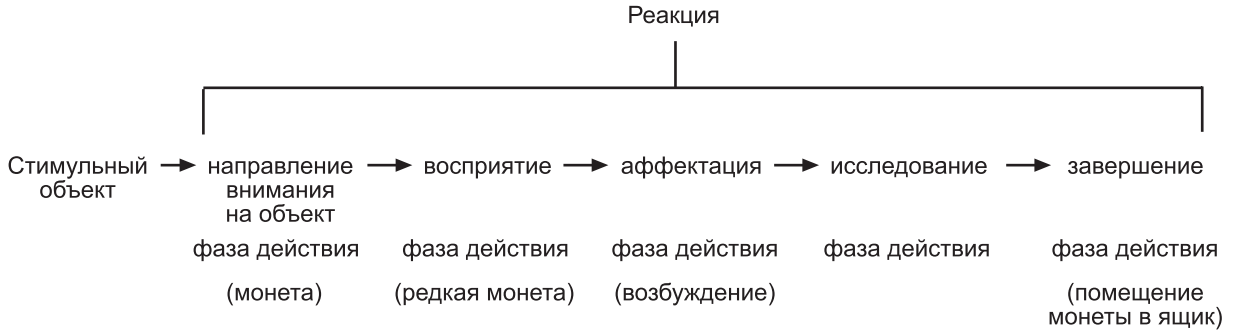


Рис. 10.2. *Фазы действия реакции. Фазы направления внимания, восприятия и завершения являются минимальными компонентами реакции. Другие, такие как аффективные фазы, могут входить или не входить в любую данную интеракцию.*

цесс со следующей монетой. Если нумизмат находит монету достаточно редкой, он испытывает волнение, разглядывает ее через увеличительное стекло, а затем завершает паттерн действия, помещая монету в специальный ящик.

Согласно системе, за исключением рефлекторных действий, все реакции состоят, как минимум, из трех фаз: (а) направления внимания на стимул или его актуализации, (б) восприятия и (в) финального или завершающего действия[5]. Мы замечаем главным образом завершающее действие, но ему должны предшествовать первые два. Совокупность всех индивидуальных фаз действия равнозначна *личности* или, иначе говоря, *поведенческим свойствам / атрибутам индивидуума (behavior properties or attributes of the individual)*, которые в различных комбинациях интеракций составляют его знания, способности, навыки, привычки и другие атрибуты. Личность является продуктом интеракциональной истории.

Внимание и восприятие. Такие фазы действия, как *направление внимания (attending)* и *восприятие (perceiving)*, заслуживают более углубленного рассмотрения. Пока мы не направили внимание на какой-то один стимул из любого множества других возможных стимулов, мы не можем на него прореагировать. Но как только потенциальный стимульный объект стал актуальным стимульным объектом, мы распознаем или воспринимаем то, что он функционально значит для нас, а затем можем завершить реакцию на него. Если звонит телефон, (а) я направляю внимание на него (и перестаю обращать внимание на то, с чем я взаимодействовал в данный момент), (б) я понимаю (воспринимаю), что это телефонный звонок и что кто-то хочет поговорить со мной, и (в) я завершаю интеракцию, поднимая трубку и произнося «алло». Аналогичным образом, когда звонящий (а) актуализирует как стимул мое «алло», (б) понимает — возможно, — что это мой голос, и (в) завершает интеракцию, называя себя, у меня появляется новый стимул для актуализации, и т. д.

Внимание приводит организм и определенный объект в состояние интеракции. На то, как человек актуализирует любой данный стимул, влияет множество переменных. Со стороны стимульного объекта это может быть такое условие, как размер (например, газетные заголовки), движение, цвет, повторение (рекламная песенка) и др.; со стороны реакции или организма — непосредственный интерес (необходимость найти помещение для отдыха), личность (симпатии, антипатии, привычки, знания и т. д.) и индивидуальные состояния (беспокойство, депрессия, волнение, поглощенность работой, здоровье и т. д.). Условия стимула и организма могут сочетаться. Например, любителей компьютеров, которые видят на выставке новые компьютеры, стимулируют новые модели с большими возможностями, и в то же время они восприимчивы к этим стимульным объектам из-за своей организации личности, связанной с их знаниями и интересом к компьютерам. Они актуализируют стимульные объекты (компьютеры), тогда как другие люди могут этого не сделать.

Хотя все действия фактически неразделимы и целостны, каждая фаза паттерна действия выступает как «конфигурация поведения, способ, каким организм распределяет (distributes) себя относительно пространства, в котором локализованы как он, так и объекты его интеракции» (Kantor & Smith, 1975, p. 54).

Теперь мы можем рассмотреть более подробно пример с профессором Окаменеловой (см. выше), которая обнаружила фрагмент ископаемого человека. Исходя из своих интересов в данный момент и своих поведенческих характеристик, в настоящую минуту она направила свое внимание на этот конкретный стимульный объект, а не на другие неодушевленные объекты ландшафта. Малозаметные цветовые отличия от окружающих камней и его конфигурация мо-

[5] Иногда акты восприятия и завершения оказываются объединенными, например, когда человек оценивает красоту симфонии, яркую окраску птицы или ветвистые рога оленя.

гли стать для нее характерными особенностями объекта. Направив свое внимание на объект, она поняла, что это, вероятно, часть черепа ископаемого существа, возможно гоминида, и завершила интеракцию, нагнувшись и подняв объект. Могли иметь место также дополнительные паттерны действия — например, вопрос, не может ли это быть фрагмент животного, а не гоминида; надежда, что он не раскрошится на более мелкие куски; вопрос, не может ли оказаться рядом других кусков, и возбуждение по поводу возможностей, которые таит в себе фрагмент. За этим сегментом поведения последуют другие, в которых она направит внимание на различные компоненты ископаемого остатка как на объекты / функции стимула и прореагирует своей предположительной идентификацией *Australopithecus afarensis*.

Описание действий профессора Окаменеловой, согласно традиционным принципам психологии, будет следующим: у нее имеется внутренний фильтр, который отбирает то, на что она направляет внимание. Световые волны, отражающиеся от ископаемого объекта, но не сам объект, служат в качестве стимулов, которые побуждают нейроны передавать «сообщения» в ее головной мозг, где они становятся «ощущениями». Другой невидимый процесс объединяет эти ощущения во внутреннее восприятие, которое ее мозг затем интерпретирует как означающее ископаемые останки гоминида. Следовательно, объект, который воспринимает профессор Окаменелова, создан ее разумом или мозгом. Говорят, что это *представление* или *образ* внутри ее головы и что он лишен определенного объективного существования. Согласно же интербихевиористу, профессор Окаменелова произвела интеракцию с останками, посредником которых был свет. Свет не тождественен стимульному объекту, и при этом не постулируется никаких фильтров, ощущений, представлений или процессов преобразования. Смысл объекта не вытекает из «ментального процесса», а состоит из текущих интеракций профессора, которые, в свою очередь, взаимозависимы с ее прошлой интеракциональной историей. Все событие — это поле *наблюдаемых* интеракций, которые можно конкретно идентифицировать (принцип специфичности), а не *ненаблюдаемое* биологическое преобразование в голове.

Такая фаза действия, как *восприятие*, утверждает система, обеспечивает некоторую степень независимости от объекта. В случае рефлекторной реакции на горячий объект реакцией является отдергивание руки. Эта реакция полностью зависима от собственного свойства объекта. Но в случае большинства объектов, согласно интербихевиоризму, восприятие проявляется как фаза интеракции, в которой любое множество возможных завершающих действий может следовать в качестве финальной фазы этой интеракции. В случае альпиниста, который встречает на своем пути гигантский валун, финальной или завершающей фазой интеракции может быть созерцание величия камня, сочинение истории о том, как некогда он был громадным медведем, суждение о его весе, замечание о его структуре и вероятном происхождении, попытка залезть на него или, при сильном ветре, использование его в качестве укрытия. Как показывает этот пример, за восприятием могут следовать либо *скрытые* (или *имплицитные*) завершающие действия (созерцание, суждение), либо *явные* завершающие действия (залезание, сочинение истории, использование его в качестве заслона от ветра). Часто мы воспринимает более одного смысла: валун может быть величественным, но являться препятствием на пути в гору. Возможно также восприятие более одного последующего действия, например, можно залезть на валун, обойти его или повернуть назад.

Произвольные интеракции. После того как альпинист воспринимает более одного возможного способа преодоления препятствия в виде валуна, выбор, который он делает, является произвольным поведением. Согласно интербихевиоризму, основополагающими для выбора являются два или более подобных восприятия — восприятие наличия выбора между действием или воздержанием от него. В подобном выборе зачастую важную роль играет речь (language); но атрибуты личности индивидуума, такие как знание, предпочтения, навыки, суждение и т. д., имеют еще больший вес, утверждает интербихевиорист. Сеттинги также имеют значение. Студент может предпочесть сделать пометку в библиотечной книге тайком, но не в присутствии библиотекаря. Выбор также «направляется последствиями или оказывается под их влиянием» (Kantor, 1926, p. 313); но поскольку последствия часто бывают не ясны, пока действие не завершено, человек должен прореагировать на последствия скрыто посредством замещающей стимуляции.

В интербихевиоральной системе не возникает конфликта «свободная воля против детерминизма». Интербихевиорист настаивает, что *выбор*, так же как любая другая психологическая интеракция, не является следствием такой абстракции, как свободная воля или детерминизм, а содержится в поле событий. Поле также включает в себя причинность. Они не отличаются друг от друга. В этой системе, чтобы объяснить событие выбора, мы должны описать восприятие выбора, сеттинг, в котором выбор имеет место, а также интеракциональную историю и результирующие атрибуты личности. Взвешивание или рассмотрение выбора может также быть фазой интеракции. Например, студенту может понадобиться сделать выбор, записаться ли ему на продвинутый курс, который будет полезен для его карьеры, или же пойти на более легкий, но менее содержательный курс. Студент рассматривает свои способности и прошлый опыт учебы на подобных курсах, свои академические привычки, время, доступное для изучения оцениваемого курса в дополнение к другим курсам, рекомендации учебного консультанта, возможные последствия для карьеры и схожие вопросы

(отметьте обширное количество замещающих стимулов в этих скрытых актах). Завершающее действие выбора и, тем самым, окончания интеракции является итогом этих коррелируемых событий. Как только мы описали эти специфические события, мы, с интербихевиоральной точки зрения, объяснили событие выбора. Добавление абстракции, такой как сила воли или детерминизм, противоречило бы принципу специфичности.

Сознавание, или сознаваемые или несознаваемые интеракции. Все мы испытываем чувство неудовлетворенности, когда кладем куда-то ключ, очки, газету, инструмент или какой-то другой предмет, а затем не можем вспомнить, куда мы его положили. Положить куда-то предмет, не обратив внимания на то место, где он будет лежать, — типичный пример несознаваемого (unwitting) поведения. С другой стороны, мы часто знаем в точности, что мы сделали в прошлом или делаем в настоящий момент. Это сознаваемое (witting) поведение. Мы можем также назвать эти формы поведения сознаванием (awareness) и несознаванием (unawareness).

При сознаваемом поведении, утверждает интербихевиорист, завершающему акту предшествует ряд паттернов действия, «которые относятся к некоторым прошлым контактам индивидуума со стимулирующими объектами или к некоторой фазе объекта, которая затем не выполняет стимулирующей функции» (Kantor, 1924, p. 46). Кладя ключи, человек может отметить для себя удобство местоположения как временного места нахождения ключа или сказать себе: «Я оставляю сейчас ключи на ночном столике». Или в совершенно иных стимульных условиях, которые составляют сознаваемое поведение, альпинист может заметить характеристики стимульного объекта: грязь на участке тропинки, ведущей в гору, и камни, торчащие из грязи. Заметьте при этом взаимозависимость объекта и его функционального смысла: грязь означает нечто, попадания во что следует избежать, а камни означают переходные мостики, позволяющие избежать грязи. Могут быть доступны и другие виды выбора, например, обход или перепрыгивание: подобное распознавание выбора также является сознаваемым поведением, ибо человек должен рассмотреть альтернативы и их последствия. Проговаривание, написание и различные скрытые акты, такие как обдумывание, оценка, суждение и распознавание — это также интеракции.

При несознаваемом поведении различные фазы интеракции, присутствующие в сознаваемом поведении — такие как мышление и другие когнитивные акты, речь, подготовка к выбору или привязка к каким-то характеристикам объекта, — отсутствуют. Если, кладя свои ключи, я делаю это без данных фаз действия, то остаюсь отстраненным от объекта, хотя и взаимодействую с ним.

Несознаваемое поведение, заявляет интербихевиорист, отличается от неспособности заметить то что находится в поле нашего зрения. Например, даже заядлые картежники редко знают, что держит в своей правой руке королева червей, несмотря на то что они смотрели на эту карту бессчетное число раз. Это не несознаваемое поведение, а неспособность направить внимание на эту конкретную деталь. Схожим образом, когда мы прогуливаемся или ведем автомобиль, в наше поле зрения попадают тысячи объектов. Мы просто не актуализируем большинство из них как стимульные объекты. Точно так же из множества тысяч звуков в большом городе мы замечаем — направляем свое внимание — на лишь относительно небольшое число.

Привычка, как утверждает система, также играет роль в сознавании. Привычка состоит из интеракций, в которых финальная фаза такой интеракции, благодаря неоднократному появлению в совокупности со стимульным объектом, становится тесно с ним связанной. Фазы внимания и восприятия выражены крайне слабо и поэтому прочно объединены с завершающим актом, который может быть от них неотделим. Эта часть атрибутов личности, которая делает возможным управление автомобилем во время разговора или вязание свитера при просмотре телепередачи. Управление автомобилем — чрезвычайно сложный вид деятельности, который становится возможным частично благодаря привычке. Вязание — более простой вид деятельности, который привычка делает эффективным. В случае привычки мы можем осуществлять интеракции без сознавания, занимаясь при этом другой деятельностью, которая требует сознавания. Вера в подсознательное может частично проистекать из этих явлений, полагает Кантор (Kantor, p. 444); но нет необходимости изобретать какую-то особую силу или сущность, такую как подсознание, чтобы объяснить подобные события. Описательного объяснения на основе наблюдения достаточно, утверждает он.

Иногда люди доводят привычные интеракции до состояния диссоциации: «мы можем организовывать эти сложные привычки, не имея в данный момент ни малейшего представления о том, что такой приобретательский (acquisitional) процесс происходит», но это не дает повода говорить о «каком-то таинственном подсознании» (p. 445). Подобные конструкты, считает Кантор, берут начало не из текущих событий, а из ненаучных источников.

Привычки могут мешать потребности совершить какую-то противоположную реакцию. Если мы переезжаем на новое место жительства, очень легко прореагировать привычным образом, повернув налево, когда нам следует повернуть направо. Новый паттерн поведения требует особого внимания при когнитивных фазах действия и использования замещающих стимулов, чтобы начать формирование новой привычки взамен старой.

Мы можем отреагировать на один и тот же объект либо обдуманно, либо механическим и отстраненным образом. Все это способствует появлению шуток о

рассеянных людях и порождает гипотезы о бессознательном или подсознательном. Для интербихевиористов люди не разделены на части, контролируемые обособленными сущностями, такими как сознание, бессознательное или подсознание. Однако возможно, утверждают интербихевиористы, абстрагировать компоненты *интеракций* между людьми и объектами, чтобы посмотреть, каким образом между ними образуются основополагающие связи, которые можно описать; и интербихевиористы пытаются это сделать.

Некоторые импликации данной системы

Нередукционизм. Поле, заключающее в себе психологическую систему, означает, согласно интербихевиористам, что событие не может быть сведено к биологии или культуре (редуцировано к ним). Мы не идем нога в ногу с культурой, хотя она является одним из участвующих условий, иногда в качестве функции стимула, иногда в качестве сеттинга, а часто как часть нашей личной истории. Мозг также является участвующим условием, но он не содержит и не продуцирует психологические события. Он не является господином организма или полем интеракций. Короче говоря, это не психологический, а биологический орган. В качестве биологического органа он исполняет жизненно важную функцию координирования работы организма, но он не мыслит, не интерпретирует и не декодирует «сообщения», поступающие от нервов. Нервы передают электрохимические *импульсы*, а не «сообщения». Мозг участвует во всех видах деятельности и необходим для них. Но это обстоятельство не делает его детерминантой, причиной или хотя бы местом (локусом) психологических событий.

Локусом является все поле, заявляют интербихевиористы. Подобно тому как Коперник переместил Землю из центра Вселенной, вокруг которого вращаются Солнце и звезды, так и Кантор вынес психологическое событие за пределы не только мозга, но также организма. Поведение организма — это взаимоотношения с его окружением, а чтобы понять отношения, мы должны изучить все компоненты и их взаимные влияния, а не только что-то одно, что, как мы предполагаем, является определяющим для всех остальных.

На биологическом уровне нейроны, гормоны, иммунная система, сердечно-сосудистая система и множество прочих факторов взаимодействуют друг с другом, так что ни один из них не является главенствующим или направляющим по отношению к другим. На другом уровне, доказывают интербихевиористы, организм с его биологическими компонентами вступает в интеракции со своей средой, и этот уровень организации отличается от уровня любого из компонентов. Этому уровню организации присущи собственные принципы, которые следует понимать на этом, а не более низком уровне, таком как уровень мозга. Уровнем психологии является именно этот уровень взаимодействия организм—объект, и именно здесь мы должны искать принципы психологии.

«Не могли бы вы дать мне мозги?» — спросил Страшила.

«Они тебе не нужны. Ты и так каждый день узнаешь что-то новое. У ребенка есть мозги, но много ли он знает!? Опыт — единственное, что дает знание, и чем дольше ты живешь на земле, тем опытнее ты будешь» (*Frank Baum, The Wizard of Oz*)*.

Мы часто слышим о «биологическом базисе» психологии, но интербихевиоризм считает, что ни одна из наук не является базисом для любой другой. Хотя события одной науки могут участвовать в событиях другой — химия в психологии, психология в социологии, — каждая имеет собственный уровень организации, принципы которой отличаются от принципов любой из ее составляющих. Культура, биология, химия, физика и социология выполняют сполна свои роли в интербихевиоральном поле, но никогда не определяют все поле.

Исследователей озадачивало то, что, казалось бы, является несоответствием между биологическими условиями и отсутствием реакции на них: (а) В месте, где зрительный нерв выходит из каждого глаза, мы имеем *слепое пятно* размером около шести дуговых градусов, где отсутствуют фоторецепторы, однако мы совершенно не замечаем какого-то пробела в своем зрении. (б) Наши глаза совершают быстрые резкие движения примерно пять раз в секунду, называемые *саккадическими движениями глаз*, но наше восприятие окружающего мира отличается плавностью. (в) Поле нашего зрения составляет около 180 градусов, но мы обычно наблюдаем только малую часть его. В качестве иллюстрации последнего пункта, обратите внимание на визуальные объекты, находящиеся вне страниц этой книги, продолжая при этом смотреть на страницы. Ранее вы не видели их, несмотря на то что они находились в поле вашего зрения. Как же традиционалист и интербихевиорист объясняют эти ситуации?

Традиционалист постулирует некий гипотетический процесс в головном мозге, чтобы «заполнить» пробел, образуемый слепым пятном каждого глаза, и еще один, чтобы сделать плавным наши зрительные восприятия, вопреки саккадическим движениям. Интербихевиористы не используют подобные мозговые конструкты, а полагают, что мы можем объяснить эти события достаточно просто посредством того, чего у нас нет: у нас отсутствует биологический аппарат для восприятия слепого пятна или для быстрых визуальных фиксаций (Smith, 1997). Что касается нашего

* *Баум Ф.* Волшебник из страны Оз.

поля зрения, то традиционалист считает, что мозг «включает и выключает» то, что мы видим. Интербихевиорист замечает, что стимуляция сетчатки носит биологический характер, но полагает, что зрение имеет место в психологическом поле. Мы воспринимаем только то, на что направляем внимание, независимо от присутствия объекта в поле зрения, а внимание зависит от факторов, описанных выше.

Биология, и не только в психологическом поле. Биология участвует во всех психологических интеракциях не только структурно или функционально, но и онтогенетически. По мере того как у ребенка формируется биологическое оснащение — происходит его онтогенетическое развитие[6], — он становится способным вступать в более сложные интеракции со своим окружением и развивает свои интербихевиоральные способности, такие как познание, размышление, суждение и т. д. Когда биологическое оснащение сформировано и дальнейшее биологическое изменение идет в направлении упадка (начиная примерно с 20-летнего возраста)[7], психологическое развитие может продолжаться относительно независимо от биологии, а в некоторых видах деятельности достигает новых высот при переходе к старости: литературное творчество, изобретательство, артистическая деятельность, финансовые успехи и т. д. Дж. Р. Кантор, основоположник интербихевиоральной психологии, до самой своей смерти в возрасте 95 лет продолжал работать над своими аналитическими трудами, засиживаясь до поздней ночи. Фрэнк Ллойд Райт (Wright), видный американский архитектор, заявил в старости, что творческие решения, к которым он так настойчиво стремился в более молодом возрасте, он теперь может буквально вытряхивать из своего рукава. Делпрато (Delprato, 1980) производит обзор исследований, которые подтверждают отсутствие параллели между биологическим и психологическим развитием, и называет ряд теоретиков в области развития человека, чьи концепции продвигаются в направлении, схожем с ориентацией интербихевиоризма. Херрик (Herrick, 1983) использует процедуру Кантора, состоящую в историко-критическом анализе, чтобы показать истоки представления о том, что психологическое увядание происходит параллельно старению, и чтобы продемонстрировать, к каким социальным последствиям, выливающимся в дискриминацию пожилых, приводит этот взгляд. Интербихевиорист признает все психологические события как биологические, но в то же время настаивает, что они являют собой нечто намного большее, чем биология.

Дуализм «душа—тело». В этой системе не только отсутствует редукционизм, сводящий все к биологии или другим наукам, но также нет дуализма «душа — тело». Никакой души в теле. Никакого тела, лишенного души. Никакой декларации, что тело и душа едины. Вопрос души и тела не имеет никакого отношения к интербихевиоральному полю. Душа или разум — это конструкт, а не событие. Ибо если мы зададим вопрос, что являет собой разум при отсутствии событий и отношений в интеракциональном поле, то не отыщем никакого обособленного конкретного референта. Не находя обособленного референта, интербихевиорист заключает, что все это конструкты, которые состоят только из вербальных выражений. Мы не наблюдаем разум, а только навязали его тому, что наблюдаем. Интербихевиоральное же поле, говорят приверженцы системы, — это конструкт, заимствованный из наблюдения фактических событий. Если учесть все идентифицируемые события и их отношения, не останется места для дополнительных гипотетических детерминант, как и не будет необходимости в них.

Причинность. В психологии существует два основных взгляда на причинность: действия организма вызываются чем-то внутренним либо чем-то внешним по отношению к нему. Если внутренним, то говорят, что причиной является разум (душа) или мозг; если внешним, тогда причина — среда. Когда та или иная из многочисленных школ психологии заявляет, что причиной действия является организм или мозг организма, интербихевиорист спрашивает, что тогда заставляет мозг совершать действие. Может ли он являться причиной собственных действий? И если мозг интерпретирует или видит образы на сетчатке, «кто» видит то, что видит мозг? Или если мозг передает информацию внутри себя от одного гипотетического обрабатывающего блока к другому, что его направляет? Может ли он направлять себя? Мы находим только эпизодические попытки ответить на подобные вопросы и только эпизодическое признание со стороны тех, кто считает причиной поведения мозг, что эти вопросы логически вытекают из данного допущения; если принять эти гипотетические способности мозга, тогда следует, что организм или мозг самокаузален или участвует в самодействии.

Если, с другой стороны, говорят, что причина имеет внешнее происхождение, это допущение о некоем пассивном организме, сформированном своей средой скорее механистическим образом. Оно проявляется в понятии независимой и зависимой переменных и в формах бихевиоризма, которые гипостазируют стимул, вызывающий или пробуждающий реакцию.

Иногда причины понимают как нечто толкающее и тянущее (pushers and pullers). Некоторая сила разума, воля, влечение или инстинкт толкает, а внеш-

[6] Понятие «онтогенетический» может относиться и к биологическому, и к психологическому развитию.

[7] После 20 лет упадок проявляется в таких показателях, как снижение времени реакции, уменьшение количества Т-лимфоцитов, которые играют важную роль в иммунной системе, и ряде других. Возможно, студенты колледжа будут шокированы, узнав, что когда им переваливает за 19, «вершина холма» остается уже позади, но они могут утешаться тем, что психологическое развитие продолжается до глубокой старости.

няя сила, например какой-то стимул, который вызывает реакцию, притягивает. Эмоцию рассматривают как внутреннюю причину, насыщающую организм энергией и, тем самым, являющуюся мотивирующей силой, которая заставляет его действовать. Иногда говорят, что мотивы и толкают, и тянут. Большинство мотивационных концепций столь туманны или наполнены проблемами, что постепенно теряют свое прежнее значение в психологии.

Когда стимульные условия одни и те же, а реакции разнятся, в такой системе нет необходимости постулировать наличие влечения (Gewirtz, 1967), «личности» («person») или «я» («self») (Hamachek, 1987) между стимулом и реакцией. Скорее, факторы сеттинга и эволюция функций стимула являются специфическими, идентифицируемыми условиями поля, которые можно изучить на предмет их воздействий.

Что касается внутренней причины, благодаря которой организм вызывает собственное поведение, интербихевиористы указывают, что во вселенной нам неизвестен ни один объект, который был бы самокаузальным. Самокаузальность — еще один ненаучный конструкт, и он нам не нужен. Как и не нужно нам допускать, что среда заставляет пассивный организм действовать. Мы можем, доказывают они, отказаться и от органоцентризма (центрирования на организме), и от энвайроцентризма (центрирования на среде). Мы можем заменить их обращением к полю интеракций. Активный организм вступает во взаимодействия с активным миром, и мы можем изучать развитие этих взаимодействий в различных сеттингах, чтобы понять человеческую деятельность. Подобно тому как система не нуждается в дуализме «душа — тело» или в сведении психологии к какой-то другой науке, ей также не нужно постулировать разграничения внутреннего и внешнего, внутренние толчки или внешнее притяжение, самокаузальность или побудительные причины. Все это не наблюдаемые события, а конструкты, которые были навязаны событиям.

Короче говоря, в интербихевиоральном подходе организм не вызывает собственное поведение, как не вызывает поведение и среда. Скорее, причинность содержится в поле человека и среды, вступающих в интеракцию. Такая позиция делает бессмысленным вопрос: внутренняя сила воли или внешний детерминизм. Не постулируется никакой силы, называемой волей или детерминизмом, которую надо было бы рассматривать. Все это только варианты дуализма «душа — тело», утверждает система.

Примеры работы данной системы. Возможно, полезно посмотреть, как эта система трактует одну из классических проблем, проблему *константности* восприятия. Почему мы видим человека как некую постоянную величину, независимо от того, находится ли он от нас в метре или в ста метрах? Величина световых точек на сетчатке, которые соответствуют объекту, заметно изменяется при переходе от расстояния один метр к ста метрам. Тот факт, что мы видим человека как постоянную величину, называют *константностью величины*. Другой формой константности является константность формы: когда прямоугольная дверь поворачивается на петлях и мы видим ее сначала с торца, а потом спереди, угол, соответствующий световым лучам, которые попадают на сетчатку, меняется. Однако мы не говорим, что дверь меняет форму. Мы воспринимаем ее как прямоугольную под любым углом. Это называют константностью формы. Традиционалист сказал бы, что наш разум или мозг улавливает различные образы на сетчатке и постоянно дает нам их новые интерпретации или что мозг — это компьютер, который кодирует величину человека на сетчатке, или что угол двери на сетчатке дает нам декодируемое «показание прибора». (Но кто или что читает это показание?) Такое показание говорит нам, что это человек нормальной величины или что это прямоугольная дверь.

Интербихевиоральный подход имеет радикальные отличия. Вместо навязывания таких конструктов, как компьютерный мозг, он начинает с наблюдаемых компонентов поля. Благодаря тому, что ранее мы имели дело со столами, дверьми и схожими объектами и рассматривали их под разными углами, мы распознаем особенности, которые означают прямоугольность. Учитывая эти стимульные функции стимульного объекта в связи с историей наших отношений с ними и нормальным сеттингом (можно сконструировать необычные сеттинги, чтобы вызвать другие восприятия), интербихевиоризм утверждает, что мы воспринимаем объект с точки зрения того, что он для нас означает: дверь означает прямоугольный объект, независимо от угла зрения, а человек означает нормальную величину, независимо от расстояния.

Термин *психосоматика* подразумевает, что психика (душа, разум) воздействует на сому (тело). Считается, что она связана с астмой, повышенным кровяным давлением и другими расстройствами. Вместо того чтобы постулировать какой-то конструкт (душа, разум), воздействующий на объект (тело), интербихевиористы замечают, что общий паттерн интеракциональных компонентов в любой ситуации включает биологические компоненты, некоторые из них могут быть вредными для тела. Аналогичным образом, в стрессовой ситуации, такой как доклад студента перед аудиторией, у студента могут потеть ладони, может пересыхать во рту, подниматься кровяное давление и учащенно биться сердце. Все это составные части общего паттерна интеракции, а не воздействие психики на тело.

Современная традиционная психология рассматривает мышление как обработку информации мозгом. Интербихевиоральная психология в свойственной ей манере обращается к изучению наблюдаемых событий. Мышление, полагает она, состоит из явных и скрытых манипуляций, которые прокладывают путь некоторым последующим операциям. Планирование, оценка и выбор — все это примеры мышления.

Эти интеракции состоят из приложения информации, полученной в одной ситуации, к другой схожей ситуации. Если мышление проявляется как одиночный сегмент поведения, например, когда человек, глядя на дорожную карту, воспринимает комбинацию дорог, которые предлагают кратчайший маршрут к месту назначения, интеракция состоит из серии фаз действия, которые предшествуют завершающей фазе и предвосхищают ее — распознанию наилучшей комбинации дорог. Если мышление носит более сложный характер, оно состоит из серии сегментов поведения. Например, человек, который размышляет о том, как преодолеть снижение продаж в магазине, актуализирует ряд замещающих стимулов, каждый из которых имеет несколько фаз интеракции. Эти сегменты поведения сами могут служить стимулами для следующего сегмента поведения, пока не будет достигнут финальный сегмент поведения, включающий план действий.

Господствующая психология утверждает, что информация кодируется в *памяти* нейронами, а затем декодируется и извлекается, когда это необходимо. Интербихевиоризм отвергает аналогии и сконструированные механизмы, такие как кодирование, хранение и извлечение. Он утверждает, что воспоминание (которое он отличает от памяти) — это не вещь, которую можно хранить, а интеракция. Вспоминание или припоминание — это восстановление какого-то более раннего поля интеракций посредством замещающего стимула вместо припоминаемого объекта. Независимо от того, имели место или нет биологические изменения, которые могли составлять одно из необходимых условий вспоминания, вспоминание — это повторное проигрывание какого-то предшествовавшего события. Ничто не хранится.

Как же мы справляемся с *непредвиденными обстоятельствами (contingencies)*, действуем в ситуациях, с которыми мы не встречались прежде? Кларк и Торибио (Clark & Toribio, 1994) заявляют, что ситуативное поведение или включение в формирование абстракции *требует*, чтобы мы «воспользовались идеей внутреннего представления» (p. 420). Интербихевиоризм, напротив, трактует ситуативное поведение как адаптации к относительно новым и незнакомым ситуациям. Подобные адаптации включают (а) переупорядочение и регулирование существующих паттернов действия и (б) новые паттерны действия, основанные на рефлексах, ранее сложившихся паттернах действия, а также на культурных и индивидуальных моделях поведения.

Какое-то ситуативное поведение мы планируем заранее. Студент, наставник которого может провести без предупреждения контрольный опрос, старается подготовиться к наиболее вероятным вопросам. И в планируемых, и в незапланированных ситуациях, чем больше мы наработали паттернов действия, которые связаны с возможной ситуацией, тем адекватнее мы с ней справимся. Интербихевиорист всегда отвергает навязываемые конструкты, такие как внутренние представления, и обращается к функциональным отношениям, которые мы можем наблюдать. Когда мы не можем определить, какие фактические события имеют место, или не можем сделать из наблюдений связные выводы, лучше допустить неведение, настаивают приверженцы системы, чем выдумывать «дриад» (см. главу 2, с. 67).

Как же мы реагируем на *отсутствующее* и *несуществующее*, на то, чего нет в настоящий момент? Разве для этого не требуется разум? Кларк и Торибио (Clark & Toribio, 1994) полагают, что требуется. Мы должны иметь, утверждают они, «какой-то внутренний ресурс, обеспечивающий соответствующую поведенческую координацию» (p. 419), когда отсутствует постоянный приток информации из среды, который направлял бы нас. Но мы уже видели, что интербихевиоризм обращает внимание на стимуляцию, которая заменяет отсутствующий объект (см. выше, с. 255). Наиболее распространенным примером является речь (language), но заменить оригинал может почти любой объект или событие. Интербихевиоризм утверждает, что когда мы наблюдаем эти заменители и то, как они функционируют, нам нет необходимости изобретать ментальные конструкты.

Формы бихевиоризма. Интербихевиоризм можно отличить от двух других форм бихевиоризма (Kantor, 1976). Одна из них исходит из физиологических рефлексов. Согласно этому сценарию, стимул вызывает какое-то действие организма и является первичным причинным агентом физиологического события; организм в целом пассивен. Эту форму бихевиоризма можно представить как S → R. В другой форме, относящейся к анализу поведения (см. главу 6), действие берет начало в организме; стимул является только поводом для того, чтобы организм совершил действие, и он, в сущности, пассивен: организм производит реакцию на стимул. Эту форму можно изобразить как S ← R. В отличие от этих двух форм бихевиоризма, интербихевиоризм, как отмечалось выше, рассматривает стимульный объект с его функциями и реагирующий организм с его функциями как активно взаимодействующие: активный организм в активном мире — отсюда интербихевиоризм. Этот подход можно представить как S ↔ R или, еще лучше, как Rfunc Sfunc.

Ни S → R, ни S ← R-бихевиоризм не признает функции стимула, которые присущи стимульному объекту. Это признание является крайне важным. Без него приходится либо (а) постулировать, как это делает когнитивная психология, какую-то силу разума или мозга, которая интерпретирует стимульный объект, превращая его в нечто наполненное смыслом, либо (б) оставить стимул как объект, лишенный смысла, который механически вызывает реакцию или по отношению к которому производится реакция, как делает это одна из форм бихевиоризма.

СИСТЕМА ЭКСПЛИЦИТНЫХ ПОСТУЛАТОВ

В отличие от всех прочих систем, интербихевиоральная психология является единственной системой, которая точно формулирует свои эксплицитные допущения. Кантор (Kantor, 1959; Kantor & Smith, 1975) делает это, предлагая иерархический список постулатов, которые в точности проясняют то, что система постулирует на всех уровнях обобщения. Нижеследующие постулаты и комментарии к ним взяты из работы Кантора и Смита (Kantor & Smith, p. 412–417) (курсив в цитатах добавлен). Многие из постулатов покажутся читателю знакомыми из предшествующего описания системы. (Более полную систему постулатов, которая затрагивает исследования, данные и конструкцию законов, можно найти у Кантора (Kantor, 1959)).

• *Протопостулаты* (общие руководящие допущения, касающиеся науки в целом).

Два из десяти протопостулатов продемонстрируют их характер.

1. *«Никакая наука не имеет дело с формами жизни (existences) или процессами, выходящими за пределы возможностей научного метода. Никакая научная проблема не может касаться "Реальности", находящейся за пределами наблюдаемых событий и их изучения»*.

Этот постулат говорит нам, что наука занимается только конкретными событиями в природе и не может допускать ничего выходящего за рамки этих «наблюдаемых событий» («confrontable events»).

2. *«Научная конструкция — формулировка (а) гипотез и (б) теорий и законов — должна выводиться из взаимодействий поведения с событиями, а не приписываться событиям либо научным изысканиям на основе каких-либо источников, не относящихся к сфере науки»*.

Этот постулат является базовым для всей конструкции интербихевиорального поля. Все компоненты — стимульный объект и функция стимула, реакция и функция реакции, контактная среда, факторы сеттинга и интеракциональная история — должны быть такими, которые, утверждает интербихевиорист, можно наблюдать или обоснованно вывести из наблюдения.

• *Метапостулаты* (поддерживающие допущения для конкретной науки).

1. *«Психология является относительно независимой наукой (Science), хотя и находящейся в постоянном междисциплинарном контакте со смежными науками»*.

Психология имеет собственный предмет. Она не основывается на биологии, химии или какой-либо иной науке, как и не заимствует конструкты из других наук. Это препятствует использованию понятия «обработка информации» из теории вычислительных систем или принятию из физиологии навязанного конструкта, согласно которому мозг порождает цвета. Однако можно использовать данные из других наук в качестве условий, участвующих в интеракциональном поле.

2. *«Адекватная психологическая система должна принимать во внимание события, операции и конструкцию теории»*.

Бихевиоризм ограничил себя, в основном, научением и обусловливанием, а когнитивная психология только начинает уделять внимание чувствам, индивидуальным различиям или патологическому поведению. Интербихевиоральная психология говорит о необходимости обращать внимание на все психологические интеракции, включая выбор, познание, ориентацию, волевые акты, желание, ожидание, имплицитные интербихевиоральные действия, ситуативное поведение и другие интеракции, которые получают мало внимания со стороны других систем.

3. *«Психологические системы не сводимы к другим областям научного знания»*.

Поскольку ни одна наука не является базовой по отношению к другой, традиционные иерархии науки неудовлетворительны. У каждой науки свой собственный уровень организации событий в природе, и подобная организация обладает собственными принципами или законами, которые не сводятся ни к каким другим. Использование одной науки для объяснения другой, например биологии, чтобы объяснить психологию, наносит вред обеим наукам.

4. *«Психология должна быть освобождена от всех традиционных философских систем»*.

Философские системы, которые не следуют принципу наблюдения и описания событий, неприемлемы для научной работы.

5. *«Все научные системы подвержены изменению»*.

По мере изменений в обсервационных процедурах и совершенствования понимания событий должны меняться и системы, чтобы приспособиться к этим событиям.

• *Постулаты* (допущения, относящиеся к предмету изучения).

1. *«Психология изучает интербихевиоральные поля»*.

Психология изучает не разум, не обработку информации и не другие конструкты, а конкретные события организмов, вступающих в интеракции с объектами, событиями или другими организмами. Эти интербихевиоральные поля простираются от манипулирования объектами, например при разбивке сада, до невидимого глазу рассуждения или воображения.

2. *«Психологические поля имеют сложную структуру (are multiplex)»*.

Кроме организмов и объектов психологические поля включают контактную среду, интеракциональную историю и условия сеттинга.

3. *«Психологическое интерповедение (interbehavior) представляет собой деятельность целостных организмов, а не отдельных органов или тканей».*

Этот постулат вытекает из предыдущего. Множественное поле препятствует ограничению деятельности мозгом или одним организмом как единственной причиной события. Местом психологического события является поле, а не организм.

4. *«Психологические события происходят без участия каких-либо внутренних или внешних определяющих конструктов (determiners)».*

Натуралистические описания наблюдаемых событий поля заменяют все сконструированные внутренние события, такие как сознание, ментальные состояния, влечения, инстинкты, способности мозга и обработка информации, и такую внешнюю причину, как среда.

5. *«Психологические события являются онтогенетическими».*

Психологические события историчны и подвержены развитию.

6. *«Психологические конструкции неотрывны от первичных (не подвергавшихся теоретической "очистке") данных о событиях».*

Этот постулат является продолжением первого протопостулата и указывает, что интербихевиоральные конструкты заимствуются из «конфронтаций с постоянно происходящими событиями», а не из традиции. Все описания, гипотезы и теории должны «выводиться непосредственно из наблюдений фактических интербихевиоральных действий» (p. 417).

7. *«Психологические события взаимосвязаны с социетальными событиями, а также с событиями, изучаемыми физикой, химией и биологией».*

Это является продолжением первого метапостулата, приведенного выше. Психология относительно независима от других наук, но взаимосвязана с ними.

8. *«Психологические события ведут свое происхождение от биоэкологических форм интерповедения».*

Все психологические интеракции развиваются из биоэкологических интеракций, подобно тому как организмы развились из ранее существовавших органических форм. Биология участвует в каждом действии, совершаемом организмами.

Почему же Кантор считает столь важным изложение своих постулатов? Потому что он подчеркивает решающую роль, которую подобные фундаментальные допущения играют в формулировках различных школ психологии, и указывает, что эти допущения обычно остаются непризнанными. Независимо от того, говорят ли, что психологические события происходят благодаря обрабатывающему информацию мозгу (когнитивная психология), подкрепляющим ситуациям (анализ поведения), диалектическим процессам (диалектическая психология), бессознательным мотивам (ортодоксальный психоанализ), сеттингам поведения (эко-бихевиоральная наука), самореализации (гуманистическая психология) или полям интеракций, в основе должны лежать какие-то постулаты — либо имплицитные, либо эксплицитные. Это, в свою очередь, влияет на план исследований и на то, как интерпретируются их результаты, а также проявляется в таких областях приложения, как бизнес и психотерапия. Подав пример эксплицитного изложения постулатов, Кантор показал, какого вида психология может возникнуть из того, что он считал надежными научными принципами — заимствованными непосредственно из мира природы, — которые эти допущения инкорпорируют. Аналогичным образом он смог показать, насколько неудовлетворительны те виды психологии, которые исходят из имплицитных допущений, заимствованных из ненаучных источников.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Поскольку организмы участвуют в интербихевиоральных действиях с объектами как частью поля, а исследователи участвуют в интербихевиоральных действиях с полем интерповедения (interbehavior), которое они изучают, все исследования, утверждает Кантор (1963–1969), носят интербихевиоральный характер. Но интерпретация исследования имеет интербихевиоральный характер, только если исследователь начинает с наблюдений и выводит конструкты непосредственно из них. Часто же бывает так, что исследователи начинают с таких конструктов, как обработка информации, сознание, разум или способности мозга, и интерпретируют результаты в терминах конструктов, с которых они начали. Рэй и Делпрато (Ray & Delprato, 1989) считают, что исследование также не способно удовлетворять интербихевиоральным критериям или критериям естественных наук, когда оно следует механистическому представлению об однонаправленных причинно-следственных цепях[8]. Естественные науки заменили механистические конструкты событиями поля, вступающими в взаимодействия, а психология во многом продолжает использовать механистические конструкты, полагая, что стимул «независим» от реакции, и оценивая какую-то одну реакцию, которая рассматривается как «зависимая» от стимула. Рэй и Делпрато (1989) замечают, что исследователи обычно игнорируют взаимозависимости между классами, даже когда они оценивают более чем один класс реакций. Первый из ниже-

[8] Это допущение о прямолинейной причинно-следственной связи: А вызывает В, а В вызывает С. Например, стимул ведет к обработке информации, которая ведет к определенному поведению (S → обр. инф. → R).

следующих шести разделов — это пример интербихевиорального исследования, которое уделяет специальное внимание взаимозависимостям.

Множественные меры взаимозависимости

Ряд исследований продемонстрировал, что только изучение множественных переменных может адекватно объяснить экспериментальное поведение и что использование полевого подхода (field approach) для установления связей между этими множественными переменными дает более хорошие результаты, чем обращение к одиночным переменным и линейным механистическим подходам (Delprato & Rusiniak, 1991; Keehm & Nobrega, 1978; Ray & Brown, 1975; Ray & Delprato, 1989; Ray, Upson & Henderson, 1977; Upson & Ray, 1984; Wong, 1977). Значимость множественных переменных для объяснения поведения была обнаружена в исследованиях таких разнящихся живых существ, как крысы, касатки (киты-убийцы) и люди.

Сторонники интербихевиоризма указывают на учебные ситуации как на демонстрирующие интербихевиоральное поле с особой ясностью. Используя концепцию поля для исследования занятий в учебной аудитории, можно оценить сеттинги, участников и реакции, а также то, как многие события в аудитории «имеют тенденцию влиять на многие другие события многонаправленным образом» (Hawkins, Sharpe & Ray, 1994, p. 245). Шарп и Хокинз (Sharpe & Hawkins, 1992a, 1992c) исследовали множественные переменные поля на учебных занятиях по физике, снимая на видеопленку уроки, проводимые опытными преподавателями, и используя оценивающих экспертов для анализа сложных переменных и введения их в компьютер. Это позволило исследователям определить категории реакций, элементы сеттинга, относящиеся к организму и среде, и стимульные объекты. На основании этого они (Sharpe & Hawkins, 1993; Hawkins, Sharpe & Ray, 1994; Sharpe, Hawkins & Ray, 1995) разработали две компьютерные программы, Стратегию и таксономию оценки поведения (Behavior Evaluation Strategy and Taxonomy, BEST) и согласованную с ней Систему временного анализа (Temporal Analysis System, TAS). С помощью этого инструментария преподаватели могут быстро овладеть усовершенствованными приемами обучения (BEST) и оценить результаты (TAS). BEST предоставляет преподавателю незамедлительную обратную связь и возможность модификации процедур обучения.

Стараясь найти более совершенный прием описания рабочих характеристик интербихевиорального поля, Рэй (Ray, 1992) воспользовался компьютером, чтобы смоделировать интербихевиоральное поле обезьяны в клетке, совершающей такие простые действия, как сидение, стояние, ходьба, залезание наверх, повороты и принятие пищи. Это квазиреалистичное изображение позволило исследователю определить, что забывают учитывать в поле сложных интеракций. Несмотря на то, что у Рэя был 20-летний опыт исследования систем поведения и движений, он «не в полной мере предвидел необходимость в *полеспецифичной* матричной конструкции или в непосредственном подкреплении вероятностей поля. Как и не думал он, что последствия сеттинговых факторов стимула, противополагаемых стимулирующим событиям, будут отличаться в такой степени» (p. 112).

Затем Рэй разработал две дополнительные компьютерные программы, Cyberat и MediaMatrix (Ray, 1995a; 1995b). Cyberat обеспечивает модельное описание полей событий путем использования описательных массивов и команд, которые позволяют студенту вырабатывать оперантные реакции у крысы, появляющейся в видеоклипах. MediaMatrix следует аналогичному курсу в том, что она обучает студента с помощью программы, которая систематически адаптируется к студенту.

Факторы сеттинга

Типы популяций, с которыми проводились исследования факторов сеттинга, включают маленьких детей, крыс, студентов и учеников начальной школы. Специалисты по анализу поведения, среди других специалистов, изучали факторы сеттинга на разных типах популяций и сеттингов, и их результаты также включены в нижеследующий обзор.

Маленькие дети. Браун, Фокс и Брейди (Brown, Fox & Brady, 1987) показали, что на небольшой игровой площадке трех- и четырехлетние дети участвуют в большем количестве социальных интеракций, чем на большой площадке. Они предположили, что использование такой компоновки сеттинга дает возможность улучшить социальное развитие. Изучая некоторые интеллектуальные операции, которые описал Пиаже, итальянские исследователи (Caracciolo, Moderato & Perini, 1988) установили, что такие факторы поля, как интеракциональная история и сеттинги, более важны для результатов, чем интеллектуальный уровень детей.

Крысы и студенты. Рэй и его коллеги (Ray, Upson & Henderson, 1977; Ray & Delprato, 1989) показали, что крысы снижают свою активность, когда условия среды диктуют торможение активности, и что у студентов колледжа снижается темп выбора различных условий сеттинга, когда условия приводят к замедлению темпа жизни (Upson, Carlson & Ray, 1981). Студентов помещали в три вида условий. В первом случае экспериментатор конкретизировал каждый сеттинг, в котором должны были находиться испытуемые; это были события студенческой жизни, такие как слушание музыки, танцы и присутствие на церковной службе. Во втором случае студенты сами выбирали сеттинг в кампусе. В третьем случае они проводили четыре дня на Багамах, где было немного источников развлечений, к которым они привыкли,

но им предоставлялся свободный выбор видов деятельности. Последняя среда была наиболее замедленной, что приводило к самому низкому темпу перехода от одного сеттинга к другому.

Ученики начальной школы. Большой диапазон условий сеттинга в классе начальной школы — например, расположены ли места для сидения рядами, кругами или группами — может влиять на результат обучения; разумное использование физических, социальных и программных сеттингов может способствовать научению и уменьшить поведенческие проблемы (Rosenfield, Lambert & Black, 1985). То, как условия сеттинга взаимодействуют, также играет определенную роль (Greenwood et al., 1990; Nordquist & Twardasz, 1990), а более полное понимание этих взаимодействий можно использовать, чтобы «оказать влияние на темп академического роста учеников» (Greenwood et al., 1990, p. 59).

Анализ поведения и события сеттинга. Прикладной анализ поведения установил, что факторы сеттинга, которые были переименованы в «события сеттинга» (Bijou, 1976; Bijou & Baer, 1961), имеют важное, а иногда и решающее значение для успеха подкрепления и ситуативного поведения. Ниже приводится пример этих исследований.

События сеттинга могут играть решающую роль в подкреплениях. Блум (Bloom, 1974) продемонстрировала, что события сеттинга, состоящие из контакта глаз с младенцами, необходимы для того, чтобы подкрепление реакций было эффективным. Она описала сеттинг как «катализатор» подкрепления и научения. Серия исследований была посвящена изучению и использованию событий сеттинга в конфликте мать—ребенок. Валер (Wahler, 1980) успешно обучил матерей оперантным процедурам, помогающим справиться с антисоциальным поведением их детей, выражавшимся в избиении слабых, словесных оскорблениях, драках, порче имущества, неповиновении и воровстве. Но первоначальное безуспешное и непродуктивное поведение матерей, например, окрики на детей, возобновлялось, когда контакты матерей с социальными работниками характеризовались антипатией. Дальнейшие исследования (Dumas & Wahler, 1985; Whaler & Graves, 1983) показали, что дополнительные события сеттинга у матерей, например бедность и отсутствие подруг, коррелировали с устойчивостью их конфликтов с детьми. Исследователи рекомендовали улучшение событий сеттинга как предварительное условие обучения. Поскольку на родителей влияет множество условий поля, Браун, Брисон-Бракманн и Фокс (Brown, Bryson-Brackmann & Fox, 1986) предположили, что с целью повышения эффективности прикладного анализа поведения он должен учитывать эти условия.

Интеракциональная история

Все интеракции между людьми и окружающими их объектами взаимозависимы со своей историей. Однако некоторые исследования сфокусировали особое внимание на эффектах истории. Два исследования с детьми проиллюстрируют роль интеракциональной истории. Кранц и Рисли (Krantz & Risley, 1977) обнаружили, что малыши в детском саду, как правило, невнимательно слушают воспитателя, когда он рассказывает им сказки, если перед этим они участвовали в шумной игре. Замена игрового периода периодом отдыха перед прослушиванием сказок повышала уровень внимания в такой же степени, как процедура совершенствования ситуативного поведения. Куилич и Рисли (Quilitch & Risley, 1973) установили, что замена «изолирующих» игрушек «социальными» повышала кооперативное и социальное поведение с 16 до 78%. Интеракциональная история с этими игрушками, даже если она была короткой, влияла на поведение.

Явные и скрытые интеракции

Интербихевиоризм не признает дуализма «душа — тело», но замечает, что многие интеракции крайне малозаметны и их нелегко выявить кому бы то ни было, кроме человека, участвующего в этих интеракциях. Эти *скрытые*, или *имплицитные*, интеракции отличаются по степени наблюдаемости от более *явных*, или *эксплицитных*, но они в принципе тождественны, заявляют интербихевиористы. Три исследования проверили эти заявления и обнаружили факты, подтверждающие их. Акерман (Ackerman, 1972) продемонстрировал, что скрытое желание покурить или выпить безалкогольный напиток можно устранить той же оперантной процедурой, что и явные реакции. Смит и Делпрато (Smith & Delprato, 1976) также изучали скрытые желания покурить и установили, что эти желания следуют тем же принципам подкрепления, что и явные желания. Делпрато (Delprato, 1977) исследовал утверждения, что благодаря психическим силам удерживаемый в руке маятник двигается в сторону объекта, о котором думает испытуемый. Он показал, что эти движения можно объяснить интербихевиоральным и, следовательно, естественным образом: прибегать к нефизическим ментальным или психическим силам совершенно необязательно.

Функции стимула в решении задач

Понятие фиксации функции, или «функциональной фиксированности» (Duncker, 1945), описывает ситуацию в решении задачи, при которой данное использование стимульного объекта препятствует признанию возможности иного его использования, такого, которое требуется для решения задачи. Это обстоятельство сразу же переносится на «функцию стимула» и «эволюцию стимула» (функцию стимула, которая развивается со временем и ситуациями) интербихевиоризма. Шварц (Swartz, 1955) поставил эксперимент с игральными картами, в котором испытуемые не могли найти решение, если стимульная функция карт оставалась фиксированной, но могли

сделать это, если карты красных мастей превращались в одну стимульную функцию, а карты черных мастей — в другую, но с различными функциями для каждой карты. Он обнаружил, что испытуемым трудно вывести новые функции стимула, когда стимульные объекты обладают каким-то общим свойством.

Ряд исследований задачи с кольцом и гвоздем, проведенных Шерером (Scheerer, 1963), пусть и совершенно независимо от интербихевиоризма, хорошо иллюстрируют взаимосвязь таких факторов поля, как функция стимула / функция реакции, интеракциональная история и сеттинг. Задача состояла в надевании колец на гвоздь с расстояния в шесть футов (≈ 1,8 м), на котором должен был находиться испытуемый при выполнении этой задачи. У испытуемого также было две палочки, длина каждой равнялась двум футам (≈ 0,6 м). В первом экспериментальном условии на стене висела веревка. Все испытуемые решили задачу, сняв веревку, связав вместе палочки и использовав их для надевания колец на гвоздь. Это было базовое измерение, или контрольное условие. В первой серии экспериментов на веревке был подвешен один из трех бесполезных объектов: чистый лист картона, старый календарь или тусклое зеркало. Задачу решили почти все испытуемые. В данном случае веревка воспринималась как лишенная какой бы то ни было полезной функции, но как способная помочь решить задачу. Во второй серии экспериментов на веревке находился текущий календарь, табличка «Не курить» или чистое зеркало. Больше половины участников не смогли решить задачу в случае календаря и предупреждающей таблички и почти 70% — в случае зеркала. Испытуемых просили размышлять вслух, и все незамедлительно упомянули о необходимости иметь веревку. Веревка была перед глазами, как и в другом тесте; но испытуемые воспринимали ее как выполняющую функцию удержания какого-то полезного объекта, а не как нечто, что можно использовать при решении задачи. В течение всего 20-минутного периода теста они признавали необходимость наличия веревки, но не изменили свои восприятия.

В одном из вариантов этих тестов испытуемые выполняли письменное задание, когда в помещение входила секретарша, извинялась за вторжение, объясняла, что сейчас во всех экспериментальных помещениях устанавливают зеркала для будущего эксперимента, и спрашивала, не мог бы испытуемый повесить то, которое она принесла. Выполнив просьбу, испытуемый возвращался к заданию и через 15 минут приступал к заданию с кольцами и гвоздем, когда на стене находилось зеркало, которое испытуемый до этого сам повесил. Несмотря на этот непосредственный контакт с веревкой, примерно половина испытуемых не смогла решить задачу. Интеракциональная история с веревкой в этом сеттинге согласовывалась с ее использованием в качестве полезного объекта, не связанного с задачей. Во втором эксперименте испытуемым давали задание, носившее название «ловкость рук», в котором они завязывали веревку пинцетом, а затем подвешивали на ней картон, старый календарь или чистое зеркало. 15 минут спустя, когда им предлагалась задание с гвоздем и кольцами, все кроме одного из 36 участников решили задачу. Этот конкретный сеттинг и интеракциональная история, в которой веревка являлась объектом манипуляций и частью эксперимента, облегчили испытуемым восприятие функции стимула / функции реакции веревки, которые были им необходимы.

Лингвистические интеракции

Интербихевиорист относится к речи (language) как к «бистимуляционной интеракции» («bistimulational interaction»), включающей оратора, вступающего в интеракции одновременно с двумя стимульными объектами: (а) вещью, на которую говорящий ссылается (референт), и (б) слушателем (Kantor, 1928, 1977). Речь (language) — это рассказ кому-то о чем-то. Живое, текущее речевое поведение, в отличие от фиксированного письменного языка, включает такие компоненты, как жест, интонация, контекст или сеттинг, и то, что оратор думает о понимании слушателем предмета. Со стороны слушателя лингвистические интеракции включают в себя контекст предыдущих вербальных сообщений, а также общую окружающую обстановку, которая может иметь значение. Они также включают то, что слушателю известно о модусе референции говорящего, жестах и интонации, а также о взаимном понимании звуков, которые имеют конкретное отнесение. Тем самым акцент делается на специфических идентифицируемых событиях, которые пребывают в постоянном течении по мере продолжения речевых регулировок, а не на такие конструкты, как обработка информации в головном мозге или абстрактные грамматические структуры.

Первые интербихевиоральные исследования речи (language) были посвящены проверке концепции бистимуляции, и в них были обнаружены факты, подтверждающие эту концепцию (Briones, 1937; Bucklew, 1943; Herman, 1951a, 1951b; Ratner & Rice, 1963). Другое раннее исследование было сфокусировано на проверке широко распространенного предположения, что речь (language) состоит из звуковых символов, которые переходят из ума говорящего в ум слушателя, продуцируя те же или схожие ментальные образы или идеи в уме слушателя, что и в уме говорящего. Проверка обнаружила доказательства бистимуляционного события, а не этих традиционных конструктов (Pronko, 1945). Обращаясь к допущениям, касающимся биологических детерминант речи, Вольф (Wolf, 1958a) провел эксперименты на пациентах с афазией — повреждением мозга, которое приводит к частичной потере способности использовать или понимать речь. Он установил, что афазики выполняли тестовые задания лучше, если знакомые объекты — предметы на столе, игравшем роль сеттинга, — находились в своем нормальном контексте, а не

в некотором непривычном расположении. Это показало, что лингвистическое поведение афазика включает в себя факторы сеттинга и биологические факторы в качестве участников в интербихевиоральном поле. Во втором исследовании (1958b) Вольф изучил реакцию на стимульные объекты, составлявшие сеттинг стола, и показал, что ошибки были не случайными, а связанными с расположением предметов и, следовательно, не фиксированными повреждением мозговой ткани.

В более современных исследованиях, используя руководство, которое они разработали для идентификации и анализа лингвистических интербихевиоральных процессов, Бижу и его коллеги (Bijou, Chao & Ghezzi, 1988; Bijou et al., 1986; Bijou, 1989; Ghezzi & Bijou, 1994) придумали процедуру, помогающую детям с легкой задержкой психического развития улучшить свои речевые навыки. Исследователи засняли на видеопленку двух детей, разговаривавших друг с другом, одного нормально развитого, а другого с легкой задержкой развития и социально изолированного. Они использовали оценивающих экспертов для анализа речевого поведения — включая жесты — говорящего и слушателя и ролей референта и сеттинга. Рейтинговые оценки использовались как один из критериев выбора, чтобы определить, какие дети могут извлечь пользу из обучения, и для выяснения лингвистических недостатков этих детей. При обучении исследователи использовали видеозаписи, чтобы показать детям-мишеням их желательные и нежелательные лингвистические интеракции и чтобы обучить их независимой идентификации этих характеристик и практике полезных альтернатив. Во второй процедуре детей учили завязывать и поддерживать разговор с помощью ролевой игры. В третьем методе 7- и 8-летних нормально развивающихся детей учили помогать ребенку-мишени в разговоре. Все три процедуры вызвали заметное улучшение в способности ребенка-мишени завязывать и поддерживать разговор, оцениваемой с помощью спецификаций руководства. Имел место и ряд других улучшений, не связанных с обучением. Таким образом, интербихевиоральный метод, разработанный для анализа, также обеспечил средства оценки улучшений, вызванных обучением.

Руководство Бижу оказалось также полезным для исследования лингвистических интеракций шизофреников и студентов колледжа. Рейтинговые оценки шизофреников и нормальных (не больных шизофренией) людей, основанные на программе руководства, обнаружили, что шизофреники экстенсивно соотносят свою речь с собой, тогда как здоровые люди делают это очень редко (Williamson & Lyons, 1988; Williamson et al., 1987; Williamson et al., 1986). Когда руководство и оценивающие эксперты использовались в изучении слушателей и говорящих среди студентов колледжей (Chiasson & Hayes, 1993), выяснилось, что студенты-новички инициируют меньше интеракций со старшекурсниками и аспирантами и проводят в разговорах с ними меньше времени, чем с другими новичками. Их ровесники образовывали фактор сеттинга, который способствовал большему количеству речевых интеракций, чем фактор сеттинга, представленный студентами старших курсов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

С некоторыми приложениями мы познакомились в предыдущем разделе при изложении результатов интербихевиоральных исследований. Факторы сеттинга сыграли важную роль в таких широко разнящихся приложениях, как устранение антисоциального поведения детей, облегчение социального поведения детей дошкольного возраста, повышение внимательности воспитанников детских садов, создание благоприятных условий для решения интеллектуальных задач Пиаже и помощь в достижении образовательных целей. Исследовательское внимание к дополнительным компонентам поля повлияло на разработку компьютерных обучающих программ: BEST, MediaMatrix и Cyberat. Анализ и тренировка речевых интербихевиоральных действий детей с легкой задержкой психического развития использовались для облегчения социализации. Ниже приведены примеры некоторых других приложений.

Управление бизнесом и космическая программа

Фуллер (Fuller, 1987) объединил анализ поведения и интербихевиоризм, приложив их к управлению бизнесом, космической программе и решению различных образовательных и клинических проблем. В бизнесе, вместо того чтобы просто давать указания, он облегчил совместное выполнение релевантных видов работ и сделал акцент на позитивные межличностные отношения, уделив особое внимание сеттингам. «Те специалисты, которые ранее имели контакты с психологами, находят этот опыт иным, благодаря всестороннему, позитивному, ориентированному на успех подходу и процессу интеракции между людьми, работающими вместе» (p. 28). В космической программе пользу «принесла интеграция подходов с позиций психологических и технических систем... совместно с применением быстродействующих вычислительных машин, системно-технологических разработок, а также теории ручного и оптимального управления, сочетающейся с интербихевиоризмом, что дало нам мощное средство для исследования и решения прикладных задач» (p. 29).

Образование

Шарп и Хокинз (Sharpe & Hawkins, 1992b) цитируют исследования, показывая, что опытные педагоги используют приемы преподавания внутри соот-

ветствующего контекста, тогда как начинающие педагоги, по-видимому, «находятся под диктатом правил», т. е. они используют то, что, возможно и является хорошими правилами, но применяют их вне контекста. Это факт заставляет авторов рекомендовать необходимость отказа от «подхода к подготовке преподавателей, опирающегося на изолированные элементы» и принятия модели поля, которая «позволит преподавателям более адекватно концептуализировать свою деятельность в ее взаимозависимой, взаимосвязанной основе и, тем самым, работать более эффективно внутри своего конкретного контекста» (p. 82). Эти авторы считают, что использование теории на практике должно удовлетворять требованиям высококачественной науки, науки, которая точно отражает взаимоотношения соответствующих переменных, и должно облегчить понимание того, как связаны наука и технология. Их исследовательской программе (см. с. 268), касающейся подготовки преподавателей физики, присуща именно такая направленность. Эта «оценка полевых систем» («field systems evaluation») предполагает использование переносных компьютеров для записи проводимых занятий и незамедлительно предоставляет преподавателю обратную связь по таким сложным вопросам, как «согласованность систем, быстродействие, уровень реагирования, быстрый хронометраж реакций и выявление контекстно-зависимого паттерна преподавания» (Sharpe, 1996).

Бакстер (Baxter, 1994), опираясь на работу интербихевиористов, а также Энгельмана и Карнайна (Engelmann & Carnine, 1982), демонстрирует в обучении маленьких детей специфику принципов, схожих с теми, которые были выделены Шарпом и Хокинзом. Он отмечает, что когда возникает какая-то проблема с научением, например, когда ребенок из детского сада путает числа, типичная реакция — сфокусироваться на ребенке, (а) приписывая причину проблемы отставанию в развитии или (б) ставя клинический диагноз перцептивного дефекта. В этом сценарии можно выждать, каким будет дальнейшее развитие, или решительно взяться за устранение перцептивной проблемы. В случае выжидания, если ребенок в 8-летнем возрасте продолжает испытывать трудности с числами, не предлагается никаких мер воздействия. В противовес и выжиданию, и подходу с перцептивным диагнозом, интербихевиорально ориентированный учитель признает, что ошибки, которые дети делают в обучении, обусловлены преимущественно путаницей в контексте (например, похожие цифры вводятся в одно и то же время), а это приводит к неправильному обобщению у ученика (например, он может путать 4 и 9). Соответственно, согласно интербихевиоральному взгляду, задача учителя — пронаблюдать тип неправильного обобщения, которое делает ребенок, и затем заменить контекст учитель—ученик таким, который устраняет путаницу. Такой учитель сознает, что написание цифр от 1 до 9 распадается на три различные группы, каждая из которых включает начертание линий в различных направлениях. К примеру, 4 начинается с линии, идущей вниз, а затем направо, 7 — с линии направо, а затем вниз, а 9 с петли и далее линии, идущей вниз и налево. Когда учитель подбирает группы цифр на основе сходства и предлагает их детям через определенное время — демонстрируя при этом схожесть между цифрами как внутри групп, так и сходство между группами, — дети перестают их путать. Путаница, считает Бакстер, вызвана неспособностью заметить особенности и объяснить их детям (т.е. «коммуникацией»), а не недостатками в развитии ребенка или эффектами перцептивных нарушений.

Аналогичным образом ребенок, который правильно произносит слова в списке, но неправильно в предложении, не страдает от «дефицита визуальных образов в долговременной памяти» или от какого-то другого клинического конструкта, утверждает Бакстер. Скорее, имеет место неправильный подход к учебной ситуации. Вместо того чтобы выискивать недостатки у ученика, учителю необходимо акцентировать внимание на произнесении детьми слов как в контексте, так и в списках, практиковать с ними и то и другое и показать, что слова в обоих случаях идентичны. Третий пример касается ребенка, который демонстрирует хорошее усвоение учебного материала в день его изложения, но не может воспроизвести усвоенное спустя какое-то время. Вместо того чтобы упрекать ученика, педагог должен воспользоваться распределенным во времени повторением с перерывами в практике, чтобы удовлетворить потребность в припоминании в неожиданных ситуациях. В этих трех примерах четко проявляется принцип интербихевиоральной специфичности. Наблюдения Бакстера получили веское подтверждение в ходе дорогостоящего исследования, финансируемого государством, которое продемонстрировало, что уровень достижений детей является результатом метода преподавания, а не следствием какого-либо недостатка у детей (Stebbin et al., 1977; Watkins, 1988), что также нашло подтверждение в последующих исследованиях (Adams & Engelmann, 1996). Бакстер полагает, что

> «…главный акцент в эффективном преподавании, как и в любом интербихевиоральном событии, делается не столько на ученике, сколько на изучении множества взаимодействующих переменных. В случае такого естественного события, как обучение, основной переменной являются учебные коммуникации, вкупе с другими взаимодействующими переменными, которые определяют событие, такими как взаимодействие учитель—ученик, сеттинг и история события… Если мы хотим добиться успеха, вызвав эффективное изменение в образовании, то должны довести до сведения преподавателей, что существует вид психологии, являющийся альтернативой тем школам психологии, которые используют мифологический язык, пара-

лизующий преподавателя и не позволяющий ему быть эффективным» (pp. 29–30).

Упоминание Бакстером «мифологического языка» родственно критике другими исследователями помех пониманию, обусловленных абстрактными конструктами, которые можно устранить, точно описав конкретные события (Farrington, 1972; Knapp & Delprato, 1980; см. ниже «Клиническая психология»).

Корнуэлл и Гоббс (Cornwell & Hobbs, 1986) попытались приложить принципы анализа поведения к подготовке учителей в Шотландии; но когда они углубились в специфику образовательного процесса, то стали все больше склоняться к интербихевиоральному подходу. Это проявилось в разработке системы, названной EXRIB — Example, Rule Indicator, Behavior (пример, указатель правила, поведение) — и предназначенной для анализа обучения. Указатель правила задает функцию стимула, которая направляет поведение ученика на стимульные объекты в других категориях. Эта система также включает категории «контекстуальных стимулов» и «контекстуальных реакций» в своем троичном разделении наблюдений на (а) поведение ученика, (б) условия и (в) оценку учителем поведения ученика. В противоположность причудам «ментальной работы» (Hobbs & Kleinberg, 1978; Hobbs, Kleinberg & Crozier, 1980), EXRIB включает конкретные цели, наблюдения и условия — примеры принципа специфичности.

Психотерапевтические приложения

В сочетании с прикладным анализом поведения Валер и Ханн (Wahler & Hann, 1987) использовали интербихевиоральные понятия в работе с детьми, демонстрирующими оппозиционное или антисоциальное поведение, и их семьями (см. с. 269). Понятие взаимозависимости между сеттингом и стимулом — реакцией является «основным критерием интербихевиоральной клинической психологии» (p. 75).

Рубен и Рубен (Ruben & Ruben, 1987) подошли с интербихевиоральных позиций к тренингу ассертивности. Они отвергают представление, согласно которому можно добиться изменений внутри человека, и делают упор на научение новым навыкам. Они предлагают два способа достижения этого. (а) Поскольку поведение не локализуется внутри человека, необходимо заменить обучение человека как изолированного существа на обучение через взаимодействие человека и событий; это предполагает применение «функциональных дескрипций», которые состоят из специальных жестов — например, человек может использовать пальцы и стараться не морщить лоб в особых сеттингах, таких как ситуация, «когда на вас смотрят люди» или «при демонстрации удивления». (б) Поскольку трудно обеспечить перенос навыков посредством некой «интрапсихической динамики» из ситуации обучения в ту, в которой они будут применены, следует обучать «с помощью серии последовательных ситуаций (полей)» (p. 108), которые постепенно приближаются к реальным сеттингам, не ограничиваясь только сеттингом тренинга.

Поведенческая (бихевиоральная) медицина с интербихевиоральными характеристиками начиналась с демонстрации той роли, которую устойчивые события сеттинга (снятие боли, принятие пищи, кнопка вызова медсестры) и меняющиеся события сеттинга (лабораторные процедуры, посещение врача) играют в болевых ощущениях и страданиях онкологических пациентов (Redd & Rusch, 1985). Другой подход в интербихевиоральной медицине прилагает интербихевиоральные принципы к исследованию и связывает его с некоторыми интербихевиоральными постулатами (McGlynn, Cook & Greenbaum, 1987). Произведя обзор новаторских клинических методов в поведенческой медицине, когда это направление было еще достаточно молодым, Делпрато и Мак-Глинн (Delprato & McGlynn, 1986) заявили, что непризнанное интербихевиоральное мышление находится в сердцевине многих современных областей приложения психологических принципов в медицине; и они предугадали преимущества широкого применения интербихевиоральных постулатов в медицине. Рубен (Ruben, 1992), обращаясь к интербихевиоризму при лечении алкогольной и наркотической зависимости, заимствует у Делпрато и Мак-Глинна (1986) шесть постулатов для интербихевиоральной клинической психологии, одновременно признавая, что в качестве «направляющих ориентиров» они являются только «вступлением» при лечении этой проблемы.

В подходе к лечению ожирения доминировала концепция «заданного значения регулируемой величины» («set point»), предполагающая существование биологически обусловленного потенциального значения веса, которого индивид редко способен достичь. Стефенсон и Хемингуэй (Stevenson & Hemingway, 1987), подобно Рубену, прилагают постулаты Делпрато и Мак-Глинна (1986) к бихевиоральной / интербихевиоральной медицине, что значительно расширяет этот подход:

> «Подход с факторами поля помогает ученому и врачу учесть множество биологических и психологических факторов, с которыми встречаешься при устранении избыточного веса и факторов риска. Системный взгляд на ожирение заставляет нас рассмотреть данные, касающиеся телесной конституции, кровяного давления, липидов и других показателей функционирования организма, вместо того чтобы фокусироваться на одном весе. Мы изучаем паттерны и состав потребления, а не какой-то одиночный показатель, например количество калорий, поглощаемых за день. Вместо того чтобы говорить о недостатке силы воли, мы изучаем паттерны культурных, семейных и личных интеракций» (p. 120–121).

Эти исследователи разработали системную программу, которая включает в себя эти принципы, и полученные ими данные приносят обнадеживающие результаты.

Правовую девиантность (или «преступления и правонарушения») традиционно трактовали с менталистских позиций (Morris et al., 1987). Иногда подходы к девиантному поведению фокусируются на генетических признаках, а иногда на биологических или гипотетических ментальных посредниках — таких как предполагаемые паттерны криминального мышления — между человеком и его окружением. Еще один подход опирается на «ситуационизм», в котором вина возлагается на среду индивидуума. Однако этот взгляд не способен объяснить поведение тех людей из той же среды, которые не становятся преступниками. Интербихевиоризм, замечают Моррис и его коллеги, признает, что одна и та же среда может содержать совершенно различные смыслы (функции стимула) для разных людей, в зависимости от интеракциональных историй индивидов; кроме того, изучение интеракциональных историй может показать, почему формируются определенные функциональные смыслы и как их можно изменить. Исправительная программа, полагают они, должна идентифицировать вклад каждого фактора поля, прежде чем будет возможно эффективное вмешательство, — еще один пример интербихевиорального принципа специфичности.

Дорелл и его коллеги (Daurelle et al., 1987) объединили интербихевиоральное поле с трехчленной ассоциацией ($S^D - R_O - S^R$) анализа поведения в целях обучения родителей воспитанию детей с задержками в развитии. Обзор исследований свидетельствует о недостатках процедур, которые не принимают во внимание факторы более широкого поля, частью которого являются семьи. Скафаски (Scafasci, 1987) подчеркивает роль психолога как части интербихевиорального поля при работе с этими группами населения.

Одним словом, интербихевиоральная психология не обеспечивает клиническую психологию какой-то особой процедурой, но подчеркивает необходимость принятия во внимание более широкого контекста, в котором индивид выступает только в качестве одной из составных частей, и необходимость конкретного и точного описания поведения и условий. В нижеследующем разделе продолжается рассмотрение этих вопросов.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Поскольку интербихевиоральная психология является научной системой, ориентированной на понимание психологических событий, а не на практическое применение, у нее нет определенной психотерапии. Тем не менее из нее можно вывести ряд важных указаний для клинической практики. Одним из подобных примеров служит использование факторов сеттинга в работе с детьми, как это было показано выше в разделе «Факторы сеттинга». Исходя из фундаментальных принципов этой системы, можно определить два общих указания для клинической работы: (1) любой терапевтический процесс, который, как ожидается, будет эффективным и долговременным, должен принимать во внимание как можно большее количество элементов поля, не ограничиваясь только организмом. Большинство видов терапии, будь то психоанализ, поведенческая терапия, гештальт-терапия, терапия реальностью, гуманистическая терапия, экзистенциальная терапия или другие, пытаются изменить индивида, игнорируя при этом контекст, внутри которого индивид функционирует. Важным исключением является общественная психология (см. главу 13), которая стремится работать с индивидуумом на рабочем месте, в школе, семье и других местах, являющихся частью его жизни. Этот подход больше согласуется с интербихевиоризмом, чем традиционные виды терапии[9]. (2) Любая клиническая оценка или описание должны быть конкретными и точными по отношению ко всем наблюдениям: демографическим сведениям о клиенте, истории жизни и болезни, наблюдениям поведения и формулировке проблемы. Логические конструкты, которые выводит клиницист, такие как диагноз, прогноз и план лечения, должны согласовываться с этими наблюдениями. Клиницист не должен начинать с таких конструктов, как сила эго, интрапсихические влечения, психосексуальные стадии, психические состояния, интернализация, и навязывать их клиенту.

Требования к клинической психологии

Кантор (Kantor, 1987) замечает, что компетентность в клинической практике требует научной ориентации. Клиницисту не следует «примешивать к диагностике и лечению понятия внутренних психических состояний или мнимого разума» (p. 7) либо предполагаемую наследственность, доказательств которой не существует (p. 7). Психиатры, отмечает он, редко отвергают дуализм души и тела или берут под контроль психологические, экологические и социоло-

[9] Одним из пионеров в области общественной психологии был Джерри Картер (Carter), первый ученик Кантора, получивший степень доктора. Хотя его редко цитируют, именно он ввел интербихевиоральные принципы в эту область и в 1970 году получил от Отдела общественной службы (Community Service) Американской психологической ассоциации награду «За выдающиеся заслуги», отразившую «научный вклад, который он внес в течение своей жизни в психическое здоровье общества и общественную психологию». Отдел психологов в Общественной службе (Public Service) удостоил его Памятной награды Хилдрета (Hildreth Memorial Award).

гические условия; но психиатры играют важную роль при устранении физиологического дефицита, который может препятствовать нормальным интеракциям. Интербихевиоральная психология, утверждает он, находится в оптимальном положении для того, чтобы охватить комплексные факторы поля, которые обусловливают неадекватное поведение, и прояснить роли, которые должны быть присущи медицинской практике и клинической психологии. Кромуэлл и Снайдер (Cromwell & Snyder, 1993) включили эти принципы в свой подход к лечению шизофрении.

Пронко (Pronko, 1987) доказывает, что все действуют исходя из определенного вида теоретической ориентации, даже те, кто использует случайные или эклектичные методы. Следовательно, это вопрос не теории или ее отсутствия, а хорошей или плохой теории. Многие плохие теории, утверждает он, апеллируют к принципу самодействия (self-actional). То есть они центрируются на организме, полагая, что организм является причиной собственного поведения. Эта идея принимает такие формы, как атрибуция причинности головному мозгу, разуму или деструктивному мышлению. Он предостерегает против (а) использования случайных методов и упования на неожиданное открытие некой панацеи и против (б) использования плохой теории, которая навязывает конструкты самодействия. Он рекомендует изучать интеракциональную историю, факторы сеттинга и другие релевантные события поля.

Среди принципов, которые Делпрато (Delprato, 1995b) предлагает для интербихевиорального подхода к клинической психологии, следующие:

• Причины проблемы клиента заключены не в некой гипотетической внешней силе, такой как среда, или некой гипотетической внутренней силе, такой как разум или когнитивная обработка. Они заключены в поле отношений, и именно этим отношениям надо уделять внимание.

• Поскольку неадекватное поведение многогранно и требует изменения факторов поля, клинические услуги должны использовать междисциплинарный подход и включать социальные, биологические, образовательные, профессиональные и другие релевантные условия. В то же время теория поля с ее нередукционистским постулатом препятствует тому, чтобы окончательное слово оставалось за людьми, например медицинским персоналом, которые работают в рамках биологической ориентации.

• Необходимо делать упор на конструирование моделей поведения, которые наращивают потенциал, а не на устранение какого-то поведения.

• Первым шагом в случае жалоб или проблем должно быть изучение условий — обычно социальных, — которые способствуют появлению жалоб, и попытка изменить их, а не человека.

• Клиницист должен придавать меньшее значение вмешательству и разрешать проблему как можно быстрее, используя любые ресурсы, например друзей или школу, которые доступны в обществе: «разрешать проблемы крайне искусственным способом (например, с помощью физического удержания, надуманных подкреплений [условий, не обнаруживаемых в нормальной среде]) — значит затруднить переход к повседневной жизни. Вот два указания, которыми следует воспользоваться: сделайте начальную фазу услуг как можно менее искусственной и уходите от всего искусственного как можно быстрее» (1995b, p. 627).

Ниже приводится выборка из составленного Делпрато (Delprato, 1995a) перечня его предубеждений и пристрастий в отношении клинической психологии.

Субъективность или состояния чувствования (feeling states) объективно измеряются с помощью Q-методологии Стефенсона (Stephenson, 1987), которая использует допущения, вытекающие явным образом из интербихевиоризма и вполне пригодные для интербихевиоральной клинической психологии, утверждают сторонники системы. Она обеспечивает средство оценки мнений — показывает крайне важную

Таблица 10.1

Предубеждения и пристрастия в отношении клинической психологии

Пристрастие к:	Предубеждение против:
Наблюдению	Интуиции
Событиям	Спекулятивности
Наблюдению событий	Опоры на культурную традицию и авторитет
Интерпретации и объяснению, основанным на событиях	Опоры на то, что было усвоено во время профессионального обучения
Фактам	Случайных наблюдений
Эмпирически обоснованным клиническим процедурам	Оценки услуг только путем задания клиентам вопроса о том, как они себя чувствуют
Претензиям на компетентность,подтверждаемым фактами	Мнимой компетентности, основанной на полученных полномочиях или на личном опыте
Клинической психологии, какой она может быть	Клинической психологии, какой она была и остается

Источник: Dennis Delprato, «Admitting Bias», Behavior Therapist 18 (1995): 108.

точку зрения клиента, а не мнение клинициста — перед лечением и на любом его этапе. «Посредством Q-техники и ее методологии мы можем понять, чем пациент заменяет действие, что в [пациенте] не заслуживает доверия, какие мысли остаются невысказанными и есть ли [у пациента] вообще какие-то мысли. Q-сортировка — это взгляд, обращенный назад (хотя он также может быть направлен в будущее, особенно когда речь идет о намерениях), и мы можем предварительно исследовать тысячи "я"...» (Stephenson, 1987, p. 104). Кромуэлл и Снайдер (Cromwell & Snyder, 1993) заявляют, что хотя интербихевиоризм устраняет дуализм души и тела, он признает субъективность как «конструкцию событий» постольку, поскольку подобные переменные «вступают в достоверные отношения с другими переменными, выводимыми из поля событий» (p. 9).

Согласно интербихевиоризму, конструкты некоторых традиционных видов терапии, а также конструкты многих индивидов не оптимизируют терапевтическую ситуацию. Фаррингтон (Farrington, 1972) изучила, как люди, заключенные в тюрьмы, используют во время сеансов групповой терапии такие конструкты, как разум, эго, потребность и бессознательное. Заключенные моделировали эти конструкты, опираясь на речь терапевтов и тексты, которые они ранее прочитали, и рассматривали их как профессиональные термины. Когда их просили дать определение конструктам, они делали это с помощью дополнительных конструктов. Некоторые использовали их, поскольку полагали, что эти конструкты облегчают коммуникацию в терапии; другие прибегали к ним в попытке показать свои познания перед комиссиями, рассматривающими возможность досрочного освобождения. Исследовательница полагает, что было бы полезно заменить «конструкты, которые изображают как нечто материальное, но которые не имеют референтов в собираемых данных» (p. 393), идентификацией конкретных условий, которые могут привести к улучшению поведения.

Кнапп и Делпрато (Knapp & Delprato, 1980) обнаружили среди респондентов, заполнявших вопросник, сильную веру в конструкт «сила воли» и веру в необходимость укрепления силы воли, с тем чтобы преодолеть такие «потакания своим желаниям», как переедание и курение, и такие «слабости, не связанные с потаканиями собственным желаниям», как застенчивость и страх перед полетами. Авторы отметили, что немногие поведенческие терапевты согласились бы, что клиенты могут справиться со своими поведенческими проблемами, прибегая к «силе воли», и что ряд фактов свидетельствует, что вера в силу воли препятствует терапевтическому процессу. Они призывают к проведению исследований, которые укажут способ преодоления этой веры, и замечают, что научная психология делает немногое для того, чтобы оказать противодействие этому конструкту. То, что многие респонденты занимались до этого на одном или нескольких психологических курсах и что этот опыт не был связан с верой в силу воли, поднимает вопросы, указывают они, в отношении того, что студенты усваивают на психологических курсах и выносят затем за пределы аудитории.

Система психопатологии Кантора

После тщательного анализа значения термина «ненормальность» Кантор (Kantor, 1926; см. также Kantor & Smith, 1975, chp. 23) выделил три категории: (I) необычные интербихевиоральные акты, (II) неадаптивные интербихевиоральные акты, (III) дефективные или патологические интербихевиоральные акты. Третья категория подразделяется на: (а) неразвитые, (б) неполноценно развитые, (в) дезинтегрированные, (г) диссоциированные, (д) дегенеративные, (е) дезорганизованные и (ж) травматические или искалеченные (truncated) акты. Основа этих аномалий заключена в дефектах системы действия, в паттернах личности или в индивидуальной интеракциональной истории, включающей все интербихевиоральное поле. Могут играть роль и биологические нарушения. Любое количество частных условий можно отнести к любой из трех категорий, в зависимости от степени тяжести нарушения.

Лундин (Lundin, 1987), который подытоживает эту систему, находит у нее ряд преимуществ. (а) Она не следует медицинской модели, постулирующей «психические болезни», которые, как можно предположить, являются параллелью «физических болезней». (б) Она признает существование континуума, начинающегося с самых легких форм расстройств, необычного поведения и следующего через промежуточные формы, неадаптивное поведение к наиболее тяжелым формам, патологиям. (в) Описание каждой поведенческой характеристики способно охватить несколько различных классов расстройств личности. (г) Вместо того чтобы использовать категории симптомов, что является стандартным подходом, система прибегает к наблюдаемым описаниям поведения, которые вытекают из различных интеракциональных историй. Можно добавить, что эта система, подобно более широкой интербихевиоральной системе, частью которой она является, избегает центрирования на организме и обращается к полю интеракций. Лундин полагает, что система может быть полезна в различных лечебных подходах.

Интербихевиоральное описание клинических случаев

Примером новаторского интербихевиорального описания и лечения клинического случая (Carter, 1937) является история болезни 13-летней девочки, у которой отмечались симптомы частичного паралича левой ноги, крайняя нервозность (extreme jitteriness) и потеря аппетита. Она стала избегать социальных интеракций, и у нее развивался паралич всякий раз, когда в школе наступало время отдыха, —

явный способ избежать социальной активности, имеющей место в перерыве между занятиями. Диагноз в интербихевиоральных терминах был следующим: *диссоциация реагирования (reactional dissociation)*. Эти симптомы возникли в совокупности с любовным треугольником, в который оказались втянуты ее родители, и последующим бурными выяснением отношений, включая угрозу развода. У нее вызывала крайнее беспокойство даже мысль о событиях. Терапия состояла в том, чтобы в спокойной ситуации побудить девочку несколько раз описать события терапевту, доверенному лицу или самой себе. Ее страдания уменьшались с каждым пересказом ситуации, и через четыре месяца она могла описывать события, не испытывая беспокойства, хотя эта процедура продолжала оставаться для нее неприятной. Симптомы исчезли, и она начала вести себя нормально.

До возникновения неприятностей в семье атрибуты личности девочки формировались нормально, но в течение двухлетнего периода расстройства «различные объекты, люди и ситуации не составляли гомогенного единства» (p. 224), в результате чего атрибуты личности, которые она приобрела за это время, не отличались хорошей интеграцией. В ожидании периода отдыха и социальной интеракции, в которой она не хотела участвовать, один из компонентов паттерна действий — владение левой ногой — переставал функционировать. У нее возникала *диссоциация реагирования*. Вместо того чтобы просто восстановить плохо функционирующую фазу интеракции, лечебная стратегия была направлена на замену атрибутов неадекватного поведения более удовлетворительным приспособлением. Проигрывая в благоприятных условиях события, которые вызывали аномальные атрибуты, она смогла сформировать новые поведенческие атрибуты, которые были более удовлетворительными.

В интербихевиоральной системе ни один случай не описывается как «психическая болезнь», «нервный срыв», «эмоциональная проблема» или каким-либо иным из подобных терминов, которые навязывают нам культурные конструкты и избегают конкретности. Вместо этого следует говорить об интербихевиоральных актах, которые необычны, неадаптивны или патологичны. Вышеописанный случай представляет собой *патологический*, *диссоциативный тип* в системе Кантора или *диссоциацию реагирования*. В психиатрической системе он был бы назван «конверсионной реакцией», означающей, что нефизическое, психическое событие превратилось в физическое (биологическое) событие. Согласно интербихевиористам, у диссоциативных индивидов формируется то, что, по-видимому, является нормальными атрибутами поведения, но последние обладают способностью отрываться впоследствии от остальной части организованной личности. Во время этого формирования объекты и люди не являются однородными и поведенческие характеристики не объединены в единое целое. В результате в условиях стресса атрибуты поведения обособляются, превращаясь в то или иное образование, которое будет функционировать при данных обстоятельствах. Фазы действия интеракций остаются в латентном состоянии и не реагируют на обычные стимульные функции объектов, присутствующие в повседневных видах деятельности. Эти нефункционирующие фазы действия могут включать в себя паралич или нечувствительность отдельных частей тела, слепоту, глухоту и потерю памяти. Пациенты с целой группой различных диссоциативных фаз действия — это люди с множественной личностью (теперь называемой в DSM-IV [Maxmen & Ward, 1995] «диссоциативным расстройством идентичности») или расщепленной (dissociated) личностью. (Описание случая множественной личности см. в главе 11.)

СОПОСТАВЛЕНИЕ С ДРУГИМИ ПОДХОДАМИ

Анализ поведения

Эта система имеет много общего с интербихевиоризмом в своей философии науки. Интербихевиористы являются одной из особо заинтересованных групп Ассоциации анализа поведения и представляют доклады на ежегодных конференциях аналитиков поведения. Вышеприведенный обзор исследований показывает, что анализ поведения заимствует интербихевиоральные понятия для своих исследований и что интербихевиористы используют методологию анализа поведения. Схожее взаимное заимствование имеет место в клинической психологии. Тем не менее различия остаются, хотя их становится несколько меньше, по мере того как анализ поведения раздвигает свои рамки, принимая во внимание контексты и экологические отношения, а также расширяет темы, к которым он обращается. И все-таки анализ поведения остается преимущественно энвайроцентрическим в своей ориентации, направленной на условия подкрепления, тогда как интербихевиоризм верен теории поля (field system).

Когнитивная психология

Хотя интербихевиоризм приветствует направление внимания на то, что он считает когнитивными интербихевиоральными действиями, он расходится с когнитивизмом во мнении, когда тот начинает отделять когнитивную способность от поведения. Это отделение он рассматривает как еще одну форму дуализма «душа — тело». Он утверждает, что когнитивизм создал ментальную механику, превратив разум в мозг, а мозг — в вычислительную машину. Он отмечает, что когнитивисты иногда все же признают, что «обработка информации» — это конструкт,

а не событие; однако их литература наполнена ссылками на обработку информации мозгом, как если бы эта обработка была наблюдаемым событием. Мир, считает интербихевиоризм, — это не вопрос представлений, а источник стимульных объектов, с которыми индивид вступает в интеракции. Даже образы являются не представлениями, а интеракциями с замещающими стимулами. Когнитивизм, настаивает интербихевиоризм, заслуживает упрека в (а) редукционизме, (б) допущении линейной причинно-следственной связи и самокаузальности, (в) смешении конструктов и событий, (г) смешении необходимых и достаточных условий и (д) дуализме «душа — тело». Однако многие его исследования могли бы оказаться ценными, если бы они были описаны в терминах фактически наблюдаемых событий, которые действительно имеют место в ходе когнитивных экспериментов, а не в терминах навязываемых конструктов. Возможно, когнитивисты, со своей стороны, обвинили бы интербихевиоризм в отсутствии редукционизма, в неспособности принять за основу самокаузальность и линейную причинно-следственную связь, в излишней увлеченности разграничением событий и конструктов, в неспособности признать дуализм «душа — тело» и в отсутствии творческого подхода, выражающемся в том, что интербихевиористы отказываются от использования конструктов с самого начала процесса исследования.

Некоторые течения внутри когнитивизма, особенно те, на которые повлиял Гибсон (см. главу 13, с. 328), делают шаги в сторону интербихевиоризма, но основное направление остается верным органоцентризму. Маловероятно, что в обозримом будущем у этих двух систем появится много точек соприкосновения.

Диалектическая психология

Обе системы согласны, что организм и объект двунаправлены, что подобная двунаправленность существует в определенном контексте и что она имеет исторические корни. Ригель, основной поборник диалектической психологии, отрицает механицизм и ментализм — хотя ментализм, тем не менее, фигурирует в работах ряда диалектиков и даже в трудах самого Ригеля (см. главу 9, с. 244–246). Множество примеров редукционизма, сводящего психику к гипотетическим мозговым процессам, можно обнаружить в российской диалектической психологии и в системах, попавших под влияние последней, например, у китайских психологов. Допущение о всеобщем противоречии или конфликте также является уникальной чертой диалектического мышления. Одним словом, обе системы разделяют несколько важных общих понятий, касающихся интеракционального развития внутри контекста, но расходятся там, где диалектическая психология прибегает к таким традиционным конструктам, как ментализм и редукционизм.

Оперантный субъективизм

Стефенсон (Stephenson, 1982) обнаруживает в интербихевиоризме базис для понятий Q-методики. И он, и Кантор отрицают сознание из-за присущего ему дуализма «душа—тело» и признают субъективность в форме самоотнесения. Объективный Q-метод оценки субъективности, хотя и мало используемый интербихевиористами, обеспечивает потенциально важную методологию для интербихевиоральных исследований, а также для клинической работы, направленной на такие скрытые интербихевиоральные процессы, как чувствование, познание, ориентация, воображение и ряд других (Smith & Smith, 1996). Браун (Brown, 1995) показал, как можно использовать Q-технику для изучения каждого из компонентов поля, когда они включают в себя мнения об объектах и событиях.

Феноменологическая психология

Психология Мерло-Понти и Сартра имеет несколько важных точек соприкосновения с интербихевиоризмом. Мерло-Понти отличает функцию стимула от стимульного объекта, функцию реакции — от реакции, а среду — от стимульного объекта; он отмечает взаимозависимость реакции и сеттинга. Обе системы отвергают разграничения между внутренним и внешним и линейную причинность. Обе признают роль биологии как участвующего условия, а не как причины, продуцента или вместилища (например, воспоминаний) поведения, и обе признают важность смыслов как того, что поддерживает существование. (Смысл, полагает интербихевиоризм, присутствует во всех сегментах поведения, кроме рефлексов.) Однако Мерло-Понти не всегда последователен в отрицании ментализма и использует термин «сознание» в такой манере, которая иногда не ясна или спорна с точки зрения интербихевиоризма. Согласно анализу Баклу (Bucklew, 1955), Мерло-Понти в своей попытке избежать психофизического дуализма (ментализма) заменил психологию субъективной философией. Дополнительное различие состоит в том, что Мерло-Понти нигде не объединяет в интегрированную систему поля компоненты психологической деятельности, которые он идентифицирует. Наконец, интербихевиоризм признает более широкий диапазон исследовательских методологий, чем та единственная, которую предлагает феноменология.

Социальный конструкционизм

Те социальные конструкционисты, которые отрицают такие конструкты, как разум, обработка информации и знание как внутреннее представление, согласились бы с интербихевиоризмом по этим пунктам и по вопросу культурной и исторической основы последних. Кантор, опираясь на документальные источники, вскрыл исторические и социальные условия, которые вызвали появление этих артефактов

(Kantor, 1963–1969). Обе системы признают влияние культуры на то, чем занимаются ученые, и согласны, что мы не можем быть полностью свободными в своих предположениях и других конструктах. Но интербихевиоризм расходится с более радикально настроенными социальными конструкционистами, которые полагают, что эти конструкции — все, что мы способны познать, что ни одну социальную конструкцию нельзя выстроить на какой-либо другой и что наблюдение не является основой знания (Gergen, 1985, 1994). Кантор (Kantor, 1959) определяет интербихевиоризм «как средство изучения психологических событий с *минимально возможным влиянием со стороны культурных традиций*. Следует отказаться от всех конструктов, таких как разум, тело, эго, ощущение, которые лишены соответствия событиям» (p. 19). Он также отвергает поиски абсолютности и относительности знания — главную заботу конструкционизма — как псевдопроблему, не имеющую отношения к научной деятельности (Kantor, 1959). Кантор признает *все* события, тогда как социальный конструкционизм признает только *социальные* события.

КРИТИКА

Один из основных критических выпадов в адрес интербихевиоральной психологии заключается в том, что она не подкреплена эмпирическими исследованиями. В настоящее время эта критика опровергается исследованиями, рассмотренными ранее в этой главе. Значительный потенциал для интербихевиорального исследования заложен в применении Q-методологии (см. главу 11), которая способна помочь в изучении и дальнейшем освещении его детального анализа (Kantor, 1924, 1926) запутанной и сложной человеческой деятельности (Lichtenstein, 1984, 1988). (Более подробное описание интербихевиоральных исследований см.: Morris & Midgley, 2000). Подходя с более широких позиций, можно возразить, что система всегда использовала эмпирические исследования в том смысле, что вся она основывается на внимательном наблюдении за человеческой деятельностью в естественных условиях — на наблюдении, которое не удавалось обеспечить контролируемым лабораторным экспериментам. Интербихевиоризм может также отвергнуть упрек в отсутствии эмпирических исследований как серьезного упущения, указав, что экспериментальной психологии присущ собственный серьезный недостаток — отсутствие изучения своих имплицитных постулатов, касающихся линейности причины и следствия, в результате чего она породила такие механистические школы психологии, как бихевиоризм и когнитивизм.

Тем самым положено хорошее начало тому, чтобы была устранена неспособность интербихевиоризма принять участие в формальном исследовании; система же его постулатов и научной логики глубоко проработана и обширна. Исследования экспериментальной психологии хоть и обширны, но внимание, уделяемое ею собственным постулатам и логике науки, явно недостаточно.

Анализ того, как другие оценивали Кантора, показал, что большая часть критики касалась скорее второстепенных вопросов (например, излишне негативного отношения к другим подходам, умаления роли внутренних обусловливающих факторов, излишнего объективизма). Особенно примечательно, что ни один критик не посчитал ошибочной концепцию поля (Smith, 1981; Smith & Ray, 1981). Изучение оценок, даваемых специалистами по анализу поведения, показало, что их критика интербихевиоризма направлена в основном на отсутствие эмпирических исследований (Morris, Higgins & Bickel, 1983).

Среди достоинств, признаваемых за этой системой, следующие: (а) последовательное отделение событий от конструктов и опора в научной работе на наблюдение за событиями, на основе которого разрабатываются конструкты; (б) придание постулатам системы эксплицитного характера на всех уровнях обобщения и поддержание гармоничных отношений между исследовательской ориентацией и постулатами; (в) придание особого значения междисциплинарным исследованиям; (г) обеспечение четкой альтернативы механицизму и ментализму и подчеркивание взаимозависимости множественных факторов во всех психологических событиях. Такие застарелые дилеммы, как дуализм «душа — тело» и механицизм мозговой обработки или сигналы из среды (стимул) и действия организма (реакция), заменяются интербихевиоральным полем.

Еще в 1935 г. Бентли (Bentley) признал, что Кантор способен охватить своей системой всю область психологии:

> «Он добивается ясности и завершенности и демонстрирует метод, хорошо приспособленный для того, чтобы расширить рамки наблюдения, разграничения и терминологической точности. Он может очень детально обсуждать запутанные психологические проблемы, которые выходят далеко за границы возможностей бихевиористской методики. Ему не свойственна зависимость от терминов, которые в конце концов оказываются не более чем механистическими новациями, заменяющими те или иные производные прежнего описания души… “Среда”, столь необходимая для физиологического психолога в качестве общего доминирующего принципа, вообще не фигурирует в работе Кантора. Вместо нее всегда говорится о *конкретном случае* функциональной активности организма *и* среды» (Bentley, 1935, p. 94–95).

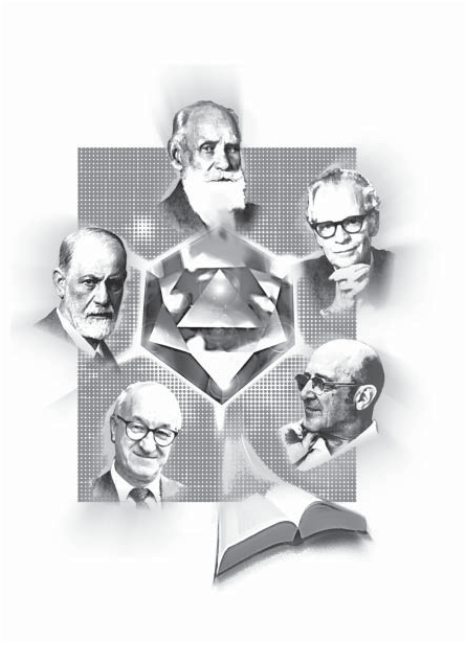
Однако Бентли все же критикует Кантора за то, что тот уделяет меньше внимания интеракциям человек—человек по сравнению с интеракциями человек—объект. Можно задать вопрос: признал бы Бентли то, что книги Кантора «Психологическая лингвистика» (Psychological Linguistics, 1977) или «Культурная психология» (Cultural Psychology, 1982) обращены именно к этой проблеме?

Если система удостаивается большого внимания, вероятно, она также подвергается и большей критике. По-видимому, такова неизбежная судьба всех систем. Но если система предлагает жизнеспособную альтернативу общепринятой доктрине, значит, она достигла своей цели.

ВЫВОДЫ

Сторонники системы Кантора заявляют, что одним из ее достоинств является непринятие традиционных конструктов, берущих свое начало в теологии и культуре, и замена их конструктами, выводимыми из наблюдений. Это исключительно натуралистическая система. Она отказывается от использования биологического редукционизма, от каких-либо аналогий с другими науками, даже в таких новейших технологических формах, как компьютерная обработка информации, от гипотетических нейронных интерпретаторов или посредников мира, от влечений, которые приводят организм в движение, от побудительных стимулов, которые определяют его действия, от дихотомического дробления организма на душу и тело, от редукции сложных интеракций к линейной причинно-следственной связи или к одиночным причинам и от самокаузальности. При этом она пытается понять наиболее скрытые виды человеческой деятельности, такие как воображение, представления и желания. Она занимается психологическими событиями на их собственном уровне организации, вместо того чтобы относить их к другим наукам на каком-то ином уровне. Это система, которая опирается, главным образом, на наблюдение (экспериментальное, натуралистическое и т. д.) событий и выводит из него описательные конструкты (вербальные, количественные, графические) их функциональных связей. Однако ее акцент на натуралистическое описание не исключает прогнозирования. Поскольку можно идентифицировать и описать функциональную связь основных факторов в поле, постольку можно дать вероятностный прогноз. А этот принцип характерен для науки в целом. Даже акцент этой системы на поле находит соответствия в аналогичных описаниях в физике (теория относительности и квантовая теория поля) и биологии (экология), в которых плодотворными направлениями теории и исследований оказываются взаимоотношения событий, а не линейные причинно-следственные цепи. Ее внимание к специфичности, включая конкретизацию собственных постулатов на всех уровнях обобщения, может служить ценной моделью для других наук.

Возможно, основной помехой признанию системы является то, что она попыталась «пройтись ножом» по постоянному смешению конструктов и событий, которое преследует психологию на протяжении всего ее существования, и поэтому она встречает сопротивление или непонимание со стороны тех, чьи профессиональные способности, привычки и предпочтения — атрибуты личности — формируются вокруг этих конструктов. Но, как видит это Делпрато (Delprato, 1995b): «Когда из нашего подхода к человеческому поведению исчезнут все остатки ненаучного (т. е. ненатуралистического) мышления, необходимость в интербихевиоризме отпадет, поскольку то, что он предлагает (например, перспектива поле / система), станет составной частью самой психологии» (p. 618).



ГЛАВА 11

ОПЕРАНТНЫЙ СУБЪЕКТИВИЗМ:

объективность субъективности

ВВЕДЕНИЕ

Вероятно, все мы согласимся с тем, что у каждого из нас есть свои взгляды, предпочтения и чувства; однако можно ли их считать поведением? Не относятся ли они скорее к сфере психического, чем к поведенческой сфере? Давайте попробуем трансформировать имена существительные в глаголы и говорить о воззрении, предпочтении и чувствовании. Можем ли мы теперь квалифицировать это как поведение? Являются ли наши воззрения, предпочтения и чувствования действиями (acts), которые мы совершаем, и если да, то можно ли их квалифицировать как поведение? Система, разработанная Уильямом Стефенсоном (William Stephenson) (как и ряд других систем), требует именно этого. Но можем ли мы подвергнуть такое поведение измерению или изучать его с помощью научных методов? И снова Стефенсон стал бы утверждать, что можем, и разработанный им метод представляет собой научный и строгий метод их измерения. Он делает еще одно заявление, которое может показаться даже более радикальным, а именно, что возможна наука, изучающая индивидов. Мы привыкли иметь дело с оценочными шкалами, IQ-тестами, тестами личности и вопросниками, в которых используются стандартизированные тестовые вопросы и выборки из больших совокупностей. Но что мы можем сделать с единственным испытуемым?

На самом деле психология, работающая с единичными испытуемыми, отнюдь не нова. В большинстве самых ранних исследований в русле экспериментальной психологии, проводимых, например, Вундтом и Кюльпе, составлялись индивидуальные профили реакций испытуемых. Эббингауз, Павлов, Пиаже и Скиннер работали с отдельными испытуемыми, и полученные ими результаты являются наиболее твердо установленными и выдержавшими проверку временем. Если бы они использовали среднегрупповые значения, то вряд ли вообще смогли получить эти результаты, поскольку усреднение замаскировало бы их. «Вступая в полное противоречие с таким акцентом на единичном организме, основной единицей данных в большинстве психологических исследованиях служит внутригрупповое среднее. Эта мера является количественной абстракцией, используемой благодаря ее способностям сжато представлять данные и сочетаться с параметрическим статистическим анализом, а не благодаря тому, что она отображает какое-то существенное измерение (dimension) поведения» (Morgan, 1998, p. 450).

Распространенная в наши дни процедура усреднения индивидуальных данных в поисках характерных для популяции тенденций начала применяться в 1890-х годах. Статистика, используемая в этих исследованиях, в которых большое число индивидуальных реакций объединяется для вычисления групповых характеристик или большие совокупности испытуемых тестируются с целью определения гипотетической черты, такой как «умственная способность», получила название R-методологии, соответственно обозначению *r*, закрепившемуся за разработанным Пирсоном методом вычисления корреляции как произведения моментов. Некоторые психологические системы, такие как анализ поведения (см. главу 6), а в ряде случаев и эко-бихевиоральная наука (см. главу 7), действительно проводят исследования на одном испытуемом и редко используют R-методологию, однако они не занимаются изучением системы отчета (frame of reference) этого испытуемого. Гуманистическая психология (см. главу 4) предпринимает попытки в этом направлении, однако она не располагает строгими методами, позволяющими проводить такие исследования, а психоанализ (см. главу 5) навязывает клиентам собственную систему отсчета. Клиническая психология и психологическое консультирование, а также другие службы помощи населению часто используют метод изучения отдельных случаев (case study). Академическая психология и другие гуманитарные науки большей частью используют почти исключительно R-методологию. Применяющие R-методологию исследователи привлекают большие группы испытуемых, оценивают изучаемые реакции объективно и пытаются установить межгрупповые различия. Студентам как младших, так и старших курсов преподают R-методологию, но редко предлагают для изучения альтернативные методы исследования, или даже не ставят их в известность о том, что таковые существуют.

Единственной системой, которая (а) предлагает альтернативу R-методологии, (б) последовательно отстаивает субъективность реакций испытуемых и (в) располагает строгим и объективным методом для исследования субъективных реакций, является *оперантный субъективизм (operant subjectivity),* или *Q-методология*[1], названная так для того, чтобы отличать ее от R-методологии. Данная система, подобно анализу поведения и эко-бихевиоральной науке, характеризуется наличием собственной философии и методов исследования. Прилагательное «оперантный» указывает на тот факт, что когда испытуемым предлагается ряд утверждений, которые им требуется рассортировать в соответствии со своими предпочтениями, оценками или чувствами, возникающими в связи с этими утверждениями, они *оперируют* ими таким образом, чтобы выразить свои личные точки зрения, и это происходит независимо от каких-либо искусственных воздействий (таких как воздействия оценочных шкал) со стороны ис-

[1] Смит и Смит (Smith & Smith, 1996) называют эту систему «квантовым субъективизмом» (quantum subjectivity), проводя параллели с квантовой механикой в физике (Stephenson, 1982, 1988–1989, 1989).

следователя. Утверждения, с которыми испытуемые соглашаются или которые они тем или иным образом предпочитают либо, напротив, отклоняют, являются оперантными для каждого индивидуума. Таким образом, термин «оперантный» указывает на *события*, связанные как со стимулом, так и с реакцией, взаимодействующими между собой. Он относится как к Q-тестовым стимулам (Q items), так и к людям. Таким образом, «оперантная субъективность», представляет собой субъективное поведение, как оно обнаруживается средствами Q-методологии.

В более узком смысле Q-метод предполагает группу утверждений (изображений либо других тестовых стимулов), касающихся определенной темы, а также испытуемых (subjects — субъектов в полном смысле слова, а не просто подопытных), которым дается инструкция рассортировать их в соответствии с субъективными категориями, например, от «нравится больше всего» (+5) до «нравится меньше всего» (–5). Таким образом, могут быть описаны, скажем, конкретная программа университетского курса психологии (Psychology 101) или имевшие место в прошлом любовные отношения. Результаты такой сортировки носят название Q-сортировки. Те испытуемые, которые произвели сортировку сходным образом, будут коррелировать между собой. Эта корреляция отличается от корреляций между тестами или измерениями, ибо в данном случае корреляция проводится между людьми. Из массива индивидуальных корреляций извлекаются кластеры корреляций, называемые факторами. Факторы показывают, какими способами люди разделяют общие точки зрения в различных комбинациях, то есть присутствующие среди них паттерны реакций. Те индивидуумы, которые произвели сортировку сходным образом, будут собираться в один фактор. Они рассматриваются как подобные друг другу по данному фактору и как отличающиеся от тех индивидуумов, которые сгруппировались в другой фактор. Каждый фактор представляет общую точку зрения тех, кто вошел в состав группы, образующей данный фактор.

Q-методология преподается как альтернативная R-методологии лишь в некоторых университетах, к тому же не на психологических факультетах. Иногда психологи применяют Q-сортировку, но обычно рассматривают ее как R-сортировку, игнорируя субъективность; а на психологических факультетах Q-сортировка если и изучается, то преподается именно в такой форме. Психологические журналы также избегают публикаций, посвященных Q-методологии. В течение более пятидесяти лет журнал «Психометрика» (Psychometrika) исключал из своих материалов статьи по Q-методологии (Stephenson, 1990). Журналы, отражающие традиционное направление в психологии, в принципе никогда не испытывали расположения к революционерам: редакторы этих журналов предпочитают публиковать те материалы, которые представляются им знакомыми. Так, ученики Скиннера практически не могли найти издания, в которых они могли бы публиковаться, пока не основали собственные журналы (Krantz, 1971). Сам Скиннер опубликовал свои ранние работы в форме книги и таким способом избежал данной проблемы. Точно так же лишь немногие работы Баркера по экологической психологии были опубликованы в традиционных журналах; а Соммер (Sommer, 1977) сообщал о трудностях, связанных с публикацией результатов исследований, основанных на наблюдениях в поле, а не в лабораторных условиях.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВОПРОСЫ

История развития системы

Разработка основных понятий и методов Q-системы принадлежит английскому ученому Стефенсону, защитившему докторскую диссертацию по ядерной физике, но благодаря широкому кругу своих интересов занявшемуся экспериментальной психологией и проблемой психологических измерений. В 1935 году он опубликовал свой инвертированный метод использования интеркорреляций, требующий, чтобы испытуемые измеряли себя сами, а не измерялись экспериментатором. В этом случае центром измерения становились мнения конкретных людей о различных вещах вместо таких абстракций, как сила эго, экстраверсия, интеллект, способности и другие черты. В отличие от R-методологии, Стефенсон вычислял корреляции между людьми, а не между тестовыми вопросами. В дальнейшем он продолжил развивать и расширять область применения своей системы, которую назвал Q-методологией. Под термином *методология* понимается философия науки, на которой основана соответствующая система, и *метод* организации частных процедур измерения. После смерти Стефенсона в 1989 году лидером данной системы стал Стивен Браун (Steven Brown), посвятивший себя разъяснению философии и технической стороны системы и ее преподаванию, демонстрируя широкие возможности ее применения и эффективность и помогая другим использовать ее в различных областях деятельности.

Стефенсон рассматривал свою систему как бихевиористскую, однако такая форма бихевиоризма предполагала изучение субъективности и казалась несовместимой с бихевиоризмом 1940–50-х годов, отвергавшим все субъективное как проявления ментализма, противоречащего объективной гуманитарной науке. Для бихевиористов область «субъективного» ассоциировалась с дискредитировавшим себя методом интроспекции разума, результатом чего явилось игнорирование ими таких почти не проявляю-

щихся на внешнем уровне форм человеческой активности, как мышление и воображение. Стефенсон отвергал представления о том, что между объективным и субъективным существуют какие-либо принципиальные различия, и не был одинок в своей позиции, рассматривающей поведение как охватывающее весь диапазон человеческой активности, включая и сферу субъективного. Еще в 1920-х годах Артур Бентли (Arthur Bentley) с его концепцией «транзакционализма» и Дж. Р. Кантор с его «организмической психологией» (позднее названной «интербихевиоральной полевой психологией») утверждали, что психологические события не локализуются внутри (в разуме) или снаружи (в теле), но представляют собой отношения между индивидуумом и объектом, и что эти отношения поддаются изучению научными методами. Нет ни внутреннего, ни внешнего, нет дуализма «разум—тело»; есть лишь конкретные транзакции (Бентли) или интеракции (Кантор) между конкретными людьми и их конкретным окружением. Вдохновленный идеями этих ученых, Стефенсон настаивал на том, что убеждения (beliefs), чувства, мнения и т. п. — все это конкретное поведение, которое может сообщаться и систематически анализироваться посредством Q-методологии. Однако господствующие в то время взгляды гласили, что:

> «...научное изучение индивидуума (что как раз и являлось целью Стефенсона) невозможно... Наука должна заниматься поисками общих законов и универсальных принципов; она не может базироваться на изучении интраиндивидуального поведения или субъективности. Таким образом, исследования, основанные на изучении отдельных случаев, на которых было сосредоточено внимание Q-методологии, рассматривались как ненаучные, несмотря на изощренность предлагаемых ею методов количественного и многомерного анализа» (Febbraro, 1995, p. 145–146).

Подход Стефенсона к измерениям, философии науки, статистике и психологическим принципам был настолько революционным, что психология была не готова его принять. Оперантный субъективизм пережил большинство своих критиков, однако он так и не получил широкого распространения. Тем не менее системе удалось сконцентрировать свои разбросанные интересы, прежде всего благодаря неустанной организаторской деятельности Брауна. После того как он достиг этого, были найдены пути к выдвижению Q-методологии в число общепринятых методов исследования. Международное общество научных исследований субъективности (The International Society for the Scientific Study of Subjectivity) ежегодно собирает представителей широкого спектра научных дисциплин из различных стран для обсуждения способов применения и вопросов развития Q-методологии. Журнал «Оперантный субъективизм» (Operant Subjectivity) является органом, публикующим результаты исследований и другие материалы, связанные с темой субъективности. Q-методологичекая сеть, компьютерный сервер с услугами электронной почты служат в качестве источника информации и дискуссионного форума для обсуждения технических вопросов. Записаны видеопрограммы, на которых Браун демонстрирует, как нужно проводить Q-сортировку и анализировать ее результаты[2]. Разработаны компьютерные программы, производящие необходимые вычисления (Atkinson, 1992; Stricklin, 1990)[3].

Научная ориентация

Оперантный субъективизм отвергает не только дуализм «разум — тело», но также

- «я» как сущность (an entity);
- традиционное различение между объективным и субъективным;
- поведение как функцию нейронных определяющих факторов.

Следствием отрицания дуализма является и отказ от представления о том, что существуют, с одной стороны, внешние формы поведения, поддающиеся наблюдению и измерению, а с другой — независимые от них внутренние или психические состояния, которые не поддаются ни наблюдению, ни измерению, но о которых мы можем делать выводы на основании внешних форм поведения. Стефенсон замещает сознание субъективностью, о чем свидетельствует заголовок одной из его статей: «Выгоним сознание и впустим субъективность» (Consciousness Out — Subjectivity In, 1968).

Он также замещает картезианское допущение о *личной сфере* (разум человека закрыт от всех, кроме его обладателя) конкретными событиями *коммуника-*

[2] Два варианта видеозаписей в трех различных форматах можно заказать в исследовательском Центре Стефенсона (Stephenson Research Center, 120 Neff Hall, School of Journalism, University of Missouri, Columbia, MO 65211).

[3] Запросы на приобретение программ для персональных компьютеров (включая Mackintosh и OS-2) можно послать по электронной почте по адресу: p41bsmk@unibwmuenchen.de или mstrick@unlinfo.unl.edu. Программы для IBM-совместимых компьютеров можно заказать, направив по адресу listserv@listserv.kent.edu следующий запрос: GET Q-METHOD PACKAGE. Для Vax-совместимых компьютеров нужно направить по тому же адресу запрос: GETVAXQPACKAGE. На оба GET-запроса выдается серия файлов. Их следует направить по адресу listserv@listserv.kent.edu для получения программных файлов. Такие статистические программы, как SPSS, SAS, и BMPD, также могут быть использованы для анализа Q-сортировки, однако они разрабатывались для R-методологии, а потому обеспечивают менее удовлетворительные результаты, чем программы, разработанные специально для Q-методологии.

бельности (commuicability) или сообщением субъективности через Q-методологию. «Q-методология обеспечивает базис для науки, изучающей субъективность, и делает это очень экономными средствами, просто замещая метафизику сознания эмпиризмом коммуникабельности» (Brown, 1986, p. 74).

Стефенсон использует слово «я» («self») для обозначения собственной точки зрения индивида. Q-сортировка определяет субъективность оперантно, посредством «самосоотнесения» («self-reference»). Однако Стефенсон отвергает то, что он называет «безусловным я» («categorical self»), гипотетический агент, являющийся инициатором действия или сидящий в голове и воспринимающий картины из внешнего мира. «Я» в этом смысле — всего лишь очередной термин для обозначения разума. Когда мы прибегаем к представлению о невидимом агенте для объяснения наблюдаемого поведения, данный агент, в свою очередь, также требует объяснения, и так до бесконечности. Например, если мы объясняем поведение тревогой, то что будет служить объяснением самой тревоги, а также объяснением объяснения тревоги? Согласно Стефенсону (а также Скиннеру [см. главу 6] и Кантору [см. главу 10]), мы должны иметь дело непосредственно с поведением, наблюдать за тем, какие специфические условия связаны с ним, и избегать навязывания ненаблюдаемых сущностей. Стефенсон обращается к конкретному поведению, и прежде всего к поведению, рассматриваемому с точки зрения испытуемого, поскольку он отвергает такие конструкты, как «безусловное я», разум и сознание.

Слово «субъективный» используется некоторыми авторами для обозначения разума или внутреннего опыта, в противоположность «объективному», однако Стефенсон (Stephenson, 1953) использует это слово лишь как обозначающее индивидуальную точку зрения и как нечто совершенно объективное в том смысле, что этим словом обозначается конкретное поведение, которое можно измерять и изучать «совершенно научно санкционированно, с соблюдением всех правил и процедур, предписываемых для научного метода» (p. 25). Это то, «о чем можно сообщить как другим, так и самому себе. [Субъективность] имеет форму, которую можно изучать чисто оперантными средствами, то есть не вводя предварительных исходных определений таких понятий, как Я, сознание и т. п., а методами Q-сортировки и факторного анализа» (1968, p. 501). Единственное различие между объективностью и субъективностью, настаивает Стефенсон, состоит в точке зрения. То, что субъективно с моей точки зрения, объективно с вашей. Субъективность характеризуется самосоотнесением, в отличие от объективности. Люди могут сообщать (refer) о своих субъективных чувствах, тогда как дерево не может. *Объектом* исследования в Q-методологии является *субъект*. Таким образом, различение между внутренним и внешним, либо разумом и телом, либо личным (private) и публичным (public) поведением не имеет никакого смысла, помимо указания на различие точек зрения наблюдателя. Вместо того чтобы предполагать, что поведение представляет собой внешнее проявление, определяемое некими гипотетическими нейронными факторами, данная система предполагает, что конкретное поведение само по себе представляет интерес и поддается измерению с помощью Q-техники. «Поведение не относится ни к разуму, ни к телу, ни к физиологии: это просто поведение, будь то субъективное поведение с точки зрения самого индивидуума или объективное с точки зрения окружающих» (Stephenson, 1953, p. 23). Воображение и езда на велосипеде для Стефенсона в равной степени являются поведением, поэтому он определяет себя как бихевиориста, хотя и критически относится к бихевиоризму, поскольку тот отвергает субъективность — несмотря на тот факт, что субъективность так же объективна, как и поведение крыс, которых бихевиоризм столь широко использует в своих экспериментальных целях. Стефенсон настаивает на том, что «любой опыт является поведением» (p. 86), хотя мы и «не привыкли размышлять об этом таким образом» (p. 87). Поведение может быть представлено как оперантное и измерено с помощью Q-метода, точно так же как и кровяное давление, которое невозможно наблюдать невооруженным глазом, может быть представлено как оперантное и измерено с помощью тонометра» (Dennis, 1986).

Q-система отвергает любые абсолюты и универсалии, такие как фактор g (общий интеллект), введенный Спирменом, гипотетико-дедуктивные методы или другие заключающие возможности (ultimate powers). Она отвергает ставшую общепринятой процедуру, состоящую в формулировании теории, выведении на ее основе гипотез и их проверке с использованием групповых средних. Каждый эксперимент уникален и требует индивидуального подхода. Вслед за Кантором Стефенсон (1953) замечает, «что все научное поведение (scientific behavior) представляет собой *конкретное инференциальное интерповедение (concrete inferential interbehavior)*, то есть относительно специфичное для каждой экспериментальной ситуации... никакой набор процедур не может быть адекватным для всех инференциальных интербихевиоральных сеттингов в науке... конкретная форма предпринимаемого анализа определяется экспериментальной ситуацией» (p. 40).

Вместо того чтобы делать предсказания, Q-метод ориентирован на открытие. Стефенсон никогда не относился к ученым, выстраивающим грандиозные теории, а был «более заинтересован в *понимании*, чем в объяснении и в определении того, *как* работают вещи, а не того, *почему*, в смысле некоторого окончательного объяснения, они работают» (Brown, 1995c). Стефенсон (1953, p. 40) вслед за Льюисом (C. S. Lewis) замечает, что мы очень легко можем изучать почву в саду и бактерий, которые в ней водятся, совершенно не замечая красоты сада; аналогичным образом экспериментатор, находясь под влиянием той

или иной теории, может рассматривать высказывания людей как проявления бессознательных сил или мыслительных процессов, но при этом не слышать того, что эти люди говорят.

Q-метод

Набор утверждений, сформулированных в отношении определенной темы, называют «"*собранием*" (*concourse*, от лат. *concursus*, означающего «сбегаться вместе», подобно идеям, сходящимся в одной мысли), и именно из этого собрания впоследствии извлекаются выборки утверждений для проведения Q-сортировки» (Brown, 1993b, p. 94). «Собрание» часто составляется на основе интервью, проведенного с испытуемым(и), но может быть извлечено также из письменных либо других источников. Оно может представлять собой не только вербальные, но и другие стимулы, например, изображения, музыкальные фрагменты, вкусы, ароматы, материалы, различаемые на ощупь, как и любые другие, адекватные характеру исследования. Браун (Brown, 1993a) так описывает характер и потенциальные возможности «собрания»:

> «"Собрание" — это сам жизненный материал, от игривого подшучивания влюбленных до заумных реплик дискутирующих ученых и философов и глубоко личных мыслей, обнаруживаемых в мечтах и в дневниках. Из "собрания" возникают новые смыслы, зарождаются свежие идеи и совершаются открытия: это источник креативности и формирования идентичности отдельных людей, групп, организаций и наций; и задачей Q-методологии является раскрыть эту внутренне присущую "собранию" структуру — векторы мысли, поддерживающие ее и, в свою очередь, поддерживаемые ею».

Мы можем получить «собрание» от клиентов, проходящих поведенческую терапию, спрашивая их, что представляет собой данная форма терапии, каковы их ожидания, на что они жалуются и т. д. В промышленной ситуации мы можем спросить рабочих об их отношении к своим непосредственным руководителям, к политике и стилю работы своей компании, к обеспечению техники безопасности, к своим коллегам, администрации, планам на будущее. Полученные ответы следует рассматривать не как фактические утверждения, а как мнения, высказывания с позиции самосоотнесения. Исследования с использованием опросов (общественного мнения) и вопросников часто содержат категории, которые исследователь навязывает опрашиваемым при получении ответов. В отличие от них, Q-метод определяет «те категории, которые являются *оперантными*, то есть те, которые представляют собой функциональные, в противовес чисто логическим, различия» (Brown, 1993a, p. 97). Иными словами, эти категории являются функциональными для испытуемого, а не логическими для исследователя.

После того как «собрание» завершено, следующим шагом является извлечение из него выборки тестовых стимулов, которые испытуемым предстоит рассортировать по категориям. На этой стадии исследователь может временно прибегнуть к навязыванию определенных категорий. Анализ «собрания» может показать, что клиенты, проходящие поведенческую терапию, могут либо относиться к ней с оптимизмом, либо не чувствовать уверенности в ней, а также тот факт, что некоторые клиенты участвовали в других видах терапии, тогда как остальные — нет. Как показывает табл. 11.1, эти данные образуют матрицу 2×2, состоящую из четырех ячеек: неуверенность в противовес энтузиазму и опыт прохождения других видов терапии в противовес отсутствию такого опыта. В этом случае мы можем взять по 10 высказываний, соответствующих каждой из четырех ячеек, так чтобы получить оптимальное распределение высказываний. Категоризованные и отобранные таким образом высказывания могут обладать различными значениями для испытуемых. Следовательно, они не содержат систематических значений, за исключением тех, которые использовались для их отбора.

Таблица 11.1

Категории, полученные на основе «собрания»

	Имеющие опыт прохождения только поведенческой терапии	Имеющие опыт прохождения других видов терапии
Оптимистичные	10	10
Неуверенные	10	10

Каждое из этих высказываний (сорок для нашего гипотетического примера) записывается на отдельной карточке, которой произвольно приписывается номер[4]. Карточки перетасовываются и испытуемого просят рассортировать их по кучкам от «совершенно согласен» до «совершенно не согласен» или от «нравится больше всего» до «нравится меньше всего», либо в соответствии с другими выбранными критериями. Испытуемый производит сортировку согласно «условию инструкции» («condition of instruction») Инструкция, содержащая такое условие, может звучать следующим образом: «Рассорти-

[4] Вследствие того, что номера, приписанные определенным карточкам, повторно не используются, это повышает вероятность выбора оставшихся номеров, поэтому распределение номеров по карточкам является не строго случайным, а только квазислучайным. Однако поскольку карточки не располагаются в каком-либо систематическом порядке, это не имеет значения.

руйте карточки в соответствии с тем, что вы чувствовали в начале терапии». Если в исследовании участвует один испытуемый, его можно попросить произвести дополнительную сортировку, например, «в соответствии с тем, что вы чувствуете по поводу терапии сейчас», а также «в соответствии с тем, что вы, основываясь на ваших ожиданиях, будете чувствовать после завершения терапии». Либо испытуемый может произвести сортировку «в соответствии с тем, что вы чувствуете по поводу терапии сейчас» в начале терапии, а затем через определенные интервалы по мере ее прохождения. Если участвует несколько испытуемых, все они могут выполнить одну и ту же сортировку либо множественные сортировки, как в приведенном примере с единственным испытуемым.

Сортируемые карточки обычно раскладываются на поверхности стола согласно распределению от +5 до –5 или, при использовании меньшего количества высказываний, — от +4 до –4 или даже от +3 до –3. Исследователь обычно предлагает испытуемому начать с раскладывания на три кучки; наиболее позитивные, наиболее негативные и нейтральные. После того как этот этап завершен, испытуемый может разложить их дальше по остальным категориям, кладя наибольшее число карточек на 0 и по минимальному числу на оба края, и по среднему числу карточек — между нулем и краями, так чтобы в результате образовалась симметричная кривая, близкая к колоколообразной кривой нормального распределения. (Количество карточек, которое требуется отобрать по каждой категории, задается с таким расчетом, чтобы получить данную конфигурацию.) Если испытуемый несколько — или даже значительно — отклоняется от данной конфигурации, это не оказывает влияния на результат вычислений (Brown, 1971). Специфическое достоинство Q-метода заключается в том, что он позволяет испытуемым помещать стимулы, с которыми они незнакомы или по поводу которых они испытывают неопределенность, в нейтральные категории. Это укрепляет уверенность экспериментатора в том, что результаты сортировки будут отражать «индивидуальные точки зрения в соответствии с собственным опытом индивидуума» (Stephenson, 1985, p. 205).

Используя приписанные карточкам номера для обозначения места соответствующих им высказываний в распределении, вычисляется корреляционная матрица, на основе которой определяются факторы. (Исследователь может просто ввести номера карточек в компьютерную программу в соответствии с тем, как их рассортировал испытуемый, и компьютер сам произведет все вычисления.) Одна группа может показать высокую степень корреляции с другой, но низкую с третьей. В этом случае оценки факторов будут указывать на наличие двух четко различимых групп субъективности. Факторы, однако, представляют собой чисто количественные величины, поэтому они ничего не говорят о том, каковы характеристики каждой из двух групп. Чтобы получить такую информацию, мы должны вернуться к тем исходным Q-высказываниям, которые содержатся в корреляциях. Помимо анализа высказываний, формирующих факторы, исследователь часто проводит интервью с испытуемыми, выясняя, почему они отнесли то или иное высказывание к группе с максимальной или минимальной оценкой, которые, благодаря возведению в квадрат, вносят наибольший вклад в значения фактора. (Часто сразу после завершения сортировки исследователь выясняет у испытуемых основания их выбора.) Иногда высказывания, полученные в ходе данного интервью, используются в новом «собрании», составляемом для другого Q-исследования, проводимого с целью дальнейшего уточнения понимания исследователем реакций испытуемых, связанных с изучаемой им темой.

Сравнение вопросников и оценочных шкал с Q-методологией

Оценочные шкалы (такие, как шкала Лайкерта) и тесты подверглись серьезной критике со стороны приверженцев Q-методологии, а поскольку эти методы исследования столь некритично принимаются психологией и другими поведенческими и социальными науками, имеет смысл подробно рассмотреть некоторые из высказываемых в их адрес критических замечаний, чтобы лучше понять, чем отличается от них предлагаемая в качестве альтернативной Q-методология.

Браун (Brown, 1980) выдвигает следующие аргументы. Оценочные шкалы не настолько свободны от субъективности, как предполагают их разработчики и использующие их исследователи. Они содержат собственные значения, отражающие предубеждения исследователей, которые навязываются испытуемым. Исследователь определяет, что будет означать реакция еще до того, как она имеет место, тем самым навязывая эти значения испытуемым и интерпретируя их реакции соответствующим образом. Такая процедура «сродни скорее акту творения, чем процессу измерения»; кроме того, «исследователь, рассматривая свое собственное понимание как в определенном смысле объективное или верное, демонстрирует крайне необоснованные претензии» (p. 3). Аналогичную мысль высказывает Делпрато (Delprato, 1997), замечая, что люди конструируют и отбирают свои переменные и что «представителям традиционной психологии еще многое предстоит узнать о субъективности своих собственных операций и интерпретаций. Когда-то на статистический вывод возлагались надежды как на метод, обеспечивающий стопроцентную объективность. Я полагаю, лишь крайне наивные ученые продолжают лелеять эти надежды».

Теория черт приписывает оценочным шкалам и тестовым вопросам определенные значения и интерпретирует реакции на них в соответствии с популяционными нормами ответов на эти вопросы. Ожидать, что тестовые вопросы наделены фиксированными смыслами / значениями, означает (а) придавать

слишком большой вес тестовым вопросам, (б) придавать слишком малый вес реакциям, (в) игнорировать факт взаимодействия между вопросом и индивидом и (г) игнорировать изменения, происходящие с изменением ситуации. Хотя социальные науки преуспели «в науке задавания важных вопросов», отмечает Браун, они не придают столь же серьезного значения умению слушать ответы, трансформируя их с помощью своего рода поведенческой алхимии в нечто иное (p. 3).

> «Конкретным характером реакций пренебрегают в пользу "объективного" значения шкалы. Независимая точка зрения индивидуума фактически рассматривается как зависимая от изначально приписанного шкале значения. В результате статистический анализ оценок по данной шкале редко приводит к реальному росту наших знаний, поскольку исследователь, пытаясь объяснить или проинтерпретировать полученные результаты, вынужден обращаться к изначально приписанным данной шкале конструкциям (либерализм, аномия и т. д.), которые накладываются на фактические формы поведения, подлежащие анализу» (Brown, 1980, p. 4).

Проводя процедуры шкалирования, исследователи часто отталкиваются от теоретических конструктов (всего, что не наблюдается, а конструируется — логические выводы, сравнения, описания, гипотетические условия, такие как черты личности, IQ и т. д.), на основе которых дедуктивно выводятся гипотезы. Создается шкала для измерения данного конструкта, причем шкала часто и определяет сам конструкт. Оценка по данной шкале показывает, в какой степени испытуемый обладает соответствующей чертой: интеллектом, самоэффективностью (self-efficacy), силой эго, склонностью к доминированию и т. д. Браун (Brown, 1980) отмечает, что специалисты в области поведенческих и социальных наук, как правило, предполагают, что мысли, чувства, предпочтения и т. п. представляют собой черты или внутренние состояния, которые можно измерять лишь косвенно с помощью таких инструментов, как тесты и шкалы. В Q-методологии используется подход, обратный шкалированию. Вместо определения и навязывания таких конструктов, как интеллект или тревожность, и последующей интерпретации результатов в терминах этих конструктов Q-метод предполагает наблюдение события, как-то: выражение чувства или мнения, а затем формулирование конструкта на основе данных наблюдений. Q-высказывания не обладают какими-либо значениями, кроме тех, что придаются им самим испытуемым.

Q-метод может быть использован для проверки теорий, однако он применяется преимущественно как метод, позволяющий делать открытия, — для выявления того, что ранее было неизвестно. Поскольку данный метод не направлен на поиски заранее определенных черт и не предполагает наличия норм, а ориентирован на определение индивидуальных характеристик, вопросы о его внутренней надежности или согласованности не возникают. Q-метод не нуждается в верификации, включающей использование таких вспомогательных конструкций, как валидность и надежность, как это имеет место в случае использования R-методологии. Однако процедура повторного тестирования может быть использована для определения стабильности реакций. Исследования ретестовой надежности Q-метода продемонстрировали высокую степень корреляции — большую, чем 0,90 для коротких интервалов времени (Fairweather, 1981) и 0,81 для интервалов продолжительностью 11 месяцев (Kerlinger, 1973). Поскольку субъективные операнты не оцениваются с позиций истинно/ложно, отпадает необходимость в абсолютистской концепции валидности. К собственным мнениям испытуемых критерий валидности неприменим. Шкалы же, напротив, обычно предполагают континуум значений в виде прямой линии, соединяющей противоположные полюса (например, интроверсию и экстраверсию), на которой реакция испытуемого занимает некоторое промежуточное положение. Континуум предполагает, что данное измерение существует в природе, хотя оно представляет собой лишь произвольную конструкцию, и оценки, получаемые на таком континууме, основываются на данной произвольной конструкции.

При использовании шкал «практически без преувеличения можно сказать, что никто не знает, что он измеряет», утверждает Стефенсон (1953, p. 5). Можно отбросить все шкалы, и тем не менее измерять мыслительные процессы, убеждения (beliefs), аттитюды, желания, социальные взаимодействия, личностные характеристики, «а также проводить любые другие измерения, объективные для других и субъективные для самого себя; и это можно делать на научной основе» (p. 5) Психометрия с ее внушительными массивами данных, стандартизированными тестами, шкалами и групповыми средними породила лавину всевозможных категорий, включая черты личности и показатели интеллекта, являющиеся лишь иллюзиями конкретных форм поведения. Иногда стандартизированные Q-совокупности (Q-set), такие как Калифорнийский комплект карт для Q-сортировки (см. ниже, с. 289), могут оказаться полезными, однако их использование должно быть оправдано для каждого отдельного случая. Здесь не может быть никаких общих правил, поскольку каждая ситуация уникальна. Как отмечали и Стефенсон, и Кантор, нет единой логики, применимой ко всем случаям. Даже научные обобщения выводятся исходя из конкретных условий.

Стефенсон (1980b) утверждает, что Q-метод обеспечивает (а) «факты, помещенные в индуктивную систему соотнесения субъективной науки», и (б) «понимания, которые не могли быть получены преж-

де с помощью опросов тысяч людей» (p. x). Он считает (1980a), что представленные в Отчете для министра здравоохранения США в 1972 году результаты «несостоятельных» («abortive») исследований по проблеме воздействия показываемых по телевидению сцен насилия на детей могли бы быть опровергнуты как несоответствующие действительности с помощью Q-сортировки. Каждый из тридцати исследователей мог бы провести Q-сортировку с одним ребенком, попросив его рассортировать фотографии с изображениями сцен насилия, взятых из видеофильмов. Стефенсон предложил несколько возможных условий инструкций, таких как «какая сцена тебя больше всего пугает?» или «как ты думаешь, какой из этих фильмов тебе запретила бы смотреть мама?». Эти тридцать детей смогли бы дать в руки исследователей ценную информацию, которую они не смогли получить от десяти тысяч опрошенных. Напрасно проведенное исследование, замечает он, не предоставило возможности детям говорить самим за себя, а только отвечать на вопросы в соответствии с «исходными допущениями исследователей» (p. 19).

R против Q

Сравнения. Тесно связанным с вопросом о достоинствах Q-сортировки в сравнении со *шкалами* является вопрос о достоинствах Q-методологии в сравнении с *R-методологией*. Ученые, использующие R-методологию, проводят объективные измерения конструкта, предположительно присутствующего у людей, например черты личности, исходя из предположения о том, что различия, связанные с данным конструктом, являются чисто количественными. Субъективность и индивидуальные различия образуют «вектор ошибок», который должен быть по возможности сведен к минимуму. Поскольку этот вектор ни с чем не коррелирует, согласно логике приверженцев R-методологии, с научной точки зрения он бесполезен. Браун (Brown, 1972) цитирует высказывание одного специалиста по статистике, назвавшего этот «вектор ошибок» «психометрическим осадком» («psychometric slop»). Однако с позиций Q-методологии «ошибкой» такие исследователи называют «всего лишь собственную точку зрения индивидуума — то, что он сам хочет сказать, себе или другим, — превращающуюся в объективную (то есть доступную для общего наблюдения) величину благодаря ее формальной репрезентации в виде результатов Q-сортировки» (Brown, 1972, p. 62). Так называемая ошибка, или психометрический осадок, в Q-методологии приобретает центральное значение.

Что касается экспериментальных процедур, в пределах каждой отдельной экспериментальной группы уникальность также рассматривается как вектор ошибок. В противовес такому взгляду Q-методология подчеркивает роль уникальности. В ней не делаются предсказания и не используется проверка гипотез. Она стремится к открытию неожиданных характеристик — вектора ошибок с точки зрения R-методологии — и отводит этому открытию центральное место в своих исследованиях. При планировании R-экспериментов субъективность, как отмечает Браун (1980), считается несущественной и случайно распределенной величиной, тогда как в Q-методологии несущественной и случайно распределенной считается объективность, целью же измерения является определение относительной субъективной значимости одного высказывания по сравнению с другим. В Q-методологии корреляция вычисляется между индивидуумами, тогда как в R-методологии — между тестами (переменными). Это позволяет Q-методологии измерять межсубъектные взаимосвязи (between-person relationships) (Stephen, 1985), вместо того чтобы пытаться избавиться от них как от «погрешностей». R-методология основана на предположении, что сконструированная черта является изолированной, автономной и жестко фиксированной и что в процессе измерения производится независимое измерение такой абсолютизированной черты. В R-методологии такое предположение является необходимым условием коррелирования черт. В Q-методологии, напротив, предполагается, что измерение взаимосвязано со значениями и что значения, которые испытуемый придает Q-высказываниям, порождаются самим актом сортировки. Таким образом, в Q-методологии индивидуумы, а не тестовые вопросы, являются переменными. В Q-процедуре испытуемые измеряют собственные реакции в процессе сортировки, тогда как в R-процедуре измерение проводится со стороны. В Q-процедуре испытуемые обособлены друг от друга и группируются по сходству сортировок в факторы. В R-процедуре все индивидуальные реакции усредняются, в результате чего индивидуальные характеристики утрачиваются. Кроме того, с каждым индивидуумом проводится только одно или несколько измерений, так что средние величины отражают лишь небольшое число измерений, в то время как схема эксперимента с одним испытуемым требует многократных измерений, за счет чего повышается их надежность (Morgan, 1998). В Q-методологии размеры «собрания» определяют число измерений индивидуума.

Наиболее часто Q-сортировку используют, переводя ее результаты в R-форму путем их усреднения, тем самым смазывая все субъективные структуры, которые могли бы быть выявлены в виде факторов. Суммирование оценок «может скрывать факторные различия и часто приводит к смешению всех факторов в результирующей средней величине, не отражающей ни одного из факторов» (Gargan & Brown, 1993). Браун приводит одно из наиболее ранних указаний на данную проблему:

> «Если массивы элементов, с очевидностью испытавших на себе разные влияния независимых причин, сводятся в один вариационный ряд, вычисляемое на его основе среднее оказывается

практически лишенным научной ценности, поскольку оно не отражает активности объединенного комплекса природных или социальных причин и, как правило, плохо приспособлено для целей сравнения» (Zizek, 1913, p. 65).

Традиции, с которыми связаны R- и Q-методы, восходят к XIX столетию. В немецкой традиции экспериментальной психологии, связанной с именами Вундта и Фехнера, любые вариации — будь то межиндивидные или внутрииндивные — рассматривались как ошибки измерения, отклоняющиеся от неких «истинных» значений. Таковы истоки R-традиции. В Англии, напротив, вместо того чтобы рассматривать межиндивидную вариативность как погрешность, в работах Гальтона и Пирсона ей придавалось центральное значение, а у Дарвина вариативность (изменчивость) выступает в качестве базиса, на котором основан естественный отбор; таким образом, она становится ключевым понятием английской психологии. В результате при изучении межиндивидной вариативности нашли применение корреляции, нормы и другие статистические процедуры, впервые введенные Пирсоном и другими учеными. Данный подход изначально отверг представления об истинных значениях и скрытых причинах; однако Спирмен (Spearman), в большей степени ориентировавшийся на германскую традицию, ввел такие скрытые причины, как «общий фактор интеллекта» и «специфические факторы интеллекта», для объяснения вариативности, а также использовал нормальное распределение для борьбы с ней. В ходе дальнейшего развития экспериментальной психологии, формировавшей себя по образцу физических наук, вариативность стала рассматриваться наподобие ошибок наблюдения в астрономии. Предположив, что субъективность является погрешностью, традиционная психология начала бороться с ней, трактуя ее как случайную переменную или усредняя индивидуальные данные (Gigerenzer, 1987a, 1987b). Лонгитюдные исследования показали, что R-измерения личности, как совокупности универсальных, нормально распределенных и жестко фиксированных в раннем детстве черт, на самом деле не отличаются постоянством (consistency) на протяжении детства отрочества и юности (Kohlberg 1969; LaCrosse & Hicks, 1970). Преимущество Q-методологии, утверждает Колберг (Kohlberg, 1972), заключается в том, что она подчеркивает роль жизни людей, а не черт личности. В Q-методологии испытуемые действительно рассматриваются как субъекты, а не просто как объекты исследования, как это имеет место в R-методологии.

В области измерений личности «Большая пятерка», или пятифакторная модель (Block, 1995; McCrae & Costa, 1997), состоящая из таких факторов, как экстраверсия, уживчивость, сознательность, эмоциональная стабильность и открытость опыту, является примером последних разработок в области конструирования черт личности на основе данных R-техники факторного анализа. Стефенсон (1953) ранее отмечал, что R-методология пытается объединить все человеческие характеристики и свести их к «порядку, подобному модели атома» (p. 344); примером одной из последних попыток, предпринятых в этом направлении, и является «Большая пятерка». В противовес таким попыткам, Q-методология имеет дело с конкретным поведением людей, имеющим место в конкретных случаях. Она не занимается поисками универсалий или потенциальных склонностей и способностей. «Большая пятерка» — наряду с IQ, склонностью, и другими чертами и потенциалами, выделяемыми в ходе R-анализа, — не характеризуется самосоотнесением, тогда как в поведении, как в фактических событиях, всегда присутствует самосоотнесение. Следовательно, утверждают сторонники Q-методологии, черты личности, конструируемые представителями R-методологии, маскируют или подменяют природные фактические события искусственными образованиями.

В отличие от R-методологии, Q-методология не нуждается в большом количестве испытуемых, поскольку она способна выявлять характеристики независимо от распределения данной характеристики относительно других характеристик — точно так же, как то, что в популяции людей с различным цветом глаз у человека оказываются голубые глаза, не зависит от пропорции голубоглазых в популяции (Stephenson, 1953). А поскольку Q-методология не занимается поисками абсолютных величин или универсалий, но всегда обращается к конкретности, изучение больших совокупностей не является для нее актуальным. Проводя корреляции между людьми, а не между тестовыми вопросами, можно заниматься факторными исследованиями, в которых используется большое количество тестовых вопросов, но лишь небольшое число испытуемых, тогда как стандартная процедура корреляции тестов требует использования больших популяций, которым может быть предложено лишь небольшое число тестов. В Q-методологии выборку составляют тестовые вопросы, а не индивиды, а каждое условие инструкции является переменной.

R-методология является полностью адекватной в сельском хозяйстве или в пивоваренной промышленности, где она первоначально и использовалась для определения с помощью выборок качества различных сортов пива или помидоров, выращенных на различных удобрениях. Она также выполняет полезную роль в гуманитарных науках — в тех случаях, когда речь идет о фактических событиях или информации, по отношению к которым самосоотнесение не имеет места. Однако, утверждают сторонники Q-методологии, R-процедуры не дают удовлетворительных результатов в тех случаях, когда они используются для проверки гипотез, содержащих конструкты, касающиеся человеческого поведения: R-методология приписывает ложную валидность таким конструктам,

маскируя тем самым подлинное, конкретное человеческое поведение. Аналогичную точку зрения выразил Лейзер (Layzer, 1974), указывая на то, что оценки показатели IQ носят чисто инструментальный характер — то есть что они являются продуктом измерительных инструментов или IQ-тестов и, таким образом, не дают научно объективного измерения. Следовательно, использование их с целью получения оценок наследуемости не является научно обоснованным. Однако этот очевидный факт по большей части игнорируется при попытках выяснить, в какой степени уровень интеллекта определяется генетическими факторами либо факторами среды. Стефенсон (1974), цитируя Лейзера, добавляет, что это замечание верно в отношении любых попыток использования норм в психологических измерениях. Для достижения прогресса нашей науки, утверждает он, мы должны отойти от этих операциональных определений (определяемых реакциями на тесты) и использовать операнты (события).

Психофизика является еще одним разделом психологии, где вследствие использования R-методологии исследователи перестали замечать решающую роль субъективности. Основоположниками данной области психологии явились Вебер и Фехнер; последний вывел формулу (основываясь на работах Вебера), претендуя на то, что ему удалось установить математическое соотношение между нефизическим, психическим ощущением и интенсивностью физического стимула. Насколько, к примеру, должна возрасти физическая интенсивность света для того, чтобы нефизический разум «ощутил» разницу? Фехнер и другие авторы не смогли осознать факт невозможности установления соотношений между физическим и нефизическим, разумом и телом, однако, также неосознанно, обошли данную проблему, фактически рассматривая величину стимула и величину или чувствительность реакции. «Чувствительность» («sensitivity»), однако, «не является абсолютным состоянием, а существует при определенных условиях, включающих инструкции, уровень внимания, природу задачи и многие другие», в том числе и конкретные процедуры измерения (Smith, 1993, p. 270). Она субъективна с точки зрения испытуемого. Когда С. С. Стивенс стал основной фигурой в психофизике, он предположил, что такие реакции («ощущения»), как реакции на высоту и громкость звука или на электрическую стимуляцию, должны являться объективными и, следовательно, независимыми от измерительных процедур и что различные экспериментальные процедуры будут давать непосредственно соотносимые данные. Если это оказывалось не так, он отказывался от одной из процедур и продолжал использовать другую, считая что эта единственная процедура обеспечивает объективные и точные результаты измерения (Gigerenzer, 1987b). Сторонники Q-методологии сказали бы, что если бы Стивенс направил свое внимание на изучение конкретных событий при специфических условиях, ему стало бы ясно, что реакции не являются независимыми от процедур измерения, а напротив, являются взаимозависимыми с ними. Они также стали бы утверждать, что если бы Стивенс имел в своем арсенале Q-методологию, возможно, формируя Q-совокупности на основе физических стимулов, он мог бы открыть некоторые операнты или некоторые подлинные эффекты. «В Q-методологии только сам индивидуум может измерять свою собственную субъективность, и именно благодаря этому факту значение (meaning) и измерение оказываются неразрывно связанными...» (Brown, 1993c).

Как Q-, так и R-методология имеют свои области применения, в которых они являются адекватными. Сторонники Q-методологии утверждают, что она наиболее подходит для сообщения о субъективных реакциях, для измерения которых до сих пор использовались такие традиционные методы, как психологические тесты, вопросники и оценочные шкалы. R-методология наиболее эффективна для сбора и анализа информации, то есть для тех событий, по отношению к которым самосоотнесение невозможно.

Калифорнийская процедура. Получившая наибольшую известность модификация разработанной Стефенсоном Q-методологии была предложена Блоком (Block, 1961; Block & Haan, 1971), сотрудником Калифорнийского университета (Беркли). Блок и его коллеги рассматривали предложенный ими вариант как дальнейшее усовершенствование процедуры Стефенсона, обеспечивающий более точные измерения (см., в частности: Jones et al.,1993). Другие утверждали, что новый метод имеет достаточно ограниченную сферу применения, а в остальных случаях является профанацией (corruption) Q-методологии. Они окрестили его «калифорнийским Q-синдромом», подчеркивая его пагубный эффект; уничижительный в данном случае термин «синдром» заимствован из медицины, где он означает группу симптомов, свидетельствующих о болезни. Однако с использованием подхода Блока было проведено значительно большее количество исследований, чем с использованием варианта Стефенсона, и Q-методология значительно более известна в варианте, предложенном Блоком. В нем используется 100 письменных оценочных утверждений, сформулированных в терминах клинической психологии и сортируемых профессионалами. Блок разработал Q-совокупности для различных клинических состояний, страдающие которыми характеризуются как параноиды, истерики, нарциссисты и т. д. Оценки и сортировка производятся только профессионалами, и никогда — пациентами. Использование такой «внешней» точки зрения является правомерным, заявляют приверженцы Q-методологии, но только если это не происходит в ущерб «внутренней» точке зрения — точке зрения самого индивида, проходящего диагностику. Полное исключение его точки зрения предполагает, что она рассматривается как недостоверная и лишенная практической ценности.

Сторонники применения Калифорнийского комплекта карт для Q-сортировки (California Q-Set, CQS), как правило, усредняют отдельные результаты сортировки, так чтобы в результирующей общей картине сводились на нет расхождения между точками зрения отдельных экспертов, производящих диагностику (Brown, 1994b). Так, например, в одном из случаев применения данной процедуры точки зрения терапевтов относительно трех отдельных сессий с клиентом рассматриваются как единая точка зрения (Miller, Prior & Springer, 1987), и такая стандартная процедура используется рядом других исследователей. Семейная Q-сортировка, разработанная в университете штата Джорджия (Goergia Family Q-Sort) по образцу Калифорнийской (Wampler et al., 1989), включает сортировку описаний семьи несколькими наблюдателями, на основе чего исследователи делают заключения относительно данной семьи; однако сами члены семьи никогда не участвуют в сортировке. Практикующие психологи, использующие Калифорнийскую процедуру, (а) редко позволяют оцениваемым лицам самим производить сортировку и (б) систематически прибегают к усреднению, тем самым сводя на нет расхождения между точками зрения привлекаемых ими экспертов, касающихся испытуемых (Brown, 1994b).

Авторы одного исследования с применением CQS вычисляли корреляцию между реальным и идеальным Я испытуемых в возрасте 14, 18 и 23 лет в качестве меры самооценки (Блок и Робинс, Block & Robins, 1993). Испытуемые сами выполняли сортировку по Самоописательной Q-совокупности (Self-Descriptive Q-Set), что соответствовало «субъективной» части исследования. Затем клинические психологи производили сортировку по Калифорнийскому взрослому комплекту карт для Q-сортировки (California Adult Q-Set) с целью измерения личности тех же самых испытуемых, результаты которой, в свою очередь, коррелировались с результатами других процедур. Вот что говорит об этом исследовании Браун (1995d):

> «Прежде всего следует отметить, что можно целиком прочитать отчет об исследовании Блока и Робинса, так и не получив ни малейшего представления о том, что думали испытуемые о самих себе, как и о характере тех идеальных образов, с которыми в большей или меньшей степени коррелировали их различные представления о себе: Данная информация должна составлять самую суть субъективной науки, однако она оказалась закрученной так же герметично, как внутренность барабана, с помощью коэффициента корреляции между реальным и идеальным Я…»

Далее, хотя исследователи начали с измерений субъективности посредством Q-сортировки,

> «…они не сообщают и не анализируют данную информацию; вместо этого они проводят корреляции этой субъективности с другим типом субъективности (Q-сортировкой, отражающей идеальные представления тех же испытуемых) и рассматривают результаты этой корреляции как показатель самооценки, как будто самооценка, как и сила тока, является количественной переменной, которая у одних людей больше, чем у других. Несмотря на факт использования Q-сортировки, описанная выше стратегия представляет собой хрестоматийный пример R-методологии, в котором присутствуют также многие другие отличительные черты R-метода. В частности, авторы пользуются языком переменных, так же как и языком индивидуальных различий, личностных характеристик и предсказуемости. Кроме того, сообщаемые данные представляют собой преимущественно групповые средние (например, усредненные корреляции я-идеала для мужчин и для женщин) и межиндивидные корреляции (например, корреляции самооценки с различными характеристиками личности, вычисляемые на совокупности испытуемых), а все процедуры по проверке гипотез осуществляются в рамках гипотетико-дедуктивного метода. Таким образом, по характеру концептуализации, используемой стратегии, проведению измерений и их интерпретации данное исследование имеет значительно больше общего с R-, чем с Q-методологией, и его результаты, хотя сами по себе они весьма красноречивы и представляют определенный интерес, кажутся нам весьма отдаленными от того, что можно считать полезным для субъективной науки» (Brown, 1995d).

Коммуникабельность

Коммуникация в противовес информации. Самосоотнесение — это коммуникация (сообщение) собственной субъективности посредством Q-метода. Информацию, которая никогда не содержит самосоотнесения, следует отличать от коммуникации, которая всегда его содержит. Иными словами, можно заменить термины «субъективность» и «объективность» терминами «самосоотнесение» (self-reference) и «несамосоотнесение» (non-self-reference) соответственно. Стефенсон (1980a) указывает на высказывание «солнце сияет» как на фактическое по своей природе и информационное по характеру утверждение. При этом никакое количество дополнительных высказываний не может исчерпать возможных субъективных смыслов высказывания «солнце сияет». Однако Q-метод обеспечивает систематическое и строгое понимание некоторых из таких субъективных смыслов. Q-метод — это в первую очередь система коммуникации того, что в противном случае, как правило, остается не проявленным.

МакКоун (McKeown, 1998) уподобляет коммуникацию самосоотнесения посредством Q-сортировки герменевтике (см. главу 12), в которой сам текст обеспечивает средства для его интерпретации. Q-метод — это не только регистрация того, что люди говорят, но и попытка понять, что они имеют в виду. Факторы — это такие интерпретации того, что люди говорят, которые они сами не смогли бы нам сообщить. В этом проявляется творческий характер Q-сортировки, придающий этому процессу качество научного открытия.

«Со-знание» в противовес сознанию. Стефенсон (Stephenson, 1980a, по: Lewis, 1960) указывает на то, что слово «сознание» первоначально имело значение «со-знание» (от лат. *conscire* — делиться знаниями). В дальнейшем это слово приобрело более частное значение хранимой сообща тайны или заговора. Позднее, в XVII столетии, Рене Декарт превратил «сознание» в синоним «со-знания» — личное знание, характеризующее разум, нефизическую составляющую дуализма «душа — тело». Таким образом, сознание превратилось в обозначение секретности разума или его непостижимости для других и в этом значении было заимствовано английским языком из французского.

Тот факт, что данный термин появился в английском языке лишь в середине XVII века, говорит о том, что он не обозначает нечто органически присущее человеку; в противном случае соответствующее слово появилось бы еще тысячу лет назад, а оно является относительно недавним изобретением. Стефенсон (1980a) предлагает использовать термин, предшествующий термину «сознание» consciousness), а именно со-знание (consciring), в его исходном значении «делиться знаниями», как характеризующий Q-метод.

> *«Таким образом, все, подчеркиваем, все субъективное коренится в со-знании, в общем знании, разделяемом знании, известном каждому представителю своей культуры. Разделенное знание — это и есть то, что следовало бы назвать сознанием, и это слово указывает лишь на тот факт, что данное знание передается и является общим»* (p. 15, курсив Стефенсона, Stephenson, 1980a).

Браун (Brown, 1991) спрашивает, действительно ли понятие «сознание» («consciousness») необходимо или же оно указывает лишь на нереальную сущность (non-entity), которую можно заменить конкретной коммуникабельностью. Q-методология не заставляет людей фиксировать свой поток сознания или пускаться в интроспекцию некого таинственного разума. Субъективность — это лишь то, что можно сообщить себе или другим.

Со-знание как самосоотнесение в противовес обмену информацией. Q-методология, как указывают ее приверженцы, представила многочисленные свидетельства того, что она способна схватывать неструктурированные, не укладывающиеся в жесткие рамки, постоянно изменяющиеся, взаимозависимые и уникальные события коммуникации как самосоотнесения и делать это на строгой научной основе. Они также утверждают, что конкретность поведения, как подчеркивали Стефенсон и Кантор (см. главу 10), черта, внутренне присущая природному миру, частью которого является поведение, и именно та черта, на которую наука для обеспечения своего прогресса должна обращать пристальное внимание и которая легко поддается наблюдению с помощью Q-методологии.

Сегодня значительное внимание уделяется кибернетике, записи сигналов, петлям обратной связи, принятию решений и т. д. Все это, указывают сторонники Q-методологии, относится к коммуникации как к обмену информацией. При этом полностью игнорируется коммуникация как со-знание, которое представляет собой суть осмысленной повседневной коммуникации между людьми. Коммуникация чувств, предпочтений, суждений и других индивидуальных и субъективных реакций игнорируется и выносится за скобки специалистами, вовлеченными в гонку современных технологий. Можно утверждать, что такой характер развития коммуникационных технологий находит свое отражение и в психологии, где когнитивная психология — с ее компьютерными аналогиями и конструктом «обработки информации» мозгом — навязывает такие механистические структуры фактическим поведенческим событиям, механизируя объективность и полностью игнорируя субъективность.

Короче говоря, субъективность — это коммуникация, происходящая в высказываниях самосоотнесения, «из которых можно сформировать выборку и предложить испытуемому оперировать ее элементами для репрезентации своего существования» (Stephenson, 1974, p. 14).

Рассмотрение единичных случаев и проблема обобщения

Необходимо проводить различие между единичным фактическим случаем и единичным тестом. Единичный случай, то есть индивидуум, часто оказывается в центре внимания клинической психологии и коррекционного или специального обучения. При тестировании нового лекарства в центре внимания оказывается единичный тест (лекарство), и использование больших популяций для измерения эффектов его воздействия является адекватным. При отборе популяции, на которой проводится тестирование лекарства, важно учитывать пол, возраст, а иногда и другие характеристики испытуемых, например, являются испытуемыми курящими или нет. В этих случаях использование правил и схем проведения экспериментов, не предполагающих самосоотнесения, а

также R-статистики, просто необходимо. То же самое может быть верным и в отношении экспериментов, в которых испытуемым, например, предъявляют на экране на короткое время запретные и обычные слова. Однако мы можем также попросить одного испытуемого произвести сортировку запретных и обычных слов согласно нескольким различным инструкциям и получить ряд новых результатов, на которые можем пролить дополнительный свет с помощью интервью и / или дополнительных Q-сортировок. Такая процедура приведет нас к совершенно иному пониманию, более приближенному к повседневной жизни, чем изучение реакций на слова, мелькающие на экране.

Нередко по отношению к Q-методологии возникает следующий вопрос: как можно делать обобщения на основе единичного случая? Этот вопрос является не более логичным, чем вопрос о том, как мы можем делать это при рассмотрении отдельной клинической истории болезни. По отношению к определенным целям единичный случай является значимым сам по себе. «Действительно важным всегда является вопрос о том, в какой степени мы используем строгие научные процедуры, независимо от того, касается это одного случая или нескольких...» (Stephenson, 1974, p. 3). Конкретность, как утверждают и сторонники Q-методологии, и интербихевиористы, в соответствующих контекстах является необходимым условием для любого научного предприятия. Аналогичную точку зрения высказывает Браун (Brown 1933/1994): «Таким образом, законы поведения следует искать не в усреднении реакций, взятых в массе, а в обобщениях, выводимых на основании изучения единичных случаев во всей своей специфичности» (p. 46).

Стефенсон (1974) отмечает, что классические исследования заучивания проводились Эббингаузом на одном испытуемом, точно так же как и эксперименты Джорджа М. Стрэттона по инвертированному зрению (испытуемый, сам Стрэттон, носил оптическое устройство, полностью перевертывающее зрительный мир); изучение единичных случаев является общераспространенным в клинической психологии и психиатрии. Шассон (Chasson, 1979) описывает ряд исследований на одном испытуемом, включающих Q-методологию, по отношению к которым он использует название «интенсивный план» («intensive design»). Эксперименты гештальтистов также проводились с единичными испытуемыми, как и исследования Пиаже, а также работы в области анализа поведения и прикладного анализа поведения. Следуя аналогичной схеме, Баркер и Вригт (Barker & Wright, 1951) подробно описали один день из жизни маленького мальчика. Целью этих исследований не является сделать обобщение «от N = 1 на N = популяция» (p. 7); скорее, они имеют теоретическую ценность. Например, что может перевертывание зрительного мира сказать нам о том, каким образом мы координируем между собой наши зрительные и моторные реакции, и что означает для нас видение «правой стороной вверх» (Smith, 1993)? Что может сказать нам пример пациента, страдающего гидроцефалией, чей череп содержит лишь 5% мозга, но который ведет себя как нормальный индивидуум и демонстрирует высокие интеллектуальные способности (Lewin, 1980), о наших предположениях относительно роли мозга в поведении человека? Стефенсон (1974) приводит случай восьмилетнего мальчика, понимавшего язык, несмотря на то, что у него отсутствовали моторные навыки, необходимые для произнесения звуков речи, — пример, рассеивающий наши представления о том, что дети должны слышать собственный лепет для того, чтобы овладеть речью и научиться понимать ее. Выборки из больших популяций в таких случаях не нужны; наука достигнет большего, если будет составлять выборки из *проблем*, а не из людей, утверждает Стефенсон, хотя мы редко используем такую возможность. Опросные исследования почти никогда не включают репрезентативные популяции стимульных условий или проблем, только популяции индивидов, хотя проблемы отличаются высокой вариативностью. Далее, отмечает он, производя выборку из популяции людей, мы редко имеем ясное представление о том, кого мы должны в нее включить: заключенных? престарелых? младенцев? психопатов? бездомных? представителей определенных профессиональных или этнических групп?

Большинство случаев неадекватного использования Q-методологии связано с тем, что исследователи не делают выборки проблем, вместо этого делая выборки людей. Они отталкиваются в своих исследованиях от операциональных определений — сформулированных на основании реакций на тестирующее устройство (стимул), — определяющих такие конструкты, как «реальное я» или «идеальное я», и пытаются обнаружить их среди популяций людей и не пытаются раскрыть то, что является субъективным для сортирующего Q-высказывания, т. е. операнты, фактические события.

> «Целью [науки] является не сбор фактов, а достижение понимания. Если ученый может иметь дело с конкретными оперантами, ему совершенно не нужно рассматривать операциональные определения своих конструктов или концепций; именно поэтому в нашей системе не используются Q-выборки, стандартизированные для измерения чьих-либо концепций по поводу “я”, “идеального я” и других — хотя для практических целей такие категории, без сомнения, могут представлять определенную пользу» (Stephenson, 1974, p. 24)».

Браун (Brown, 1996b) замечает, что Q-факторы сами по себе содержат обобщения. Если два фактора — А и Б — выявляются в результате Q-сортировки, проведенной несколькими людьми, это означает, что

людям, представленным фактором А, в целом свойственна определенная точка зрения, а представленным фактором Б — другая точка зрения. «Факторы репрезентируют качественно различные модусы мышления, сохраняющие свои характерные черты, независимо от того, сколько человек, относящихся к каждому типу, участвуют в исследовании»; следовательно, «не требуется большого числа случаев для того, чтобы делать обобщения, касающиеся каждого типа» (Brown, 1995b). По этой причине зависимые и независимые переменные не используются в Q-исследованиях. Возвращаясь к аналогии Стефенсона (1953) с цветом глаз, точно так же как голубой цвет глаз отдельного человека не зависит от цвета глаз окружающих людей или от распределения данного цвета глаз в какой-либо популяции, субъективность, выявленная с помощью Q-сортировки, не зависит от ее пропорции в любой популяции. Субъективность, как и цвет глаз, просто *существует*. Такие конкретные события могут быть продемонстрированы на научной основе с соблюдением критерия надежности. «Существование *есть* не что иное, как единичный случай в действии, и именно ему наука должна уделять первостепенное внимание» (Stephenson, 1974, p. 14). Q-сортировка, как во множественных, так и в единичных случаях, имеет важное значение для обеспечения коммуникации о таких случаях, а также для рассмотрения теоретических вопросов. Даже если несколько испытуемых произвели сортировку одной и той же Q-совокупности, каждый случай является конкретным и уникальным; вопрос о том, какое влияние каждый из этих случаев оказывает на определение тех или иных факторов, должен рассматриваться на стадии анализа.

Помимо той роли, которую изучение отдельных случаев играет в процессе открытия, оно также имеет значение и для проверки гипотез. Браун (1993/1994) использовал один единичный случай для проверки теории, касающейся голосования, а другой единичный случай для проверки философии «политического я» (political self). Как теория голосования, так и теория «я» базировались на некоторых исходных допущениях, а не на наблюдаемых событиях. Исследование с помощью Q-сортировки обеспечило возможность наблюдения субъективности, отличающейся от категорий, положенных в основу этих теорий. Естественные или наблюдаемые (observational) категории, полученные в результате Q-сортировки, являлись репрезентациями субъективных форм поведения, расходившихся с логическими категориями теоретиков.

Обобщение может быть статистическим, оно может представлять собой вывод, распространенный на всю популяцию на основании выборки, а может являться переходом на более высокий уровень абстракции — как это сделал Галилей, перейдя от шариков, скатывающихся по плоскости, к обобщению, касающемуся всех падающих тел (Brown, 1997). Научный прогресс, как правило, базируется на обобщениях галилеевского типа, а не состоит в чисто количественном определении того, сколько и каких случаев имеет место. Последние могут представлять интерес, однако они являются второстепенными для науки. Переход от единичного случая на более абстрактный уровень имеет более фундаментальное научное значение, чем переход от нескольких случаев к многим. Браун (1997) указывает на то, что (а) Кеплер снискал мировую научную известность, продемонстрировав тот факт, что Марс вращается вокруг Солнца по эллиптической орбите и (б) что имя Борелли, продемонстрировавшего, что эллиптическая форма орбит характерна и для других планет, осталось практически неизвестным в истории науки. R-методология, занимающаяся в основном количественными обобщениями, аналогична вкладу Борелли, тогда как Q-методология, ориентированная на обнаружение общих принципов, сродни открытию Кеплера.

Сколько человек должно участвовать в Q-сортировке? Как правило, для определения фактора достаточно нескольких испытуемых, возможно, всего пяти-шести человек; увеличение количества участников уже не добавит ничего нового. Использование пяти сортировок с ретестовой надежностью, равной 0,80, обеспечивает надежность фактора, превышающую 0,98 (Brown, 1993b). Если факторы А и Б достаточно точно определены несколькими сортирующими, и значения факторов ясны исходя из содержащих их высказываний, основная цель процедуры достигнута. Более глубокое понимание может быть достигнуто благодаря интервью с лицами, проводящими сортировку, в ходе которых выясняется, почему они поместили определенные ключевые высказывания в те или иные категории. Однако сортировка может также указывать на наличие фактора В, который до сих пор был неизвестен и который может быть представлен меньшим числом испытуемых, чем А и Б. Определение этого фактора может потребовать участия сорока или пятидесяти испытуемых (Q-методология не позволяет определить, какой процент популяции придерживается некоторой точки зрения, выявленной Q-анализом; она лишь показывает, что данная точка зрения существует.) Поскольку Q-методология представляет собой процесс открытия, а не формулирования теории, дедуктивного вывода, предсказания или проверки гипотез, редкие точки зрения не могут быть выявлены, пока сортировка и анализ не завершены.

Однако если исследователь подозревает, что те или иные сегменты популяции могут придерживаться определенных взглядов, отличающихся от взглядов, разделяемых остальной ее частью, данные сегменты должны быть включены в исследование. Например, если мы хотим узнать мнения студентов о программе базового университетского курса психологического факультета, мы включим студентов, специализирующихся на психологии. Однако мы можем захотеть включить и тех студентов, которые слуша-

ют курс психологии в качестве факультативного либо для того, чтобы написать курсовую работу по профилю другого факультета. Такая выборка индивидов носит название P-совокупность (P-set). P-совокупность используется не для обобщений, распространяющихся на более широкие популяции, а для того, чтобы могли проявиться все точки зрения, существующие по поводу данной программы, — при этом нас интересуют не количественные различия, а различия, касающиеся способов размышления о программе. При рассмотрении отдельного случая неопределенность по поводу того, какие точки зрения могут проявиться, выше, чем в случае множественной сортировки, и в этом случае формирование P-совокупности, конечно, невозможно.

Представитель Q-методологии будет утверждать, что после того, как факторная структура выявила существующие субъективные точки зрения, можно перейти к количественному подсчету выразивших их лиц на более строгих основаниях, если эта процедура еще имеет смысл. Возвращаясь к нашему примеру, мы можем обнаружить три совершенно различные точки зрения по поводу программы базового курса психологии, а также четвертое мнение, которое разделяют две из трех полученных групп. При проведении опроса его результаты, как бы хорошо ни была составлена выборка, скорее всего, не отражали бы всех этих соотношений. Однако после того как такая структура установлена, можно провести гораздо более информативный опрос, чтобы узнать, сколько человек включает каждая из групп.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

В различных работах Стефенсон много пишет о том, какими, с его точки зрения, должны быть наука и исследовательские процедуры. В одном из источников (Stephenson, 1967) он перечисляет ряд «принципов», «постулатов» и «прагматик», большинство из которых связано с темой книги, но некоторые имеют более широкое применение. Приводимые ниже постулаты могут быть выведены из его высказываний.

• *Протопостулаты* (общие руководящие допущения, касающиеся науки в целом):

1. Наука имеет дело исключительно с конкретными событиями (явлениями). Наука не занимается такими теоретическими конструктами, как душа и тело, сознание или «я»[5].

2. Каждое событие в природе специфично и уникально; такие специфичности предшествуют общностям и заключают их в себе.

• *Метапостулаты* (поддерживающие допущения для конкретной науки):

1. Психологические события имеют строение, отличающееся от структуры событий, рассматриваемых физиологией или физикой.

2. Любые внутренние или внешние определяющие конструкты (determiners), так же как и любые разграничения души и тела, не являются релевантными для научной психологии.

3. Все, что не подлежит наблюдению, не является частью научной психологии. Психология имеет право рассматривать только то, что может быть продемонстрировано при помощи относительно надежной операции, наподобие измерения кровяного давления с помощью тонометра или выявления субъективности (индивидуальности) посредством методики Q-сортировки.

4. Каждое научное исследование состоит из конкретных инференциальных интеракций, специфичных для каждой ситуации, и требует адаптации используемых средств анализа к особенностям экспериментальной ситуации.

5. Исходным пунктом исследования являются операнты или события, а не конструкты.

6. Коммуникация (а значит и передача данных) имеет место между отдельными людьми, а не группами, но может также происходить внутрииндивидном уровне.

7. Источниками субъективности или смысла являются индивидуумы, а не группы.

• *Постулаты* (допущения, касающиеся предмета изучения):

1. Психологические события состоят из поля взаимодействий между организмами и объектами, которое формируется исторически в соответствующих условиях. (Стефенсон соглашается с формулой Кантора: PE = C(k, sf, rf, hi, st, md) — см. главу 10, с. 258).

2. Психологические события являются как субъективными, так и объективными. Они субъективны с индивидуальной точки зрения (отнесение к себе) и объективны с точки зрения другого лица (отнесение к другому).

3. Значительная часть психологического поведения, обозначаемого терминами «душа» («mind»), «сознание» и / или «я», представляет собой субъективное или относимое к себе поведение (оставшаяся часть представляет собой объективное поведение).

[5] В ходе обсуждения этой главы было высказано уточнение: Стефенсон действительно отвергал понятие «я» («self») как реально существующей вещи или агента, однако он использовал это слово для указания на «мою точку отсчета, демонстрируемую в моей Q-сортировке» в противоположность «вашей точке отсчета, выражаемой в вашей Q-сортировке».

Следовательно, такое поведение может быть наиболее адекватно понято при использовании процедур, позволяющих участнику исследования самостоятельно производить измерения, и при применении количественных методов, которые сохраняют индивидуальные смыслы и определяют степень их пересечения у разных лиц.

4. Методы усреднения, которые замещают смыслы вещей для конкретных испытуемых смыслами, привносимыми экспериментатором, применимы лишь в тех случаях, когда наиболее важными являются факты или информация, хотя и в этих случаях их применение далеко не всегда оправдано[6].

ИССЛЕДОВАНИЯ

Q-сортировка наиболее часто используется в сфере коммуникации, политической науки, в дошкольной педагогике (nursing science), а также в психологии развития, однако она с равным успехом может быть использована и в экономике, социальной психологии, в сфере индустриальных отношений, юриспруденции, литературе, женских исследованиях, как и в любых других дисциплинах, включающих человеческое поведение. А к таким областям относятся гуманитарные приложения химии, физики, геологии и других наук. Число опубликованных работ по Q-методологии превысило две с половиной тысячи, хотя многие из них не в полной мере используют возможности Q-метода вследствие присутствия в них элементов R-методологии. Ниже приводится описание нескольких исследований, *не* ослабленных присутствием R-методологии, а также имеющих отношение к психологии и демонстрирующих значительный потенциал данного метода исследования.

Как дети дошкольного возраста могут сообщить о своей субъективности? Поскольку письменные высказывания в этом случае не могли быть использованы, Тейлор, Делпрато и Кнапп (Taylor, Delprato & Knapp, 1994) использовали Q-совокупность фотографий детей, вовлеченных в различные занятия. Участвующие в исследовании дети должны были рассортировать фотографии по семи категориям субъективности, следуя правилам распределения, которые позволяли им видеть требуемый характер распределения, однако экспериментатор возвращал фотографии на место после того, как дети делали свой выбор. Распределение производилось в соответствии с восемью условиями инструкции, такими как «это больше / меньше всего похоже на тебя» и «это больше / меньше всего похоже на тебя с точки зрения твоего воспитателя». Каждый ребенок обнаружил свой организованный опыт (experience), о чем свидетельствуют по 3–4 значимых фактора на каждого, однако каждый проявил также свою уникальность, о чем свидетельствует различные сортировки при различных условиях инструкции. Поскольку выявилось ограниченное число факторов, эти дети, вероятно, внесли примерно равный вклад в общую дисперсию. Для более глубокого понимания результатов, вероятно, требуется дополнительная информация; тем не менее результаты свидетельствуют о том, что Q-метод может быть использован даже в работе с детьми 3–4 лет и позволяет выявлять как межиндивидные, так и внутрииндивидные различия, характерные для детского возраста.

Хусид и Кохран (Chusid & Cochran, 1989) использовали Q-сортировку, чтобы выяснить, каким образом темы, связанные с семейными отношениями, влияют на выборы в профессиональной сфере. Они попросили шестерых мужчин и четырех женщин, сменивших род деятельности, провести сортировку 46 прилагательных для описания каждого из членов их семей, а также лиц, связанных с испытуемыми по профессиональной линии. Результаты обнаружили паттерны взаимосвязей между семейным опытом и сменой рода деятельности, которые затем были более подробно исследованы в ходе интервью с испытуемыми. Анализ интервью дал конкретные описания (case portraits) каждого испытуемого, которые были затем рассмотрены ими с целью уточнения. Окончательные результаты содержали выявленные в ходе исследования семейные темы («драму»), связанные со сменой профессии, или новые семейные темы, возникшие в связи с новым местом работы. Как и в большинстве Q-исследований, испытуемые не осознавали существования этих взаимосвязей или осознавали их лишь в ограниченных аспектах, как в случае, «когда они описывали своих сотрудников практически таким же образом, как и членов своих семей» (p. 39).

В исследовании Галливан (Gallivan ,1993), изучавшей характеристики, составляющие чувство юмора, 41 испытуемый производил сортировку 79 высказываний, отобранных из «собрания», составленного из «описаний людьми лиц, обладавших прекрасным чувством юмора». Исследовательница обнаружила четыре фактора или группы. Первая группа состояла из людей, которым нравился юмор, унижающий других людей. Члены второй группы считали себя людьми практически лишенными чувства юмора и слабо восприимчивыми к нему. Третьей группе не нравился юмор, унижающий людей. Четвертая группа носила более сложный характер: эти люди были склонны отвергать юмор, унижающий людей, и считать свои собственные проявления чувства юмора позитивными — как и представители первой и третьей групп — однако, в отличие от членов других групп, они считали, что их собственное чувство юмора играет для них важную роль, помогая справиться с проблемами повседневной жизни.

[6] Автор благодарен Стивену Брауну за его критику двух черновых вариантов этих постулатов.

В исследовании Деннис и Голдберга (Dennis & Goldberg, 1996c) участвовало 54 женщины. Они считали, что их вес в среднем на 10% превышает оптимальный для них, и участвовали в 9-месячной программе по снижению веса, включающей как диету, так и поведенческий компонент. Были выявлены две группы: первые были названы «оптимистками» («assured»), а вторые «пессимистками» («disbelievers»). Оптимистки больше верили в свою самоэффективность (self-efficacy) и были меньше подвержены унынию, чем пессимистки. Оптимистки в среднем сбросили вес на 6 кг, а пессимистки на 7 кг, что представляет собой статистически значимое различие. В ходе дополнительной программы (post-treatment) пессимистки, ставшие оптимистками, сбросили в среднем вдвое больше, чем те, кто изначально были и остались пессимистками: по 10 и 5 кг соответственно. Оптимистки показали более высокую самооценку, более хорошее настроение и более оптимальные режимы питания. Полученные в результате Q-сортировки различные поведенческие характеристики, связанные с успехом, такие как самоэффективность, позволяют предположить, что программа, направленная на повышение самоэффективности, должна сочетаться с программой рационального питания. Браун (1996a) так комментирует данное исследование:

> «Исследование Деннис и Голдберга является одним из первых, в ходе которых удалось продемонстрировать факт значительного снижения веса среди различных категорий людей. Все предшествующие исследования, естественно, базировались на объективных категориях — таких как возраст, количество испробованных ранее диет, тревожность, интро- и экстраверсия, режимы питания, степень ожирения и т. д., — с целью предсказания либо повышения либо снижения веса, однако ни в одном из них не удалось достичь систематического успеха, что позволило авторам выразить надежду, что "Q-методология обладает потенциалом, позволяющим использовать ее в качестве нового направления для составления клиентам рекомендаций по выбору программ лечения от ожирения"».

Мы можем сделать вывод, что субъективность оказалась более тесно связанной с похуданием, чем объективные меры черт.

СФЕРЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Q-методология используется в широком спектре областей, начиная от определения проявлений сходства и различий между индивидуумами или между различными условиями для одного индивидуума и заканчивая крупномасштабными исследованиями общественного мнения (Stephen, 1985). Браун (1993b) провел обзор некоторых из многочисленных областей, в которых находит применение Q-методология, включая контроль за пациентами в больницах, подготовку персонала для яслей, анализ сеттингов, в которых осуществляется принятие решений, изучение воздействия порнографии, выработку стратегии политических кампаний, пропаганду охраны окружающей среды, ассимиляцию беженцев, изучение этических вопросов и коррупции, анализ реакций общественности на скандалы, сравнение черт авторитарных личностей, коммуникацию, анализ семейных видеозаписей, а также другие области применения, характерные для отдельных стран. Q-методология получила признание в некоторых кругах феминистского движения благодаря своему «акценту на "личностях" (области межличностных отношений), а не на "тестах"» (Febbraro, 1995, p. 147).

Стивен (Stephen, 1985) указывает на «досаждающую проблему» в качественных исследованиях: проблему разрешения противоречий между результатами, получаемыми различными исследователями при изучении одних и тех же вопросов. Наличие общих референтов Q-высказываний обеспечивают возможность для нахождения таких решений. После формирования «собрания» и Q-совокупности, связанных с характеристиками, по которым имеют место расхождения, каждый независимый исследователь может произвести сортировку, с которой возможно провести факторный анализ, определяющий, в чем состоят сходство и различия в подходах исследователей к этим общим референтам.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Поскольку Q-метод специализируется на изучении отдельных случаев, он, без сомнения, пригоден для использования в клинической психологии. «Собрание», составленное на материале (а) истории клиента, (б) интервью с клиентом или (в) информации, полученной из других релевантных источников, может являться базисом для формирования Q-совокупности. Сортировка может производиться быстро, во время сеанса психотерапии; или же при использовании соответствующих инструкций клиент может взять карточки домой и рассортировать их согласно условиям инструкции, сформулированным терапевтом совместно с клиентом. Клиент может даже решить произвести дополнительные сортировки с использованием собственных условий инструкции. Ассистент может ввести номера в компьютерную программу, которая быстро определит факторы. Клиницист, прошедший несложную подготовку, может

завершить анализ, возможно, консультируясь в процессе анализа с клиентом. Анализ Q-сортировки и последующее обсуждение результатов с клиентом могут быть использованы как вспомогательные материалы при постановке диагноза или планировании программы лечения. Результаты Q-сортировки, используемые в самом начале терапии, а также на различных стадиях ее прохождения, могут стать частью терапевтического процесса, будучи полезными и терапевту, и клиенту. Удачным примером такого использования Q-метода (Goldstein, 1989) может служить случай 33-летнего мужчины, который страдал от жестокого обращения в детстве и начинал заикаться в присутствии своих сотрудников. Ему было предложено рассортировать 24 прилагательных в соответствии с 19-ю условиями инструкции по отношению к каждому из следующих лиц: его подруге, начальнику, идеальной матери, идеальному отцу, брату, терапевту, а также другим значимым для него лицам. Было обнаружено три фактора, связанных с межличностными отношениями. На основе этих факторов была проведена дискуссия между терапевтом и клиентом с целью постановки целей и определения процедур лечения.

Q-сортировка приобрела популярность в клинических и консультационных исследованиях в середине XX века (например, Rogers & Diamond, 1954); однако, как правило, сортировку выполнял не сам клиент, а другие лица, тем самым полностью исключая из рассмотрения точку зрения наиболее значимого участника сеттинга. Так, в исследовании двух клиентов, проходивших психоаналитическую терапию (Jones, Cumming & Pulos, 1993), сортировку производили «клинические эксперты» («clinical judges»), а не клиент. Они использовали стандартную Q-сортировку, а не извлеченную из «собрания», касающегося конкретно этих двух индивидов. И конечно, статистический анализ представлял собой R-, а не Q-процедуру.

Q-исследование, проведенное с последователями Фрейда, Адлера, Юнга и Салливана (см. главу 5, описывающую работу этих четырех психоаналитиков), представителей недирективной терапии (см. главу 4, с. 128–129), а также психотерапевтов, работающих с теорией личных конструктов (см. главу 8, с. 219), показало, что каждый из них интерпретировал случай покушения на самоубийство в своей собственной теоретической перспективе (Kelly, 1963). Стефенсон (1974) указывает на случай из клинический практики, когда результаты Q-сортировки, посвященной взглядам клиента и произведенной терапевтом, радикально отличались от результатов сортировки, произведенной самим клиентом. Даже цели, которые клиент ставил перед собой, отличались от того, как понимал их терапевт. *Объективная* точка зрения терапевта была абсолютно неадекватна *субъективной* точке зрения клиента (Parloff, Stephenson & Perlin, 1963). Аналогично, в Q-исследовании пациентки по имени Мира (Муга), одной из четверых близнецов Генен (Genain), страдающих шизофренией, выяснилось, что терапевт и Мира исходили из совершенно различных целей терапии. Более того, выполненная терапевтом Q-сортировка показала, что его представления о том, как воспринимает его Мира, расходились с ее собственным восприятием (Stephenson, 1980). Такого рода открытие в клинической ситуации должно играть важнейшую роль в корректировке отношений терапевт—клиент и оказывать определяющее влияние на терапевтический процесс.

Известен случай (Stephenson, 1985), когда Q-метод использовался как средство, помогающее отойти от интерпретаций аналитиком свободных ассоциаций клиента и даже как попытка эмпатии, предпринимаемая аналитиком (Atwood & Stolorow, 1984) в противовес интерпретации. Q-сортировка, произведенная клиентом, обеспечила точное измерение фактически испытываемых им чувств. И аналитик и клиент (P-совокупность = 2) выполнили Q-сортировку 96 высказываний, включая описывающие аналитическую ситуацию, с целью проверки заявления о том, что имеет место перенос. Были выявлены три фактора. Один из них подтвердил эти заявления, свидетельствуя о сильном переносе со стороны пациента на аналитика. Другой фактор свидетельствовал о возможном переносе со стороны аналитика на пациента.

В другом случае Q-метод был использован с целью изучения некоторых составляющих расщепленной идентичности (separate identities) у пациентки с диагнозом диссоциативного расстройства идентичности (dissociative identity disorder, согласно DSM-IV), ранее называемого множественной личностью (Brown & Smith, в печати). Пациенткой была 34-летняя женщина. Наиболее часто проявляющаяся или *презентирующая (presenting)* идентичность, Лонни (Lonnie) назвала имена и предоставила описания 96-ти идентичностей в системе. Эти имена составили как «собрание», так и Q-совокупность. Шесть наиболее активных членов системы рассортировали имена 96-ти идентичностей согласно следующим условиям инструкции: от максимальной до минимальной степени (а) похожи на меня, (б) комфортно себя чувствуют со мной, (в) оказывают влияние на систему, (г) проявляют понимание, (д) склонны к сотрудничеству, (е) информированы о системе.

Хотя некоторые идентичности носили имена, являвшиеся остроумными метафорами их функций в психологической системе пациентки, с целью сохранения конфиденциальности испытуемой они были изменены. Шесть идентичностей представляли сами себя как участников Q-сортировки.

• В событиях повседневной жизни наиболее часто участвовала Лонни, которая брала на себя ответственность за действия всей системы. Некоторые идентичности были враждебно настроены по отношению к ней и физически травмировали ее (наносили ей телесные повреждения).

• Артур был юношей, поддерживающим порядок и, как правило, осуществлявшим планирование. Он был дружелюбен и дипломатичен со всеми участниками системы.

• Венди, развязная 18-летняя девица, думающая только о развлечениях, была дружелюбна с Лонни и помогала ей, однако в прошлом была настроена к ней враждебно и физически травмировала ее.

• Противоположный полюс представляли Эйприл и Салли (Sally), настроенные враждебно к Лонни. Эйприл был стражем семейной чести и вызывал у Лонни чувство вины, упрекая ее в неспособности сохранить честь семьи.

• Салли собиралась соблазнять мужчин, чтобы унизить их, в отместку за ущерб, который, с ее точки зрения, они нанесли системе.

• Совершенно в иной роли выступала 8-летняя Робин, которая была дружелюбной и веселой. Она представляла систему, когда система была психологически перегружена или подвергалась опасности самоповреждения.

В результате тридцати шести сортировок было выявлено три фактора. В первом факторе основное место занимали Q-сортировки, содержащие такие показатели, как «влияние» и «понимание». Иными словами, все шесть сортирующих сходились на том, какие личности имели наибольшее влияние на систему и проявляли наибольшее ее понимание.

Более сложный характер носила выполненная Лонни сортировка, касающаяся «сходства» и «комфорта». «Сходство» оказалось в значительной степени взаимосвязано с первым фактором, в отличие от второго и третьего, тогда как «комфорт» был в значительной степени связан со вторым фактором. Очевидно, те, кого Лонни находила похожими на себя, не относились к тем, с кем она чувствовала себя комфортно.

Второй фактор составили преимущественно выполненные Артуром сортировки «сходства», а также выполненные Венди сортировки «сходства» и «комфорта». Этот факт отражал позитивные деловые отношения между Венди и Артуром.

Третий фактор отражал значительную полярность. Произведенные Эйприлом и Салли Q-сортировки на «сходство» в отношении Мести (Pursuit) (жуткой идентичности, наносившей травмы) и Лоснящейся (Gloss) (женской идентичности, настаивавшей на том, что все прекрасно, но солидарной с теми, кто наносил травмы) показывали, что между Артуром и Салли и этими личностями наблюдается сходство, а не расхождения. Эти сортировки также показали отсутствие сходства с Дымом (Smoke) (четырехлетний ребенок, несущий на себе весь стыд за систему и не показывающий свое лицо) и Юпитером (Jove) (жизнерадостным магическим персонажем, обеспечивающим защиту детям в системе). Q-сортировка восьмилетней Робин на «сходство» по данному фактору оказалась диаметрально противоположной; она находила свое сходство с Дымом и Юпитером и полное расхождение с Местью и Лоснящейся. Вероятно, дружелюбие и теплота Робин противостояли суровому характеру Эйприл и Салли — таким образом, фактор является биполярным.

Сразу после сортировки каждой идентичности был задан вопрос, почему он или она поместили определенные карточки (имена) либо в одну из двух категорий с максимальными оценками, либо в одну из двух категорий с минимальными оценками. Полученные в ответ высказывания были включены в «собрание», используемое во второй стадии исследования. Приведем пример высказываний Лонни о тех, кого она поместила в категории с оценками –5 по сортировке «наиболее / наименее комфортно себя чувствую с ним / ней»: «Некоторых из них я боюсь. Мне жаль, что мне пришлось поместить Дыма в категорию –5. Дым чувствует себя виноватым, и он связан с жестоким обращением в семье, но я неловко чувствуя себя с ним. Не то чтобы он мне не нравился, мне просто с ним некомфортно. Эйприл все время ищет виноватых. Салли думает только о сексе. Страх, Стыд, Вина. Эти четверо [четвертой является Месть], помещенные мною в эту кучку, наверное, больше всего нуждаются в терапии. Это для меня полная неожиданность». Робин сопроводила четыре карточки, помещенные ею в категорию +5 по сортировке «наиболее / наименее склонные к сотрудничеству» следующими высказываниями: «Я всегда пытаюсь помочь всем, кому могу. Целеста [страж] — это, наверное, та, благодаря кому все, кто внутри системы, еще до сих пор живы. Кенни поддерживает порядок и равновесие. Артур всем помогает».

Испытуемая использовала результаты, полученные на первой фазе исследования, в дискуссиях со своим терапевтом. К счастью для нее, после завершения первой фазы она начала долгую и тяжелую, но успешную борьбу за интеграцию своих личностей и формирование здорового образа поведения. Вследствие этого некоторые из идентичностей перестали представлять ее, а потому проведение второй фазы оказалась неосуществимым (Brown & Smith, p. 235).

СОПОСТАВЛЕНИЕ С ДРУГИМИ ПОДХОДАМИ

Когнитивная психология

Данный подход, являющийся органоцентрическим и фокусирующимся на таких когнитивных актах, как воображение и мышление, казалось бы, должен был уделять центральное внимание субъективности. В действительности, однако, он практически

полностью игнорирует субъективность, за исключением тех случаев, когда объективные переменные способствуют ее проявлению. Такая ситуация, кажущаяся аномальной, возникает в силу того, что когнитивная психология использует R-методологию, которую она заимствует — наряду с механистической и менталистской ориентацией — у методологического бихевиоризма. Ее отход от последнего выражается лишь в том, что когнитивная психология переходит от механицизма классического обусловливания к механицизму компьютерных аналогий при описании условий человеческого поведения.

Поскольку Q-методология, являясь нецентрическим подходом, отвергает «психизмы» (psychisms), гипотетико-дедуктивный метод, биологический редукционизм, а также навязывание конструктов событиям, что является характерными чертами, присущими когнитивизму, оба подхода во многих отношениях находятся на противоположных полюсах. Хотя когнитивизм мог бы с большой пользой для себя применять Q-методологию в своих исследованиях, посвященных восприятию, воображению и другим вопросам, он вряд ли будет делать это без обращения Q-методологии в R-методологию, что сводит на нет все уникальные преимущества Q-метода.

Гуманистическая психология

Данная система подчеркивает исключительную роль «я» (*the* self) и направлена на изучение того, что придает смысл человеческой жизни. Она в целом отвергает психологические исследования как игнорирующие точку зрения индивида. Несмотря на некоторое пересечение интересов с Q-методологией, гуманистическая психология ставит в центр своей философии концепцию «безусловного я» или разума, не ограничиваясь просто самосоотнесением; таким образом, ее взгляды расходятся с научной философией Q-методологии. Тем не менее обе системы все же объединяет общий интерес к осмысленному человеческому поведению («опыту», согласно гуманистической терминологии), и Q-методология могла бы способствовать значительному прогрессу качественных исследований гуманистической психологии, дополнив или заместив ее ограниченные по своим возможностям и неудобные в обращении методы строгими и эффективными Q-процедурами. Q-методология совмещает в себе наиболее сильные стороны как качественных, так и количественных подходов (Brown, 1996). Исследования, отвергаемые гуманистической психологией, относятся к R-типу, к которому у Q-методологии также есть претензии. Карл Роджерс (Rogers & Diamond, 1954), центральная фигура в гуманистической психологии, использовал Q-метод в своем исследовании, оценивающем эффективность психотерапии, сочетая ее, однако, с вызывающим сомнения R-анализом. Более последовательное использование Q-метода гуманистической психологией полностью согласовывалось бы с ее собственными принципами.

Гуманистическая психология также могла бы найти полезное применение Q-метода в психотерапии. Отстаиваемому гуманистической психотерапией принципу полноправного участия клиента в терапевтическом процессе наравне с терапевтом Q-методология полностью отвечала бы. Клиент мог бы участвовать в планировании, выполнении и анализе Q-сортировки, а также в применении ее результатов к терапевтическому процессу.

Интербихевиоральная психология

Стефенсон (1982, 1987) заложил в основание разработанной им Q-методологии конструкт интербихевиорального поля, введенный Кантором (Kantor, 1959). Особо выделяемые Стефенсоном *операнты*, которые интербихевиоризм называет *событиями*, рассматриваются обеими системами как основополагающие данные, на которых должна строиться наука о поведении. Другими словами, вместо того чтобы навязывать такие конструкты, как мотивация, интеллект, «я», сознание, склонности, черты личности и т. д., исследователь должен изучать то, что индивидуум делает — будь то составление письма или сортировка высказываний. Обе системы настаивают на том, что частное должно предшествовать общему и что частное, конкретность играет в науке более фундаментальную роль, чем обобщения. Они сходятся в том, что законы являются не универсальными, а специфичными по отношению к ситуации. Обе рассматривают опыт и субъективность как конкретные формы поведения, а не как нечто существующее отдельно от поведения, и отвергают представление о том, что содержание разума является исключительно личным, известным только самому гипотетическому разуму, который его содержит. Для Кантора так называемая личная сфера — это не более чем уникальность происходящего, характеризующего любые события в природе. Личное есть не что иное, как особая характерная точка зрения, с которой рассматриваются происходящие события. В области психологии несколько компонентов естественных событий доступны для наблюдения с помощью различных средств и выбора специфических точек зрения. Обращаясь к коммуникабельности посредством Q-сортировки, Стефенсон также отвергает представления о личной сфере. Таким образом, обе системы подчеркивают объективность субъективности и ее доступность для исследования. Обе отвергают такие конструкты, как дуализм «разум—тело», сознание как вещь или процесс и сведение психологии к неврологии. Обе отвергают любые абсолюты и признают изменчивую природу человеческих взаимодействий от одной ситуации к другой. Несмотря на различие целей, между обеими системами наблюдается разительное сходство в используемой ими философии науки — именно так и должно быть, учитывая тот факт, что обе придают основное значение оперантам / событиям, из которых выводятся их конструкты.

Феноменологическая психология

Браун (1972) сравнивает высказывание Сартра о различии между фактами и сущностями с аналогичными различиями между R- и Q-методологией. Черты личности, которые R-методология пытается измерять, никогда не смогут раскрыть субъективности. Хотя Мерло-Понти, основоположник феноменологической психологии и единомышленник Сартра, выступает за бихевиоризм в широком понимании и отводит центральное место в своей системе взаимодействию индивида и мира, значительно приближаясь в этом отношению к философии Q-методологии, он остается до некоторой степени привязанным к конструкту сознания, оказываясь не в состоянии до конца освободиться от ментализма. В силу этого по ряду соответствующих аспектов его феноменологическая психология продолжает расходиться с оперантным субъективизмом. Тем не менее Q-методология могла бы оказаться весьма полезной для феноменологических исследований, придав им строгость и ясность, которых недостает «феноменологическому методу». Приближая свои Q-исследования с участием еще не владеющих чтением и письмом детей к феноменологическому подходу, Тэйлор, Делпрато и Кнапп (Taylor, Delprato & Knapp, 1994) демонстрируют пример такого использования Q-методологии.

Постмодернизм и социальный конструкционизм

Браун (1995a) отмечает, что поскольку бихевиоральная наука на определенном этапе своей истории рассматривает субъективность и ментализм как одно и то же, отвергая оба из них, постмодернисты заключают, что отрицание субъективности означает насмешку над человечеством, в результате чего приходят к полному отрицанию науки. Это досадное заблуждение, потому что субъективная наука, Q-методология, готова была бы поддержать критическое отношение постмодернизма к исключению субъективности из сферы науки, сохраняя при этом научный подход к человеческому поведению.

Социальный конструкционизм находит различные применения Q-методологии: в частности, в исследованиях, связанных с лесбиянством (Kitzinger, 1996), психоанализом (Edelson, 1989), феминизмом и порнографией (Gallivan, 1994), а также жестоким обращением с детьми (Stainton Rogers & Stainton Rogers, 1989).

КРИТИКА

Q-методология могла бы избежать некоторой путаницы, если бы последовательно использовала бихевиоральную, а не менталистскую терминологию. Однако представители этой системы продолжают использовать такие понятия, как «внутреннее» и «внешнее», или говорить о «внутренней» и «внешней» точках зрения, а также такие конструкты, как «психические состояния» («states of mind»). В частности, они заявляют, что имеют дело с «психическими состояниями», в отличие от «объективных состояний», а также с «внутренней» точкой зрения, в отличие от «внешней». И хотя приверженцы Q-методологии определяют эти понятия как относящиеся исключительно к позиции испытуемого, наша культура настолько глубоко пронизана представлениями о дуализме «душа—тело», что такие термины неизбежно трактуются в дуалистическом духе и лишь способствуют превратному пониманию. В частности, Дайджкер (Duijker, 1979) пытается понимать Q-методологию как последовательно дуалистическую систему, еще далее развивая ее трактовку в терминах дуализма «душа—тело». Создается впечатление, что использование определенной терминологии способствует превратному пониманию Q-методологии этим автором, или, по крайней мере, укрепляет его в своих ошибочных предположениях. Стефенсон в конце концов признал, что «моя» и «ваша» точка зрения являются более адекватными описаниями, чем «внутренняя» и «внешняя» точка зрения. Несмотря на тот факт, что в психологической литературе термин «субъективный» нередко используется в значении «ментальный» (психический, mental), полностью отказаться от этого термина, по-видимому, невозможно, и Q-методология старательно пытается уточнить, что этот термин употребляется по отношению к *поведению*.

С экономической точки зрения, Q-методология, поскольку она нуждается в меньшем количестве испытуемых, чем R-методология, обычно требует меньших финансовых затрат; однако эта экономия отчасти съедается тем, что Q-сортировка требует подробного объяснения процедуры каждому испытуемому, а часто и последующего интервьюирования. Как правило, сортировку в течение одного сеанса может выполнять только один человек, хотя возможно проведение сортировки и в групповом режиме. Помимо указанных выше преимуществ (и ограничений) Деннис (Dennis, 1986) указывает на ряд дополнительных преимуществ, включая высокую надежность результатов, отсутствие оставляемых без внимания результатов и «неопределенных» («undecided») реакций, а также — благодаря самосоотнесению — отсутствие необъективности в пользу средовых факторов.

ВЫВОДЫ

Q-методология — это не просто очередная оценочная процедура или методика измерения мнений и предпочтений, как, впрочем, и не чисто техническое средство диагностики личности. Она выходит за рам-

ки обычной R-традиции проведения количественных исследований, а также не является прямым продолжением качественных исследований, как правило, направленных на поиски паттернов или отличительных характеристик путем интервьюирования испытуемых. В противовес последним, она предъявляет испытуемым конкретные тестовые стимулы, на которые они реагируют, — стимулы, которые они должны рассортировать по категориям в соответствии с их субъективным значением для каждого испытуемого. Такая однозначная сортировка по категориям обеспечивает базис для строгого математического анализа. При наиболее последовательном использовании Q-методология предоставляет исследователю «уникальное средство проникновения во все богатство человеческой субъективности» (Dennis, 1996, p. 7).

Q-сортировка может показаться скорее технологией, чем философией науки, просто одной из враждующих позиций в разногласиях между Q- и R-методологией. Однако «дело касается значительно большего, чем просто операций, называемых "Q-техникой", а именно всеобъемлющего подхода к изучению поведения, в котором человек рассматривается как целостное мыслящее и действующее существо» (Stephenson, 1953, p. 7).

Несмотря на значительный прогресс объективной науки и технологии, научные достижения несут с собой не только благоприятные, но и нежелательные последствия. В этой ситуации крайне важной оказывается роль субъективности как уравновешивающей силы, утверждает Браун (Brown 1994a), развивая мысли Стефенсона (Stephenson, 1978):

> «Мы остаемся почти в полном неведении относительно субъективности, сопровождающей такие события, как моральные нормы, страхи, проявления ненависти и этнических предпочтений, так что наше собственное мышление и мотивация, как и наше понимание, остается практически на том же месте, где оно находилось во времена Ньютона, ничуть не избавившись от современных аналогов охоты на ведьм, проявлений социальной и религиозной нетерпимости и межгруппового насилия. Мы не можем не спрашивать себя, а не могло бы положение вещей быть иным, если бы больше ресурсов было уделено пониманию условий человеческого бытия — например, выяснению человеческих факторов, ответственных за развязывание войн, а не разработке материальных средств их ведения, — однако это потребовало бы совершенно иного взгляда на субъективность и желания поставить ее изучение на научную основу в равной степени с объективностью. Наука повинна в том, что она не сделала этого до сих пор и не проявляет никаких признаков того, что она собирается это сделать» (Brown, 1994).

ГЛАВА 12

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ:

смысл, сознание и связь с миром

ВВЕДЕНИЕ

Слово *«феномен» (phenomenon)* означает явление (appearance). Многие психологи полагают, что феноменологическая психология занимается изучением разума или субъективного опыта — явлений (appearances), — и представляет собой форму интроспекции. Однако такое представление неверно. По Крюгеру (Kruger, 1983), феноменологическую психологию можно определить как «науку о природе нашего *присутствия перед миром*» («the study of the nature of our *presence to the world*») (p. 19). Когда мы думаем, мы думаем *о чем-то*, когда мы сердимся, мы сердимся *на что-то* или *на кого-то* и помним мы тоже *что-то*. Такие отношения включают значения (смыслы), и феноменологическая психология исследует эти значения вещей для нас, и значения нас относительно них, вместо того чтобы использовать безличные методы, применяемые в физике и принятые большинством психологических направлений. Приверженцы феноменологического подхода настаивают, что мир для людей — это не просто собрание пустых, обезличенных предметов, так же как и роль человека в мире не сводится к роли машины, обрабатывающей информацию и интерпретирующей мир посредством нейронной активности. Мир обладает смысловой структурой (meaningful structure), и наши тела живут как часть этого смысла. «Человек *есть* проживаемая им телесность, его настроенность на мир, история его жизни и время, проживаемое им... Мир всегда предстает перед нами как смысловая структура, а не просто как грубая материальность, — он всегда имеет лицо» (Kruger, 1983, p. 19).

СТАНОВЛЕНИЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

В XIX веке психология стала отделяться от теологии и философии, заимствуя методы естественных наук, прежде всего физики и химии. Эти две науки рассматривались как престижные модели для подражания, а механистическая философия английского эмпиризма еще более усилила подобную ориентацию. Первые исследователи утверждали, что их задачей является определение того, как организм использует свои физиологические возможности, чтобы различать цвет, звук, яркость, величину и даже впечатления от окружающих его физических объектов. В XIX веке Эббингауз начал свои новаторские исследования свойств памяти, введя использование бессмысленных слогов в качестве запоминаемых элементов. (Он полагал, в соответствии с идеями английского эмпиризма, что слоги репрезентируют собой атомы, составляющие разум; слоги представляли собой внешнюю форму внутренних психических атомов.) Эббингауз хотел знать, каким образом люди заучивают то, что лишено смысла, и применял для этого бессмысленный материал. Подобно ему, бихевиористы, а позже когнитивисты, стали рассматривать мир как последовательность стимулов, воздействующих на организм, — стимулов, обладающих физическими свойствами: очертаниями, громкостью, количеством, размером и т. д. Господствующая в наши дни форма бихевиоризма, анализ поведения, утверждает, что подкрепления *формируют* поведение организма. Когнитивисты считают, что организм — это вычислительная машина, которая *обрабатывает* информацию. Как для бихевиористов, так и для когнитивистов, психологические исследования, как правило, ограничиваются лабораторными исследованиями, в ходе которых ученые ставят эксперименты исходя из своей собственной точки зрения. При этом они стараются сделать так, чтобы все условия эксперимента были как можно более механистичными, и инструктируют «испытуемых» («subjects» — субъектов!), ориентируя их на выполнение экспериментальных заданий таким образом, чтобы оставить минимальные возможности для проявления ими субъективности. Ученые измеряют реакции испытуемых на стимульные объекты, причем предполагается, что эти реакции являются *зависимыми* от стимулов, тогда как стимулы являются *независимыми* от испытуемого. Когнитивисты объединяют все собранные данные, так что индивидуальность заменяется характеристикой генеральной совокупности.

Что же они упускают? Согласно приверженцам феноменологии, они упускают *смысл*. По их мнению, мы воспринимаем не стимулы, а *значения (смыслы)* объектов и условий. Задачей психологии должно быть изучение того, что значат вещи для людей. Письменный стол — это не просто имеющая форму прямоугольника комбинация атомов и молекул. Стол означает поверхность, на которой мы можем писать и на которую можем положить те или иные предметы. Смыслы могут также включать в себя чувства, ценности и суждения. И эти смыслы изменяются в зависимости от контекста. Именно эти смыслы или значения вещей, как настаивают феноменологи, должны находиться в центре внимания любого исследования человеческой деятельности, а смысл всегда подразумевает отношение между человеком и миром. Мы не можем изучать человека или его мир в изоляции только как отношение.

Средствами нашего языка нелегко выразить эту взаимную зависимость. Мы обычно говорим об автомобиле, который видим, или о ребенке, голос которого слышим, но нам трудно выразить (с помощью языка) то, как этот автомобиль или этот ребенок воздействует на нас. (Эту проблему отмечал еще Аристотель.) Чтобы обозначить это воздействие, Крюгер (1981) употребляет выражение «то, что являет себя» («that which shows itself»), а Зенер (Zaner, 1985) использует «*осознавание чего-либо* и *то, что* осознается» («the *awareness-of-*

something, and *that-of-which* there is the awareness») как сопряженную пару терминов (p. 620).

Феноменология переопределяет понятия сознания и разума. Сознание, по ее утверждению, должно указывать на некий объект вне себя, либо реальный, либо тот, о котором человек думает. Поэтому сознание — это не нечто такое, что находится внутри человека, и никакие объекты не появляются в сознании. Как писал Сартр (Sartre, 1956), «стол находится не в сознании, и даже не в возможности представления. Стол находится *в* пространстве, около окна или где-нибудь еще». А по Лиотару (Lyotard, 1991):

> «Мы приходим к новому локусу психического, которое теперь уже не что-то внутреннее, но интенциональность, то есть отношение между субъектом и ситуацией; и это нужно понимать не так, что эта связь объединяет две отделимые друг от друга противоположности, но, напротив, что эго, как и ситуация, поддается определению только в этом взаимоотношении и через это взаимоотношение» (p. 80).

Дуализм души и тела или внутреннего / внешнего — вместе с сознанием как вместилищем объектов внешнего мира или как репрезентацией внешнего мира — отвергается и замещается отношениями. Сознание — это процесс присутствия перед чем-то еще. Также отвергаются и попытки объяснения психических событий на основе физиологии. В частности, Джорджи (Giorgi, 1976) по поводу теории памяти как следов (trace theory) замечает, что «память всегда предполагает осознание прошлого как прошедшего по отношению к настоящему» (p. 305). Если бы воспоминание представляло собой активизацию следа или отпечатка, тогда то, что находится в памяти, являлось бы в настоящем, как и сам отпечаток, между тем оно предстает перед нами как нечто из прошлого. Далее он отмечает, что ученые в поиске этих мнемических следов обращались к нейронам и синапсам, к РНК и ДНК. «Так, в процессе поисков исследователи беспечно, не моргнув глазом, перескакивают от анатомических к функциональным, а от них — к химическим концепциям» (p. 306). Аркайя (Arcaya, 1989) приводит развернутую аргументацию против концепций мнемических следов и памяти как хранилища воспоминаний и отмечает, что феноменология заменяет предположение о памяти как хранилище понятием памяти как части временного контекста, который представляет собой способ связывания с миром. Идея мозга как интерпретатора внешнего мира также подвергается критике: Крюгер (1981) настаивает на том, что мы не сидим внутри своего мозга, глядя оттуда на мир и интерпретируя его. Напротив, мы присутствуем в мире, являясь его частью, и взаимодействуем с людьми и другими компонентами этого мира.

Ключевое понятие, используемое Лиотаром в процитированном выше отрывке, это интенциональность, слово, указывающее на связанность (соотнесенность) с чем-то другим. Понятие интенциональности берет начало в трудах представителей средневековой схоластики, в особенности Фомы Аквинского, и происходит от латинского слова *intendere*, означающего «тянуться вперед». В этом смысле сознание направлено на свой объект или стремится к своему объекту, который не обязательно является реально существующей вещью, но есть то, по поводу чего осуществляется психический акт. Франц Брентано (1838–1907), священник и доцент Венского университета[1], применил это понятие в своей психологии: психическое содержание является вещественным (the mental content is physical), но акт суждения, представления или оценивания его исходит от невещественной души. *Интенциональность* относится к психическому, а *экстенсиональность* (обладание пространственной протяженностью) — к физическому. Эдмунд Гуссерль (1859–1938), профессор философии и математик по образованию, использовал понятие интенциональности при построении феноменологической философии[2].

Для Гуссерля феноменология была попыткой описать сущность осознания вещей, а не характеристики физического мира. Это значит, что в сферу сознания могут включаться и чисто воображаемые вещи, такие как русалки и привидения, и реальные объекты, такие как, например, деревья и возвышенные звуки симфонического оркестра. Сущность — это то, что делает вещи тем, что они есть. Это то, что обеспечивает существование и стабильность вещей и определяет их свойства. Чтобы выявить сущность опыта познания вещей, нужно временно исключить или «заключить в скобки» (подобно тому как это делается в математике) все предубеждения и привычные способы мышления и полностью сосредоточиться на объекте. Таким образом, к человеку приходит интуитивное понимание сущности (отсюда — «феномено-

[1] Впоследствии он был вынужден оставить и свой пост в университете, и свой приход, не желая принять доктрину о папской непогрешимости, провозглашенную в 1870 г.

[2] Для психологов Мерло-Понти и Сартра (см. ниже) это понятие включало не только когнитивные акты, но и отношения между телом и объектом, предшествующие вербализации или другой форме осознания (recognition), потому что человек вступает в контакт с ситуацией и понимает ее возможности даже раньше, чем явно осознает ее или начинает размышлять о ней. Например, человек отскакивает в сторону от едущего автомобиля, который он видит только периферическим зрением, или отвечает на слова других прежде, чем начинает размышлять над этими словами. Под интенциональностью стали подразумевать также подлинно диалектическую, двунаправленную связь между миром и человеком. Об эволюции понятия «интенциональность» см. у Экартсберга (Eckartsberg, 1989).

логия»). Отделение опыта от каких бы то ни было предположений, касающихся причинности и существования, — это первый шаг. Второй шаг — это анализ сущности путем исследования компонентов и того, как они связаны. Третий шаг — это «эйдетическая редукция» («eidetic reduction»), постижение сущности путем обозревания или воображения частных случаев чего-то более общего: человек представляет себе форму, цвет объекта, протяженность его в пространстве или какой-нибудь другой подобный объект и таким образом постигает видение не только этого конкретного объекта, например, собаки, но любого объекта, который можно увидеть. Таким образом, раскрываются внутренние структуры опыта, и эта структура есть сущность опыта. И наконец, нужно описать эту сущность. Неопределенность всей процедуры привела к появлению множества интерпретаций ее среди последователей Гуссерля.

Опыт, доказывает Гуссерль, не *вызывается* внешним объектом или стимулом, независимым от самого опыта. То, что человек испытывает (experiences), является значащим качеством (meaning quality), охватывающим взаимозависимость вещи и человека. Ломтик лимона на тарелке означает кислый вкус и особый аромат, и это значение является качеством опыта человека, связанного с лимоном, и с присутствием лимона в данном конкретном контексте. Также и гнев — это не что-то, существующее в себе, а способ отношения к чему-то. Гнев — это всегда гнев *на* что-то, а не изолированная физиология желез или деятельность нервной системы.

Но феноменология — это не просто субъективный опыт индивидуума или его конкретная точка зрения. Она, согласно Гуссерлю и его последователям, является способом обретения абсолютного знания через интуитивное понимание сущности осознаваемых событий. Можно интуитивно постичь, что квадрат имеет четыре прямых угла, по девяносто градусов каждый, и это будет признано универсальной, вечной истиной любым человеком, принадлежащим любой культуре и любому историческому периоду. Сознание, наряду с математикой и другими сущностями, утверждает Гуссерль, не существует во времени и пространстве, как существует естественный мир.

Феноменологи доказывают, что психология совершает ошибку, когда рассматривает разум или сознание как нечто, связанное с телом, и как часть природного мира, подчиняющуюся законам природы. Психология не может экспериментировать с сущностью сознания, но философия может это делать, закладывая в то же время основу для эмпирической психологии — основу, которая позволит психологии стать научной. Именно здесь «заключение в скобки» выходит на сцену. Чтобы достичь чистого сознания, следует временно абстрагироваться от своего *отношения* к природному миру (но не от веры в *существование* природного мира). Отбрасывая все свои исходные предположения о существовании или не существовании чего-либо, мы обретаем новое отношение или новый фокус, в котором может быть ухвачена сущность. Гуссерль называет это «трансцендентальной редукцией» («transcendental reduction»), когда человек не занимается больше изучением объекта сознания, а сосредоточивается на сущности, которая придает значение (смысл) объектам и событиям. Можно, например, размышлять о каком-нибудь видимом объекте, скажем, о книге, и, представляя себе ее различные характеристики, такие как вес, вид под разными углами, форму, шрифт с его распознаваемыми буквами, — интуитивно постигнуть сущность этого и других подобных объектов. Такая процедура представляет собой процесс, в котором все характеристики объектов обретают для нас единство и целостность, несмотря на различные свойства этих объектов, — те свойства, по которым мы узнаем данный объект и которые пребывают неизменными при наших последующих контактах с ним. Эти характерные значения отличаются от природных, описываемых физикой и химией.

В качестве примера рассмотрим рис. 12.1. Экспериментатор может, следуя физикалистской модели, попросить участников эксперимента измерить длину линий, соединяющих стрелки, и сообщить о своих результатах. Это разрушило бы иллюзию, возникающую при использовании феноменологической процедуры. Другой пример — чешский физиолог Пуркинье наблюдал за тем, как в сумерках изменяется окраска цветочных клумб в его саду. Красный превращался в серый, тогда как голубой становился светлее и был различим даже после того, как все остальные цвета исчезали. Заняв нейтральную позицию, — заключив в скобки все предыдущие отношения и принимая то, что он видел, а не интерпретируя свои «знания» о том, что голубое, а что красное, — он открыл истинную сущность, присутствующую в условиях такого освещения. Об этом эффекте изменения цветов нельзя узнать посредством считывания данных с инструментов, потому что он относится к уровню организма. Сегодня он известен как эффект Пуркинье и применяется в изучении того, какие цвета проявляются более, а какие — менее ярко при раз-

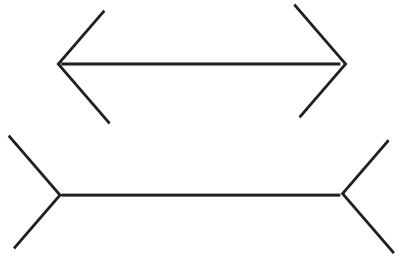


Рис. 12.1. *Иллюзия Мюллера—Лайера. Для феноменологов важно не знание о том, что линии на самом деле одинаковой длины, а осознание того, какими они кажутся нам*

личной интенсивности освещения. Феноменологи ссылаются на это открытие как на пример того, какие плоды может принести феноменологический метод и как важен он для психологии (хотя сам Пуркинье и не знал о том, что он использует именно этот метод).

Отношения (аттитюды) к событиям природного мира возникают в определенное время и в определенном контексте или формируются на основе определенной теории. Например, ньютоновская физика рассматривала гравитацию как силу, действующую на расстоянии между находящимися в пространстве телами; в общей теории относительности гравитация считается эквивалентной ускорению в пространстве, искривленном массой тел. В противоположность этим теоретическим построениям, знание сущности — такое как видимая разница в длине линий, порождаемая иллюзией Мюллера—Лайера, — согласно последователям Гуссерля, свободно от любых теорий, мнений, предположений, предрассудков, культурных убеждений и т. п. Это знание абсолютно, безотносительно и вечно. Женщина каменного века и брокер с Уолл Стрит интуитивно постигают одну и ту же сущность. Некоторые из психологов феноменологического направления отвергают утверждение об абсолютности (например, Snyder, 1988), некоторые полностью отвергают взгляды Гуссерля (например, Henley, 1988). В то же время другие настаивают, что феноменологическая философия с ее трансцендентальной редукцией (которую часто называют «феноменологической редукцией» или просто «редукцией») является необходимым основанием научной психологии (например, Davidson, 1988; Jennings, 1986).

К концу своей жизни Гуссерль начал разрабатывать направление феноменологической психологии, в рамках которого он допускал использование экспериментальных методов как вспомогательных по отношению к феноменологическому методу. Но он всегда отрицал, что собрание коррелированных фактов является задачей эмпирической психологии. Для него наиглавнейшим оставалось раскрытие смыслов вещей для людей, вступающих в отношения с окружающим миром, жизнь, как она проживается людьми.

Ученик Гуссерля, Мартин Хайдеггер (1889–1976), указывал на то, что не может быть сознания отдельно от мира и не существует никаких методов достижения абсолютной достоверности. Хайдеггер отвергал трансцендентальную редукцию и доказывал, что люди связаны со своим миром, — они взаимодействуют с миром через социальную среду. Следовательно, наиболее фундаментальные вещи, из тех, что мы знаем, исходят от общества — общественное знание — или берут начало в повседневном практическом опыте. Знание не индивидуально. Философия формируется на основе того общественного знания, а не является, сама по себе, исходной точкой (по)знания, как полагали философы. Однако он остался верен принципу феноменологии, утверждая, что философия основывается не на информации, полученной из опыта (empirical information), а на прозрении (insight), самоочевидность которого обусловлена самой структурой опыта.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВЕТВЬ

Мерло-Понти

Первые попытки непосредственно применить феноменологический подход к психологии были предприняты во Франции. Центральной фигурой здесь был Морис Мерло-Понти (1908–1961) — профессор психологии и детской педагогики в Сорбонне, в Париже, позже получивший место профессора философии в Коллеж де Франс. (Пост в Сорбонне впоследствии занял Жан Пиаже, заменивший феноменологический подход к психологии детей своей структуралистско-когнитивной детской психологией.) Именно через работы Мерло-Понти феноменология стала известна американским психологам. В своей книге «Структура поведения» (Structure of Behavior, 1963) он, как и предполагает название, во многих важных моментах сходится с бихевиоризмом. Однако это не механистический бихевиоризм Уотсона, а более широко понимаемая концепция бихевиоризма. В интерпретации Квэйла и Гриннеса (Kvale & Grenness, 1967), поведение — это «смысловая связанность человека с миром», и в таких взаимоотношениях «ни один из них не может быть определен независимо от другого» (p. 137).

Главной целью Мерло-Понти было изучение отношений между сознанием и миром природы, и сознание он рассматривал как форму поведения. Он отвергал представление о сознании как о чистой субъективности. Для него поведение является частью структурированного контекста и заменяет собой раздвоенность души и тела. Под структурой понимается диалектический процесс или взаимоотношение как часть контекста. Эти взаимоотношения имеют более или менее устойчивую форму. Например, чувство радости изменяет свои свойства от ситуации к ситуации и от момента к моменту. Оно никогда не бывает одним и тем же дважды, однако обладает поддающейся осмысленной интерпретации общностью, формой или структурой, которая сохраняется во всех случаях.

В аналитическом подходе Мерло-Понти предполагаемый трансцендентальный разум и механистические реакции на стимулы уступают место взаимодействию или диалектическому взаимообмену между конкретным человеком и миром этого человека. То есть вместо того чтобы брать в качестве исходной предпосылки призрачную управляющую инстанцию внутри организма или реакции, вызванную обусловливанием, он рассматривает конкретные взаимообмены между человеком и его миром. Устройство человеческого тела, отличающееся спецификой его органов чувств, мобильностью, способностями мыш-

ления, восприятия и т. п., влияет на отбор форм поведения, который производится в этом диалектическом круговороте. Эти формы поведения, в свою очередь, обеспечивают дальнейший отбор ситуаций, в которых участвует человеческое тело, и характеристик его поведения. Этот диалектический процесс заключает в себе смыслы (meanings)[3].

Вместо того чтобы ссылаться на стимулы, которые вызывают реакции, Мерло-Понти замечает, что нельзя идентифицировать стимул отдельно от реакции, — в качестве примера можно взять хотя бы болезненные стимулы. Более того, стимул в действительности является одновременно «и физическим событием, как оно есть, само по себе, — с одной стороны, и ситуацией, как она есть "для организма", — с другой, и только впоследствии оформляется в нечто определенное в реакции» (p. 129). Иными словами, при формировании поведения важны не физические свойства стимулов, а то, что объект или событие значат для человека. Хорошее вино может означать великолепные вкусовые ощущения для ценителя вин и дьявольскую жидкость для мусульманина. Физические свойства вина, такие как относительное содержание воды, алкоголя и эфирных масел, не оказывают прямого влияния на этот диалектический процесс восприятия.

И, точно так же, как стимул можно рассматривать с двух различных сторон, это можно сделать и по отношению к реакции. «Сумма фактически произведенных движений» имеет «объективное отношение к физическому миру», тогда как те же самые движения, когда они предстают в виде «так называемого поведения», имеют «внутреннюю структуру (articulation), которая образует кинетическую мелодию, наполненную смыслом» (p. 130). То есть движения просто как движения материалистичны и лишены смысла, а движения как поведение (во взаимодействии со стимулом, предположительно наделенным смыслом) — это часть осмысленного мира, того мира, который дан нам в опыте. Стимул и реакция «внутренне соединены через принадлежность к структуре» (p. 130), что предполагает скорее циклический процесс, чем линейную причинно-следственную связь. Не стимул вызывает реакцию, но стимул и реакция взаимодействуют друг с другом, давая начало непрерывно изменяющимся смыслам.

Книга Мерло-Понти «Феноменология восприятия» (Phenomenology of Perception) нацелена более на обеспечение базиса для его философии, чем на создание модели для психологии. Тем не менее в ней можно найти много такого, что имеет отношение к психологии; кроме того, подобно *«Структуре поведения»,* эта работа твердо опирается на доступные в то время исследования в области психологии, психопатологии и клинической медицины (в особенности, травм головного мозга) и во многих местах ее положения подкреплены подробными ссылками на эти исследования.

Он отвергает метод «заключения в скобки» Гуссерля, потому что опыт контакта с миром первичен, и восприятие дает нам этот первичный опыт, пусть и искаженный ограниченными возможностями перцепции. Так как мы обязательно должны пользоваться телом, имеющим свое определенное положение в пространстве, мы всегда видим вещи в этой ограниченной перспективе. Поэтому область того, что мы можем узнать, всегда ограничена. Тем не менее именно восприятие, настаивает Мерло-Понти, открывает нам «окно» к смыслам (meanings). Оно обеспечивает путь к пониманию диалектического взаимодействия сознания и мира. В основе восприятия лежит направление внимания. В объективистском мире, замечает Мерло-Понти, у нас не было бы никаких средств для того, чтобы выделить один объект или одну ситуацию, а не другой объект или другую ситуацию. Однако опыт внимания (the experience of attention) выделяет для нас фигуру из того, что прежде было фоном. И мы видим птицу на дереве — фигуру, тогда как раньше мы видели только дерево, фон. Направление внимания обеспечивает единство новых смыслов, но оно не создает новых смыслов и даже не предусматривает их возникновение. Новые смыслы возникают в процессе восприятия, как это происходит при внимательном рассматривании куба (впервые описанном в книге «Структура поведения»). В ходе феноменологической редукции человек обнаруживает, что никак не может увидеть куб как нечто, имеющее шесть сторон и равные углы. Вместо этого куб «представляется нам в виде серии профилей, каждый из которых заявляет о кубе во всей его цельности, но не обнаруживает его» (Brannon, 1967, p. 29). То, что мы на самом деле видим, зависит от контекста, такого как освещение, угол зрения и расстояние до наблюдателя. Но никогда куб не предстает для нас пространственной фигурой, имеющей шесть сторон. Это возможно только в совершенно отстраненном сознании. Переопределяя и распознавая объект и сознание его через

[3] Гуссерль говорил о нашей смыслообразующей активности (meaning-making activity) как об «интенциональной стреле сознания». В основе ее формирования лежат два источника: *внутренний горизонт* нашего сознания с его областью смыслов (meanings) и *внешний горизонт* объектов и смыслового контекста, в который они встроены. Хотя Мерло-Понти для обозначения этих взаимоотношений применял концепцию диалектики, Квант (Kwant, 1966) утверждает, что к концу своей жизни он заменил диалектику, как некую форму дуализма, взаимообратимостью и взаимозаменяемостью или взаимосообщением между различными способами реагирования: между осязанием и зрением, восприятием и речью, — и даже взаимообратимостью между разными людьми. Далее, «взаимообратимость проявляет себя в отношениях между миром и человеком: человек — это часть мира, но такая часть, которая содержит в себе целое... Здесь дается интерпретация человека и мира» (p. 90–91).

опыт, в котором они оба появляются, человек действует феноменологически.

Вместо того чтобы рассматривать восприятие как физиологическую функцию тела, Мерло-Понти говорит, что тело обеспечивает условия для восприятия объектов и извлечения смыслов из этого восприятия. Объект — это структура для сознания, а сознание всегда направлено на какой-то объект. Сознание объекта и структура для сознания, которую дает объект, не могут существовать друг без друга[4]. Таково диалектическое взаимодействие. Каждая из сторон подразумевает наличие другой, своей противоположности. Тело приобретает завершенность только вместе с сознанием. Объект, таким образом, противоположен телу и существованию, которому тело придает устойчивую структуру. Смысл — настолько же принадлежит телу, насколько и объекту: по выражению Мерло-Понти, «j'en suis», — «я есть с этим». Джорджи (1975), защищая ту же идею, говорит: «Обтекаемость форм является свойством самолета, так же как и свойством моего восприятия, когда я смотрю на самолет» (p. 207). Это не значит, что одно объективно, а другое субъективно. Обе точки зрения объективны, — каждая по-своему.

Согласно анализу ощущений, проделанному Мерло-Понти, каждый из видов ощущений — вкус, зрение, слух, обоняние — привязан к своей отличной от других структуре поведения, причем эти структуры не могут заменять друг друга, но могут взаимно глубоко проникать друг в друга. Мы смотрим на барабан и видим его громкость. Мы читаем афоризм и видим его мораль. Мы видим прочность в стальном бруске и тяжесть в огромном валуне; мы слышим огонь в «зажигательном» джазе*; мы слушаем музыку с живым ритмом и чувствуем прилив энергии. Перцептивный синтез происходит на уровне тела, а не на уровне мышления или интерпретации. Мы смотрим на мир двумя глазами и видим единую картину не потому, что образы трансформируются нейронами, не потому что мы мысленно объединяем две картины или реинтерпретируем две картины как одну, а вследствие организации человеческого тела как взаимодействующего с окружающим миром. Межмодальные сенсорные события (слышимый огонь в звуке джазовой трубы) предполагают участие перцептивного синтеза, подобного тому, который имеет место в случае внутримодальных перцептивных событий (когда мы смотрим двумя глазами и видим один предмет). Чувственное восприятие (sensing) требует участия всего тела, но в особенности — связанной с ним сенсорной модальности. Нет никакой надобности в интерпретаторе — нейронном или интеллектуальном. Вместо этого существует единство зрительной интенциональности с видимым объектом. Мерло-Понти говорит о «корнях разума в теле и в мире» (1964b, p. 103), в противоположность концепции восприятия как результата механистического воздействия стимулов на органы чувств, или разума как интерпретирующего агента, помещенного внутри тела. Вероятно, высказывание по поводу цвета, приведенное ниже, также описывает ту глубокую взаимозависимость тела и его мира, которую подчеркивает Мерло-Понти: «цвета... сами по себе представляют различные модальности нашего сосуществования с миром» (1964b, p. 5).

Для понимания восприятия очень важен вопрос о перцептивных *константностях*. Возьмем, например, константность величины: почему взрослого человека на расстоянии мы видим не маленьким, а таким же по размеру, как и тогда, когда этот человек находится рядом? Согласно Мерло-Понти, так происходит не потому, что некое отстраненное сознание или мозг реинтерпретирует величину объекта с изменением расстояния до него. Причина в том, что в восприятии, как оно проживается нами, мы обладаем опытом восприятия взрослого человека одних и тех же размеров на разных расстояниях относительно соответствующего фона. Подобным образом Мерло-Понти (1964a) трактует и другие виды константности восприятия.

Роль освещения в восприятии, настаивает он, заключается не в том, что мозг преобразует световые волны в ощущение цвета или в образ объекта. Мы не видим освещения, мы видим *в соответствии с ним*; оно является посредником, представляющим те вещи, которые мы действительно видим. Освещение выполняет посредническую функцию в восприятии цвета и обеспечивает условия видения.

Так как, по мнению Мерло-Понти, человек и его мир взаимно включают в себя друг друга, он находит, что психологические события не предполагают причинно-следственных отношений. Окружающий мир не является причиной поведения человека. Это означает, что феноменологическая психология не занимается экспериментальным изучением причин и следствий; на том же основании она отвергает независимые и зависимые переменные, контрольные группы и проверку гипотез. Гипотеза подразумевает, что есть некие скрытые условия, вызывающие доступное наблюдению событие, и потому это причинно-следственное предположение также заменяется описанием мира, как человек его переживает.

Мышление Мерло-Понти рассматривает как выражение ранее пережитого нами опыта («Структура поведения»). Однако оно не только содержит прежние, но и придает новые смыслы вещам. Мышление, заключает он, не локализовано внутри нас, но интенционально связано с вещью, о которой мы думаем, а потому не может быть локализовано нигде, кроме как в отношении, однако это отношение ис-

[4] Квант (Kwant, 1963) отмечает, что он описывает сознание (consciousness) как «присутствие человека для себя самого» («a presence of man to himself») (p. 228), но никак не анализирует его.

* В оригинале «hot trumpet». — *Прим. перев.*

ключает себя, то есть оно не рефлектирует (не обращено на) себя. Подобно восприятию и другим формам психологического поведения, мышление не является продуктом нейронной активности, хотя и зависит от тела. Оно также представляет собой диалектический процесс.

Анализ психологических событий, проделанный Мерло-Понти, показывает, что он пытается избежать как дуализма «душа — тело», так и физиологического редукционизма в пользу отношений «организм — среда». «Истина не “обитает” исключительно во “внутреннем человеке”, точнее, нет никакого внутреннего человека; человек находится в мире, и только в мире он познает себя» (Merleau-Ponty, 1962, p. xi).

Сартр

Некоторые работы Мерло-Понти были созданы в соавторстве с драматургом, новеллистом и философом-экзистенциалистом Жаном-Полем Сартром, который также был связан с Сорбонной. Экзистенциализм интересует не сущность (essences) вещей, как феноменологию Гуссерля, а их *существование (экзистенция)*, как оно дано в опыте каждому конкретному человеку, и прежде всего — в нерациональном опыте. Экзистенциализм отказывается от закономерного, предсказуемого, причинно-следственного мира физики в пользу личного, человеческого. Физические объекты *обладают* существованием, тогда как люди сами по себе *есть* существование. Наш опыт — это то, что мы есть, совокупность наших действий. Для Гуссерля сущность предшествует существованию, но для Сартра существование предшествует всему, и все из него проистекает. Иными словами, все человеческие характеристики проистекают из человеческого существования. Люди являются тем, что они есть благодаря своему существованию. Именно существование конкретно, тогда как все остальное — абстракция. Человеческое существование всегда находится в процессе изменения. Человек пребывает в непрерывном процессе становления, постоянно изменяясь и развиваясь.

Хайдеггер оказал значительное влияние на Сартра и других авторов. Хотя он не признавал попытки рассматривать его как экзистенциалиста, тем не менее его работы являются характерным примером некоторых присущих экзистенциализму черт. Хайдеггер явился преемником Гуссерля по Фрейбургскому университету и дал интенциональности новое имя «бытие-в-мире» («being-in-the-world»), или, в немецком оригинале, *Dasein* (*Дазайн*), где *sein* означает бытие, а *da* — вот. Философия, утверждает Хайдеггер, это не учение о сознании, а учение о бытии. Люди присутствуют в мире. Он подчеркивает, что термин «бытие» выступает как глагол, в противовес «бытию» как существительному. Поскольку люди отчуждены от бытия как живого действия (бытия-в-мире) и прочно привязаны к бытию в качестве объектов, задачей психологии является изучение модуса бытия-в-мире каждого индивида. Если люди будут оставаться отчужденными от своего собственного бытия-в-мире, они могут утратить свою целостность и превратиться в психопатов. Поскольку люди сталкиваются с непостижимым миром и перспективой неминуемой смерти, они испытывают страх и боль. Они пытаются преодолеть свой страх, облекая его в конформность и конвенции мышления и речи, но в этом случае они теряют свою аутентичность. Чтобы быть аутентичными и свободными, люди должны быть верны себе, принимая субъективное значение смерти с ее небытием. Тревога коренится в страхе небытия, которое наступает вместе со смертью, и в нежелании принять ее неизбежность. Приняв свою конечность, мы можем начать постигать свое истинное существование как противоположное несуществованию смерти. Хайдеггер также анализировал связь человеческого существования с заботой и настроением, утверждая, что неправильно говорить о том, что «у нас есть настроение»; мы не *чувствуем* радость или грусть; скорее, мы *являемся* радостью или грустью.

В чем же смысл человеческого существования? — спрашивает Сартр и приходит к выводу, что ни человеческое существование, ни существование мира не имеет никакого смысла. Нет никакой причины, по которой люди либо мир должны существовать. Также невозможно существование Бога; фактически его существование было бы противоречием. Люди создают Бога, и сущностью Бога является человеческое существование. И все же люди и их сознание существуют, заявляет Сартр, и этот факт не поддается никакому объяснению.

Согласно Сартру, наиболее характерной особенностью людей является их способность делать выбор. Они свободны. Фактически для Сартра люди не *обладают* свободой; они *есть* свобода. Они обречены постоянно делать выбор и пожинать плоды своих выборов. Поскольку Бог не существует, люди одиноки и должны обращаться не к Богу за божественным наставлением, а к самим себе в принятии решений и предвидении их последствий. Это тяжелейшая ноша, от которой люди могут желать избавиться. Реализация своей свободы может вести к тревоге и отчаянию, с которыми они должны научиться жить. Принятие решений, однако, обеспечивает их личностный рост и самоопределение. Одна из форм экзистенциальной терапии работает с отчаянием, которое, по мнению экзистенциалистов, приходит с осознанием собственной свободы в различных контекстах.

Среди работ Сартра — такие книги, как «Психология воображения» (Psychology of Imagination, 1940/1948) и «Очерк теории эмоций» (Emotions, 1948/1953). Для Сартра образы представляют собой акты, а не вещи, и состоят из осознания вещей. Образы не присутствуют в сознании, а представляют собой *тип* сознания. Что касается эмоций, они предоставляют нам средства превращения жестокой реальности в нереальный мир. Человек может реагировать на болез-

ненную ситуацию, например, путем ее отрицания либо каких-либо других нереалистических реакций. Человек может реагировать на запутавшийся шнурок тем, что начнет с раздражением дергать его, вместо того чтобы подойти к ситуации рационально. Упорядоченные отношения могут уступить место иррациональным. Феноменологическая редукция, утверждает Сартр, позволяет человеку понять, почему он реагирует эмоционально, а не более рассудочно. И здесь мы снова видим зерно терапевтической процедуры. Задачей Сартра как экзистенциалиста является интерпретировать индивидуальную историю жизненных выборов, вплетенных в различные контексты. Экзистенциализм обращается к «эмоциям и больным вопросам смысла жизни, страдания и смерти... [и] уникальным индивидуальным проблемам повседневного существования... [Он] концентрирует свое внимание на том, как человек существует в мире, и на его отношении к миру и своим человеческим собратьям» (Misiak & Sexton, 1973, p. 81). Если феноменология ограничивается рассмотрением того, что она называет «сознанием» (восприятием, памятью, мышлением и т. д.), то экзистенциализм помещает сознание в контекст жизни-как-она-проживается (life-as-it-is-lived).

Сартр, Мерло-Понти и Хайдеггер рассматривали человеческую реальность как бытие-в-мире. Однако Сартр полагает два типа реальности: (а) нечеловеческую, являющуюся неодушевленной и детерминистской, которую он называет *en soi* (бытие-в-себе), и (б) чистое сознание человеческой реальности, которое он называет *pour soi* (бытие-для-себя). Таким образом, он придерживается определенной формы психофизического дуализма.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В США

В Соединенных Штатах центром данного направления психологии является Университет Дукесне (Duquesne University) в Питсбурге, штат Пенсильвания, где Адриан ван Каам (Adrian van Kaam) из Нидерландов создал отделение психологии с конкретной целью преподавать феноменологическую психологию. Отделение начало издавать «Журнал феноменологической психологии» (Journal of Phenomenological Psychology) в 1971 году, и в том же году стали выпускаться «Труды университета Дукесне по феноменологической психологии» (Duquesne Studies in Phenomenological Psychology). Большинство материалов в этих изданиях было посвящено вопросам методологии и измерений в феноменологической и клинической психологии. В 1983 году был выпущен юбилейный, четвертый выпуск, отмечавший 25 годовщину отделения психологии. В нем сообщалось, что выпускники отделения преподают в 25 высших учебных заведениях США — внушительное достижение, особенно если учесть, что большинство выпускников становятся не преподавателями, а практикующими психологами. Университет Даллас в Ирвинге, штат Техас (The University of Dallas in Irving, Texas), также предлагает курс феноменологической психологии.

Одним из ведущих представителей данной системы в американской психологии является Амедео Джорджи (Amedeo Giorgi), который описывает ее предмет

> «...как контекстуализированные и определяемые ситуативно опытно-поведенческие отношения человека с самим собой, миром и другими. Таким образом, базовой единицей психологического анализа является ситуация, и анализ всегда нужно начинать с конкретного поведения и опыта индивидуума в определенной ситуации, однако это не следует понимать на чисто физическом уровне. Горизонты будущего (намерения, ожидания и т. д.), а также история (воспоминания, привычки и прошлые интерпретации) как поведения, так и опыта, *принадлежат* конкретной ситуации, формирующей базовую единицу (анализа). Аналогичным образом, сеть латеральных отношений со значимыми другими, оказывающими влияние на специфические формы поведения, также относится к ситуации. Конкретное наполнение ситуации определяется тем, что спонтанно относится к ситуации самим субъектом, а не только тем, что представлено исследователю на уровне восприятия» (Goirgi, 1976, p. 330).

Фраза «поведение и опыт» регулярно используется в данной системе, и на первый взгляд предполагает наличие дуализма «разум—тело». Однако оба существительных представляют собой не арифметическую сумму, как можно предположить, исходя из союза «и»; они представляют собой две точки зрения — со стороны наблюдателя и со стороны субъекта действия. Поведение — это то, что я делаю с вашей точки зрения; опыт — это то, что я делаю со своей собственной точки зрения. Союз «и» обозначает диалектическое отношение между наблюдателем и субъектом действия, включающее смену ими (внешней и внутренней) точек зрения. Опыт и поведение предполагают «одну реальность — человеческое действие, рассматриваемое с двух различных сторон» (Romanyshyn, 1978, p. 34). На такое понимание указывает также и ссылка Джорджи на «контекстуализированные и определяемые ситуативно опытно-поведенческие отношения человека с самим собой, миром и другими» в приведенной выше цитате. С точки зрения наблюдателя, действие может быть либо видимым, либо невидимым; то же самое верно и в отношении субъекта действия.

Исследования детского развития также привлекались экзистенциалистами для того, чтобы поставить

под сомнение различение между разумом и телом, или внутренним и внешним. Симс (Sims, 1993) сообщает, что дети не различают внутреннее и внешнее (разум и тело), и их рисунки иллюстрируют те смыслы, которые мир имеет для ребенка, те вещи, которые они выбирают для его изображения, и способ, каким они изображают его: например, выходящие из головы пальцы; дом, передняя и задняя стороны которого видны одновременно; кот с двумя лапами, вытянутыми в стороны от тела. Мир

> «...выстреливается векторами смысла, а не сооружается из элементов концептуального мышления... Представление Мерло-Понти о "проживаемом теле" ("lived body") предполагает, что мы переживаем опыт наших тел не как анатомических, механических, внешних оболочек наших душ, но как сил, которые вступают в взаимодействие с окружающей средой... Ребенок, проживающий свое тело, переживает его не как объект, но как переплетенное с ситуацией осмысленным образом. Нет ничего субъективного внутреннего и объективного внешнего по отношению к проживаемому телу, а лишь поток жестов между собой и другим» (p. 36).

Иногда феноменологическая психология используется в сочетании с экзистенциализмом под громоздким названием экзистенциально-феноменологическая психология. «Экзистенциальная» составляющая этого термина относится к исключительно человеческим характеристикам существования, таким как свобода, надежда, любовь, счастье, отчаяние, беспокойство, гордость и решимость. Его «феноменологическая» составляющая относится к дескриптивному методу определения структуры, сущности или формы осмысленного мира. Мир и человек не существуют отдельно друг от друга. Они сосуществуют и соформируют один другого, подобно тому как переходящие одна в другую части известной иллюстрации с вазой и двумя профилями лиц также соформируют друг друга. Без одного из них другой не имеет смысла (Valle & King, 1978).

ИМПЛИЦИТНЫЕ ПОСТУЛАТЫ

Поскольку Мерло-Понти является основателем и центральной фигурой в феноменологической психологии, представляется естественным выбор его кандидатуры в качестве источника для составления списка постулатов данной системы. Некоторые из постулатов с достаточной очевидностью вытекают из его работ, тогда как другие потребовали более сложного логического вывода. Приводимый ниже перечень является, в известной степени, предварительным.

Протопостулаты (общие руководящие допущения, касающиеся науки в целом):

1. Природа не представляет собой тотальной взаимозависимости всего, при которой не существует никаких различий; в то же время она не складывается из изолированных процессов. Природа состоит из структур, включенных в непрерывные отношения, являющиеся свойствами целостностей.

2. Наука занимается поиском законов, которым подчиняются эти структуры.

3. Структура и закон представляют собой диалектическую или реципрокную пару, а не отдельные сущности (beings).

Метапостулаты (поддерживающие допущения для конкретной науки):

1. Психологические события не сводимы к биологии, химии или физике, которые, однако, обеспечивают условия реализации поведения.

2. Наряду с физическими характеристиками мир обладает смыслами. Именно эти смыслы представляют главный интерес для психологии.

3. Ни внутренние, ни внешние определяющие конструкты (determiners) не являются релевантными для научной психологии.

Постулаты (допущения, касающиеся предмета изучения):

1. Поведение невозможно адекватно понять ни как механические реакции на стимулы, ни как вызванное заключенной внутри организма душой (mind).

2. Поведение представляет собой взаимодействие, диалектический обмен, отношение.

3. Имеющее смысл поведение составляют отношения между субъектом (конкретным человеком) и объектом, однако человек более важен, чем отношение.

4. Объективное и субъективное различаются только как системы отсчета.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Вероятно, наиболее известным исследованием с использованием феноменологического подхода стало экспериментальное исследование, проведенное Альбертом Мишоттом (Albert Michott) в университете Ловэн (Louvain) в Бельгии. Мишотт занимался изучением воспринимаемой причинности. В одном эксперименте он проецировал два световых пятна на экран. В зависимости от того, как эти пятна сближались, соединялись и расходились, испытуемые воспринимали какое-либо одно из пятен как причину

движения другого. Мишотт открыл ряд принципов, включая *запуск (launching)* и *вовлечение (entrainment)*. Впечатление запуска возникает, когда объект А движется навстречу Б и останавливается, а Б начинает двигаться в том же направлении, что двигался А. Испытуемые видят, что А толкает Б. Эффект вовлечения возникает, когда А продолжает двигаться вместе с Б; кажется, что один объект захватывает другой и тащит его за собой. Однако эффекты варьируются в зависимости от различных паттернов стимульных условий, которые Мишотт исследовал очень тщательно. Ему удалось продемонстрировать характер воспринимаемых причинных значений (causal meanings). Другие исследователи смогли повторить и тем самым подтвердить результаты, полученные Мишоттом.

Наиболее важным в этих экспериментах явился не тот факт, что испытуемые осмысливали причинность на основе законов физики, касающихся массы, скорости и импульса, хотя объектами наблюдения в них были всего лишь световые пятна. Важным является то, как вещи переживаются в опыте. Причинность, указывает Мишотт, существует феноменологически, независимо от знания физики, а иногда даже в противоречии с физическими законами. Он приходит к заключению, что восприятие является не интерпретацией (мы видим, когда мы умственно интерпретируем то, что мы видим), но способом непосредственного получения опыта (Michotte, 1963, 1991). В другой серии экспериментов он исследовал кажущееся постоянство (apparent permanence). Мишотт показал, при каких условиях объект, когда он исчезает из виду, например скрывается за ширмой, все еще воспринимается как существующий (обладающий постоянством) и при каких условиях он просто исчезает и прекращает свое существование. Другие исследования показывают, каким образом люди воспринимают двумерное изображение как трехмерное. Поскольку стимульные паттерны определяют характер такого восприятия, для его объяснений не нужно прибегать к предположению о когнитивном интерпретаторе. Эксперименты Мишотта хорошо согласуются с более поздними работами Гибсона по экологическому восприятию (Gibson, 1979; см. главу 13, с. 328). Исследования Мишотта указывают путь к строгой методологии изучения значений / смыслов, включающей как феноменологию, так и экспериментальные процедуры; тех же результатов невозможно достичь при отсутствии любой из этих составляющих.

В случае принятия решений феноменологический метод дает иные результаты, чем метод когнитивной психологии. Когнитивист использует экспериментальный метод, чтобы найти правило или стратегию, которые человек использует, производя выбор. Один из полученных когнитивистами результатов состоит в том, что человек приписывает определенные атрибуты каждому возможному выбору, суммирует эти атрибуты и выбирает вариант, имеющий максимальную сумму. Феноменолог рассматривает такое объяснение как игнорирующее контекст, а также исторические и культурные связи, утрачиваемые в абстрактных стратегиях, являющихся следствием навязанных экспериментатором структур. В то же время такие результаты не дают адекватной картины опыта человека, делающего выбор. Это и неудивительно, поскольку когнитивист планирует экспериментальную ситуацию таким образом, чтобы изучать только стратегии, и вряд ли может увидеть альтернативы или дополнительные операции. При феноменологическом подходе исследователь пытается описать *процесс* выбора, прося испытуемых думать вслух и записывая их отчеты (Karlsson, 1987, 1988, 1992). Анализ таких отчетов показывает, что использование стратегий — это только одна из нескольких операций или фаз принятия решения. К таким фазам относится, во-первых, поиск и уточнение информации; затем оценка и сравнение альтернатив; отсеивание и выбор альтернатив; и наконец, подтверждение выбора.

Большинство когнитивных психологов рассматривают мышление, восприятие и запоминание как обработку информации — концепция, заимствованная из области вычислительной техники. Они также полагают, что процесс мышления, осуществляемый при игре в шахматы, можно моделировать с помощью компьютера, и придают большое значение таким компьютерным программам. С целью проверки правомерности аналогии между человеком и компьютером, играющим в шахматы, Аанстуз (Aanstoos, 1983,1987) просил опытных игроков думать вслух во время игры. Он обнаружил, что человеческие подходы к игре совершенно отличны от компьютерных. Компьютер перебирает миллионы возможных комбинаций ходов и их последствий для того, чтобы сделать эффективный выбор. Даже компьютеры, специально запрограммированные на более избирательный поиск, проверяют несколько тысяч вариантов. В отличие от компьютера, люди рассматривают игру в перспективе и составляют план игры, рассматривая небольшое количество альтернатив в пределах данного плана. Игра компьютера основана на следовании жестким предписаниям, тогда как человек использует их лишь в качестве вопросов, на которые можно ответить положительно или отрицательно, а в ряде случаев и пересмотреть их позже. Наконец, компьютер использует символы с целью манипулирования математическими вычислениями, тогда как человек использует символы для представления целостной картины отношений между различными шахматными фигурами.

Феноменологические исследования охватывают широкий спектр тем. Два описанных выше исследования, в которых использовался метод мышления вслух, были разработаны с целью проверки предположений, касающихся когниций. Иногда метод мышления вслух и анализ аудио- и видеозаписей называют экзистенциально-феноменологическим методом. Анализ текстов и других источников, таких как про-

изведения литературы и искусства, фольклорные обряды, фильмы, пьесы, автобиографии и телепередачи называют герменевтико-феноменологической психологией. Ее название берет свое начало от герменевтики (названной по имени *Гермеса* [*Hermes*], посредника между богами и людьми, и *герменевта* (*hermeneutes*), толкователя); представители этого научного направления пытаются найти основополагающие объяснения и произвести анализ библейских текстов. (См. работу Eckartsberg [1986], в которой описывается данная методология и примеры исследований.) Методы герменевтики распространяются также на дискурс и психотерапию (см. с. 315).

Ниже следует перечисление некоторых из множества других тем, к которым обращается феноменологическая психология. Рахилли (Rahilly, 1993) использовала метод заключения в скобки и анализа при изучении опыта аутентичности. В данном случае исследователь использовал экзистенциально-феноменологический метод для изучения экзистенциального понятия. Квэйл (Kvale, 1983) провел и записал интервью с датскими детьми, посвященное их школьным отметкам, и проанализировал их по шести аспектам значений. Он сравнил проделанный им анализ с качественной процедурой, используемой в маркетинговых исследованиях, когда проводятся интервью с потребителями с целью определения скрытых значений, таких как ценность автомобиля, выходящая за рамки оценки его как средства передвижения — престиж, сексапильность, мачизм*, — эти мотивы впоследствии эффективно используются в рекламе.

В исследовании стыда Абламовиц (Ablamowicz, 1992) записала на магнитофон несколько интервью, в каждом из которых участвовало по восемь студентов-выпускников. Затем она прослушала записи с целью формирования феноменологического описания, за которым последовал редуктивный анализ (reductive analysis), а затем — феноменологическая интерпретация. Изучая феноменологию стыда, в противовес взгляду на стыд как на принцип или субстанцию, она обнаружила, что этот феномен является не столько переживанием, от которого человеку хочется избавиться, сколько частью индивидуального мира, универсальным естественным опытом, и что признание этого факта может облегчать межличностную коммуникацию. Данилюк (Daniluk, 1993) изучала опыт сексуальности у женщин, записывая на магнитофон дискуссии, посвященные данному вопросу. Две студентки-выпускницы, одна из которых была участницей дискуссии, проанализировали эти записи. Затем обе провели встречи с исследователем, также участницей дискуссий, с целью синтеза и интеграции тем, выделенных обеими женщинами, проводившими анализ. Наконец, участницы самой дискуссии выразили свои точки зрения по данным темам, еще далее развивая выделенные темы. Один из результатов исследования сводился к следующему: женщины считали, что медицина и религия, в каждой из которых присутствует ориентация на господство мужчин, заставляли их чувствовать себя «совершено никчемными» (has been «severely disenabling» to them).

Симон (Seamon, 1982, 1987) провел обзор феноменологических исследований и методологического вклада феноменологии в энвайронментальную психологию. Q-методология обеспечивает еще один тип исследовательской процедуры. Поскольку ограниченное владение речью маленькими детьми не позволяет им адекватно выражать свой опыт, была использована Q-методология, включающая сортировку картинок на группы от «это больше всего похоже на меня» до «это меньше всего похоже на меня» и проведен факторный анализ результатов, обеспечивший объективное измерение детской субъективности (Taylor, Delprato & Knapp, 1994). Наконец, обзор 48 статей о шизофрении, опубликованных в «Британском журнале психиатрии» (British Journal of Psychiatry), показал, что 24 из них носили феноменологический характер (Mortimer, 1992). Использование феноменологической исследовательской ориентации в сочетании с другими разнообразными методологиями приобретает все большее число сторонников.

ПСИХОТЕРАПИЯ

Поскольку феноменологический подход использует непосредственный опыт как «данность» и рассматривает его как отправную точку, опыт предшествует объяснению. Чтобы постичь сущностную природу чего-либо, включая проблемы адаптации и поведенческую патологию, мы должны наблюдать поведение, прежде чем пытаться объяснить его или вскрыть его причины (точно так же, как мы должны увидеть цвета, ощутить запах, испытать иллюзии, прежде чем пытаться объяснять их). В области клинической психологии мы должны сначала определить, что испытывает человек, страдающий наркотической зависимостью или депрессией, а уж затем искать объяснения.

Комментарий человека, страдающего шизофренией (Tomecek, 1990), иллюстрирует эту тему. Этот человек критикует статью из журнала «American Psychologist» (ведущего издания Американской психологической ассоциации), автор которой призывает к искоренению шизофрении. Томечек (Tomecek) не хочет, чтобы его избавляли от шизофрении:

* Machismo, от вошедшего в английский язык мексиканского слова macho — мужеподобный, мужественный. — *Примеч. пер.*

> «Мне она нравится. Она нужна мне, чтобы выжить, и она вовсе не обязательно вступает в противоречие с остальной частью общества, так как я нашел позитивные способы справляться с ней и обогащать свой шизофренический опыт через искусство и литературное творчество. Для меня превращение в нормального человека и конформность неприемлемы, потому что это неизбежно приведет к ослаблению моих творческих способностей, потенциала, позволяющего мне найти радость в жизни, которую я испытываю сейчас, при моем стиле обучения, общения и жизни» (p. 550).

Томечек отвергает медицинскую модель, рассматривающую шизофрению преимущественно в аспекте биологии, в результате использования которой он подвергся медикаментозной и шоковой терапии, которая чуть было не довела его до самоубийства. Он также отвергает понятие реабилитации. Он хочет лишь помощи, которая позволит ему удовлетворить его потребности и минимизировать стресс. Такая позиция может быть понята только в том случае, если мы просим, чтобы ее выразил сам индивидуум, а не те, кто пытается навязать ему собственные взгляды. Этот центрированный на клиенте подход, в противоположность подходу, центрированному на терапевте, необходим для выработки адекватного объяснения (если оно вообще нужно) и составления плана лечения.

Аналогичную точку зрения выразили Лора и Реба Шеппелл (Schappell), «сиамские» близнецы, сросшиеся в районе головы и обращенные лицами в разные стороны. Несмотря на крайнее неудобство такой ситуации, они не хотят, чтобы их разделили (Angier, 1997). Такой отказ трудно понять хирургам, а иногда и родителям, которые хотят сделать жизнь таких инвалидов «нормальной». Следует ли исправлять такие врожденные нарушения, как двойственные гениталии или глухота у детей, которые еще слишком малы, чтобы самостоятельно принимать решения? Некоторые выражают недовольство тем, что их излечили, или отказываются от лечения в более старшем возрасте. Можно ли производить деформацию гениталий или обрезание мальчикам, прежде чем они дали свое согласие? Многочисленные протесты — даже со стороны ООН — выражаются против деформации гениталий у девочек, практикуемой в различных частях света. Феноменологический подход гласит, что нам следует прислушаться к точке зрения самого индивида.

Феноменологическая психология остается преимущественно академической дисциплиной и уделяет лишь незначительное внимание психотерапии. Хотя в рамках этой системы не было разработано строгих рекомендаций и стандартных методик, был сформирован ряд достаточно единообразных концепций, использующих такие термины, как «экзистенциальный невроз», «становление», «аутентичность» и «встреча» («encounter»). «Экзистенциальный невроз» — это проживание неаутентичного существования вследствие неспособности обрести смысл жизни. «Становление» означает развитие в позитивном направлении по отношению к прошлому. «Аутентичность» означает осознавание существования или того, как обстояли дела раньше и как они обстоят сейчас; более широкий смысл этого термина включает самостоятельное принятие решений, использование собственной свободы, так чтобы жить более осмысленной жизнью перед лицом страха и тревоги, которые приносит свобода[5]. «Встреча» означает отношения между терапевтом и клиентом, в которых «раскрывается нечто совершенно новое, открываются новые горизонты, пересматриваются собственные [взгляды на жизнь], а иногда даже происходит полная перестройка личности (Ellenberger, 1958, p. 119).

Согласно Мэю (May, 1958), серьезной ловушкой является чувство вины. Мэй утверждает, что это чувство возникает вследствие неспособности выполнить свои обязанности. Поскольку осознание собственной свободы выбора вызывает страх, клиент должен научиться принимать страх, вину и боль как бытие-в-мире, то есть как жизнь, как она проживается, как смысл, содержащийся в жизни. Клиент должен воспользоваться своей, теперь осознанной свободой выбора и не позволять другим принимать решения за себя. Признание смерти как небытия или несуществования также порождает тревогу.

Помимо свободы, вины и признания смерти существуют два дополнительных состояния существования: изоляция и бессмысленность (Yalom, 1980). Изоляция означает одиночество, испытываемое человеком в безразличном мире. Чувство бессмысленности возникает вследствие отсутствия абсолютных ценностей в мире: трансцендентальных богов, истин, данностей. Эти состояния существования встречаются не по отдельности, а являются взаимозависимыми, и они должны становиться предметом терапии в любых формах или соотношениях, в которых они возникают у каждого человека.

Если психоанализ сосредоточен на устранении сопротивления и вытеснения, экзистенциальный анализ сосредоточен на устранении блоков, препятствующих свободе и реализации потенциала (May, 1958). Он не избавляет ни от каких кризисов, не разрешает никаких проблем и не прибегает ни к какому лечению, как и не рассматривает клиента как страдающего патологией. Его целью является «сделать проявленным или реальным собственный экзистенциальный потенциал аутентичности [клиента]» (Anderson, 1978, p. 333). Если человек сможет принять свою тревогу и страх и научиться принимать решения (стать аутентичным), он может обрести смысл.

---

[5] Рахилли (Rahilly, 1993) рассматривает многочисленные значения термина «аутентичность», предлагаемые различными авторами; большинство из них более близки к пониманию гуманистической психологии, чем экзистенциализма.

Виктор Франкл (Victor Frankl, 1963) разработал психотерапевтический метод, который он назвал *логотерапией (*от греч. *logos* — дух или смысл). Данное направление известно также как «Третья Венская школа психотерапии» (первыми двумя являются подходы Фрейда и Адлера). Выжив в нацистском лагере смерти, Франкл понял, что последняя (final) свобода, которой обладает каждый индивид, это способность выбирать свое отношение к происходящему. Он сделал наблюдение, что из тех, кого не казнили нацисты, пережить болезни и голод смогли лишь те, кто цеплялся за желание жить. Те, кто утрачивал смысл жизни, слабели и гибли.

Франкл считает, что страдание — это неотъемлемая часть жизни, которая также придает ей смысл. Его подход к терапии состоит в поиске смысла жизни, смысла собственного существования, в процессе которого человек находит рациональное понимание эмоциональной боли или страдания. Это понимание придает страданию смысл. Средством помощи таким поискам является трагический оптимизм, испытывая который человек превращает страдание в опыт, наделенный смыслом. Это помогает человеку выработать позитивный и здоровый взгляд на подобные переживания. Поскольку не существует универсальных смыслов, каждый человек должен найти свой собственный. И по мере проживания жизни к человеку приходит много таких смыслов.

Франкл побуждает своих клиентов ставить цели в жизни. Постановка целей и усилия по их достижению мобилизуют креативность и энергию. Стремление к достижению целей и поиски смысла требуют духовных качеств (логос), считает он, — духовных в смысле воли и самостоятельности. Именно духовное здоровье обеспечивает выживание и выздоровление перед лицом тяжелых испытаний.

Другой широко известной формой экзистенциальной психотерапии является *экзистенциальный анализ* швейцарского психиатра Людвига Бинсвангера. Бинсвангер начинал как психоаналитик, но, испытав влияние Хайдеггера, принял его концепции. Его терапия исследует «экзистенциальные модусы» клиента, установленные им отношения с миром и другими людьми. Терапевт побуждает клиента стать аутентичным, вести себя так, чтобы быть верным себе, и таким образом обрести свободу.

Разновидностью экзистенциальной психотерапии является герменевтическая психотерапия. Поскольку Рикёр (Ricoeur, 1970, 1974) утверждал, что процедура, введенная Гуссерлем, не приводит к чистой сущности вещей, психотерапия не может использовать данную процедуру и ожидать постижения реального. Следовательно, необходимо отодвинуть реальное на второй план, обратиться к тому, о чем повествует клиент, и пытаться понять его. Смыслы, предположения и предубеждения могут оставаться скрытыми, и все же на них можно воздействовать. Они должны быть обнаружены в соответствующем контексте и однозначно выражены. Часто оказывается необходимым даже конструировать новые смыслы / значения. Эти новые смыслы, когда они непротиворечивы и правдоподобны, помогают пациенту сообщать о своих представлениях, мечтах, чувствах и восприятиях других событий. Хотя «смыслы скорее создаются, чем восстанавливаются» (Bouchard & Guerette, 1991, p. 32), роль объективной истины и феноменологической истины состоит в том, что они обеспечивают контекст смыслов, которые могут развиваться в повествовании клиента. Сознание — это речь в процессе повествования. Посредством диалога между клиентом и терапевтом достигается цель герменевтической терапии: «гальванизировать жизненные энергии клиента, направленные на исцеление» (p. 387).

В 1979 году экзистенциалисты основали Берч Хаус в Литтлтоне, штат Нью-Гемпшир (Burch House in Littleton, New Hampshire) — пансионат для взрослых с психическими нарушениями, для лечения которых они предполагали использовать экзистенциальные принципы, такие как принятие ответственности за себя (self-responsibility) и направленность на будущее (future-directedness) (Symmes, 1989). Клиенты и персонал совместно выполняют повседневные бытовые обязанности. Поскольку клиенты вовлечены в планирование и выполнение видов деятельности, свойственных нормальным людям, они поддерживают уровень развития своих навыков и инициативы, избегая попадания в зависимость и бесцельного существования, свойственного пациентам обычных психиатрических учреждений. Психотерапия является неавторитарной и потому не предлагает готовых решений или интерпретаций, а поощряет клиентов осознать источник собственной боли и использовать свои способности для нахождения более удовлетворительных решений. Персонал Берч Хауса утверждает, что количество успешных случаев лечения составляет 60–70%, при этом успех определяется как «способность жить конструктивно в более широком сообществе» (Symmes, 1989, p. 16). Данная цифра включает и тех клиентов, чье состояние «улучшилось», но которые нуждаются в постоянной поддержке.

В качестве иллюстрации подхода к лечению в Берч Хаусе приведем основные факты одного клинического случая. Тридцатилетний мужчина, окончивший университет, после смерти матери смог найти лишь работу, связанную с постоянными разъездами, которая вскоре стала для него невыносимой. Тяжелые страдания привели его в Берч Хаус. После нескольких недель терапии он начал осознавать не нашедшее выхода горе по своей матери и враждебность по отношению к родственникам, от которых он оказался в зависимости. На момент появления в Берч Хаусе он страдал дистрессом ухода (withdrawal distress) и кошмарами, но после десяти недель лечения его состояние начало улучшаться и он принял участие в работах по содержанию пансионата. Ему удалось уладить конфликты с родственниками, най-

ти подходящую работу и начать самому обслуживать себя.

СОПОСТАВЛЕНИЕ С ДРУГИМИ ПОДХОДАМИ

Анализ поведения

Джорджи (Giorgi, 1975) перечисляет ряд точек соприкосновения между феноменологией и одной из основных форм бихевиоризма — радикальным бихевиоризмом, или анализом поведения. Оба подхода выступают против психофизического дуализма, включая представление о внутренних репрезентациях внешнего мира и других состояниях сознания. (Квэйл и Гриннесс (Kvale & Grenness, 1967) называют это представление «иллюзией удвоенного мира», а Скиннер — «теорией копий»: внешний мир копируется в мозг, который затем интерпретирует его.) Кроме того, оба подхода выступают против гипотетико-дедуктивного метода, столь широко используемого в психологии, а также против интерпретации поведения на основе физиологии или интроспекции; оба фиксируют данные о поведении в форме описаний и сводят к минимуму роль теории. Квэйл и Гриннесс (Kvale & Grenness, 1967) также отмечают, что как Скиннер, так и Мерло-Понти утверждают, что поведение является фундаментальным принципом психологии и что «поведение не является простым индикатором внутреннего состояния; человек есть его поведение по отношению к миру» (p. 132).

В числе различий между двумя системами можно указать следующие: феноменологическая психология пытается раскрыть смыслы, которые проживают люди, а не средства предсказания и контроля (как это делает анализ поведения). Ее акцент на этих смыслах резко контрастирует с методом оперантного обусловливания и стратегиями формирования поведения, используемыми анализом поведения. Последний не проявляет интереса к смыслам, а лишь к условиям подкрепления, которые вызывают те или иные формы поведения. Смысл сам по себе можно рассматривать как продукт подкрепления. Являясь энвайроцентрической системой, анализ поведения заимствует концепции естественных наук, тогда как феноменология, являющаяся преимущественно нецентрической системой, черпает материал из жизни как она проживается; последняя стремится расширить спектр науки, распространив ее на события, присущие исключительно людям. Хотя обе системы используют описания, анализ поведения применяет их к любым движениям тела в сочетании с подкрепляющими стимулами. В отличие от него феноменология применяет их к «ситуации с точки зрения субъекта поведения» (Giorgi, 1975, p. 209), то есть к интенциональности.

Когнитивная психология

Когнитивисты исходят из предположения о существовании внутренних структур, включающих хранилища долговременной и кратковременной памяти, цепи обратной связи, ослабители сигналов и т. д., организующих знание и определяющих, каким образом оно будет развиваться и использоваться. Они используют экспериментальные процедуры и сбор количественных данных и практически не обращают внимания на контексты. Такой подход радикально отличается от процедур феноменологии, которая занимается поисками смыслов как части специфического контекста. Как и бихевиоризм, когнитивизм может рассматривать «субъекта» лишь как лишенного субъективности, тогда как феноменология как раз направлена на поиски субъективности. Сравнения по этим двум пунктам являются в высшей степени характерными примерами различий между органоцентрической и нецентрической системами.

Диалектическая психология

Хотя диалектический процесс служит в качестве описания в большинстве случаев взаимозависимости и взаимодействия событий для феноменологической психологии, последняя не содержит эксплицитных предположений (как это свойственно диалектике) о том, что все во вселенной находится в непрерывной борьбе противоположностей. Диалектики предполагают глубинную двунаправленную связь между индивидом и его миром; феноменологи отводят основную роль в этих взаимоотношениях индивидууму и таким образом отходят от истинной диалектики.

Обе системы сходятся в том, что придают важное значение контексту и истории развития индивидуума. Оба отвергают представления о жестко фиксированной и размещаемой в специальных хранилищах памяти, и некоторые диалектики соглашаются с отказом от представления о мозге как вместилище психической активности; однако другие представители диалектики, в особенности русской и китайской, придерживаются в высшей степени редукционистского подхода.

Гуманистическая психология

Термин «гуманистическая психология» иногда используется как взаимозаменяемый с термином «экзистенциально-феноменологическая психология». Действительно, первая заимствовала у последней такие концепции, как интенциональность, становление и аутентичность, однако между обеими системами сохраняются значимые различия. Большинство работ по гуманистической психологии носит менталистский характер и предполагает самокаузальность (самопричинность). В то же время феноменологи приуменьшают роль (однако не полностью устраняют) картезианских дуалистических конструктов физического / нефизического или внутреннего / внеш-

него, чего не делает гуманистическая психология. Феноменологи подчеркивают роль отношений «человек—объект» (интенциональности), хотя и рассматривают их не как полностью двунаправленные и взаимозависимые (Bucklew, 1955; Ratner, 1971); представители гуманистической психологии используют термин «интенциональность» менталистически и подчеркивают роль автономного Я.

Феноменологи также практически не проявляют интереса к телеологии или целенаправленности, концепции, являющейся фундаментальной для гуманистической психологии. Гуманистическая психология иногда рассматривает выборы как полностью свободные акты. Для феноменологии выборы всегда являются частью ситуации и могут функционировать только в рамках конкретной ситуации. Более того, акт выбора изменяет ситуацию, и эта новая ситуация изменяет дальнейшие выборы. Обращаясь к экзистенциальной составляющей экзистенциально-феноменологической психологии в сравнении ее с гуманистической, последняя склонна рассматривать человеческую деятельность как оптимистическую и позитивную, наделяя каждого индивида ценным потенциалом; экзистенциализм же рисует довольно мрачную картину, подчеркивая роль тревоги и страха перед свободой. Гуманистическая психология нацелена на самоактуализацию, самореализацию и достижение пиковых переживаний; экзистенциалисты придают основное значение становлению, аутентичности и смыслам / значениям.

Симпозиум, проведенный в университете Райс (Rice University) в 1963 году по теме «Бихевиоризм и феноменология: противоположные основания современной психологии» (Wann, 1964), фактически противопоставил друг другу гуманистическую и поведенческую психологию. Как заметил один комментатор: «Этот симпозиум вполне мог рассматриваться впоследствии как один из наиболее превратно понятых и превратно ориентированных в истории психологии (Egan, 1970, p. 567). Комментарий приводился в контексте опубликованной спустя несколько лет статьи (Hitt, 1969), где цитировались отдельные высказывания представителей менталистской («феноменологической») и поведенческой психологии, сделанные в рамках данного симпозиума; автор пытался показать, что каждый из подходов содержит определенные истины и что в совокупности они могут обеспечить психологии большую полноту. Вероятно, двумя наиболее грубыми ошибками симпозиума были (а) представление о том, что феноменология имеет дело с *внутренней* человеческой активностью, и (б) неспособность осознать тот факт, что феноменология сама по себе является формой поведения, а не нечто, противопоставляющее себя поведению. Эти заблуждения и «карикатура на феноменологию» (Egan, 567) являются иллюстрацией общераспространенного ошибочного понимания феноменологии и смешения ее исходных положений с положениями, более близкими к гуманистической психологии.

Интербихевиоральная психология

Если сравнить феноменологическую психологию Мерло-Понти с интербихевиоральной психологией Дж. Р. Кантора, мы обнаружим многие проявления сходства и некоторые различия. Обе системы проводят различие между функциональным или смысловым характером стимулов и их физическими характеристиками; аналогичным образом, обе проводят различие между реакциями и функциями реакций; обе рассматривают стимул и реакцию как взаимозависимые; обе указывают на взаимозависимость сеттинга и реакции; обе отвергают представление о внешней средовой стимуляции и внутренней физиологической причинности реакций или о диалектическом взаимообмене между индивидуумом и его окружением; обе отвергают различение внешнего и внутреннего; обе рассматривают свет как контактную среду (medium), а не как стимул, обращаемый в объект; обе отвергают представление о причинности как линейной цепи событий. Далее, выдвинутая Мерло-Понти концепция «проживаемого тела» как потенциалов, взаимодействующих с окружением, представляется согласующейся с акцентом интербихевиоризма на биологии как участвующего фактора (необходимого, но не достаточного условия) в психологических событиях.

Различие между двумя системами состоит в том, что у Мерло-Понти до некоторой степени сохраняется представление о психическом или сознании. Хотя концепция интенциональности, в которой придается большее значение индивидууму, чем самим отношениям, предложенная Мерло-Понти, кажется, противоречит его собственным попыткам движения к последовательно диалектическому взгляду на отношения «индивидуум—мир». Это также отражается в использовании им понятия интенциональности по отношению к реакциям на объекты, которые физически не присутствуют — как в случае воображения, — как если бы они порождались разумом. Интербихевиоризм же в этих случаях указывает на замещающие стимульные объекты, являющиеся частью взаимодействий «организм—объект». Интербихевиористы утверждают, что в той степени, в которой «психическое» относится к чему-либо, лежащему за рамками выработанных в ходе исторического развития абстрактных конструкций, оно может относиться только к конкретным событиям, составляющим поле взаимодействий. Таким образом, переживание радости, акт веры, восприятие и т. д., представляют собой взаимодействия, не сводимые к физиологии или к чему-либо, относящемуся исключительно к организму. Феноменологи настаивают на том, что если мы радуемся, то радуемся *чему-то*, если мы верим, то верим во *что-то*, если воспринимаем, то воспринимаем *нечто*. Интербихевиоризм делает акцент на этих взаимоотношениях (в то же время признавая, что некоторые акты включают организм и стимуляцию, обеспечиваемую его собственными реакциями, в большей степени, чем другие акты) как полевых событиях, исключающих обращение к дополнитель-

ным менталистским конструктам. Феноменология же, напротив, до некоторой степени сохраняет менталистскую ориентацию и органоцентризм, примерами чего служат однонаправленность и подразумеваемое порождение воображаемых объектов, приписываемые феноменологией интенциональности.

Интербихевиоризм признает важную роль смыслов / значений, как они проживаются (интербихевиоральное поле, охватывающее смыслы), и соглашается с тем, что исследования, в которых делается акцент на смыслах, необходимы; в то же время он находит свои достоинства и в исследованиях более традиционного характера. Вероятно, наша точка зрения не окажется полностью несовместимой со взглядами Мерло-Понти, если мы будем рассматривать его позицию как предполагающую, что фактическая информация служит в качестве базиса для феноменологической информации. Интербихевиоризм отвергает причинность и процедуру проверки гипотез только в том случае, если они рассматриваются как линейные, однако принимает их, если они понимаются как относящиеся к полевым взаимодействиям. Однако феноменологическая психология, очевидно, не может принять их ни при каких условиях.

Оперантный субъективизм

Поиск субъективных значений, которому посвящена феноменологическая психология, тесно связан с Q-методологией (см. главу 11). Обе системы решительно избегают навязывания индивидууму объективной структуры со стороны исследователя, и стремятся определить, что вещи означают для самого индивидуума, пытаясь сделать это объективно. Q-методология обеспечивает строгую процедуру, служащую для достижения именно этой цели практически в любой ситуации и по отношению к практически любому предмету исследования, работая даже с самыми маленькими детьми (см., в частности: Taylor, Delprato & Knapp, 1994).

Феноменологическое понимание психологии полностью согласуется с Q-методологией,

> «...интерсубъективной коммуникативной наукой, систематически изучающей структуру человеческого существования эксплицируя проживаемый (исторический) опыт... Если слово "интерсубъективная" указывает на то, что психология должна быть коллективной, поддающейся научной проверке дисциплиной, то слово "коммуникативная" указывает на то, что психология как наука должна строиться на том, что люди могут сообщать друг другу о своих экспериакциях»[6] (Kruger, 1983, p. 19).

Коммуникация субъективности — это именно то, в чем состоит суть Q-методологии. Основоположник Q-методологии, Уильям Стефенсон (Stephenson, 1988), признает факт ее взаимосвязи с феноменологией и выступает за использование разработанной им процедуры в рамках данной системы. Он отмечает, что (а) понятие коммуникабельности могло бы заменить понятие сознания; (б) события опыта могли бы обеспечить «собрание» (совокупность утверждений, из которых выбираются пункты для Q-сортировки), и (в) Q-сортировка могла бы помочь ухватить сущности — причем испытуемого, а не экспериментатора. Когда в результате факторного анализа самосоотнесения (self-references) испытуемых сводятся к группе факторов, возникают новые понимания субъективных значений (смыслов).

Постмодернизм и социальный конструкционизм

Положение Хайдеггера о том, что познание не начинается с индивида, а является по своей природе общественным феноменом, играет фундаментальную роль в социальном конструкционизме, который признает вклад Хайдеггера в формирование собственной системы. Однако социальный конструкционизм имеет значительно меньше общего с феноменологической психологией Мерло-Понти, несмотря на влияние Хайдеггера на феноменологию.

КРИТИКА

Благодаря присущему ей стилю изложения и терминологии, феноменология приобрела дурную славу малопонятной дисциплины. Можно найти огромное число работ, авторы которых пытаются объяснить, что хотел сказать Гуссерль или Мерло-Понти. Феноменологическая терминология не только малопонятна, но и запутанна. В чем, к примеру, состоит различие, если оно вообще существует, между такими терминами, как сознание и интенциональность, остается неясным. Карлссон (Karlsson, 1992), очевидно, рассматривает их как синонимы: он говорит о «сознании как интенциональности». Валле и Кинг (Valle & King, 1978) оставляют в своих высказываниях неопределенность по данному вопросу: «Говоря о сознании, мы либо явно, либо неявно указываем также на его *предполагаемый объект (intended object)*» (p. 13). Если сознание не существует независимо от сво-

[6] «Экспериакции» («experiactions», от слов опыт (experience) и действие, акция (action)) — один из неологизмов, введенных феноменологией для указания на то, что опыт является действием или поведением, а не отдельным событием. Он также указывает на отсутствие дуализма опыта *и* поведения, то есть души и тела. Есть только единое охватывающее обе стороны поведение, но с акцентом на субъективности или осмысленности поведения; средством выражения этой мысли и служит термин «экспериакции».

его объекта и объект вместе с сознанием составляет интенциональность, то в чем состоит различие между ними? А если они не различаются, почему не отбросить один из терминов во избежание путаницы?

Джорджи (Giorgi, 1976) использует термины «сознание» и «интенциональность», очевидно, не согласуя их с другими элементами описания психологических событий. Хотя он говорит, что обтекаемость форм (sleekness) самолета не содержится ни в самом самолете, ни в индивиде, но в отношении между ними (1975) он определяет сознание как «поток активности, устремленный в направлении к миру и нуждающийся, так сказать, в объекте, находящемся в мире, для остановки своего центробежного движения» (1976, p. 311). Он также говорит об интенциональности, что ей «внутренне присуща направленность на мир» (p. 311). По-видимому, он хочет выразить этим мысль, что интенциональность однонаправленна, в том смысле, что она исходит от индивида в направлении объекта. Это противоречит описанию обтекаемости как свойства, характеризующегося двунаправленностью и взаимозависимостью, составляющими диалектический процесс. А его ссылка на сознание как «посредника, обеспечивающего доступ» («medium of access»), предполагает наличие промежуточной переменной, что согласуется со взглядами когнитивизма и его представлениями о разуме как опосредующем агенте. И все же феноменология стремится отмежеваться от представлений о сознании как посреднике или внутреннем агенте. Создается впечатление, что менталистское значение термина «сознание» само навязывает себя и порождает непоследовательность.

В той же связи Ратнер (Ratner, 1971) указывает на то, что Мерло-Понти и Сартр склонны придавать основное значение актам, определяемым индивидом, в результате чего их точки зрения не вполне отражают реципрокное действие мира. Иными словами, в использовании им термина «сознание» значительное внимание уделяется тому, как оно организовано, но не природе мира, с которым оно взаимосвязано. Феноменологи и экзистенциалисты проявляют

> «...принципиальное нежелание уделить серьезное внимание миру и полностью признать его влияние на человеческие акты, а также допустить, что отношения с ним можно выстраивать таким образом, чтобы улучшить человеческое существование. Эта позиция является следствием глубоко укоренившегося недоверия к миру, а также нашей способности познавать мир и воздействовать на него, что приводит к игнорированию мира как лежащего за пределами нашей досягаемости» (p. 97).

Баклу (Bucklew, 1955) также обращает внимание на данный недостаток феноменологии. Учитывая усилия феноменологии, направленные на подчеркивание взаимозависимого характера объекта и субъекта, здесь проявляется глубокая непоследовательность, возможно, являющаяся наследием Гуссерля и его понимания интенциональности как преимущественно односторонней концепции: сознание направлено на мир. Вследствие такого понимания интенциональности идея диалектики или двунаправленности, о которой заявляют феноменологи, так и не находит своего полного выражения. Что касается Мерло-Понти, на него, вероятно, оказали влияние взгляды Уильяма Джеймса, что не позволило ему полностью преодолеть органоцентризм. Экзистенциальная и герменевтическая психотерапия придерживаются тех же органоцентрических взглядов. Они пытаются менять исключительно индивида. Экзистенциальная терапия пытается помочь индивиду стать и оставаться более аутентичным. Герменевтическая терапия пытается сконструировать новые смыслы / значения. Однако ни та ни другая не помогают индивиду изменить такие обстоятельства своей жизни, как деморализующая работа, конфликты с членами семьи или недостаточная подготовка к учебе в высшем учебном заведении.

Феноменологи объясняют, что их понимание психического отличается от характерных для XVI столетия дуалистических взглядов Декарта. Несмотря на то, что последователи Гуссерля подчеркивают необходимость избегать исходных допущений (presuppositions), сам факт, что они соглашаются с правомерностью представлений о «психическом» (the «mental»), пусть даже как концепции, нуждающейся в реинтерпретации, есть не что иное, как исходное допущение, чреватое многочисленными проблемами. Аналогичным образом, они используют такие понятия, как «сознание», «психика», «нефизические события» и другие менталистские конструкции. Если же вместо того, чтобы отталкиваться от этих конструкций, феноменологи будут отталкиваться от наблюдений осмысленных действий и контекста, частью которого те являются, возможно, им удастся выработать психологическую систему, более адекватную заявляемым ими целям. Возможно, результатом их усилий станет психология более ясная, более конкретная и менее подверженная нежелательному смешению с чуждыми ей конструктами. Говоря о такой возможности, укажем на тот факт, что в дискуссии, последовавшей за выступлением Мерло-Понти, посвященным восприятию, Бофре (Beaufret) упрекнул Мерло-Понти в том, что тот не слишком далеко продвинулся, пытаясь модифицировать взгляды Гуссерля: ему следовало бы полностью отказаться от менталистских терминов и концепций (Merleau-Ponty, 1964a, p. 41–42). Мы можем добавить, что если бы Мерло-Понти удалось сделать это, его работы, возможно, не провоцировали бы искаженных интерпретаций: «Мерло-Понти утверждал, что человеческий разум и тело всегда взаимосвязаны. В любой конкретный момент жизнь людей является и психической, и физической. Быть человеком —

значит являться одновременно и разумом, и телом» (Becker, 1992, p. 16).

Представители социального конструкционизма (см. главу 8) критикуют феноменологию за то, что она смешивает субъекта и объект, субъекта опыта и данный в опыте мир и утверждает, что мы можем понять индивида, только войдя в его мир, а затем проясняя и осмысляя свое понимание (Semin & Gergen, 1990). Как, спрашивают авторы, наука может иметь дело с неразделимой смесью субъекта и объекта? Если наука — это рефлексия опыта, результаты этой рефлексии должен постигать некто, находящийся вне этого научного опыта. Это вряд ли возможно, замечают они. Представление о субъекте опыта также представляет собой форму разума, утверждают они, и феноменология, обращаясь к этому представлению, вновь провозглашает психофизический дуализм.

К достоинствам феноменологии относится то, что она делает акцент на изучении смыслов / значений в жизни — теме, которую остальная часть психологии вряд ли может продолжать игнорировать. Это не означает, что феноменологический и более традиционный подход, рассматривающий природный мир, обязательно являются взаимоисключающими. Мы не должны отбрасывать знания, накопленные психологией о восприятии, как, например, те, что могут быть использованы для обеспечения безопасности пилотов, приближающихся к посадочной полосе. В то же время мы также должны подвергнуть изучению образы восприятия как смыслы, признавая, однако, тот факт, что если смысл ситуации для пилота не совпадает с характером физического мира, результат будет трагическим. Мы не должны отбрасывать оперантное обусловливание там, где оно позволяет значительно повысить успеваемость детей из необеспеченных семей или эффективность помощи умственно отсталым лицам, но мы также сможем помочь необеспеченным детям или умственно отсталым людям, если попытаемся понять вещи с их точки зрения (вспомним приводимые выше слова больного шизофренией и сросшихся близнецов). Представители энвайронментальной психологии, в частности, обнаружили, что будут разработаны совершенно различные проекты детской площадки в зависимости от того, спросим ли мы детей и подростков, что бы они хотели на ней иметь, или же дизайнер будет просто наблюдать за поведением играющих детей и фиксировать свои наблюдения либо — что еще хуже — просто будет исходить из предположения, будто он знает, чего они хотят. Мы можем привести много других примеров. Что касается лабораторных исследований, экологическая психология (см. главу 7) смогла продемонстрировать нам, насколько полезно покидать стены лаборатории и выходить в мир различных поведенческих сеттингов. Данная методология, наряду с многими другими, включая Q-методологию (см. главу 11), без сомнения, является необходимой для обеспечения существенного прогресса в понимании богатства и сложности «структуры поведения» и человеческих «экспериакций», чему в немалой степени способствовала феноменологическая психология.

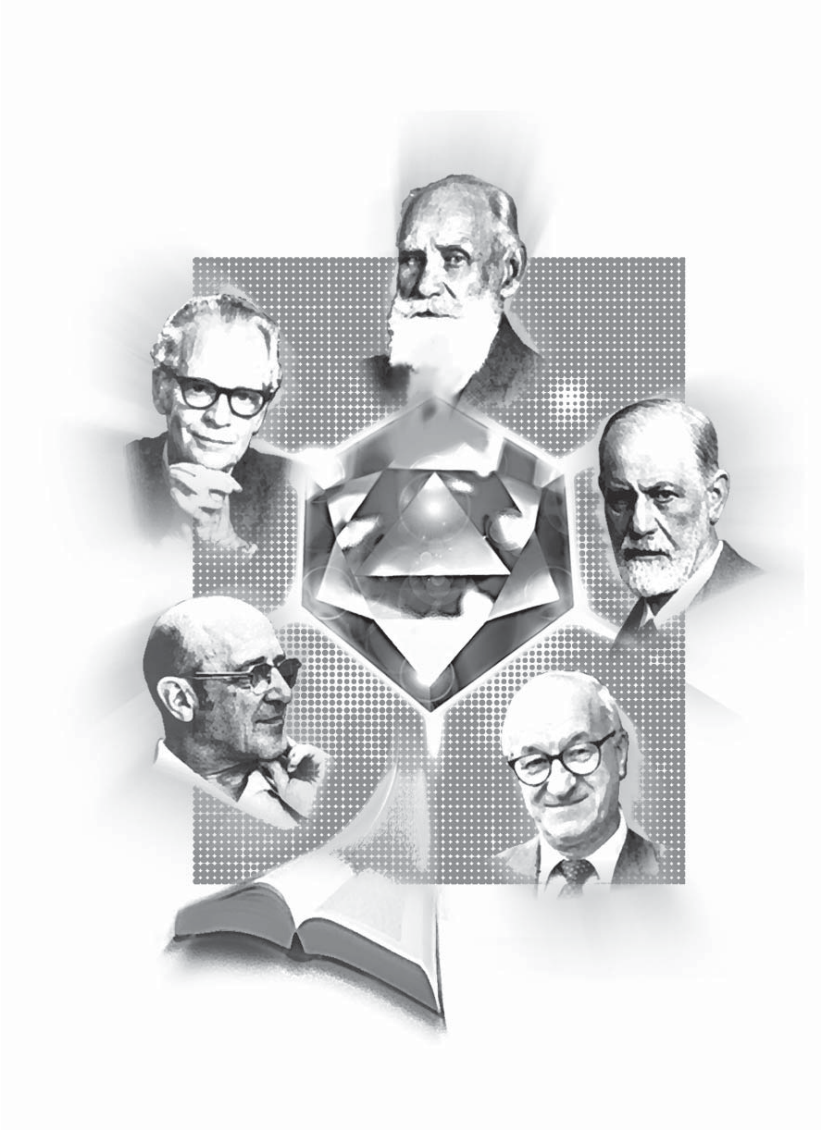
ВЫВОДЫ

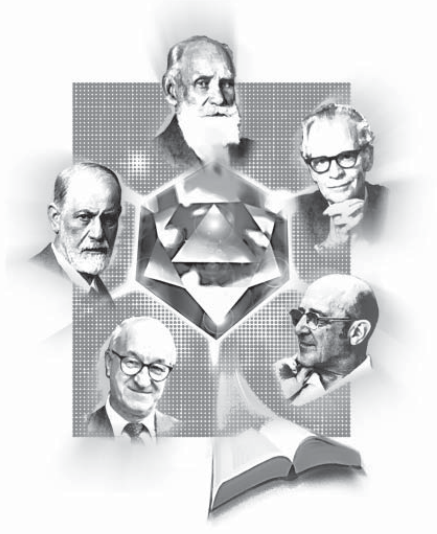
Возможно, лишь анализ поведения подвергся более превратной трактовке, чем феноменологическая психология. Во многом это, вероятно, объясняется тем, что американские психологи используют термины «гуманистический» и «феноменологический» как взаимозаменяемые и рассматривают эти системы, по крайней мере, как родственные друг другу. Это приводит к представлению о том, что «феноменологический» означает «менталистский». Мы можем найти примеры психологов, придерживающихся совершенно различных убеждений и использующих термин «феноменологический» именно таким образом, и пока мы не видим никаких признаков того, что эта путаница может быть преодолена. На самом же деле феноменологическая психология сыграла важную роль в значительном продвижении по направлению к новым альтернативам старого ментализма.

Критикуя насчитывающую уже более ста лет практику лабораторных экспериментов, исключающих рассмотрение смыслов, феноменологическая психология представила убедительные эмпирические свидетельства важной роли смыслов, которые остальная часть психологии себе же в ущерб игнорирует. Возможно, именно в этом и состоит основной вклад феноменологии в психологию, который и в дальнейшем будет оставаться для данной системы наиболее значительным источником силы. Ближайший аналог феноменологической психологии в клинической сфере, экзистенциальная психология, разработала ряд весьма отличающихся от предлагаемых другими системами форм терапии, которые уже показали свою работоспособность, по крайней мере, для определенных типов клиентов. Их эффективность в сравнении с другими формами терапии еще предстоит продемонстрировать.

ЧАСТЬ 6

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДРУГИХ СИСТЕМ





ГЛАВА 13

ОТ ОБЩЕСТВА К ВЕРОЯТНОСТЯМ:

шесть систем

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Общественная психология, наряду с энвайронментальной, возникла под влиянием призывов к социальной реформе, звучавших в 1960-х годах, и подъема социальной активности. Она начиналась с лечения поведенческих патологий и критиковала характерное для клинической психологии внимание к болезни, а не здоровью, к лечению, а не профилактике, и к индивиду, а не системе человек—ситуация (Heller & Monahan, 1977). Во время президентства Кеннеди ее росту также способствовало учреждение в законодательном порядке общественных центров психического здоровья. Одно из первых исследований включало в себя программу, которая должна была помочь психиатрическим больным преодолеть негативное отношение к себе. Она учила пациентов быть компетентными в вопросах их повседневной жизни и предлагала групповую поддержку (Fairweather et al., 1969). После того как был достигнут лишь ограниченный успех, исследователи пересмотрели программу и включили в нее систему общественных коттеджей, с тем чтобы в течение определенного периода времени можно было снять у пациентов чувство ущербности, которое возникало у них в психиатрической больнице, прежде чем они покинут коттедж, чтобы вести более независимую жизнь.

Общественная психология развилась из прикладного использования поведенческой психологии в домах престарелых, школах, тюрьмах и других учреждениях, перенеся ее на более широкие сообщества. Ее предметом является человек в социальном контексте. Подобно эко-бихевиоральной науке Роджера Баркера (см. главу 7), она частично черпает свое вдохновение из идей Курта Левина, особенно из его концепции поведения как функции человека и среды. Она также опирается на демонстрацию Баркером того, как сеттинг поведения определяет паттерны поведения. Сеттингом поведения может быть дискотека, универмаг, офис, почта, заводской цех — любая ситуация, в которой паттерны поведения предсказуемы. В сеттинге поведения сообщество является экосистемой с устойчивыми паттернами поведения в среде, которая его окружает. Сообществу присущи имплицитные правила проведения мероприятий, и люди внутри сеттинга знают эти правила для паттернов поведения и следуют им. Они следят за тем, чтобы другие также следовали правилам, иначе им грозит исключение. Таким способом сообщество осуществляет саморегуляцию и поддерживает стабильность (дополнительный материал по сеттингам поведения см. в главе 7). Этими устойчивыми паттернами поведения и физическими условиями, наряду с такими факторами, как обмен ресурсами, взаимодействие одного сеттинга поведения с другим и социальный климат, занимаются общественные психологи совместно с индивидом, который является частью общественного сеттинга.

Психология чаще всего акцентирует внимание на человеке или даже на части человека — например, на нейронах — и стремится понять поведение с этой органоцентрической позиции. Там, где необходимо лечение, она стремится изменить *человека*. Этот подход свойственен почти всем видам психотерапии. Индивидуальное вмешательство пренебрегает условиями на уровне, отличающемся от уровня индивидуума, и, как может показаться, упрекает жертву (Ryan, 1971). Если изменить индивидуума, но оставить без перемен ситуацию, которая вызвала проблему, это, скорее всего, приведет только к временным успехам, если таковые вообще будут, и может подкрепить представление человека, что он сам виноват и опять потерпел неудачу. Неудовлетворенности этим традиционным акцентом на лечении и на человеке как пассивном реципиенте («пациенте») противопоставляются двойные цели общественной психологии, состоящие в профилактике и придании сил. «Придание сил» («empowerment») означает предоставление возможности людям, которые имеют меньше прав или маргинальный статус — либо в силу физических или поведенческих недостатков, либо в силу социальных или демографических условий, — позаботиться о собственной жизни (Fawcett, 1990; Rappaport, 1990) и проявить желание внести вклад в свое общество (или общину). Общественная психология стремится понять общество, частью которого являются люди, и сделать его более благополучным, изменив взаимодействие человека и ситуации. Общественный психолог старается работать с социальными структурами и в таких разнообразных сеттингах, как семья, микрорайон и медицинская клиника или больница.

Используя пять основных сеттингов поведения Баркера — государство, рабочие места, школы, добровольные группы и религиозные группы, — Шинн (Shinn, 1987) провел обзор исследований в каждом и высказал предложение, как общественная психология может работать с целью «понимания и вмешательства на уровнях, выходящих за рамки индивидуума» (p. 568), т. е. на уровне сеттинга поведения. Орфорд (Orford, 1992) указывает, что сообщества предполагают социальные сеттинги на множестве уровней, включая социоэкономические условия, гендер, возраст и недееспособность, и общественные психологи должны обращаться к каждому из них. Изучая роль экологической психологии (*эко*-бихевиоральной науки) в общественной психологии, О'Коннер и Лабин (O'Conner & Lubin, 1984) рассматривают уровни несколько иначе — уровни индивидуума, семьи, сообщества и социокультурных условий.

Несколько коротких цитат показывают контекстуальный, многомерный и ориентированный на взаимосвязи подход этой системы:

- «Многоуровневый, многоструктурный, мультидетерминированный социальный контекст» лучше всего обеспечит понимание в общественной психологии (Kingry-Westergaard & Kelly, 1990, p. 27).

• «Многомерный анализ систем вместо установления одиночной причины необходим для того, чтобы удовлетворить интересы общественной психологии» (Tolan et al., 1990a, p. 7).

• «Отношения носят взаимный характер: люди воздействуют на сеттинги, а сеттинги — на людей, люди влияют на другие сеттинги, а один сеттинг влияет на другой» (Kingry-Westergaard & Kelly, 1990, p. 28).

• Исследования в общественной психологии должны проводиться «в контексте изучаемых людей» (Rappaport, 1990, p. 35).

Общественная психология связана с энвайронментальной психологией, а также с эко-бихевиоральной наукой. И энвайронментальная, и экологическая психология важны при планировании социальных вмешательств в общество (Rappaport, 1977). Во многих случаях исследования, цели и методы, которые используются энвайронментальной и общественной психологией, неотличимы друг от друга (Holahan & Wandersman, 1987), как это имеет место в нижеприведенном примере («Энвайронментальная психология»), когда общество и школа приняли совместное участие в проектировании пришкольной территории. В целом, общественная психология фокусирует внимание на поведенческих проблемах, увязываемых с организациями (institutions), к которым принадлежат конкретные люди (Levine & Perkins, 1997), тогда как энвайронментальная психология изыскивает пути создания среды, способствующей повышению социального благосостояния. Однако это различие часто является скорее вопросом степени, чем качества.

К сожалению, согласно некоторым сторонникам системы (Lounsbury et al., 1985; Heller, 1990), большая часть исследований, которые, как сообщалось, имели отношение к общественной психологии, не достигла своих целей, сосредоточившись по привычке на человеке. Частично проблема состоит в том, что пока не разработана адекватная исследовательская методология для изучения взаимозависимых индивидуумов, составляющих сообщество, так и отсутствуют хорошие методы для изучения изменений в сообществе, за исключением изменений на самом поверхностном уровне (Heller, 1990). Однако, возможно, ситуация улучшается (Orford, 1992), о чем свидетельствуют статьи в последних сборниках по исследованиям в общественной психологии, часть которых процитирована здесь (Tolan et al., 1990b).

ПРЯМОЙ РЕАЛИЗМ

Поскольку аргументы в пользу прямого реализма в психологии приводятся, в основном, австралийцами, его можно также назвать австралийским реализмом. Основным инициатором этого подхода в психологии является Дж. Р. Мейз (J. R. Maze, 1983, 1991), который критикует допущение когнитивной психологии, что мы познаем мир только через посредство ментальных репрезентаций внутри нас, которые символизируют реальные объекты окружающего мира. Так как предполагается, что мы конструируем свой мир, а не познаем его непосредственно, этот когнитивистский взгляд называют также «конструктивизмом» (не путать с социальным конструктивизмом, который предполагает социальные, а не ментальные конструкции). Он восходит к идеям немецкого философа XVIII в. Иммануила Канта и стал настолько влиятельным в американской психологии и психологии некоторых других стран, что его иногда именуют позицией «истеблишмента». Возможно, он лучше всего известен своим пониманием психологических событий как «обработки информации».

Конструктивизм, в своей форме ментальных / мозговых вычислений или обработки информации, доминирует в когнитивной науке... Согласно этому тезису, задача психологии — объяснить, как мозг конструирует, или «выстраивает», знание внешнего мира, обрабатывая, организуя и интерпретируя поступающие к нему неполные данные. То, что мозг работает с символами или отображениями мира, а не с реальными объектами, обычно принимается как нечто самоочевидное; и это принимается за самоочевидный факт потому, что наличие ошибок демонстрирует частое несоответствие между тем, что мы, по-видимому, воспринимает, и тем, что происходит в действительности. (Rantzen, 1993, p. 147)

Мишел (Michell, 1991) считает, что когнитивный конструктивизм занял доминирующую позицию благодаря (а) своей связи с компьютерами, вызывающими у людей почтительное восхищение, и хорошо субсидируемой исследовательской поддержки, которая является следствием этой связи; (б) тенденции в нашей культуре рассматривать познание (cognition) как внутреннее событие и (в) опоре психологов на эксперименты, а не на логику. Именно логика, а не эксперименты, может подвергнуть сомнению эти допущения.

Мейз (Maze, 1991) доказывает, что поскольку репрезентационистский подход утверждает, что объект познания является всегда ментальной репрезентацией, а не объектом, независимо существующем в мире, это лишает реальный мир объектов, которые можно было бы представить. Это не оставляет возможности для различения истины и заблуждения. Отрицая эту проблему, репрезентационист говорит, что если репрезентация подобна предмету, который она представляет, она истинна, а если нет, тогда она ложна. Кроме того, согласно репрезентационизму, тот факт, что имеют место ошибки, доказывает, что мы реагируем не непосредственно на мир, а только на внутренние образы. Это, замечает Мейз, «предполагает, что мы можем при случае выйти за рамки репрезентационистской схемы и изучить объекты непосредственно, с тем чтобы сравнить их с образами, а это означает, что репрезентационизм излишен в качестве общей теории

познания» (p. 169). В связи с этим подходом Толмен (Tolman, 1991), которого не относят к представителям прямого реализма, замечает: «Любому организму для выживания требуется объективная оценка своей среды. Организм, который реагирует только на мир, созданный "в его голове", долго не проживет — более того, он вообще бы не смог развиться» (p. 159).

Знание (knowing), в отличие от «репрезентаций» когнитивной психологии, трактуется прямым реализмом как установление отношения с объектами мира через посредство нашей биологической организации. Нервная система необходима для когнитивных актов, но сама она не является когнитивным актом. Она *делает возможным* возникновение когнитивных отношений. Один из аргументов Мейза против репрезентационизма состоит в том, что ничто не может иметь отношения, имманентные себе или внутри себя, коль скоро объект познания находится вне нервной системы. Говорить, что сознание имманентно мыслям или что ментальные образы имманентны осознанию, значит игнорировать существующие отношения. «Осознаваться, быть познанным — это отношения, а отношение может иметь место только между двумя или более элементами» (Maze, 1991, p. 182). Кроме того, когнитивные репрезентации вообще не могут ничего репрезентировать, ибо они предполагают круговой процесс: для функционирования им требуется то самое знание, которое они якобы объясняют. Человек может знать, что означает какое-то внутреннее представление, только если ему уже известно отношение между этим представлением и объектом, который оно представляет. Или, выражаясь иначе, *если человеку известно только представление, он не может установить, к чему именно оно относится*. Согласно прямому реализму, это наносит решающий удар по репрезентациям как центральному конструкту когнитивистов — независимо от того, трактуются ли они как нейронные кодировки или как ментальные состояния, — ибо смысл не может быть имманентным. Отвергая внутренние отношения — имманентные самим себе, — приходится также отвергнуть «самоуправляемые активирующие энергии, которыми переполнена теория мотивации» (p. 182). Это утверждение приводит прямой реализм в согласие с Дьюи и Бентли (Dewey & Bentley, 1949), когда они выступают против принципа самодействия (self-action), и с нецентрическими системами.

Прямой реализм утверждает, что когниция (cognition) в определенной мере доступна прямому наблюдению. Согласно Мейзу (Maze, 1983), воспринимая поведение организма, мы воспринимаем некоторые из его когниций (cognitions). Например, описывая чьи-то действия, такие как открывание двери, мы предполагаем, что движения этого человека направляются его восприятиями. Когниция проявляется в поведении организма, в том, как последнее соотносится с объектом. Однако Мейз всегда подходит к когниции и поведению независимо, что указывает на сохранение дуалистической посылки, роднящей его с когнитивной психологией, несмотря на прочие различия между ними.

Мейз является сторонником детерминизма как основы действия в психологии и признает инстинктивные влечения (заимствованные из психоанализа), которые формируют поведение через когницию. Он объясняет инстинктивные влечения следующим образом: каждый из нас наделен множеством познающих элементов (knowers), и все они являются компонентами центральной нервной системы. Познающие элементы — это инстинктивные влечения (instinctual drives), которые вступают в когнитивные отношения через перцептивную систему (Maze, 1983). Когда эти влечения активизируются или возбуждаются соответствующими условиями, двигательные проводящие пути в головном мозге возбуждаются и автоматически порождают действие. Приобретение знания (knowing) предполагает участие системы влечений и структур головного мозга, которые и делают возможными когниции. Эта формулировка придает системе несколько органоцентрическую направленность.

Развивая доводы Мейза в пользу прямого реализма, Мишел (Michell, 1988) утверждает, что репрезентация не может быть имманентной или внутренней; сама по себе репрезентация не способна содержать смысл, ибо это логически невозможно, и здесь нельзя прибегнуть ни к каким эмпирическим доказательствам, ибо «не может быть какого-либо эмпирического подтверждения логически несообразной теории» (p. 230). Поскольку когнитивная репрезентация требует внутреннего источника (internal reference), которого она лишена, а внутренние репрезентации компьютера не обладают смысловыми значениями, Мишел отвергает аналогию, которая превращает человеческий мозг в информационный процессор, подобный компьютеру. Смысловое значение компьютера (computer's meaning) заключено в отношении с внешним источником, программистом или пользователем. Компьютер не обрабатывает информацию, а определяет, какие структуры его внутреннего состояния вызывают по частям определенные выходные данные (which internal-state structures partially cause which outputs). Мишел отрицает сущности (entities), которые относятся к *внутренним* объектам, но хочет сохранить ментальные термины, которые связаны с отношениями, такие как восприятие, воображение и память.

Теория репрезентаций обычно принимает форму теории обработки информации, но прямой реализм отвергает все допущения, касающиеся передачи информации. Ни физиология нейронов, ни экспериментальное изучение когниции не могут сказать что-либо о репрезентациях, замечает Мишел (Michell, 1988). Нейрофизиологические исследования могут пролить свет только на нейрофизиологию. Экспериментальное исследование когниции может пролить свет только на поведение.

В экспериментальных исследованиях когниции, как и во всех психологических экспериментах, все, что можно наблюдать, — это поведение, демонстрируемое в контролируемых условиях. Все отсылки к

«информации», «кодированию», «репрезентациям», «хранению», «вычислению» и родственным понятиям — не более чем интерпретация, направляемая теорией. Отсюда дополнительное следствие прямого реализма состоит в том, что все подобные исследования требуют новой интерпретации (p. 246).

Прямой реализм делает упор на «идентификацию событий, которые составляют необходимые и достаточные условия для возникновения когниции в различных обстоятельствах» (p. 246). Это позволяет, заявляют реалисты, непосредственно наблюдать когницию в поведении и, следовательно, трактовать ее как зависимую или независимую переменную. И это происходит, «когда телесные движения чувствительны к полному пропозициональному содержанию средовых ситуаций» (Michell, 1988, p. 247).

Ранцен (Rantzen, 1993) рассматривает вопрос когнитивной ошибки как центральный для полемики между прямым реализмом и репрезентационизмом. Поскольку репрезентационисты полагают, что мозг конструирует знание из несовершенных элементов информации, получаемых от органов чувств, они заключают, что мы познаем мир только в этой косвенной и сконструированной форме, со всеми ее ошибками. Учитывая наличие перцептивных ошибок, как же тогда можно доверять прямому реализму? Как он может объяснить ошибки? Галлюцинации и бред? Согласно Ранцену, «мы познаем не символы или репрезентации, а реальные ситуации, существующие независимо от нашего знания их» (p. 148). Ошибка — это не ошибочная когниция, а отсутствие когниции. Он считает, что ошибки происходят, когда (а) индивидуум лишен возможности познавать, (б) индивидууму недостает когнитивной способности, которой требует ситуация, или (в) ситуация перекрывает доступ к какому-то факту, который нужен индивидууму. «В прямом реализме нет места для опосредующих сущностей (entities); вместо этого он рассматривает интеракции организма со средой как настоящий театр познания» (p. 168). Ранцен также доказывает, что прямой реализм имеет большие преимущества в области исследований.

Мишел (Michell, 1988) подмечает сходство прямого реализма с теорией экологического восприятия Гибсона, которая также постулирует прямую связь между познающим и познаваемым и отвергает любые допущения о посредничестве через когнитивные репрезентации (см. с. 328). Этого положения также придерживаются феноменологическая психология Мерло-Понти (см. главу 12), интербихевиоральная психология Кантора (см. главу 10), оперантный субъективизм Стефенсона (см. главу 11), диалектическая психология Ригеля (см. главу 9), анализ поведения Скиннера (см. главу 6) и вероятностно-эпигенетическая психология Куо (с. 344). Отстаивание детерминизма согласуется со Скиннером, но, по-видимому, не допускается у других, а в интербихевиоризме детерминизм открыто отвергается вместе с волей как ненаучный конструкт, навязываемый событиям. Характерной чертой также является акцент на отношения между организмом и объектом, а не на некоего внутреннего посредника. Идея Мейза об инстинктивных влечениях созвучна психоанализу, из которого она заимствована, и гуманистической психологии («инстинктоиды» Маслоу и врожденное «истинное я» Роджерса), но противоречит большинству вариантов когнитивной психологии, а также нецентрическим системам (с которыми прямой реализм в остальном имеет много общего).

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ/ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ/ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Поскольку «экологическое восприятие» Джеймса Гибсона (Gibson, 1979) охватывает только одну тему, это не широкая система, а скорее теория, касающаяся этой темы. Тем не менее ее следствия выходят далеко за рамки восприятия и, как уже отмечалось, повлияли на ряд теоретиков. Иногда эту теорию называют «экологическим реализмом». Ее следствия затрагивают собственно вопрос о том, что представляет собой психологическое событие — внутренний биологический интерпретатор или сложные интеракции между организмом и окружением. Систему все чаще называют *экологической психологией*, термин, который попрежнему используется для совершенно иной системы Роджера Баркера (см. главу 7), хотя Баркер пользовался термином *эко-бихевиоральная наука*.

Потребовались годы напряженной работы, чтобы трактовка восприятия у Гибсона эволюционировала от традиционно менталистской до экологической (Smith, 1993). Здесь будет описана только последняя.

Гибсон описывает большое количество физических, химических и геометрических характеристик, которые психологи и другие ученые неадекватно прилагали к восприятию, и замечает, что ощущения, получаемые от органов чувств, рассматривались как необработанные данные, которые затем преобразуются в осмысленные восприятия. Его аргументация такова: поскольку мы можем использовать только *воздействия (effects)* света на среду, но *не сам свет*, традиционное допущение об ощущениях света, преобразуемых в психические образы восприятия (mental percеptions), лишено основания. Мы воспринимаем не стимулы, а условия среды; мы не воспринимаем ощущения, не слышим волосковые клетки улитки и не ощущаем на вкус вкусовые почки. Точно так же, нейроны не передают и не анализируют сообщения или информацию. Нервный импульс не конкретизирует, пришел ли он от глаза, уха, носа или от другого рецептора. Не существует никаких сигналов или сообщений и никакого отправителя или по-

лучателя, который требует бесконечного множества интерпретаторов. Информация имеется в наличии и доступна. Мы не создаем и не преобразуем ее.

Кроме того, образы на сетчатке — это миф. Любой такой образ отображал бы наклонившийся мир, когда мы наклоняем свою голову. Мы воспринимаем мир непосредственно, а не через «картины *на сетчатке*, *нервные* картины или *умственные* картины» (p. 147). Нет ни сообщений, ни отправителя, ни информационного процессора, ни хранилищ-накопителей, в которых память связывает настоящее с ощущениями из прошлого. Ни последовательности ощущений, вызывающих восприятия; ни картин прошлого или настоящего или нервных энграмм, образующих память. Восприятие не разделяет прошлое и настоящее — оно непрерывно. Оно не требует памяти, ума, когнитивной способности (cognition) или обработки информации головным мозгом. «*Прямое восприятие* — это особый вид активности, направленный на получение информации из объемлющего оптического строя. Я называю эту активность процессом *извлечения информации*, который необходимым образом связан с исследовательской активностью, предполагающей, что наблюдатель осматривается по сторонам, активно передвигается и рассматривает объекты окружающего мира» (p. 147).

Оспаривая утверждения эмпириков (ассоцианистов), Гибсон доказывает, что наши восприятия — это не матрица, которая состоит из обособленных точек, удерживаемых вместе с помощью ментального клея усвоенных ассоциаций. И точно так же, бросая вызов нативистам (гештальтистам и другим), он отрицает, что подобную матрицу скрепляет какой-то таинственный врожденный процесс. Скорее, считает он, мы воспринимаем некую иерархию, а не матрицу. Оптический строй полностью заполнен — а не состоит из «отдельных пятен», — причем более мелкие компоненты заполняют более крупные в иерархии.

То, что мы называли «признаками» глубины, утверждает он, смешивались с естественной перспективой. Естественное наблюдение предполагает движение, тогда как перспектива — и в природе, и на картинах — статична. Когда происходит движение, некоторые детали оптического строя меняются, а некоторые нет. Мы видим верх стола прямоугольным под всеми углами, несмотря на то, что углы и пропорции меняются. Но «неменяющиеся отношения между четырьмя углами и инвариантные пропорции в последовательности изменений... столь же важны» (p. 74). Реципрокные вариантность и инвариантность обеспечивают информацию для нашей перспективы.

Обычно предполагают, что на сетчатке получается двухмерный образ, а недостающее третье измерение должно быть восстановлено в головном мозге при помощи соответствующих «признаков». В противоположность этому Гибсон доказывает, что мы видим трехмерное пространство благодаря «отношениям, в которых находятся поверхности друг с другом и с земной поверхностью» (p. 148).

Восприятие, говорит он нам, происходит не в уме и не в головном мозге, а *в живом наблюдателе*. Это экологическое со-бытие человека и объекта, находящихся во взаимной связи друг с другом. «Восприятие — это достижение индивидуума, а не спектакль, который разыгрывается на сцене его сознания. Восприятие — это поддерживание контакта с миром, знакомство с вещами на личном опыте, а не получение впечатлений (an experiencing of things rather than a having of experiences)» (p. 230). Оно состоит из извлечения информации, касающейся поверхности объектов и человека в зрительном взаимодействии с миром. Вместо того чтобы быть просто интерпретируемым образом на сетчатке, восприятие складывается из того, каким образом развертывается объект, его инвариантов, его изменений, текстур, краев, возможностей, предоставляемых им субъекту (affordances), помех и других визуальных условий, а также из непрерывного обследования глазами, движений головы и остального тела. Мышцы тела приспосабливаются к этим факторам и находятся в координации с органами чувств. Головной мозг — это не «седалище зрения» (p. 309), а «всего лишь центральный орган завершенной зрительной системы» (p. 1).

Из-за попыток соотнести статичные и искусственные условия картин с естественным миром, утверждает Гибсон, делались некоторые ошибочные допущения, касающиеся восприятия. И эта ошибка повторялась в экспериментах с восприятием. Эксперименты, переориентированные на подлинные экологические условия, заставляют его отвергнуть традиционные допущения и принять прямой подход.

Гибсоновскую концепцию «извлечения информации» не следует путать с «обработкой информации». Последнюю он безоговорочно отвергает:

> «Заметьте, что современные теории так называемой “обработки информации” *принимают* доктрину афферентных нервных сигналов, поскольку то, что их сторонники называют входящей *информацией*, является паттерном или последовательностью входных сигналов. По моему мнению, они обманываются, просто *называя* входные сигналы информацией. Они пытаются заменить Иоганнеса Мюллера Клодом Шенноном! Они стараются обойти старые трудности. Они пренебрегают историей чувственного восприятия; по-видимому, они не знакомы с физиологией органов чувств. Их стихия — детектирование сигналов!» (1985, p. 227).

Возражения Гибсона общепринятому учению о восприятии (как и предлагаемые им взамен характеристики восприятия) не являются целиком оригинальными, как утверждает он сам. Схожие мысли высказывались ранее Вудбриджем (Woodbridge, 1909, 1913a, 1913), Кантором (Kantor, 1920, 1924; Kantor & Smith, 1975) и Мерло-Понти (Merleau-

Ponty, 1962). Еще в IV в. до н. э. Аристотель описывал восприятие как совместную (одновременную) актуализацию двух потенций: потенции организма ощущать и потенции объекта ощущаться (см. главу 2, с. 33). Он описывал посредническую роль контакта и отличал его от ощущаемого объекта (стимула). То, что несколько исследователей пришли к схожим взглядам совершенно независимо друг от друга и вопреки традиции, показывает, что они наблюдали, описывали и анализировали одни и те же события. Их объяснение этих событий, по-видимому, заслуживает такого же внимания, как и общепринятый взгляд. Работа Гибсона способствовала привлечению внимания к этой альтернативе.

Найссер (Neisser, 1982, 1985) отмечает важный урок, который можно вынести из экологического реализма Гибсона в отношении натуралистических исследований и роли среды, в отличие от искусственных лабораторных тестов, в таких областях, как память, формирование понятий и восприятие. Он говорит о важности распространения данной системы на эти области. Элеонора Гибсон (жена Джеймса Гибсона), видный специалист в области психологии развития, распространила концепции своего мужа, в сочетании с собственными идеями, на процесс развития (E. Gibson, 1969, 1982, 1997; E. Gibson & Walker, 1984). Одна редакторская работа, созданная под влиянием идей Джеймса и Элеоноры Гибсон, объединяет экологический реализм, динамические и эпигенетические системы (см.: Dent-Read & Zukow-Goldring, 1997). Эти редакторы характеризуют экологический реализм как исследующий то, каким образом организм и среда приспосабливаются друг к другу, и то, каким образом в этих отношениях формируется любое знание. Они описывают динамические системы как способ, каким взаимодействуют организм и среда, образуя систему, которая становится самоорганизующейся. Этот подход (теория динамических систем) изучает различные уровни этих взаимодействий, которые ведут к деятельности, типичной для вида, такой как хождение. В фокусе теории динамических систем чаще всего оказывается двигательная активность. Вероятностная эпигенетика (см. с. 333) исследует организмы в их естественной среде (иногда называемой «внутренней и внешней средой»), чтобы определить то, как они влияют друг на друга и вызывают изменения во всей системе, а не только в ее отдельных частях. Сводя эти три системы вместе, редакторы рассчитывали показать их сходства и различия, а также тот вклад, который каждая вносит в понимание человеческого развития как организменно-средовых отношений, а не как механистического, психоаналитического или когнитивного процесса.

Как можно ожидать, работа Гибсона подверглась критике со стороны консерваторов. Но она также вызвала критику со стороны тех, кто, в сущности, согласен с ним. Например, Косталл (Costall, 1986) находит Гибсона непоследовательным в том, что касается взаимозависимости организма и среды, поскольку он часто отдает преимущество организму. Как и все значимые интеллектуальные концепции, экологическое восприятие Гибсона следует не абсолютизировать, а совершенствовать и развивать.

ЭНВАЙРОНМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Энвайронментальная психология (Holahan, 1982, p. 21) зародилась в 1960-х годах, но название вошло в употребление в 1970-х, когда исследователи привлекли внимание к влиянию на человеческое поведение среды, сконструированной людьми. Согласно Голахану (Holahan, 1982, p. 21), «исторические корни энвайронментальной психологии уходят в исследования, проводившиеся в 1950-х годах Баркером и Вригтом на Психологической полевой станции Среднего Запада (см. главу 6), но ее появление было вызвано совместным действием ряда факторов (Moore, 1987; Sommer, 1987), включая такие непохожие влияния, как формулирование Куртом Левином концепции поведения как функции человека и среды и движение за социальные реформы в 1960-х годах. В 1960-х годах факультеты психологии начали вводить курс энвайронментальной психологии, после чего последовали программы, рассчитанные на присуждение ученых степеней. Сейчас в США и Канаде насчитывается свыше 20 программ, выполнение которых позволяет получить степень доктора философии, и еще больше рассчитанных на получение степени магистра. Они распределены по факультетам психологии, географии, архитектуры, социологии и природных ресурсов.

Энвайронментальная психология занимается такими темами, как восприятие среды; уединенность; перенаселенность; страх перед преступностью; шум, температура и загрязнение окружающей среды; личное пространство и территориальность; проектирование зданий, мебели и игровых площадок; развитие и среда; восприятие и среда; стресс и среда; защита окружающей среды; стихийные бедствия и технологические катастрофы; городское планирование. Она изыскивает способы, какими люди могут реагировать на среду, контролировать ее или лучше ее проектировать, с тем чтобы повысить благосостояние человека.

Не существует какого-то всецело удовлетворительного определения энвайронментальной психологии, но следующие два в значительной мере передают то, что входит в ее компетенцию:

«Энвайронментальная психология — это изучение взаимосвязи между поведением и сконструированной или естественной средой» (Fisher, Bell & Baum, 1984, p. 6).

«Энвайронментальная психология — это дисциплина, занимающаяся взаимодействиями и связями между людьми и их средой» (McAndrew, 1993, p. 2, after Proshansky, 1990).

Большинство видов психологии включают в себя среду. Это неизбежно следует из принятия во внимание стимула. Стимул принадлежит среде, даже когда он связан с телом индивида. Соответственно, разделительная линия между энвайронментальной психологией и другими видами психологии не является ярко выраженной и может быть сравнена с эко-бихевиоральной наукой (см. главу 7), в которой различия между этим и другими видами психологии еще менее отчетливые. Дифференциация, однако, заключена в акценте: общепринятый подход центрируется на организме, тогда как эко-бихевиоральная наука фокусирует внимание на четко определенных сеттингах поведения, а энвайронментальная психология — на более широких связях среды и человека. Иногда исследования сеттингов поведения (такие как исследование Бехтеля [Bechtel, 1982b], упоминавшееся выше), которые используются для оценки среды, сливаются с энвайронментальной психологией. Два других примера подобных слияний — в данном случае в области архитектуры — можно найти в работе Гампа и Гуда (Gump & Good, 1976), которые использовали малые синоморфы (см. главу 7), называемые «сегментами», для оценки двух типов школьной архитектуры по ряду образовательных параметров, и в работе Осборна (Osborn, 1988), который изучал черты личности в поведенческих сеттингах, различавшихся дизайном интерьера. Независимо от различий между энвайронментальной психологией и эко-бихевиоральной наукой, тот факт, что «...при конструировании школ, больниц и других общественных сеттингов постоянно уделяется лишь минимум внимания взаимодействию их социофизической среды с желательным сеттингом поведения, свидетельствует о потребности в большем внимании к экологической психологии» (Winett, 1987, p. 38).

Оперантное обусловливание также придает особое значение влияниям среды на поведение (см. главу 6). Его роль в энвайронментальной психологии включает исследования, показывающие, как оперантное обусловливание может способствовать уменьшению замусоривания окружающей среды, сохранению водных и энергетических ресурсов, расширению использования общественного транспорта, а также распространению самообразовательных материалов, посвященных улучшению питания и внесению изменений в пищевой рацион (Winett, 1987).

Несколько примеров из области исследований дают представление о широте энвайронментальной психологии.

Исследователи продемонстрировали, что взрослые плохо понимают *потребности детей в игре* и проектируют игровое пространство, основываясь на ложных допущениях (Bishop & Peterson, 1971). Игра служит удовлетворению множества потребностей, таких как социализация в обществе сверстников, высвобождение энергии, исследование окружающего мира, разговор и проигрывание ситуаций с помощью воображения и творческой способности. Стационарное оборудование может удовлетворить эти потребности только в ограниченной степени. На типовое оборудование игровых площадок, такое как качели, горки и устройства для лазанья, приходится лишь небольшой процент игрового времени детей. Исследование, использовавшее видеозаписи сеттингов поведения, интервью с детьми и картирование поведения на трех типах игровых площадок, обнаружило, что наиболее популярными компонентами каждой площадки были те, которые обеспечивали максимальную свободу игры, особенно для детей старшего возраста, которые чаще других компонентов использовали игровой домик (clubhouse). Песок и вода также пользовались успехом на тех двух площадках, где их можно было найти (Hayward, Rothenberg & Beasley, 1974). Площадки с такими элементами, как игровые домики, песок и вода способствуют игре-воображению и, как указывают Суса (Susa) и Бенедикт (Benedict, 1994), творческому поведению. Одна из попыток удовлетворить потребность в улучшенной планировке детских игровых зон включала международный студенческий конкурс на лучший проект двух общественных пришкольных территорий в Гарлеме, Нью-Йорк. При участии школы и местной общины лучшие идеи были объединены с целью внедрения (Hart et al., 1992).

Важнейшей энвайронментальной проблемой является *безопасность детей*. Чтобы сделать условия более безопасными, мы должны прислушиваться к мнению и родителей, и детей (Garling, 1985), ибо родители переоценивают способность своих детей избегать опасности и дают различные оценки степени опасности, исходящей от каждого элемента оборудования и техники (Valsiner & Mackie, 1985). В США Комиссия по безопасности потребительских товаров (U. S. Consumer Product Safety Commission, 1975) установила, что детские игровые площадки и лесенки входят в число источников наибольшей опасности, а поверхность под игровым оборудованием является одним из основных виновников несчастных случаев. В 1981 г. Комиссия (U. S. Consumer Product Safety Commission, 1981) разработала и опубликовала национальные стандарты безопасности игровых площадок.

Важным является проявление внимания к энвайронментальной поддержке проектов, адресованных женщинам. Сюда относятся местные центры бытового обслуживания (Wekerle, 1988) и городское строительство, призванное облегчить женский труд, вынашивание и воспитание детей (Saegert, 1988).

Контроль за молодежными группировками наиболее эффективен там, где местная община имеет формальные и неформальные социальные структуры. Количество преступлений против людей и собственности растет по мере социальной дезорганизации

(Sampson & Groves, 1989). Страх перед преступностью снижается, когда люди чувствуют себя частью местной общины (Hunter & Baumer, 1982). Воспринимаемый социальный контроль повышается, а страх перед преступностью понижается по мере увеличения процента домов, рассчитанных на одну семью (Gates & Rohe, 1987). Последние исследования посвящены разрешению местных проблем, загрязнению окружающей среды, насилию на национальном и международном уровне, влиянию технологических изменений на людей и коллективы, улучшению местного здравоохранения и проектированию среды для стареющего общества (Stokols, 1995). Обзор исследовательской деятельности в 1984–1994 годах обнаружил рост количества исследований в естественных сеттингах, увеличение видов и количества публикаций, а также все большее разнообразие исследовательских сеттингов (Sundstrom et al., 1996).

На взгляд Крэйка (Craik, 1996), центральными для данной области являются теоретические и исследовательские вопросы взаимодействий человека и среды, как они происходят ежедневно в обычной жизни, в ходе развития, непрекращающегося от рождения до смерти. С другой стороны, согласно Бехтелю (Bechtel, 1996), важнейшими являются прикладные задачи, особенно при оценке пригодности зданий для тех, кто в них проживает. В энвайронментальной психологии множатся вопросы, касающиеся теории, методологии, фундаментальной и прикладной науки. Количество новых вопросов превышает количество ответов, но такая ситуация типична для бурно развивающейся науки. Приходится пожалеть лишь о том, что она получает мало внимания со стороны и психологии в целом, и общества, несмотря на ее потенциальную способность внести огромный вклад в обе эти сферы. Однако данная область теперь расширилась до международного масштаба, что благоприятствует ее жизнеспособности (Stokols, 1995). Стоколс (Stokols, 1996) предполагает, что в будущем энвайронментальная психология будет развиваться более эффективно в междисциплинарных программах, чем на традиционных факультетах психологии.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Эта система заимствует одну из двух своих основных посылок из событий эволюции, а другую — из конструктов когнитивной психологии. Из эволюционной биологии берется принцип естественного отбора. На протяжении многих поколений в популяции укореняется какая-то характерная особенность, которая способствует выживанию и размножению. Антилопа, которая бегает быстрее всех и ускользает от хищников, выживет и передаст потомству свою проворность. Из когнитивной психологии берется конструкт ментальных механизмов, которые обрабатывают информацию таким образом, чтобы реализовать желания, влечения, предпочтения и т. д., которые, в свою очередь, как предполагается, вызывают определенное поведение. Система постулирует, что эти механизмы имели значение для выживания в типичных средах обитания и закрепились в структурах головного мозга представителей популяции, которые выжили благодаря им. (Другое допущение состоит в том, что мозг продуцирует поведение.) Таким образом, согласно эволюционной психологии, отбираются не *образцы поведения*, а *ментальные механизмы* или *инстинкты*. Эти механизмы специфичны для определенного вида и вызывают у этого вида соответствующее поведение. Наблюдаемые закономерности в поведении заставляют эволюционного психолога искать эволюционирующие психологические механизмы, которые лежат в основе поведения.

Например, наблюдение, показывающее, что мужчины ведут более беспорядочную половую жизнь, чем женщины, может подтолкнуть к поиску адаптивного механизма, который заставляет мужчин искать множество партнеров, и контрмеханизма, который заставляет женщин искать одного партнера. Так, в типичной среде наличие множества партнеров повышало шансы мужчин на репродуктивный успех, а их предпочтения в пользу множественности отбирались как мозговой механизм. Та же самая типичная среда могла предоставлять женщинам большие возможности в моногамных отношениях, которые обеспечивали стабильную семейную ситуацию, необходимую для воспитания детей до репродуктивного возраста и, тем самым, для продолжения своей линии наследования. Подобные ментальные механизмы могли отбираться и передаваться из поколения в поколение.

Некоторые механизмы, соответствующие этой схеме, увидеть достаточно легко, особенно в отношениях между мужчинами и женщинами. Для выявления других требуется немалая изобретательность. Рассмотрим одну гипотетическую эволюционную функцию. Женщины предпочитают мужчин, которые отличаются добротой, пониманием и надежностью. Структуры мозга, которые отдают предпочтение этим характеристикам, — это адаптации, нацеленные на успешное воспитание детей, которое, в свою очередь, ведет к продолжению рода женщины. Или можно заметить, что юноши, как правило, любят рисковать, что позволяет им получить больше потенциальных брачных партнеров и, тем самым, больше возможностей для размножения, когда ведется борьба за брачных партнеров. Предпочтение, которое мужчины отдают молодым, привлекательным женщинам, скорее приведет к репродуктивному успеху, чем выбор немолодых или болезненных женщин. Однако критик может возразить, что в наше время женское тело, которое более всего пригодно для беременности и деторождения (например, с широкими бедрами) не является идеалом мужчины.

Возможно, мужская ревность к супруге призвана отпугивать других мужчин и повышает вероятность отцовства для ревнивого мужчины, но ревность имеет свои сложности. Чтобы изучить сложность ревнивого поведения, Басс (Buss, 1995) спрашивал мужчин и женщин, что их больше расстроит: мысль, что их супруг или супруга имеют сексуальные отношения с кем-то еще или что у них завязались тесные эмоциональные отношения с другим человеком. Почти все женщины сочли, что эмоциональная привязанность более неприятна, тогда как большинство мужчин посчитали, что сексуальная связь хуже — хотя отношение составило лишь 60% к 40%. Физиологические реакции испытуемых, когда они мысленно представляли ситуацию, согласовывались с их ответами. Для многих мужчин альтернатива, которую они выбирали, зависела от того, был ли у них опыт верных сексуальных отношений. Эмоциональная привязанность была на первом месте у того большинства, которое *имело* опыт верных сексуальных отношений, а сексуальная неверность — у тех, кто *не имел* такого опыта. Тем самым, согласно исследователю, важную роль в чувстве ревности играют не только эволюционные механизмы, но также контекст и индивидуальные различия.

Перейдем от отношений между мужчинами и женщинами к другим вопросам. Данбар (Dunbar, 1996) заявляет, что разговоры являются заменой груминга, который практикуют приматы. Эти животные удаляют друг у друга из шкуры грязь, спутанные волосы и кусочки омертвевшей кожи. Согласно стандартной интерпретации, эта активность способствует сплочению группы. Данбар считает, что у людей ей на смену пришел язык. Происхождение языка, особенно разговоров, не связано с задачей собирания пищи или охоты. Он функционирует исключительно как связующий социальный компонент. И большой объем мозга необходим для того, чтобы отслеживать сложные социальные отношения, которые возникают в процессе развития. Данбар обнаруживает корреляцию между площадью новой коры и численностью групп животных. У людей максимальная численность группы составляет 150 человек. Внутри такой группы каждый человек может знать всех остальных и то, как они связаны друг с другом. Сто пятьдесят человек — это численность кланов в сообществах охотников-собирателей и число работников в организациях, которые могут функционировать, обходясь без бюрократии. Теория Данбара о происхождении языка в корне отличается от теории Пинкера (Pinker, 1994), хотя обе опираются на эволюционную схему. Пинкер говорит о языковом инстинкте. Среди многочисленных моделей поведения, на которые обращает внимание эволюционная психология: кооперативное поведение (Ridley, 1997), восприятие (Shepard, 1992) и половые различия в социальном поведении (Archer, 1996). Перечень 30 последних исследований, посвященных адаптации и отбору, простирается от эволюционных предпочтений в отношении ландшафта до конфликта между матерью и плодом (Buss et al., 1998).

Туби и Космидис (Tooby & Cosmedes, 1992) и Космидис и Туби (Cosmedes & Tooby, 1997) уводят эволюционную психологию в сторону от основного течения, отвергая то, что они называют «стандартной моделью социальной науки» (Standard Social Science Model). Эта модель постулирует общие механизмы, такие как рассуждение, научение и память, которые лишены врожденного содержания и должны заимствовать все содержание из окружающего мира. Названные же исследователи утверждают, что в психике / головном мозге всех людей формируется большое количество стандартных схем, специализирующихся на выполнении определенных задач. Эти «домен-специфичные» механизмы обусловлены биологической эволюцией и «генерируют поведение», адекватное среде. Поскольку эти механизмы эволюционировали на протяжении миллионов лет жизни охотников-собирателей, они зачастую не слишком хорошо соответствуют нынешним потребностям; но вследствие их огромного количества люди имеют множество возможностей выбора, что обеспечивает большую гибкость (Buss, 1995). Согласно сторонникам этой системы, в современном мире сложных технологий, бизнеса и коммерции эгоистичный способ функционирования генов часто скрыт за слоями поведенческих паттернов. Эволюционный психолог признает, что эти модели поведения часто не связаны с репродуктивной функцией — просмотр фильмов, привыкание к табаку, профессиональная карьера, написание стихов и т. д. — и должны быть отделены от того поведения, которое с ней связано. Один из этих сторонников, по-видимому, рассматривает эволюционную биологию всего лишь как ступень, которая ведет к иному уровню организации, предполагающему сложные интеракции: «люди развивались в соответствии с одной группой законов, законов естественного отбора и генетики; а то, как они взаимодействуют друг с другом, соответствует другому набору законов, законов познания и социальной психологии, человеческой экологии и истории» (Pinker, 1997, p. 208).

ВЕРОЯТНОСТНО-ЭПИГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

«Эпигенезом» называют развитие новых свойств или функций, не присутствовавших на более ранней стадии индивидуальной истории. Определение «эпигенетический» прилагается к таким непохожим подходам, как психоанализ и когнитивная психология. Обычно эти употребления подра-

зумевают только то, что на последующее развитие влияет более раннее развитие. «Вероятностный эпигенез» (Gottlieb, 1970; Lerner, 1976) идет намного дальше и говорит о нелинейном (т. е. не состоящем из цепочки «А является причиной В, а В — причиной С») взаимном влиянии биологии и среды как внутри организма, так и между организмом и его окружением. Организм вносит вклад в свое окружение и изменяется под влиянием этого окружения. Имеет место длительная взаимозависимость и непрерывный взаимообмен между организмом и средой. Этот процесс также называют «интеракцией (взаимодействием) среда—организм»[1]. Термин «вероятностный» (Gottlieb, 1970s) относится к тому факту, что в естественных интеракциях, в отличие от искусственных, имеющих место в лаборатории, «последовательность или исход индивидуального поведенческого развития являются вероятными (по отношению к нормам), а не определенными» (p. 123). Взаимодействие компонентов не всегда происходит строго в одно и то же время, и в результате, характеристики проявляются не одновременно, а в разные сроки, или даже не в одной и той же последовательности у всех индивидов одного и того же вида (Lerner, 1978). Следовательно, проявление любой заданной характеристики в любой момент или период времени или в любой последовательности может иметь место только с некоторой вероятностью. Не все дети начинают говорить или ходить, или приучаются к опрятности в одно и то же время или в одной и той же последовательности. Не у всех студентов колледжей формируются в одно и то же время или в той же самой последовательности такие зрелые модели поведения, как умеренное потребление алкоголя, осторожное вождение автомобиля или регулярная и прилежная учеба.

Этот подход к развитию отличается от (а) обусловливающего подхода, каким является бихевиоризм, и от (б) детерминистского подхода, каким является ортодоксальный психоанализ или теория стадий Пиаже (Lerner, Hess & Nitz, 1991). Некоторые бихевиористы полагают, что поведение определяется средой и продолжительными, количественными добавлениями элементов S—R (стимул—реакция). Детерминисты полагают, что биология обнаруживает себя в неизменной последовательности, ведущей к некоторому предопределенному конечному состоянию, а среда может менять только скорость прохождения этой последовательности. Этот последний подход можно назвать «предопределенным эпигенезом» (Gottlieb, 1983). Вероятностный эпигенез, с другой стороны, утверждает, что паттерны поведения вызывает не биология и не среда, а отношения между ними. Смысл или значение конкретного поведения заключены не в человеке и не в среде, а в этих отношениях и в конкретном контексте. Соответственно, чтобы понять патологическое или преступное поведение, мы должны рассмотреть интеракции, а чтобы видоизменить его, мы должны заняться интеракциями, ибо поведение состоит из подобных интеракций (близкородственный подход описан в главе 10).

Хотя можно процитировать ряд основоположников вероятностного эпигенеза, Зин-Ян Куо был, возможно, самым далеко идущим новатором как в экспериментальной, так и в теоретической области. Куо (Kuo, 1967) определяет «эпигенез» как «непрерывный процесс развития от оплодотворения через рождение к смерти» с акцентом на

> «...диверсификацию и модификацию паттернов поведения... в результате непрерывного динамического обмена энергией между организмом и его средой... В каждый момент энергетического обмена устанавливаются новые отношения между организмом и средой; организм более не является тем же самым организмом, а среда — той же самой средой, какими они были в предыдущий момент» (p. 11).

Лернер (Lerner, 1978) цитирует диалектическую психологию Ригеля (см. главу 9) как развивающую этот взгляд, и сюда можно также добавить интербихевиоральную психологию Кантора (см. главу 10).

Куо, родившийся в Китае, занимался последипломной научно-исследовательской работой вместе с Толменом в Калифорнийском университете в Беркли. Он отверг телеологический бихевиоризм Толмена, предпочтя ему радикальный бихевиоризм Уотсона, но обнаружил, что последний тоже имеет недостатки. Он провел эксперименты, ставшие теперь классическими (см., например: Kuo, 1930), которые бросили вызов доктрине инстинктов и, поскольку он избегал традиционных конструктов, были сочтены слишком радикальными. Еще будучи аспирантом, он провел и опубликовал свое исследование, которое ставило под сомнение доктрину инстинктов (Kuo, 1921), и удостоился множества откликов со стороны видных психологов того периода. Его независимость от западной культуры могла сыграть определенную роль, обусловив некоторые идеи, которые он отвергал или отстаивал, хотя Готтлиб (Gottlieb, 1976) приписывает бунтарство Куо его воспитанию[2]. Его интерес к пренатальному и неонатальному поведению привел к разработке им первого усовершенствования для аристотелевского метода вскрытия яйца на различных стадиях при изучении развития эмбриона.

[1] Также используются такие термины, как «транзакциональный», «контекстуальный» и «индивидуально-социоэкологический» (Gottlieb, 1991) и «эволюционный контекстуализм» (Lerner, 1989).

[2] Краткую биографию Куо и перечень его публикаций см. у Готтлиба (Gottlieb, 1976).

Куо делал в яйце отверстие, с тем чтобы можно было постоянно наблюдать поведение эмбриона в процессе его развития. Вернувшись в Китай, он организовал площадки для исследований животных и провел исследования на птицах, кошках и собаках. Политические потрясения в Китае положили конец большей части его работ, но он сумел подытожить эксперименты в своей книге (1967).

Согласно Куо, поведение двунаправлено (bidirectional). Каждый паттерн поведения берет начало в «динамических отношениях» или «взаимосвязанных реакциях» между организмом и окружением, а не в пассивной стимуляции. Телесные структуры и их функции ограничивают поведение, но не определяют его: собака может укусить своего врага, но не бросить в него камень; способность кусаться обеспечивается, но не определяется биологией. Диапазон поведения («поведенческие потенциалы»), которое организм может продемонстрировать, зависит от истории его существования в этом энвайронментальном контексте, а также от структур и функций. Психологические и поведенческие характеристики взаимодействуют в процессе развития организма. Ограничения, устанавливаемые анатомическими и физиологическими компонентами организма, в свою очередь влияют на дальнейшее биологическое и поведенческое развитие. Биологические характеристики обеспечивают условия для проявления определенного поведения, и когда оно проявляется, это же самое поведение влияет на развитие физиологических и анатомических компонентов организма. По мере развития организма его репертуар реакций становится более ограниченным — уменьшение поведенческого потенциала — и более специфическим как следствие истории развития организма. И когда биологические способности организма возрастают, он расширяет свои интеракции более сложным образом. Интеракции организма со стимулами постоянно развиваются и адаптируются по мере изменения и организма, и условий. Каждый новорожденный детеныш у социальных животных обладает огромным поведенческим потенциалом — очень небольшая часть которого реализуется в период жизни — и ограничен только своими телесными структурами.

Куо уделяет много внимания «градиенту поведения», которому, при любой данной реакции, следует весь организм, но одни компоненты делают это интенсивнее (выше по градиенту), чем другие, причем с поправкой на интеракции и обратные связи. Этот процесс включает в себя химические события, а также грубую анатомию. Эти вариации и их обратные связи образуют сложные, взаимозависимые, упорядоченные паттерны поведенческих градиентов, которые постоянно меняются и варьируются по интенсивности и экстенсивности. Задача психологии — выявить эти меняющиеся паттерны и их законы. Такие паттерны — это не просто физиологические эквиваленты (counterparts) поведения, а внутренние компоненты общего (total) паттерна. Вариация различных частей паттернов градиентов зависит от (а) стимулирующего объекта, (б) общего энвайронментального контекста, (в) статуса анатомических структур и их функциональных возможностей, (г) физиологических (биохимических и биофизических) условий организма и (д) истории развития организма.

Короче говоря, согласно этой системе, мы не сможем понять поведение, пока не изучим развитие в его контексте. Как и не сможем мы понять его без градаций интенсивности и экстенсивности интеракций в их коррелируемых многоуровневых и многовариантных формах. Нельзя отделять физиологию от поведения или врожденное от приобретенного. Мы можем только изучать градиенты поведения в их взаимозависимой сложности, пока продолжается развитие. Соответственно, Куо (Kuo, 1967) отвергает физиологическую психологию, физиологическую основу поведения, разум и тело, врожденное и приобретенное и другие дихотомии. Разграничение им «эксплицитных и имплицитных градиентов» — это только вопрос степени их видимости (наблюдаемости). «То, что обычно известно как поведение (очевидное или грубое движение, видимое невооруженным глазом, — молярный уровень), — это только неотъемлемая часть полной (total) реакции животного на среду, включающей каждую часть целого организма». Даже если и так, внутри «этой полной реакции — *поведения* — организма имеют место дифференциации интенсивности и экстенсивности среди различных частей тела», градиенты поведения (Kuo, 1970, p. 189). Другими словами, «поведение» охватывает широкий спектр скоординированных событий. Куо посчитал бы, что различие между поведением и познанием или поведением и опытом лишено основания.

Куо отвергает приписывание таких видов поведения, как научение, память и эмоция, функциям головного мозга. Мозг, настаивает он, является только координирующим центром тела для системы градиентов поведения. Куо «приветствует всю лабораторную информацию, касающуюся функции нервной системы... [но] не желает превращать центральную нервную систему в стратегическое убежище своего научного незнания» (1967, p. 193). То есть приписывание поведения мозгу — это вопрос незнания того, каков в действительности механизм поведения.

Куо подчеркивает вариабельность и сложность любого поведения. Он провел в естественных условиях серию экспериментов с собаками, кошками и птицами, чтобы продемонстрировать следующее: то, что считалось биологически фиксированным поведением, вполне поддается изменению в зависимости от интеракции этих компонентов в различных энвай-

ронментальных сеттингах. Результаты подтверждают отрицание им и врожденных, и приобретенных характеристик, а также генетики поведения. На его взгляд, эти конструкты просто не описывают адекватным образом комплекс факторов, как и не содержат они полезных дихотомий. Он также настаивает, что работа Павлова, Уотсона и Скиннера является слишком упрощенной; и он отвергает работу европейских этологов, поскольку они постулирую инстинкты и не способны признать роль истории интеракций животного[3]. Неудивительно, что в свое время многие считали его радикалом.

Хотя Куо занимался преимущественно исследованиями животных, он полагал, что его работа указывает путь к модификации поведения не только животных, но и человека без изменения генетики вида. Этого можно достичь за счет контролирования энвайронментального контекста на ранней стадии развития. В обзоре исследований ощущений и научения у новорожденных Липситт (Lipsitt, 1977) также заключил, что существует возможность расширения диапазона человеческих способностей, подобно тому как рост знаний позволяет постоянно повышать результаты, показываемые спортсменами. Он также полагает, что это имеет значение для клинической работы: поведенческие и энвайронментальные психологи могут внимательно изучить влияние средовых условий на нормативное поведение и на индивидуальные различия и перенести свои наблюдения на контроль за отклоняющимся или патологическим поведением.

Однако потенциал или пластичность поведения не бесконечны. Например, несмотря на самые совершенные приемы обучения быстрому чтению, существует некоторый предел скорости для любого индивида. Тем не менее, если мы предлагаем долговременное обучение, начинающееся в детстве (например, такое, которое дается некоторым музыкантам), то не знаем, какими могут быть пределы. А пластичность может иметь как позитивные, так и негативные последствия. Изменения на одном уровне могут повлиять на другой. К примеру, изменение методом генной инженерии какого-то биологического признака может уменьшить или увеличить потенциал поведения. Без предварительного знания этих результатов «допустимы только научно обоснованные, консервативные шаги» (Lerner & Hood, 1986, p. 146).

При вероятностном эпигенезе сам организм вносит активный вклад в свое развитие (Lerner, 1989), что подтверждают многочисленные эксперименты, проводившиеся с различными видами. Например, серия исследований младенцев показывает, как ползание, обычно в возрасте между шестью и девятью месяцами, способствует дальнейшему развитию (Bertenthal, Campos & Kermoian, 1994). Страх высоты возникает столь внезапно в третьей четверти первого года жизни, что обычно считается, что он связан с биологическим созреванием, эволюционировав как признак, важный для выживания индивида, а значит и вида. Может быть, и верно, что биологическое созревание делает подобный страх возможным, но эксперименты демонстрируют взаимосвязь других условий. В известном тесте с визуальным обрывом младенцев медленно опускают на «обрыв». У тех, кто имеет опыт ползания, отмечается учащенное сердцебиение; у тех младенцев, которые еще не ползают, частота сердцебиения остается постоянной. В качестве дополнительного теста еще не ползающих младенцев водят в ходунке, а затем тестируют. У них отмечается повышенное сердцебиение, в отличие от контрольных испытуемых того же возраста. В третьем тесте готовность младенцев пересечь визуальный обрыв проверяется на 11-й или 41-й день опыта ползания. С готовностью пересечь обрыв связана продолжительность опыта ползания, а не возраст. Экспериментаторы заключают, что «опыт ползания вносит заметный вклад в развитие страха высоты» (p. 142). Дополнительные эксперименты показали, что ползание также вносит вклад в способность находить спрятанный предмет, возможно, из-за более разнообразного опыта, который появляется во время локомоции и как ее часть. Этот опыт включает улучшенную ориентацию. Согласно экспериментаторам, вопреки традиционной точке зрения, что подобные достижения являются только конечными продуктами развития, собственные действия младенцев формируют часть их наиболее важного раннего опыта. И вопреки линейным моделям развития (прямолинейная последовательность), развитие «реагирует на множественные факторы, которые находятся во взаимосвязи и включают в себя совместные действия организма и среды. С этой точки зрения, поведенческое развитие является мультидетерминированным, относительным и эмерджентным» (p. 145).

На традиционную психологию развития оказала большое влияние популяционная генетика, которая фокусирует внимание на источниках изменчивости (Gottlieb, 1995). Предполагается, что гены обусловливают верхний и нижний пределы поведенческого развития; соответственно, знание результатов одного условия воспитания позволяет предсказать верхний и нижний пределы другого условия воспитания. Связь линейна. Однако эмпирические исследования решительно противоречат этому. Напротив, вероятностный эпигенез делает акцент на развитии как проявлении иного уровня организации, который нелинеен и непредсказуем. Это было четко продемонстрировано, отмечает Готтлиб (Gottlieb, 1995). Взаимодействия могут

[3] Очевидно, Куо не был знаком с работой Хайнда (Hinde, 1966), который отверг доктрину инстинктов, объединив сравнительную психологию и этологию, тем самым добавляя развитие к этологии и делая ее эпигенетической, антиинстинктивной и холистической.

происходить на горизонтальных уровнях — например, между генами, клетками, организмами и контекстами — или на вертикальных — между геном и клеткой или организмом и культурой. Гены являются не независимыми причинами, доказывает он, а частью процесса развития и испытывают влияние со стороны других уровней системы. Причины проистекают не из какого-то одного уровня, а из отношений между уровнями; и анализ изменчивости, который в своих усредняющих процедурах игнорирует индивида, — «это не то же самое, что анализ причин» (p. 139).

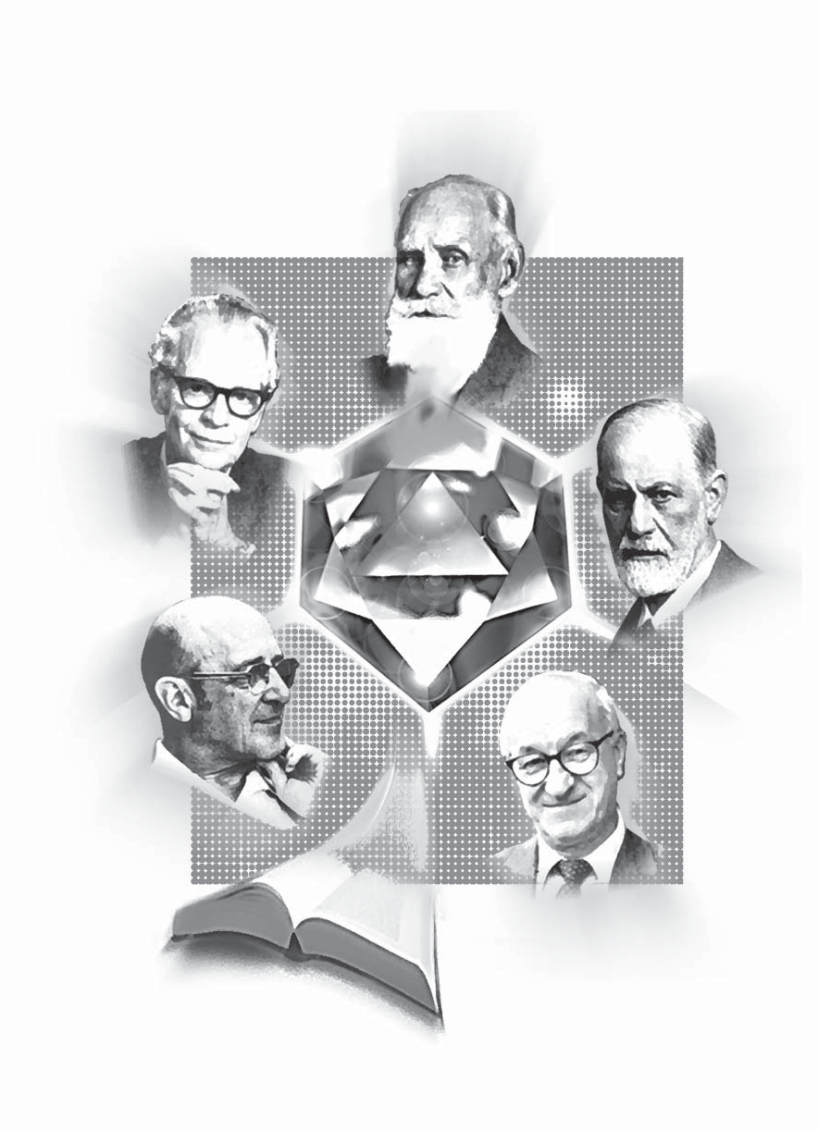
Тем не менее учебники по психологии развития, которые исследовал Готтлиб, как правило, придерживаются традиционного взгляда на генетику поведения и анализ изменчивости. В этих учебниках закрепляется неправильное использование биологического понятия, в то время как даже в биологии оно не принимается в форме линейной причинности.

Поработав с методом «отверстия в яйце» Куо и другими процедурами сбора данных, Готтлиб (Gottlieb, 1997) заключил, что «инстинктивное» поведение, такое как крики птиц, регулируется пренатальными взаимодействиями — взаимными влияниями, — которые включают в себя уровни генов, нейронов, поведения и среды. Причинность — это совместное действие этих структурно-функциональных отношений, а не какое-то линейное событие, состоящее в том, что гены являются причиной поведения, или что поведение является причиной формирования структур. Термин «врожденный» относится не к генетической детерминации, а к деятельности, специфичной для вида, не зависящей от непосредственного научения, но зависящей от опыта в широком смысле. Фактически поведение может способствовать эволюционным изменениям. Популяция животных (включая людей), которая начинает жить в новом месте, должна адаптироваться и изменить свое поведение. Внутри популяции подобное изменение ведет к использованию ресурсов, благоприятствующих большей силе или ловкости, или остроте зрения, а это меняет анатомию и физиологию. Это изменение, в свою очередь, может в конечном счете привести к изменениям в генетическом составе популяции. Происходят изменения во всей системе развития. Некоторые латентные гены становятся активными. Поскольку в полном наборе генов (геноме) экспрессию получает только крохотный процент генов, потенциал для активизации остальных огромен. Одним из примеров подобной активизации является рост зуба у птицы, когда на ее эпителиальные клетки воздействуют измененные условия развития. Даже когда происходит мутация генов, они не могут сами по себе изменять признаки, ибо являются только частью системы развития. Готтлиб называет свой поход к психобиологии «нисходящим» (от поведения к генам), в отличие от «восходящего» (от генов к поведению) подхода, который ищет объяснения поведения и его изменений в генах. Он заявляет, что должны быть приняты во внимание интеракции, взаимные влияния, проходящие через все уровни — гены, нейроны, поведение и среду.

Ояма (Oyama, 1985), который также ратует за отказ от дихотомии между генами и средой, полагает, что традиционную дихотомию можно сохранить, поскольку она, по-видимому, «вносит больше ясности, больше согласованности, больше последовательности» (p. 9). Возможно, некоторое сопротивление этому подходу вызвано сравнительной легкостью приписывания результатов генам *или* среде, *или* инстинкту, вместо того чтобы рассматривать сложные взаимодействия между событиями. Келлер (Keller, 1983, 1985) и Спэниер (Spanier, 1995) сходятся в том, что проблема заключена в мужском доминировании в науке и в патриархальной перспективе мужчин, которая открывает вид на некий иерархический командный центр и не позволяет заметить взаимодействие. Каким бы ни было основание для дихотомий и допущений линейных причин и следствий, вероятностно-эпигенетическая психология считает, что взаимодействия имеют место.

ЧАСТЬ 7

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОБЗОР



ГЛАВА 14

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД И ПОДВОДЯ ИТОГИ

ПРИЧИННОСТЬ И СИСТЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Одна из форм классификации, используемая для сравнения систем психологии, предполагает определение того, где следует локализовать источник причинности. Согласно ей, мы имеем четыре категории систем: (а) органоцентрические — источник причинности заключен в организме; (б) энвайроцентрические — источник причинности лежит в окружающей среде; (в) социоцентрические — источник причинности находится в социальной группе и (г) нецентрические — причинность не имеет какого-либо одного источника, но заключена в отношениях или в поле событий. Большинство систем так или иначе попадают в одну из этих категорий, но некоторым из них все же свойственна неопределенность, проявляющаяся в расхождениях при изложении их разными сторонниками системы или в отсутствии четкой позиции относительно локуса причинности, которая не представлена ни имплицитно, ни эксплицитно.

Наибольшей неопределенностью отличаются четыре системы: (а) энвайронментальная психология, (б) диалектическая психология, (в) феноменологическая психология и (г) прямой реализм. Энвайронментальная психология довольно неконкретна в определении локуса причинности; она изучает, главным образом, влияние среды на людей, но определяет себя в терминах взаимных отношений. Если она является интеракциональной, каковой она пытается выглядеть, тогда ее следует отнести к категории нецентрических систем, вместе с общественной психологией (с которой она имеет много общего). Если она ближе к допущению Баркера, согласно которому поведение — это функция среды, тогда она должна входить в категорию энвайроцентрических систем. Диалектическая психология иногда склоняется к биологическому редукционизму, и в таких случаях она попадает в разряд органоцентрических систем. Феноменологическая психология сохраняет определенную приверженность психической причинности, обусловленную ее теологическим наследием; в этом смысле она органоцентрична. Прямой реализм органоцентричен в том смысле, что он признает психоаналитические инстинкты, но в остальном он обнаруживает явные признаки нецентрической системы. Кроме того, социальный конструкционизм представляет собой специализированную форму энвайроцентризма, поскольку поставленное в нем во главу угла социальное сообщество, определяющее все, что мы можем знать о чем-либо, является частью среды; эту систему можно с полным правом отнести и к энвайроцентрической категории. Как бы то ни было, в табл. 14.1 шестнадцать систем, рассматриваемые в этой книге, разбиваются на четыре категории.

Таблица поражает тем, что такое большое количество систем относится, по крайней мере преимущественно, к разряду нецентрических. Это может указывать на то, что немалое число психологов оказались неудовлетворенными традиционными органоцентрическими системами и что их наблюдения за психологическими событиями независимо привели их к схожей альтернативе. Однако в США общее влияние этой группы очень незначительно, и большинство систем известно относительно немногим психологам, и следовательно, те лишены возможности рассматривать их в качестве альтернатив-

Таблица 14.1

Системы психологии, классифицируемые по локусу причинности

Органоцентризм	Энвайроцентризм	Социоцентризм	Нонцентризм
Когнитивная психология	Анализ поведения	Социальный конструкционизм	Общественная психология
Эволюционная психология	Эко-бихевиоральная наука		Диалектическая психология
Гуманистическая психология			Прямой реализм
Психоанализ			Экологическое восприятие / экологический реализм / экологическая психология
			Энвайронментальная психология
			Интербихевиоральная психология
			Оперантный субъективизм
			Феноменологическая психология
			Вероятностно-эпигенетическая психология

ных подходов. Теория экологического восприятия Гибсона является наиболее известной системой и оказывает небольшое, но заметное влияние. В Европе самой влиятельной из этих систем является, по-видимому, экзистенциально-феноменологическая психология.

ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЖДОЙ КАТЕГОРИИ ПРИЧИННОСТИ

Органоцентризм

Теория. Органоцентризм уходит корнями в рационалистическую философию континентальной Европы, получившую развитие в XVIII в. — особенно в Германии, Франции и Шотландии. В своей примитивной форме он восходит к анимистическим верованиям охотников и собирателей, которые помещали психологические события в сердце или каком-то ином телесном органе. Греки классического периода заменили анимизм более совершенным натурализмом, а Аристотель сформулировал нецентрическую психологию. Но органоцентрическая психология вернулась в виде патристической теологии и продолжает существовать поныне в ссылках на психе, витальную и разумную душу, разум, мозг, сознание и «я», а также в конструктах обработки информации. Опираясь на рационалистов, пользовавшихся влиянием в континентальной Европе, она постулирует врожденное знание или врожденные механизмы, которые реагируют на внешнюю стимуляцию, в результате чего стимул отображает мир в той или иной форме. Тем самым она постулирует двойной мир: физический вовне и ментальный (психический) внутри. Внутренний мир часто сводят к биологии, в частности, к головному мозгу, который затем продуцирует поведение и является причиной собственных действий (самокаузальность). Чтобы облегчить это превращение и объяснить его механику, зачастую используют аналогии, наиболее распространенной из которых сегодня являются компьютер и компьютерные программы. Поскольку дихотомия внутреннего и внешнего — это одна из форм дуализма «душа — тело», возникает ряд вопросов. Тождественен ли разум (душа) головному мозгу? Или же разум является эмерджентным феноменом мозга, его эпифеноменом? Обычно предполагается одна из форм последнего (см. главу 2, с. 70–72).

Органоцентрические системы неизменно начинают свои изыскания с конструктов, таких как нейронные сети и компьютерные программы (когнитивизм), самоактуализация (гуманистическая психология) и инстинкты (эволюционная психология и психоанализ), интерпретируя результаты исследований в терминах этих же самых конструктов. Все эти системы, за исключением когнитивизма, отводят достаточно значимую роль среде. В отличие от них, когнитивизм относится к среде как к чему-то лишь немного большему, чем входные сигналы, которые упорядочиваются и обрабатываются с помощью врожденных механизмов мозга. Однако некоторые когнитивисты стараются наделить среду большей ролью, хотя будущее этих попыток отличается неопределенностью.

• *Когнитивизм*, или *когнитивная психология*, остается доминирующим представителем в этой группе и, тем самым, во всей американской психологии. Благодаря ему, на органоцентризм приходится львиная доля сегодняшней психологии. За исключением нескольких десятилетий доминирования бихевиоризма — причем даже тогда методологический бихевиоризм имел заметный органоцентрический компонент, — в психологии превалировал органоцентризм, и когнитивизм продолжает эту традицию. Однако вместо влечений и инстинктов недавнего прошлого, он постулирует механизмы, аналогичные компьютерным программам, и называет психологические события «обработкой».

• *Эволюционная психология* привлекает некоторых когнитивистов и даже может рассматриваться как одна из подобластей когнитивизма или когнитивной науки, подобно искусственному интеллекту или психолингвистике. Но она уделяет среде больше внимания, чем это обычно делает когнитивизм. Что касается категории времени, то эволюционная и гуманистическая психологии придерживаются противоположных взглядов на причинность. Первая обращается к прошлому, чтобы объяснить психические (mental) адаптации, которые влияют на поведение, тогда как вторая обращает свой взгляд на будущее в поиске намерений и целей (телеология), влияющих на поведение.

• *Гуманистическая психология* приписывает причинность «я», которое самокаузально («самоактуализация»). Поскольку эта система оставляет мало места социальным факторам, сосредоточиваясь на росте «я», она не только органо-, но и эгоцентрична.

• Отдельные сторонники *психоанализа* трансформировали эту систему настолько радикально, что, в отдельных случаях, из нее полностью исчезают инстинктивные влечения и сохраняются лишь остатки оригинальной теории Фрейда.

Возможно, конструктный подход, характерный для органоцентрических систем, как и присущую им линейность, может символизировать структурная формула S–O–R Вудвортса (см. главу 2, с. 58) или схема S→O→R. S — это стимулирующая среда, которая обеспечивает поступление входных сигналов в O, головной мозг организма. R обозначает ответную реакцию или поведение, всего лишь проявление или признак чего-то скрытого или личного. О можно также назвать опытом, «я», обработкой информации, когнитивной способностью, разумом, Оно (id), интеллектом, коннекционистскими сетями, мотивацией и множеством имен иных конструктов, которые

помещают между двумя наблюдаемыми событиями. Эти системы, особенно когнитивизм и эволюционная психология, являются гипотетико-дедуктивными в том смысле, что они акцентируют внимание на дедукциях из теоретических конструктов, которые они проверяют экспериментально как гипотезы. Эта практика, наряду с использованием R-методологии для сравнения групповых средних (см. главу 11), следует модусу методологического бихевиоризма.

Сторонники этих систем, по-видимому, меньше знакомы с альтернативами, чем приверженцы любой из других школ. Именно в этих системах (и в социальном конструкционизме) мы чаще всего обнаруживаем формулировки, в которых либо эксплицитно, либо имплицитно утверждается, что никаких иных возможностей не существует. Возможно, это происходит потому, что данные системы глубоко укоренены в традиционных схемах мышления, тогда как другие в определенной степени отошли от традиции и благодаря этому больше знакомы с альтернативами.

Исследования. Чтобы проверить дедукции из множества теорий, из которых их выводят, когнитивизм проводит многочисленные исследования. Он взял на вооружение R-методологию бихевиоризма — которую тот, в свою очередь, позаимствовал из сферы сельского хозяйства и пивоварения — для выявления групповых различий. Эволюционная психология также очень продуктивна в области исследований, особенно учитывая ее относительно недавнее возникновение. В последние годы стал серьезно относиться к исследованиям и психоанализ, который изыскивает адекватные методологии и в рамках которого уже проведен ряд хорошо спланированных экспериментов. Но он по-прежнему испытывает недостаток в исследовательской поддержке из-за слабости своих связей с университетами. Гуманистическая психология, как правило, смотрит свысока на экспериментальные и количественные исследования, но ряд ее сторонников все-таки обращается к ним. Большинство проводимых ими исследований являются качественными по своему характеру. Эта система также противится анализу эффективности своей психотерапии. Гуманистические психологи считают, что объективные данные не могут адекватно отражать ее субъективные эффекты. Тем не менее несколько самых ранних исследований, посвященных эффективности психотерапии — клиентоцентрированной терапии, — было проведено именно с этой системой.

Приложения. Психоанализ всегда был не только теорией личности, но и психотерапевтической процедурой, и он продолжает следовать тому же курсу. Теперь эта система берется за более трудные клинические случаи и разрабатывает новые теории. Основным приложением когнитивной психологии является психотерапия, гуманистической психологии — образование, промышленная сфера и психотерапия. В области образования гуманистический подход во многом совпадает с курсом на «расширение жизненного опыта» (experience curriculum), который начали проводить в американской педагогике в 1930-е годы. Хотя степень реального влияния гуманистической психологии на образование не ясна, некоторые критики объясняют ухудшение успеваемости учащихся тем, что она избегает прямых наставлений.

Энвайроцентризм

Теория. Эти системы остаются верны присущему английской эмпирической философии XVII в. акценту на среду как формирующую и направляющую индивида и требованию позитивизма ограничить науку наблюдаемыми событиями. Опять же, в согласии с английским эмпиризмом, эти системы уделяют больше внимание индуктивным доказательствам, а не дедукции. (Дедукция более характерна для органоцентризма, который часто проверяет свои дедуктивные выводы из теоретических конструктов[1].) Они начинают свой поиск с наблюдений (индуктивный акцент), которые они систематизируют, превращая их в конструкты. Догмат эко-бихевиоральной науки, согласно которому поведение — это функция среды (метапостулат 5), по-видимому, наиболее близок из всех современных систем формуле классического бихевиоризма S→R. Хотя анализ поведения использует тот же самый догмат (метапостулат 4), чтобы дать эффективную трактовку своим данным, он идет дальше и переходит от S→R к трехчленной ассоциации, $S^D — R_O — S^R$, выделяя стимульный антецедент, поведение и следствие. Возможно, если бы эко-бихевиоральная наука проработала формальным образом отношения между стимулом и реакцией в сеттинге поведения, эти отношения также оказались бы достаточно сложными.

Анализ поведения занимается преимущественно отдельными организмами, стараясь обнаружить согласующиеся паттерны поведения — будь то людей или животных, — вместо того, чтобы выискивать общие тенденции в больших совокупностях. Полученные им данные о характере реакций при определенных режимах подкрепления относятся к наиболее устойчивым и последовательным закономерностям во всей психологии, обеспечивая предсказание и контроль, однако далеко не абсолютные. Эко-бихевиоральная наука обращается к естественным условиям (сеттингам), игнорируемым другими системами, — таким как школьная группировка, вечерняя служба в церкви и близлежащий магазин, — выявляя устойчивые модели поведения и механизмы, которые их

[1] В гипотетико-дедуктивном методе дедуктивным способом выводят гипотезы из теоретических конструктов, таких как коннекционистская сеть, после чего эти гипотезы экспериментально проверяют. В эмпирико-индуктивном методе сначала собирают данные (индукция), получаемые в экспериментах или систематических наблюдениях (эмпирико-), и уже в них ищут регулярные структуры (устанавливают закономерности).

контролируют. Эти паттерны также хорошо предсказуемы, но находятся под влиянием самого сеттинга поведения, а не исследователя. Вопросы души и тела, аналогии и биологический редукционизм для этих систем совершенно не характерны. Баркер подчеркивает необходимость того, чтобы исследования обусловливались сеттингом (опора на события), а не теорией (опора на конструкты). Скиннер также разграничивает события и конструкты в своих экспериментах и всегда начинает с наблюдения событий. Хотя и в иных выражениях, он резко критикует широко распространенную в психологии практику начинать с конструктов. Однако обеим системам можно задать вопрос, адекватна ли производимая ими выборка событий (см. ниже, с. 346).

Исследования. Анализ поведения делает множество открытий, как для фундаментальной науки, так и для ее приложений, причем все они ориентированы на процедуры, что обеспечивает высокий уровень предсказуемости для отдельного испытуемого. За долгие годы аналитики поведения расширили диапазон своих исследований, перейдя от обусловливания животных к сложной человеческой деятельности, и продолжают совершать открытие за открытием. Поскольку эко-бихевиоральная наука, напротив, имеет небольшое число последователей, объем ее исследований невелик. Однако ее достижения несоизмеримы с этим незначительным объемом, придавая совершенно новую грань нашему пониманию человеческого поведения, которое имеет место в обычных сеттингах в совокупности с физическими компонентами сеттинга. Ее открытия, касающиеся сравнения малых и больших школ, важны для улучшения государственного образования, хотя эти открытия, как правило, игнорируются. Баркер старался не вмешиваться в сеттинг поведения, который он изучал, но некоторые из его приемников используют вмешательство в естественные сеттинги в качестве ускоренного способа получения информации, следуя во многом подходу европейских этологов.

Приложения. Вероятно, анализ поведения уступает по известности только когнитивизму. Эта известность обусловлена частично строгими исследованиями, которые принесли значимые и воспроизводимые результаты, и частично его несравнимым успехом в решении огромного количества прикладных проблем в психологии. В психотерапии уровень его успехов выше, чем у других подходов, многие из которых сочетают поведенческую терапию с собственными методами.

Хотя эко-бихевиоральная наука мало используется на практике, ее открытия, относящиеся к кадровой политике, управляющим схемам, размеру школ и эффектам изменения характеристик физических компонентов поведенческих сеттингов, таят в себе значительный потенциал для повышения социального благополучия. Эти исследования вдохновляют прикладные системы общественной и энвайронментальной психологии.

Социоцентризм

Теория. Социоцентризм, представленный единственной системой — постмодернизмом / социальным конструкционизмом, — это направление, получившее развитие главным образом в конце XX века. К его предшественникам можно отнести: (а) Плотина, мистика III в., который объединил познающего с познаваемым; (б) эксперименты с социальными утопиями, проводившиеся в XIX веке (описания утопий в литературе восходят к 1516 г.); (в) марксизм, который утверждает, что люди определяют свое общество и, в свою очередь, определяются им; (г) немецкого философа Мартина Хайдеггера, который учил, что основополагающими источниками человеческого знания являются социальные отношения и удовлетворение практических потребностей, а не отдельные индивиды или философия; и (д) американского философа Джона Дьюи, который отверг предположение, что знание начинается с теорий познания, и настаивал на том, что познание состоит из интеракций между людьми и их окружением, совершения действий и подверженности воздействиям, т. е. оно характеризуется взаимодействием.

Социальный конструкционизм утверждает, что любое знание относительно и обусловлено социальной группой, которая его конструирует, и что познающий неотделим от теоретизирующего сообщества, которое создает конструкции. Возможно, подход системы можно изобразить как Группа → R. Большинство ее сторонников отвергают объективное знание, но некоторые оставляют место для знания, которое остается в силе для различных социальных групп, хотя и полагают, что подобное знание никогда не является полностью свободным от социальных влияний. Приверженцы системы критикуют психологические школы, находящиеся под влиянием рационализма, позитивизма и эмпиризма. Они отрицают причинность, обусловленную разумом, мозгом и средой. Они отвергают то, что, на их взгляд, является ошибками господствующей психологии, в том числе культ индивида, приверженность количественным методам в ущерб качественным и допущение линейной причинно-следственной связи. Поскольку они также рассматривают собственную систему как конструкцию, то имеют намного более ясное представление о характере конструктов в различных системах, чем сторонники органоцентрических систем. Они стремятся избежать дуализма, исповедуя социальный редукционизм, подобно тому как когнитивизм и эволюционная психология пытаются избежать его, прибегая к биологическому редукционизму.

Исследования. Социальные конструкционисты исследуют множество вопросов. Они используют широкий набор исследовательских методов, отдавая предпочтение интервью и повествованиям в письменной форме. Становится все более популярным Q-метод (см. главу 11). Среди часто изучаемых вопросов кросс-культурные сравнения и проблемы женщин, но внимание также уделяется множеству

других тем, рассматриваемых в качестве социальных конструкций, включая психопатологию.

Приложения. Одной из областей приложения является образование, где сторонники социального конструкционизма пытаются учить социальному дискурсу, раскрывать социальные смыслы и прививать любовь к предметам вместо того, чтобы требовать овладения типовым содержанием учебных предметов. Знание, согласно утверждениям социальных конструкционистов, относительно, обусловлено данной социальной группой и не содержит какой-то истины, выходящей за рамки этой группы. Некоторые из этих целей схожи с подходом к образованию, свойственному гуманистической психологии. Вторая область приложения — система психотерапии, являющаяся собственной разработкой социальных конструкционистов, наиболее важной формой которой является семейная терапия.

Нонцентризм

Теория. К предшественникам нонцентризма можно отнести естественную философию Колумбийского университета и прагматизм. Он имеет общие черты даже с некоторыми из принципов Аристотеля. Однако диалектическая психология уходит корнями в Древний Китай и досократовскую Грецию; а «интенциональность» феноменологической психологии берет начало в философии Фомы Аквинского (XIII в.). Другие системы являются новациями XX века, которые в той или иной степени вышли за рамки традиции и оказывают небольшое влияние на традиционную философию. Каждая из девяти систем в этой категории развивалась, по-видимому, независимо от других. Объединяет их то, что все они фокусируют внимание на отношениях или взаимозависимостях как составных частях психологического действия, а не на линейной причинности, обусловленной либо средой, либо организмом. Кроме того, они начинают свои изыскания — в большей или меньшей степени — с наблюдаемых событий, а не с конструктов. Поскольку они занимаются взаимозависимыми отношениями как поступательными событиями, то не нуждаются в дуализме «душа — тело» или в какой-либо форме редукционизма и не прибегают к ним. Интербихевиоризм особенно резко критикует смешение конструктов с событиями. Сторонникам этих систем известны альтернативы доминирующему органоцентризму, так как их системы находятся в числе этих альтернатив.

Мы можем изобразить нонцентризм в его простейшей форме как S ↔ R. Двусторонняя стрелка показывает, что отношения между стимулирующим миром и реагирующим организмом — это не входные и выходные сигналы и не линейные причина и следствие, а взаимность или интеракция, и именно эта интеракция составляет все психологические события, какими бы явными или скрытыми они ни были. В интеракцию вносят свой вклад и такие участвующие события, как контекст, в котором происходит интеракция, биологическая организация конкретного организма вместе с любыми возможными нарушениями и история интеракций. Не требуется какого бы то ни было причинного агента, такого как разум, когнитивная способность, инстинкт, мозг и т. д.

Вот краткий комментарий к каждой из девяти систем в том порядке, в котором они расположены в табл. 14.1:

• *Общественная психология* — это прикладная система, которая стремится улучшить отношения человек—ситуация, вместо того чтобы изменять человека, приспосабливая его к ситуации. Следовательно, она фокусирует свое внимание не на среде или человеке, а на совместном действии.

• Неотъемлемой частью *диалектической психологии* является компромисс, обоюдное изменение. При взаимообмене или интеракции и человек, и мир меняются в контексте смыслов, которые также претерпевают изменения. Поскольку эта система делает акцент на изменениях в процессе развития, неудивительно, что она обычно находит сторонников среди тех, кто занимается психологией развития.

• *Прямой реализм* пока еще не разработал исследовательскую программу и не нашел практического применения. Его усилия направлены на обеспечение логической замены репрезентационизму когнитивной психологии. В процессе этого он занял преимущественно нецентрическую позицию. Большинство его приверженцев, по-видимому, менее склонны, чем Мейз, основоположник системы, обращаться к столь любимым психоанализом влечениям.

• *Экологическое восприятие / экологический реализм / экологическая психология* отвергает конструкт ощущения, который долгое время оказывал влияние на философию и психологию, отрицая вместе с ним и гипотетические внутримозговые интерпретаторы. Эта система обращается к прямой интеракции ощущающего человека и ощущаемого мира в манере, подобной описаниям восприятия у Аристотеля и в интербихевиоризме. Система была расширена, охватывая теперь память, формирование понятий и процессы развития, и объединена с теорией динамических систем и теорией вероятностного эпигенеза. Несмотря на свою первоначальную специализацию в восприятии, в Соединенных Штатах она является наиболее влиятельной из семи систем.

• *Энвайронментальная психология* сосредоточена на объектной стороне интеракции организм—объект. Она исследует множество вопросов, от загрязнения окружающей среды и насилия до проектирования игровых площадок и жилищного строительства, и продолжает расширять свои границы. В наше время, когда человечество быстро изменяет условия жизни на земле, стремление энвайронментальной психологии найти более совершенные подходы к энвайронментальным ситуациям становится все более важным для улучшения и смягчения возможных последствий.

• *Интербихевиоризм* является наиболее тщательно проработанной и систематизированной из нецентрических систем. Он рассматривает наблюдаемые функции стимула и функции реакции, интеракциональную историю, сеттинг и контактную среду как многомерное поле интеракций, которое составляет психологическое событие. Интербихевиоризм очень детально проработал широкий спектр психологических событий как полей (некоторые из них получали мало внимания со стороны других систем) и сформулировал в полном объеме систему постулатов на всех уровнях обобщения. При таком обилии наблюдаемых компонентов поля он не нуждается в каких-либо гипотетических конструктах, как и не оставляет места для промежуточных переменных. Поле является антитезой линейной причинности.

• *Оперантный субъективизм* принимает интербихевиоральную систему и привносит в психологию (и в ряд других дисциплин) строгую методологию для объективной оценки субъективности. Посредством сортировки утверждений он позволяет испытуемым (субъектам) оценить себя исходя из субъективной важности одного утверждения относительно другого, и группирует вместе людей, которые демонстрируют схожие субъективные показатели. Этот подход контрастирует с традиционной R-методологией, которая отбрасывает индивидуальные характеристики и способна оценить субъективность только с точки зрения исследователя (например, рейтинговые шкалы), а не с позиции испытуемого.

• *Феноменологическая психология* делает акцент на смыслах или жизни, как она проживается. Она принимает во внимание все условия поля, указываемые интербихевиоризмом, но не систематизирует их в виде поля. Вместо этого она обращается к диалектической связи между человеком и миром и к интегральной природе человека со смыслами в мире. Некоторые сторонники системы говорят об исторически направленном смысле интенциональности, вместо того чтобы делать упор на обоюдность. Этот акцент на смыслах согласуется с идентификацией интербихевиоризмом функций стимула и функций реакций.

• Хотя *вероятностный эпигенез* занимается в основном животными, а интербихевиоризм — главным образом людьми, и тот и другой являются наиболее схожими системами среди девяти, благодаря своему вниманию к взаимозависимости биологии, среды и индивидуальной истории.

Исследования. За двумя исключениями нецентрические системы эклектичны в своем использовании исследовательских методологий. Этими исключениями являются: (а) феноменологическая психология, которая использует только качественные методы, такие как анализ аудио- и видеозаписей; и (б) оперантный субъективизм, у которого своя собственная Q-методология. Q-сортировка оказалась очень полезной как для центрических, так и для нецентрических систем, обеспечив центрированные на субъекте измерения, которые совершенно не используются усредняющими методами, применяемыми в R-статистике. Диалектическая психология утверждает, что какой бы метод ни использовался, необходимо заниматься смысловыми отношениями, которые отличаются естественностью и имеют место в определенном контексте. Общественной психологии еще предстоит выработать полностью адекватные методологии, но большинство из девяти систем включают в себя совокупности исследований, значение которых обычно выходит за рамки конкретной системы, на базе которой проводилось исследование.

Приложения. Будь то в промышленности и организационной политике, в сфере образования, в области проблем индивидуальной адаптации или других прикладных ситуациях, нецентрические системы указывают на необходимость изучать отношения человек—среда, не ограничиваясь рассмотрением одного из этих элементов.

Краткая сводка

В этом разделе был дан обзор четырех основных гипотез, касающихся причинных условий, которые мы обнаруживаем в психологии: организм, среда, социальная группа или взаимозависимые отношения. Причинность для каждой изображена символически в табл. 14.2.

Органоцентризм. Для этих систем основной причинной силой является средний элемент — назовем мы его разумом, мозгом, обработкой информации или другим конструктом, — а не S (стимул) среды. Это единственная категория, которая отдает приоритет конструкту как причинному условию.

Энвайроцентризм. Причинность в энвайроцентрических системах — как и в случае трехчленной ассоциации — может быть чем-то большим, чем просто поведением, являющимся функцией среды.

Социоцентризм. Социальный конструкционизм занимается не столько причинностью, сколько познанием. Поэтому стрелку, идущую от «группы», следует рассматривать больше как указание на источник знания, чем на источник причинности. Возможно, она должна быть двусторонней.

Нонцентризм. В органо- и энвайроцентризме причинность линейна. В нонцентризме причинность лишена особого смысла. Происходят взаимозависимые события, и единственной задачей научной психологии является описание функциональных отношений. Эту событийность можно принять за причинность или же данный термин можно отбросить.

Итак, мы имеем четыре варианта того, что вызывает поведение (или на что направлено познание): организм, среда, социальная группа или отношения. Причем внутри трех из них возможны дополнительные альтернативы. Даже социоцентрическая категория предлагает ряд альтернатив, таких как строгий

или радикальный конструкционизм, контекстуальный конструкционизм, конструктивизм и другие варианты.

КРИТЕРИИ НАУЧНЫХ КОНСТРУКТОВ

Приводимые ниже критерии научных конструктов воспроизводятся (с незначительными изменениями) из главы 2, с. 66–67. Они согласуются с прогрессом в науке, однако, вероятно, не каждый согласится со всеми из них. Например, социальные конструкционисты доказывают, что всякое наблюдение — а в этих критериях акцент делается на наблюдение — подвержено социальным или культурным влияниям, и по этой причине знание неприменимо за пределами социального сообщества, которое его сконструировало. Гуманистические психологи полностью отрицают объективные события как элемент психологии, настаивая, что последняя должна быть исключительно субъективной, т. е. ментальной (mental). Она должна основываться на конструктах, а не на событиях, вопреки этим критериям, а некоторые, возможно, захотят добавить другие критерии. Тем не менее большинство психологов (возможно, за исключением социальных конструкционистов и гуманистических психологов) должны согласиться по крайней мере с некоторыми пунктами в этом перечне. Первый видится наиболее фундаментальным. Мы должны различать то, что является частью природы, и то, что мы всего лишь конструируем, прежде чем сможем создать науку, которая отражает природу, а не наши предполагаемые конструкты. Однако, опять же, социальные конструкционисты скажут, что подобное разграничение относится только к группе, которая его конструирует. По крайней мере, если мы делаем критерии эксплицитными, у нас появляются более ясные альтернативы. Читатель может лучше понять эти альтернативы, рассмотрев полезность каждого критерия относительно науки в целом и относительно каждой из систем в частности.

- Тщательно разграничивайте конструкты всех типов и исходные события.
- Начинайте все исследования с наблюдений, исходя из которых могут быть выведены конструкты; не начинайте с конструктов и избегайте интерпретации результатов в терминах этих конструктов.
- Согласовывайте интерпретативные конструкты с наблюдаемыми событиями; не основывайте их на других конструктах.
- Избегайте любых конструктов, выведенных из традиционных культурных и философских источников.
- Когда отсутствуют средства получения необходимой информации, исходите из того, что конструкты являются исключительно гипотетическими, никогда не основывая их на чем-либо ненаблюдаемом.
- Не принимайте ненаблюдаемые конструкты или аналогии за то, что неизвестно, и относитесь к допущению неведения как к научной добродетели.
- Помните, что потенциалом валидности обладают только конструкты, выведенные непосредственно из наблюдаемых событий.
- Производите адекватную выборку событий, с тем чтобы можно было наблюдать взаимоотношения событий.
- Привязывайте все конструкты, такие как интеллект, мотивация и аттитюды, к наблюдаемым референтам, и не наделяйте их независимым существованием в качестве объектов или причин.
- Избегайте превращения участвующих условий, или тех, которые могут быть необходимы для события, в определяющие условия.
- Учитывайте различные уровни организации объектов и событий и согласовывайте объяснительные конструкты с соответствующим уровнем.
- Используйте только те конструкты, которые можно наблюдать, по крайней мере в принципе.
- Выводите постулаты из наблюдения.
- Проводите грань между познающим и объектом, который познается, избегая их смешения.
- Используйте только конструкты, которые поддаются корректировке.

МЕТОДОЛОГИЯ

Методы лабораторных экспериментов и статистический анализ R-типа, характерные для традицион-

Таблица 14.2
Символическое изображение причинности

Органоцентризм	Энвайроцентризм	Социоцентризм	Нонцентризм
$S \rightarrow O \rightarrow R$	$S \rightarrow R$ $S^D \rightarrow R_O \rightarrow S^R$	Группа $\rightarrow$ R	$S \leftrightarrow R$

ной психологии, были заимствованы главным образом из биологии и физики. Кох (Koch, 1959) замечает: «Науки добивались своей независимости и, в конечном счете, статуса института, накапливая объем знаний, позволяющий им стать признанной наукой. Но на момент *своего признания психология была уникальной в том смысле, что ее институционализация предшествовала оформлению ее содержания, а ее методы предшествовали формированию ее проблематики*» (p. 783, курсив автора). Некоторые обзоры исследований, использующих господствующие методы, рисуют скорее удручающую картину (Furedy, 1990). Например, несмотря на огромное множество исследований памяти, налицо лишь незначительный прогресс (Tulving, 1979). Цитаты из учебников, касающиеся того, что является важным в этой области, свидетельствуют о почти полном отсутствии согласия. Физиологическая психология (Melzak, 1989) также демонстрирует малое продвижение вперед, а эксперименты в социальной психологии имеют настолько далекое отношение к повседневному поведению, что практически лишены смысла (MacIntyre, 1985). Более того, 11 ведущих психологов не пришли к согласию почти ни по одному пункту, касающемуся серьезных проблем в психологии (Wade, 1982).

Ряд систем призывает либо вообще отказаться от традиционных методологий, либо дополнить их такими методами, как наблюдения в естественных сеттингах, интервью, Q-сортировка и т. д. Например, Баркер (см. главу 7) настаивает на систематических наблюдениях без какого-либо вмешательства. Он возражает против доминирующего в психологии конструкта, согласно которому мир хаотичен и должен быть упорядочен с помощью экспериментов. Он показал, что можно наблюдать порядок, который уже существует, не нарушая его. Стефенсон (см. главу 11) призывает снова включить испытуемого в исследование и допустить самосоотнесение, с тем чтобы смысл определялся испытуемым, а не экспериментатором. Социальный конструкционизм, гуманистическая психология и психоанализ опираются в основном на качественные исследования и Q-методологию. Анализ поведения и оперантный субъективизм ищут закономерности в поведении одиночных испытуемых, а не в усредненных результатах больших групп.

Оперантный субъективизм, феноменологическая психология и некоторые другие системы возражают против используемой доминирующей психологией гипотетико-дедуктивной процедуры, в которой начинают с какого-то теоретического конструкта, например с влечений или хранилищ памяти (иногда определяемых операционально), выводят дедуктивным путем гипотезы, а затем экспериментально проверяют каждую гипотезу относительно конструкта. Они доказывают, что эта процедура использует конструкты для подтверждения конструктов. Анализ поведения, эко-бихевиоральная наука и оперантный субъективизм используют только эмпирико-индуктивный метод: они начинают с наблюдений, а затем собирают данные либо экспериментальным путем (анализ поведения и оперантный субъективизм), либо с помощью систематических полевых наблюдений (эко-бихевиоральная наука) и выводят конструкты, такие как наблюдаемые закономерности, из своих исследований, а не из какого-то исходного конструкта. Эмпирико-индуктивная процедура основывается на событиях, гипотетико-дедуктивная — на конструктах. Подобно тому как некоторые системы основываются на конструктах или событиях, на конструкты или события опираются и некоторые методологии. Например, методы, использующие шкалы, начинаются с таких конструктов, как интеллект или личность, а затем возвращаются к шкале, чтобы дать интерпретацию результатам. Как это ни странно, оба вида методологий используются различными категориями систем.

Очевидно, что какая-то одна методология, например R-методология, не может быть адекватной для всей психологии, хотя и остается полезной при изучении определенных фактов и информации. Другие, такие как Q-сортировка и процедуры анализа аудио- и видеозаписей, предлагают новые возможности, хотя и признаются немногими, кроме небольшой группы их преданных сторонников. Применение компьютерного анализа множественных компонентов событий, записанных на видео (см. главу 10), является еще более перспективным. При принятии информированного решения знание о таких методологиях столь же важно, как и знание о различных системах, имеющихся в наличии.

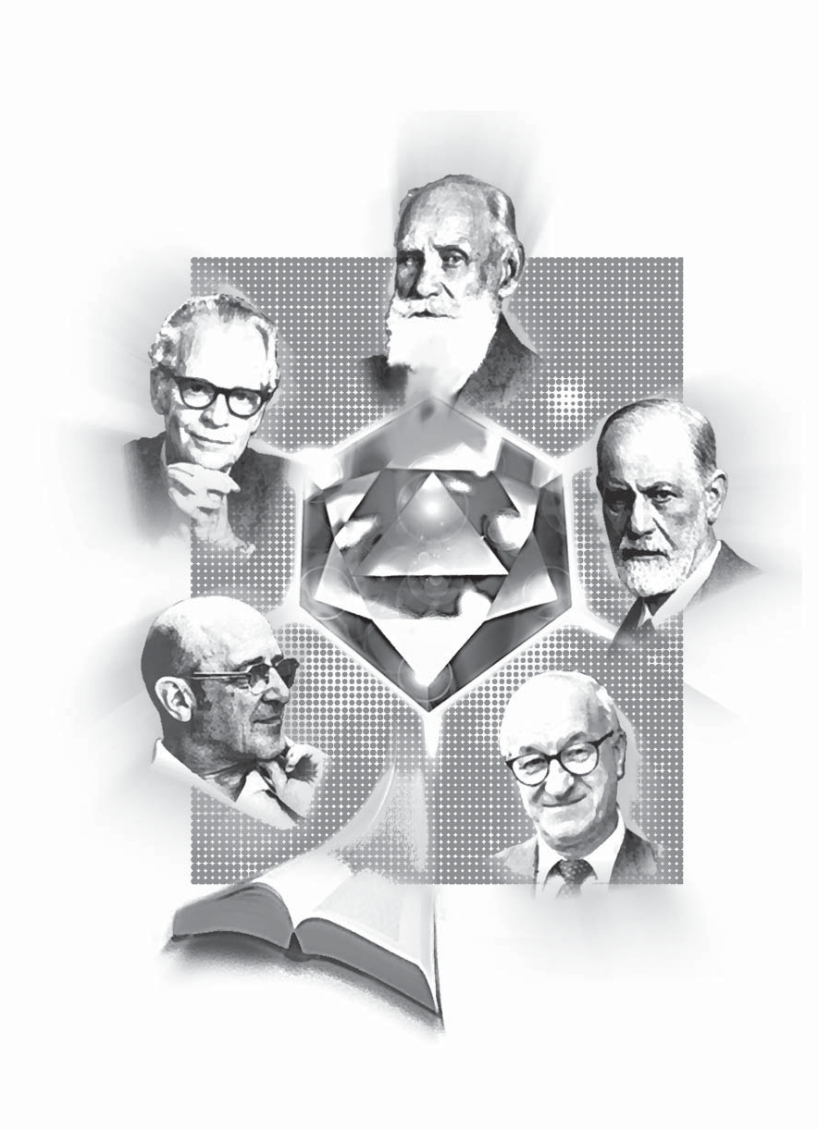
ВЫВОДЫ

Занимается ли психология изучением того, как разум или мозг продуцируют поведение? Рассматривает ли она ментальные процессы? Касается ли она того, как условия подкрепления определяют поведение? Является ли она изучением самоактуализации? Интенциональностей? Диалектических конфликтов? Или же интеракций индивид—среда? Возможно, пришло время исследовать конструкты и постулаты систем, как относящихся, так и не относящихся к доминирующему направлению, и произвести сравнительные оценки их научной пригодности. Например, вместо того чтобы спорить, что лучше: когнитивизм или социальный конструкционизм, полезнее определить, какие постулаты можно считать логически и обсервационно обоснованными на каждом уровне обобщения и как следует подходить к конструктам.

Поскольку лишь немногим из тех, кто принадлежит к доминирующему направлению, известен весь спектр современных альтернатив , читатели окажутся в лучшем положении (если этой книге удалось приблизиться к поставленным перед ней целям), чем большинство специалистов этого направления, в отношении принятия информированных решений.

ЧАСТЬ 8

ПРИЛОЖЕНИЕ



ПОСТУЛАТЫ РАССМАТРИВАЕМЫХ В КНИГЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Данные постулаты взяты из глав, посвященных соответствующим системам, и сведены вместе для того, чтобы читатель мог сравнить их. *Протопостулаты* представляют собой общие руководящие допущения, касающиеся науки в целом. *Метапостулаты* представляют собой допущения, относящиеся к конкретным наукам, а постулаты — допущения, относящиеся к предмету изучения.

ОРГАНОЦЕНТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Имплицитные постулаты когнитивной психологии (Г. Саймон: глава 3)

Протопостулаты

1. Наука включает в себя как наблюдение событий, так и использование культурных конструктов, таких как душа (mind) и тело.

2. Знание есть результат интерпретации наблюдаемых событий в терминах данных конструктов.

Метапостулаты

1. Психология базируется на биологии.

Следствие: Психология не является самостоятельной наукой, а зависит от биологии*.

2. Биология предполагает дуалистическую роль биологических функций и психологических функций.

3. Психологические события обусловлены функционированием отдельных биологических тканей и не требуют участия всего организма.

Постулаты

1. Человек представляет собой отчасти — тело и отчасти — душу (mind); при этом душа (mind) отлична от поведения.

2. Конструкт экзистенциональной души охватывает мнемические (storage) и трансформационные свойства.

3. Опыт есть результат деятельности души (mind) конкретного человека.

Следствие: Душа (mind) есть причина самой себя (self-causative).

4. Душа (mind) устроена таким образом, чтобы преобразовывать информацию.

Следствие: Люди живут в дуальном мире — внешнем, физическом мире, и внутреннем мире, отражающем внешний мир в том виде, как он трансформируется и воссоздается душой (mind).

5. Причинность линейна: входные сигналы обрабатываются в последовательности операций кодирования, сохранения и реконструкции.

6. Когнитивная {познавательная} деятельность человека в достаточной степени аналогична компьютерной обработке информации, чтобы ее можно было эффективно изучать, пользуясь компьютерными аналогиями.

7. Роль среды в процессе познавательной деятельности сводится к обеспечению сенсорных входных сигналов, на основе которых мозг создает свой собственный мир.

8. Психология придает первостепенное значение конструктам; события (факты) рассматриваются лишь в качестве индикаторов соответствующих конструктов.

Полуэксплицитные постулаты гуманистической психологии (А. Маслоу: глава 4)

Метапостулаты

1. Психологические события «биологически обусловлены».

Следствие 1: Психология зависит от биологии.

Следствие 2: Психологические события имеют причину в биологии индивида или в активности души (mind) биологического организма.

2. Психологические события являются отчасти единичными, и отчасти всеобщими — их универсальный компонент представляет собой биологические влияния.

3. Психологические события — это не механизмы (mechanisms), а смыслы (meanings).

4. Психологические события относятся одновременно и к области естественного, и к области мистического.

Постулаты

1. Человек представляет собой отчасти — тело, и отчасти — душу (mind), или «я» (self); при этом «я» отлично как от поведения, так и от тела.

Следствие: Психология придает первостепенное значение конструктам.

2. «Я» обладает биологически детерминированными ценностями, которые следует рассматривать скорее как социально нейтральные или позитивные, чем как деструктивные и негативные.

3. Биологические детерминанты являются слабыми и легко изменяются под воздействием окружающей среды.

4. Биология наделяет человека иерархией потребностей: от потребностей отдельных тканей (органических потребностей) до социальных и личных потребностей.

* Здесь и далее термин «биология» (а также «химия» и «физика») употребляется в двух разных смыслах: (1) биология как наука и (2) биология как биологическая организация, или совокупность биологических факторов. — *Прим. науч. ред.*

5. Человек есть причина самого себя (self-causative).

Полуэксплицитные постулаты психоанализа (Р. Шефер: глава 5)

Протопостулаты

1. Реальность образуют не только физические, химические и биологические события, но и смыслы вещей (the meanings of things) для людей («психическая реальность»).

2. Лишь благодаря использованию лингвистических правил мы можем прийти к систематическому пониманию чего-либо. Соблюдение данных правил обеспечивает взаимосвязь рассматриваемых явлений, позволяет устанавливать факты и определяет критерии логически последовательного рассуждения.

Метапостулаты

1. Психологические события обладают смыслами, и потому не могут быть адекватно описаны в терминах физики или биологии. Эти смыслы принадлежат человеку, чьи действия и составляют их, и с этой точки зрения являются субъективными.

2. Люди сознательно реализуют право выбора и тем самым определяют собственную судьбу.

3. Описание и есть объяснение. Описание мотивов как действий (reasons as actions) замещает собой физикалистские («динамические») конструкты.

4. Главное значение имеют действия людей, поэтому мы должны отказаться от объяснений посредством сущностей [как того, что «существует объективно», независимо от людей], наряду с отказом от разделения на внутреннее и внешнее (или на душу (mind) и тело).

Постулаты

1. Психологические события состоят из действий и должны описываться на языке действий.

2. Действия людей включают в себя акт выбора, постановку целей, достижение целей и отыскание смыслов.

3. Действия не обязательно являются наблюдаемыми. Мышление, узнавание, чувствование, переживание страха, идеация и фантазирование являются активными событиями — действиями не в меньшей степени, чем слышимые вербализации.

4. Эротические и агрессивные действия и конфликты свойственны исключительно детству и влияют на последующее поведение.

5. Человеческие действия могут быть бессознательными, предсознательными и / или сознательными.

6. Действия являются совокупными продуктами усилий людей и влияния обстоятельств.

7. Речь как повествование (narration) заключает в себе опыт индивида, а наличная реальность конструируется из таких описаний. Ни одно из описаний нельзя рассматривать как более истинное, чем другие, но каждое из них является одним из возможных способов изображения реальности.

ЭНВАЙРОЦЕНТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Имплицитные постулаты анализа поведения (Б. Ф. Скиннер, глава 6)

Метапостулаты

1. Основная цель психологической науки заключается в предсказании и управлении (контроле).

2. Предметом психологической науки является исключительно поведение.

3. Психофизический дуализм не имеет под собой основания, поскольку существует лишь физический мир.

4. Окружающая среда есть единственная причина всякого поведения.

Постулаты

1. Среда определяет поведение через отбор по последствиям.

2. Поведение детерминированно и закономерно.

3. Поведение потенциально сводимо к биологии и, в конечном счете, к химии и физике.

4. Поведение нельзя сводить к биологии*.

5. Личные (скрытые) и публичные (открытые) события обладают однородными физическими измерениями.

6. Внешние (публичные) события, в отличие от внутренних (личных) событий, последовательно (непротиворечиво) подкрепляются.

7. Поведенческие изменения, вызываемые условиями подкрепления, имеют биологическую природу.

8. Методология функционального анализа соотносит средовые независимые переменные с поведенческими зависимыми переменными.

9. Поведение можно разделить на два основных функциональных класса: респондентное и оперантное.

10. Оперантное поведение может контролироваться предшествующими стимулами.

* То есть в принципе поведение сводится к биологии, но если мы будем фактически сводить его к биологии, оно утратит для нас свою специфику. — Прим. науч. ред.

11. Оперантное поведение может быть наиболее адекватно описано с помощью следующих трех терминов: сигнальный или дифференцировочный стимул, оперантная реакция, подкрепляющий стимул, и наиболее адекватно понято как функциональные отношения между ними.

Полуэксплицитные постулаты экобихевиоральной науки (Р. Баркер: глава 7)

Метапостулаты

1. Многие естественные события, относящиеся как к физической окружающей среде, так и к поведению, являются упорядоченными и структурированными (patterned).

2. Многие естественные события, включая события с участием людей, происходят в организованных смежных целостностях или блоках (units), несоизмеримых между собой.

3. Окружающая среда является не пассивной, а активной.

4. Естественно происходящие события, включающие человеческую деятельность, могут быть поняты только тогда, когда эти события наблюдаются в естественной последовательности, не прерываются и не дробятся на дискретные элементы (units).

5. Поведение является функцией окружающей среды.

Постулаты

1. Именно поведение, а не гипотетическая душа (mind) или какой-то иной конструкт, поставляет нам данные, и именно к поведению следует обращаться в любом описании или анализе.

2. Формы поведения, в совокупности с неодушевленными предметами и внешними условиями, образуют организованные и самоподдерживающиеся паттерны, которые служат правомерной областью исследования.

3. Причины поведения лежат преимущественно в его «сеттинге» (единстве установочных параметров и внешних условий), а не в индивидуальных чертах.

4. Поведение и «сеттинг» взаимозависимы.

5. «Сеттинги» поведения не сводимы ни к какому другому уровню события.

Операционные принципы

1. Выбор тем исследований определяется требующими изучения областями жизни и деятельности, а не положениями той или иной теории.

2. Сбор данных производится с атеоретической позиции, хотя их последующий анализ может проводиться на основе теории.

3. Наблюдение должно относиться к естественно происходящим событиям и, по возможности, не оказывать влияния на наблюдаемые явления.

4. Достоверное наблюдение требует размещения исследовательской базы в непосредственной близости от изучаемых «сеттингов»; она должна быть неотъемлемой частью существования интересующего исследователей сообщества (community).

5. Часто целесообразно продвигаться от «от сложного к простому». «Сложное» может представлять собой некую организацию, которая не могла бы быть выявлена при изучении отдельных частей или при попытке понять целое по его частям.

6. Для адекватного понимания взаимозависимостей и кумулятивных эффектов могут потребоваться длительные периоды наблюдения.

7. Результаты измерений, даже если они производились в минимальных масштабах и не обнаружили ярких эффектов, следует собирать и накапливать как индикаторы экологических отношений.

СОЦИОЦЕНТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Полуэксплицитные постулаты социального конструкционизма (К. Герген: глава 8)

Протопостулаты

1. Мы не можем установить никаких универсальных истин в отношении мира.

2. Единственным типом событий в природе, в существовании которых мы можем быть уверены, являются социальные события.

3. Каждый человек в отдельности не обладает знанием, [поскольку] знание представляет собой не что иное, как тип отношений, существующих в человеческой общности (community).

4. Ни разумная душа (mind), в которой мир отображается и генетически организуется, ни наблюдения за миром вокруг нас не являются источником знания.

5. Отношения между людьми, сведенными вместе историей и объединенными культурой, определяют формы выражения, посредством которых мы понимаем мир.

6. Наука, логика, мифология, религия, мистицизм, общественное мнение, и литература имеют равные основания претендовать на истину в качестве социальных традиций (social conventions).

7. Социальный конструкционизм имеет не больше прав претендовать на истину, чем любой другой подход. Сущность данного подхода, как и остальных, состоит в попытке осмыслить повторяющиеся паттерны.

8. Социальное сообщество (social community) может оценивать или обосновывать достоверность сво-

их утверждений только внутри самого себя, однако, в силу культурных различий, оно не может делать этого в отношении утверждений другого сообщества.

9. Наиболее существенным вкладом науки в культуру, частью которой она является, служит обеспечиваемая ею «теоретическая интеллигибельность».

10. Апелляция к логике, а также к фактическим свидетельствам не имеет силы за пределами социальных групп, в рамках которых данные формы [доказательства и демонстрации истинности] культурно и исторически сложились, хотя процедуры логического вывода могут использоваться при формулировании положений социального конструкционизма, а также в ходе критического анализа формулировок других подходов; при этом обращение к фактическим свидетельствам может использоваться наряду со средствами логики.

Метапостулаты.

1. Отказавшись от претензий на истину, социальный конструкционизм призывает других исследовать возможные варианты, которые придавали бы реальности осмысленность, а также рассматривать альтернативные способы объяснения [наблюдаемых ими событий].

2. Придерживаясь тотального релятивизма, социальный конструкционизм воздерживается от собственной позиции по каким-либо вопросам научного, морального, политического, или иного характера. Данные вопросы могут рассматриваться только в контексте конкретной культуры.

3. Индивидуальные характеристики могут быть сведены к дискурсу социальной группы*.

4. Мы структурируем мир лингвистически, а не когнитивно. Требование истинности заключается в сочетаемости слов, содержащих в себе логическое утверждение (пропозицию).

5. Социальный дискурс — единственная форма знания, и это знание не выходит за рамки той социальной группы, для которой характерен данный [тип] дискурса.

Постулаты

1. Психология изучает социальный дискурс как единственный базис знания.

2. Социальный дискурс содержит истину или знание только на локальном уровне, на котором порождается данный тип дискурса.

3. Каузальность возникает не под действием внутренних факторов (души (mind), мозга, воли или других индивидуальных конструктов), ее источник находится в социальном сообществе.

НЕЦЕНТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Полуэксплицитные постулаты диалектической психологии (К. Ригель: глава 9)

Метапостулаты

1. Все существующее в этом мире находится в состоянии непрерывного и неизбежного изменения.

2. Противоречия, противоположности и конфликты пронизывают все эти изменения. Противоречия заложены во всем и являются источником изменений.

Следствие: Наука сама находится в постоянном конфликте и благодаря этому порождает бесконечно изменяющееся понимание.

3. Диалектика человека (human dialectics) не является ни организменно-, ни энвайронментально-центрированной, но подчеркивает важность интерактивных, реципрокных отношений между людьми и окружающим миром.

4. Диалектика может быть внутренней и внешней, а связующим звеном между этими двумя сферами служит психическая активность.

Постулаты

1. Люди непрерывно воздействуют на окружающий мир и изменяют его, изменяясь, в свою очередь, под его воздействием.

2. Поведение представляет собой непрерывный процесс, а не последовательность отдельных элементов (или единиц), однако изменения могут быть связаны с диалектическими скачками.

3. Поведение имеет место в конкретной среде и развивается исторически.

4. Равновесие и стабильность представляют собой лишь временные состояния, явившиеся результатом разрешения противоречий и ведущие к новым противоречиям.

5. В силу непрерывного изменения, предположения о существовании внутренних устойчивых образований или неизменных свойств, таких как интеллект, черты [личности] или способности, лишены оснований.

Эксплицитные постулаты интербихевиоральной психологии (Дж. Р. Кантор: глава 10)

Протопостулаты

1. Никакая наука не имеет дело с формами жизни (existences) или процессами, выходящими за преде-

* То есть, к описанию индивидуальности в языковых терминах, принятых в рамках данной социальной группы. — *Прим. науч. ред.*

лы возможностей научного метода. Никакая научная проблема не может касаться "реальности", находящейся за пределами наблюдаемых событий и их изучения.

2. Научная конструкция — формулировка (а) гипотез и (б) теорий и законов — должна выводиться из взаимодействий поведения с событиями, а не приписываться событиям либо научным изысканиям на основе каких-либо источников, не относящихся к сфере науки.

Метапостулаты

1. Психология является относительно независимой наукой (science), хотя и находящейся в постоянном междисциплинарном контакте со смежными науками.

2. Адекватная психологическая система должна принимать во внимание события, операции и конструкцию теории.

3. Психологические системы не сводимы к другим областям научного знания.

4. Психология должна быть освобождена от всех традиционных философских систем.

5. Все научные системы подвержены изменению.

Постулаты

1. Психология изучает интербихевиоральные поля.

2. Психологические поля имеют сложную структуру (are multiplex).

3. Психологическое интерповедение представляет собой деятельность целостных организмов, а не отдельных органов или тканей.

4. Психологические события происходят без участия каких-либо внутренних или внешних определяющих конструктов (determiners).

5. Психологические события являются онтогенетическими.

6. Психологические конструкции неотрывны от первичных (не подвергавшихся теоретической «очистке») данных о событиях.

7. Психологические события взаимосвязаны с социетальными событиями, а также с событиями, изучаемыми физикой, химией и биологией.

8. Психологические события ведут свое происхождение от биоэкологических форм интерповедения.

Имплицитные постулаты оперантного субъективизма (У. Стефенсон: глава 11)

Протопостулаты

1. Наука имеет дело исключительно с конкретными событиями (явлениями). Наука не занимается такими теоретическими конструктами, как душа и тело, сознание или «я».

2. Каждое событие в природе специфично и уникально; такие специфичности предшествуют общностям и заключают их в себе.

Метапостулаты

1. Психологические события имеют строение, отличающееся от структуры событий, рассматриваемых физиологией или физикой.

2. Любые внутренние или внешние определяющие конструкты (determiners), так же как и любые разграничения души и тела, не являются релевантными для научной психологии.

3. Все, что не подлежит наблюдению, не является частью научной психологии. Психология имеет право рассматривать только то, что может быть продемонстрировано [«объективировано»] при помощи относительно надежной операции, наподобие измерения кровяного давления с помощью тонометра или выявления субъективности (индивидуальности) посредством методики Q-сортировки.

4. Каждое научное исследование состоит из конкретных инференциальных интеракций, специфичных для каждой ситуации, и требует адаптации используемых средств анализа к особенностям экспериментальной ситуации.

5. Исходным пунктом исследования являются операнты или события, а не конструкты.

6. Коммуникация (а значит и передача данных) имеет место между отдельными людьми, а не группами, но может также происходить на внутрииндивидном уровне.

7. Источниками субъективности или смысла являются индивидуумы, а не группы.

Постулаты

1. Психологические события состоят из поля взаимодействий между организмами и объектами, которое формируется исторически в соответствующих условиях. (Стефенсон соглашается с формулой Кантора: PE = C(k, sf, rf, hi, st, md) — см. главу 10.

2. Психологические события являются как субъективными, так и объективными. Они субъективны с индивидуальной точки зрения (отнесение к себе) и объективны с точки зрения другого лица (отнесение к другому).

3. Значительная часть психологического поведения, обозначаемого терминами «душа» («mind»), «сознание» и / или «я», представляет собой субъективное или относимое к себе поведение (оставшаяся часть представляет собой объективное поведение). Следовательно, такое поведение может быть наиболее адекватно понято при использовании процедур, позволяющих участнику исследования самостоятельно производить измерения, и при применении количественных методов, которые сохраняют индивидуальные смыслы и определяют степень их пересечения у разных лиц.

4. Методы усреднения, которые замещают смыслы вещей для конкретных испытуемых смыс-

лами, привносимыми экспериментатором, применимы лишь в тех случаях, когда наиболее важными являются факты или информация, хотя и в этих случаях их применение далеко не всегда оправдано.

Имплицитные постулаты феноменологической психологии (М. Мерло-Понти: глава 12)

Протопостулаты

1. Природа не представляет собой тотальной взаимозависимости всего, при которой не существует никаких различий; в то же время она не складывается из изолированных процессов. Природа состоит из структур, включенных в непрерывные отношения, являющиеся свойствами целостностей.

2. Наука занимается поиском законов, которым подчиняются эти структуры.

3. Структура и закон представляют собой диалектическую или реципрокную пару, а не отдельные сущности (beings).

Метапостулаты

1. Психологические события не сводимы к биологии, химии или физике, которые, однако, обеспечивают условия реализации поведения.

2. Наряду с физическими характеристиками мир обладает смыслами. Именно эти смыслы представляют главный интерес для психологии.

3. Ни внутренние, ни внешние определяющие конструкты (determiners) не являются релевантными для научной психологии.

Постулаты

1. Поведение невозможно адекватно понять ни как механические реакции на стимулы, ни как вызванное заключенной внутри организма душой (mind).

2. Поведение представляет собой взаимодействие, диалектический обмен, отношение.

3. Имеющее смысл поведение составляют отношения между субъектом (конкретным человеком) и объектом, однако человек более важен, чем отношение.

4. Объективное и субъективное различаются только как системы отсчета.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Арабская передача (античного знания) 48–49
Аристарх Самосский 36, 49
Августин 45, 52, 54
Аверроэс 48
Адлер 144
Аллегорический метод 37, 41
Анализ поведения
—и контроль 174-175
—и механицизм 177, 183, 187
—и отрицание дуализма «душа—тело» 171, 175–176
—и статистика 171
—и трактовка роли мозга 175–176
—и трактовка личной сферы 171, 186
—прикладной 178–183
—в противовес психоанализу 168
—поведенческая терапия в составе АП 181–183
—классификация по типу причинности 340, 342–343
—в сравнении с
—когнитивной психологией 105, 183–184, 250
—диалектической психологией 250
—эко-бихевиоральной наукой 184–185, 206–207
—гуманистической психологией 132–133
—и нтербихевиоральной психологией 185–186, 277
—оперантным субъективизмом 277
—феноменологической психологией 186–187, 318
—психоанализом 161, 178–179, 182, 183
—ситуационно определяемое поведение как объект АП 174–175, 188
—теория копирования — критика АП 176, 318
—история и проблемы 170–172
—гипотетико-дедуктивный метод против эмпирико-индуктивного метода в АП 177, 187
—методология АП 171, 178
—неправильные представления 171, 177
—система постулатов (Скиннер) 177–178
—принципы подкрепления в АП. 168–170
—психотерапия в АП, *см.* Поведенческая терапия
—поведение, определяемое правилами, как объект АП 173, 188
—единичный организм в АП. 171
—выбор между теорией и метатеорией в АП 176
—вербальное поведение в АП. 172–174
Аналогии
—альтернативы (А-ям) 81
—как слабые аргументы 55, 80–81
—типы А
—с реактуализацией (у животных) 105
—биомеханические 59, 80
—с чистым листом / «tabula rasa» 52, 80
—химические 57, 80
—с часами 40, 51, 80
—с компьютерами 60, 71, 80, 85, 108
—с перевариванием пищи 54, 80
—с электрическими полями 61, 80
—с эмбриональным развитием 87
—с регулятором оборотов парового двигателя 71–72, 80
—эволюционные 80
—гравитационные 57, 80
—голографические 71, 80
—с оптическими стеклами 51, 80
—с нейронными сетями 91
—с пружинными механизмами 53–54
—с телефонными коммутаторами 80
—с валентностями и векторами 72, 80
—с вибрациями 72, 80
Английский эмпиризм 52, 57, 58, 61, 79, 86, 95, 113, 342
Анимизм натуралистический 27, 40
Анимизм, отказ от А. 30
Анимистическая психология 27–28
Апперцепция 52, 54, 56, 57, 61
Атман 27, 41
Ах 57
Браун С. 283, 284
Брентано 306
Баркер 194, 325, 328
Беркли 52, 54
Белл 55
Бехтерев 59
Бинсвангер 317
Биологизация, см. мозг как сознание
Бион 148
Бихевиоризм, типы
—анализ поведения 59, 85
—расширенный 60–61
—интербихевиоральный 61, 265
—механистический 59–60, 265,
—методологический 59, 60, 85, 113, 114

—оперантный субъективизм 283, 285
—феноменологический 302, 308–309
—вероятностно-эпигенетический 333–337
—протобихевиоризм 59
—радикальный 59, 171
—замещенный 60
—транзактный 284
Боэций 45
Бюлер 57
Вайс 155
Вебер 55, 56
Вероятностно-эпигенетическая психология
—градиент поведения в ВЭП 335
—поведенческий потенциал в ВЭП 335
—контекстуализм в ВЭП 333–336
—определение ВЭП 333
—история ВЭП 333–335
—взаимозависимости в ВЭП 334
—уровни организации в ВЭП 336–337
—исследования в ВЭП 335–337
Вивес 49, 55
Винникотт 148
Вольф 52, 53, 58
Воля (Сила воли) 124, 160, 263, 260–261, 273, 276
Вторичные / первичные качества 49, 52
Вудбридж 60
Вудвортс 58, 63, 65, 341
Вундт 56, 61, 63, 86
Вычислительная теория 88–91
Газри 60
Галилей 49
Гартманн 146–147, 252
Гегель 242
Гельмгольц 55, 56, 61, 86
Гештальт-психология 61, 118, 294
Гибсон 61, 87, 101, 107, 113
Гилл 154–155, 162, 165, 228
Гипотетико-дедуктивный метод 85, 111–112, 177, 187
Гипотетические конструкты 73
Гораций 39
Григорий Нисский 40, 51
Грин 37
Гуманистическая психология
—и аутентичность 118, 119
—и образование 126–128, 135–136, 137
—и институт в Эсалене 121
—как «третья сила» 11, 134, 141, 161,
—аутентичность в ГП 118, 119
—классификация по типу причинности 340, 341–342
—в сравнении с другими школами психологии
—анализ поведения 132–133, 184–185, 206–207
—когнитивная психология 133
—диалектическая психология 251
—оперантный субъективизм 134, 301
—феноменологическая психология 133–134, 318–319
—психоанализ 116, 134, 141, 161
—контр-культура в ГП
—диалектика в ГП 120–121, 119, 122, 123, 135
—образовательная политика, критика 127
—экзистенциализм в ГП 118, 119, 120, 127–130, 133–134, 136, 137
—дуализм «душа—тело» в ГП 116–120, 123
—«Нью-Эйдж» в ГП 122
—истоки и принципы ГП 120–121
—пиковые (вершинные) переживания в ГП 119, 121
—система постулатов (Маслоу) 122
—психотерапия в ГП 128–126
—исследования в ГП 122–126
—самоактуализация в ГП 136–138
—социальные и средовые факторы, невнимание к 139
—сильные стороны ГП 134–135, 136–138
—телеология в ГП 139–140
—трансцендентный (гуманизм) 119, 123–124
—трансперсональная психология 116
Гуссерль 52, 72, 306–308, 317
Дарвин 51, 58
Деррида 211, 212
Декарт 51, 53, 54, 70, 78, 86
Деконструкция 211
Демокрит 30, 65
Джеймс 58, 196, 321
Диалектика 72, 119, 240–243, 308
Диалектическая психология
—американская 244–246
—и конфликт (борьба противоположностей) как движущая сила развития 244
—биполярность против непрерывности 253
—китайская 241–242, 243–244, 253
—классификация по типу причинности 340, 344–345
—в сравнении с
—анализом поведения 250

—когнитивной психологией 250–251
—гуманистической психологией 251
—интербихевиоральной психологией 251
—оперантным субъективизмом 251, 278
—феноменологической психологией 251, 318
—психоанализом 251–252
—история ДП 241–243
—манифест ДП 245
—методология ДП 247
—дуализм «душа—тело» в ДП 242, 243, 252
—система постулатов (Ригель) 246
—принципы 240–241
—исследования 247–248
—в России 242–243
Дицген 242
Дондерс 56, 86
Дуализм «душа—тело»
—отсутствие Д 27–30, 32, 34, 263, 269, 284–287, 343
—альтернативы Д 60
—и анализ поведения 175–176
—и Беркли 52
—и когнитивная психология 84, 103, 110–111
—и Конт 53
—и Декарт 51
—и Дьюи 58
—и Фехнер 56
—и Галилей 49
—и Георгий Нисский 40, 51
—и гуманистическая психология 138–139
—и Юм 52
—и Индия 40–42
—и Кант 54
—и Ламетри 53
—и Лейбниц 51–52
—и Локк 52
—и Мах 53
—и Ньютон 50
—и Плотин 44
—и психоанализ 62, 156
—и Сартр 71
—и Спиноза 51
—и Вивес 49
—и Вольф 52
—и Вундт 56
—как зеркальное отражение 212, 232
—как загадка 40, 51, 55
—как аналогия, *см.* Аналогии
—как двойной аспект 51
—как элиминативизм 70, 88
—как эмерджентизм 54, 70, 88
—как эпифеноменализм 70–71, 88
—как эпистемология и онтология 79
—как сознающий человек 322
—как идентичность 70, 74, 88
—как взаимодействие 51
—как сознание и действие 232
—как предустановленная гармония 51
—как психофизика 56
—как редукция к нейронной активности 70–71
—попытки разрешить Д. 51–55, 70–72
—приписываемый Платону 31
—эволюция (концепции Д.) 4, 43, 46–48
—теория тождества 70
—в христианской теологии 40
—в методологическом бихевиоризме 60
—интенциональность 72, 306
—обход проблемы Д. 60, 62
—вопрос происхождения 27, 40
—период существования 62
—замещенный событиями 72–73, 263, 269, 284–285
—замещенный впечатлениями 52
—замещенный механистическими конструкциями 59, 60, 62
—замещенный отношениями 305–306, 311
—усеченный 59
—против бихевиоризма 59
Дуализм, *см.* Дуализм «душа—тело»
Душа (витальная)
—как мозг 55
—эволюция значения термина 46–48
—в переводах (сочинений) Аристотеля
—в интерпретации Аристотеля 48–49
—первоначальные значения (термина) 29, 32, 47
Душа (разумная)
—аналогии, *см.* Аналогии
—и (механицизм) 61, 62, 332
—как действие 153
—как атман 29
—как мозг 54, 55, 57, 61, 71, 74, 263
—как познание 84, 109
—как когнитивные карты
—как сознательное-бессознательное

—как сознание 56
—как конструкт 68–69, 263
—как внутренние побуждения
—как эмердженция 54, 70, 88
—как эпифеномен 54, 70–71
—как манас 29
—как личная сфера 78
—как псюхе (психическое) 27
—как «я» 69, 284–285
—как ощущения 52 53
—как витальная душа 28
—как субъективность 78
—атомистическая 52, 57, 62
—смешиваемая с событиями 56, 63, 261
—эволюция значения (термина) 46–47
—продукт поведения 53
—замещаемая событиями 72–74, 76, 256–257, 284
—не имеющая протяженности 51
—единая 51, 52, 58, 62
—в сравнении с поведением 69, 110–111
Дьюи 58, 343
Жизненная сила
—в Индии 41
—у древних ариев 41
—у охотников и собирателей 27–28, 61
—у индоевропейцев 29
—у представителей незападных культур 28–29
—как псюхе 27
—как витальная душа 30
—определенная 28
Жизненная функция, *см.* Жизненная сила
Закон эффекта 58, 170–171
Знание, теория 52–53, 79, 211, 216, 228, 232, 343
Инстинкты 58
Интенциональность 72, 130, 306, 344
Интеракциональное поле 73, 184
Интербихевиоральная психология
—и образование 270–273
—клиническая психология в ИП 274–276
—в сравнении с
—анализом поведения 185–186, 277
—когнитивной психологией 105, 277–278
—диалектической психологией 251, 278
—эко-бихевиоральной наукой 207
—оперантным субъективизмом 278, 301
—феноменологической психологией 278, 319–320
—постмодернизмом и конструкционизмом 116, 134, 141, 161
—психоанализом 116, 134, 141, 161
—социальным конструкционизмом 278–279
—критика ИП 279
—компоненты поля в ИП 255–256
—поле в ИП 255, 256–258, 266
—формула для описания поля в ИП 258
—смыслы в ИП 278
—обсервационный анализ
—анормального поведения 276
—внимания и восприятия 276
—сознавания / несознавания 261–262, 265
—интеракций по выбору 260–261
—привычных (несознаваемых) интеракций 261
—речи
—ситуативного поведения 265
—личности 256–257
—мышления 264–265
—добровольных интеракций 260–261
—система постулатов (Кантор) 266–267
—психотерапия в ИП 273–274
—исследования 267–271
—роль биологии в ИП 263, 266, 267
—роль конструктов в ИП 256–257, 258, 261, 262, 263
—принцип специфичности в ИП 257, 260, 261, 273, 274, 280
—сильные стороны ИП 280
Интербихевиоральное поле,
см. Интеракциональное поле
Информированные суждения 22, 23
Информированный выбор 22, 62
Информированный выбор/ И. суждения 22, 347
Ипполит 40
Искусственный интеллект 98–99
Исследования «слепого зрения» 101
Исследования мозга методами визуализации 93, 100
Исследования памяти
—в когнитивной психологии 92–95, 100–101
—в диалектической психологии 247
—Эббингаузом 57
Кабанис 54, 55
Кант 54, 56, 60, 62, 63, 71, 79, 232, 242, 326
Кантор 63, 71, 73, 75, 255, 285, 296
Карр 58
Картезианский дуализм 51, 70, 284, 318
Кёлер 61, 63, 95

Келли, Дж. 117, 219, 225
Кеплер 49, 295
Киренаики 35, 39
Киники 35, 39
Классическое обусловливание 59, 168
Клейн, М. 147–148
Когнитивная наука, см. Когнитивная психология
Когнитивная психология
—альтернативы промежуточным переменным 96
—и поведенческая терапия 104
—и бихевиоризм 85–86
—и исследования мозга методами визуализации 92–93, 100
—и когнитивная наука 84, 85
—и контекстуальные/ энвайронментальные подходы 95–96, 103, 105
—и игнорирование социальных факторов и факторов развития 107–108
—характеристики, история и концепции 84–87
—классификация по типу причинности 340, 341–342
—когнитивная нейронаука в КП 99–100
—в сравнении с
—анализом поведения 105
—диалектической психологией 183–184, 250–251
—гуманистической психологией 105, 133, 251
—интербихевиоральной психологией 105, 251, 278
—оперантным субъективизмом 106, 300–301
—феноменологической психологией 106, 251, 318
—постмодернизмом 226–227
—психоанализом 107, 251–252
—вычисления и репрезентации в КП 88–92
—компьютерные аналогии в КП, критика 91–92, 108–109
—коннекционизм в КП 86–87
—факторы, способствующие появлению КП 99
—модель иерархических команд в КП, критика 109
—теории и исследования умственных образов в КП 89, 90
—процедуры логического вывода в КП, критика 112
—механицизм КП 85, 87
—методология КП 111–113
—дуализм «душа—тело» в КП 84, 103, 110–111
—система постулатов (Саймон) 102–103
—продукционные системы в КП 97
—теоретические положения 87
—психолингвистика в КП 97–98
—психофизический дуализм в КП, критика 111
—психотерапия в КП 103–105
—репрезентационизм в КП
—критика 110
—теории 88–92
—семантические сети в КП 96–97
—теория и метатеория КП, критика 112–113
—современные тенденции 101–102
—искусственные задачи в КП 95, 107
Компьютерная аналогия 60
Коннекционистские теории 91–92
Конструктивизм 225, 226, 234–235, 326
Конструкты
—и познание (познавательная деятельность) 86
—и события (явления) 64, 65, 66, 72–74, 77, 80, 233, 264, 267, 274
—и наблюдаемость 66, 255, 267, 274, 280
—как аналогия, *см.* Аналогии
—как причинность 66, 68
—как переменные 65
—поведение как функция К 65–66
—круговые 66, 68
—критерии 66–67, 346
—культурные 69, 77
—определение 63
—выводимые из событий 73, 78, 264, 267
—дескриптивные 66
—эмпирические данные 64, 273
—примеры 63–64
—объяснительные 66
—гипотетические 73
—в когнитивной психологии 87, 277, 3
—механистические 267, 268
—сознания 69
—господствующего направления психологии 215–216
—души (разумной) 68–69
—«я» 69
—выборка событий 67, 77
—признаваемые в социальном конструкционизме 258
—материализованные 68
—замещаемые (отглагольными формами) 69
Конструкции, *см.* конструкты
Конт 53
Контактная среда в ощущениях 256, 310, 328
Контекстуальный интеракционизм 34, 61, 72–74, 76, 77, 344–345
Коперник 49

Кохут 134, 144, 148–150, 155, 161
Культы, *см.* Секты
Куо 60, 73, 74, 334–335
Кюльпе 57, 282
Лакан 162
Ламетри 53–54, 63
Левин 61, 66, 198, 207, 325
Лейбниц 40, 51, 52, 53, 56, 58, 61, 71
Личная сфера 78, 284, 293, 301
Логический позитивизм 53, 59
Локк 52, 63
Мажанди 55
Макклинток 220
Манас 29, 41–42
Мао 241, 243, 252
Маркс 241, 243, 250, 252
Маслоу 117, 119, 120, 121, 122, 127, 128
Материализация 68
Материализм 53
Мах 53
Мерло-Понти 71, 72, 133, 278, 308–311, 321
Ментальные аналогии, см. Аналогии
Месмер 50
Метапсихология 150–151
Методологический бихевиоризм 59, 85, 95, 113, 114
Методология
—как часть систем 22, 346–347
—эмпирико-индуктивная 177, 347
—гипотетико-дедуктивная 85, 111–112, 177, 187, 347
—феноменологическая 307, 313–314
—метод Q-сортировки 78, 124, 282, 286–287, 295
—качественная 123, 124–126
—R-методология 282–283, 289–292
—исследований на одном испытуемом 170, 282, 283–287
Механистические концепции 53–54, 60, 61, 62, 71–72, 85, 123, 177, 183, 187
Милль, Дж. 57
Милль, Дж. С. 57, 61, 63
Модель перцепции 52, 54, 55, 60
Мозг
—как координирующий центр 335
—как сознание 54, 55, 57, 61, 70, 74
—как необходимое условие 31, 61, 75–77, 262–263
—отвергаемый в качестве органа психики 171, 175–176, 262–263
Мюллер 55, 56, 61, 63
Мюррей 117, 118, 124
Натурализм 30
Необходимые / достаточные условия 31, 73, 75–76
Неоплатонизм 44, 48
Нервная система как сознание, *см.* Мозг как сознание
Нонцентризм, *см.* Контекстуальный интеракционизм
Ноос (Нус) 30
Нус 33, 44
Ньютон 50
«Нью Эйдж» 120–121
Общественная психология
—и Баркер 325
—приложения ОП 325
—контекстуальный характер 325
—история ОП 325
—связь с эко-бихевиоральной наукой 326
—связь с энвайронментальной психологией 326
Объективность субъективности 78
Онтология 79
Оперантный субъективизм
—и личная сфера 301
—как коммуникация 292–293
—Калифорнийская Q-методика 291–292
—клиническая психология в ОС 298–300
—в сравнении с
—когнитивной психологией 105, 300–302
—диалектической психологией 251
—эко-бихевиоральной наукой 207
—гуманистической психологией 134, 301
—интербихевиоральной психологией 278, 301
—феноменологической психологией 302, 320
—постмодернизмом и конструкционизмом 227
—«собрание» в ОС 302
—определение 286–287
—история ОС 282
—P-совокупность в ОС 283–284
—философия науки 296
—система постулатов (Стефенсон) 284–286
—Q-метод в ОС 296–297
—опросники и оценочные шкалы против ОС 286, 287–296
—исследования 287–289
—«я» как личная точка зрения 285, 297–298
—субъективность в ОС 282, 286, 302
Операциональные определения 85, 111–112
Органоцентризм 31, 53, 72, 341–342

Ощущение и восприятие
—у Аристотеля 33
—у Беркли 52
—в английском эмпиризме 53
—у Декарта 51, 53
—в экологическом перцептивном реализме 328–330
—у Фехнера 56
—у Галилея 49
—у Юма 52
—в индийской традиции 42
—в интербихевиоральной психологии 259–260
—у Канта 54
—у Локка 52
—модель О и В 52, 54, 55
—у Найссера 101
—у Ньютона 50
—в патристике 39–40
—в феноменологической психологии 309–311
—у Платона 31
—у Плотина 44
—в позитивизме 53
—в психоанализе 56
—в рационализме 53
—у Титченера 57
—у Вудбриджа 60
Павлов 59
Патристика 39, 52, 341
Перлс 61, 121
Персонализм 39
Пиаже 87, 219, 244, 250
Пинель 50
Плотин 42, 44, 52, 53, 62, 71, 343
Поведенческие термины, исторические
—Беовульф 30
—в китайской традиции 28–29
—У Гомера 29–30
—Ригведа 29
Позитивизм 53, 62
(По)знание и познаваемость 78–80, 232, 308, 320, 328
Поле интеракций, *см.* Интеракциональное поле
Постмодернизм и социальный конструкционизм
—и конструкты 215–216
—и образование 226, 234–235
—и феминизм 226, 219–220
—и трактовка дуализма «душа—тело» 216, 219
—классификация по типу причинности 340, 343–344
—в сравнении с
—когнитивной психологией 226–227
—конструктивизмом 219
—интербихевиоральной психологией 227
—оперантным субъективизмом 227, 320
—феноменологической психологией 227–228, 329
—психоанализом 228
—в сравнении с постпозитивизмом 218
—критика П и СК 228–236
—деконструкционизм в СК 211
—определения 211
—история и концепции 211–214
—методология 221
—система постулатов (Герген) 220–221
—принципы 214
—психотерапия в П и СК 222–226
—непринятие принципа достаточного основания в К и ПС 215, 219
—непринятие господствующего течения в психологии 216–217
—исследования в П и СК 221–222
—роль языка в П и СК 215
—типы конструкционизма
—контекстуальный 217–218, 227, 235, 237
—строгий/радикальный 214
Постулаты 22, 264
Прагматизм 80
Принцип подкрепления
—описание 168–170
—историческое понимание 58
Принцип специфичности 257, 260, 273, 280, 296
Причинность (Казуальность); *см. также* Системы, классифицируемые по (типу) причинности 86, 263–264, 310, 344
Промежуточные переменные 61, 65
Прямой реализм
—критика когнитивного конструкционизма 326, 327
—критика прямого репрезентационизма 326, 327
—детерминизм в ПР 327, 328
—инстинкты в ПР 327, 328
—дуализм «разум—тело» в ПР 328
—перцептивные ошибки, трактовка ПР 328
—отношение к психоанализу 328
Психика (Псюхе), психическое
—как нефизическое 39
—эволюция значения (термина) 47

—в христианской теологии 39, 40
—происхождение термина 27
Психическая хронометрия 56
Психоанализ
—формулировка теории П на языке действий 151–152
—и ответственность за криминальное поведение 160
—и оговорки 152–153, 158–160
—и социальный конструкционизм 162
—антропоморфизм в П. 151
—классификация по типу причинности 340, 341–342
—в сравнении с
—анализом поведения 161, 178–179, 181, 182, 183
—когнитивной психологией 107, 250–251, 251–252
—диалектической психологией 161, 252
—гуманистической психологией 116, 134, 141, 161
—интербихевиоральной психологией 116, 134, 140–141, 160
—постмодернизмом и конструкционизмом 227–228
—критика П
—Фрейда 162–163
—Шефера 164
—механика в П 150–151
—метапсихология в П 150–151
—методология П 157–158
—дуализм «душа—тело» в П 156, 162
—объектные отношения, теория 147–150
—система постулатов (Шефер) 156–157
—психотерапия в П 149, 150, 154, 155, 160–161
—теория «я» в П 148–150
Психологические продукты 35–36
Психологические термины, *см.* Поведенческие термины
Психологический дуализм, *см.* дуализм «душа—тело»
Психология
—ограниченная теологией 50
—объявленная подразделом постмодернизма 226
—как отличная от философии дисциплина 52, 62
—первое употребление термина 52
Психология Аристотеля
—как альтернатива дуализму «душа—тело» 32–34, 55
—как нецентрическая система 62
—в сравнении с современной психологией 49
—в сравнении с взглядами Вудбриджа 60
—как защищаемая Альбертом Великим и Фомой Аквинским 48
—как выводимая из биологии 32–33
—воображение 33
—выбор между взаимодействиями и агентами 33, 42
—нус 33
—выбор между органоцентризмом и нонцентризмом 33, 34
—псюхе
—психология после Аристотеля
—ощущения
—мышление
—в сравнении с древнегреческой теологией
—в сравнении с неоплатонизмом
Психология Платона 31–32
Психология Сократа 30–31, 74
Психотерапия
—модификация поведения 181–182
—поведенческая терапия 181–183
—центрированная на клиенте 117, 128, 130–131
—когнитивная 103–105
—когнитивно-поведенческая 104
—конструкционистская 222–226
—конструктивистская 225
—диалектическая 248–250
—экзистенциальная 316–317
—экзистенциальный анализ 317
—эмпирическая 129–130
—семейная 224–225
—гештальт-терапия 118, 132
—герменевтическая 225–226, 317
—эвристическая 129
—индивидуальная 144
—логотерапия 317
—«внутренняя сила» 130
—психоаналитическая 149–150, 154–155, 160–161
—рационально-эмотивная 131–132
—стратегическая 129
—трансформационная 130
—«бессознательный план» 155
Псюхе 29, 32–34, 39, 62, 73
Пуркинье 307–308
Радикальный бихевиоризм 59
Распределенная параллельная обработка 94
Рационализм 53, 62, 79, 86, 112, 341
Реальность 23
Редукционизм / нередукционизм
—биологический 31, 34, 74–77, 262–263, 343
—социальный и (экологический) 77, 197–198

Режимы подкрепления 168–170
Репрезентационизм
—у Августина 45
—в когнитивной психологии 45, 60, 71, 85, 110, 113, 326–327
—в психоанализе 156
—в социальном конструкционизме 231–232
—теории Р 88–92
Респондентное обусловливание, *см.* Классическое обусловливание
Роджерс 120, 121, 127, 128, 130, 131, 134, 139, 141, 161
Рорти 212, 232
Салливан 146, 162
Сартр 71, 72, 133, 311–312
Самодействие, см. самокаузальность
Самокаузальность 75, 124, 139
Сверхчеловеческое 28, 38
Сверхъестественность 28, 38, 39, 41
Свободная воля, см. Воля (Сила воли)
Сезонные праздники 38
Секты 38
Семантические сети 96–97
Сердце, как психологический центр 28, 29, 61–62
Сеттинг поведения 192, 193
Сеттинги
—сеттинги поведения 192–195, 203–206
—интерповеденческие 256, 268–269
Сеченов 59
Система, определение 22
Системы постулатов
—отстаиваемые 218–219
—анализа поведения (Скиннер) 177–178
—когнитивной психологии (Саймон) 102–103
—сведенные вместе 350–355
—характеристика 24–25
—диалектической психологии (Ригель) 246
—эко-бихевиоральной науки (Баркер) 199–200
—гуманистической психологии (Маслоу) 122
—интербихевиоральной психологии (Кантор) 266–267
—оперантного субъективизма (Стефенсон) 296–297
—феноменологической психологии (Мерло-Понти) 313
—психоанализа (Шефер) 156–157
—социального конструкционизма (Герген) 220–221
Системы, классические
—бихевиоризм 59–60, 79, 85, 113, 114,
—гештальт 61
—функционализм 58–59
—структурализм 57–58
—волюнтаризм 56–57
Системы, современные
—классифицируемые по типу причинности 23, 340–341
—средоцентрические 53, 79, 342–343
—нецентрические 34, 61, 73, 344–345
—органоцентрические 31, 53, 72, 79, 341–342
—социоцентрические 79, 343–344
Скептики 35, 39
Скиннер 58, 60, 71, 74, 77, 85, 87, 170–172, 282, 318
Смит С. 59
События (явления), *см.* Конструкты и события
Сознание
—и поведение 58, 59
—и функционализм 58
—и интенциональность 72
—и Джеймс 58
—и Вундт 56–57
—как отношение 72, 306, 327
—как со-знание 293
—как согласованное единство 60
—как производное от мозга 69
—как интенциональность
—как личная сфера 293
—как субъективность 284
—эволюция значения термина 293
—поток С. 59
—в сравнении с поведением 59
Солипсизм 79, 217, 232
Социальные условия 36–38, 40–42, 46
Социальный конструктивизм, *см.* Постмодернизм
Социоцентризм 79, 343–344
Спенс 154, 162, 165, 228
Специфические нервные энергии, теория 55
Спиноза 51, 54
Спиритизм 39
Стефенсон 61, 134, 162, 275, 278, 282, 283, 293
Стоики 35, 39
Субъективность 78, 207, 275, 278, 282, 285, 293
Сьютич 117, 120
Сэмпсон 155
Теория двух аспектов 51, 55
Теория идентичности 70, 74, 88
Теория объектных отношений 147–150

Теории памяти
—у Августина 45
—когнитивная 92–95
—у Платона 31
—у Плотина 44
Теория предустановленной гармонии 51
Теория чистого листа 52
Титченер 57, 63, 113
Торндайк 58–59, 170–171
Толмен Э. 59, 60, 65, 86
Трансперсональная психология 120–121
Трансцендентальное единство апперцепции 54
Удвоение мира 51, 55, 60, 61, 66, 231–232, 318, 341
Уотсон 59, 60, 72, 77, 171
Уровень организации 31, 34, 198
Условные рефлексы по Павлову, *см.* Классическое обусловливание
Феноменологическая психология
—американская
—и экзистенциализм
—в сравнении с
—анализом поведения 187, 318
—когнитивной психологией 105, 251, 318
—диалектической психологией 251, 318
—гуманистической психологией 133–134, 318–319
—интербихевиоральной психологией 278, 319–320
—оперантным субъективизмом 320
—постмодернизмом—конструкционизмом 227–228, 320
—сознание в ФП 306–308, 320
—определение 305
—диалектика в ФП 308, 309–313
—французская 308–312
—история ФП 305–308
—смыслы в ФП 305
—методология ФП 307, 314
—система постулатов (Мерло-Понти) 113
—психотерапия в ФП 315–318, 321
—исследования в ФП 313–315
Фехнер 56, 86, 291
Филон Иудейский (Филон Александрийский) 37
Философия веданты 41, 52
Философия
—английский эмпиризм 52, 57, 62, 79
—древнегреческая 34–36, 39
—логический позитивизм 53
—неоплатонизм 44, 48–49
—позитивизм 53, 79
—постмодернизм 79
—прагматизм 80
—рационализм 53, 79, 341
—веданта 41
Фома Аквинский 48, 52, 306, 344
Французские материалисты 53
Фрейд А. 147–148
Фрейд З. 67, 143–144, 148, 150, 151, 161, 162, 162–163
Фромм 145–146
Фуко 211–212, 235
Функции реакции 72–73, 256, 309
Функции стимула 72, 255
Хайдеггер 308, 311, 317, 320, 343
Халл 59, 65, 77, 85
Хорни 145
Христианские
—заимствования 38–39
—интерпретации Аристотеля 48
—дуализм «душа—тело» в христианстве 39, 62
Шефер 147, 161
Эббингауз 57, 95, 245, 282, 294, 305
Эко-бихевиоральная наука
—приложения 200, 203, 205, 206
—в сравнении с другими поведенческими науками 199
—поведенческие эпизоды в ЭБН 195–196, 204
—поведенческие сеттинги в ЭБН 196, 206
—классификация по типу причинности 340, 342–343
—в сравнении с
—анализом поведения 184–185, 206–207
—интербихевиоральной психологией 207
—оперантным субъективизмом 207
—цепи управления в ЭБН 193–195
—применение в области образования 200–201, 203, 205
—история ЭБН 195–196
—несоизмеримость единиц (целостностей) в ЭБН 197–198
—механистический характер ЭБН 207
—методология ЭБН 199, 200–201, 208
—система постулатов (Баркер) 199–200
—принципы ЭБН 192–195
—укомплектованность сообщества, теория и исследования 200–203
—синоморфы в ЭБН 192–193
—трансдьюсеры и операторы в ЭБН 198

Экологическая психология
—как эко-бихевиоральная наука 192, 328
—как экологическое восприятие/ Э. реализм 328–330
Экологическое восприятие/ Э. реализм/ Э. психология
—мозг против человека 329
—извлечение информации 329
—принципы 328–330
Экспериментальная психология, истоки 55–58, 62
Электромиогарфические (ЭМГ) исследования 99
Элиминативизм 70, 74, 88
Эмерджентизм 54, 70, 88
Эмпирико-индуктивный метод 177
Эмпирический 79
Энвайронментальная психология
—приложения 330–332
—определения 330, 331
—история ЭП 330
—оперантное обусловливание в ЭП 331
Энвайроцентризм 53, 79, 342–343
Энгельс 242
Энджелл 58
Эпикурейцы 36, 39
Эпистемология 53, 79
Эпифеноменализм 54, 70–71, 74
Эпоха Просвещения 50, 211
Эратосфен 36
Эриксон 146, 161
Юм 52
Юнг 121, 144–145
Я-объект, определение 148–149
Q-сортировка/методология 106, 134, 140, 162
Regressus in infinitum — движение назад
(в прослеживании причин) в бесконечное 42, 70, 232
Volkerpsychology (Психология народов) 57

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Adler, Alfred (*Адлер А.* Понять природу человека. — СПб.: Академический проект, 1997.)

Adler, Alfred (*Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии: Пер. с нем. — М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995.)

Allport, Gordon F. (*Олпорт Г.* Становление: Основные положения психологии личности. — В кн.: Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. — М.: Смысл, 2002, с. 166–216.)

Allport, Gordon F. (*Олпорт Г.* Статьи разных лет. — В кн.: Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. — М.: Смысл, 2002, с. 35–104, 116–165.)

Allport, Gordon F. (*Олпорт Г.* Структура и развитие личности (отдельные главы). — В кн.: Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. — М.: Смысл, 2002, с. 217–461.)

Chomsky, Noam (*Хомский Н.* Синтаксические структуры. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 1, М., 1962.)

Duncker, Karl (*Дункер К.* Психология продуктивного (творческого) мышления. — В кн.: Психология мышления: Сб. пер. с нем. и англ.– М.: Прогресс, 1965, с. 86–234.)

Eliade, Mircea (*Элиаде М.* Космос и история: Избранные работы / Пер. с франц. и англ. — М.: Прогресс, 1987.)

Ellenberger, Henry F. (*Элленбергер Генри.* Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ. — В кн.: Экзистенциальная психология. Экзистенция / Пер. с англ. — М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001, с. 201–236).

Erikson, Erik (*Эриксон Э. Г.* Детство и общество. — Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. — СПб.: ИТД «Летний сад», 2000.)

Erikson, Erik (*Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.)

Frankl, Viktor (*Франкл В.* Человек в поисках смысла. — В кн.: Франкл В. Доктор и душа: Пер. с англ. — СПб.: Ювента, 1997, с. 153–279.)

Freud, Sigmund (*Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. — М., 1989.)

Fromm, Erich (*Фромм Э.* Бегство от свободы: Пер. с англ. — М. Прогресс, 1989.)

Fromm, Erich (*Фромм Э.* Здоровое общество. — В кн.: Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. — М.: Юрист, 1995, с. 273–596.)

Fromm, Erich (*Фромм Э.* Человек для себя: Пер. с англ. — Мн.: Коллегиум, 1992.)

Gibson, James J. (*Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1988.)

Gibson, James J. (*Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1988.)

Heidegger, Martin (*Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. В. В. Бибихина. — М.: AD MARGINEM, 1997.)

Horney, Karen (*Хорни К.* Наши внутренние конфликты. — В кн.: Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. — М.: Юрист, 1995, с. 5–190.)

Horney, Karen (*Хорни К.* Невротическая личность нашего времени; Самоанализ: Пер. с англ. — М.: Издательская группа «Прогресс-Универс», 1993, с. 7–220.)

Horney, Karen (*Хорни К.* Новые пути в психоанализе. — В кн.: Хорни К. Собрание сочинений в трех томах. Т. 2. — М.: Смысл, 1997, с. 4–279.)

Horney, Karen (*Хорни Карен.* Женская психология: Пер. с англ. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1993.)

Jung, Carl (*Юнг К. Г.* Воспоминания, сновидения, размышления: Пер. с нем. — Киев: AirLand, 1994.)

Jung, Carl (*Юнг К. Г.* Психологические типы: Пер. с нем. — СПб.: Ювента; М.: Издательская фирма «Прогресс-Универс», 1995.)

Kohut, Heinz (*Кохут Х.* Восстановление самости / Пер. с англ. — М.: Когито-Центр, 2002.)

Kuhn, Thomas S. (*Кун Т.* Структура научных революций: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1975.)

La Mettrie, Julien O. de (*Ламетри Ж. О.* Человек-машина. В кн.: Ламетри Ж. О. Сочинения. — М.: Мысль, 1976, с. 183–244.)

Lewin, Kurt (*Левин К.* Теория поля в социальных науках: Пер. с англ. — СПб.: Сенсор, 2000.)

Lucretius (*Лукреций.* О природе вещей. Пер. с лат. Ф. А. Петровского. — М.: АН СССР, 1958.)

Maslow, Abraham (*Маслоу А. Г.* Мотивация и личность. Пер. с англ. — СПб.: Евразия, 1999.)

Maslow, Abraham (*Маслоу А.* Психология бытия. Пер. с англ. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер 1997.)

May, Rollo (*Мэй Ролло.* Вклад экзистенциальной психотерапии. — В кн.: Экзистенциальная психология. Экзистенция / Пер. с англ. — М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001, с. 141–200.)

Merleau-Ponty, Maurice (*Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия: Пер. с фр. — СПб.: Ювента, Наука, 1999.)

Neisser, Ulrich (*Найссер У.* Познание и реальность: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1981.)

Newell, Allen, & Herbert Simon (*Ньюэлл А., Саймон Г. А.* Имитация мышления человека с помощью электронно-вычислительной машины. — В кн.: Психология мышления: Сб. пер. с нем. и англ. — М.: Прогресс, 1965, с. 457–474.)

Perls, Frederick S. (*Перлз Ф. С.* Эго, голод и агрессия / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000.)

Plato (*Платон.* Собрание сочинений в 4 т. — М.: Мысль, 1990.)

Plotinus (*Плотин.* Сочинения. Плотин в русских переводах. — СПб.: Алетейя, 1995)

Ricoeur, Paul (*Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. — М.: ACADEMIA-ЦЕНТР; МЕДИУМ, 1995.)

Rogers, Carl R. (*Роджерс К.* Клиентцентрированная терапия. Пер. с англ. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер 1997.)

Rogers, Carl R. (*Роджерс К. Р.* Консультирование и психотерапия: Пер. с англ. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.)

Rogers, Carl R. (*Роджерс К. Р.* Становление человека. — В кн.: Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека: Пер. с англ. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.)

Sartre, Jean-Paul (*Сартр Ж. П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр. — М.: Республика, 2000.)

Sartre, Jean-Paul (*Сартр Ж.-П.* Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. — СПб.: Наука, 2001.)

Sartre, Jean-Paul (*Сартр Ж.-П.* Очерк теории эмоций. — В кн.: Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984, с. 120–137.)

Searle, John (*Серл, Джон.* Открывая сознание заново. Пер. с англ. — М.: Идея-Пресс, 2002.)

Shannon, Claude E. (*Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике. — М.: ИЛ, 1963.)

Sullivan, Harry S. (*Салливан Г. С.* Интерперсональная теория в психиатрии: Пер. с англ. — СПб.: Ювента, М.: КСП+, 1999.)

Watson, John B. (*Уотсон Джон Б.* Психология как наука о поведении. Пер. с англ. — Одесса, 1925.)

Watson, John B. (*Уотсон Джон Б.* Психология с точки зрения бихевиориста. — В кн.: Хрестоматия по истории психологии/ Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М., Изд-во Моск. ун-та, 1980, с. 17–34)

Weizenbaum, Joseph (*Вейценбаум Дж.* Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям: Пер. с англ. — М.: Радио и связь, 1982.)

Yalom, Irvin D. (*Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. — М.: Независимая фирма «Класс», 1999.)

ЛИТЕРАТУРА

Aanstoos, Chrisopher M. 1983. A phenomenological study of thinking as it is exemplified during chess playing. In *Duquesne Studies in Phenomenological Psychology,* vol. 4. Edited by A. Giorgi, A. Barton, & C. Maes. Pittsburgh: Duquesne University.

Adams, Gary L., & Siegfried Engelmann. 1996. *Research on Direct Instruction: 25 Years Beyond Distar.* Seattle, WA: Educational Achievement Systems.

Adams, Gary L., & Siegfried Engelmann. 1996. *Research on Direct Instruction: 25 Years Beyond Distar.* Seattle, WA: Educational Achievement Systems.

Adams, Gary L., & Siegfried Engelmann. 1996. *Research on Direct Instruction: 25 Years Beyond Distar.* Seattle, WA: Educational Achievement Systems.

Adler, Alfred. 1927a. *The Practice and Theory of Individual Psychology.* New York: Harcourt, Brace.

Adler, Alfred. 1917. A study of Organic Inferiority and Its Psychical Compensation. New York: Nervous and Mental Disease Publishing.

Allport, Gordon W. 1955. *Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality.* New Haven, CT: Yale.

Allport, Gordon W. 1960s. *Personality and Social Encounter.* Boston: Beacon.

Alternatives for Psychology. Edited by Ronald S. Valle & Mark King. New York: Oxford University Press.

Andersen, Milton L. 1994. *The many and varied social constructions of intelligence. In Constructing the Social* Edited by Theodore R. Sarbin & John I. Kitsuse. London & Thousand Oaks, CA: Sage.

Anderson, Harlene, & Harold Goolishian. 1992. *The client is the expert: A not-knowing approach to therapy. In Therapy as Social Construction.* Edited by Sheila M. McNamee & Kenneth J. Gergen. London: Sage Publications, p. 23-29.

Anderson, John R. 1983. *The Architecture of Cognition.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Anderson, Tom G. 1978. *Existential counseling: An introduction to existential-phenomenological thought in psychology. In Existential-Phenomenological Alternatives for Psychology.* Edited by Ronald S. Valle & Mark King. New York: Oxford University.

Angus, S. 1975. *The Mystery-Religions: A Study in the Religious Background of Early Christianity,* 2nd ed. New York: Dover.

Atwood, George E., & Robert D. Stolorow. 1984. *Structures of Subjectivity: Explorations in Psychoanalytic Phenomenology.* Hillsdale, NJ: Analytic Press.

Azrin, Nathan H. 1979. The present state and future trends of behavior therapy. In *Trends in Behavior Therapy.* Edited by Per-Olow Sjoden, Sandra Bates, & William S. Dockens. New York: Academic-Press.

Back, Kurt W 1973. *Beyond Words: The Story of Sensitivity Training and the Encounter Movement.* Baltimore, M. D. Penguin.

Bandura, Albert. 1997. *Self Efficacy: The Exercise of Control.* San Francisco: Freeman Press.

Barber, Theodore X. 1981. *Hypnosis: A Scientific Approach.* South Orange, NJ: Power Publishers.

Barker, Roger G. 1963a. *Ecological Psychology: Concepts and Methods for Studying the Environment of Human Behavior.* Stanford, CA: Stanford University Press.

Barker, Roger G., & Herbert E Wright. 1951. *One Boy's Day: A Specimen Record of Behavior.* New York: Archon Books.

Barker, Roger G., & Herbert E. Wright. 1955. *The Midwest and its Children: The Psychological Ecology of an American Town.* New York: Harper & Row.

Barker, Roger G., & Paul V. Gump, eds. 1964. Big *School, Small School: High School Size and Student Behavior.* Stanford, CA: Stanford University Press.

Barker, Roger G., & Phil Schoggen. 1973. *Qualities of Community Life.* San Francisco: Jossey-Bass.

Barker, Roger G.; Tamara Dembo, & Kurt Lewin. 1941. Frustration and regression: A study of young children. *University of Iowa Studies in Child Welfare,* no. 18: Iowa City.

Barker, Roger G. 1969. Wanted: An eco-behavioral science. In *Naturalistic Viewpoints in Psychological Research*. Edited by Edwin P. Willems & Harold Rausch. New York: Holt, Rinehart, & Winston.

Barker, Roger G.1978. Stream of individual behavior. In *Habitats, Environments, and Human Behavior: Studies in Ecological Psychology and Eco-Behavioral Science from the Midwest Psychological Field Station, 1947-1972, Roger C. Barker and Associates*. San Francisco: Jossey-Bass.

Barker, Roger G.1987. Prospecting in environmental psychology: Oskaloosa revisited. In *Handbook of Environmental Psychology,* vol. 2. Edited by Daniel Stokols *1st* Irwin

Barnes, Harry E. 1965. *An Intellectual and Cultural History of the Western World,* 3rd rev., 3 vols. New York: Dover.

Bartlett, Frederick C. (1932). *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. New York: Macmillan.

Bassett, T. Robert. 1978. *Education for the Individual: A Humanistic Introduction*. New York: Harper & Row.

Bautier, Robert-Henri. 1971. *The Economic Development of Medieval Europe*. London: Thames and Hudson.

Bechtel, W. 1967. *Depression: Clinical, Experimental, and Theoretical Aspects*. New York: Hoeber.

Bechtel, W. 1989. *Love Is Never Enough*. New York: Harper Perennial.

Bechtel, W. 1990. Connectionism and the philosophy of mind: An overview. In *Mind and Cognition: A Reader*. Edited by William G. Lycan. Oxford: Blackwell.

Becker, Carol S. 1992. *Living and Relating: An Introduction to Phenomenology*. Newbury Park, CA: Sage.

Bellack, Alan S.; Michel Herson; & Alan E. Kazdin, eds. 1992. *International Handbook of Behavior Modification and Therapy,* 2nd ed. New York: Plenum Press.

Bentley, Arthur. 1935. *Behavior, Knowledge, Fact*. Bloom-ington, IN: Principia.

Berliner, David, & Bruce J. Biddle. 1995. *The Manufactured Crisis: Myths, Fraud, and the Attack on America's Public Schools*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Berliner, David, & Bruce J. Biddle. 1995. *The Manufactured Crisis: Myths, Fraud, and the Attack on America's Public Schools*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Bern, Sacha, & Huib Looren de Jong. 1997. *Theoretical Issues in Psychology: An Introduction*. London: Sage.

Best, Joel. 1993. But seriously folks: The limitations of the strict constructionist interpretations of social problems. In *Reconsidering Social Constructionism: Debates in Social Problems Theory.* Edited By J. A. Hoi-stein & G. Miller. Hawthorne, NY: Aldine, DeGruyter.

Bijou, Sidney W. 1976. The basic stage of early childhood. In *Child Development,* vol. 3. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Bijou, Sidney W. 1989. Psychological linguistics: Implications for a theory of initial development and a method for research. In *Advances in Child Behavior and Development,* vol. 21. Academic Press.

Bijou, Sidney W., & Donald M. Baer. 1961. A systematic and empirical theory. In *Child Development,* vol. 1. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Blackman, D. E. 1985. Contemporary behaviourism: A brief overview. In *Behaviour* Analysis *and Contemporary Psychology.* Edited by C. E Lowe, M. Richelle, D. E. Blackman, & C. M. Bradshaw. London: Erlbaum.

Blewitt, Edward. 1983. The computer analogy in psychology: Memory as interbehaviour or information processing? In Reassessment *in Psychology: The Inter-behavioral Alternative*. Edited by N. W. Smith, E. T. Mountjoy & D. H. Ruben. Lanham, MD: University Press of America.

Blewitt, Edward. 1983. The computer analogy in psychology: Memory as interbehaviour or information processing? In *Reassessment in Psychology: The Inter-behavioral Alternative*. Edited by N. W. Smith, P. T. Mountjoy, & D. H. Ruben. Lanham, MD: University Press of America.

Block, Jack, & Norma Haan. 1971. *Lives through Time*. Berkeley, CA: Bancroft.

Block, Jack. 1961. *The Q-Sort Method in Personality Assessment and Psychiatric Research*. Springfield, IL: Thomas.

Boesch, E. 1980. *Kultur und Handlung*. Bern, Switzerland: Huber.

Bolton, Neil. 1987. The programme of phenomenology. In *Cognitive Psychology in Question*. Edited by Alan Costall & Arthur Still. Brighton, Sussex, UK: Harvester.

Bourne, L. E.; B. R. Ekstrand; & R. L. Dominowski. 1971. The *Psychology of Thinking*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Brandon, S. G. E, ed. 1963. *The Saviour God*. Manchester, England: Manchester University Press.

Brandon, S. G. E. 1969. *Religions in Ancient History*. New York: Scribner's.

Brannon, John E. 1967. *The Philosophy of Merleau-Ponty*. New York: Harcourt, Brace & World.

Bremmer, Jan. 1983. *The Early Greek Concept of the Soul*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Brown, Steven R. 1995. Q methodology, postmodernism, and social constructionism. Q methodology Network [Listserver], May 29.

Brown, Richard H. 1994. Reconstructing social theory after the postmodern critique. In *After Postmodernism: Reconstructing Ideology Critique*. Edited by Herbert W. Simons & Michael Billig. London: Sage Publications.

Brown, Steven R. 1972. A fundamental incommensurability between objectivity and subjectivity. In *Science, Psychology, and Communication: Essays Honoring William Stephenson*. Edited by S. R. Brown & D. J. Brenner. New York: Teachers College Press.

Brown, Steven R. 1980. *Political Subjectivity: Applications of Q-Methodology in Political Science*. New Haven & London: Yale University Press.

Brown, Steven R. 1986. Q technique and method: Principles and procedures. In New *Tools for Social Scientists: Advances and Applications in Research Methods*. Edited by William D. Berry & Michael S. Lewis-Beck. Newbury Park, CA: Sage.

Buss, Allan R. 1979. A *Dialectical Psychology*. New York: Irvington Publishers.

Butts, R. Freeman. 1955. A *Cultural History of Western Education: Its Social and Intellectual Foundations,* 2nd ed. New York: McGraw-Hill.

Cairns, Huntington. 1961. Introduction. In *The Collected Dialogues of Plato Including the Letters*. Translated and edited by Edith Hamilton & Huntington Cairns. New York: Pantheon Books.

Campbell, Jeremy. 1989. *The Improbable Machine: What the Upheavals in Artificial Intelligence Research Reveal about How the Mind Really Works*. New York: Simon & Schuster.

Chasson, J. B. 1979. *Research Design in Clinical Psychology and Psychiatry,* 2nd ed. New York: Irvington.

Clifford, Geraldine J. 1975. *The Shape of American Education*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Coelho De Amorim, Annibal, & Fatima G. Cavalcante. 1992. Narrations of the self: Video production in a marginalized subculture. In *Therapy as Social Construction*. Edited by S. MacNamee & K. Gergen. London: Sage Publications.

Coulter, Jeff. 1989. *Mind in Action*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press.

Cromer, Alan. 1997. *Connected Knowledge: Science, Philosophy, and Education*. New York: Oxford University Press.

Cromer, Alan. 1997. *Connected Knowledge: Science, Philosophy, and Education*. New York: Oxford University Press.

Cromwell, Rue L., & C. R. Snyder. 1993. *Schizophrenia: Origins, Processes, Treatment, and Outcome*. New York: Oxford University.

Curt, Beryl C. 1994. *Textuality and Tectonics: Troubling Social and Psychological Science*. Philadelphia: Open University Press.

Daurelle, Lynne A.; James J. Fox; William E. Maclearn; & Ann P. Kaiser. 1987. An interbehavioral perspective on parent training for families of developmen-tally delayed children. *In New Ideas in Therapy: Introduction to an Interdisciplinary Approach*. Edited by Douglas H. Ruben & Dennis J. Delprato. Westport, CT: Greenwood.

de Shazer, S. 1991. Putting *Differences to Work*. New York: Norton.

Delprato, Dennis J. 1995b. Interbehavioral psychology: Critical, systematic, and integrative approach to clinical services. In *Theories of Behavior Therapy: Exploring Behavior Change*. Edited by W. O'Donohue & L. Krasner. Washington DC: American Psychological Association.

Delprato, Dennis J., & E Dudley McGlynn. 1986. Innovations in behavioral medicine. In Progress *in Behavior Modification,* vol. 20. Edited by M. Hersen, R. M. Eisler, & P. M. Miller. New York: Academic Press.

Delprato, Dennis J., & Kenneth W. Rusiniak. 1991. Response patterns in shock avoidance and illness aversion. In *Fear, Avoidance, and Phobias*. Edited by M. R. Denny. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Dennett, Daniel C. 1991. Consciousness *Explained, Elbow Room, and Brainstorms*. Boston: Little, Brown.

Derrida, Jacques. 1992. *Margins of Philosophy.* Translated by Alan Bass. Chicago: University of Chicago Press.

Derrida, Jacques. 1997. Deconstruction in a Nutshell: A Conversation with Jacques Derrida. New York: Fordham University Press.

Dewdney, A. K. 1997. *Yes, We Have No Neutrons: An Eye-Opening Tour Through the* Twists *and Turns of Bad Science*. New York: Wiley.

Dewey John, & Arthur E Bentley. 1949. *Knowing and the Known*. Boston: Beacon.

Dreyfus, Hubert L., & Stuart E. Dreyfus. 1986. *Mind over Machine: The Power of Human Intuition and Expertise in the Era of the Computer*. New York: Free Press.

Dryden, Windy, & William L. Golden, eds. 1987. *Cognitive-Behavioral Approaches to Psychotherapy*. Cambridge, MA: Hemisphere Publishing.

Dunbar, Robin. 1996. *Grooming, Gossip and the Evolution of Language*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Duncker, Karl. 1945. On problem-solving. Psychological Monographs 58 (no. 5, whole no. 270).

Durrant, M, & K. Kowalski. 1993. Enhancing views of competence. In *The New Language of Change: Constructive Collaboration in Psychotherapy.* Edited by S. Friedman. New York: Guilford Press.

Eagle, Morris N., & David L. Wolitzky. 1992. Psychoanalytic theories of psychotherapy. In Hisory *of Psychotherapy: A Century of Change*. Edited by Donald K. Freedman. Washington, DC: American Psychological Association.

Eagleton, Terry. 1983. *Literary Theory: An Introduction*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Eandsman, Ted. 1977. Psychology as the science of behavior and experience. In Humanistic Psychology: *New Frontiers*. Edited by Dorothy D. Nevill. New York: Gardner Press.

Eccles, John, & Daniel, N. Robinson. 1984. The wonder of being human: Our brain and our mind. New York: Free Press.

Eckartsberg, Rolf von. 1986. Life-World Experience: *Existential-Phenomenological Research Approaches in Psychology.* Washington, D.C.: Center for Advanced Research in Phenomenology and University Press of America.

Ecological Psychology and Eco-Behavioral Science from the Midwest Psychological Field Station, 1947-1972, Roger G. Barker and Associates. San Francisco: Jossey-Bass.

Edelson, Marshall. 1984. *Hypothesis and Evidence in Psychoanalysis*. Chicago: University of Chicago Press.

Edelson, Marshall. 1988. Psychoanalysis: *A Theory in Crisis*. Chicago: University of Chicago Press.

Efran, Jay S., & Leslie E. Clarfield. 1992. Construc-tionist therapy: Sense and nonsense. In *Therapy as Social Construction*. Edited by Sheila McNamee & Kenneth J. Gergen. London and Newbury Park: Sage Publications.

Efran, Jay S., & Robert L. Fauber. 1995. Radical constructivism: Questions and answers. In *Constructivism in Psychotherapy.* Edited by Robert A. Neimeyer & Michael J. Mahoney. Washington, DC: American Psychological Association.

Eindauer, Martin S. 1974. *Psychological Study of Literature: Limitations, Possibilities, and Accomplishments*. Chicago: Nelson-Hall.

Eliade, Mircea. 1954. *The Myth of the Eternal Return: Cosmos and History.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Ellenberger, Henri E 1958. A clinical introduction to psychiatric phenomenology and existential analysis. In *Existence: A New Dimension in Psychiatry and Psychology.* Edited by R. May, E. Angel, & H. E Ellenberger. New York: Simon & Schuster.

Ellis, R. D. 1995. *Questioning Consciousness: The Interplay of Imagery, Cognition, and Emotion in the Human Brain*. Philadelphia: John Benjamins.

Engelmann, Siegfried, & Douglas Carnine. 1982. *Theory of Instruction: Principles and Applications*. Irvington.

Engelmann, Siegfried, & Douglas Carnine. 1982. *Theory of Instruction: Principles and Applications*. New York: Irvington.

English, Horace B., & Ava C. English. 1958. *A Comprehensive Dictionary of Psychological and Psychoanalytic Terms: A Guide to Usage*. New York: Longmans, Green.

Erikson, Erik. 1963. *Childhood and Society*, 2nd ed. New York: Norton.

Erikson, Erik. 1968. *Identity: Youth and Crisis*. New York: Norton.

Estes, William K. 1989. William K. Estes. In *History of Psychology in Autobiography,* vol. 3. Edited by G. Lindzey. Stanford, CA: Stanford University Press.

Everson, Stephen. 1997. *Aristotle on Perception*. Oxford, England: Clarendon Press.

Eysenck, Flans, 6s Glen D. Wilson. 1973. *The Experimental Study of Freudian Theories*. London: Methuen.

Eysenck, Michael W, & Mark T. Keane. 1990. *Cognitive Psychology: A Student's Handbook*. Hove and London: Erlbaum Associates.

Eysenck, Michael W, & Mark T. Keane. 1990. Cognitive Psychology: *A Student's Handbook*. Hove & London: Erlbaum Associates.

Fairweather, G. W.; D. H. Sanders; D. E Cressler; H. Maynard; & D. S. Black. 1969. *Community Life for the Mentally III*. Chicago: Aldine.

Fawcett, Stephen B. 1990. Some emerging standards for community research and action: Aid from a behavioral perspective. In *Researching Community* Psychology: Issues *of Theory and Methods*. Edited by P. Tolan, C. Keys, E Chertok, & L. Jason. Washington, DC: American Psychological Assoc.

Fawl, C. L. 1978. Disturbances children experience in their natural habitat. In *Habitats, Environments, and Human Behavior*. Edited by Roger G. Barker & Associates. San Francisco: Jossey-Bass.

Febbraro, Angela. 1995. On the epistemology, metatheory and ideology of Q methodology: A critical analysis. In *Trends and Issues in Theoretical Psychology*. Edited by I. Lubek, R. van Hezewijk, G. Pheterson, & C. W. Tolman. New York: Springer.

Feigenbaum, E. A. 1970. Information processing and memory. In *Models of Human Learning*. Edited by D. A. Norman. New York: Academic Press.

Ferster, C. B., & B. E Skinner. 1957. *Schedules of Reinforcement*. New York: Appleton-Century-Crofts.

Fish, Stanley E. 1980. *Is There a Text in This Class?* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Fisher, Jeffrey D.; Paul A. Bell; & Andrew Baum. 1984. *Environmental Psychology*. Philadelphia: Holt, Rinehart & Winston.

Fishir, Constance T, & Frederick J. Wertz. 1979. Empirical phenomenological analysis of being criminally victimized. In *Duquesne Studies in Phenomenological Psychology,* vol. 3. Edited by Amedeo Giorgi, Richard Knowles, & David L. Smith. Pittsburgh: Duquesne University.

Fletcher, Garth J. 1992. The social construction of our bodies. Review *of Physical Being: A Theory for a Corporeal Psychology* by Rom Harr. Oxford, England: Basil Blackwell, 1991. *Contemporary Psychology* 37:1186.

Fortes, Meyer. 1949. *The Web of Kinship among the Tallensi: Second Part of an* Analysis *of the Social Structure of a Trans-Volta Tribe*. London: Oxford University Press, International African Institute.

Fortes, Meyer. 1965. Some reflections on ancestor worship in Africa. In *African* Systems *of Thought: Studies Presented and Discussed at the Third International African Seminar in Salisbury*. Edited by Meyer Fortes & Germain Dieterlen. London: Oxford University Press.

Fortes, Meyer. 1994a. The limits of pure critique. In *After Post-modernism: Reconstructing Ideology Critique*. Edited by Herbert W. Simons & Michael Billig. London: Sage.

Fortes, Meyer. 1994b. *Relations and Relationships: Soundings in Social Construction*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Foster, James. 1987. An appeal for objectivism in psychological metatheory. In *The Analysis of Psychological Theory: Metapsychological Perspectives*. Edited by H. Stam, T. B. Rogers, & K. J. Gergen. Washington, DC: Hemisphere Publishing.

Foucault, Michel. 1980. *Power/Knowledge*. New York: Pantheon.

Fox, Karl A. 1989. Behavior settings and social systems accounting. In *Behavior Settings: A Revision and Extension of Roger C. Barker's Ecological Psychology*. Edited by Phil Schoggen. Stanford, CA: Stanford University Press.

Frankl, Viktor. 1963. *Man's Search for Meaning: An Introduction to Logotherapy*. New York: Pocket Books.

Freeman, Arthur, & Frank M. Dattilio, eds. 1992a. *Comprehensive Casebook of Cognitive Therapy*. New York: Plenum Press.

Freeman, Arthur, & Frank M. Dattilio. 1992b. Introduction to cognitive therapy. In *Comprehensive Casebook of Cognitive Therapy*. Edited by A. Freeman & E M. Dattilio. New York: Plenum Press.

Freud, Sigmund. 1935. *A General Introduction to* Psycho-Analysis, rev. ed. Translated by Joan Riviere. New York: Simon & Schuster.

Freud, Sigmund. 1938. *The Basic Writings of Sigmund Freud*. Translated and edited by A. A. Brill. New York: Modern Library.

Friedman, Steven, & Margot T. Fanger. 1991. Expanding *Therapeutic Possibilities: Putting Grief Psychotherapy to Work*. New York: Livingston.

Fromm, Erich. 1941. *Escape from Freedom*. New York: Holt.

Fromm, Erich. 1947. *Man for Himself*. New York: Holt.

Fruggeri, Laura, & Matteini, M. 1991 La struttura della narrazione terapeutica. In *Soggetto, Emozioni, Sistema*. Edited by V. Ugazio. Milan: Vita e Pensiero.

Fruggeri, Laura. 1992. Therapeutic change as the social construction of change. In *Therapy as Social Construction*. Edited by Sheila McNamee 6s Kenneth J. Gergen. London and Newbury Park: Sage Publications.

Fuhrer, Urs.1988. Learning how to act in behavior settings: The case of newcomers. In *Looking Back to the Future*. Edited by N. L. Park, T. van der Voordt, & H. van Wegen. Delft, Netherlands: Delft University.

Fuller, Paul R. 1987. From the classroom to the field and back. In *New Ideas in Therapy: Introduction to an Interdisciplinary Approach*. Edited by Douglas H. Ruben & Dennis J. Delprato. Westport, CT: Greenwood.

Furth, Hans G. 1981. *Piaget and Knowledge: Theoretical Foundations,* 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press.

Gallivan, J. 1994. Subjectivity and the psychology of gender: Q as a feminist methodology. In *Women, Girls, and Achievement*. Edited by J. Gallivan, S. D. Crozier, 6s V M. Lalande. Toronto: Captus University Publications.

Gallivan, Joanne. 1994. Subjectivity and the psychology of gender: Q as a feminist methodology. In *Women, Girls, and Achievement*. Edited by J. Gallivan, S. D. Crozier, & V. M. Lalande. Toronto: Captus University Publications.

Garfield, Jay L. 1988. *Belief in Psychology: A Study in the Ontology of Mind*. Cambridge, MA: MIT Press.

Garfield, Jay L. 1990a. Convention, context, and meaning: Conditions on natural language understanding. In *Foundations of Cognitive Science: The Essential Readings*. Edited by Jay L. Garfield. New York: Paragon House.

Garfield, Jay L. 1990b. Introduction. In *Foundations of Cognitive Science: The Essential Readings*. Edited by Jay L. Garfield. New York: Paragon House.

Garling, Tommy. 1985. Children's environments, accidents, and accident prevention: An introduction. In *Children Within Environment: Toward a Psychology of Accident Prevention*. Edited by Tommy Garling & Jaan Valinser. New York: Plenum.

Gendlin, Eugene T. 1977. Experiential focusing and the problem of getting movement in psychotherapy. In *Humanistic Psychology: New Frontiers*. Edited by Dorothy D. Nevill. New York: Gardner Press.

Gergen, Kenneth J. 1994. *Relations and Relationships: Soundings in Social Construction*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Gergen, Kenneth J. 1994. *Realities and Relationships: Soundings in Social Construction*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Gergen, Kenneth J. 1994. *Relations and Relationships: Soundings in Social Construction*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Gergen, Kenneth J. 1994a. The limits of pure critique. In *After Postmodernism: Reconstructing* Ideology *Critique*. Edited by Herbert W Simons & Michael Billig. London: Sage.

Gergen, Kenneth J. 1994b. *Relations and Relationships: Soundings in Social Construction*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Gewirtz, Jacob L. 1967. Deprivation and satiation of social stimuli as determinants of their reinforcing efficacy. In *Minnesota Symposia on Child Psychology, vol. 1*. Edited by John P. Hill. Minneapolis: University of Minnesota.

Ghezzi, Patrick M., & Sidney W. Bijou. 1994. Social skills training for withdrawn mildly retarded children. In *Psicologia Inerconductual: Contribuciones en Honor. R. Kantor*. Edited by L. J. Hayes, E. Ribes, & E Lopez-Valedez. Guadalajara, Mexico: Universidad de Guadalajara.

Gibson, Eleanor J. 1997. An ecological psychologist's prolegomena for perceptual development: A functional approach. In *Evolving Explanations of Development: Ecological Approaches to Organism-Environment Systems*. Edited by Cathy Dent-Read & Patricia Zukov-Goldring. Washington, DC: American Psychological Association.

Gibson, Eleanor J. 1969. *Principles of Perceptual Learning and Development*. New York: Appleton-Century-Crofts.

Gibson, Eleanor J. 1982. The concept of affordances in development: The renascence of functionalism. In *The Concept of Development: The Minnesota Symposia on Child Development,* vol. 3. Edited by W. Andrew Collins. New York: Wiley.

Gibson, James J. 1979. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin.

Gibson, James. 1979. *The Ecological Approach to Visual Perception*. New York: Houghton Mifflin.

Gibson, James. 1985. Conclusions from a century of research on sense perception. In *A Century of Psychology as a Science*. Edited by Sigmund Koch & David E. Leary. New York: McGraw-Hill.

Gigerenzer, Gerd. 1987a. The probabilistic revolution in psychology—An overview. In *The Probabilistic Revolution,* vol. 2, *Ideas in the Sciences*. Edited. By L. Kriiger, G. Gigerenzer, & M. S. Morgan. Cambridge, MA: MIT Press.

Gigerenzer, Gerd. 1987b. Probabilistic thinking and the fight against subjectivity. In *The Probabilistic Revolution,* vol. 2, *Ideas in the Sciences*. Edited by L. Kriiger, G. Gigerenzer, & M. S. Morgan. Cambridge, MA: MIT Press.

Gill, Merton M.. 1976. Metapsychology is not psychology. In Psychology versus Metapsychology: Essays *in Memory of George S. Klein*. Edited by M. M. Gill *&* P. S. Holzman. New York: International Universities Press.

Giorgi, Amedeo. 1976. Phenomenology and the foundations of psychology. In *Nebraska Symposium on Motivation-1975,* vol. 23. Lincoln: University of Nebraska Press.

Glymour, Clark. 1980. *Theory and Evidence*. Princeton, NJ.: Princeton University Press.

Glymour, Clark. 1974. Freud, Kepler, and the clinical evidence. In *Sigmund Freud*. Edited by Richard Woll-heim. Garden City, NY: Anchor.

Goodwin, Brian C. 1995. *How the Leopard Changed Its Spots: The Evolution of Complexity.* London: Phoenix Giants.

Gottlieb, Gilbert. 1970. Conceptions of prenatal behavior. In *Development and Evolution of Behavior: Essays in Memory of T. C. Schneirla*. Edited by L. R. Aronson, E. Tobach, & T. C. Rosenblatt. San Francisco: Freeman.

Gottlieb, Gilbert. 1983. The psychobiological approach to development issues. In *Handbook of Child Psychology: Infancy and Developmental Psychobiology,* 4th ed. Edited by M. M. Haith & J. J. Compos. New York: Wiley.

Gottlieb, Gilbert. 1997. *Synthesizing Nature-Nurture: Prenatal Roots of Instinctive Behavior.* Mahwah, NJ: Erlbaum.

Gottlieb, Gilbert. 1997. *Synthesizing Nature-Nurture: Prenatal Roots of Instinctive Behavior.* Mahwah, NJ: Erlbaum.

Granet, Marcel. 1975/1922. *The Religion of the Chinese People*. Edited and translated by Maurice Freedman. New York: Harper & Row.

Green, Peter. 1990. *Alexander to Actium: The Historical* Evolution *of the Hellenistic Age*. Berkeley: University of California.

Greenberg. 1939. *Social Interest*. New York: Putnam.

Greenwood, Charles; Judith J. Carta; Debra Kamps; & Carmen Arreaga-Mayer. 1990. Ecobehavioral analysis of classroom instruction. In *Ecobehavioral* Analysis *and Developmental Disabilities: The* Twenty-First *Century*. Edited by Stephen R. Schroeder. New York: Springer-Verlag.

Gross, Paul R., & Norman Levitt. 1994. *Higher Superstition: The Academic Left and Its Quarrels with Science*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Grunbaum, Adolf. 1984. *The Foundations of Psychoanalysis: A Philosophical Critique*. Berkeley: University of California Press.

Guidano, Vittorio E. 1995. Constructivist psychotherapy: A theoretical framework. In *Constructivism in Psychotherapy*. Edited by Robert A. Neimeyer & Michael J. Mahoney. Washington, DC: American Psychological Association.

Haaga, David A., & Gerald C. Davison. 1991. Cognitive change methods. In *Helping People Change: A Textbook of Methods,* 4th ed. Edited by Frederick H. Kan-fer & Arnold P. Goldstein. New York: Pergamon Press.

Haley, Jay. 1963. *Strategies of Psychotherapy*. New York: Grime & Stratton.

Haller, Emil J. 1992. High school size and student indiscipline; Another aspect of the school consolidation issue. *Educational Evaluation and Policy Analysis* 14: 145–56.

Hamachek, Don E. 1987. Humanistic psychology: Theory, postulates, and implications for educational processes. In *Historical Foundations of Educational Psychology*. Edited by John A. Glover & Royce R. Ronning. New York: Plenum.

Hamachek, Don E. 1987. Humanistic psychology: Theory, postulates, and implications for educational processes. In *Historical Foundations of Educational Psychology*. Edited by John A. Glover & Royce R. Ronning. New York: Plenum.

Harr, Rom. 1986a. *The Social Construction of Emotions*. Oxford, England: Basil Blackwell.

Harr, Rom. 1986b. *Varieties of Realism: A Rationale for the Natural Sciences*. Oxford, England: Basil Blackwell.

Hartmann, Heinz. 1939. *Ego Psychology and the Problem of Adaptation*. New York: International University Press.

Hartmann, Heinz. 1960. *Psychoanalysis and Moral Values*. New York: International University Press.

Hartmann, Heinz. 1964. *Essays on Ego Psychology: Selected Problems in Psychoanalytic Theory*. New York: International University Press.

Hawkins, Andrew; Tom Sharpe; & Roger Ray. 1994. Toward instructional process measurability: An interbehavioral field systems perspective. In *Behavior Analysis in Education: Focus on Measurably Superior Instruction*. Edited by R. Gardner, D. M. Sainato, J. O. Cooper, T. E. Heron, W. L. Heward, J. W. Eshelman, & T. A. Grossi. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole.

Haydon, A. Eustace. 1967. *Biography of the Gods*. New York: Ungar.

Heart: Individualism and Commitment in American Life. Berkeley: University of California.

Heidegger, Martin. 1962. *Being and Time*. New York: Harper & Row.

Heller, Kenneth, & John Monahan. 1977. *Psychology and Community Change*. Homewood, IL: Dorsey.

Hergenhahn, B. R. 1997. *An Introduction to the History of Psychology,* 3rd ed. Belmont, CA: Wadsworth.

Hersen, Michel; Richard M. Eisler; & Peter M. Miller, eds. 1996. Progress *in Behavior Modification,* vol. 30. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole.

Hillner, Kenneth P. 1984. *History and Systems of Modern Psychology: A Conceptual Approach*. New York: Gardner Press.

Hinde, Robert A. 1966. *Animal Behaviour: A Synthesis of Ethology and Comparative Psychology*. New York: McGraw-Hill.

Hinton, Goeffrey E., & James A. Anderson. 1981. Parallel Models *of* Associative *Memory*. Hillsdale, NJ: Erlbaum Associates.

Ho, David Y. 1988. The conception of human nature in Mao Tse-Tung thought. In *Asian Contributions to Psychology*. Edited by Anand *C*. Paranjpe, David Y. E Hoe, & Robert W. Rieber. New York: Praeger.

Ho, David Y. 1988. The conception of human nature in Mao Tse-Tung thought. In *Asian Contributions to Psychology*. Edited by A. C. Paranjpe, D. Y. F. Hoe, & R. W. Richer. New York: Praeger.

Hobbs, Sandy, & Sue Kleinberg. 1978. Teaching: A behaviour influence approach. In *Understanding Classroom Life*. Edited by Ray McAleese & David Hamilton. Windsor, Berkshire, England: NFER.

Holahan, Charles J. 1982. *Environmental Psychology*. New York: Random House.

Holahan, Charles J., & Abraham Wandersman. 1987. The community psychology perspective in environmental psychology. In *Handbook of Environmental Psychology,* vol. 2. New York: Wiley.

Holland, J. H.; K. J. Holyoak; R. E. Nisbett; & P. Tha-gard. 1986. Induction: Processes *in Inference, learning, and Discovery*. Cambridge, MA: MIT Press.

Holt, Robert R. 1974. The primary process after meta-psychology. Paper presented at the Annual Meeting of the American Psychological Association. Cited by Ellman & Moskowitz, 1980.

Holt, Robert R. 1989. *Freud Reappraised: A Fresh Look at Psychoanalytic Theory*. New York: Guilford.

Holyoak, K. L., & P. Thagard. 1981. Can we have a fruitful cognitive psychology? In *Nebraska Symposium on Motivation, 1980*. Edited by J. H. Flowers. Lincoln: University of Nebraska Press.

Homey Karen. 1937. *Neurotic Personality of Our Times*. New York: Norton.

Homey Karen. 1939. *New Ways in Psychoanalysis*. New York: Norton.

Homey Karen. 1945. *Our Inner Conflicts*. New York: Norton.

Homey Karen. 1950. *Neurosis and Human Growth*. New York: Norton.

Homey Karen. 1967. *Feminine Psychology*. New York: Norton.

Homme, Lloyd E., & Attila P. Csanyi. 1967. Contingency *Contracting: A System for Motivation Management in Education*. Albuquerque, NM: Southwestern Cooperative Educational Laboratory Inc. (Behavior Systems Department, Westinghouse Learning Corporation).

Hultkrantz, Ake. 1953. *Conceptions of the Soul among North American Indians: A Study in Religious Ethnology*.

James, William. 1890. *The Principles of Psychology,* vol. 1. New York: Holt.

Jenkins, J. J.; J. Wald; & M. B. Pittenger. 1978. Apprehending pictorial events: An instance of psychological cohesion. In *Minnesota Studies in the Philosophy of Science,* vol. 9. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Johnson, George. 1996. *Fire in the Mind*. New York: Knopl.

Johnson-Laird, Philip N. 1977. *Psychological Linguistics*. Chicago: Principia Press.

Johnson-Laird, Philip N. 1993. *Human and Machine Thinking*. Hillsdale, NJ: Erlbaum Associates.

Jones, Byrd L., & Robert W Maloy. 1996. *Schools for an Information Age: Reconstructing Foundations for Learning and Teaching*. Westport, CN: Praeger.

Jones, Enrico E.; Janice D. Gumming; & Steven M. Pulos. 1993. Tracing clinical themes across phases of treatment by a Q-Set. In *Psychodynamic Treatment Research: A Handbook for Clinical Treatment*. Edited by N. E. Miller, L. Luborsky, J. B. Barber, & J. P. Docherty. New York: Basic Books.

Jung, Carl. 1926. *The Psychological Types or the Psychology of Individuation*. Translated by H. Godwin Baynes. New York: Harcourt, Brace.

Jung, Carl. 1927. *The Psychology of the Unconscious*. Translated by Beatrice M. Hinkle. New York: Dodd, Mead.

Jung, Carl. 1928. *Two Essays on Analytic Psychology.* Translated by Beatrice M. Hinkle. New York: Dodd, Mead.

Jung, Carl. 1933. *Modern Man in Search of a Soul*. Translated by W. S. Dell & Gary E Baynes. New York: Harcourt, Brace, Jovanovich.

Jung, Carl. 1963. *Memories, Dreams, Reflections*. Translated by Richard & Clara Winson and edited by Aniela Jaff. New York: Vintage Books.

Kantor, J. R. 1924. *Principles of Psychology,* vol. 1. New York: Knopf.

Kantor, J. R. 1926. *Principles of Psychology,* vol 2. New York: Knopf.

Kantor, J. R. 1929. *An Outline of Social Psychology.* Chicago: Follett.

Kantor, J. R. 1959. *Interbehavioral Psychology: A Sample of Scientific Science Construction*. Bloomington, IN: Principia.

Kantor, J. R. 1959. *Interbehavioral Psychology: An Example of Scientific System Construction*. Bloomington, IN: Principia Press.

Kantor, J. R. 1963–1969. *The Scientific Evolution of Psychology, 2* vols. Chicago: Principia.

Kantor, J. R. 1977. *Psychological Linguistics*. Chicago: Principia.

Kantor, J. R. 1982. *Cultural Psychology.* Chicago: Principia Press. 1987. What qualifies interbehavioral psychology as an approach to treatment? In New *Ideas in Therapy: Introduction to an Interdisciplinary Approach*. Edited by Douglas H. Ruben *Si* Dennis J. Delprato. Westport, CT: Greenwood.

Kantor, J. R., & N. W. Smith. 1975. *The Science of Psychology: An Interbehavioral Survey.* Chicago:

Kantor, J. R., & N. W. Smith. 1975. *The Science of Psychology: An Interbehavioral Survey.* Chicago: Principia.

Karlsson, Gunnar. 1987. *A Phenomenological Psychological Method: Theoretical Foundation and Empirical Application in the Field of Decision Making and Choice*. Stockholm: Akademitryck.

Keller, Evelyn E 1983. A *Feeling for the Organism: The Life and Work of Barbara McClintock*. San Francisco: Freeman.

Keller, Evelyn E. 1983. *A Feeling for the Organism: The Life and Work of Barbara McClintock*. San Francisco: Freeman.

Keller, Evelyn E. 1985. *Reflections on Gender and Science*. New Haven: Yale University Press.

Keller, Evelyn E. 1995. *Image and Brain: The Resolution of the Imagery Debate*. Cambridge, MA: MIT Press.

Keller, Evelyn E. 1995. *Reflections on Gender and Science*. New Haven, CT: Yale University Press.

Keller, Evelyn E. 1995. *Reflections on Gender and Science*. New Kosslyn, Stephen M. 1983. *Ghosts in the Mind's Machine: Creating and Using Images in the Brain*. New York: Norton.

Kelly, George. 1955/1991. *The Psychology of Personal Constructs*. London, New York: Routledge.

Kerlinger, Fred. 1972. Q-methodology in behavioral research. In *Science, Psychology, and Communication*. Edited by S. Brown & D. Brenner. New York: Teachers College Press.

Kernberg, Otto. 1992. *Aggression in Personality Disorders and Perversions*. New Haven, CT: Yale University Press.

Kingry-Westergaard, Cynthia, & James G. Kelly 1990. A contextualist epistemology for ecological research. In *Researching Community Psychology: Issues of Theory and Methods*. Edited by P. Tolan, C. Keys, E Chertok, & L.Jason. Washington, DC: American Psychological Association.

Kingry-Westergaard, Cynthia, & James G. Kelly. 1990. A contextualist epistemology for ecological research. In *Researching Community Psychology: Issues of Theory and Methods: Issues of Theory and Methods*. Edited by P Tolan, C. Keys, E Chertok, & L. Jason. Washington, DC: American Psychological Association.

Kirschenbaum, D. S., & R. C. Flanery. 1983. Behavior contracting. In Progress *in Behavior Modification,* vol. 15. Edited by M. Hersen, R. M. Eisler, & P. M. Miller. New York: Academic Press.

Kirschenbaum, Daniel S., & Arnold M. Ordman. 1983. Ghosts in the Mind's Machine: *Creating and Using* Images in the *Brain*. New York: Norton.

Kirschenbaum, Daniel S., & Arnold M. Ordman. 1984. Preventive interventions for children: Cognitive behavioral perspectives. In *Cognitive Behavior Therapy for Children*. Edited by Andrew W. Meyers & E. Edward Craighead. New York: Plenum Press.

Kirschenbaum, Daniel S., & Arnold M. Ordman. 1994. *Image and Brain: The Resolution of the Imagery Debate*. Cambridge, MA: MIT Press.

Kitzinger, Celia. 1987. *The Social Construction of Lesbianism*. London: Sage.

Kitzinger, Celia. 1986. Introducing and developing Q as a feminist methodology: A study of accounts of lesbianism. In *Feminist Social Psychology.* Edited by S. Wilkinson. Philadelphia: Open University Press.

Kitzinger, Celia. 1987. *The Social Construction of Lesbianism*. London: Sage.

Klein, Melanie. 1964. *Contributions to Psycho-Analysis*. New York: McGraw-Hill.

Klein, Melanie. 1935. A contribution to the psychogenesis of manic-depressive states. In *Developments in Psychoanalysis*. Edited by Joan Riviere. London: Hogarth Press.

Knopf. Kantor, J. R., & Noel W Smith. 1975. *The Science of Psychology: An Interbehavioral Survey.* Chicago: Principia.

Knowing: *The Development of Self, Voice, and Mind*. New York: Basic Books.

Koch, Sigmund. 1959. Epilogue. In *Psychology: A Study of a Science,* vol. 3. Edited by Sigmund Koch. New

Koch, Sigmund. 1959. Epilogue. In *Psychology: The Study of a Science,* vol. 3 in *Formulations of the Person and the Social Context*. Edited by Sigmund Koch. New York: McGraw-Hill.

Koerner, Kelly, & Marsha M. Linehan. 1992. Integrative therapy for borderline personality disorder: Dialectical behavior therapy. In *Handbook of Psychotherapy Integration*. Edited by John C. Norcross & Marvin R. Goldfried. New York: Basic Books.

Kohlberg, L.; J. LaCrosse; & D. Hicks. 1970. The predictability of adult mental health from childhood behaviors. In *Handbook of Child Psychopathology.* Edited by B. Wolman. New York: McGraw-Hill.

Kohlberg, Lawrence. 1969. Stage and sequence: The cognitive-developmental approach to socialization. In *Handbook of Socialization Theory and Research*. Edited by D. Goslin. New York: Rand McNally.

Kohut, Heinz. 1971. *The Analysis of the Self*. New York: International Universities Press.

Kohut, Heinz. 1977. *The Restoration of the Self*. New York: International Universities Press.

Kohut, Heinz. 1984. *How Does Analysis Cure?* Chicago: University of Chicago Press.

Korb, Margaret P.; Jeffrey Gorrell; & Vernon Van De Riet. 1989. *Gestalt Therapy: Practice and Theory,* 2nd ed. New York: Pergamon.

Kosslyn, Stephen M., & Olivier Koenig. 1992. *Wet Mind: The New Cognitive Neuroscience*. New York: Free Press.

Krantz, David L. 1969. The Baldwin-Titchener controversy. In *Schools of Psychology*. Edited by David L. Krantz. New York: Appleton-Century-Crofts.

Krantz, P. J., & T. R. Risley. 1977. Behavioral ecology in the classroom. In *Classroom Management: The Successful Use of Behavior Modification,* 2nd ed. Edited by K. D. O'Leary & G. O'Leary. New York: Pergamon.

Krapfl, Jon E. 1977. Dialectics and operant conditioning. In *Life-Span Developmental* Psychology: *Dialectical Perspectives on Experimental Research*. Edited by N. Datan & H. W. Reese. New York: Academic Press.

Krapfl, Jon E. 1977. Dialectics and operant conditioning. In *Life-Span Developmental Psychology: Dialectical Perspectives on Experimental Research*. Edited by Nancy Datan & Hayne W. Reese. New York: Academic Press.

Kruger, Dreyer. 1981. *An Introduction to Phenomenological Psychology.* Pittsburgh: Duquesne University Press.

Kruger, Dreyer. 1983. Psychotherapy research and existential-phenomenological psychology—An exploration. In *Duquesne Studies in Phenomenological Psychology,* vol. 4. Edited by A. Giorgi, A. Barton, & C. Maes. Pittsburgh: Duquesne University Press.

Kuhn, Thomas S. 1970. *The Structure of Scientific Revolutions,* 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press.

Kuo, You-yuh. 1976. Chinese dialectical thought and character. In *Contributions to Human Development*. Edited by J. E Rychlak. Basel, Switzerland: Karger.

Kuo, You-yuh. 1976. Chinese dialectical thought and character. In *Contributions to Human Development*. Edited by J. F Rychlak. Basel, Switzerland: Karger.

Kuo, Zing-yang. 1967. *The Dynamics of Behavior Development: An Epigenetic View.* New York: Random House.

Kuo, Zing-Yang. 1967. *The Dynamics of Behavior Development: An Epigenetic View.* New York: Random House.

Kuo, Zing-Yang. 1970. The need for coordinated efforts in developmental studies. In *Development and Evolution of Behavior: Essays in Memory of T. C. Schneirla*. Edited by L. A. Aronson, E. Tobach, D. S. Lehrman, & J. S. Rosenblatt. San Francisco: Freeman.

Kvale, Steiner. 1977. Dialectics and research on remembering. In *Life-Span Developmental Psychology: Dialectical Perspectives on Experimental Research*. Edited by N. Datan & H. W. Reese. New York: Academic Press.

Kwant, Remy C. 1963. *The Phenomenological Philosophy of Merleau-Ponty.* Pittsburgh: Duquesne University Press.

Kwant, Remy C. 1966. *From Phenomenology to Metaphysics: An Inquiry into. the East Period of Merleau-Ponty's Philosophical Life*. Pittsburgh: Duquesne University Press.

La Mettrie, Julien O. de. 1912/1748. *Man a Machine*. Translated by G. C. Bussey & M. W. Calkins. Chicago: Open Court.

Lachman, Roy; Janet L. Lachman; & Earl C. Butterfield. 1979. *Cognitive Psychology and Information Processing: An Introduction*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Leahey Thomas H. 1987. *A History of Psychology: Main Currents in Psychological Thought,* 2nd ed. Engle-wood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Leahey, Thomas H. 1997. *A History of Psychology: Main Currents in Psychological Thought,* 4th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall.

Leduc, Lucien. 1981. *Performance Appraisal: A Practical Guidebook,* Saranac Lake, NY: Tandel Publishers.

Leduc, Lucien. 1991. *Motivaitng Correctional Staff,* 3 vols. Laurel, MD: American Correctional Association.

Lerner, Richard M. 1989. Developmental contextualism and the life-span view of person-context interaction. In *Interaction in Human Development*. Edited by Marc H. Bornstein & Jerome Bruner. Hillsdale, NJ: Erlbaum Associates.

Lerner, Richard M. 1976. *Concepts and Theories of Human Development*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Lerner, Richard M.; Laura E. Hess; & Katherine Nintz. 1990. A developmental perspective on psy-chopathology. In *Handbook of Child and Adult Psy-chopathology: A Longitudinal Perspective*. Edited by Michel Hersen & Cynthia G. Last. New York: Perga-mon Press.

Levine, Murray, & David V. Perkins. 1997. *Principles of Community Psychology: Perspectives and Applications,* 2nd ed. New York: Oxford University Press.

Lewin, Kurt. 1951. *Field Theory in Social Science: Selected Theoretical Papers.* Edited by Dorwin Cartwright. New York: Harper.

Lewis, C. S. 1960. *Studies in Words*. Cambridge, England: Cambridge University Press.

Lienhardt, Godfrey. 1961. *Divinity and Experience*. London: Oxford University Press.

Liff, Zanvel A. 1992. Psychoanalysis and dynamic techniques. In *History of Psychotherapy: A Century of Change*. Edited by Donald K. Freedman. Washington, DC: American Psychological Association.

Linehan, Marsha M. 1993. *Cognitive-Behavioral Treatment of Borderline Personality Disorders*. New York: Guilford.

Lounsbury, J.; M. Cook; D. Leader; & E. Mears. 1985. A critical analysis of community psychology research. In *Community Research: Methods, Paradigms and Applications*. Edited by Edwin C. Susskind & Donald C. Klein. New York: Praeger.

Lowe, C. E, & P. J. Home. 1985. On the generality of behavioural principles: Human choice and the matching law. In *Behaviour* Analysis *and Contemporary Psychology*. Edited by C. E Lowe, M. Richelle, D. E. Blackman, & C. M. Bradshaw. London: Erlbaum.

Lucretius. 1951. *On the Nature of the Universe = De Rerum Natura*. Translated by R. E. Latham. Harmondsworth, England: Penguin Books.

Lundin, Robert W 1987. The interbehavioral approach to psychopathology. In New *Ideas in Therapy: Introduction to an Interdisciplinary Approach*. Edited by Douglas H. Ruben & Dennis J. Delprato. Westport, CT: Greenwood.

Lyddon, William J. 1995. Forms and facets of construc-tivist psychology. In *Constructivism in Psychotherapy*. Edited by Robert A. Neimeyer & Michael J. Mahoney. Washington, DC: American Psychological Association.

Lyotard, Jean-Francois. 1991. *Phenomenology*. Translated by Brian Beakley. Albany: State University of New York Press.

MacCorquodale, Kenneth, & Paul E. Meehl. 1951. Operational validity of intervening constructs. In *Psychological Theory*. Edited by Melvin H. Marx. New York: Macmillan.

Macmillan, Malcolm. 1991. *Freud Evaluated: The Completed Arc*. Amsterdam: North-Holland.

Mahner, Martin, & Mario A. Bunge. 1998. *Foundations of Biopsychology*. Berlin, Germany: Springer.

Mandler, George. 1985. *Cognitive* Psychology: *An Essay in Cognitive Science*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Marlowe, Bruce A., & Marilyn L. Page. 1998. *Creating and Sustaining the Constructivist Classroom*. Thousand Oaks, CA: Corvin Press.

Marx, Karl, & Friedrich Engels. 1972. *Feuerbach: Opposition of the Materialistic and Idealistic Outlook*. Moscow: Progress Publishers.

Marx, Karl. 1932. *Capital: The Communist Manifesto and Other Writings by Karl Marx*. New York: Modern Library.

Marx, Melvin. 1963. The general nature of theory construction. In *Theories in Contemporary Psychology*. Edited by Melvin Marx. New York: Macmillan.

Maslow, Abraham H. 1954. Motivation and *Personality*. New York: Harper.

Maslow, Abraham H. 1968. *Toward a Psychology of Being,* 2nd ed. New York: Van Nostrand.

Maspero, Henri. 1978. *China in Antiquity*. Translated by Frank A. Kierman. Amherst: University of Massachusetts.

Matson, Floyd W. 1973. Without/Within: *Behaviorism and Humanism*. Monterey, CA: Brooks/Cole.

Maxmen, Jerrold S., & Nicholas G. Ward. 1995. *Essential Psychopathology and Its Treatment,* 2nd ed., revised for DSM-IV New York: Norton.

May, Rollo. 1958. Contributions of existential psychotherapy. In *Existence: A New Dimension in Psychiatry and Psychology*. Edited by R. May, E. Angel, & H. E. Ellenberger. New York: Simon & Schuster.

May, Rollo. 1961. Existential Psychology. New York: Random House.

May, Rollo. 1967. *Psychology of the Human Dilemma*. Princeton, NJ: Van Nostrand.

May, Rollo. 1983. *The Discovery of Being: Writings in Existential Psychology*. New York: Norton.

Maze, J. R. 1983. *The Meaning of Behavior*. London: George Alien & Unwin.

McAndrew, Francis T. 1993. *Environmental Psychology*. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole.

McClelland, James L.; David E. Rumelhart; & the PDF Research Group, eds. 1986. *Parallel Distributed Processing,* vols. 1–2. Cambridge, MA: MIT Press.

MD: Penguin. Bandura, Albert. 1997. *Self Efficacy: The Exercise of Self-Control*. New York: Freeman Press.

Merleau-Ponty Maurice. 1962. *Phenomenology of Perception*. Translated by Colin Smith. London: Routledge & Kegan Paul.

Merleau-Ponty Maurice. 1963. *The Structure of Behavior*. Boston: Beacon Press.

Merleau-Ponty Maurice. 1964a. The primacy of perception and its philosophical consequences. Translated by James M. Edie. In *The Primacy of Perception and Other Essays on Phenomenological Psychology, the Philosophy of Art, History and Politics*. Edited by James M. Edie. Evanston, IL: Northwestern University Press.

Merleau-Ponty, Maurice. 1962. *Phenomenology of Perception*. Translated by Colin Smith. London: Routledge & Kegan Paul.

Merleau-Ponty: A prospectus of his work. Translated by Arleen B. Dallery. In *The Primacy of Perception and Other Essays on Phenomenological Psychology, the Philosophy of Art, History and Politics*. Edited by James M. Edie. Evanston, IL: Northwestern University Press.

Meyering, Theo C. 1989. *Historical Roots of Cognitive Science: The Rise of* Cognitive *Theory of Perception from Antiquity to the Nineteenth Century*. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer Academic.

Michotte, Albert 1991. *Michotte's Experimental Phenomenology of Perception*. Edited by George Thines, Alan Costall, & George Butterworth. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Michotte, Albert. 1963. *The Perception of Causality*. Translated by T. R. & E. Miles. London: Methuen.

Misiak, Henryk, & Virginia S. Sexton. 1973. *Phenomenological, Existential, and Humanistic Psychologies: A Historical Survey*. New York: Grune & Stratton.

Mixon, Don. 1987. On not-doing and on trying and failing. In *Cognitive Psychology in Question*. Edited by Alan Costall & Arthur Still. Brighton, Sussex, UK: Harvester.

Modrak, Deborah K. W. 1987. *Aristotle: The Power of Perception*. Chicago: University of Chicago Press.

Monk, David, & EmilJ. Haller. 1986. *Organizational Alternatives for Small Rural Schools: Final Report to the New York State Legislature*. Ithaca, NY: Department of Education, New York State College of Agriculture and Life Sciences at Cornell University.

Moore, B. R. 1973. The role of directed Pavlovian reactions in simple instrumental learning in the pigeon. In *Constraints on Learning: Limitations and Predispositions*. Edited by R. A. Hinde & J. Stevenson-Hinde. New York: Academic Press.

Moore, Gary T. 1987. Environment and behavior research in North America: History, Developments, and Unresolved Issues. In *Handbook of Environmental Psychology,* vol. 2. Edited by Daniel Stokols & Irwin Altman. New York: Wiley.

Morris, Edward K., & Bryan D. Midgley. 1990. Some historical and conceptual foundations of ecobehavioral analysis. In *Ecobehavioral Analysis and Developmental Disabilities: The Twenty-First Century*. Edited by Stephen R. Schroeder. New York: Springer-Verlag.

Morris, Edward K.; Lisa M. Johnson; Lynda K. Powell; & James T. Todd. 1987. Interbehavioral perspectives on legal deviance: Some considerations of context. In *New Ideas in Therapy: Introduction to an Interdisciplinary Approach*. Edited by Douglas H. Ruben & Dennis J. Delprato. New York: Greenwood.

Morris, Edward K.; Stephen T. Higgins; & Warren K. Bickel. 1983. Contributions of J. R. Kantor to contemporary behaviorism. In *Reassessment in Psychology: The Interbehavioral Alternative*. Washington, D. C.: University Press of America.

Morris, Edward, & Bryan D. Midgley, eds. 2000. *Modern Perspectives on J. R. Kantor and Interbehaviorism*. Westport, CT: Greenwood.

Moustakas, Clark. 1990. Heuristic Research: Design, Methodology, and *Applications*. Newbury Park, CA: Sage Publications.

Murdock, George P 1945. The common denominator of cultures. In *The Science of Man in the World Crisis*. Edited by Ralph Linton. New York: Columbia University Press.

Murray, Gilbert. 1955. *Five Stages of Greek Religion*. Garden City, NJ: Doubleday.

Neimeyer, Robert A. 1995. Constructivist psychotherapies: Features, foundations, and future directions. In *Constructivism in Psychotherapy*. Edited by Robert A. Neimeyer & Michael J. Mahoney. Washington, DC: American Psychological Association.

Neisser, Ulrich, ed. 1982. *Memory Observed*. San Francisco: Freeman.

Neisser, Ulrich. 1967. *Cognitive Psychology*. New York: Appleton-Century-Crofts.

Neisser, Ulrich. 1976. *Cognition and Reality*. San Francisco: Freeman.

Neisser, Ulrich. 1985. Toward an ecologically oriented cognitive science. In *New Directions in Cognitive Science*. Edited by Theodore M. Schlechter & Michael P. Toglia. Norwood, NJ: Ablex Publishing.

Neiworth, Julie. 1995. The integration of content with context: Spatiotemporal encoding and episodic memories in people and animals. In *Comparative Approaches to Cognitive Science*. Edited by Herbert Roit-blat & Jean-Arcady Meyer. Cambridge, MA: MIT Press.

Nemiroff, Greta H. 1992. *Reconstructing Education: Toward a Pedagogy of Critical* Humanism. New York: Bergin & Garvey.

Nevill, Dorothy D. 1977. *Feminism and humanism*. Humanistic Psychology: New Frontiers, ed. By Dorothy Nevill. Gardner Press.

Newman, Bobby. 1992. *The Reluctant Alliance: Behaviorism and Humanism*. Buffalo, NY: Prometheus.

O'Conner, William A., & Bernard Lubin. 1984. *Ecological Approaches to Clinical and Community Psychology*. New York: Wiley.

O'Donnell, C. 1980. Environmental design and the prevention of psychological problems. In *Psychological Problems: The Social Context*. Edited by P. Feldman & J. Orford. New York: Wiley.

O'Grady, Joan. 1989. *The Prince of Darkness: The Devil in History, Religion and the Human Psyche*. New York: Barnes & Noble.

O'Hanlon, Bill, & James Wilk. 1987. *Shifting Contexts*. New York: Guilford Press.

Oppenheim, A. Leo. 1964. *Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization*. Chicago: University of Chicago Press.

Orford, Jim. 1992. *Community Psychology: Theory and Practice*. New York: Wiley

Oyama, Susan. 1985. *The Ontogeny of Information: Developmental Systems and Evolution*. Cambridge, England: Cambridge University Press.

Oyama, Susan. 1985. *The Ontology of Information: Developmental Systems and Evolution*. Cambridge, England: Cambridge University Press.

Paivio, Allan. 1971. *Imagery and Verbal Processes*. New York: Holt, Rinehart & Winston.

Paivio, Allan. 1986. *Mental Representations: A Dual Coding Approach*. Oxford: Oxford University Press.

Parloff, Morris B.; William Stephenson; & Seymour Perlin. 1963. Myra's perception of self and others. In *The Ge.na.in Quadruplets*. Edited by David Rosenthal. New York: Basic Books, p. 493-501.

Penheld, Wilder. 1958a. *The Excitable Cortex in Conscious Man*. Springfield, IE: Thomas.

Peris, Frederick S. 1969. *Ego, Hunger, and Aggression: The Beginning of Gestalt Therapy*. Random House.

Petzold, Matthias. 1987. The social history of Chinese psychology. In *Psychology in Twentieth-Century Thought and Society*. Edited by Mitchell G. Ash & William R. Woodward. Cambridge, England: Cambridge University.

Petzoldt, Matthias. 1987. The social history of Chinese psychology. In *Psychology in Twentieth-Century Thought and Society*. Edited by Mitchell G. Ash & William R. Woodward. Cambridge: Cambridge University Press.

Phillips, Adam. 1988. *Winnicott*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Pinker, Steven, & Jacques Mehler, eds. 1988. *Connections and* Symbols. Cambridge, MA: MIT Press.

Pinker, Steven. 1997. How *the Mind Works*. New York: Norton.

Plato. *The Dialogues of Plato*. 4th ed., 4 vols. Translated by B. fowett. Oxford: Clarendon Press.

Plotinus. 1954. *First to Fifth Enneads*. Translated by Stephen MacKenna. Boston: Branford.

Polkinghorne, Donald E. 1983. *Methodology for the Human Sciences: Systems of Inquiry*. Albany, NY: State University ol New York.

Polkinghorne, Donald E. 1992. Postmodern epistemology of practice. In *Psychology and Postmodernism*. Edited by Steiner Kvale. London: Sage.

Popper, Karl R., & John C. Eccles. 1977. *The self and its brain*. Berlin, Germany: Springer-Verlag.

Porphyry. 1934. On the life of Plotinus and the arrangement of his work. In *The Essence of Plotinus, Extracts from the Six Enneads and Porphyry's Life of Plotinus*. Translated by Stephen McKenna. New York: Oxford University Press.

Port, Robert E, & Timothy van Gelder, eds. 1995. *Mind as Motion: Explorations in the Dynamics of Cognition*. Cambridge, MA: MIT Press.

Posner, Michael I., & Marcus E. Raichle. 1994. *Images in Mind*. New York: Scientific American Library.

Pronko, Henry. 1988. *From AI to Zeitgeist: A Philosophical Guide for the Skeptical Psychologist*. New York: Greenwood Press.

Pronko, N. H. 1987. Theory versus practice? In *New Ideas in Therapy: Introduction to an Interdisciplinary Approach*. Edited by Douglas H. Ruben & Dennis J. Delprato. Greenwood.

Proshansky H. M. 1990. The pursuit of understanding: An intellectual history. In *Environment and Behavior Studies: Emergence of Intellectual Traditions*. Edited by Irwin Altman & Kathleen Christensen. New York: Plenum.

Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. Philadelphia: Lippincott.

Putnam, Hilary. 1975. The meaning of «meaning». In *Language, Mind and Knowledge,* vol. 7 of *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Edited by K. Gunderson. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Putnam, Hilary. 1988. Reductionism and the nature of psychology. In *Mind Design: Philosophy, Psychology, Artificial Intelligence*. Edited by John Haugeland. Cambridge, MA: MIT Press.

Rachlin, Howard. 1980. B*ehaviorism in Everyday Life*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Rachlin, Howard. 1991. *Introduction to Modern Behaviorism*, 3rd ed. San Francisco: Freeman.

Rachman, Stanley, & Roy J. Hodgson. 1980. *Obsessions and Compulsions*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Randall, John H. 1960. *Aristotle*. New York: Columbia University Press.

Randall, John H. 1970b. *Plato: Dramatist of the Life of Reason*. New York: Columbia University Press.

Randall, John H. 1970s. *Hellenistic Ways of Deliverance and the Making of the Christian Synthesis*. New York: Columbia University Press.

Randi, James. (1982). *Flim-Flam! Psychics, ESP, Unicorns, and Other Delusions*. Buffalo, NY: Prometheus.

Rappaport, Julian. 1977. *Community Psychology: Values, Research and Action*. New York: Holt, Rinehart & Winston.

Rappaport, Julian. 1990. Research methods in the empowerment social engender. In *Researching Community Psychology: Issues of Theory and Methods*. Edited by P. Tolan, C. Keys, E Chertok, & L. Jason. Washington, DC: American Psychological Association.

Ratliff, Floyd. 1962. Some interrelations among physics, physiology, and psychology in the study of vision. In *Psychology: A Study of a Science,* vol. 4. Edited by Sig-mund Koch. New York: McGraw-Hill.

Rauschning, Hermann. 1940. *The Voice of Destruction* (cited in Cromer, 1997). New York: Putnam.

Ravitch, Diane (ed.) (1995). *Debating the Future of American Education: Do We Need National Standards and Assessments?* Washington, DC: Brookings Institute.

Reason, Peter, & John Rowan (eds.). 1981. Human *Inquiry: A Sourcebook of New Paradigm Research*. Wiley

Redhead, Michael. 1995. From *Physics to Metaphysics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Reed, Edward S. 1987. James Gibson's ecological approach to cognition. In Cognitive Psychology *in Question*. Edited by Alan Costall & Arthur Still. Brighton, Sussex, UK: Harvester.

Reese, Hayne W. 1977. Discriminative learning and transfer: Dialectical perspectives. In *Life-Span Developmental Psychology: Dialectical Perspectives on Experimental Research*. Edited by N. Datan & H. W. Reese. New York: Academic Press.

Richardson, Virginia, ed. 1997. *Constructivist Teacher Education: Building New Understandings*. Washington, DC: Palmer Press.

Richter, Paul. 1992. An introduction to deconstruction-ist psychology. In *Psychology and Postmodernism*. Edited by Steiner Kvale. London & Newbury Park, CA: Sage.

Ricoeur, Paul. 1970. *Freud and Philosophy: An Essay on Interpretation*. Translated by Denis Savage. New Haven, CT: Yale University Press.

Ricoeur, Paul. 1974. *The Conflict of Interpretation: Essays in Hermeneutics*. Edited by Don Ihde. Evanston, IL: Northwestern University Press.

Ridley, Matt. 1997. *The Origins of Virtue: Human Instincts and the Evolution of Cooperation*. New York: Viking.

Riegel, Klaus. 1972. Time and change in the development of the individual and society. In *Advances in Child Development and Behavior,* vol. 7. Edited by H. Reese. New York: Academic Press.

Riegel, Klaus. 1978. Psychology, *Man Amour: A Countertext*. New York: Houghton Mifflin.

Riegel, Klaus. 1979. *Foundations of Dialectical Psychology*. Ann Arbor: University of Michigan.

Risley, Todd, R. 1977. Ecology of applied behavior analysis. In *Ecological Perspectives in Behavior Analysis*. Edited by Ann Rogers-Warren & Steven E Warren. Baltimore, MD: University Park Press.

Robinson, Daniel N. (1986). *An Intellectual History of Psychology*. Madison: University of Wisconsin Press.

Robinson, Daniel N. *1957. The Social and Economic History of the Roman Empire,* 2nd rev. ed., 2 vols. Oxford: Clarendon Press.

Rogers, Carl R. 1961. *On Becoming a Person*. Houghton Mifflin.

Rogers, Carl R. 1942. *Counseling and Psychotherapy*. Houghton Mifflin.

Rogers, Carl R. 1951. *Client-Centered Therapy, Us Current Practice, Implications, and Theory.* Boston: Houghton Mifflin.

Rogers, Carl R., & Rosalind E Diamond. 1954. *Psychotherapy and Personality Change: Coordinated Research Studies in the Client-Centered Approach.* University of Chicago.

Rogers-Warren, Ann, & Steve E Warren. 1977. *Ecological Perspectives in Behavior Analysis.* Baltimore, MD: University Park Press.

Roitblat, Herbert L., & Jean-Arcady Meyer, eds. 1995. *Comparative Approaches to Cognitive Science.* Cambridge, MA: MIT Press.

Rorty, Richard. 1979. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Rosini, Lawrence A. 1977. Research perspectives in the psychological study of experience. In *Humanistic Psychology: New Frontiers,* ed. by Dorothy D. Nevill. Garden Press.

Ruben, Douglas, & Marilyn J. Ruben. 1987. Assumptions about teaching assertiveness: Training the person or behavior? In *New Ideas in Therapy: Introduction to an Interdisciplinary Approach*. Edited by Douglas H. Ruben & Dennis J. Delprato. Westport, CT: Greenwood.

Rumelhart, David G., & James L. McClelland. 1986. *Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition*, vol. 1. Cambridge, MA: MIT Press.

Ryan, William. 1971. *Blaming the Victim*. New York: Random House.

Rychlak, Joseph E. 1976. Psychological Science as a Humanist Views It. In *Nebraska Symposium on Motivation,* 1975, vol. 73, ed. by Arnold J. William. Lincoln, NB: University of Nebraska.

Rychlak, Joseph E. 1988. *The Psychology of Rigorous Humanism,* sec. ed. New York Universities.

Rychlak, Joseph E. 1976. The multiple meanings of «dialectic». In *Contributions to Human Development*. Edited by J. F. Rychlak. Basel, Switzerland: Karger.

Saegert, S. 1988. The androgynous city: From critique to practice. In *Women,* Housing, *and Community*. Edited by W. van Vliet. Brookfield, VT: Avebury.

Saegert, S. 1988. The androgynous city: From critique to practice. In *Women, Housing and Community.* Edited by Willem van Vliet. Brookfield, VT: Avebury.

Safran, Jeremy D., & Zindel V Segal 1990. *Interpersonal Process in Cognitive Therapy.* New York: Basic Books.

Salter, Andrew. 1952/1963. *The Case Against Psychoanalysis*. New York: Citadel Press.

Sampson, Harold. 1992a. A new psychoanalytic theory and its testing in research. In *Interface of Psychoanalysis and* Psychology. Edited by
J. W. Barron, M. N. Eagle, & D. Wolitzky. Washington, DC: American Psychological Association.

Sandier, Jack, & Steele, Holly V. 1991. Aversion methods. In *Helping People Change: A Textbook of Methods,* 4th ed. Edited by Frederick H. Kanfer & Arnold P. Goldstein. New York: Pergamon Press.

Sank, Lawrence I., & Carolyn S. Shaffer. 1984. A *Therapist's Manual for Cognitive Behavior Therapy in Groups*. New York: Plenum Press.

Sapolsky, Robert M. 1997. *The Trouble with Testosterone and Other Essays on the Human Predicament*. New

Sarbin, Theodore R., & John I. Kitsuse. 1994. A prologue to constructing the social. In *Constructing the Social*. Edited by Theodore R. Sarbin & John I. Kitsuse. London: Sage.

Sarbin, Theodore R., & John I. Kitsuse. 1994. A prologue to constructing the social. In *Constructing the Social*. Edited by Theodore R. Sarbin & John I. Kitsuse. London and Thousand Oaks, CA: Sage.

Sartre, Jean-Paul. 1943/1957. *Being and Nothingness,* trans. by Hazel E. Barnes, Methuan. (Original: *L'Etre et le Neant*. Gallimard)

Sartre, Jean-Paul. 1948. *The Psychology of Imagination*. New York: Philosophical Library.

Sartre, Jean-Paul. 1953. *The Emotions: Outline of a Theory.* New York: Philosophical Library.

Sartre, Jean-Paul. 1956. *Being and Nothingness*. London: Methuen.

Sauber, S. R.; L. L'Abate; G. R. Weeks; & W. L. Buchanan. 1993. *The Dictionary of Family Psychology and Family Therapy,* 2nd ed. Newbury Park, CA: Sage Publications.

Scafasci, Mary Ann. 1987. Community-based psychological services for developmentally retarded persons. In *New Ideas in Therapy: Introduction to an Interdisciplinary Approach*. Edited by Douglas H. Ruben & Dennis J. Delprato. Greenwood.

Schafer, Roy. 1976. *A New Language for Psychoanalysis*. New Haven, CT: Yale University Press. 1983. The *Analytic Attitude*. New York: Basic Books.

Schlechter, Theodore M., & Michael E Toglia, eds. 1985. *New Directions in Cognitive Science*. Norwood, NJ: Ablex Publishing.

Schlesinger, I. 1984. *What is a theory of language development a theory of?* Unpublished paper.

Schoggen, Phil. 1963. Environmental forces in the everyday lives of children. In *The Stream of Behavior*. Edited by Roger C. Barker. New York: Appleton-Century-Crofts.

Schoggen, Phil.1989. *Behavior Settings: A Revision and Extension of Roger C. Barker's Ecological Psychology.* Stanford, CA: Stanford University Press.

Schroeder, Stephen, ed. 1990. *Ecobehavioral Analysis and Developmental Disabilities; The Twenty-First Century.* New York: Springer-Verlag.

Seamon, David. 1987. Phenomenological and environment-behavior research. In *Advances in Environment, Behavior, and Design,* vol. 1. Edited by Elwin H. Zube & Gary T. Moore. New York: Plenum.

Searle, John R. 1992. *The Rediscovery of the Mind*. Cambridge, MA: MIT Press.

Sears, Robert R. 1943. Survey *of Objective* Studies *of Psychoanalytic Concepts*. New York: Social Science Research Council.

Segal, Hanna. 1988. *Introduction to the Work of Melanie Klein*. London: Karnac Books.

Selakovich, Daniel. 1984. *Schooling in America: Social Foundations of Education.* Longman.

Semin, Gun R., & Kenneth J. Gergen, eds. 1990. *Everyday Understanding: Social and Scientific Implications*. London: Sage Publications.

Severin, Frank T. 1973. *Discovering Man in Psychology: A Humanistic Approach.* McGraw-Hill.

Shaffer, John B. 1978. *Humanistic Psychology.* Engle-wood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Shepard, Roger N. 1992. The perceptual organization of colors: An adaptation to regularities of the terrestrial world. In *The Adapted Mind: Evolutionary* Psychology *and the Generation of Culture*. Edited by J. Barkow, L Cosmedes, & J. Tooby. New York: Oxford University Press.

Shepard, Roger N., & Lynn A. Cooper. 1982. *Mental Images and Their Transformations*. Cambridge, MA: MIT Press.

Shevrin, Howard. 1996. Psychoanalytic research: Experimental evidence in support of basic psychoanalytic assumptions. In *Textbook of Psychoanalysis*. Edited by Edward Nersessian & Richard G. Kopff. Washington, DC: American Psychiatric Press.

Shute, Clarence. 1944. *The Psychology of Aristotle*. New York: Columbia University Press.

Sidman, Murray. 1989. *Coercion and Its Fallout*. Boston: Authors Cooperative.

Silberschatz, G.; H. Sampson; & J. Weiss. 1986. Testing pathogenic beliefs versus seeking transference gratification. In *The Psychoanalytic Process: Theory, Clinical Observations* & Empirical Research. Edited by J. Weiss, H. Sampson, & The Mount Zion Psychotherapy Research Group. New York: Guilford.

Simon, Herbert A. 1990. Invariants of human behavior. In *Annual Review of Psychology.* Palo Alto, CA: Annual Reviews.

Simpson, Elizabeth L. 1977. Humanistic psychology: An attempt to define human nature. In *Humanistic Psychology: New Frontiers,* ed. by Dorothy D. Nevill. Garden Press.

Singer, Charles 1993a. Alternatives to recurring problems in psychology. In *Greek and Interbehavioral Psychology: Selected and Revised Papers,* 2nd ed. Edited by N. W. Smith. Lanham, MD: University Press of America.

Singer, Charles. 1959. *A Short History of Scientific Ideas to 1900*. London: Oxford University Press.

Singer, Charles. 1977. Aristotle. *International Encyclopedia of Psychiatry, Psychology, and Neurology,* vol. 6. New York: Van Nostrand.

Singer, Charles. 1983. Sensing is perceiving: An alternative to the doctrine of the double world. In *Greek and Interbehavioral Psychology: Selected and Revised Papers,* 2nd ed. Edited by N. W. Smith. Lanham, MD: University Press of America.

Singer, Charles. 1985. *Ice Age Art: Its Psychology and Belief System*. New York and Berne: Peter Lang.

Singer, Charles. 1993b. Introduction. In *Greek and Interbehavioral Psychology: Selected and Revised Papers,* 2nd ed. Edited by N. W Smith. Lanham, MD: University Press of America.

Singer, Charles. 1997. Consciousness: Event or construct? In *Investigations in Behavioral Epistemology.* Edited by Linda J. Hayes & Patrick M. Ghezzi. Reno, NV: Context Press.

Skinner, B. E . 1973. Answers for my critics. In *Beyond the Punitive Society: Operant Conditioning—Social and Political* Aspects. Edited by Harvey Wheeler. San Francisco: Freeman.

Skinner, B. E. 1938. *The Behavior of Organisms: An Experimental Analysis*. New York: Appleton-Century-Crofts.

Skinner, B. E. 1948. *Walden Two*. New York: Macmillan,

Skinner, B. E. 1953. *Science and Human Behavior*. New York: Macmillan.

Skinner, B. E. 1957. *Verbal Behavior*. New York: AppletonCentury-Crofts.

Skinner, B. E. 1974. *About Behaviorism*. New York: Knopf.

Smith, N. W. 1997. Consciousness: Event or construct? In *Investigations in Behavioral Epistemology.* Edited by L. J. Hayes & P. M. Ghezzi. Reno, NV: Context Press.

Smith, Noel W. 1993. Sensing is perceiving: An alternative to the doctrine of the double world. In *Greek and Interbehavioral Psychology: Selected and Revised Papers*. Edited by N. W. Smith. Lanham, MD: University Press of America.

Smith, Noel W. 1997. Consciousness: Construct or event? In *Investigations in Behavioral Epistemology.* Edited by Linda J. Hayes & Patrick M. Ghezzi. Reno, NV: Context Press.

Smith, Stevenson, & Edwin R. Guthrie. 1921. *General Psychology in Terms of Behavior*. New York: Appleton-Century-Crofts.

Smolensky, Paul. 1955. Connectionism, constituency and the language of thought. In *Connectionism*. Edited by Cynthia Macdonald & Graham Macdonald. Cambridge, MA: Blackwell.

Sommer, Robert. 1987. Dreams, reality, and the future of environmental psychology. In *Handbook of Environmental Psychology,* vol. 2. Edited by Daniel Stokols & Irwin Altman. New York: Wiley.

Sorabji, Richard. 1972. *Aristotle on Memory*. Providence, RI: Brown University Press.

Spence, Donald. 1982. *Narrative Truth and Historical Truth: Meaning and Interpretation in Psychoanalysis*. New York: Norton.

Spence, Donald. 1994. The *Rhetorical Voice of Psychoanalysis: Displacement of Evidence by Theory*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Spiro, M. E. 1976. Religion: Problems of definition and explanation. In *Anthropological Approaches to the Study of Religion*. Edited by Michael Banton. London: Tavistock.

Stainton Rogers, W, & R. Stainton Rogers. 1989. Taking the child abuse debate apart. In *Child Abuse and Neglect*. Edited by W Stainton Rogers, D. Hevey & A. Ash. London: Batsford.

Stainton Rogers, Wendy & Rex Stainton Rogers. 1989. Taking the child abuse debate apart. In *Child Abuse and Neglect*. Edited by W. Stainton Rogers, D. Hevey & E. Ash. London: Batsford.

Stebbins, S. L.; R. G. St. Pierre; E. C. Proper; R. B. An-derson; & T. R. Cerva. 1977. *Education as Experi-*

Stephenson, William. 1953. *The Study of Behavior:* Q-*Technique and Its Methodology*. Chicago: University of Chicago Press.

Stephenson, William. 1987. Q methodology: Interbehavioral and quantum theoretical connections in clinical psychology. In *New Ideas in Therapy: Introduction to an Interdisciplinary Approach*. Edited by Douglas H. Ruben & Dennis J. Delprato. Westport, CT: Greenwood Press.

Stephenson, William. 1953. *The Study of Behavior*. Q-*Technique and Its Methodology*. Chicago: University of Chicago Press.

Stephenson, William. 1980a. Consciring: A general theory for subjective communicability *Communication Yearbook 4*. Edited by Dan Nimmo. New Brunswick, NJ: Transaction.

Stephenson, William.1980b. Foreword. In *Political Subjectivity: Applications of Q Methodology in Political Science,* by Steven R. Brown. New Haven and London: Yale University Press.

Stern, Daniel. 1985. *The Interpersonal World of the Infant: A View from Psychoanalysis and Developmental Psychology*. New York: Basic Books.

Stevenson, Dallas W. & Michael J. Hemingway. 1987. Multidisciplinary approach to obesity and risk-factor management. In *New Ideas in Therapy: Introduction to an Interdisciplinary Approach*. Edited by Douglas H. Ruben & Dennis J. Delprato. Westport, CT: Greenwood.

Stokols, Daniel, & Sally Ann Shumaker. 1981. People in places: A transactional view of settings. In Cognition, *Social Behavior, and the Environment*. Edited by John H. Harvey. Hillside, NJ: Erlbaum.

Sullivan, Harry S. 1947. *Conceptions of Modern Psychiatry*. Washington, DC: White Foundation.

Sullivan, Harry S. 1953. *The Interpersonal Theory of Psychiatry,* 3rd ed. New York: Norton.

Sullivan, Harry S. 1962. *Schizophrenia as a Human Process*. New York: Norton.

Sykes, Charles J. 1995. *Dumbing Down Our Kids: Why America's Children Feel Good about Themselves but Can't Read, Write, or Add*. New York: St. Martin's Press.

Tageson, C. William. 1982. *Humanistic Psychology: A Synthesis*. Homewood, IL: Dorsey.

Tart, Charles T. (ed.) 1975. *Transpersonal* Psychology. Harper & Row.

Terwee, Sybe J. S. 1995. Deconstructing social constructionism. In *Trends and Issues in Theoretical Psychology.* Edited by lan Lubek, Rene van Hezewijk, Gail Pheterson, & Thomas W. Tolman. New York: Springer.

The Scientific Evolution of Psychology, vol. 1. Chicago: Principia Press.

Theory of Communication. Edited by C. E. Shannon & W. Weaver. Urbana: University of Illinois.

Tolan, Patrick; Fern Chertok; Christopher Keys; & Leonard Jason. 1990a. Conversing about theories, methods, and community research. In *Researching Community Psychology: Issues of Theory and Methods*. Edited by P Tolan, C. Keys, E Chertok, & L. Jason. Washington, DC: American Psychological Association.

Tolan, Patrick; Fern Chertok; Christopher Keys; & Leonard Jason. eds. 1990b. *Researching Community Psychology: Issues of Theory and Methods*. Washington, DC: American Psychological Association.

Tolman, Charles. 1987. Dialectical materialism as psychological metatheory. *The* Analysis *of Psychological Theory: Metapsychological Perspectives*. Edited by S. Hendrikus, T. B. Rogers, & K. J. Gergen. New York: Hemisphere.

Tolman, Edward C. 1936. Operational behaviorism and current trends in psychology. *Proceedings of the 25th Anniversary Celebration of the Inauguration of Graduate Studies*. Los Angeles: University of Southern California Press.

Tooby John, & Leda Cosmedes. 1992. The psychological foundations of culture. In *The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture*. Edited by Barkow, L. Cosmedes, & J. Tooby. New York: Oxford University Press.

Tulving, Endel. 1979. Memory research: What kind of progress? In *Perspectives on Memory Research*. Edited by Lars-Goren Nilsson. Hilldale, NJ: Prentice-Hall.

Turcan, Robert. 1996. *The Cults of the Roman Empire*. Oxford: Blackwell.

U. S. Consumer Product Safety Commission. 1975. *Hazard Analysis of Injuries Relating to Playground Equipment*. Washington, DC: U.S. Consumer Product Safety Commission.

U. S. Consumer Product Safety Commission. 1981. *A Handbook for Public Playground Safety,* 2 vols. Washington, DC: U.S. Government Printing Office.

U. S. National Commission on Excellence in Education. 1983. *A Nation at Risk: The Imperative for Educational Reform*. Washington, DC: The Commission-Superintendent of Documents.

Upson, J. D.; M. L. Carlson; & R. D. Ray. 1981. Setting changes and the quality of human life. In *Applied Systems and Cybernetics*. Edited by G. E. Lasker. New York: Pergamon.

Valenstein, E. S. 1973. *Brain Control: A Critical Examination of Brain Stimulation and Psychosurgery*. New York: Wiley.

Valle, Ronald S., & Mark King. 1978. An introduction to existential-phenomenological thought in psychology. In *Existential-Phenomenological Alternatives for Psychology.* Edited by Ronald S. Valle & Mark King. New York: Oxford University Press.

Valsiner, J., & C. Mackie. 1985. Toddlers at home: Canalization of climbing skills through culturally organized physical environments. In *Children Within Environment: Toward a Psychology of Accident Prevention*. Edited by T. Garling &J. Valinser. New York: Plenum.

Vendler, Zeno. 1984. *The Matter of Minds*. Oxford: Clarendon.

Wahler, Robert G., & Delia M. Hann. 1987. An interbehavioral approach to clinical child psychology: Toward an understanding of troubled families. In *New Ideas in Therapy: Introduction to an Interdisciplinary Approach*. Edited by Douglas H. Ruben & Dennis J. Delprato. Westport, CT: Greenwood.

Wahler, Robert G., & E. E. Stambaugh. 1976. *Ecological* Assessment *of Child Problem Behavior: A Clinical Package for Home, School, and Institutional Settings*. New York: New York: Pergamon.

Walbank, F. W. 1993. *The Hellenistic World,* rev. ed. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wallace, William A. 1996. *The Modeling of Nature: Philosophy of Science and Philosophy of Nature in Synthesis*. Washington, DC: Catholic University of America Press.

Wandersman, A.; P. Poppen; & D. Ricks (eds.) 1976. *Humanism and Behaviorism: Dialogue and Growth*. New York: Pergamon.

Wann, T. W, ed. 1964. *Behaviorism and Phenomenology: Contrasting Bases for Modern Psychology.* Chicago: University of Chicago Press.

Wann, T. W. (ed.) 1964. *Behaviorism and Phenomenology: Contrasting Bases for Modern Psychology.* University of Chicago.

Watson, John B. 1919. *Psychology from the Standpoint of a Behaviorist*. Philadelphia: Lippincott.

Weiskrantz, L. 1986. *Blindsight: A Case Study and Its Implications*. Oxford: Oxford University Press.

Weiss, Joseph. 1986. Part I: Theory and clinical observation. In *The Psychoanalytic Process: Theory, Clinical Observation and Empirical Research*. Edited by Joseph Weiss, Harold Sampson, & the Mount Zion Psychotherapy Research Group. New York: Guilford.

Weizenbaum, Joseph. 1976. *Computer Power and Human Reasons*. San Francisco: Freeman.

Wekerle, Gerda R. 1988. From refuge to service center: Neighborhoods that support women. In *Women, Housing and Community.* Edited by Willem van Vliet. Brookfield, VT: Avebury.

Wexler, Philip. 1987. After social psychology. In *The* Analysis *of Psychological Theory: Metapsychological Perspectives*. Edited by H. J. Stam, T. B. Rogers, & K. J. Gergen. Washington, DC: Hemisphere Publishing.

Wheeler, Harvey, ed. 1973. *Beyond the Punitive Society: Operant Conditioning: Social and Political Aspects*. San Francisco: Freeman.

Wheeler, Harvey. 1977. Behavioral technology and behavioral ecology. In *Ecological Perspectives in Behavior Analysis*. Edited by Ann Rogers-Warren & Steven E. Warren. Baltimore, MD: University Park Press.

White, Michael, & David Epstein. 1990. *Narrative Means to Therapeutic Ends*. New York: Norton.

Wicker, Allan W, & Sandra Kirmeyer. 1976. From church to laboratory to national park: A program of research on excess and insufficient populations in behavior settings. In *Experiencing the Environment*. Edited by Seymour Wapner, Saul B. Cohen, & Bernard Kaplan. New York: Plenum.

Wicker, Allan W. 1979b. *An Introduction to Ecological Psychology*. Monterey, CA: Brooks/Cole.

Willems, Edwin P. 1964. *Forces toward participating in behavior settings. In Big School, Small School: High School Size and Student Behavior*. Edited by Roger B. Barker & Paul V Gump. Stanford, CA: Stanford University Press.

Williamson, P N., & C. A. Lyons. 1988. *Interactional components of psychotic language*. Paper presented at the Association for Behavior Analysis. Philadelphia, PA.

Williamson, P. N.; C. A. Lyons; B. B. Abney; A. Gonzales; & M. Galligos. 1986. *Analysis of linguistic interactions of psychotic adults*. Paper presented at the Association for Behavior Analysis. Milwaukee, WI.

Winett, Richard A. 1987. Empiricist-positivist theories of environment and behavior: New directions for multi-level frameworks. In *Advances in Environment, Behavior, and Design,* vol. 1. Edited by Ervin H. Zube & Gary T. Moore. New York: Plenum.

Winnicott, Donald W. 1951. Transitional objects and transitional phenomena. In *Through Paediatrics to Psychoanalysis*. New York: Basic Books.

Wolpert, Lewis. 1993. The *Unnatural Nature of Science*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Yalom, Irvin D. 1980. *Existential Psychotherapy*. New York: Basic Books.

York: McGraw-Hill. Macintyre, Alasdair. 1985. How psychology makes itself true — or false. In *A Century of Psychology as Science*. Edited by Sigmund Koch & David E. Leary. New York: McGraw-Hill.

York: Scribner. Sarton, George. 1959. *A History of Science: Hellenistic Science and Culture in the Last Three Centuries B. C*. New York: Wiley.

Zabkar, L. V. 1968. *A Study of the Ba Concept in Ancient Egyptian Texts,* vol. 34 in Studies in Ancient *Oriental Civilization*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago.

Zaner, Richard M. 1985. The logos of psyche: Phenomenological variations on a theme. In *A Century of* Psychology as *Science*. Edited by Sigmund Koch & David E. Leary. New York: McGraw-Hill.

Zizek, E. 1913. *Statistical Averages: A Methodological Study*. Translated by W. M. Persons. New York: Holt.